

Ф. Глинокія

Очерки
Русскаго
прогресса

1900

ОЧЕРКИ РУССКАГО ПРОГРЕССА

Статьи историческія, по общественнымъ вопро-
самъ и критико-біографическія.

Б. Б. Глинскаго.

Съ 36 портретами и иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Товарищество Художественной Печати.“ Английскій пр., 28.

1900.

Отъ автора.

Статьи настоящаго Сборника были напечатаны на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ въ разное время, въ періодъ съ 1888 по 1898 годы. Большинство ихъ тѣсно связано съ общественными теченіями отечественной жизни просвѣтительнаго характера, почему онѣ и объединены общимъ заглавіемъ—„Очерковъ русскаго прогресса“. Конечно, авторъ никоимъ образомъ не претендуетъ, чтобы его скромныя работы обнимали собою даже въ существенныхъ чертахъ исторію отечественнаго прогресса въ текущемъ столѣтіи, но онъ позволяетъ себѣ думать, что и тѣ странички родной жизни, которыя ему приходилось въ свое время освѣщать и, по мѣрѣ возможности, истолковывать, заслуживаютъ вниманія читателей, какъ напоминающія о тѣхъ достойныхъ дѣятеляхъ русской исторіи, вся жизнь которыхъ была положена въ трудѣ, во имя блага и просвѣщенія родной земли.

Желая крѣпче утвердить въ общественномъ сознаніи память о такихъ дѣятеляхъ, авторъ снабдилъ большую часть очерковъ портретами тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ. Нѣкоторыя изображенія появляются въ настоящей книгѣ впервые и воспроизведены съ очень рѣдкихъ фотографій и портретовъ, полученіе которыхъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Къ сожалѣнію, воспроизвести удалось далеко не всѣхъ, кого хотѣлось-бы: одни по излишней скромности, другіе по недостаточной отзывчивости уклонились отъ доставленія своихъ фотографій. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя группы нашихъ общественныхъ дѣятелей представлены въ достаточной полнотѣ, какъ на примѣръ, изображенія ректоровъ С.-Петербургскаго университета, за исклю-

ченіемъ ректоровъ Е. Зябловскаго и А. Дегурова, на слѣдъ портретовъ которыхъ совсѣмъ не удалось напасть. Воспроизведены также и нѣкоторыя представительницы такъ-называемаго „женскаго вопроса“, которыя, насколько намъ извѣстно, представлены здѣсь впервые.

Всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе въ подборѣ нужныхъ для изданія портретовъ, авторъ считаетъ долгомъ принести сердечную признательность и въ особенности В. И. Бородаевской-Ясевичъ, А. Н. Шабановой, В. П. Ламбину и С. Н. Шубинскому.

Содержаніе.

	СТР.
I. Отъ автора	1
II. Статьи историческія:	
1. С.-Петербургскій университетъ. (12 портретовъ ректоровъ университета)	1
2. Республиканецъ при русскомъ дворѣ. (7 иллюстрацій и портретовъ).	34
3. Наставникъ царскихъ дѣтей. (2 портрета).	75
4. Великодушное покореніе.	110
III. Статьи по общественнымъ вопросамъ:	
5. Фабрично-заводская Россія. (2 портрета)	125
6. Земледѣльческая Россія. (1 портретъ)	158
7. Народная грамотность.	192
8. Русскій читатель и его книга	206
9. Просвѣтители народа.	225
10. Женщины врачи. (5 портретовъ)	247
11. Расширеніе образовательныхъ правъ женщинъ. (1 портретъ).	282
12. Права и обязанности женщинъ. (3 портрета).	313
IV. Статьи критическія:	
13. Молодежь и ея руководители.	361
14. Волѣзнь или реклама?	388
15. Регрессивное теченіе.	424
16. Литературная молодежь	448
V. Биографіи и некрологи:	
17. В. Я. Стоюнинъ † 1888 г. (портретъ).	485
18. О. О. Миллеръ † 1889 г. (портретъ)	514
19. А. Д. Градовскій † 1889 г. (портретъ)	538
20. О. И. Буслаевъ † 1897 г. (портретъ).	551
VI. Юбилейная справка:	
21. М. М. Стасюлевичъ. (портретъ).	565

ПОРТРЕТЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ.

	стр.																						
Графъ С. С. Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія)	3																						
<div style="display: flex; align-items: center;"> <div style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg); font-size: small; margin-right: 10px;"> (ректоры С.-Петербургскаго университета съ 1819 по 1894 гг.) </div> <div style="font-size: 3em; margin-right: 10px;">{</div> <div style="flex-grow: 1;"> <table style="border: none; width: 100%;"> <tr><td>М. М. Балугьянскій</td><td style="text-align: right;">7</td></tr> <tr><td>И. П. Шульгинъ</td><td style="text-align: right;">10</td></tr> <tr><td>П. А. Плетневъ</td><td style="text-align: right;">11</td></tr> <tr><td>Э. Х. Ленцъ</td><td style="text-align: right;">19</td></tr> <tr><td>А. А. Воскресенскій</td><td style="text-align: right;">20</td></tr> <tr><td>К. Ф. Кесслеръ</td><td style="text-align: right;">21</td></tr> <tr><td>П. Г. Рѣдкинъ</td><td style="text-align: right;">23</td></tr> <tr><td>А. Н. Бекетовъ</td><td style="text-align: right;">27</td></tr> <tr><td>И. Е. Андреевскій</td><td style="text-align: right;">28</td></tr> <tr><td>М. И. Владиславлевъ</td><td style="text-align: right;">30</td></tr> <tr><td>П. В. Никитинъ</td><td style="text-align: right;">31</td></tr> </table> </div> </div>	М. М. Балугьянскій	7	И. П. Шульгинъ	10	П. А. Плетневъ	11	Э. Х. Ленцъ	19	А. А. Воскресенскій	20	К. Ф. Кесслеръ	21	П. Г. Рѣдкинъ	23	А. Н. Бекетовъ	27	И. Е. Андреевскій	28	М. И. Владиславлевъ	30	П. В. Никитинъ	31	
	М. М. Балугьянскій	7																					
	И. П. Шульгинъ	10																					
	П. А. Плетневъ	11																					
	Э. Х. Ленцъ	19																					
	А. А. Воскресенскій	20																					
	К. Ф. Кесслеръ	21																					
	П. Г. Рѣдкинъ	23																					
	А. Н. Бекетовъ	27																					
	И. Е. Андреевскій	28																					
М. И. Владиславлевъ	30																						
П. В. Никитинъ	31																						
Ф. Ц. Лагарпъ (воспитатель Вел. Князя Александра Павловича)	39																						
Императрица Екатерина II и ея семейство	41																						
Императрица Екатерина II	45																						
Кабинетъ Лагарпа	49																						
Великій Князь Александръ Павловичъ	52																						
Великій Князь Константинъ Павловичъ	54																						
Помѣстье Лагарпа „Плесси-Пике“	58																						
Я. К. Гротъ въ юности (педагогъ)	82																						
Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ	101																						
Д. И. Менделѣевъ (профессоръ)	128																						
С. Ю. Витте (министръ финансовъ)	131																						
А. С. Ермоловъ (министръ земледѣлія)	167																						
Графъ Д. А. Милютинъ (военный министръ)	253																						
В. А. Кошеварова-Руднева (женщина-врачъ)	259																						
В. М. Тарновскій (профессоръ)	263																						
Н. И. Козловъ (главный военно-медицинскій инспекторъ)	271																						
П. Н. Тарновская (женщина-врачъ)	276																						
Н. А. Стебуть (профессоръ)	294																						
А. П. Философова {	337																						
(дѣятельницы по женскому образованію).																							
Н. В. Стасова {	345																						
А. Н. Шабанова (женщина-врачъ)	352																						
В. Я. Стоюнинъ (педагогъ)	504																						
О. Ф. Миллеръ (профессоръ)	523																						
А. Д. Градовскій (профессоръ)	543																						
Ф. И. Буслаевъ (профессоръ)	556																						
М. М. Стасюлевичъ (редакторъ-издатель „Вѣстника Европы“)	571																						

С.-Петербургскій университетъ.

(По поводу его 75-лѣтняго юбилея).

I.

НАЧАЛО царствованія Александра I было чрезвычайно благоприятно для исторіи русскаго просвѣщенія. Вскорѣ, по своемъ вступленіи на престолъ, государь положилъ твердое основаніе многимъ либеральнымъ начинаніямъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ утвержденіе штатовъ для Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ. Предполагалось открытіе и Петербургскаго университета, но состояніе государственной казны не позволило сдѣлать значительнаго расхода, и проектъ открытія на широкую ногу столичнаго высшаго учебнаго заведенія пришлось отложить до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Къ тому же правительство было озабочено пріисканіемъ преподавательскаго состава преимущественно изъ среды своихъ соотечественниковъ, что было чрезвычайно трудно выполнить сразу для нѣсколькихъ университетовъ. Поэтому на первыхъ порахъ была основана учительская семинарія, преобразованная сначала въ учительскую гимназію, а потомъ въ педагогическій институтъ.

Въ 1816 году этотъ институтъ получилъ наименованіе „Главнаго Педагогическаго института“ и былъ сформированъ съ тремя факультетами, на подобіе существовавшихъ университетовъ, съ правами послѣднихъ по уставу 1804 года. Въ качествѣ типической особенности этого ученаго учрежденія слѣдуетъ отмѣтить, что въ немъ, между прочимъ, отъ мая до ноября, читались публичные курсы для чиновниковъ.

Въ 1810 году на отвѣтственный постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа былъ призванъ молодой, просвѣщенный и энергичный государственный дѣятель, графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Авторъ многихъ ученыхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, человѣкъ европейскаго образованія, онъ вскорѣ (въ 1818 году) былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ и

широкимъ вліяніемъ, графъ Уваровъ началъ настаивать на необходимости скорѣйшаго учрежденія въ Петербургѣ университета.хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и по докладу министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, высочайше повелѣно, 8-го февраля 1819 года, именовать Главный Педагогическій институтъ С.-Петербургскимъ университетомъ, поручить вѣдѣнію его Петербургскій учебный округъ и допустить къ лекціямъ университета своекоштныхъ студентовъ.

Уставъ 1804 года предоставлялъ университетамъ широкую автономію; все было основано на выборномъ началѣ; совѣтъ являлся высшею инстанціей по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ и имѣлъ право апелляціи въ сенатъ по дѣламъ тяжбымъ.

Уваровъ торопился съ открытіемъ Петербургскаго университета, на что у него были основанія и о чемъ будетъ рѣчь ниже; поэтому-то въ жизни новаго учрежденія сразу обнаружались нѣкоторые дефекты. Главнѣйшій изъ нихъ былъ сравнительно слабый, и въ количественномъ и качественномъ отношеніи, преподавательскій составъ; кромѣ того, и комплектъ слушателей былъ очень незначителенъ. Въ университетъ поступило лишь 20 своекоштныхъ студентовъ, остальные же, въ количествѣ 70 человекъ, были воспитанники Главнаго Педагогическаго института.

Не смотря на то, что однѣ кафедры пустовали, а другія были замѣщены людьми съ недостаточной научной подготовкой, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ выдающихся профессорахъ того времени, составлявшихъ въ первые года жизни университета его гордость. Къ числу таковыхъ на философско-юридическомъ факультетѣ принадлежали: Галичъ, Кунцинъ, Балугьянскій—онъ же ректоръ; на факультетѣ историческихъ и словесныхъ наукъ—Раупахъ, Грефе, Германъ и Арсеньевъ, а на физико-математическомъ—Вишневскій, Пансиеръ. Богословіе читалъ знаменитый гебраистъ Павскій.

Первые два года жизни нашей *almae matris* прошли сравнительно благополучно, но на третій надъ нею разразилась громовая туча, потрясшая университетъ до основанія и нанесшая ему тяжелыя раны, отъ которыхъ не скоро удалось оправиться. Графъ Уваровъ не даромъ торопился съ открытіемъ университета: онъ ясно видѣлъ, что во внутренней политикѣ государства наступилъ крутой переломъ. Симптомы реакціи были замѣтны уже давно, а къ концу десятилѣтія мракъ наступилъ со всею силою. Настроеніе духа государя было подавленное, онъ не интересовался уже реформами и отдалить отъ себя первоначальныхъ друзей и сподвижниковъ. вмѣсто Лагарпа, Каподистрии, Чарторижскаго, Кочубея, мы видимъ его приближенными мрачныхъ мистиковъ—князя Голицына, архимандрита Фотія, митрополита Серафима и бездушнаго солдата Аракчеева. Все близкое съ либерализмомъ изгнано, и лозунгомъ событій является мистицизмъ и формализмъ.

Первыя репрессаліи испытала на себѣ литература, затѣмъ разыгралась знаменитая Казанская исторія, гдѣ энергіей темной памяти попе-

Графъ С. С. Уваровъ.

чителя М. Магницкаго университетъ былъ совершенно разгромленъ и превращенъ чуть ли не въ „средневѣковый католическій монастырь“ *). Знаменитыя казанскія событія и преобразование тамошняго университета совершились лѣтомъ 1819 года, т. е. какъ разъ въ тотъ годъ, когда радостно и торжественно графъ Уваровъ открывалъ Петербургскій университетъ. Промедли онъ еще нѣсколько времени, и наша alma mater не скоро бы увидѣла свѣтъ, а мы не имѣли бы радости поздравлять ее съ семидесятипятилѣтнимъ юбилеемъ.

Два года прожилъ нашъ университетъ спокойно, и кучка обскурантовъ не рѣшалась поднять противъ него гоненіе, но это была лишь отерочка, уступка графу Уварову, пока онъ занималъ постъ попечителя. Чувствуя себя совершенно одинокимъ и не предвидя поддержки въ предстоящей борьбѣ, Уваровъ безъ боя уступилъ мѣсто противникамъ, подавъ лѣтомъ 1821 года въ отставку. Отставка была принята, на его мѣсто назначенъ Руничъ—копія и креатура Магницкаго, и надъ университетомъ произведена вопстину жестокая расправа. Ректоръ Балугьянскій былъ уволенъ отъ должности, а профессора Германъ, Галичъ и Арсеньевъ отданы подъ слѣдствіе и судъ конференціи за то будто, что благодаря имъ „въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія“. Нечего и говорить, что обвиненіе это не имѣло никакого логическаго основанія; все было основано на подлогѣ, передержкахъ и произвольномъ невѣжественномъ толкованіи ихъ лекцій. „Въ стремленіи достигъ своей цѣли какимъ бы то ни было образомъ,—говоритъ В. Григорьевъ,—пренебрежены были не только установленныя закономъ формы, не только забыто всякое приличіе въ отношеніи къ мѣсту и лицамъ, но прибѣгнуто даже къ подлогамъ. Настоятельно, съ насмѣшками, ругательствами и угрозами требовали, чтобы конференція осудила обвиняемыхъ, отнявъ у нихъ всѣ законныя средства къ оправданію“. На этихъ засѣданіяхъ съ Балугьянскимъ дѣлались обмороки, а профессоръ Соловьевъ впалъ въ совершенное разслабленіе. Все дѣло о профессорахъ внесено было на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Уваровъ горячо ходатайствовалъ за обвиненныхъ передъ государемъ, и дѣло въ концѣ концовъ рѣшено было считать законченнымъ. Какой грустной проніей звучать эти слова! Правда, неповинные ни въ чемъ профессора не понесли уголовной кары, но лучшія ихъ вѣрованія, труды и начинанія были безжалостно разбиты, а университетъ лишенъ лучшихъ своихъ дѣятелей. вмѣстѣ съ Галичемъ, Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ, онъ лишился Балугьянскаго, Плисова, Панснера, Радлова, Шармуа и Деманжа. Мало того, весь университетъ, какъ учрежденіе, былъ подвергнутъ изгнанію: его перевели въ тѣсное помѣ-

*) Объ этой исторіи и дальнѣйшихъ петербургскихъ событіяхъ см. въ „Исторической запискѣ“ В. Григорьева и въ „Матеріалахъ“ академика Сухомлинова.

щеніе на Ивановской улицѣ, въ зданіе выѣшней 1-й гимназіи. Точно школьника посадили въ карцеръ! Ударъ былъ нанесенъ университету жестокой, но мѣткой рукой, и отъ этого удара удалось оправиться только въ 1830-хъ годахъ, со вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, а на должность попечителя К. М. Бороздина.

Цѣлое десятилѣтіе университетъ влачить жалкое существованіе, не проявляя никакой жизненной энергіи, не выдѣляясь ни особенно выдающимися учеными трудами, ни талантливыми профессорами. Ректорами по назначенію были: Е. Ф. Зябловскій, исполнявшій эту обязанность до 1825 г. и А. А. Дегуровъ, человекъ ловкій, съ наклонностями авантюриста, совершенно не владѣвшій русской рѣчью. За исключеніемъ Сенковскаго, ни одинъ профессоръ не останавливаетъ на себѣ вниманія историка того времени; да и самъ Сенковскій, выдѣляясь среди соотарищей эрудиціей, живостью и способностями, не могъ оказывать на слушателей достойнаго профессора вліянія. Его литературные турниры и полемическія выходки на журнальномъ поприщѣ стяжали ему незавидную славу; за спиной профессора студенты всегда видѣли тѣнь барона Брамбеуса. Остальные преподаватели университета поголовно были посредственностями, въ конхъ не было „ни духа науки, ни ученыхъ достоинствъ“. „Молодежь болѣзненно поражена была разгромомъ 1821 года въ самой веснѣ жизни,—говоритъ оффиціальныи историкъ университета ¹⁾, — и въ нѣкоторыхъ изъ среды ея цвѣтъ всякаго развитія побить еще въ почкахъ; большинство ея было потрясено и пришиблено этимъ разгромомъ и всѣмъ вслѣдъ затѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ до такой степени, что никогда въ жизни, даже и при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, не могло уже очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ“.

Слабо увеличивалась за это время и библіотека университета, не могли похвастаться блестящимъ состояніемъ и ученые кабинеты, не великъ былъ и наплывъ студентовъ. За восемь лѣтъ (1824—1831 гг.) въ немъ перебивало всего 244 человека и окончило курсъ 115; къ 1832 году въ немъ состояло лишь 125 студентовъ. Но таково уже свойство университетовъ, что въ какомъ бы упадкѣ они ни находились, какіе бы жестокіе удары ихъ ни постигали, источникъ знанія и просвѣщенія въ нихъ никогда не изсякнетъ. Пронесется гроза, разсѣются тучи, просіяютъ небеса, и смотришь—вновь оживилась природа: появились новые побѣги, молодые и сильные, говорящіе не о смерти и разрушеніи, а о вѣчномъ прогрессѣ и жадѣ жизни. Такъ и въ академической жизни. Съ паденіемъ Рунича,—онъ былъ уволенъ, подобно Магницкому, за растрату казенныхъ денегъ,—начинается новая эра въ жизни нашей *almae matris*.

¹⁾ Григорьевъ, стр. 43.

М. А. Балугьянскій.

II.

Въ 1827 году, уже въ царствованіе императора Николая I, появилось первое распоряженіе, указывающее на поворотъ въ судьбахъ университетовъ вообще: разрѣшено было отправить сначала въ Дерптъ, а потомъ за границу, 20 молодыхъ людей изъ окончившихъ курсы и оставленныхъ при университетахъ. С.-Петербургскій университетъ былъ въ состояніи выставить для заграничной поѣздки 6 человекъ, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ Чивилева, братьевъ Куторга и Калмыкова. Настоящимъ же солнечнымъ днемъ для университета было возвращеніе къ власти, прослужившаго передъ тѣмъ предварительно годъ товарищемъ министра, графа Уварова, смѣнившего собою въ 1833 году министра народнаго просвѣщенія князя Ливена.

Оживленіе академической жизни началось уже съ возвращенія командированныхъ за границу ученыхъ. Многіе изъ нихъ принесли на родину изъ европейскихъ странъ „новое слово“, запаслись тамъ богатými знаніями и явились въ родную ученую обитель во всеоружіи западнаго прогресса.

Въ 1835 году обнародованъ былъ новый университетскій уставъ, сохранившій до нашихъ дней названіе „уваровскаго“. По новому уставу, университетъ былъ освобожденъ отъ завѣдыванія и управленія Петербургскимъ учебнымъ округомъ, отошелъ отъ него и цензурный комитетъ. Правительственная часть университетовъ измѣнилась только въ отношеніи къ срокамъ избранія ректора и декановъ; министру предоставлено право утверждать или не утверждать ихъ; инспекторъ студентовъ избирался по новому уставу не совѣтомъ, а попечителемъ, съ которымъ онъ и имѣлъ непосредственное сношеніе, помимо совѣта и ректора, по вопросамъ о поведеніи и нравственности студентовъ; полицейская и хозяйственная часть въ университетахъ осталась за правленіемъ, но со включеніемъ въ число его и инспектора; къ должности профессора стали допускаемы лишь лица, имѣющія докторскую степень, а къ должности адъюнкта—магистерскую; введены были публичные диспуты. По части учебной коренному преобразованію подвергся юридическій факультетъ; философія, исторія и политическая экономія были переданы историко-филологическому факультету, но зато расширено преподаваніе наукъ юридическихъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова. На филологическомъ факультетѣ открыта особая кафедра по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій, а преподаваніе русской исторіи отдѣлено отъ всеобщей. Впослѣдствіи (въ 1841 году) былъ еще образованъ въ составѣ юридическаго факультета особый разрядъ „камеральныхъ наукъ“, имѣющихъ цѣлью „приготовленіе людей, способныхъ къ службѣ хозяйственной или административной“; въ 1854 году, наконецъ, преподаваніе восточныхъ языковъ отдѣлено отъ филологическаго факультета, и образованъ новый

„факультетъ восточныхъ языковъ“. Такова въ главныхъ чертахъ университетская реформа 1835 года.

Мы видимъ, что новый уставъ далеко не такъ либераленъ, какъ уставъ 1804 года, но онъ вполне удовлетворялъ научнымъ потребностямъ и соответствовалъ духу того времени. С.-Петербургскій университетъ до 1861 года,—говоритъ В. Д. Спасовичъ¹⁾,—„былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой, оригинальный русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, не смотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія.

И. П. Шульгинъ.

Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіемъ князя Щербатова²⁾, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ 40-хъ годахъ“.

Послѣ введенія новаго устава, университетъ, наконецъ, въ 1837 г. былъ выведенъ изъ „плѣна Вавилонскаго“ и водворенъ на свое исконное пепелище, во вновь отремонтированное зданіе „12 коллегій“, на Васильевскомъ острову. Торжественный актъ

1838 года былъ отпразднованъ въ новомъ большомъ залѣ, при чемъ ректоръ Шульгинъ произнесъ рѣчь „О началѣ и постепенномъ возростаніи С.-Петербургскаго университета.“

Во все время дѣйствія „уваровскаго“ устава жизнь университета рѣзко дѣлится на три періода: первый съ 1835 до 1848 года, второй съ 1848 до 1855 года и третій съ 1855 по 1861 годъ.

Первый періодъ былъ временемъ постепеннаго воскрешенія университета послѣ погрома 1821 года, пополненія преподавательскаго состава новыми свѣжими силами, изъ коихъ большинство оставалось на

¹⁾ Сочиненія, т. IV, ст. „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета“.

²⁾ Помощникъ попечителя и попечитель округа съ 1850 до 1858 года.

своихъ кафедрѣхъ даже послѣ 1861 года, и усиленія комплекта студентовъ, который къ 1848 году достигъ уже 650 человекъ. Изъ числа профессоровъ того времени особеннымъ расположеніемъ и нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ пользовались на филологическомъ факультетѣ Куторга, Плетневъ, занимавшій должность ректора съ 1840 по 1861 годъ, Никитенко, Срезневскій; на юридическомъ—Калмыковъ, Милютинъ, Неволнинъ и Утинъ; на физико-математическомъ—Чебышевъ, Савичъ и Ленцъ. О Плетневѣ, Никитенкѣ и Срезневскомъ имѣются въ печати чрезвычайно теплыя и интересныя воспоминанія ихъ бывшихъ учениковъ — Стоюнина, Миллера, Водовозова и В. Острогорскаго.

Особенно любовно отзываются всѣ о Никитенкѣ. „Если впоследствии, на поприщѣ учителя словесности, мнѣ сколько нибудь удавалось дѣйствовать воспитательно на вкусъ учащихся посредствомъ поэзіи, заставляя ихъ полюбить ее и находить въ ней наслажденіе,—говоритъ В. Острогорскій ¹⁾, — то въ значительной степени обязанъ я этимъ Александру Васильевичу, какъ и сознаниемъ важности художественнаго чтенія“. Никитенко воспитатель, можно сказать, цѣлое поколѣніе выдающихся педагоговъ 60-хъ годовъ, вселивъ имъ горячую любовь къ

П. А. Плетневъ.

родному слову и отечественной литературѣ. Особенно сильно было его вліяніе на незабвеннаго Ореста Федоровича Миллера.

Любопытно поставить рядомъ съ мягкимъ и нѣсколько сантиментальнымъ Никитенко — скептическаго Срезневскаго, этого „маленькаго Вольтера“ на кафедрѣ столичнаго университета. Въ тѣхъ-же весьма интересныхъ воспоминаніяхъ В. Острогорскаго можно найти такое сопоставленіе. „Оба они,—говоритъ онъ,—вспоминаются мнѣ теперь, въ

¹⁾ „Изъ исторіи моего учительства“.

сравненіи съ прочими... какъ представители тогдашняго университетскаго консерватизма, но консерватизма убѣжденнаго, не исключающаго прогресса“. Обращаясь спеціально къ Срезневскому, г. Острогорскій такими мѣткими чертами обрисовываетъ его: „Это была личность тоже своеобразная, оригинальная. Человѣкъ очень большого, остраго, скептическаго ума и мѣткаго проиическаго остроумія, онъ, помимо своей спеціальности въ славянскихъ нарѣчіяхъ, преимущественно въ древне-русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, былъ энциклопедистъ, обладавшій громадною памятью, и поражалъ блескомъ и живостью рѣчи. Самолюбиво дававшій чувствовать свою ученость и этотъ энциклопедизмъ вообще, любившій ловко и кетати мимоходомъ коснуться своихъ близкихъ отношеній чуть не ко всему западному славянскому ученому міру, съ которымъ сблизился онъ за границей во время своихъ путешествій, онъ могъ поразить блескомъ и увлекательностью рѣчи“...

Университетская жизнь 1830-хъ и 1840-хъ годовъ рисуется чрезвычайно симпатичными красками; отношенія между молодежью и наставниками дышатъ сердечностью и простотой; нельзя пожаловаться и на отсутствіе серьезности въ занятіяхъ студентовъ и на недостатокъ большихъ научныхъ работъ гг. профессоровъ. „Для нашего университета вторая половина 1830-хъ и начало 1840-хъ годовъ были самымъ поэтическимъ временемъ въ его существованіи, — сказано было въ оффиціальной рѣчи на актѣ 1869 года ¹⁾,—и, можно сказать, самымъ производительнымъ: ни въ какой другой періодъ не выпустилъ онъ столько замѣчательныхъ людей и въ наукѣ и въ литературѣ; ни въ какую другую пору не процвѣтала въ немъ до такой степени студенческая жизнь въ ея средневѣковыхъ, усвоенныхъ нашею молодежью, формахъ: тогда именно сложены были и распѣвались съ одушевленіемъ въ студенческихъ кружкахъ разныя, въ подраженіе *gaudeamus igitur*, пѣсни, которыхъ теперь, черезъ 30 лѣтъ, никто не помнитъ“...

Такъ мирно и плодотворно протекала университетская жизнь вплоть до роковаго 1848 года, когда надъ всею русскою жизнью вообще и университетами въ частности разразилась неожиданная гроза. Волненія въ Западной Европѣ въ 1848 году, не имѣвшія ничего общаго съ русской жизнью, напугали русское правительство, и наше общество постигли суровыя репрессалии, отозвавшіяся жестоко на литературѣ и наукѣ... „Западнымъ смутамъ, — сказано въ актовой рѣчи 1869 года, — суждено было отразиться на судьбѣ русскихъ университетовъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ для ихъ развитія. Не перечисляя всѣхъ мѣръ, стѣснявшихъ тогда всѣ эти учрежденія, припомнимъ лишь, что въ 1848 и 1850 годахъ общее число своекоштныхъ студентовъ въ каждомъ изъ университетовъ (за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ) ограничено

¹⁾ „Юбилейный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“, 1869 г.

было цифрою 300¹⁾); всѣ университеты лишены права избранія ректора изъ среды профессоровъ; закрыты повсюду кафедры философін и усиленъ затѣмъ надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ, какъ будто изъ этого именно источника истекало зло, послѣдствій котораго опасались“. Кромѣ того, приостановлено преподаваніе права западно-европейскихъ державъ, запрещена безъ цензурнаго разсмотрѣнія выписка заграничныхъ изданій и отмѣнены командировки ученыхъ въ европейскія страны. Съ 1854 года, вдобавокъ, — правда, съ патріотическими цѣлями, — введена обязательная маршировка и обученіе военнымъ артикуламъ, а также открыто преподаваніе строевого устава пѣхотной службы, ротнаго и баталіоннаго, а также артиллеріи и полевой фортификаціи.

Всѣ эти распоряженія нанесли тяжкій ударъ Петербургскому университету: только что закипѣвшая въ немъ жизнь смолкла, все пританлось, ушло въ себя, боясь промолвить лишнее слово и шевельнуться. Періодъ съ 1848 по 1855 годъ можно назвать академическимъ „мертвымъ штилемъ“. Графъ Уваровъ снова безнадежно опустил руки и въ 1849 году подалъ въ отставку; его мѣсто занялъ сначала кн. Ширинскій-Шихматовъ до 1853 года, а потомъ Норовъ до 1858 года. Въ университетѣ царил мертвенная тишина, скука и апатія... „Если на всѣхъ фалькутетахъ студенческіе курсы поражали своимъ малолюдствомъ, — говоритъ А. Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ²⁾, — то филологическій факультетъ, который я избралъ и который никогда не отличался большимъ количествомъ слушателей, доходилъ въ этомъ отношеніи до послѣднихъ крайностей. Достаточно сказать, что въ то время, какъ я поступилъ, 2-й курсъ состоялъ лишь изъ трехъ студентовъ, а 3-й изъ одного“. Студенческая жизнь того времени, какъ видно изъ воспоминаній г. Скабичевского, О. Миллера и Д. Писарева, сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ кружкахъ, число которыхъ было, повидимому, не малое. Названные авторы сохранили любопытныя воспоминанія объ этихъ кружкахъ.

Всему въ жизни бываетъ конецъ, такъ и горестные дни Петербургскаго университета прекратились со вступленіемъ на престолъ императора Александра II. На университетъ снова пахнуло тепломъ и привольемъ, снова пробудилась жизнь, и наша *alma mater* явила себя русскому обществу въ послѣдній періодъ дѣйствія „уваровскаго устава“ во всей своей научной красотѣ и привлекательности. Официальная отмѣна стѣснительныхъ мѣръ послѣдовала съ 1856 года, но Ор. Миллеръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что все сдѣлалось какъ-то само собою, безъ всякаго предварительнаго уговора и начальственнаго распоряженія; такъ, студенты еще въ 1855 году перестали ходить на обязательную маршировку и военный строй жизни университета рухнулъ навсегда безслѣдно и безвозвратно. Нельзя не отмѣтить, однако, что около 50 человекъ

¹⁾ Преимущественно изъ лицъ дворянскаго сословія.

²⁾ „Сочиненія“, т. 2.

студентовъ въ разгаръ Крымской кампаніи покинули свои занятія и отправились на театръ военныхъ дѣйствій.

Съ 1855 по 1860 годъ мы видимъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ сверженію наложенныхъ на университетъ оковъ. Пресловутый „комплектъ“ изъ 300 отмѣняется, возобновляется преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ, двери университета открываются широко и гостеприимно веѣмъ желающимъ, благодаря чтенію въ аудиторіяхъ публичныхъ лекцій, уничтожается предварительная цензура иностранныхъ изданій, вновь посылаются молодые люди для научныхъ занятій на Западъ, учреждаются новыя кафедры, приглашаются на должности преподавателей цѣлый рядъ талантливыхъ ученыхъ, имена которыхъ навсегда вписаны въ исторію нашего просвѣщенія.

Такого оживленія, которое наблюдается за этотъ періодъ, университетъ не видалъ ни до, ни послѣ того. Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ аудиторій „12 коллегій“ давался тонъ нашей интеллигенціи, и сюда стремилось все петербургское общество, не исключая военныхъ и женщинъ... Жизнь была тутъ ключемъ, и могучія волны просвѣщенія шумно и бодро катились во веѣ слои общества.

Число студентовъ быстро возрастало, и въ 1860—1861 году цифра слушателей доходитъ до 1.442 человекъ. Университетская бібліотека къ концу 1861 года достигаетъ 30.797 названій въ 53.047 томахъ, кромѣ того, въ ней числятся 564 періодическихъ изданій въ 8.470 томахъ, 332 рукописи въ 356 томахъ и 199 томовъ картъ, плановъ и рисунковъ; значительно расширены также ученые кабинеты.

Изъ числа наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ профессоровъ слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ упомянутыхъ прежде,—Н. Костомарова, Д. Кавелина, М. Стасюлевича, А. Пыпина, В. Спасовича. Воспоминаніями о нѣкоторыхъ изъ этихъ любимцевъ молодежи дѣлится съ читателями В. Острогорскій въ цитированной уже книгѣ „Изъ моего учительства“. Про М. Стасюлевича онъ говоритъ:

„Это былъ лекторъ-популяризаторъ блестящій, необыкновенно умѣвшій заинтересовать, увлечь, что называется, захватить всю аудиторію такъ, что напряженное вниманіе слушателей не ослабѣвало отъ начала лекцій до конца. Люди, слушавшіе лекціи въ Парижѣ, говорили, что манерой, дикціей, ясностью, плавностью и красотой рѣчи, умѣвшемъ живо обрисовать эпоху, онъ напоминалъ лекторовъ французскихъ... М. М. Стасюлевичъ впервые указалъ намъ на значеніе исторіи, объяснилъ великое значеніе цивилизаціи, показалъ, изъ какихъ элементовъ она въ Европѣ слагалась, выдѣлнить и поставить ярко передъ нами изъ событій важнѣйшія. Онъ первый указалъ намъ на значеніе историческихъ источниковъ и исторической критики и сдѣлалъ ясными дотолѣ неподозрѣваемую нами связь между исторіями разныхъ національностей и веѣмъ человѣчествомъ, идею прогресса и регресса, существованіе и значеніе историческихъ законовъ“.

Теплыми и воодушевленными словами поминаетъ авторъ и Н. И. Костомарова:

„Невысокаго роста, немного сгорбленный и казавшійся старикомъ, съ рѣдеными волосами, въ очкахъ, очень худощавый, съ желтоватымъ, землистымъ

лицомъ, всегда серьезный и сосредоточенный, съ очень своеобразной, чуть-чуть съ малороссійскимъ акцентомъ, нѣсколько пѣвучей, дикціей, онъ производилъ на кафедрѣ впечатлѣніе какого-то не нынѣшняго, не здѣшняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнаго и симпатичнаго человѣка. Точно передъ громадной толпой былъ не профессоръ, не одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, но одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ или святыхъ подвижниковъ, образъ и рѣчь которыхъ Костомаровъ воскрешалъ передъ нами въ своихъ лекціяхъ мастерски. Это былъ не просто прекрасный лекторъ, у котораго чудесно отгѣнялись врожденнымъ искусствомъ дикціи малѣйшіе отгѣнки смысла, выраженія и отдѣльныхъ мѣткихъ словъ, это на кафедрѣ былъ настоящій вдохновенный художникъ, всею своимъ существомъ отдававшійся тому отдаленному вѣку, который онъ хотѣлъ воспроизвести въ воображеніи слушателей. Эти лекціи надо было слышать самому, чтобъ оцѣнить все ихъ значеніе“...

Понятно, что при наличности въ университетѣ такихъ и подобныхъ имъ профессоровъ научный интересъ слушателей-студентовъ былъ высокаго качества...

„Я не помню, — говоритъ г. Острогорскій, — чтобы у какого нибудь изъ профессоровъ, хоть сколько нибудь порядочнаго и любившаго свое дѣло, не была болѣе или менѣе полная аудиторія въ каждую лекцію, не говоря уже о лучшихъ профессорахъ, часто читавшихъ въ залѣ, у которыхъ съ трудомъ приходилось добывать мѣста заранѣе. И не безслѣдно, не пассивно воспринимались эти лекціи; какія оживленныя, хотя и наивныя подчасъ, рѣчи и горячіе споры именно о прочитанныхъ лекціяхъ или тѣхъ или другихъ научныхъ вопросахъ слышались тогда и въ университетскихъ коридорахъ, и въ буфетѣ, и въ кружковыхъ собраніяхъ дома! Сколько тогда читалось хорошихъ книгъ изъ областей литературы, наукъ историко-политическихъ, юридическихъ, естественныхъ, — и на все это чтеніе толкали насъ опять таки живыя лекціи, которыя мы посѣщали аккуратно, потому что наслажденіе было ихъ слушать. Видѣлся въ профессорѣ живой человѣкъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ говоритъ, углѣбшій выбрать существенное, выдвинуть его и осветить“.

Кромѣ интересныхъ и содержательныхъ лекцій профессоровъ, студентовъ влекло къ университету предоставленіе имъ широкой свободы общественной жизни и дѣятельности. Имъ разрѣшены были сходки, отдѣльная бібліотека и читальный залъ, касса для помощи бѣднымъ товарищамъ, въ пользу которой они устраивали въ актовомъ залѣ модные тогда въ столицѣ концерты; въ этихъ концертахъ принимали участіе Тамберликъ, Бозію, Кальцолари и другіе выдающіеся артисты. Въ пользу же кассы устраивались публичныя лекціи профессоровъ, на которыя собирался цвѣтъ тогдашней Петербургской интеллигенціи. Въ 1857 г. студенты выпустили первый томъ „Студентскаго сборника“, а въ 1860 г. — второй. Мысль о сборникѣ, какъ значится въ предисловіи къ первому тому, „явилась велѣдствіе живо сознанаго убѣжденія, что пришло время университетскому юношеству сказать свое слово“. Матеріаломъ для сборника служили лучшія диссертации, мелкія „учено-литературныя“ замѣтки и, наконецъ, „лѣтопись внутренней жизни Петербургскаго университета“, предназначавшаяся быть руководящимъ отдѣломъ изданія. Изданіемъ „Сборника“ завѣдывало 12 редакторовъ, а для обсужденія достоинствъ каждой статьи, предназначенной къ пе-

чати, собирались студенты всѣхъ факультетовъ, такъ какъ это было, какъ говорили тогда, „общее дѣло“.

Шумная и суетная дѣятельность студентовъ создала поразительно нервное настроеніе въ стѣнахъ университета. Настроеніе это къ тому же не кому было регулировать и успокоивать: уставъ 1835 г. не давалъ совѣту и профессорамъ административнаго вліянія на студентовъ, а съ уходомъ суроваго Мусина-Пушкина и попечительская власть совсѣмъ ослабѣла. Молодежь была предоставлена самой себѣ и всякимъ стороннихъ вліяніямъ, которыя имѣли непосредственный доступъ въ стѣны университета, врываясь туда шумно и бурно. Перечислить всѣ эти вліянія бесполезно и фактически не возможно, такъ какъ нѣтъ для того достаточнаго матеріала.

„Бываютъ эпохи,—говоритъ Е. Соловьевъ ¹⁾,—когда общество состоитъ изъ личностей особенно пластичныхъ, особенно воспримчивыхъ, на лету схватывающихъ новыя вѣанія; бываютъ эпохи гораздо болѣе тяжелыя и скучныя—личности не легки на подъемъ и сухи ко всему, что не носитъ на себѣ печати старины. Значеніе внѣшнихъ условій ничуть отъ этого не умаляется, такъ какъ степени воспримчивости и глухоты могутъ быть очень различны. 1860-е годы были движеніемъ массовымъ, движеніемъ, охватившимъ значительную часть общества и проникшимъ въ такіе уголки, что просто приходится диву даваться, какъ это могло произойти... Пластичность и воспримчивость людей 1860-хъ годовъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ только начинаешь знакомиться съ большимъ числомъ біографій людей того времени. Мысли и убѣжденія хватались тогда на лету съ такой нетерпѣливой страстностью, какъ это, скажемъ, въ нѣныя эпохи французской или нѣмецкой исторіи. Эта „физиологическая“ сторона историческихъ явленій разработана такъ мало, что гораздо легче указать на нее, чѣмъ разъяснить“.

Страстная и порывистая жизнь русскаго общества 1860-хъ годовъ отразилась во всей своей силѣ на нервномъ настроеніи университетской молодежи. Общественная горячка со всѣми ея крайними проявленіями охватила студентовъ: въ университетѣ водворился хаосъ, прервавшій на два почти года правильное академическое преподаваніе. Уже въ 1860 г. ²⁾ мы встрѣчаемъ рядъ инцидентовъ, столкновеній съ начальствомъ, вспышекъ и демонстрацій противъ профессоровъ; актъ 8 февраля 1861 г. прошелъ очень бурно, также шумно и беспорядочно окончился академическій годъ. И корпорація профессоровъ и начальство въ лицѣ попечителя обратили серьезное вниманіе на такое ненормальное положеніе дѣлъ, и было рѣшено „упорядочить студенческую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которые объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности“.

Правила, выработанныя профессорами, однако, не были признаны новымъ, только что смѣнившимъ Норова, министромъ народнаго просвѣщенія, адмираломъ Путятинимъ. Вмѣсто нихъ выработаны были

¹⁾ Д. И. Писаревъ. Біографическій очеркъ Е. А. Соловьева.

²⁾ Вся университетская исторія 1861 года очень подробно изложена бывшимъ тогда профессоромъ университета В. Д. Спасовичемъ въ IV томѣ сочиненій, въ статьѣ „Пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета“. Я излагаю событія того времени на основаніи этой статьи, а также официальной исторіи В. Григорьева.

проектъ, въ основаніе котораго легла отмѣна форменнаго платья и ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа. Кромѣ того, новой комиссіи изъ профессоровъ поручено было составить правила для студентовъ. Комиссія занемовала эти правила изъ Дерптскаго университета, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ. На основаніи матрикулъ каждый студентъ получалъ „книжку“, замѣнявшую видъ на жительство, куда вписывались бы экзаменаціонныя отмѣтки, и гдѣ помѣщались правила о поведеніи и объ отношеніяхъ студента къ начальству.

Въ новомъ полицейско-административномъ устройствѣ поставлены два новыхъ учрежденія—избираемый совѣтомъ проректоръ, замѣнявшій инспектора, и профессорскій судъ. Далѣе, вопреки желаніямъ комиссіи, министръ остановился не на выборныхъ должностяхъ для завѣдыванія студенческими кассою и библіотекою, а на должностяхъ по назначенію отъ попечителя; кромѣ того, онъ отвергъ защиту на судѣ. Послѣднія два обстоятельства послужили предметомъ пререканій между министерствомъ и совѣтомъ университета. Отъ проректорства всѣ профессора отказались, и на эту должность былъ назначенъ бывший инспекторъ, а къ нему въ помощники нѣсколько субъинспекторовъ. Концерты и публичныя лекціи были упразднены.

Съ перваго дня открытія лекцій академическаго 1861—1862 годовъ студенты начали собирать сходки, для чего даже выломали дверь актовъ залы, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе о закрытіи университета. Тогда студенты перенесли свои собранія на улицу, устроили торжественное шествіе отъ университета на квартиру попечителя въ Колокольную улицу, требуя точныхъ свѣдѣній, въ чемъ заключаются новыя правила, и отказываясь отъ принятія матрикулъ. Уличныя манифестанціи производились ежедневно, много уже было народа арестовано и препровождено въ крѣпость. 11-е октября было послѣднимъ днемъ драмы: при помощи войска и полиціи были забраны послѣдніе манифестанты, такъ что къ этому дню общее количество арестованныхъ въ крѣпости достигло 300 человѣкъ.

Произведеннымъ надъ ними слѣдствіемъ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ профессора Андреевскаго, обнаружилась серьезная виновность только 5 человѣкъ, которые и были посланы въ отдаленныя губерніи подъ надзоръ полиціи; кромѣ того, исключено 32 человѣка, которымъ, однако, позволено держать выпускной экзаменъ на правахъ вольныхъ слушателей.

Къ этому же времени разрѣшились недоразумѣнія между совѣтомъ и высшимъ начальствомъ. Нѣкоторые члены совѣта—Стасюлевичъ, Кавелинъ, Утинъ, Пыпинъ и Спасовичъ—не сочли для себя удобнымъ оставаться долѣе въ университетѣ и вышли въ отставку. Вскорѣ вслѣдъ за ними выбылъ и Костомаровъ. Но прежде чѣмъ совѣтъ распуститься

съ университетской молодежью, историкъ сдѣлалъ попытку еще разъ послужить ей на благо. По его иниціативѣ и съ разрѣшенія генералъ-губернатора, князя Суворова, для выпущенныхъ изъ крѣпости студентовъ открыто было чтеніе публичныхъ лекцій въ залахъ городской думы и Петропавловскаго лютеранскаго училища. Однако этотъ „вольный университетъ“ просуществовалъ недолго и потергѣлъ полное фіаско. На лекціяхъ того же Костомарова и Павлова произведены были шумные беспорядки, нашъ историкъ былъ оскорбленъ, и чтенія прекратились.

Если „вольный университетъ“ въ думѣ не имѣлъ успѣха, зато иное предпріятіе покинувшихъ Петербургскій университетъ профессоровъ осуществилось вполне благопріятно. М. Стасюлевичъ, вмѣстѣ съ Костомаровымъ, собралъ своихъ бывшихъ товарищей въ тѣсную литературную группу и основалъ „Вѣстникъ Европы“, журналъ исторіи, литературы и науки, въ которомъ продолжалась проповѣдь тѣхъ же началъ, которая иѣкогда раздавалась въ стѣнахъ университета.

III.

Проектъ новаго университетскаго устава былъ разработанъ чрезвычайно тщательно; была составлена обширная коммиссія, въ которую вошли попечители округовъ и многіе профессора провинціальныхъ университетовъ, были опрошены сторонніе опытные и свѣдущіе люди. Выработанный уставъ былъ Высочайше утвержденъ 18-го іюня 1863 г. „По уставу 1863-го года,—какъ сказано у г. Григорьева, — совѣтъ изъ профессоровъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ сдѣлался сосредоточіемъ всѣхъ отправленій университетской жизни, съ яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, когда власть его ограничивается попечителемъ и министромъ. Но, вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія совѣта, предоставлена и факультетскимъ собраніямъ извѣстная доля автономіи, въ которой нуждались они дотолѣ: ихъ вѣдѣнію предоставлены всѣ дѣла ученыя и учебныя. Части хозяйственная и распорядительная остались по-прежнему за правленіемъ. Часть полицейская ввѣрена проректору или инспектору, избираемому совѣтомъ“.

Какъ гарантія правильности дѣйствій университетской полиціи, учрежденъ университетскій судъ, состоящій изъ перевыбираемыхъ ежегодно профессоровъ, на обязанности котораго возложено разсмотрѣніе проступковъ студентовъ внутри университета. Всѣ органы управленія подчинены совѣту, а послѣднему ввѣнено въ обязанность печатать во всеобщее свѣдѣніе „ежегодный отчетъ о состояніи и дѣятельности университета“ и „протоколы засѣданій“. Кромѣ того, учрежденъ совершенно новый институтъ „приватъ-доцентовъ“ изъ лицъ, имѣющихъ въ виду современемъ занятіе профессорскихъ кафедръ. Подъ дѣйствіемъ устава 1863 г. наша *alma mater* просуществовала до 1884 г., когда введенъ былъ опять новый уставъ, существующій и понынѣ. Первымъ выборнымъ

ректоромъ былъ профессоръ Э. Х. Ленцъ; по его кончинѣ этотъ постъ занимали до 1884 г. слѣдующія лица изъ ученой корпораціи университета: А. А. Воскресенскій, К. Кесслеръ, П. Рѣдкинъ, А. Бекетовъ, и послѣднимъ выборнымъ ректоромъ былъ И. Андреевскій, послѣ котораго начался уже новый періодъ университетской жизни.

Озабоченный замѣщеніемъ вакантныхъ каѳедръ, совѣтъ университета съумѣлъ привлечь къ дѣлу преподаванія не мало научныхъ и авторитетныхъ силъ. Уже въ первой половинѣ семестра 1863 г. корпорація профессоровъ, адъюнктовъ и привать-доцентовъ скомплектовалась изъ слѣдующихъ новыхъ главныхъ дѣятелей, научныя и общественныя заслуги которыхъ всѣми оцѣнены высоко ¹⁾. Юридическій факультетъ: П. Рѣдкинъ, С. Пахманъ, А. Чебышевъ-Дмитріевъ, Н. Таганцевъ, А. Градовскій, Ю. Янсонъ; физико-математическій: К. Кесслеръ, А. Ковалевскій, И. Мечниковъ, О. Петрушевскій, А. Бутлеровъ, Н. Меншуткинъ; историко-филологическій: В. Бауреръ, В. Бильбасовъ, К. Бестужевъ-Рюминъ, Ор. Миллеръ, В. Ламанскій, К. Люгебиль; факультетъ восточныхъ языковъ: В. Григорьевъ. Многіе изъ этихъ почтенныхъ ученыхъ въ настоящее время сошли въ могилу, другіе добровольно покинули университетъ, но нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ занимаютъ каѳедры, имѣя уже новыми сотоварищами своихъ же бывшихъ учениковъ. Поколѣніе профессоровъ 60-хъ и 70-хъ годовъ успѣло создать для Петербургскаго университета къ семидесятипятилѣтнему юбилею не мало новыхъ научныхъ силъ.

Ко дню 50-лѣтія университета число преподавателей въ немъ простиралось до 76 человекъ; ими составлено не мало ученыхъ трудовъ, выпущенныхъ отдѣльными изданіями или помѣщенныхъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, русскихъ и иностранныхъ. Къ этому же періоду, особенно благодаря заботамъ ректора К. Кесслера, относится значитель-

Ко дню 50-лѣтія университета число преподавателей въ немъ простиралось до 76 человекъ; ими составлено не мало ученыхъ трудовъ, выпущенныхъ отдѣльными изданіями или помѣщенныхъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, русскихъ и иностранныхъ. Къ этому же періоду, особенно благодаря заботамъ ректора К. Кесслера, относится значитель-

Э. Х. Ленцъ.

¹⁾ См. у Григорьева, стр. 325—330. Забытые и пропущенные да простятъ мнѣ невольный пробѣлъ.

ное расширеніе и увеличеніе ученыхъ кабинетовъ. Въ 1869 г. при университетѣ имѣлись слѣдующіе кабинеты и музеи: музей изящныхъ искусствъ и древностей; кабинеты: восточныхъ монетъ, ботанической, минералогической, зоологической и зоотомической, физической, агрономической, и лабораторіи: техническая и химическая (органической и неорганической химіи). Библіотека университета цѣнилась въ 212.709 рублей и содержала въ себѣ: книгъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ—39.855 названій въ 83.606 томахъ, періодическихъ изданій—601 въ 14.518 томахъ; рукописей—597 въ 620 томахъ; картъ, плановъ, гравюръ и проч. 395 номеровъ въ 469 оберткахъ. По почину

А. А. Воскресенскій.

профессоровъ физико-математическаго факультета въ 1867 г. въ Петербургѣ собрался первый „съездъ русскихъ естествоиспытателей“. Съ того времени съезды эти повторяются въ разныхъ городахъ имперіи періодически, оказываютъ значительное вліяніе на научные успѣхи своихъ членовъ и пользуются большою симпатіей русскаго общества. „Историческая записка“, посвященная первому съезду, составлена тогдашнимъ ректоромъ Андреемъ Николаевичемъ Бекетовымъ. По инициативѣ послѣдняго разбитъ также при университетѣ ботани-

ческій садъ. Кромѣ того, къ 1870-му году въ стѣнахъ нашей alma matris дѣйствуетъ уже три ученыхъ общества: химическое, естествоиспытательное и филологическое. Въ 1869 г. университетъ торжественно отпраздновалъ свой полу-вѣковой юбилей¹⁾. Онъ удостоился высочайшаго рескрипта: „Я увѣренъ, что ученое сословіе, проникнутое сознаніемъ своихъ обязанностей,—сказано въ рескриптѣ,—будетъ по-прежнему утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ современемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной

¹⁾ „Юбилейный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“.

дѣятельности, и, подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужать свою службу Россіи“.

Университетъ въ этотъ день, кромѣ рѣчи петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, удостоился полученія 59 адресовъ, на его имя получено было 52 поздравительныхъ телеграммы, ему посвящено бывшими питомцами три стихотворенія и одинъ юбилейный гимнъ. Въ числѣ адресовъ отмѣтимъ адресъ Московской духовной академіи, назвавшей нашъ университетъ „передовымъ постомъ русской науки на рубежѣ Россіи, немало содѣйствовавшимъ развитію и укрѣпленію народнаго сознанія“.

Въ день 8-го февраля состоялся многочисленный обѣдъ бывшихъ студентовъ университета. Изъ застольныхъ рѣчей нельзя пройти молчаніемъ рѣчи И. Е. Андреевскаго и академика Я. К. Грота¹⁾. „Немногихъ изъ нашей среды видѣли мы на высокихъ ступеняхъ государственной службы, — сказалъ первый ораторъ, — но зато массы нашихъ дѣятелей раскинулись на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности; на мѣстахъ, правда не столь замѣтныхъ, но по преимуществу трудныхъ... Мы пережили обновленіе Россіи, и развѣ

К. О. Кесслеръ.

оставались при этомъ члены нашей университетской семьи посторонними наблюдателями? Нѣтъ, съ радостію можемъ сказать, что великія реформы нынѣшняго великаго царствованія и наши университетскіе дѣятели подняли на свои рабочія плеча и несутъ къ дѣйствительному осуществленію“.

Самъ воспитанникъ лицея, академикъ Гротъ, высказался, однако, въ своей рѣчи за преимущество университетскаго образованія и выразилъ пожеланіе, „чтобы и общество наше болѣе и болѣе усвоивало себѣ правильный взглядъ на нормальное образованіе молодежи путемъ гимназій и университетовъ; чтобы тѣмъ самымъ облегчена была возможность введенія въ Россіи порядка, издавна существующаго въ другихъ европей-

¹⁾ Ibid., приложение LXXI, LXXII.

скихъ государствахъ и требующаго университетскихъ свидѣтельствъ для поступления во многія должности“. Поэтъ Пушкинской плеяды, А. Подлинскій, выразилъ своей *almae matris* пожеланія въ слѣдующихъ стихахъ:

„...А ты, питомникъ строгой мысли,
„Ревнитель правды и труда,
„Свои лѣта вѣками числи;
„Какъ путеводная звѣзда,
„Свѣти отъ внука и до внука,
„И ярче, ярче каждый вѣкъ:
„Гдѣ высоко стоитъ наука,
„Стоитъ высоко человекъ!“

Торжественныя празднества университета были, однако, омрачены значительными беспорядками учащейся молодежи. На этотъ разъ все обошлось болѣе благополучно, нежели въ 1861 году, хотя послѣдовали многочисленныя аресты, наказанія и даже высылки. Въ настоящемъ случаѣ на судьбѣ университета отразилась извѣстная Нечаевская исторія. Вообще, необходимо замѣтить однажды, чтобъ не возвращаться постоянно къ одному и тому же предмету, что волненія молодежи, вспышки страстей и недоразумѣнія съ начальствомъ повторялись періодически за весь періодъ 1870-хъ и 1880-хъ годовъ, принимая то болѣе, то менѣе острый характеръ. Наибольшій вредъ ходу академическихъ занятій причинили, кромѣ 1869 г., смуты конца 1870-хъ годовъ, 1880 и 1882 года. Въ послѣднемъ году высшее начальство вынуждено было умирать непокорныхъ при содѣйствіи военной власти; университетскій судъ отнесся, однако, довольно мягко къ провинившимся, и сравнительно немногіе были подвергнуты взысканію ¹⁾).

Вступивъ во вторые полвѣка своего существованія, Петербургскій университетъ продолжалъ неумоимо развивать свои научныя силы, обогащая коллекціи, кабинеты, выставяя новыхъ ученыхъ и выпуская ежегодно немалое количество серьезныхъ трудовъ. Изъ профессоровъ за этотъ періодъ особенно выдѣлился Д. И. Менделѣвъ, приобрѣтя громкую славу гениальнаго ученаго не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Аудиторія его была всегда полна слушателей, а на вступительную лекцію, читаемую имъ ежегодно въ началѣ академическаго года, собирался чуть ли не весь университетъ. Въ VII аудиторіи раздавался тогда голосъ не узкаго спеціалиста, трактующаго только свой предметъ, но голосъ ученаго, освѣщающаго философскимъ свѣтомъ предстоящій научный путь только что перешагнувшей порогъ университета молодежи.

На юридическомъ факультетѣ заставлялъ передъ собою преклоняться слушателей Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Педагогъ по призванію, единомышленникъ Пирогова, онъ въ своихъ отношеніяхъ къ молодежи

¹⁾ Протоколы засѣданій совѣта“, № 27.

являлся не простымъ руководителемъ научныхъ занятій, но „провѣдникомъ правды и справедливости“, связывая постоянно въ своихъ лекціяхъ данныя науки съ началами истинной нравственности. „Умѣйте не только мыслить, но и чувствовать“, говорилъ онъ на прощаніи съ студентами одного изъ выпусковъ 1860-хъ годовъ. Избранный въ 1873 году на должность ректора, покойный Петръ Григорьевичъ явился превосходнымъ руководителемъ университетской общины. Онъ высоко несъ свое знамя, освѣняя все окружающее свѣтомъ знанія, просвѣдичной мысли и любви къ наукѣ. Товарищи вполне оцѣнили своего руководителя, что и высказали ему въ дипломѣ на званіе почетнаго члена университета. „Въ ректорѣ остался живъ профессоръ, — сказано тамъ, — съ его сознаніемъ чести и достоинства университета, съ любовью къ учащейся молодежи и къ дѣлу науки, С.-Петербургскій университетъ пережилъ съ вами и трудныя минуты и всегда будетъ помнить, что подъ вашимъ руководствомъ онъ вышелъ изъ испытаній съ достоинствомъ“.

П. Г. РѢДКИНЪ.

Большимъ успѣхомъ у слушателей пользовался профессоръ Н. Таганцевъ, нынѣ покинувшій университетъ и занимающій видное мѣсто сенатора уголовнаго кассационнаго департамента. Живой, краспорѣчивый и остроумный, онъ привлекалъ своими талантливыми лекціями слушателей даже другихъ факультетовъ. Требовательный на экзаменахъ, онъ заставлялъ своихъ учениковъ дѣйствительно вникать въ суть предмета, а не отдѣлываться пустымъ задалбливаніемъ записокъ. Изъ его аудиторіи выходили въ жизнь люди, хорошо подготовленные къ практической дѣятельности на поприщѣ адвокатуры и служенія по министерству юстиціи.

Великимъ обаяніемъ на слушателей славился особенно въ концѣ 1870-хъ годовъ профессоръ-публицистъ, нынѣ умершій, Александръ Димитріевичъ Градовскій. Творецъ русскаго государственнаго права, онъ требовалъ отъ слушателей, будущихъ государственныхъ и обще-

ственныхъ дѣятелей, основательнаго знанія отечественнаго строя, съ пониманіемъ основъ, лежащихъ въ нашей административной организаціи, которая бы рисовалась имъ не какъ сцѣпленіе случайныхъ историческихъ явленій, но какъ стройное органическое цѣлое въ юридическомъ освѣщеніи. Студенты горячо любили Александра Димитріевича и пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ выразить ему свое расположеніе. Популярности профессора среди молодежи немало содѣйствовала и его литературная дѣятельность въ журналахъ, а особенно въ газетѣ „Голосъ“, гдѣ онъ состоялъ главнымъ сотрудникомъ по внутреннимъ вопросамъ. Убѣжденное слово и прекрасная литературная рѣчь дѣлали его статьи очень доступными и читаемыми нарасхватъ.

Лекціи профессоровъ Сергѣевича, Андреевскаго, Мартенса пользовались также большимъ вниманіемъ.

И историко-филологическій факультетъ значительно выдѣлился въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ; число студентовъ росло съ каждымъ годомъ, а кафедры были заняты, въ большинствѣ случаевъ, молодыми учеными, сумѣвшими оживить вѣтренныя имъ аудиторіи. Нѣкоторые профессора положительно создали за это время свои „школы“, изъ которыхъ вышли люди, заявившіе себя впоследствии солидными научными трудами. Упомянемъ для примѣра хоть слѣдующихъ профессоровъ того времени: К. Люгебиля, К. Бестужева-Рюмина, В. Бауера, А. Веселовскаго, В. Васильевскаго, В. Ламанскаго, О. Миллера.

Научныя заслуги Бестужева-Рюмина у всѣхъ передъ глазами. Его горячая любовь къ судьбамъ Россіи, глубокая вѣра въ жизненность русскаго народа, придавали лекціямъ по отечественной исторіи характеръ какого-то пророчества и призыва къ усиленной работѣ на пользу отчизны. А. Н. Веселовскій, В. Г. Васильевскій и В. И. Ламанскій продолжаютъ научную дѣятельность въ стѣнахъ своей *almae matris* и въ наши дни, почему, щадя ихъ скромность, ограничимся лишь краткими замѣчаніями. Изъ практическихъ занятій по средней исторіи слушатели выносили широкія познанія историческаго метода изученія лѣтописей и мемуаровъ; сравнительное изученіе поэтическаго творчества у западно-европейскихъ народовъ пріучало учениковъ А. Веселовскаго къ серьезному самостоятельному мышленію и ученой пытливости. Изъ аудиторіи В. Ламанскаго вышелъ цѣлый рядъ молодыхъ славистовъ, которыхъ мы видимъ въ текущемъ десятилѣтіи дѣятелями провинціальныхъ университетовъ, напримѣръ, М. Соколова, Флоринскаго, Будиловича, Н. Грота и другихъ. Нельзя пройти молчаніемъ безвременно угасшаго Ивана Павловича Минаева. Въ его лицѣ университетъ и русская наука лишилась „европейскаго ученаго“ въ истинномъ смыслѣ слова. Его труды по санскриту и сравнительному языкознанію извѣстны далеко за предѣлами нашего отечества.

Особеннымъ многолюдетвомъ и оживленіемъ, однако, пользовались лекціи покойныхъ профессоровъ Василія Васильевича Бауера и Ореста Федоровича Миллера.

Бауеръ былъ выдающійся лекторъ, и въ его изложеніи событія и эпохи новой исторіи рисовались слушателямъ яркими картинами и образами. Судьбы прошедшаго были имъ освѣщаемы теплою любовью къ человечеству и горячей вѣрой въ торжество прогресса. Стоитъ только вспомнить его лекціи по „Исторіи реформаціи“, гдѣ, независимо отъ богатства фактическаго матеріала, студенты получали прекрасное толкованіе сложныхъ явленій.

Орестъ Федоровичъ Миллеръ... Тѣнь учителя возстаетъ передъ авторомъ этихъ строкъ во всей ея обаятельной красотѣ и нравственнаго совершенства! Воспитанникъ Петербургскаго университета, онъ отдалъ ему лучшія силы своей души, воспитавъ цѣлое поколѣніе учителей словесности, общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и ученыхъ. Большинство молодежи, дѣйствующей на этихъ поприщахъ въ настоящее время, вышло изъ аудиторіи Ореста Федоровича. Лекціи его были краснорѣчивы, увлекательны и проникнуты самой пламенной любовью къ началамъ русской жизни. Эти начала онъ толковалъ, какъ вѣрный и преданный ученикъ славянофильской партіи, въ нѣкоторомъ романтическомъ освѣщеніи, но зато съ такой убѣжденностью и вѣрой, что слушатели невольно покидали аудиторію, будучи пренесполнены самыми возвышенными чувствами и къ профессору и къ своему народу. Лекціи его по народной словесности и древней русской письменности были по истинѣ блестящи въ научномъ отношеніи. Здѣсь ученый авторитетъ профессора былъ внѣ сомнѣнія и стоялъ очень высоко. Иной характеръ носили его чтенія по новой литературѣ: здѣсь часто ученый отходилъ на второй планъ и передъ взволнованной аудиторіей являлся во всемъ блескѣ публицистъ и трибунъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Смыслъ реформаторскаго періода русской исторіи въ царствованіе императора Александра II, Миллеръ громко возвышалъ свой голосъ въ защиту началъ, положенныхъ въ основу реформъ, и громилъ враговъ и противниковъ этихъ началъ, откуда бы они ни исходили. Человѣкъ безпорочной жизни, аскетъ и истинный сынъ церкви, онъ являлъ собой примѣръ высокаго нравственнаго подвига и подражанія. Вліяніе его на слушателей было поразительно; это былъ какой-то безконечно развертывающійся романъ, въ которомъ дѣйствующими лицами были съ одной стороны профессоръ, а съ другой юные, любящіе и восторженные слушатели. Аудиторія, гдѣ читалъ Миллеръ, была пренесполнена вѣры, любви къ русскому народу и надежды на свѣтлое будущее нашего отечества. Студенты пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить своему наставнику лучшія чувства. Они заступились за него во время его полемики съ „Голосомъ“, помѣстивъ протестъ противъ этой газеты въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; они дѣлали ему шумныя оваціи на лекціяхъ и публичныхъ чтеніяхъ, они горячо поздравили его съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, они со слезами на глазахъ проводили его, когда онъ въ 1888 году вынужденъ былъ покинуть университетъ. На-

чалство въ свое время высоко цѣнило Ореста Ѳедоровича, что и выразилъ ректоръ Андреевскій ¹⁾ на юбилей профессора въ 1886 г. „Я полагаю, что, явившись по частному зову, могу представить передъ вами чувства всей университетской корпораціи, заключающейся въ одномъ простомъ словѣ „спасибо“ за вашу дѣятельность въ теченіе 25-тилѣтняго вашего труда, какъ честнаго и хорошаго нашего собрата, какъ профессора С.-Петербургскаго университета, который несъ свое знамя такъ, какъ его слѣдуетъ нести честному и ученому мужу, который во всѣхъ вопросахъ факультета и науки являлся съ чистымъ убѣжденіемъ, чуждымъ всякихъ постороннихъ интересовъ, и, кромѣ того, какъ чловѣка, который, когда рѣчь шла о молодежи и ея потребностяхъ, являлся тѣмъ, что въ стѣнахъ университета привыкли называть „Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ“.

Шумнымъ успѣхомъ среди молодежи пользовались и лекціи тогда еще молодыхъ ученыхъ—В. С. Соловьева и В. И. Семевского. Первый читалъ нѣсколько мистическій курсъ философіи, допуская послѣ лекціи возраженія со стороны слушателей. Эти лекціи читались въ большомъ актовомъ залѣ и привлекали сюда чуть не весь учащійся университетъ. Лекціи же г. Семевского читались въ XI-й аудиторіи, самой большой, и собирали, благодаря мастерскому изложенію крестьянскаго вопроса, тоже не мало слушателей. Къ сожалѣнію чтенія обоихъ лекторовъ продолжались недолго и, кажется, прекратились по независящимъ отъ этихъ ученыхъ причинамъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ были основаны при факультетѣ „Записки историко-филологическаго факультета“, выустившія къ 1892 г. тридцать объемистыхъ томовъ, преимущественно докторскихъ и магистерскихъ диссертаций.

Руководя учеными занятіями студентовъ, профессора не оставались въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности. Такъ, К. Бестужевъ-Рюминъ участвовалъ въ основаніи „Высшихъ женскихъ курсовъ“, именемъ котораго курсы и назывались долгое время, а кромѣ того работалъ на пользу „Славянскаго благотворительнаго Общества“; въ томъ же „Обществѣ“ видное мѣсто занималъ и понынѣ занимаетъ В. Ламанскій, явившійся въ свое время однимъ изъ инициаторовъ извѣстнаго „славянскаго съѣзда“ въ Москвѣ. Орестъ Ѳедоровичъ особенно памятенъ своимъ служеніемъ „Обществу вспоможенія студентамъ университета“, которое въ значительной степени обязано ему своимъ возникновеніемъ.

Это Общество справило въ 1893 году свой двадцатилѣтній юбилей, имѣя къ этому времени 33.817 рублей 48 коп. прихода и со дня своего основанія внесши плату за слушаніе лекцій 3.641 бѣдныхъ студентовъ въ размѣрѣ 67.480 рублей. Въ общемъ выдано пособій ну-

¹⁾ Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ѳ. Миллера, составилъ И. Ш., Спб., 1889.

ждающимся свыше 250.000 рублей. Общество растетъ и процвѣтаетъ съ каждымъ годомъ, благодаря, главнымъ образомъ, бывшимъ воспитанникамъ университета: гласному думы И. И. Домонтовичу,¹⁾ сенатору П. П. Семенову и помощнику статсъ-секретаря И. С. Ремезову. Въ 1893 году при немъ открылось „Бюро для присканія студентамъ занятій“, учрежденіе съ большимъ будущимъ и уже въ настоящее время доказавшее свою жизненность.

Во время послѣдней русско-турецкой войны университетъ горячо отозвался на народное бѣдствіе. При немъ было основано „Попечительство для пособія семействамъ нуждающихся воиновъ“, а многіе профессора читали публичныя лекціи въ пользу угнетенныхъ славянъ. Вообще, необходимо отмѣтить, что профессорская корпорація второй половины 1870-хъ и первой половины 1880-хъ годовъ жила привольной жизнью, горячо откликаясь на нужды общества и принимая дѣятельное участіе въ судьбѣ молодежи. Въ значительной степени она обязана этимъ своимъ двумъ выборнымъ ректорамъ — благополучно здравствующему Андрею Николаевичу Бекетову и покойному Ивану Ефимовичу Андреевскому.

А. Н. Бекетовъ.

А. Бекетовъ избранъ былъ ректоромъ въ 1876 году и несъ эти обязанности до 1883 года. Человѣкъ большихъ научныхъ заслугъ, отзывчивый и живой, онъ явился достойнымъ преемникомъ П. Г. Рѣдкину: трудно было университету въ тѣ смутные годы сдѣлать лучший выборъ. Вотъ какъ вспоминаетъ свое ректорство г. Бекетовъ въ автобіографической запискѣ²⁾: „Должности эти (декана и ректора), особенно ректорская, были сопряжены въ тѣ времена съ большими заботами. Это было время смуть и всяческихъ волненій. Оцѣнка тогдашнихъ волненій и ихъ причинъ принадлежитъ будущему, но А. Н., какъ

¹⁾ † 1895 г.

²⁾ Словарь С. Венгерова, вып. 29.

ректору, пришлось пережить тяжелыя времена, которыя легли на него еще тяжелѣе потому, что въ это время ему пришлось испытать много семейныхъ горестей... Онъ былъ вознагражденъ отчасти, по крайней мѣрѣ, въ первые годы своего ректорства, хорошими отношеніями къ нему студентовъ, дававшими ему возможность успокаивать волненія безъ ущерба, или почти безъ ущерба, для молодежи“.

Въ этихъ, звучащихъ тихой грустью, словахъ слышна, однако, нѣкоторая неточность. Авторъ настоящаго очерка, какъ бывший слушатель университета, смѣетъ увѣрить своего ректора, что любовь и неизмѣнная преданность къ нему большинства студентовъ сопровождали его трудную

И. Е. Андреевскій.

дѣятельность до послѣднихъ дней. Если же между нимъ и молодежью возникали недоразумѣнія, то пусть онъ своимъ любящимъ сердцемъ проститъ ей невольныя увлеченія, памятуя слова поэта: „то кровь кипитъ, то силъ избытокъ“. Утомленный борьбою, А. Бекетовъ уступилъ мѣсто другому избраннику совѣта—Ивану Ефимовичу Андреевскому¹⁾.

Воспитаникъ Петербургскаго университета, Андреевскій посвятилъ своей almae matris 35 лучшихъ лѣтъ своей жизни, переживъ съ ней

въ качествѣ дѣйствующаго лица чрезвычайно трудныя минуты жизни и играя въ ея судьбѣ неоднократно выдающуюся роль. Поколѣніе 1860-хъ годовъ сохранило, какъ кажется, объ Иванѣ Ефимовичѣ нѣсколько иное воспоминаніе, нежели мы, питомцы послѣдующихъ лѣтъ, но здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Для первой же половины 1880-хъ годовъ ректоръ Андреевскій былъ достойный руководитель университетской общины. Онъ явилъ собою типъ прекраснаго администратора, энергичнаго, живаго и высокочтимаго молодежью. Каждое появленіе его на кафедрѣ было какимъ-то триумфомъ побѣдителя умовъ и сердецъ—его встрѣчали и провожали самыми шумными проявленіями сочувствія. Все

¹⁾ Статья В. Ведрова въ „Русской Старинѣ“ 1891 г.

живое въ университетѣ находило въ немъ поддержку и защиту; онъ не жалѣлъ ни силъ, ни времени; чтобъ сдѣлать что нибудь доброе на пользу молодежи. И эта молодежь умѣла цѣнить его и платила ему самой горячей привязанностью и любовью. Какъ ученый, онъ извѣстенъ созданіемъ кафедры полицейскаго права, какъ общественный дѣятель, онъ оставилъ по себѣ неизгладимую память въ археологическомъ институтѣ, въ обществѣ охраненія народнаго здравія и вольно-экономическомъ обществѣ. Ему обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ „Земскій Ежегодникъ“, а также извѣстныя нормальныя столовыя въ столицѣ; ему же обязано своимъ процвѣтаніемъ „Студенческое научно-литературное общество“, основанное въ 1882 г. въ ректорство А. Бекетова и просуществовавшее пять лѣтъ до 1887 г.

Общество это принесло неоспоримую пользу поколѣнію студентовъ 1880-хъ годовъ. Оно возникло съ цѣлью пробужденія среди студентовъ интереса къ вопросамъ науки и литературы. Предсѣдателемъ его состоялъ все время Ор. Миллеръ, участіе въ немъ принимали также многіе профессора, напримѣръ, Сергѣевичъ, Дювернуа, Семевскій, Карѣевъ и другіе. Изъ нѣдръ его вышла цѣлая плеяда молодыхъ ученыхъ, уже занимающихъ въ настоящее время кафедры въ столичныхъ и провинціальныхъ университетахъ, напримѣръ: г. г. Латкинъ, Платоновъ, Шляпкинъ, Лаппо-Данилевскій, Чечулинъ, Дьяконовъ, Бороздинъ, Красновъ, Свѣшниковъ, Ольденбургъ, Фохтъ, Левинсонъ-Лессингъ, Вернадскій и многіе другіе.

Въ 1882 г. при университетѣ было выстроено на средства С. Полякова общежитіе для студентовъ подъ наименованіемъ „Коллегія императора Александра II“. Къ исходу десятилѣтія своего существованія въ ней жило 102 студента, а учрежденіе имѣло прихода 61.600 рублей 46 коп.

Въ 1884 г. министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ ввести новый уставъ. Подготовленія къ нему шли уже давно, но лишь 23-го августа того года онъ удостоился Высочайшаго утвержденія. По новому положенію, ректоръ избирается министромъ и Высочайше назначается на 4 года; деканы избираются попечителемъ и утверждаются министромъ; секретарь фалькютета избирается деканомъ и утверждается въ должности попечителемъ округа. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; всѣ служащіе и состоящіе при университетѣ обязаны исполнять требованія ректора. На совѣтъ возложено ближайшее наблюденіе за академическимъ преподаваніемъ. Въ устройствѣ учебной части по новому положенію сдѣланы значительныя измѣненія. Университетскій курсъ науки разбитъ на полу-годовые семестры, и вмѣсто экзаменовъ отъ слушателей потребованъ зачетъ полугодій; введены въ особыхъ комиссіяхъ государственные экзамены, по коимъ и выдаются испытуемымъ дипломы первой и второй степени. Выпускные экзамены при университетѣ отмѣнены. Введено гоно-

рарное вознагражденіе профессоръ, и дано широкое развитіе институту привать-доцентовъ. Уставъ 1884 г. дѣйствуетъ понынѣ; онъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ о немъ говорить обстоятельно, да къ тому же послѣдовавшія министерскія распоряженія произвели въ немъ уже нѣкоторыя перемѣны. Такъ, возвышена плата въ 1887 г. въ пользу университетовъ съ пяти до пятидесяти рублей; возстановлены годовые переходныя испытанія съ курса на курсъ.

Печальное событіе 1-го марта 1887 года причинило немало скорби университету. Въ этомъ же году И. Е. Андреевскій покинулъ постъ ректора, и на его мѣсто былъ назначенъ профессоръ М. И. Владиславлевъ.

М. И. Владиславлевъ.

Въ періодъ его трехгодичнаго ректорства приступлено къ устройству безопаснаго отъ огня помѣщенія библіотеки и неходатайствованъ, по инициативѣ Д. И. Менделѣева, кредитъ для постройки обширной химической лабораторіи. Благодаря энергіи профессоровъ Меншуткина и Коновалова, а также архитектора Красовскаго, зданіе лабораторіи уже выстроено; по мнѣнію свѣдущихъ людей, этотъ новый очагъ науки представляетъ собою верхъ совершенства и является по-

слѣднимъ словомъ архитектуры и техники.

По смерти М. Владиславлева, ректоромъ былъ назначенъ профессоръ П. В. Никитинъ. На его долю выпала честь напутствовать нашу *alma mater* въ послѣднюю четверть ея вѣкового существованія.

Съ 1884 г. по настоящее время при университетѣ открыты еще новыя ученыя общества: антропологическое, нефилологическое и историческое. Послѣднее возникло по инициативѣ профессора Н. Карѣева и обладаетъ собственнымъ изданіемъ — „Историческій сборникъ“, котораго уже вышло 6 томовъ. Обращаясь къ устройству учебной части университета, мы начисляемъ къ 1 января 1893 г. въ преподавательскомъ составѣ 175 человекъ, среди которыхъ — 63 привать-доцента и 33 лаборанта и хранителей кабинетовъ. Ученые кабинеты университета значи-

тельно расширились и увеличались. Составъ ихъ таковъ: ботанической, зоологической, геологической, физической, метеорологической, астрономическая обсерваторія, кабинетъ уголовного права, географіи и антропологій, изящныхъ искусствъ и древностей, статистической, восточныхъ монетъ, агрономической и лабораторіи органической и неорганической химіи. Библіотека къ 1-му января 1893 г. обнимаетъ собою 205.576 томовъ съ 86.762 названіями.

Практическія занятія съ студентами ведутся съ прежнимъ оживленіемъ и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ научно-общественный характеръ. Такъ, въ 1890 году ¹⁾, подъ руководствомъ приватъ-доцента Свѣшниковъ, „студентамъ юридическаго фалькутета было предложено разобрать и разрабатывать по-уѣздно матеріалы, имѣющіеся въ бібліотекѣ университета по исторіи земскихъ учреждений въ Россіи по предложенной программѣ,“ а на филологическомъ факультетѣ профессоръ Карѣевъ велъ со студентами въ 1892 г. ²⁾ занятія по изученію политической литературы XVIII в. Изъ разсмотрѣнія отчетовъ мы видимъ вездѣ чрезвычайно лестные отзывы профессоровъ о занятіяхъ университетской молодежи. Это даетъ намъ основаніе заключить, что раздающіяся и въ обществѣ и въ печати нареканія на студентовъ и обвиненія ихъ чуть ли не поголовно въ измелчаніи и пустотѣ значительно преувеличены. Погоня за модой и внѣшнимъ лоскомъ у многихъ проявлялась и прежде, но тогда студентъ сливался съ толпой и былъ не замѣтенъ, теперь же, благодаря мундиру, онъ у всѣхъ на виду и открытъ для пересудъ и указаній. Если же и наблюдается нѣкоторое затишье среди молодежи и упадокъ талантливости и блеска, то въ этомъ ничуть не повинна академическая среда. Причинъ этому надо искать въ иныхъ областяхъ — въ семейномъ и общественномъ строѣ современной жизни.

П. В. Никитинъ.

Оканчивая настоящій очеркъ, невольно задаешь вопросъ: что же

¹⁾ Отчетъ университета за 1890 г.

²⁾ Отчетъ унив. за 1892 г.

едѣлалъ для нашего отечества Петербургскій университетъ за 75 лѣтъ своей жизни? Очень много, не смотря на часто имѣвшія мѣсто неблагопріятныя обстоятельства въ его жизни. Онъ создалъ рядъ научныхъ трудовъ и ученыхъ обществъ, выставилъ изъ своей среды большой комплектъ научныхъ силъ: Грановскій, Макушевъ, Петрушевскій, Менделѣевъ, Кесслеръ, Фаминцынъ, Никитенко, Чебышевъ-Димитріевъ, Сухомлиновъ, Миллеръ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Благовѣщенскій, Замысловскій, Меншуткинъ, Таганцевъ, Мартенсъ, Градовскій, Люгебиль, Буссе, Фойницкій, Семевскій, Минаевъ, Ламанскій, Тимирязевъ, Докучаевъ, А. Воейковъ и др.—воспитанники нашего университета и изъ нихъ нѣкоторые составляютъ гордость русской науки. Въ списокъ государственныхъ людей, достигшихъ высокаго поста членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ, встрѣчаются также бывшіе студенты Петербургскаго университета, какъ напр., Гюббенетъ, Любоцинскій, Перетцъ, Вешняковъ, братья Маркусы, братья Семеновы, Н. Герардъ, Неклюдовъ, К. Домонтовичъ, Булахъ, Беръ, Гедда. Нынѣшній министръ юстиціи Муравьевъ также получилъ отъ нашего университета ученую степень. На отвѣтственныхъ постахъ директоровъ и вице-директоровъ департаментовъ мы встрѣчаемъ также не мало нашихъ бывшихъ товарищей. Педагогическій персоналъ столицы въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей пополнился Петербургскимъ университетомъ: Водовозовъ, Стоюнинъ, Евтушевскій, Сентъ-Иллеръ, Латышевъ, Гуревичъ, Сиповскій, В. Острогорскій двинули далеко впередъ дѣло воспитанія юношества, а нѣкоторые изъ нихъ произвели коренной переворотъ въ дѣлѣ преподаванія. Обращаясь къ литературѣ и журналистикѣ, мы видимъ длинный рядъ лицъ или окончившихъ курсъ нашего университета, или слушавшихъ въ немъ лекціи. Многіе изъ нихъ создали себѣ нерукотворный памятникъ и пользуются европейской извѣстностью, какъ напримѣръ, И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой, получившій отъ Петербургскаго университета званіе кандидата ¹⁾). Изъ остальныхъ литераторовъ считаемъ долгомъ упомянуть: Чернышевскаго, Писарева, Ап. Майкова, Вал. Майкова, Л. Майкова, Подолнскаго, Вильбасова, Венгерова, Скабичевскаго, Боборыкина, Шеллера, Гаршина, Альбова, Мамина, Потапенко, Полевого, Терпигорева, П. Гайдебурова, Мережковскаго и др.

Названными лицами далеко не исчерпывается послѣдіе университета литературѣ. Вся столичная пресса переполнена бывшими петербургскими студентами: въ однихъ органахъ печати они являются или полными хозяевами или главными руководителями: къ числу таковыхъ относится „Вѣстникъ Европы“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Образованіе“, „Русская школа“, „Міръ Божій“, „Новости“, „Недѣля“; въ остальныхъ изданіяхъ наши бывшіе товарищи занимаютъ видныя мѣста честныхъ тружениковъ, неустанно работающихъ на пользу отечества. На поприщѣ

¹⁾ Сочиненія Л. Толстого, т. IV, изд. 1886 г.

общественной дѣятельности мы видимъ то же самое — „Комитетъ грамотности“, „Вольно-экономическое общество“, „Географическое общество“ и мног. друг., а также составъ присяжныхъ повѣренныхъ, докторовъ и гласныхъ считаютъ въ своей средѣ не одинъ десятокъ воспитанниковъ университета. Университетъ и его бывшіе питомцы отзывались также всегда горячо и рѣшительно на всѣ народныя бѣдствія, шли бодро на помощь нуждающимся. Я уже упоминалъ о войнахъ Севастопольской и Русско-турецкой, отмѣчу еще, что когда нашъ простой народъ изнемогалъ отъ послѣдствій неурожая, и голодная смерть заглядывала въ хижины бѣдняковъ, университетъ, въ лицѣ своихъ старшихъ и младшихъ сыновей, откликнулся на призывъ о помощи. Профессора читали публичныя лекціи въ пользу населенія голодающихъ мѣстностей, а бывшіе студенты явились въ селахъ и деревняхъ дѣятельными организаторами столовыхъ. Имена Вернадскаго, Корнилова, Обольянинова никогда не будутъ забыты въ Тамбовской губерніи ¹⁾.

Приведенные результаты дѣятельности Петербургскаго университета заслуживаютъ ему горячую благодарность родной земли. Наша *alma mater* сдѣлала все, что было въ ея силахъ и средствахъ на пользу прогрессивнаго развитія русскаго народа. На этомъ она, конечно, не остановится и продолжитъ свою плодотворную работу въ томъ же направленіи на многіе годы. Остается только пожелать, чтобъ бывшіе питомцы университета не забыли своей *almae matris*, памятуя ея завѣты и лучшія преданія, оказывали ей всякое содѣйствіе и поддержку и чтобы союзъ между бывшими студентами росъ и укрѣплялся „подъ знаменемъ науки“ во имя правды и добра.

1894 г.

¹⁾ „Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ“, отчетъ А. Корнилова.

Республиканецъ при русскомъ дворѣ ¹⁾.

НА БЕРЕГУ Женевского озера, въ мѣстечкѣ Роллѣ, стоитъ незатѣйливый памятникъ, поставленный благодарными гражданами Ваадтекаго кантона, какъ скромная дань великимъ заслугамъ неутомимаго борца за свободу отечества, республиканца, Фридриха Цезаря Лагарпа.

Свободный мыслитель, ученикъ философовъ XVIII в., самъ философъ, мечтатель и теоретикъ, Лагарпъ, по своей натурѣ не былъ способенъ къ роли политическаго дѣятеля; его назначеніе было работать въ тиши кабинета во имя науки, бесѣдовать съ авторами античнаго міра, погружаться въ глубокіе вопросы философской мудрости, распространяя вокругъ себя свѣтлые лучи познанія и истины. Но судьба судила другое и обратила его изъ скромнаго ученаго въ крупнаго политическаго дѣятеля, употребившаго лучшіе годы своей жизни на осуществленіе великой идеи освобожденія роднаго Ваадтланда отъ зависимости бернской аристократіи и признанія его равноправности съ остальными кантонами Швейцаріи.

Будучи душою, главнымъ орудіемъ Швейцарской революціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ призванъ осуществить на дѣлѣ, провести въ жизнь новосозданнаго государства принципы обновленной власти, а къ этому-то онъ менѣе всего и былъ способенъ. „Лагарпъ не способенъ ни повиноваться, ни повелѣвать“, — такъ характеризовалъ его Наполеонъ; и, дѣйствительно, его теоретическая мудрость оказалась несостоятельною,

¹⁾ Источниками для настоящаго очерка послужили: 1) Ненапечатанныя письма Лагарпа къ неизвестному лицу, находящіяся въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова; 2) Письма къ Лагарпу Александра I и др. особъ царствующаго дома, напечатанныя въ Об. Ист. Общ., т. V; 3) Лагарпъ въ Россіи. „Р. Арх.“ 1866 г.; 4) Отчеты Лагарпа по воспитанію Вел. Кн. „Р. Ст.“ 1870 г.; 5) „Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ“, Я. К. Грота, въ Зап. Ак. Наукъ, 1884 г.; 6) „Фридрихъ Цезарь Лагарпъ“, ст. М. И. Сухомлинова въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1871 г.; 7) „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“, А. Н. Пыпина, „В. Евр.“ 1870 г.; 8) „Исторія царствованія Александра I“, М. Богдановича.

въ примѣненіи къ жизни. Другъ свободы, равенства и независимости, какъ величалъ себя самъ Лагарпъ, онъ былъ провозглашенъ своимъ же народомъ виновнымъ въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на права народныхъ собраний.

Лагарпъ—душа революціи, яростный врагъ и обличитель тираніи, и Лагарпъ—глава новаго республиканскаго правительства, два совершенно противоположныхъ дѣятеля. Но каковы бы ни были ошибки и промахи этого замѣчательнаго швейцарскаго гражданина, отечество обязано ему установленіемъ политическаго равновѣсія кантоновъ и признаніемъ на Вѣнскомъ конгрессѣ своего нейтралитета. Достигнуть этихъ результатовъ удалось отъявленному республиканцу только черезъ посредство неограниченнаго монарха, отъ котораго, казалось бы, по примѣру другихъ владыкъ, меньше всего можно было ожидать поддержки республиканскимъ принципамъ...

Недаромъ потратилъ Лагарпъ 12 лучшихъ лѣтъ своей жизни на воспитаніе русскаго великаго князя и обильную жатву взялъ онъ впоследствии съ этого воспитанія. Если Александръ I при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ своему воспитателю, что „онъ обязанъ ему всѣмъ, кромѣ рожденія“, обязанъ „нравомъ, правилами, нравственностью, немногими познаніями, которыя онъ могъ пріобрѣсти въ гораздо большемъ количествѣ, еслибъ лучше пользовался неисчислимыми попеченіями, за которыя онъ никогда съ нимъ иначе расплатиться не можетъ, какъ своими безграничными преданностью и уваженіемъ“, если Александръ считалъ нужнымъ такъ чистосердечно все это заявлять, то и Лагарпъ, съ своей стороны, долженъ бы былъ сознаться, что его воспитанникъ возвратилъ ему сторицею за всѣ попеченія и, конечно, оказался болѣе полезенъ своему воспитателю, чѣмъ тотъ ему.

Многіе современники относились поэтому недоброжелательно къ полурусскому, полуфранцузскому воспитанію Александра съ преобладаніемъ началъ, чуждыхъ русской жизни, воспитанію, которое наполняло голову юноши „странною смѣсью философскихъ и либеральныхъ идей XVIII в. съ самыми строгими требованіями неограниченной власти“. Нашъ знаменитый баснописецъ взялъ даже воспитаніе великаго князя темою для басни „Воспитаніе Льва“, гдѣ на примѣрѣ звѣрей мѣтко указалъ вредъ иноземнаго воспитанія. По его словамъ:

«..... Пользы нѣтъ большой тому знать птицѣй бытъ,
 «Кому звѣрьми владѣтъ поставила природа,
 «И что, важнѣйшая наука для царей—
 «Знать свойства своего народа
 «И выгоды земли своей».

Благодаря отчасти началамъ, лишеннымъ строгой опредѣленности и устойчивости, посѣяннымъ республиканцемъ-воспитателемъ, Александръ I явился загадкой для современниковъ и въ царствованіи своемъ представилъ рѣзкіе переходы отъ идеалистически-либеральныхъ идей Лагарпа

и конституціонныхъ наклонностей Чарторыйскаго, къ мистическому масонству и капральской выправкѣ Аракчеева. Вотъ почему и можно отнести скептически къ высококомѣрному заявленію Лагарпа, что „Провидѣніе, повидимому, возымѣло сожалѣніе о милліонахъ людей, обитающихъ въ Россіи, но лишь Екатерина II могла пожелать, чтобы ея внуки были воспитаны какъ люди“. Скорѣе можно сказать, что Провидѣніе сжалилось надъ угнетеннымъ отечествомъ Лагарпа и послало ему освобожденіе въ награду за труды по воспитанію, попеченію и заботы о русскомъ великомъ князѣ швейцарскаго изгнанника.

I.

Сынъ небогатыхъ родителей изъ дворянъ Ваадтскаго кантона, Фридрихъ Цезарь Лагарпъ получилъ первоначальное образованіе въ Ролльскомъ коллегіумѣ. Нервный, впечатлительный мальчикъ уже съ ранняго возраста выказывалъ чрезвычайную любознательность въ наукахъ, изъ которыхъ древняя исторія составляла любимый предметъ его занятій. Дѣтскія игры, сообщество сверстниковъ не доставляли ему никакого удовольствія; онъ рано началъ любить уединеніе и уноситься въ міръ грезъ и пылкихъ мечтаній. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ рѣшался еще дѣлиться дѣтскими впечатлѣніями, былъ нѣжно любимый отецъ, въ сердцѣ котораго онъ находилъ струны, какъ-бы отвѣчавшія созвучіемъ его пылкимъ рѣчамъ.

Въ прогулкахъ съ отцомъ, въ разсказахъ послѣдняго о герояхъ отечества, о бѣдствіяхъ, перетерпѣнныхъ Ваадтландомъ отъ гнета бернской аристократіи, впервые почерпнулъ молодой Лагарпъ источникъ своихъ жизненныхъ идеаловъ и убѣжденій. Тутъ впервые, по собственному его сознанію, „понялъ онъ цѣну свободы, ощутилъ въ себѣ республиканскія наклонности“ и „покаялся любить справедливость и народъ“. Древняя исторія Роллена сдѣлалась его настольной книгой, и часто, убѣгая окружающей дѣйствительности, бродя по живописнымъ горамъ Ваадтланда или на берегу Женевского озера, тринадцатилѣтній мальчикъ воображалъ себя дѣятелемъ Аѳинской или Римской республики, свидѣтелемъ великихъ битвъ и гражданскихъ подвиговъ, слышалъ бряцаніе оружія, звонъ разбиваемыхъ цѣпей, гулъ народнаго рукоплесканія, и одна яркая картина классическаго міра смѣняла другую, наполняя его мысль образами и душу благородными порывами. Но рамки Ролльскаго коллегіума скоро стали тѣсны, и четырнадцатилѣтній Лагарпъ былъ переведенъ въ Граубюнденъ, въ Гальденштейнскую семинарію извѣстнаго въ то время философа-педагога Наземана. Эта семинарія была организована по образцу Римской республики, гдѣ воспитанники пред-

ставляли собою народъ и избирали изъ своей среды должностныхъ лицъ: консуловъ, трибуновъ, преторовъ и пр.

То, о чемъ мечталъ Лагарпъ нѣкогда на берегу Женевского озера, явилось передъ нимъ теперь воочию, и онъ окупился со всеѣмъ пыломъ кипучей молодости въ жизнь этой миниатюрной республики, чтобы выйти впоследствии изъ нея на всю жизнь закаленнымъ республиканцемъ. Здѣсь, въ этомъ разсадникѣ будущихъ дѣятелей Швейцарской революціи, впервые возсталъ передъ нимъ неясный образъ Гельветической республики,—образъ, которому впоследствии суждено было осуществиться.

Окончивъ блестяще общеобразовательный курсъ семинаріи, онъ перѣхалъ довершить свое образованіе въ Женеву, гдѣ занятія философій открыли передъ нимъ невѣдомый и обаятельный міръ. Изъ всеѣхъ философовъ школа Локка по глубинѣ и стройности содержанія наиболѣе приобрѣла его симпатіи. Но пора была специализироваться и подумать объ обезпеченіи себѣ общественнаго положенія, и вотъ Лагарпъ, по указанію доктора правъ Фавра, останавливается на юридической карьерѣ, для чего переселяется въ Тюбингенъ. Здѣсь онъ основательно проходитъ курсъ тогдашней юриспруденціи и дѣлается страстнымъ поклонникомъ идей Монтескье. Теперь 20-лѣтній докторъ правъ, во всеоруженіи тогдашней учености, выступаетъ на практическое поприще, въ званіи адвоката при высшей Ролльской апелляціонной камерѣ. Общество города Лозанны, гдѣ сосредоточивалась вся умственная жизнь Швейцаріи, и гдѣ проводилъ Лагарпъ все свое свободное отъ служебныхъ занятій время, широко раскрыло двери передъ молодымъ и блестящимъ адвокатомъ. Онъ сошелся съ извѣстнымъ писателемъ Бриделемъ и многими другими учеными и общественными дѣятелями и вскорѣ былъ избранъ единогласно членомъ Литературнаго Общества, имѣвшаго цѣлью „изыскать истину совокупными силами въ области теоретической и нравственной философіи, литературы и изящныхъ искусствъ“. Вскорѣ, однако, столкновеніе съ однимъ изъ представителей бернской олигархіи побудило его не только проститься съ добрыми друзьями, но и съ отечествомъ.

Дѣло въ томъ, что члены Верховнаго Суда, знаменитые бернскіе господа, относились крайне презрительно и высокомерно къ гражданамъ кантоновъ, подчиненныхъ имъ съ 1836 г. Лагарпъ, по своему вспыльчивому характеру, неминуемо долженъ былъ столкнуться рано или поздно съ аристократической властью и однажды, на рѣзкое замѣчаніе одного правительственнаго чиновника: „мы не потерпимъ новаторскаго духа, и вы должны помнить, что вы наши подчиненные“, гордо отвѣтилъ: „мы не признаемъ другой власти, кромѣ республики и законовъ“. Этотъ отвѣтъ рѣшилъ его участь, и онъ долженъ былъ покинуть служебную карьеру и Бернъ. Оставаться въ отечествѣ было не безопасно, такъ какъ правительство врядъ ли оставило бы въ покоѣ гражданина, обнаружившаго съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности духъ строптивости и свободомыслія. Невольно взоры молодого республиканца обратились

на Новый Свѣтъ, гдѣ въ то время Сѣверо-Американскіе штаты энергично вели борьбу за независимость, при всеобщемъ сочувствіи передовыхъ людей Европы, видѣвшихъ въ этой борьбѣ осуществленіе идей Руссо.

Поѣздка Лагарпа къ заатлантическимъ братьямъ была уже рѣшена, какъ вдругъ къ нему обратились, по указанію извѣстнаго писателя Гримма, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскою императрицею Екатериною II, родственники генерала Ланского съ просьбою сопутствовать младшему Ланскому въ его путешествіи по Итали. Цѣль путешествія заключалась въ томъ, чтобы заставить молодого человѣка позабыть любимую имъ молодую дѣвушку. Государыня, принимавшая участіе въ Ланскихъ, была недовольна этою связью, и Гриммъ, съ которымъ она вела дѣятельную переписку, указалъ на Лагарпа, какъ на человѣка, находившагося въ то время не у дѣлъ и могшаго оказать на увлекшагося Ланского желаемое вліяніе.

И, дѣйствительно, менторъ оказался на высотѣ своего призванія, разсѣялъ грустныя чувства молодого офицера, вызваннаго разлукою, и заставилъ его позабыть предметъ страсти. Блестящее выполненіе возложеннаго порученія заслужило Лагарпу признательность Ланскихъ и самой Екатерины, которой Гриммъ сообщилъ выдержки изъ отчета о путешествіи. „Умъ и здравый смыслъ Лагарпа, — писала государыня Гримму, — до того очаровали присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо повелъ дѣло, что оно приняло именно тотъ оборотъ, котораго мы желали, и онъ заслужилъ признательность обѣихъ сторонъ. Поэтому я желаю, чтобы Лагарпъ сопровождалъ своего спутника до Петербурга, гдѣ безъ сомнѣнія получитъ приличное вознагражденіе“. Въ началѣ 1783 г. менторъ доставилъ благополучно своего Телемака въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ милостиво императрицею и ему было предложено остаться въ Россіи.

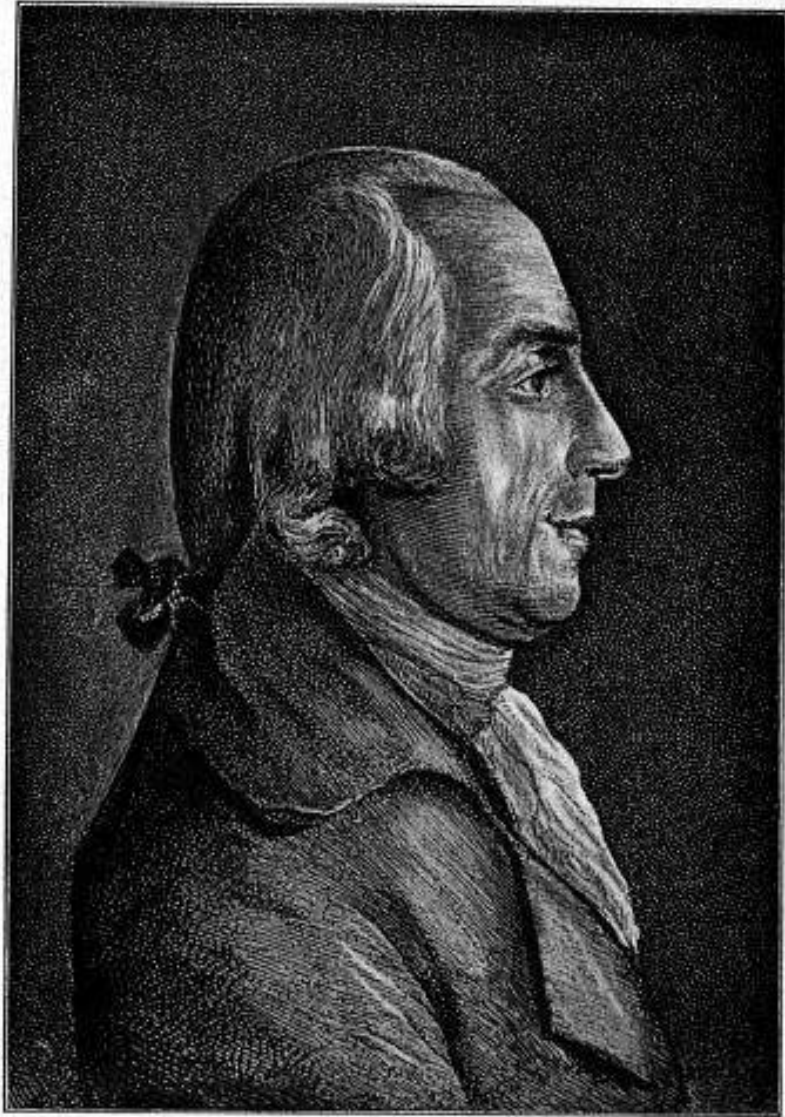
Иностранцы, особенно съ республиканскимъ пошибомъ, были тогда въ модѣ. Государыня увлекалась ученіями энциклопедистовъ, переписывалась съ Вольтеромъ, а ко времени пріѣзда Лагарпа была особенно озабочена воспитаніемъ своего любимаго старшаго внука, Александра Павловича, во вкусѣ просвѣтительныхъ началъ философовъ второй половины XVIII вѣка. Съ этою цѣлью ею была составлена въ 1784 г. обширная педагогическая инструкція, въ основаніе которой было положено сочиненіе Локка „о человѣческомъ разумѣніи“.

Лагарпъ, зачисленный къ тому времени въ штатъ лицъ, назначенныхъ для воспитанія великаго князя и долженствовавшій преподавать французскій языкъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту инструкцію, представилъ мемуаръ, въ которомъ, такъ сказать, высказывалъ свое педагогическое *profession de foi*. Эта исповѣдь ученика энциклопедистовъ какъ нельзя болѣе совпадала съ основаніями инструкціи Екатерины и отвѣчала на вопросъ, чѣмъ долженъ быть будущій правитель и какимъ путемъ это достигается. „Спрашивать, — нужно ли, чтобы будущій правитель былъ

философомъ, значить спрашивать, долженъ ли онъ сознать свои обязанности, долженъ ли стараться исполнять ихъ—словомъ, долженъ ли онъ быть достойнымъ гражданиномъ“,—таковъ взглядъ автора мемуара. Путь, которымъ это достигается, есть правильное воспитаніе, благотворно дѣйствующее на разумъ и нравъ, развивая самосознаніе и рѣшимость хорошо жить и умереть. Съ этою цѣлью Лагарпъ вводитъ въ программу своего курса преподаваніе философіи и, въ заключеніи, выражаетъ надежду, что ему поручатъ чтеніе великимъ князьямъ не одного только французскаго языка. Екатерина осталась довольна представленнымъ философско-педагогическимъ трактатомъ и положила резолюцію: „Дѣйствительно, кто составилъ подобный мемуаръ, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ“.

Такимъ образомъ, судьба Лагарпа была рѣшена, и онъ былъ назначенъ помощникомъ воспитателя великихъ князей, графа Ник. Ив. Салты-

кова, человѣка простаго, добраго, угодливаго, но не отличавшагося ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ. Конечно, Лагарпъ по своему развитію и знаніямъ стоялъ много выше его и *de facto* сдѣлался настоящимъ воспитателемъ. Съ жаромъ и истинною любовью приступилъ онъ къ своимъ новымъ обязанностямъ: роль руководителя царственныхъ дѣтей была ему по сердцу, его воображенію рисовались идеальныя перспективы. Съ особенною любовью останавливался онъ на будущности Александра, который съ первыхъ же дней приобрѣлъ его особенныя

Фридрихъ Цезаръ Лагарпъ.

симпатіи. „Изъ него я воспитаю—такъ мечталъ Лагарпъ—человѣка-друга свободы, покровителя наукъ и искусствъ, который явится въ міръ провозгласить идеи равенства и независимости. Какъ счастливъ будетъ управляемый имъ народъ: въ его государствѣ воздвигнутся многочисленныя школы, университеты, будетъ процвѣтать торговля и мирныя земледѣлія, благословляя своего монарха, съ любовью обратятся къ своимъ сельскимъ работамъ, пышная аристократія сниметъ свои раззолоченныя кафтаны, при дворѣ стихнутъ интриги и козни, и всѣ обратятся къ занятіямъ, облагораживающимъ умъ и сердце“. Лагарпъ былъ глубоко убѣжденъ, что основанія, почерпнутыя имъ изъ философскихъ системъ, могутъ послужить противовѣсомъ противъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и разрѣшать всѣ противорѣчія жизни.

Положеніе Лагарпа при дворѣ Екатерины было довольно фальшивое: и онъ самъ косился на знатныхъ вельможъ, и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ по принципу ненавидѣлъ эту знать за ея богатство, за почести, за смѣсь до-Петровскаго боярства съ недозрѣвшимъ европеизмомъ, поэтому избѣгалъ появляться при дворѣ и свободное отъ занятій съ питомцами время посвящалъ перепискѣ съ швейцарскими друзьями, приготовленію къ урокамъ и изготовленію отчетовъ по воспитанію; но любимымъ его занятіемъ было, по-прежнему, чтеніе классическихъ жизнеописаній Катона, Арата, Ю. Брута, Демосфена и др. На примѣрѣ этихъ людей учился онъ жить, терпѣть и, углубляясь въ чтеніе, говорилъ себѣ: „Великія заслуги и высокія добродѣтели этихъ людей давали имъ столько права на счастье, но они въ свое время были не признаваемы, угнетаемы и тѣмъ не менѣе не переставали идти по начертанному пути; а неужели меня мелкія противорѣчія, незначущія обиды и тому подобныя неудачи могутъ заставить отказаться отъ моей задачи, между тѣмъ какъ, благодаря постоянству, можно было способствовать сохраненію лучшаго будущаго для 40 милліоновъ людей!“

Придворный міръ съ своей стороны не любилъ иностранца-воспитателя, какъ выскочку, но терпѣлъ его до поры до времени, не выказывая явной антипатіи изъ угоды государынѣ. Въ обществѣ же смотрѣли на него разно: одни, видя въ Лагарпѣ послѣднее слово западной науки и представителя революціонной докторины, считали его за авторитетъ и заискивали въ немъ; другіе, болѣе скептическіе и неохотники до компромиссовъ, удивлялись его способности уживаться при революціонномъ образѣ мыслей съ близостью къ трону неограниченной монархини какъ, напримѣръ, Н. Тургеневъ: „Какъ странно, что республиканцы по рожденію, поселяясь въ странѣ, находящейся подъ правленіемъ диаметрально противоположнымъ образу правленія на ихъ родинѣ, прекрасно умѣютъ уживаться и благоденствовать подъ самодержавнымъ правленіемъ—говорилъ онъ; они даже легко мирятся съ рабствомъ, одна идея котораго возмущаетъ теоретическихъ республиканцевъ“. Въ этомъ замѣчаніи Тургенева, какъ увидитъ читатель далѣе, было не мало правды.

Кромѣ Лагарпа, преподавателями при великихъ князьяхъ состояли: русскаго языка—М. Муравьевъ, извѣстный писатель въ сантиментально-философскомъ родѣ, проникнутый идеями энциклопедистовъ и по своему направленію подходившій подстать Лагарпу; Закона Божьяго—протоіерей Самборскій, человѣкъ лишенный глубокихъ убѣжденій, ловкій и свѣтскій дипломатъ, не отличавшійся ни богословскими познаніями, ни религіозно-нравственными качествами. Государыня, по свидѣтельству Морошкина, остановила на немъ свой выборъ, имѣя въ виду предохранить Александра отъ религіознаго фанатизма и желая его поставить выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ истинъ. Салтыковъ, главный воспитатель, слѣдилъ преимущественно за тѣмъ, чтобы дѣти не простужались, не болѣли, зна-

Императрица Екатерина II и ея семейство.

комиль ихъ въ подробностяхъ съ придворною политикою и этикетомъ, а также служилъ посредникомъ между императрицею и остальными учителями при ея внукахъ.

Придворная обстановка, сама по себѣ, содѣйствовала укрѣпленію вліянія Лагарпа на питомцевъ, изъ которыхъ въ особенности Александръ привязался къ нему всею душою. Этому не мало содѣйствовало то ненормальное положеніе, которое дѣти занимали при дворѣ своей бабки и въ которое были посталены по отношенію родителей. De facto они воспитывались, какъ сироты при большомъ дворѣ, и свиданія ихъ съ отцомъ и матерью были неохотно дозволяемы государыней, которая не любила своего сына, боялась его вліянія на внуковъ и даже надѣялась въ лицѣ

Александра видѣть себѣ преемника, минуя законнаго наслѣдника. Дѣти, при свиданіи съ родителями, не смѣли выказывать нѣжности и ласки, да и не чувствовали въ этомъ потребности, такъ какъ совершенно ихъ не знали; напротивъ, при встрѣчѣ съ фаворитами и временщиками, они, въ угоду Екатеринѣ, должны были быть съ ними привѣтливы, ласковы и нерѣдко выслушивать ихъ не деликатные отзывы объ отцѣ, ибо все, что касалось Павла Петровича и его малаго двора, осуждалось и поносилось ими. Появленіе поэтому около дѣтей новой личности, обращавшейся съ ними запросто, задушевно, оказало на нихъ сильное впечатлѣніе и расположило къ воспитателю дѣтскія сердца. Сюда присоединилась способность Лагарпа бесѣдовать горячо, интересно и, въ увлеченіи разговора, позабывать, что передъ нимъ не взрослые слушатели и что многое имъ еще рано слышать и понимать.

Вліяніе воспитателя на воспитанниковъ было, однако, не одинаково. Въ то время какъ старшій изъ нихъ пользовался особенною снисходительностью, любовью и заботливостью Лагарпа, младшій встрѣчалъ скорѣе суровое, строгое къ себѣ отношеніе. Константинъ Павловичъ унаслѣдовалъ многія непріятныя стороны характера отца: былъ вспыльчивъ, капризенъ, упрямъ и гораздо болѣе былъ занятъ ружьями и солдатиками, чѣмъ приготовленіями къ урокамъ и классными занятіями. Ему не удѣлялось столько ласкъ отъ окружающихъ, какъ красному и нѣжному Александру, и онъ росъ на второмъ планѣ, часто обижаемый и пренебрегаемый. Лагарпъ не сумѣлъ стать въ этомъ отношеніи выше окружающихъ и на долю меньшаго ученика съ его стороны перепало не мало наказаній, обиднаго пренебреженія и нелестныхъ отзывовъ. Вслѣдствіе этого Александръ по своимъ чувствамъ стоялъ къ воспитателю гораздо ближе, нежели Константинъ.

Лагарпъ, уже въ началѣ своихъ занятій, сталъ проводить излюбленныя теоріи, приучая дѣтей къ разсужденіямъ и чтенію не по возрасту серьезныхъ книгъ; его уроки поэтому были для нихъ нѣсколько скучноваты, такъ что они оказывали въ наукахъ слабые успѣхи. Начнетъ ли онъ диктовку, дастъ ли переписку, заставитъ ли читать велухъ и запомнить прочитанное, для всего бралось содержаніе изъ книгъ и произведеній, требующихъ серьезнаго отношенія, размышленія, и направляющихъ умъ на серьезные вопросы. По большей части темы брались изъ древней исторіи Рима. Даже въ рекреаціонныя часы воспитатель заставлялъ ихъ читать серьезныя книги и подвергалъ строгой цензурѣ ихъ бібліотеку. По этому поводу между воспитателемъ и учениками возникали часто препирательства, но онъ былъ неумолимъ и не отступалъ отъ своей задачи привить къ нимъ съ дѣтства весь кодексъ своихъ понятій и вѣрованій.

Понятно, что, поставивъ сразу преподаваніе на слишкомъ серьезную ногу, ему пришлось потратить не мало труда, чтобы развить въ нихъ самосознаніе, любовь къ работѣ и вниманіе, а это было тѣмъ труднѣе,

что старшій воспитанникъ былъ отъ природы нѣсколько вялъ и апатиченъ, а младшій рѣзвъ и невнимателенъ. Лагарпъ заставлялъ учениковъ вести дневникъ ихъ проступкамъ, выѣшивалъ въ классной комнатѣ свѣдѣнія о ихъ занятіяхъ и поведеніи, а подчасъ прибѣгалъ и къ мѣрамъ строгости, напр., высылалъ изъ комнаты, лишалъ своего общества, приносилъ на нихъ жалобы Салтыкову, заставлялъ каяться въ шалостяхъ, а въ отношеніи Константина предлагалъ главному воспитателю примѣнять тѣлесныя наказанія. Такъ, въ своемъ отчетѣ отъ 1789 г., когда Константину Павловичу шелъ 11-й годъ, Лагарпъ писалъ: „Употребляя во зло мое терпѣніе въ теченіе 2-хъ часовъ сряду, когда дѣло шло о работѣ, которую онъ (т. е. Константинъ) могъ исполнить въ 5 минутъ и, испробовавъ совершенно тщетно всѣ средства вывести меня изъ терпѣнія, онъ заставилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ В. С—ву и вскорѣ послѣ полученнаго выговора, въ припадкѣ ярости, которую надо видѣть, в. кн. укусилъ мнѣ руку“. Воспитатель предлагаетъ, чтобы сохранить свой авторитетъ и чтобы предотвратить повтореніе подобнаго поступка, отвѣтить на насиліе тѣмъ же насиліемъ, „способнымъ поселить навсегда отвращеніе къ такого рода способу приводить въ исполненіе свои желанія“.

Обыкновенно на другой день, послѣ неудачно кончившихся уроковъ и бурныхъ сценъ, воспитатель получалъ отъ своихъ воспитанниковъ письма съ изъявленіемъ раскаянія и просьбами о помилованіи. Вотъ образецъ того, какъ вел. кн. Александръ каялся письменно въ своемъ поведеніи:

„Вмѣсто того, чтобы себя поощрять и удваивать стараніе воспользоваться остающимися мнѣ годами ученія, я день ото дня становлюсь все болѣе нерадивъ, болѣе неприлеженъ, болѣе неспособенъ и съ каждымъ днемъ все болѣе приближаюсь ко мнѣ подобнымъ, которые безумно считаютъ себя совершенствами потому только, что они принцы... Полный самолюбія и лишенный соревнованія, я чрезвычайно нечувствителенъ ко всему, что не задѣваетъ прямо самолюбія. Эгонствъ, лишь бы мнѣ хотѣлось выказываться и блеснуть на счетъ ближняго, потому что я не чувствую въ себѣ нужныхъ силъ для пріобрѣтенія истиннаго достоинства: 13-ти лѣтъ я такой же дитя, какъ въ восемь, и чѣмъ болѣе я подвигаюсь въ возрастъ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что изъ меня будетъ? Ничего, судя по примѣтамъ. Благоразумные люди, которые будутъ мнѣ кланяться, будутъ изъ состраданія пожимать плечами, а, можетъ быть, будутъ смѣяться на мой счетъ, потому что я, вѣроятно, буду приписывать своему отличному достоинству тѣ вишіе знаки уваженія, которые будутъ оказывать моей особѣ. Такъ-то кадятъ идолу, смѣясь надъ подобной комедіей“. „Я чувствую всю огромность моей вины,—писалъ Александръ Лагарпу,—и прошу у васъ извиненія и отъ глубины сердца. Письмо ваше дало мнѣ сильно почувствовать, что если я буду терять время, изъ меня ничего не выйдетъ. Прошу васъ позволить мнѣ продолжать учиться“.

Не менѣе горячо каялся и Константинъ: „Великій князь упрямый,— пишетъ онъ наставнику,—невнимательный и который читать не умѣетъ, есть самое смѣшное существо, особенно когда онъ воображаетъ, что онъ есть что-нибудь“, или „г. де-Лагарпъ! Умоляю васъ прочесть мое письмо. Будьте снисходительны ко мнѣ и подумайте, что я могу исправить свои недостатки; я сдѣлаю усилія и не буду мальчишкой осломъ, asinus, и пропащимъ молодымъ человѣкомъ. Прошу васъ пустить меня придти учиться. Я могу быть въ комнатѣ съ тѣмъ даже, чтобы вы мною не занимались, но вы будете говорить брату“.

На умъ и сердце Александра оказывали сильное вліяніе убѣжденные и краснорѣчивые повѣствованія Лагарпа. Часто, гуляя по набережной Невы, воспитатель повѣрялъ любимому ученику свои завѣтныя мечты и надежды; онъ раскрывалъ передъ нимъ страницы зла и неправды существующаго порядка вещей, указывалъ на идеалы античнаго міра и неспорченнаго цивилизаціей человѣчества, переливалъ въ душу своего юнаго слушателя ненависть къ богатству и деспотіи, указывалъ на пороки аристократіи и уносилъ его съ собою въ міръ грезъ, въ фантастическое царство правды, равенства и свободы. О, съ какимъ пламеннымъ восторгомъ внималъ оратору его молодой другъ, какъ высокъ и полонъ совершенства казался онъ ему! На этихъ прогулкахъ развилась въ немъ сантиментальная мечтательность, чувствительность къ красотамъ природы, способность приходить въ восторгъ отъ пустяковъ, страсть къ фразѣ и аффектаціи, тѣ изломности, которыя разстраивали нервы, лишали мысль ясности и опредѣленности и расшатывали характеръ.

II.

Государыня была чрезвычайно довольна воспитателемъ своихъ внуковъ, что и выражала, какъ лично Лагарпу, такъ и въ письмахъ къ приближеннымъ. Она съ удовольствіемъ читала пространные отчеты его по воспитанію и дѣлала на нихъ иногда письменныя замѣчанія. Первый отчетъ былъ представленъ Лагарпомъ въ 1786 г., за который онъ удостоился пожалованія орденомъ св. Владиміра лично изъ рукъ государыни, что доставило республиканцу не мало удовольствія; слѣдующіе отчеты онъ представилъ въ 1789 и 1790 гг. Въ этихъ отчетахъ воспитатель дѣлаетъ постепенный обзоръ хода занятій съ великими князьями, характеристику ихъ успѣховъ, и, кромѣ того, разбираетъ и опредѣляетъ значеніе каждой проходимой науки въ отдѣльности.

Ученикъ Гальденштейнской семинаріи перенесъ методъ этой школы въ свое преподаваніе. Лагарпъ стремится показать въ своихъ запискахъ, что путемъ отвлеченнаго разсужденія можно побудить великихъ князей дойти до убѣжденія въ необходимости быть свѣдующими и добродѣтельными во имя высшаго долга. Главный центръ преподаванія заключался въ философскомъ изложеніи историческихъ событій, которыя онъ чи-

таль по Гиббону, Миллоту, иллюстрируя ихъ чтеніемъ отрывковъ изъ классиковъ и дѣлая ихъ темою политической и общественной правственности. Воспитатель особенно заботится о развитіи въ своемъ старшемъ ученикѣ уваженія къ достоинству человѣческой личности и отвращенія ко всему порочному и злему. Изъ философскаго обозрѣнія историческихъ явленій онъ, согласно ученію Бурламаки, Локка и Руссо, даетъ великому князю слѣдующій запасъ убѣжденій:

„Тѣ, которые разрушили храмы наукъ, истребили сокровищницы знаній и преслѣдовали ученыхъ и писателей, всѣ тѣ покрыли себя вѣчнымъ безславіемъ; правитель долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки; придворный этикетъ губителенъ для правителя, отвлекая его отъ существенныхъ обязанностей, расслабляя умъ и душу и дѣлая избранника народа недостойнымъ своего великаго призванія; всякая форма правленія закона, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ; первая и главная обязанность правителя учредить училища для народа; вторая — дать хорошіе законы; правительство, выходящее въ дѣйствіяхъ своихъ изъ предѣловъ закона, вызываетъ вполнѣ законное противодѣйствіе со стороны подвластныхъ; послѣдніе въ правѣ прибѣгать къ силѣ, чтобы сокрушить тяготящую надъ ними незаконный и необузданный произволъ“.

Императрица Екатерина II.

Значительнымъ пробѣломъ въ преподаваніи Лагарпа, и безъ того крайне энциклопедичномъ и страдавшемъ излишнею склонностью къ обобщеніямъ, въ ущербъ фактическимъ свѣдѣніямъ, служило незнаніе русской исторіи. Самъ воспитатель чувствовалъ и не скрывалъ этого; государыня выписывала для него все выходящее на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по этому предмету, но, конечно, это не могло помочь дѣлу, и для будущаго государя вѣковая исторія русскаго народа, его характеръ, бытъ, религіозныя и нравственныя міровоззрѣнія, особенности общественнаго строя, оставались болѣе чуждыми, чѣмъ какихъ-нибудь швейцарскихъ общинъ и греческихъ республикъ.

Действительскія религіозныя воззрѣнія наставника имѣли немалое вліяніе на складъ ума воспитанника. „Откровеніе есть единый источникъ религіи,—говорилъ онъ ему,—но вмѣстѣ съ тѣмъ должно уважать и неоспоримыя права разума. Живая, дѣятельная любовь есть основа, душа христіанства, любовь къ Богу, любовь къ ближнему, ко всякому ближнему, даже ко врагу и къ тому, кто иначе вѣруетъ, нежели мы, любовь, которая все терпитъ, все переноситъ. Дѣйствительный, а не кажущійся атеизмъ есть обсурдъ“.

Поклоненіе Лагарпа началамъ греческихъ и римскихъ государственныхъ учрежденій доходило до идолопоклонства: здѣсь онъ видѣлъ только свѣтлыя стороны, только одно безконечное развитіе философской мысли, и всякое сопротивленіе, всякое прикосновеніе къ этимъ началамъ принималось имъ за святотатство, за поруганіе святыни.

„Я не забылъ... упомянуть,—говорилъ онъ о своемъ историческомъ курсѣ въ отчетѣ,—о тѣхъ жалкихъ раздорахъ монаховъ, которые воздвигли престолы глупости тамъ, гдѣ такъ долго царили науки, искусства и изящный вкусъ, и взаимныя чувства, облагораживающихъ въ былыя времена умы грековъ, они распространили постыдное суевѣріе со всеми пороками рабства и униженія“.

Программы и конспекты своихъ лекцій Лагарпъ представлялъ черезъ Салтыкова на разсмотрѣніе государыни, которая прочитывала ихъ съ большимъ удовольствіемъ и оставалась ими довольна.

„Присланную роспись ученія великаго князя, сочиненную Лагарпомъ,—писала она Салтыкову,—я показать велѣла Фицгерберту (англійскому посланнику), и онъ такъ, какъ и я, находитъ, что лучше выдумать нельзя, и о успѣхахъ не сомнѣваюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствіе“. Въ другой разъ она заявила ему лично при свиданіи:

„Начала, которыя вы проводите, укрѣпляютъ душу вашихъ питомцевъ; я читаю ваши записки съ величайшимъ удовольствіемъ и чрезвычайно довольна вашимъ преподаваніемъ“.

Все это писалось и говорилось въ то время, когда Екатерина еще не разочаровалась въ идеалахъ, выдвинутыхъ французской философіей XVIII вѣка, пока эти идеалы еще не сдѣлались достояніемъ массы и служили лишь темами для элегантныхъ и остроумныхъ разсужденій въ салонахъ и были далеки отъ реальнаго осуществленія и примѣненія къ дѣлу.

И не одна только государыня была довольна свободолюбивыми лекціями своего придворнаго наставника; вѣсть о нихъ разнеслась даже за предѣлы Россіи и послужила предметомъ самыхъ живыхъ восторговъ соотечественниковъ Лагарпа.

Такъ, въ 1788 г., въ Ольтенѣ, на одномъ изъ собраній Гельветическаго Общества, имѣвшаго цѣлью поддерживать среди гражданъ нравственное достоинство и политическую свободу, были читаны присланные отрывки изъ лекцій воспитателя русскаго великаго князя. Чтеніе это

вызвало бурю рукоплесканій, единодушный восторгъ общества, и собраніе постановило выразить своему соотечественнику благодарность, что онъ и у ступеней трона не отрекается отъ своихъ республиканскихъ убѣжденій и приносить честь отечеству подобнымъ образомъ мыслей.

Въ свободное отъ занятій время Лагарпъ продолжалъ дѣятельно сносятся съ швейцарскими друзьями и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за быстро смѣнявшимися событіями Европы, гдѣ, ко времени его пребыванія въ Россіи, на первомъ планѣ стояла французская революція. Лагарпъ былъ глубоко убѣжденъ, что движеніе во Франціи отразится и на всѣхъ государствахъ, и въ особенности на сосѣдней Швейцаріи, гдѣ былъ такой обильный матеріаль для борьбы. Въ исходѣ этой борьбы онъ видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній — освобожденіе дорогого Ваадтланда и паденіе бернской олигархіи.

Боясь контръ-революціи и — какъ слѣдствія ея — усиленія всѣхъ консервативныхъ началъ, онъ рѣшается воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы зажечь пламя возстанія и въ своемъ отечествѣ. Съ этою цѣлью онъ посылаетъ въ Швейцарію записку, въ которой рекомендуетъ согражданамъ требовать немедленнаго созванія представительнаго собранія; онъ излагаетъ здѣсь желанія и нужды подчиненныхъ кантоновъ и требованіе необходимости скорѣе покончить съ порабоченнымъ состояніемъ. Вслѣдъ за этою запискою онъ шлетъ множество другихъ (до 60) писемъ, памфлетовъ, которые, въ печатномъ и переведенномъ на разные языки видѣ, быстро распространяются его единомышленниками среди населенія, производя вездѣ волненія и вызывая пламенное сочувствіе. Немало также помѣстилъ онъ за это время политическихъ статей, посвященныхъ швейцарскимъ дѣламъ и въ англійскихъ журналахъ. Одна изъ главныхъ записокъ на имя Амедея Лагарпа была перехвачена бернскимъ совѣтомъ, послѣдствіемъ чего было то, что Амедея приеслили за революціонную пропаганду къ обезглавленію (онъ спасся отъ казни бѣгствомъ въ Парижъ и сдѣлался членомъ якобинской партіи), а о преступной дѣятельности автора прокламаціи дано знать русской императрицѣ.

Въ этой прокламаціи Лагарпъ еще разъ, во избѣжаніе несвоевременнаго взрыва народа и съ цѣлью побудить правительство вступить въ соглашеніе съ Ваадтландомъ, требуетъ немедленнаго созыва чиновъ. Онъ предостерегаетъ соотечественниковъ отъ всякихъ частныхъ соглашеній съ правительствомъ, отъ уступокъ и убѣждаетъ ихъ не поддаваться обѣщаніямъ.

Въ рѣзкомъ тонѣ обратилась бернская аристократія къ Екатеринѣ и, препровождая къ ней прокламацію, требовала примѣрнаго наказанія мятежнаго ваадтландца. Европейская дипломатія убѣждала графа Румянцова поддержать справедливую, — справедливую по ихъ миѣнію, — жалобу бернскаго правительства, и представители державъ, съѣхавшіеся въ Кобленць

съ цѣлью составленія коалиціи для подавленія революціи, выражали удивленіе, что Екатерина, выразившая сочувствіе коалиціи, терпитъ при своемъ дворѣ и при своихъ внукахъ отъявленнаго революціонера и якобинца. Непочтительное обращеніе бернскаго правительства задѣло самолюбіе государыни: она сдѣлала выговоръ принцу Евгенію Виртембергскому, дѣйствовавшему подъ давленіемъ Берна, а отъ Лагарпа потребовала только разъясненія, при чемъ полушутя, полусерьезно, спросила его:

— Дѣйствительно ли вы, м-г Лагарпъ, такой якобинецъ, какимъ васъ считаютъ бернскіе правители?

— Ваше Величество — отвѣтилъ онъ — поручая мнѣ воспитаніе великихъ князей, знали, что я швейцарецъ и, слѣдовательно, республиканецъ. Я остался имъ по прежнему, и ваша, всему свѣту извѣстная, справедливость не позволитъ вамъ считать предосудительнымъ мой образъ мыслей. Мои земляки, ваадтскіе граждане, угнетены бернцами; я совѣтовалъ имъ домогаться возстановленія своихъ правъ законнымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня въ бунтѣ? Впрочемъ, я удивляюсь вашимъ высокимъ качествамъ, уважаю ваше правительство и добросовѣстно исполняю принятія мною на себя обязанности, всевозможно стараюсь оправдать ваше довѣріе и стремлюсь внушить великимъ князьямъ чувства, приличныя ихъ роду, чтобы они были въ состояніи слѣдовать вашему примѣру.

Екатерина милостиво выслушала эту исповѣдь и сказала:

— Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человекъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло такъ же хорошо, какъ вели его до сихъ поръ.

Одинаково милостиво приняты были письменныя объясненія Лагарпа и отвѣтъ его бернскимъ господамъ. Государыня одобрила все написанное и пожелала только, чтобы изъ отвѣта было выкинуто мѣсто, касающееся его дѣятельности, какъ воспитателя при великихъ князьяхъ.

Въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу случившагося Лагарпъ излагаетъ свое политическое *profession de foi* и взглядъ на государственныя формы правленія:

„Я не принадлежу ни къ одной опасной политической партіи — пишетъ онъ. — Я отъ всей души ненавижу демократію, потому что наблюдалъ ее очень близко и вполнѣ убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости“. Идеаломъ государственнаго устройства Лагарпъ считалъ ограниченную, конституціонную монархію, такъ какъ она не подвергается крайностямъ абсолютизма и республики, но соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ.

Дѣло, затѣянное врагами Лагарпа, кончилось для него благополучно; бернскимъ правителямъ былъ данъ отпоръ, а его оставили въ покоѣ.

Лагарпъ не скрывалъ при дворѣ государыни своихъ взглядовъ на событія во Франціи и во время частыхъ и оживленныхъ разговоровъ на эту тему, въ присутствіи своихъ питомцевъ, горячо защищалъ прин-

ципы революціи, при чемъ для большаго впечатлѣнія и убѣдительно-сти приводилъ примѣры изъ исторіи и ссылался на разные авторитетныя сочиненія. Это глубоко западало въ сердца юношей, и, однажды, когда на одномъ изъ собраній государыни стали хвалить монархическое правитель-ство Франціи, Константинъ Павловичъ началъ возражать, нечисля злоупотребленія правительства Бурбоновъ и ссылаясь при этомъ на „достоверный источникъ, изъ котораго онъ это читалъ съ Лагарпомъ“. Государыня осталась довольна мнѣніями внука, но тѣмъ не менѣе воспита-тель, въ виду поднявшихся при дворѣ толковъ, несочувственныхъ рево-люціи, сталъ осторожнѣе и, во избѣжаніе непріятностей и сплетенъ, рѣшилъ нѣсколько измѣнить систему преподаванія. Онъ прекратилъ пись-

Кабинетъ Лагарпа.

менное изложеніе великимъ князьямъ вопроса о происхожденіи обществъ и замѣнилъ его объяснительнымъ чтеніемъ историческихъ писателей.

Въ 1793 году состоялось бракосочетаніе 15-ти лѣтняго Александра Павловича съ Баденскою принцессою Луизой-Маріей-Августой, нарѣчен-ной въ муропомазаніи Елизаветой Алексѣвной. При дворѣ шли праз-днества за празднествами, ученіе великаго князя было на время отло-жено, а прибывшіе къ тому времени французскіе эмигранты-роялисты, графъ Эстергази, женатый на одной бернской аристократкѣ, принцъ Нассау-скій, графъ Д'Артуа и баронъ Ролль рѣшили воспользоваться настоя-щимъ бракосочетаніемъ для удаленія Лагарпа. Всѣ эти господа послѣ казни Людовика XVI явились въ Петербургъ, надѣясь найти у сѣвер-ной монархини защиту и покровительство.

Съ 1793 года въ воззрѣніяхъ Екатерины происходитъ сильный переворотъ, и симпатіи ко всему республиканскому и либеральному исчезаютъ. Казнь французскаго короля и проявленіе жестокости черни въ Парижѣ оказали на нее сильное дѣйствіе: бюстъ Вольтера былъ удаленъ изъ ея комнаты, враги революціи стали стекаться къ ней, были осыпаны ласками и подарками, а сама государыня писала Гримму:

„Послушайте, до сихъ поръ были примѣры, что государства переходили въ женскія руки, но никогда еще, сколько я знаю, не было примѣра, чтобы они попадали въ руки разбойниковъ. Это прекрасное зрѣлище досталось на долю XVIII вѣка, который нѣкогда хвалился тѣмъ, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ звѣрскія души, да еще среди самаго прославленнаго изъ всѣхъ городовъ. Фуй, что за изверги! Прекрасно слово ирландскаго священника, сказавшаго Людовику XVI: „сынъ св. Людовика, гряди на небо“... Знаете-ли, что происходитъ на вашихъ глазахъ во Франціи? Галлы селятся изгнать франковъ, но вы увидите, франки опять вернутся, и дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе кровь человѣческую, будутъ или истреблены, или принуждены скрываться, гдѣ попало. Я же велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть изгнаннымъ изъ Россіи, и представьте, что случилось: всѣ присягнувшіе оказались ревностными роялистами“.

Эмигранты порицали Лагарпа въ присутствіи императрицы, указывая на его преподаваніе, какъ на вредное и опасное. Эти навѣты произвели свое дѣйствіе: на первыхъ порахъ Лагарпъ былъ исключенъ изъ списка награжденныхъ по случаю происшедшаго бракосочетанія великаго князя, что его крайне обидѣло и огорчило; потомъ ему прозрачно дали понять, чтобы онъ подалъ въ отставку, съ правомъ указать на вознагражденіе, по своему усмотрѣнію. Лагарпъ сдалъ отчетъ Салтыкову по преподаванію и просилъ въ письмѣ передать государынѣ, что онъ, по ея желанію, подаетъ въ отставку, не желаетъ никакого вознагражденія, но испрашиваетъ лишь позволенія остаться еще на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ для устройства своихъ дѣлъ.

„Я прибылъ бѣднякомъ ко двору,—писалъ онъ Салтыкову,—благодаря благодѣніямъ ея величества, я жилъ въ достаткѣ. Если я долженъ покинуть дворъ бѣднякомъ, то дѣлаю это безъ сожалѣнія и угрызений совѣсти, съ душою столь же честною, но съ сердцемъ болѣе разбитымъ, чѣмъ во время пріѣзда. Что же касается предположенія, что необходимость заставитъ меня въ другомъ мѣстѣ начать новую карьеру, предположенія, отъ котораго я отказываюсь, то, слава Богу, что я былъ наставникомъ русскихъ великихъ князей, и воспоминаніе о лестной довѣренности ея величества надолго будетъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно перенести самыя тяжкія лишенія... Да будутъ только мои труды плодотворны для славы ея царствованія, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе узнать, что ихъ императорскія высочества удовлетворяютъ благотворнымъ намѣреніямъ ея величества относительно меня. Какое бы ни было рѣшеніе ея императорскаго величества, оно не можетъ быть не достойно ея великой души, и я всегда буду счастливъ, что заплатилъ мой долгъ человѣчеству“.

Письмо это было прочитано Екатеринѣ, и она назначила Лагарпу личную аудіенцію, которая продолжалась около двухъ часовъ. Довольная его отвѣтами, она отложила намѣреніе устранить его отъ должности.

Почувствовала ли она угрызенія совѣсти, услыхавъ отъ него тѣ самыя рѣчи, которыя еще такъ недавно ею поощрялись и вызывали ей поклоненіе передовыхъ людей Европы, или въ ея головѣ уже созрѣлъ тогда планъ, осуществить который ей могъ помочь лишь человѣкъ, стоящій близко къ ея внуку,—на это трудно дать опредѣленный отвѣтъ.

18-го октября того-же года Екатерина снова приглашаетъ къ себѣ Лагарпа и намекаетъ ему довольно прозрачно на намѣреніе устранить Павла Петровича отъ престола въ пользу старшаго внука, своего любимца, Александра. Ей было важно знать, какъ смотреть на это дѣло вліятельный воспитатель и можетъ ли онъ быть ей тутъ полезнымъ; однако Лагарпъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ намековъ, сумѣлъ представиться въ глазахъ императрицы человѣкомъ неспособнымъ къ придворнымъ интригамъ и активной политической дѣятельности. Государыня отпустила его, не подозрѣвая, что онъ приметъ мѣры противо-дѣйствія ея планамъ.

Лагарпъ, пользовавшійся въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ расположеніемъ наслѣдника за свой откровенный характеръ, съ наступленіемъ французской революціи подвергся его опалѣ. Возмущенный планами Екатерины, онъ посѣщилъ въ Гатчину и здѣсь горячо и убѣдительно уговаривалъ Павла Петровича сблизиться съ сыновьями, „заклиная его сдѣлаться другомъ ихъ, имѣть къ нимъ полное довѣріе, обращаться къ нимъ прямо, а не черезъ третье лицо“ и „разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей“, намекая ему на грустныя послѣдствія и печальный исходъ ненормальныхъ семейныхъ отношеній.

Наслѣдникъ былъ тронутъ благороднымъ порывомъ Лагарпа, обошелся съ нимъ очень ласково и пригласилъ его на балъ. У Лагарпа не было перчатокъ, и Павелъ одолжилъ ему свои, которыя тотъ впоследствии хранилъ, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, обладавшемъ, по его словамъ, „благодарностію, источникомъ всѣхъ добродѣтелей“.

Свиданіе это не прошло безъ послѣдствій, и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ связь между отцомъ и дѣтьми сдѣлалась прочнѣе: великіе князья охотнѣе посѣщали Гатчину и Павловскъ, усердно занимались военнымъ дѣломъ, по указаніямъ отца, увлекались парадами и даже иногда съ гордостью говорили: „это по-нашему, по-гатчинскому“. Можно, поэтому, утверждать, что Лагарпъ не очень преувеличивалъ, когда впоследствии, въ 1799 году, писалъ Павлу—императору: „Обращаюсь къ вамъ, государь, какъ къ человѣку, неподкупности котораго вы, по всей вѣроятности, обязаны своимъ существованіемъ, подвергавшимся сильной опасности въ 1793 и 1794 годахъ“.

Въ исходѣ 1794 года Екатерина, утомленная постоянною вознею съ воспитателемъ великихъ князей и уступая давленію окружающихъ, поручила Салтыкову объявить Лагарпу о прекращеніи его обязанностей. Салтыковъ, придя съ этимъ грустнымъ извѣстіемъ, засталъ Лагарпа

за урокомъ съ Александромъ Павловичемъ; онъ вызвалъ учителя и объявилъ ему рѣшеніе государыни. Александръ, догадывавшійся, въ чемъ дѣло, встрѣтилъ его встревоженный и съ волненіемъ спросилъ:

— Ну, что-жь?

— Позвольте, ваше высочество, поговорить объ этомъ въ другой разъ.

— Неужели вы думаете, что я не знаю всего, что дѣлается для того, чтобы удалить васъ!

И съ этими словами великій князь, обливаясь слезами, бросился обнимать своего любимого воспитателя, съ которымъ столько лѣтъ прожила душа въ душу.

Великій князь Александръ въ юности.

Лагарпъ просилъ, какъ милости, разрѣшенія пробыть въ Петербургѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы справиться съ семейными дѣлами (онъ женился здѣсь на дѣвушкѣ изъ рода Бетлингъ)¹⁾ и окончить начатый великому князю и его супругѣ курсъ исторіи. Это было ему разрѣшено, и онъ поспѣшилъ

пройти съ Александромъ еще разъ весь курсъ политической и общедоступной нравственности, который долженъ былъ впоследствии служить источникомъ дѣйствій и критеріумомъ поступковъ будущаго монарха.

По первоначальному рѣшенію, Лагарпу за 12-ти лѣтніе труды съ великимъ княземъ должно было быть пожаловано 10,000 руб. единовременно и 2,000 руб. пенсіи, но воспитатель протестовалъ, указывая на то, что это не вознаграждаетъ всѣхъ его трудовъ и что въ этотъ счетъ не можетъ идти плата за занятія съ Константиномъ Пав-

¹⁾ Тетка известнаго санскритолога, Оттона Николаевича Бетлинга, академика Императорской Академіи Наукъ.

ловичемъ. Кромѣ того, онъ считалъ себя обиженнымъ, что ему не даютъ ни чина, ни креста. Государыня, по ходатайству Салтыкова, перемѣнила рѣшеніе. Лагарпу былъ пожалованъ чинъ полковника¹⁾, опредѣлено выдать за занятія съ Константиномъ Павловичемъ одновременно 10,000 руб. и произвести выдачу жалованья до 31 декабря 1794 года.

Великіе князья и Елизавета Алексѣевна были глубоко огорчены отъѣздомъ Лагарпа; особенно убивался Александръ. Онъ спѣшилъ въ послѣдніе дни насладиться пребываніемъ воспитателя въ Петербургѣ, часто видѣлся съ нимъ, обмѣнивался письмами. Въ день отъѣзда Лагарпа Александръ Павловичъ явился инкогнито утромъ изъ Таврическаго дворца, чтобы еще разъ обнять своего друга, и бывший воспитатель съ трудомъ вырвался изъ объятій рыдающаго юноши. За часъ до отъѣзда имъ было получено трогательное письмо отъ Александра съ приложеніемъ его и женинаго портрета, украшенныхъ брилліантами. Екатерина простилась съ Лагарпомъ нѣжно, почти съ сожалѣніемъ, и, на прощаніе, совѣтовала ему быть осторожнымъ и не попадаться въ руки бѣшеной бернской аристократин. 9 мая, 1795 года, онъ покинулъ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы черезъ 6 лѣтъ вернуться сюда уже при другихъ обстоятельствахъ и въ другой роли.

III.

Еще за годъ до отъѣзда изъ Россіи Лагарпъ, предчувствуя, что рано или поздно ему придется покинуть дворъ Екатерины, письменно запросилъ бернскихъ властей, будутъ ли они противиться его возвращенію на родину, но на это не послѣдовало никакого отвѣта. Надѣясь на ихъ великодушіе, онъ отправился въ Женевскую область, чтобы повидаться съ родными и знакомыми, но со стороны правителей вышелъ указъ о его задержаніи.

Тогда онъ направился въ Парижъ, гдѣ въ окрестностяхъ Плесси-Пике купилъ себѣ виллу. Съ тѣхъ поръ онъ лишь изрѣдка ѣздилъ въ Швейцарію для свиданій съ политическими сообщниками. Связь его съ русскими друзьями не прекратилась, и онъ дѣятельно переписывался съ великими князьями, хотя это было обставлено большими затрудненіями, такъ какъ переписка съ бывшимъ воспитателемъ была имъ запрещена. Письма ихъ передавались черезъ Будбера, Сакена и мать Елизаветы Алексѣевны, маркграфиню Баденскую.

Александръ Павловичъ первое время чрезвычайно скучалъ по своему другѣ, что и выражалъ ему въ письмахъ:

„Вы мнѣ недостаете ужасно,—писалъ великій князь,—каждое мѣстечко напоминаетъ мнѣ о васъ, особенно Англійская улица, потому

¹⁾ Онъ былъ премьеръ-маіоромъ швейцарской милиціи.

что я чаще всего тамъ гуляю, и эта прогулка всегда меня трогаетъ. Наконецъ я доволенъ, зная, что вы счастливы и спокойны. Вы доставили мнѣ несказанное удовольствіе описаніемъ вашего жилища, которое должно быть прелестно. Когда же, о великій Боже, я буду такъ счастливъ, что увижу васъ тамъ? О! я твердо убѣжденъ, что Господь, столь милостивый и праведный, услышитъ, наконецъ, мои желанія и сдѣлаетъ меня счастливымъ“.

Письма Константина Павловича были болѣе сдержанны и отличались описательнымъ характеромъ, но все же и въ нихъ звучитъ любовь воспитанника къ ментору.

Великій князь Константинъ Павловичъ въ юности.

писывался Лагарпъ, а нѣкоторымъ посылалъ даже свои научныя изысканія; такъ, Платонъ Зубовъ получилъ отъ него трактатъ „О капиталѣ“. Но время не позволяло швейцарцу сосредоточиться на мирныхъ занятіяхъ и углубиться въ кабинетный трудъ: мысль о свободѣ отечества продолжала его тревожить.

Событія во Франціи отразились особенно сильно на сосѣдней Швейцаріи. Взятіе Бастиліи, казнь Людовика XVI были встрѣчены восторженно друзьями свободы въ Веве, Лозаннѣ, Роллѣ и др. мѣстахъ. Смежныя страны были уже охвачены революціонной пропагандой, и завоевательная сила революціи въ конецъ потрясла феодальныя порядки обветшалой Европы. Римъ, Неаполь, Генуя волновались, и, при помощи

„Я бы желалъ, — пишетъ онъ ему, — когда буду женатъ, пріѣхать на цѣлый мѣсяцъ къ вамъ съ женою, и надѣюсь исполнить это. Прощайте, любезный де-Лагарпъ, не забывайте меня, я очень васъ люблю, и будьте увѣрены, что вы мнѣ всегда будете очень дороги“. И съ другими русскими знакомыми пере-

французскихъ войскъ и денегъ, вездѣ водворялся новый порядокъ вещей. Бернская аристократія, поддерживаемая англійскимъ правительствомъ, начала отвѣчать мѣрами строгости на всякое проявленіе сочувствія республиканскому духу и преслѣдовала агитаторовъ.

10-го янв. 1798 г. Лагарпъ прислалъ изъ Парижа прокламацію слѣдующаго содержанія:

„Свобода. Равенство. Независимость. Фридрихъ Цезарь Лагарпъ своимъ Ваадтскимъ согражданамъ. Угнетающіе васъ олигархи Берна и Фрибурга достигли своей агоніи; но прежде чѣмъ испустятъ послѣдній вздохъ, тираны хотятъ насытить свою жестокость мщеніемъ. Истинные друзья отечества думали, что освобожденіе ваше не потребуетъ столько насилія и крови; но злодѣйское правительство Англии жаждало крови и, поддерживаемые имъ, олигархи заключаютъ доблестныхъ гражданъ въ темницы, въ кандалы, осуждаютъ на изгнаніе и смертную казнь. Вы должны немедленно провозгласить свою независимость. Вы должны арестовать, какъ заложниковъ, всѣхъ приставовъ, комиссаровъ, агентовъ, всѣхъ гражданъ Берна, Фрибурга, Люцерна, Цюриха, живущихъ среди васъ. Вы должны завладѣть всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ этихъ злодѣевъ, и пусть влачатъ они по Европѣ свое жалкое существованіе, терзаемые нищетою и угрызеніями совѣсти. Времена умѣренности прошли. Кровь друзей вашихъ, пролитая за ваше общее дѣло, вопіетъ о мщеніи: оно должно совершиться. Рубите наповалъ въ случаѣ сопротивленія. Нечистая кровь 200 бернскихъ владыкъ не стоитъ братской крови одного изъ патриотовъ. И вы еще раздумываете и щадите жизнь разбойниковъ, убивающихъ вашихъ братьевъ“...

Граждане вняли голосу патриота, и, при помощи французскаго войска, бернское владычество было сокрушено. Французское правительство, нуждавшееся въ матеріальныхъ средствахъ, было радо воспользоваться своимъ вмѣшательствомъ въ швейцарскія дѣла. Бернъ былъ занятъ войсками, Женева, въ вознагражденіе за заступничество, была присоединена къ французскимъ владѣніямъ, арсеналы и казна были конфискованы, вся Швейцарія обложена тяжелыми военными налогами и обязана выставить союзное войско въ 18,000 чел., взаменъ чего 23-го марта того же года была провозглашена единая и нераздѣльная Гельветическая республика съ пятью директорами (въ томъ числѣ виновники переворота Оксъ изъ Базеля и Лагарпъ изъ Ваадтланда) и двумя законодательными совѣтами, избираемыми прямо всѣмъ народомъ.

Лагарпъ, авторъ швейцарской конституціи и одинъ изъ членовъ пентархіи, взялъ образцомъ для своей страны чужую конституцію, не сообразуясь съ мѣстными условіями и историческимъ развитіемъ страны: онъ торопился введеніемъ новой государственной формы правленія и, будучи теоретикомъ до мозга костей, былъ глубоко увѣренъ, что народную жизнь можно по произволу втиснуть въ любыя рамки, составленныя хотя бы на основаніи книжной мудрости. Требованія, выставленныя Лагарпомъ для будущаго порядка вещей, были идеальны, начала новой конституціи отличались сантиментальностью философіи XVIII в.

„Жизнь каждаго гражданина,—гласила конституція,—принадлежитъ отечеству, семейству и несчастнымъ. Онъ открытъ для дружбы, но не жертвуетъ ей ни

одною изъ своихъ обязанностей. Онъ отрекается отъ всякаго личнаго чувства и тщеславнаго побужденія; его единственное желаніе состоитъ въ нравственномъ усовершенствованіи рода человѣческаго; онъ постоянно взываетъ къ нѣжнымъ чувствамъ братства; слава его заключается въ уваженіи порядочныхъ людей и, если бы ему было отказано въ этомъ уваженіи, онъ находить лучшее утѣшеніе и награду въ своей собственной совѣсти“.

Такъ писалось на бумагѣ, но, когда пришлось воззвать на дѣлѣ „къ братскому чувству“, авторъ конституціи, сдѣлавшись уже президентомъ директоріи, понялъ, что отъ красиваго слова до полезнаго дѣла далеко. Совершенно неподготовленное къ практической дѣятельности, новое правительство съ первыхъ же дней своего существованія вступило на ложный путь и стало прибѣгать къ мѣрамъ насилія и террора для успокоенія выведенныхъ изъ обычной колеи массъ. А серьезныя причины для волненія умовъ были въ изобиліи на лицо. Новая форма правленія была введена съ согласія иноземнаго государства, войска котораго наводнили страну, грабили и опустошали, вызывая вездѣ сопротивленія и открытое противодѣйствіе гражданъ; когда составлялась конституція, все казалось легко и было подведено подъ одинъ общій знаменатель „нѣжнаго чувства братства“, теперь же жизнь вступила въ свои права съ ея ежедневными будничными нуждами, страстями и противорѣчіями. Правительство, по настоянію президента, Лагарпа, стало издавать жестокіе и суровые законы, стало регламентировать жизнь до мельчайшихъ подробностей и наложило свою желѣзную руку на всякое проявленіе свободнаго духа.

И тутъ фантазія Лагарпа нашла себѣ утѣшеніе и оправданіе въ аналогіяхъ съ событіями и временами античнаго міра; онъ успокаивалъ свою совѣсть и мирилъ противорѣчія между дѣйствительностью и голосомъ сердца: „Всѣ суровыя мѣры, — оправдывалъ онъ себя, — быть можетъ ужасны, но онѣ достойны нашихъ предковъ, вполне соотвѣтствуютъ республикѣ, брошенной въ омутъ опасностей, отъ которыхъ можно спастись только крайними мѣрами. Я предложилъ обратить страну въ боевой лагерь и каждыя жителя въ солдата; я требовалъ, чтобы бѣглецы подвергались по римскому обычаю жестокому и позорному наказанію, я не допустилъ своихъ товарищей по управленію запятнать себя малодушіемъ и полумѣрами“. И дѣйствительно, мѣры были крутыя: всѣ органы прессы, несочувствовавшіе дѣйствіямъ правительства, прекращались и преслѣдовались, ученые и литераторы за откровенное слово лишались мѣстъ и изгонялись изъ отечества, театры были закрыты, граждане, оказывавшіе сопротивленіе французскимъ войскамъ и грабителямъ-коммиссарамъ, подвергались смертной казни. Правительственная дѣятельность постоянно отвлекалась отъ существенныхъ реформъ на борьбу съ проявленіями неудовольствія и на преслѣдованіе непокорныхъ. Въ остальныхъ отношеніяхъ весь государственный аппаратъ дѣйствовалъ вяло и крайне небрежно.

Понятно, что новосозданный порядокъ вещей не могъ продолжаться долго, тѣмъ болѣе, что народъ уже былъ наученъ самимъ правительствомъ, какъ дѣлать государственные перевороты и свергать непріятныя ему власти. Католическіе кантоны первые подали сигналъ къ возстанію, и скоро по всей странѣ вспыхнуло новое зарево контръ-революціи: народъ вступился за свои права, граждане стали толпами переходить въ ряды войскъ европейской коалиціи, выступившей на борьбу съ Франціей и ея революціоннымъ правительствомъ. Въ 1800 г. директорія была низвержена; директора Лагарпъ, Секретанъ и Оберланъ признаны виновными въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на права народныхъ собраній и подлежащими тяжкой отвѣтственности за свои противозаконныя дѣйствія. Лагарпъ долженъ былъ переселиться въ Лозанну, гдѣ надъ нимъ былъ назначенъ административный надзоръ. Онъ жилъ здѣсь, какъ частный человекъ, и вынужденъ былъ отписываться и оправдываться отъ всѣхъ сыпавшихся на него обвиненій и упрековъ. Но, наконецъ, первыя вспышки страстей утихли, и общественное мнѣніе перестало его клеймить; за нимъ была признана только неспособность практическаго дѣльца, репутація же честнаго человека была снова восстановлена и признана даже его врагами.

Должно замѣтить, что къ описанному времени прекращаются его сношенія съ Россіей, по крайней мѣрѣ, дружескія сношенія. Императоръ Павелъ I, принявшій дѣятельное участіе въ европейской коалиціи для подавленія революціонныхъ движеній, поддерживаемыхъ республиканской Франціей, не могъ относиться сочувственно къ дѣятельности виновника швейцарскаго переворота, а потому Лагарпъ былъ лишенъ назначенной ему Екатериной пенсіи и ордена св. Владиміра, какъ „недостойный уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ“. Государь былъ до того возстановленъ противъ бывшаго воспитателя своихъ дѣтей, что обрушилъ свой гнѣвъ на ничѣмъ даже неповинныхъ людей. Такъ 15-го октября 1799 г. состоялся указъ Сенату: „Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, прежде опредѣленнаго Лагарпу, и который, по неустовому и развратному поведенію его, долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать, безъ исключенія, со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ Государственныхъ нашихъ Казначействахъ“. Тщетно Лагарпъ обращался къ императору Павлу съ письмами, — они оставались безъ отвѣта.

Живя въ своемъ помѣстьи Плесси-Пике, вдали отъ всякаго общественнаго и политическаго дѣла, разбитый всѣми послѣдними событіями, Лагарпъ уже думалъ, что для него наступила пора окончательно сойти со сцены европейскаго театра, отдохнуть отъ всѣхъ невзгодъ и тревоженій, но судьба судила другое и снова перекинула его съ запада въ русскую сѣверную столицу.

Послѣ отъѣзда Лагарпа изъ Россіи, Александръ Павловичъ при жизни Екатерины еще переписывался съ своимъ воспитателемъ, но при отцѣ это было сопряжено съ большими затрудненіями, и вѣсти о старомъ другѣ приходили все рѣже и рѣже; тѣмъ не менѣе образъ любимаго наставника возставалъ передъ нимъ еще рельефнѣе, и тѣмъ дороже были для него завѣты и наставленія учителя.

„День ото дня мнѣ становится все болѣе невыносимымъ по всему, что я вижу вокругъ себя—писалъ онъ ему.—Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка“, и далѣе—„я же, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или, по крайней мѣрѣ, въ

Помѣстье „Плесси-Пике“.

окрестностяхъ. Жена раздѣляетъ мои чувства, и я восхищаюсь, что она держится моихъ правилъ“.

Часто, даже съ посторонними, не знавшими Лагарпа, Александръ говорилъ съ восхищеніемъ и энтузіазмомъ о своемъ бывшемъ воспитателѣ, и мысль бросить шумный дворъ, облечься въ платье простого смертнаго, все сильнѣе и сильнѣе начала ему приходить въ голову. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ въ Таврической дворецъ князя Адама Чарторыйскаго, съ которымъ за послѣднее время очень сблизился и, взявъ его подъ руку, съ жаромъ сталъ ему говорить:

„Я долженъ познакомить васъ и вашего брата съ моимъ образомъ мыслей, такъ какъ боюсь, чтобы у васъ не составилось обо мнѣ ложнаго представленія. Неужели вы думаете, что я раздѣляю взгляды и убѣжденіе правительства государыни; неужели вы думаете, что я одо-

бряю ея внѣшнюю политику и не осуждаю ея принциповъ? Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Я глубоко сожалею о Польшѣ и преклоняюсь передъ ея борьбой за независимость. Костюшко великій человѣкъ по своей добродѣтели и справедливости дѣла, которое онъ защищалъ, дѣла, полного гуманности и высшей правды. Я ненавижу деспотизмъ и преклоняюсь передъ свободой, которая есть достоинство всѣхъ людей безъ различія. Я съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ французской революціи, и хотя осуждаю ея крайности, но отъ души желаю успѣха республикѣ. Вы, можетъ быть, удивитесь моимъ взглядамъ и заподозрите ихъ искренность, но знайте, что весь мой кругозоръ сложился подъ вліяніемъ такого человѣка, какъ Лагарпъ; онъ, и только онъ одинъ, вложилъ въ мое сердце понятія истины и справедливости, которыя никто никогда не вырветъ оттуда. О, это человѣкъ высокой добродѣтели, истинной мудрости, самыхъ строгихъ жизненныхъ правилъ и энергичнаго характера! Я его никогда не забуду, и день свиданія съ нимъ будетъ счастливѣйшимъ днемъ моей жизни!“

Въ лицѣ польскаго республиканца Чарторыйскаго Александръ нашелъ человѣка, который напоминалъ ему, по нѣкоторымъ своимъ взглядамъ, образъ дорогого наставника. Съ нимъ наиболѣе охотно проводилъ время великій князь, развивая передъ нимъ, во время прогулокъ по Царскому Селу, свои планы на будущее и взгляды на настоящее.

Въ 1801 г. не стало Павла Петровича, и Александръ I вступилъ на прародительскій престолъ. Воцареніе молодого государя было встрѣчено восторженно: всѣ жаждали мира и покоя, надѣясь подъ державою Александра отдохнуть отъ тяжелыхъ лѣтъ правленія его отца. Отовсюду сыпались благопожеланія и выраженія сочувствія. Разумѣется, и Лагарпъ поспѣшилъ изъ Плесси-Пике, отъ чистаго сердца, привѣтствовать своего высокопоставленнаго воспитанника, но при этомъ Лагарпъ связалъ съ своимъ привѣтствіемъ и нѣчто другое, имѣющее дипломатическій характеръ. Неисправимый идеалистъ затѣялъ черезъ свое посредство закрѣпить союзъ между двумя людьми, которые должны были осуществить въ Европѣ, по его мнѣнію, царство справедливости, свободы и братства. Эти два человѣка были Наполеонъ Бонапартъ, которымъ онъ тогда увлекался, и его воспитанникъ Александръ! Государь поспѣшилъ отвѣтить Лагарпу въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ:

„Буду стараться, — писалъ онъ, — сдѣлаться достойнымъ вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться... Почему вы не можете быть здѣсь, чтобъ руководить меня вашею опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по милости и, можетъ быть, по невѣдѣнію черноты испорченныхъ душъ... Вотъ, любезный другъ, почему просвѣщенный и опытный въ знанія людей другъ есть величайшее сокровище“.

Итакъ, государь звалъ его къ себѣ въ качествѣ друга и совѣтника, и Лагарпъ не замедлилъ, послѣ шестилѣтней разлуки, въ августѣ 1801 г., прибыть въ Петербургъ.

IV.

Нечего и говорить, конечно, какъ радостна была встрѣча воспитанника и воспитателя. Государь принялъ Лагарпа въ первый же день его прїѣзда и пробесѣдовалъ съ нимъ глазъ на глазъ около трехъ часовъ. Разговоръ касался событій послѣдняго времени. Императоръ съ особенною живостью снѣшилъ сообщить своему другу о тѣхъ реформахъ, которыя онъ думаетъ предпринять, о тѣхъ занятіяхъ, къ которымъ уже приступлено, о тѣхъ лицахъ, которыя его окружаютъ и проектахъ, которые ему представлены.

Все это—разсчитывалъ государь—будетъ согласно со взглядами республиканца: такъ, вѣдь, было намѣчено еще во время прогулокъ по набережной и въ классныхъ комнатахъ! Но велико было изумленіе его, когда онъ увидалъ, что его собесѣдникъ уже далеко не тотъ оптимистъ и теоретикъ, который рисовалъ передъ нимъ 6 лѣтъ тому назадъ яркими красками перспективы лучшихъ будущихъ временъ.

— Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ 36 милліоновъ подобныхъ себѣ людей—говорилъ Лагарпъ—но я радуюсь, что судьба отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными.

— Я надѣюсь, что наши отношенія не измѣнятся—отвѣчалъ ему Александръ—и я вполне разсчитываю на ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ, какъ мой, и который я рѣшился принять, только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія.

— Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные 18 мѣсяцевъ, когда былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ее изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоростныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра между благодѣтелями рода человѣческаго и защитниками началъ истины и добра.

— Болѣе всего мнѣ доставляетъ труда и заботы согласовать частныя интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ.

— Главное—твердая и непоколебимая власть! Выслушивайте съ вашею обычною снисходительностью различныя мнѣнія, взвѣшивайте ихъ и затѣмъ произносите вашу волю; говорю вашу волю, ибо, къ счастью для страны и народа, право повелѣвать принадлежитъ исклю-

чительно вамъ. Совѣщайтесь съ вашими сотрудниками, вникайте въ ихъ дѣятельность, но держите ихъ въ почтительномъ отдаленіи, оставляя за собою послѣднее слово, и не только не допускайте и тѣни ихъ вліянія, но дѣйствуйте такъ, чтобы они могли ни предвидѣть ваше рѣшеніе, ни отгадать вашу тайну.

— Меня ужасаетъ просторъ монархизма, и я ненавижу деспотизмъ!

— Полноте, не увлекайтесь вашимъ отвращеніемъ; имѣйте мужество сохранить всецѣло вашу власть, безъ малѣйшаго ущерба до тѣхъ поръ... ну, до тѣхъ поръ, пока окончите предварительныя работы, существенно необходимыя для какого бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ оставить за собою какъ можно болѣе власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полного обезпеченія силы и могущества правительства.

— Кстати, о сохраненіи власти въ цѣлости; у меня до васъ большая просьба: просмотрите одинъ проектъ, который мнѣ представленъ однимъ членомъ нашего кружка, и дайте вашъ отзывъ объ немъ. Тутъ идетъ дѣло о народномъ представительствѣ...

— Видѣлъ я эти народныя собранія—съ жаромъ перебилъ Лагарпъ—созываемыя съ величайшимъ трудомъ; почти всюду они дѣлають одни глупости, и я отъ души поздравляю Россію, управляемую монархомъ, облеченнымъ во всеоружіе власти, необходимой для мудраго и постепеннаго (главное—постепеннаго!) преобразованія и для доставленія народу не призрачной, а дѣйствительной свободы, не подвергая судьбы его случайностямъ народныхъ собраній, въ которыхъ бушуютъ разнузданныя страсти и заглушается голосъ справедливости, благоразумія и истинной любви къ отечеству. Все эти проекты, въ родѣ того, о которомъ вы мнѣ упомянули, не стоятъ ничего, и не до нихъ теперь. Для вашего отечества есть другія потребности, болѣе существенныя, и изъ нихъ первая потребность—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судопроизводство, которое бы доставило жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы. Пока я въ Петербургѣ, располагайте мною по вашему усмотрѣнію и приурочьте къ какой угодно работѣ. Можетъ быть и мнѣ старику удастся принести посильную лепту на алтарь вашего отечества.

— О, вы должны быть непременно членомъ нашего „неофициальнаго комитета, который я въ шутку называлъ „Comité du salut public“, въ память комитета французской революціи! Я рассчитываю на ваше дѣятельное участіе въ нашихъ послѣобѣденныхъ засѣданіяхъ, и вы будете на нихъ самымъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ.

Неофициальный комитетъ, о которомъ упомянулъ Александръ, состоялъ изъ гр. Викт. Павл. Кочубея, Ник. Ник. Новосильцева, кн. Адама Чарторыйскаго и гр. Павла Александр. Строгонова. Все это были люди полные силъ, образованные, преисполненные самыхъ лучшихъ на-

мѣреній и носившіе на себѣ характеръ идеалистическаго либерализа. Старое поколѣніе не называло ихъ иначе, какъ вольтеріанцами и якобинцами. Изъ этого кружка исходили всѣ реформы перваго времени (до Тильзитскаго мира), среди нихъ обдумывался планъ „систематической реформы безобразнаго зданія государственной администраціи“.

Извѣстіе о прибытіи Лагарпа было сначала встрѣчено сотрудниками государя сочувственно: большая часть изъ нихъ знала его по рассказамъ Александра, и всѣхъ интересовало, какое произведетъ впечатлѣніе на общество и на сановниковъ государства появленіе отставнаго директора Гельветической республики и завятаго республиканца во главѣ реформъ новаго царствованія, въ качествѣ руководителя и главнаго сотрудника. Но скоро избранный кружокъ убѣдился, что новоприбывшій далеко уже не тотъ свободно-мыслящій республиканецъ и опасный якобинецъ, какимъ онъ казался 6 лѣтъ тому назадъ при дворѣ Екатерины. Многимъ онъ показался даже смѣшнымъ, въ своемъ мундирѣ директора Гельветической республики, съ громадною саблей, прицѣпленной къ вышитой португелѣ. На первыхъ же порахъ онъ поразилъ ихъ своею самоувѣренностью, убѣжденіемъ, что именно онъ обладаетъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ всѣхъ недуговъ Россіи, что съ его отвлеченными доктринами конца XVIII вѣка можно освободиться отъ всѣхъ золъ и болѣзней. Сотрудники государя не могли не подмѣтить, что въ тонѣ Александра уже не звучитъ та восторженная нотка, какою отличались прежніе его отзывы о воспитателѣ, и что онъ какъ будто подыскиваетъ случай, чтобъ поставить его на прежній пьедесталъ, искусственно создать вокругъ него старый ореолъ непогрѣшимости. Да и самъ Лагарпъ понималъ, что люди, окружающіе государя, уже вышли изъ поры опеки, что они, въ его отсутствіе изъ Россіи, уже успѣли кое-чему научиться и могутъ свободно конкурировать съ нимъ на почвѣ вліянія на Александра. Онъ сталъ поэтому рѣдко появляться при дворѣ, избѣгалъ бывать на послѣобѣденныхъ засѣданіяхъ интимнаго кружка и большую часть времени проводилъ у себя дома, погруженный въ составленіе отчетовъ, записокъ, проектовъ по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни, стоявшимъ тогда на очереди.

Личныя его отношенія къ Александру продолжали носить тотъ же искренній, задушевный характеръ. Два раза въ недѣлю посѣщалъ его государь и, часто заставая его невзначай въ халатѣ, бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольکو часовъ. Александръ живо интересовался домашними дѣлами Лагарпа, вникалъ во всякія мелочи его жизни и былъ очень озабоченъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи своего наставника и о возвращеніи ему тѣхъ наградъ и пожалованій, которыя у него были отняты Павломъ. Съ своей стороны новоприбывшій не только касался государственныхъ вопросовъ, но и вникалъ въ личныя дѣла государя и его отношенія къ разнымъ лицамъ; онъ внимательно слѣдилъ за поведеніемъ государя и однажды, послѣ какого-то дворцоваго выхода, при первомъ же свиданіи, прочелъ ему цѣлую лекцію объ этикетѣ:

„Вы вошли въ залу немного робко; хвалю ваше сердце: скромность какъ нельзя болѣе къ лицу юности, но государь долженъ имѣть видъ болѣе увѣренный; чистая совѣсть и искреннее желаніе блага— вотъ что даетъ вамъ право смотрѣть прямо и смѣло на все окружающее. Вы обошли собраніе нѣсколько поспѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо сдѣлали, обратившись съ привѣтомъ къ лицамъ почтеннымъ по своимъ заслугамъ; напрасно только нѣкоторыхъ изъ нихъ вы не удостоили ласковымъ словомъ. Мнѣ кажется, наконецъ, что, являясь вмѣстѣ съ императрицею, вы облегчили бы себѣ трудъ торжественнаго приема, не говоря уже о томъ, что это произвело бы отрадное впечатлѣніе на всѣхъ, искренно васъ любящихъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы вы ни были, въ обществѣ ли, среди народа, или въ кругу лицъ, которымъ ввѣрили отдѣльныя отрасли управленія, держите себя по-царски: я вовсе не слѣпой поклонникъ этикета, но глава народа долженъ, употребляя живописное выраженіе Демосеена, облекаться въ величіе своей страны“.

Видя, что молодой монархъ удѣляетъ слишкомъ много вниманія дамскому полу, Лагарпъ предостерегалъ его отъ увлеченій, указывая на тихія семейныя радости и пользу для государства отъ добрыхъ супружескихъ отношеній въ царской семьѣ. Всѣ проекты и записки, которые подавались государю въ это время (а ихъ было не мало), отдавались на просмотръ Лагарпу, и можно только удивляться, когда у него хватало времени перечитывать все это, а еще болѣе самому составлять и обрабатывать свои записки и мемуары. Нужно отдать ему справедливость, что всѣ его работы были чрезвычайно тщательны, снабжены массою ссылокъ и приложений, и если страдали длиннотою и нѣкоторою риторичностью, зато отличались обиліемъ матеріала. Государь огорчался, когда его сотрудники подсмѣивались надъ этими многословными писаніями, которыя, между прочимъ, и Александръ не всегда имѣлъ духа дочитать до конца.

Наибольшее участіе принималъ бывший директоръ Гельветической республики въ вопросахъ объ образованіи министерствъ и министерства народнаго просвѣщенія въ особенности, въ устройствѣ государственнаго совѣта и въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Со времени прибытія Лагарпа въ нѣкоторыхъ правительственныхъ кружкахъ былъ поднятъ вопросъ о расширеніи правъ Сената. Лагарпъ возсталъ противъ этого и убѣждалъ государя не отказываться отъ власти, а взамѣнъ того немедленно приступить къ учрежденію министерствъ. Эта мысль была еще ранѣе высказана на засѣданіяхъ неофициальнаго комитета, и Новосильцевъ, которому было поручено составленіе записки по настоящему предмету, совѣтовался объ этомъ съ Лагарпомъ. Послѣдній одобрилъ проектъ Новосильцева, полагая прибавить къ намѣченнымъ министерствамъ еще министерство коммерціи. Болѣе всего онъ торопилъ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, но члены комитета уговорили государя не приступать къ учрежденію одного вѣдомства

отдѣльно отъ другихъ. По вопросу о просвѣщеніи Лагарпомъ было представлено государю нѣсколько записокъ, и въ одной изъ нихъ онъ писалъ:

„Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназій и другія училища, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать... но распространять знанія въ народѣ можно и должно только посредствомъ природныхъ русскихъ, а отнюдь не иностранцевъ“.

По его мнѣнію, при министрѣ народнаго просвѣщенія долженъ быть учрежденъ совѣтъ изъ лицъ, назначенныхъ государемъ съ цѣлью удерживать министра отъ произвола; центральное учрежденіе въ столицѣ должно имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ, назначаемыхъ отъ дворянства. Въ письмѣ, приложенномъ къ этому проекту, онъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія. Ему былъ доставленъ отчетъ училищной комиссіи, и онъ указалъ на массу противорѣчій въ этомъ отчетѣ, на злоупотребленія и неправильности, дѣлаемые по вѣдомству просвѣщенія. Съ вопросомъ о народномъ образованіи связывалъ Лагарпъ и вопросъ объ облегченіи участи крѣпостныхъ. Этотъ вопросъ былъ также возбужденъ еще до его прибытія на засѣданіяхъ неофициальнаго комитета и рѣшался нѣкоторыми членами, какъ напримѣръ, гр. Строгоновымъ, гораздо радикальнѣе, нежели швейцарскимъ республиканцемъ.

Лагарпъ совѣтовалъ вводить крестьянскую реформу постепенно и незамѣтно, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства—съ одной стороны, и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянствѣ—съ другой; онъ совѣтовалъ избѣгать даже слова „освобожденіе“, замѣняя его выраженіемъ „улучшеніе въ экономическомъ бытѣ“; вопросъ о выкупѣ, по мнѣнію Лагарпа долженъ быть отложенъ до болѣе благопріятнаго времени и замѣненъ предоставленіемъ права вѣсьмъ сословіямъ пріобрѣтать земли. Всѣ его совѣты по настоящему предмету носятъ на себѣ чрезвычайно перфшительный характеръ: онъ точно боится, какъ бы для государя не вытекли отсюда непріятности, и власть его не поколебалась. Въ разговорѣ съ Александромъ онъ защищалъ мѣры остзейскихъ землевладѣльцевъ въ крестьянскомъ вопросѣ, восхвалялъ существовавшіе тамъ порядки и предостерегалъ государя отъ всякихъ опрометчивыхъ дѣйствій въ отношеніи Балтійскаго поморья и отъ нарушенія привилегій рыцарства. Его симпатіи къ этимъ провинціямъ покоялись на родственныхъ связяхъ черезъ жену.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ нѣкоторые приближенные государя, и въ томъ числѣ гр. Воронцовъ, подали мнѣніе, чтобы всѣ важнѣйшія государственныя дѣла были обсуждаемы въ присутствіи государя въ Совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ. По этому предмету Лагарпъ представилъ записку „о порядкѣ преній въ совѣтѣ“, въ которой предлагалъ: „назначить вице-президента совѣта, который, въ отсутствіи императора, долженъ наблюдать за сохраненіемъ порядка совѣщаній, дѣлаетъ окон-

чательные выводы изъ предложенныхъ мѣръ и смотритъ за составленіемъ протоколовъ. Министры должны были быть непремѣнными членами совѣта, но имѣть только совѣщательный голосъ“. Последнее обстоятельство подчеркивалось авторомъ записки для предупрежденія, чтобы между министрами не образовалась сословная связь, при чемъ „каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища съ тѣмъ, чтобы и онъ, при случаѣ, не противорѣчилъ ему“. Хотя государь и склонился къ мѣнью Лагарпа, но сотрудники ополчились противъ этого, и было рѣшено, чтобы министры засѣдали въ совѣтѣ наравнѣ съ прочими членами, такъ какъ нѣтъ никакого основанія опасаться излишняго согласія между ними, въ виду ихъ и безъ того постоянныхъ раздоровъ. При предложеніи всѣхъ своихъ проектовъ, Лагарпъ особенно напиралъ на необходимости введенія у насъ строгаго канцелярскаго порядка.

Канцеляризму онъ придавалъ большое, чуть не рѣшающее значеніе и до того часто употреблялъ выраженіе „канцелярскій порядокъ“, что члены комитета даже дали прозвище Лагарпу „ходячій канцелярскій порядокъ“.

Не только о дѣлахъ, носящихъ на себѣ общегосударственный характеръ, совѣщался и переписывался государь въ это время съ своимъ бывшимъ наставникомъ, но и о личностяхъ, намѣченныхъ на тотъ или другой постъ, и часто указанія Лагарпа имѣли не малое вліяніе на рѣшенія Александра. Такъ, Лагарпу удалось, съ помощью Будберга, посланника при шведскомъ дворѣ, удалить Панина, но въ дѣлѣ назначенія Завадовскаго, бывшаго предсѣдателя училищной комиссіи, на постъ министра народнаго просвѣщенія онъ потерпѣлъ неудачу. Лагарпъ былъ противъ этого назначенія и говорилъ о Завадовскомъ, какъ о человѣкѣ, неспособномъ на такой высокой постъ, недобросовѣтномъ и заклятомъ врагѣ новыхъ вѣяній. Тѣмъ не менѣе его старанія не имѣли успѣха. По поводу слуха о назначеніи на постъ канцлера гр. Александра Воронцова, Лагарпъ писалъ о вредѣ этого поста вообще, вслѣдствіе той власти и вліянія, которыя ему присвоены. Что же касается до самой личности Воронцова, то, по его мѣнью, это былъ человѣкъ, пропитанный старыми началами и склонный къ произволу. Тѣмъ не менѣе, гр. Воронцовъ былъ назначенъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Когда императоръ сообщилъ Лагарпу о своемъ намѣреніи поручить министерство финансовъ гр. Николаю Румянцову, а юстиціи—Васильеву, то Лагарпъ отвѣтилъ, что было бы опасно перемѣстить Васильева, который, по своей опытности, былъ способнѣе кого бы то ни было по части финансовъ. Кромѣ того, Лагарпъ полагалъ, что въ началѣ было бы хорошо соединить государственное казначейство съ министерствомъ финансовъ. Васильевъ былъ назначенъ на постъ министра финансовъ, а Румянцовъ—министра коммерціи.

Въ большинствѣ своихъ писемъ и проектовъ Лагарпъ настойчиво проводитъ мысль, что государю не слѣдуетъ терять надъ собою опеки

и что ему нужно распоряжаться самостоятельно. Лагарпъ совѣтовалъ даже уничтожить гвардію, чтобы избавить столицу отъ своего рода преторіанцевъ, принимающихъ дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ, волненіяхъ и дворцовыхъ переворотахъ. Исходя изъ той же точки зрѣнія соблюденія цѣлости власти, онъ особенно тщательно раскритиковалъ ту записку Чарторыйскаго, гдѣ шелъ вопросъ о народномъ представительствѣ. По мнѣнію критика, этотъ проектъ представляетъ собою безобразную смѣсь клочковъ, вырванныхъ изъ конституцій разныхъ странъ и сшитыхъ на живую нитку. Въ вопросахъ внѣшней политики дѣла Швейцаріи занимали его главное вниманіе. Цѣльность и единство швейцарской республики важны для Россіи, — говоритъ онъ, — какъ орудіе противъ Австріи и основа политическаго равновѣсія Европы. По этому предмету имъ было представлено государю нѣсколько обширныхъ мемуаровъ съ цѣлымъ томомъ объяснительныхъ примѣчаній о лицахъ и событіяхъ.

Въ апрѣлѣ 1802 г. Лагарпъ покинулъ Россію, далеко не совсѣмъ довольный результатами своего пребыванія въ Петербургѣ. Его вліяніе на судьбы Россіи и государя оказалось далеко не такъ велико, какъ онъ на то рассчитывалъ; ни одно изъ его предложеній не было исполнено на его глазахъ, а что было предназначено къ исполненію, прошло со многими измѣненіями и урѣзками; наконецъ, онъ замѣтилъ, что его присутствіе даже раздражаетъ совѣтниковъ государя, и самъ Александръ какъ бы подчасъ стѣсняется натянутыми отношеніями между нимъ и остальными сотрудниками. Дѣйствительно, Александръ уже пересталъ видѣть въ немъ безапелляціонный авторитетъ, какимъ онъ казался ему въ дни юности. Что касается до членовъ секретнаго комитета, то они, хотя, въ угоду государю, и называли Лагарпа своимъ коллегой и увѣряли, что для него всегда приготовлено кресло на засѣданіяхъ, тѣмъ не менѣе, въ душѣ терять его не могли за его доктринерство, за безчисленные длинныя записки, а главное за то, что онъ сдерживалъ ихъ порывы, тормозилъ многіе вопросы, какъ напр. крестьянскій, и, по порученію государя, критиковалъ и разбивалъ ихъ проекты. Разстались обѣ стороны притворно любезно: они благодарили его за совѣты и помощь, а онъ увѣрялъ ихъ, что и мысленно, вдали отъ нихъ, всегда будетъ присутствовать на засѣданіяхъ комитета и принимать самое дѣятельное участіе на преніяхъ.

Александръ уплатилъ путевыя издержки Лагарпа, и онъ уѣхалъ въ Плесси-Шике. Переписка его съ государемъ не прекращалась, и онъ издали слѣдилъ за всѣмъ совершающимся въ Россіи, присылалъ массу проектовъ, главнымъ образомъ, по внѣшней политикѣ, писалъ возраженія на проекты, знакомилъ Александра съ ходомъ европейскихъ дѣлъ, высылалъ ему выходившія книги и журналы, сообщалъ свѣдѣнія о выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Государь, хотя и не часто, но отвѣчалъ ему, порою оправдываясь отъ обвиненій наставника, порою увѣдомляя о ходѣ государственныхъ реформъ. Сотрудники

Александра были недовольны этой перепиской, находя, что она вредно дѣйствуетъ на императора и сбиваетъ его. „Если вы станете разбирать его (т. е. Лагарпа) письма,—раздраженно говоритъ въ одномъ письмѣ Строгоновъ Новосильцеву,—вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлають риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ“...

V.

Живя въ Парижѣ съ 1802 по 1816 г. Лагарпъ, такъ сказать, пропагандировалъ Александра: вездѣ, гдѣ только была возможность, онъ съ восторгомъ говорилъ о немъ, сравнивая его съ Траяномъ и Генрихомъ IV, читалъ выдержки изъ его писемъ и, вообще, старался вселить европейскому обществу самое лучшее представленіе о Россіи и ея монархѣ. Мнѣніе его о русскомъ народѣ, вынесенное изъ двукратнаго пребыванія въ Россіи, было очень высокое:

— Русскій народъ,—говаривалъ онъ,—отличается силою характера, отвагою, добродушіемъ и веселостію. Нельзя не удивляться расторопности и смысленности архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ, образующихъ артели, къ которымъ съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ относятся всѣ торговые дома и конторы... Въ Россіи, болѣе нежели гдѣ-либо, ненавидятъ иностранцевъ и, правду сказать, они надѣлали здѣсь столько вреда, что русскіе совершенно правы въ чувствѣ несправедливости и презрѣнія къ своимъ чужеземнымъ опекунамъ... Въ русской храброй арміи есть и сердце, и душа и, Боже упаси, ее убивать нѣмецкою выправкою и педантизмомъ. Изъ русскаго солдата, бойкаго, живого, толковаго и предпріимчиваго никогда не сдѣлаешь нѣмца.

Благодаря стараніямъ Лагарпа, между нашимъ отечествомъ и Америкой завязались дипломатическія сношенія. Мысль объ этихъ сношеніяхъ была впервые высказана имъ въ письмѣ къ Александру, который сочувственно откликнулся на это, прося его познакомить поближе съ твореніями президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Джеферсона. Лагарпъ успѣшилъ сообщить объ этомъ автору „Колумбіады“ Барлову, и, благодаря этому, Джеферсонъ впервые обратился съ письмомъ къ русскому императору.

Къ этому времени снова выступаютъ на сцену швейцарскія дѣла, слѣдствіемъ чего для Лагарпа было признаніе соотечественниками его заслугъ во время революціи, а для Швейцаріи преобразование ея посредническимъ (медіаціоннымъ) актомъ Бонапарта, по образцу французскаго государственнаго устройства. Первый консуль, какъ протекторъ Швейцаріи, возстановилъ независимость кантоновъ, но такъ, однако же, что вся страна, какъ совокунное государство, была представляема зем-

скимъ головою (ландманомъ) и общимъ сеймомъ. Швейцарія была скрѣплена союзно-государственною связью, которая держала середину между единствомъ и обособленностью.

Въ Европѣ шла смѣна событій съ поразительною быстротою: заключались союзы, образовывались коалиціи, въ воздухѣ пахло порохомъ и кровью... Уже не одна тысяча людей была принесена въ жертву завоевательнымъ капризамъ французскаго императора, и усталая Европа готовилась на новыя братоубійственныя войны. Старымъ дѣятелямъ, мечтавшимъ нѣкогда объ универсальномъ счастьѣ людей и царствѣ свободы и правды, не было мѣста на политическомъ театрѣ. И Лагарпъ, испуганный всѣмъ совершающимся, вдали отъ всѣхъ политическихъ и общественныхъ движеній, жилъ тихо въ Плесси-Шике. Въ тиши своего уютнаго кабинета, среди шкафовъ обширной библіотеки, проводилъ онъ свои дни, въ занятіяхъ соціологіей, естественными науками и отечественной исторіей. Старые друзья, наиболѣе видные представители науки и литературы посѣщали его иногда, чтобы вмѣстѣ оплакивать переживаемые ужасы, жертвы войны и крутыя мѣры новаго французскаго правительства. Лагарпъ къ тому времени уже успѣлъ перемѣнить свое мнѣніе о Бонапартѣ.

— Никто ловче Наполеона, — говорилъ онъ, — не облачается въ кожу ягненка, лисицы и льва; руководимое имъ движеніе назадъ, ко временамъ мрака и варварства, совершается съ удивительною быстротою; уже стыдятся признавать права разума и слагаютъ панегирики спасительному невѣжеству и похвальному легковѣрію предковъ.

Европа, въ ея современномъ видѣ, все болѣе и болѣе отталкивала отъ себя Лагарпа, и снова, какъ и въ 1781 г., сталъ онъ обращать свои взоры на Америку. „Мнѣ часто случается желать быть тамъ, гдѣ и вы, — писалъ онъ въ 1810 г. одному русскому, жившему въ то время въ Америкѣ. — Можетъ быть, рано или поздно, придется туда переправиться“. Онъ проситъ въ своемъ письмѣ сообщить ему о цѣнахъ на земли въ Пенсильваніи, Виргиніи и пр. Ему хотѣлось бы приобрести небольшое имѣніе миляхъ въ 10 отъ какого-нибудь большого города, чтобы быть, однако, постоянно вблизи отъ людей.

Къ разочарованію Европой присоединялось еще одно грустное чувство, вызванное въ направленіи и дѣйствіяхъ русскаго императора. Тильзитскій миръ уже былъ заключенъ, государь охладѣлъ къ вопросамъ внутренней политики, первоначальный „неофициальный комитетъ“ не существовалъ, и на Россію уже надвигался мракъ реакціи, изъ-за густого тумана которой проглядывала зловѣщая фигура Аракчеева. Въ томъ же письмѣ къ русскому въ Америкѣ Лагарпъ пишетъ:

„Былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что я увижу восходъ чуднаго дня... но во время самаго разсвѣта поднялся туманъ и съ нимъ духи тьмы, враги свѣта, либеральныхъ идей и даже самыхъ необходимыхъ реформъ... Существуютъ документы, которые покажутъ направленіе учителя и великія чистыя мысли ученика,

который былъ убѣжденъ, что онъ только первый чиновникъ своего народа и чиновникъ, отвѣтственный за свое поведеніе передъ народомъ. Его укоряютъ, я знаю, за его человеколюбіе, за ужасъ, который ему внушаетъ произволь, и за либеральные принципы, которые онъ часто высказывалъ; люди, чуждые всего этого, заставляютъ повторять необразованную толпу, что это вина иностранца, который имѣлъ наглость желать сдѣлать изъ него Марка Аврелія, тогда какъ намъ нужны Тиверій и Чигизъ-Ханъ“.

Горько жаловался онъ на событія во Франціи и Европѣ и въ письмахъ къ русскому пріятелю въ Америкѣ, и княгинѣ Дашковой, и русскимъ путешественникамъ, графу Палену и Полетикѣ, которые, проездомъ въ Новый Свѣтъ, посѣтили отшельника Плесси-Пике.

Наступилъ достопамятный годъ. Наполеонъ со всею арміею разбитъ, гибель его близка, и уже не ему принадлежалъ рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Европа почувствовала свалившееся бремя, готовилась вступитъ въ новую фазу политической жизни, а съ этимъ снова поднимался вѣчный вопросъ о политическомъ равновѣсіи, о характерѣ государственнаго устройства и о преобладаніи старыхъ до-революціонныхъ началъ. Александръ, находившійся въ то время въ религіозномъ воодушевленіи, жаждавшій въ душѣ лишь мира и покоя и считавшій своею обязанностію всѣхъ утѣшить и успокоить, надѣявшійся пробудитъ Европу къ новой жизни на началахъ братской любви, конечно, вспомнилъ въ эти счастливые для себя дни и своего стараго друга, и дѣло его родины. Съ этою цѣлью онъ позвалъ къ себѣ графа Каподистрія, республиканца о. Корфу, находившагося на русской службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ, и сказалъ ему:

— Теперь надо спасти одну республику, которую поработилъ французскій деспотизмъ и которой онъ готовитъ судьбу, участь вольныхъ городовъ Германіи. Союзные государи передъ тѣмъ, чтобы перейти черезъ Рейнъ съ своими арміями, должны удостовѣриться въ намѣреніяхъ этого честнаго и воинственнаго народа, помочь ему возвратиться къ его самобытности и дать ему возможность участвовать вмѣстѣ съ нами, какъ это уже сдѣлали государи германскаго союза, въ великомъ возстановленіи европейской системы. Возвратить каждому народу полное и совершенное пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить, какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ, подъ защиту общаго союза, охранить себя и защититъ ихъ отъ честолюбія завоевателей, вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся Божіею помощію утвердить эту новую систему... Бернская аристократія и, вслѣдствіе ея вліянія, граждане другихъ кантоновъ съ упорствомъ отказывались сдѣлать какую-нибудь добровольную уступку времени и общественнымъ успѣхамъ швейцарскаго народа. Съ этой поры революціонная партія, которую Франція старалась образовать въ странахъ, подвластныхъ главнымъ кантонамъ, пріобрѣла преобладающую силу, и французская армія овладѣла бернскими денежными сокровищами. Послѣ продолжительныхъ бѣдствій, раззорившихъ этотъ край, дѣло посредничества, которымъ Бонапартъ водворилъ миръ въ

странѣ, было настоящимъ благодѣяніемъ. Еслибъ источникъ этого дѣла былъ болѣе чистый, еслибъ власть, изъ которой оно пронстекало, могла внушить какое-либо довѣріе, швейцарцамъ нечего было бы желать возвратиться къ прошедшему и подвергаться опаснымъ случайностямъ новаго политическаго устройства... Союзныя державы должны уважать и заставлять другихъ, чтобы они уважали порядокъ вещей, существующій въ Швейцаріи.

Государь поручилъ графу Каподистріа ѣхать въ Швейцарію, обѣщать неприкосновенность ея правъ и потребовать отъ нея соблюденія нейтралитета.

А Гельветическая республика снова была полна раздора, и братоубійственная война готова уже была разгорѣться. Бернская аристократія, видѣвшая въ поражениіи Наполеона и поражениіи идеи революціоннаго равенства, при поддержкѣ Австріи, приняла снова до-революціонную форму правленія, основанную на началахъ государственнаго права XIII кантоновъ, и заявила свои притязанія на обладаніе кантонами—Ваадтландомъ и Аргау; Австрія нарушила нейтралитетъ Швейцаріи, и графу Каподистріа пришлось не мало потрудиться въ этомъ вопросѣ.

Русскій императоръ твердо защищалъ передъ лицомъ остальныхъ союзныхъ государствъ независимость кантоновъ и отстаивалъ нейтральность Швейцаріи. По этому предмету онъ послалъ своему старому другу Лагарпу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи Гельветической республики:

„Наконецъ то, любезный другъ, я могу говорить съ вами, не компрометируя васъ своимъ письмомъ и не подвергаясь цензурѣ нескромной инквизиціи почтъ... Вотъ, въ краткихъ словахъ, чего я добился велѣдствіе настойчивости и горячности, съ которою защищать дѣло вашей родины... Существованіе Ваадтскаго и Аргаускаго кантоновъ не будетъ нарушено или встревожено Бернскимъ Сеймомъ. Сеймъ будетъ собранъ, и одинъ онъ устроитъ конституціоннымъ порядкомъ тѣ перемены, которыя сочтетъ нужнымъ въ актѣ посредничества. Кантоны властны будутъ исправить то, чего недостаетъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, не захватывая, впрочемъ, правъ другъ предъ другомъ. Союзныя державы не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швейцаріи и будутъ довольствоваться отстраненіемъ своими совѣтами разединенія и столкновенія“...

И, дѣйствительно, по настоянію государя, союзными державами была передана графу Каподистріа декларация, уполномочивавшая его признавать за депутатовъ тѣхъ изъ швейцарскихъ гражданъ, которыхъ онъ найдетъ достойными этого званія. Декларация была показана мѣстнымъ властямъ, и въ Цюрихѣ, безъ всякаго промедленія, были назначены и отправлены на сеймъ представители отъ 19 кантоновъ, слѣдствіемъ чего было присоединеніе Швейцаріи къ планамъ союзныхъ государствъ, а ей была дарована обѣщанная Александромъ нейтральность. Телеграммы Каподистріа пересылались государемъ Лагарпу, который возвращалъ ихъ съ своими замѣчаніями, сообразно съ которыми дѣлались уполномоченному распоряженія и указанія. Въ 1814 году императоръ свидѣлся съ своимъ воспитателемъ въ Лангрѣ и, при первомъ же свиданіи, не преминулъ ему замѣтить, что если онъ могъ быть полезнымъ дѣлу независимости Европы, то этимъ онъ обязанъ его наставленіямъ:

— Воспоминаніе о васъ въ трудныя минуты никогда не оставляло моей мысли, и желаніе сдѣлаться достойнымъ вашихъ попеченій, заслужить ваше уваженіе поддерживало меня.

29 марта Лагарпъ удостоился получить знаки ордена св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ слѣдующаго содержанія: „Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и будучи движимъ должною къ вамъ благодарностію, препровождая при семъ знаки ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго, желаю, чтобы вы ихъ, возложивъ на себя, носили по установленію.“

Съ 1814 по 1816 г. Лагарпъ почти не разставался съ императоромъ, находясь близъ него въ Парижѣ, въ качествѣ частнаго чловѣка, и Вѣнѣ, въ качествѣ представителя трехъ кантоновъ: Ваадтланда, Тессина и Аргау. Онъ познакомилъ государя, какъ съ своимъ семействомъ, такъ и со многими выдающимися литераторами и учеными, напримѣръ, съ извѣстнымъ педагогомъ Песталлоци, котораго Александръ приглашалъ въ Россію.

— Парижъ въ восторгѣ отъ вашего императорскаго величества, — привѣтствовала государя жена Лагарпа.

— Если во мнѣ есть что-либо, заслуживающее расположенія, то кому я этимъ обязанъ, какъ не вашему мужу? Еслибъ не было Лагарпа, не было бы Александра, — любезно отвѣтилъ государь.

Рескриптъ императора на имя Лагарпа, съ препровожденіемъ высшаго ордена, доставилъ ему почетное мѣсто среди блестящей свиты, окружавшей Александра. Всѣ стали его приглашать на дипломатическіе обѣды и вечера, съ нимъ стали обращаться любезно и заискивающимъ образомъ.

Въ рѣшеніи швейцарскаго вопроса ему принадлежало первенствующее значеніе и, благодаря его вліянію на Александра, на Вѣнскомъ конгрессѣ Швейцарія была расширена присоединеніемъ отнятыхъ у нея Наполеономъ областей, признанъ ея всегдашній нейтралитетъ и союзно-республиканское устройство.

Вѣнскій конгрессъ былъ заключительнымъ аккордомъ въ политической дѣятельности Лагарпа. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно сходитъ со сцены европейскаго театра и, продавъ разрушенное и разграбленное прусскими войсками, при вступленіи въ Парижъ, имѣніе Плесси-Пике, переселяется въ 1816 г. на постоянное жительство въ Лозанну. Но прежде чѣмъ окончательно уйти отъ всякаго общественнаго дѣла, онъ снова былъ призванъ русскимъ царствующимъ домомъ, въ качествѣ ментора-руководителя при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, во время его путешествія по Италіи. Александръ понималъ, насколько полезна будетъ юному путешественнику, не знавшему итальянскаго языка, близость такого просвѣщеннаго и опытнаго путевода, какъ Лагарпъ.

Великій князь выѣхалъ изъ Россіи со свитою изъ 11 чловѣкъ и былъ принятъ въ деревнѣ бывшаго директора Гельветической республики

самымъ радушнымъ образомъ. Чрезвычайно тронули также Михаила Павловича выраженія признательности и любви жителей Ваадтланда, оказанныя въ его лицѣ русскому императору. Эта поѣздка, принесшая большую пользу великому князю и ознакомившая его съ достопримѣчательностями Италіи, послужила предлогомъ къ возобновленію переписки между Лагарпомъ и членами императорскаго дома. Государыня Марія Ѳедоровна и великій князь Константинъ Павловичъ не прекращали съ тѣхъ поръ своихъ письменныхъ сношеній съ швейцарцемъ.

„Какъ мать, я радуюсь, что сынъ порученъ истинному другу нашего дома,—писала государыня Марія Ѳедоровна,—и я лично наслаждаюсь столь интересными подробностями, которыя вы сообщаете мнѣ касательно искусствъ. Путешествовать по Италіи съ столь просвѣщеннымъ менторомъ—это удваиваетъ наслажденіе, доставляемое этимъ прекраснымъ и интереснымъ путешествіемъ“.

„Благодарю васъ,—писала она въ другомъ письмѣ,—за нѣжную дружбу къ сыну моему; подъ руководствомъ этого чувства путешествіе его будетъ для него интереснѣйшею и полнѣйшею эпохою жизни. Вы питаете душу его великими, прекрасными и благородными воспоминаніями и запечатлѣваете имена людей, которыя должны сохраняться въ сердцахъ царей, какъ въ святилищѣ“.

Лагарпъ посылалъ ей подробнѣйшіе отчеты о путешествіи, причѣмъ сообщалъ не только свѣдѣнія о ея сынѣ, но также о заграничныхъ достопримѣчательностяхъ въ ихъ историческомъ и философскомъ освѣщеніи.

Окончивъ путешествіе въ началѣ 1819 г., Лагарпъ вернулся въ Лозанну, продолжая переписываться отъ времени до времени съ своими русскими друзьями.

Въ 1824 г. были къ нему препровождены въ Швейцарію орденскіе знаки св. Александра Невскаго и св. Анны 1-й степени, потому,—какъ сказано въ отношеніи управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ капитуль русскихъ орденовъ, отъ 5-го іюня 1824 г.,—что эти знаки не были доставлены г. Лагарпу, при пожалованіи его въ 1814 г. кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ декабрѣ 1825 г. не стало Александра Павловича. Лагарпъ, который дѣйствительно глубоко и нѣжно любилъ русскаго императора, былъ чрезвычайно потрясенъ извѣстіемъ о его преждевременной кончинѣ. Свою скорбь объ этомъ грустномъ событіи онъ вылилъ въ письмахъ къ членамъ императорской семьи, на которыя отъ всѣхъ были получены самыя сочувственные отвѣты. Особенною теплотою дышатъ письма двухъ вдовствующихъ императрицъ.

„Изъ всѣхъ, раздѣляющихъ со мною глубокую скорбь,—писала Елисавета Алексѣевна,—воспоминаніе о васъ, милостивый государь, въ эту жестокою минуту, увѣраю васъ, для меня самое драгоценное. Мнѣ отраднѣе бы было оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человѣка, коего прекрасная душа вамъ была извѣстна; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали оному....; никто поэтому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ язы-

комъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, милостивый государь, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ вамъ обязанъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроень нашимъ несчастіемъ, и я этому вѣрю; но вспомните о непосредственномъ кліиіи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и вообще человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи“.

„Очень скоро послѣ извѣстія о моемъ несчастіи,—писала Марія Федоровна,—я подумала о васъ, о вашей скорби и безпокоилась за васъ, ибо я очень хорошо знаю, какъ вы были привязаны къ нему, равно и какъ онъ былъ вамъ признателемъ за ваши нѣжныя попеченія... Я очень хорошо знаю, что вы должны испытывать и какъ вы страдаете, переносясь къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда вы ежедневно видѣли, какъ развивалась эта прекрасная душа, столь чистая, столь склонная къ добру, это сердце столь великодушное, столь великое...“

Къ этому письму былъ приложенъ чрезвычайно удачный портретъ покойнаго императора.

Оставался въ живыхъ еще одинъ ученикъ Лагарпа—великій князь Константинъ Павловичъ, отрекшійся отъ престола и жившій въ Варшавѣ, въ качествѣ намѣстника царства Польскаго. Со времени путешествія Михаила Павловича за границу письменныя сношенія намѣстника съ бывшимъ наставникомъ возобновились, и великій князь въ своихъ длинныхъ письмахъ увѣдомлялъ старика Лагарпа о всемъ, происходящемъ въ Россіи, о своей жизни, своихъ взглядахъ на европейскія дѣла.

Письма его отличаются чрезвычайной теплотой и прямою: въ нихъ очень наглядно рисуется простой, честный человѣкъ, ставящій выше всего свой долгъ передъ закономъ и отечествомъ и считающій лучшею для себя наградою довѣріе и признательность своего государя. Лагарпъ не остался равнодушенъ къ своему бывшему младшему и непокорному ученику; онъ перенесъ на него какъ бы частичку любви и нѣжности, которая питалъ прежде къ старшему воспитаннику. Такъ, когда Константинъ Павловичъ въ 1829 г. путешествовалъ за границу, и въ парижской печати появились ядовитыя насмѣшки и бранные отзывы о личности и дѣятельности въ Варшавѣ великаго князя, Лагарпъ, пользуясь своими связями и вліяніемъ въ политическихъ и литературныхъ кружкахъ, употребилъ не мало усилій къ тому, чтобы прекратились анонимные, невыгодные и обидные для его бывшего ученика отзывы. По этому поводу великій князь писалъ ему въ 1829 г.

„Приношу вамъ мою благодарность за ваши хлопоты въ Парижѣ, чтобы заставить прекратить ядовитыя колкости противъ меня, дозволенныя свободою или своевольствомъ печати. Вы знаете мое сужденіе объ этомъ предметѣ: я откровенно выразилъ вамъ его въ Эмсѣ. Печатайте, что угодно, но скажите тому, противъ кого вы печатаете, источникъ, откуда вы это почерпнули, дабы онъ могъ найти справедливость, если онъ оскорбленъ или обиженъ. Правительства существуютъ для того, чтобы защищать гражданъ всѣхъ сословій и покрывать ихъ своею егидою, дабы они не могли расправляться сами, и еще для того, чтобы ни въ чемъ не допускать подлости. Всякій безымянный авторъ подлъ, ибо онъ скрывается за тайною, чтобы дѣлать зло и вредить, а затронутые принуждены прибѣгать къ личному и непозволенному мщенію и поставлены въ необходимость индивидуальной защиты. Еслибы издатели были обязаны закономъ предъявлять оригиналы честно

подписанными въ руки лицъ общественныхъ, это остановило бы злоупотребленіе печати, которое затрогиваетъ всякаго.“

Новый государь не оставилъ также безъ вниманія наставника своего покойнаго брата и въ письмѣ, отъ 9-го марта 1826 г., писалъ ему:

„...Мысль моя должна была по естественному побужденію перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. Подъ вашими глазами, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя приобидли все человечество къ плачу о его утратѣ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастье узнать, что великаго монарха не стало для нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священной.“

Въ память дружбы между воспитателемъ и воспитанникомъ, императоръ Николай возвратилъ Лагарпу всѣ его проекты и письма, хранившіеся въ кабинетѣ покойнаго государя. Лагарпъ, сознавая историческое значеніе своей переписки и важность для исторіи подлинныхъ документовъ, снялъ копіи съ присланнаго, возвратилъ ихъ въ Петербургъ, прибавивъ сюда копіи съ проектовъ и писемъ къ нему Александра Павловича.

По поводу этой присылки Николай I писалъ ему: „...Въ этомъ поступкѣ я узнаю всю деликатность чувствъ вашихъ, милостивый государь, и новый знакъ благоговѣнія къ памяти покойнаго моего брата. Примите изъявленіе совершенной моей признательности. Приношу вамъ ее также и за трудную работу вашу присоединенія къ жертвуемому вами мнѣ собранію реестра, который облегчаетъ разборъ онаго.“

Это было написано въ 1832 г., а черезъ 6 лѣтъ Лагарпа уже не стало. Онъ умеръ 30-го марта 1838 г., восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, окруженный семьей, еще бодрый и здоровый, не оставляя своихъ любимыхъ занятій естественными науками, исторіей и приведеніемъ въ порядокъ обширныхъ мемуаровъ. Онъ былъ еще настолько полонъ жизни и любознательности, что незадолго до смерти сознавался, что готовъ поступить въ какую-нибудь коллегію, чтобъ еще учиться и учиться. Друзья и враги его, всѣ уже сошли въ могилу, отечество признало его заслуги, онъ видѣлъ осуществленіе своихъ излюбленныхъ мечтаній и, точно старый дубъ, твердо выдержавшій бури и непогоды, спокойно и величаво созерцалъ взлелѣянные имъ молодые побѣги и всходы. Наконецъ, и этотъ дубъ рухнулъ, и освобожденное поколѣніе соотечественниковъ, отдавая послѣднюю земную дань учителю и заступнику, съ признательностью говорило: „Много онъ потрудился, — имѣеть право отдохнуть.“

Наставникъ царскихъ дѣтей.

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ общаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если нязости змѣя
Когда нибудь вползетъ мнѣ въ душу,
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ учится, помрачась...

(Изъ стих. Я. К. Грота—„Перо“).

I.

Яковъ Карловичъ Гротъ, покойный вице-президентъ академіи наукъ, пользовался при жизни широкою и заслуженною извѣстностью въ мірѣ учебномъ и ученомъ. Авторитетъ академика былъ настолько великъ, что даже наше капризное правописание должно было ему подчиниться, и въ учебныхъ заведеніяхъ установилось правило „писать по-Гроту“. Русская филологія имѣла въ лицѣ этого неутомимаго поборника просвѣщенія истиннаго друга,—ему она обязана многими разъясненіями и толкованіями свойствъ нашего языка и оборотовъ рѣчи. Велики его заслуги также въ области ученаго издательства. Роскошное изданіе „Сочиненій Державина“, на примѣръ, послужитъ надолго образцомъ работъ подобнаго рода. Но я не имѣю въ виду въ предлагаемомъ очеркѣ касаться этой стороны дѣятельности Якова Карловича: она достаточно извѣстна,—о ней много говорилось, и при жизни покойнаго, и послѣ его кончины, въ послѣдовавшихъ некрологахъ. Въ этомъ отношеніи нашъ ученый не былъ обойденъ должной признательностью и оцѣнкой современниковъ, такъ что академикъ А. О. Бычковъ въ своей привѣтственной рѣчи, по случаю 50-тилѣтней учено-литературной дѣятельности Грота, безъ преувеличенія, выразился, что имя Якова Карловича „давно“ присоединено къ именамъ тѣхъ членовъ академіи наукъ, „которыхъ по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій

образованный русский“. Мнѣ хочется обратить вниманіе читателей на ученаго академика, какъ на педагога, которому было поручено трудное и отвѣтственное дѣло преподаванія наукъ и руководства учебными занятіями наслѣдника престола, безвременно скончавшагося Николая Александровича, и его трехъ младшихъ братьевъ. Съ этой стороны наша публика до сихъ поръ чрезвычайно мало знаетъ Грота, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, это одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ его жизни. Да и откуда было почерпнуть настоящія свѣдѣнія по этому интересному предмету? Хотя царственный воспитанникъ уже давно смежилъ свои очи, зато былъ живъ еще его старый учитель, при жизни котораго, разумѣется, невозможно было касаться этой щекотливой темы, творить свой судъ надъ его труднымъ дѣломъ, и тѣмъ болѣе, что самъ учитель не давалъ къ тому никакого повода какимъ либо изданіемъ мемуаровъ или исповѣди. Нынѣ обстоятельства измѣнились,—и ученикъ и наставникъ стали достояніемъ исторіи, и послѣдняя успѣла уже обогатиться чрезвычайно цѣннымъ источникомъ для сужденія о томъ, каковъ былъ Яковъ Карловичъ, какъ наставникъ царственныхъ дѣтей, которому довѣрчиво поручилъ своихъ сыновей ихъ державный родитель. Источникъ этотъ—книга: „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ“, гдѣ, въ числѣ прочихъ данныхъ, имѣются чрезвычайно цѣнныя „автобіографическія замѣтки“, а также „Мысли, посвященныя въ Божѣ почившему государю наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія“. Не успѣла выйти въ свѣтъ названная книга, какъ за нею послѣдовало новое изданіе—„Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, собранная вдовою покойнаго академика, Натальей Петровной Гротъ, и ея сыномъ, профессоромъ Варшавскаго университета, К. Я. Гротомъ. Оба труда,—и „Данныя къ біографіи“, и „Переписка“,—представляютъ собою богатый вкладъ въ нашу литературу и рисуютъ образъ Грота въ его истинномъ и всестороннемъ освѣщеніи, въ связи съ эпохой былыхъ годовъ. „Переписка“ (въ особенности 1-й томъ ея) знакомитъ насъ съ первыми шагами на научно-педагогическомъ поприщѣ Якова Карловича, въ бытность его въ Гельсингфорсѣ профессоромъ Александровскаго университета, а также рисуеъ намъ, подъ какими учено-литературными воздѣйствіями сложился его симпатичный, мужественный характеръ и его честный образъ мыслей.

Для настоящаго очерка мое вниманіе останавливаетъ на себѣ первая книжка, гдѣ имѣется нѣкоторый матеріалъ для обрисовки Грота, какъ педагога, какъ наставника царскихъ дѣтей, какъ дѣятеля науки, попавшаго волею судьбы въ необычную обстановку—приближеннаго ко двору. Но задавшись такой цѣлью и ознакомившись для того съ педагогическими воззрѣніями нашего академика изъ его собственныхъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, я почувствовалъ значительныя пробѣлы въ своемъ матеріалѣ и въ своихъ источникахъ; явилось желаніе восполнить эти пробѣлы, освятить тѣ темныя мѣста, то недоска-

занное или сказанное вскользь, что явилось слѣдствіемъ изученія „Автобіографіи“ и „Мыслей“. Это желаніе побудило меня обратиться къ семьѣ покойнаго Якова Карловича, съ просьбой дать мнѣ надлежащія указанія и поясненія. Благодаря содѣйствію членовъ семьи, мнѣ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми рукописными документами изъ богатѣйшаго архива покойнаго академика. Документы эти, не подлежащія въ ближайшемъ будущемъ опубликованію, заключаются преимущественно въ воспоминаніяхъ самого Якова Карловича или въ запискахъ его супруги, тщательно ведшей длинную лѣтопись жизни своего мужа. Такимъ образомъ, указанные выше печатные источники, проверенные рукописными изъ семейнаго архива и дополненные указаніями современниковъ, позволяютъ мнѣ представить на судъ читателей настоящей очеркъ, гдѣ изложена педагогическая дѣятельность Якова Карловича при русскомъ дворѣ.

II.

Всякій преподаватель лицомъ къ лицу съ молодежью, въ своихъ непрерывныхъ и долгихъ сношеніяхъ съ нею, волею-неволею, силою вещей и своего положенія, долженъ въ концѣ концовъ раскрыть свой нравственный обликъ и явиться въ истинномъ свѣтѣ, со всеми своими достоинствами и недостатками. Вотъ почему педагогическая дѣятельность больше, чѣмъ какая либо другая, можетъ быть, открываетъ возможность судить о человѣкѣ во всей его полнотѣ и настоящемъ значеніи. Въѣтъ съ тѣмъ, если положеніе педагога въ обыденной жизни бываетъ трудно, отвѣтственно, то тѣмъ сильнѣе проявляются эти свойства въ положеніи наставника царственныхъ дѣтей. Тутъ, помимо отчета родителямъ, имѣетъ большое значеніе отвѣтственность передъ цѣлымъ народомъ, передъ судомъ исторіи. Кромѣ того, здѣсь приходится считаться съ такими факторами, которыхъ нѣтъ въ обыденной жизни, нѣтъ въ заурядной средѣ. Необычайность обстановки выбиваетъ, такъ сказать, человѣка изъ колеи, и ему неожиданно приходится сообразоваться съ массой обстоятельствъ, отношеній и давленій, которыя, часто противъ его воли, даютъ направленіе его дѣятельности и перевертываютъ его планы.

Мы имѣемъ уже въ литературѣ богатые источники для сужденія о воспитаніи двухъ наслѣдниковъ престола текущаго столѣтія, обстоятельную картину взаимоотношеній царственныхъ дѣтей и ихъ воспитателей. Я разумѣю воспитаніе Александра I Лагарпомъ и Александра II Жуковскимъ. Не вступая въ разсмотрѣніе системъ, созданныхъ этими руководителями государевыхъ первенцовъ, не касаясь этого вопроса, уже достаточно разработаннаго нашей литературой, не могу, однако, не отмѣтить нѣкоторыхъ сторонъ въ этой любопытной страничкѣ русской жизни. Какъ извѣстно, оба воспитателя,—и Лагарпъ и Жуковскій,—

дѣйствовали при обстановкѣ чрезвычайно благопріятной, пользовались личнымъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ державныхъ родителей, благодаря чему получили возможность стать въ очень близкія, интимныя отношенія къ своимъ воспитанникамъ. Вслѣдствіе этого характеры великихъ князей Александра Павловича и Александра Николаевича въ значительной степени сложились подъ воздѣйствіемъ атмосферы классныхъ комнатъ; здѣсь были впервые заброшены тѣ сѣмена, всходы которыхъ мы можемъ явственно усмотрѣть въ первые, по крайней мѣрѣ, годы царствованій учениковъ Лагарпа и Жуковского. Педагогическія традиціи классныхъ комнатъ остались неизблемыми, и юноши, ставъ со временемъ у кормиль правленій, какъ бы старались осуществить то, что рисовалось въ видѣ свѣтлыхъ перспективъ въ годы молодости и энтузіазма.

Приступая къ занятіямъ съ Александромъ Павловичемъ, Лагарпъ мечталъ создать изъ своего ученика „друга свободы, покровителя наукъ и искусствъ, который явится въ міръ провозгласить идеи равенства и независимости“. Что вышло въ концѣ концовъ изъ мечтаній швейцарскаго республиканца, — достаточно извѣстно; но нельзя здѣсь не отмѣтить, однако, что первые шаги молодого государя по управленію своимъ народомъ безусловно носятъ на себѣ отпечатокъ политическихъ симпатій наставника, — стоитъ хотя бы вспомнить основаніе „неофициальнаго комитета“, изъ Кочубея, Новосильцева, Ад. Чарторыйскаго и Строганова, — съ его конституціонными тенденціями! Не менѣе отчетливо отразилось вліяніе Жуковского на складѣ характера Александра II и его главнѣйшихъ реформахъ, введшихъ Россію въ семью европейскихъ народовъ съ ихъ широкими культурными цивилизаторскими задачами.

Да встрѣтить онъ обильный честию вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ знаній: человекъ.

Таковъ былъ завѣтъ поэта-наставника своему ученику, завѣтъ, который тотъ осуществилъ въ своихъ освободительныхъ реформахъ, гдѣ именно на первомъ мѣстѣ поставлено — „святѣйшее изъ знаній: человекъ“. Это исканіе человѣчности проведено было Жуковскимъ красной нитью чрезъ всю систему воспитанія великаго князя Александра Николаевича, и ее же онъ требовалъ, какъ главное руководящее качество отъ наставника. „Чтобы преподавать цесаревичу науку, — писалъ онъ, между прочимъ, государынѣ, — недостаточно быть только ученымъ. Слѣдуетъ быть ученымъ въ наукѣ человечества съ точки зрѣнія всѣхъ временъ, и въ особенности настоящей эпохи, наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, испытать борьбу человѣческихъ страстей, въ особенности на поприщѣ политическомъ, гдѣ онѣ въ нашъ вѣкъ бываютъ такъ сложны и такъ бурны; слѣдуетъ пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ, и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила“.

Подобно тому какъ современники осуждали Лагарпа, утверждая, что онъ, какъ Крыловскій орелъ, научилъ львенка лишь „птичьимъ нуждамъ“ и только искусству „вить гнѣзда“, такъ находились и такіе, которые видѣли въ системѣ Жуковского слишкомъ много мечтательности, недостатокъ фактической обосновки, отсутствіе простоты и ясности. Это отсутствіе простыхъ идей, постоянства, нужныхъ при воспитаніи, нѣкоторые относили къ недостатку твердыхъ убѣжденій, къ излишней проектоманіи поэта-воспитателя. Въ числѣ несогласныхъ съ общимъ педагогическимъ настроеніемъ Жуковского находился, между прочимъ, и ближайшій его пріятель, издатель „Современника“, П. А. Плетневъ, имѣвшій несомнѣнное вліяніе на складъ убѣжденій и направленіе научно-литературной дѣятельности своего молодого друга Я. Грота, будущаго воспитателя наслѣдника-цесаревича и его братьевъ, рекомендованнаго двору именно ректоромъ Петербургскаго университета. Скептицизмъ Плетнева не былъ простымъ брюзжаніемъ, вызваннымъ злою завистью или соревнованіемъ; онъ явился продуктомъ новаго времени, когда все громче и громче стала раздаваться проповѣдь „маленькихъ дѣлъ“, осужденіе исканія „подвиговъ“ и стремленіе къ „совѣстливому и спокойному исполненію долга въ томъ кругу дѣятельности, какая кому достается въ удѣлъ“¹⁾. Реальная струя, проникшая уже въ 1850 годахъ въ нашу литературу, замѣчается и въ иныхъ областяхъ умственныхъ теченій. Въ самомъ политическомъ романтизмѣ той эпохи кроется, или по крайней мѣрѣ рука объ руку нарождается, уже нѣкоторый скептицизмъ, который все громче и громче трещитъ: „поменьше словъ, побольше дѣла“. Плетневъ, хотя по складу своего ума, по литературнымъ традиціямъ, принадлежалъ къ поклонникамъ либеральныхъ вѣяній первой половины текущаго столѣтія, однако въ значительной степени разнится уже отъ „мечтателей“ 1830—1840 годовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ еще дальше отстоитъ отъ „реалистовъ“ 1850—1860 годовъ.

Въ его характерѣ, въ его общественной дѣятельности и научно-литературныхъ трудахъ встрѣтились двѣ зари разныхъ эпохъ — зари гаснущей и пробуждающейся... Но я не имѣю въ виду давать характеристики Плетнева, а считаю лишь долгомъ отмѣтить, что редакторъ-издатель „Современника“ являлся, въ періодъ выступленія Якова Карловича на общественное поприще, виднымъ представителемъ теоріи — „побольше дѣла“. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ своему молодому другу въ Гельсингфорсъ онъ писалъ²⁾: „Одни санкюлоты кричатъ безъ толку противъ завоеваній. Развѣ Польшѣ было лучше до присоединенія ея къ Россіи, да и Финляндіи тоже? Надобно говорить дѣло, а не фразы“. Это стремленіе къ дѣловитой серьезности, къ спокойному анализу фактовъ, проникаетъ всѣ сужденія Плетнева, и отъ него какъ бы пере-

¹⁾ Я. Гротъ. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 года. Извѣстія II Отдѣленія Академіи Наукъ, 1859 года, т. VIII, вып. II.

²⁾ „Переписка“, стр. 70.

дается его молодому другу, который самъ по себѣ, по свойству своей природы и германской крови, и безъ того былъ въ достаточной степени склоненъ къ удержанію порывовъ, къ самообузданію и къ управленію твердой рукой своего жизненнаго корабля. Грогъ, какъ читатели увидятъ далѣе, явился на горизонтѣ нашей русской жизни именно тѣмъ вполне обрусѣвшимъ иностранцемъ, который, подобно нѣкоторымъ своимъ собратьямъ, сумѣлъ счастливо соединить идеальныя черты германской расы съ чисто-русскими. Идеальная честность, цѣломудренная святость служенія своимъ обязанностямъ и упорное трудолюбіе, совмѣстно съ мягкостью характера и удивительной простотой и скромностью,—таковы отличительныя черты характера этого замѣчательнаго подвижника русской науки. Онъ не ищетъ „подвиговъ“ въ жизни, онъ ограничиваетъ себя лишь „маленькими дѣлами“, но зато въ совершенствѣ выполненными, строго обдуманнми и согласованными съ общимъ благомъ. Въ своей рѣчи при выпускѣ 21-го курса воспитанниковъ Александровскаго лицея ¹⁾ онъ такъ излагаетъ свое жизненное profession de foi: „...Идите въ путь съ готовностью не быть узанными, не быть оцѣненными, даже съ увѣренностью, что истинная, но скромная заслуга рѣдко сознается и награждается по всей справедливости,—говорилъ онъ своимъ бывшимъ слушателямъ;—имѣйте въ виду одно только: вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ, несмотря ни на какія внѣшнія выгоды, дѣйствовать благородно и добросовѣстно. Отечеству нужны безкорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на полѣ чести гражданской! Становитесь же твердо въ ряды этихъ вонновъ, подъ свѣтлыя знамена этой прекрасной борьбы“... А въ 1859 году онъ говорилъ слѣдующему выпуску воспитанниковъ лицея:

„...Въ нашемъ отечествѣ рѣдки люди. Русская нація, по даровитости своей, даетъ государству множество способныхъ чиновниковъ и вообще ловкихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ; но, повторяю, она образуетъ сравнительно слишкомъ мало людей, какъ моральныхъ личностей, вполне развитыхъ, усвоившихъ себѣ твердое убѣжденіе и специально приготовленныхъ для избранной каждымъ дѣятельности. У насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ молодыхъ обществахъ, какъ-то легко смотрятъ на жизнь и на ея требованія: мы все очень дорожимъ своими правами и твердо знаемъ ихъ, но о своихъ обязанностяхъ заботятся немногіе изъ насъ... Милостивые государи, зачѣмъ искать подвиговъ? Въ этомъ-то исканіи и заключается величайшее заблужденіе... Лучшій, самый трудный и вмѣстѣ самый доступный для всякаго подвигъ есть совѣтливое и спокойное исполненіе долга въ томъ кругу дѣятельности, какой кому достается въ удѣлъ. Пусть только каждый трудится на своемъ поприщѣ ежедневно, неутомимо, съ веселымъ духомъ, не мудрствуя лукаво и помня, что важна не его отдѣльная дѣятельность, а сумма всѣхъ дѣятельностей, направленныхъ къ одной цѣли—общему благу“.

Я нарочно привелъ эти выдержки изъ рѣчей Якова Карловича воспитанникамъ лицея, такъ какъ въ нихъ удивительно рельефно рисуется весь складъ его характера, его заветныя убѣжденія, его основы

¹⁾ Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 годъ.

жизни. И эти же основы, эти же убѣжденія, родственныя во многихъ отношеніяхъ съ тѣмъ, что исповѣдывалъ и его старшій другъ—П. А. Плетневъ, легли краеугольнымъ камнемъ всей дѣятельности Грота при дворѣ, въ качествѣ преподавателя великихъ князей, всей его воспитательной системы, которую онъ почерпнулъ изъ непрестанной работы надъ собственнымъ духомъ, изъ наблюденій надъ окружающею жизнью, изъ знанія природы людей и изъ лучшей сокровищницы ума—литературы и науки. Но прежде чѣмъ подробно говорить объ этой сторонѣ жизни Якова Карловича, считаю необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературно-общественной дѣятельности на основаніи, преимущественно, опубликованной его автобіографіи.

III.

Я. К. Гротъ родился въ Петербургѣ, 15-го декабря 1812 года. Отецъ его, Карлъ Ефимовичъ Гротъ, служилъ тогда въ департаментѣ государственныхъ имуществъ контролеромъ; онъ былъ единственный сынъ пастора Іоакима Грота, уроженца Голштиніи, пріѣхавшаго въ Россію при Петрѣ III, за два года до воцаренія Екатерины II. На пятомъ году отъ рожденія маленькій Гротъ уже осиротѣлъ, оставшись совмѣстно съ братомъ ¹⁾ и сестрою на рукахъ матери, нѣмки по происхожденію, урожденной Цизмеръ. Несмотря на свою національность, мать Якова Карловича, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. Вдовѣ удалось устроить мальчиковъ на казенный счетъ въ лучшее учебное заведеніе того времени—Царско-сельскій лицей, гдѣ Я. К. съ самаго начала и до окончанія курса считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію. Слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые преподавались лиценстамъ, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредило, по собственному сознанію Грота, основательности ученія. „Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ;—конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига. Преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ, Кошанскій, поощрялъ это направленіе“... „Мы всѣ тянулись за Пушкинымъ,—повѣствуетъ далѣе Гротъ,—и хотъ ни одинъ изъ насъ

¹⁾ Константинъ Карловичъ, тоже нынѣ уже покойный статсъ-секретарь и членъ государственнаго совѣта.

даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ, я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко“.

Я. К. Гротъ.

авторскихъ способностей. Въ эти школьные годы развитіе Грота приняло совершенно созерцательное направленіе, „чему много способствовала затворническая жизнь лицея, посреди живописной мѣстности, украшенной еще болѣе историческими воспоминаніями, а съ другой стороны, посреди самыхъ преданій заведенія, приобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя

Не малую пользу оказали молодому лиценсту и издававшіеся имъ на старшемъ курсѣ литературные журналы — „Лицейскій Вѣстникъ“ и „Муравей“, гдѣ склонные къ сочинительству воспитанники помѣщали свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Эти журналы не имѣли дѣльнаго направленія и, по сознанію самого издателя, были только тѣмъ хороши, что доставляли лиценстамъ упражненіе въ изложеніи мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени

тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена лица“. Воспитываясь такимъ образомъ подъ воздѣйствіемъ поэтической славы Пушкина, Гротъ рано развилъ въ себѣ литературныя способности, причемъ главныя его симпатіи лежали не столько на сторонѣ поэтическаго творчества, сколько на сторонѣ ученыхъ изслѣдованій и по преимуществу историческаго содержанія.

По окончаніи лица, онъ опредѣлился на службу въ канцелярію комитета министровъ, гдѣ преимущественно былъ занятъ перепискою текущихъ журналовъ; отсюда, съ назначеніемъ его главнымъ начальникомъ, барона Корфа, государственнымъ секретаремъ, и онъ былъ переведенъ въ государственную канцелярію, гдѣ опять-таки безконечная переписка и механическій трудъ приводили его въ полнѣйшее отчаяніе. „Дни уходятъ,—писалъ онъ въ дневникѣ,—не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ; зато они оставляютъ по себѣ толстыя кипы исписанной веленовой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкапы государственной канцеляріи; съ какой гордостью скажу: сочинять не сочинялъ, а писывалъ! Невольно приходитъ на мысль: ужели на 24-мъ году отъ роду, въ лѣто служенія нашего 4-е, воспитавшись въ одномъ изъ первыхъ заведеній, я не могъ бы лучше быть употребленъ на службу?“ Несмотря на одуряющую тоску канцелярской атмосферы, Гротъ не похоронилъ въ ней своихъ природныхъ склонностей къ литературѣ и наукѣ. Онъ продолжаетъ ревностно свое самообразованіе и самовоспитаніе и пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы развить и обогатить свои познанія. И нужно отдать молодому человѣку полную справедливость—онъ съ удивительною настойчивостью, настойчивостью далеко не русскаго свойства, идетъ къ своей цѣли, хотя, несмотря на весь гнетъ канцелярской службы, не имѣетъ на первыхъ порахъ мужества порвать съ этой службой.

Въ 1837 г. онъ черезъ одного своего однокашника знакомится съ Плетневымъ, издателемъ „Современника“, гдѣ помѣщаетъ свой переводъ „Мазепы“ Байрона и гдѣ дѣлается постояннымъ ревностнымъ сотрудникомъ, вплоть до перехода этого журнала, въ 1847 году, въ руки Панаева и Некрасова. Знакомство съ Плетневымъ и вступленіе въ кругъ литераторовъ имѣло рѣшающее значеніе въ жизни Грота. „Канцелярская служба и перспектива лестной карьеры не могли уже отвлечь меня отъ науки и литературы“,—сознается самъ Яковъ Карловичъ. Ученый и литераторъ заговорили въ немъ сильно и властно, и баронъ Корфъ былъ вполне правъ, сказавъ о немъ однажды въ разговорѣ съ Плетневымъ: „пропалъ для службы“. Гротъ въ автобіографіи рисуетъ въ слѣдующихъ словахъ свое настроеніе духа:

„Дѣйствительно, по пословицѣ: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“, я сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ я давно замѣчалъ, успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной

ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣтнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело, и не разъ припоминался мнѣ стихъ:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

Съ тѣхъ поръ въ моей духовной жизни началась новая эпоха, въ которой главнымъ для меня лицомъ былъ Плетневъ“.

Почти одновременно съ этимъ знакомствомъ, Гротъ, для поправленія своего разстроеннаго здоровья, предпринимаетъ поѣздки за предѣлы столицы и въ одну изъ таковыхъ получаетъ возможность посѣтить Финляндію и ея столицу — Гельсингфорсъ. Эти два обстоятельства, — знакомство съ Плетневымъ и посѣщеніе Финляндіи, — имѣли, несомнѣнно, рѣшающее значеніе въ жизни Якова Карловича:

„Передъ оживленными литературными интересами, передъ любовью къ природѣ и поэзіи, съ которыми я воротился въ Петербургъ, канцелярская служба, состоявшая въ занятіяхъ почти механическихъ, становилась для меня болѣе и болѣе постылою. Въ головѣ моей серьезно развивался планъ покинуть службу и посвятить себя литературѣ. Напрасно Плетневъ представлялъ мнѣ, какъ такой шагъ невыгоденъ въ разныхъ отношеніяхъ; но я остался твердъ въ своемъ намѣреніи, несмотря на то, что новая должность доставляла мнѣ 1500 р. жалованья, а доброе расположеніе начальника обѣщало всякія блага впереди. Лѣто 1839 г. я опять провелъ въ Финляндіи, которая уже манила меня, какъ знакомый край: ей я обязанъ былъ и улучшеніемъ здоровья, и многими интересными знакомствами; изученіе этого особеннаго міра съ двумя разнородными языками, съ цѣлою скандинавской литературой, сулило мнѣ много уместившихъ наслажденій“.

По крови голштинецъ, Яковъ Карловичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то удивительно, чуть ли не сразу, сроднился съ сѣвернымъ скандинавскимъ міромъ; тамошняя культура, съ ея лойяльностью, съ ея историческимъ трудолюбіемъ и виѣшней и внутренней чистоплотностью, оказалась сродни его цѣломудренному духовному настроенію, съ его жаждой европейскаго знанія, съ его корректностью и нравственной выдержкой. Уже послѣ первой поѣздки онъ вывозитъ изъ Финляндіи „Фритіофа“, переводъ котораго доставилъ ему впослѣдствіи почетную извѣстность въ литературѣ двухъ народовъ; рядъ послѣдовавшихъ очерковъ, касающихся Финляндіи, какъ напримѣръ, „Знакомство съ Рунебергомъ“, „О финнахъ и ихъ національной поэзіи“, „О скандинавской мифологіи“ и другихъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“, дѣлаютъ Грота какъ бы связующимъ звеномъ двухъ смежныхъ сѣверныхъ міровъ — скандинавскаго и славянскаго. Наша читающая публика впервые только черезъ него узнаетъ о богатыхъ сокровищахъ скандинавскаго эпоса, о величавыхъ, мрачныхъ, холодныхъ, но прекрасныхъ картинахъ сѣверной природы, о сосѣдномъ маленькомъ и трудолюбивомъ народѣ, сумѣвшемъ среди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ широко развить свою культуру. На долю Грота выпалъ счастливый жребій поработать на невоздѣланной еще литературной нивѣ, и это обстоятельство сослужило ему въ годы молодости добрую службу.

Появился онъ въ журналистикѣ только съ своими оригинальными и переводными произведеніями не изъ скандинавскаго міра, вѣроятно, ему не такъ скоро удалось бы завоевать себѣ то прочное литературное положеніе, которое онъ занялъ, именно благодаря знакомству и сближенію съ Финляндіей, уже въ началѣ 1840-хъ годовъ. И должно замѣтить, что финское холодное солнце, озарившее его первые шаги на литературномъ поприщѣ, нашло въ немъ признательнаго пріемнаго сына, который сумѣлъ воздать должное пріютившей его странѣ.

IV.

Вскорѣ встрѣтилась и возможность для Грота перемѣнить свое служебное поприще,—тѣ же Плетневъ и Жуковскій рекомендовали его графу Ребиндеру, министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго и исправляющему должность канцлера Императорскаго Александровскаго университета, который предложилъ ему занять при немъ мѣсто чиновника особыхъ порученій съ тѣмъ, чтобы со временемъ получить имѣвшуюся бытъ учрежденной должность инспектора финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка. Чрезвычайно интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Гротомъ по вопросу, какъ было встрѣчено петербургскимъ обществомъ его рѣшеніе всецѣло посвятить себя педагогической и литературно-научной дѣятельности.

„Вѣсть о моемъ переходѣ быстро разнеслась между моими знакомыми,—рассказываетъ Яковъ Карловичъ.—Все были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерою, находили, что я поступаю опрометчиво, а иные считали меня просто сумасбродомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ бывшихъ моихъ товарищей, находившагося тогда въ Италіи, дошелъ даже слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ общество; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь. Тогдашній директоръ департамента народнаго просвѣщенія (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я со временемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю. Все это, однако-жъ, нисколько меня не смущало: такъ сильно я чувствовалъ, что исполняю неотразимое требованіе своей природы, и съ свѣтлою юношескою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее. Но дѣло было сдѣлано: баронъ Корфъ написалъ будущему моему начальнику чрезвычайно лестный обо мнѣ отзывъ, и вотъ я уже принадлежу къ вѣдомству финляндскаго статсъ-секретаріата“.

Въ іюнѣ, 1840 года, Гротъ переѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и прожилъ двѣнадцать лѣтъ, сначала въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, а потомъ—ординарнаго профессора по кафедрѣ русскаго языка, словесности и исторіи. Этотъ періодъ жизни Я. К. въ Финляндіи былъ чрезвычайно полезенъ для культурнаго сближенія этой страны съ нашимъ отечествомъ и притомъ сближенія чрезвычайно сердечнаго, свѣтлаго, радостнаго. Это братаніе народовъ, въ лицѣ ихъ лучшихъ представителей науки и литературы, достигло особенной крѣпости на юбилейныхъ торже-

ствахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета. Вотъ какъ вспоминаеть эти дни общаго веселія и братскаго союза финляндець Шауманъ¹⁾:

„Самымъ многозначительнымъ и достойнымъ упоминанія эпизодомъ этихъ праздниковъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими съ финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ безспорно Я. Гроту. Совсѣмъ еще молодой человекъ, не достигшій и тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентельменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился съ шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ на русскій языкъ саги Фритюфа. Уже въ 1838 г. посѣтилъ онъ Финляндію и между прочимъ въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ, котораго онъ изобразилъ съ восторженной теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ. Въ то же время, познакомившись съ Цигнеусомъ, Ленротомъ, Нервандеромъ, онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкознаніемъ онъ, такимъ образомъ, приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда невозможно было и предполагать: къ занятію катедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполнину былъ у насъ какъ дома, то и былъ особенно способенъ сблизить нашихъ финскихъ литераторовъ съ своими соотечественниками. Съ обѣихъ сторонъ наилучшія и самыя теплыя отношенія оживляли всѣхъ на этихъ празднествахъ, сгладившихъ всѣ неровности и братски соединившихъ финновъ съ русскими. Вышеаго пункта достигли эти сердечныя отношенія, когда въ воскресенье, 19-го іюня, въ свободный отъ промоціонныхъ торжествъ день, часть русскихъ литераторовъ, между которыми были Плетневъ, князь Одоевскій, графъ Сологубъ, Я. Гротъ и другіе, пригласили на обѣдъ Францена, Рунеберга, Ленрота и многихъ другихъ финскихъ ученыхъ. На этомъ обѣдѣ произнесено было Я. Гротомъ теплое стихотвореніе, и состоялось соглашеніе, чтобы въ память юбилея изданъ былъ международный альманахъ, съ участіемъ русскихъ и финскихъ писателей. Редакція сборника, который долженъ былъ выйти на двухъ языкахъ,—русскомъ и шведскомъ,—поручена была Гроту. И дѣйствительно, альманахъ вышелъ на обонхъ языкахъ, ранѣе весны 1842 года, съ посвященіемъ его высочеству, канцлеру университета, государю наследнику. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ и сближенія между русскими и нашими литературными силами, или скорѣе приобщеніе нашей литературы къ русской. Но вотъ протекло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ, и альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія“.

Всѣ двѣнадцать лѣтъ пребыванія Якова Карловича въ Финляндіи, помимо ихъ общественнаго значенія, должны быть разсматриваемы, какъ благопріятная школа, въ которой онъ успѣлъ закалить свой характеръ для житейской борьбы, прочувствовать, такъ сказать, свои убѣжденія и сложиться въ того ученаго литератора и педагога, какимъ мы встрѣчаемъ его уже въ 1853 г., въ роли наставника царственныхъ дѣтей. Онъ достигаетъ за то время обширной филологической научности, и имя его, какъ писателя и ученаго, начинаетъ пользоваться извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ.

„...Лекціи мои,—говоритъ онъ въ автобіографіи,—которыхъ часть я долженъ былъ читать по необходимости на шведскомъ языкѣ, требовали отъ меня большихъ

¹⁾ См. прим. 2, на стр. 33 Автобіографическихъ замѣтокъ Я. К. Грота.

усилій и постояннаго упражненія въ практикѣ этого языка, притомъ я въ каждый курсъ составлялъ новыя записки и готовилъ ихъ къ изданію на шведскомъ языкѣ, что, отчасти, и исполнилъ. Такъ какъ въ университетѣ факультетскіе экзамены производились на латинскомъ языкѣ, то я вынужденъ былъ сильно налечь на этотъ предметъ, чтобы усовершенствоваться въ свободной латинской рѣчи. Кромѣ того, прилежно изучалъ языки финскій и польскій, а позже и всѣ славянскія нарѣчія, начиная съ чешскаго. Все это вмѣстѣ не позволяло мнѣ начать никакого большого труда, и я ограничивался статьями по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованіями по русскому языку (теорія глаголовъ), описаніемъ моихъ путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводами изъ шведскихъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга. Они появлялись въ „Современникѣ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ „Москвитяинѣ“, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, въ „Сѣверномъ Обзорѣннѣ“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Кромѣ того, я печаталъ статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ въ „Звѣздочкѣ“ (Ишимовой), а въ 1847 г. я издалъ въ Петербургѣ отдѣльной книгой мои „Переѣзды по Финляндіи“, описаніе путешествія моего отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Ленротомъ“.

Работы Грота на темы о Финляндіи доставили ему немало друзей среди шведскихъ и финскихъ литераторовъ и ученыхъ. Лучшіе представители скандинавской мысли становятся его ближайшими пріятелями, сближаются черезъ его посредство съ русской литературой и начинаютъ внимательно слѣдить за развитіемъ нашихъ журнальныхъ направленій. Русскія изданія проникаютъ въ гельсингфорское общество, и Плетневскій „Современникъ“ получаетъ здѣсь большую популярность. „Самымъ важнымъ результатомъ моего опредѣленія въ Гельсингфорскій университетъ я считаю то, — признаетъ самъ Гротъ, — что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе Гельсингфорса, приобрѣло русскую бібліотеку, основанную моими стараніями, и изъ которой всякій можетъ бесплатно получать книги. Удобствомъ этимъ пользуются особенно военные и свеаборгскіе моряки, но есть и другіе читатели. Прочіе результаты остаются до сихъ поръ въ области возможности“.

Рядомъ съ успѣхами Якова Карловича въ гельсингфорскомъ обществѣ, какъ литератора и ученаго, растетъ его успѣхъ и въ Петербургѣ. Помимо личныхъ заслугъ и достоинствъ на поприщѣ журналистики, необходимо отмѣтить то счастливое для него обстоятельство, что въ столицѣ у него оставался истинный другъ, который не скупился на пропаганду въ высшихъ кругахъ, а также при дворѣ, своего молодого пріятеля. Плетневъ обладалъ въ Петербургѣ большими связями, пользовался высокимъ авторитетомъ въ придворныхъ сферахъ, какъ дѣятель науки и литературы, преподавалъ русскую словесность и исторію государю наслѣднику Александру Николаевичу и его сестрамъ — великимъ княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ. Онъ сумѣлъ расположить къ себѣ царственныхъ учениковъ, благодаря чему двери гостинныхъ высшаго петербургскаго свѣта были передъ нимъ широко открыты. Съ его собственнымъ именемъ и именемъ „Современника“ былъ тѣсно связанъ ореолъ славы Пушкина, а дружба и близость съ Жуковскимъ позволяли въ немъ видѣть могикана

литературныхъ традицій безсмертнаго автора „Евгенія Онѣгина“. Ректорство въ университетѣ дѣлало его близкимъ къ міру науки, къ шумнымъ аудиторіямъ молодежи. Короче сказать, Плетневъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ и общественныхъ дѣятелей Петербурга второй половины 1840 годовъ. Покровительство и дружба такого человѣка, безъ сомнѣнія, были чрезвычайно полезны Гроту въ его единеніи съ обществомъ столицы, которое безъ этого легко могло его забыть.

Письма Плетнева полны увѣдомленій Якова Карловича о тѣхъ или иныхъ отзывяхъ о немъ не только свѣтскихъ людей, но и придворныхъ сферъ. „Вы пишете,—говорить въ одномъ письмѣ Гротъ,—что сообщили его высочеству нѣсколько извѣстій о Цигнеусѣ и обо мнѣ. Что слишкомъ, то слишкомъ: досугъ ли наслѣднику заниматься литературными мелочами, а тѣмъ болѣе дѣянiями столь темныхъ людей“. Въ другой разъ Плетневъ увѣдомляетъ о слѣдующемъ пріятномъ для его друга эпизодѣ: „Во дворцѣ я долго говорилъ съ А. Армфельтомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ наслѣдникъ ему доказывалъ, что ты долженъ засѣдать въ консисторіи и имѣть право на ректора и декана. Армфельтъ представляетъ, что ты, вѣрно, не свободно владѣешь латинскимъ языкомъ, а наслѣдникъ говорилъ, что неправда, ибо ты учился въ лицей, гдѣ многіе хорошо знаютъ по-латыни“.

Не только дѣятельность Грота по университету была прекрасно извѣстна наслѣднику, какъ канцлеру этого заведенія, онъ былъ ознакомленъ также и съ поэтическими занятіями молодого профессора. Такъ, когда Гротъ посвятилъ красавицѣ „Маркизѣ М. А. Траверсе“ коротенькое стихотвореніе по случаю ея отъѣзда въ Петербургъ, напечатанное Плетневымъ въ „Современникѣ“ (1841 г., т. XXI), надѣлавшее шума въ свѣтскихъ салонахъ, и по поводу котораго „дамы шутя побранивали автора за его нападки на Петербургъ“, наслѣдникъ цесаревичъ, шутя, поручилъ Мятлеву защитить столицу противъ Грота. Мятлевъ выполнилъ порученіе и на своемъ оригинальномъ стихотворномъ языкѣ отвѣтилъ Гроту, обращаясь собственно къ предмету распри:

Ахъ, правда ли се qu'on a dit,
 Что въ Чухляндю ужъ mardi
 По бѣлой дикой ихъ дороги
 Рѣшились и давай Богъ ноги.
 Что за поспѣшность? лишь amorce
 Вамъ представляетъ Гельсингфорсъ.
 Какихъ похвалъ, рукоплесканій,
 Какихъ восторговъ, восклицаній
 Еще вамъ нужно,—что за спѣхъ?
 Вскружили голову у всѣхъ,
 Мы всѣ вамъ жертвуемъ сердцами.
 Въ любви имъ не сравнятся съ нами.
 Чухонцы могутъ ли любить?
 Чухонецъ масло можетъ сбить,
 Салакушку скоптить прекрасно,

НАСТАВНИКЪ ЦАРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

А чтобы полюбить такъ страстно,
Какъ въ Петербургѣ,—мудрено.
Имъ это чувство не дано.
Въ нихъ не бряцаетъ эта струнка.
Ихъ пища кислая филь брунка (простокваша),
Они вамъ скажутъ: мюке бра (очень хорошо)!
И тѣмъ убьютъ уже бобра,
А болѣе и не просите.
Но здѣсь вы только посмотрите
Царицей, и мы все горимъ,
Все про любовь вамъ говоримъ.
Останьтесь здѣсь же вakra флика (хорошенькая дѣвушка),
Мы благодарны будемъ мюке,
И все мы закричимъ вотъ такъ:
Такаре мюкасть, такъ, такъ, такъ (премного благодарны).

На это шуточное стихотвореніе, писанное по порученію наслѣдника, Гротъ счелъ нужнымъ отвѣтить двумя стихотвореніями, изъ коихъ для характеристики Я. К., какъ поэта, привожу одно—„Исправленіе“:

Нѣтъ, нѣтъ: я болѣе не стану
Ихъ пышный городъ порицать;
Я вижу, вопреки туману,
Въ которомъ имъ пришлось дышать,
Въ нихъ чувство есть—вкусъ вѣрный, тонкій;
Имъ красоту дано цѣнить,
И будь богиня хоть чухонкой,
Они готовы положить
Предъ ней сердца, отдавшись плѣну,
И, будто греки за Елену,
Войну всемъ финнамъ объявить.
Чухонецъ я, согласенъ въ томъ съ поэтомъ,
Но если правъ онъ въ этомъ,
То долженъ называть чухонкою и ту,
Чью воспѣваетъ красоту:
Я ей землякъ—она подобно розѣ,
На финскихъ льдахъ цвѣтетъ, какъ въ парникѣ,
А я готовъ въ стихахъ и прозѣ
Писать на всякомъ языкѣ
О рѣдкомъ сѣверномъ цвѣткѣ.

Эта веселая стихотворная полемика извѣстна была при дворѣ и не могла не вызвать вниманія къ одному изъ ея участниковъ. Наслѣднику, безъ сомнѣнія, были извѣстны и другія произведенія Грота въ болѣе серьезномъ родѣ, имѣющія непосредственное отношеніе къ личности цесаревича; стихотворенія эти — „17-го апрѣля 1841 г.“ (на бракосочетаніе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича съ Маріей Александровной Гессенъ-Дармштадтской) и переводъ со шведскаго „Пѣсни финскаго стрѣлковаго баталіона“, написанной по случаю назначенія новорожденнаго великаго князя Александра Александровича шефомъ баталіона.

Такимъ образомъ, послѣдникъ Александръ Николаевичъ втеченіе довольно большого періода времени имѣлъ возможность, и преимущественно черезъ Плетнева, ознакомиться съ Гротомъ, полюбить его, увѣриться въ его качествахъ, а главное въ способности честно выполнять свои обязанности. Профессоръ Александровскаго университета не былъ для него незнакомцемъ, а потому его появленіе при дворѣ, въ качествѣ наставника сыновей наслѣдника, не заключало въ себѣ чего нибудь необычайнаго или вызывающаго недоумѣніе. Эта новая перемѣна въ судьбѣ и дѣятельности Якова Карловича послѣдовала въ 1853 году и произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

V.

Осенью 1852 года скончалась жившая вмѣстѣ съ сыномъ старушка-мать Грота, а въ концѣ октября онъ получилъ отъ Броневскаго, директора Александровскаго лицея, предложеніе занять въ лицей катедру русской словесности, чего давно желалъ принцъ Ольденбургскій. Яковъ Карловичъ, однако, не рѣшался слишкомъ поспѣшно на промѣнъ катедры университетской, хотя и вдали отъ родины, на лицейскую, не будучи увѣренъ, зачтутся ли ему годы финляндской службы на полученіе пенсіи, и переписывался объ этомъ съ Плетневымъ, который тѣмъ сильнѣе желалъ переѣзда своего друга въ Петербургъ, что лишился въ то время единственной любимой дочери.

„Когда я еще колебался принять вызовъ лицея, — повѣствуетъ Гротъ въ своей автобіографіи, — вдругъ получаю письмо отъ Плетнева, которое кончалось такъ: „Только два слова: уже два года у меня лежало на сердцѣ доставить въ лицѣ твоемъ государю наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей, какимъ былъ Жуковскій для него самого“. Далѣе говорилось, что генералъ Зиновьевъ призвалъ къ нему совѣтоваться о выборѣ учителя русскаго языка, на что Плетневъ выразилъ мысль, какъ важно сосредоточить ученіе въ вѣдѣніи одного лица, и повторилъ эту мысль великому князю наслѣднику, призвавшему его къ себѣ. Августѣйшему канцлеру нашему эта мысль понравилась, и онъ велѣлъ Плетневу окончить дѣло съ Зиновьевымъ. Но послѣдній умолялъ Плетнева упрямить меня на первый разъ не требовать званія инспектора, пока онъ лично не познакомится со мною и не приметъ въ сердце убѣжденія, что можетъ безпрепятственно передъ Россіей назвать меня инспекторомъ ученія будущаго наслѣдника престола. Плетневъ, вѣря въ благородство его и что онъ оцѣнитъ меня и труды мои, подался на его убѣжденія и заключалъ письмо своими словами: „Приѣзжай же скорѣе. Теперь два побужденія“.

Усматривая въ этомъ вызовѣ „промысль, направляющій судьбу его“, Гротъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и свидѣлся съ Зиновьевымъ. Вотъ что передаетъ Гротъ объ этомъ свиданіи:

„Тутъ я узналъ отъ него, что такъ какъ великая княгиня находитъ, что въ возрастѣ августѣйшихъ дѣтей ея всего полезнѣе, чтобы ббольшая часть преподаванія была сосредоточена въ рукахъ одного лица, то онъ можетъ предложить мнѣ пока должность преподавателя нѣсколькихъ предметовъ, именно: русскаго языка,

исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка съ тѣмъ, что всеми этими предметами я долженъ заниматься отдѣльно съ каждымъ изъ двухъ старшихъ великихъ князей: Николаемъ и Александромъ Александровичами. При этомъ онъ прибавилъ, что я, какъ человѣкъ, носящій нѣмецкую фамилію и мало извѣстный, не могу, по предположенію Плетнева, занять мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться званіемъ учителя. Неопытный въ дѣлахъ дворскихъ и привыкнуши думать о болѣе наилучшемъ исполненіи взятаго на себя дѣла, чѣмъ о своей личной выгодѣ, я не сдѣлалъ заранѣе никакихъ условій и принялъ предлагаемое скромное положеніе, по которому мнѣ назначено было за все предметы преподаванія вмѣстѣ—даже менѣе, чѣмъ я имѣлъ въ Финляндіи, такъ что при дороговизнѣ петербургской жизни, сравнительно съ гельсингфорской, невозможно было жить на эти средства. Вотъ что вынудило меня принять вмѣстѣ и лицейскую каѳедру, хотя это совершенно разрывало мое время и не позволяло употребить свои силы исключительно на высокое служеніе дѣтямъ будущаго государя.

„Наслѣдникъ, канцлеръ нашъ, которому я представился, и которому, конечно, выставленъ былъ главнымъ поводомъ моего вызова лицей, обошелся со мной очень милостиво, разспрашивалъ объ университетѣ, выразилъ сожалѣніе, что я его покидаю, и надежду, что я буду такъ же полезенъ заведенію, въ которомъ воспитывался. Разговоръ заключилъ онъ словами: „Поручаю вамъ моихъ ребятшекъ и увѣренъ, что вы съ совершеннымъ успѣхомъ будете заниматься ими“. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы я переѣхалъ какъ можно скорѣе и началъ свои уроки, если можно, уже въ концѣ января“.

Согласно даннымъ ему указаніямъ, Гротъ, „разоривъ свое гнѣздо въ Гельсингфорсѣ“, въ январѣ 1853 г. былъ уже въ Петербургѣ, а съ 4-го февраля приступилъ къ новымъ занятіямъ, въ должности простаго лишь преподавателя. Такимъ образомъ мы видимъ, что Яковъ Карловичъ, благодаря нѣкоторому предубѣжденію генерала Зиновьева, не получилъ возможности, какъ на то надѣялся Плетневъ, стать къ великимъ князьямъ въ тѣ близкія и непосредственныя отношенія, какія нѣкогда были между наслѣдникомъ и Жуковскимъ, а еще прежде того между Александромъ Павловичемъ и Лагарпомъ. Между нимъ и воспитанниками сразу стали стороннія лица, съ вліяніями и мнѣніями которыхъ приходилось по необходимости сообразоваться и считаться. Благодаря такому положенію, а также тому, что онъ былъ стѣсненъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ державными родителями учениковъ, и вліяніе Грота на великихъ князей не могло обнаружиться въ желанной ему степени, несмотря даже на то, что въ его лицѣ сосредоточено было главное руководство умственнымъ развитіемъ дѣтей; приходилось, слѣдовательно, испытывать нѣкоторую неопредѣленность положенія, что въ значительной степени ослабляло его педагогическіе принципы и силу созданной имъ системы. Это необходимо отмѣтить, ради истины, ради тѣхъ могущихъ возникнуть ложныхъ выводовъ о преподавательской дѣятельности Якова Карловича, которая какъ бы тускнѣетъ по сравненіи ея съ таковою же Жуковскаго и Лагарпа. Каковы же были тѣ реальныя основы, которыя бывший профессоръ почерпнулъ изъ своей прежней двѣнадцатилѣтней педагогической дѣятельности на пользу молодежи въ высшемъ учебномъ заведеніи?

Вопросы педагогическіе вообще и о нравственной основѣ воспитанія,

въ частности, рано начали занимать собою Грота. Симпатичный образъ педагога съ его гуманными взглядами на жизнь и на обязанности людей уже достаточно обрисовывается въ его произведеніяхъ для дѣтей, печатавшихся въ „Звѣздочкѣ“ Ишимовой, въ продолженіе 1840—1850 гг. Въ одномъ изъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Трудъ“ ¹⁾ 1846 г., онъ даетъ слѣдующее наставленіе дѣтямъ:

„Дѣти! Надобно трудиться!
 Богъ насъ создалъ для труда.
 Ахъ, отъ праздности родится
 Много горя и стыда!
 Въ жизни лучшія мгновенья
 Покупаются трудомъ,
 Сладкій часъ отдохновенья
 Лишь усталому знакомъ.

 Тотъ, кто хочетъ доброй славы,
 Долженъ хлѣбъ свой въ потъ ѣсть:
 Не за игры и забавы
 Достается людямъ честь.
 Безъ усилій, безъ терпѣнья
 Не бывалъ никто великъ:
 Трудъ—источникъ возвышенья:
 Счастливъ,—кто къ нему привыкъ!“

Въ рѣчи къ воспитанникамъ лица ²⁾ онъ также развиваетъ свои задачи образованія и воспитанія.

„Душу дополняютъ чувство и воля,—говоритъ онъ,—такъ и для полноты образованія необходимо сверхъ знаній, во-первыхъ, совершенное развитіе чувства нравственнаго и эстетическаго, во-вторыхъ, развитіе характера, какъ представителя воли... Въ концѣ духовнаго развитія человѣка бываетъ неизмѣнное направленіе воли,—то, что называется характеромъ... Основаніе характера составляютъ твердыя убѣжденія—плоды воли развитаго религіозно-нравственнаго чувства, вѣрныхъ понятій и зрѣлыхъ познаній. Этому противится слабость человѣка, заставляющая его безпрестанно заботиться о видимыхъ благахъ вмѣсто истинныхъ, о своемъ вѣишемъ благосостояніи, о своихъ наслажденіяхъ и удобствахъ, о положеніи въ свѣтѣ“.

Въ статьѣ „Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи“ ³⁾ Гротъ говоритъ: „И въ семействѣ и въ обществѣ дѣти видятъ по большей части примѣры, въ которыхъ нѣтъ ничего ни назидательнаго, ни утѣшительнаго душу... и тутъ и тамъ такая атмосфера, въ которой легко погибаетъ зародышъ всякаго благороднаго стремленія, и сердце рано пріучается заглушать въ себѣ всякую высшую потребность, увлекаясь общимъ настроеніемъ. Вотъ почему недостатокъ идеальныхъ образовъ въ дѣйствительности долженъ, по возможности, вознаграждаться изображеніемъ изъ міра исторіи или вымысла“.

¹⁾ Я. Гротъ. „Стихи и проза для дѣтей“. Изд. 3-е. Спб. 1892.

²⁾ „Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лица“ на 1856—1857 годъ.

³⁾ „Журналъ для воспитанія“, 1858 г., № 10.

Приведенныя мнѣнія Якова Карловича, высказанныя по разнымъ поводамъ, но именно въ періодъ его преподавательскаго руководства дѣтьми наслѣдника Александра Николаевича въ 1850-хъ годахъ, рисуютъ намъ достаточно рельефно его принципы образованія и воспитанія. Выработка твердаго характера и воли, при помощи непрестаннаго труда, развитіе религіозно-нравственнаго чувства и зрѣлыхъ убѣжденій, покоящихся на вѣрныхъ понятіяхъ и познаніяхъ—таковы элементы, которые должны быть положены въ основу всякой воспитательной системы. И дѣйствительно, насколько возможно прослѣдить изъ педагогической дѣятельности Грота, сначала въ роли простаго преподавателя, а потомъ въ должности инспектора классовъ во дворцѣ, онъ удивительно послѣдовательно и настойчиво проводитъ черезъ всѣ свои отношенія съ великими князьями указанные принципы. Можетъ быть, эта настойчивость, а также строгая опредѣленность требованій невольно и вполнѣ естественно накладывали нѣкоторую печать сдержанности и внѣшней официальнойности на эти самыя отношенія, но зато ей нельзя отказать въ ясности и простотѣ.

Гротъ, какъ увидятъ читатели изъ дальнѣйшаго изложенія, сплюю обстоятельствъ былъ лишенъ возможности окончить преподаваніе университетскаго курса наслѣднику Николаю Александровичу и его братьямъ, но думается мнѣ, что и въ періодъ гимназическаго преподаванія, длившагося 6 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, онъ успѣлъ достигнуть до нѣкоторой степени желательныхъ результатовъ. По крайней мѣрѣ, если мы не можемъ, за преждевременной кончиной великаго князя Николая Александровича, прослѣдить на его дѣяніяхъ влияніе системы Грота, зато мы съ большей или меньшей вѣроятностью можемъ сказать, что складъ характера второго ученика Якова Карловича, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, носитъ на себѣ явную печать его руководства. Трудолюбіе, непреклонность воли, высокое религіозно-нравственное чувство — качества, отличавшія покойнаго государя, — все это тѣ основы жизни, которыя Гротъ выставлялъ всегда своимъ ученикамъ, какъ „вѣнецъ духовнаго развитія человѣка“.

VI.

Когда Яковъ Карловичъ принялъ въ свое вѣдѣніе великихъ князей, то старшему изъ нихъ, наслѣднику Николаю Александровичу, было всего девять лѣтъ, а брату его Александру Александровичу не минуло еще и полныхъ восьми. До новаго наставника великіе князья занимались только по Закону Божьему у законоучителя, протоіерея Бажанова, а грамотѣ—у Вѣры Николаевны Скрыпицыной. Познанія обоихъ великихъ князей были очень не велики, а Александръ Александровичъ даже съ трудомъ читалъ и писалъ; поэтому Гроту съ первыхъ же шаговъ пришлось употребить не мало труда для достиженія элементарныхъ основъ знанія и много поработать надъ методами преподаванія. Онъ, при наличности

лекцій еще въ лицѣ, былъ буквально занятъ съ ранняго утра до глубокой ночи, и первые годы его вторичнаго пребыванія въ Петербургѣ отмѣчены такимъ трудомъ, что ему даже пришлось, нѣкоторымъ образомъ, потерять здоровье на службѣ; онъ сталъ страдать болѣзнію правой руки (Schreibkrampf), такъ что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ упражненію лѣвой руки! Вотъ какъ описываетъ онъ въ автобіографіи свое положеніе того времени:

„Поступивъ одновременно профессоромъ въ лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ,—повѣствуетъ Гротъ,—я четыре дня въ недѣлю долженъ былъ заниматься во дворцѣ, съ семи часовъ утра и до 2-хъ часовъ съ небольшими промежутками для отдыха, а остальные два утра читать лекціи въ двухъ старшихъ курсахъ лицей. Служба была особенно трудна отъ мая до ноября, а иногда даже и до декабря, такъ какъ я долженъ былъ либо ѣздить въ Царское Село, Петергофъ и даже Гатчину уже наканунѣ, чтобъ быть во дворцѣ въ 7 часовъ утра, либо, переѣзжая съ семействомъ, заранее нанимать себѣ квартиру въ мѣстахъ загороднаго пребыванія, откуда два раза въ недѣлю переноситься въ лицей. Стоявшие тогда во главѣ воспитанія генералы Н. В. Зиновьевъ и Г. Ѡ. Гогель, не считали нужнымъ освободить меня отъ матеріальныхъ заботъ, очень сложныхъ и обременительныхъ при необходимости частой перемѣны мѣста, и объявили мнѣ, что я, какъ учитель, не имѣю права на квартиру за городомъ. А между тѣмъ, лѣтніе мѣсяцы (канікулы у великихъ князей не полагалось) воспитатели особенно пользовались моимъ присутствіемъ, чтобъ замѣнить другихъ уѣхавшихъ на лѣто преподавателей, и мнѣ приходилось брать на себя ихъ уроки, напримѣръ, по французскому и англійскому языкамъ и, вообще, повторенія по всѣмъ предметамъ. При поѣздкахъ же въ Гансаль и на коронацію въ Москву, къ занятіямъ со мной присоединился и великій князь Владиміръ Александровичъ. Особенно трудно было мнѣ въ первый годъ новой дѣятельности. За неизмѣнимъ въ то время хорошихъ учебниковъ, я самъ писалъ для каждаго великаго князя, сообразно со степенью его развитія и знаній,—записки по всѣмъ предметамъ и въ то же время составлялъ подробный курсъ русской литературы для двухъ старшихъ классовъ лицей“.

Что же это были за записки, которыя приходилось Якову Карловичу готовить своимъ царственнымъ ученикамъ? На первое время ему пришлось составить для наследника миниатюрную грамматику, которую учитель и проходилъ съ нимъ, такъ сказать, наглядно, на примѣрахъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и писателей. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, позволявшимъ ему быстро, точно налету, схватывать и запоминать всякій предметъ, великій князь Николай Александровичъ скоро овладѣлъ законами русской рѣчи и въ теченіе своей жизни положительно удивлялъ всѣхъ знавшихъ его красотой изложенія мыслей и плавностью рѣчи. Когда уже послѣ его смерти государыня-мать перечитывала письма своего сына окружающимъ, восхищеннымъ литературностью изложенія этихъ писемъ, то она лично дала слѣдующее объясненіе качествамъ слога: „Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ Гроту. Онъ самъ это всегда признавалъ“. Когда Буслаевъ принялъ на себя послѣ Грота дальнѣйшее знакомство наследника съ русскимъ языкомъ, то также былъ удивленъ его прекрасными и твердыми познаніями въ этой области.

Не такъ легко, однако, далось способному мальчику знаніе церковно-славянскаго языка, преподаваніе котораго, по инициативѣ государыни императрицы, началось уже съ 1855 года; то-есть собственно самое чтеніе не особенно затрудняло великаго князя, но теорія языка долго ему не давалась. Въ значительной степени объясненіе тому почерпается въ складѣ умственныхъ способностей старшаго ученика. Всякій предметъ схватывалъ онъ чрезвычайно быстро, такъ что поражалъ окружающихъ блескомъ ума, но, къ сожалѣнію, прибрѣтенныя знанія не долго удерживались въ его памяти, недостаточно передумывались имъ, не входили, такъ сказать, въ его плоть и кровь. Учителю было не мало труда бороться съ этой поверхностностью его умственныхъ дарованій, правда, чрезвычайно блестящихъ по виѣшности, но недостаточно глубокихъ.

По запискамъ, составляемымъ самимъ же наставникомъ, приступилъ наслѣдникъ къ занятіямъ исторіей и географіей. При имѣвшихся въ его распоряженіи двухъ урокахъ въ недѣлю на эти предметы, Гроту пришлось не мало потрудиться для составленія краткихъ, но содержательныхъ записокъ для этихъ отраслей знанія. Занятія начались съ древней исторіи, потомъ перешли къ средней и затѣмъ къ новой, до эпохи революціи. Записки по древней исторіи были составлены по сочиненію Грота „The History of Grece“, русская исторія—по Карамзину и Соловьеву. При прохожденіи географіи, Яковъ Карловичъ обращалъ особенное вниманіе на математическую географію, на черченіе картъ и, вообще, сознательное отношеніе къ явленіямъ окружающей природы. Успѣхами въ нѣмецкомъ языкѣ наставникъ не могъ особенно похвастать, такъ какъ на этотъ предметъ удѣлялось всего только два неполныхъ часа въ недѣлю, при отсутствіи, къ тому же, практики въ этомъ языкѣ среди членовъ семьи.

Нѣсколько иной характеръ носили занятія со вторымъ ученикомъ, великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ. Здѣсь, преслѣдуя тѣ же цѣли яснаго и точнаго знанія, Гроту приходилось прибѣгать къ инымъ методамъ преподаванія, методамъ, объясняемымъ какъ возрастомъ Александра Александровича, такъ и складомъ его способностей. Принявъ великаго князя изъ вѣдѣнія В. Н. Скрипичиной, Гроту на первыхъ же порахъ пришлось обратить свои силы на выработку дикціи ребенка: при громкомъ чтеніи послѣднимъ, въ его произношеніи чувствовалось какое-то механическое препятствіе, которое и подлежало устранить. При трудолюбіи и усидчивости маленькаго ученика, Яковъ Карловичъ успѣшно справился съ этимъ недостаткомъ природы, и мальчикъ скоро началъ бѣгло и отчетливо читать. По складу своего ума, своихъ способностей и характера, Александръ Александровичъ представлялъ достаточную противоположность брату; въ немъ не замѣчалось виѣшняго блеска, быстроты усвоенія и пониманія,—наоборотъ, ученіе давалось ему, особенно на первыхъ порахъ, съ значительнымъ трудомъ и требовало серьезныхъ усилій. Но эти слабыя стороны съ полнымъ успѣхомъ искупались иными

качествами, отсутствіемъ которыхъ страдалъ старшій братъ. Великій князь отличался внимательностью, сосредоточенностью, прилежаніемъ и усидчивостью. Онъ любилъ учиться, на урокахъ докапывался, что называется, до корня вопроса и всякое знаніе усваивалъ себѣ прочно и обстоятельно. Труднѣе всего ему доставалась теорія языковъ, любимымъ же его занятіемъ было чтеніе, и преимущественно историческое, а также путешествій. „Разказы американца Парлея“ объ Европѣ, Азій, Африкѣ и Америкѣ, имѣвшіе назначеніемъ давать дѣтямъ первоначальное понятіе объ исторіи и географіи, были любимымъ его чтеніемъ и производили на его дѣтское воображеніе сильное впечатлѣніе. По этой же книжкѣ, съ ея заключительными вопросами въ концѣ каждой главы о содержаніи прочитаннаго, получилъ великій князь первыя познанія по міровѣдѣнію.

Кромѣ указаннаго сочиненія американца Парлея, Яковъ Карловичъ ввелъ въ дѣтскую бібліотеку обоихъ учениковъ слѣдующія книги, пользовавшіяся ихъ особымъ расположеніемъ: дѣтскаго Донъ-Кихота, книжки Фурмана, исторію Ламе-Флери (изд. 1838 г.), исторію Ишимовой, разказы Зонтага. Если Александръ Александровичъ особенно увлекался разказами Парлея, то наслѣдникъ болѣе всего пристрастился къ „Разказамъ дѣтямъ изъ древняго міра Карла фонъ-Беккера“, русскій переводъ каковаго сочиненія былъ исправленъ Яковомъ Карловичемъ. На чтеніе вообще и на знакомство съ русскими писателями было обращено Гротомъ серьезное вниманіе. Поклонникъ эстетическаго воспитанія, воспитанія на идеальныхъ образахъ выдающихся произведеній словесности, онъ сознавалъ страшный пробѣлъ въ нашей жизни хорошей и разумной дѣтской литературы. Для восполненія этого пробѣла онъ возымѣлъ прекрасную мысль давать своимъ питомцамъ читать отечественныхъ классиковъ, съ необходимыми поправками и сокращеніями, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, печатаемыхъ въ какой нибудь казенной типографіи, спеціально только для употребленія великихъ князей, въ двухъ-трехъ экземплярахъ. Такимъ образомъ, при содѣйствіи Ростовцева, ему удалось отпечатать отдѣльными оттисками „Капитанскую дочку“, „Путешествіе въ Эрзерумъ“, „Божьи дѣти“ Основьяненки, „Послѣднее сраженіе Фигнера“. Эти произведенія были прочитаны дѣтьми съ величайшимъ восторгомъ, но, увы! задуманное прекрасное дѣло оттисковъ не встрѣтило сочувствія его коллегъ по руководству великихъ князей, и дальнѣйшее появленіе оттисковъ было признано неудобнымъ.

Направленіе классныхъ занятій Грота исчерпывается двумя понятіями — серьезностью и положительностью. Для достиженія желанныхъ результатовъ онъ придерживался діалектическаго способа преподаванія, т. е. заставлялъ своихъ учениковъ самихъ додумываться до отвѣтовъ и такимъ образомъ, на основахъ самодѣятельности, пріобрѣтать тѣ свѣдѣнія, которыя могли бы въ иномъ случаѣ пріобрѣтаться путемъ запоминанія.

Въ своихъ классныхъ отношеніяхъ къ царственнымъ дѣтямъ Яковъ Карловичъ держалъ себя въ высшей степени дѣловито; твердо остана-

вливалъ ихъ шалости и прекращалъ во время уроковъ всякіе посторонніе, не идущіе къ дѣлу, разговоры. Онъ требовалъ отъ нихъ прилежанія, дисциплины, аккуратности, чистоты и порядка въ держаніи школьныхъ книгъ и тетрадей. По заведенному порядку, обращаясь къ ученикамъ, онъ не величалъ ихъ по титулу, но просто называлъ по имени и отчеству. Несмотря на нѣкоторую официальность отношеній между наставникомъ и учениками, онъ пользовался, однако, ихъ сердечной любовью, и уроки Якова Карловича были любимыми часами занятій великихъ князей. Въ его присутствіи они старались держать себя сдержанно, строго; очевидно, наставникъ дѣйствовалъ на нихъ вліяніемъ своей корректной личности. Со вступленіемъ Титова въ исправленіе обязанностей „завѣдующаго ученіемъ великихъ князей“ начинается новый педагогическій періодъ Грота при царскихъ сыновьяхъ.

VII.

Владиміръ Павловичъ Титовъ ¹⁾ сталъ извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ сотрудничествомъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина, гдѣ напечаталъ рядъ критическихъ и историческихъ статей, главнѣйшія изъ которыхъ: два отрывка изъ сочиненія Флетчера о „Русскомъ государствѣ“, содержаніе путешествія кавалера Гамба (*consul du roi à Tiflis*) въ южную Россію и преимущественно въ Закавказскія области. Въ 1840 г. онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, а ко времени его приглашенія на должность воспитателя великихъ князей занималъ важный постъ штутгартскаго посланника. Титовъ, занявъ въ концѣ 1856 г. должность инспектора классовъ при дѣтяхъ молодого государя, т. е. ту должность, которая, какъ надѣялся Плетневъ, должна была быть предоставлена Гроту, не былъ подготовленъ къ отвѣтственному званію воспитателя наслѣдника цесаревича; у него не было ни необходимой педагогической опытности, ни достаточнаго свободнаго времени, вслѣдствіе своихъ отношеній къ большому свѣту, для посвященія себя всецѣло класснымъ занятіямъ великихъ князей. Естественно, что ему нуженъ былъ опытный помощникъ, который *de facto* въ значительной мѣрѣ будетъ первенствующимъ практическимъ руководителемъ всего преподаванія. И выборъ его, конечно, не могъ остановиться ни на комъ другомъ, какъ на человѣкѣ, который собственно, по праву и по замысламъ Плетнева, долженъ бы былъ занимать то мѣсто, которое было, однако, предоставлено ему. Яковъ Карловичъ былъ вскорѣ сдѣланъ помощникомъ Титова, но сближеніе ихъ между собою совершилось не сразу, и ему предшествовали нѣкоторые предварительные переговоры, о коихъ излишне будетъ здѣсь сказать. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что Гротъ встрѣтилъ назначеніе В. Титова безъ всякаго чувства зависти

¹⁾ О Титовѣ см. у Н. Барукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“.

и, основываясь, главнымъ образомъ, на добрыхъ отзывахъ Плетнева о новомъ воспитателѣ, молилъ Бога найти въ его лицѣ человѣка себѣ одномыслящаго и преданнаго дѣлу. „Я не хочу сдѣлать шага, чтобы перемѣнить свое скромное положеніе,—говорилъ онъ;—напротивъ, желаю въ немъ остаться, надѣясь, что судьба сама измѣнитъ какъ нибудь къ лучшему воспитаніе Николая и Александра Александровичей и позаботится о ихъ благѣ! Я увѣренъ, что найдется человѣкъ, который будетъ для нихъ полезнѣе меня, а я ограничусь только исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей“.

У Титова сложились опредѣленные воззрѣнія на дѣло преподаванія дѣтямъ государя, воззрѣнія, съ которыми его будущій помощникъ далеко не былъ солидаренъ. Во-первыхъ, онъ полагалъ, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся великіе князья, не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія развитію ума. Главное,—необходимо укрѣплять ихъ память, для чего надлежитъ какъ можно больше заставлять ихъ учить наизусть,—какъ говорится,—„зубрить да зубрить“. Въ этомъ отношеніи семинарская система преподаванія рисовалась ему вполне цѣлесообразною. Во-вторыхъ, онъ считалъ необходимымъ раздѣлить преподаваніе всеобщей исторіи между разными преподавателями по ихъ національностямъ и, притомъ, на непремѣнномъ условіи, чтобы это преподаваніе велось именно на иностранныхъ языкахъ. Тщетно возражалъ Гротъ противъ такой системы, указывая, что этимъ нарушается единство систематическаго преподаванія, и что лучше предоставить учителямъ иностранныхъ языковъ право сообщать на своихъ урокахъ и въ чтеніяхъ частные, такъ сказать, біографическіе факты и анекдоты изъ жизни царей и великихъ людей, а чтеніе всеобщей исторіи, въ полномъ объемѣ, сосредоточить въ однихъ рукахъ. Но его возраженія не имѣли успѣха, и всеобщая исторія была раздѣлена между нѣсколькими преподавателями. Въ-третьихъ, Титовъ нашелъ возможнымъ ввести въ число классныхъ предметовъ преподаваніе законовѣдѣнія, для чего и былъ приглашенъ Кавелинъ, читавшій, однако, свой курсъ довольно короткое время. И въ ранней необходимости этой отрасли знанія не сходилась во мнѣніи Гротъ съ своимъ начальникомъ. По его мнѣнію, слѣдовало сначала укрѣпить и упрочить фактическія историческія знанія наслѣдника, а затѣмъ уже постепенно вводить въ систему преподаванія университетскія науки, съ философскимъ характеромъ. Но и здѣсь онъ потерпѣлъ неудачу, и законовѣдѣніе было включено въ расписаніе занятій цесаревича.

Чрезвычайно полезною, однако, оказалась внѣшняя реорганизація дѣла преподаванія великимъ князьямъ, честь которой неотъемлемо принадлежитъ Титову. Онъ настоялъ, чтобы воспитательство было отдѣлено отъ учительства, и чтобы никто изъ постороннихъ лицъ, за исключеніемъ, само собою разумѣется, родителей, не присутствовалъ на урокахъ великихъ князей, и чтобы никто не мѣшалъ бесѣдѣ наставниковъ и учениковъ.

Что касается до личныхъ отношеній между Яковомъ Карловичемъ и инспекторомъ классовъ, то эти отношенія, хотя и носили на себѣ

вполнѣ дружескій характеръ, однако иногда заволакивались нѣкоторыми недоразумѣніями, проистекавшими, главнымъ образомъ, изъ несоотвѣтствія педагогическихъ воззрѣній, вслѣдствіе чего Гротъ вынуждаемъ былъ подавать Титову объяснительныя записки, вызывать его на личныя объясненія; и должно замѣтить, что по большей части представленія и мнѣнія автора записокъ принимались въ расчетъ и иногда приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Новый воспитатель желалъ какъ бы провести грань между вліяніями преподавателей на своихъ воспитанниковъ въ томъ смыслѣ, что оставлялъ за собою поле наибольшаго воздѣйствія на наследника, а остальныхъ предоставлялъ инымъ второстепеннымъ вліяніямъ... И въ подборѣ состава наставниковъ онъ проводилъ нѣкоторое различіе, выдѣляя для цесаревича лучшихъ и наиболѣе дорогихъ учителей, а для остальныхъ учениковъ считая возможнымъ ограничиться болѣе второстепенными. Эти, какъ общія тенденціи Титова, такъ и касающіяся Грота лично, въ качествѣ преподавателя русскаго языка, не встрѣчали сочувствія послѣдняго, и онъ считалъ нужнымъ поставять своему начальнику на видъ, что родительскому сердцу всѣ дѣти равны и что еще неизвѣстно, кому промыселъ вручить державныя бразды правленія русскимъ народомъ. Привожу здѣсь одну записку Якова Карловича, извлеченную изъ его драгоцѣннаго архива, которая достаточно рельефно рисуетъ намъ серьезный обликъ царскаго наставника.

„Метода, принятая мною для преподаванія ихъ высочества русскаго языка, была результатомъ строго обдуманнаго мною плана и соображенія всего того, что по этому предмету написано лучшимъ педагогами. Если въ наше время основательное знаніе отечественнаго языка сдѣлалось необходимымъ условіемъ образованія каждаго частнаго человѣка, тѣмъ менѣе могутъ обойтись безъ него лица, которымъ суждено стоять во главѣ общества. Всестороннее знакомство съ нимъ считаю я особенно важнымъ для наследника, которому назначено быть судьей и двигателемъ отечественнаго просвѣщенія, зиждущагося на преуспѣяніи родного слова, какъ орудіи національной мысли, науки и искусства. Основными правилами всякаго воспитанія казались мнѣ слѣдующія требованія: все, что ни дѣлаешь, дѣлай хорошо и умѣй отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что ни дѣлаешь. Поэтому я рѣшился въ первые годы своего преподаванія наиболѣе приучить ихъ высочества къ размышленію и вниманію, сколько это совмѣстно съ ихъ возрастомъ и способностями каждаго. Законы языка, въ его главныхъ и, такъ сказать, крупныхъ чертахъ, такъ естественны и просты, что осязательны всякому и даже дѣтскому уму. Знакома ихъ высочества съ важнѣйшими изъ нихъ и всегда подчиняя теорію практикѣ, я никогда не выражалъ ни одной мысли, которая превышала мѣру ихъ развивающихся силъ... Я не хотѣлъ жертвовать точностью и твердостью знанія, развитіемъ ума и привычки къ вниманію тому поверхностному направленію и обманчивому блеску, которые до сихъ поръ, къ несчастію, составляютъ столь общій недостатокъ нашего русскаго образованія“...

Вскорѣ послѣ подачи этой записки между авторомъ ея и Титовымъ произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ.

— Вы одинъ изъ тѣхъ людей,—сказалъ Титовъ Якову Карловичу,—о которомъ я слышался болѣе всего хорошаго, и я бы не желалъ, чтобы вы что нибудь въ моихъ словахъ и намѣреніяхъ могли истолко-

вать вкось; поэтому я хочу объяснитьсь съ вами съ полной откровенностью. Между нами все должно дѣлаться съ полного согласія.

— Я и самъ хотѣлъ просить васъ откровенно объяснить мнѣ ваши планы.

— Именно, смотря на васъ, какъ на человѣка высокаго образованія и развитія, мнѣ кажется для васъ слишкомъ низкимъ преподаваніе механизма языка. Вы не должны смотрѣть такъ, что у васъ отнимаютъ предметъ: мы просто всѣ должны работать и распредѣлять работу по удобству и временнымъ требованіямъ.

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что Гротъ отказался отъ преподаванія русскаго языка, но съ тѣмъ, чтобы его занятія возобновились съ началомъ преподаванія русской литературы.

Новымъ преподавателемъ языка ко двору государя былъ приглашенъ нѣкто В. И. Классовскій ¹⁾, авторъ посредственныхъ учебниковъ: „Краткая исторія русской словесности“, „Основанія словесности“, „Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній“, „Грамматика церковно-славянскаго языка“ и нѣкоторые другіе. Классовскій представлялъ собою любопытный типъ искателя истины, бросающійся отъ крайностей позитивизма къ самому мрачному мистицизму. Сомнѣнія, а также экзальтаціи, обуревавшія его отъ времени до времени, оказывали губительное вліяніе на его здоровье и состояніе умственныхъ способностей, такъ что онъ вынужденъ былъ даже брать продолжительные отпуска и заниматься серьезнымъ возстановленіемъ своего здоровья. Въ періоды его отпусковъ Гротъ снова возвращался къ отнятому у него преподаванію русскаго языка и успѣвалъ соединять вновь возложенныя на него занятія по инспектурѣ съ учительствомъ этого предмета, а также исторіи и географіи.

Въ октябрѣ 1857 года, по возвращеніи государя съ семьей изъ Царскаго Села, Гротъ былъ представленъ къ должности инспектора классовъ съ слѣдующими обязанностями:

- 1) наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ великихъ князей;
- 2) пріисканіе и приготовленіе имъ всѣмъ чтенія;
- 3) чтеніе съ великими князьями по два часа въ недѣлю съ каждымъ;
- 4) участіе въ составленіи учебныхъ руководствъ и другихъ пособій;
- 5) замѣна манкирующихъ преподавателей чтеніемъ или другими занятіями.

Вознагражденіе по настоящей должности было ему увеличено до 3.000 рублей. „Но какъ теперь частое присутствіе мое во дворцѣ становилось еще необходимѣе, то я передалъ въ лицѣ половины лекцій (въ младшемъ курсѣ) вмѣстѣ съ половиной жалованья Перевлѣсскому, — говоритъ онъ въ автобіографіи; — такимъ образомъ, матеріальное положеніе мое улучшилось только тѣмъ, что мнѣ стали давать квартиру за городомъ (въ Петергофѣ въ натурѣ, а въ Царскомъ Селѣ деньгами)“.

¹⁾ О немъ см. въ журналѣ „Современность“, 1877 г., № 25.

Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ.

Педагогическія тенденціи Грота не измѣнились, съ появленіемъ Титова, и онъ попрежнему обращалъ самое тщательное вниманіе на формирование характеровъ своихъ учениковъ и, главнымъ образомъ, наслѣдника цесаревича. „По моему мнѣнію очень важно, — утверждалъ онъ, — чтобъ юноша находилъ, какъ въ воспитаніи, такъ и въ ученіи, непрерывное противодѣйствіе своей стремительности; съ такимъ ученикомъ нѣтъ надобности заботиться о блестящихъ внѣшнихъ результатахъ, которые достигнуть съ нимъ легко, и должно все стараніе устремить на разработку внутренней стороны духа, на развитіе въ немъ основательности, трудолюбія, сосредоточенности“. Въ характерѣ старшаго воспитанника онъ усматривалъ тотъ существенный недостатокъ, что у него преобладаетъ умъ надъ сердцемъ, излишне развито воображеніе.

Не имѣя возможности всегда замѣнять часто хворавшаго Классовскаго, онъ рекомендовалъ на эту должность И. А. Гончарова для наслѣдника, а Эвальда для великихъ князей, Александра и Владиміра Александровичей.

При занятіяхъ по исторіи Россіи и русской словесности, Гротъ читалъ, собственно говоря, исторію всего просвѣщенія въ Россіи, наглядно знакомя наслѣдника не только съ твореніями знаменитыхъ писателей, но и со всѣмъ, что о нихъ писано было лучшаго, о ихъ вліяніи на эпоху, о ходѣ просвѣщенія и учрежденіяхъ по этой части во всѣ царствованія, такъ что представлялъ ему полную, пространную картину образованія и умственнаго движенія въ Россіи; сообщалъ ему также всѣ доступныя его возрасту и развитію новости журналистики. Такъ, онъ читалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣ статьи изъ журналовъ, которыя могли имѣть просвѣтительное вліяніе на умъ наслѣдника, напримѣръ, „О ѣздѣ по Россіи“ (отъ Калязина до Калиша), изъ „Русской Бесѣды“, статью Погодина „О происхожденіи крѣпостного права въ Россіи“, изъ „Журнала для воспитанія“ статью Чумакова „О положеніи учителей въ обществѣ“ и многое другое подобное.

Касаясь современныхъ ему вѣяній литературы (1850-е годы), Яковъ Карловичъ утверждалъ, что „если теперь и заходятъ слишкомъ далеко въ литературѣ, то это именно слѣдствіе прежняго стѣсненія всего, даже разумнаго, нежели теперешняя свобода; что всякія притѣсненія рано или поздно производятъ реакцію, и что мысли нуженъ нѣкоторый просторъ, потому что иначе все, что есть свободнаго, талантливаго, порядочнаго, бываетъ осуждено на бездѣйствіе, затерто, и все нисходитъ на уровень посредственности, а это, конечно, вредитъ всякому успѣху“.

Какъ видятъ читатели, Гротъ не удалялъ наслѣдника отъ жизни, ставилъ его, въ предѣлахъ, конечно, возможности, лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, освѣщая ее, истолковывая ее, согласно своему просвѣщенному пониманію и научнымъ даннымъ. Въ положеніи наставника великихъ князей, и притомъ человѣка науки, отрицавшаго необходимость въ жизни громкихъ „подвиговъ“, блеска и широкихъ задачъ,

онъ могъ только скептически относиться къ тѣмъ мечтателямъ, которые считали полезнымъ опредѣлить наслѣдника въ Московскій университетъ или которые, подобно Погодину, въ его извѣстномъ „Письмѣ къ наставнику его императорскаго высочества государя наслѣдника“, появившемся въ заграничной печати, создавали слѣдующую фантастическую и несбыточную систему воспитанія царственнаго сына:

„Электрическіе токи изъ народа,—писалъ Погодинъ Титову,—изъ земли, надо провести въ нихъ (т. е. великихъ князей) учебныя комнаты, надо, чтобы ежеминутно приносились туда свѣжія и любопытныя вѣсти обо всемъ, что происходитъ въ отечествѣ,—въ Казани и Одессѣ, Архангельскѣ и Саратовѣ, въ Сибири и Малороссіи. Живое сообщеніе должно быть устроено съ народомъ такъ, чтобы великіе князья жили одною съ нимъ жизнью, горевали, радовались, веселились, чувствовали по временамъ одинаковый голодъ и жажду, благодарили и молились вмѣстѣ. Надо, чтобы они познакомились со всеми сословіями, не черезъ театральныя декорации, а побывали бы и у крестьянъ въ избѣ и въ хлѣву, и у купца въ мелочной лавочкѣ, и у пана, у просвирни, въ ихъ хижинахъ, и у подьячаго на чердакѣ; посѣтили бы сѣнокосъ и жатву, крестьянскую свадьбу, похороны, толкучій рынокъ, земскій судъ, приемный день губернатора; пожгли бы въ уѣздномъ городѣ, въ селѣ, на фабрикѣ“.

Такого рода иллюзіямъ, само собою разумѣется, Гротъ не могъ сочувствовать, какъ не могъ вопліѣ согласиться съ иною системою, опирающеюся на принципы, совершенно противныя Погодинскимъ народническимъ началамъ и введенныя весной, 1858 года, въ систему преподаванія новымъ воспитателемъ великихъ князей—Гриммомъ.

VII.

Какъ уже сказано выше, Титовъ не былъ педагогомъ по призванію, почему нѣкоторые его проекты по воспитанію наслѣдника и не отличались практичностью, и не могли приходиться по сердцу государынѣ Маріи Александровнѣ. Къ числу таковыхъ проектовъ, напримѣръ, долженъ относиться тотъ, по которому предлагалось учредить въ Зимнемъ дворцѣ, или по близости его, маленькое учебное заведеніе, куда бы поступали наиболѣе способныя дѣти изъ дворянъ лѣтъ наслѣдника и по нисходящимъ степенямъ классовъ возраста его братьевъ, куда бы дѣти государя ходили учиться. Проектъ Титова внесъ нѣкоторое разочарованіе въ вѣру относительно педагогическихъ способностей наставника, и положеніе его при дворѣ нѣсколько поколебалось. Желая заручиться сильнымъ союзникомъ, вліятельнымъ по своимъ связямъ въ высшихъ сферахъ, Титовъ вызвалъ изъ-за границы, „для какихъ-то воспитательныхъ совѣщаній“, г. Гримма, по словамъ Грота, человѣка, „вовсе не знавшаго русскаго языка, но слывшаго почему-то отличнымъ педагогомъ“.

Гриммъ не былъ новичкомъ въ Петербургѣ. Нѣкогда онъ состоялъ гувернеромъ и учителемъ чистописанія въ пансіонѣ Муральта, затѣмъ находился при дѣтяхъ Нессельроде и, повышаясь въ своемъ общественномъ положеніи, благодаря расположенію графа Нессельроде и графа

Литке, попалъ, наконецъ, въ инспекторы классовъ къ великому князю Константину Николаевичу. Въ 1858 году Гриммъ жилъ въ Дрезденѣ, имѣя на себѣ высокій русскій чинъ, украшенный орденами и на пенсіи отъ русскаго правительства, въ размѣръ 3.500 рублей.

На основаніи воспоминаній о немъ живыхъ и понынѣ современниковъ, на основаніи его романа изъ петербургскаго высшаго общества „Die Fürstin der siebenten Werst“ (запрещеннаго впоследствии въ Россіи, когда авторъ получилъ назначеніе при наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ), по отзывамъ о немъ заграничной печати, а также на основаніи его научной статьи „Wanderungen nach Südosten“ (Berlin, 1855 г.), мы можемъ достаточно наглядно составить себѣ понятіе о личности этого новаго педагога. Гриммъ считалъ, что Россія не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, что русскими должно управлять только посредствомъ самаго строгаго режима, идеаль котораго онъ усматривалъ въ правленіи императора Николая Павловича конца 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ. Безъ сильной власти, граничащей съ деспотизмомъ, по его мнѣнію, русскіе всегда останутся ничтожнымъ народомъ, безъ всякаго значенія, потому что сами по себѣ ничего никогда не могли произвести и ни на что не способны.

Гриммъ былъ представителемъ того заѣзжаго къ намъ космополитизма, который принесть Россіи первой половины текущаго столѣтія столько вреда. Типъ такихъ космополитовъ чрезвычайно удачно нарисованъ въ одномъ изъ стихотвореній Грота. Привожу это стихотвореніе полностью, такъ какъ оно очень характерно освѣщаетъ сатирическую музу Якова Карловича.

КОСМОПОЛИТЪ.

Благородный человѣкъ!
Какъ мила ему Россія!
Для нея дескать навѣкъ
Бросилъ онъ мѣста родныя.
Русь отъ сердца полюбя,
Для нея—не для себя
Собираетъ онъ рубли
Дорогой ему земли.

Безкорыстный человѣкъ!
Въ жертву русскому народу,
Посвятить ему свой вѣкъ,
Онъ принесъ души свободу!
Эту націю любя,
Для нея—не для себя
Онъ беретъ то перстенецъ,
То російскій орденецъ.

Благородный человѣкъ!
Въ пользу русской молодежи,
На чужбинѣ весь свой вѣкъ,
Въ школахъ лѣзетъ онъ изъ кожи.

Нашу службу полюбя,
 Для нея—не для себя
 Онъ ужъ русскій гражданинъ
 И приличный носить чинъ.

Скромный, честный человекъ!
 Языкомъ плѣнившись русскимъ,
 Пробивается весь вѣкъ
 Онъ нѣмецкимъ и французскимъ.
 Нравы Руси полюбя,
 Въ честь ея—не для себя,
 Онъ и хвастаетъ, и лжетъ,
 И ругаетъ нашъ народъ.

Безкорыстный человекъ!
 Вотъ, набивъ свои карманы,—
 Чтобы дома кончить вѣкъ,
 Ёдетъ онъ въ родныя страны.
 Русь отъ сердца полюбя,
 Для нея—не для себя
 Онъ везетъ съ собой рубли
 Дорогой ему земли.

Дальновидный человекъ!
 Безъ пятна и укоризны
 Доживаетъ онъ свой вѣкъ
 Въ городкѣ своей отчизны.
 Русь попрежнему любя,
 Ублажаетъ онъ себя
 Русскимъ чиномъ, орденомъ
 И набитымъ кошелькомъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Гриммъ скоро отгѣснилъ Титова и, въ концѣ концовъ, занялъ его мѣсто при великихъ князьяхъ, сохранивъ за собою, весь окладъ Титова, присвоенный ему по должности посланника при Штутгартскомъ дворѣ. Что же касается бывшаго воспитателя, то онъ занялъ высокій постъ члена государственнаго совѣта, а съ 1871 года, по просьбѣ графа Д. А. Толстаго, принялъ на себя трудъ предсѣдателя археографической комиссіи.

Съ вступленіемъ Гримма въ должность воспитателя наследника и его трехъ братьевъ (Александра, Владиміра и Алексея Александровичей), система воспитанія значительно измѣнилась. Преобладающими науками въ новой схемѣ расписанія уроковъ явились науки физико-математическія, а также музыка и гимнастика, а изученіе русской исторіи и русской словесности, какъ предметовъ, не заслуживающихъ, по мнѣнію Гримма, серьезнаго вниманія, отошло на второй планъ. Понятно, что новыя вѣянія въ классныхъ комнатахъ великихъ князей противорѣчили основнымъ воззрѣніямъ Якова Карловича, по мнѣнію котораго „въ воспитаніи будущаго государя должны преобладать тѣ науки, которыя разрабатываютъ внутренняго человекъ, а не только знакомятъ его съ внѣшними явленіями

природы“. Стороннику гуманитарнаго образованія не оставалось болѣе мѣста при новомъ порядкѣ вещей, и онъ, утомленный непосильными трудами, разочарованный во многихъ своихъ благихъ намѣреніяхъ и начинаніяхъ, рѣшилъ подать въ отставку. Наступалъ день совершеннолѣтія государя наслѣдника, гимназическій курсъ наукъ былъ съ нимъ полностью пройденъ, и онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ откланялся своимъ царственнымъ ученикамъ.

Но прежде чѣмъ окончательно распрощаться съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, онъ поднесъ ему въ день его совершеннолѣтія альбомъ, гдѣ имѣются чрезвычайно цѣнныя „мысли“, завѣщанныя наставникомъ будущему державному вождю русскаго народа. Альбомъ открывается „посвященіемъ“; на слѣдующемъ мѣстѣ поставлена „молитва цесаревича“, гдѣ встрѣчаются слѣдующія благородныя пожеланія:

„Во всѣхъ моихъ поступкахъ пусть выражается благородная степенность, пусть не покидаетъ она меня вполнѣ, даже посреди развлеченій и забавъ. Да присоединится къ ней энергическая твердость воли и низмѣнное самообладаніе. Готовясь нѣкогда управлять другими, я долженъ прежде всего научиться управлять самимъ собою, побѣждать свои слабости, не давать воли страстямъ... Дай мнѣ любовь къ тихимъ занятіямъ, внушивши мнѣ любознательность, которая бы не давала мнѣ покоя, которая бы побуждала меня учиться и читать, пока еще время. Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣнье отличать людей преданныхъ отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человечеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши, не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для собственнаго моего счастья, но для того, чтобъ я способствовалъ къ распространенію счастья между другими, чтобы я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины“.

Объясняя „особенность положенія“ наслѣдника (§ II), Гротъ говоритъ:

„Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица. Если молодой человѣкъ, съ которымъ я сравнивалъ Васъ, измѣнитъ впоследствии своимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ останется въ неизвестности, онъ исчезнетъ въ тысячахъ ему подобныхъ, не оставивъ по себѣ слѣда... Но Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины: Вы или оправдаете мѣсто, которое опредѣлено Вамъ самимъ рожденіемъ,—тогда Вы прославитесь, или Вы покажете себя недостойнымъ этого мѣста,—тогда Вы унижите свое имя; для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки: для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ“.

Въ главѣ о „Правдивости“ мы читаемъ:

„Въ самомъ дѣлѣ, кто, если не сильные міра въ особенности, обязаны блюсти правду и распространять ея царство на землѣ? Какъ высоко должны они цѣнить счастье быть поборниками того, въ чемъ выражается воля Провидѣнія, быть на землѣ представителями этой воли! Какъ должны они покровительствовать и поддерживать тѣхъ, которые любовью къ правдѣ становятся ихъ естественными, надежнѣйшими помощниками и сотрудниками! Какъ должны они ненавидѣть и чуждаться тѣхъ, которые посредствомъ лжи, козней и лести заявляютъ себя врагами

пухъ чести и славы, врагами отечества, общаго блага и самого Провидѣнія, ибо вооружаться противъ правды,—значить дѣйствовать противъ вѣчныхъ цѣлей Божьихъ! Но если неправда презрительна и ненавистна въ подданномъ, который, чувствуя свою немощь, ищетъ въ обманѣ незаконнаго оружія силы,—что сказать о вождѣ народовъ, который бы отъ юности не возлюбилъ правды со всѣмъ жаромъ чистой души? Для вѣнца неба нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать къ лжи. Чтобы говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости. Кого трепетать ему, кромя Бога? Предъ кѣмъ не посмѣетъ онъ высказать правдиваго слова, совершить правдиваго дѣла? Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ уметь выслушивать правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва, даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ. Могущественный примѣръ государя долженъ рѣшить торжество правды или лжи въ цѣлой странѣ, ибо если знамя его—правда, и щитъ его свѣтлъ, какъ солнце, то невѣжество и коварство не смѣютъ выползати изъ темныхъ убожищъ своихъ; а если въ тѣни престола его гнѣздится мракъ лжи, то и нигдѣ въ его царствѣ не восходитъ солнце правды, и все царство его есть царство тьмы“.

Коснувшись вопроса „о любви народа къ монарху“, авторъ „Мыслей“ высказываетъ слѣдующія положенія:

„Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого, потому что отъ него зависитъ благоденствіе миллионѣвъ; но нѣтъ также союза могущественнѣе, потому что онъ ведетъ государства къ величію и славѣ. Вѣчная хвала тому государю, который понялъ это, который счастье своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній. Насколько бы онъ ни осуществилъ счастье подданныхъ, но одна забота его о благѣ столькихъ людей прольетъ на него благословеніе потомства, яркими чертами вышетъ имя его въ скрижаляхъ исторіи“.

Наконецъ, въ заключительной (XI) главѣ, „Какъ узнавать истину“, Гротъ поучаетъ своего ученика такими соображеніями:

„Отчего правда легко затмѣвается передъ людьми, высоко стоящими? Оттого, что они, по большей части, сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ знаній и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что не согласнѣе съ ихъ собственной выгодой. Итакъ человѣкъ, высоко стоящій, находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалить отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза. Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ правилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненные съ такимъ человѣкомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія“.

Тутъ же въ „Альбомѣ“ помѣщено слѣдующее прекрасное стихотвореніе, посвященное наслѣднику, которое рисуетъ намъ высокогуманныя требованія къ жизни, предъявляемыя его авторомъ:

„Минутный призракъ—жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея—обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая,
И смыслъ божественный ей данъ.

Тому, что зреть плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай.

И вѣдай: многое, что низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

О, воситай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души“.

Наслѣдникъ былъ очень растроганъ подношеніемъ Якова Карловича и искренно благодарилъ его за прекрасный памятникъ. Разставаніе царственныхъ учениковъ съ наставникомъ носило трогательный характеръ, и великій князь Александръ Александровичъ, обнимая его, со слезами все повторялъ: „Да зачѣмъ вы уходите, Яковъ Карловичъ? Оставайтесь!“ Государь императоръ Александръ Николаевичъ былъ также огорченъ уходомъ Грота и на вопросъ Зиновьеву, —какой же награды желаетъ наставникъ его сыновей, —получилъ въ отвѣтъ скромное рѣшеніе Якова Карловича не принимать никакихъ высшихъ государственныхъ должностей, кромѣ слѣдуемой ему по положенію и за выслугу пенсіи въ 1500 р. Но государь удвоилъ эту пенсію, перечисливъ въ нее все жалованье, которое Гротъ получалъ послѣднее время, какъ наблюдатель классовъ, т. е. скромный окладъ, всего лишь въ 3000 рублей.

Въ 1862 г. Яковъ Карловичъ оставилъ службу и въ лицей и тѣмъ безвозвратно покончилъ свои отношенія къ педагогическому поприщу, посвятивъ себя всецѣло служенію литературѣ и наукѣ.

Великодушное покореніе.

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ Россіи, и какъ провинція ея, процвѣтаетъ и пользуется полнымъ благополучіемъ Финляндія—страна, обиженная природой, но съ трудолюбивымъ и энергичнымъ населеніемъ, которое въ потѣ лица своего добываетъ честный кусокъ хлѣба и, благодаря своему упорному труду, умѣетъ извлекать изъ неплодородной почвы все необходимое для безбѣднаго существованія. Народъ этотъ, помимо работоспособности, обладаетъ и другими качествами: онъ очень честенъ, отличается въ своей массѣ трезвостью, поголовно грамотенъ, преданъ Верховному вождю, чтитъ власть закона и, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ полной мѣрѣ создаетъ и вырабатываетъ экономическую и культурную обстановку жизни. Торговля страны стоитъ на значительномъ уровнѣ развитія, самоуправленіе отличается стройностью и достаточной гражданской свободой; состояніе высшихъ учебныхъ заведеній выше средняго и Гельсингфорскій университетъ—не простое „высшее учебное заведеніе“, а то любимое народное дѣтище, которое вліяетъ на всю окружающую жизнь, освѣщая ее свѣтомъ знанія и облагораживая вліяніемъ просвѣщенія.

Свѣдѣнія русскаго общества о Финляндіи не отличались до послѣдняго времени особенною ясностью и опредѣленностью. Правда, иногда въ печати проскальзывали указанія на прекрасные порядки финской жизни, на то, что недурно бы намъ кое-чему поучиться у жителей великаго княжества Финляндскаго, позанимствовать кое-что изъ ихъ порядковъ, однако, въ общемъ, наши познанія о жизни народа за Сестрою рѣкою были довольно смутны. Но вотъ, въ наши дни, территория между 60 и 71 градусами сѣверной широты и отношенія этой территоріи ко всей русской имперіи стали любимой темой нашей журналистики, и мы обогатились новымъ вопросомъ—финляндскимъ, поставленнымъ очень шумно и остро.

Дѣло все въ томъ, что нѣкоторые финляндскіе публицисты и ученые стали слишкомъ подчеркивать свою національную обособленность, свое

историческое право на *status in statu*, основываясь на обѣщаніяхъ, данныхъ русскими государями, и совѣмъ не дипломатически, не въ-время (въ своихъ интересахъ не въ-время) выдвинули ученіе о собственномъ „государствѣ“, объ „актѣ соединенія съ Россіей“, игнорируя результаты войны 1808—1809 годовъ.

Номенклатура государственности точно туманитъ ихъ мысль, эгоистическій патріотизмъ изгоняетъ изъ сердца ученіе о братствѣ, о томъ, что удѣлъ народовъ на землѣ не одно созданіе формъ жизни, но и устройство этой жизни на такихъ началахъ, при которыхъ бы легче дышалось, скорѣе бы можно было развиваться въ культурномъ отношеніи и достигать всѣхъ благихъ послѣдствій этого развитія.

Такая постановка вопроса, дѣлаемая въ нѣкоторыхъ органахъ финляндской печати, въ связи съ нѣкоторыми инцидентами тамошней жизни, въ родѣ, напримѣръ, постановки памятника въ честь побѣды финновъ надъ русскими войсками, задѣла самолюбіе и патріотическое чувство нашей прессы. Отсюда родилась полемика, а съ нею вмѣстѣ возникъ и весь вопросъ о Финляндіи.

Исходя изъ принципа государственной цѣлостности и единообразія управленія, одни русскіе публицисты стали доказывать, что автономія Финляндіи не соотвѣтствуетъ означеннымъ принципамъ, и ея территоріальная окраска не сливается съ общимъ русскимъ фономъ, вслѣдствіе чего необходимо разрушить обособленность Финляндіи и ввести ее въ сферу общегосударственныхъ началъ управленія. Другіе публицисты заняли среднее положеніе и, указывая на потребность упорядоченія русско-финскихъ отношеній, на необходимость измѣненія или совершенной отмѣны нѣкоторыхъ дѣйствующихъ институтовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ или вовсе не касались болѣе общихъ вопросовъ, или говорили за сохраненіе въ неприкосновенности финляндскаго самоуправленія и привилегій, предоставленныхъ ей русскимъ правительствомъ со временъ Александра I. Наконецъ, третья группа нашей прессы заступилась за Финляндію, настаивая, что нельзя изъ-за единичныхъ фактовъ навлекать на мирный народъ гнѣвъ его сильнаго покровителя и указывая, что нельзя отнимать того, что было подарено почти сто лѣтъ тому назадъ, что идея человѣческаго счастья,—въ какой-бы формѣ ни заключалось это счастье, если только оно не идетъ въ ущербъ благу другихъ людей,—должна быть поставлена выше всего.

Газетная полемика по вопросу о Финляндіи надѣлала много шума. Какъ разъ въ это время опубликовано было Высочайшее повелѣніе объ образованіи трехъ комиссій для разсмотрѣнія способовъ объединенія финляндскихъ почтъ, таможенъ и монеты съ русскими. Все это послужило къ тому, что въ русской литературѣ и публикѣ Финляндія и все финляндское послужили предметами неоднократнаго обсужденія и изученія. И историческая наука отозвалась на вопросъ дня, задавшись цѣлью выяснить, на какихъ основаніяхъ и при какихъ условіяхъ совершилось присоединеніе Финляндіи къ Россіи. Изъ разсмотрѣнія финляндскаго вопроса

въ такой его обстановкѣ полагали найти и рѣшеніе всей злобы дня. Если Финляндія покорена силою оружія, если нѣкоторыя ея привилегіи даны ей, какъ великодушная милость монарха, то она не имѣеть права на помышленіе о самостоятельномъ бытѣ, должна ежеминутно думать о своей подчиненности и существовать на основахъ историческаго крѣпостнаго международнаго права. Привилегіи ея могутъ быть у нея отняты ежечасно, и она не имѣеть права ссылаться на какіе-то договоры и акты соглашенія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Главнымъ представителемъ такого рода направленія въ нашей научной литературѣ долженъ считаться г. Ординъ.

Ему принадлежитъ неотъемлемая заслуга — ознакомленія русскаго общества съ строемъ и историческимъ развитіемъ великаго княжества Финляндскаго. Онъ далъ нашей литературѣ переводъ „Конституціи Финляндіи“ сенатора Михелина, снабдивъ свой переводъ примѣчаніями. Затѣмъ онъ выступилъ съ обширнымъ трудомъ „Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ“. Уже изъ примѣчаній къ первому сочиненію ясно обнаруживалось нерасположеніе г. Ордина къ странѣ за Сестрою рѣкою. Тѣмъ же нерасположеніемъ, но еще болѣе рѣзко подчеркнутымъ, отличается его новый трудъ. Главная мысль, положенная въ основаніе послѣдняго, заключается въ томъ, что Финляндія не имѣеть историческихъ данныхъ на самостоятельное существованіе. Сначала она была шведскою провинціею, а въ началѣ текущаго столѣтія завоевана силою русскаго оружія. Ея привилегіи и режимъ не есть результатъ какихъ-либо договоровъ и актовъ соглашенія, а продуктъ благодушія русскаго императора, козней и интригъ финляндскихъ патріотовъ, ловко и несовсѣмъ честно пользовавшихся бездѣйствіемъ русской власти и невѣжествомъ приближенныхъ къ Александру I лицъ. Никакого Боргосскаго „акта соединенія“ не было, такъ какъ такого правительственнаго документа не существуетъ, а есть лишь манифестъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ 1809 года, коимъ Финляндія прикована навсегда къ подножію русской власти, да еще нѣсколько воззваній и благодушныхъ рѣчей Александра I, въ которыхъ, не соотвѣтственно высокому пониманію государственныхъ интересовъ великой имперіи, обѣщано сохранить финляндскую конституцію и финляндскіе коренные законы.

Трудъ г. Ордина составленъ, по преимуществу, на основаніи русскихъ источниковъ и имѣеть цѣлью послужить противовѣсомъ работамъ финскихъ и шведско-финскихъ писателей, Ю. Коскинена, Р. Кастрена, Л. Михелина, Даніэльсона, Эдв. Берга, построеннымъ, главнымъ образомъ, на финскихъ и шведскихъ источникахъ, а потому освѣщающимъ событія односторонне и пристрастно. Нельзя не поблагодарить автора за намѣреніе обработать вопросъ въ нашей исторіи малоосвѣщенный и нельзя не сознаться, что г. Ординъ справился съ обработкой фактическаго матеріала прекрасно. Имъ опубликована масса неизвѣстныхъ до сихъ поръ документовъ; одни прибавленія къ его труду могутъ доставить автору

не послѣднее мѣсто среди историческихъ изслѣдователей. Пока финскіе историки не отвѣтятъ г. Ордину, на основаніи непреложныхъ документовъ, до тѣхъ поръ можно считать многіе выводы нашего изслѣдователя истинными. Академія Наукъ во вниманіе къ ученымъ достоинствамъ этого труда удостоила его преміи митрополита Макарія.

Такова одна сторона дѣла; но есть и другая—именно публицистическая. Г. Ординъ насквозь проникнуть непріязненнымъ отношеніемъ къ финляндцамъ, и его книга—злая книга. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за ходомъ русско-финскихъ событій и отношеній, начиная съ періода древнѣйшаго и кончая Фридрихсгамскимъ миромъ. Вся Финляндія посажена имъ на скамью подсудимыхъ и съ топомъ прокурора громитъ онъ не только финляндскихъ дѣятелей, но и тѣхъ пособниковъ изъ русскихъ, въ числѣ которыхъ оказались Екатерина II, Александръ I, Сперанскій и... (о ужасъ!) самъ Аракчеевъ. Одни получаютъ отъ него выговоръ за легкомысліе и политиканство, другіе за недалковидность; Сперанскій за увлеченіе западничествомъ и за то, что не велъ протоколовъ во время Боргоскаго сейма, а Александру I прочитана даже нотація, что тотъ познакомился съ Евангеліемъ только на 30-ти лѣтнемъ возрастѣ!.. Одобренія заслужили только министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцовъ, главнокомандующій Буксгевденъ за недовѣріе къ финляндскимъ дѣятелямъ, да тѣ изъ финскихъ патріотовъ, которые зарекомендовали себя въ качествѣ блюстителей идеи законности. Особенно досталось отъ автора инициатору Боргоскаго сейма—финляндцу Спренгпортену; за каждымъ шагомъ послѣдняго г. Ординъ на протяженіи всего труда слѣдитъ по пятамъ. Онъ дѣлаетъ экскурсіи въ его интимную жизнь, вычисляетъ, во что онъ обошелся русскому правительству, говоритъ не только о его дѣйствіяхъ, но о его мысляхъ и чувствахъ. Врядъ ли возможно отыскать въ архивахъ судебного вѣдомства такого протокола слѣдователя о личности подсудимаго, какъ то сдѣлалъ г. Ординъ въ отношеніи Спренгпортена!

Авторъ „Покоренія Финляндіи“—врагъ всякаго свободнаго порыва, врагъ всякой новой мысли. Традиція и буквенная законность, приниженность со стороны однихъ, барскія милости со стороны другихъ—вотъ багажъ морали, который онъ рекомендуетъ для обихода современному человѣчеству.

Полемическія соображенія, тенденціозность, ставятъ его иногда въ весьма странное положеніе. Такъ, желая во что бы то ни стало затемнить обѣщаніе Александра I финляндцамъ о сохраненіи въ неприкосновенности ихъ конституціи, онъ пускается въ хитроумныя толкованія. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, что шла рѣчь не о сохраненіи конституціи, въ обычномъ пониманіи этого термина, а лишь объ учрежденіяхъ (?). Наивность автора здѣсь поразительна. Точно Александръ I, мечтавшій нѣкогда съ Лагарпомъ и Чарторыйскимъ о свободныхъ учрежденіяхъ, не зналъ, что такое constitution, когда употреблялъ это слово въ рѣчахъ, обращенныхъ къ финскому народу! Вѣдь такую конституцію государю удалось же создать въ 1818 г. подъ влияніемъ своего друга

Чарторыйскаго, и вѣдь мысль объ этомъ родилась не послѣ Вѣнскаго конгресса и не подъ давленіемъ же Аракчеева! Вотъ почему болѣе чѣмъ наивно утверждать, что constitution употреблялось государемъ не въ прямомъ смыслѣ, а въ какомъ-то иносказательномъ.

Можно бы было указать и еще нѣкоторые пассажи въ такомъ же родѣ, но мы полагаемъ, что и приведеннаго достаточно, чтобы понять, что авторъ не можетъ похвалиться спокойствіемъ и объективностью. Онъ, впрочемъ, самъ какъ бы сознаетъ это, и въ предисловіи, говоря о могущихъ встрѣтиться недостаткахъ въ трудѣ, относитъ ихъ „къ нѣкоторымъ полемическимъ соображеніямъ“. Да, эти соображенія въ значительной степени внесли въ сочиненіе г. Ордина тотъ специфическій запахъ, который неумѣстенъ въ трудахъ научнаго содержанія, изъ какихъ бы побужденій ни исходилъ сочинитель, и тѣмъ болѣе, когда цѣль—злая. Но довольно объ этомъ. Можно надѣяться, что злое не дастъ добраго плода, и читатель „Покоренія Финляндіи“ вынесетъ изъ чтенія не „полемическія соображенія“ автора, а ознакомившись съ прекрасно разработанной страничкой изъ исторіи человѣчества, постарается ознакомиться съ жизнью того маленькаго народа, который сумѣлъ внушить расположеніе и великодушіе своему побѣдителю, сумѣлъ побороть всѣ неблагоприятныя условія исторіи и природы и создать такія формы, такую культуру существованія, которыя составляютъ удѣлъ далеко не многихъ народовъ.

Что такое было нѣкогда нынѣ называемое „великое княжество Финляндское“ и какимъ образомъ оно вошло въ составъ Россійской имперіи?

Столкновенія русскихъ съ финляндцами начались очень давно, съ незапамятныхъ временъ. Русскіе мало по малу отгѣсняли финновъ и силою оружія прокладывали себѣ пути на сѣверъ. Съ XII вѣка въ борьбѣ начинаютъ принимать участіе и шведы, въ качествѣ противниковъ Руси, и финны очутились между двухъ сильныхъ державъ, оказывавшихъ на нихъ вліяніе. Въ серединѣ XIII вѣка мы видимъ шведовъ довольно прочно утвердившимися въ Выборгѣ, гдѣ они кровью и мечомъ успѣшно насаждаютъ христіанство. Все это время Финляндія покорно и безмолвно слѣдуетъ за судьбами Швеціи въ качествѣ ея провинціи, причемъ титулъ герцога финляндскаго возникъ довольно рано, хотя и не представлялъ собою никакихъ правъ.

Сынъ Густава Вазы, Іоаннъ, именовавшійся герцогомъ финляндскимъ, поселился въ Або и началъ проводить мысль о самостоятельности своего герцогства, обнимавшаго собою Аландскіе острова и западную часть нынѣшней Нюландской и Абоской губерній, объявляя свои отношенія къ Швеціи только вассальными. Въ этихъ видахъ его поддерживали два приближенныхъ финляндца. Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея финляндскаго сепаратизма отъ Швеціи возникаетъ довольно опредѣленно, что, конечно, не могло не отразиться на извѣстной національной окраскѣ Финляндіи. Послѣ смерти Густава Вазы, Эрикъ IV положилъ конецъ по-

пыткамъ Іоанна, причѣмъ финское населеніе стояло на сторонѣ Эрика. Тѣмъ временемъ сѣверные соперники, т. е. шведы и русскіе, продолжаютъ свои раздоры съ переменнымъ счастьемъ. Такъ, въ 1595 году русскіе получаютъ отъ шведовъ обратно восточную Финляндію, и царь Ѳеодоръ довольно успѣшно русифицируетъ край.

Древняя собственность Руси къ ней возвратилась, но ненадолго: Столбовскимъ договоромъ Россія со стороны Финляндіи отодвинулась ко временамъ, такъ сказать, доисторическимъ и восточная Финляндія вновь подвергается вліянію шведской культуры. Заниматься изслѣдованіемъ, что здѣсь сохранилось изъ русскаго, въ чемъ взяло перевѣсъ шведское—занятіе бесполезное. Можно съ достаточной вѣроятностью сказать, что вплоть до появленія на берегахъ Невы царя-преобразователя врядъ ли былъ силенъ русскій элементъ въ нынѣшней Выборгской губерніи. Доказательство противнаго потребуетъ натяжекъ. Но вотъ грянулъ Полтавскій бой, и могущество шведовъ сломлено; отнынѣ, въ числѣ сѣверныхъ державъ, Россія предоставленъ рѣшающій голосъ. Король шведскій въ числѣ прочихъ областей уступилъ Петру часть Кореліи и Выборгской губерніи. Для точнаго опредѣленія пограничной черты на мѣстѣ, обѣ стороны обязались, тотчасъ по ратификаціи договора, назначить особыхъ комиссаровъ. Вотъ эта-то пограничная черта, долженствующая отдѣлять слабую и разлагающуюся Швецію отъ возникающей новой Россіи, и послужила впоследствии предметомъ постоянныхъ недоразумѣній. Ништадтскій договоръ, въ силу § 7, предоставилъ къ тому же право русскому правительству предупреждать и охранять Швецію отъ сторонняго вмѣшательства, т. е. этимъ косвенно дана была возможность Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣдняго государства.

Въ половинѣ XVIII столѣтія шведскія дѣла снова довольно остро выступаютъ наружу, и мы видимъ опять потоки крови, орошающіе бесплодную почву Финляндіи. Последняя молила о мирѣ, но партія „шляхтъ“ стояла за войну. За все отвѣчала Финляндія. Толпы мужиковъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, посылались для пополненія рядовъ, таявшихъ какъ вѣшній снѣгъ. Раззореніе страны не поддавалось описанію. На десятки миль кругомъ не оставалось вовсе рабочаго скота, подъ тяжести впрягали мужиковъ и казенныхъ служителей. Въ разгаръ войны петербургскій кабинетъ высказалъ довольно смѣлую мысль. Въ надеждѣ достигнуть скорѣйшаго мира, рѣшились обратиться непосредственно къ Финляндіи, съ обѣщаніемъ за примиреніе создать изъ княжества независимое отъ Швеціи государство подъ собственнымъ правленіемъ. Въ вознагражденіе за это отъ финляндцевъ требовалось не противодѣйствовать русскимъ войскамъ и не помогать шведскимъ, т. е. соблюденіе нейтралитета. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ „Манифестъ княжеству Финляндскому“, въ которомъ категорически предлагалось образовать независящее ни отъ кого государство „подъ собственнымъ, избраннымъ финляндцами правленіемъ, пользуясь всеми къ тому относящимися правами, привиле-

гійми и льготами, которыя для ихъ собтвенной пользы и твердаго основанія ихъ независимости будутъ ими признаны нужными и полезными“. Этотъ манифестъ вызвалъ контръ-манифестъ короля шведскаго, въ которомъ высказывалась увѣренность, что финны помогутъ ему установить границы, которыя могли бы служить оплотомъ для Швеціи. Прямыхъ результатовъ русскій манифестъ не имѣлъ. Финны не отложились отъ шведовъ, но несомнѣнно то, что идея сознанія себя, какъ чего-то независимаго, какъ народа съ правомъ голоса, не могла не усилиться среди жителей княжества.

Война кончилась для шведовъ неудачно, и русскіе овладѣли Финляндіей вплоть до Улеборга. Правительство Елисаветы Петровны дѣлало все зависящее, чтобы пріобрѣсти доброе расположеніе населенія покоренной страны. Вступивъ въ управление Выборгской губерніей, утвержденной по новому мирному договору за Россіей, побѣдители стали отчасти вводить дѣйствіе русскихъ законовъ, но дѣлали и изъятіе, предоставивъ, напримѣръ, мѣстнымъ крестьянамъ личную свободу. Правительство имѣло полную возможность ввести въ покоренной области общее государственное право, но съ такой задачей оказалось не такъ-то легко справиться, и мы видимъ въ русскихъ мѣропріятіяхъ вплоть до войны 1808—1809 гг. удивительную путаницу и неспособность быть на высотѣ управленія: рядомъ съ шведскими дѣйствующими законами устанавливаются новые, противорѣчащія первымъ, но ихъ не отмѣняющіе.

Послѣ Абоскаго мира отношенія между Россіей и Швеціей не нарушались въ теченіе 45 лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи не умирала. Такъ, вскорѣ послѣ заключенія мира, составился заговоръ объ избраніи въ короли Финляндіи великаго князя Петра Теодоровича, съ тѣмъ, чтобы новое королевство состояло подъ покровительствомъ Россіи, но заговоръ былъ разрушенъ и виновники казнены. Въ общемъ, преданность финской массы шведскому правительству была внѣ сомнѣнія. Но рядомъ съ этимъ необходимо отмѣтить и то, что среди интеллигенціи, и преимущественно дворянства, революціонныя стремленія усиливаются, и призракъ политической свободной независимости все чаще приходитъ на умъ горячимъ головамъ, именно независимости, а ни какъ не отдѣленія отъ Швеціи съ тѣмъ, чтобы броситься въ объятія Россіи. Послѣдняя рисовалась въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и объятія ея принимались не иначе, какъ рабство и крѣпостное право. Въ числѣ лицъ, мечтавшихъ въ такомъ направленіи о независимости отечества, былъ на первомъ планѣ Георгъ Спренгпортень—дѣятель, прославленный финскими историками и низведенный г. Ординымъ чуть ли не на степень негодая.

Фамилія Спренгпортеновъ содѣйствовала Густаву III свергнуть власть сейма и значительно сократить сферу дѣятельности послѣдняго. Въ этомъ дѣлѣ Густавъ считалъ себя послѣ Бога наиболѣе обязаннымъ старшему Спренгпортену. Младшій братъ, Георгъ, послѣ переворота получилъ въ командованіе бригаду въ Саволакской провинціи, гдѣ и пріобрѣлъ ши-

рокое вліяніе. Вотъ тутъ-то наиболѣе ярко и предстала предъ нимъ идея независимости Финляндіи отъ Швеціи и, по преимуществу, въ видѣ самостоятельной республики.

Георгъ Спренгпортенъ былъ, что называется, — „бурная душа“. Жажда жизни захлебывала его, вносила въ его дѣятельность непримиримыя противорѣчія. Въ маленькой Финляндіи, въ ея скромной жизни, было мало простора широкимъ размахамъ его страстей, полету горячаго воображенія.

„L'amour fut mon passe-temps; mon métier fut la guerre,
„La patrie mon idôle et la gloire ma chimère“.

Такъ характеризовалъ себя самъ Георгъ Спренгпортенъ въ своихъ мемуарахъ.

Увлекающійся, страстный, онъ не зналъ удержа въ своихъ желаніяхъ. Женщины играли главную роль въ его жизни, и онъ поклонялся имъ, искалъ ихъ, какъ пылкій Донъ-Жуанъ. Для наслажденія жизнью у него, однако, не хватало средствъ, и вотъ онъ, не брезгая попрошайничествомъ и даже униженіемъ, направляетъ всевозможныя усилія, чтобы пріобрѣсти ихъ. Но рядомъ съ такого рода чертами характера, мы видимъ въ его лицѣ очень недюжиннаго политическаго дѣятеля, со смѣлой революціонной докториной. Свобода родины—вотъ та цѣль, къ которой онъ идетъ съ удивительнымъ упорствомъ и настойчивостью. Несмотря на свои частыя нравственныя паденія, несмотря на всѣ благопріятныя и неблагопріятныя жизненныя обстоятельство, онъ, однако, неустанно трудится для осуществленія завѣтнаго политическаго плана. Правда, въ независимости Финляндіи онъ видѣлъ не только народное благо, благо своего отечества, но и достиженіе извѣстныхъ честолюбивыхъ замысловъ: онъ надѣялся на пиршествѣ свободы отечества найти и себѣ не послѣднее мѣсто. Какъ всякій политическій дѣятель революціонной идеи, онъ не останавливался на средствахъ,—ему была важна цѣль и только цѣль. Остальное все были детали, временныя сдѣлки, маленькія уступки.

И вотъ, послѣ охлажденія къ нему Густава, мы видимъ Спренгпортена при дворѣ Екатерины II, старательно и съ успѣхомъ интригующаго въ пользу отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Екатерина не любила Густава, вышучивала его въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и смотрѣла на него презрительно: предлоговъ для войны не приходилось долго придумывать, тѣмъ болѣе, что § 7 Нштадтскаго мира давалъ Россіи возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, а граница между государствами была далеко не точно опредѣлена. Русское правительство протягиваетъ руку олигархической оппозиціи режиму Густава и раздуваетъ недовольство финновъ. Во время новой войны, въ 1788 г. въ деревнѣ Ликкола генераль и командиры финскихъ войскъ отправляютъ Екатеринѣ меморіаль, или ноту, въ которой заявляютъ, что участвуютъ въ русско-шведской войнѣ противъ своей воли. Посланному съ нотой поручено было вести переговоры насчетъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи.

Около же этого времени образуется конфедерация въ Аньяльѣ изъ офицеровъ финской арміи тоже съ цѣлями сепаратизма. Ликкольскій посоль, Эгергорнъ, былъ встрѣченъ въ Петербургѣ привѣтливо и Спренгпортенъ въ его лицѣ имѣлъ передъ государыней фактическое доказательство, что идея отдѣленія Финляндіи не есть химера, не продуктъ его личной фантазіи. Екатерина увлеклась горячими представленіями Спренгпортена и отправила его въ Финляндію „для содѣйствія въ предполагаемомъ намѣреніи“, т. е. намѣреніи отдѣлить Финляндію отъ Швеціи.

Идеи Спренгпортена были смѣлы и оригинальны, не носили на себѣ печати тривіальности, до которой Екатерина не была охотницею, а къ тому же онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами Россіи. „Deux têtes chaudes s'entendent: dans un quart d'heure nous avons beaucoup fait“, сказала она про результаты своего разговора съ Спренгпортенемъ. „Надѣяться могутъ вспоможенія во всемъ согласно съ пользою нашей имперіи“—отвѣтила государыня Егергорну. Смыслъ этихъ словъ для непредвзятаго читателя не подверженъ сомнѣнію. Коментаріи здѣсь самые простые: финляндцы могутъ надѣяться на помощь Россіи въ дѣлѣ отложенія отъ Швеціи, съ созваніемъ учредительнаго сейма и съ объявленіемъ своей независимости на вѣчныя времена, такъ какъ такого рода политическое событіе не противорѣчитъ русскимъ интересамъ. Въ такомъ духѣ вели переговоры аньяльскіе конфедераты, въ такомъ духѣ бесѣдовалъ съ заговорщиками уполномоченный отъ русскаго правительства при Стокгольмскомъ дворѣ, въ такомъ смыслѣ горячо и увлекательно убѣждалъ Екатерину Спренгпортенъ.

Снабженный деньгами для подкупа финновъ, съ инструкціями для веденія политической интриги, явился русскій генераль Спренгпортенъ къ аньяльскимъ заговорщикамъ. Но успѣхи его переговоровъ были не блестящи: онъ видѣлъ кругомъ недовѣріе, боязнь и сомнѣніе въ безкорыстїи Россіи. Проникнутый весь одной идеей, конечной цѣлью своихъ политическихъ стремленій, русскій парламентаръ не задавался мыслью, что путь, имъ избранный, можетъ и не дать желанныхъ результатовъ. Союзъ съ Россіей могъ ему рисоваться, какъ переходная ступень къ иному политическому бытію, а соотечественники видѣли здѣсь призракъ гражданской смерти. Какъ ни худо было считаться подъ властью шведовъ, все-же ими предоставлены были здѣсь широкія права личной свободы и самоуправленія, а что принесетъ съ собою новый союзникъ?—было неизвѣстно. Мягко онъ стелеть, а не придется ли жестко спать?—такія мысли приходили въ голову не одного финскаго патріота. И вотъ конфедераты настаиваютъ, чтобы императрица удостовѣрила непреложными обѣщаніями, что не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не будетъ принуждать ихъ принимать отъ нея законы вмѣсто ожидаемыхъ пособій. Пока дѣло тянулось, отношенія между переговаривающимися охладѣвали. Екатерина стала смотрѣть на финляндскій вопросъ скептически, видя безуспѣшность дѣйствій Спренгпортена; послѣдній выбивался изъ силъ, не будучи въ

состояніи подвинуть дѣла; конфедераты тоже понемногу теряли симпатіи къ идеѣ русскаго союза, а финское населеніе настраивалось консервативнѣе проповѣдями пасторовъ и вліяніемъ шведскаго правительства.

Хотя Екатерина нѣсколько ослабила свое довѣріе къ Спренгпортену, тѣмъ не менѣе на него сыпались награды, денежныя и почетныя. 1 марта 1795 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики, съ содержаніемъ около 10.000 рублей. И Павелъ Петровичъ не подвергъ его полной немилости, хотя и убавилъ денежную щедрость своей казны. Русское правительство берегло и ухаживало за нимъ, какъ за человѣкомъ идеи, вредной для Швеціи и полезной, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нашему отечеству.

При новомъ государѣ Спренгпортену выпало на долю играть въ финскихъ дѣлахъ выдающуюся роль, и вліяніе его на ходъ сѣверныхъ событій 1808—1809 гг. было рѣшительное. По вступленіи на престолъ императора Александра, несмотря на его близкое свойство съ Густавомъ-Адольфомъ, взаимныя отношенія временно примирившихся враговъ быстро испортились. Эпизоды мелочныя, личныя симпатіи и антипатіи, послужили поводомъ къ тому, что вновь сосѣдніе народы были обречены правительствами на братоубійственную войну, которая достигла съ обѣихъ сторонъ крайней интенсивности. Нервы были напряжены до нельзя, инстинкты разыгрались вполнѣ, и истекающей кровью соперникъ Россіи отступалъ на западный берегъ Ботническаго залива, медленно и грозно, возбуждая населеніе противъ побѣдоноснаго врага. Финляндія, обреченная волею судьбы быть постояннымъ театромъ кровавыхъ событій, изнемогала. Народъ ожесточился, и гнѣвъ его палъ, какъ и всегда бываетъ въ исторіи, противъ пришельцевъ. Населеніе возстало, какъ единый человѣкъ, на защиту своихъ заливаемыхъ кровью нивъ, и началась партизанская война со всѣми ея ужасами и звѣрствами. Угрюмый и замкнутый финнъ далъ полную волю самымъ ужаснѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Успѣхи шведовъ на сѣверѣ придали энергіи народнымъ вожакамъ, и скоро пламя возстанія охватило всю территорію Финляндіи. Къ потушенію волненій принимались мѣры крайней строгости, но казни не успокоивали потока народной страсти....

Благодаря изумительной храбрости и выносливости русскихъ войскъ, благодаря энергіи и военнымъ доблестямъ нѣкоторыхъ полководцевъ, походъ 1808 г. кончился тѣмъ, что шведы, а съ ними остатки финскихъ войскъ, ушли за Улеаборгъ, и на Кеми былъ назначенъ пограничный пунктъ. Уѣзжая въ Петербургъ, графъ Каменскій, при прощаніи съ войсками, сказалъ: „Мы завоевали Финляндію, — сохраните ее“.

Александръ I не желалъ ограничиться этими результатами войны и непремѣнно хотѣлъ перенести ее въ самое сердце врага — въ Швецію, съ тѣмъ, чтобы въ Стокгольмѣ предписать побѣжденному законы, но мысль его не осуществилась, и 5 сентября 1809 г. состоялся Фридрихгамскій мирный договоръ, по которому Россія приобрѣла Финляндію, чѣмъ и кончилась вѣковая русско-шведская распря.

Военныя событія 1808—1809 годовъ достаточно выяснены и изъ старыхъ сочиненій, хотя бы Михайловскаго - Данилевскаго; главные ея моменты можно найти въ любомъ учебникѣ русской исторіи, и не въ нихъ дѣло. Интересна внутренняя, такъ сказать, сторона финляндскаго вопроса, впервые выясненная г. Ординымъ.

Генераль-отъ-инфантеріи баронъ Спренгпортенъ явился въ роли главнаго совѣтника по финляндскимъ дѣламъ и при Александрѣ. Мысль о созваніи законодательнаго сейма въ Або получила въ его глазахъ при молодомъ государѣ еще большую вѣроятность. Въ этомъ созваніи онъ видѣлъ краеугольный камень будущей финляндской независимости. Онъ пытался всѣми силами увѣрить Александра Павловича, въ началѣ войны 1808 г., что финны бросятся въ объятія русскаго правительства и навсегда признаютъ его покровительство, если только къ нимъ обратятся съ полнымъ довѣріемъ и чистосердечнымъ признаніемъ за ними правъ на самостоятельное политическое существованіе. Результаты войны тогда были еще гадательны, а потому увѣренія Спренгпортена имѣли въ глазахъ государя большое значеніе. Идея финляндской конституціи, осуществленіе которой нарисовано было финляндскимъ патриотомъ яркими и симпатичными красками, вызывала со стороны Александра I сочувствіе. Слишкомъ много въ ней было такого, о чемъ онъ иѣкогда мечталъ, гуляя по Англійской набережной съ Лагарпомъ, или по аллеямъ Царскаго села съ Чарторыйскимъ. Но у Спренгпортена явились сорекователи, которые подходили къ щекотливому вопросу съ иной стороны. Такъ, маіоръ шведской службы Кликъ дѣлалъ по настоящему предмету такое представленіе: „Конечно, не должно быть и мысли о томъ, чтобы входить съ финляндцами въ какія бы то ни было соглашенія,—писалъ онъ.—Побѣдивъ страну силой, ей предоставлять потомъ, какъ милость, тѣ преимущества, которыя найдутъ выгоднымъ для себя дать ей. Всякое соглашеніе, каково бы оно ни было, предполагаетъ иѣкоторое равенство соглашающихся и можетъ породить опасныя разномыслія и недоразумѣнія. Побѣдитель, напротивъ, жалуется милостями, и ихъ за таковыя принимаютъ жалуемые, не имѣя права ни о чемъ договориться“.

При существенномъ различіи во взглядѣ на вещи, мы видимъ, однако, и въ Спренгпортенѣ и въ Кликѣ одно основное соглашеніе: Финляндія не должна быть раздавлена. Только одинъ говорилъ объ этомъ въ болѣе благородной окраскѣ и шелъ въ своихъ пожеланіяхъ къ радикальному разрѣшенію, а другой подходилъ значительно робче и строилъ счастье отечества на милости побѣдителя.

Во время войны Спренгпортенъ былъ прикомандированъ къ дѣйствующей арміи, какъ знатокъ Финляндіи, но роль его была не выяснена. Отсюда многія недоразумѣнія. Человѣкъ неуживчивый и властолюбивый, онъ не ладилъ съ Буксгевденомъ, что вносило въ рѣшеніе вопроса массу совсѣмъ ненужныхъ мелочей, ссоръ и интригъ. Послѣдствіями всѣхъ

этихъ интригъ было то, что и Буксгевденъ и Спренгпортенъ, въ концѣ концовъ, попали въ немилость и остались не у дѣль.

Прибывъ къ войску, Спренгпортенъ выпустилъ, съ согласія государя, прокламацію къ финляндскому народу, въ которой послѣднему обѣщалось сохранить ненарушимо законы, нравы и обычаи Финляндіи за покорность и преданность Россіи. Обѣщалось также созваніе сейма въ Або для рѣшенія дѣлъ, „кои потребуютъ доброе сосѣдственное согласіе“. Такимъ образомъ Спренгпортенъ былъ близокъ къ осуществленію своей излюбленной мечты — обратить провинціальный финляндскій сеймикъ въ законодательный и учредительный; на дальнѣйшее онъ закрывалъ глаза. Онъ вѣрилъ въ великодушіе побѣдителя, вѣрилъ въ свои таланты и въ торжество своей идеи. Но и шведы не дремали. Они издавали контръ-прокламаціи, играли на чувствительныхъ струнахъ Финляндіи, предостерегая ее отъ Россіи и рекомендуя ей недоувѣріе: рекрутчина, налоги, крѣпостное право, ссылки! — вотъ чѣмъ стращали шведы населеніе. И страна, дѣйствительно, сторожилась завоевателя, не вѣрила во все сулимья блага. Непріязнь выражалась мѣстами въ видѣ возстаній и насилій, мѣстами — въ видѣ молчаливаго протеста, игнорированіемъ требованій и предложеній русскаго правительства. Дѣло съ присягой покореннаго населенія новому государю, какъ ни распинался передъ той и другой стороной Спренгпортенъ, тоже не подвигалось. Послѣ ряда неудачъ въ Финляндіи, послѣ цѣлаго ряда препирательствъ съ Буксгевденомъ, авторъ будущаго Абоскаго сейма очутился вновь въ Петербургѣ.

Наконецъ, событія стали распутываться. Въ мартѣ 1809 года жители Финляндіи медленно и неохотно стали принимать присягу. Во всехъ обращеніяхъ къ нимъ побѣдитель ясно и категорично объявлялъ, что оставляетъ законы и порядки страны неприкосновенными на будущія времена, сыпалъ милостями на побѣжденныхъ, стремясь заслужить довѣріе и благорасположеніе покореннаго народа. Но этого Спренгпортену было недостаточно. Онъ настаивалъ передъ государемъ, Сперанскимъ и другими вліятельными лицами, на созваніи сейма: въ немъ, и только въ немъ, онъ видѣлъ эру новой жизни родного народа и фактическое дарованіе ему такой конституціи, которою страна, въ сущности, не пользовалась при шведскомъ правительствѣ. Дѣло въ томъ, что до 1808 года Финляндія, какъ шведская провинція, посылала своихъ депутатовъ въ Стокгольмъ на риксдагъ, въ самой же странѣ собирались областные сеймики для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ и потребностей. Теперь Спренгпортенъ стремился создать самостоятельный сеймъ съ верховною властью.

По этому предмету имъ былъ представленъ цѣлый рядъ докладныхъ записокъ государю, но дѣло тормозилось, и на дорогѣ встрѣчались всевозможныя затрудненія.

Если дѣло о сеймѣ и затянулось, зато въ Петербургѣ явно при-

знали необходимость пригласить мѣстныхъ людей для выслушанія заявленій о нуждахъ страны. Созывъ депутатовъ въ сѣверную столицу имѣлъ справочное значеніе. Но и тутъ общественное мнѣніе страны слагалось не въ пользу Россіи: „Если мы послѣдуемъ вызову къ намъ обращенному,—писалъ одинъ изъ современныхъ финляндскихъ патріотовъ,—то мы отворимъ двери интригѣ и предадимъ себя самихъ и силу нашихъ отцовъ въ руки правительства, которое, конечно, сумѣетъ воспользоваться этимъ въ ущербъ нашей свободѣ“. Несмотря на недовѣріе, многіе изъ интеллигенціи стали, однако, понимать, что путь, прокладываемый Спренгпортенемъ, есть единый полезный и вѣрный путь къ завоеванію хоть какой-нибудь свободы. Послѣ долгихъ колебаній, депутаты или, правильнѣе, свѣдующіе люди, собрались въ Петербургъ въ намѣреніи, какъ только обстоятельства позволятъ, настаивать на созваніи сейма. Занятія депутатовъ въ Петербургъ не имѣли особаго значенія. Имъ предложено было разяснить такую массу предметовъ, что на это потребовалось бы очень значительное время.

Необходимо отмѣтить, что Александръ Павловичъ, при всей трудности своего положенія въ щекотливомъ вопросѣ, держалъ себя вполнѣ рыцаремъ въ лучшемъ смыслѣ слова и ни одной минуты не помышлялъ отказаться отъ высказанныхъ въ манифестѣ и прокламаціяхъ обѣщаній.

Мѣропріятія правительства выражаются къ тому времени въ слѣдующемъ: Подъ руководствомъ Спренгпортена вырабатывается положеніе о временномъ положеніи Финляндіи и о генераль-губернаторѣ. Инициаторъ положенія назначается на мѣсто перваго генераль-губернатора, въ какомъ званіи онъ, однако, остается очень короткое время. Спренгпортенъ не сумѣлъ оказаться на высотѣ своего положенія: онъ былъ человѣкомъ идеи, пропаганды, но не обладалъ никакими административными способностями и тактомъ государственнаго дѣятеля. Наконецъ, государь изъявляетъ согласіе на созваніе сейма въ Борго и обѣщаетъ свое присутствіе на сеймѣ. Передъ собраніемъ, финскому народу дано новое подтвержденіе прежняго обѣщанія, выраженнаго уже въ предыдущемъ манифестѣ и въ прокламаціяхъ къ народу.

За подписью государя теперь былъ отпечатанъ манифестъ слѣдующаго содержанія: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили“. Нечего пускаться въ толкованія этого документа: основное положеніе его то, что Финляндіи предоставлена конституція, которой она и прежде пользовалась, а также дано обѣщаніе не нарушать ея.

Въ такомъ же духѣ говорилъ Александръ Павловичъ и на сеймѣ; за это же чины Финляндіи въ своихъ привѣтственныхъ и отвѣтныхъ рѣчахъ прославляли его. „J'ai désiré vous voir pour vous donner une nouvelle preuve de Mes intentions pour le bien de vorte patrie.—J'ai promis de maintenir vorte constitution, vos lois fondamentales; vorte réunion ici vous garantie Ma promesse“,—сказалъ государь собравшимся чинамъ сейма.

На самомъ Боргосскомъ собраніи не велось никакихъ записей и протоколовъ рѣчей и занятій, не было составляемо какого-либо новаго акта или грамоты соглашенія. Нравственныя узы связывали государя съ собравшимися; ясно было, что послѣдній, приведенный выше, манифестъ, а также его рѣчь, достаточно исчерпали принципы политическаго бытія великаго княжества Финлядскаго, и на долю чиновъ предоставлена была разработка болѣе второстепенныхъ вопросовъ. Такихъ вопросовъ было поставлено четыре: о военномъ устройствѣ, о взиманіи податей, о монетной системѣ и назначеніи чиновъ въ Правительственный Сенатъ. Всѣ эти пункты были разработаны въ направленіи благопріятномъ для Финляндіи, гарантируя ей независимое существованіе. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ послѣдовало уже въ Петербургѣ безъ участія сейма.

При закрытіи сейма, государь сказалъ весьма теплую рѣчь, которая, по нашему мнѣнію, лучше и крѣпче всякихъ зарегистрированныхъ актовъ исчерпывала сущность будущей политической жизни страны. Г. Ординъ позволяетъ себѣ называть эту рѣчь несоотвѣтствующею высокому пониманію государственныхъ интересовъ великой имперіи. Узкій и практическій патріотизмъ не позволяетъ ему оцѣнить по достоинству рѣчь, которая, въ сущности, должна быть записана въ исторіи крупными буквами. Вообще, его отношенія къ тогдашнему русскому правительству и его вождю болѣе чѣмъ странны. Въ его изображеніи и Александръ Павловичъ, и его сотрудники нарисованы какими-то очень недалекими простачками, которые даютъ себя на каждомъ шагѣ обманывать и проводить финлядскимъ дѣятелямъ, какими-то невѣждами, не понимающими,—что говорятъ, что подписываютъ.

Патріотизмъ автора, въ данномъ случаѣ, завелъ его черезчуръ далеко. „Занятія ваши съ этой минутой прекращаются“,—сказалъ Александръ Павловичъ при закрытіи сейма.—„Но расходясь, вамъ предстоитъ исполнить общественныя обязанности. Несите въ глубину вашихъ провинцій, запечатлѣвайте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности. Этотъ храбрый и лойяльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей.

Занимая отнынѣ мѣсто въ средѣ народовъ, подѣ властью своихъ законовъ, онъ вспомнить о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановить. А я, я соберу лучшіе плоды моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извиѣ, свободнымъ внутри, предающимся, подѣ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ, земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ успѣяніемъ воздающимъ справедливость моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ судьбу.“

Высоко-гуманныя слова императора осуществились: путь жизни, указанный имъ Финляндіи, привелъ ее именно къ тому благосостоянію и культурному развитію, которымъ могутъ позавидовать иные народы.

1890 г.

Фабрично-заводская Россія.

„Отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благоприятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно созидающейся фабрично-заводской промышленности“.

(Предисловіе къ „Наказу чинамъ фабричной инспекціи“ министра финансовъ С. Ю. Витте).

I.

ЛѢТОМЪ 1896 года мнѣ пришлось прожить два мѣсяца въ Москвѣ, изучая бѣлокаменную въ ея торгово-промышленномъ отношеніи. Эта работа позволила мнѣ ознакомиться съ обширною литературой по фабричному вопросу и стать непосредственно, лицомъ лицу, съ насущнѣйшими вопросами русской промышленной жизни. Пестрой и яркой панорамой развернулась предо мною въ живыхъ образахъ, группахъ и учрежденіяхъ любопытная и невѣдомая мнѣ дотолѣ сторона отечественной дѣйствительности, о которой я и намѣренъ побесѣдовать въ настоящемъ очеркѣ.

Оригинальный городъ, широко раскинувшійся концентрическими кругами, городъ съ глубокимъ историческимъ прошлымъ, мѣсто встрѣчи азіатской и европейской Россіи, кладущихъ на него, съ своей стороны, каждая своеобразный отпечатокъ, — короче, бѣлокаменная Москва, послѣ двухмѣсячнаго ея изученія, явилась для меня въ совершенно новомъ освѣщеніи. Столица четырехъ Иоанновъ, городъ стрѣлецкихъ бунтовъ и оппозицій великому преобразователю, грибоѣдовская „дистанція огромнаго размѣра“, съ ея златоглавыми „сорокъ сороками“, безвозвратно отошла въ моихъ глазахъ въ даль минувшаго, сдѣлалась достояніемъ легенды, археологін и исторіи литературы. Гулко и торжественно несется въ голубую высь малиновый звонъ московскихъ монастырскихъ

колоколовъ, напоминая тысячамъ благочестивыхъ обывателей о духовной сторонѣ древне-русской жизни; но еще громче раздается по нѣсколько разъ въ день сильный и протяжный звукъ фабричныхъ свистковъ, созывающихъ десятую часть миллионнаго столичнаго населенія на слѣшный и тяжкій трудъ, во имя борьбы за существованіе и неизбѣжно связанной съ нимъ конкуренціи. „Златоглавая Москва“ постепенно отступаетъ передъ гордо и неприступно высящимися красными заводскими и фабричными трубами; смиренные иноки Симонова и Данилова монастыря теряются среди многочисленныхъ и шумныхъ кадръ дѣятелей фабрично-заводскаго производства. Исконная столица Россіи, ея „сердце“, непреложно доказываетъ, что наше отечество вступило въ новую фазу исторической жизни, что *патріархально*-земледѣльческому періоду наступилъ уже конецъ, и что на первый планъ энергично и настойчиво выступаютъ новые, могучіе факторы, которымъ суждено „связать,—по словамъ Д. И. Менделѣева,—свободными, но практическими и крѣпкими узами крестьянина съ образованностью“, т. е. хоть нѣсколько уравнять культуру Россіи съ культурой западно-европейской.

Настоятельная потребность въ этомъ уравниеніи болѣе чѣмъ ясна, и безъ нея намъ никогда не выйти изъ того бѣдственнаго экономическаго положенія, въ которомъ обрѣтаемся въ послѣднія три десятилѣтія. Помимо другихъ обстоятельствъ, исключительно финансоваго характера, этому бѣдственному положенію въ значительной степени содѣйствуетъ крѣпко сложившееся убѣжденіе, что Россія—страна исключительно земледѣльческая и, какъ таковая, обязана сосредоточить свои силы и заботы исключительно на сельскохозяйственномъ производствѣ. И, дѣйствительно, въ гордомъ ослѣпленіи своимъ сельскохозяйственнымъ значеніемъ по обязанностямъ „житницы Европы“, у насъ съ земледѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ возились на всѣ лады: возились съ нимъ платонически въ литературѣ и фактически въ правительственныхъ сферахъ. Тщетно единичные голоса предостерегали русское общество отъ такого нарушенія гармоническаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества; голоса эти терялись среди многочисленныхъ другихъ, распѣвавшихъ сельскохозяйственныя аріи и мотивы. Въ сущности же, за массою фразъ и благихъ пожеланій, для земледѣльческой культуры, въ собственномъ смыслѣ этого слова, дѣлалось микроскопически мало, и прогрессъ нашъ въ этой области шелъ черепашьимъ шагомъ.

И вотъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: прославленная „житница Европы“, съ ея первобытными способами производства и сбыта полевыхъ продуктовъ, оказалась у сосѣдей въ значительной степени за штатомъ, и неблагодарная Европа съ большою для себя выгодой обратила ласковые взоры къ новому свѣту — Америкѣ и Австраліи. Земельное истощеніе, хищническая распашка нови, стихійныя причины въ формѣ разныхъ зловредныхъ полевыхъ насѣкомыхъ и повальныхъ неурожаевъ довершили ударъ: наши сельскіе хозяева, крупные и мелкіе,

а съ ними вмѣстѣ наша хлѣбная экспортная торговля, потеряли многіе исконные рынки, и Россія оказалась заваленною избыткомъ хлѣба, цѣны на который упали до нельзя, и который никому и некуда стало продавать. Получилась въ концѣ концовъ удивительная путаница и несообразность: есть урожай—земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ плохо, нѣтъ урожая—опять плохо; однимъ словомъ,—куда ни кинь, все клинъ.

Констатируя фактъ сокращенія нашей хлѣбной экспортной торговли и указывая на сильную конкуренцію для Россіи въ этой области со стороны Америки, г. Гессенъ въ своемъ докладѣ торгово-промышленному съѣзду въ Нижнемъ-Новгородѣ „Элеваторы и ихъ роль въ сельскомъ хозяйствѣ и хлѣбной торговлѣ въ Россіи“ пытается нѣсколько ободрить гг. сельскихъ хозяевъ и говорить въ одномъ мѣстѣ: „возвращаясь къ современному положенію нашего сельскаго хозяйства и къ вопросу о сбытѣ хлѣба на международномъ рынкѣ, мы позволимъ себѣ высказать, что хотя они, дѣйствительно, представляются тяжелыми, однако не слѣдуетъ теперь предаваться унынію, также какъ раньше не слѣдовало предаваться увлеченію“, а въ другомъ мѣстѣ: „не слѣдуетъ отчаиваться за будущность нашего хлѣбопроизводства и сбыта зерновыхъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ. Такое отчаяніе можетъ принести только вредъ. Взамѣнъ этого намъ нужно аппелировать къ собственнымъ силамъ и энергіи. Съ другой стороны, также будетъ неосторожно предаваться увлеченіямъ и думать, что мы будемъ, какъ и въ старое время, единственной житницей Западной Европы. Нѣтъ, конкуренція будетъ и тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуютъ послѣднія указанія англійскаго Economist'a, Аргентина съ 1894 г. уже занимаетъ третье мѣсто по снабженію Западной Европы пшеницею, и что послѣднія ея запашки, какъ говорятъ, еще болѣе увеличились. Поэтому наше сельское хозяйство должно помнить, что побѣдителемъ на международномъ рынкѣ будетъ тотъ, кто будетъ доставлять и дешево, и хорошо, для чего всѣ шансы на нашей сторонѣ и въ нашихъ рукахъ.“

Оставляя въ сторонѣ оптимистическія разсужденія докладчика о „шансахъ“ и о роли, которую на пользу этихъ шансовъ сыграютъ наши элеваторы, отмѣтимъ, что рядомъ съ миѣніемъ г. Гессена существуетъ и другое, не менѣе компетентное, гдѣ высказывается мысль о безотлагательной необходимости для Россіи сократить площадь своихъ хлѣбныхъ посѣвовъ.

Вопроса о сокращеніи нашей экспортной торговли хлѣбомъ неоднократно касался еще въ началѣ 1880-хъ годовъ нашъ знаменитый ученый, Димитрій Ивановичъ Менделѣевъ. Въ брошюрѣ „Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи“ онъ высказалъ немало предупрежденій по отношенію нашей сельской промышленности, а также съ большой дальновидностью указалъ тотъ путь развитія нашихъ производительныхъ силъ, на который еще не совсѣмъ твердой ногой мы вступили только въ текущемъ десятилѣтіи. Я полагаю, что читатели не будутъ въ пре-

тензи, если я нѣсколько подробнѣе ознакомлю ихъ съ ходомъ мыслей нашего представителя науки, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые выводы его какъ нельзя лучше послужатъ иллюстраціей къ главной темѣ моего настоящаго очерка.

II.

Профессоръ Д. И. Менделѣевъ заявляетъ, что

„Обширное развитіе заводской и фабричной дѣятельности въ Россіи есть не только единственное вѣрное средство для дальнѣйшаго развитія нашего благо-
состоянія, но есть и единственный путь согласенія интересовъ массы народа съ ин-
тересами образованныхъ классовъ, потому что на заводѣ рядомъ будутъ трудиться

Д. И. Менделѣевъ.

и простолюдинъ, и баринъ, и на заводѣ станетъ народу очевидна реальная польза образованія, которое теперь можетъ казаться прихотью и надобностью чиновника и помѣщика. Черезъ всю прошлую нашу исторію проходитъ очевидное стремленіе къ опредѣленію географическихъ границъ Россіи. Нынѣ, когда онѣ соприкоснулись уже во всѣхъ сторонахъ съ тѣснымъ населеніемъ другихъ народовъ, когда опредѣлилась такимъ образомъ территорія страны, когда этотъ періодъ закончился освобожденіемъ крестьянъ и замѣною лагернаго порядка болѣе прочнымъ, гражданскимъ и земскимъ, — стало просто невозможно посвящать всѣ силы страны исключительно одной сельской промышленности. Когда можно было съ истощенной

земли переходить на другую, свѣжую, вновь ставшую народною собственностью, когда страдный трудъ въ немногіе лѣтніе мѣсяцы былъ достаточенъ для снисканія насущнаго хлѣба миллионамъ народа, когда провозглашена была Россія житницей Европы и считалась исключительно страной земледѣльческою, — тогда могъ господствовать какой угодно порядокъ идей и общественныхъ отношеній. Это смѣнилось... Если счесть всю нашу способную къ культурѣ землю и представить ее обрабатываемою русскимъ народомъ тѣми способами, которые у него господствуютъ, — производительность Россіи относительно земледѣлія увеличится весьма немного, а богатство, конечно, не возрастетъ, потому что богатство опредѣляется количествомъ труда, потраченнаго на производительную дѣятельность, а на земледѣльческій трудъ въ Россіи можно отдать только немногіе мѣсяцы года. Что же, спрашивается, дѣлать массѣ народа въ остальное время?“

Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры профессоръ утверждаетъ:

„Если нашъ вывозъ въ настоящее время состоитъ почти исключительно изъ сырья, то уже это одно прямо показываетъ, что у насъ сырье въ избытѣ; только на нашу бѣду

наше вывозное сырье состоит почти исключительно из леса, хлеба и других продуктов почвы. Точно русский мужик, переставший работать на помещика, стал рабом Западной Европы и находится от нея в крепостной зависимости, доставляя ей хлебные условия жизни. Те, которые плачутся на уменьшение у нас вывоза хлеба, должны были бы в сущности хлопотать и плакать лишь о том, что на место хлеба не вывозится какой-либо другой выработанный продукт. Пускай этот хлеб останется в виде избытка, для запаса и прокорма массы людей, которые плохо питаются, если у них достанет денег на то, чтобы купить этот хлеб при помощи получения заработков на заводах. Пускай те земли, на которых ведут истощающую культуру пшеницы, будет выгоднее занять другими посевами, нужными для заводов и фабрик—страна будет в выгоде. История нашей свеклосахарной промышленности в этом отношении достаточно ясна и проста... То же самое будет со множеством других промышленности, если на них, как на свеклосахарную, будет обращено надлежащее внимание и если вместо новых способов стеснения заводской деятельности будут хорошо обсуждены и неуклонно практиковаться меры для развития внутренней заводской деятельности. Таким образом, первый сырой материал для развития заводской деятельности доставит России направление сельскохозяйственных работ в сторону доставления продуктов, нужных для заводской деятельности. Это будет выгодно как для всей страны вообще, так, в частности, для землевладельцев, и даже для самой государственной казны, как выгодна стала для всех их развивающаяся свеклосахарная промышленность. Притом, по крайней мере, со временем, развитие заводов, обрабатывающих сырье, уничтожит столь погубный для России вывоз из нея хлебного сырья, который замѣнится вывозом продуктов заводских. Это уничтожит быстрое истощение земель, составляющее результат односторонней пшеничной разработки нашего чернозема. Но, кроме продуктов культуры и скотоводства, переработка которых, можно сказать, будет сосредоточена около мест развития культуры, как и наша свеклосахарная промышленность сосредоточивалась в районе разведения свекловицы, для развития заводской деятельности Россия представляет массу сырого материала, естественным образом находящегося или на поверхности земли или внутри ея“.

Брошюру свою почтенный ученый заканчивает слѣдующими положениями:

„Само по себе развитие заводской деятельности доставит новый заработок массѣ крестьянства, т. е. массѣ земледѣльцев, а, съ развитіемъ въ нихъ средѣ хоть нѣкоторой образованности, чисто заводская деятельность можетъ войти въ согласіе съ сельскохозяйственной дѣятельностью, сосредоточиться въ одномъ и томъ же селѣ и даже подчиняться артельному или общинному началу, которыми заправляется наша сельско-хозяйственная и многіе другіе практическіе роды крестьянской дѣятельности. Это тѣмъ возможнѣе, что многіе роды заводской дѣятельности могутъ съ выгодой производиться зимою, такъ что одні и тѣ же силы будутъ лѣтомъ въ дѣлѣ полевомъ готовить хлебъ и матеріалъ для зимней заводской дѣятельности, а зимою могутъ становиться заводчиками. Но не будучи утопистомъ, я не увлекаюсь подобными возможностями, а, какъ реалистъ, говорю: общіе интересы въ заводскомъ дѣлѣ мирятся съ личными, и дѣла этого рода, удовлетворяя нуждамъ образованности, отвѣчаютъ въ то-же время и народнымъ потребностямъ, почему и должны стоять на видномъ мѣстѣ въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ надобностей, тѣмъ болѣе, что только съ развитіемъ производствъ,—фабричныхъ и заводскихъ,—создается тотъ прочный средній классъ, безъ развитія котораго невозможно сильное, образованное государство“.

Полезныя указанія профессора Менделѣева были высказаны въ

1882 году, то-есть въ то именно время, когда правительство наше дѣйствительно сознало, что оставлять долѣе въ преисбреженіи фабричную и заводскую промышленность невозможно и губительно для страны, и что пора отнестись къ этой сторонѣ русской жизни болѣе внимательно.

Освободивъ крестьянъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ помѣщичьей крѣпостной зависимости, оно только черезъ двадцать лѣтъ приступило къ освобожденію ихъ отъ западно-европейскаго рабства—съ одной стороны и домашняго фабричнаго рабства—съ другой. Какъ только выдвинулись энергично на свѣтъ Божій всероссійскіе промышленные вопросы, то въ тѣсной и неразрывной связи съ ними выступили и многочисленные фабричные вопросы, въ ихъ экономической и соціальной постановкѣ. Ревизіи и болѣе тщательное изученіе фабричнаго дѣла привели къ убѣжденію, что здѣсь во-истину — „темное царство“, гдѣ во всей силѣ властвуетъ освященное патріархальнымъ дореформеннымъ періодомъ русской жизни своеобразное крѣпостное право, подъ гнетомъ котораго изнываетъ почти цѣлый миллионъ русскаго народа. Отсюда уже было недалеко прийти къ логическому заключенію, впервые такъ прекрасно сформулированному нынѣшнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте: „отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благоприятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно создающейся фабрично-заводской промышленности“.

Такимъ образомъ, съ начала 1880-хъ годовъ и вплоть до нашихъ дней мы наблюдаемъ, во-первыхъ, появленіе ряда правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію у насъ фабрично-заводской промышленности, и, во-вторыхъ,—ряда же законоположеній, имѣющихъ цѣлью урегулировать отношенія между собственниками и рабочими, а также облегчить тяжелыя бытовыя условія существованія послѣднихъ.

Русская литература, отличающаяся всегда чрезвычайной отзывчивостью на всѣ явленія отечественной жизни, не преминула прийти на помощь законодательству, и мы обогатились серіей трудовъ, посвященныхъ фабричному вопросу въ широкомъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе потрудились на этомъ поприщѣ гг. Д. Менделѣевъ, И. Янжулъ, В. Святловскій, Е. Дементьевъ, А. Прессъ, В. Яроцкій, который взялъ даже фабричный вопросъ (о страхованіи рабочихъ и объ отвѣтственности предпринимателей) предметомъ магистерской и докторской диссертаций. Всѣ названныя лица внесли много свѣта въ изученіе фабричнаго темнаго царства, и если нашей заводско-фабричной промышленности суждено будетъ стать на самостоятельныя и твердыя ноги въ той постановкѣ, какъ ее указываетъ нынѣшній министръ финансовъ, то, безъ сомнѣнія, этому она будетъ въ значительной степени обязана перечисленнымъ выше представителямъ науки и литературы. Но еще болѣе названныхъ лицъ двинули, по свойству своего властнаго и авторитетнаго положенія, къ благополучному разрѣшенію заводско-фабричныхъ вопросовъ слѣдующіе государственные дѣятели: покойный министръ финансовъ Н. Х. Бунге, его то-

Сергей Вишне

варищъ Ѳ. Г. Тернеръ, нынѣшній энергичный руководитель русскихъ финансовъ С. Ю. Витте и его даровитый сотрудникъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли В. И. Ковалевскій.

III.

Переходя отъ общихъ разсужденій къ частнымъ, остановимся здѣсь на трехъ главнѣйшихъ категоріяхъ вопросовъ, рисующихъ намъ, такъ сказать, физиономію фабрично-заводской Россіи: 1) на обзоръ состоянія фабрично-заводской промышленности за послѣднее время, 2) на правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея процвѣтанію (таможенный тарифъ), и 3) на промышленномъ законодательствѣ, обнимающемъ собою бытъ фабричныхъ рабочихъ. Каждая изъ этихъ категорій вопросовъ имѣетъ свою обширную литературу и болѣе или мѣнѣе подробно разработана въ разныхъ официальныхъ и частныхъ трудахъ.

Чтобы получить понятіе о состояніи нашей фабрично-заводской производительности, лучше всего обратиться къ двумъ изданіямъ департамента мануфактуръ и торговли: 1) „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи“ (2-е исправленное и дополненное изданіе 1896 г.), обширному труду, составленному подъ редакцію Д. И. Менделѣева, по случаю всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго и нынѣ повторенному съ надлежющими пополненіями, подъ руководствомъ В. И. Ковалевскаго и его помощника Н. П. Ланговаго, 2) „Производительныя силы Россіи“, сборнику обзорной различныхъ видовъ отечественной производительности, приуроченныхъ къ классификаціи всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ - Новгородѣ, изданному тѣмъ же департаментомъ, подъ общою редакцію В. И. Ковалевскаго. Однородныя же свѣдѣнія (въ сыромъ, цифровомъ видѣ) почерпаются и изъ „Матеріаловъ для торгово-промышленной статистики“, ежегодно издаваемыхъ министерствомъ финансовъ, пригодныхъ, впрочемъ, для пользованія лишь лицамъ, специально къ тому подготовленнымъ; отчасти же состояніе нашей фабрично-заводской промышленности обрисовывается и въ изданіи А. С. Суворина „Вся Россія“ (1896 и 1897 гг.), а также изъ „Матеріаловъ по пересмотру тарифовъ“, собранныхъ департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Какъ читатель можетъ убѣдиться самъ лично, свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу почерпаются, главнѣйшимъ образомъ, изъ источника официального — „Производительныхъ силъ“ и „Фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи“, — работъ, приуроченныхъ специально къ праздничнымъ моментамъ жизни — двумъ выставкамъ, когда лица руководящія заинтересованы показать товаръ лицомъ, выставить его съ казовой стороны. Это обстоятельство нѣсколько какъ будто подрываетъ довѣріе къ выводамъ, заключеніямъ и освѣщенію, но вѣдь противъ официальныхъ цифръ идти невозможно, и, главнымъ образомъ,

потому, что иных не имется въ наличности, почему и приходится въ настоящемъ случаѣ итти на буксирѣ тѣхъ группировокъ цифръ, которыя въ такомъ изобиліи представлены обоими обширными изданіями, складывая при этомъ отвѣтственность за достовѣрность на редакторовъ, коимъ поручены были министерствомъ тѣ или иные отдѣлы.

Сопоставляя, кромѣ того, оба названныхъ труда, нельзя не отмѣтить, что въ интересахъ занимающей меня темы приходится дать предпочтеніе изданію „Фабрично-заводская промышленность“ передъ „Производительными силами“ и не только потому, что первый трудъ ближе и непосредственно касается темы (фабрикъ и заводовъ), но и по той причинѣ, что картина культурнаго роста нашего отечества представлена въ немъ рельефнѣе и даетъ большее понятіе объ экономической и финансовой политикѣ русскаго правительства. Изданіе же „Производительныя силы“, хотя и составлено чрезвычайно детально (20 главъ и два отдѣльныхъ изслѣдованія, причемъ каждая глава содержитъ въ себѣ отъ 2 до 25 подотдѣловъ), тѣмъ не менѣе рисуетъ намъ успѣхи Россіи только за время царствованія Александра III и приурочено спеціально къ выставочнымъ цѣлямъ: чтобы читатель (онъ же и посѣтитель выставки) могъ быстро, безъ напряженнаго вниманія, ознакомиться по книгѣ съ тѣмъ, что сдѣлано выдающагося по той или другой отрасли нашей промышленности за послѣднія 14 лѣтъ. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что главный редакторъ труда, В. И. Ковалевскій, и не пытается придать книгѣ „Производительныя силы“ значенія рѣшающаго голоса въ оцѣнкѣ и истолкованіи этихъ силъ, почему въ предисловіи къ книгѣ и считаетъ нужнымъ дать слѣдующее предостереженіе читателямъ: „Главная работа по оцѣнкѣ производительныхъ силъ Россіи — впереди. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ выставки — представить возможно правдивую картину современнаго состоянія различныхъ видовъ народной производительности въ обширномъ значеніи слова. Выставка несомнѣнно существенно поможетъ уясненію, какъ количественной, такъ и качественной, сторонъ приложенія труда въ Россіи въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Къ выставкѣ были собраны обильные статистическіе матеріалы, которые могутъ появиться въ свѣтъ или въ теченіе ея, или даже послѣ, такъ какъ требуютъ провѣрки и разработки“.

Обращаясь непосредственно къ уясненію себѣ результатовъ нашей фабрично-заводской производительности, мы видимъ съ перваго же взгляда, что она возросла въ періодъ 1878—1892 гг. съ 893 до 1.828 ¹⁾ милліоновъ рублей, причемъ заграничный ввозъ за время 1880—1892 гг. упалъ съ 604 до 404 милліоновъ рублей. Отсюда вытекаетъ тотъ непосредственный выводъ, что очевидный ростъ внутренняго производства совершается насчетъ иностраннаго ввоза, сократившагося, благодаря покровительственной таможенной политикѣ, о коей будетъ рѣчь ниже.

¹⁾ Въ этихъ цифрахъ показаны промышленности: безакцизная, акцизная, горныхъ промысловъ и металлургическихъ заводовъ.

„При современномъ ходѣ дѣлъ, — говоритъ профессоръ Менделѣевъ во введеніи къ книгѣ „Фабрично-заводская промышленность“, — внутренняя заводско-фабричная промышленность ежегодно увеличивается примѣрно на 40 милліоновъ рублей, хотя общія потребности въ заводско-фабричныхъ продуктахъ растутъ и медленно. Товаровъ этого рода Россія потребляетъ ежегодно около 2¹/₂ милліардовъ рублей, или считая въ Россіи около 125 милліоновъ жителей, на cadaго около 20 рублей въ годъ“, что составляетъ, сравнительно съ таковымъ же потребленіемъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, очень незначительную величину, объясняемую малой покупательной способностью народа и слабымъ ростомъ сельско-хозяйственной культуры.

Въ видахъ присканія народу новыхъ видовъ заработковъ, правительство обратилось къ системѣ протекціонизма, которая должна была способствовать усиленному развитію добычи минеральныхъ богатствъ страны и переработки въ потребные товары имѣющихся внутри страны сырыхъ продуктовъ. Рѣзкій поворотъ къ этой системѣ наблюдается въ началѣ 1880 года, но достигаетъ онъ яснаго выраженія съ введенія въ 1891 году тарифа, покровительствующаго добычѣ всякихъ видовъ ископаемыхъ и возникновенію новыхъ видовъ обрабатывающей промышленности, особенно же химической, мануфактурной, металлической, винодѣлія и всякихъ заводскихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Новый тарифъ ¹⁾ имѣлъ своимъ ближайшимъ результатомъ ростъ хлопчатобумажнаго производства, химическаго, водвореніе содоваго производства и бѣлизильной извести. Успѣхи мануфактурной промышленности выразились въ возрастаніи вывоза хлопчатобумажныхъ издѣлій, усиленіи шелководства, водвореніи въ Россіи шелкокрутиленъ, возрастаніи производства вигоневыхъ и имъ подобныхъ тканей, содержащихъ шерсть и хлопокъ. Металлургическая дѣятельность обнаруживаетъ сильный ростъ желѣзнаго производства, уже прекратившаго ввозъ въ Россію рельсовъ изъ-за границы, но и повышенное производство всякаго рода машинъ, развитіе добычи ртути, мѣди, свинца и цинка. „Эти виды фабрично-заводской дѣятельности Россіи, по утверженію Д. И. Менделѣева, переживаютъ нынѣ еще лишь начальную эпоху зарожденія, а потому встрѣчаютъ еще много препятствій разнаго рода, такъ что на многіе виды русской заводско-фабричной промышленности должно смотрѣть нынѣ, какъ на зерно, своевременно посѣянное въ благоприятную для роста русскую экономическую почву, требующую льющагося нынѣ на нее благодатнаго дождя правительственныхъ мѣръ, необходимыхъ для быстрого роста, примѣръ котораго виденъ въ быстрой развитія кавказской нефтяной промышленности“.

Судьба этой промышленности настолько поучительна, что на ней

¹⁾ Лишь, интересующихся цифровыми иллюстраціями, отсылаю къ подлинникамъ, откуда почерпнуты настоящія свѣдѣнія: „Производительнымъ силамъ“ и „Фабрично-заводской промышленности“.

стоитъ остановиться нѣсколько дольше. Добыча нефти производится почти исключительно на Кавказѣ, сосредоточиваясь преимущественно на Апшеронскомъ полуостровѣ; начиная съ 1880 года по 1894 годъ она возросла съ 21,5 милл. пудовъ до 318,6 милл. Въ настоящее время найденъ новый источникъ добычи нефти—въ Грозномъ, обещающій въ будущемъ сильное ея возрастаніе и достигающій уже нынѣ цифры 20 милл. пуд. въ годъ. Получивъ возможность доставлять странѣ дешевый и высокаго качества керосинъ, наша нефтяная промышленность оказала особыя услуги фабрично-заводскому дѣлу, доставивъ ему выгодное отопленіе при помощи нефтяныхъ остатковъ, которые въ настоящее время и вытѣсняють все остальные роды топлива, включая сюда каменный уголь и торфъ.

При посѣщеніи московскихъ фабрикъ, я несомнѣнно убѣдился, что большая часть ихъ (изъ числа крупныхъ, конечно) перешли уже на нефтяное отопленіе, а другія ждутъ не дождутся возможности этого перехода, въ зависимости отъ пониженія настоящей ея стоимости, упрощенія способовъ доставки нефти на фабрики и ея наливки въ резервуары. Но не только внутри страны движется въ настоящее время бакинская нефть,—она, несмотря на сильную конкуренцію Америки, проникаетъ и въ Западную Европу, достигнувъ въ 1893 году (до кризиса, постигшаго нашихъ заводчиковъ) 55,4 милл. и нынѣ (1895 г.) поставляя туда 42,2 милл. пуд. (см. ст. „Обработка нефти“ проф. К. И. Лисенко въ „Производительныхъ силахъ“).

IV.

Вышесказанное по поводу заводско-фабричной промышленности несомнѣнно показываетъ ея ростъ за послѣднее время, каковой ростъ лицами, близко въ томъ осведомленными, ставится въ непосредственную связь съ дѣйствіемъ покровительственнаго тарифа 1891 года. Составитель „Обзора системы русскаго таможеннаго тарифа“ въ изданіи „Фабрично-заводская промышленность“, В. И. Тимирязевъ, дѣлитъ (съ 1822 года) исторію русскаго таможеннаго тарифа на три періода: 1) періодъ 1822—1849 года, характеризующійся неизмѣннымъ удержаніемъ строго покровительственныхъ началъ, съ постепенною лишь замѣною совершеннаго запрещенія ввоза многихъ иностранныхъ товаровъ высоко-пошлиннымъ ихъ обложеніемъ; 2) періодъ 1850—1876 года, во время котораго сдѣланъ былъ переходъ къ системѣ умѣренно-охранительной, заверченный изданіемъ тарифа 1868 года, и 3) періодъ съ 1877 года и по настоящее время, въ теченіе котораго цѣлымъ рядомъ мѣръ были мало-по-малу упрочены начала серьезнаго покровительства отечественнымъ производительнымъ силамъ, получившія окончательное по всемъ отраслямъ производства осуществленіе въ нынѣ дѣйствующемъ тарифѣ 1891 года.

Оставляя исторію двухъ первыхъ періодовъ въ сторонѣ, отмѣчу лишь, что время съ 1877 по 1891 годъ можетъ быть разсматриваемо, какъ возвращеніе нашей таможенной политики на путь строго-охранительный съ замѣтнымъ, въ зависимости отъ этого, развитіемъ фабрично-заводской промышленности. Такъ, разсматривая ростъ различныхъ производствъ, мы замѣчаемъ слѣдующее ихъ процентное увеличеніе за указанный періодъ времени: бумаго-прядильное и ткацкое—на 140⁰/₀, красильное, набивное и отдѣлочное—на 160⁰/₀, писчебумажное и обойное—на 138⁰/₀, химическихъ и красильныхъ веществъ—на 222⁰/₀, стеклянное и зеркальное—на 120⁰/₀, шерсто-прядильное и ткацкое—на 90⁰/₀. Наименьшее возрастаніе наблюдается въ производствѣ кожевенномъ (36⁰/₀) и машино-строительномъ (21⁰/₀).

Въ 1891 году приступлено было къ общему пересмотру таможенного тарифа.

Къ этому побуждали многія соображенія,—свидѣтельствуетъ г. Тимирязевъ.—Во-первыхъ, представлялось необходимымъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ развитіи таможенного у насъ покровительства поощреніемъ добычи и разработки нужныхъ для промышленности сырыхъ матеріаловъ черезъ наложеніе пошлинъ на привозимое изъ-за границы сырье. Богатство Россіи естественными сырыми произведеніями всѣхъ трехъ царствъ природы указывало на своевременность такого поощренія, послѣ того какъ въ обрабатывающей промышленности достигнуты были уже существенные успѣхи. Засимъ, нужно было устранить естественную при огульномъ, въ нѣсколько приѣмовъ, повышеніи тарифа неравномѣрность покровительства различнымъ отраслямъ внутренней производительности, а также оказать возможно полное поощреніе кореннымъ отраслямъ отечественной промышленности, могущимъ доставлять заработокъ населенію обширныхъ районовъ имперіи. Наконецъ, измѣнившіяся условія производства товаровъ и появленіе на рынкѣ новыхъ продуктовъ требовали измѣненія самой редакціи тарифныхъ статей. Высочайше утвержденнымъ мѣрніемъ 11-юля 1891 года государственнаго совѣта, новый таможенный тарифъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1-го юля того же года. Отличительною чертою новаго тарифа явилось предоставленіе возможно равномѣрнаго покровительства всѣмъ нуждающимся въ немъ отраслямъ нашей промышленности и притомъ во всѣхъ стадіяхъ производства. Болѣе или менѣе существенныя повышенія ставокъ имѣли мѣсто лишь для немногихъ производствъ, которыя оказывались недостаточны еще огражденными отъ иностранной конкуренціи. Въ цѣляхъ фискальных не было допущено повышеній; напротивъ того, по очень многимъ статьямъ тарифа, для конхъ ставки были признаны или слишкомъ высокими по отношенію къ цѣнности и потому неоправдывающими своего поощрительнаго значенія, или вслѣдствіе развитія даннаго производства могущими быть къ выгодѣ потребителей уменьшенными,—онѣ понижены“.

Въ интересномъ очеркѣ „Обзоръ измѣненій русскаго таможенного тарифа въ 1891—1895 гг.“¹⁾ П. О. Морозовъ даетъ обстоятельную картину нашихъ торговыхъ соглашеній съ западными сосѣдями, изъ коей мы убѣждаемся, что существовавшія до тѣхъ поръ неблагопріятныя тарифныя условія для нашей внѣшней торговли были болѣе или менѣе удачно устранены, и въ основаніе таможенной политики поста-

¹⁾ „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи“.

вленъ неизблемый принципъ—въ всякаго воздѣйствія на установленіе и измѣненіе иностранныхъ таможенныхъ тарифовъ—добиваться лишь того, чтобы нашъ ввозъ въ ту или другую страну пользовался равными правами съ ввозомъ изъ прочихъ странъ.

„На основаніи старыхъ и новыхъ договоровъ, — говоритъ г. Морозовъ, — Россія въ настоящее время пользуется правомъ наибольшаго благопріятствованія во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Румыніи, съ которою мы не имѣемъ торговаго договора, такъ какъ страна эта до сихъ поръ держится системы единого и для всѣхъ равнаго автономнаго тарифа; изъ государствъ азіатскихъ право наиболѣе благопріятствуемой націи предоставлено намъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи и Корей; изъ африканскихъ—въ Занзибарѣ и государствѣ Конго; наконецъ, то-же право распространяется на насъ и во всѣхъ государствахъ Сѣверной и Южной Америки. Такъ какъ и съ нашей стороны это право предоставлено, на основаніи взаимства, всѣмъ названнымъ государствамъ, то ставки нашего общаго тарифа по европейской торговлѣ на практикѣ остаются безъ примѣненія, и со всѣхъ товаровъ, независимо отъ страны ихъ происхожденія, таможенные пошлины взимаются на основаніи тарифа конвенціоннаго“.

Перечисленными тарифными и таможенными мѣрами не исчерпываются, однако, средства, примѣненные въ послѣднее время нашимъ правительствомъ къ поддержанію и развитію фабрично-заводской промышленности. Въ этихъ видахъ увеличены промышленные кредиты, и расширена операція учета государственнымъ банкомъ торговыхъ векселей, а также обращено особенное вниманіе на развитіе технического, профессиональнаго и коммерческаго образованій. Въ области технического образованія, какъ свидѣтельствуешь г. Евгенийъ Гаршинъ („Производительныя силы Россіи“), затраты нашей страны за 15 лѣтъ увеличились на 99%, т. е. почти вдвое, число учебныхъ заведеній этого рода увеличилось въ 2¹/₂ раза (на 155%) и число въ нихъ учащихся возросло вдвое (на 105%), что, однако, еще далеко не соотвѣтствуетъ потребности въ этихъ заведеніяхъ. Что же касается коммерческаго образованія, то таковое признано правительствомъ чрезвычайно недостаточнымъ, и въ 1897 году Высочайше утверждено положеніе о коммерческомъ образованіи въ имперіи, представленное министерствомъ финансовъ, коимъ проектирована система коммерческихъ учебныхъ заведеній среднихъ и высшихъ.

Такимъ образомъ, правительство, оберегая русскую промышленность отъ опасной для ея роста конкуренціи со стороны болѣе могущественныхъ орудіями производства западныхъ сосѣдей, облегчая кредитомъ развитіе ея торговыхъ операцій, вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ эту область начала прогресса учрежденіемъ сѣти специальныхъ школъ, съ программами, основанными на началахъ опытнаго знанія. Это громко заявленное сознаніе необходимости для Россіи людей опытнаго знанія—явленіе чрезвычайно утѣшительное, и въ немъ кроется ростъ и будущій успѣхъ развитія нашей заводско-фабричной промышленности. Какими бы покровительственными тарифами мы ни ограждали этой промышленности, сколько бы ссудъ и денежныхъ казенныхъ суммъ въ нее

ни вложили, она въ качественномъ отношеніи мало будетъ прогрессировать, пока у насъ не создастся собственный образованный торгово-промышленный классъ населенія, изъ коего будутъ выходить, какъ собственники промышленныхъ заведеній, такъ и управляющіе фабриками и заводами и главные мастера.

— Отсутствіе на заводахъ образованныхъ специалистовъ, управляющихъ и мастеровыхъ изъ русскихъ—вотъ зло русской производительности,— говорилъ мнѣ въ Москвѣ извѣстный инженеръ В. А. Бари.— Японія только потому такъ и шагнула впередъ, что сумѣла обзавестись въ короткое время собственными и просвѣщенными руководителями рабочаго труда, благодаря чему избавилась отъ необходимости пользоваться иноземными фабрикатами. Этого она достигла простымъ способомъ,— командируя многочисленными группами мальчиковъ, заводскихъ учениковъ, для пополненія своего образованія въ Америку. Изучивъ здѣсь въ тонкости дѣло заводской и фабричной техники, эти малыши, конхъ я видѣлъ достаточно въ Новомъ Свѣтѣ, вернулись на родину просвѣщенными руководителями техники и сумѣли двинуть ее настолько впередъ, что она по своему качеству и дешевизнѣ далеко оставила позади американскіе привозные товары, доселѣ наводившіе страну. Россіи надлежитъ взять примѣръ съ своего младшаго восточнаго сосѣда, и только тогда ей не будетъ страшна никакая конкуренція. Свои управляющіе заводами, свои мастера поднимуть до себя и простого чернорабочаго, причемъ сумѣютъ понять психологію этого рабочаго, приноровиться къ его потребностямъ и быту. Всѣ же эти иностранные менторы народа, въ душѣ презирая его, никогда не смогутъ сдѣлать что-нибудь истинно полезное ни для него, ни для промышленности вообще.

Привожу нарочно это мнѣніе почтеннаго заводчика и инженера В. А. Бари, котораго, въ качествѣ американскаго подданнаго, никто не заподозритъ въ квадномъ русскомъ патриотизмѣ. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что читателю настоящаго очерка еще придется встрѣтиться съ оригинальной фигурой этого московскаго заводско-фабричнаго новатора.

Отмѣчу кстати, что и профессоръ Менделѣевъ въ цитированной выше брошюрѣ громко поднималъ также въ свое время голосъ на пользу развитія въ Россіи техническаго и вообще опытнаго знанія, видя въ немъ единомъ залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ въ области русской промышленности и торговли.

Обращаясь къ вопросу, какую же роль въ общественномъ хозяйствѣ Россіи сыграли перечисленные выше мѣропріятія правительства, считаю долгомъ для полноты истины отмѣтить мнѣніе выдающагося специалиста, профессора А. А. Исаева, высказанное имъ въ недавно появившемся его трудѣ „Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства“:

„Оцѣнивая народно-хозяйственную политику Россіи за послѣднее 30-лѣтіе,— говоритъ г. Исаевъ,— всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что эта политика была направлена на укрѣпленіе и развитіе крупной частно-капиталистической промышлен-

ности, причемъ однѣ мѣры прямо принимались для достиженія этой цѣли, другія вели къ ней косвенно, хотя и принимались изъ различныхъ побужденій. Всѣ льготы, всѣ ссуды, которыя давались крупнымъ частнымъ предпріятіямъ, всѣ заказы, которые государство, въ лицѣ различныхъ вѣдомствъ, распределяло между частными фабриками и заводами, служили толчкомъ для расширенія этихъ предпріятій. Таможенный тарифъ долженъ быть признанъ цѣлой системой мѣръ, направленныхъ къ укрѣпленію крупнаго производства, хотя всегда и вездѣ возвышеніе таможенныхъ налоговъ объясняется желаніемъ государства вообще охранить туземную промышленность отъ соперничества иностранной. Какъ всегда и вездѣ, русскій таможенный тарифъ имѣлъ на промышленность то вліяніе, что способствовалъ росту крупныхъ промышленныхъ предпріятій и уже потому давилъ на мелкое производство“. „Государственный банкъ,—продолжаетъ далѣе профессоръ,—отъ времени своего основанія былъ устроенъ такимъ образомъ, что служилъ преимущественно крупному производству, оказывать гораздо меньшія услуги среднему и ровно ничего не сдѣлалъ для мелкаго... О выдачѣ ссудъ крестьянамъ, ремесленникамъ и кустарямъ, какъ предусматриваемо въ уставѣ государственнаго банка 1894 года, пока слышно очень мало. То же слѣдуетъ сказать и о финансовой политикѣ. Промысловый налогъ ложится на мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ въ 2, 3, 5, 10 разъ относительно бѣльшимъ бременемъ, нежели на крупныхъ, и уже этимъ облегчаетъ концентрированіе предпріятій изъ большихъ въ исполнинскіе“.

Убѣжденіе въ томъ, что форсированные таможенные налоги на нѣкоторые предметы заграничнаго ввоза играютъ на руку не столько развитію отечественнаго производства этихъ издѣлій, сколько способствуютъ благосостоянію гг. фабрикантовъ, громко сказалось на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ вотировало общее собраніе съѣзда—ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о пониженіи и даже о сложеніи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины въ интересахъ массы землевладѣльцевъ и земледѣлія вообще.

Изъ XI отдѣла „Производительныхъ силъ Россіи“, посвященнаго кустарной промышленности, мы убѣждаемся, что заботы правительства о содѣйствіи нашимъ кустарямъ ограничиваются весьма незначительными подачками. Такъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ начало проявлять свою дѣятельность по развитію и улучшенію кустарной промышленности лишь съ 1888 г.; при этомъ на воспособленіе упомянутой, весьма важной отрасли народнаго хозяйства было отпущено первоначально 35—60 тысячъ рублей (1888—1894 гг.), а засимъ—80 тыс. рублей (1895—1896 гг.). Всѣ правительственныя мѣропріятія по упомянутому предмету,—говоритъ выставочное изданіе,—могутъ быть раздѣлены на двѣ главныхъ категоріи: а) мѣропріятія общаго характера, относящіяся до кустарной промышленности вообще, и б) мѣропріятія частныя, направленные къ улучшенію отдѣльныхъ кустарныхъ промысловъ. Къ первымъ относятся: 1) поощреніе дѣятельности мѣстныхъ учреждений по развитію и улучшенію кустарной промышленности; 2) ознакомленіе публики съ кустарными издѣліями посредствомъ выставокъ и музеевъ; 3) содѣйствіе правильному сбыту кустарныхъ издѣлій посредствомъ выполненія заказовъ для казны;

4) распространение среди кустарей полезных сведений путем печати (издание руководств, наставлений и т. п.). В ряду частных мероприятий наиболее существенными являются устройство, при помощи министерства, школ и мастерских для обучения кустарей улучшенным приемам того или другого кустарного производства. Таких школ по различным родам производств в разных губерниях открыто в настоящее время более шестнадцати.

Отъ изображения нашей заводско-фабричной промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и мѣръ правительства къ ея поддержанію и процвѣтанію перейдемъ къ живымъ производящимъ силамъ Россіи и окинемъ взоромъ условія существованія полуторамилліоннаго населенія нашего отечества.

У.

Когда употребляютъ выраженіе—„фабричный вопросъ“, то здѣсь, обыкновенно, разумѣютъ „рабочій вопросъ“, которые и являются, поэтому, понятіями однозначными. До второй половины восьмидесятыхъ годовъ, да отчасти и понынѣ, у насъ было принято говорить объ этомъ предметѣ съ опаскою, и только съ момента заявленія нынѣшняго министра финансовъ С. Ю. Витте себя рѣшительнымъ сторонникомъ энергичнаго улучшенія быта рабочихъ, вопросъ этотъ какъ бы вступаетъ въ новую литературную фазу, и о немъ дозволяется говорить уже болѣе открыто и чистосердечно. Поставленная эпиграфомъ къ настоящей статьѣ слова талантливаго государственнаго сановника: „отъ качества труда рабочихъ и постановки его въ наиболѣе благоприятныя условія зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно созидающейся фабрично-заводской промышленности“,—слова эти, говорю я, какъ нельзя лучше характеризуютъ настроеніе правительства въ пользу улучшенія быта рабочихъ, почему и приводимая мною ниже литература этого предмета должна быть разсматриваема, какъ постепенное развитіе русскаго самосознанія въ этой области, получившее въ конечномъ результатѣ свое увѣичаніе въ словахъ г. министра.

Настоящая разработка вопроса о бытѣ фабричныхъ рабочихъ, о рабочемъ времени и существующихъ аномальныхъ отношеніяхъ между предпринимателями и наемною рабочею силою начались, собственно говоря, лишь съ учрежденія у насъ института фабричной инспектуры (1882 г.). Первый выступилъ съ своими въ высшей степени знаменательными печатными „Отчетами“ фабричный инспекторъ Московскаго округа, профессоръ (нынѣ академикъ) И. И. Янжуль (отчетъ за 1882 г. и 1885 г.); за нимъ послѣдовалъ д-ръ В. В. Святловскій съ рядомъ талантливыхъ статей по фабричному вопросу, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, а также съ отдѣльнымъ трудомъ: „Фабричный рабочий. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Са-

нитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи“ (1889 г.). Въ текущемъ десятилѣтіи появилась превосходная работа Е. М. Дементьева: „Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ“, представляющая собою сводъ данныхъ по изслѣдованіямъ (1884—1885 гг.) трехъ промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи, по порученію тамошняго губернскаго земства. На слѣдующій (1894 годъ) вышла небольшая брошюра д-ра Ѳ. Домбровскаго: „Бытъ фабричныхъ рабочихъ по даннымъ первой Всероссийской гигиенической выставки, устроенной Русскимъ обществомъ охраненія народнаго здравія въ С.-Петербургѣ“. Наконецъ, въ 1893 г. въ неоднократно мною цитированномъ изданіи департамента торговли и мануфактуръ „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи“ содержатся двѣ главы, имѣющія предметомъ такъ называемый фабричный вопросъ. Одна—подъ заглавіемъ „Заработная плата и продолжительность рабочаго времени на русскихъ фабрикахъ и заводахъ“—составлена бывшимъ петербургскимъ главнымъ фабричнымъ инспекторомъ Я. Михайловскимъ, другая—„Промышленное законодательство въ Россіи“—чиновникомъ министерства, И. А. Давидовымъ.

Ежедневная и повседневная пресса въ предѣлахъ возможности откликалась тоже на этотъ жгучій вопросъ, и статьи за послѣднее время въ „Новомъ Времени“ г. Погожева (іюль 1896 г.), Мижуева въ „Новомъ Словѣ“ (іюнь 1897 г.) и современная лѣтопись „Русскаго Вѣстника“ (августъ 1897 г.), гдѣ идетъ рѣчь о бывшихъ въ Петербургѣ рабочихъ стачкахъ на фабрикахъ, немало помогаютъ намъ уяснить себѣ, въ чемъ заключается суть фабричнаго вопроса, гдѣ кроются его язвы, и каковы наилучшія средства врачеванія этихъ язвъ. Пользуясь, главнымъ образомъ, перечисленными печатными трудами, дополненными личными наблюденіями надъ бытомъ московскихъ фабричныхъ рабочихъ, постараюсь ознакомить читателей съ условіями труда на фабрикахъ, съ тѣмъ, что уже сдѣлано нашимъ правительствомъ для нормировки труда и рабочаго времени, а также съ тѣми желаніями, которыя высказываются нашей печатью на пользу благополучнаго и справедливаго рѣшенія этого обострившагося за послѣднее время вопроса, столь шумно заявившаго себя настоящимъ лѣтомъ въ Петербургѣ.

...„Было время, когда въ Россіи фабричный рабочій получалъ вознагражденіе за свой трудъ не въ томъ размѣрѣ, какой ему приходился по договору, вслѣдствіе разнаго рода злоупотребленій со стороны предпринимателей, — говоритъ въ главѣ „О заработной платѣ“ г. Михайловскій. — Такъ, напримѣръ, заработокъ выдавался въ сроки неопредѣленные; часто рабочіе по цѣлымъ мѣсяцамъ ждали полученія платы, а до тѣхъ поръ принуждены были, для поддержанія своего существованія, или занимать деньги у постороннихъ, иногда за большіе проценты, владая, такимъ образомъ, въ долги, или забирать необходимые предметы потребленія въ кредитъ, что также имъ обходилось не дешево. Произволъ въ наложеніи штрафовъ на рабочихъ за прогулъ, нарушеніе порядка за неисправную работу, а также въ опредѣленіи размѣровъ штрафа, доходилъ, благодаря отсутствію въ законѣ на то надлежащихъ указаній, до крайнихъ предѣловъ, до того, что рабочій

иногда не получали и одной трети изъ договорной платы. Такія полезныя по существу своему и даже благотѣльныя для рабочихъ учрежденія, какъ фабричныя лавки, къ рукамъ хозяина обращались иногда въ орудіе эксплуатаціи, служа очень выгодною статьею дохода. Удаленіе съ фабрики рабочихъ безъ уважительныхъ причинъ было явленіемъ зауряднымъ; точно также нерѣдко были случаи, когда заработная плата фабрикантомъ самовольно понижалась до истеченія срока найма, вопреки договору, прямо или косвенно, путемъ, наприимѣръ, сокращенія числа рабочихъ дней или часовъ“.

Такая обрисовка дѣла, имѣющая мѣсто до изданія закона 1886 г. „о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ и о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности“, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и тѣмъ болѣе, что она исходитъ отъ лица официальнаго и напечатана въ официальномъ выставочномъ изданіи, гдѣ, какъ я уже говорилъ выше, разныя стороны жизни Россіи по большей части представлены съ казовой стороны. Болѣе обстоятельно и откровенно говорятъ на ту же тему другіе изслѣдователи фабричнаго быта.

И. Янжуль въ своемъ „Отчетѣ“ за 1882—1883 гг. дѣлаетъ слѣдующіе неутѣшительные выводы относительно осматрѣнныхъ имъ московскихъ фабрикъ:

...„6) Взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ крайне неопредѣленны, что ведетъ за собою произволь и значительное неудобство для обѣихъ сторонъ. 7) Расплата съ рабочими на большинствѣ фабрикъ не регулярна, совершается въ неопредѣленные точно сроки, что влечетъ за собою для рабочихъ сильную зависимость отъ хозяевъ и неудовлетворительное экономическое положеніе... 8) Средняя выработка рабочихъ—низкая, гораздо ниже... иностранной, и еще болѣе умалется, благодаря: а) многочисленнымъ штрафамъ и вычетамъ; б) высокимъ цѣнамъ харчей въ фабричныхъ лавкахъ, при фактической невозможности со стороны рабочихъ, вслѣдствіе неправильной съ ними расплаты, закупать припасы на сторонѣ; в) ростовщичеству старостъ и г) невоздержанности самихъ рабочихъ. 9) Жилыя рабочія помѣщенія на большинствѣ фабрикъ неудовлетворительны, и первыя, какъ общія правила, вездѣ слишкомъ переполнены. Нечистоплотность и отсутствіе необходимой вентиляціи воздуха составляютъ обыденныя явленія на большинствѣ нашихъ фабрикъ. 10) Недостаточное огражденіе механизмовъ, огнеопасность многихъ фабричныхъ построекъ, отсутствіе правильнаго удаленія отбросовъ и вообще недостаточность мѣръ къ устраненію вредныхъ условій производства,—все это влечетъ за собою сильную болѣзненность рабочихъ и частыя случаи несчастій на фабрикахъ, сколько нибудь точной регистраціи которыхъ почти нигдѣ не существуетъ. 11) Медицинская помощь на большинствѣ фабрикъ фиктивна, требованія объ обязательномъ содержаніи на фабрикахъ больницъ исполняются большею частью виѣшнимъ образомъ. 12) Ванны, пріюты, бібліотекы, сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій при московскихъ фабрикахъ слишкомъ мало“.

Гг. Дементьевъ и Святловскій вывели изъ своихъ осмотровъ фабричныхъ заведеній въ Московской губерніи, Малороссіи и Привислянскомъ краѣ не болѣе утѣшительные выводы. Названными авторами сгруппирована масса фактовъ и статистическихъ данныхъ, служащихъ яркими иллюстраціями ко всему сказанному гг. Михайловскимъ и Янжуломъ. Хотя авторъ „Заработной платы“ и пытался увѣрить насъ, что съ вступленіемъ въ силу закона 1886 года „о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“ дѣло кореннымъ образомъ измѣнилось, позволяю

себѣ, однако, усомниться, чтобы это было дѣйствительно такъ на дѣлѣ. Трудно представить себѣ, чтобы сотнею лѣтъ сложившійся порядокъ безвозвратно отошелъ въ вѣчность въ одно десятилѣтіе; по крайней мѣрѣ мои личныя наблюденія въ Москвѣ и все слышанное мною по этому предмету отъ вполне компетентныхъ лицъ не подтверждаютъ розовыхъ заключеній автора-оптимиста. Многое, конечно, подѣ воздействиемъ закона и энергичнаго напора фабричныхъ инспекторовъ, измѣнилось, но многое еще живетъ доселѣ, какъ крѣпкое наслѣдіе старины, коему придетъ конецъ только въ пучинѣ грядущаго времени. Вотъ почему, я полагаю, не лишнее будетъ привести здѣсь кое-что изъ богатой коллекціи иллюстрацій, собранной г.г. Дементьевымъ и Святловскимъ.

VI.

Заработная плата на фабрикахъ дѣлится на двѣ категоріи: одна болѣе высокая—безъ харчей, и болѣе низкая—съ харчами. Средній мѣсячный заработокъ взрослога рабочаго на своихъ харчахъ достигаетъ суммы—13 руб. 50 коп., женщины—10 руб. 47 коп. и малолѣтнихъ—5 руб. 55 коп.; съ хозяйскими харчами: 6 руб. 98 коп., 4 руб., 2 руб. 43 коп. Разница, получаемая отъ сопоставленія этихъ чиселъ, должна бы была составить стоимость продовольствія рабочаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, по вычисленію специалистовъ, харчеваніе рабочихъ, при мало-мальски сносомъ хозяйствѣ, обходится отъ 3 руб. до 6 руб. 69 коп. Полученная разница составляетъ чистый доходъ владѣльца фабрики и завода. Обращаясь къ той же заработной платѣ, мы видимъ, что она бываетъ довольно разнообразная:—окладное жалованье (годовое и сезонное), поденная плата и едѣльная плата со штуки, съ пуда и проч. вырабатываемыхъ предметовъ. Сравнивая эти платы съ таковыми же въ Англіи и Америкѣ, мы непреложно убѣждаемся, что у насъ онѣ стоятъ много ниже, нежели въ названныхъ странахъ (на 124 и 379 процентовъ), при значительно большемъ количествѣ потраченныхъ рабочихъ часовъ.

Штрафная система, подобно харчевымъ операціямъ, составляла для заводчиковъ и фабрикантовъ прежде тоже не малую статью доходовъ. Штрафы въ промышленныхъ заведеніяхъ существуютъ самыя разнообразныя: за нетрезвое поведеніе (штрафъ 25 коп. — 3 руб.), кулачный бой (до 1 рубля), картежная игра (до 5 руб.), кража табаку и папирозъ (2 рубля съ отнятіемъ уворованнаго), приводъ постороннихъ лицъ (3 руб.), неосторожное обращеніе съ огнемъ (1 руб.—5 руб.) и множество другихъ. Приведа образецъ умѣренной штрафной системы въ Привислянскомъ краѣ, докторъ Святловскій говоритъ: „Какъ ни ничтоженъ процентъ штрафныхъ денегъ, но, если допустить, что штрафныя деньги... поступаютъ въ карманъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, то и тогда, для всего Варшавскаго округа съ его 125—150 тысячами фабричныхъ рабочихъ, это составитъ отъ 95 до 125 тысячъ. А принимая вообще

среднюю норму заработной мѣсячной платы въ 15 руб. (что выше дѣйствительности), на эту сумму владельцы заводовъ въ теченіе мѣсяца могутъ содержать отъ 6.000 до 8.000 даровыхъ рабочихъ“.

Великую язву фабричной жизни составляли лавки при фабрикахъ, гдѣ продукты ходкаго потребленія продавались по повышенной, по сравненію съ базарной, цѣнѣ. Г. Святловскій приводитъ любопытную вѣдомость цѣнъ продуктовъ въ одной изъ лавокъ Харьковской губерніи, что даетъ ему возможность сдѣлать слѣдующее заключеніе: „... Означенная лавка, говоритъ онъ, взимаетъ со своихъ покупателей среднимъ числомъ отъ 30 до 100% выше рыночной цѣны. Съ 1-го сентября 1884 года по 1-е сентября 1885 года оборотъ лавки былъ 12.240 руб. 94 коп., всего за это время выработано срочными и поденными рабочими фабрики 11.090 рублей 3 коп., изъ коихъ, по признанію бухгалтера фабрики, взято рабочими товаромъ по ордерамъ конторы (на заслуженное жалованье или въ кредитъ) на 2.101 руб. 78 коп., то-есть почти на 20% жалованья выдано товаромъ“. На одномъ изъ сахарорафинадныхъ заводовъ кочегаръ заявилъ г. Святловскому, что, работая нѣсколько лѣтъ на заводѣ, онъ ни разу не видѣлъ въ своихъ рукахъ жалованья. „Фабричная лавка Ф. Осипова на хуторѣ Софievкѣ не только продаетъ провизію,—повѣствуетъ тотъ же авторъ,—но отпускаетъ родителямъ работающихъ на фабрикѣ малолѣтокъ и подростковъ въ счетъ ихъ заработка различные сельско-хозяйственные продукты: сѣно, солому и проч. Одинъ изъ спичечныхъ фабрикантовъ сознался, что лавка даетъ ему возможность вознаграждать себя за потерю задатковъ, остающихся за рабочими“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи доходъ съ лавокъ являлся настолько значительнымъ, что покрывалъ съ лихвою убытки фабрики, такъ что не лавка состояла при фабрикѣ, а наоборотъ—фабрика при лавкѣ, привлекая для послѣднихъ извѣстное число постоянныхъ потребителей. Закономъ 1886 года произволу въ штрафныхъ деньгахъ и операціямъ лавокъ положенъ конечный предѣлъ.

Г. Михайловскій даетъ утѣшительное описаніе жилыхъ помѣщеній рабочихъ при фабрикахъ; совсѣмъ иную картину рисуютъ остальные изслѣдователи. Г. Святловскій, сдѣлавъ описаніе ряда фабрикъ, съ точки зрѣнія ихъ жилыхъ помѣщеній, констатируетъ, что въ большинствѣ изъ нихъ количество воздуха, приходящееся на человѣка, ниже 1 куб. саж., чѣмъ нарушается основное правило гігіены, по коему указанное количество воздуха является тѣмъ минимумомъ, „ниже котораго не могутъ идти компромиссы науки съ практикой, даже въ крайнихъ случаяхъ“. Отмѣтивъ неблагоприятное помѣщеніе рабочихъ на фабрикѣ, а также на занимаемыхъ ими частныхъ квартирахъ, почтенный изслѣдователь констатируетъ также крайне неудовлетворительное, губительное въ санитарномъ отношеніи, состояніе ретиратовъ и носильнаго платья, а также отсутствіе бань, этого лучшаго діетическаго и гігіеническаго средства для поддержанія чистоты и опрятности тѣла. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что

въ Привислянскомъ краѣ бытовья условія жизни рабочихъ нѣсколько лучше, чѣмъ, напримѣръ, въ Московскомъ районѣ, относительно котораго г. Дементьевъ пришелъ къ совершенно безотраднмъ выводамъ.

Разсмотрѣвъ чрезвычайно детально фабричный вопросъ въ самомъ широкомъ его смыслѣ по слѣдующимъ главнымъ и основнымъ пунктамъ: со стороны связи фабричныхъ рабочихъ съ земледѣльемъ, количества (напряженность) работы на фабрикахъ, заработной платы фабричныхъ рабочихъ, вліянія фабрикъ на физическія качества населенія, накопивъ массу воистину потрясающихъ, по своему значенію, статистическихъ данныхъ, нарисовавъ рядъ драматическихъ въ социальномъ и экономическомъ отношеніи картинъ, талантливый писатель приходитъ къ слѣдующему печальному заключенію:

„Куда же уходятъ послѣ 40 лѣтъ рабочіе съ менѣе здоровыхъ занятій и въ особенности рабочіе, обрабатывающіе волокнистыя вещества? На кладбище. Но лишь немногіе изъ нихъ умираютъ на фабрикахъ. Нашъ рабочій идетъ умирать „на родину“. Сплошь и рядомъ онъ знаетъ свою деревню лишь по наслышкѣ отъ отца, да изъ своего паспорта, но достаточно, если онъ знаетъ о существованіи тамъ какого нибудь родственника,—онъ идетъ „на родину“. Найдутся статистики, которые докажутъ намъ, на основаніи безусловно вѣрныхъ цифръ, ошибочность нашего взгляда на фабрику и укажутъ на болѣе высокую смертность въ деревнѣ и на меньшую въ болѣе „культурныхъ центрахъ“—на фабрикахъ. Но земскіе врачи, знающіе населеніе своихъ участковъ и ведущіе по собственной инициативѣ посемейные списки заболѣваемости и смертности, и пока только они одни знаютъ истинную причину этой высокой смертности: городъ и фабрику. Они знаютъ, что на другой же день по пріѣздѣ „на родину“ вернувшійся съ фабрики рабочій будетъ сидѣть въ ихъ амбулаторіи со всеми признаками различныхъ неизлечимыхъ легочныхъ страданій и, по прошествіи очень короткаго времени, будетъ отмѣченъ въ ихъ спискахъ: „умеръ отъ чахотки“.

Результатъ современныхъ условій существованія фабричныхъ рабочихъ идетъ, по мнѣнію изслѣдователя, къ прогрессирующему вымиранию „слабѣйшихъ“ и прогрессивному ухудшенію физическихъ качествъ населенія, то-есть къ вырожденію расы.

Пессимистическій взглядъ автора на бытъ фабричныхъ рабочихъ побуждаетъ его произнести и грозную филиппику противъ фабрики вообще...

„Не сокративъ продолжительности труда ни на іоту, фабрика увеличила его тяжесть тою невозможною обстановкой, въ какую она поставила рабочаго, какъ ставила всегда и вездѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, въ дѣло не вмѣшалась государственная власть,—утверждаетъ г. Дементьевъ.—Промѣнявъ убогую, покривившуюся, но свою, избенку на монументальную фабрику, бросивъ свою половину не обеспечивавшую его (но далеко не всегда по недостатку) землю, бросивъ домашнее производство въ видѣ ли кустарнаго или въ видѣ поставки товара „на фабрику“ (контору), бросивъ потому, что у него вырвала изъ рукъ эту работу настоящая, машинная фабрика, съ которою онъ боролся до послѣдняго предѣла пониженія своего заработка, бросивъ все и придя съ семьей на ту же фабрику продавать свой трудъ,—что получилъ рабочій? Физическую и нравственную гибель... Превращая день въ ночь, истощая до крайности силы рабочихъ только за одно обезпеченіе отъ голода, фабрика разрушила лишнюю для нея семью и стерла у рабочаго весь тотъ и безъ того ограниченный кругъ нравственныхъ понятій и традицій, которыми живетъ наша деревня.

Потерявъ прежнія, можетъ быть и невѣжественныя, можетъ быть и отсталыя отъ вѣка, узы нравственности и обычая, что получили фабричный рабочій взамѣнъ? Но если вся его жизнь проходитъ въ работѣ, въ сибѣ и кабакѣ,—гдѣ, когда и у кого могъ бы онъ получить что либо? При всѣхъ тѣхъ условіяхъ работы и жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ, какъ они были описаны нами, существованіе семьи немыслимо, нравственное же и умственное одичаніе рабочаго сдѣлало ее даже лишнею, ни къ чему не нужною обузой и упростило отношенія половъ... до простоты отношеній ихъ на скотномъ дворѣ“.

Окончательное мнѣніе автора то, что вмѣшательство государственной власти въ постановку вопроса о бытѣ рабочихъ на фабрикѣ является существенно необходимымъ.

Перейдемъ и мы теперь къ разсмотрѣнію того, въ какихъ формахъ вылилось у насъ въ Россіи это вмѣшательство. Но прежде чѣмъ сдѣлать сводку постановленій законодательной власти по этому предмету, позволю себѣ остановить вниманіе читателей и на свѣтлыхъ, хотя бы и единичныхъ явленіяхъ фабричной жизни, которыя мнѣ лично приходилось наблюдать, а также которыя уже отмѣчены литературой.

VII.

На бумажной фабрикѣ въ Добруджѣ, Могилевской губерніи, директоръ фабрики, г. Стульчинскій, въ интересахъ рабочихъ уменьшилъ рабочій день, сокративъ его съ 12 час. въ сутки до восьми часовъ, т. е. двѣ двѣнадцати-часовыхъ смѣны рабочихъ были замѣнены тремя восьми-часовыми (см. ст. г. Мижужева въ „Новомъ Словѣ“, № 9, 1896 г.); равнымъ образомъ, были сдѣланы значительныя реформы прогрессивнаго характера на Лигатской фабрикѣ въ г. Ригѣ, на Варшавской фабрикѣ „Сочевка“ и въ особенности на Раменской бумагопрядильной и ткацкой фабрикѣ Товарищества „П. Малютина сыновья“, въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 42 верстахъ отъ Москвы. Обо всѣхъ перечисленныхъ фабрикахъ имѣются обширныя свѣдѣнія въ брошюрѣ д-ра Домбровскаго—„Бытъ фабричныхъ рабочихъ по даннымъ 1-й Всероссийской гигиенической выставки“. Особеннаго вниманія заслуживаетъ организація Раменской фабрики, гдѣ устроены отличный родильный пріютъ, ясли, школа, народная читальня; введены усовершенствованные способы освѣщенія, отопленія, вентиляціи, очистки нечистотъ и т. д., на отсутствіе чего въ большинствѣ фабрикъ жаловались и г. Дементьевъ, и г. Янжуль, и г. Святловскій.

И мнѣ удалось побывать на одномъ заводѣ, гдѣ введенъ совершенно новый строй рабочей жизни. Заводъ этотъ (котельный)—инженера А. В. Бари, бесѣду съ которымъ я привелъ. Я не стану по недостатку мѣста описывать оригинальной постройки этого завода, съ его крышей, въ видѣ опрокинутой воронки широкаго діаметра, еще не оцѣненной нашими инженерами, не стану описывать и, такъ сказать, лагернаго, подвижнаго способа работъ во всевозможныхъ углахъ Россіи фирмы почтеннаго инженера. Остановлюсь лишь на рабочемъ режимѣ, установленномъ энергичнымъ хозяиномъ.

Рабочій день на заводѣ г. Бари измѣряется всего лишь десяти-часовой работой, причемъ это сокращеніе рабочаго времени не имѣетъ никакого вліянія на размѣръ заработной платы: она выше платы на остальныхъ фабрикахъ на 10%. Система штрафного наказанія совершенно здѣсь изгнана, а увольненія рабочихъ практикуются только въ исключительныхъ случаяхъ. Рабочіе получаютъ въ день отъ завода совершенно бесплатно по 6 кусковъ сахара на человѣка и чай 2 раза въ день, безъ всякаго ограниченія порціи, а также обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ: 1) супа съ мясомъ (порція $\frac{1}{2}$ ф.) и 2) каши съ саломъ, причемъ хлѣба можно потреблять вволю.

Я явился на заводъ экспромтомъ съ однимъ изъ своихъ товарищей по работѣ изслѣдованія торгово-промышленной Москвы и регистраціи фабрикъ и засталъ рабочихъ за обѣдомъ. Представьте себѣ длинный деревянный баракъ (къ сожалѣнію нѣсколько темноватый), гдѣ за столами, раздѣленные на десятки, съ своими десятскими во главѣ, сидятъ тихо, чинно цѣлыхъ 350 человѣкъ. Ложки быстро мелькаютъ въ воздухѣ, и проголодавшіеся на тяжеломъ трудѣ рабочіе вволю насыщаются вкуснымъ, здоровымъ и бесплатнымъ обѣдомъ. Не думайте, чтобъ ихъ порціи супа (при мнѣ была картофельная мясная похлебка и каша) были на нѣмецкій манеръ аккуратно развѣшаны и опредѣлены. Нѣтъ, — хочеть десятокъ еще ѣсть, десятскій беретъ опорожненную миску, идетъ къ буфетной стойкѣ, и фельдшеръ, наблюдающій за кухней, наливаетъ новую: кушайте-моль, братцы, на здоровье, набирайтесь силъ, — онѣ нужны заводу!

— Не думайте, — говорилъ мнѣ при свиданіи А. В. Бари, — чтобъ мною руководили какія нибудь филантропическія затѣи. Я кормлю рабочихъ за свой счетъ потому, что мнѣ это выгодно. Ихъ ѣда (9—10 коп. на человѣка въ день) меня не раззоритъ, а напротивъ дастъ прибыль на количествѣ и качествѣ работъ. Я экономизирую здоровье, время, расположеніе духа рабочихъ, и тѣмъ выиграю только въ барышахъ. Подумайте только: русскій рабочій, существовавшій доселѣ впроголодь и кормившійся разной мерзостью, вдругъ получаетъ вволю хлѣба, мясной супъ, кашу и излюбленный имъ чай, — подумайте только, каковъ отсюда долженъ быть подъемъ его духа, его самочувствіе, и вы поймете, почему онъ работаетъ у меня самымъ добросовѣтнымъ образомъ, и почему случаи увольненія съ моего завода рѣдки! Здѣсь не возникнетъ вопроса о стачкахъ, и я рѣшительно не знаю, какъ отбояриться отъ предложенія рабочихъ рукъ. Большинство моихъ рабочихъ живетъ у меня годами, а есть и такіе, которые всецѣло принадлежатъ заводу уже десять-двѣнадцать лѣтъ и которые успѣли, благодаря существованію сберегательной кассы, скопить себѣ тысячный капиталчикъ.

Дѣйствительно, подъѣзжая къ заводу, вы уже издалека видите большой аншлагъ, оповѣщающій о существованіи сберегательной кассы государственнаго банка при заводѣ г. Бари. Еженедѣльно, по субботамъ, сюда пріѣзжаетъ чиновникъ ко времени расчета и принимаетъ отъ рабо-

чихъ сбереженія, пока тѣ еще не перешагнули порога конторы и не успѣли насладиться прелестью сосѣднихъ кабаковъ.

Приемный покой при заводѣ представляетъ собою образецъ порядка и чистоты, но что важнѣе всего—заболѣвшіе рабочіе сохраняютъ свою заработную плату въ теченіе первой недѣли въ полномъ размѣрѣ, а потомъ въ половинномъ. Этотъ остроумный и гуманный порядокъ повель къ тому, что количество больныхъ на заводѣ значительно сократилось: рабочему нечего перемогаться, и онъ прямо идетъ къ доктору. Два-три дня полного отдыха на хорошей пищѣ быстро восстанавливаютъ желѣзное здоровье русскаго мужика, и онъ спѣшитъ изъ скучной больничной комнаты снова къ своему молоту и станку. Семьи умершихъ также не остаются на міру: заводъ принимаетъ на себя заботу о нихъ, и вдовы, въ видѣ пожизненной пенсїи, получаютъ половину годичнаго заработка покойныхъ мужей. Нечего и говорить, что европейски образованный инженеръ, г. Бари, сумѣлъ устроить на заводѣ усовершенствованные ретирады, дезинфицируемые паромъ, отличную вентиляцію и прекрасное освѣщеніе всѣхъ отдѣленій завода. Въ текущемъ 1897 году г. Бари имѣлъ въ виду устроить для рабочихъ квасоварню и бесплатную баню.

Два часа, проведенные мною здѣсь на заводѣ, на живописномъ берегу Москвы рѣки, остаются лучшимъ воспоминаніемъ моей московской поѣздки: я видѣлъ уголокъ, гдѣ русскому чернорабочему живетъ сытно и хорошо, гдѣ около него имѣются интеллигентные люди, которые цѣнятъ его, и какъ силу нравственную, и какъ великолѣпное живое орудіе производства. Если бы примѣръ г. Бари, основанный на практическомъ и умномъ расчетѣ, нашелъ себѣ побольше подражаній,—я увѣренъ, г. Деметьеву не довелось бы приходить въ отчаяніе и предавать фабрику проклятію. Но пока, увы! такіе, какъ г. Бари, болѣе чѣмъ малочисленны, и на остальныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ приходится дѣйствовать не примѣромъ, а карою закона и сильнымъ контролемъ правительственныхъ чиновниковъ.

VIII.

Хаотическое состояніе фабричнаго дѣла, основаннаго на несправедливой эксплуатаціи рабочихъ, побудило правительство вмѣшаться въ отношенія между фабрикантами и рабочими и стать на стражѣ интересовъ послѣднихъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было изданіе 1-го іюня 1882 г. закона о работѣ и образованіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, и учрежденіе особой инспекціи для надзора за этими правилами.

Законъ о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ на заводахъ и фабрикахъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ (см. ст. „Промышленное законодательство въ Россіи“ И. А. Давидова въ изданіи „Фабрично-заводская промышленность“ и тамъ же уже знакомая статья г. Михайловскаго). Малолѣтніе въ возрастѣ 12—15 лѣтъ отъ

роду не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4 часовъ сряду. Дѣти же, не достигшія 12 лѣтъ, къ работамъ совсѣмъ не допускаются; малолѣтніе, имѣющіе менѣе 15 лѣтъ, не могутъ быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также въ воскресные и высокаторжественные дни. Малолѣтнихъ воспрещается допускать къ такимъ производствамъ или входящимъ въ составъ иныхъ отдѣльнымъ работамъ, которыя, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья или изнурительны. Владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ предоставляется открывать при заведеніяхъ школы для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ; при этомъ фабриканты обязаны предоставлять малолѣтнимъ возможность посѣщать эти школы, или находящіяся вблизи народныя училища, не менѣе 3-хъ часовъ ежедневно, или 18-ти часовъ въ недѣлю. Подростки въ возрастѣ 15—17 лѣтъ и всѣ вообще лица женскаго пола не могутъ быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ: хлопчатобумажнаго, полотнянаго, шерстянаго, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей.

Настоящій законъ допускаетъ, однако, и исключенія, благодаря которымъ онъ въ вересѣ 1886 г. сдѣлалъ значительный шагъ въ сторону регресса. Дѣло въ томъ, что въ 1884 году былъ возбужденъ, по почину фабрикантовъ Петербургской губерніи, вопросъ о необходимости уничтожить путемъ законодательнымъ ночныя работы для рабочихъ всѣхъ категорій и во всѣхъ производствахъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя, по свойству своему, не допускаютъ перерыва въ работѣ. Это гуманное ходатайство не было, однако, удовлетворено правительствомъ „въ виду сильныхъ протестовъ со стороны предпринимателей другихъ частей Россіи,—такъ сообщаетъ г. Михайловскій,—и ограничились только воспрещеніемъ ночныхъ работъ нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ и въ извѣстныхъ производствахъ.“ При этомъ, ввиду ходатайства фабрикантовъ центральной Россіи, рабочій день увеличенъ для малолѣтнихъ и женщинъ на 2 часа въ сравненіи съ тѣмъ, что было установлено закономъ 1882 года, и на столько же сокращена ночь, которую признано считать съ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра. Работы взрослыхъ мужчинъ ни законодательство 1882 года, ни законодательство 1886 года совершенно не коснулось, влѣдствіе чего, согласно установившемуся обычаю, взрослые фабричныя рабочіе продолжаютъ и понынѣ работать во всякое время дня и ночи, точно такъ же, какъ и во всѣ дни года; въ этомъ отношеніи никакого ограниченія, кромѣ ихъ сомнительной доброй воли, для нихъ не существуетъ. Это послѣднее обстоятельство и послужило толчкомъ къ петербургскимъ забастовкамъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Закономъ же 1-го іюня 1886 года была учреждена особая инспекція, вѣдущая фабричныя дѣла, на которую первоначально былъ возложенъ

надзоръ за исполненіемъ правительственнаго распоряженія о работѣ малолѣтнихъ, и которая законами 1886 года и 14-го марта 1894 года была окончательно организована, съ значительнымъ расширеніемъ ея правъ и обязанностей. Въ настоящее время надзоръ за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка принадлежитъ мѣстному губернскому начальству и осуществляется при содѣйствіи губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи. На губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, состоящія подъ предѣдательствомъ губернатора, возлагаются: 1) изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, а также въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ; 2) рѣшеніе дѣлъ о нѣкоторыхъ формальныхъ нарушеніяхъ, учиненныхъ завѣдующими фабриками или заводами въ первый и второй разъ; 3) разсмотрѣніе жалобъ на распоряженія чиновъ инспекціи по нѣкоторымъ предметамъ и отмѣна въ подлежащихъ случаяхъ означенныхъ распоряженій; 4) составленіе дополнительныхъ правилъ, касающихся отношеній къ фабричному или заводскому управленію подручныхъ рабочихъ, а равно рабочихъ, работающихъ артелью или на отрядѣ; 5) разрѣшеніе въ подлежащихъ случаяхъ сомнѣній, встрѣчаемыхъ чинами инспекціи при исполненіи ими своихъ обязанностей.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обязанностей чиновъ фабричной инспекціи, не трудно убѣдиться, что таковыя въ современной ихъ постановкѣ почти невыполнимы ¹⁾. Изъ моего личнаго знакомства съ дѣятельностью фабричной инспекціи въ Москвѣ я вынесъ такое убѣжденіе, что ни одинъ правительственный органъ, кромѣ развѣ наружной полиціи, не обремененъ такою массою отвѣтственной работы, какъ эти радѣтели рабочихъ. Фабричный инспекторъ въ своемъ участкѣ долженъ быть специалистомъ чуть ли не по всемъ сторонамъ жизни: отъ него требуется специальность доктора, юриста, техника, полицейскаго чиновника; онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью и прямо изъ своего пріемнаго кабинета, гдѣ пришлось выслушать массу жалобъ, разобрать рядъ недоразумѣній, онъ долженъ, чуть ли не крадучесъ, попасть на фабрику, чтобъ застать все здѣсь совершенно въ расплохъ. Съ опасностью для жизни онъ лѣзетъ въ резервуаръ, содержащій паровой котель, осматриваетъ его и, выйдя весь пропитанный сажей и грязью, тутъ же садится по всемъ правиламъ судейской практики составлять протоколъ о встрѣченныхъ дефектахъ и упущеніяхъ.

Сфера обязанностей фабричнаго инспектора по законамъ 1882 и 1886 г.г. была болѣе ограничена. Нынѣ же (съ 1894 года), когда

¹⁾ См. объ этихъ обязанностяхъ подробно въ „Наказѣ чинамъ фабричной инспекціи“, а также въ упомянутыхъ главахъ „Фабрично-заводская промышленность“.

г. министру финансовъ благоугодно было призвать на эту дѣятельность почти исключительно техникувъ, на ихъ долю выпало совмѣстить въ своихъ лицахъ расширенныя обязанности прежнихъ фабричныхъ инспекторовъ, съ повышенными обязанностями бывшихъ губернскихъ механиковъ. „Призывая на должность фабричныхъ инспекторовъ лицъ съ техническимъ образованіемъ,—говоритъ С. Ю. Витте въ „Наказѣ“ чинамъ фабричной инспекціи,—къ тому же практически знакомыхъ съ обстановкою и условіями производствъ, я вправѣ ожидать, что имъ удастся осуществить не только проведеніе закона въ жизнь, но проведеніе его разумно, послѣдовательно, безъ нарушенія справедливыхъ интересовъ самой промышленности. Фабричная инспекція въ теперешнемъ ея составѣ можетъ принести пользу нашей промышленности и въ другомъ отношеніи: во многихъ мѣстностяхъ техника производствъ нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ, и фабричные инспектора своими техническими совѣтами могутъ явиться проводниками этихъ улучшеній“.

Мнѣ же лично сдается, что фабричной инспекціи, какъ она нынѣ поставлена, именно не удастся сдѣлать что-либо существенное для улучшения нашей промышленности. Весьма вѣроятно, благодаря энергіи ея чиновъ, сборы съ паровыхъ котловъ будутъ поступать въ казну исправнѣе, самые эти паровые котлы будутъ содержаться въ большемъ порядкѣ, многія злоупотребленія въ вопросѣ о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ будутъ устранены, какъ равно будутъ по полюбовному соглашенію улаживаться денежные расчеты между фабрикантами и рабочими, но затѣмъ фабричной инспекціи не остается рѣшительно времени, при наличности 24 часовъ въ сутки, для какой нибудь личной инициативы или новаторства въ дѣлѣ развитія фабричной техники. Ко всемъ бѣдамъ сюда присоединяется еще и обычная въ Россіи египетская казнь: инспекцію не по ея винѣ заѣдаетъ бумагописаніе, канцеляризмъ и всякаго рода отчетность, въ которую сплошь и рядомъ невозможно втиснуть разныя части быстро-вращающагося аппарата современной жизни. Несмотря, однако, на эти неблагоприятныя обстоятельства, несмотря на рутинность русской жизни, на противодѣйствіе со стороны владѣльцевъ фабрикъ ¹⁾ и заводовъ, а также на недостаточно энергичное содѣйствіе со стороны полиціи, несмотря на все это, фабричной инспекціи, тѣмъ не менѣе, благодаря ей, въ большинствѣ случаевъ, прекрасному составу, удалось уже достигнуть въ заводско-фабричномъ дѣлѣ, со стороны его соціальной постановки, чрезвычайно многого. Уже одно то, что тѣлесныя наказанія малолѣтнихъ и даже взрослыхъ, столь часто прежде практиковавшіяся въ промышленныхъ заведеніяхъ, переходятъ мало-по-малу, подъ воздѣйствіемъ гг. фабричныхъ инспекторовъ, въ область исторіи и преданій,—уже одно это для культуры русской жизни чего нибудь да стоитъ!

¹⁾ См. „Отчетъ за 1885 г. фабричнаго инспектора Московскаго округа“, проф. И. И. Янжула.

Отъ разсмотрѣнія гуманнѣхъ и прогрессивнѣхъ мѣропріятій правительства на пользу фабрично-заводскаго дѣла вполне послѣдовательно перейти къ тѣмъ сторонамъ этого дѣла, куда еще не проникло просвѣщенное воздѣйствіе нашей законодательной власти. Здѣсь на первомъ мѣстѣ выдвигаются два наиболѣе существенныхъ вопроса, — о нормировкѣ рабочаго дня и объ обязательномъ страхованіи рабочихъ.

IX.

Вопросъ „о нормировкѣ рабочаго дня въ Россіи“ не представляетъ собою въ настоящее время чего нибудь неразрѣшимаго; онъ уже достаточно разработанъ нашей литературой и наукой, по немъ собрано множество статистическихъ свѣдѣній, и онъ же на нѣкоторыхъ фабрикахъ, — о чемъ я имѣлъ случай говорить, — болѣе или менѣе удачно уже разрѣшенъ. Можно надѣяться, что недалеко то время, когда онъ сдѣлается предметомъ правительственнаго всесторонняго обсужденія и получить свою законодательную формулировку.

Извѣстный ученый И. М. Сѣменовъ въ своемъ докладѣ обществу любителей естествознанія (1893 г.) „Физиологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня“¹⁾ переноситъ весь вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня въ область физиологіи и говоритъ по этому предмету, что вопросъ этотъ сводится на рѣшеніе, — „въ какомъ наибольшемъ отношеніи могутъ стоять другъ къ другу по продолжительности время работы и время отдыха въ теченіе дня, безъ того, чтобы утомленіе отъ работы даннаго дня переходило на работу слѣдующаго“. По мнѣнію почтеннаго ученаго, время дополнительнаго отдыха къ непрерывной работѣ въ 8—9 часовъ должно быть перенесено на время 8-ми-часоваго сна, то-есть, основываясь на чисто - физиологическихъ научныхъ данныхъ, г. Сѣменовъ является сторонникомъ 8-ми-часоваго рабочаго дня.

Въ любопытной статьѣ „О вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда“ („Новое Слово“, 1896 г., № 9) г. Мижуревъ изъ сопоставленія данныхъ о жизни русскаго фабричнаго и, главнымъ образомъ, англійскаго рабочаго приходитъ къ выводу, что въ отношеніи продолжительности рабочаго дня первый поставленъ въ гораздо худшія условія, нежели его англійскій собратъ, благодаря чему и производительность русскаго рабочаго не можетъ сравняться съ производительностью послѣдняго. Г. Мижуревъ — сторонникъ 8-ми-часоваго рабочаго дня и желаетъ воздѣйствія на фабрикантовъ въ этомъ направленіи со стороны законодательной власти. „Фабричная промышленность можетъ процвѣтать лишь при высокой производительности труда, высокая производительность труда не мыслима при длинномъ рабочемъ днѣ, — утверждаетъ онъ. — Это, конечно, трузизмъ, который, однако,

¹⁾ „Программы чтенія для самообразованія“. Спб., 1895.

постоянно забывается, по крайней мѣрѣ, у насъ. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ продолжительный рабочий день исключаетъ всякую возможность для рабочихъ воспользоваться какими бы то ни было повторительными или дополнительными классами, объ организаціи которыхъ начинаютъ говорить у насъ, въ интересахъ поднятія общихъ и техническихъ знаній въ народѣ, онъ исключаетъ въ рабочихъ всякую охоту и убиваетъ всякую способность къ усвоенію какихъ бы то ни было знаній вообще“.

Г. Погожевъ въ статьяхъ, посвященныхъ нормировкѣ рабочаго дня („Новое Время“, 1896 г., №№ 7309, 7311), собралъ чрезвычайно интересные свѣдѣнія о взглядѣ на этотъ предметъ разныхъ обществъ и учреждений. Такъ, мы узнаемъ, что VI съѣздъ русскихъ врачей въ память Пирогова, происходившій въ апрѣлѣ 1896 года, постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ, въ интересахъ жизни и здоровья рабочихъ, о сокращеніи рабочаго времени въ наиболѣ вредныхъ и опасныхъ производствахъ. Затѣмъ, еще въ началѣ 1894 года Лодзинское отдѣленіе общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ постановило также ходатайствовать передъ министерствомъ финансовъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго времени предѣлами отъ 9-ти до 12-ти часовъ въ сутки, примѣнительно къ условіямъ различныхъ отраслей промышленности, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ часъ для обѣда. Московское общество содѣйствія развитію и улучшенію мануфактурной промышленности проектируетъ установить двѣнадцати-часовой рабочий день, то-есть узаконить то, что уже существуетъ и безъ того на значительномъ числѣ русскихъ фабрикъ. Самъ г. Погожевъ держится того мнѣнія, что „въ практическомъ отношеніи можно теперь удовлетвориться даже законодательной нормировкой рабочаго дня въ 11—12 часовъ, какъ предлагаютъ московскіе, лодзинскіе, владимірскіе и другіе фабриканты. Остальное довершить дальнѣйшій торгово-промышленный опытъ, до сихъ поръ являющійся самымъ надежнымъ союзникомъ законодательныхъ реформъ по улучшенію фабричнаго быта“.

Я уже имѣлъ случай упомянуть о дѣйствіяхъ г. Стульчинскаго на бумажной фабрикѣ въ Добруджѣ, сократившаго день дневныхъ рабочихъ до 9-ти часовъ эффективной работы, рабочий же день тѣхъ, кто работалъ посмѣнно днемъ и ночью—до 8-ми часовъ. Что же далъ новый порядокъ вещей? „Въ результатѣ оказалось,—писалъ г. Стульчинскій по этому предмету Обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ („Новое Слово“, 1896 г. № 9),—что не только рабочіе не предавались больше прежняго пьянству, но, напротивъ, единственный мѣстный кабачекъ исчезъ, и вмѣсто него имѣется теперь чайная, гдѣ отпускаютъ лишь небольшія количества пива или водки. Теперь почти никогда не слышно, чтобы въ понедѣльникъ рабочий, вмѣсто того чтобы итти на фабрику, шелъ опохмеляться“. Кромѣ того, фабричная молодежь обратилась къ чтенію, обра-

зовала музыкальный оркестръ и хоръ. „Все это было невозможно при прежнемъ 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ,— утверждаетъ почтенный директоръ фабрики,—такъ какъ для совершенно уставшаго рабочаго возможно только одно удовольствіе: водка, которая быстро возстановляетъ упавшую жизненную энергію. Должны ли ждать,—такъ заключаетъ свой отчетъ г. Стульчинскій,—того времени, когда и у насъ, въ Россіи, рабочіе черезъ посредство стачекъ и иными подобными способами стануть добиваться лучшихъ условій существованія? Не разумнѣе ли было бы по собственной инициативѣ удѣлить имъ хотя незначительную долю тѣхъ преимуществъ, которыми мы (фабриканты) пользуемся, благодаря покровительственному тарифу и дешевому труду рабочихъ?“

Слова г. Стульчинскаго оказались пророческими: стачки вспыхнули въ Петербургѣ и именно изъ-за нормировки рабочаго времени. Какъ сообщаетъ „Русскій Вѣстникъ“ (1896 г., № VIII) со словъ „Правительственнаго Вѣстника“, забастовки на петербургскихъ фабрикахъ продолжались съ 24 мая по 17 іюня (1896 г.), охватили собою 19 фабрикъ, и въ нихъ участвовало до 14.712 человекъ. Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впоследствии—мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значительное меньшинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія; забастовщики вели себя чинно, не подавая повода къ обвиненію въ нарушеніи порядка или къ попыткѣ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Главныя требованія забастовщиковъ сводились къ ограниченію рабочаго дня 12 часами, отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, съ перерывомъ на 1½ часа для обѣденнаго отдыха; чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ, согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; кромѣ того, рабочіе жаловались на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взятки и вымогательства подмастерьевъ. „Мирное, хотя и незаконное уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно фабрикантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ“, побудило правительство энергично вмѣшаться въ могущее разростись движеніе, разъяснить рабочимъ незаконность ихъ поведенія, устранить наиболѣе упорствующихъ и возстановить въ сравнительно короткое время мирное теченіе жизни на охваченныхъ пламенемъ забастовокъ фабрикахъ и заводахъ. Сообщая о петербургскихъ фабричныхъ событіяхъ, вполне консервативный „Русскій Вѣстникъ“, который трудно заподозрѣть въ пристрастіи къ новшествамъ, дѣлаетъ отсюда слѣдующій выводъ:

„Что касается собственно „рабочаго вопроса“, то здѣсь правительство въ состояніи, безъ особеннаго труда, урегулировать отношенія рабочихъ и фабрикантовъ, устранить поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ между ними и вообще создать положеніе, выгодное для обѣихъ сторонъ... У насъ есть полная возможность пред-

отвратить образование условий, которыя на Западѣ стали уже неизмѣнными, какъ бы естественными. Выгода нашего положенія заключается еще и въ томъ, что наша правительственная власть обладаетъ всѣмъ необходимымъ авторитетомъ для вразумленія обѣихъ сторонъ. Вѣдь нельзя допустить, чтобы правительство не обратило вниманія на такую, напримѣръ, аномалію, какъ четырнадцати-часовой рабочей день или бесплатное пользованіе временемъ рабочаго до и послѣ работъ (для пусканія въ ходъ механизмовъ, уборки и тому подобное). А обращая вниманіе на всѣ эти несовершенства, мы не только отдалимъ призраки грознаго „вопроса“, но и въ концѣ уничтожимъ возможность его появленія“.

Намъ остается сказать въ заключеніе объ обязательномъ страхованіи рабочихъ. Дѣло это тоже будущаго, и пока въ этомъ направленіи ничего еще у насъ не сдѣлано. Въ литературѣ по вопросу о страхованіи особенно много поработалъ профессоръ здѣшняго университета В. Г. Яроцкій, книга котораго „Страхованіе рабочихъ“ доставила ему даже ученую степень доктора политической экономіи. Компетентный представитель науки выступилъ на Нижегородскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ съ чрезвычайно содержательнымъ рефератомъ объ „отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими“, имѣющимъ ближайшее отношеніе и къ вопросу объ обязательномъ страхованіи. Заключительные выводы его богатаго содержаніемъ доклада сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

„Въ видахъ вспоможенія рабочему классу безъ причиненія неумѣреннаго обремененія, владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій надлежало бы: во-первыхъ, ввести общее государственное вспоможеніе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчья или иное, происходящее отъ свойства работы, поврежденіе въ здоровьѣ, уничтожающія или сокращающія трудоспособность потерпѣвшихъ, а въ случаѣ причиненія имъ, при производствѣ работъ, смерти—ихъ семействамъ; во-вторыхъ, съ таковою цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній, по числу рабочихъ или суммы производимой заработной платы (или же по тому и другому одновременно), съ раздѣленіемъ такого сбора, сообразно степени опасности, представляемой различными производствами, на нѣсколько категорій; въ-третьихъ, уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій, безъ всякаго участія въ томъ со стороны рабочихъ, и, въ-четвертыхъ, размѣръ постоянныхъ вспоможеній поставить въ зависимость, съ одной стороны, отъ полученнаго потерпѣвшимъ годового заработка, съ ограниченіемъ максимальнаго размѣра для сего послѣдняго извѣстной суммой (несравненно низшей противъ предполагаемаго) и съ введеніемъ прогрессивнаго уменьшенія, въ процентномъ отношеніи, размѣра вспоможеній при возвышеніи, въ предѣлахъ помянутаго максимальнаго размѣра, годовой заработной платы, а съ другой стороны—отъ общей суммы имѣющихся на выдачу такихъ пособій средствъ“.

Г. Яроцкій въ своемъ докладѣ разбираетъ также существующій и имѣющій быть со временемъ разрѣшеннымъ въ законодательномъ порядкѣ проектъ министерства финансовъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ, гдѣ категорически признана обязательность для владѣльцевъ вознагражденія рабочихъ и ихъ семей въ указанныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и печать разныхъ оттѣнковъ, и единичныя лица, и отдѣльныя общественныя группы, и, наконецъ, сама

правительственная власть—всѣ, безъ исключенія, признають, что назрѣло уже время окончательно упорядочить фабричное законодательство въ тѣхъ его частяхъ, на которыя указано въ настоящей главѣ. Наше отечество, по свойству своей законодательной власти, стоитъ въ этомъ отношеніи въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ. Можно надѣяться, что оно чутко отнесется къ раздающимся по фабричному вопросу общественнымъ голосамъ и со свойственной ему энергіей успѣшно разрѣшитъ его.

Земледѣльческая Россія.

I.

МОЯ СТАТЬЯ, посвященная вопросам „фабрично-заводской Россіи“, когда она появилась на страницах „Историческаго Вѣстника“, была не совсѣмъ правильно истолкована нѣкоторыми читателями. Въ то время, какъ одни, напримѣръ, г. Михневичъ, въ фельетонѣ „Историческая литература“¹⁾, отнеслись къ ней сочувственно, другіе—усмотрѣли въ нѣкоторыхъ фразахъ статьи недоброе и поставили мнѣ ихъ, въ адресованныхъ на мое имя письмахъ, на видъ. Такъ, одинъ достоуважаемый собратъ по профессіи, мнѣніемъ котораго я очень дорожу, писалъ мнѣ: „Если и «возились у насъ съ земледѣльцемъ», то возились исключительно въ смыслѣ переименованія формъ и видовъ закрѣпощенія его, обирающаго его и заставляющаго скотски работать на всѣхъ, за всѣхъ, при условіяхъ прозябательнаго состоянія. Въ результатѣ—нищенское состояніе около 80-ти миліоновъ русскаго народа и процвѣтаніе горсти паразитовъ-хищниковъ, въ пользу которыхъ обложена поголовно вся имперія. Искренно говорю вамъ: какъ человѣкъ и гражданинъ, я не знаю и даже не могу представить себѣ рѣшительно ничего болѣе прискорбнаго, возмутительнаго и преступнаго въ государственномъ отношеніи. О, какое страшное чувство закрадывается въ душу, когда подумаешь, что этого не хотять даже понять!“. Слова почтеннаго корреспондента относятся къ слѣдующей фразѣ статьи: „И дѣйствительно, въ гордомъ ослѣпленіи своимъ сельскохозяйственнымъ значеніемъ по обязанностямъ „житницы Европы“ у насъ съ земледѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ возились на всѣ лады: возились съ нимъ платонически въ литературѣ и фактически въ правительственныхъ сферахъ“.

¹⁾ „Новости“, 25-го сентября, 1896 года.

Какъ читатели соблаговолятъ припомнить, я провожу мысль о необходимости гармоническаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества, приче́мъ отъ всей души, въ интересахъ народнаго благосостоянія, привѣтствую нашу „юную, но прочно создающуюся фабрично-заводскую промышленность“, остававшуюся столь долго въ пренебреженіи и дающую намъ возможность нынѣ выйти изъ крѣпостной зависимости отъ западно-европейскихъ сосѣдей, уже два вѣка смотрящихъ на насъ, какъ на данниковъ, уступающихъ имъ по дешевой цѣнѣ сырье и приобретающихъ у нихъ почти всѣ предметы механическаго и химическаго производства, всѣ образцы интеллигентнаго труда. Я радуюсь, что наконецъ-то мы понемногу начинаемъ сознавать необходимость для нашего государственнаго организма свободно и полной волей дышать во всѣхъ и фибрами этого организма, поняли уже настоятельность отказа отъ бесполезнаго для насъ званія „житницы Европы“ и серьезно обратили вниманіе на разнообразныя производительныя силы страны. Сосѣдняя съ нами маленькая фабрично-заводская Японія смяла въ нѣсколько мѣсяцевъ громадную исключительно-земледѣльческую Поднебесную имперію; въ этомъ свѣжемъ историческомъ примѣрѣ нашихъ дней для насъ хорошее назиданіе и полезное предупрежденіе.

Мой оппонентъ негодуеть на тѣ формы, въ которыя вылился пока торгово-промышленный прогрессъ нашей отечественной жизни, я же въ своей статьѣ, только бѣгло касаясь формъ этого прогресса, привѣтствую, главнымъ образомъ, самый фактъ его возникновенія. Что же касается до формъ, то даже въ статьѣ, о коей идетъ рѣчь, онъ можетъ найти достаточное указаніе, куда направляются мои симпатіи: я не одобряю крайностей протекціонизма, мѣшающаго намъ имѣть болѣе дешевыя сельскохозяйственныя орудія, въ коихъ у насъ чувствуется такая необходимость, и одаряющаго насъ прелестями сахарной нормировки; равнымъ образомъ, совмѣстно съ проф. Исаевымъ я сожалею о маломъ вниманіи, удѣляемомъ нашимъ кустарямъ и мелкимъ производителямъ. Если бы мой корреспондентъ далъ себѣ трудъ ознакомиться съ остальными моими работами, то онъ, вѣроятно, обратилъ бы вниманіе на статью „Регрессивное теченіе“, „Истор. Вѣстн.“ 1896 г., № 4,¹⁾ гдѣ я рѣшительно высказываюсь противъ навязываемой нашему отечеству стадіи капиталистическаго хозяйства, повергающей въ прахъ интересы народной массы, и привѣтствую программу проф. Исаева, изложенную имъ въ книжкѣ „Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства“. А эта программа, какъ читателямъ извѣстно, отнюдь не имѣетъ въ виду закабаливанья народа и его работы „на всѣхъ, за всѣхъ, при условіяхъ прозябательнаго состоянія“.

Такимъ образомъ, замѣчанія автора цитированнаго выше письма могутъ быть только результатомъ недоразумѣнія, каковое, однако, въ

¹⁾ Статья эта подъ тѣмъ-же заглавіемъ включена въ составъ настоящаго Сборника.

состояніи родиться и у другихъ случайныхъ моихъ читателей; потому считаю полезнымъ остановиться въ сегодняшней бесѣдѣ на выясненіи историческаго развитія и современнаго состоянія другого экономическаго фактора въ жизни страны — сельско-хозяйственной промышленности, составляющей главный источникъ благосостоянія Россіи. Это выясненіе тѣмъ болѣе своевременно, что вся наша повременная печать положительно переполнена вопросами о сельско-хозяйственной культурѣ, и каждый день приноситъ намъ по этому предмету не мало любопытнаго и заслуживающаго вниманія.

Дѣло упорядоченія нашего помѣщичьяго и крестьянскаго землепользованія, полеводства и хлѣбной торговли переживаетъ несомнѣнно знаменательные дни. Необходимость коренной реформы этихъ важныхъ сторонъ нашей жизни ясно признана, и всѣ лучшія общественныя силы озабочены изысканіемъ такихъ путей, которые бы вывели нашу родину изъ анархическаго состоянія современной сельско-хозяйственной неурядицы. Дальше уже идти по старому пути и прежнимъ шаблонамъ некуда и невозможно. Въ этомъ отношеніи недавніе голодные годы встряхнули нашу заснувшую мысль и сослужили добрую службу: мы пережили ужасное стихійное бѣдствіе, Божію грозу, понесли жестокую кару за легкомысліе и сознали многіе свои грѣхи и прорухи. Будемъ надѣяться, что урокъ не прошелъ даромъ, и что нынѣшніе дни оживленія сельскохозяйственныхъ вопросовъ, въ ихъ широкой культурной постановкѣ дѣла, выведутъ насъ на истинную дорогу историческаго бытія, въ коемъ не будетъ болѣе мѣста хроническому голоданію народа, и гдѣ во всей силѣ будетъ царить утвержденіе Посошкова, что „крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное“, иначе говоря, что только отъ экономическаго благосостоянія народной массы, то-есть земледѣльцевъ Россіи, зависитъ сила и крѣпость послѣдней.

Но, задавшись цѣлью поговорить о вопросахъ земледѣлія и сельской промышленности, я отнюдь не имѣю въ виду технической стороны дѣла и далеко отъ желанія пускаться въ агрономическія или иныя спеціальныя изысканія. Моя задача суммировать то, что говорятъ о нуждахъ земледѣлія видные представители науки, литературы и лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, те-есть сами земледѣльцы, или, правильнѣе, землевладѣльцы, призванные правительственной властью къ подачѣ своего голоса и мнѣнія. На книжномъ рынкѣ по этому предмету скопился достаточный матеріалъ, который и позволяетъ мнѣ подвести нѣкоторыя итоги, въ коихъ кроется главнѣйшая суть нашихъ болѣзней и средствъ къ ихъ врачеванію. Исчерпать въ бѣгломъ очеркѣ всю совокупность земледѣльческихъ вопросовъ, конечно, не представляется возможнымъ; поэтому я ограничиваюсь главнѣйшими, къ числу которыхъ отношу: современное состояніе землевладѣнія и земледѣлія, задолженность нашего крупнаго землевладѣнія, вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, положеніе нашей хлѣбной торговли, правительственныя мѣропріятія

въ области земледѣльческой культуры и *ria desideria* нашихъ землевладѣльцевъ. Перечисленные вопросы—главнѣйшіе изъ тѣхъ, которые, такъ сказать, стоятъ на ближайшей очереди, привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе, и по нимъ достаточно опредѣленно высказалась текущая литература. Съ ними и я ближе всего знакомъ, какъ книжнымъ, такъ и практическимъ образомъ, вынужденный по обстоятельствамъ личной жизни отъ времени до времени сноситься съ земледѣльческой Россіей и, по совѣсти говоря, подчасъ становиться втупикъ передъ хаосомъ и безнадежной путаницей, которая въ послѣднія тридцать лѣтъ достаточно плотно окутала дворянское и крестьянское хозяйство.

II.

Характеризуя современную деревню, компетентный знатокъ дѣла, покойный А. Н. Энгельгардтъ, рисуетъ намъ такую неутѣшительную картину¹⁾: „Отсутствіе хозяевъ, разрушенныя постройки, заросшія всякою дрянью пустоши, облоги, плохой скотъ, постарому всегда голодающій весной, плохой хлѣбъ на остающихся въ обработкѣ клочкахъ полей—и при этомъ все та-же старая система хозяйства“.

Эти слова иллюстрируютъ дворянское землепользованіе; а вотъ результаты крестьянскаго хозяйства на землѣ, пріобрѣтенной черезъ посредство крестьянскаго банка, которые описаны въ собраніи корреспонденцій г. Шарапова²⁾. „Покупка огромнаго и плодороднаго куска земли черезъ банкъ имѣла въ результатѣ: ограбленіе этой земли и увеличеніе бесплодной работы для ея владѣльцевъ до такой степени, что дѣйствительно некогда перекреститься, некогда присмотрѣть за больнымъ ребенкомъ“, — такъ описываетъ авторъ видѣнное имъ. — Произошло все это слѣдующимъ порядкомъ: „Прошло только шесть лѣтъ, а земли оказываются совершенно опустошенными. У дьяковцевъ едва ли наберется десятины 15 „небалаванныхъ“—облогъ подъ ленъ, рожь и яровое, первые годы отлично родившіяся по перелогу, даже изъ-подъ второго льна (благодаря „старой силѣ“ въ землѣ), въ прошломъ году были плохи, въ настоящемъ еще хуже. Покосы по лѣсу да по кустамъ въ количествѣ самомъ ограниченномъ, гораздо меньше, чѣмъ было прежде, „при баринѣ“, такъ какъ все распахали, а гдѣ уже бросили пахать, тамъ едва наѣтятся скотинѣ. Растутъ одни „поны“, „молочки“ и прочая дрянь, которую „и на косу не поймашь“.

Изображенныя печальныя оскудѣнія дворянскаго и крестьянскаго хозяйствъ смѣло могутъ быть обобщены. Вспомните надѣлавшее въ свое время шума извѣстное сочиненіе покойнаго Сергѣя Атавы „Оскудѣніе“, относящееся къ черноземной Тамбовской губерніи, вспомните многочисленныя корреспонденціи газетъ со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго

¹⁾ О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельскохозяйственныхъ статей А. Н. Энгельгардта изъ Ватицева, 1872—1888 г.

²⁾ Сергѣй Ө. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ.

отечества, и вы согласитесь, что обоими цитированными авторами достаточно вѣрно обрисована современная русская деревня въ лицѣ ея привилегированной и податной частей. Миѣ самому пришлось съ годъ тому назадъ провести нѣкоторое время по дѣламъ одного дворянскаго хозяйства въ родственной миѣ губерніи, нашедшей себѣ въ произведеніяхъ С. Терпигорева талантливаго бытописателя. И эти дни, проведенные мною въ деревнѣ, поставили меня, какъ нельзя лучше, въ соприкосновеніе съ эпопеей дворянскаго, крестьянскаго и даже купческаго разоренія. Дѣло было такимъ образомъ.

По усиленнымъ просьбамъ одной безпомощной кузины изъ сословія землевладѣльцевъ (такія еще волею Божіей не перевелись съ Русской земли, и Терпигоревъ вовсе не утрировалъ, когда въ своихъ новременскихъ фельетонахъ выводилъ на сцену тамбовскихъ рождественниц!), въ силу добрыхъ отношеній къ ней еще съ дѣтскихъ лѣтъ, я вынужденъ былъ согласиться сдѣлать попытку привести въ извѣстность (?) ея земельную собственность и хозяйственный бюджетъ. Земельная собственность эта была для ея владѣлицы въ истинномъ смыслѣ слова *terra incognita*, съ которой, однако, она въ теченіе многихъ лѣтъ исправно получала купческую аренду, добрая часть коей, въ свою очередь, утекала въ кассу пресловутаго „золотого банка“. Такимъ образомъ, наличность обстоятельствъ, давно знакомая бытописателямъ нашего дворянскаго оскудѣнія, представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: было лицо дворянскаго сословія, по правамъ наслѣдства получавшее по почтѣ въ Петербургѣ съ невѣдомой ему земли аренду, былъ хищникъ-купецъ, осѣвшій на этой землѣ и истощавшій ее по всѣмъ пріемамъ безконтрольнаго и невѣжественнаго пользованія, былъ земельный банкъ, требовавшій платежей, и надъ всѣми этими данными всевластно царилъ безпомощность, невѣжество и непропорціональность appetitovъ съ средствами ихъ удовлетворенія. Такъ шло все тихо и гладко, пока какой-то „противный“ голодъ не перевернулъ всѣхъ многолѣтнихъ отношеній шиворотъ-навыворотъ. Купецъ, выдержавшій неурожай (1892—1893 г.), не устоялъ передъ низкими рыночными цѣнами на хлѣбъ въ слѣдующемъ году и не былъ въ состояніи уплатить текущаго аренднаго платежа; отсутствіе дохода побудило владѣлицу сдѣлать заемъ, конечно, въ размѣрѣ обычнаго ежегоднаго бюджета подъ высокіе только проценты и просить банкъ объ отсрочкѣ платежа. Slѣдующій годъ былъ опять съ пониженными рыночными цѣнами и... купческая семья, успѣвшая переписаться къ этому времени въ мѣщанство, объявивъ себя несостоятельною, била челомъ барынѣ—принять свою вотчину въ личное вѣдѣніе, а убогія постройки, принадлежавшія арендатору, получить въ видѣ неустойки и проторы по убыткамъ. Получивъ купческую безграмотную челобитную, кузина вся въ слезахъ прилетѣла ко миѣ.

— Я разорена—спаси меня! На тебя вся моя надежда... посыпались на меня страшныя слова.

— Но что же я могу тутъ подѣлать?

— Я—женщина, я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. *Au nom de Dieu va regarder ce qui se fait là.* Взмыщи съ нихъ, посади ихъ въ долговое. У нихъ есть деньги, но они только не хотятъ мнѣ платить, зная, что я беззащитна. У Марьи Антоновны (жена арендатора) были въ свое время великолѣпные брилліанты—пускай она ихъ продастъ, заложить. Я не могу жить безъ денегъ, ты это понимаешь: мнѣ нужна квартира, я еще хочу жить...

— Все это прекрасно, но...

— Нѣтъ, нѣтъ! *Au nom de Dieu arrange tout...*

Затѣмъ послѣдовали—„слезы, первическій хохоть, припадокъ“...

Аргументація въ пользу моей поѣздки была сильная: „я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю, но не хочу бѣдствовать, а потому поѣзжай устраивать дѣла имѣнія ты, хотя ты тоже въ этихъ дѣлахъ ничего не знаешь!“ Противъ такой логики трудно было бороться, и черезъ два дня я уже катилъ на черноземныя поля упорядочивать дворянское хозяйство.

По мнѣнію моей милѣйшей кузины все должно было устроиться къ ея благополучію: я приѣду, постращаю тюрьмой, купчиха заложитъ свои брилліанты, принесетъ повинную, и все пойдетъ постарому, съ аккуратной присылкой ежегодной аренды. Если же арендаторъ будетъ упорствовать, то я его прогоню, накажу при содѣйствіи мѣстнаго земскаго начальника и сейчасъ же или съ выгодой продамъ имѣніе („и кто же его не купитъ: вѣдь такой черноземъ!“) или сдамъ въ аренду по высокой цѣнѣ мѣстнымъ крестьянамъ, которые, конечно, будутъ платить аренду исправно, такъ какъ на нихъ будетъ воздѣйствовать все тотъ же знакомый земскій начальникъ. Программа дѣйствій на петербургскомъ семейномъ совѣтѣ была выработана, какъ читатель можетъ убѣдиться самъ, вполне основательная; мнѣ оставалось только дѣйствовать—„на страхъ врагамъ“...

Около пятнадцати лѣтъ уже не былъ я въ тѣхъ мѣстахъ, куда катилъ меня теперь почтовый поѣздъ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, около пятнадцати лѣтъ не соприкасался я съ уѣздными устоями срединной черноземной Россіи, и вотъ то, что я увидѣлъ вновь собственными глазами, вполне подтвердило правдивость нарисованной гг. Энгельгардтомъ, Шараповымъ и другими писателями жизни современной деревни.

Нечего и говорить, что на участкѣ кузины я нашелъ истинныя „мерзость и запустѣніе“—въ конецъ истощенную хищническимъ хозяйствомъ землю, развалившіяся арендаторскія строенія съ дырявыми соломенными крышами, засыпанный мусоромъ колодезь, полное, а не притворное, какъ предполагала кузина, разореніе купеческой семьи, обнищавшихъ въ конецъ сосѣднихъ крестьянъ, коимъ арендаторомъ не были уплачены деньги за полевые работы послѣднихъ лѣтъ. Чѣмъ-то удивительно безнадежнымъ, тоскливымъ и мрачнымъ пахнуло на меня. Было до очевидности ясно, что дальше въ бѣдности уже некуда идти, ниже трудно опуститься.

Изъ разспросовъ покидавшихъ участокъ арендаторовъ, изъ бесѣдъ

съ мужиками выяснилось, что картина упадка хозяйства той территории, гдѣ я въ данный моментъ находился, аналогична съ тѣмъ, что происходило по всему округу: все валится, опускается, бѣжитъ съ мѣста и ни у кого нѣтъ энергіи, силъ и умѣнья направить русло жизни по иному новому и разумному пути. Растетъ непомерно задолженность хозяйствъ, и помѣщичьихъ, и крестьянскихъ, истощается почва, царитъ старая система полеводства, переводится скоть, а остающійся въ наличности мельчаетъ, чахнетъ отъ хроническихъ голодовокъ. Крестьянинъ, въ избѣ котораго мнѣ пришлось ночевать, не обнаруживаетъ никакого духовнаго и матеріальнаго прогресса: обстановка его также грязна, убога, пища нищенская, одежда примитивна. Не богатѣетъ, не прогрессируетъ и прославленный въ литературѣ кулакъ-купецъ: живой примѣръ былъ на глазахъ; разоряется, плачется и помѣщикъ. „Потерплю еще съ годикъ, — говорилъ мнѣ одинъ считавшійся прежде богатымъ землевладѣлецъ, — и махну рукой: надо продавать имѣніе: не справиться съ нимъ по нынѣшнимъ временамъ!“ Збитость, безнадежность, апатія и поголовное сельскохозяйственное невѣжество — вотъ кирпичи фундамента, на коихъ покоится современная черноземная деревня. Но какъ дошла она до этихъ печальныхъ результатовъ? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, но прежде закончу вкратцѣ съ своей поѣздкой.

Конечно, съ арендатора нечего было и думать взять что-нибудь, и осталось только мирно съ нимъ распротиться. И купить имѣніе не нашлось охотника и не только по высокой цѣнѣ, но даже и по пониженной; равнымъ образомъ на предложеніе арендовать его въ подходящихъ условіяхъ всѣ, къ кому пришлось обращаться, отдѣлались молчаніемъ. Осталось только одно: заколотить домишко, предварительно наскоро поправивъ дырявую крышу, приставить къ нему сторожа, чтобъ не расхитили стѣнъ, и уѣхать обратно въ Петербургъ. Годъ цѣлый имѣніе отдыхало, и только слѣдующей осенью мнѣ удалось сдать его на сносныхъ условіяхъ въ аренду крестьянамъ, но только не ближайшаго села, такъ какъ послѣдніе полагали, что за отсутствіемъ хозяевъ на мѣстѣ нечего его арендовать, а можно попросту, бесплатно эксплуатировать, пастись на немъ скоть, засѣвая клочки земли подосолнухомъ и пр. и пр. Долги, — банковскій и личный вексельный, — возросли до солидныхъ размѣровъ, но кузина моя не унываетъ, въ надеждѣ, что будущая мужицкая аренда все поправитъ. Поправитъ ли? Я съ своей стороны полагаю, что дворянское землепользованіе въ данномъ случаѣ сдѣлало еще шагъ приближенія къ своей неизбежной ликвидаціи; а пока чтó — мы съ кузиной занимаемъ, и я „спасаю au nom de Dieu“.

III.

Обращаясь къ историческому прошлому нашего землепользованія, мы видимъ, что въ московскомъ періодѣ русской исторіи помѣщикъ не былъ собственникомъ земли; она принадлежала государству, или царю, какъ

олицетворенію государственной власти. Земля давалась помѣщику за службу только въ пожизненное пользованіе и могла быть во всякій моментъ за его провинности отнята и отобрана въ казну. Но, со временемъ, когда, въ силу историческихъ условій жизни, служба царская стала какъ бы наследственной, то и владѣніе землею стало наследственнымъ; тѣмъ не менѣе древне-русскій укладъ жизни твердо проводилъ принципъ націонализаціи земли: земля государева, а сидящій на ней только временно, за свою службу, ея владѣеть.

Дальнѣйшій ходъ аграрныхъ отношеній обрисованъ въ любопытной, хотя и односторонней (марксистской) книжкѣ И. Гурвича—„Экономическое положеніе русской деревни“¹⁾, слѣдующимъ образомъ: „Петръ Великій сгладилъ всѣ различія, характеризовавшія предыдущую эпоху. Заставивъ каждаго землевладѣльца поступать на государственную службу и установивъ однообразный порядокъ наследованія во всякаго рода недвижимыхъ имуществахъ, принадлежавшихъ дворянству, онъ слилъ воедино вотчины и помѣстья. Съ другой стороны, обложивъ крестьянъ подушной податью и сдѣлавъ землевладѣльца отвѣтственнымъ за исправный платежъ этой подати, онъ сравнялъ рабовъ и крѣпостныхъ и поставилъ послѣднихъ въ личную зависимость отъ помѣщика. Преемники Петра ограничили гражданскія права крестьянъ и лишили ихъ права жаловаться въ судъ на господъ. Въ то же время господамъ дано было право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь и продавать ихъ, даже съ разлученіемъ женъ отъ мужей, дѣтей отъ родителей. Съ другой стороны, послѣ Петра Великаго обязательность службы для дворянъ постепенно ослаблялась и, наконецъ, совсѣмъ была отмѣнена Петромъ III въ 1762 году. Этимъ-то указомъ частная собственность на землю и крѣпостная зависимость и были, наконецъ, признаны въ Россіи институтами частнаго права“. Такимъ образомъ, почти за сто лѣтъ до великой крестьянской реформы въ нашемъ отечествѣ окончательно установился порядокъ вещей, совершенно чуждый духу прежней народной жизни,—порядокъ, въ коемъ безслѣдно исчезъ принципъ земельной націонализаціи, или, иначе говоря, понятіе государственной земли.

Въ этотъ столѣтній періодъ времени сформировался опредѣленный типъ сельскаго хозяйства, который слѣдующимъ образомъ очерченъ въ превосходномъ трудѣ вышшняго министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, А. С. Ермолова „Организація полевого хозяйства“²⁾:

„Крѣпостное право, — говоритъ авторъ, — ставило наши хозяйства въ положеніе совершенно исключительное, при которомъ не могли сложиться ни сколько нибудь нормальныя системы, ни сколько нибудь правильное соотношеніе между основными элементами производства—силами природы, трудомъ и капиталомъ. Очевидно, что сельское хозяйство не могло считаться стоящимъ въ рациональныхъ условіяхъ

¹⁾ Переводъ съ англійскаго А. А. Санина, подъ редакціей и съ предисловіемъ автора. Изданіе М. Водовозовой. М. 1896 года.

²⁾ Организація полевого хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвообороты. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Сиб., 1894 года.

тогда, когда успешность предпріятія зависѣла почти исключительно отъ эксплуатаціи одного изъ факторовъ производства—труда, когда притомъ этотъ трудъ былъ даровой. Послѣдствія такого порядка вещей сказались въ самыхъ формахъ развитія и условіяхъ распредѣленія сельскаго хозяйства въ Россіи. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было густо, и гдѣ хозяинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большое количество дарового труда, каково бы ни было при этомъ качество почвы, сельское хозяйство процвѣтало и давало доходъ. Это именно и имѣло мѣсто въ средней полосѣ Россіи, въ центральныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Московской, Калужской, Смоленской, Ярославской и тому подобныхъ, которыя въ то время считались наиболѣе доходными. Но это развитіе сельскаго хозяйства было чисто искусственнымъ, фиктивнымъ, ибо оно основывалось не на естественныхъ условіяхъ, но на извѣстныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, имѣвшихъ свой корень въ крѣпостномъ правѣ“.

Съ отмѣной крѣпостного права, помѣщичье сельское хозяйство, да и крестьянское тоже, очутилось въ достаточно печальномъ положеніи—безъ необходимыхъ агрономическихъ знаній и безъ капитала. Реформа положила конецъ золотому вѣку помѣщика, и онъ, предоставленный самому себѣ, быстро почувствовалъ свою безпомощность. Въмѣсто того, чтобы взяться за умъ, за накопленіе знаній, за приложеніе этихъ знаній къ своей ближайшей профессіи—полеводству, вмѣсто того, чтобы дальновидно реформировать свою жизнь на иныхъ началахъ, сообразно съ требованіями времени, онъ продолжалъ мнить себя „добрымъ бариномъ“, отчасти какъ будто даже несправедливо-обиженнымъ реформой, которому, однако, земля-кормилица должна изъ своихъ нѣдръ приносить не только прежніе, но, пожалуй, и еще большіе доходы, въ видѣ вознагражденія за потерю дарового крѣпостного труда. По дѣдовскимъ традиціямъ, по рутинѣ, по невѣжеству онъ продолжалъ крѣпко держаться старой системы хозяйства, истощая землю и обременяя ее непосильными долгами, легко добываемыми изъ частныхъ кредитныхъ установленій. Банковскіе займы пошли не на улучшеніе полевой культуры, а какъ придатокъ жизненному обиходу, въ духѣ дореформеннаго крѣпостного режима. Слѣдствіемъ такого новаго порядка вещей явилось истощеніе почвы, паденіе скотоводства, обветшаніе и разрушеніе сельскохозяйственныхъ строеній и страшная задолженность. Эти отрицательныя качества не уравновѣшивались или сглаживались какими нибудь иными положительными, почерпаемыми изъ источника просвѣщенія, цивилизаціи, личнаго творчества и новаторства.

А тутъ еще въ жизнь вторгся новый могучій факторъ, который поставилъ русскаго сельскаго хозяина лицомъ къ лицу съ запросами мірового рынка. Я разумѣю желѣзныя дороги, сыгравшія въ жизни народнаго хозяйства такую видную роль, подчинившія его, нѣкоторымъ образомъ, себѣ и вызвавшія въ этомъ хозяйствѣ начала конкуренціи и борьбы за существованіе. На сцену выдвинулись невѣдомые дотолѣ вопросы, въ видѣ тарифныхъ, вопросы о качествѣ зерна, о посредникахъ, о цѣнахъ мірового рынка, о конкуренціи съ заатлантическими земледѣльческими странами и народами. Всѣ эти безпокойные, но властные вопросы бурно ворвались въ нашу сельскохозяйственную жизнь послѣд-

A. G. G. G.

нихъ тридцати пяти пореформенныхъ лѣтъ, застигнувъ землевладѣльцевъ неподготовленными къ отвѣту, къ отпору, неприспособленными къ борьбѣ.

Рельсовый путь, желѣзнодорожное чудище, вмѣщающее въ одномъ только поѣздѣ силу тысячи лошадей заразъ, энергично и быстро подкапываетъ русскую жизнь къ рубежу европейской, и... сравненіе получилось ужасающее: Россія оказалась сплошь затушеванною единою характерною краскою, долженствующею обозначать почти поголовное невѣжество. Тогда только стало очевидно, что за три десятилѣтія слишкомъ, послѣдовавшія послѣ реформы, мы успѣли значительно обѣднѣть, но нисколько не созрѣть, въ духѣ европейскаго просвѣщенія.

Но и это позорящее насъ сравненіе какъ-то мало на насъ подѣйствовало. Крупное землевладѣніе вмѣсто того, чтобъ энергично свернуть на новый путь, освѣщаемый чарующими потоками просвѣщенія, заговорило не о школахъ, какъ панацеѣ всѣхъ золъ и болѣзней, а о воспитаніи изъ казеннаго ящика, объ обязательныхъ жертвахъ, которыя должны ему принести (сдѣлать подарокъ!) акціонерныя предпріятія и, главнымъ образомъ, желѣзныя дороги. И подарки посыпались: созданъ былъ, въ противовѣсъ частнымъ банкамъ, казенный—„Дворянскій“ съ дешевымъ кредитомъ, введенъ кредитъ по соло-векселямъ, урегулированы тарифныя ставки желѣзныхъ дорогъ, искусственно приподнять въ уѣздѣ престижъ дворянина-землевладѣльца, но все это, какъ читатель можетъ убѣдиться, помощь, пришедшая извнѣ, задаромъ полученная.

Гдѣ же лично принадлежащее землевладѣльцу и сельскому хозяину его собственное я, его самодѣятельность, его инициатива и энергія? Я не умѣю назвать такого счастливаго мѣста, гдѣ бы можно было указать на отвѣтную наличность элементовъ вопроса,—въ моемъ распоряженіи ихъ, по крайней мѣрѣ, не имѣется. А Энгельгардтъ?—спросятъ меня. Да, отвѣчу я, но вѣдь онъ уже скончался, такъ что же тревожить его „тоскующую тѣнь“, зачѣмъ безпокоить его прахъ? И, наконецъ, если и придется говорить о покойномъ дѣятелѣ русскаго сельскаго хозяйства, то тутъ съ самаго начала придется коснуться такихъ деликатныхъ общественныхъ сторонъ, которыя могутъ испугать только моихъ читателей изъ землевладѣльческаго класса. За неимѣніемъ же для настоящаго раза втораго живого Энгельгардта, приходится ограничиться исключительно констатированіемъ сказаннаго отрицательно, касающагося нашего землевладѣнія. Пожалуй, въ описаніяхъ г. Шаранова его странствованій „по сельскимъ хозяйствамъ“ можно бы было съ нѣкоторой натяжкой подыскать кое-что примиряющее съ сдѣланными мною печальными выводами, но оно такъ незначительно, односторонне и такъ нехарактерно, что лучше его не касаться и удобнѣе перейти непосредственно къ крестьянскому хозяйству.

Великая крестьянская реформа, какъ извѣстно, ударила „однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику“. О баринѣ уже сказано достаточно; посмотримъ теперь, какъ отразился ударъ на мужицкой спицѣ.

Хотя великую реформу изготовляли очень долго, и возилось съ нею не мало народа, но на дѣлѣ оказалось, что она вышла недоделанною: крестьянѣ не сумѣли надѣлать достаточной землей, и эта „недостаточность надѣловъ“ скоро дала о себѣ жестоко знать. За медовымъ мѣсяцемъ освобожденія послѣдовало быстрое разочарованіе. Тщетно небольшая группа писателей старалась обратить на обстоятельство „недостаточности“ должное вниманіе; голоса ихъ оставались безъ должныхъ отвѣтовъ, и ихъ или старательно замалчивали, или относили къ „зловредной превратности сужденій“ со всеѣми печальными послѣдствіями этой превратности.

Но и лица, интересовавшіяся крестьянскимъ хозяйствомъ, за немногими исключеніями, подходили къ вопросу болѣе съ соціальной, философской, политической, какой угодно, точки зрѣнія, но только не практической. А эта практическая точка зрѣнія обнаруживала, что, помимо того, что у крестьянѣ недостаточенъ надѣлъ, этотъ крестьянинѣ, вдобавокъ, не умѣетъ, согласно требованіямъ времени, ходить за этимъ надѣломъ, его культивировать и извлекать изъ него доходъ. Да и откуда же было крестьянину запасть нужными свѣдѣніями? Прежній строй жизни ничему толковому его не научилъ, а въ наступившемъ медовомъ мѣсяцѣ было не до науки: одни только печаловались, а другіе только радовались; учиться же никому не приходило въ голову.

Да и гдѣ было учиться, за неимѣніемъ подходящаго для этого дѣла заведенія? Кабаками, правильно организованной сѣтью ихъ, деревня быстро разукрасилась, но о школѣ что-то не было слышно, не говоря уже о странствующихъ учителяхъ-агрономахъ. Если же гдѣ и появлялась таковая школа, то ея задачи были не практическаго свойства, а съ печатью заботъ о „духовномъ естествѣ человѣка“.

Кто говорить, — и „духовное естество человѣка“ вещь великая! Но только она на недостаточномъ мужицкомъ надѣлѣ не научаетъ быть сытымъ, а въ особенности, если къ этой недостаточности присоединяются такіа неприятныа „качества“, какъ истощенность почвы надѣла, задолженность, отсутствіе побочнаго, дополнительнаго дохода на сторонѣ — на фабрикѣ, заводѣ, или въ видѣ правильно организованнаго кустарнаго промысла.

Такимъ образомъ, невѣжественная не по своей винѣ „деревня“ начала голодать, и между нею и тоже некультурной „усадьбой“, которая уже начала чувствовать невозможность удовлетворять свои аппетиты вплотную, постарому, „побарскому“, родился своеобразный антагонизмъ: деревня стала ловить усадьбу на томъ, чтобъ содрать съ нея лишнее, обмануть ее, а усадьба, съ своей стороны, начала стремиться, чтобы этой деревнѣ не додать или посадить ее въ кутузку. Эти, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ платоническіа, отношенія, разумѣется, не содѣйствовали благополучію полеводства, и если „усадьба“ обремизилась въ этой области передъ запросами времени, то „деревня“ стала окончательно втупикъ и пошла въ полную кабалу. Ко всеѣмъ перечисленнымъ бѣдамъ присоединились еще нѣкоторыа специфическіа свойства русской жизни,

по коимъ, напримѣръ, дѣло переселенія изъ скученнаго и обнищавшаго села на новыя мѣста долго считалось чуть ли не предосудительной, вредной затѣей...

Эти печальныя условія существованія земледѣльской Россіи были еще кое-какъ сносны, пока „Богъ посылалъ урожай“, и мать-земля все же производила хоть посредственные полевые продукты. Но вотъ грянулъ громъ—пронесся вихремъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, голодъ, и всѣ жалкіе швы жизни затрещали разомъ: баринъ окончательно запутался въ долгахъ, а мужикъ сталъ попросту вымирать. Въ земледѣльской Россіи не нашлось средствъ къ собственному пропитанію, и заатлантическіе друзья великодушно прислали намъ корабли съ хлѣбомъ. Вотъ тутъ-то мы впервые, кажется, серьезно задумались надъ настоящимъ и будущимъ нашего сельскаго хозяйства и пришли къ единодушному рѣшенію: „такъ жить нельзя!“

Мы убѣдились, что, дѣйствительно, „крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное“, что наши хозяйства—и дворянское и крестьянское—никуда не годны, что система нашего полеводства нуждается въ радикальной реформѣ, что нечего намъ думать прокармливать Европу, когда наше собственное земледѣльческое населеніе вѣчно не доѣдаетъ, что лучший источникъ государственной казны—желудокъ мужицкій, и что всякое потребленіе послѣдняго стоицею возвращается въ эту самую казну. Но между сознаніемъ и активными дѣйствіями еще лежитъ цѣлая пропасть. Сдѣлали мы что-нибудь для предотвращенія возможнаго страшнаго всеобщаго разоренія, приступили ли мы къ настоящему радикальному леченію своихъ болѣзней и заживленію своихъ ранъ? Да, кое-что уже сдѣлано, но далеко, далеко не въ нужной мѣрѣ, не въ должной степени. Тѣмъ не менѣе нѣкоторый слабый просвѣтъ все-таки виденъ, мелькаетъ все же надежда на лучшее будущее.

IV.

Обращаясь отъ соображеній общаго свойства къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ вопросовъ земледѣльской Россіи въ ихъ существенной группировкѣ, которая мною отмѣчена выше, остановлюсь, прежде всего, на соотношеніи частнаго и крестьянскаго землевладѣнія. Передъ крестьянскою реформою, по свидѣтельству кн. Васильчикова ¹⁾, число дворянъ-помѣщиковъ простиралось до 100.340 семействъ. Въ самый моментъ изданія положенія число это уменьшилось, но составляло до 100.247.

„Уменьшеніе это,—говоритъ изслѣдователь,—распредѣляется различно между разными группами помѣщиковъ; число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ уменьшилось на 12.360, число среднепомѣстныхъ увеличилось на 3.190, а крупнопомѣстныхъ на 77. Поэтому почти все приращеніе относится только къ средней группѣ помѣщиковъ,

¹⁾ Князь А. Васильчиковъ, „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“.

отъ 100 до 500 душъ; относительно высшаго разряда крупныхъ владѣльцевъ нужно замѣтить, что хотя число ихъ возросло на 77, но общій итогъ ихъ имущества, если судить по числу душъ, уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ на значительную сумму (599.461 д.), что составляетъ около 11%. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе, искусственно созданное въ Россіи всемилостивѣйшими пожалованіями, уже въ то время, при крѣпостномъ правѣ, быстро клонилось къ упадку, несмотря на то, что поддерживалось еще таковыми же пожалованіями заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній въ Западномъ краѣ. Разрядъ мелкихъ помѣщиковъ рѣдѣлъ еще быстрее; усиливались только ряды средняго помѣстнаго сословія, провинціального дворянства, которому и предстояло играть первенствующую роль въ ожидавшихся реформахъ: число этихъ среднихъ владѣльцевъ прибыло, какъ выше сказано, на 3.190, а состояніе ихъ увеличилось на 291.008 душъ крестьянъ“.

Въ моментъ реформы (1861 г.) кн. Васильчиковъ начисляетъ землевладѣльческаго или помѣстнаго элемента въ Россіи 71.112 семействъ не одного дворянскаго, но разнаго званія, или около 284.448 жителей обоого пола. „Если причислить къ этому итогу 8 губерній, для коихъ не было дано свѣдѣній, также уѣзды (5.517.232 десят.), то мы получимъ круглымъ числомъ около 80.000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ-домохозяевъ, владѣющихъ около 90 милліонами десятинъ удобной земли“,—говоритъ онъ.

Что касается крестьянъ, то таковыхъ за то же время въ 48 губ., по расчету того же изслѣдователя, считалось 22.544.583 ревизскихъ душъ съ 116.103.720 дес. земли, что составляло на ревизскую душу—5,1 дес. Обозрѣвая крестьянское землевладѣніе по разрядамъ, кн. Васильчиковъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія по каждому изъ нихъ: помѣщичьи и крестьяне въ числѣ 9.795.163 ревизскихъ душъ, при изданіи положенія о крестьянахъ, въ 1861 году, владѣли землей въ количествѣ 35.779.014 десятинъ, что составляло на душу 3,6 десятины. Къ 1 января 1880 года число крестьянъ, выкупившихъ земли, было 7.853.748, а число десятинъ выкупленной земли—28.039.090, на душу 3,5. „Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—оказывается, что, несмотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, коимъ они воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко, несмотря на право такъ называемаго дароваго надѣла, которое было примѣнено въ обширныхъ размѣрахъ въ Саратовской и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшило пространство крестьянскихъ угодій на $\frac{3}{4}$,—несмотря на это, въ общемъ итогѣ выкупленной земли (3,5 дес. на душу) почти равняются среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ (3,5 десятинъ на душу). Самое замѣчательное пониженіе средняго душеваго надѣла оказывается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дароваго надѣла; въ Саратовской губерніи средній надѣлъ на душу уменьшился на 0,65 десятины, въ Воронежской на 0,65, въ Екатеринославской на 0,54“.

Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ Астраханской на 2,31 десятины на душу, въ Оренбургской на 1,68. Поэтому надо предположить,

что, при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ, крестьяне старались возвратитъ въ свое владѣніе отрѣзныя земли, бывшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ и отобранныя у нихъ по уставнымъ грамотамъ, и что, такимъ образомъ, общее пространство крестьянскихъ земель, показанное въ 1861 году въ 35.779.014 десятинъ, не много измѣнится по окончаніи выкупной операціи. Что же касается удѣльныхъ крестьянъ, то таковыя удержали за собой все количество угодій, состоявшихъ въ ихъ пользованіи безъ отрѣзки; какъ тягловыя, такъ и запасныя земли включены въ составъ надѣла, подлежащаго выкупу, поэтому земельное ихъ положеніе не измѣнилось. Въ числѣ 862.740 душъ они владѣютъ 4.336.454 дес. или по $5\frac{3}{4}$ десятины на душу. Третья группа—государственные крестьяне—удержали все угодья по владѣннымъ записямъ, состоявшія въ ихъ пользованіи. По числу почти равныя помещичьимъ, они владѣютъ землей въ количествѣ почти вдвое большемъ: на 9.194.891 душъ земли 74.801.246 дес., или на 1 ревизскую душу по 8,7 десятинъ.

Общіе итоги къ 1880 г. нашего землевладѣнія, по вычисленіямъ князя Васильчикова, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: мелкаго (крестьянскаго и городского) владѣнія—164 милліона десятинъ, средняго и крупнаго, частныхъ лицъ и удѣловъ—88 милл. Третью, наконецъ, и самую крупную группу землевладѣнія, являющуюся запасомъ государства и народа, составляютъ казенныя земли и лѣса, коихъ считается изъ общаго числа 205.319.525 дес., удобныхъ—125 милліоновъ десятинъ.

Со времени выхода въ свѣтъ изслѣдованія князя Васильчикова въ вопросѣ о земельной собственности произошло не мало перемѣнъ, участь которыхъ въ данный моментъ, до имѣющей быть въ будущемъ 1897 году переписи, не представляется возможнымъ. Но вотъ что, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ по этому предмету „Вся Россія“¹⁾ за 1897 годъ: въ Европейской Россіи за послѣднія 15 лѣтъ частное землевладѣніе сильно измѣнилось; такъ, по 43 губерніямъ, по коимъ имѣются свѣдѣнія, дворянство за этотъ періодъ утратило 11.115.000 дес., земли, или 16%. Сильно растетъ землевладѣніе крестьянъ: послѣдніе, при помощи одного крестьянскаго банка въ періодъ 1883—1893 гг., приобрѣли 1.142.000 десятинъ.

Любопытныя также указанія на мобилизацію земельной собственности встрѣчаемъ мы въ статьѣ Е. И. Жигачева „Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи“²⁾. По утвержденіямъ автора, „переходъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія начался съ самыхъ первыхъ годовъ пореформенной жизни, когда земля сдѣлалась товаромъ; уже въ семидесятыхъ годахъ комиссія графа Валюева свидѣтельствовала, что переходъ этотъ все болѣе и болѣе усиливается, причемъ лица торговаго сословія приобретаютъ земли преимущественно въ черноземныхъ губерніяхъ съ заводскими цѣ-

¹⁾ Изданіе А. Суворина.

²⁾ „Русская Мысль“, 1892 г., № 11.

лями, рѣже въ нечерноземныхъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью фабричною; крестьяне же жадно покупаютъ земли какъ въ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время мобилизація земель достигла уже огромныхъ размѣровъ, продолжая, однако, усиливаться повсемѣстно, причемъ дворянское землевладѣніе всюду сокращаетъ свою площадь, и на счетъ его растутъ землевладѣнія крестьянское и купеческое⁴.

Заключительный выводъ автора какъ нельзя болѣе подтверждаетъ то, что уже было сказано выше, когда шла рѣчь о заустѣнн помѣщичьихъ хозяйствъ.

„Дворяне,—говоритъ г. Жигачевъ,—не приспособились еще къ новымъ условіямъ хозяйства, не выполнили новыхъ требованій жизни, и заустѣніе ихъ помѣстій, разореніе ихъ гнѣздъ, долги и бѣдность дворянства явились лишь логическими послѣдствіями этой ихъ неприспособленности. Какъ привилегированное и служилое сословіе, дворянство наше никогда не отличалось особенною рачительностью хозяйственной дѣятельности въ своихъ имѣніяхъ, но въ былое старое время личные недостатки владѣльцевъ маскировались сословными прерогативами и не могли поэтому замѣтно вліять на прочность и устойчивость ихъ землевладѣнія. Въ настоящее же время личная дѣятельность людей, ихъ энергія и предприимчивость является рѣшающимъ моментомъ въ томъ или иномъ экономическомъ или социальномъ положеніи, достигаемомъ людьми, вслѣдствіе чего дворяне, какъ нерачительные хозяева, не замедлили спуститься на одну изъ низшихъ экономическихъ ступеней, на которой каждую оплошность ихъ, въ то же время, бдительно караулитъ „герой нашего времени“—вездѣсущій „чумазый“. При такихъ условіяхъ кредитъ явился для дворянскаго землевладѣнія лишь разрушительнымъ элементомъ, а звонъ аукціоннаго молота—лишь торжественною побѣдною нотой того новаго экономическаго мотива, который зазвучалъ въ области землевладѣнія, какъ логическое послѣдствіе новыхъ пореформенныхъ основъ общежитія“.

Какъ же велика въ общемъ задолженность частнаго землевладѣнія и откуда она образовалась? „Вся Россія“ свидѣтельствуетъ, что изъ общаго количества 115.090.540 десятинъ частновладѣльческой земли въ 66 губерніяхъ къ 1894 году въ залогъ состояло 108.394 имѣнія съ 47.499.353 дес. или 41,3% всей частновладѣльческой земли, съ суммой непогашеннаго долга по ней однимъ лишь земельнымъ банкамъ въ 1.174.778.740 рублей. Исторія этой частновладѣльческой задолженности обстоятельно рассказана г. Жигачевымъ въ указанной выше статьѣ, и на ней я остановлюсь нѣсколько обстоятельнѣе. Это тѣмъ болѣе представляется нужнымъ, что относительно крестьянской задолженности не имѣется однородныхъ свѣдѣній, почему для нѣкоторой обстоятельности русской земельной задолженности полезно почерпнуть какія нибудь данныя хотя бы изъ односторонняго источника.

V.

Ко времени наступленія реформы (1859 г.) изъ общаго числа 111.693¹⁾ населенныхъ имѣній Европейской Россіи было заложено уже въ старыхъ банкахъ 44.166 имѣній, или 39,54%, въ залогъ было при-

¹⁾ Какъ эти, такъ и послѣдующія цифровыя данныя взяты изъ статьи г. Жигачева.

нято 7.107.184 крѣпостныя ревизскія души, или 65,54% всего крѣпостного населенія имперіи, подъ которыя было выдано ссудъ 425.503.061 р. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1859 г. выдача поземельныхъ ссудъ дворянамъ была прекращена изъ всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленій, но уже въ 1864 году наше крупное землевладѣніе, несмотря на полученные выкупные платежи (къ 1870 г. на руки дворянствомъ было получено почти 263.094.652 р.), почувствовало уже необходимость въ земельномъ кредитѣ, въ каковыхъ видахъ и былъ основанъ первый частный земскій банкъ—Херсонскій.

Съ этого времени, и вплоть до настоящихъ дней, наблюдается сильный ростъ частной земельной задолженности, въ связи съ чѣмъ возникаетъ рядъ частныхъ кредитныхъ учреждений: нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, обществу взаимнаго поземельнаго кредита (золотому банку), пришлось сыграть въ судьбахъ землевладѣнія крупную и печальную роль. Уже къ 1870 г. въ 40 губерніяхъ Европейской Россіи землевладѣльцами заложено было въ частныхъ банкахъ 1.228 имѣній, заключающихъ въ себѣ 2.119.565 дес., въ суммѣ 26.656.830 р., а черезъ 5 лѣтъ, т. е. къ 1875 г., количество заложженныхъ имѣній возросло до 10.805 обремененныхъ долгомъ въ 238.365.939 р. Къ 1885 г. въ залогъ земельныхъ банковъ состояло 25.017 имѣній съ ссудой на нихъ въ 520.760.585 р., а къ 1890 г. задолженность частного землевладѣнія въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи главнымъ земельно-кредитнымъ учрежденіямъ, т. е. акціонернымъ земельнымъ банкамъ, дворянскому банку, обществу взаимнаго поземельнаго кредита и херсонскому земскому банку, представлялась уже въ видѣ 41.119 заложженныхъ имѣній, заключающихъ 31.705.066 десятинъ земли и обремененныхъ долгомъ въ 770.152.068 р. Заложенная земля составляла 34,77% площади частновладѣльческой земли. Послѣдній періодъ въ развитіи задолженности землевладѣнія, по интенсивности роста поземельныхъ долговъ, рѣзко отличается отъ двухъ предшествовавшихъ ему пятилѣтнихъ періодовъ. Вслѣдствіе открытія дѣйствій дворянскаго поземельнаго банка, производившаго выдачу ссудъ на условіяхъ гораздо болѣе легкихъ, чѣмъ всѣ другіе банки, процессъ задолженности землевладѣнія, постепенно ослабѣвавшій въ теченіе 10 лѣтъ, за періодъ 1885—1889 г. принялъ такіе размѣры, которые превосходятъ даже спекулятивную горячку начала семидесятыхъ годовъ.

Если обратиться къ пространственному распредѣленію земельныхъ долговъ, то, по словамъ г. Жигачева:

„Съ этой стороны оказывается, что процессъ задолженности, возникнувъ въ началѣ пореформеннаго періода лишь въ нѣкоторыхъ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ черноземной полосы, сохранилъ тяготѣніе къ подобнымъ мѣстностямъ и до настоящаго времени. Главная масса земельныхъ долговъ сосредоточивается и нынѣ преимущественно въ наиболѣе богатыхъ областяхъ Европейской Россіи, хотя успѣла значительно распространиться и на сравнительно безплодныя области съ малоцѣнной землей. При этомъ въ однѣхъ изъ этихъ плодородныхъ и богатыхъ губерній задолженность превышала уже 60% площади земли частновладѣльческой (Херсон-

ская 65,0⁰/₀, Бессарабская 61,8⁰/₀), въ другихъ превышала половину ея (Екатеринославская 57,0⁰/₀, Пензенская 56,5⁰/₀, Подольская 55,5⁰/₀, Харьковская 51,4⁰/₀, Тамбовская 50,9⁰/₀, Тульская 48,1⁰/₀, Казанская 48,0⁰/₀ и Саратовская 47,7⁰/₀). Такимъ образомъ, хотя величина общей помилерской задолженности, выражающейся залогомъ одной третьей части площади личной собственности, и не могла бы представить собой особенно тяжелаго бремени для современнаго частнаго землевладѣнія, но приведенный характеръ распредѣленія долговъ по губерніямъ представляетъ дѣло въ совершенно иномъ видѣ. Землевладѣніе еще безъ особеннаго труда, конечно, могло бы выдержать обложеніе въ пользу ссуднаго капитала, если бы обложеніе это дѣйствительно простиралось лишь на одну третью часть его площади и, парализуя эту часть, оставляло бы остальныя двѣ трети его свободными—въ живомъ и дѣятельномъ состояніи; но капиталъ наложилъ свою тяжелую руку преимущественно на самыя цѣнныя и плодородныя земли, причемъ подчинилъ своему господству большую половину ихъ площади“.

Сказанное относится къ банковской задолженности, но она далеко не исчерпываетъ собою общей земельной задолженности: существуетъ еще задолженность по вторымъ (частнымъ, ростовщическимъ) закладнымъ, долги земству, повинности казначейству, недоимки, пени и проч. и проч. Г. Жигачевъ дѣлаетъ слѣдующій примѣрный подсчетъ частновладѣльческимъ долгамъ (безъ земельныхъ недоимокъ), платежамъ по долгамъ и прибылямъ отъ сельскохозяйственнаго производства:

„Общая сумма задолженности выразится въ 1.564 милліонахъ рублей,—говорить онъ,—что по разсчету на 1 десятину частновладѣльческой земли (90.000.000 дес.) составитъ 17 руб. 38 коп., что соотвѣтствуетъ ежегодному платежу съ десятины банковыхъ процентовъ, по разсчету изъ 7⁰/₀, по 1 р. 21 к. Средняя продажная цѣна десятины въ 1882 г. равна 26 р. 41 к., а въ 1887 г.—34 р. 57 к. Если допустить, что повышеніе цѣны земли за послѣдующіе два года, 1888 и 1889 г., происходило въ той же постепенности, какъ и за время 1882—1887 гг., то къ 1890 г. средняя цѣна 1 десятины земли была равна 37 р. 83 к., что при 5⁰/₀ чистой прибыли отъ сельско-хозяйственнаго производства дастъ съ десятины 1 р. 89 к. чистаго дохода, или, за вычетомъ платежей по ссудамъ, 68 к. свободныхъ суммъ. При такой чистой доходности земли, годовой бюджетъ средняго владѣльца-дворянина (средній размѣръ владѣнія 683 д.) опредѣляется въ 434 рубля, а средняго владѣльца-кунца (771 д.)—въ 524 рубля, т. е. суммой значительно меньшей, чѣмъ жалованье высшаго изъ штатныхъ чиновниковъ въ любомъ изъ департаментовъ нашихъ министерствъ“.

Что касается до крестьянской задолженности, то здѣсь дѣло обстоитъ еще печальнѣе и безнадежнѣе. Къ сожалѣнію, по настоящему предмету нѣтъ возможности привести опредѣленныхъ суммарныхъ данныхъ, такъ что вопросъ о задолженности крестьянскаго землевладѣнія по всей Россіи—одинъ изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ нашей экономической литературѣ. Дѣятельность крестьянскаго банка обрисовываетъ эту задолженность въ очень слабой степени, такъ какъ это учрежденіе охватываетъ жизнь только очень ограниченной части населенія. Во всякомъ случаѣ, всѣ изслѣдователи единогласно утверждаютъ, что крестьянская задолженность и недоимочность за текуція 35 лѣтъ достигла значительной суммы, и наша „деревня“ положительно изнемогаетъ подъ бременемъ непомѣрныхъ и непропорціональныхъ ея достатку по-

датеи и накопившихся въ связи съ этимъ недоимокъ казнѣ и долговъ „міроѣдамъ“.

Такъ, по изслѣдованіямъ г. Гурвича двухъ уѣздовъ Рязанской губерніи, въ его знакомой уже книгѣ „Экономическое положеніе русской деревни“, оказывается, „что тяжесть обложенія находится въ Россіи въ обратномъ отношеніи къ средствамъ налогоплательщика“. „Какова бы ни была абсолютная сумма недоимокъ, — утверждаетъ авторъ, — главная бѣда заключается въ томъ, что онѣ всей тяжестью ложатся на скотъ, который составляетъ единственную часть движимаго имущества крестьянина и потому прежде всего подлежитъ продажѣ съ публичнаго торга. Недоимки являются, стало быть, своего рода дамкловымъ мечомъ, постоянно угрожающимъ самому существованію крестьянскаго хозяйства. Кромѣ того, недоимки прикрѣпляютъ крестьянина къ мѣсту и такимъ образомъ суживаютъ рынокъ для его труда“. Соображенія относительно недоимочности приводятъ автора къ печальному заключенію. „Старый вопросъ о хронической недоимочности крестьянскаго населенія нынѣ легко разрѣшается путемъ публичной продажи крестьянскаго скота, — говоритъ онъ. — Сѣченье, какъ мѣра финансовой политики, можетъ быть покинуто, по крайней мѣрѣ по отношенію къ несостоятельнымъ должникамъ, ибо теперь обезпеченіемъ въ уплатѣ податей, помимо тягла налогоплательщика, является земля. Такъ экономическая эволюція ослабила юридическія цѣпи, приковывавшія прежде крестьянина къ землѣ“.

Высочайшими манифестами послѣднихъ 15-ти лѣтъ крестьянамъ прощено не мало государственныхъ недоимокъ и довольно значительная часть выкупныхъ платежей, но все это тѣ капли въ морѣ, которыми горю не пособить. Врядъ ли этому значительно поможетъ новая проектированная система взиманія платежей. Все это мѣры, регулирующія движеніе крестьянскихъ суммъ, но не вносящія въ жизнь какой нибудь радикальной реформы, имѣющей своимъ назначеніемъ полное освѣженіе „деревни“ и обновленіе ея устоевъ. Реформа „крестьянскаго банка“, произведенная въ послѣдніе годы, правда, какъ будто даетъ надежду крестьянскому люду на возможность какого нибудь выхода изъ путъ малоземелья, но опять-таки здѣсь придется постоянно наталкиваться на зубчатые колеса четырехъ правилъ ариметики, назначеніе которыхъ никакимъ образомъ не состоитъ въ стираниіи суммы накопившихся долговыхъ обязательствъ.

Эти обязательства во всевозможныхъ видахъ растутъ, и растутъ, какъ въ отношеніи „усадыбы“, такъ и „села“, и если бы возможно было сдѣлать имъ обстоятельный подсчетъ, то, вѣроятно, тѣ $1\frac{1}{2}$ миллиарда долга, которые значатся за нашимъ землевладѣніемъ по банковскимъ бухгалтерскимъ книгамъ, окажутся миниатюрной суммой. Рано или поздно (и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше), настоящая сумма всероссійской земельной задолженности и недоимочности, конечно, выяснится, и тогда мы серьезно задумаемся: какъ быть? Палліативныя мѣропріятія, въ видѣ льготныхъ кредитовъ, разсрочекъ и даже частичныхъ расселеній крестьянъ, здѣсь не

помогутъ. Врядъ ли совершится въ этой области и какая нибудь мирная эволюція, которая тихо, гладко, самодѣйствующими силами все исправить, все направить; скорѣе, думается, здѣсь потребуются новое энергичное вмѣшательство правительства, которое пожелаетъ взять дѣло упорядоченія задолженности въ свои руки, въ каковыхъ видахъ прибѣгнетъ къ своего рода новой „выкупной операціи“ съ конечной цѣлью—возвращенія къ древне-русскому московскому принципу „государевой земли“.

VI.

Отъ вопросовъ землевладѣнія перейдемъ теперь къ земледѣлію; но и здѣсь, какъ уже отчасти было показано въ началѣ статьи, дѣло обстоитъ не болѣе благополучно. Г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Организація полевого хозяйства“ рисуетъ намъ слѣдующую печальную, хотя и въ значительно смягченномъ видѣ, картину нашей сельскохозяйственной культуры:

„Куда бы мы въ Россіи ни обратились, вездѣ мы встрѣчаемъ отсутствіе какого бы то ни было плана въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, отсутствіе организаціи, одностороннее развитіе одной какой либо отрасли хозяйства на счетъ всѣхъ другихъ,—говоритъ г. Ермоловъ.—На окраинахъ, на дальнемъ сѣверѣ, какъ и на дальнемъ югѣ, мы замѣчаемъ, кромѣ того, весьма ничтожное развитіе вообще сельскохозяйственнаго производства, обусловленное, конечно, малою степенью населенности нашихъ сѣверныхъ и южныхъ пространствъ. Отсюда логически вытекаютъ и тѣ послѣдствія такого положенія вещей... а именно: низкая производительность земледѣлія, вслѣдствіе чрезмѣрной, усиленной разработки земель, производящихъ по большей части все однородныя растенія—злаки да злаки—и не получающихъ удобрения, за совершеннымъ отсутствіемъ или ничтожными размѣрами скотоводства,—это тамъ, гдѣ... центръ тяжести сельскохозяйственнаго производства лежитъ на сторонѣ земледѣлія. Ничтожная производительность скотоводства, вслѣдствіе малаго запаса наличныхъ кормовыхъ средствъ, собираемыхъ съ естественныхъ, неулучшенныхъ луговъ и пастбищъ, при отсутствіи обыкновенно искусственнаго воздѣлыванія кормовыхъ средствъ на поляхъ; малое распространеніе сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ и отчужденіе на сторону большей части продуктовъ полевой культуры, обыкновенно зерновыхъ хлѣбовъ, въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; ничтожный, силенъ и рядомъ не удовлетворяющій насущной потребности населенія сборъ всѣхъ вообще продуктовъ земледѣлія и скотоводства въ хозяйствахъ крестьянскихъ; при малой производительности и доходности скота—дороговизна навоза, малое количество и плохое качество наличныхъ удобрительныхъ средствъ и невозможность расширенія и увеличенія производительности полевой культуры,—это въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, при ограниченныхъ размѣрахъ земледѣлія, развитіе котораго обусловливается исключительно развитіемъ скотоводства, центръ тяжести лежитъ на сторонѣ послѣдняго“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своей работы сановный авторъ, пытается нѣсколько утѣшить насъ и доказываетъ, что, несмотря на все грустное, совершающееся въ сферѣ нашего полеводства, все-же нѣкоторый прогрессъ уже народился здѣсь, и замѣтно стремленіе къ улучшенію способовъ и средствъ землепользованія, какъ въ средѣ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ... „Возникающіе новые сельскохозяйственные приемы и обычаи,—говоритъ

онъ,—организующіяся системы, слагающіеся сѣвообороты являются результатами всеобщаго развитія русскаго сельскохозяйственнаго дѣла, признаками движенія его впередъ, движенія медленнаго, мало и не совсѣмъ замѣтнаго, но тѣмъ не менѣе несомнѣннаго и—что всего важнѣе—вполнѣ самостоятельнаго и разумнаго“. Въ силу этихъ-то благоприятныхъ симптомовъ авторъ и считаетъ своевременнымъ выступить съ своей книгой, гдѣ старается „намѣтить тотъ путь, по которому наши хозяева должны слѣдовать при организациі полевыхъ дѣла и введенія улучшенныхъ формъ земледѣлія, сообразуясь съ настоящими условіями русскаго сельскохозяйственнаго дѣла и съ основными законами науки земледѣлія, такъ какъ только въ томъ случаѣ, если вновь вводимыя ими системы будутъ удовлетворять требованіямъ тѣхъ и другихъ, ихъ и можетъ ожидать успѣхъ“. Въ заключеніе книги, онъ считаетъ нужнымъ подтвердить для пользы сельскохозяйственной промышленности гармонію теоріи съ практикой.

„Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—мы приходимъ къ тому же самому, что говорили въ самомъ началѣ и много разъ затѣмъ повторяли, а именно, что только путемъ внимательнаго изученія условій практическаго сельскохозяйственнаго дѣла, при надлежащемъ въ то же время знакомствѣ съ основными законами растительной и животной жизни и при соблюденіи главнѣйшихъ, какъ теоретическихъ, такъ и чисто практическихъ требованій полевой культуры, возможно поставить сельскохозяйственное дѣло на такую высоту, при которой исчезнетъ всякое противорѣчіе между такъ называемыми „теоріею“ и „практикою“ сельскаго хозяйства. Только при соблюденіи этихъ условій слова „раціональное“ и „прибыльное“ хозяйство станутъ въ глазахъ сельскаго хозяина вполнѣ синонимами. Остается пожелать, чтобы, при тѣхъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, которыя переживало въ послѣдніе годы русское земледѣліе, и при той трудной борьбѣ, которую намъ приходится вести съ другими странами, далеко насъ опередившими на пути развитія сельскохозяйственнаго дѣла, это время у насъ возможно скорѣе наступило“.

Я уже оговорился въ началѣ очерка, что не преслѣдую спеціальныхъ цѣлей и отсѣкаю отъ него техническую, профессиональную часть, почему и вынужденъ отказаться отъ удовольствія дальнѣйшаго пользованія премированнымъ академіей наукъ трудомъ г. министра земледѣлія; но на прощаніе съ этимъ трудомъ считаю долгомъ подчеркнуть то убѣжденіе автора, что успѣхи нашей сельской промышленности прямо пропорціональны накопленію научныхъ знаній среди русскихъ землевладѣльцевъ. Такой свѣтлый взглядъ на дѣло непосредственно отразился на характерѣ направленія молодого „министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ“, основаннаго именно для упорядоченія и руководства русскимъ земледѣліемъ. И, дѣйствительно, съ открытія извѣстныхъ засѣданій въ министерствѣ, при участіи свѣдущихъ лицъ изъ земствъ и иныхъ учреждений, общественныхъ и правительственныхъ, вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи былъ выдвинутъ на первую очередь.

Правда, и до сформированія сказаннаго министерства, вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи неоднократно возбуждался среди дѣятелей земствъ, науки и печати, но только голодные годы начала текущаго десятилѣтія осязательно убѣдили насъ въ пагубѣ невѣжества и побудили серьезно

подумать объ этой сторонѣ дѣла. Да и кому было, до сформированія министерства земледѣлія, явившагося на свѣтъ Божій, какъ неминуемое слѣдствіе стихійной бѣды, дать истинную жизнь, практическое направленіе этому вопросу? Земства, вѣдавшія дотолѣ отчасти только земледѣліе губерній, слишкомъ были задавлены иными вопросами; и, наконецъ, они и сами-то постоянно жили въ страхѣ за собственное существованіе и не всегда въ разныхъ вопросахъ чувствовали твердую почву подъ ногами.

Во 2-мъ томѣ обширнаго труда г. П. Сазонова „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.)“¹⁾ имѣется достаточное количество данныхъ для сужденія о заботахъ земствъ по предмету распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ Россіи, откуда мы легко можемъ убѣдиться, что благія начинанія и порывы нашихъ земскихъ дѣятелей въ этомъ направленіи сплошь и рядомъ разбивались о непредвидѣнныя обстоятельства, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимало отсутствіе свободныхъ средствъ для этого въ казнахъ, какъ земскихъ, такъ и общегосударственной. Въ виду того, что работа почтеннаго изслѣдователя носитъ характеръ сырого матеріала, безъ выводовъ, заключеній и общихъ итоговъ, чрезвычайно трудно составить себѣ наглядное представленіе, что же сдѣлали въ итогѣ въ теченіе 30 лѣтъ земства всѣхъ губерній вкупѣ для насажденія сельскохозяйственнаго знанія въ народѣ. Удовлетвореніе нашему любопытству мы можемъ получить изъ иныхъ изданій того же департамента: „Сельскохозяйственное образованіе въ Россіи въ концѣ 1894 года“²⁾ и „Сельскохозяйственныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя департаменту земледѣлія въ концѣ 1895 года“³⁾.

Изъ послѣдняго изданія мы узнаемъ, что „число сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній и курсовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Такъ, въ 1893 году въ имѣвшихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ 1 высшемъ, 8 среднихъ и 59 низшихъ заведеніяхъ было 3.157 учащихся и на содержаніе всѣхъ этихъ школъ тратилось изъ казны 555.700 рублей въ годъ. Послѣ же преобразованія министерства, а именно въ концѣ 1895 и къ началу 1896 года, общее число дѣйствовавшихъ учебныхъ заведеній возросло, какъ упомянуто выше, до 89 и учащихся въ нихъ было 3.860 человекъ, а расходъ казны достигъ 776.076 рублей, т. е. увеличился болѣе чѣмъ на 40%. Затѣмъ устраивается и готовится къ открытію болѣе 29 школъ; кромѣ того, находится въ производствѣ болѣе 50 дѣлъ по ходатайствамъ объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній въ различныхъ районахъ Россіи.“

Когда читаешь эти строки, писанныя, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ радости за прогрессъ просвѣщенія, то не сразу даешь себѣ ясный отчетъ въ своихъ личныхъ чувствахъ. Но когда для вразуми-

¹⁾ Изданіе департамента земледѣлія, 3 т., Сиб., 1896 г.

²⁾ „Справочная книжка“, Сиб., 1895 г.

³⁾ Изд. въ Сиб., 1896 г.

тельности заглянешь въ приложенную къ настоящему изданію карту графическаго распредѣленія сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній по поверхности нашей родины, то густая краска стыда невольно заливаешь щеки, и остается только ахнуть передъ раскрывшейся картиной сельскохозяйственнаго невѣжества нашей родины. Земледѣльческая Россія, гдѣ 80⁰/₀ населенія буквально живетъ плодами земли, почти поголовно невѣжественна по части знанія свойствъ этой земли и ея производительности! Въ то время, когда, не говоря уже про Америку, Францію и т. д., но даже сосѣдняя съ нами, „наша собственная“ Финляндія успѣла широко развить у себя институтъ странствующихъ агрономическихъ инструкторовъ и учителей,—спеціально-земледѣльческая Россія, „житница Европы“, торжественно указываетъ къ концу XIX вѣка, что она успѣла уже обзавестись „89 сельскохозяйственными учебными заведеніями съ 3.860 человекъ учащихся!“ Я не въ укоръ молодому министерству это говорю, такъ какъ его тутъ не въ чемъ укорять, а съ болью съ сердцѣмъ подчеркиваю это обстоятельство въ назиданіе соотечественникамъ и тѣмъ возможнымъ читателямъ изъ землевладѣльцевъ, которымъ попадутся, можетъ быть, на глаза эти строки.

Бесѣдуя на эту тему отечественнаго убожества по части сельскохозяйственнаго просвѣщенія съ однимъ даровитымъ государственнымъ дѣятелемъ, я спросилъ его, почему, вмѣсто того, чтобы создать дорогостоящія агрономическія учебныя заведенія съ ихъ рецидивомъ безграмотности, намъ не послѣдовать примѣру прочихъ государствъ и не обзавестись странствующими инструкторами и учителями агрономіи?

— А оттого,—отвѣчалъ онъ мнѣ пронически,—что мы все боимся вредныхъ людей, забывая, что страха этого ради, который очень легко предотвратить, мы обрекаемъ громадную массу на невѣжество, горе и нужду. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ, пользуясь приѣмомъ, аналогичнымъ инструкторству, сумѣлъ въ самое короткое время реформировать хозяйство сартъ и ввести у нихъ посѣвъ суходольнаго хлопка. Я надѣюсь, что никто не станетъ утверждать, будто русскій крестьянинъ по своимъ природнымъ способностямъ стоитъ ниже сарта: дайте ему только инструктора, который бы гарантировалъ ему урожай при новой улучшенной системѣ хозяйства, съ травосѣяніемъ, многополіемъ и пр., и я ручаюсь вамъ, что вы черезъ самое короткое время не узнаете истощеннаго нынѣ крестьянскаго хозяйства и наглядно убѣдитесь въ способности русскаго простаго человека слѣдовать указаніямъ опыта и знанія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній, толчокъ которому, во всякомъ случаѣ, былъ данъ министерствомъ земледѣлія, то въ числѣ мѣръ, могущихъ принести въ этой области дѣйствительную пользу, считаю нужнымъ отмѣтить, въ качествѣ дѣйствующихъ уже нынѣ ¹⁾: 1) публичныя чтенія и бесѣды въ губернскихъ го-

¹⁾ См. „Производительныя силы Россіи“. Изданіе министерства финансовъ, стр. 80.

родахъ, устроенныя въ 1896 году министерствомъ земледѣлія; 2) зимніе сельскохозяйственныя курсы-школы, какъ, на примѣръ, чтенія въ московскомъ политехническомъ музеѣ, курсы въ Мошно-Городищенской школѣ Кіевской губерніи, курсы для садовыхъ учениковъ въ Петербургѣ; 3) учительскія семинаріи и школы министерства народнаго просвѣщенія съ преподаваніемъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства; 4) церковно-приходскія учительскія школы вѣдомства святѣйшаго синода; 5) нѣкоторыя начальныя общеобразовательныя училища обоихъ названныхъ вѣдомствъ; 6) сельскохозяйственныя курсы для народныхъ учителей, устраиваемыя министерствомъ земледѣлія, земствами, учебными дирекціями и др., и 7) передвижныя школы маслодѣлія.

Пусть читатель, однако, не смутится противорѣчіемъ между кажущимся обиліемъ перечисленныхъ здѣсь органовъ распространенія сельскохозяйственнаго знанія со всѣмъ сказаннымъ мною выше относительно его скудости въ настоящее время. Большинство этихъ пекущихся школъ и учреждений съ придаткомъ сельскохозяйственной науки или обрѣтаются еще въ первичной фазѣ своего развитія, или обладаютъ этимъ придаткомъ, по большей части, фиктивно, какъ канцелярской уступкой общественному мнѣнію.

Болѣе прочно у насъ поставлено дѣло организаціи опытныхъ станцій и полей, но и эти учрежденія пока не принесли какихъ нибудь существенныхъ результатовъ и, какъ гласитъ офиціальное изданіе¹⁾, „ихъ роль и значеніе—всецѣло въ будущемъ“. Что же касается сельскохозяйственныхъ обществъ, то таковыхъ числится пока всего лишь 164 съ 67 отдѣлами, причемъ въ Европейской Россіи на долю прибалтійскихъ губерній выпадаетъ 44 общества и 22 отдѣла, т. е. 28% общаго числа ихъ. Про особенную энергію дѣятельности всѣхъ этихъ обществъ мало слышно, и главная практическая роль нѣкоторыхъ изъ нихъ сводится къ устройству складовъ для продажи сѣмянъ и земледѣльческихъ машинъ, комиссіонныхъ бюро и конторъ. Не можетъ похвастаться у насъ особеннымъ процвѣтаніемъ и сельскохозяйственная литература. На всю Россію имѣется всего лишь 40 изданій, посвященныхъ вопросамъ сельскаго хозяйства, да и тѣ, по большей части, влечать жалкое существованіе и слабо обставлены научными силами.

Представленная мною убогая картина распространенія сельскохозяйственнаго просвѣщенія завлакивается тѣмъ еще болѣе, если имѣть въ виду, что большая часть перечисленнаго относится къ послѣднему времени, когда сама нужда заставила насъ опомниться. Не посѣти Россію голодъ, не получи мы жестокой встряски, пожалуй, матеріалъ настоящей главы пришлось бы значительно сузить. Образованіе министерства земледѣлія, съ просвѣщеннымъ руководителемъ во главѣ, подаетъ намъ все же надежду, что дни мрака остались позади, и что за бу-

¹⁾ „Производительныя силы Россіи“.

дущее не придется такъ краснѣть, какъ за прошедшее. Къ сожалѣнію, молодое правительственное учрежденіе не обладаетъ особенно широкимъ бюджетомъ и, повидимому, ему приходится значительно умѣрять порывы своихъ непечатыхъ еще силъ. Поэтому чрезвычайно желательно, чтобъ его союзъ съ земствами (это и имѣлось въ виду при его образованіи) получалъ не простую механическую связь, но отличался жизненностью и плодотворностью. Можетъ быть, тогда земства, эти хозяйственные единицы уѣзда, и обратятся со временемъ и въ сельскохозяйственныя инстанціи министерства и найдутъ возможнымъ удѣлять хоть часть своего бюджета интересамъ земледѣлія, устранивая опытыя поля, образцовыя фермы, хозяйства, школы и пр. и пр.

VII.

Въ цѣляхъ укрѣпленія, между прочимъ, этой связи, министерство земледѣлія обратилось въ концѣ 1894 года къ земствамъ съ рядомъ вопросовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ „Новое Время“¹⁾, отъ большинства (25) губернскихъ земскихъ собраній уже поступили отзывы въ министерство, каковыя группируются по затронутымъ вопросамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Во главѣ всѣхъ нуждъ и пользъ сельскаго хозяйства ставится земствами распространеніе образованія общаго и спеціально сельскохозяйственнаго, съ указаніемъ его первостепенной важности и неотложной необходимости для успѣшнаго развитія сельскохозяйственной промышленности. По общему убѣжденію земствъ, всѣ другія мѣропріятія на пользу сельскаго хозяйства только тогда могутъ разсчитывать на достаточный успѣхъ, когда будутъ приняты широкія, рѣшительныя мѣры къ поднятію образованія массы сельскаго населенія. При этомъ нѣкоторыя земства считаютъ необходимымъ введеніе обязательнаго всеобщаго обученія для дѣтей школьнаго возраста. Той же цѣли образованія сельской массы могутъ и должны служить, по указаніямъ земствъ, образцовыя фермы, опытыя поля и станціи и другія подобнаго рода учрежденія.

2) Слѣдующее, по важному значенію, мѣсто отводится въ земскихъ отзывахъ вопросамъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Семнадцать изъ двадцати пяти губернскихъ земскихъ собраній указали на высоту существующихъ тарифовъ, причемъ нѣкоторыя земства высказались также противъ тарифовъ дифференціальныхъ и навигаціонныхъ, во избѣжаніе конкуренціи окраинъ съ центральными губерніями, а другія земства, сверхъ того, высказались и въ пользу тарификаціи хлѣбныхъ грузовъ по цѣнности ихъ, въ видахъ противодѣйствія односторонности

¹⁾ № 7412, октябрь.

мѣстнаго земледѣлія. Затѣмъ, въ связи съ тарифнымъ вопросомъ почти всѣ земства указываютъ на необходимость упорядоченія движенія хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ путемъ установленія отвѣтственности ихъ за несвоевременную доставку, на необходимость увеличенія и улучшенія подвижнаго состава и помѣщеній для храненія хлѣба, а также на крайнюю необходимость уничтоженія разныхъ накладныхъ сборовъ съ хлѣбныхъ грузовъ.

3) Большая часть (14 изъ 25 приславшихъ отзывы) земствъ считаетъ необходимымъ отмѣну или пониженіе таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственныя машины и орудія, а главнымъ образомъ на тѣ изъ нихъ, которыя совсѣмъ не производятся въ Россіи, причемъ земства двухъ губерній (Воронежской и Рязанской) высказываются также за пониженіе пошлинъ на чугуны и желѣзо. Въ связи съ вопросомъ о пошлинахъ на сельскохозяйственныя орудія и машины, земствами разоблачается существованіе стачекъ между русскими фабрикантами и складчиками орудій, а также между русскими фабрикантами и складчиками—съ одной стороны и иностранными заводами—съ другой. Такъ, многіе изъ нашихъ фабрикантовъ поотрѣзъ отказали самарской земской управѣ вести съ нею дѣло даже за наличный расчетъ, рекомендуя обратиться къ складчикамъ; съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ заводовъ у этихъ господъ заключены договоры въ томъ же смыслѣ, то-есть, что иностранные заводы не имѣютъ права продавать своихъ издѣлій земствамъ помимо складчиковъ. Эти вопіющіе факты, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя то вниманіе, какое они заслуживаютъ, и развяжутъ правительству руки для соответственныхъ измѣненій таможеннаго тарифа на земледѣльческія орудія и машины.

4) Большинство земствъ высказалось за необходимость переложенія налоговъ въ большемъ размѣрѣ на торгово-промышленныя предпріятія и въ пользу пониженія выкупныхъ платежей и податей, а также за упорядоченіе системы взиманія и взысканія податей, причемъ нѣкоторыя земства считаютъ весьма важнымъ, чтобы въ дѣлѣ установленія времени и способовъ сбора повинностей было расширено представительство мѣстныхъ общественныхъ учреждений, ближе знакомыхъ съ нуждами населенія.

5) Видное мѣсто въ земскихъ заявленіяхъ занимаетъ вопросъ о кредитѣ для сельскихъ хозяевъ, причемъ нѣкоторыми земствами дѣлается общее указаніе на желательность предоставленія сельскимъ хозяевамъ кредита въ государственномъ банкѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для лицъ торговаго сословія. Засимъ, большинство земствъ признаетъ необходимымъ организацию и развитіе мелкаго кредита, пониженіе % по ссудамъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ, а также по соло-вексельному кредиту, съ устраненіемъ доплаты по ссудамъ крестьянскаго банка и съ увеличеніемъ срока для соло-вексельныхъ ссудъ. По части организациі мелкаго кредита нѣкоторыми земствами сдѣланы и

практическія указанія объ этой организаціи, напримѣръ, съ посредничествомъ земствъ и т. п. Точно также большинство земствъ высказывается о меліоративномъ кредитѣ, какъ о важной мѣрѣ для уменьшенія „роковыхъ послѣдствій сельскохозяйственнаго кризиса“, но при условіи болѣе широкой постановки этого кредита, а именно—кромѣ примѣненія, указанного въ правилахъ объ этомъ кредитѣ—также на устройство сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ, основанныхъ на переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, на приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и покупку скота.

6) По земельному вопросу сдѣланы указанія 18 земствами, причемъ эти указанія касаются, съ одной стороны, устраненія череполоснаго владѣнія на частныхъ и крестьянскихъ (общественныхъ) земляхъ, а съ другой — расширенія крестьянскаго землепользованія и землевладѣнія, съ указаніемъ и соответственныхъ мѣръ, въ ряду которыхъ первое мѣсто отводится операціямъ крестьянскаго банка, а засимъ—переселенію и разсѣленію. Нѣкоторые факты, приводимые въ земскихъ отзывахъ, поражаютъ своею неожиданностью. Напримѣръ, въ многоземельной Самарской губерніи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ имѣется около 300 тысячъ наличныхъ мужскихъ душъ, которымъ до полного надѣла недостаетъ около полмилліона десятинъ.

7) Вопросъ о сельскохозяйственныхъ рабочихъ затрагивается земствами екатеринославскимъ, калужскимъ, пековскимъ, симбирскимъ, смоленскимъ, таврическимъ, харьковскимъ и херсонскимъ. Большинство желаетъ урегулированія передвиженія рабочихъ. Засимъ, есть заявленія о необходимости точнѣе нормировать законодательнымъ и административнымъ порядкомъ взаимныя отношенія рабочихъ и нанимателей.

8) По части хлѣбной торговли сдѣланныя нѣкоторыми земствами заявленія клонятся къ продолженію закупки хлѣба для войскъ и для образованія продовольственныхъ запасовъ, къ устройству сѣти элеваторовъ и мелкихъ зернохранилищъ во всѣхъ торговыхъ селахъ и нѣкоторыхъ другихъ. По отношенію къ сбыту сельскохозяйственныхъ произведеній вообще нѣкоторыми земствами высказано пожеланіе, чтобы за границей имѣлось у насъ особое агентство для изученія требованія рынковъ и ознакомленія съ ними нашихъ сельскихъ хозяевъ.

9) Имѣются заявленія о необходимыхъ мѣрахъ для развитія отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ особенности скотоводства и табаководства. Послѣднее, какъ оказывается, захвачено нѣсколькими крупными табачными фабрикантами и эксплуатируется ими исключительно въ свою пользу.

10) Наконецъ, нѣсколько земствъ признаютъ необходимымъ и даже ставятъ во главѣ необходимыхъ сельскому хозяйству мѣропріятій установленіе болѣе близкой связи между земствами и министерствомъ земледѣлія.

Послѣднее заявленіе земствъ чрезвычайно утѣшительно: оно отвѣчаетъ, повидимому, желаніямъ самого министерства, открывая ему доступъ

къ голосу „всей земли“. Знаменательна также 1-я группа отвѣтовъ, которая, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ мнѣніе теоретиковъ, людей кабинетнаго труда, о главенствѣ надъ всѣми прочими вопросами вопроса о просвѣщеніи, которое земствами переносится даже на почву обязательности. Не касаясь остальныхъ группъ отвѣтовъ, изъ коихъ каждая могла бы быть предметомъ цѣлой статьи, считаю необходимымъ, согласно намѣченной программѣ въ началѣ статьи, остановиться на §§ 2 и 8, которые вводятъ насъ въ чрезвычайно любопытную область отношеній хозяйствъ сельскаго и желѣзнодорожнаго и позволяютъ поговорить о вліяніи рельсоваго пути на сельскохозяйственную промышленность нашего отечества.

VIII.

По вопросу о вліяніи желѣзныхъ дорогъ и ихъ тарифовъ на судьбу нашего сельскаго хозяйства скопилась уже къ нашимъ днямъ обширнѣйшая литература. Въ числѣ сочиненій по этому предмету надлежитъ отмѣтить, на первомъ мѣстѣ, получившія широкую извѣстность работы А. П. Чупрова — „Желѣзнодорожное хозяйство“, нынѣшняго министра финансовъ С. Ю. Витте — „Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ“, И. Бліоха — „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ“. За послѣднее время по этому предмету вышли двѣ книги, основанныя на самыхъ свѣжихъ желѣзнодорожныхъ и вообще статистическихъ матеріалахъ: исследование Антона Радцига — „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, промышленность и торговлю“¹⁾ и Адольфа Сулиговскаго — „Земледѣльческое производство и желѣзнодорожные тарифы“, изданныя, главнымъ образомъ, примѣнительно къ предстоявшимъ текущею осенью „совѣщаніямъ по общему пересмотру тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ“.

„Польза, приносимая желѣзными дорогами человѣчеству, — говоритъ г. Радцигъ, — не поддается расчету, потому что массовыя перевозки, какъ пассажировъ, такъ и грузовъ, какія имѣютъ мѣсто сейчасъ, не могли быть производимы безъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ бы сокращая разстояніе между разными пунктами, желѣзныя дороги уравниваютъ цѣны предметовъ потребленія, тѣмъ возвышая общее благосостояніе. Предметы, раньше недоступныя для массы населенія, благодаря удешевленію и ускоренію перевозокъ, становятся доступными для всѣхъ потребителей. Американцы больше, чѣмъ кто либо, повяли выгоды, приносимыя желѣзными дорогами, и не остановились передъ издержками для громадной сѣти, съ одной стороны, открывъ тамъ европейскіе рынки для своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, съ другой, сдѣлавъ доступными предметы европейскаго производства для американскихъ потребителей. У насъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, сознаніе въ необходимости постройки желѣзныхъ дорогъ росло очень медленно, и наша сѣть желѣзныхъ дорогъ не отвѣчаетъ потребностямъ страны ни по густотѣ населенія, ни по пространству, занимаемому Россіей... Россія оказывается обслуженной дорогами слабѣе, нежели многія государства не только Европы, но и Америки. Даже въ Австраліи уже имѣется по 47,6 верстѣ желѣзныхъ дорогъ на 10 тысячъ жителей“.

¹⁾ Изданіе департамента желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія, Спб., 1896 г.

Длина русской сѣти желѣзныхъ дорогъ къ концу 1894 года равнялась 34.670 верстамъ, въ числѣ каковыхъ на долю Финляндіи выпадало 2.108 верстъ. По этимъ дорогамъ въ 1893 году было перевезено 51.523.756 пассажировъ, а перевозка товаровъ малой скорости достигла 2.227 милл. пудовъ. Сравнивая дѣятельность нашей рельсовой сѣти съ таковой континента Европы, мы видимъ, что по количеству перевезенныхъ пассажировъ Россія занимаетъ всего лишь шестое мѣсто, а по количеству перевезенныхъ грузовъ—пятое. Значеніе этихъ цифръ еще болѣе умалится, если имѣть въ виду площадь территоріи страны и количество ея населенія.

Что же касается до вліянія рельсоваго пути на жизнь и развитіе производительныхъ силъ нашей родины, то, при отсутствіи въ ней хорошихъ шоссеиныхъ и проселочныхъ дорогъ, оно пріобрѣтаетъ особенное значеніе. На первыхъ порахъ надлежитъ отмѣтить, что желѣзныя дороги перемѣстили центръ тяжести сельскаго хозяйства изъ центральныхъ губерній (Московская, Тульская и друг.) на югъ и юго-востокъ и вызвали къ жизни и активной дѣятельности погруженные до тѣхъ поръ въ глубокій сонъ обширные раіоны. Между отдѣльными лицами, общественными группами, между цѣлыми областями, родилась конкуренція, которая, въ свою очередь, дала толчекъ развитію личной инициативы, интеллектуальныхъ силъ, творчества. Прямимъ слѣдствіемъ этого для земледѣльской Россіи было—широкая распашка нови, залежей, интензивность и экстензивность полеводства, поставка на міровой рынокъ громаднаго количества хлѣбнаго зерна...

„Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ,—говоритъ г. Радцигъ,—Сѣверный Кавказъ, Новороссійская, юго-западная и малороссійская губерніи, а также Оренбургская и Уфимская, усилили свои посѣвы; наоборотъ, благодаря дешевой доставкѣ хлѣбовъ, промышленныя губерніи, и даже центральныя, почувствовали конкуренцію отдаленныхъ губерній и принуждены были сокращать посѣвы. Если бы желѣзныя дороги въ Россіи были остановлены въ своемъ развитіи, и дороги черезъ Сызрань въ Самару и Оренбургъ не были продолжены, то нѣтъ сомнѣнія, что отдаленныя Оренбургская и Уфимская губерніи и посейчасъ вели бы скромное хозяйство съ цѣлью обезпеченія своего населенія, такъ что центральныя и промышленныя губерніи, по сбыту своихъ произведеній, не испытали бы конкуренціи, какая замѣчается сейчасъ. Но, съ другой стороны, Россіи приходится на вѣшнихъ рынкахъ конкурировать съ заатлантическими странами, и цѣны хлѣбовъ у насъ находятся въ зависимости отъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, такъ что если бы и не было дорогъ на юго-востокъ, то все-таки цѣны въ промышленныхъ губерніяхъ были бы не выше теперешнихъ“.

Я не имѣю въ виду останавливаться въ настоящемъ очеркѣ на исторіи нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, на отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ между собою, политикѣ государства въ отношеніи ихъ. Замѣчу лишь, что за часто раздающимися нареканіями на хозяйство желѣзныхъ дорогъ чрезвычайно мало обращаютъ вниманія и даже не знаютъ о той массѣ энергій, знанія и таланта, которыя наши частныя желѣзныя дороги прилагаютъ къ развитію производительныхъ силъ нашей родины, и сколько труда

имъ стоитъ расшевелить косныя силы русскаго народа. Заслуги ихъ въ этомъ отношеніи не оцѣнены, и только корреспонденціи Путника въ „Новомъ Времени“ (1896 г.) хоть немного ознакомили насъ, между прочимъ, съ результатами дѣятельности энергичнаго „американскаго“ Рязанско-Уральскаго общества на пользу нашего Поволжья.

Обратимся теперь къ ближайшей сторонѣ дѣла: вліянію желѣзныхъ дорогъ на земледѣльческую производительность.

„Желѣзныя дороги,—говоритъ г. Сулиговскій,—облегчивъ экономическій обмѣнъ, создали новыя промышленныя и торговыя сочетанія, и на почвѣ, о которой ошибочно полагалось, что она будетъ исключительно соединять и сближать людей, выросли неизвѣстныя дониндѣ соперничество и столкновенія, недоразумѣнія и борьба соревнующихся отраслей производства, мѣстностей, странъ, даже частей свѣта. Въ видѣ примѣра могу привести американскую хлѣбную конкуренцію, силу которой въ значительной степени слѣдуетъ приписать облегченнымъ тарифамъ. Ускореніе и удешевленіе вывоза сдѣлало возможнымъ экспортъ различныхъ предметовъ въ отдаленныя страны, о чемъ раньше нельзя было и думать. Это благодѣяніе создало конкуренцію мѣстному производству, независимость и свободный ростъ котораго вдругъ очутились въ опасности. Отношенія спутались тѣмъ сильнѣе, что сѣтъ желѣзныхъ дорогъ расширялась не равномерно въ отдѣльныхъ странахъ, что на Западѣ развитіе происходило скорѣе, чѣмъ на Востокѣ Европы, и въ Соединенныхъ Штатахъ безконечно скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что неминуемо должно было создать перевѣсъ однихъ странъ надъ другими“.

Говоря непосредственно о Россіи, тотъ же авторъ повѣствуетъ:

„По мѣрѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, въ Россіи развивался и увеличивался вывозъ всякаго рода хлѣба за границу. Въ теченіе пятилѣтія, съ 1870 по 1874 годъ исключительно, экспортъ составлялъ въ ежегодномъ среднемъ числѣ 192.880.996 пудовъ, но уже въ слѣдующемъ пятилѣтіи, съ 1875 по 1879 годъ, возросъ до такой же средней цифры 281.081.064 пуда, въ пятилѣтіе же съ 1884 по 1889 годъ достигаетъ 364.440.999 пудовъ ежегодно. Максимальный вывозъ былъ въ 1888 году, въ теченіе котораго отправлено на иностранныя рынки 351 милліонъ пудовъ. Столь громадное экспортное движеніе не могло остаться безъ вліянія на земледѣльческія отношенія. Послѣдовало большое оживленіе, цѣны возрастали, обезпечивая за земледѣльцами серьезныя выгоды. Притомъ цѣны возрастали не только на хлѣбъ, но и на землю, что, несомнѣнно, можетъ служить доказательствомъ прогресса въ области земледѣлія“. Усилившееся, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, предложеніе хлѣба съ разныхъ сторонъ на рынокъ Западной Европы „вызвало со временемъ пониженіе цѣнъ,—продолжаетъ г. Сулиговскій,—уменьшая въ значительной степени прибыли странъ, торгующихъ этимъ товаромъ. Послѣдовала кризисъ равно въ странахъ вывоза, какъ и въ странахъ привоза, кризисъ повсемѣстный и всеобщій, побудившій правительства къ государственнымъ мѣропріятіямъ въ пользу земледѣлія. Западно-европейскія государства, а въ особенности Германія, впервые, а за нею и другія страны, стали вводить покровительственныя пошлины, вслѣдствіе чего привозный хлѣбъ, обложенный пошлиною, становился болѣе дорогимъ и позволялъ мѣстнымъ продуктамъ удержатъ соответственную цѣну, необходимую для выгоднаго покрытія издержекъ производства. Съ другой стороны, американцы, со свойственной имъ энергіею и предприимчивостью, стали преобразовывать свои хозяйства, переходя къ разведенію пастбищъ и скотоводству и избирая для посѣва преимущественно пшеницу и кукурузу, какъ роды зерна болѣе доходныя, цѣна которыхъ меньше подорвана. Вышеупомянутый кризисъ, послѣдовавшій на Западѣ Европы и въ Америкѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьми-

десятихъ годовъ, въ Россіи разразился нѣсколько позже, благодаря одновременному паденію валюты“.

Хлѣбный кризисъ выразился у насъ, главнѣйшимъ образомъ, въ паденіи продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, а также въ паденіи цѣнъ на полевые продукты. Эти обстоятельства въ значительной степени побудили наше правительство вмѣшаться въ отношенія земледѣльческаго и желѣзнодорожнаго хозяйствъ, слѣдствіемъ чего явилось пониженіе тарифовъ на экспортъ хлѣба изъ государства. Къ этому же времени, какъ свидѣтельствуеть г. Сулиговскій:

„По Высочайшему распоряженію, учреждена была особая коммиссія по поводу паденія цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве. Какъ видно изъ пропечатаннаго впоследствии доклада предсѣдателя, коммиссія находила „упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ однимъ изъ необходимыхъ условій улучшенія положенія сельскихъ хозяевъ на рынкѣ“. По словамъ того же доклада, съ изданіемъ закона о тарифныхъ учрежденіяхъ, „государство приобрѣло надежный способъ воздѣйствія на передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ и, конечно, его участіе въ составленіи тарифовъ на хлѣбные грузы будетъ однимъ изъ главныхъ орудій въ дѣлѣ переустройства нашего хлѣбнаго рынка и могущимъ средствомъ для удовлетворенія потребности земледѣлія. Согласно такому взгляду, коммиссія, прежде всего, обратила вниманіе на желѣзнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, а въ виду послѣдовавшаго въ это время открытія тарифныхъ учрежденій, ея предположенія, по Высочайшему повелѣнію 27 апрѣля 1889 года, были препровождены министру финансовъ“.

Такимъ образомъ, съ конца восьмидесятихъ годовъ мы наблюдаемъ усиленное вмѣшательство правительственной власти въ дѣятельность частныхъ желѣзныхъ дорогъ; правительство подчиняетъ ихъ своему контролю и регулируетъ ихъ отношенія ко всѣмъ раіонамъ страны въ интересахъ этихъ раіоновъ. Эта регламентація оказала доброе вліяніе на судьбу нашего земледѣлія, и послѣдне почувствовало, наконецъ, недостававшую ему доселѣ мощную руку покровителя и даже инициатора. Но этимъ заботы правительства не ограничились: въ интересахъ казны и производительныхъ силъ страны, оно начало постепенно націонализировать желѣзнодорожную сѣть, сдѣлавшись уже къ концу 1894 г. собственницею 16.866 верстъ. Кромѣ того, правительство учредило для вѣдѣнія желѣзнодорожнаго хозяйства при министерствѣ финансовъ особый департаментъ — желѣзнодорожныхъ дѣлъ, и при немъ тарифный комитетъ и совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ. Равнымъ образомъ, расширена компетенція министерства путей сообщенія, а также въ интересахъ хлѣбной торговли учреждены при департаментѣ мануфактуръ и торговли особый отдѣлъ — хлѣбо-торговый, на обязанность коего возложена, между прочимъ, и правительственная закупка хлѣба въ интересахъ сельскихъ хозяевъ во временно переживаемыхъ ими острыхъ затрудненіяхъ. Врядъ ли нужно разъяснять читателямъ значеніе тарифныхъ правительственныхъ тенденцій: правительство при содѣйствіи новыхъ учрежденій положило начало болѣе правильному распредѣленію богатствъ страны и поставило предѣлъ частному обогащенію насчетъ интересовъ казны и народа.

Что касается хлѣбо-торговаго отдѣла, то задачи его по закупкѣ хлѣба формулируются слѣдующимъ образомъ: 1) Правительственной закупкѣ подлежатъ главнѣйшіе хлѣба, имѣющіе значеніе въ нашемъ сельскохозяйственномъ производствѣ, рожь и пшеница, удовлетворяющія требованіямъ качества, опредѣляемымъ министерствомъ финансовъ. 2) Хлѣба эти въ зернѣ покупаются исключительно у производителей хлѣба, какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и крестьянъ, примѣнительно къ рыночнымъ цѣнамъ, причемъ высшій предѣлъ цѣнъ, допускаемыхъ къ уплатѣ въ различныхъ мѣстностяхъ, утверждается министромъ финансовъ по мѣрѣ хода операціи. 3) Закупка хлѣба производится или лицами, или учрежденіями—губернскими и уѣздными земствами и пр., по особому на то полномочію министра финансовъ. 4) Закупаемые хлѣба могутъ быть продаваемы, съ разрѣшенія министра финансовъ и на утверждаемыхъ имъ условіяхъ, или земствамъ, сельскимъ обществамъ, а также и министерству внутреннихъ дѣлъ для обезпеченія продовольственныхъ потребностей населенія, или итти на покрытіе довольствія войскъ, по особому соглашенію съ военнымъ министромъ, или продаваемы частнымъ лицамъ. 5) Количество хлѣбовъ, назначаемое къ заготовкѣ, опредѣляется министромъ финансовъ по мѣрѣ хода операціи, пока на нее не будетъ издержано 30 милліоновъ рублей, со включеніемъ и операціонныхъ расходовъ. По достиженіи этого предѣла, размѣръ новой заготовки устанавливается Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ по закупкѣ хлѣба. 6) Храненіе закупаемаго зерна, подряднымъ способомъ и хозяйственнымъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ, а также казенныхъ, уже имѣющихся и вновь для того отстраиваемыхъ, устройство приспособленій для улучшенія качества товара и его сохраняемости, освѣженіе закупаемыхъ запасовъ, ихъ страхованіе производится на условіяхъ, утверждаемыхъ министромъ финансовъ. 7) Вся операція производится на средства государственнаго банка, переводимыя по предложеніямъ министра финансовъ, безъ исчисленія процентовъ, на текущій счетъ въ распоряженіе департамента торговли и мануфактуръ. 8) Администрація сего дѣла сосредоточивается въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, который, подъ общимъ руководствомъ министра финансовъ, завѣдываетъ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ по закупкѣ, храненію, переработкѣ и продажѣ зерна, распоряжается открываемымъ въ государственномъ банкѣ, по предложеніямъ министра финансовъ, текущимъ счетамъ (§ 7) на покрытіе расходовъ по закупкѣ хлѣба, по управленію всей операціей, по вознагражденію лицъ, привлекаемыхъ къ ней, а равно и всѣхъ накладныхъ расходовъ по закупкѣ, храненію, страхованію, переработкѣ, перевозкѣ и продажѣ зерна.

Хлѣбо-торговый отдѣлъ упорядочилъ доставку хорошаго зерна нашей арміи, научилъ сельскихъ хозяевъ добросовѣтнымъ и осмысленнымъ приѣмамъ покупки и продажи хлѣбнаго зерна, оказалъ нѣкоторое давленіе на хлѣбный рынокъ особенно въ періодъ нашей таможенной

войны съ Германіей, а въ 1895 году спасъ Псковскую губернію отъ голода и мора. Кромѣ того, какъ это явствуетъ изъ п. 3 круга обязанностей и уполномочій отдѣла, онъ содѣйствовалъ сближенію земства съ казенными учрежденіями, вводя его въ кругъ своихъ плановъ и дѣйствій, въ качествѣ довѣренной активной инстанціи. Это, во всякомъ случаѣ, должно быть разсматриваемо, какъ шагъ къ прогрессивному развитію силъ страны, и можетъ дать въ будущемъ добрыя послѣдствія. Вотъ почему мы и видимъ, что земства въ своихъ отвѣтахъ министерству земледѣлія настаиваютъ на необходимости продолженія и расширенія молодого отдѣла министерства финансовъ.

Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ въ послѣднихъ главахъ настоящаго очерка мѣропріятій мы видимъ, что наше земледѣліе не можетъ считать себя въ настоящее время обиженнымъ невниманіемъ и отсутствіемъ заботъ со стороны правительства. Для него дѣлается уже кое-что, приносится не мало жертвъ, какъ государственныхъ, такъ и въ особенности частныхъ (напримѣръ, желѣзнодорожныхъ), и ему остается только, при всеобщей современной поддержкѣ, стремиться собственными уже силами къ скорѣйшему осуществленію въ Россіи программы, указанной ему министромъ земледѣлія,—программы, въ коей слова „раціональное“ и „прибыльное“ сельское хозяйство являются синонимами.

1896 г.

Народная грамотность.

„Народное образованіе есть вопросъ жизни и смерти для государствъ нашего вѣка и... величіе современныхъ державъ зависитъ отъ числа грамотныхъ болѣе, чѣмъ отъ числа солдатъ“.

Кн. Васильчиковъ.

I.

МОЖНО БЕЗЪ преувеличенія сказать, что ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не вызываетъ въ наши дни столько толковъ и сужденій въ обществѣ и печати, какъ вопросъ о необходимости озаботиться просвѣщеніемъ народной массы. Точно вдругъ всѣмъ стало ясно, что именно въ этомъ-то и кроется вся суть истиннаго современнаго дѣла, и что въ немъ заключается панацея отъ всѣхъ отечественныхъ золъ и болѣзней. Мы перенесли въ послѣднее время столько невзгодъ, что громкое и всеобщее признаніе, въ чемъ именно кроется горе и каково его уврачеваніе, уже само по себѣ составляетъ нѣкоторое облѣгченіе. Правда, раздавались и прежде (и какъ еще давно!) голоса, указывавшіе современникамъ на истинную постановку вопроса о нуждахъ отечества, но въ общей массѣ равнодушія эти голоса заглушались и не производили необходимаго впечатлѣнія. Въ окружающей атмосферѣ чувствовалось какое-то удручающее затишье, и тѣ, которымъ хотѣлось громко вторить этимъ единичнымъ голосамъ, съ невольной грустью замолкали. Эта беспомощность и апатія въ столь священномъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе народа, далеко не должны быть отнесены насчетъ дряблости и бессодержательности интеллигенціи въ лицѣ ея лучшихъ передовыхъ представителей; она сознавала свои обязанности въ отношеніи народа и дѣлала зависящее, но... времена были не благопріятствующія, и многимъ порывамъ суждено было остаться втуне. Но объ этомъ нечего распространяться. Будемъ надѣяться, что теперь настало иное время, и дѣло будетъ поставлено иначе. Симптомы уже на лицо: они выражаются въ единодушномъ обсужденіи прессой вопроса о народной грамотности и все-

общемъ обязательномъ обученіи, въ указаніи на тормазы дѣла народнаго просвѣщенія и громкомъ признаніи заслугъ въ этой области частныхъ лицъ и частныхъ обществъ. Пусть назовутъ меня оптимистомъ— оптимизмъ не можетъ быть вреденъ въ данномъ случаѣ! но мнѣ чуется, что надъ нашимъ бѣднымъ, невѣжественнымъ народомъ занимается заря новыхъ дней. Какъ нѣкогда люди освободительной эпохи съ радостью привѣтствовали паденіе цѣпей крѣпостного права, такъ и мнѣ думается, что мы въ настоящее время приближаемся къ счастливымъ днямъ, когда увидимъ паденіе тоже своего рода цѣпей рабства... рабства умственного, въ которомъ былъ скованъ такъ долго русскій простолудинъ.

У насъ были эпохи милитаризма и бюрократіи, освободительныя и умиротворенія; должна наступить и просвѣтительная эпоха, такъ какъ безъ этой исторической стадіи нашему отечеству никогда не выйти на широкую дорогу экономическаго довольства, къ какимъ бы финансовымъ мѣропріятіямъ мы ни прибѣгали, никогда не занять истинно прочнаго положенія среди родственныхъ народовъ и никогда не упорядочить своей внутренней жизни.

Сознаніемъ этой истины проникнуты уже давно лучшіе представители общества и литературы; сознаніе это начинаетъ проникать и въ правящія сферы. Такъ, министерство финансовъ, сознавая, что поднять промышленность и торговлю невозможно однѣми вышними мѣрами, приступаетъ къ основанію ряда коммерческихъ и техническихъ училищъ, чтобы создать просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей. Не менѣе энергично дѣйствуетъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Сельскохозяйственный совѣтъ, гласно обсуждая жгучій вопросъ объ упорядоченіи и поднятіи нашей сельской производительности, на первомъ же своемъ засѣданіи поставилъ вопросъ о необходимости создать на землѣ мелкаго просвѣщеннаго земледѣльца. Низшія сельскохозяйственныя школы, знаніе, учитель— вотъ что нужно Россіи, чтобы выйти изъ тягостнаго экономическаго положенія!

Какъ отрадно слышать эти дорогія слова: учитель, школа, и какъ больно вспомнить, что славной памяти Посошковъ еще два вѣка тому назадъ говорилъ: „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Я чаю не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ неграмотнаго человѣка, и положить крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавать учить грамотѣ“. Какъ недалеко мы ушли за 200 почти лѣтъ отъ этого простеца изъ народа, когда въ наши дни только отдѣльныя группы и лица толкуютъ о скудости отпускаемыхъ на народное образованіе средствъ, о неотложности обязательнаго народнаго обученія! Вѣдь и понинѣ еще одни толкуютъ, что кухаркина сына неслѣдъ учить, а только пороть, а другіе, въ нѣмомъ удивленіи, останавливаются передъ такимъ простымъ вопросомъ, какъ обязательное обученіе. Ихъ точно оторопь беретъ, и они боятся грандіозности задачи.

Два десятилѣтія перепутали наши мысли и отшибли пониманіе. А дѣло стоитъ весьма просто, если навести должную историческую справку. Оказывается, что, когда въ шестидесятыхъ годахъ земства стали ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о дозволениі ввести въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ обязательное обученіе, то членъ совѣта министерства, А. С. Вороновъ, которому была поручена разработка вопроса о возможности удовлетворенія ходатайствъ, пришелъ къ заключенію, что отдѣльнымъ земствамъ можно дозволить ввести у себя обязательное обученіе, и составилъ проектъ правилъ, которыя должны быть соблюдены при этомъ. Однако ученый комитетъ рѣшилъ вопросъ отрицательно, но министр, графъ Д. А. Толстой, пожелалъ, тѣмъ не менѣе, знать взгляды по настоящему предмету директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Были разсланы вопросные пункты, и вотъ каковыя получились результаты: 1) значительное большинство директоровъ и инспекторовъ считали введеніе обязательнаго обученія, въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени, безусловно необходимымъ; 2) всѣ признали, что до введенія личнаго обязательнаго обученія слѣдуетъ ввести обязательное устройство школъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ только представляется къ тому малѣйшая возможность; 3) большинство директоровъ полагало, что расходы на устройство школъ должны быть покрыты изъ земскихъ или другихъ мѣстныхъ средствъ; но безъ пособія отъ казны во многихъ мѣстностяхъ обойтись нельзя; 4) если обученіе будетъ сдѣлано обязательнымъ, то эта обязательность должна относиться въ одинаковой степени, какъ къ мальчикамъ, такъ и къ дѣвочкамъ; 5) почти всѣ директора полагали, что народъ встрѣтитъ эту мѣру безъ всякаго предубѣжденія, и большинство родителей будутъ посылать своихъ дѣтей въ школы охотно.

Казалось бы, выводъ отсюда ясенъ, а также понятно, что слѣдуетъ дѣлать, однако рѣшеніе столь существеннаго вопроса затормозилось, и затѣмъ онъ былъ сданъ въ архивъ.

Такой компетентный знатокъ школьнаго дѣла, какъ г. Сентъ-Илеръ, изъ статьи котораго, напечатанной въ „Новомъ Времени“, я и взялъ историческую справку, вотъ что говорить по этому предмету: „Въ послѣднія 15 лѣтъ объ этомъ вопросѣ перестали говорить, вѣроятно, по очень серьезнымъ причинамъ, такъ какъ объ обязательномъ обученіи не упоминалось ни во всеподданнѣйшихъ отчетахъ, ни въ какихъ либо другихъ официальныхъ документахъ“. Самъ почтенный авторъ — сторонникъ обязательнаго обученія, но полагаетъ это дѣло вводить постепенно и расходы на этотъ предметъ относить въ значительной степени на счетъ частныхъ средствъ подъ контролемъ государства, причемъ его система контроля и добыванія средствъ не отличается ясностью и простотою.

Г. Суворинъ, не разбирая дѣла исторически и въ деталяхъ, разрѣшаетъ вопросъ смѣлѣе и неоднократно въ своихъ „маленькихъ письмахъ“ утверждалъ, что слѣдуетъ вводить въ государственный бюджетъ ежегодный расходъ въ 100.000.000 рублей на дѣло народнаго про-

свѣщенія. С.-Петербургскій комитетъ грамотности собирався обсудить этотъ вопросъ подробно въ трехъ засѣданіяхъ, съ каковою цѣлью были разосланы повѣстки на засѣданія, гдѣ долженъ быть прочитанъ рефератъ на эту тему; засѣданія, однако, были отмѣнены по независящимъ обстоятельствамъ.

Такимъ образомъ, со временъ Посошкова и по наши дни, всякій просвѣщенный человѣкъ, которому только приходилось соприкасаться съ вопросомъ о народной грамотности, являлся его горячимъ поборникомъ и адептомъ. Дѣло только въ интензивности, такъ сказать, симпатій и способахъ осуществленія. Миѣ кажется, что о послѣднихъ, сколько бы ни говорили и ни писали, мы никогда до истины не договоримся, такъ какъ дѣло выполненія на практикѣ слишкомъ сложно, и изъ одного главнаго вопроса рождается рядъ другихъ, побочныхъ. Не проще ли обратиться къ свѣдущимъ людямъ и узнать ихъ миѣніе? Выборъ есть изъ кого сдѣлать. Мы имѣемъ значительный контингентъ народныхъ учителей, этихъ истинныхъ подвижниковъ Русской земли, которые терпѣливо и при очень часто неблагоприятныхъ обстоятельствахъ хорошо и добросовѣстно дѣлаютъ свое трудное дѣло; существуютъ директора и инспектора народныхъ училищъ, изъ которыхъ многіе отдали души свои за народное дѣло просвѣщенія, міръ литераторовъ и ученыхъ можетъ выставить не одного человѣка, страстно преданнаго дѣлу народнаго просвѣщенія, изучившаго его теоретически и посвятившаго ему не одну статью и книжку; наконецъ, наши С.-Петербургскій и Московскій комитеты грамотности, эти разсадники грамоты народной, могли бы сослужить въ настоящемъ случаѣ неоцѣненную услугу.

Всѣ названныя лица и учрежденія могутъ разъяснить, каковы теперешніе „запросы народа“ въ отношеніи школы, гдѣ его симпатіи, чего онъ ждетъ отъ насъ и каковы наши къ нему „обязанности“. Въ этомъ направленіи мы знаемъ пока еще очень немного, и то свѣдѣнія наши отрывочны и неполны. Разбросанныя по журналамъ статьи, брошюры и даже отдѣльныя изслѣдованія накопили, однако, по этому предмету солидный матеріалъ, еще ожидающій своей всесторонней разработки. Изъ изученія этого матеріала можно нарисовать картину роста народнаго самосознанія, указать, какъ народъ и интеллигенція въ вопросѣ о просвѣщеніи шли довѣрчиво и радостно другъ другу навстрѣчу, прослѣдить, какіе установились пути къ конечной цѣли просвѣщенія, отмѣтить лицъ и учрежденія, наиболѣе въ этой области поработавшія.

На протяженіи послѣдняго времени вышли два труда, гдѣ авторами сдѣланы попытки дать сводъ, каково движеніе народа въ пользу грамотности и образованія, и что сдѣлано въ этомъ направленіи интеллигенціей. Труды эти—извѣстнаго изслѣдователя народной жизни А. С. Пругавина „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія“, вышедшее вторымъ изданіемъ (первое въ 1890 г.), значительно дополненное и расширенное новыми главами, и—С. А. Ан—скаго „Очерки народной литературы“.

Книга г. Пругавина еще въ первомъ изданіи была встрѣчена печатью вполне сочувственно. Авторъ, большой знатокъ русской жизни, добросовѣстно и внимательно изучилъ просвѣтительную самодѣятельность народа и содѣйствіе, оказываемое ему въ его благихъ начинаніяхъ интеллигенціей. Главные его выводы тѣ, что народъ желаетъ учиться, желаетъ читать, жаждетъ духовныхъ и нравственныхъ впечатлѣній. Свидѣтельство этому—непрерывное возникновеніе народныхъ вольныхъ школъ грамотности, его симпатіи къ устраиваемымъ публичнымъ чтеніямъ, къ народнымъ библіотекамъ и читальнямъ, возрастающій запросъ на книгу, успѣхъ среди народа лубочныхъ издателей, офеней, книгоношъ. Отчасти на эти же вопросы отвѣчаетъ и г. Ан—скій, интересные очерки котораго въ свое время появлялись на страницахъ „Русскаго Богатства“, причемъ въ значительной степени авторъ пользовался для своихъ выводовъ матеріаломъ, собраннымъ г. Пругавинымъ. Но г. Ан—скаго, главнымъ образомъ, интересуютъ итоги дѣятельности интеллигенціи на пользу народнаго просвѣщенія путемъ литературы. Онъ систематизировалъ очень любопытный матеріалъ, рисующій попытки интеллигенціи дать народу полезное и хорошее чтеніе, разсмотрѣлъ главныя отношенія существующихъ литературныхъ направленій къ вопросу о народной литературѣ, т. е. какую книгу, по ея содержанію, изложенію и окраскѣ, каждое изъ направленій признаетъ нужной и желательной для народа, отмѣтилъ, поскольку литература общества отвѣтствуетъ запросамъ народа. Такимъ образомъ, какъ читатель можетъ убѣдиться, кругъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ обоими изслѣдователями, и г. Пругавинымъ и г. Ан—скимъ, очень широкъ и рисуетъ намъ дѣло народнаго просвѣщенія достаточно рельефно. Основываясь на собранномъ ими матеріалѣ, постараюсь отмѣтить наиболѣе типичные и заслуживающіе вниманія моменты этихъ народопросвѣтительныхъ движеній.

II.

Еще съ недавнихъ, историческихъ временъ почти повсюду въ Россіи, въ селахъ и деревняхъ, существуютъ вольныя крестьянскія школы, учрежденныя самими крестьянами, по собственному почину, безъ вліянія, содѣйствія и поддержки правящихъ классовъ. Народъ, не выдавшій прежде содѣйствія извнѣ, сталъ, послѣ реформы 19 февраля, особенно заботиться объ увеличеніи количества и улучшеніи качества этихъ доморожденных питомниковъ мысли, отыскивая имъ руководителей изъ своей же среды—изъ числа возвратившихся со службы солдатъ, изъ черничекъ и разныхъ захожихъ людей. Дѣятельность этихъ скромныхъ тружениковъ не осталась безъ замѣтныхъ результатовъ: многія мѣстности, благодаря исключительно имъ, получили грамотное подростящее поколѣніе. Населеніе Уральскаго войска, Сибири, а главнымъ образомъ Саратовской губерніи, обязано преимущественно этимъ вольнымъ учителямъ насажденіемъ просвѣщенія.

Основываясь на официальных статистических данных, г. Пругавинъ объясняет непрерывное возникновеніе вольныхъ школъ наравнѣ съ земскими и министерскими ¹⁾ слѣдующими причинами: во-первыхъ, крайней недостаточностью существующаго числа правильно-организованныхъ училищъ, вслѣдствіе чего многія селенія отстоятъ отъ училища на разстояніи 10—20 и болѣе верстъ; во-вторыхъ, неравнымъ распределеніемъ этихъ училищъ, благодаря чему въ однѣхъ волостяхъ сосредоточено по 3, по 4 школы, а въ другихъ—ни одной; въ-третьихъ, переполненіемъ многихъ официальныхъ народныхъ школъ учащимися. Эти соображенія какъ нельзя болѣе свидѣтельствуютъ о современности постановки вопроса объ обязательномъ обученіи и изданіи по настоящему предмету законоположенія. Жалкая сумма въ 1.120.244 р., каковую министерство народнаго просвѣщенія изтратило, напримѣръ, въ 1892 году на содержаніе народныхъ училищъ, совершенно не соотвѣтствуетъ запросу народа на образованіе и побуждаетъ его искать выхода въ учрежденіи вольныхъ школъ, которыя, конечно, не могутъ похвастаться правильностью постановки дѣла воспитанія и ускользаютъ отъ должнаго и необходимаго контроля свѣдущихъ людей. А вмѣстѣ съ тѣмъ, по приблизительному исчисленію г. Пругавина, въ этихъ школахъ обучается малолѣтнее населеніе въ 300—400 тысячъ человекъ; при этомъ, несмотря на учрежденіе новыхъ школъ официального характера, такое количество народа, а съ нимъ вмѣстѣ и число школъ, прогрессируетъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе.

Обращаясь къ вопросу о составѣ вольныхъ учителей, т. е. кому народъ всего охотнѣе довѣряетъ воспитаніе, мы на основаніи тѣхъ же статистическихъ свѣдѣній г. Пругавина видимъ, что духовенство, начиная отъ священника и кончая причетникомъ, занимаетъ въ этомъ дѣлѣ самое незначительное мѣсто; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ священнослужители стоятъ во главѣ школы, число учащихся уменьшается. Наивысшій % педагогическаго персонала падаетъ на крестьянское сословіе. „Выходя въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянской среды,—говоритъ г. Пругавинъ,—вольные учителя, обыкновенно, дѣйствуютъ въ духѣ и характерѣ крестьянина и, благодаря этому, легко снискиваютъ расположеніе къ себѣ въ средѣ сельскаго населенія“. Послѣ крестьянъ идутъ солдаты, мѣщане, чернички, разночинцы.

Составъ учителей разнообразенъ также и по полученному ими образованію: тутъ и самоучки и обучавшіеся въ деревенскихъ школахъ грамотности, и на военной службѣ, и обучавшіеся въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, духовныхъ семинаріяхъ. Въ Тверской губерніи, гдѣ дѣло народнаго саморазвитія поставлено широко и сравнительно хорошо, земская управа въ своемъ докладѣ земскому собранію такъ характеризуетъ вольныхъ учителей: большинство изъ нихъ (74%) „получили обра-

¹⁾ Въ деревнѣ въ настоящее время существуютъ школы нѣсколькихъ типовъ: земскія, министерскія, церковно-приходскія и „школы грамотности“.

зованіе, которое никоимъ образомъ не можетъ считаться достаточнымъ для хорошаго преподавателя школы грамотности, многіе едва могутъ подписать свою фамилію, и даже нашлось двое, за которыхъ, по неумѣнью ихъ писать, расписались постороннія лица“.

Разнообразенъ также и нравственный цензъ вольныхъ учителей. „Наиболѣе распространенный недостатокъ между ними—любовь къ выпивкѣ, — утверждаетъ г. Пругавинъ. — Крестьяне, наученные горькимъ опытомъ, незнакомаго имъ педагога иногда принимаютъ не иначе, какъ послѣ испытанія въ теченіе мѣсяца или двухъ, причемъ, если онъ окажется „переливающимъ черезъ край“, его отпускаютъ на все четыре стороны“. Но попадаются лица, которыя своими нравственными достоинствами завоевываютъ симпатіи и горячую признательность населенія. За послѣднее же время вообще замѣчается то отрадное явленіе, что качественный цензъ вольныхъ учителей значительно улучшается. Этому содѣйствуетъ вступленіе въ ряды доморощенного педагогическаго персонала интеллигентныхъ лицъ.

Въ своихъ поискахъ знанія, крестьянинъ понимаетъ, что одной школой не обойтись. Она научаетъ средствамъ накопленія этого знанія— чтенію и письму, но эти средства нуждаются въ постоянныхъ упражненіяхъ. И вотъ бывший ученикъ, по выходѣ изъ школы, снова стучится въ ея двери и молить дать ему хорошее, занимательное и полезное чтеніе. Но что можетъ сдѣлать школьный учитель, когда большинство школь, не говоря уже про вольныя и домашнія, но даже земскія, а подчасъ и министерскія, блещутъ отсутствіемъ библіотекъ? Ловкіе городскіе, преимущественно московскіе, книготорговцы и издатели давно уловили эту „духовную жажду“ народную и поспѣшили ее удовлетворить, имѣя въ виду, конечно, на первомъ планѣ личную выгоду. Они пустили въ народъ книжку, рядъ дешевыхъ изданій, получившихъ въ нашей литературѣ именованіе „лубочныхъ“. Въ Москвѣ, около Ильинскихъ воротъ и знаменитаго „Пролома“, свили себѣ гнѣздо „лубочники“— Шарановъ, Сытинъ, Губановъ, Морозовъ и Абрамовъ, все люди, вышедшіе сами изъ народа, и отсюда наводнили Россію милліонами всевозможныхъ книженокъ, привлекательныхъ по внѣшнему виду, по своей яркой оберткѣ и громкимъ кричащимъ заглавіемъ. Содержаніе этихъ сельско-народныхъ изданій (ихъ не нужно смѣшивать съ дешевыми городскими народными изданіями) бралось изъ сказокъ, изъ подражаній имъ, изъ чувствительныхъ романовъ и повѣстей. Наконецъ, появилась и оригинальная лубочная литература, разрастающаяся нынѣ до значительныхъ размѣровъ.

Главными посредниками между деревней и этими купеческими фирмами являются офени, книгоноши, коробейники и ходябщики, совѣмъ особый оригинальный міръ русскихъ людей, прекрасно изслѣдованный г. Пругавинымъ, по порученію общества любителей россійской словесности. Главными центрами мѣстопребыванія офеней должно считать Владимірскую губернію (уѣзды Вязниковскій и Ковровскій), Тульскую (Але-

Ксинскій уѣздъ), Московскую (Серпуховскій и отчасти Подольскій уѣзды). Отсюда же они расходятся по всей русской землѣ, забравъ предварительно у Ильинскихъ воротъ свой матеріаль, по большей части въ кредитъ, и разнося его по селамъ и деревнямъ, въ закопѣлыя мужицкія хаты и избы, тоже часто въ кредитъ. Хорошія или дурныя книжки даютъ они крестьянскому люду, — не ихъ вина и не ихъ дѣло; за ними же въ общей исторіи русской жизни остается великое дѣло распространенія печатнаго слова. Народъ оцѣнилъ это, и часто офеня для него не только случайный, но и дорогой гость, другъ и, какъ человѣкъ бывалый и много видѣвшій, полезный совѣтникъ. Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ значительно стѣснена послѣ 1865 г., со времени изданія новыхъ правилъ относительно типографій, литографій и книжной торговли.

Интеллигенція уже давно стала сознавать, что пора вступить въ борьбу съ лубочной литературой и вмѣсто нея дать народу хорошую книгу. Первымъ народнымъ издателемъ, послѣ реформы 19-го февраля, выступилъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ свидѣтельствуешь г. Ан—скій; за нимъ послѣдовало „Товарищество общественной пользы“. Въ 1870-хъ годахъ на этотъ же путь издательства вступили комисіи народныхъ чтеній, затѣмъ фирма Фанъ-деръ-Флита и Кочетова, издающая уже для народа лучшихъ отечественныхъ корифеевъ литературы—Жуковскаго, Гоголя, Григоровича и др. Этому примѣру слѣдуетъ и Московскій комитетъ грамотности. Но оживленіе длится не долго, и послѣдніе годы десятилѣтія отличаются затишьемъ. Въ 1881 году С.-Петербургскій комитетъ грамотности энергично берется за издательство, чтобы „хотя отчасти восполнить недостатокъ въ книжкахъ, доступныхъ простолюдину по цѣнѣ и содержанію“. Съ тѣхъ поръ его полезная дѣятельность не прекращалась, и онъ за все время своей почтенной дѣятельности доставилъ народнымъ читателямъ не мало здоровой духовной пищи.

Въ серединѣ 1880-хъ годовъ дѣло издательства книжекъ для народа значительно оживилось. Фирма „Посредникъ“ сослужила въ этомъ дѣлѣ неоцѣненную услугу; она воспользовалась трудами нашихъ выдающихся беллетристовъ (Эртеля, Лѣскова, Засодимскаго, Немировича-Данченко, Мамина и др.) и по дешевой цѣнѣ пустила въ народъ громадное количество изящныхъ произведеній, написанныхъ преимущественно на темы изъ жизни простого народа. Почти одновременно и фирма Сытина реформировала свое издательское дѣло, поручивъ выборъ произведеній, предназначаемыхъ къ печатанію, редакціи „Русскаго Богатства“ г. Оболенскаго. Обѣ фирмы, „Посредника“ и „Сытина“, положительно произвели революцію среди лубочныхъ издателей, нанеся имъ значительный ущербъ и грозя вытѣснить малограмотную литературу. „Проникнувъ въ деревню, — утверждаетъ г. Ан—скій, — новая народная книжка сразу понравилась деревенскому читателю и быстро стала дѣлаться популярной. Крестьянинъ сталъ уже отличать новую книжку отъ другихъ, сталъ ее спрашивать“.

Примѣру „Посредника“ послѣдовали и другія издательскія фирмы, и каждая изъ нихъ въ большей или меньшей степени принесла свою лепту на утоленіе духовной жажды народной; особенная заслуга въ данномъ случаѣ остается за г. Суворинымъ, удешевившимъ до крайнихъ предѣловъ полное собраніе сочиненій Пушкина, благодаря чему нашъ геніальный писатель сразу сталъ доступенъ всей грамотной массѣ русскаго народа. Къ этому же приблизительно времени относится появленіе извѣстной книги г-жи Алчевской и кружка учительницъ Харьковской воскресной школы „Что читать народу?“, впервые поставившей любопытные вопросы: что читаетъ народъ и какъ онъ читаетъ?

Книжка эта произвела своего рода сенсацию и вызвала со стороны прессы рядъ статей о доступности общей литературы народному пониманію и о задачахъ нашей изящной словесности въ отношеніи народной массы. Нельзя не отмѣтить, что вопросы эти уже давно занимали представителей нашей критики, но послѣдніе касались этой стороны дѣла только вскользь, не опираясь на точный фактическій матеріалъ.

Г. Ан—скій собралъ по настоящему предмету всѣ главнѣйшіе отзывы, и въ большинствѣ случаевъ получился отвѣтъ, отрицающій удовлетворительность нашей общей литературы для народнаго пониманія. Убѣжденный послѣдователь такъ называемаго народническаго направленія, г. Ан—скій приходитъ къ выводамъ: 1) что литература общества недоступна и непригодна народу, и 2) что народу-крестьянину необходима теперь книга, специально для него написанная изъ его жизни, въ его духѣ и его языкомъ.

Г. Пругавинъ, тоже послѣдователь народничества, не рѣшаетъ вопроса такъ категорически и полагаетъ, что прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, что читаетъ народъ, надлежитъ его о томъ спросить повсемѣстно. Говоря о книжкѣ „Что читать народу?“, онъ утверждаетъ: „почтенныя составительницы этой книги отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ народнымъ изданіямъ интеллигентнаго характера, но онѣ совершенно игнорировали почти всю лубочную литературу. Дѣло въ томъ, что книги лубочныхъ издателей только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ школу, книга же „Что читать народу?“ разбираетъ именно тѣ изданія, которыя читаются въ школахъ. О томъ же, что читается народомъ внѣ школы, книга эта не даетъ почти никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, во многихъ мѣстностяхъ Россіи народныя изданія интеллигентнаго характера составляютъ самый ничтожный процентъ общаго числа книгъ, распространенныхъ въ народной средѣ“. Въ видахъ полученія какъ можно большаго количества отвѣтовъ, г. Пругавинъ составилъ краткую программу вопросовъ, по которымъ надлежитъ дѣлать опросъ народа, что онъ читаетъ. Эту свою программу энергичный изслѣдователь народной жизни разослалъ громадному количеству лицъ, имѣющихъ возможность наблюдать за чтеніемъ народа (учителямъ, земскимъ дѣятелямъ, священникамъ, статистикамъ и т. д.). Заинтересованныя общества—С.-Петербургскій комитетъ

грамотности, Московское общество распространения полезных книг, Восточный отдѣлъ русскаго географическаго общества—съ своей стороны воспользовались программой г. Пругавина, и можно надѣяться, что со временемъ накопится громадный матеріалъ по вопросу, что читаетъ народъ и какъ онъ относится къ общей литературѣ.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что еще раньше г. Пругавина опытъ составленія такой программы былъ сдѣланъ княземъ Д. Шаховскимъ, выдающимся дѣятелемъ по служенію народному образованію въ Тверской губерніи, но его программа въ качественномъ отношеніи значительно уступаетъ таковой же г. Пругавина.

Итакъ, черезъ посредство „лубочной“ литературы, при содѣйствіи болѣе интеллигентныхъ и разумныхъ изданій, удовлетворяетъ народъ свою потребность въ чтеніи; но этотъ путь тяжелъ и труденъ, такъ какъ тутъ приходится тратить трудовую копейку, которая далеко не всегда бываетъ въ излишкѣ у крестьянской семьи. Земства пришли на помощь этому народному запросу, и вотъ съ начала 1880-хъ годовъ мы наблюдаемъ открытіе въ селахъ народныхъ библиотекъ и читаленъ. Московскому уѣздному земству въ данномъ случаѣ принадлежитъ первый починъ.

Открывъ въ 1882—1883 учебномъ году при земскихъ школахъ 129 библиотекъ, земство довело эту цифру къ концу 1892 года до 336. Вслѣдъ за московскимъ земствомъ приступили къ организаціи народныхъ библиотекъ тверское, пековское и другія.

Въ интересной статьѣ „Сельскія библиотеки“, напечатанной въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1894 годъ, г. Вахтеровъ сообщаетъ кое-какія любопытныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этихъ новыхъ деревенскихъ учреждений, напримѣръ, по вопросу, что всего охотнѣе спрашивается читателями. „Итогъ требованій, подведенный по всѣмъ сельскимъ школьнымъ и народнымъ библиотекамъ,—говоритъ онъ,—показываетъ, что среднимъ числомъ требованія на книги духовнонравственнаго отдѣла составляютъ 21⁰/₀ общаго числа, а свѣтскаго содержанія—79⁰/₀. Если же исключить 15 народныхъ библиотекъ, относительно коихъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній по всѣмъ дѣламъ, то окажется, что требованія на книги духовно-нравственнаго отдѣла составляютъ среднимъ числомъ 31⁰/₀; на книги по литературному отдѣлу 46,5⁰/₀, по біографическому и историческому отдѣламъ вмѣстѣ этотъ процентъ равняется 15⁰/₀, по естествознанію и народному хозяйству вмѣстѣ 7⁰/₀, причемъ число требованій въ разныхъ мѣстностяхъ колеблется по отдѣламъ“.

Заслуживаетъ вниманія и слѣдующее наблюденіе автора. Когда въ мартѣ 1892 года послѣдовало распоряженіе объ изыятіи изъ библиотекъ газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ, то, напримѣръ, въ харьковской читальнѣ обнаружился немедленный отливъ большинства взрослыхъ посѣтителей. Въ виду этого, комитетъ народной читальни возбудилъ ходатайство о допущеніи въ читальню періодическихъ изданій. Разрѣшеніе

послѣдовало, и вторичное появленіе газеты на столахъ читальни тотчасъ же произвело тотъ эффектъ, котораго ожидали: въ числѣ посѣтителей взрослый элементъ сталъ увеличиваться.

Главными посѣтителями библиотекъ и читаленъ, какъ свидѣлствуютъ и г. Пругавинъ и г. Вахтеровъ, являются подростки, но попадаютъ и взрослые, и даже старики; большинство требованій на книги поступаетъ отъ учениковъ, но сюда же, и что всего болѣе утѣшительно, обращаются и бывшіе питомцы. Такимъ образомъ, библиотека является духовной связью школы и жизни.

Къ сожалѣнію, дѣло устройства библиотекъ развивается у насъ недостаточно энергично. Г. Суперанскій, принимавшій участіе въ устройствѣ Симбирской бесплатной народной библиотеки-читальни имени И. А. Гончарова, относитъ это обстоятельство къ незнанію того, какъ открываются и организуются такія библиотеки.

„Такъ, среди интеллигенціи одного губернскаго города (на Волгѣ) возникла мысль объ открытіи народной библиотеки-читальни, и имѣлись нужныя для этого средства, — рассказываетъ онъ въ изданной имъ брошюрѣ— „Какъ открывать и устраивать народныя библиотеки и читальни“, — но читальня не открывалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исключительно потому, что инициаторы нигдѣ не могли узнать, отъ кого зависить ея разрѣшеніе, и какія законоположенія существуютъ на этотъ счетъ. Они обращались съ этими вопросами въ разныя вѣдомства (своей и сосѣдней губерніи), но вездѣ получали въ отвѣтъ только обязательное выраженіе полного сочувствія „благому начинанію“ и обѣщаніе „содѣйствовать, если это потребуется“.

Желая прійти на помощь благому дѣлу, г. Суперанскій издалъ названную полезную брошюру, куда включилъ: 1) законоположенія, касающіяся народныхъ библиотекъ и читаленъ, 2) наиболѣе необходимыя указанія относительно организаціи библиотекъ и читаленъ, состава и выдачи книгъ и 3) въ приложеніи—форму прошенія о разрѣшеніи на открытіе этого рода учреждений, уставъ симбирской бесплатной народной библиотеки-читальни памяти И. А. Гончарова.

Почти одновременно съ г. Суперанскимъ и С.-Петербургскій комитетъ грамотности издалъ „Узаконенія о бесплатныхъ народныхъ библиотекахъ (читальняхъ), съ приложеніемъ примѣрныхъ ихъ уставовъ“.

Кромѣ школъ и библиотекъ, важнымъ средствомъ для поднятія культуры крестьянской массы служатъ публичныя чтенія для народа. Дѣло это у насъ еще молодое, и начало его относится къ 1870 годамъ. Первые публичныя чтенія для народа открылись въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного городка, при незабвенномъ В. П. Каховскомъ. Вслѣдъ за Петербургомъ открыли такія же чтенія Москва, Одесса, Кіевъ и другіе крупныя умственные центры нашего отечества. Аудитории, въ которыхъ происходятъ эти чтенія, преполены обыкновенно публикой, и можно въявь убѣдиться, сколько удовольствія, пользы и наслажденія испытываетъ здѣсь неизбалованный бѣдный людъ. Эти чтенія, происходящія, по большей части, по праздничнымъ днямъ, служатъ могучимъ

подспорьемъ въ борьбѣ съ пьянствомъ и разгуломъ. Изъ провинціальныхъ городовъ особенно хорошей организаціей чтеній выдѣляются Одесса и Астрахань, гдѣ на это дѣло затрачиваются крупныя суммы — до 1000 р. въ годъ.

Иначе стоитъ дѣло въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. По отношенію ихъ извѣстныя „Правила“ не даютъ точныхъ указаній къ руководству. Въ силу § 6 „Правиль“ объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ „въ кругъ дѣятельности этихъ отдѣленій, между прочимъ, входитъ: содѣйствіе къ устройству чтеній для народа, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ, въ школьныхъ помѣщеніяхъ“. На этомъ основаніи, — говоритъ г. Пругавинъ, — „народныя чтенія, устраиваемыя въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ, въ настоящее время всецѣло подчинены мѣстному духовенству“.

Лица, желающія устроить народныя чтенія въ уѣздномъ городѣ или въ селѣ, обязаны подать прошеніе объ этомъ мѣстному священнику, который, въ свою очередь, испрашиваетъ у архіерея разрѣшеніе на открытіе народныхъ чтеній. Въ прошеніи необходимо указать всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя изъявили согласіе быть лекторами на этихъ чтеніяхъ. Иногда разрѣшеніе архіерея получается довольно скоро, но весьма часто дѣло затягивается на долгое время, возникаетъ продолжительная переписка, которая длится иногда годами. Изъ представленнаго списка архіерей часто утверждаетъ лишь священниковъ. Чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ могутъ быть производимы лишь по каталогу, утвержденному ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ обозначены лишь 140 тощенькихъ брошюркъ. Вы не встрѣтите среди названій книгъ литературнаго содержанія — ни Лермонтова, ни Тургенева, ни Толстого, ни Григоровича, ни Достоевскаго. Изъ Пушкина дозволено читать лишь „Полтаву“ и „Капитанскую дочку“ въ сокращенномъ и передѣланномъ видѣ, изъ Гоголя лишь „Тараса Бульбу“, сокращеннаго и приспособленнаго для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Любопытно было-бы узнать, кто сокращалъ и передѣлывалъ для народа Пушкина и Гоголя!

Не ищите и истинной поэзіи въ каталогѣ: Кольцовъ, Крыловъ, Ал. Толстой, Плещеевъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій не разрѣшены къ чтенію для народа. Разрѣшены же г-жи Свѣткова, Желиховская, Коваленская, г.г. Борщевскій, Куликовъ, Лапинъ, Боголюбовъ, Филоновъ и нѣкоторые другіе, столь же прославившіе свои имена на поприщѣ россійской словесности...

Да не подумаетъ читатель, что я глумлюсь и шучу. Интересующихся направляю къ книгѣ г. Пругавина (стр. 170—171).

Отдѣлы юридическій и медицинскій въ каталогѣ отсутствуютъ, такъ что, ни по санитарнымъ вопросамъ, ни по гигиенѣ, чтеній производить нельзя. „Это тѣмъ болѣе странно, — говоритъ г. Пругавинъ, — что едва ли можетъ быть объяснено неимѣніемъ подходящихъ чтеній, такъ какъ со-

ставленіемъ популярныхъ брошюръ по гигиеническимъ и санитарнымъ вопросамъ усердно занимаются, какъ мы видимъ, многіе врачи изъ числа членовъ провинціальныхъ комиссій по устройству народныхъ чтеній. Такъ, напримѣръ, членами санитарнаго общества врачей давно уже составленъ цѣлый рядъ чтеній по санитарнымъ и гигиеническимъ вопросамъ; чтенія эти уже представлены куда слѣдуетъ, но до сего времени не получено разрѣшенія на прочтеніе ихъ“. Точно также мы не находимъ въ каталогѣ чтеній медицинскаго характера, составленныхъ кіевскими врачами, членами мѣстной комиссіи по устройству народныхъ чтеній.

Конечно, въ столицахъ и губернскихъ городахъ, гдѣ надзоръ за чтеніями порученъ просвѣщеннымъ лицамъ, курьезовъ, въ родѣ указанныхъ г. Пругавиннымъ, не случается; но въ селѣ, гдѣ все дѣло сосредоточено въ рукахъ священника, не имѣющаго ни возможности, ни охоты хлопотать, дѣло стоитъ именно согласно буквѣ „Правиль“, а каковы они,—мы видѣли. Отсюда прямой выводъ, что дѣло народныхъ чтеній именно тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается наибольшая необходимость, и гдѣ они могутъ явиться могучимъ факторомъ цивилизаціи, поставлено очень плохо и печально. Виною всему чисто формальное, равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія.

Я уже говорилъ, что С.-Петербургскій и Московскій комитеты грамотности оказали самое благотворное вліяніе на распространеніе въ народѣ просвѣщенія; можно безъ преувеличенія сказать, что эти учрежденія сыграли въ исторіи нашего саморазвитія выдающуюся роль и всегда стояли на стражѣ народныхъ нуждъ и потребностей.

Начиная съ первыхъ дней своей жизни (въ 1861 году), С.-Петербургскій комитетъ горячо сталъ откликаться на современные запросы народной жизни въ области просвѣщенія. Онъ первый учредилъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ школъ для приготовленія народныхъ учителей и сталъ выпускать каталоги книгъ, пригодныхъ для школъ и народа. За 33 года онъ разослалъ бесплатно болѣе 1.200.000 книгъ учебныхъ и для чтенія въ сельскія школы и бібліотеки. Во время болгарской войны онъ разослалъ сотни бібліотечекъ въ полковые лазареты. Онъ издалъ систематическій обзоръ народно-учебной литературы съ дополненіемъ, а теперь издалъ 1-й выпускъ новаго обширнаго обзора. Съ 1881 г. имъ издано 54 народныхъ и школьныхъ книжекъ такихъ авторовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ, гр. Л. Толстой и др., цѣною отъ 3 до 30 к., въ количествѣ отъ 5 до 28 тысячъ каждая. Въ послѣдніе 9 мѣсяцевъ комитетомъ издано 350.000 книжекъ. Въ 1890 г. комитетъ устроилъ выставку народныхъ картинъ; въ голодные 1891—1893 гг. онъ кормилъ до 3.000 учащихся въ 12 губерніяхъ, чѣмъ далъ возможность голоднымъ ребятишкамъ, вмѣсто исканія милостыни, продолжать дѣло ученія. Въ 1893—1894 гг. комитетъ продолжалъ дѣло продовольствія бѣднѣйшихъ учениковъ въ 5 губерніяхъ, въ числѣ 2.000 человекъ. За эту поистинѣ святую дѣятельность книгами и хлѣбомъ

священники, сельскія школы, волостные сходы шлютъ ему ежегодно сердечную признательность и благословеніе на дальнѣйшее „дѣло добра“. Въ послѣдній (1893) годъ комитетъ собралъ 17.000 р. и прибавилъ своихъ 3.000 р. на созданіе, при участіи земствъ, значительныхъ народныхъ библиотекъ по 250 р. каждая, а что самое главное: вслѣдствіе усиленной пропаганды съ его стороны и обращенія къ земствамъ для учрежденія народныхъ библиотекъ—множество нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ ассигновали нныя единовременно, а другія на каждый годъ, значительныя суммы на содержаніе постоянныхъ школьныхъ и народныхъ библиотекъ. Съ 1893 года комитетъ предпринялъ обширное изслѣдованіе состоянія начальнаго образованія во всей Россіи, и результаты его будутъ экспонировать на Нижегородской выставкѣ въ 1896 г.

Не менѣе почтенна и плодотворна дѣятельность Московскаго комитета грамотности, не располагающаго, къ сожалѣнію, денежными средствами Петербургскаго; но и онъ дѣятельно распространяетъ школьныя библиотeki. Начавъ въ 1890 году съ основанія 19 библиотекъ, онъ имѣлъ возможность довести эту цифру въ 1893 году до 157. На составленіе этихъ библиотекъ комитетомъ потрачено до 4.500 р. Средняя стоимость библиотeki равна приблизительно 17 р., а число книжекъ средней библиотeki 80—84 названій. Такова же дѣятельность однородныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣль распространенія грамотности и въ другихъ городахъ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и др., дѣятельность менѣе широкая и богатая результатами, но одинаково заслуживающая признательности всей Русской земли. Во всѣхъ названныхъ обществахъ интеллигенція оказалась на высотѣ призванія, показала, что она хочетъ и можетъ плодотворно, разумно и съ истиннымъ пониманіемъ задачъ времени работать на благо своей родины. Мы искренно будемъ рады, если постановленіе общаго собранія Вольно-Экономическаго общества 29 декабря 1894 года — „ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о превращеніи комитета грамотности изъ временнаго въ постоянное учрежденіе при обществѣ“ — будетъ уважено. Это будетъ очень скромная, но вполне заслуженная награда для дѣятелей комитета. Намъ остается вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ“ пожелать, какъ комитету, такъ и остальнымъ его, Московскому и провинціальнымъ, собратьямъ, чтобы „свѣтлая дѣятельность этихъ полезныхъ учреждений не ослабѣвала, чтобы число ихъ умножалось, и чтобы государство всегда находило въ нихъ, какъ теперь находить, столько же самостоятельныхъ, сколько вѣрныхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ развитія нашей культуры и подъема народнаго благосостоянія“.

1895 г.

Русскій читатель и его книга.

По поводу „Этюдъ о русской читающей публикѣ“ Н. А. Рубакина. Спб. 1895 г).

АНГЛІЙСКАЯ литература есть прирожденное право и наслѣдство англійскаго племени. Оно произвело и продолжаетъ производить нѣкоторыхъ изъ величайшихъ поэтовъ, философовъ и ученыхъ. Ни одинъ народъ не можетъ гордиться болѣе свѣтлой, чистой или возвышенной литературой, которая богаче его торговли и могущественнѣе его арміи. Это настоящая гордость и слава нашей страны, и мы не можемъ быть слишкомъ признательны за нее“. Такими словами заканчиваетъ Джонъ Леббокъ главу „о чтеніи“, въ своемъ интересномъ сочиненіи „Какъ надо жить“¹⁾.

Дѣйствительно, мы знаемъ, что англичане, гордясь своей литературой, употребляютъ все силы къ тому, чтобъ сдѣлать своихъ писателей какъ можно ближе отечественной массѣ; мало того, такое уваженіе къ печатному слову распространяется ими не только на произведенія родного печатнаго станка и труда—они умѣютъ отдавать должное всякому слову просвѣщенія, изъ какой бы страны и отъ какого бы народа они ни исходили. Такой взглядъ на дѣло просвѣщенія является, однако, не принадлежностью одной англо-саксонской націи; онъ сдѣлался достояніемъ въ настоящее время всего цивилизованнаго міра: бібліотеки и книги признаются уже высшимъ богатствомъ, къ которому человѣкъ, побуждаемый требованіемъ просвѣщеннаго разума, долженъ стремиться и которыхъ долженъ искать. „Давая человѣку книги,—говоритъ сэръ Джонъ Гершель²⁾,—вы позволяете ему соприкасаться съ лучшимъ обществомъ во всѣхъ періодахъ исторіи, съ мудрѣйшими, остроумнѣйшими, храбрѣйшими и чистѣйшими характерами, какіе когда либо украшали человечество. Вы дѣлаете его гражданиномъ всѣхъ націй, современникомъ всѣхъ вѣковъ. Міръ какъ будто былъ созданъ для него“.

¹⁾ Изданіе О. Н. Поповой, переводъ съ англійскаго Д. Корочевского. Сиб. 1895 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 95—99.

Та же мысль, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ, высказана гениальнымъ Маколеемъ: „Если бы кто нибудь могъ сдѣлать меня величайшимъ царемъ, какой когда либо жилъ, съ дворцами, садами, тонкими обѣдами, винами и мягкими ложами, прекрасными одеждами и сотнями слугъ, на томъ условіи, чтобы я не читалъ книгъ,—я не захотѣлъ бы быть царемъ. Я скорѣе хотѣлъ бы быть бѣднякомъ на чердакѣ, имѣя книги въ изобиліи, чѣмъ царемъ, который не любитъ чтенія“.

Можно бы привести цѣлый рядъ подобныхъ сужденій и отъ имени многихъ другихъ великихъ европейскихъ дѣятелей, но считаю и указаннаго достаточнымъ. Не только этотъ старый, пережившій вѣка и столѣтія, европейскій міръ единодушно сливается въ своемъ взглядѣ на произведенія печати, какъ орудіе цивилизаціи и культуры,—его голосу вторятъ и его дѣяніямъ, въ смыслѣ распространенія продуктовъ мышленія и творчества, подражаетъ и Новый Свѣтъ, а также тѣ народности, которыя только въ настоящемъ вѣкѣ или въ недавнее время вошли въ кругъ общечеловѣческой жизни и ея интересовъ.

Не уходя въ глубь вопроса и почерпая свѣдѣнія хотя бы только изъ книги г. Рубакина „Этюды о читающей публикѣ“, мы видимъ на примѣрѣ библиотечнаго заграничнаго дѣла, какъ великъ спросъ тамошней грамотной публики на книгу. Въ Англии нѣтъ города безъ библиотекъ, а большихъ книгохранилищъ въ ней насчитывается до 225; здѣсь въ тридцати городахъ (исключая Лондона и Глазгоу) на 5.000.000 жителей насчитывается 10.000.000 требованій книгъ; въ одномъ только Манчестерѣ ежегодно выдается 1.500.000 томовъ. Англичапе издали даже законъ, по которому всякій городъ, имѣющій не менѣе 5.000 жителей, можетъ установить у себя спеціальныи библиотечный налогъ (не свыше 5 пенни на 1 фун. стерлинговъ общаго налога), если только 10 плательщиковъ потребуютъ открытія библиотекы, и большинство плательщиковъ къ этому присоединится. Во всей странѣ на 1 миллионъ жителей приходится 88 періодическихъ изданій.

Остальныя европейскія государства не только идутъ въ дѣлѣ книжнаго просвѣщенія въ ногу съ Англійей, но нѣкоторыя даже превосходятъ ее. Въ Швейцаріи въ настоящее время 2.000 библиотекъ, въ Италіи—1.852. Франція поставяетъ, напримѣръ, на 25.000 жителей одно періодическое изданіе. Новый Свѣтъ, въ лицѣ Америки, Австраліи, превзошелъ въ этомъ отношеніи своего старшаго собрата: одна Викторія при 1.036.000 жителяхъ имѣла 314 общественныхъ библиотекъ съ 400.000 томами книгъ. Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ насчитывается 200 библиотекъ съ 270.000 томами книгъ. Въ Новой Зеландіи въ 1889 г. была 361 публичная библиотекы на 607.000 жителей. Даже Азія и та въ дѣлѣ распространенія книги среди населенія спѣшитъ догнать Западную Европу и Новый Свѣтъ. Такъ, въ Китаѣ въ 1890 г. вице-король кантонской провинціи офиціально заявилъ, что „всякое хорошее правительство обязано распространять просвѣщеніе посредствомъ библио-

текъ во всей странѣ“. Въ Японіи введенъ спеціальныи законъ, обязывающій каждую общину нести извѣстный библиотечный налогъ, влѣдствіе чего число библиотекъ здѣсь, начиная съ 1888 г., быстро возрастаетъ. Вообще, на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ только существуютъ слѣды цивилизаціи и просвѣщенной культуры, печатное и книжное дѣло занимаетъ почетное и выдающееся положеніе. Это обстоятельство, наряду съ развитіемъ и укрѣпленіемъ школьнаго дѣла, ведетъ къ непосредственно-благимъ результатамъ для жизни народовъ въ этихъ странахъ; распространеніе грамотности связано ближайшимъ образомъ съ подъемомъ благосостоянія населенія и усовершенствованіемъ его духовныхъ способностей. Продуктивность, творчество такого народа усиливаются, и самая жизнь его принимаетъ болѣе свободное и широкое теченіе...

Какъ больно и обидно становится, однако, когда приходится навести справку: а какъ обстоитъ дѣло книжнаго просвѣщенія у насъ, въ Россіи?

Чувство стыда и неловкости являются невольными спутниками такого вопроса, и отвѣтъ получается самый печальный. Книга, оказывается, играетъ самую незначительную роль въ нашей жизни, и русскій обыватель совершенно несклоненъ глядѣть на нее и на ея хранилище глазами Маколея и Джона Гершеля. Леббокъ говоритъ, что „книги часто сравнивались съ друзьями“; можетъ быть, такое сравненіе и имѣетъ мѣсто среди народовъ и племенъ иноземныхъ, мы же, русскіе, этимъ не грѣшны. Точно желая подтвердить на дѣлѣ проницательное замѣчаніе поэта— „намъ просвѣщеніе не пристало“, мы, въ большинствѣ случаевъ, обрѣтаемся въ какомъ-то непонятномъ антагонизмѣ съ печатнымъ словомъ. Объ исключеніяхъ я не говорю, и они, въ данномъ случаѣ, меня не интересуютъ.

Гораздо любопытнѣе и существеннѣе сдѣлать наблюденіе и выводы надъ массой русскаго народа, познакомиться съ русскими читателями и тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ ихъ жизни книжка. Данныхъ для такого рода наблюденій накопилось уже достаточно и повременная пресса приноситъ чуть ли не ежедневно свѣдѣнія объ успѣхахъ и состояніи русскаго невѣждества. До сихъ поръ, однако, еще никому не приходило въ голову суммировать эти данныя, привести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю и сдѣлать изъ нихъ необходимые выводы. Даже въ энциклопедическихъ словаряхъ по этому предмету нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній; взять хотя бы 29-й выпускъ словаря Брокгауза и Ефрона, какъ послѣднее слово энциклопедическаго знанія, и поглядѣть статью, посвященную „книгѣ“. Вы узнаете отсюда исторію книжнаго дѣла у насъ, но состояніе книжнаго рынка, значеніе книги въ жизни нашего отечества вамъ совершенно не выяснится.

Проглядите также юбилейныя изданія книгопродавческихъ фирмъ: Глазунова, Вольфа, „Общественной Пользы“, и вы не найдете никакой руководящей нити къ разрѣшенію интересующихъ васъ вопросовъ. Исторію торговаго дома вы узнаете, но культурная роль книжки останется вамъ

попрежнему темна. Очень мало разъяснила и сравнительно недавно закрывшаяся выставка печатнаго дѣла (1895 г.).

Передо мною промелькнули роскошныя витрины, съ многочисленными и изящными изданіями, я восхищался отчетливой и мастерской работой нѣкоторыхъ типографій, я слышалъ грохотъ и шумъ движущихся машинъ,—но отвѣта на мучившіе меня вопросы, каковы русское книжное просвѣщеніе и грамотность? какая роль въ отечественной жизни русской книжки? каковы вкусы и чѣмъ интересуется читатель-землякъ?—я не находилъ. Короче культурная роль книжнаго дѣла изъ обозрѣнія выставки мнѣ не выяснилась.

Мнѣ возразятъ, что въ этомъ и не заключалась задача выставки. Очень жаль, такъ какъ, по моему крайнему разумѣнію, эта задача должна была быть поставлена превыше всѣхъ прочихъ. Еще таблицы и діаграммы Н. М. Лисовскаго кое-что сказали, очертивъ движеніе и успѣхи періодической печати, но эти свѣдѣнія относились только къ одной и незначительной части печатнаго дѣла. Картину же книжнаго роста, на-ростаніе читателя выставка мнѣ не показала.

Попытку привести въ извѣстность успѣхъ и движеніе книжнаго дѣла по годамъ у насъ, въ Россіи, кажется, сдѣлалъ впервые г. Л. Павленковъ. Его любопытныя статьи, печатавшіяся ежегодно на страницахъ „Историческаго Вѣстника“, вносили въ разъясненіе вопроса много свѣта, но по самой своей задачѣ авторъ не имѣлъ въ виду ни выводовъ, ни психологіи нашей грамотности и ея потребителей. Его матеріаль—сырой матеріаль, богатое собраніе фактовъ и статистическихъ данныхъ для всякаго, кто пожелалъ бы обосновать картину роста нашего книжнаго просвѣщенія. Этимъ матеріаломъ, въ числѣ прочаго другого, искусно воспользовался г. Рубакинъ для своихъ интересныхъ „Этюдъ о русской читающей публикѣ“, большинство которыхъ предварительно было напечатано въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ.

Книжка г. Рубакина является справедливымъ и безпощаднымъ судомъ надъ состояніемъ нашего книжнаго и вообще печатнаго дѣла, надъ его потребителями и надъ условіями, среди которыхъ беспомощно и вяло влачить свое существованіе бѣдная русская книжка. Картина, нарисованная авторомъ смѣлою и искусною рукою, поражаетъ своимъ мрачнымъ колоритомъ и невольно становится жутко и страшно за наше отечество, за его интеллигенцію и народъ, обрѣтающихся въ такомъ безпробудномъ и непроницаемомъ мракѣ невѣждества.

Фраза, что Россія „отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей“, уже давно намъ пріѣлась; мы какъ-то свыклись съ нею и относимся въ достаточной мѣрѣ равнодушно къ ея повторенію. Фактъ нашей безграмотности насъ не поражаетъ, не устыжаетъ, и мы успѣли дружески съ нимъ примириться. Правда, отъ времени до времени люди печати пытаются пробудить общественное сознаніе указаніемъ на весь ужасъ положенія, къ которому мы пришли, благодаря невольной пассивности и

инертности, но все это только единичныя и весьма немногочисленныя рѣчи и попытки что либо сдѣлать, — масса остается глуха къ этимъ словамъ и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей доли, ничего или, по крайней мѣрѣ, очень мало предпринимаетъ для освобожденія страны изъ такого положенія. А положеніе это заслуживаетъ серьезнаго вниманія и вызываетъ на самыя печальныя размышленія.

Тотъ же г. Рубакинъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона“ даетъ въ рубрикѣ, посвященной слову „грамотность“, очень любопытныя таблицы „грамотности рекрутовъ“, и таблицу „отношенія числа учащихся къ населенію въ разныхъ странахъ“.

Изъ первой таблицы мы видимъ, что Россія занимаетъ мѣсто ниже Италіи, Венгріи, Австріи, не говоря уже про германскія государства, Францію, Голландію; во второй же таблицѣ оказывается, что изъ 30 перечисленныхъ государствъ наше отечество занимаетъ высшее мѣсто только относительно Турціи и Румыніи. У насъ, по свѣдѣніямъ 1886 г., численное отношеніе учащихся къ населенію составляетъ всего лишь 2,6⁰/₀, въ то время какъ въ Сербіи оно равняется 2,7⁰/₀, въ Болгаріи—8,9⁰/₀, Испаніи 10,6⁰/₀.

Въ своихъ „Этюдахъ“ г. Рубакинъ вторично выступилъ съ словомъ обличенія отечественнаго невѣждества и наглядно показалъ его на фактахъ распространенія у насъ печатнаго слова и спроса на него интеллигентныхъ и простонародныхъ читателей или, по его терминологіи, читателей изъ „командующихъ классовъ“ и „изъ народа“. Работа молодого писателя вышла чрезвычайно почтенною и сразу ставитъ его имя въ ряду выдающихся изслѣдователей нашей народной и общественной жизни. Она безспорно отмѣчена печатью даровитости и обнаруживаетъ умъ, склонный къ тонкому анализу и смѣлому синтезу. Можно безошибочно утверждать, что „Этюды о читающей публикѣ“ создаютъ г. Рубакину „имя“ въ исторіи нашей публицистики и являются цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу книжнаго рынка. Тема, разработанная авторомъ, по своему животрепещущему интересу сразу, сама собою, выдвигаетъ книжку и привлекаетъ къ ней вниманіе читателей; въ этомъ выгодная сторона дѣла.

Но рядомъ съ этимъ, широта вопроса, его сложность и неизбежная у насъ скудость матеріала для разработки этого послѣдняго ставятъ писателя въ невыгодное положеніе. Отвѣтственность за выводы велика, а основанія, на которыхъ созидаются эти выводы, нѣсколько шатки. Аргію можно сказать, зная, какъ и изъ какихъ элементовъ складывается русская жизнь, что авторъ правъ, что его пессимизмъ имѣетъ подъ собою почву; но вмѣстѣ съ тѣмъ—нельзя не отмѣтить, что данныя въ его распоряженіи были далеко недостаточны для точныхъ заключеній, для изображенія полной картины состоянія нашего книжнаго просвѣщенія.

Эпизодичность—вотъ главная отличительная черта работы г. Рубакина. Онъ беретъ случайно попавшійся ему въ руки матеріаль, правда, очень цѣнный и богатый, но во всякомъ случаѣ совершенно недоста-

точный для уясненія дѣла всесторонне, во всѣхъ его подробностяхъ. Передъ читателемъ проходитъ вереница фактовъ, цифръ, портретовъ, но все это, порознь взятое, картинки, которыя далеко недостаточны, чтобы представить единую общую картину въ строго-выдержанномъ стилѣ и яркомъ освѣщеніи. Авторъ далъ массу иллюстрацій къ русской бытовой общественной жизни, но роста этой жизни не показалъ—послѣдній выведенъ только приблизительно. Дѣло все въ томъ, что, какъ уже сказано выше, „Этюды о читающей публикѣ“ печатались отдѣльными и независимыми другъ отъ друга очерками въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и, въ качествѣ таковыхъ отдѣльныхъ очерковъ, представляли собою очень интересныя, содержательныя журнальныя статьи.

Теперь авторъ собралъ ихъ воедино, но сдѣлалъ это въ значительной степени механическимъ путемъ, безъ достаточной обработки. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ книжкѣ, что для отдѣльнаго изданія эти статьи являются „въ дополненномъ, а отчасти переработанномъ видѣ“. Въ этомъ словѣ „отчасти“ и лежитъ изъянъ его труда. Г. Рубакинъ точно торопился съ изданіемъ, почему и не обратилъ достаточнаго вниманія на отдѣлку своей работы, гармоничность частей; вслѣдствіе этого здѣсь встрѣчаются повторенія эпизодовъ и разсужденій, перенесеніе содержанія изъ однихъ главъ въ другія, долгія остановки на отдѣльныхъ мелкихъ явленіяхъ.

Въ его распоряженіи былъ обильный и печатный, и рукописный матеріалъ, но онъ его далеко не использовалъ. Цифровыя данныя и статистическія свѣдѣнія взяты, напримѣръ, только изъ отчетовъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ провинціальныхъ библіотекъ, и то, по большей части, относящихся къ одному и тому же району—Югу и, главнѣйшимъ образомъ, Приволжью. О Сибири говорится только мимоходомъ, причемъ о нѣкоторыхъ достойныхъ вниманія крупныхъ явленіяхъ тамошней книжной жизни совсѣмъ умалчивается. Такъ, г. Рубакинъ совсѣмъ умалчиваетъ о минусинской бесплатной общественной библіотекѣ, устроенной на средства И. Сибирякова и стараніями выдающагося мѣстнаго дѣятеля г. Мартянова. О Кавказѣ авторъ почти не даетъ никакого понятія, какъ равно и о Западномъ краѣ.

Можетъ быть, эти необходимыя свѣдѣнія было трудно достать, но, по поговоркѣ—„взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“,—нужно было хотя бы списаться съ мѣстными дѣятелями и постараться раздобыть нужное. И думается мнѣ, —г. Рубакину, имѣющему по лицу русской земли такую массу корреспондентовъ, это не Богъ знаетъ какъ трудно было сдѣлать.

Точно также весьма небольшую цѣну въ исторіи нашей культуры имѣютъ и портреты любителей просвѣщенія изъ простого народа, нарисованные авторомъ. Онъ придаетъ имъ слишкомъ большое значеніе и въ качествѣ народника, какимъ онъ, по крайней мѣрѣ, рисуется въ своихъ работахъ, излишне идеализируетъ выведенныхъ лицъ. Подробно и долго

останавливаться на нихъ въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ имѣло значеніе, въ общемъ же сводѣ фактовъ книжнаго просвѣщенія можно бы было кое-какими подробностями поступиться.

Хотя талантливый писатель старается стоять на почвѣ исключительно фактовъ и цифровыхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе, его пристрастіе къ „читателямъ изъ народа“ проглядываетъ слишкомъ рѣзко въ ущербъ „читателямъ изъ командующихъ классовъ“. Къ этому „командующему классу“, т.-е. къ интеллигенціи, онъ, подобно г. Пругавину, склоненъ относиться слишкомъ строго, забывая тѣ тяжелыя условія, среди которыхъ она дѣйствуетъ. Я вовсе не склоненъ къ похваламъ нашей интеллигенціи, и факты ея индифферентизма, апатичности и бездѣтельности для меня очевидны; но я желалъ бы, чтобы рядомъ съ этими недостатками были указаны и свѣтлыя стороны ея духовной жизни, а также тѣ многочисленныя препятствія, о которыхъ сплошь и рядомъ разбиваются ея благіе порывы. Г. Рубакину, бывшему дѣятельному члену петербургскаго комитета грамотности, эти препятствія должны бы быть хорошо знакомы; равнымъ образомъ онъ, какъ представитель одной изъ частныхъ петербургскихъ библіотекъ, стоитъ постоянно лицомъ къ лицу съ тѣми сложными условіями жизни, среди которыхъ растетъ и дѣйствуетъ „командующій классъ“.

Вотъ эти-то условія недостаточно выяснены въ его книжкѣ, и пусть онъ не ссылается, въ данномъ случаѣ, на „независяція отъ него обстоятельства“. Въдъ г. Пругавинъ въ своемъ сочиненіи „Запросы народа и обязанности интеллигенціи“ сумѣлъ обрисовать неказистую обстановку, въ которую поставлено дѣло „народнаго“ просвѣщенія; отчего же, когда рѣчь идетъ объ интеллигенціи, ее казнятъ за недостатокъ самодѣтельности, въ очень слабой степени отмѣчая виѣшнюю обстановку ея жизни и плотныя рамки, которыми скованы ея благіе порывы?

Я нарочно остановился на указанныхъ слабыхъ, по моему мнѣнію, сторонахъ труда г. Рубакина не съ цѣлью его умаленія или посягательства на его значеніе. Я уже назвалъ „Этюды о читающей публикѣ“ цѣннымъ подаркомъ нашему книжному рынку, а автора ихъ талантливымъ писателемъ; мнѣ хотѣлось бы только видѣть его работу болѣе совершенной и свободной отъ могущихъ возникнуть недоразумѣній и нареканій, которыя могутъ проявиться изъ лагеря лицъ, заявляющихъ, что „дома все обстоитъ благополучно“, и что условія жизни нашей интеллигенціи оправдываются поговоркой—„по Сенькѣ и шапка“.

Въ послѣднемъ случаѣ наши гг. народники иногда берутъ грѣхъ на душу, и голоса ихъ могутъ повліять (если только это можетъ имѣть мѣсто въ нашей общественной жизни) въ направленіи очень нежелательномъ и опасномъ. Все дѣло, поэтому, заключается въ соразмѣрности преслѣдуемой цѣли, употребляемыхъ средствъ и могущихъ отсюда возникнуть результатовъ. Вотъ почему въ излишне страстныхъ и одностороннихъ нападкахъ на „командующій классъ“ мнѣ слышатся зловѣщія поты: можно

очутиться въ данномъ случаѣ въ совершенно нежелательной компаніи, что только послужитъ къ ея усилению, а это, въ свою очередь, неминуемо отразится на состояніи народнаго просвѣщенія и поведетъ къ возникновенію на поверхности русской жизни такихъ наслоеній, подъ тяжестью которыхъ ей врядъ ли удастся развиваться свободно и въ должномъ направленіи.

Я уже упомянулъ, что въ распоряженіи г. Рубакина находился богатый рукописный матеріалъ; образовался онъ изъ отвѣтовъ, полученныхъ авторомъ на разосланный имъ въ 1889 году „Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа“, составленный при участіи нѣсколькихъ народныхъ учителей и учительницъ. Въ промежутокъ времени до 5 лѣтъ, г. Рубакинъ получилъ 458 отвѣтовъ, составленныхъ народными учителями, фабричными рабочими, крестьянами и другими лицами, близко принимающими къ сердцу интересы народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, къ нему поступило болѣе 2.500 письменныхъ работъ, сдѣланныхъ деревенскими и фабричными читателями, по прочтеніи ими разныхъ книжекъ, въ которыхъ ясно отпечаталась фізіономія авторовъ. Наряду съ этимъ, немаловажное мѣсто занимаетъ и корреспонденція, возникшая со многими лицами на почвѣ „Опыта программы“. По поводу этой переписки г. Рубакинъ говоритъ: „Я дорожу ею, какъ однимъ изъ средствъ, правда, очень скромныхъ, но все-таки средствомъ единенія, общенія между работниками. Врядъ ли можно сомнѣваться, что у насъ не такъ мало работниковъ, искренно и горячо преданныхъ дѣлу, какъ мало единенія и общенія между ними“.

Эта форма единенія съ народомъ и лицами, принимающими горячее участіе въ его судьбахъ, является продуктомъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ и можетъ быть разсматриваема, какъ правильный и полезный коррективъ къ беспочвенному и мечтательному стремленію „въ народъ“, имѣвшему мѣсто въ 1870-хъ годахъ, а также въ наши дни, согласно ученію графа Л. Толстого. Интеллигенція, идущая въ глубь и глушь Россіи съ ясно опредѣленными цѣлями, на почвѣ разумныхъ и реальныхъ интересовъ, всегда встрѣтитъ въ народѣ откликъ, сочувствіе и можетъ принести огромную пользу. Дѣятельность нѣкоторыхъ нашихъ культурныхъ представителей общества въ годы голода и мора оставила по себѣ неизгладимый слѣдъ; помимо принесенной ими пользы, требуемой обстоятельствами даннаго времени, она заронила въ массѣ многія добрыя сѣмена, которыя успѣли уже дать нужные всходы, хотя бы въ видѣ разныхъ ассоціацій, кассъ, пріютовъ и тому подобныхъ учреждений.

Наибольшую же силу могутъ имѣть тѣ отношенія къ народу, которыя возникаютъ на почвѣ просвѣщенія. Интеллигентъ, протягивающій сѣрой массѣ хорошую книжку, хлопочущій о созданіи въ деревнѣ разсадника просвѣщенія—школы, бібліотеки,—будетъ всегда желаннымъ гостемъ и своимъ человѣкомъ въ крестьянской средѣ. Народъ уменъ и чутокъ; всякая фальшь, всякая искусственность будутъ скоро поняты и оцѣнены

по достоинству. Психологическій анализъ его выработался вѣками, и онъ многотруднымъ историческимъ путемъ научился различать своихъ истинныхъ, серьезныхъ друзей отъ мнимыхъ, пришедшихъ къ нему не ради него и не вслѣдствіе строго придуманныхъ и прочувствованныхъ побудительныхъ причинъ.

Г. Рубакинъ избралъ вѣрный путь для своей просвѣтительной дѣятельности и, какъ можно убѣдиться, этотъ путь приводитъ его къ желанной цѣли. Во-первыхъ, онъ успѣлъ создать обширную аудиторію слушателей, сумѣлъ найти ему сочувствующихъ и готовыхъ помогать въ его благихъ начинаніяхъ, и, во-вторыхъ, благодаря такому живому единенію съ народомъ, пробудить въ своей интеллигентной средѣ значительный интересъ къ вопросу о народномъ просвѣщеніи. Конечно, г. Рубакинъ въ этомъ дѣлѣ не одинъ, у него были хорошіе предшественники (гр. Л. Толстой, Рачинскій, Пругавинъ, Калмыкова и др.), рядомъ съ нимъ и объ руку съ нимъ въ томъ же направленіи работаютъ многія лица и учрежденія, напримѣръ, князь Шаховской, петербургскій и московскій комитеты грамотности; тѣмъ не менѣе, его заслуги въ дѣлѣ изученія народной грамотности и ознакомленія читателей съ ея состояніемъ почтенны и не могутъ не вызвать самаго сердечнаго сочувствія. Вотъ почему я и считаю полезнымъ подѣлиться съ читателями выводами и впечатлѣніями, вынесенными по прочтеніи „Этюдовъ о русской читающей публикѣ“.

Разсматривая книжную обстановку, въ которой растетъ, развивается и дѣйствуетъ русскій читатель, мы поражаемся ея убожествомъ, ея неприглядностью. Принимая, что въ Россіи ежегодно печатается около 20 милліоновъ экземпляровъ разныхъ книгъ, при пяти тысячахъ названійхъ, исключая газеты и журналы, и прослѣдивъ возрастаніе и паденіе этихъ цифръ по годамъ, мы получимъ тотъ результатъ, что на каждую душу, напр., въ 1890 году, вышло ни больше, ни меньше какъ 0,16 книжки, или 56 названій на милліонъ человѣкъ, не принимая здѣсь въ расчетъ населеніе Финляндіи. Что касается до абониментныхъ періодическихкихъ изданій, то таковыхъ выпадаетъ всего одинъ экземпляръ въ теченіе цѣлаго года на человѣка, или же 5 экземпляровъ на одного грамотнаго. Г. Рубакинъ дѣлаетъ всевозможныя поправки и добавленія въ пользу смягчающихъ обстоятельствъ и, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, съ натяжкой получаетъ тотъ грустный выводъ, что на каждого представителя изъ „командующаго класса“ выходитъ отъ трехъ съ половиною до пяти экземпляровъ книгъ, или меньше чѣмъ два названія на тысячу человѣкъ.

Такое малое количество книгъ, удовлетворяющее нашу интеллигенцію, свидѣтельствуетъ только о полуграмотности или даже безграмотности массы населенія. Неутѣшительно также свидѣтельство автора о качествахъ произведеній печатнаго слова, интересующихъ читателей; оказывается, что провинціальная Россія охотно пробавляется писателями начала ны-

нѣшняго и конца прошлаго столѣтія и точно только впервые знакомится съ тѣмъ литературнымъ матеріаломъ, который на самомъ дѣлѣ уже давно отошелъ въ область исторіи словесности, какъ на примѣръ, съ произведеніями Карамзина, Марлинскаго, Кукольника, Екатерины II, Измайлова и др. Рядомъ съ этимъ спросъ на писателей новаго времени чрезвычайно незначителенъ; такъ, пятое изданіе Некрасова, вышедшее въ 1888 году въ количествѣ 15.000 экземпляровъ, не разошлось и донынѣ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ играютъ значительную роль причины внѣшнія, какъ на примѣръ, „издательскій плѣнъ“, по которому фирма, приобрѣтшая право на изданіе какого-либо автора, совершенно произвольно устанавливаетъ на него высокую цѣну и дѣлаетъ его недоступнымъ массѣ.

Неотрадны также результаты при разсмотрѣніи вопроса, каковы успѣхи научнаго издательства; послѣднее также совершенно ничтожно и, по остроумному выраженію г. Рубакина, „пролетаетъ, такъ сказать, надъ головами читателей“. Каталоги научныхъ отдѣловъ рѣзко раздѣляются на двѣ рубрики—на сочиненія спеціальныя, доступныя очень ограниченному кругу потребителей, и на произведенія, скорѣе похожія на дѣтскія и народныя, нежели на научно-популярныя. Послѣдній родъ литературы, процвѣтавшій въ особенности въ 60-хъ годахъ, въ настоящее время оскудѣлъ до крайности и представленъ на рынкѣ, преимущественно, какъ книги переводныя. Съ большими затрудненіями, медленно и черепашинымъ шагомъ идетъ и распространеніе книгъ: ихъ некому и негдѣ распространять.

Г. Рубакинъ извлекъ по этому предмету изъ центрального статистическаго комитета чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія. Оказывается, что въ 1883 г. во всей Европейской Россіи было книжныхъ лавокъ, складовъ и магазиновъ 1.377, въ 1884 г.—1.453, въ 1885 г.—1.443. Съ этого года цифры идутъ на убыль и уже въ 1887 г. число ихъ падаетъ до 1.271.

Чрезвычайно характерно располагаются наши книгохранилища по губерніямъ и отдѣльнымъ городамъ. Такъ, на всю Олонецкую губернію приходится всего 1 книжный магазинъ, или лавка, на Уфимскую и Оренбургскую—по 2, на всю Симбирскую—4, Калужскую—6, Псковскую—7 и т. д. Въ 15-ти губерніяхъ такихъ лавокъ и магазиновъ отъ 10 до 20, только въ 13-ти губерніяхъ насчитываютъ ихъ отъ 20 до 30 и лишь въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 30 до 40. Больше 50 имѣется только въ Петербургской и Московской губерніяхъ. Если вычесть число книжныхъ лавокъ и магазиновъ въ столицахъ изъ общаго такого же числа, то на всю Европейскую Россію останется всего лишь 811. Разлагая это количество пропорціонально уѣзднымъ городамъ въ губерніяхъ и принимая во вниманіе, что большее число магазиновъ именно въ губернскихъ городахъ, то окажется, что многіе уѣзды совершенно лишены книгохранилищъ, на примѣръ, въ Гродненской губерніи на 26 городовъ выпадаетъ 14 лавокъ и магазиновъ, въ Калужской—на 14 всего 6.

Немного утѣшительнаго представляетъ собою и исторія издательскаго дѣла. Минуя цифровыя данныя, выдѣляемая столицей, оказывается, что въ 1893 г., напримѣръ, провинціальныя центры поставляли на книжный рынокъ 1.829 сочиненій, а остальные провинціальныя города всего 228 въ 3.712.631 экземплярѣ. Столица, какъ оказывается, поглощаетъ всѣ силы издательскаго дѣла, централизуетъ его и почти ничего не удѣляетъ провинціи. Вслѣдствіе этого столичный рынокъ переполненъ книгами, предложеніе превышаетъ спросъ, а отсюда—обезцѣненіе книжки и процвѣтаніе торговли у букинистовъ. „Книги, попавшія на толкучку,—говоритъ г. Рубакинъ,—не нашли распространенія по номинальной цѣнѣ, издававшія ихъ фирмы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, рухнули. Но вотъ чтò достойно вниманія: въ то время, какъ въ Петербургѣ эти самыя книги продаются за-дешево букинистами, въ провинціи не только мало кто знаетъ о дешевой распродажѣ ихъ, но мало кто знаетъ и о существованіи этихъ книгъ. Ихъ выписываютъ по номинальной цѣнѣ, а то и выше цѣны“.

Г. Рубакинъ, по задачамъ своей работы, не останавливался долго на дѣятельности столичныхъ букинистовъ; онъ отмѣтилъ только ихъ „высасывающую дѣятельность“ въ провинціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе и условіе ихъ, наряду съ другими однородными торговцами, въ которыя они поставлены нашимъ законодательствомъ, заслуживаютъ весьма серьезнаго вниманія.

„Отчетъ“ за десятилѣтіе общества издателей и книгопродавцевъ говоритъ, что члены общества уже давно хлопочутъ объ уравниніи торговыхъ правъ и повинностей букинистовъ съ остальными дѣятелями нашего книжнаго рынка, и отмѣчаетъ всю выгоду, въ которую первые поставлены нашимъ законодательствомъ въ ущербъ настоящимъ издателямъ и торговцамъ.

Громадное вліяніе имѣетъ на развитіе нашей культуры и главный источникъ книжнаго круговращенія—общественныя бібліотеки. Оказывается, что на 659 городовъ Европейской Россіи приходилось общественныхъ и частныхъ бібліотекъ, въ 1887 г., всего—591, т.-е. въ 2 раза меньше, нежели книжныхъ лавокъ и магазиновъ, такъ что во многихъ уѣздныхъ городахъ процвѣтаетъ полное бібліотечное запусѣніе; отъ этого не свободны даже такія губерніи, какъ Московская и Петербургская. Ораніенбаумъ, Шлиссельбургъ, Гатчина не имѣютъ ни одной бібліотеки до сего времени. На запросъ петербургскаго комитета грамотности по различнымъ вопросамъ народной грамотности получился рядъ отвѣтовъ, свидѣтельствующій, что во многихъ и очень многихъ провинціальныхъ пунктахъ учреждений, въ родѣ бібліотекъ, не имѣется и не оказывается. Полицеймейстеръ г. Владиміра-Волынска донесъ уѣздному исправнику, что „общественнаго и начальнаго учрежденія начальнаго народнаго образованія во вѣренной мнѣ части города нѣтъ“, а другое офиціальное лицо дало слѣдующее характерное показаніе: „Сообщаю

комитету грамотности, что, хотя въ вѣренномъ мнѣ отдѣлѣ имѣется 42 начальныя школы, но въ нихъ не имѣется ни учительскихъ библіотекъ, ни музеевъ, не выписывается никакихъ изданій для учителей и учительницъ на средства какъ ихъ, такъ и казенныя, не устраивается народныхъ чтеній, нѣтъ складовъ для продажи книгъ, а также нѣтъ воскресныхъ вечернихъ и повторительныхъ школъ для взрослыхъ“. Какая печальная картина просвѣтительнаго заустѣнія!

Стоитъ отмѣтить также для исторіи русской литературы нѣкоторыя, приведенныя г. Рубакинымъ, эпизоды изъ отношенія провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей къ библіотечному дѣлу. Рязанская библіотека, существовавшая при поддержкѣ города и дворянства, постепенно пришла въ такой упадокъ, что ее пришлось продать одному книгопродавцу за 150 рублей, на что ни городъ, ни завѣдывавшіе библіотечкою не имѣли никакого ни юридическаго, ни нравственнаго права. Въ г. Уральскѣ въ 1888 г. имѣло мѣсто такое позорное происшествіе: здѣсь было предано сожженію 1.445 томовъ книгъ, которыми цѣлыхъ три дня послѣ обѣда топились печи мѣстнаго хозяйственнаго правленія. Въ числѣ сожженныхъ книгъ было 1.382 т. журналовъ („Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Дѣло“) и 63 тома сочиненій Спенсера, Милля и друг., по приблизительной стоимости на 1.500 р. „Это постыдное дѣло,—справедливо замѣчаетъ г. Рубакинъ,—было оформлено особымъ актомъ, имѣющимъ въ библіотекѣ и снабженнымъ подписью 3 лицъ. Является вопросъ: какое право имѣли эти лица произвести такого рода ауто-да-фе, на которое ихъ не уполномочиваетъ ни одна статья російскаго свода законовъ? Не есть ли это безумное расхищеніе общественнаго имущества, которое, на худой конецъ, можно бы продать?.. Въ числѣ сожженныхъ книгъ не было ни одной, которыхъ продажа возбранялась бы. Очевидно, это ауто-да-фе объясняется ничѣмъ инымъ, какъ полнѣйшимъ незнаніемъ законовъ о печати?“

Я раздѣляю справедливый гнѣвъ г. Рубакина, но смѣю его завѣрить, что тутъ дѣло не въ „незнаніи законовъ о печати“, а въ нѣчто болѣе серьезномъ. Если вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно земство также сожгло „статистическія работы“, на которыя потрачено было немало народныхъ денегъ, а также обратить вниманіе, книги какихъ авторовъ и какого рода журналы были уничтожены въ г. Уральскѣ, то станетъ понятнымъ, что дѣло заключается въ излишней внимательности къ голосамъ, раздающимся, яко бы ради спасенія отечества, во славу мрака и невѣжества... Защитники обскурантизма въ данныхъ случаяхъ торжествовали громкую побѣду...

Проглядывая данныя о состояніи провинціальныхъ библіотекъ, мы приходимъ къ заключенію, что богатства ихъ очень ограничены, и на одного городского жителя выпадаетъ максимумъ 1,72 тома (Кронштадтъ) и минимумъ 0,11 (Колывань). Правда, эти предѣльныя цифры взяты изъ ознакомленія всего лишь съ 14 библіотеками, но онѣ намъ даютъ все-

же возможность сдѣлать печальный выводъ о богатствѣ нашихъ книгохранилищъ. Не отличаются послѣднія и систематичностью подбора книгъ, безъ чего библиотечное дѣло не можетъ имѣть никакого руководящаго вліянія на подписчиковъ. Индифферентизмъ и пассивность гг. завѣдующихъ этими учрежденіями—вопіюще, и содержаніе библиотеки мобилизуется, что называется, „съ бору да съ сосенки“.

Такое отношеніе руководителей дѣла, само собою разумѣется, далеко не содѣйствуетъ привлеченію симпатій подписчиковъ къ библиотекѣ, и послѣдняя является въ ихъ глазахъ не разсадникомъ просвѣщенія, а простою лавочкою, торгующею какъ попало и представляющею въ дѣлѣ свободный выборъ посѣтителемъ. Просвѣтительная инициатива здѣсь вполне отсутствуетъ, и царитъ лишь погоня за публикой и дешевизной изданій. Прямымъ слѣдствіемъ этого является чрезмѣрное преобладаніе въ каталогахъ частныхъ библиотекъ, да и въ большинствѣ общественныхъ, книгъ беллетристическаго содержанія въ ущербъ отдѣламъ научнымъ, которые представляютъ, по большей части, пестрый сбродъ понавшихся случайно произведеній.

„Нечего удивляться,—говоритъ г. Рубакинъ,—что библиотеки, разумно составленныя и богатая научными книгами, какъ въ былые годы (въ семидесятыхъ годахъ, но не теперь) были библиотеки В. Черкесова и Макалинской въ Петербургѣ, или какова нынѣ Петровская библиотека въ Москвѣ,—до сего времени остаются явленіями исключительными, хотя у этихъ библиотекъ и могли бы кое-чему поучиться всѣ другія. Эти библиотеки сами создавали читателей, дѣлая себя интересными для читателей изъ интеллигенціи, облегчая ей доступъ къ книгамъ научнымъ, умѣло выбираемымъ. Онѣ сами шли къ читателю, а не ждали, когда читатель придетъ къ нимъ“.

Самая организація пользованія библиотечными книгами сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями—высокой платой и высокимъ залогомъ. Плата необходимо должна быть понижена, въ интересахъ расширенія круга читателей, а залогъ съ большимъ успѣхомъ для дѣла могъ бы быть замѣненъ поручительствомъ, какъ это уже сдѣлали нѣкоторыя провинціальныя библиотеки—въ Астрахани, Тифлисѣ и другихъ. Если библиотеки, основанныя преимущественно для привилегированныхъ классовъ, не удовлетворяютъ своему назначенію и не достигаютъ необходимой цѣли, то библиотеки для народа поставлены у насъ и того хуже, и вліяніе ихъ на массу очень незначительно.

Къ сожалѣнію, г. Рубакинъ слишкомъ поверхностно коснулся вопроса о народныхъ библиотекахъ и почти не далъ никакихъ указаній на то, къ чему должно стремиться въ этой области.

Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ даетъ статья: „Какія намъ нужны теперь по деревнямъ библиотеки?“, напечатанная въ № 1 „Педагогическаго Листка“¹⁾ и подписанная литеромъ Д. Т. (Д. Тихомировъ?). Авторъ предполагаетъ, что необходимо стремиться къ устройству по деревнямъ и селамъ небольшихъ общественныхъ библио-

¹⁾ „Педагогическій Листокъ“. Приложеніе къ журналу „Дѣтское Чтеніе“ за 1895 г. январь—мартъ.

текъ при мѣстныхъ школахъ, при завѣдываніи ими школьнымъ педагогическимъ персоналомъ. Это потребуетъ ассигнованія всего лишь 25 р. на каждую библіотеку, что составитъ всего лишь 1.000 рублей ежегоднаго расхода на каждый уѣздъ. При этомъ такія библіотеки должны имѣть свой особый, широкій и разносторонне-составленный каталогъ. „Всякая книга,—говоритъ авторъ,—не признаваемая безусловно вредной, должна была бы получать право доступа въ сельскую, какъ и во всякую другую, библіотеку, рассчитанную на взрослого читателя“. Мѣстная провинціальная пресса должна занимать въ такой библіотекѣ не послѣднее мѣсто, какъ равно и тотъ разрядъ книгъ, который жизненно необходимъ сельскому населенію—по вопросамъ законовѣдѣнія, общественной жизни, гигиены, сельскаго хозяйства, даже популярныя книги по воспитанію, вопросамъ медицины и проч. и проч.

Необходимо отмѣтить, разъ уже зашла рѣчь о дешевыхъ народныхъ библіотекахъ, что попытка выработать типъ такихъ библіотекъ, могущихъ быть приобрѣтенными по самымъ разнообразнымъ, невысокимъ цѣнамъ, сдѣлана въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ г-жи Калмыковой. Каталоги такихъ библіотекъ очень разнообразны, а самая стоимость библіотекъ весьма невысока.

Не велико и число подписчиковъ въ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, основанныхъ для „командующихъ классовъ“: Нахичеванская библіотека сидитъ почти совсѣмъ безъ подписчиковъ, въ г. Онегѣ въ 1889 г. было всего 4 подписчика. Интересныя цифры, нечего сказать! Maximum потребителей въ провинціи имѣли библіотеки: Самарская, Александровская и Одесская; въ первой брали на домъ 1.083 человекъ, вторую посѣщало 4.563 лица.

Разсматривая составъ лицъ, интересующихся библіотечною книгой, по сословіямъ и профессіямъ, мы наблюдаемъ, что простой сѣрый человекъ съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе частымъ посѣтителемъ библіотеки. Г. Рубакинъ усматриваетъ въ этомъ знаменательный внутренний процессъ— „процессъ наростанія читателя въ народѣ, появленіе его въ тѣхъ слояхъ, гдѣ до того времени онъ не водился и водиться не могъ“. Статистическія данныя, по его мнѣнію, говорятъ, „что кругъ читательскій расширяется въ глубину и ширину, что на смѣну, а, можетъ быть, и на поддержку читателямъ изъ культурныхъ классовъ идутъ цѣлыя толпы читателей изъ народа, катится читательская волна новая, свѣжая, жаждущая свѣта, чувствующая глубокую потребность смотрѣть на міръ Божій своими собственными глазами, а не чрезъ синія стекла узенькаго окошка, желающая черпать свои знанія, обогащая свой міръ идей изъ общей сокровищницы человечества, а не изъ краткихъ специальныхъ каталоговъ“.

Рядомъ съ скудостью библіотечныхъ читателей, наблюдателя поражаетъ и узость круга потребленія этихъ читателей, причемъ рѣзко бросается въ глаза и то, что этотъ кругъ съ годами не только не расширяется, но даже становится тѣснѣе. Такъ, напр., въ Астрахани въ

1883 г. было выдано изъ библіотеки по 66 томовъ на человѣка, а въ 1893 г.—по 42,5, т.-е. въ теченіе десяти лѣтъ спросъ подписчика на книгу уменьшился въ полтора раза. Та же судьба постигла и читальню при библіотекѣ: въ 1883 г. посѣщало ее 61 человѣкъ въ день, а въ 1884 г. эта цифра уменьшилась до 50, и въ такомъ видѣ продолжалось много лѣтъ послѣ. Такое оскудѣніе читателей и паденіе ихъ интереса къ печатному слову наблюдается и въ остальныхъ провинціальныхъ библіотекахъ. Выдающуюся роль въ такомъ грустномъ обстоятельстве играетъ ослабленіе вниманія къ періодической прессѣ, что находится въ непосредственной связи со многими печальными общественными явленіями нашей русской жизни за послѣднія 15 лѣтъ.

Что же читаетъ въ библіотекѣ наша интеллигентная публика охотнѣе всего? Статистическія данныя показываютъ, что на первомъ планѣ стоитъ беллетристика, затѣмъ журналы и, наконецъ, книги научнаго содержанія. Изъ послѣдней категоріи въ большинствѣ библіотекъ чаще другихъ требуются сочиненія по исторіи и исторіи литературы, затѣмъ слѣдуетъ естествознаніе, философія, общественныя науки и богословіе.

Любопытны указанія, какъ распредѣляются вкусы читателей въ научномъ и беллетристическомъ отдѣлѣ и какіе авторы пользуются наибольшими симпатіями читающей публики. Изъ разсмотрѣнія требованій въ восьми библіотекахъ г. Рубакинъ получилъ слѣдующія указанія ¹⁾. Не было случая, чтобы слѣдующіе писатели были взяты изъ библіотеки въ теченіе года (1891—92): а) больше пяти разъ—Васильчиковъ, Янжуль, Я. Абрамовъ; б) больше десяти разъ—Кавелинъ, Шашковъ, Сѣченовъ, Менделѣевъ; в) больше двадцати разъ—Лесевичъ, Пыпинъ; д) больше тридцати—указаній на русскихъ авторовъ нѣтъ; е) больше пятидесяти разъ—Карамзинъ, Ор. Миллеръ, В. Острогорскій, Я. Гуревичъ, В. Семеновскій; ф) больше ста разъ—Костомаровъ, Соловьевъ, Н. К. Михайловскій; г) больше 175 разъ—Бѣлинскій. Располагая далѣе списки требованій и обозначенныхъ въ нихъ авторовъ по категоріямъ, оказывается, что больше всего требуются тѣ научныя сочиненія, которыя нужны учащейся молодежи, т.-е. учебники и пособія.

Что касается изящной словесности, то требованія на оригинальныя сочиненія почти вдвое превосходятъ переводныя, хотя нѣкоторые заграничныя авторы читаются много охотнѣе, нежели отечественныя. Такъ, въ Нижегородской библіотекѣ Эмаръ читался почти въ полтора раза больше Щедрина, Террайль въ 1,34 раза больше Мельникова-Печерскаго, Монтенъ больше Островскаго, Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Добролюбова. Разсматривая требовательныя вѣдомости въ девяти библіотекахъ за 1891—92 гг. и расположивъ авторовъ, на которыхъ былъ наибольшій спросъ, на десяти убывающихъ ступеняхъ, мы встрѣчаемъ на первой ступени только три имени: прежде всего гр. Л. Толстого, затѣмъ А. Ми-

¹⁾ Я привожу здѣсь только указанія на русскихъ авторовъ, минуя иностранныхъ, относительно которыхъ авторомъ собраны также многочисленныя свѣдѣнія.

хайлова-Шеллера и, наконец, Гончарова. Ниже второй ступени гр. Л. Толстой не спускается нигдѣ, а Шеллеръ спускается до послѣдней и даже ниже, Гончаровъ—до предпослѣдней и ниже. Согласно библиотечной статистикѣ, гр. Левъ Толстой читается больше другихъ авторовъ, послѣ него слѣдуетъ Достоевскій, который не спускается ниже шестой ступени, затѣмъ Тургеневъ, не спускающійся ниже седьмой и т. д. Спросъ на авторовъ возрастаетъ въ связи съ новизною ихъ произведеній или какими либо особенно важными моментами въ ихъ творествѣ; на примѣръ, каждое новое произведеніе Л. Толстого берется на расхватъ. Рядомъ съ этимъ—торжественные юбилеи писателей, заставляющіе о нихъ усиленно говорить въ печати, или ихъ кончины, немедленно повышаютъ и спросъ на ихъ творенія; на примѣръ, послѣ смерти С. Н. Терпигорева въ двухъ библиотекахъ, въ теченіе многихъ дней, я не могъ получить его лучшаго произведенія—„Оскудѣніе“: такъ усилились требованія на эту книгу. Такое повышение симпатій читателей къ автору носитъ на себѣ, конечно, слѣдъ случайности и обнаруживаетъ только, что потребители библиотечныхъ сокровищъ не руководятся въ своемъ стремленіи къ чтенію какими либо строго опредѣленными принципами, программами или методомъ. Читатели,—утверждаетъ г. Рубакинъ:

„Выбираютъ по заглавіямъ, по наслышкѣ, по объявленіямъ въ распространенной газетѣ, по рецензіи, написанной какимъ либо шальнымъ рецензентомъ „отъ вѣтра главы своей“, по хлесткой статьѣ присяжнаго критика... Этихъ-то читателей и больше всего, и они проходятъ чрезъ библиотеку не отдѣльными блестящими метеорами, а текутъ широкой волной, которая нерѣдко увлекаетъ за собою и самого библиотечнаго, заставляетъ его подчиняться прихотямъ этой толпы, забывать то великое дѣло, которому должна служить каждая библиотека и которому она можетъ служить... Этотъ типъ читателя преобладаетъ и всегда преобладаетъ, а въ послѣднія 8-9 лѣтъ, какъ кажется,—въ особенности; не даромъ спросъ на идейную беллетристику падаетъ и колеблется“...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что читатели изъ интеллигенціи не являютъ собою для русской жизни чего-нибудь утѣшительнаго, хотя я лично склоненъ думать, что дѣло ужъ не такъ плохо стоитъ, какъ его старается показать г. Рубакинъ. На его сторонѣ, конечно, стоятъ статистическія данныя, хотя и взятая довольно случайно и произвольно, но противъ которыхъ трудно спорить; въ моемъ распоряженіи нѣтъ другого цифрового матеріала, однако, основываясь на нѣкоторыхъ личныхъ наблюденіяхъ и присматриваясь къ книжному рынку, я замѣчаю за послѣднее время кое-какія и утѣшительныя явленія. Миѣ сдается, во-первыхъ, что спросъ на серьезныя научныя сочиненія какъ-будто вновь возрастаетъ, а, во-вторыхъ, я имѣю основаніе утверждать, что наша читающая публика ужъ не такъ безыдейна, какъ это кажется съ перваго взгляда. Примѣръ тому наши ежемѣсячныя журналы. Я не буду упоминать названій,—можетъ быть, г. Рубакинъ, знающій хорошо книжный рынокъ, пойметъ меня и такъ. Въ судьбѣ этихъ журналовъ наблюдается любопытное явленіе: одни изъ нихъ тщетно пытаются въ теченіе десятка

лѣтъ завоевать себѣ аудиторію хотя бы въ 4.000 подписчиковъ, другіе въ какіе нибудь три года превышаютъ цифру 5.000; неуспѣхъ первыхъ и успѣхъ вторыхъ зависятъ, въ данномъ случаѣ, не отъ разнообразія помещаемаго на ихъ страницахъ матеріала, не отъ затраты денежныхъ средствъ (въ этомъ отношеніи они, пожалуй, положили больше старанія и силъ), но исключительно въ зависимости отъ того знамени, которое развѣвается надъ изданіемъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ шаткостью и неопредѣленностью журнальныхъ тенденцій, во-второмъ—съ строго опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, ясно выработанною программю и осмысленной конечной цѣлью.

Читающая публика сознаетъ это прекрасно и идетъ охотнѣе туда, гдѣ бьетъ родникъ живой воды. Она понимаетъ, что измѣнились нѣкоторыя чисто внѣшнія обстоятельства общественной жизни и — успѣхъ изданій второй категоріи былъ бы еще осязательнѣе. Я вовсе не хочу этимъ реабилитировать нашей интеллигенціи и утверждать, что „дома все обстоитъ благополучно; я намѣренъ былъ только обратить вниманіе г. Рубакина, что ему слѣдовало рядомъ съ темными сторонами жизни „командующихъ классовъ“ отмѣтить и нѣкоторые просвѣты въ ней. Это, по крайней мѣрѣ, хотъ нѣсколько бы разсѣяло то отчаяніе и уныніе, которое невольнo охватываетъ читателя по ознакомленіи съ „Этюдами“.

Я упомянулъ уже со словъ г. Рубакина, что въ нашей отечественной жизни за послѣднее время замѣчается „наростаніе“ читателя изъ народа. Постараемся вкратцѣ ознакомиться съ этимъ любопытнымъ явленіемъ и рассмотримъ, кто же этотъ новый человѣкъ, смѣло стучащійся въ дверь русскаго просвѣщенія.

Въ статьѣ „Народная грамотность“ я имѣлъ уже случай говорить, какъ печально и воистину вопіюще поставлено у насъ дѣло народнаго просвѣщенія. По свѣдѣніямъ, приводимымъ г. Рубакинымъ, оказывается, что процентъ грамотныхъ людей русскаго населенія равенъ всего-на-всего 23%; при этомъ на долю каждой тысячи грамотеевъ приходится 0,065 названій книгъ, спеціально для нихъ изданныхъ, а со включеніемъ въ ихъ число сочиненій духовныхъ и беллетристическихъ, одно названіе падаетъ на тысячу грамотеевъ, или менѣе полуэкземпляра на одного человѣка.

Рядомъ съ такой грустной постановкой одного изъ главнѣйшихъ факторовъ просвѣщенія, оказывается, что не въ лучшемъ положеніи обрѣтаются и другіе—послѣдующіе: народная школа, бібліотека и читальня. Несмотря на всѣ эти неблагоприятныя условія, народный читатель и грамотей нарастаетъ и даетъ все больше и больше о себѣ знать. Наиболѣе убѣдительнымъ тому доказательствомъ служитъ быстрое поглощеніе народной массой дешевыхъ изданій, предназначенныхъ спеціально для низшихъ классовъ населенія и выпущенныхъ въ значительной степени стараніями „командующихъ“ слоевъ общества. Эти изданія, пущенныя въ обращеніе по всему лицу русскаго земли, чрезвычайно разнообразны и сплошь и рядомъ вызываютъ недоумѣніе, отвѣчаютъ ли они своему на-

значенію и доступны ли они народной массѣ. Изъ такой постановки вопроса создавалась цѣлая литература за и противъ существующаго типа народной книжки; интересующихся этимъ предметомъ отсылаю къ любопытной книжкѣ Ан—скаго „Очерки народной литературы“, о которой я уже имѣлъ случай говорить.

Интересно, какъ отнесся самъ народъ къ вопросу о томъ, какая книжка ему нужна. Одинъ корреспондентъ пишетъ г. Рубакину: „народу нужны не народныя книги, а дешевыя, потому что онъ бѣднякъ, а не дуракъ“. Изъ общенія съ „читателями изъ народа“ авторъ „Этюдовъ“ выводитъ заключеніе, что народная литература не должна быть смѣшиваема съ дѣтскою, а также, что она вовсе не нуждается въ спеціально поучительномъ и назидательномъ характерѣ. Эта поучительность и назидательность, навязываемая народу, претятъ ему, и онъ даже видитъ въ нихъ насмѣшку надъ собою. Равнымъ образомъ онъ далеко не сочувственно относится къ тѣмъ беллетристическимъ произведеніямъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются черти.

Далеко не отвѣчаетъ своему назначенію и существующая у насъ для народа научно-популярная литература; книжки въ этомъ родѣ, въ большинствѣ случаевъ, составлены неумѣло и не прививаются къ читающей народной массѣ, объясненіе чему должно искать въ незнаніи народа, какъ читателя. „Программы“ для собиранія свѣдѣній о народномъ чтеніи, разосланныя и отдѣльнымъ „лицамъ“, и цѣлымъ обществамъ, можно надѣяться, въ концѣ-концовъ, выяснятъ, что требуетъ читатель отъ научно-популярной книжки и какъ она должна быть составлена. Дать точныя отвѣты на вопросы „программъ“ народъ сумѣетъ, такъ какъ въ его средѣ успѣли уже ясно обозначиться элементы, способные понимать и формулировать задачи желательной ему литературы, примѣнительно къ потребностямъ разныхъ районовъ и профессій. Эти послѣднія основанія неминуемо отразятся на содержаніи отвѣтовъ; читатель-земледѣлецъ и читатель-фабричный предъявляютъ разные запросы къ жизни и ищутъ въ ней различное содержаніе.

Такъ, г. Рубакинъ имѣлъ возможность прослѣдить по рукописямъ взгляды двухъ противоположныхъ представителей народной грамотности; одинъ, житель деревни, ищетъ въ книжкѣ указаній на необходимость „единенія“ между людьми, другой интересуется „торговой частью“, которая можетъ дать средства къ душеспасительнымъ пожертвованіямъ. Одновременно съ ознакомленіемъ со вкусами и симпатіями такихъ самоучекъ-писателей необходимо прислушиваться и къ голосу народной интеллигенціи, то-есть такихъ представителей народной массы, которые, не порвавъ связи съ своими односельчанами, живя ихъ интересами и ихъ жизнью, пользуются грамотностью для поднятія культуры своей среды.

Г. Рубакинъ знакомитъ насъ съ цѣлой портретной галлереей такихъ народныхъ интеллигентовъ, и нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ, въ качествѣ типовъ деревни, серьезнаго изученія, какъ на примѣръ, С. Семе-

новъ, С. Журавлевъ и другіе, въ которыхъ ясно сказывается стремленіе къ свѣту, къ знанію. Не лишены также интереса типы фабричнаго читателя, который, по словамъ г. Рубакина, „уже выросъ и продолжаетъ расти съ каждымъ днемъ“. Авторъ, въ числѣ прочихъ, знакомитъ насъ съ біографіей Василя Ивановича Савихина, вышедшаго изъ фабричной среды и успѣвшаго уже въ настоящее время создать себѣ крупное „литературное имя“. Повѣсть этого „писателя изъ народа“, подъ заглавіемъ „Аника-воинъ“, напечатанная (1895 г.) въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, по справедливости, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній послѣдняго времени; по яркости красокъ, по живости изложенія, по массѣ въ ней движенія, она значительно выдѣляется изъ цѣлага ряда повѣстей и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ толстыхъ журналахъ. На ней лежитъ печать свѣжести, даровитости и глубокаго знанія народной жизни. Авторъ не идеализируетъ своей родной среды, откровенно выставляетъ ея темныя стороны и подчеркиваетъ весь густой мракъ, въ который безнадежно погружено русское крестьянство.

Нарисованные г. Рубакинымъ портреты народной интеллигенціи чрезвычайно типичны. Они всѣ отмѣчены печатью любви къ своей средѣ, стремленіемъ внести въ эту среду свѣтъ науки и знанія и желаніемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, поработать на пользу родной земли. Выведенныя авторомъ лица оказываются не единичными воннами въ полѣ: ихъ набирается съ каждымъ годомъ все большее и большее число, голоса ихъ уже начинаютъ громко раздаваться не только въ качествѣ опрашиваемыхъ, но и въ качествѣ поучающихъ и наставляющихъ: читатель и даже писатель изъ народа нарастаетъ, но, къ сожалѣнію, процессъ этотъ совершается мучительно тихо, и только внимательный наблюдатель, сквозь ѣдкій „дымъ отечества“, покрывающій все и вся кругомъ отвратительной копотью, можетъ различить и отмѣтить эти новыя формации и наслоенія грядущей грамотной Россіи.

Просвѣтители народа.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

Некрасовъ.

I.

ВСЯКОМУ русскому публицисту приходится приурочивать въ настоящее время всѣ вопросы нашей внутренней жизни къ единому основному положенію: только въ народной школѣ заключается спасеніе нашего отечества отъ всѣхъ постигающихъ его золъ и болѣзней. Повальное невѣжество народа—вотъ та язва, которая губительно и грозно подтачиваетъ нашу молодую жизнь и шлетъ намъ одну бѣду за другою.

Западные народы, въ свое время страдавшіе той же болѣзнию невѣжества, уже успѣли радикально излечиться отъ этого недуга, употребивъ на свое врачеваніе большое напряженіе силъ и средствъ. И чѣмъ какая народность относилась къ этому дѣлу энергичнѣе, тѣмъ результатъ получался осязательнѣе и скорѣе. Пруссія, подъ воздѣйствіемъ проповѣди Гумбольдта и Фихте главнымъ образомъ, широко развила свои просвѣтительныя силы, и исторія обогатилась двумя событіями чрезвычайной важности—Садовой и Седаномъ. Побѣды здѣсь прусскихъ войскъ, по общему признанію, должны быть разсматриваемы, какъ побѣды, одержанныя школьнымъ учителемъ.

Обращаясь къ судьбѣ другихъ государствъ, мы наблюдаемъ нѣчто аналогичное: если народы здѣсь и не могутъ съ гордостью указать на громкіе слѣды военной славы, то они съ меньшей гордостью могутъ подчеркнуть еще болѣе значительные успѣхи—только мирнаго свойства, достигнутые ими, благодаря труду и стараніямъ все того же школьнаго учителя. Успѣхи эти—экономическое и духовное благосостояніе народной массы, находящаяся въ прямой зависимости отъ состоянія народной школы и почетнаго положенія въ ней народнаго учителя. Здѣсь на первомъ

мѣстѣ надлежитъ поставить народы скандинавскихъ странъ — Швецію, Норвегію, а также Данію и Исландію.

Въ брошюрѣ г-жи Е. Страннолюбеской „Очерки начального образованія въ скандинавскихъ странахъ“¹⁾ представлено по вопросу о скандинавской народной школѣ немало интереснаго матеріала, позволяющаго намъ судить, какой любовью окружили маленькія сѣверныя народности дорогое ихъ сердцу дѣтище—народную школу. Къ числу условій, благопріятствовавшихъ, главнымъ образомъ, развитію здѣсь народнаго образованія, г-жа Страннолюбеская относитъ то обстоятельство, что въ скандинавскихъ странахъ:

„Школа не обращалась въ орудіе борьбы политическихъ и религіозныхъ партій и не служила яблокомъ раздора между церковью и государствомъ. Протестантское духовенство, бывшее въ первое время возникновенія начальныхъ школъ единственнымъ просвѣтителемъ народа и имѣвшее школу всецѣло въ своихъ рукахъ, не смотрѣло на нее, какъ на единственный оплотъ для своего вліянія; преслѣдуя въ школѣ чисто гуманныя и просвѣтительныя задачи, скандинавскіе пасторы уступали и требованіямъ жизни. Въ школьныя программы вводились постепенно новые предметы преподаванія, и свѣтскія власти пріобрѣтали все большее вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, хотя пасторы и до сихъ поръ еще играютъ въ немъ важную роль и имѣютъ большое вліяніе. Такимъ образомъ, скандинавскія школы превратились постепенно и естественно изъ церковныхъ въ свѣтскія безъ упорной и ожесточенной борьбы, такъ тяжко отразившейся на школахъ во многихъ другихъ государствахъ“.

Изъявъ изъ рукъ духовенства школы, скандинавскіе народы широко развили у себя институтъ учителей и поставили послѣднихъ въ такія условія существованія, которыя позволяютъ имъ, если не богато, зато безбѣдно существовать, не отвлекаясь никакими сторонними заработками и не трепеща за свою старость и будущность семей. Такъ, въ Швеціи, по свидѣтельству г-жи Страннолюбеской:

„Преподаватели высшихъ народныхъ школъ получаютъ приблизительно 1.500 кронъ (520 р. 50 к.) въ годъ при готовой квартирѣ и отопленіи. Учителя и учительницы начальныхъ народныхъ школъ получаютъ минимумъ 600 кронъ (208 р.) за восьмимѣсячный учебный годъ; за каждый же лишній мѣсяць занятій имѣютъ прибавку въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ годового содержанія. Кроме жалованья, имъ полагаются квартира, отопленіе, фуражъ для прокормленія одной коровы и вездѣ, гдѣ позволяетъ мѣстность, небольшой участокъ земли для огорода и посадки картофеля. По истеченіи пятилѣтней усердной службы, жалованье увеличивается на 100 кронъ (34 р. 70 к.). Во многихъ округахъ, однако же, содержаніе учителей и учительницъ значительно превышаетъ установленный закономъ минимумъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, школьный учитель получаетъ до 2.200 кронъ (763 р.) въ годъ, но тогда онъ уже лишается даровой квартиры, отопленія и пр. Учительницы подготовительныхъ школъ и учителя искусствъ и ручного труда получаютъ вознагражденіе, по соглашенію съ мѣстнымъ школьнымъ совѣтомъ“.

Приведенныя цифры вознагражденій не должны казаться черезчуръ низкими: онѣ прямо пропорціональны дешевизнѣ мѣстной жизни. Что касается пенсій, то таковыя выдаются изъ особаго фонда, на пополненіе коего не дѣлается никакихъ вычетовъ изъ учительскаго жалованья.

„Въ силу королевскаго указа, изданнаго въ 1886 г., обязательными участниками этого фонда являются школьные совѣты,—говоритъ г-жа Страннолюбеская.—Они дѣ-

¹⁾ Изданіе редакціи журнала „Образованіе“, С.-Петербургъ, 1896 г.

даютъ одновременный вкладъ отъ 600—1000 кронъ въ обезпеченіе пенсіи для каждаго имѣющагося въ нихъ распоряженіи учительскаго мѣста и, сверхъ того, ежегодно вносятъ сумму, равную 4% получаемого учителями ихъ округа жалованья. Полная пенсія составляетъ 75% отъ внесеннаго въ обезпеченіе ея совѣтомъ вклада, т. е. колеблется между 450—750 кронами (156—260 р.). Правомъ на пенсію пользуются учителя и учительницы, прослужившіе 30 лѣтъ и достигшіе 55-ти-лѣтняго возраста. Незлечимо больнымъ полная пенсія выдается и ранѣе 30-ти-лѣтняго срока службы, если число лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ съ числомъ лѣтъ службы въ должности учителя, составляютъ сумму не менѣе 85-ти... Кромѣ основного пенсіоннаго фонда, существуетъ еще пенсіонная касса для вдовъ и сиротъ. Учителя участвуютъ въ этой кассѣ обязательно, а учительницы по желанію: первые вносятъ ежегодно $3\frac{1}{3}\%$, а вторыя— $1\frac{2}{3}\%$ съ той суммы, которая составитъ впоследствии пенсію ихъ семьѣ“.

Обращаясь къ Норвегін, гдѣ также школьное дѣло поставлено превосходно, мы видимъ, что годовое содержаніе учителя народной школы равняется 995 кронъ (335 р. золотомъ). Кромѣ того, сельскія общины обязаны были въ (1880 году), независимо отъ денежнаго содержанія, доставлять, по крайней мѣрѣ, одному учителю съ его семьей въ каждомъ округѣ квартиру и участокъ земли, достаточный для разведенія сада и прокормленія двухъ коровъ. Въ 1885 году, по указаніямъ г-жи Страннолюбской, изъ 3.453 учителей и учительницъ такой участокъ имѣли 649 лицъ, нѣсколько меньшей надѣль имѣли 437 лицъ, остальные же вовсе не имѣли земли. „Минимумъ содержанія для учителей сельскихъ школъ опредѣляется областными совѣтами, — говоритъ г-жа Страннолюбская, — причѣмъ для преподавателей старшихъ отдѣленій онъ не долженъ быть менѣе 12 кронъ, а для учителей младшихъ отдѣленій менѣе 8-ми кронъ въ недѣлю; кромѣ того, каждая община должна предоставить по крайней мѣрѣ одному учителю даровую квартиру и участокъ земли, достаточный для разведенія сада и прокормленія. Учитель, имѣющій штатное мѣсто, обязанъ заниматься не менѣе 24 недѣль въ году. Для выполненія этого требованія въ сельскихъ школахъ, то-есть съ минимальнымъ 12-ти недѣльнымъ учебнымъ годомъ, учитель долженъ преподавать въ обоихъ отдѣленіяхъ, устранивая въ нихъ занятія въ разное время года. По истеченіи 5-ти или 10-ти-лѣтней службы учителя получаютъ прибавку къ жалованію“. Что касается пенсій, то для нихъ до послѣдняго времени былъ установленъ слѣдующій порядокъ: лица, достигшія 60-ти-лѣтняго возраста и прослужившія 30 лѣтъ, получали пенсію въ размѣрѣ 75% своего годового содержанія; учителя, достигшіе 55 лѣтъ и прослужившіе 25 лѣтъ, получали нѣсколько меньшую пенсію. Пенсіи выдаются изъ особаго фонда, образующагося изъ взносовъ государственныхъ и общественныхъ. Кромѣ основного пенсіоннаго фонда, существуетъ еще особая пенсіонная касса для вдовъ. Учителя обязаны вносить въ нее 10% своего содержанія. Взносъ этотъ увеличивается до 20% для лицъ, жалованіе которыхъ увеличилось на 50% ранѣе достиженія ими 45-ти-лѣтняго возраста.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о скандинавскихъ учителяхъ мы видимъ, что, хотя матеріальное ихъ положеніе очень скромное, но все-же

оно достаточно для приличнаго существованія, въ зависимости отъ дешевизны мѣстной жизни. Во всякомъ случаѣ, ихъ содержаніе опредѣлено рамками закона, и они не предоставлены на волю случая, а старость ихъ такъ или иначе обезпечена. Но если матеріальное положеніе просвѣтителя народа не отличается особенною прочностью, то нельзя того же самаго сказать про иную сторону дѣла—про нравственный авторитетъ учителя. Онъ очень великъ, и школьный учитель пользуется всеобщимъ почетомъ, уваженіемъ и любовію; его вліяніе на жизнь деревни простирается чрезвычайно глубоко и держится здѣсь крѣпко.

Ознакомившись вкратцѣ съ положеніемъ учителей въ сосѣднихъ съ нами сѣверныхъ странахъ, которыя по многимъ условіямъ своей жизни подходятъ къ нашему отечеству, посмотримъ, что представляетъ собою *русскій* народный учитель, и каково его общественное и юридическое положеніе у насъ.

II.

На вечерѣ, посвященномъ памяти извѣстнаго русскаго педагога Константина Дмитріевича Ушинскаго, въ числѣ прочихъ ораторовъ выступилъ и народный учитель Петербургскаго уѣзда, В. Я. Аврамовъ, съ рѣчью, въ коей обрисовалъ значеніе покойнаго Ушинскаго для народныхъ учителей и школъ. Рѣчь эта въ настоящее время, въ значительно, однако, смягченномъ видѣ, напечатана въ сборникѣ „Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго“ и позволяетъ всѣмъ судить, какъ смотритъ самъ русскій народный учитель на свое положеніе.

„Нося въ глубинѣ своего сердца завѣты покойнаго К. Д. Ушинскаго, народный учитель не будетъ одинокимъ, въ какой бы медвѣжій уголь ни кинула его судьба, въ какой бы отвратительной обстановкѣ ни пришлось ему учить и любить крестьянскаго ребенка,—удостоверяетъ г. Аврамовъ. — Эти завѣты дадутъ ему силы работать и переносить матеріальныя лишенія, отсутствіе книгъ и средствъ къ дальнѣйшему самообразованію, несправедливое, а иногда и жестокое отношеніе лицъ, завѣдующихъ школою, удержать его при школѣ, хотя бы ему открывалась и болѣе выгодная профессія. На вопросъ, — „да много ли такихъ учащихся?“—я отвѣчу: не мало, и чаще ихъ можно встрѣтить въ глухихъ провинціяхъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ. Но не будемъ заниматься подсчетомъ героевъ; обратимся къ массѣ учащихся, къ той арміи просвѣтителей, которая вноситъ хотя слабый свѣтъ въ непроглядную тьму народнаго невежества. Что прельщаетъ человѣка съ среднимъ образованіемъ поступить въ учителя и что удерживаетъ его въ теченіе многихъ лѣтъ на учительскомъ мѣстѣ? Неужели ежемѣсячное жалованье въ 10, 15, 20 рублей, да и то часто не выплачиваемое по полугодію? А много ли земствъ и помѣщиковъ, то-есть хозяевъ школъ, платящихъ больше? Или же сырая, угарная, холодная школа, съ коморкою для учителя? Или то презрительное и, самое большее, снисходительное отношеніе со стороны мѣстной помѣщицѣй и служебной среды? А то, быть можетъ, нервное разстройство и потеря голоса, связанная съ долгимъ учительствомъ, и перспективы голодной смерти въ будущемъ?.. А между тѣмъ контингентъ учащихся болѣе и болѣе пополняется интеллигентными труженниками, даже съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній. Что же ихъ привлекаетъ въ народную школу? Прежде всего, конечно, сознанный долгъ передъ роднымъ народомъ, затѣмъ увѣренность, что ихъ работа въ школѣ не бумажная, не безплодная, во имя хорошо оплачиваемаго

жалованія, а работа безусловно необходимая для народнаго блага, проливающая свѣтъ и расчищающая путь къ народному счастью; наконецъ, вѣра, что самъ учащій будетъ нравственно совершенствоваться, работая въ школь“.

Эти слова народнаго учителя передъ лицомъ обширной аудиторіи вызвали сильное впечатлѣніе. Публика узнала, что истинные просвѣтители русскаго народа, на долю которыхъ выпала одна изъ благороднѣйшихъ задачъ жизни, влечать свое существованіе при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ и чуть ли не обречены на вѣрную гибель, которая должна явиться вѣнцомъ ихъ непосильныхъ трудовъ и жертвъ на пользу „малыхъ сихъ“ и всего русскаго народа.

Мы уже видѣли, каково почетное положеніе и гарантированное матеріальное состояніе сельскихъ учителей у скандинавскихъ народовъ. И вотъ является русскій народный учитель и повѣствуетъ нѣчто совершенно невѣроятное о томъ, въ какія тяжкія условія поставлены въ Россіи истинные просвѣтители, въ конхъ она такъ нуждается, и отъ успѣшныхъ трудовъ которыхъ цѣлкомъ зависитъ ея историческое будущее. Но, можетъ быть, г. Аврамовъ преувеличилъ, можетъ быть, онъ порисовался мрачными красками и эффектными иллюстраціями? Провѣримъ его и посмотримъ, чтó говорятъ по этому предмету незаинтересованные изслѣдователи, — люди, судящіе вопросъ о народныхъ учителяхъ спокойно и безпристрастно. По этому предмету имѣются уже кое-какіе труды и работы, и ими для настоящаго случая интересно воспользоваться.

Извѣстный изслѣдователь народной жизни, А. М. Тютрюмовъ, въ своемъ любопытномъ очеркѣ „Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя“¹⁾, обстоятельно знакомитъ насъ съ экономическимъ и социальнымъ положеніемъ нашихъ просвѣтителей народа.

Изъ указанной статьи мы узнаемъ, что лучше всего народный учитель поставленъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ годовою окладъ его равняется 330 рублямъ при готовой квартирѣ; но такихъ въ нашемъ отечествѣ весьма немного, сравнительно, и объ этихъ министерскихъ счастливицахъ не приходится много говорить. Иначе рисуется положеніе народныхъ учителей въ земскихъ школахъ, каковыя и представляютъ въ своемъ лицѣ, главнымъ образомъ, дѣлю народнаго русскаго просвѣщенія.

„Что касается учителей земскихъ школъ, — говоритъ г. Тютрюмовъ, — то, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ земствъ, въ родѣ петербургскаго и московскаго, содержаніе учителей значительно ниже вышеуказанной нормы (то-есть министерскаго оклада въ 330 рублей). Такъ, по даннымъ 1885 года, оказывается, что въ Новгородской губерніи существовали учителя, получавшіе всего 120 рублей въ годъ, а среднее жалованье по губерніи составляло для учителя 268 рублей и для учительницы 222 рубля. Въ Казавской и Орловской губерніяхъ жалованье земскихъ учителей тоже колеблется отъ 120 до 300 рублей. Херсонское уѣздное земство съ 1884 года назначило учителямъ жалованье: вновь поступающимъ 350 рублей, прослужившимъ пять лѣтъ — 400 рублей и прослужившимъ десять

¹⁾ „Русская Школа“, 1892 года, № 10 и 11.

лѣтъ—150 рублей. Въ московскомъ уѣздномъ земствѣ народные учителя начинаютъ службу съ 300 рублей, но по истеченіи каждаго трехлѣтія получаютъ прибавку по 50 рублей, пока черезъ 12 лѣтъ жалованье ихъ не достигнетъ 500 рублей. Еще серьезнѣе обезпечено матеріальное положеніе, напримѣръ, учителей въ петербургскомъ уѣздномъ земствѣ. Съ 1-го января 1884 года минимальное жалованье учителямъ и учительницамъ здѣсь опредѣлено въ 480 рублей; учителямъ же и учительницамъ, окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ, въ учительскихъ семинаріяхъ и на высшихъ и педагогическихъ курсахъ, этотъ минимумъ возвышается до 600 рублей. Кромѣ того, они въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ получаютъ за каждое пятилѣтіе прибавку по 80 рублей, такъ что высшіе оклады жалованья въ уѣздѣ достигаютъ 720 и 840 рублей. Но если можно считать обезпеченными въ насущныхъ потребностяхъ учителей Петербургскаго и Московскаго уѣздовъ, то этого далеко нельзя сказать объ учителяхъ прочей земской Россіи, гдѣ содержаніе ниже въ 3, 4, а иногда и въ 6 разъ. Въ послѣднемъ случаѣ постоянная нужда и жизнь впроголодь являются удѣломъ сельскаго учителя. Едва пропитывая себя, онъ вынужденъ отказываться себѣ въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, ибо ему является непосильнымъ приобрѣтеніе газеты и полезной для его же профессіи книги. Онъ вынужденъ отказаться отъ семейной жизни, такъ какъ ему нечѣмъ обезпечить содержаніе семьи. Кромѣ того, нынѣ дѣйствующее положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года и прочія узаконенія, не опредѣляя размѣра годового содержанія, не даютъ сельскому учителю никакого обезпеченія на случай потери имъ мѣста влѣдствіе болѣзни и старости и, влѣдствіе отсутствія пенсій и эмеритуры, оставляютъ семейство умершаго учителя безъ всякихъ средствъ къ жизни, обрекая его на крайнюю нужду и вынуждая обращаться къ скудной у насъ, въ Россіи, благотворительности, а перѣдко и къ выпрашиванію подаянія. Эти обстоятельства отзываются тяжелымъ гнетомъ на судьбѣ народныхъ учителей. Если присоединить сюда еще зависимость сельскаго учителя отъ произвола лицъ, надзирающихъ за школою (а ихъ нѣсть числа), то получается довольно мрачная картина учительскаго быта“.

Для иллюстраціи незавиднаго экономическаго состоянія народныхъ учителей и того, какъ они распредѣляютъ свой скромный бюджетъ, г. Тютрюмовъ приводитъ изъ протоколовъ „сѣзда въ г. Новгородѣ учителей народныхъ школъ 1882 года“ чрезвычайно любопытный и характерный документъ, который обстоятельно знакомитъ насъ съ матеріальнымъ обиходомъ народнаго учителя. Документъ этотъ—„годовой бюджетъ минимума необходимыхъ расходовъ сельскаго учителя Новгородской губерніи, составленный учителемъ Боровичскаго уѣзда Строгановымъ“, просмотрѣнный и исправленный сѣздомъ народныхъ учителей. Бюджетъ этотъ имѣетъ въ виду лишь потребности и е семейнаго учителя и предполагаетъ для него готовую квартиру при училищѣ.

„Наиболѣе подробно перечислены физическія потребности,—говоритъ г. Тютрюмовъ.—Къ числу ихъ относится пища, состоящая круглый годъ изъ супа, каши и молока и „по два раза въ день“ чаю, на что въ мѣсяцъ вычислено 14 руб. 8 коп., а въ годъ—168 руб. 96 коп. Прислугѣ за приготовленіе пищи въ мѣсяцъ, „на ея содержаніе“, назначено 2 рубля, въ годъ—24 рубля. Платье, бѣлье и обувь разсчитаны также въ самой скромной мѣрѣ; такъ, напримѣръ, два внесенные въ бюджетъ пиджака предназначены служить четыре года, лѣтнее и теплое пальто разсчитаны на три года, воротникъ къ теплому пальто на пять лѣтъ, бацлыкъ на пять лѣтъ, шавка на три года, двѣ пары сапогъ на три года, одѣяло на три года и проч. Годовой же расходъ выведенъ: на платье 38 руб. 15 коп., на обувь 18 руб.

85 коп. и на бѣлье 12 руб. 46 коп. Кроме того, къ расходамъ этого рода прибавлено: на стирку бѣлья 9 руб. 18 коп., на табакъ, свички и другіе мелкіе расходы 17 руб. 27 коп., на освѣщеніе 10 руб. 40 коп., на полученіе жалованья (побѣдка въ городъ) 7 руб. 92 коп., на посуду и хозяйственныя принадлежности 3 руб. 3 коп. и на непредвидѣнные расходы 20 рублей, а всего на физическія потребности 330 руб. 19 коп. Во второй отдѣлъ расходовъ внесены „необходимости, обусловленныя официальнымъ и общественнымъ положеніемъ учителя“, именно: двѣ крахмальные рубашки—4 руб., за крахмаленіе ихъ 2 рубля (20 разъ въ годъ, какъ подробно высчитываетъ составитель бюджета), на галстуки и запонки 1 руб. 50 коп., на перенеску (бумага и почтовая марки) 3 руб. 88 коп., на зонтикъ (3 рубля на два года)—1 руб. 50 коп. и на непредвидѣнные расходы—5 рублей, а всего по этому отдѣлу 17 руб. 88 коп. Затѣмъ, на „потребности психическія“ предположено: на газету 9 руб. въ годъ, на покупку книгъ 3 рубля, на побѣдку на родину 15 руб. и на церковныя обряды 5 руб., а всего по третьему отдѣлу годовой расходъ составитъ—32 руб., весь же „минимальный“ бюджетъ достигаетъ 380 руб. 7 коп. Заканчивая свой расчетъ, г. Строгановъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Въ этотъ бюджетъ не включены расходы, вызываемыя общеніемъ съ мѣстными жителями, какъ-то: справленіе именинъ учителя, мѣстныхъ праздниковъ, праздниковъ Рождества, масленицы и Пасхи, на что требуется въ годъ около 30 рублей“.

Этотъ бюджетъ, что называется, составленъ въ обрѣзъ, и трудно что-нибудь изъ него выкинуть для мало-мальски сноснаго человѣческаго существованія, и все же онъ равняется 380 руб. 7 к., т. е. такой суммѣ, которую получаютъ только немногіе счастливыя. Можно вообразить себѣ, каковъ же долженъ быть бюджетъ остальной массы, получающей 120 руб., 222 руб. и подобныя жалкія суммы! Очевидно, онъ долженъ быть нищенскій, такой, при которомъ учителю нечего и думать представлять изъ себя на селѣ интеллигента, возвышающагося своимъ официальнымъ положеніемъ и представительствомъ надъ уровнемъ сельской массы и стоящаго, по крайней мѣрѣ, на одной доскѣ съ сельской аристократіей—священникомъ, писаремъ, старшиной и другими. Народный просвѣтитель забить буквально нуждой и цѣликомъ находится въ зависимости отъ милостей окружающихъ—крестьянъ и сельскаго хозяйства. Можно ли при такихъ ужасающихъ условіяхъ существованія требовать отъ людей той пользы, которую бы они при иныхъ обстоятельствахъ могли приносить въ полной мѣрѣ? И не нужно забывать, что здѣсь рѣчь идетъ не о какой нибудь гореткѣ людей; нѣтъ, тутъ рѣчь идетъ о тысячахъ просвѣтителей народа, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ голодной смертью и вѣчной нуждой.

Но если настоящее народнаго учителя безотрадно, то что сказать о его будущемъ, когда силы измѣнятся и не въ моготу станутъ трудами рукъ своихъ зарабатывать скудный кусокъ хлѣба? О, это будущее ужасно, и сердце обливается кровью, когда приходится знакомиться съ печальною участью ихъ самихъ и ихъ семей. Вотъ лежитъ передо мною напечатанное въ „Русскомъ народномъ учителѣ“¹⁾ „Обращеніе къ товарищамъ“, которое, какъ нельзя лучше, освѣщаетъ будущность семьи на-

¹⁾ 1893 г., № 2.

роднаго учителя. „12-го января 1893 года неумолимый тифъ унесъ отъ насъ одного труженика-учителя аболдуевской сельской школы, Александра Ильина Терешкина, — сказано здѣсь, — который оставилъ громадную семью (жену, 6 человѣкъ дѣтей и сестру) безъ всякихъ средствъ къ существованію. Учительствовалъ покойный 22 года. По заявленіямъ ревизоровъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учителей нашего уѣзда. Братья! откликнемся на плачь несчастной семьи покойнаго! Рѣдкія наши семьи не видятъ то-же безотрадное будущее. Быть можетъ, и о нашихъ семьяхъ кто нибудь вспомнитъ, когда окажется въ томъ нужда. Помогая другимъ—помогаемъ самимъ себѣ“. Далѣе слѣдуетъ указаніе адреса, куда надлежитъ направлять пожертвованія.

Прошу читателей хорошенько вдуматься въ слова приведеннаго „обращенія“. Что они собою обозначаютъ? Вѣдь это ни болѣе ни менѣе, какъ вошь—„Христа ради“! Человѣкъ трудился 22 года, былъ однимъ изъ лучшихъ представителей арміи просвѣщенія, терпѣлъ при жизни нужду и лишенія, подобно всѣмъ своимъ сотоварищамъ по профессіи; но вотъ безжалостная смерть вычеркиваетъ его имя изъ книги бытія, и что завѣщаетъ онъ своей семьѣ? Нищенство, голодъ и холодъ. И это не случайность—такова доля всякаго народнаго учителя. Сѣрые сумерки въ настоящемъ, глубокая, непроглядная ночь въ будущемъ!.. Проработай Терешкинъ еще 5, 10, 15 лѣтъ, и все-же ни онъ, ни его семья не увидали бы помощи и обезпеченія.

Г. Песковскій въ своемъ беллетристическомъ произведеніи „Въ глуши“ считаетъ народную педагогическую армію въ 60.000 человѣкъ слишкомъ. И вотъ эта-то громада, которая единая выноситъ на своихъ плечахъ скудное русское народное просвѣщеніе, обречена на неминуемую гибель, влачить свое существованіе безъ всякаго просвѣта въ будущемъ... Ужасно, ужасно!.. Но послѣдуемъ далѣе за г. Тютрюмовымъ и ознакомимся съ юридическимъ положеніемъ народнаго учителя.

III.

„Юридическое положеніе учителей народныхъ школъ является одною изъ слабѣйшихъ сторонъ школьнаго дѣла, — говоритъ почтенный изслѣдователь. Неопредѣленность и произволъ—таковы характерныя черты этого положенія, дѣлающія профессію народнаго учителя весьма шаткою и мало привлекательною... Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, трудъ народнаго учителя: государственная ли это служба („должность“, какъ выражаются узаконенія) или такъ называемый вольный наемъ, терминъ, введенный у насъ въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостного труда? Съ одной стороны, учительскій трудъ имѣетъ служебный характеръ, такъ какъ сельскіе учителя опредѣляются на службу, утверждаются въ должностяхъ, не заключаютъ договоровъ о срокѣ труда и о размѣрѣ вознагражденія, подобно вольнаемымъ работникамъ, и проч., но, съ другой стороны, онъ не имѣетъ существенныхъ условій коронной службы, какъ-то: почетныхъ отличій, неувольняемости безъ достаточнаго основанія, права на пенсію и т. п. Въ результатѣ получается такое неопредѣленное, случайное и необезпеченное положеніе, которое вредно отзывается на всемъ стрѣ на-

чальнаго образованія въ Россіи“. Далѣе г. Тютрюмовъ ставитъ прямо вопросъ: что такое современный народный учитель? и отвѣчаетъ: „онъ не является ни чиновникомъ, ни представителемъ другого какого либо класса, а преимущество его заключается изъ отрывочныхъ и частію весьма странныхъ правъ, выясненныхъ разными законоположеніями и обоснованныхъ на сепаратныхъ циркулярахъ министерства народнаго просвѣщенія. Преимущества эти въ сборникѣ г. Анина подробно перечислены и заключаются, между прочимъ: 1) въ изъятіи отъ тѣлеснаго наказанія для лицъ, не изъятыхъ отъ онаго по состоянію; 2) въ свободѣ отъ натуральныхъ повинностей для лицъ податнаго состоянія; 3) въ льготахъ по отбыванію воинской повинности; 4) въ освобожденіи отъ внесенія въ списки присяжныхъ засѣдателей; 5) въ правѣ на освобожденіе отъ платы за обученіе дѣтей въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, если учителя занимаютъ мѣста народныхъ учителей въ этомъ вѣдомствѣ, и нѣкоторыя другія. Всѣ эти права слишкомъ неопредѣленны и незначительны и уступаютъ въ суммѣ даже званію личнаго почетнаго гражданина. Разнообразіе положеній и путаница отношеній народныхъ учителей увеличивается еще тѣмъ, что въ средѣ ихъ, съ одной стороны, встрѣчаются лица привилегированныя: дворяне, воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній и пр., а съ другой—мѣщане, дѣти крестьянъ, которые не могутъ, конечно, ограничиваться въ своихъ стремленіяхъ прочно устроить себя и свою семью какимъ либо правомъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія и т. п.“.

Комплектуются учителя (я говорю лишь о земскихъ школахъ) изъ разныхъ слоевъ общества, но для полученія „должности“ будущіе преподаватели должны имѣть узаконенное свидѣтельство на право преподаванія. Эти свидѣтельства выдаются или учительскими семинаріями, или по особому экзамену въ объемѣ курса городского приходского училища. Низкія требованія для диплома позволяютъ въ ряды учительскаго персонала вступать самымъ разнороднымъ элементамъ; мы видимъ здѣсь лицъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, и съ среднимъ гимназическимъ или семинарскимъ образованіемъ, и простыхъ крестьянскихъ парней, только-что прошедшихъ двухклассную земскую школу и заручившихся дипломомъ на право преподаванія.

Занявъ должность народнаго учителя, послѣдній сразу попадаетъ подъ опеку безчисленнаго количества начальствующихъ лицъ: имъ командуетъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, уѣздный предводитель дворянства, уѣздный и губернской училищные совѣты, директоръ народныхъ училищъ и проч., и каждая изъ указанныхъ инстанцій можетъ оказывать свое вліяніе на дѣятельность и участь сѣльского педагога, контролируя его и примѣняя къ нему чувство милости и немилости.

„Увольненіе народныхъ учителей отдано въ руки слишкомъ большаго числа властей, а потому удовлетвореніе всѣхъ ихъ требованій и угожденіе всѣмъ ихъ вкусамъ являются для сѣльскихъ педагоговъ, если не совершенно невозможными, то весьма плачевными, говоритъ г. Тютрюмовъ. По 7-му пункту 29 ст. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, уѣздному училищному совѣту принадлежитъ право „увольненія учителей и учительницъ, признанныхъ неблагонадежными“. По ст. 24 того же положенія, право „устрашенія неблагонадежныхъ преподавателей“ съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта принадлежитъ предсѣдателю этого совѣта и инспектору народныхъ училищъ, каждому въ отдѣльности. Право требовать увольненія учителей на основаніи общихъ дѣйствующихъ законовъ и 43 ст. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая

1874 года, предоставляющее губернатору общее наблюдение за ходомъ и направлениемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, принадлежитъ и начальнику губерніи. Точно также земскія управы, содержація училища въ селахъ, нельзя лишить права отказывать въ занятіяхъ учителямъ, исполняющимъ службу неумѣло и недобросовѣстно. Такимъ образомъ, судьба учителя зависитъ отъ пяти и болѣе инстанцій, нерѣдко разнорѣчащихъ между собою и находящихся во взаимныхъ пререканіяхъ. Эти обстоятельства создаютъ немалую путаницу и шаткость, которыми характеризуется у насъ развитіе народно-школьнаго дѣла“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и юридическое положеніе сельскаго педагога оставляетъ желать очень многого: онъ не гарантированъ въ своей профессіи опредѣленными рамками закона и предоставленъ въ значительной мѣрѣ на волю случайностей. Трудно указать въ нашемъ отечествѣ на какой нибудь другой классъ работниковъ, который бы былъ поставленъ въ столь неблагоприятныя условія!

Незавидно также и общественное положеніе народнаго учителя. Что представляетъ своею личностью онъ, единственный представитель цивилизаціи на селѣ? Онъ ни въ чемъ не имѣетъ права голоса; въ школѣ его занятія регламентированы сверху черезъ посредство ряда начальствующихъ инстанцій, а по окончаніи учебнаго времени—онъ безправный обыватель, безъ кола и двора и часто даже безъ достаточнаго куска хлѣба. Вся его сила въ немъ самомъ, въ его нравственномъ я. Коли въ немъ берутъ верхъ добрыя начала, онъ можетъ хорошо воздѣйствовать на окружающую среду и вести борьбу съ царящими на селѣ сплошь да рядомъ зломъ и неправдою; въ противномъ случаѣ, онъ сходитъ на нѣтъ, и значеніе его растворяется въ пошлой прозѣ повседневной жизни. Народный учитель одинокъ, и вся его жизнь протекаетъ среди четырехъ классныхъ стѣнъ, отъ уроковъ и до уроковъ. Библіотеки у него не имѣется, общенія съ равными себѣ онъ лишенъ, ибо съ кѣмъ же ему сносятся? Помѣщикъ отъ него далекъ, а село все цѣликомъ стоитъ ниже его по своему умственному развитію и духовнымъ потребностямъ. Лишенный матеріальныхъ благъ, не огражденный въ своемъ социальномъ положеніи закономъ, онъ вдобавокъ обреченъ на вѣчную духовную жажду, безъ надежды когда либо ее удовлетворить.

Да, печальна, воистину жалка доля народнаго учителя въ нашемъ отечествѣ! Если бы пришло на умъ какому нибудь писателю создать поэму—„Кому живется всѣхъ хуже на Руси?“—онъ могъ бы сразу дать въ первой же части отвѣтъ: народному учителю! И тѣмъ не менѣе армія этихъ истинныхъ подвижниковъ просвѣщенія не оскудѣваетъ, но, несмотря даже на всѣ неблагоприятныя условія, численно растетъ и растетъ. Что же побуждаетъ нашу молодежь искать себѣ дѣла и примѣненія своему труду въ неприглядной области народной педагогики?

Г. Аврамовъ въ приведенной рѣчи формулируетъ побудительныя причины, ими двигающія, такъ: „Прежде всего, конечно,—говоритъ онъ,—ихъ привлекаетъ сознанный долгъ передъ роднымъ народомъ, затѣмъ увѣренность, что ихъ работа въ школѣ не бумажная, не безплодная

работа во имя хорошо оплачиваемого жалованья, а работа безусловно необходимая для народного блага, проливающая свѣтъ и расчищающая путь къ народному счастью; наконецъ, вѣра, что самъ учащій будетъ нравственно совершенствоваться, работая въ школѣ“.

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что основаніемъ дѣятельности народнаго педагога служить самый возвышенный, самый чистый идеализмъ, питающійся вѣрою въ народъ и любовью къ этому народу. Но скептикъ-читатель, можетъ быть, усмотритъ въ словахъ г. Аврамова излишнюю идеализацію, пристрастный голосъ человѣка, ратующаго за своихъ товарищей. Посмотримъ же, что говорятъ по тому же предмету другіе писатели, такъ или иначе соприкасавшіеся съ устоями народной жизни, а также лица, имѣвшія дѣло съ народной школой и педагогикой.

IV.

На первыхъ же порахъ я долженъ назвать беллетристическое произведеніе, принадлежащее перу бывшаго педагога, небезызвѣстнаго писателя-публициста М. Л. Песковскаго. Произведеніе это—повѣсть въ 3-хъ частяхъ, „Въ глуши“, гдѣ изображена шагъ за шагомъ жизнь и дѣятельность народнаго учителя—Прахова. Я обращаю вниманіе читателей на это имѣющееся въ отдѣльномъ изданіи произведеніе потому, что, хотя авторъ и придалъ своему повѣствованію беллетристическую форму, но замыселъ его по существу былъ публицистическій, что и явствуетъ изъ приложеннаго къ повѣсти предисловія.

„Народная школа, — читаемъ мы здѣсь, — занимая въ общей системѣ образованія самое незамѣтное мѣсто, оказывается, однако, могущественнѣйшимъ средствомъ для универсальнаго культурнаго подъема всего государства. Скучная своею программю, она тѣмъ не менѣе всемогуща, какъ факторъ, способный воздѣйствовать непосредственно на все трудовое населеніе, вести его ко всестороннему усовершенствованію въ моральномъ и матеріальномъ отношеніи. Значитъ—дорогу и народному русскому учителю!.. Это—первое и главное, что намъ необходимо. Русскій народный учитель, едва ли даже не больше всякаго другаго изъ народныхъ учителей, призванъ дѣлать великія и вѣчныя дѣла на пользу государства и общества, но непремѣнно въ маленькомъ и мелочномъ видѣ, въ незамѣтномъ, ничтожномъ районѣ, сельской ячейкѣ, откуда „и до Бога—высоко, и до царя—далеко“. Съ гордостью можно сказать, что, судя по всей прошлой дѣятельности у насъ народнаго образованія, русскіе народные педагоги, вообще говоря, довольно удачно справляются съ такими трудными и исключительными условіями дѣятельности, —не безуспѣшно выполняютъ свою тяжелую миссію“.

Вотъ эта-то точка зрѣнія на значеніе народно-учительскаго труда и побудила г. Песковскаго выступить съ своимъ симпатичнымъ произведеніемъ, гдѣ мы встрѣчаемъ его главнаго героя, Прахова, во всевозможныхъ положеніяхъ, но непремѣнно въ состояніи борьбы, то съ деревенской косностью, предрасудками и невѣжествомъ, то съ мѣстными сельскими дѣльцами въ видѣ кулака-кабатчика и присныхъ ему. И что же мы видимъ? Праховъ своей стойкостью, высоко-нравственнымъ харак-

теромъ, чистотою цѣлей, вездѣ прокладываетъ себѣ дорогу и осуществляетъ намѣченные планы на пользу деревенскихъ малышей и оздоровленія деревни. Такъ мы видимъ, что онъ успѣлъ великолѣпно поставить подгорицкую школу, привязать къ себѣ сердца учениковъ и заслужить любовь всей округи. Вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ онъ послѣ 17 лѣтъ непрестаннаго и энергичнаго труда.

„Версть на 30 въ окрестности школы почти всѣ сельскія и волостныя должностныя лица, а также и писаря были изъ учениковъ Семена Никандрича, продолжавшихъ оставаться съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—рисуетъ г. Песковский дѣятельность своего героя Прахова.—Безъ всякаго вторженія въ дѣла волостныя и общественныя, Праховъ зналъ объ ихъ ходѣ и направленіи. Ему сообщали все, что было новаго, а въ затруднительныхъ случаяхъ обязательно совѣтовались съ нимъ. Можно сказать, что въ мѣстномъ крестьянскомъ управленіи все дѣлалось его головою, по его совѣтамъ и указаніямъ, но безъ малѣйшей навязчивости съ его стороны. Онъ только указывалъ, совѣтовалъ, разъяснялъ, руководилъ, потому что его просили объ этомъ. Дѣло, въ общемъ, велось толково, стройно, честно, открыто, безъ всякихъ задержекъ, притѣвленій и какихъ бы то ни было поборовъ. Сельскія и волостныя должностныя лица, не исключая и писарей, проявляли сознание важности общественнаго служенія и нѣкоторую даже гордость этимъ служеніемъ. Каждый изъ нихъ довольствовался своимъ жалованьемъ и заботился о томъ, чтобы получить его не даромъ, чтобы отслужить за него міру и приобрести уваженіе послѣдняго. Они не корчили изъ себя вачальства, а, напротивъ, старались быть работниками для другихъ. Это было слѣдствіемъ близости ихъ къ учителю, вліянія его на нихъ. Прочная зажиточность крестьянъ сама собою была теперь въ глаза, такъ что даже и Праховъ, наконецъ, не отрицалъ уже ея. Крестьянъ всей Горцевской волости, гдѣ находилась школа, а также и смежныхъ съ нею сельскихъ обществъ, принадлежащихъ другимъ волостямъ, не трудно было узнать по вышнему виду. Народъ рослый, дюжій, красивый; рѣчь толковая, почти безъ примѣси искаженныхъ, простонародныхъ словъ; одежда всегда чистая, опрятная. Деревни производили пріятное впечатлѣніе опрятнымъ вышнимъ своимъ видомъ, прочными постройками, обиліемъ садовъ. Особенно нарядны были новыя деревни, образовавшіяся изъ выселковъ. Эти выселки обязаны своимъ происхожденіемъ почти исключительно Семену Никандровичу. Онъ съ особенною настойчивостью доказывалъ крестьянамъ вредъ деревенской скученности и въ гигиеническомъ, и въ пожарномъ, и даже въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ земельные наѣлы отстоятъ далеко отъ селенія, и приходится тратить много времени для перехода на полевые работы и обратно. Подъ вліяніемъ его настояній, постепенно возростали новыя селенія и на совершенно иныхъ основаніяхъ. Преобладала хуторная система, притомъ такъ, что жилье и хозяйственныя службы устранились не съ краю, какъ это обыкновенно бываетъ, а въ серединахъ наѣла. Близо другъ къ другу селились, да и то не въ плотную, а съ довольно значительными промежутками, только родственники, полюбовно раздѣлившіе между собою доставшіеся имъ въ наѣлъ земельные участки.

Въ Подгорицахъ счастье улыбнулось Прахову, и ему удалось сдѣлать, какъ мы видѣли, большое дѣло. Начальство обратило вниманіе на его дѣятельность, и, какъ бы въ награду, безтолково перевело его въ другую школу — Бѣжецкую, съ вышнимъ учительскимъ содержаніемъ. Тяжело было разставаться Прахову съ насиженнымъ мѣстомъ, и онъ со слезами простился съ полюбившими его подгорицкими обитателями. На новомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ нашего народнаго учителя въ постоянной и напряженной борьбѣ съ кулакомъ-кабатчикомъ, котораго, однако, ему удается

сломить. Г. Песковскій чрезвычайно интересно и живо рисуетъ всё перипетіи борьбы, и личность Прахова является передъ нами окруженною ореоломъ побѣды.

Удачная дѣятельность Прахова въ Бѣжецкой школѣ была снова прервана не по разуму старавшимся начальствомъ: учителя въ награду перевели въ городское двухклассное министерское народное училище; но Праховъ отъ этого мѣста отказался и обратился въ странствующаго, переходящаго учителя. Здѣсь г. Песковскій некусно знакомитъ читателей съ тѣмъ, что такое переходящій учитель, и какая польза можетъ произтечь отъ такого способа распространенія грамотности. Однако Прахову недолго пришлось подвизаться въ новой роли: тяжкій недугъ сломилъ его силы, и онъ, больной и разбитый, по случайности, очутился въ предѣлахъ своего первоначальнаго учительства—въ районѣ Горцевской волости. Что же застаётъ онъ здѣсь? Прежнее помѣщеніе школы обратилось въ гниющій остовъ, а напротивъ дорогого его сердцу дѣтища, съ коимъ были связаны самыя лучшія воспоминанія молодости, весело красовался огнями во всѣхъ окнахъ кабакъ. Повѣсть г. Песковского кончается смертью Прахова, успѣвающаго, однако, своимъ вліяніемъ возстановить школу въ Горцевской волости.

Авторъ „Въ глуши“ такимъ образомъ выводитъ передъ читателемъ мужественный образъ народнаго учителя, заставляетъ его переходить всё перипетіи школьнаго народнаго дѣла, извѣдать радости и горести, сопряженныя съ его профессіей, и обрекаетъ его на естественный конецъ, какимъ, обыкновенно, кончаютъ всё просвѣтители народные. Повѣсть г. Песковского тѣмъ именно цѣнна, что она, будучи написана безыскусственно и живо, даетъ правдивую картину развитія школьнаго деревенскаго дѣла, со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами.

У.

Иной характеръ носятъ на себѣ слѣдующіе два труда, обрисовывающіе намъ деревенскую школу и дѣятельность въ ней народныхъ учительницъ. Я разумѣю „Дневникъ сельской учительницы“ И. Д. Кившенко и „Изъ записокъ сельской учительницы“ А. А. Штевень.

Первый изъ нихъ отличается чрезвычайной непосредственностью впечатлѣній, безъ какой бы то ни было претензіи поучать, морализировать. Г-жа Кившенко ведетъ свой дневникъ изо дня въ день, какъ она получила въ свое завѣдываніе школу, и какъ ее черезъ годъ честью попросили удалиться, главнымъ образомъ изъ-за подозрѣнія ея благонадежности. Тутъ мы встрѣчаемся съ помѣщицъей сѣмьей, косящейся на учительницу и не принимающей никакихъ мѣръ къ улучшенію окружающей ее обстановки. Она живетъ въ угарной избѣ, гдѣ вѣтеръ гуляетъ въ полную волю, ей чуть ли не самой приходится носить дрова и топить печи, ставить себѣ самоваръ и бороться съ несуразностью крестьянской жизни. Мальчуганы

немилосердно шалать, дерутся и плохо слушают свою учительницу; послѣдняя приходитъ въ отчаяніе и записываетъ въ дневникъ:

„Я каждый день воюю съ своими учениками: шумятъ, смѣются, дерутся и все такое, самое обыкновенное въ этомъ возрастѣ, но подчасъ и досадно, что они очень шумятъ“. Далѣе въ записи чувствуется уже болѣе бодрый тонъ:

„Во время обѣденнаго времени у насъ происходитъ пѣніе гаммъ, интерваловъ и простыхъ молитвъ, но я совсѣмъ не умѣю этимъ дѣломъ заниматься и потому—плохо. 20-го января поступилъ ко мнѣ еще новый ученикъ, очень способный, между прочимъ (15 л.). Завтра мы кончаемъ букварь, всѣ буквы уже прошли, и читаетъ хорошо, пишетъ еще медленно, но хорошо. Это первый случай, что мнѣ удалось такъ скоро выучить читать. Онъ чрезвычайно доволенъ и съ удивительнымъ стараніемъ все дѣлаетъ, несмотря на то, что вечеромъ у меня еще свободнѣе, чѣмъ въ школѣ. Во время ученія позволено все—и говорить, и смѣяться, и всѣ веселы, а дѣло идетъ, хоть и не такъ скоро, какъ, можетъ быть, у другихъ, но зато весело; и я не учительница, а только помощница—товарищъ. Вечеромъ съ ними отдыхаю“.

Помимо обученія въ тѣсномъ смыслѣ слова, на долю народныхъ педагоговъ выпадаетъ естественная обязанность распространять начала цивилизаціи въ народѣ при помощи раздачи книгъ на домъ на прочтеніе. Эта дѣятельность занимаетъ въ жизни народныхъ учителей и учительницъ немало времени. И деревня чрезвычайно цѣнитъ такой способъ распространенія грамотности, интересуясь книгой и допытываясь ея смысла и толкованія. Вотъ образчикъ отношенія учениковъ къ книжкѣ, представленный г-жей Кившенко.

„Кругъ моихъ читателей все расширяется, и потому каждую книжечку я встрѣчаю съ распростертыми объятіями,—пишетъ она.—„Собрать“ очень нравится, а „Францискъ“ нравится, но не такъ. Я сама читала нѣсколькимъ ученикамъ эту книжечку, и не произвела она особеннаго впечатлѣнія. „Гарна книжка“, но и только. Мнѣ лично тоже не нравится—остается какое-то распыляющее впечатлѣніе, а, кромѣ того, и языкъ не такой простой; встрѣчаются выраженія: „восторгъ“, „восхищеніе“ и т. д., которыя непонятны. Все-же книжка хорошая, но второй разъ не захочется читать. Самый большой успѣхъ выпалъ на долю „Двухъ стариковъ“ и другихъ произведеній Толстого. Большіе пѣвчіе просили меня подготовить голоса изъ моихъ учениковъ, такъ что я едва успѣваю пообѣдать, потому что въ эту большую переѣзную я упражняю ихъ въ пѣніи. Въ воскресенье же, послѣ заутрени, всѣ пѣвчіе приходятъ ко мнѣ, и у меня происходитъ что-то въ родѣ свѣвки, посторонніе же приходятъ послушать, и хата моя тогда точно боченокъ, наполненный сельдями. Надняхъ, вечеромъ, дѣвочки поповы пришли и спрашиваютъ меня: какъ лучше жить—кривдой или правдой? Я обратила этотъ же вопросъ къ нимъ. А онѣ говорятъ, что изъ сказки („О кривдѣ и правдѣ“) выходитъ, что кривдой лучше жить, потому и писарь, и судья сказали имъ (т. е. кривдѣ и правдѣ) такъ. Ученики мои также стали говорить, что изъ сказки выходитъ, что кривдой лучше жить. Я хорошо не помнила этой сказки, и потому мы ее сейчасъ же всѣ прочли. Я имъ сказала, что выводить заключеніе изъ словъ писаря и судьи нельзя, потому что кто кривдой живетъ, тотъ и скажетъ, что кривдой лучше жить, и наоборотъ. И въ опроверженіе того, что кривдой хуже жить, я привела то мѣсто изъ сказки, гдѣ говорится, что кривда знается съ нечистымъ. Они согласились со мной и сознались, что не такъ повали“.

Въ этихъ словахъ наглядно представленъ день сельскаго учителя: онъ весь наполненъ возней съ ребятишками, такъ что некогда и куска хлѣба проглотить. Къ нему бѣгутъ ученики въ классные часы, и въ часы досуга за утоленіемъ духовной жажды, за разрѣшеніемъ мучащихъ ихъ вопросовъ. Вотъ воистину гдѣ люди стоятъ на „дѣйствительной службѣ“, у источника живой воды! Далѣе г-жа Кившенко пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Сегодня, по случаю непогоды, ученики плохо собрались, и притомъ у насъ школа была не топлена,—опять пришлось намъ мерзнуть. До начала класса я начала читать „Фабіолу“, но скоро послышались протестующіе голоса, просящіе начать ученіе. Тѣ же, которые были заинтересованы чтеніемъ, просили еще хоть немножечко прочитать. Я прекратила чтеніе, обѣщавъ дочитать послѣ обѣда. Но послѣ обѣда попалась мнѣ книжка съ хохлацкими сказками; я прочла изъ нѣсколькихъ сказокъ, что ихъ очень позабавило. Потомъ, позанившись, я дочитала „Фабіолу“. Изъ понравилась эта книжка, только незнакомыя имена очень путаются у нихъ. Впрочемъ Грицко (17 лѣтъ) принесъ двѣ книжки: „Гдѣ любовь“ и „Братья“ Сѣтковой. Про первую сказала, что очень хороша, такъ хороша, что онъ два раза ее прочелъ, а про вторую сказалъ, что ему не нравится. Я спросила: отчего?— „Да чтожъ, тамъ только ругаются, да и только“. Принелъ сельскій писарь, который прошлый годъ ходилъ ко мнѣ учиться по вечерамъ. Онъ долго переминался, ничего не говоря, но, наконецъ, сказалъ, что пришелъ попросить меня написать форму приговора. Я знаю немножко, видѣла, какъ ихъ пишутъ, но, не довѣряя себя, обѣщала ему достать формы отъ болѣе знающихъ въ этомъ дѣлѣ людей“.

Учительство г-жи Кившенко было не изъ удачныхъ, и она вскорѣ покинула свою школу. Въ ея дѣятельности нѣтъ любопытныхъ моментовъ борьбы, нѣтъ вмѣшательства въ распорядки деревенской жизни. Дневникъ ея представляетъ, главнымъ образомъ, психологическій интересъ и обрисовываетъ отношенія учительницы къ ученикамъ, преимущественно на педагогической почвѣ.

Иной характеръ носятъ на себѣ „Записки“ г-жи Штевенъ. Здѣсь мы знакомимся съ чрезвычайно любопытнымъ дѣломъ организаціи школъ грамотности и мобилизаціей учительскаго персонала.

VI.

Г-жа Штевенъ приобрѣла громкую извѣстность энергичной организаціей цѣлаго ряда школъ грамотности въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, ея полезной дѣятельности, по независящимъ отъ нея причинамъ, положенъ былъ предѣлъ, такъ что объ основанныхъ ею за свой счетъ, страхъ и рискъ школахъ приходится говорить, какъ о фактѣ прошедшемъ, отошедшемъ уже въ глубь исторіи нашихъ общественныхъ теченій.

Г-жа Штевенъ, скучая въ деревнѣ, начала „отъ нечего дѣлать“ обучать крестьянскихъ дѣтишекъ грамотности, число послѣднихъ стало постепенно увеличиваться, и она все ближе и ближе знакомилась съ неприглядными сторонами крестьянской жизни. Отсюда у нея неизбѣжно составилось ясное понятіе, что эти неприглядныя стороны находятся въ тѣсной зависимости отъ невѣжества и низкаго уровня умственнаго раз-

витія мужицкой среды; сознавъ это, она, по свойству своей энергичной и кипучей натуры, пришла къ неминуемому убѣжденію, что все спасеніе деревни въ школѣ. Сознано—сдѣлано, и вотъ г-жа Штевень приступаетъ къ организаціи первой школы грамотности.

„Разскажу, какимъ путемъ завелась первая такая школа въ Петлинѣ, большой деревнѣ въ 300 д., въ 5 верстахъ отъ Яблонки,—повѣствуетъ она.—Я слышала, что тамъ есть желающіе учиться, — знала, что тамъ имѣется пустой, брошенный кабакъ, которымъ, при патріархальности нашихъ порядковъ, удобно можно было завладѣть, и поручила старостѣ переговорить съ крестьянами объ открытіи у нихъ школы. На должность учителя школы я прочила старшаго своего ученика и псаломщика, 16-тилѣтняго, способнаго и бойкаго малаго, которому перспектива учительства чрезвычайно понравилась. Какой огонь пробѣжалъ по его подвижнымъ чертамъ въ ту минуту, когда меня вызвали изъ класса посланные сходомъ петлинскіе мужики! Они пришли сказать, что общество ихъ по бѣдности отъ учрежденія у себя школы отказывается. Но я такъ была увѣрена, что непременно нужно открыть школу въ Петлинѣ, что увѣренность эта какимъ-то образомъ передалась и мужикамъ, пришедшимъ съ отказомъ. Рѣшено было еще разъ собрать сходъ и мнѣ самой пріѣхать въ Петлино. Подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣла издали толпу гудѣвшихъ у пожарнаго сарая мужиковъ, но я тогда еще боялась этой чуждой мнѣ толпы и стала ждать рѣшенія схода въ домѣ старушки родственицы. Ждать пришлось не мало, но, наконецъ, пришло съ десятокъ стариковъ, отъ которыхъ я, къ несказанной моей радости, узнала, что два общества согласились платить по 1 к. съ души въ мѣсяцъ, и только третье маленькое общество еще „ломается“. Два первыхъ взялись уломать это третье упрямое общество, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени высокій, бородастый староста торжественно вручилъ мнѣ 3 р. 15 коп., жалованье учителю за первый учебный мѣсяцъ. Мнѣ открыли двери и ставни въ старомъ, низкомъ, закоптѣломъ бывшемъ кабакѣ, вставили и вымыли окна, передѣлали стойку на столъ, раздобыли и принесли скамеекъ,—и въ новую школу набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала, и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были займы букваря изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т. е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ зампианіемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ навстрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбувшись, мнѣ отвѣтилъ: „слава Богу!“ Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались „Николая Ивановича“; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца они стали медленно читать, и я, не смѣя еще ожидать ничего лучшаго, сочла это блестящимъ успѣхомъ. Съ осени 1890 г. открыта была такая же школа въ другой деревнѣ, гдѣ отцы учениковъ сейчасъ же согласились нанять за 10 р. помѣщеніе для школы въ избѣ одной пожилой четы, жалованье учителю я рѣшила платить отъ себя. Туда-то, на свою родину, перешелъ и петлинскій учитель, а въ Петлинѣ занялъ его мѣсто другой, бывший мой ученикъ. Въ это же время о школахъ объявлено было сархальскому училищному совѣту, который и снабдилъ ихъ нѣкоторыми учебниками. Съ осени 1891 г. такихъ школъ у насъ было 5, и я вынуждена была нѣсколько перемѣнить систему, т. е. требовать съ каждаго ученика по 40 к. за учебный годъ, что повело за собой нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученье сперва было совсѣмъ даровое. Такого уменьшенія не было бы, если бы, какъ это было въ Петлинѣ, возложить расходъ по школѣ на общество; но хотя,

въ случаѣ надобности, я считаю вполне возможнымъ убѣдить его членовъ принести нѣкоторыя жертвы не личному своему, а общему благу, пользоваться этой возможностью я не стала, такъ какъ это требуетъ значительной траты времени и причиняетъ неудовольствіе тѣмъ, кого общество вынуждаетъ платить и кто притомъ школой не пользуется“.

Изъ приведенныхъ словъ г-жи Штевенъ намъ рисуется чрезвычайно обстоятельно, какъ наши „просвѣтители народа“ насаждаютъ въ глухихъ деревняхъ начала цивилизаціи, сколько жертвъ и личного труда кладутъ они въ это дѣло. Такъ, г-жа Штевенъ, никѣмъ не воспособляемая, исключительно за счетъ собственнаго кармана, успѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создать 31 разсадникъ грамотности, переполненные деревенскими малышами, охотно сбѣгавшимися къ ней поучиться, почитать хорошую книжку, послушать просвѣщенное слово.

Любопытно ознакомиться, какъ набирала г-жа Штевенъ необходимый ей учительскій персоналъ. Вотъ что рассказываетъ энергичная организаторша школъ по настоящему предмету.

„Первые учителя были всѣ ученики моей Яблонской школы; теперь ихъ уже не хватаетъ, и комплектъ пополняется учениками другихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, причемъ желающіе стать учителями мальчики обязаны нѣкоторое время пробыть въ Яблонской школѣ, отчасти для пополненія ихъ познаній, а главное для того, чтобы я могла составить себѣ мнѣніе объ ихъ характерѣ и способностяхъ. Хорошая подготовка учителей или, проще сказать, хорошая учительская школа есть предметъ самой настоятельной необходимости, но достигнуть этого пока еще не было возможности. Со времени увеличенія числа школъ, то-есть съ осени настоящаго учебнаго года, я просила наше уѣздное земское собраніе ассигновать средства для назначенія другой еще, кромѣ меня, учительницы въ мою Яблонскую земскую школу, на что собраніе и согласилось. Но средствъ на приглашеніе особаго учителя для готовящихся къ учительству учениковъ я не имѣю, да и сама посвящать все время исключительно имъ не могу... Въ мое отсутствіе занимается съ ними также и новая яблонская школьная учительница, но и она много времени имъ отдавать не можетъ. Можно бы тѣмъ не менѣе достигнуть порядочныхъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но жить имъ приходится, такъ сказать, на бивуакѣ: учатся и ночуютъ они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ учатся всѣ 50 или 60 учениковъ Яблонской школы, а кормятся нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе тутъ же въ школѣ, чѣмъ Богъ пошлетъ, то-есть взятыми изъ дому пирогами и лепешками. Пребываніе въ моей школѣ поэтому сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ лишеніями, даже для крестьянскихъ мальчиковъ довольно чувствительными, а потому надолго задерживать ихъ въ школѣ нельзя. Кромѣ того, требуются все новые и новые учителя, и потому, какъ только мальчикъ достигаетъ 14—15 лѣтъ, и я увѣряюсь, что онъ вообще пригоденъ къ этому дѣлу, я, послѣ одной зимы, а иногда и всего только двухъ-трехъ мѣсяцевъ подготовки, помѣщаю его на должность. Во вновь открытой школѣ ему первое время приходится учить только азбукѣ и молитвамъ, а потому молодость и неподготовленность его большихъ неудобствъ еще не представляетъ. А чтобы молодые учителя сколько нибудь лучше годились для дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, я вновь собираю ихъ въ свою школу недѣль на 6 весною, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время, относительно, свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ребята, разумѣется, не смотря на свое учительское званіе, попрежнему принимаютъ дѣятельное участіе. Въ это время у меня учатся и совсѣмъ еще не учившіе, и учившіе

годъ, и учившіе уже 2—3 года, 14 и 15, 18 и 20-лѣтніе молодые парни, которыхъ прошлой, напримѣръ, осенью набралось 25 человекъ. Жалованье эти юные учителя получали очень незначительное: въ первый годъ при доплатѣ со стороны г-жи Штевенъ по 2 рубля за учебный мѣсяцъ или 12 рублей за зиму; во второй или третій годъ учительства они получали уже $2\frac{1}{2}$ или 3 рубля за учебный мѣсяцъ. Болѣе зрѣлымъ, съ нѣкоторой уже педагогической сноровкой, полагалось по 4, по 5 и по 6 рублей за учебный мѣсяцъ, или отъ 25 до 40 рублей въ годъ“.

Какъ относятся эти юные просвѣтителы народа къ исполненію своихъ обязанностей, видно изъ слѣдующихъ словъ г-жи Штевенъ: „Учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты уметвенно и душевно, которымъ правится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но зато отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ. И безкорыстное, религиозное ихъ отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ прекрасные плоды“. Такимъ образомъ, эти слова г-жи Штевенъ, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ увѣреніе г. Аврамова въ томъ, что главной пружиной, двигающей дѣятельность русскаго народнаго учителя, является чистый идеализмъ, вѣра въ народъ и его нравственное усовершенствованіе.

VII.

Изъ практики г-жи Штевенъ мы видѣли, что она для пользы дѣла считала нужнымъ собирать въ свою главную школу молодыхъ учителей для повторительныхъ курсовъ. Въ миниатюрѣ она практиковала то-же самое, что дѣлаютъ и нѣкоторыя земства (Новгородское, Черниговское и др.), когда въ лѣтніе мѣсяцы основываютъ временные педагогическіе курсы для сельскихъ учителей и учительницъ. Эти курсы имѣютъ громадное значеніе въ жизни народныхъ учителей и на необходимость правильной организаціи ихъ указываютъ всѣ наши изслѣдователи народно-педагогическаго дѣла, какъ на одно изъ лучшихъ средствъ для подъема интеллигенціи сельскихъ наставниковъ.

Такъ г. Песковскій въ брошюрѣ „Обязательный минимумъ образованія“, смотритъ на организацію курсовъ слѣдующимъ образомъ:

„Устраняя по одной учительской семинаріи въ каждой губерніи или области, одновременно съ этимъ необходимо принять мѣры, чтобы, по возможности, въ каждомъ уѣздномъ или областномъ городѣ были открыты временные педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей,—говоритъ онъ.—Тамъ, гдѣ есть не только организація, но хотя бы уѣздное или городское училище, открытіе такихъ курсовъ не составитъ особеннаго затрудненія... Самая идея этихъ курсовъ не нова. Начало возникновенія учреждений этого рода относится къ моменту возникновенія русской народной школы. О существованіи ихъ мало кому даже извѣстно, тогда какъ эти скромныя учрежденія оказали весьма существенную помощь въ улучшеніи педагогическаго персонала народной школы вездѣ, гдѣ къ нимъ прибѣгали. Прото-

типомъ курсовъ послужило то именно, что пришлось продѣлывать въ свое время извѣстному русскому педагогу, барону Н. А. Корфу, въ своемъ имѣніи Нескучномъ, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи... Остроумный починъ барона Корфа не замедлилъ получить обширное распространеніе въ Россіи. Въ видѣ при- мѣра, сошлемся лишь на нѣкоторые факты. Такъ, въ Зміевскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, Харьковской губерніи, почти весь составъ народныхъ учителей и учительницъ былъ безъ специальной педагогической подготовки, влѣдствіе чего „многіе изъ нихъ, какъ было заявлено мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ, при всемъ желаніи, не могли съ надлежащимъ успѣхомъ исполнять лежащихъ на нихъ обязанностей“. Въ виду этого, училищный совѣтъ устроилъ въ 1883—1884 году „краткосрочные педаго- гическіе курсы“, на которые собралось слушателей и слушательницъ до 90 чело- вѣкъ, и половину изъ нихъ составляли учащіе въ этомъ уѣздѣ. Для практическихъ занятій при курсахъ была организована нормальная народная школа съ тремя отдѣленіями. Въ Мамадынскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, неоднократно повто- рялись временные педагогическіе курсы „въ видѣ пополненія свѣдѣній народныхъ учителей и установленія однообразнаго метода преподаванія въ начальныхъ шко- лахъ“. Уѣздная управа представляла отчеты о занятіи курсовъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который призналъ, что „курсы велѣсь правильно и съ пользою для слушавшихъ ихъ“; съ мнѣніемъ коми- тета согласился и г. министръ народнаго просвѣщенія. Въ Тулѣ, по почину губер- скаго земства, были устроены, въ 1883 году, при дирекціи народныхъ училищъ „краткосрочные педагогическіе курсы для учителей и учительницъ всей губерніи, а также для кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія мѣста“. Курсы продолжались всего пять недѣль. Число слушателей обоего пола достигало 235. Изъ прослушав- шихъ курсы болѣе 50-ти челоуѣкъ немедленно поступили на мѣста. Наглядно убѣ- дившись въ пользѣ курсовъ, губернское земство постановило, что они „должны быть учрежденіемъ постояннымъ, повторяющимся ежегодно“. Ограничиваясь приве- денными примѣрами (а ихъ можно бы набрать сотни), необходимо замѣтить, что курсы носили характеръ случайный, не имѣли опредѣленной программы, уклоняясь то въ сторону пополненія общаго образованія, то въ сторону теоретической или практической учебно-воспитательной подготовки. Занятія на курсахъ обыкновенно не превышали двухъ мѣсяцевъ. И если при этихъ условіяхъ курсы все-таки при- носили несомнѣнную пользу, то, разумно воспользовавшись этимъ маленькимъ, дешевымъ, общедоступнымъ по мѣстнымъ условіямъ учрежденіемъ, можно создать очень недурной педагогической персоналъ и въ томъ количествѣ, какого можетъ потребовать повсемѣстное открытіе подвижныхъ школъ, въ видахъ обязательнаго обученія грамотѣ всѣхъ дѣтей ранняго школьнаго возраста (до 10—12 лѣтъ)“.

Г. Песковскій полагаетъ, такимъ образомъ, что временные педагоги- ческіе курсы не выполняютъ въ полной мѣрѣ того назначенія, которое на нихъ могло бы быть возложено при иной организаціи. Болѣе цѣле- сообразными онъ считаетъ курсы, дѣйствующіе въ теченіе всего учебнаго года. „Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, утверждаетъ почтенный из- слѣдователь, чтобы на мѣстахъ народныхъ учителей не было болѣе лицъ безъ специальной педагогической подготовки и тѣмъ болѣе такихъ лицъ, которыя не имѣютъ даже соотвѣтствующаго образовательнаго ценза. По- этому дѣятельность курсовъ должна быть двоякаго рода: во-первыхъ, давать специально-педагогическую подготовку тѣмъ лицамъ, уровень общаго образованія которыхъ не ниже программы учительскихъ семинарій; во- вторыхъ, пополнять общее образованіе лицъ съ меньшимъ уровнемъ обще- образовательной подготовки и снабжать ихъ необходимыми теоретическими

и практическими свѣдѣніями по учебно-воспитательной части. Для учащихся первой категоріи достаточно годового срока, для второй категоріи—двухлѣтняго пребыванія на курсахъ. Въ виду сознательнаго возраста учащихся (не моложе 17—18 лѣтъ) и обдуманнаго избранія ими педагогическаго поприща, въ указанный срокъ можно выполнить солидную программу и выпускать въ жизнь дѣльно подготовленный педагогическій персоналъ. Тѣмъ не менѣе, на курсы мы смотримъ, какъ на учрежденія временныя, которымъ нельзя предпочесть строго-систематической подготовки педагогическаго персонала въ учительскихъ семинаріяхъ; и потому, по мѣрѣ открытія послѣднихъ, дѣятельность курсовъ должна сокращаться.“

Г. Песковскій перечислилъ нѣсколько періодически повторявшихся педагогическихъ курсовъ въ разныхъ губерніяхъ, опытъ которыхъ показалъ, какое благотворное вліяніе они могутъ оказывать на распространеніе въ данномъ раіонѣ народнаго просвѣщенія. Къ числу таковыхъ съѣздовъ несомнѣнно должны быть отнесены и учрежденные за послѣдніе два года лѣтніе „педагогическіе курсы для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ“ въ Черниговской губерніи, происходившіе подъ руководствомъ одного изъ выдающихся современныхъ педагоговъ, Дмитрія Ивановича Тихомирова.

Авторъ самой распространенной въ настоящее время азбуки, подъ заглавіемъ „Букварь“, составитель превосходнаго руководства для класснаго чтенія и бесѣды—„Вешніе всходы“, уже давно обратилъ на себя вниманіе образованнаго общества своей энергичной и разумной дѣятельностью на пользу просвѣщенія народной массы. Наши комитеты грамотности (петербургскій и московскій), съѣзды по техническому и профессиональному образованію, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія—все учрежденія, которымъ близко къ сердцу народно-педагогическое дѣло, единогласно въ послѣднее время принесли почтенному „просвѣтителю народа“ свои одобренія, медали и почетные отзывы. Поэтому Черниговское губернское земство не могло сдѣлать лучшаго выбора въ руководители мѣстными, губернскими и уѣздными педагогическими съѣздами народныхъ учителей, какъ пригласивъ на эту отвѣтственную должность именно г. Тихомирова.

Уже отчетъ (1895 г.) его занятій съ народными учителями Черниговской губерніи поражаель своей серьезностью, педагогическимъ талантомъ руководителя курсовъ и обширностью программы занятій. Такими же достоинствами отличается и отчетъ по педагогическимъ курсамъ за 1896 г., вышедшій подъ заглавіемъ „Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда“, состоявшихся съ 17-го мая по 7-е іюня 1896 г. Этотъ „дневникъ“ смѣло можетъ быть рекомендованъ каждому педагогу, какъ полезное руководство приемовъ народно-школьнаго обученія.

Особенно важны здѣсь лекціи самого г. Тихомирова, читанныя имъ по вечерамъ въ аудиторіи изъ 50 слишкомъ народныхъ учителей, въ

коихъ лекторъ въ популярной и общедоступной формѣ излагалъ свои педагогическія воззрѣнія на методы обученія и приемы классныхъ занятій съ дѣтьми. Лекціи эти, совмѣщающія въ себѣ начала теоретическія и практическія, могутъ доставить истинное удовольствіе даже людямъ, непричастнымъ къ школьному дѣлу, но просто интересующимся философій педагогики и вопросами самообразования. Заслуживаютъ также вниманія примѣрные уроки Тихомирова ученикамъ, гдѣ онъ на живыхъ лицахъ показалъ учителямъ, какъ слѣдуетъ руководить развитіемъ дѣтскихъ познаній и что слѣдуетъ искать въ каждомъ классномъ часѣ занятій.

Я увѣренъ, что конотопскіе учителя, распростившись съ симпатичной личностью московскаго педагога, вынесли изъ его лекцій на мало пользы, которую они со временемъ приложатъ къ своему трудному дѣлу на благо русскаго народа; но, помимо утилитарныхъ результатовъ, лекціи г. Тихомирова имѣли несомнѣнно и другое значеніе, а именно—нравственной поддержки и подъема духовныхъ силъ его слушателей. Вѣдь что же иное могли вынести народные учителя изъ слѣдующихъ словъ своего временнаго руководителя:

„Позволю себѣ, какъ видѣвшему и знающему тысячу народныхъ учительницъ и учителей, засвидѣтельствовать здѣсь, что нашъ современный народный учитель—человѣкъ богатый и можетъ для всѣхъ служить урокомъ въ пониманіи истиннаго счастья. Онъ богатъ не положеніемъ общественнымъ, какъ оно всѣми понимается, хотя его значеніе и труды уже признаны и оцѣнены лучшею частію нашего общества и даже самимъ народомъ; онъ богатъ не матеріальнымъ своимъ благосостояніемъ, хотя теперь, въ силу его заслугъ, и начинаютъ заботиться хотя бы о сноскомъ только его обезпеченіи; его богатство болѣе значительно: онъ богатъ любовью къ народу и къ своему просвѣтительному дѣлу; онъ богатъ настоящимъ терпѣніемъ, беззавѣтной готовностью трудиться до потери здоровья, силъ, до забвенія насущныхъ нуждъ своей собственной семьи... Пройдутъ года... настанетъ судъ исторіи... и грядущія поколѣнія оцѣнятъ безкорыстные труды и всякія жертвы на благо народа, какъ общественныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, какъ пзвѣстныхъ, такъ и безыменныхъ героевъ этой великой борьбы съ темными силами невѣжества... Облегчить, всесторонне освѣтить, и тѣмъ еще болѣе возвысить трудъ учителя, сдѣлать этотъ трудъ болѣе плодотворнымъ, при меньшей затратѣ силъ,—это главная задача предстоящихъ вамъ работъ на пользу народнаго просвѣщенія. Закончимъ нашу бесѣду прекрасными словами поэта:

Благослови, Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло любви.
Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Сдѣлать умѣло
Силы намъ дай...

„А это дѣло наше — служеніе на благо народа, а главный источникъ этого блага—просвѣщеніе:

Доля народа,
Счастье его—
Свѣтъ и свобода
Прежде всего.

„Если наши курсы внесутъ въ дѣло народнаго учителя, а черезъ него и въ народъ, хотя бы нѣсколько новыхъ лучей свѣта, я почту тогда вашу задачу исполненной. Будемъ же работать, господа! Мы не одни... за насъ и съ нами лучшія силы, какія есть въ настоящее время въ Русской землѣ!“

Эти прекрасныя слова, отъ коихъ вѣетъ удивительной бодростью и идеализмомъ, даютъ народному русскому учителю великую нравственную силу на продолженіе святого дѣла просвѣщенія народа. Чѣмъ больше будетъ педагоговъ-Тихомировыхъ въ нашемъ отечествѣ, отдающихъ народнымъ учителямъ свои лучшія силы, тѣмъ доля „народнаго просвѣтителя“ будетъ свѣтлѣе и радостнѣе, тѣмъ меньше придется посвящать его дѣятельности и современному экономическому и юридическому положенію печальныхъ строкъ. Дай-то Богъ, чтобъ это время скорѣе наступило, и чтобъ скорѣе разсѣялся тотъ мракъ и холодъ, которые окружаютъ въ настоящее время личность русскаго народнаго учителя. Однако платоническаго сочувствія лучшихъ силъ общества еще недостаточно. Его судьбу должно взять на свое попеченіе правительство и зачесть всю общественную его службу въ государственную въ томъ расчетѣ, чтобы больше не появлялось „воззваній къ товарищамъ“ Христа ради, во имя спасенія отъ голодной смерти осиротѣвшихъ семей просвѣтителей русскаго народа.

Женщины-врачи ¹⁾.

„Вблши еса любве никто же имать, да
кто душу свою положитъ за други свои“.
Іоан., XV, 13.

ПРОКОВОЙ вопросъ для русскихъ интеллигентныхъ женщинъ—быть или не быть „женскимъ врачебнымъ курсамъ“?—получилъ, наконецъ, свое благопріятное разрѣшеніе. Въ засѣданіи 22-го апрѣля 1895 г. государственный совѣтъ принялъ представленный министромъ народнаго просвѣщенія проектъ учрежденія въ Петербургѣ „Женскаго медицинскаго института“, и такимъ образомъ „курсы“, прекратившіе съ 1886 года свое существованіе, возрождаются къ новой жизни, подъ инымъ только наименованіемъ и при нѣскольکو измѣненныхъ условіяхъ будущей жизни. Ожиданія просвѣщеннаго общества сбылись, и русская женщина имѣетъ въ настоящее время полное право торжествовать побѣду. А побѣда эта стоила немалыхъ трудовъ, и „вѣнецъ дѣла“ достается послѣ многихъ испытаній, волненій и невзгодъ! Еще такъ недавно раздававшіеся враждебные (правда, не особенно многочисленные) голоса, въ которыхъ слышалось столько несправедливости, обиды и неуваженія къ честнымъ труженицамъ, должны въ настоящее время смолкнуть передъ вѣскимъ мнѣніемъ высшаго государственнаго учрежденія. Право женщины на трудъ въ пользу страждущаго ближняго признано законнымъ, и преграды на ея пути къ чистой и свѣтлой общественной дѣятельности уничтожены. „Все минуется—одна правда остается“,—

¹⁾ Источники: „Женщина-врачъ въ Россіи. Очеркъ десятилѣтія женскихъ врачебныхъ курсовъ 1872—1882 годовъ“, составилъ П. П. Сущинскій; „Женскіе врачебные курсы“ Я. Абрамова; „Женскіе врачебные курсы“ г-жи Ш. („Вѣсти. Европы“ 1886 г. № 1); „О женщинахъ-врачахъ“ (отвѣтъ д-ру К. Толстому), Д. Н. Жбанкова, газета „Врачъ“ 1889 г., № 31; „Женщины-врачи“ Василія С—вича, „Медицинская Беседа“ 1889 г., № 17; докладъ соединеннаго присутствія городскихъ управы и комиссіи общественнаго здравія отъ 14-го января 1886 г.: „О содѣйствіи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія женскимъ врачебнымъ курсамъ“; „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ Е. Лихачевой, а также нѣкоторыя статьи „Новостей“, „Недѣли“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Самарской Газеты“.

сказалъ незабвенный старикъ-философъ П. Г. Рѣдкинъ, — и слова эти какъ нельзя болѣе оправдались въ настоящемъ случаѣ, по поводу котораго идетъ рѣчь на страницахъ предлагаемаго очерка.

Дѣйствительно, рѣдко какой общественно-педагогическій вопросъ переживалъ столько случайностей и превратностей, какъ вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи! На протяженіи, меньшемъ двадцати пяти лѣтъ, онъ возникъ при самыхъ необыкновенныхъ условіяхъ, былъ осуществленъ въ обстановкѣ въ высшей степени оригинальной и, не смотря на блестящіе результаты, потерпѣлъ все-таки крушеніе, былъ какъ будто забытъ и сданъ въ архивъ и, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и невзгодъ, снова вызванъ къ свѣту и жизни. На судьбѣ „Врачебныхъ курсовъ“ рельефно отразились вѣянія и теченія русской общественной жизни, и онъ одинъ, самъ по себѣ, служитъ характерной и яркой иллюстраціей къ исторіи нашего самосознанія за послѣднее время.

I.

Стремленіе женщинъ къ достиженію права врачебной дѣятельности восходитъ къ очень древнимъ временамъ, и уже при Периклѣ въ Аѳинахъ этотъ „женскій вопросъ“ получаетъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Тутъ впервые проявились мужской эгоизмъ и жестокость, продиктовавшіе законодателю постановленіе о смертной казни за занятіе женщинами медициной; но женщины сумѣли, при помощи шумной демонстраціи, достигнуть отмены этого жестокаго закона, и съ тѣхъ поръ, какъ въ Греціи, такъ и Римѣ, врачебное искусство дѣлается достояніемъ обѣихъ половинъ рода человѣческаго. Этотъ принципъ равноправности передается и европейскимъ средневѣковымъ государствамъ. Въ XIV столѣтіи медицинская школа въ Салерно выдвигаетъ женщину-врача Абеллагу, составляющую себѣ среди ученаго сословія медиковъ громкое имя своими научными сочиненіями на латинскомъ языкѣ. Болонскій университетъ среди профессорскаго состава съ гордостью указывалъ также на нѣсколькихъ женщинъ, руководившихъ занятіями студентовъ медициною.

Начиная съ XV столѣтія и до нашихъ дней, ученые врачебныя корпораціи Англій, Франціи, Германіи и даже Италіи, хотя иногда и не безъ борьбы, но открываютъ двери анатомическихъ, психіатрическихъ и иныхъ подобныхъ храмовъ науки передъ пытливой энергіей женщинъ, и многія изъ этихъ борцовъ за право на помощь страждущему человечеству пріобрѣтаютъ широкую извѣстность своей практической и теоретической дѣятельностью. Имена Луизы Буржуа, Юстины Дитрихъ, лэди Анны Халькетъ, Анны Моранди Маццалини, Маріи Петрацони, Маріи-дель-Донне, Елизаветы Лавренсъ, миссъ Гаретъ и другихъ многихъ — пользуются въ исторіи литературы женскаго медицинскаго образованія на западѣ вполне заслуженнымъ выдающимся положеніемъ.

Несмотря, однако, на обиліе заявившихъ себя и въ литературѣ и въ практической жизни ученыхъ женщинъ-врачей, наши старшіе сосѣди не предприняли до сихъ поръ рѣшительнаго шага къ основанію такого высшаго учебнаго заведенія, гдѣ бы исключительно женщины могли пріобрѣтать необходимыя искомыя ими познанія, и которое было бы приспособлено къ предоставленію имъ необходимыхъ научныхъ средствъ. Въ Англіи даже, напримѣръ, женщина можетъ получить степень доктора медицины исключительно только въ „Apothecaries Hall“, школѣ, которая по своимъ основнымъ положеніямъ не имѣетъ права не допускать ищущихъ извѣстной степени, если эти лица удовлетворяютъ всѣмъ предписаннымъ въ уставѣ условіямъ. Англичане, впрочемъ, разрѣшили вопросъ о допущеніи женщинъ къ экзамену на степень доктора для своихъ колониальныхъ территорій болѣе гуманно. Практическій смыслъ подсказалъ имъ, что женщина-врачъ можетъ служить прекраснымъ культурнымъ факторомъ между туземцами-мусульманами и европейцами-колонистами. Получая доступъ въ магометанскія семья, докторша непременно должна оказывать со временемъ цивилизующее вліяніе на своихъ пациентокъ, а черезъ нихъ и на сильную половину мѣстнаго племени. Въ этихъ видахъ уже въ 1855 году была основана въ Бенаресѣ школа для образованія акушерокъ, а въ 1867 году таковая же въ Берсали. Съ тѣхъ поръ и остальные медицинскія учебныя заведенія въ Индіи все охотнѣе и радостнѣе открываютъ доступъ въ свои аудиторіи женщинамъ, ищущимъ ученаго докторскаго диплома.

Въ Россіи вопросъ о женскомъ врачебномъ образованіи вообще былъ поставленъ на историческую очередь много позднѣе, нежели на Западѣ; разрѣшеніе его шло инымъ путемъ, чѣмъ у нашихъ сосѣдей, но результаты движенія въ пользу равноправности съ мужчинами въ области медицинскихъ занятій и практики сказались болѣе плодотворно, ярко и шумно.

Исторія женскаго просвѣщенія до 1856 года въ нашемъ отечествѣ подробно изложена въ превосходномъ трудѣ г-жи Лихачевой подъ скромнымъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“. Интересующіеся могутъ найти здѣсь прекрасно освѣщенные и обильныя данныя для изображенія картины поступательнаго движенія женщинъ въ пользу завоеванія образовательныхъ правъ и подготовленія себя ко всевозможнымъ поприщамъ общественнаго служенія. Насколько удавалось воспользоваться въ примѣненіи къ практикѣ достигнутыми теоретическими результатами—вопросъ иной, и г-жа Лихачева по задачамъ своей работы не задавалась цѣлью разъяснить это; но изъ ея почтеннаго труда мы видимъ, что и русское правительство и общество достигли въ области культурнаго просвѣщенія массы русскихъ женщинъ гораздо большихъ результатовъ, нежели остальные европейскія страны. До восьмидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія мы, въ отношеніи женскаго образованія, средняго и высшаго, стояли впереди всѣхъ европейскихъ государствъ,—говоритъ авторъ „Матеріаловъ“ въ предисловіи къ первому тому.—Этимъ

Россія обязана императрицѣ Екатеринѣ II, которая сто двадцать пять лѣтъ назадъ положила прочное основаніе среднему образованію русскихъ женщинъ, а также продолжательницѣ ея дѣла, императрицѣ Маріи Теодоровнѣ. Основы, положенныя обѣими императрицами, имѣли цѣлью создать въ обществѣ и семьѣ просвѣщенныхъ воспитательницъ, гувернантокъ, а главнѣйше образованныхъ женъ и матерей. Какойнибудь спеціальной отрасли знаній учебныя заведенія не преслѣдовали и, кромѣ педагогическаго поприща, бывшія воспитанницы институтовъ и училищъ ничего себѣ въ жизни избрать не могли.

Вопросъ о возможности врачебной дѣятельности тогда еще не поднимался въ той его постановкѣ, какую онъ получилъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, хотя сама жизнь уже подготовила ему издавна почву. Такъ, еще при Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1754 году, былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось обучать повивальныхъ бабокъ ихъ спеціальному искусству и для этой цѣли опредѣлять ихъ въ проектированныя для этихъ бабокъ школы акушеровъ или, какъ ихъ тогда называли, „докторовъ бабичьяго дѣла“. Въ 1757 году инструкціей медицинской канцеляріи предписывалось докторамъ и акушерамъ читать „цѣлый коллегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ“ бабкамъ и ученицамъ ихъ, съ анатоміей на трупахъ, съ изложеніемъ неправильнаго устройства и болѣзней женскихъ органовъ и съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ родахъ.

Спросъ на этихъ ученыхъ бабокъ съ годами все усиливался, такъ что медицинское управленіе было серьезно озабочено постановкой дѣла подготовленія акушеровъ. Виленскій университетъ относился особенно внимательно къ назрѣвшей потребности провинціального общества замѣнить прежнихъ „повитухъ“ болѣе интеллигентнымъ и образованнымъ сословіемъ. Въ этихъ видахъ повивальнымъ бабкамъ читался отдѣльный отъ студентовъ курсъ анатомическихъ, физиологическихъ и клиническихъ свѣдѣній. Въ 1805 году государь разрѣшилъ отпустить изъ казны 13.355 рублей „на отстройку при одномъ изъ флигелей Воспитательнаго дома для повивальнаго института и ежегодной по распоряженію Ея Величества суммы на содержаніе его изъ суммъ медицинскихъ“. Въ 1811 году императрица открыла повивальный институтъ на средства, оставшіяся изъ капитала Бецкаго въ 20.000 рублей и другого, имъ же пожертвованнаго, отъ имени „неизвѣстнаго“, капитала въ 36.115 рублей на „основаніе вѣчнаго заведенія училища искусству повивальныхъ бабокъ и акушерству“. Изъ образовавшихся капиталовъ должно было содержаться въ Петербургѣ повивальное училище, основанное на 12 воспитанницъ за счетъ Воспитательнаго дома, увеличенное въ 1816 году еще 18-ю воспитанницами на средства министерства полиціи. Повивальный институтъ былъ реформированъ въ 1836 году и въ томъ смыслѣ, что существовавшій отдѣльно отъ него родильный госпиталь былъ къ нему присоединенъ, и всему учрежденію дано общее наименованіе Родовспо-

могательнаго заведенія. Комплектъ слушательницъ былъ точно опредѣленъ, и, кромѣ того, положено принимать въ это заведеніе 20 воспитанницъ изъ крестьянскаго сословія, съ платою за каждую по 250 рублей ассигнаціями въ годъ.

„Изъ нихъ,—говоритъ г-жа Лихачева,—долженъ былъ образоваться контингентъ сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя, возвращаясь по окончаніи курса въ свою среду, обязаны были оказывать помощь крестьянскимъ роженицамъ“. Тогда же разрѣшенъ былъ допускъ сюда вольноприходящихъ, и при заведеніи открыта амбулаторная лечебница для ближайшаго ознакомленія съ женскими болѣзнями. Около того же времени при Воспитательномъ Домѣ открыто отдѣленіе для приготовленія фельдшерницъ. Сюда принимались только вольнослушательницы, которымъ и читались тѣ элементарныя курсы, которые необходимы для исполненія фельдшерскихъ обязанностей. Въ царствованіе императора Николая I было разрѣшено также женщинамъ изучать и зубоврачебное дѣло, съ правомъ практиковать его. Для послѣдняго, то-есть для практики, имъ надлежало выхлопотать себѣ отъ медицинскаго начальства свидѣтельство, что онѣ „обучались зубному искусству съ хорошимъ успѣхомъ не менѣе трехъ лѣтъ и что производили разныя зубныя операціи на живыхъ людяхъ съ надлежащимъ искусствомъ и знаніемъ“.

Въ 1844 году, по почину принцессы Терезіи Ольденбургской и при содѣйствіи великихъ княженъ Маріи и Александры Николаевенъ, была основана община сестеръ милосердія, принятая подъ покровительство императрицы, причемъ на обязанности сестеръ нѣкоторыхъ отрядовъ лежало завѣдываніе аптекою общины, въ которой онѣ же сами изготовляли и лекарства. Съ 1854 года сестры занимались уже перевязкою ранъ въ Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ подъ руководствомъ врача.

Параллельно Петербургу и въ другихъ городахъ имперіи мы наблюдаемъ, въ первой половинѣ текущаго столѣтія, нѣкоторое оживленіе практически-спеціальнаго образованія женщины. Въ Москвѣ, Кіевѣ, Митавѣ, Могилевѣ и другихъ провинціальныхъ пунктахъ открываются одна за другою спеціальныя школы, въ коихъ программы занятій устанавливаются достаточно разнообразныя и примѣнительно къ широкому кругу практической дѣятельности. Такъ, въ Могилевской школѣ, кромѣ практическаго акушерства, вводятся курсы фармакологіи, малой хирургіи и сифилитическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей. Въ Московской акушерской школѣ при Воспитательномъ Домѣ ученицамъ преподается краткая анатомія, гигиена, малая хирургія и женскія и дѣтскія болѣзни. Сифилитическія болѣзни у женщинъ и дѣтей составили также предметъ чтенія курсовъ повивальнымъ бабкамъ въ училищѣ акушерскихъ ученицъ при С.-Петербургской Калининской больницѣ. Такимъ образомъ, первая половина текущаго столѣтія, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ нашей общественной и соціальной жизни, не оставила безъ вниманія вопроса о практическомъ примѣненіи женскаго труда. Узкая тропинка, по которой шла женщина до тѣхъ поръ, постепенно расширяется, и уже въ 1860-хъ годахъ превращается въ ту гладкую и большую дорогу, которая привела алчущихъ знанія и работы къ дверямъ медико-хирургической академіи.

II.

Настоятельные толки о необходимости расширенія правъ женщинъ въ области просвѣщенія слышались уже давно. Вѣлинскій въ 1842 г. писалъ по поводу сочиненій Зинаиды (Р—вой) Ганъ:

„Женщина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства, создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы человѣческаго существованія. Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованная по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій... считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ, — онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни стало, вайти въ одной любви“.

Критикъ-публицистъ категорически высказывается здѣсь за нормированіе научныхъ знаній мужчинъ и женщинъ и требуетъ для нихъ болѣе разносторонней дѣятельности; нежели служеніе семьѣ. Современная ему литература, какъ изящная, такъ и публицистическая, все чаще и громче начинаетъ обсуждать тѣ же вопросы и достигаетъ въ 1860 годахъ своего кульминаціоннаго пункта. Наболѣе выдающіеся дѣятели печати посвящаютъ въ своихъ произведеніяхъ темѣ о женскомъ образованіи, о женской равноправности и объ общественномъ призваніи женщины немало мѣста и времени. Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловъ поработали усердно въ этомъ направленіи и въ значительной степени способствовали пробужденію симпатій образованныхъ классовъ въ сторону такъ называемой „женской эмансипаціи“.

Среди учащейся молодежи, жадно ловившей на лету слова и мнѣнія своихъ литературныхъ учителей, начинается усиленное движеніе въ этой области. Движеніе это, правда, носило подчасъ не совсѣмъ нормальный, даже уродливый характеръ (напримѣръ, фиктивные браки, обезображеніе наружности, напускная рѣзкость и пр.), но во всякомъ случаѣ дало русскому обществу и плодотворные результаты. Однимъ изъ таковыхъ, и притомъ болѣе существеннымъ, явился усиленный спросъ общества на спеціально-образованную женщину и стремленіе послѣдней удовлетворить этому спросу. За комплектомъ труженицъ недостатка быть не могло: среднія учебныя заведенія ежегодно выставляли изъ среднихъ классовъ населенія немало дѣвушекъ, не находившихъ удовлетворенія своимъ чувствамъ и способностямъ въ тѣсномъ кругу семейной жизни и жаждавшихъ примѣненія кипучимъ силамъ на иномъ поприщѣ.

Обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ тогдашней русской дѣйствительности, были чрезвычайно благопріятны для того, чтобы каждый вопросъ, отличающійся новизною, отмѣченный печатью общественности и свободы, получилъ свое развитіе и осуществленіе. Реформаторская, освободительная

Д. А. Милютинъ.

эпоха 1860-хъ годовъ явилась какъ нельзя болѣе благопріятствующей для удовлетворительнаго рѣшенія и женскаго вопроса; тутъ дѣйствовали мотивы социальныя, экономическія, соображеніе о необходимости большого контингента интеллигентныхъ работниковъ на удовлетвореніе народныхъ потребностей, вызванныхъ нуждами времени. На одномъ изъ первыхъ мѣстъ стояла здѣсь необходимость озаботиться народнымъ здоровьемъ, прійти на помощь физическимъ недугамъ темной страждущей массы. Интересы медицинской науки, въ связи съ общими симпатіями того періода къ натуралистическимъ знаніямъ, симпатіями, являвшимися какъ бы противовѣсомъ прежнимъ романтическимъ и патріархальнымъ вкусамъ общества, выдвинулись съ особою силою. И вотъ въ этой-то области реального знанія, которое легко и скоро могло принскать себѣ примѣненіе въ практическомъ обиходѣ и на которое являлся широкій спросъ, русская женщина и нашла себѣ выходъ изъ тяготившаго ее положенія. Занятія медициной давали ей въ этомъ отношеніи широкій просторъ и являлись чрезвычайно гармонирующими со всею ея душевнымъ складомъ. Страданія ближняго, необходимость облегчить эти страданія—какая благодарная задача для любящей и самоотверженной природы женщины! Новаго чего нибудь въ этихъ ея стремленіяхъ собственно ничего не было; она до извѣстной степени находила удовлетвореніе своему гуманному чувству послужить на пользу страждущимъ въ роли фельдшерицы, сестры милосердія, ученой акушерки, но этотъ кругъ дѣятельности былъ узокъ и не соответствовалъ потребностямъ ума и сердца. Надо было выйти на болѣе широкій просторъ и подыскать такого могучаго покровителя, который бы своимъ авторитетомъ и вліяніемъ далъ ей возможность примѣнить жизненныя силы шире и глубже.

Такой покровитель скоро нашелся въ лицѣ военнаго министерства, которое довѣрчиво и дружелюбно протянуло руку помощи русской женщинѣ. Какое оригинальное явленіе: правительственное учрежденіе, само по себѣ очень мало заинтересованное въ судьбѣ женскаго просвѣщенія, является наиболѣе отзывчивымъ и передовымъ! Въ этомъ выразилась сила эпохи, когда люди умѣли приносить въ жертву общему дѣлу свои частныя, единичныя интересы; а общее дѣло въ тѣ дни оживленія русской жизни, главнымъ образомъ, заключалось въ стремленіи поднять культуру массы и отдѣльныхъ ея слоевъ. Конечно, тутъ главную роль играла личность самого министра, Д. А. Милютинъ, просвѣтительныя и гуманныя взгляды котораго отражались и на сотрудникахъ его и на всѣхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ учрежденіяхъ.

Военное министерство Милютинъ имѣло, вообще, чрезвычайно благотворное вліяніе на русскую жизнь; оно подняло „значеніе личности солдата, такъ сказать, очеловѣчило русскую армію; рядомъ съ этимъ съ основаніемъ „Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“, или, какъ его принято называть, „Соляного городка“, общество получило, благодаря военному министру, такой умственный центръ, куда въ теченіе

почти 25-ти лѣтъ стекались всѣ педагогическіе и многіе научные вопросы, интересовавшіе образованныхъ русскихъ людей. Здѣсь съ кафедръ аудиторій производилась популяризація знаній, которая отсюда и проникла въ массу слушателей. Неудивительно, что это вѣдомство не осталось глухо и безчувственно къ горячимъ моленіямъ женщины о допущеніи ея въ одно изъ ученыхъ учреждений, находившихся въ вѣдѣніи военнаго министерства. Слѣдствіемъ этого было то, что въ 1872 году при медицинской академіи были учреждены особые курсы для образованія ученыхъ акушеровъ, которые бы могли оказывать самостоятельную врачебную помощь въ случаяхъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; но прежде чѣмъ говорить о подробностяхъ возникновенія этого учрежденія, считаю нужнымъ остановиться на одномъ обстоятельстве, въ значительной степени подвинувшемъ благополучное разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о женскомъ врачебномъ образованіи. Обстоятельство это чрезвычайно характерно и показываетъ, какъ энергія одного человѣка можетъ иногда побороть на пути къ достиженію намѣченной цѣли всякія препятствія, предразсудки и невзгоды.

Въ 1861 году въ родильный домъ великой княгини Елены Павловны поступила на курсы акушерства только что развѣхавшаяся съ мужемъ купцомъ-самодуромъ совсѣмъ молоденькая женщина, по виду почти ребенокъ, В. А. Кашеварова. Жизнь наложила уже свою тяжелую желѣзную руку на это юное существо и изъ богатой обстановки перенесла ее въ бѣдную конурку Измайловскаго полка. Приходилось серьезно задуматься надъ будущей жизнью и измыслить средства, какъ бы не умереть съ голода. Въ 1862 году будущая акушерка познакомилась случайно съ важной особой изъ медицинскаго административнаго міра и сообщила ему, что охотно бы взяла казенное мѣсто, хоть въ самомъ захолустьѣ Россіи. Администраторъ указалъ своей собесѣдницѣ, что въ Оренбургскомъ краѣ имѣется вакантное мѣсто ученой акушерки, что мѣсто это можетъ быть ей предоставлено, но на условіи, чтобъ она прошла необходимую подготовку въ Калинкинской больницѣ, подъ руководствомъ ординатора больницы В. Тарновскаго для пріобрѣтенія свѣдѣній о леченіи сифилиса.

Заручившись рекомендаціей случайнаго знакомаго, Кашеварова направилась въ больницу, и ей, за неимѣніемъ казенной вакансіи, разрѣшено было посѣщать курсы въ качествѣ вольнослушательницы. Вскорѣ судьба ей улыбнулась: лучшая ученица доктора Тарновскаго покидала больницу, и Кашеварова была принята на ея мѣсто. До конца ученія оставалось всего 4 мѣсяца—весь курсъ обнималъ собой годичный срокъ и, несмотря на такое короткое время, энергичная акушерка согласилась подготовиться къ некоей должности въ Оренбургскомъ краѣ. Ей назначена была отъ вѣдомства иррегулярныхъ войскъ стипендія въ 28 рублей въ мѣсяць, и за пользованіе ею въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ она обязалась отслужить въ томъ краѣ отъ 6 до 8 лѣтъ; на эти тяжкія условія волею-неволею пришлось согласиться, такъ какъ это избавляло ее хоть отчасти отъ голода и холода.

Через мѣсяць Кашеварова сдѣлалась уже первою ученицею, а на выпускномъ экзаменѣ весь ареопагъ экзаменаторовъ призналъ ея теоретическіе и практическіе отвѣты заслуживающими всяческихъ похвалъ и возбудилъ даже вопросъ о наградѣ примѣрной ученицы. Каково же было всеобщее изумленіе, когда бойкая и смѣлая молоденькая акушерка громко заявила, что вмѣсто того, чтобъ думать о предоставленіи ей награды, гораздо лучше и полезнѣе будетъ и ей и будущимъ паціентамъ, если ей позволять продолжить изученіе медицины. По ея словамъ, она чувствуетъ себя круглой невѣждой въ леченіи, напримѣръ, сифилиса, и совѣсть никогда не позволитъ ей воспользоваться свидѣтельствомъ на право леченія у женщинъ и дѣтей этой сложной болѣзни, требующей широкаго медицинскаго образованія. Экзаменаторы отнеслись вполне сочувственно къ молодой женщицѣ, но фактически выполнить ея желаніе они не были въ состояніи; однако, начальникъ медицинскаго департамента, докторъ Цицуриный, обѣщавъ подумать, нельзя ли что нибудь сдѣлать для удовлетворенія ея стремленій. Вскорѣ, однако, изъ медицинскаго департамента послѣдовалъ отвѣтъ, что оставить г-жу Кашеварову въ Петербургѣ для продолженія медицинскаго образованія нельзя, но рѣшено выдать ей и еще одной ученицѣ по годовому окладу жалованья (366 рублей).

Огорченная неуспѣхомъ своего ходатайства, Кашеварова обратилась къ В. Тарновскому съ вопросомъ, почему именно акушеровъ стали обучать леченію сифилиса и выдаютъ имъ свидѣтельства на право леченія этой болѣзни, когда, казалось бы, мужчины-медики могли бы несравненно лучше выполнить эту задачу. Тарновскій не сумѣлъ удовлетворить любознательности своей ученицы и направилъ ее въ законодательное отдѣленіе управленія иррегулярныхъ войскъ. Здѣсь ей разъяснили, что начальство башкирскаго казачьяго войска уже давно ходатайствовало о командированіи въ губерніи женщинъ-медиковъ, такъ какъ религіозный законъ не позволяетъ женамъ магометанъ пользоваться услугами врачей изъ мужчинъ. Начальникъ края оставилъ просьбу безъ отвѣта, но когда на этотъ постъ былъ назначенъ генералъ Безакъ, то послѣдній, видя, какъ гибнетъ народъ безъ врачебной помощи, въ особенности отъ сифилиса, рѣшилъ хлопотать о преподаваніи сифилитическихъ болѣзней акушеркамъ, ѣдущимъ въ вѣранный ему край, для каковой цѣли и прикомандировывать ихъ предварительно къ Каликинской больницѣ.

Данное объясненіе не поколебало увѣренности г-жи Кашеваровой въ томъ, что все-таки, прежде чѣмъ приступать къ борьбѣ съ ужасающимъ зломъ, необходимо вооружиться всѣми данными научнаго знанія. Рѣшеніе ея сдѣлаться докторомъ еще укрѣпилось, и она снова приступила къ г. Тарновскому, прося его о содѣйствіи; послѣдній направилъ ее въ медицинскую академію, къ ученому секретарю, профессору Зинину, предупредивъ, однако, что ея домогательства беспочвенны, такъ какъ женщинамъ не дозволено изучать медицину наравнѣ со студентами академіи. Профессоръ Зининъ встрѣтилъ Кашеварову недружелюбно, заявилъ ей,

что она попусту отрываетъ его отъ дѣла, и что ей лучше всего обратиться къ непосредственному начальству, въ лицѣ начальника Оренбургскаго края, куда она, какъ стипендіатка казачьихъ войскъ, должна ѣхать отелуживать стипендію.

Кашеварова послѣдовала совѣту ученаго секретаря и вскорѣ была на приѣмѣ у генераль-лейтенанта Безака. Старикъ-сановникъ встрѣтилъ молодую акушерку привѣтливо, расхохотался сначала, узнавъ, въ чемъ заключается ходатайство просительницы, и, добродушно потрепавъ ее по плечу, рѣшилъ: „Хорошо, дѣвочка, сдѣлаемъ васъ докторомъ!“ Генераль сдержалъ свое слово и на прошеніи Кашеваровой поставилъ резолюцію: „Исполненіе просьбы акушерки Кашеваровой онъ считаетъ очень полезнымъ для края, и потому просить всѣхъ, отъ кого это зависить, оказать содѣйствіе Кашеваровой“.

Послѣ долгихъ мытарствъ по канцеляріямъ всевозможныхъ вѣдомствъ, наконецъ, черезъ восемь мѣсяцевъ усиленныхъ хлопотъ, Кашеварова получила увѣдомленіе отъ управленія иррегулярныхъ войскъ, въ коемъ ей сообщалось, что военному министру угодно было разрѣшить ей прикомандированіе къ медико-хирургической академіи на одинъ курсъ, то-есть на пять лѣтъ, для прохожденія полного медицинскаго курса.

Казалось, энергичная женщина была уже у желанной цѣли, и полученіе докторскаго диплома, при наличности природныхъ дарованій и трудолюбія, не представляло особыхъ затрудненій и препятствій, однако общественную косность не такъ-то легко было побороть, и представилось еще много борьбы и непріятностей. Первое столкновеніе произошло съ женщинами же, посѣщавшими въ то время академію безъ разрѣшенія, но и безъ прямого запрещенія начальства. Когда послѣдовало прекращеніе доступа женщинъ въ аудиторіи, случившееся ровно черезъ годъ послѣ формальнаго принятія Кашеваровой въ число слушателей и вѣдъ всякой зависимости отъ этого обстоятельства, изгнанныя дамы подали коллективное прошеніе начальству, заключавшееся въ томъ, чтобы или ихъ всѣхъ допустили до слушанія лекцій и приготовленія къ экзамену на степень доктора медицины, или же чтобы и Кашеварова была исключена изъ академіи наравнѣ съ ними. Конечно, эта коллективная просьба осталась безъ результатовъ, но послѣдствіемъ ея было для Кашеваровой то, что положеніе ея среди студентовъ на первое время сдѣлалось нѣсколько фальшивое. Большинство молодежи не взлюбило ея, такъ какъ она держалась въ сторонѣ отъ студенческой общественной жизни; начальство тоже на нее косо поглядывало, видя въ ней навязанное ему исключеніе изъ общаго правила о приѣмѣ слушателей. Приходилось, что называется, держать ухо востро и быть всегда на стражѣ, особенно принимая во вниманіе политическое броженіе среди молодежи, доставлявшее уже въ то время начальству не мало хлопотъ и безпокойствъ.

Въ концѣ второго года пребыванія въ академіи, Кашеваровой пришлось снова вступить въ борьбу за свои жизненные права. Случилось

это потому, что начальство академіи отказало ей въ держаніи полулекарскаго экзамена, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что, если ее допустить до полулекарскаго экзамена, то она, пожалуй, по прослушаніи полного курса, вздумаетъ держать и выпускной экзамень, дающій право на получение докторскаго диплома. Послѣ долгихъ переговоровъ членовъ конференціи съ настойчивой слушательницей, послѣ всевозможныхъ угрозъ и застрачиваній, ей разрѣшено было держать желанный экзамень безъ полученія, однако, права на дипломъ. Любопытный протоколъ засѣданія конференціи по этому предмету, отъ 6-го марта 1865 года, гласить: „Конференція академіи, имѣя въ виду, что г-жа Кашеварова, съ разрѣшенія военнаго министра, допущена къ слушанію въ академіи медицинскихъ лекцій на одинъ курсъ (5 лѣтъ), опредѣлила: дозволить Кашеваровой держать полулекарскій экзамень съ тѣмъ, чтобы она не имѣла въ виду полученія ученаго званія, не существующаго для лицъ женскаго пола, но что если она выполнитъ условія, требуемыя отъ посѣщающихъ академическія лекціи, то ей будетъ выдано свидѣтельство объ успѣшномъ выслушаніи медицинскихъ наукъ“.

В. А. Кашеварова-Руднева.

Сдавая ежегодно блестяще переходные экзамены и получая отъ оренбургскаго начальства денежныя награды за усердіе и добронравное поведеніе, Кашеварова въ вакаціонное время получила возможность съѣздить въ Вѣну, гдѣ въ клиникахъ изучала женскія болѣзни и слушала курсы акушерства. Наконецъ, наступили и выпускные экзамены, но здѣсь опять съ ней произошло непріятное происшествіе. Начальство академіи, слѣпо придерживаясь буквы приказа военнаго министра о ея принятіи въ число слушателей на пять лѣтъ, коварно рѣшило, что ее не слѣдуетъ допускать до выпускнаго экзамена, такъ какъ означенныя пять лѣтъ уже истекли. Снова начались пререканія съ конференціей, мытарства по канцеляріямъ, кончившіяся обращеніемъ къ оренбургскому генераль-губернатору, гене-

ралу Крыжановскому, принявшему живое участие въ ея судьбѣ. Слѣдствіемъ его участія было письмо къ Д. А. Милютину, которое и привожу здѣсь полностью:

„Милостивый государь, Дмитрій Алексѣевичъ! Съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства и въслѣдствіе ходатайства бывшаго оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Безака, акушерка бывшаго башкирскаго войска, г-жа Кашеварова, была прикомандирована къ медико-хирургической академіи для полученія полнаго медицинскаго образованія наравнѣ со студентами. Допущеніе г-жи Кашеваровой въ академію было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы она, по окончаніи курса, могла замѣнить собою врача при башкирскомъ народѣ, и ей назначена была стипендія на весь академическій курсъ, съ обязательствомъ прослужить, по выпускѣ, извѣстное число лѣтъ казніѣ. Въ настоящее время г-жа Кашеварова съ успѣхомъ окончила пятилѣтній курсъ академіи, получая на всѣхъ экзаменахъ удовлетворительныя отмѣтки съ отличіями, но ей предстоитъ еще держать окончательный теоретическій выпускной экзаменъ на степень лекаря или доктора. Въ правѣ этомъ начальство медико-хирургической академіи г-жѣ Кашеваровой отказывается, ссылаясь на то, что причислена она была къ академіи, съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, и что иначе къ выпускному экзамену допущена быть не можетъ, какъ съ разрѣшенія военнаго министра. Принимая живое участие въ судьбѣ г-жи Кашеваровой и имѣя въ виду, что безъ окончательнаго экзамена Кашеварова не будетъ имѣть права и возможности на практикѣ примѣнить тѣ медицинскія знанія, которыя пріобрѣтены ею въ академіи пятилѣтнимъ трудомъ, я позволяю себѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой, не изволите ли сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы Кашеварова была допущена къ окончательному экзамену въ академіи. Дозволеніе это тѣмъ болѣе будетъ полезно, что г-жа Кашеварова, какъ женщина, можетъ проникать во всѣ мусульманскія семейства и тѣмъ побѣдить въ средѣ мусульманскихъ женщинъ постоянное уклоненіе отъ всякаго медицинскаго пособія, въ высшей степени вредно влияющее на бытъ башкирскихъ семействъ, страдающихъ во множествѣ сифилисомъ“.

По полученіи письма генераль-губернатора Крыжановскаго, военный министръ препроводилъ его на заключеніе конференціи медико-хирургической академіи. Теперь заключеніе послѣдовало уже для Кашеваровой вполне благопріятное, и мотивировано оно было слѣдующимъ образомъ:

„Академія убѣдилась въ теченіе пяти лѣтъ, съ какимъ прилежаніемъ и успѣхомъ Кашеварова занималась медицинскими науками и какъ неуклонно стремилась къ своей цѣли. Академія допустила Кашеварову къ полULEкаревскому и курсовымъ экзаменамъ и видѣла, что она держала экзамены наряду съ лучшими студентами. Кромѣ того, въ послѣднемъ курсѣ она напечатала даже одну самостоятельную анатомио-практическую работу, имѣющую неотъемлемое достоинство современно-научнаго труда и показывающую въ ней основательное знакомство съ акушерствомъ и патологическою анатоміей. Въ уваженіе такихъ добросовѣстныхъ и усиленныхъ работъ Кашеваровой на поприщѣ медицинскомъ и въ уваженіе къ этой цѣли, мы считаемъ Кашеварову вполне достойной того, чтобы конференція, допустивъ ее къ окончательному экзамену наравнѣ со студентами, ходатайствовала потомъ передъ высшимъ начальствомъ о дарованіи ей ученаго званія“.

На этомъ донесеніи министръ Д. А. Милютинъ положилъ резолюцію: „Допустить къ экзамену и дать дипломъ на соотвѣтствующую степень, на каковую выдержитъ—лекаря или доктора“.

Кашеварова оправдала довѣріе высшаго начальства и прекрасно выдержала выпускной экзаменъ наравнѣ съ лучшими студентами, за чтѣ

и была удостоена диплома на вторую золотую медаль и признана доктором медицины. Однако, когда, вскорѣ послѣ окончанія курса, молоденькая первая въ Россіи женщина-врачъ заявила о своемъ желаніи защитить диссертацию, напечатанную въ „Вирховскомъ Архивѣ“ и вошедшую во многія руководства по акушерству, то ей подъ разными предлогами совѣтовали обождать. Между прочимъ, основаніемъ для такой отсрочки былъ выдвинуть могущій отъ того произойти почему-то вредъ для открывшихся уже тогда медицинскихъ курсовъ, разрѣшенныхъ подъ наименованіемъ „Курсовъ ученыхъ акушеровъ“. Защитить диссертацию энергичной піонеркѣ женскаго образованія, извѣстной образованному русскому обществу подъ двойной фамиліей Кашеваровой-Рудневой (она вышла замужъ за профессора академіи Руднева), удалось лишь въ 1876 году, когда слава ея уже начала меркнуть отъ набѣжавшихъ злыхъ жизненныхъ тучъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ періодѣ жизни несчастной женщины, когда злоба людская, предразсудки, недоразумѣнія, съ одной стороны, и личныя ошибки, съ другой, разбили ея такъ блестяще начатую научную карьеру и не дали ей осуществить завѣтныя мечты молодости. Въ первое же время своего самостоятельнаго періода жизни она испытала полное удовлетвореніе своему самолюбію и женской гордости, и имя ея съ почетомъ и уваженіемъ произносилось въ передовыхъ кружкахъ петербургскаго общества.

Въ честь окончанія Кашеваровой курса въ академіи былъ данъ, у перваго ея руководителя на научномъ поприщѣ, доктора Тарновскаго, обѣдъ, на которомъ, въ числѣ многочисленныхъ гостей, присутствовали: главный военно-медицинскій инспекторъ Н. И. Козловъ, доктора—Сутугинъ, Флоринскій, Рудневъ и другіе члены академіи. За обѣдомъ хозяйка дома, П. Н. Тарновская (дочь Н. И. Козлова), произнесла рѣчь, въ которой, отдавая дань справедливости Кашеваровой, въ то же время выразила сожалѣніе, что остальнымъ женщинамъ, желающимъ слѣдовать по стопамъ виновницы торжества, закрыть къ этому путь.

Послѣ обѣда разговоръ возобновился на тему, задѣтую уже въ застольной рѣчи г-жи Тарновской, и ораторшѣ было замѣчено, что ея заявленіе, будто женщины лишены возможности учиться медицинѣ, не совсемъ справедливо, и стоить только молодой хозяйкѣ хорошенько попросить своего отца, главнаго военно-медицинскаго инспектора, чтобы дѣлу высшаго женскаго медицинскаго образованія было дано энергичное и благопріятное движеніе. И дѣйствительно, всѣ присутствовавшіе, съ хозяйкой во главѣ, обратились съ этимъ ходатайствомъ къ Н. И. Козлову и добились отъ него обѣщанія содѣйствовать задуманному дѣлу. Тутъ же гг. Флоринскій и Рудневъ взяли на себя выработку программы для будущихъ медицинскихъ курсовъ. Вотъ на этомъ-то обѣдѣ въ честь г-жи Кашеваровой и былъ данъ толчокъ вопросу объ официальномъ признаніи правъ женщинъ на высшее медицинское образованіе, и такимъ образомъ положено было основаніе тому учрежденію, которое, послѣ столькихъ

перипетій, привѣтствуется въ наши дни подъ наименованіемъ „Женскаго медицинскаго института“.

Около этого же времени вернулась изъ-за границы г-жа Сулова, окончившая только что курсъ медицинскихъ наукъ въ одномъ изъ европейскихъ университетовъ. И ей разрѣшено было держать экзаменъ при медико-хирургической академіи, которая и предоставила ей дипломъ на званіе женщины-врача. Впослѣдствіи г-жа Сулова составила себѣ прочную извѣстность среди петербургскаго общества, какъ лучшей и опытной врачъ-акушеръ и докторъ по женскимъ болѣзнямъ.

III.

Дальнѣйшее официальное движеніе вопроса о женскомъ образованіи, какъ излагаютъ его „Московскія Вѣдомости“¹⁾, было таково. Лица, заинтересованныя въ цѣлесообразной постановкѣ акушерской части и врачебнаго образованія женщинъ, желающихъ посвятить себя повивальному искусству, при обсужденіи этого вопроса, остановились здѣсь на двоякомъ выводѣ: необходимо или предоставить акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, съ требованіемъ отъ нихъ обязательнаго изученія практическаго акушерства, или допустить женщинъ къ общему медицинскому образованію, насколько оно необходимо для полнаго акушерскаго образованія. Обращаясь къ первому положенію, было признано, что вопросъ едва ли когда нибудь можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, такъ какъ ни медицинская академія, ни университеты не въ состояніи подготовить достаточнаго числа акушеровъ; что же касается второго положенія, то здѣсь, по мнѣнію специалистовъ, дѣло рѣшается вполне благополучно, и женщина свободно можетъ быть допущена къ общему медицинскому образованію, такъ какъ она ясно доказала свою способность помогать страждущему, обнаружила свою стойкость, самоотверженность и умѣнье нравственно подчинить себѣ пациента. Признавъ возможнымъ допустить женщинъ къ общему медицинскому образованію, ученые медики рѣшили установить двѣ степени акушерства: а) простой повивальной бабки для служенія въ родовспомогательныхъ учрежденіяхъ, и б) ученой акушерки, съ общимъ медицинскимъ образованіемъ, получаемымъ на особыхъ курсахъ, которые могутъ учреждаться, какъ при медицинской академіи, такъ и при университетахъ.

Медицинскій совѣтъ, куда былъ представленъ при благосклонномъ содѣйствіи Козлова проектъ частныхъ лицъ о расширеніи правъ ученыхъ акушеровъ, одобрилъ его и указалъ, что, во-первыхъ, на курсы при академіи и университетахъ могутъ быть допускаемы лишь тѣ женщины, которыя, имѣя аттестаты изъ гимназій или институтовъ, выдержатъ еще испытаніе, соответственное окончанію полнаго курса въ этихъ заведеніяхъ,

¹⁾ Апрель, 1895 г.

а также изъ латинскаго языка, и, во-вторыхъ, что врачебно-акушерскій курсъ долженъ продолжаться четыре года, причемъ для каждого года былъ указанъ особый циклъ предметовъ преподаванія: женщинамъ, получившимъ степень ученыхъ акушеровъ, согласно мнѣнiю совѣта, предполагалось предоставить право самостоятельной, по преимуществу спеціальной акушерской и гинекологической врачебной практики, а также леченіе сифилиса у женщинъ и дѣтей и подаваніе вообще пособій груднымъ дѣтямъ. Послѣ этого по предмету медицинскаго женскаго образованія были опрошены также шесть отечественныхъ университетовъ, и отовсюду получились самые сочувственные отзывы и мнѣнiя. Постановленіе медицинскаго совѣта и отзывы университетовъ были сообщены на заключеніе военнаго министра Д. А. Милютина и встрѣтили въ немъ полное сочувствіе и готовность поддержать дѣло. Отсюда проектъ объ ученыхъ акушеркахъ былъ переданъ на обсужденіе комитета министровъ и слушался въ присутствіи государя императора Александра Николаевича. Въ Высочайше утвержденномъ, 14-го января 1871 года, положеніи комитета министровъ, между прочимъ, значится: „Комитетъ полагалъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянiю правильно устроенныхъ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на оныя, какъ можно болѣе, слушательницъ для того, чтобы дать возможно наибольшему числу женщинъ приискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой врачебной отрасли, и 2) въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ.

В. М. Тарновскій.

„Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ,—говорятъ „Московскія Вѣдомости“,—кругъ общественной дѣятельности лицъ женскаго пола былъ очерченъ весьма широко, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ былъ, хотя и косвеннымъ образомъ, и вопросъ о возможности допущенія женщинъ къ высшему медицинскому образованію. Въ первомъ пунктѣ разрѣшалось открытіе отдѣльныхъ курсовъ акушерскихъ наукъ безъ опредѣленія, какъ могущихъ преподаваться на нихъ предметовъ, такъ и самаго объема ихъ. Къ этимъ курсамъ возможно было приурочить тѣ указанія на предметы преподаванія, которыя были сдѣланы въ 1870 г. медицинскимъ совѣтомъ.

Разрѣшенный теоретически въ положительномъ смыслѣ вопросъ о медицинскомъ образованіи женщинъ нуждался только въ практическомъ осуществленіи. И вотъ военный министръ, руководясь, съ одной стороны, мнѣніемъ медицинскаго департамента, а также неоднократно заявля-

ніями медицинской академіи о неудовлетворительной подготовкѣ лицъ, являющихся къ испытанію на полученіе диплома повивальной бабки, испросилъ въ маѣ 1872 г. Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при медицинской академіи особыхъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ, которыя бы были способны подавать самостоятельную помощь въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Курсъ ученія въ этомъ учрежденіи былъ опредѣленъ 4-хъ-лѣтній и обнималъ собою почти всея предметы, которые были установлены медицинскимъ совѣтомъ. „Если принять во вниманіе, что программы преподаванія на курсахъ были весьма приближены къ академическимъ, — говорятъ „Московскія Вѣдомости“, — и что изъ этого преподаванія было исключено лишь немного, и при томъ по второстепеннымъ предметамъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что и практической вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи получилъ благоприятное рѣшеніе“.

Въ значительной степени скорому осуществленію женскихъ курсовъ содѣйствовало и крупное пожертвованіе г-жи Родственной (нынѣ г-жи Шанявской) въ 50.000 р. на этотъ предметъ.

Первыми пионерками-слушательницами (въ числѣ 109 человекъ) курсовъ записались лица, ѣздившія до тѣхъ поръ учиться въ Финляндію и за границу, затѣмъ женщины, занимавшія уже въ обществѣ видное положеніе: П. Н. Тарновская (дочь Козлова), дочь извѣстнаго адмирала Козакевича, поступившія на второй годъ открытія курсовъ, и многія другія.

Выдержавшихъ полный экзаменъ оказалось 90 человекъ, которыя и составили I-й курсъ. Новымъ слушательницамъ были немедленно выданы билеты на жительство и правила о поведеніи: онѣ должны были повиноваться своему начальству, доносить ему о всѣхъ случайностяхъ и необыкновенныхъ происшествіяхъ жизни, не отлучаться никуда безъ отпуска, держать себя на лекціяхъ прилично, ходить въ форменномъ платьѣ, не носить короткихъ волосъ и т. д.

Въ извѣстной части общества приходили въ ужасъ при мысли о томъ, что барышня „du monde“ будетъ заниматься рѣзаніемъ „покойниковъ“, да еще, пожалуй, мужчинъ, — говоритъ М. Ю. Г., авторъ статьи „Къ исторіи женскихъ медицинскихъ курсовъ“¹⁾, — но понемножку стали привыкать и, когда убѣдились, что слушательницы курсовъ ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ женщинъ, что у нихъ не растутъ бороды и усы, что онѣ пьютъ чай изъ чашекъ, а не изъ череповъ, что танцуютъ съ кавалерами, а не со скелетами, то мало-помалу успокоились. Успокоенію умовъ не мало помогло назначеніе инспектрисой курсовъ М. Г. Ермоловой. Понимая, что въ первое время слушательницѣ должно по возможности избѣгать всякихъ экстравагантностей даже въ костюмахъ, Марія Григорьевна Ермолова требовала, чтобы всѣ слушательницы, у которыхъ были короткіе волосы, носили сѣтки. Разумѣется, эти требованія вызвали вначалѣ нѣкоторый протестъ, юное „фирканье“, но, понявъ, въ чемъ тутъ дѣло, сами слушательницы весьма заботливо относились ко всѣмъ мелочамъ, которыя могли бы въ какомъ либо отношеніи повредить „репутаціи курсовъ“. Цѣль была достигнута: съ курсами примирились даже свѣтскія

¹⁾ „Новости“, 1895 г., № 117.

дамы, и, какъ говорили злые шутники, въ свѣтѣ „курсы“ назывались „pensionnat de m-me Ermoloff“.

Выборъ г-жи Ермоловой инспектрисой былъ чрезвычайно удаченъ; женщина крупнаго авторитета, съ большими общественными связями, она являлась оплотомъ курсовъ противъ всякихъ поползновеній на ихъ благополучное существованіе и пользовалась горячею любовью курсистокъ. Не менѣе удаченъ былъ по своему составу и кружокъ преподавателей, съ самаго начала сгруппировавшійся въ стѣнахъ молодого учебнаго заведенія. Главнѣйшіе изъ нихъ—А. П. Бородинъ, А. Голубевъ, Ландцертъ, Брандтъ, Бобылевъ, Эйхвальдъ, Юнге, Балинскій, В. Тарновскій, Горвицъ, Раухфусъ и другіе. Особенно много силъ положилъ въ дѣло женскаго медицинскаго образованія покойный профессоръ химіи А. П. Бородинъ. Эти лица, по всей справедливости, пользующіяся громкою научною извѣстностью, отдавали курсамъ массу энергіи и времени, а также по большей части вели свои научныя занятія бесплатно.

„Широко образованный, необыкновенно чуткій, горячій сторонникъ женскаго высшаго образованія, Бородинъ съ самаго начала сумѣлъ стать относительно своихъ слушательницъ въ положеніе человѣка, къ которому обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ,—касались ли они учебныхъ дѣлъ, домашнихъ, семейныхъ или общественныхъ,—говорить уже цитированный авторъ „Новостей“.—Такъ слушательницы и знали: коли стряслась какая бѣда, надо итти къ Бородину: онъ сумѣетъ принять участіе, сумѣетъ посовѣтовать. Въ лабораторіи—маленькой комнатѣ, отведенной для слушательницъ—молодежь чувствовала себя, какъ дома; тутъ, во время работы, раздавалось иногда и пѣніе; тутъ велись часто оживленные разговоры, въ которыхъ Бородинъ принималъ горячее участіе, — и о важности для врача общаго широкаго развитія, и о музыкѣ, однимъ словомъ, обо всемъ, что волновало умы. Какое бы настроеніе ни охватывало слушательницъ, онѣ не забывали своей роли пионерокъ, и всѣ личныя стремленія смолкали передъ сознаніемъ той отвѣтственности, которая лежала на нихъ передъ новымъ дѣломъ“.

Г-жа Ш. въ своемъ очеркѣ „женскіе врачебные курсы“ рисуетъ режимъ курсовъ слѣдующимъ образомъ: „Помѣщеніе для курсовъ отвели въ зданіи самой академіи, гдѣ небольшое отдѣленіе было отдано въ ихъ исключительное владѣніе, другія же аудиторіи были общія со студентами, но лекціи въ нихъ читались въ различные часы для мужчинъ и для женщинъ. Нельзя было избѣгнуть невольныхъ встрѣчъ слушательницъ со студентами въ коридорахъ, при переходѣ изъ одной аудиторіи въ другую; но инспектриссы зорко и строго слѣдили, чтобы не было ни разговоровъ, ни поклоновъ между тѣми и другими въ зданіи академіи“. По этому вопросу—о невольныхъ встрѣчахъ—сохранилось не мало любопытныхъ анекдотовъ, характерно обрисовывающихъ строгость тогдашняго режима „курсовъ“. Этихъ „строгостей“,—говоритъ г-жа Ш.,—было черезчуръ много, иногда совершенно излишнихъ, такъ какъ контингентомъ первыхъ слушательницъ были большею частію не самой первой молодости женщины, много учившіяся, давно уже готовившіяся къ изученію медицины, испробовавшія свои силы въ ожиданіи открытія храма науки. Ихъ занимало одно ученіе и лекціи, всѣ тревоги были—о будущемъ курсовъ;

только эта забота и мирила ихъ съ настоящимъ, въ виду сознанія, что излишнія строгости относятся не столько къ нимъ лично, сколько имѣютъ въ виду охраненіе репутаціи курсовъ“.

Быть куренстокъ того времени, ихъ жизнь на дому и на курсахъ, типы этой учащейся молодежи прекрасно изображены г-жею Дмитріевой въ интересной повѣсти „Гомочка“¹⁾). Какъ живая, рисуются передъ нами Орнатова, дѣвушка, вся ушедшая въ науку, будущій „Менделѣевъ въ юбкѣ“, какъ въ шутку окрестили ее подруги, и Гомочка, живая, непосредственная натура, съ головой окунувшаяся въ „общественную дѣятельность“, а также Травкина, замѣчательно красивая и стройная блондинка съ роскошными волосами и прелестными карими глазами, „которыми она пемножко играла“, только и думающая что о вечеринкахъ, театрѣ, удовольствіяхъ. О, какъ далеки эти правдивые живые портреты, обаятельные своей молодостью, душевною чистотою и непосредственностью отъ тѣхъ каррикатурныхъ изображеній, которыми извѣстная часть печати отталкивала еще не такъ давно общество отъ сочувствія „курсамъ“ и куренеткамъ!

Лекціи слушательницамъ читались отдѣльно отъ студентовъ академіи, и вообще оба пола учащихся были строго отдѣлены другъ отъ друга, — свидѣтельствуется Я. Абрамовъ въ брошюрѣ „Женскіе врачебные курсы“. Для практическихъ занятій слушательницы курсовъ пользовались матеріальными средствами академіи. Съ переходомъ въ 3-й курсъ имъ надлежало приступить уже къ практическимъ занятіямъ. Въ этихъ видахъ имъ былъ открытъ доступъ въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго, въ слѣдующемъ 1875—1876 учебномъ году клиника внутреннихъ болѣзней была устроена въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а потомъ преподаваніе внутреннихъ болѣзней было перенесено въ женское отдѣленіе Обуховской больницы. Точно также слушательницы были допущены въ Маріинское родовспомогательное заведеніе и въ Каликинскую больницу сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней.

„Несмѣлое въ началѣ отношеніе кураторовъ къ ввѣреннымъ имъ больнымъ, — говоритъ авторъ статьи „Вѣстникъ Европы“, — которые, съ своей стороны, смотрѣли на нихъ удивленными глазами, скоро смѣнилось отношеніями, проникнутыми теплотой и уваженіемъ. — „Что это не идетъ сегодня моя барышня, слышался бывало въ палатѣ голосъ стараго, больного солдата: она обѣщала мнѣ принести чайку съ сахаромъ“. — „А моя хотѣла написать мнѣ письмо къ мужу“ — говоритъ другая больная. Больные чувствовали, что ихъ „барышни“ смотрѣли на нихъ не только какъ на матеріаль для изученія, но и жалѣли ихъ; этимъ объясняется, почему со стороны больныхъ не было никогда протестовъ и неудовольствій противъ иногда и черезчуръ старательнаго выстукиванія и выслушиванія“.

Когда слушательницы достигли 4-го курса, и сталъ близиться уже

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, 1894 г.

выпускной экзаменъ, то наружу выплылъ естественный вопросъ: нельзя ли замѣнить предоставляемое по уставу окончившимъ курсъ названіе „ученая акушерка“ какимъ нибудь инымъ наименованіемъ, такъ какъ первоначально проектированный титулъ не давалъ обществу достаточнаго понятія объ истинныхъ размѣрахъ медицинскаго образованія слушательницъ. Названіе „врачъ“ шло въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ, что полный курсъ медицинскихъ наукъ можетъ быть удовлетворительно пройденъ въ 4 учебные года. Тогда явилась мысль о прибавленіи къ имѣющимся уже въ наличности курсамъ еще одного, на подобіе того, какъ это было установлено въ медицинской академіи для студентовъ-медиковъ. Ходатайство по этому предмету было уважено и, по указу императора Александра II, окончившія курсъ удостоивались званія „женщины-врача“, и имъ впоследствии предоставлено право носить особый нагрудный ученый знакъ. По Высочайшему же повелѣнію, съ началомъ 1876—1877 учебнаго года „врачебные курсы“ были отдѣлены отъ академіи и переведены въ Николаевскій госпиталь, гдѣ и сдѣланы необходимыя приспособленія для аудиторій, кабинетовъ и лабораторій.

Средства на существованіе курсовъ комплектовались изъ $\frac{1}{2}$ съ капитала, пожертвованнаго г-жею Родственною, и изъ платы за право слушанія лекцій, которая была на первое время опредѣлена въ 50 рублей въ годъ; кромѣ того, та-же г-жа Родственная пожертвовала еще 50.000 рублей на текущіе расходы курсовъ. Съ 1877 г. военное министерство назначило курсамъ ежегодную субсидію въ 8.000 рублей, къ которой впоследствии прибавило еще 2.500 рублей на жалованье почетной инспектрисы. Кромѣ того, то-же министерство выдавало курсамъ и единовременныя пособія, достигшія въ сложности суммы до 13.000 рублей. Доходъ курсовъ достигалъ до 44 тысячъ рублей и являлся достаточнымъ на покрытіе расходовъ въ размѣрѣ той же суммы. Въ 1874 г. основано было „общество для пособія слушательницамъ медицинскихъ и педагогическихъ курсовъ“, которое въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія израсходовало болѣе 50 тысячъ рублей, причемъ главный расходъ падалъ на уплату за право слушанія лекцій бѣднѣйшихъ слушательницъ.

Отдѣленные отъ академіи „курсы“ получали и новый контингентъ преподавателей и новое начальство. Начальникомъ „курсовъ“ былъ назначенъ главный врачъ Николаевскаго госпиталя, И. А. Вильчковскій, а преподавателями: хирургъ Рейеръ, проф. кievскаго университета Лешъ, проф. Лавдовскій, проф. Сущинскій, проф. Траппъ, д-ръ Кернигъ, д-ръ Раухфусъ, д-ръ Чечоттъ и другіе почтенные дѣятели медицинской науки.

IV.

Первый пятилѣтній циклъ ученія заканчивался въ 1877 г., и тутъ молодое учрежденіе должно было представить доказательства обществу и правительству, что существованіе „курсовъ“ основано на истинныхъ по-

требностяхъ жизни, и что слушательницы „курсовъ“ вполне подготовлены къ предстоящей имъ многотрудной дѣятельности. Но событія политической жизни Россіи обнаружили эту подготовленность еще раньше.

Начавшаяся въ 1877 г. Турецкая война предъявила большой запросъ на лицъ съ медицинскимъ образованіемъ, и „курсы“ въ состояніи были выставить не мало добровольныхъ силъ, съ удивительной отвагой и самопожертвованіемъ откликнувшихся на призывъ о врачебной помощи. Такъ, 25 слушательницъ, не дождавшись выпускныхъ экзаменовъ, отправились на театръ военныхъ дѣйствій; 20 изъ нихъ—въ дѣйствующую армію, а 5 въ учрежденіе „Краснаго Креста“. Самоотверженная дѣятельность курсистокъ заслужила горячую признательность войска, народа и была по достоинству оцѣнена правительствомъ. Вотъ что докладывалъ полевой военно-медицинскій инспекторъ, г. Приселковъ, начальнику штаба дѣйствующей арміи въ своемъ рапортѣ о дѣятельности прибывшихъ изъ Петербурга женщинъ-курсистокъ:

„Слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, командированныя въ дѣйствующую армію, съ самаго начала кампаніи, при непомѣрномъ рвеніи, сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью въ госпиталѣхъ вполне оправдали, въ этомъ первомъ опытѣ, ожиданія высшаго медицинскаго начальства. Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ, среди опасностей и лишеній, среди тифозной болѣзненности, жертвой которой была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе и, какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ, заслуживаетъ отличія и поощренія. Посему рѣшаюсь убѣдительно просить ваше высокопревосходительство ходатайствовать передъ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ о награжденіи участвовавшихъ въ войнѣ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами, или другимъ знакомъ отличія“. Точно также вполне одобрительно отнеслась Ясская эвакуаціонная комиссія къ слушательницамъ „курсовъ“ и засвидѣтельствовала, что онѣ „во все время служенія исполняли свои обязанности съ рвеніемъ и научнымъ пониманіемъ дѣла и оказали существенную пользу въ дѣлѣ поданія медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ.“

Въ награду за заслуги на театрѣ военныхъ дѣйствій всѣмъ лицамъ женскаго пола, окончившимъ курсъ ученія на „врачебныхъ курсахъ“, Высочайше дарованъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной практики, о которомъ упоминалось выше. Кроме того, нѣкоторымъ изъ обратившихъ на себя особенное вниманіе были дарованы медали на георгіевскихъ лентахъ.

Изъ числа таковыхъ женщинъ-героевъ нельзя не отмѣтить слушательницу курсовъ, Софью Ивановну Болботъ. Энергія, мужество и самоотверженность этой молодой особы стоятъ такъ высоко, что о ея дѣятельности бывшіе на войнѣ офицеры и солдаты и о сию пору не могутъ говорить иначе, какъ со слезами умиленія на глазахъ. Она отправилась на театръ военныхъ дѣйствій еще въ періодъ сербской войны и успѣла зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Выданный ей лестный отзывъ сербскаго министерства былъ въ свое время напечатанъ во мно-

гихъ газетахъ. Черезъ годъ мы уже встрѣчаемся съ ней на перевязочныхъ пунктахъ въ Тученицѣ, гдѣ она, въ присутствіи многихъ выдающихся медиковъ, дѣлаетъ рядъ самыхъ трудныхъ операцій. Вплоть почти до послѣднихъ дней кампаніи она постоянно появляется энергичнымъ и искуснымъ операторомъ, нѣжной и любящей сестрой милосердія то въ тѣхъ, то въ другихъ опасныхъ и трудныхъ пунктахъ—подъ Плевною, въ Зимницѣ, при подвижномъ лазаретѣ 16-й пѣхотной дивизіи. Начальство довѣряетъ ей вполне обязанности отвѣтственнаго военнаго врача, а солдаты видятъ въ ней настоящаго ангела-хранителя. Ея блестящая репутація опытнаго, неутомимаго и ревностнаго хирурга находитъ себѣ достойную оцѣнку во многихъ русскихъ и иностранныхъ органахъ печати. Извѣстность ея достигаетъ и до враговъ, и среди нихъ она скоро завоевываетъ себѣ симпатіи и поклоненіе. Плѣнные турецкіе солдаты и офицеры поднесли ей адресъ, гдѣ было выражено чувство искренней признательности за попеченіе о нихъ. Военно-медицинскій инспекторъ представилъ ее къ ордену св. Станислава, начальникъ осадной артиллеріи—къ ордену св. Анны, а „Красный полумѣсяцъ“—къ турецкому ордену. Но эти представленія не удостоились утвержденія, и г-жа Болботъ вмѣсто нихъ получила свѣтлобронзовую медаль на Анненской лентѣ и золотую медаль съ надписью „за усердіе“ на Георгіевской лентѣ. Впослѣдствіи Софія Ивановна выдвинулась изъ среды корпораціи женщинъ-врачей и своими научными работами и рядомъ удачныхъ операцій, сдѣланныхъ въ больницахъ провинціальныхъ городовъ. Объ этихъ операціяхъ можно найти корреспонденціи въ разныхъ газетахъ.

Но не всѣ подруги Болботъ, пріѣхавшія совмѣстно съ ней на театръ войны, достигли счастья лицезрѣть плоды рукъ своихъ и принять заслуженную признательность родной земли. Были и такія, которыя не вернулись обратно на родину и сами погибли въ тяжелыхъ условіяхъ военной жизни. Къ числу таковыхъ относится Варвара Степановна Некрасова, симпатичнѣйшая слушательница „Врачебныхъ курсовъ“, талантливая корреспондентка „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Русской Газеты“, скончавшаяся отъ пятнистаго тифа 27-го декабря 1877 года, т. е. въ тотъ же день, какъ и однофамилецъ ея—любимый молодежью поэтъ „мести и печали“.

Въ 1877 году наступилъ ерокъ перваго выпуска. Совѣтъ преподавателей врачебныхъ курсовъ постановилъ подвергать окончившихъ курсъ слушательницъ одинаковому со студентами экзамену и ходатайствовать о присвоеніи выдержавшимъ соответствующее испытаніе ученой степени и правъ медицинской практики на общихъ основаніяхъ. Экзамены были произведены черезъ особыя комиссіи изъ преподавателей курсовъ и приглашенныхъ членовъ медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета, а также представителей врачебной науки въ столицѣ. Экзамены прошли блестяще, и присутствовавшіе на нихъ члены медицинскаго совѣта засвидѣтельствовали, что курсистки „дѣйствительно обладаютъ всеми необходимыми для медицинской практики познаніями“.

По окончаніи курса, онѣ, однако, не получили никакого диплома и имъ выданы были лишь свидѣтельства объ окончаніи, не дававшія никакихъ рѣшительно правъ. Въ списки врачей онѣ были внесены только черезъ 6 лѣтъ, по окончаніи курса. Единственнымъ доказательствомъ ихъ врачебнаго званія былъ нагрудный знакъ съ литтерами Ж. В., выхлопотанный ими по слѣдующему поводу. Многія изъ женщинъ-врачей, по окончаніи курса 1-го выпуска, были назначены ассистентками при клиникахъ для занятій со студентками, но такъ какъ при этомъ приходилось исполнять и обязанности ординаторовъ, то волею-неволею имъ предстояло постоянно имѣть дѣло съ военными фельдшерами и служителями-солдатами, не желавшими признавать въ женщинахъ „начальство“. Вотъ это-то обстоятельство, тормозившее ихъ общественное служеніе, и побудило ихъ хлопотать черезъ Н. Козлова о какомъ-нибудь знакѣ отличія, удостовѣряющемъ ихъ врачебное званіе. Хлопоты эти были признаны основательными и знакъ былъ вскорѣ утвержденъ правительствомъ.

Вслѣдствіе представленія медицинскаго совѣта министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ Высочайшимъ докладомъ о разрѣшеніи выдержавшимъ испытаніе слушательницамъ курсовъ врачебной практики въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. 6-го апрѣля 1879 года по настоящему предмету состоялось Высочайшее повелѣніе, предоставившее министру испрашиваемое право.

Одновременно съ этимъ шли и не прекращавшіяся занятія особой учрежденной комиссіи „по вопросу о женскихъ врачебныхъ курсахъ, медицинскомъ образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ“. Комиссія пришла къ заключенію, что врачебные курсы „должны быть и на будущее время сохранены въ ихъ настоящемъ видѣ“, и что надлежитъ законодательнымъ порядкомъ установить права медицинской практики для получившихъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ образованіе.

Что касается жизни курсовъ въ періодъ времени съ 1877 г., то она текла обычнымъ порядкомъ, не рождая никакихъ аномальностей и не представляя серьезныхъ поводовъ къ нареканіямъ и злословію недруговъ. Приемные экзамены въ интересахъ дѣла производились чрезвычайно строго, и на курсы принимался, такъ сказать, цвѣтъ молодежи. Такъ, за время съ 1872—1881 гг. на приемные экзамены явилось 1309 женщинъ, и изъ нихъ принято только 959, а именно тѣ, которыя получили наивысшія отмѣтки. Къ апрѣлю 1882 года окончившихъ полный 5-ти лѣтній курсъ было 281, учащихся на курсахъ въ это время было 434. Относительно окончившихъ курсъ къ 1882 г. имѣлись слѣдующія данныя о 185 лицахъ по распредѣленію ихъ на мѣстахъ службы. Въ земствѣ служило—62; состояли при клиникахъ и больницахъ—54, занимались частной практикой—46, состояли ординаторами и ассистентками при женскихъ врачебныхъ курсахъ—12, не занимались практикой—7, умерло—4.

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что главный $\%$ окончившихъ пол-

ный курсъ слушательницъ оказался на службѣ въ земствѣ, которое высоко цѣнило воспитанницъ „врачебныхъ курсовъ“ и давало о ихъ практической дѣятельности всегда самые лестные отзывы. Въ брошюрѣ профессора Сущинскаго „Женщина-врачъ въ Россіи“ собранъ по настоящему предмету чрезвычайно любопытный матеріалъ. Наиболѣе существеннымъ выраженіемъ симпатій земства молодому институту женщинъ-врачей явилось образованіе при „курсахъ“ до 35 стипендій, за которыя получающія

Н. И. Козловъ.

ихъ во время прохожденія курса слушательницы обязывались впоследствии прослужить земству извѣстные сроки. Кромѣ того, земскія собранія неоднократно заявляли, что предпочитаютъ для сельскаго населенія имѣть въ уѣздахъ женщинъ-врачей. Равнымъ образомъ и корреспонденты газетъ всегда свидѣтельствовали о блестящихъ успѣхахъ, достигнутыхъ при часто трудныхъ условіяхъ женщинами-врачами въ ихъ борьбѣ съ невѣжествомъ, предразсудками и недоувѣріемъ простаго народа къ людямъ науки.

Изъ той же брошюры профессора Сущинскаго мы видимъ, что медицинская литература не могла пожаловаться и на недостатокъ серьезныхъ научныхъ работъ женщинъ-врачей. Здѣсь, между прочимъ, указано болѣе 30 ученыхъ статей, принадлежащихъ женскому перу и напечатанныхъ въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ.

Счастливыя условія существованія „курсовъ“ продолжались недолго, и въ 1882 году вопросъ о „курсахъ“ получаетъ роковую для нихъ развязку. Военный министръ, сочувствуя вполнѣ дѣлу высшаго женскаго образованія, обратилъ, однако, вниманіе на ненормальность существованія „курсовъ“ именно при военномъ министерствѣ, преслѣдующемъ цѣли, имѣющія очень мало общаго съ вопросомъ о женскомъ просвѣщеніи. Исходя изъ этихъ соображеній, военный министръ вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предлагая имъ принять въ свое вѣдѣніе „курсы“, причемъ обязывался производить изъ своихъ суммъ воспособленіе „курсамъ“ въ размѣрѣ 8.200 рублей въ годъ, но означенныя вѣдомства отклонили отъ себя предложеніе военного министерства, и „врачебнымъ курсамъ“ начала грозить опасность закрытія. Тогда совѣтъ „курсовъ“ вошелъ въ сношеніе съ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ, предлагая ему принять въ свое завѣдываніе погибающее ученое учрежденіе. Дума отнеслась къ вопросу сочувственно, изъявила согласіе ассигновать на ихъ содержаніе ежегодно по 15.000 рублей, но поставила переходъ „курсовъ“ въ вѣдѣніе города въ зависимость отъ передачи городскому управленію городскихъ больницъ, ибо безъ таковой передачи городъ не могъ предоставить курсамъ необходимаго клиническаго матеріала; такъ какъ передача больницъ состоялась много позднѣе, то и о переходѣ курсовъ въ вѣдѣніе города не могло быть рѣчи.

Съ 6-го августа 1882 г. по Высочайшему повелѣнію приѣмъ на „курсы“ былъ прекращенъ, но состоящимъ при курсахъ слушательницамъ предоставлено право окончить полное медицинское образованіе. Основываясь на 3 пунктѣ Высочайшаго повелѣнія, гдѣ было сказано: „если въ теченіе времени существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, т. е. до выпуска послѣдняго пятаго курса, представится возможность перехода ихъ изъ Петербургскаго Николаевскаго военного госпиталя въ какое-либо другое учрежденіе, то передать въ это учрежденіе учебныя кабинеты курсовъ, со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ“, г. Абрамовъ видитъ въ этихъ словахъ не стремленіе закрыть „курсы“, но только упраздненіе ихъ при Николаевскомъ госпиталѣ. И, дѣйствительно, предположеніе почтеннаго писателя оправдалось въ наши дни, но тѣмъ не менѣе фактическое несуществованіе „курсовъ“ продолжается съ того времени въ ихъ лѣтописи болѣе 10 лѣтъ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ, временно омрачившемъ дѣятельность и положеніе въ Россіи женщинъ-врачей. Дѣло въ томъ, что черезъ 6 уже лѣтъ послѣ перваго выпуска, внезапно послѣ-

давало распоряженіе о выдачѣ оканчивающимъ курсъ не диплома со званіемъ „женщины-врача“, а лишь „ученой акушерки“. Исторія эта въ свое время надѣлала немало шума и вызвала множество пересудъ и въ печати и въ обществѣ. Обиженные такимъ незаслуженнымъ къ себѣ отношеніемъ, женщины-врачи подали на Высочайшее имя, черезъ гр. Воронцова-Дашкова, докладную записку и прошеніе, гдѣ изложили несовмѣстность званія „ученой акушерки“ съ ихъ практикой въ больницахъ городовъ и селъ. Черезъ мѣсяць послѣ подачи прошенія послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отбѣнѣ неудачнаго названія и о замѣнѣ его новымъ, которымъ женщины-врачи официально именовались и понынѣ.

Въ теченіе всего времени несуществованія курсовъ русское общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, продолжало изыскивать средства къ тому, чтобы воскресить обреченное на гибель симпатичное и полезное учрежденіе. Въ этихъ видахъ производились обширныя пожертвованія, долженствовавшія обезпечить матеріальный бытъ будущихъ „курсовъ“; эти пожертвованія достигли къ настоящему времени значительнаго капитала въ 576.490 руб. 3 коп., къ которому еще необходимо присоединить обязательства частныхъ лицъ на 173.000 рублей. Кромѣ того, представители литературы и науки не упускали случая постоянно настаивать на необходимости скорѣйшаго воскрешенія „курсовъ“.

По этому предмету и въ повременной печати и въ отдѣльныхъ брошюрахъ напечатано не мало трудовъ, гдѣ сгруппированы данныя, говорящія краснорѣчиво въ защиту женскаго медицинскаго образованія и указывающія на пользу, приносимую женщинами-врачами въ городахъ и селахъ, въ частной практикѣ и на общественной службѣ, и, кромѣ того, представлены солидные аргументы, опровергающіе доводы противниковъ женскаго врачебнаго сословія.

Къ числу наиболѣе сильныхъ противниковъ, т. е. сильныхъ не своими доказательствами и доводами, а положеніемъ, занимаемымъ въ обществѣ и по службѣ, слѣдуетъ отнести г. Мамонова, медицинскаго инспектора министерства внутреннихъ дѣлъ, выпустившаго въ началѣ 1880-хъ годовъ брошюру, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обрисованы были плоды женскаго медицинскаго образованія. Брошюра эта въ значительной степени оказала давленіе регрессивнаго свойства на вопросъ о женскихъ курсахъ. Какъ бы отвѣтомъ г. Мамонову послужила брошюра профессора Сущинскаго, доказавшая, что Мамоновъ отнесся къ фактамъ чрезвычайно пристрастно и съ предвзятымъ убѣжденіемъ. Вторымъ камнемъ, брошеннымъ злобною рукою въ „курсы“, была напечатанная въ майской книжкѣ за 1889 г. „Вѣстника общественной гигіены, судебной и практической медицины“ статья д-ра К. Толстого, гдѣ голословно и легкомысленно было произнесено сужденіе о женскомъ медицинскомъ образованіи и о значеніи дѣятельности женщины въ роли врача. Отвѣты д-ру К. Толстому были сдѣланы Д. Жбанковымъ и Василюемъ С-вичемъ и изданы отдѣльными брошюрами.

Главнымъ, однако, оружіемъ борьбы съ противниками женскаго медицинскаго образованія служилъ въ рукахъ его поборниковъ, конечно, тотъ фактическій матеріалъ, который добывается изъ самой жизни. Въ настоящемъ случаѣ матеріала этого собрано достаточно, чтобъ получить любопытные выводы о достоинствахъ работы женщинъ на врачебномъ поприщѣ.

Такъ, изъ отчета „С.-Петербургской городской комиссіи общественнаго здравія“ за 1881—1885 гг. мы узнаемъ, что городская дума держитъ у себя на службѣ 13 врачей-женщинъ изъ числа 25 врачей для безмездной помощи населенію столицы. Исключая изъ этихъ цифръ 6 врачей-женщинъ, спеціально занятыхъ, напримѣръ, въ 1883—1884 гг., дѣломъ помощи ученикамъ и ученицамъ городскихъ начальныхъ школъ, мы получаемъ данныя о дѣятельности 7 женщинъ и 12 мужчинъ. Изъ сравненія этихъ данныхъ выясняется, что женщины-врачи оказали помощь въ 1,28 большому числу больныхъ и сдѣлали отдѣльныхъ случаевъ помощи въ 1,44 раза болѣе, чѣмъ врачи-мужчины. Эта разница съ годами увеличивается, и практика женщинъ много превосходитъ таковую же ихъ товарищей-мужчинъ. Больные, пользующіеся помощью думскихъ врачей, оказываются, охотнѣе идутъ вторично въ амбулаторіи женщинъ-врачей, нежели врачей-мужчинъ, а это объясняется тѣмъ, что женщины легче пріохочиваютъ населеніе обращаться къ медицинской помощи, нежели ихъ собратья. Точно также женщины-врачи посѣщаютъ своихъ пациентовъ на дому чаще, чѣмъ мужчины-врачи.

Комбинируя далѣе на всевозможные лады статистическія данныя думской комиссіи общественнаго здравія, мы приходимъ къ знаменательному выводу, формулированному г. Абрамовымъ такъ: „образованіе каждой женщины-врача приноситъ болѣе пользы обществу и потому желательнѣе съ общечеловѣческой точки зрѣнія, чѣмъ образованіе мужчины-врача“.

Въ фактъ превосходства городской практики женщинъ надъ мужчинами играютъ немалую роль внимательность, любовность и аккуратность, которую выказываютъ врачи изъ женщинъ въ отношеніи дѣтей и матерей своихъ пациентовъ.

Чрезвычайно любопытными иллюстраціями къ дѣятельности думскаго женщины-врача служатъ очерки, напечатанные въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1894 г.: „Картинки съ натуры. Изъ памятной книжки дѣтскаго врача“—А. Ш-вой и „По визитамъ. День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ“—Е. Сланской. Здѣсь, въ обоихъ произведеніяхъ, передъ читателемъ ярко обрисовывается трудовая жизнь женщины-врача, тяжелыя условія ея существованія въ смыслѣ громаднаго количества лежащей на ней работы и отвѣтственности, разнообразія положеній, въ которыя она бываетъ поставлена людьми и нуждою; и при всемъ этомъ диву даешься, когда видишь, сколько любви, энергіи и силъ кладетъ эта такъ называемая „слабая половина рода человѣческаго“ въ принятое на себя дѣло.

Можетъ быть, возразятъ, что, вѣдь, эти очерки писаны рукою пристрастной, рукою женщинъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ показать

товаръ лицомъ. Тогда я укажу скептикамъ на иное произведеніе уже незаинтересованнаго въ этомъ вопросѣ писателя. Разсказъ „Клавдія Михайловна“ г. Потапенко въ „Русской Мысли“ за 1895 годъ вмѣстѣ своимъ содержаніемъ тоже дѣятельность и жизнь женщины-врача, правда, не думскаго практиканта, но, тѣмъ не менѣе, имѣющей однородное при-мѣненіе своимъ знаніямъ. Авторъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ—и Стратанова, и Оболонской—рѣчи, прекрасно иллюстрирующія разницу между дѣятельностью мужчинъ и женщинъ и мѣтко обрисовывающія тѣ условія, среди которыхъ ведетъ женщина свою борьбу за существованіе.

Стратановъ говоритъ:

„Въ томъ-то и дѣло, что вы слабѣе насъ... Въ этомъ вся суть. Но ваши силы крѣпнуть, вы становитесь богатырями, когда видите передъ собою страданіе, когда отъ васъ зависитъ спасеніе человѣческой жизни. Вы, пожалуй, эгоисты больше, чѣмъ мы, пока никому не нужно ваше участіе; но какъ только является въ немъ необходимость, вы становитесь самоотверженными подвижниками. Вы умѣете любить жизнь, вы умѣете наслаждаться ея здоровыми благами, вы умѣете быть и кокетливой, и пизанцой, вы умѣете быть женщиной со всеми ея слабостями, но за то никто такъ, какъ вы, не способенъ презрѣть личное благо, отвергнуть и забыть все свое и стать человѣкомъ въ самомъ высокомъ значеніи слова, когда передъ вами стоятъ ближніе“.

Въ той же бесѣдѣ съ Стратановымъ женщина-врачъ Оболонская такъ характеризуетъ положеніе трудящейся женщины на общественномъ поприщѣ:

„Въ то время, какъ вы идете спокойно и мирно подъ крылышками закона, получая стипендіи и поощреніе,—говоритъ она,—мы должны отстаивать грудью каждый день своего существованія. Учасъ, мы добываемъ хлѣбъ, что для женщины очень трудно и за границей, да и здѣсь не легко; отдавая все силы ученію, откладывая на послѣ удовлетвореніе всехъ требованій молодости, которая хочетъ и веселиться, и любить, мы въ то же время рискуемъ всею нашею жизнью, потому что не знаемъ, добьемся ли права приложить наши знанія на родинѣ. Наконецъ, мы получили это право, и начинается новая борьба. Въ то время, какъ вамъ стоитъ только назваться врачомъ, чтобъ вамъ вѣрили а ргіогі, намъ приходится пріучать къ себѣ каждого паціента. Вашу жизнь устраиваетъ традиція, а намъ приходится создавать ее отъ начала до конца“.

И сами женщины-врачи, помимо практической дѣятельности, были озабочены упорядоченіемъ своей внутренней жизни и организаціей матеріальной помощи молодому сословію. Въ этихъ видахъ учреждено было „Общество взаимной помощи женщинъ-врачей“, обладающее въ настоящее время порядочными достатками и проявившее уже свою жизненность и полезность.

Статистическія и спеціальныя изслѣдованія показали, что значеніе женщины-врача въ деревнѣ и провинціи вообще незамѣнимо. На бывшемъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ съѣздѣ врачей докторъ Уваровъ засвидѣтельствовалъ, и съѣздъ подтвердилъ это своимъ авторитетомъ, что въ сельской практикѣ мужчинъ-врачу невозможно получить толковыхъ свѣдѣній отъ паціентокъ-женщинъ, благодаря чему послѣднія остаются безъ медицинской помощи. Равнымъ образомъ, на томъ же съѣздѣ

было доказано, что женщины-врачи являются могучими борцами против распространения проституции и сифилиса въ деревнѣ. Значеніе ихъ также немаловажно въ мѣстностяхъ, заселенныхъ преимущественно мусульманскимъ населеніемъ, каковы—Крымъ, Кавказъ, Зауралье, Туркестанскій край и т. п. Магометане уже сознали всѣ благотворныя послѣдствія пребыванія среди нихъ женщинъ-врачей. Поэтому отъ времени до времени мусульманское населеніе и ходатайствуетъ передъ высшими инстанціями объ учрежденіи въ мѣстахъ ихъ осѣлости должностей изъ состава женщинъ-медиковъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ Ташкентѣ уже практикуютъ 3 женщины-врача, а въ Самаркандѣ—2.

П. Н. Тарновская.

Положеніе женщины-врача особенно привлекаетъ къ себѣ вниманіе въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ, гдѣ часто подростки, стѣняясь обращаться къ докторамъ, тѣмъ самымъ лишены возможности устранять многія слабыя стороны въ своемъ воспитаніи.

Съ 1890 г., по инициативѣ Е. И. В. принцессы Евгении Максимиліановны Ольденбургской, введенъ въ видъ опыта новый предметъ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ—гигіены и поданія первой помощи, каковое преподаваніе возложено именно на женщинъ-врачей. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ Рождественской женской гимназій, гдѣ кафедры ги-

гіены и поданія помощи заняла г-жа Шабанова, продолжающая читать эти предметы въ гимназій и понинѣ. Успѣшность преподаванія и интересъ ученицъ къ этимъ урокамъ побудили министерство внести означенные предметы, какъ обязательные, въ программы женскихъ гимназій.

Кромѣ собранія пожертвованій, печатанія научныхъ статей и теоретическаго обсужденія постановки у насъ врачебнаго дѣла, разные частныя кружки, составившіеся преимущественно изъ дамъ, а также отдѣльныя лица не упускали случая поставить на очередь вопросъ о призваніи къ жизни закрытыхъ „женскихъ врачебныхъ курсовъ“.

Такъ, просвѣщенный и энергичный гласный с.-петербургской думы, Н. А. Нечаевъ, въ засѣданіи 18-го декабря 1885 года внесъ заявле-

ніе, въ которомъ предложилъ думѣ возбудить ходатайство о передачѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ вѣдѣніе столичнаго управленія, причемъ напомнилъ своимъ товарищамъ о сдѣланномъ ими постановленіи по этому предмету въ 1882 году. Указывая на то, что всѣ городскія больницы уже переданы городу, г. Нечаевъ справедливо находилъ, что въ настоящее время уничтожено препятствіе, существовавшее четыре года тому назадъ и помѣшавшее принятію городскимъ общественнымъ управленіемъ „курсовъ“ въ свое вѣдѣніе; при этомъ почтенный ораторъ подробно нарисовалъ картину возникновенія „курсовъ“, исторію ихъ развитія и, наконецъ, закрытія, указавъ на заслуги женщинъ-врачей передъ русскимъ обществомъ и съ цифрами въ рукахъ доказавъ собранію, что принятіе на себя городомъ хозяйства „курсовъ“ не ляжетъ бременемъ на городскую казну.

Дума, отнесясь сочувственно къ предложенію г. Нечаева, передала его на заключеніе управы. Вскорѣ состоялось соединенное засѣданіе управы и коммисіи общественаго здравія, при участіи преподавателей женскихъ врачебныхъ курсовъ и гласнаго Н. А. Нечаева. На этомъ засѣданіи не было признано возможнымъ принятіе городомъ въ свое вѣдѣніе „курсовъ“, однако, все-же было установлено, что городъ долженъ участвовать въ матеріальной поддержкѣ ученаго разсадника женщинъ-врачей. Эта поддержка, по мнѣнію присутствій, должна выражаться:

1) Отпускомъ ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 15.000 рублей, какъ это уже и было обѣщано думой еще въ 1882 году; 2) предоставленіемъ въ распоряженіе курсовъ Потемкинскаго дома при Александровской больницѣ для чернорабочихъ съ тѣмъ, чтобы взаимѣ этого дома на средства „курсовъ“ были устроены въ имѣющемъ быть указанномъ мѣстѣ соответствующія помѣщенія, а издержки на этотъ предметъ были бы постепенно покрываемы упомянутою субсидіею, и чтобы приспособленія, ремонтъ и содержаніе употребляемаго „курсамъ“ Потемкинскаго дома производились на средства „курсовъ“; 3) предоставленіемъ курянкамъ права практическихъ занятій во всѣхъ городскихъ больницахъ, съ тѣмъ, чтобы преподаватели клиническихъ предметовъ избирались изъ врачей той больницы, въ которой данный предметъ будетъ преподаваться, и чтобы слушательницы 5-го курса, распределенныя по больницамъ, занимались дѣломъ врачеванія и ухода за больными безъ всякаго за то вознагражденія со стороны городского управленія, а также 4) ходатайствомъ въ установленномъ порядкѣ о дальнѣйшемъ существованіи курсовъ.

Одновременно съ частными обществами и отдѣльными представителями интеллигенціи вопросъ о способахъ и средствахъ возрожденія бывшихъ „врачебныхъ курсовъ“ продолжалъ озабочивать и правящія сферы. Уже черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ распоряженія о прекращеніи пріема на „курсы“ состоялось Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи особымъ совѣщаніемъ министровъ вопроса о высшемъ врачебномъ образованіи женщинъ, а Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 4-го января 1883 года все дѣло разработки вопроса о „курсахъ“ передано министерству народнаго просвѣщенія. Слишкомъ двѣнадцать лѣтъ потратило названное министерство на выясненіе всѣхъ деталей вопроса о женскомъ медицин-

скомъ образованіи, на мобилизацію необходимыхъ частныхъ средствъ (частныхъ, а не казенныхъ, такъ какъ въ принципѣ, а priori, было рѣшено, чтобы существованіе будущихъ „курсовъ“ не состояло ни въ какой зависимости отъ казны и не ложилось на послѣднюю какимъ-либо нежелательнымъ бременемъ).

Наконецъ, комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія выработала, послѣ многократныхъ сношеній съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, слѣдующія главныя основанія, вошедшія въ проектъ о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ¹⁾.

Институтъ, согласно проекту, имѣетъ цѣлью доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; при немъ полагается интернатъ для неимѣющихъ возможности жить при родителяхъ и близкихъ родственникахъ; институтъ содержится на частныя средства; управленіе его состоитъ изъ директора, совѣта преподавателей, правленія, попечительнаго комитета, инспектрисы и ея помощницъ; директоръ назначается изъ числа профессоровъ-медиковъ и преподаетъ одинъ изъ предметовъ; преподавателями назначаются лица, имѣющія право на преподаваніе медицинскихъ наукъ въ университетахъ и равныхъ съ ними высшихъ медицинскихъ учебныхъ заведеній, и руководство клиническими занятіями возлагается преимущественно на главныхъ и старшихъ врачей больницъ; служащіе въ институтѣ по учебной части пользуются всѣми правами государственной службы, кромѣ права на полученіе пенсіи изъ казны. Въ слушательницы принимаются лица христіанскаго исповѣданія не моложе двадцати и не старше тридцати пяти лѣтъ. Комплектъ ихъ опредѣляется министерствомъ народнаго просвѣщенія. Лица, окончившія полный курсъ женскихъ гимназій и другихъ равныхъ съ ними женскихъ учебныхъ заведеній, принимаются на курсы послѣ испытанія въ мужскихъ гимназіяхъ изъ обоихъ древнихъ языковъ въ объемѣ гимназическаго курса, а окончившія курсы на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, по выдержаніи тамъ же установленнаго испытанія по латинскому и греческому языкамъ, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдавать таковыя, принимаются въ институтъ безъ экзамена. Въ институтѣ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы:

а) Анатомія; б) нормальная гистологія и эмбриологія; в) физиологія; г) общая патологія; д) частная патологія, терапія, врачебная діагностика и медицинская химія; е) химія органическая и неорганическая; ж) физика; з) минералогія, ботаника и зоологія (съ сравнительной анатоміей); и) фармакогнозія и фармація; і) фармакологія съ рецептурой, токсикологія и ученіе о минеральныхъ водахъ и водолеченіи; к) патологическая анатомія съ патологическою гистологіей; л) акушерство (съ клиниками); м) женскія болѣзни (съ клиниками); н) дѣтскія болѣзни (съ клиниками); о) гигиена; п) хирургія съ десмургіей; р) оперативное акушерство (въ акушерской

¹⁾ Положеніе основаній беру изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ вся исторія возрожденія курсовъ сообщается, повидному, по источникамъ officialнаго характера.

и гинекологической клиниках); е) сифилитология и дерматология (съ клиниками); т) офтальмология (съ клиниками); у) нервныя и душевныя болѣзни (съ клиниками).

Курсъ преподаванія продолжается 4 года и распределяется на 8 полугодій¹⁾. Зачетъ полугодій, полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся на одинаковыхъ основаніяхъ съ медицинскими факультетами, причемъ общій медицинскій курсъ засчитывается за 8 полугодій, а время, проведенное въ практическихъ занятіяхъ, за девятое и десятое полугодія. Окончившимъ курсъ института предположено выдавать дипломъ на званіе „женщина-врачъ“, предоставляющій имъ: а) право повсемѣстной свободной практики; б) въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, занимать повсемѣстно должности врачей при женскихъ учебныхъ, воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, а равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, и в) право быть допускаемыми къ завѣдыванію земскими медицинскими участками, сельскими больницами и пріемными покоями. Въ кругъ дѣятельности женщинъ-врачей не входитъ завѣдываніе общими больницами въ городахъ и дежурство въ нихъ, а также обязанности врачей въ присутствіяхъ по'воинской повинности и производство судебно-медицинской экспертизы по требованію судебныхъ учреждений. Наконецъ, при институтѣ можетъ быть учрежденъ особый курсъ для приготовленія лицъ женскаго пола къ фармацевтической дѣятельности.

Въ 1891 году представленіе объ открытіи женскаго медицинскаго института было внесено на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, который, соглашаясь въ принципѣ съ предположеніемъ министерства о пользѣ учрежденія женскаго медицинскаго института, тѣмъ не менѣе, находилъ, что учрежденіе его не вызывается государственною необходимостью, а потому должно быть поставлено въ зависимость отъ тѣхъ средствъ, которыя на этотъ предметъ будутъ собраны изъ частныхъ пожертвованій. По этимъ соображеніямъ, 3-го февраля 1892 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлялось министру народнаго просвѣщенія право внести уставъ женскаго медицинскаго института въ государственный совѣтъ, когда, во первыхъ, составлена будетъ полная и точная смѣта всѣхъ расходовъ, потребныхъ на матеріальное устройство института и на его содержаніе въ нормальномъ составѣ, и, во-вторыхъ, когда, соотвѣтственно съ этою смѣтой, образуется изъ частныхъ пожертвованій сумма, достаточная для покрытія расходовъ.

Во исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія было, подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, особое совѣщаніе, которое разсмотрѣло сдѣланный специалистами медиками и архитекторами, при ближайшемъ участіи доктора В. М. Тарновскаго, подробный расчетъ всѣхъ предстоящихъ расходовъ, причемъ

¹⁾ По окончаніи общаго медицинскаго образованія, слушательницы обязаны, отъ одного года до трехъ лѣтъ, заниматься практикой въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ и клиникахъ женскихъ и дѣтскихъ.

на устройство здания на землѣ, уступаемой с.-петербургскимъ городскимъ обществомъ при Обуховской женской больницѣ, и первоначальное обустройство института исчислено 220.238 рублей и на его содержаніе 63.000 рублей въ годъ.

На покрытіе этихъ расходовъ имѣется: 1) обязательство с.-петербургской городской думы о ежегодномъ отпускѣ по 15.000 рублей; 2) пожертвованныхъ капиталовъ: а) въ министерствѣ народнаго просвѣщенія 120.859 рублей, преимущественно пожертвованныхъ Л. А. Шанивскою, рожденною Родственною и А. Л. Шанивскимъ; б) въ с.-петербургской городской думѣ 192.429 рублей; в) въ военно-медицинскомъ управленіи 77.487 рублей; д) отчислено по завѣщанію подполковника Берха 185.715 рублей, всего 576.490 рублей, и 3) обязательствъ частныхъ лицъ на 173.000 рублей, по коимъ предвидится ежегодныхъ поступленій по 17.300 рублей въ годъ (въ теченіе 10 лѣтъ).

Производя изъ этой суммы отпускъ денегъ по третямъ на постройку зданій и первоначальное обустройство и начисляя на остальную сумму лишь 4%, министерство, за израсходованіемъ 223.870 рублей на постройку, будетъ имѣть въ остаткѣ къ январю 1897 года 387.000 рублей, а къ июлю того же года, когда можно приступить къ открытію института, — 397.740 рублей.

Проектъ министерства народнаго просвѣщенія слушался въ засѣданіи государственнаго совѣта 22-го апрѣля 1895 года и былъ принятъ почти цѣлкомъ. Только нѣкоторыя стороны этого проекта вызвали оживленныя пренія, такъ, напримѣръ, о необходимости испытанія по обоимъ древнимъ языкамъ при поступленіи въ институтъ. Этотъ пунктъ встрѣтилъ оппозицію въ государственномъ совѣтѣ, и было справедливо замѣчено, что знаніе, напримѣръ, греческаго языка не имѣетъ никакого значенія для врачебной практики. Однако, большинство на этомъ засѣданіи высказалось за сохраненіе изученія этого древняго языка. По мнѣнію „Недѣли“, въ данномъ случаѣ членами государственнаго совѣта руководилъ принципъ справедливости и желаніе приравнять повинности, наложенныя на мужчинъ съ повинностями женщинъ.

Кромѣ того, совѣтъ обратилъ вниманіе и на отсутствіе въ представленной программѣ преподаванія курсовъ ушныхъ и горловыхъ болѣзней, влѣдствіе чего и было постановлено предоставить министру народнаго просвѣщенія выдѣлять изъ перечисленныхъ въ программѣ предметовъ преподаванія особыя кафедры по мѣрѣ надобности и по мѣрѣ развитія средствъ института; равнымъ образомъ, расширена и компетенція женщинъ-врачей въ отношеніи къ производству судебно-медицинской экспертизы, по требованію судебныхъ учрежденій; подробности же, когда именно женщина-врачъ можетъ производить означенную экспертизу, поручено выработать министру народнаго просвѣщенія.

Къ сожалѣнію, женщины оказались устраненными отъ завѣдыванія больницами. Этотъ пробѣлъ въ ихъ правахъ можетъ вредно отозваться

на провинціи, гдѣ сплошь и рядомъ мужской врачебный персоналъ могъ бы съ величайшимъ успѣхомъ для дѣла быть замѣненъ энергичными и трудолюбивыми женщинами-врачами. По всей вѣроятности, тогда извѣстные „палаты № 6“ явились бы рѣдкимъ исключеніемъ въ жизни!

Высшее государственное учрежденіе, одобривъ проектъ министерства народнаго просвѣщенія, разсѣяло тѣ тревожныя сомнѣнія, которыя, подчасъ, овладѣвали русскимъ обществомъ, когда заходила рѣчь, быть или не быть въ нашемъ отечествѣ высшему медицинскому учебному заведенію для женщинъ. Такое сочувствіе и правительственныхъ органовъ, и частныхъ лицъ къ симпатичному стремленію интеллигентныхъ женщинъ посвятить свои силы на служеніе страждущему человѣчеству налагаетъ на нихъ нравственное обязательство употребить все силы, чтобы, подобно ихъ предшественницамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, оправдать возлагаемыя на нихъ надежды и упованія. И нѣтъ сомнѣнія, что такъ и сбудется: русская женщина уже доказала достаточно на протяженіи всей исторической жизни свое умѣнье служить ближнему и мужественно, съ терпѣніемъ и любовью осуществлять тѣ доблестныя подвиги, которые, по мнѣнію поэта, выше подвиговъ, проявляемыхъ въ сраженіяхъ и грубой борьбѣ. Въ поддержкѣ нравственной и матеріальной онѣ, конечно, недостатка не ощущаютъ, и предстоящій имъ тяжелый жизненный путь будетъ постоянно освѣщенъ неугасаемымъ свѣтомъ общей любви и горячей признательности.

1895 г.

Расширеніе образовательныхъ правъ женщинъ.

1.

ОСЕННИЙ сезонъ 1897 года печати открылся при обстоятельствахъ, чрезвычайно благоприятныхъ для обсужденія вопросовъ русскаго просвѣщенія. Изъ правительственныхъ сферъ послышалась громкіе и бодрые голоса, которые быстро, сочувственно и единодушно были подхвачены періодическою прессой—и вотъ столбцы газетъ и страницы журналовъ запестрѣли статьями, посвященными школьному дѣлу съ самыхъ разнообразныхъ точекъ освѣщенія и въ разнообразной постановкѣ вопросовъ. Особенно посчастливилось дѣлу техническаго и профессиональнаго образованія, такъ что вопросы, сюда входящіе и съ нимъ неразрывно связанные, обратились въ постоянную тему общественныхъ бесѣдъ.

Мнѣ хочется ознакомить читателей съ проектомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, относящимся къ „вопросу о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи“ и изложеннымъ въ № 23 „Извѣстій“, за 1897 г., означеннаго министерства. Моя задача на этотъ разъ повѣдать литературную исторію этого проекта, прослѣдить, какъ нѣкоторыя положенія его возникали и развивались въ нашей журналистикѣ, какъ отражалась судьба этого вопроса на фактахъ русской дѣйствительности, и какъ эти положенія постепенно оформились въ любопытный проектъ министерства земледѣлія. Такимъ образомъ характеръ настоящей статьи носитъ на себѣ явные признаки литературно-библіографическаго изслѣдованія, краткаго резюме того, что въ то или другое время умные люди говорили и что, наконецъ, стало содержаніемъ имѣющагося у меня отъ тиска любопытнѣйшей статьи изъ специальныхъ и малораспространенныхъ „Извѣстій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ“.

Предметъ статьи—вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ, поскольку онъ вытекаетъ изъ проекта министерства земледѣлія, и поскольку онъ отразился въ литературѣ, посвященной интересамъ русскаго просвѣщенія. Общая пресса, за послѣднее время, собственно не

выдвигала этого вопроса, такъ какъ предметъ его былъ исчерпанъ достаточно добросовѣстно въ минувшіе дни. Такимъ образомъ, пресса, какъ это и всегда бываетъ относительно явленій общественной жизни, значительно опередила событія дня и слѣдуя этой привычкѣ, въ настоящее время продолжаетъ вести себя въ томъ же направленіи. Она, успѣвъ уже достаточно обстоятельно намѣтить будущіе пути движенія женскаго профессиональнаго образованія и убѣдившись въ недостаточности этихъ путей, начала искать ихъ въ иныхъ подходящихъ для того областяхъ жизни. И въ этихъ своихъ поискахъ печать пришла въ самое послѣднее время къ очень любопытнымъ выводамъ.

„Новое Время“, которое никомъ образомъ, по многимъ обстоятельствамъ, не подлежитъ подозрѣнію въ „запгрываніи“ съ „женскимъ вопросомъ“, въ дѣльной статьѣ „Женщины и адвокатура“¹⁾ прямо ставитъ требованіе необходимости предоставить женщинамъ право ходатайства по дѣламъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Газета говоритъ:

„Въ опубликованномъ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры всѣ виды адвокатской дѣятельности женщинамъ строго возбраняются. При обсужденіи вопроса о присяжной адвокатурѣ никто изъ членовъ комиссіи, составившей проектъ, не поставилъ даже вопроса о томъ, къ какому полу могутъ и должны принадлежать присяжные повѣренные. Уже само собою предполагается, что присяжными повѣренными могутъ быть только лица мужскаго пола. Повидимому, такое предположеніе признается вполнѣ „естественнымъ“ потому, что у насъ нѣтъ женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которое является безусловно необходимымъ для присяжнаго повѣреннаго. Конечно, у насъ теперь не имѣется женщинъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, но отсюда не слѣдуетъ, что онѣ не объявятся въ ближайшемъ будущемъ. Раньше у насъ не было и женщинъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ, а теперь онѣ чуть ли не сотнями получаютъ это образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Заручившись дипломами за границей, онѣ держатъ окончательные государственные экзамены при испытательныхъ комиссіяхъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ. Заручившись русскимъ университетскимъ дипломомъ, онѣ ведутъ практику наравнѣ съ мужчинами. Вполнѣ возможно, что завтра же объявится русская женщина прямо докторъ правъ какого либо заграничнаго университета. Нельзя же ей отказать въ правѣ держать окончательный экзаменъ въ испытательной комиссіи нашего юридическаго факультета. По окончаніи этого экзамена, она, на ряду съ окончившими курсы студентами, будетъ добиваться себѣ пропуска къ карьерѣ присяжнаго повѣреннаго. Ей откажутъ на томъ основаніи, что женщина закономъ не предусмотрена въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Такое рѣшеніе вопроса будетъ вполнѣ законнымъ, но будетъ ли оно говорить что-либо въ пользу того закона, на которомъ оно будетъ основано?“

Разбирая вопросъ дальше, „Новое Время“ въ заключительной части приходитъ къ выводу, что:

„Трудно думать, чтобы дамы попытались пробовать свои силы въ рядахъ неприсяжной адвокатуры, то-есть въ роли частныхъ повѣренныхъ. Для частныхъ повѣренныхъ въ проектѣ будущаго устройства нашей адвокатуры не требуется аттестата объ окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а требуется выдержать испытаніе при судѣ въ комиссіи, состоящей изъ трехъ судей и представителя прокурорскаго надзора. Несомнѣнно, многія изъ образованныхъ дамъ, которыя вынуждены жить своимъ

¹⁾ № 7750, 1897 г.

трудомъ, пошли бы въ частные повѣренные. Второй отдѣлъ комиссiи по пересмотру судебныхъ уставовъ, разработывавшій проектъ положенiя объ адвокатурѣ, предвидя это обстоятельство, серьезно занялся обсужденiемъ вопроса о допущенiи женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ. Въ данное время, согласно ст. 406¹ учр. суд. уст., женщины ни въ какомъ случаѣ „не могутъ получать званiе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ“. Эта 406¹ статья не имѣетъ никакой органической связи съ началами судебныхъ уставовъ и представляетъ собою одно изъ позднѣйшихъ добавленiй основной 406 ст. „Учрежденiя судебныхъ установленiй“; она внесена въ силу Высочайше утвержденнаго постановленiя совѣта министровъ 14-го января 1871 года. Этотъ постановленiемъ предписывается воспретить приемъ женщинъ даже и по найму на канцелярскiя и другiя должности во всехъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденiяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенiю отъ начальства и по выборамъ. Поэтому комиссiя рѣшила дополнить проектъ положенiя объ адвокатурѣ статей 121¹, въ которой кратко, но прямо, сказано, что „женщины не могутъ получать званiе частнаго повѣреннаго“.

Къ этому рѣшенiю общаго собранiя комиссiи приложено особое мнѣнiе одного изъ ея членовъ, который сжато, но ясно отбѣнилъ все его слабыя стороны. Онъ указываетъ на то, что „общая государственная мѣра“, въ силу которой теперь возбраняется доступъ женщинамъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ, принята 25 лѣтъ тому назадъ, и что „она не коренится въ какихъ-либо непреложныхъ и устойчивыхъ положенiяхъ“. Четверть столѣтiя—такая давность, которая погашаетъ виды и намѣренiя правительства и открываетъ дорогу новымъ взглядамъ. Въ теченiе этого времени взглядъ правительства „на степень допустимости для женщинъ дѣятельности общественной не только могъ значительно измѣниться, но и измѣнился въ дѣйствительности... Между тѣмъ, единственно невозможностью подобнаго рода перемѣны оправдывалось бы молчанiе комиссiи по разсматриваемому вопросу. Во всякомъ другомъ случаѣ это молчанiе лишило бы законодательное учрежденiе необходимаго матеріала, исходящаго изъ вполне компетентнаго совѣщанiя“. Комиссiя по пересмотру судебныхъ уставовъ рѣшила лишить государственный совѣтъ этого „необходимаго матеріала“, вѣря въ неподвижность взглядовъ и намѣренiй правительства и воззрѣнiй законодательства. Вѣра нѣсколько своеобразная и едва ли отвѣчающая взглядамъ правительства на собственную дѣятельность и на роль законодательства въ дѣлѣ усовершенствованiя разныхъ сторонъ общественной жизни.

По мнѣнiю самой комиссiи, личный составъ частныхъ повѣренныхъ, однако, не стоитъ на высотѣ своего назначенiя. Сюда попадають люди разныхъ категорiй, не представляющiе особыхъ гарантiй по своему моральному и образовательному цензу. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что допущенiе женщинъ въ ряды частныхъ повѣренныхъ для очищенiя „вольной адвокатуры“ представляется весьма желательнымъ и практически весьма полезнымъ. Безспорно, въ частные повѣренные пошли бы женщины съ высокимъ образовательнымъ и моральнымъ цензомъ въ виду того, что и такимъ женщинамъ у насъ пути почти всюду заказаны.

Возвращаясь къ тому же вопросу черезъ нѣсколько дней, „Новое

Время“ въ отдѣлѣ „Маленькой хроники“ снова ставитъ вопросъ о пользѣ для общества допущенія женщинъ къ адвокатской практикѣ и говоритъ:

„На процессѣ Зеленко и Меранвила одна уголовная дама внимательно отмѣчала всѣ касационные поводы, будучи, очевидно, знакома съ уголовнымъ судопроизводствомъ. Во время перерывовъ, въ коридорахъ суда, она спорила съ адвокатами, энергически защищая свои „касаціонныя“ умозаключенія. Почему эта дама или подобныя ей не могли бы быть адвокатами? Изъ нихъ навѣрное вышли бы очень хорошіе, а, можетъ быть, и хорошенкые адвокаты. Если женщины могутъ быть практикующими врачами, то подавно онѣ могутъ быть практикующими адвокатами или даже судьями, прокурорами и присяжными заседателями. Судебная практика не потребуетъ отъ женщины той ломки и жертвъ, безъ которыхъ, на первыхъ порахъ, почти не обходится дѣятельность врача. Единственное пожертвованіе, приносимое адвокатомъ на алтарь, если не правосудія, то гонорара,—это пожертвованіе своей совѣстью, но, во-первыхъ, у большинства адвокатовъ совѣсть атрофирована, а во-вторыхъ, это пожертвованіе требуется лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то-есть при исключительно большомъ гонорарѣ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Петербургской губерніи, пользовалась извѣстностью одна женщина-адвокатъ, которая ухитрилась выскрывать полностью по такимъ документамъ, по которымъ адвокаты мужчины ничего выскрывать не могли. И не думайте, что она прибѣгала къ какимъ нибудь „особеннымъ“ мѣрамъ, совѣсть вѣтъ: она была только удивительно дѣятельной и ловкой, не досыпала, не доѣдала, ночи проводила въ дорогѣ, падая несправному кредитору, какъ сибѣ на голову, или какъ Наполеонъ, благодаря быстротѣ своихъ переходовъ, падала на неприятеля. Для адвоката особенно важна подвижность, а въ этомъ отношеніи женщина не только не уступаетъ мужчине, а даже его превосходитъ, особенно если есть въ виду хорошее матеріальное вознагражденіе. Будучи въ этомъ отношеніи избалована меньше мужчиной, женщина за одинаковое съ мужчиной вознагражденіе, или даже меньшее, способна на большую сумму работы, что если не для адвокатовъ, то для ихъ клиентовъ не лишено нѣкотораго значенія. Я вполнѣ понимаю, что адвокаты высказываются объ этомъ уклончиво или даже враждебно, но вѣдь они тутъ заинтересованная сторона и, слѣдовательно, слушать ихъ не приходится. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сдѣлать опытъ—на первыхъ порахъ допущенія женщинъ хотя бы въ число частныхъ повѣренныхъ“.

Я радъ, что самая распространенная и вліятельная газета, свободная отъ подозрѣнія въ союзахъ съ разными „измами“ и въ потворствѣ шаржированнымъ либеральнымъ вѣяніямъ времени, взяла подъ защиту юридическое образованіе женщинъ и ихъ натуральное, естественное право, наравнѣ съ сильной половиной рода человѣческаго, выступать передъ лицомъ суда на защиту поправныхъ юридическихъ правъ общества. Несомнѣнно, какъ только женщина будетъ допущена къ участію въ судебной защитѣ, произойдетъ къ лучшему кое-какая общественная, социальная перестройка, и исчезнутъ, въ силу конкуренціи, кое-какія ненормальныя явленія жизни. Очевидно, будетъ нанесенъ сильный ударъ пресловутымъ адвокатскимъ гонорарамъ, качественно поднимется составъ частныхъ ходатаевъ по дѣламъ, и все наше судопроизводство, подъ энергичнымъ и молодымъ натискомъ свѣжихъ силъ, пріобрѣтетъ ббльшую живость и, пожалуй, оригинальность. Кромѣ этого, здѣсь есть еще одна сторона дѣла и, по-моему, наиболѣе существенная: выиграетъ деревня, выиграетъ обездоленный крестьянскій людъ.

Мы, мужчины, въ силу многихъ условій исторической, соціальной и экономической русской жизни, позорно бѣжали изъ деревни и представили послѣ реформы 19-го февраля впервые-свободныхъ гражданъ Русской земли—многомилліонное крестьянство, его собственному усмотрѣнію, воздѣйствию на него такихъ силъ, съ которыми справиться было не по плечу и болѣе опытнымъ и искушеннымъ въ жизненной борьбѣ элементамъ, нежели младенчески-неопытнымъ, невѣжественнымъ составнымъ частямъ крестьянскаго села. Но вотъ понемногу, по рѣшительно, это село заявило, что ему собственными силами не сладить съ жизненной борьбой, и послышался душу раздирающій крикъ: дайте намъ школу, дайте просвѣщеніе, дайте просвѣтительныя орудія борьбы! И какъ только общество и государство приступили къ мобилизаціи нужной помощи и какъ только женщина оказалась не устраненною отъ дѣла, она явилась во главѣ сельскаго просвѣтительнаго движенія и геройски ринулась въ борьбу съ невѣжествомъ, борьбу, которая со временемъ будетъ золотыми буквами записана на скрижаляхъ нашей исторіи.

Женщина—народная учительница, женщина—земскій врачъ сдѣлали чудеса въ русской деревнѣ, и я увѣренъ, что ей предстоитъ еще совершить не мало чудесъ, какъ только откроется передъ ней доступъ къ юридическому образованію. Въ силу современныхъ условій борьбы за существованіе, въ силу переполненія состава городскихъ дѣятелей, она, со свойственной ей энергіей и любовью, со свойственнымъ ей самоотверженіемъ, ринется въ деревню и положитъ тамъ конецъ всѣмъ тѣмъ юридическимъ безобразіямъ, справиться съ которыми не пожелалось или оказалось не подъ силу ея братьямъ, мужьямъ и сыновьямъ.

II.

Но какъ бы тамъ дѣло юридическаго образованія женщинъ и ихъ правъ на общественные гастроли въ ампуа адвокатовъ или частныхъ ходатаевъ въ судебныхъ инстанціяхъ ни сложилось, самъ по себѣ этотъ вопросъ еще мало разработанъ въ печати: намѣтились лишь общіе принципы, детали же остались не выясненными. Такимъ образомъ, статья и замѣтка „Новаго Времени“, при всей ихъ содержательности и мѣткости, должны быть разсматриваемы въ качествѣ аванпостной перестрѣлки, предвѣщающей будущій бой, гдѣ примутъ, несомнѣнно, участіе ежемѣсячная журналистика, спеціальныя юридическія органы печати, а также,— что очень желательно въ интересахъ успѣха дѣла—„Русское женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербургѣ“. Оно должно разработать вопросъ всесторонне въ рядѣ рефератовъ и уже послѣ того явиться вполне освѣдомленнымъ ходатаемъ дѣла предъ общественнымъ мнѣніемъ и сильными міра сего.

Уже самое появленіе въ „Новомъ Времени“ цитированныхъ выше мнѣній и желаній по расширенію образовательныхъ правъ женщинъ слу-

жить несомнѣннымъ и благоприятнымъ показателемъ того, какъ далеко подвинулась мысль въ этой области, по сравненію съ тѣмъ, что имѣло мѣсто какихъ нибудь 25—30 лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, мнѣ укажутъ на литературныя работы и сочиненія, гдѣ авторы выступали съ еще болѣе рѣзкими мнѣніями и пылкими желаніями, чѣмъ нынѣ, но я этой категоріи печатнаго матеріала трогать не буду, такъ какъ онѣ носятъ характеръ соціальныхъ мечтаній и явились въ свое время продуктомъ модныхъ утопій, къ которымъ уже никто болѣе не возвращается. Наше время—время дѣловой разработки вопросовъ, со всеми отличительными чертами дѣловитости: концентричностью мысли, ея сухостью и практической прямолинейностью. По внѣшнему виду, съ точки зрѣнія „чувствительнаго сердца“, оно какъ будто и не совсѣмъ симпатично—согласенъ съ этимъ! но съ другой стороны, оно скорѣе и ближе приводитъ насъ къ желаннымъ результатамъ, къ намѣченнымъ цѣлямъ. А такъ какъ вопросы, которые я нынѣ обесуждаю, вопросы практической жизни, реальнаго дня, который не за горами, а на глазахъ, то я и мечтательныхъ утопій трогать не стану, а буду лишь касаться того, что носитъ характеръ дѣла.

Но извлекая тѣмъ не менѣе изъ-подъ спуда литературныхъ архивовъ сочиненія, которыя нѣкогда являлись передъ публикою въ формѣ дѣловыхъ программъ, я долженъ помянуть книгу А. Дауля (въ переводѣ П. Н. Ткачева и съ его предисловіемъ) „Женскій трудъ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности“, изданную въ періодъ разгара такъ называемой „женской эмансипаціи“ фирмой „Трубицкой и Стасовой“. Издательницы прекрасно понимали, какъ узка практическая программа Дауля, почему и сочли нужнымъ присоединить сюда предисловіе Ткачева, которое и должно было явиться для своего времени *profession de foi* женскаго вопроса, сводомъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые въ наши дни уже завоевали себѣ всеобщее право гражданства. Гвоздь же книги, во всякомъ случаѣ, лежалъ, съ точки зрѣнія „печатнаго матеріала“ и пракческаго документа, не въ предисловіи Ткачева, а въ самой книгѣ Дауля, которая, по свидѣтельству современниковъ, и явилась въ то время настольной практической книгой по женскому вопросу.

Какой же путь дѣятельности указываетъ Дауль женщинамъ? О, очень ограниченный—простыхъ чернорабочихъ, которымъ суждено потѣмъ физическаго труда и силою мускуловъ добывать себѣ собственный и самостоятельный кусокъ хлѣба. Онѣ не мечтаютъ о предоставленіи женщинамъ должностей бухгалтеровъ, кассировъ, контролеровъ въ промышленной жизни страны,—онѣ только стремятся указать тѣ разнообразныя колеса сложной машины индустріальной техники, гдѣ легче и скорѣе всего приладить женскій трудъ. Отсюда—и его бесѣды по вопросу о домашней прислугѣ и домашнихъ работахъ, о промыслахъ, въ видѣ чистки кисей, глаженія, о швейныхъ работахъ и производствахъ, связанныхъ съ

шитьемъ, и прочее и прочее. Темы бесѣдъ о подобныхъ цѣлннхъ занятіяхъ, конечно, въ наши дни никого не удовлетворяютъ, да и не представляются особенно нужными. Никто права на занятія означенными Даулемъ промыслами въ настоящее время не станетъ отрицать за женщинами, и отмѣченныя имъ рубрики отходятъ уже въ область программы низшихъ школъ домоводства, вслѣдствіе чего можетъ быть рѣчь не о принципѣ, а о наиболѣе цѣлесообразной организаціи этихъ школъ, которыхъ, кстати сказать, у насъ меньше, чѣмъ мало, но которыхъ, если бы и было вполне достаточно, то все же не настолько, чтобы поглотить всѣ сферы современныхъ женскихъ стремленій и домогательствъ.

Дѣло въ томъ, что русская жизнь складывается, по предъявляемому ей запросу на интеллигентный трудъ, крайне непланомѣрно, вслѣдствіе чего въ то время, какъ нѣкоторыя области явно страдаютъ отъ переполненія ихъ интеллигентными труженницами, другія влчатъ жалкое существованіе отъ недостатка такового. Быстрый ростъ капиталистическаго и бюрократическаго строя потребовалъ большого запаса дешевыхъ работниковъ, каковому запросу интеллигентные мужчины-работники удовлетворить не были въ состояніи. Рядомъ съ этимъ, другіе факторы соціальной и экономической жизни послѣднихъ 30-ти лѣтъ создали такое положеніе вещей, что на рынкѣ оказалась громадная толпа интеллигентнаго женскаго пролетаріата, обреченнаго на снисканіе себѣ трудового куска хлѣба. Очевидно, что эта масса и наполнила собою тѣ пустыя пространства, которыя остались свободны отъ мужского постоа. Но въ то время, какъ спросъ съ теченіемъ времени понемногу сокращался, ростъ продолжалъ, подъ воздѣйствіемъ разныхъ причинъ, усиливаться. Отсюда—значительное паденіе цѣны на трудъ и глухая упорная конкуренція между трудомъ мужскимъ и женскимъ, гдѣ естественно побѣда остается пока на сторонѣ сильной половины рода человѣческаго. На выручку послѣднимъ явился тотъ громко-сказавшійся опытъ, что женскій трудъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, по своей быстротѣ и качеству, стоитъ ниже мужскаго. Но такой печальный результатъ не испугалъ женщинъ; онѣ не забыли отбоя, да и куда же отступать, когда онѣ всюду стѣснены въ своемъ движеніи?—а заявили: „а коли мы недостаточно подготовлены, то подготовимся!“.

Отсюда, какъ неизбежное слѣдствіе всѣхъ отмѣченныхъ противорѣчій жизни и ея борьбы, родилось движеніе въ пользу коммерческаго образованія женщинъ, которое въ качественномъ отношеніи должно сравнять и интеллигентныхъ работниковъ и интеллигентныхъ труженицъ. Женщины, не ставя креста на элементарной программѣ Дауля, пошли далѣе и съ полнымъ сознаніемъ своей профессиональной равноправности поставили свою кандидатуру на такія отвѣтственныя должности и мѣста въ капиталистическихъ учрежденіяхъ, банковыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ, которыя донныи считались своего рода наслѣдственными должностями мужского пола. Кандидатуры покаместъ еще только поставлены

жизнью, но ею не выбаллотированы, но смѣю увѣрить, что рано или поздно господамъ бухгалтерамъ, контролерамъ, кассирамъ, ревизорамъ, дѣлопроизводителямъ и помощникамъ оныхъ грозитъ печальная катастрофа, которая жестоко посмѣется надъ ихъ былою гордостью, сомнѣніемъ и самонадѣянностію.

Вѣдь, правда, будемъ безпристрастны и отвѣтимъ съ полной откровенностію на слѣдующій вопросъ: развѣ нормально то явленіе, которое мы наблюдаемъ каждый день, входя въ любое учрежденіе, когда видимъ за желѣзными рѣшетками здоровенныхъ мужчинъ, нѣжно шелестящихъ бумажными денежными знаками, акціями и облигаціями или звякающими звонкой монетой? Конечно, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда хочется крикнуть этимъ почтеннымъ дѣятелямъ: „Господа! довольно посидѣли на вашихъ выгодныхъ мѣстахъ! Встаньте, освѣжитесь и поищите какого нибудь иного примѣненія вашему здоровому мускуламъ! Уступите теперь ваши выгодныя мѣста интеллигентнымъ труженицамъ, которыя не знаютъ, гдѣ найти сносный кусокъ хлѣба, и которыхъ вы такъ долго держали въ непозволительно-черномъ тѣлѣ!“

Такъ оно рано или поздно и сбудется: уйдутъ отсюда мужчины, а денежные бумажки и металлическіе знаки будутъ исправно, не хуже прежняго, шелестѣть и звякать въ работѣ болѣе нѣжныхъ пальчиковъ. И женщины это прекрасно предвидятъ, жалѣя только, что еще приходится долго ждать и терпѣть. А подождать придется, такъ какъ, хотя приступъ къ основанію у насъ коммерческихъ школъ для женщинъ и сдѣланъ, но это только приступъ, и притомъ очень короткій.

Дѣло школьнаго образованія, и общаго, и спеціальнаго, и высшаго, и низшаго, какъ извѣстно, стоитъ у насъ по всѣмъ статьямъ чрезвычайно неудовлетворительно; мы все еще прилаживаемся, дѣлаемъ эксперименты и горимъ „благими порывами“, но во всякомъ случаѣ „горимъ“, и въ этомъ, какъ уже сказано въ началѣ статьи, я усматриваю добрые симптомы будущаго вѣдра въ школьной атмосферѣ. Вопросы технического, профессиональнаго и, въ частности, коммерческаго образованія въ текущіе дни выдвинуты съ особенною силою и взяты подъ покровительство такими вліятельными и сильными людьми, какъ министръ финансовъ С. Ю. Витте, товарищъ министра путей сообщенія, генераль-лейтенантъ Н. П. Петровъ, директоръ департамента мануфактуръ и торговли, В. И. Ковалевскій, проф. Д. И. Менделѣевъ и другіе. Можно поэтому надѣяться, что вопросъ въ этой области не замретъ, и всякіе случайные тормазы здѣсь благополучно будутъ устранены. Къ организаціи правильной постановки коммерческаго образованія уже съ годъ времени приступлено, и слухи, исходящіе по настоящему предмету изъ учебнаго отдѣла департамента мануфактуръ и торговли, обѣщаютъ многое доброе.

Въ Западной Европѣ, конечно, картина состоянія коммерческаго образованія много отраднѣе, нежели у насъ, и то, что сообщаетъ по настоящему предмету г. Александръ Острогорскій въ своей любопытной книжкѣ

„Коммерческое образованіе, его современная организація на Западѣ и возможная постановка въ Россіи“, можетъ служить для нашего общества полезнымъ указаніемъ и примѣромъ, достойнымъ подражанія. Авторъ обрисовываетъ (1 ч.) коммерческое школьное обученіе, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, въ Австріи, Венгріи, Франціи, Германіи и Швейцаріи и ведетъ свою работу по слѣдующему плану: Каждую главу, гдѣ идетъ описаніе той или другой страны, онъ начинаетъ краткимъ очеркомъ, сопровождаемымъ статистическими данными организаціи существующихъ въ данной странѣ начальныхъ и среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ, въ главѣ слѣдуетъ сжатое изложеніе исторіи развитія коммерческаго образованія въ данной странѣ и возможно полное, но безъ излишнихъ подробностей, ознакомленіе читателей съ различными типами коммерческихъ учебныхъ заведеній, ихъ учебными планами и программами.

Книга г. Острогорскаго посвящена заграничному коммерческому образованію вообще, безъ выдѣленія отсюда спеціально-женскаго, но и въ этомъ видѣ она легко можетъ быть приурочена къ занимающему насъ вопросу, такъ какъ и для данной цѣли отсюда можно почерпнуть немало полезныхъ указаній. Къ сожалѣнію, второй части интересной работы г. Острогорскаго не имѣется пока въ продажѣ, почему я не въ состояніи, по неимѣнію иного хорошаго источника, воспользоваться опредѣленными и систематическими данными, относящимися до русской жизни. Но, судя и по случайнымъ, разбросаннымъ въ современной печати, указаніямъ, можно утвердительно сказать, что до послѣдняго времени, до поступленія этого дѣла въ энергичное вѣдѣніе нынѣшняго управленія департамента торговли и мануфактуръ, вопросъ этотъ стоялъ очень неудовлетворительно, и русская жизнь въ этомъ отношеніи представляла собою буквально голую степь. Иначе теперь: дѣлу данъ сильный толчекъ и, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, оно должно принести въ недалекомъ уже времени осязательные результаты.

Что касается частнаго почина въ настоящемъ дѣлѣ, то, имѣя въ виду спеціально женское коммерческое образованіе, онъ выражается въ учрежденіи съ января 1896 г. „профессіональной школы для образованныхъ женщинъ“ А. Н. Прокопе, гдѣ имѣется спеціальный курсъ бухгалтеріи, на коемъ къ концу учебнаго семестра слушали лекціи 34 ученицы, изъ коихъ 24 окончили полный курсъ со свидѣтельствомъ; 17 изъ нихъ уже получили подходящія мѣста.

Къ величайшему удивленію, изъ числа окончившихъ здѣсь курсъ никто не пожелалъ ѣхать на предложенныя должности въ провинцію, несмотря на то, что оттуда былъ спросъ. Мотивами отказа, какъ свидѣтельствуешь въ своемъ отчетѣ г-жа Прокопе, было нежеланіе „взять мѣсто въ отъѣздѣ“.

Въ томъ же 1896 году были утверждены министерствомъ финансовъ „женскіе коммерческіе курсы“ П. О. Ивашинцевой съ цѣлью „дать тео-

ретическое образованіе, необходимое для занятій въ торгово-промышленныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ“. Предметы преподаванія раздѣляются на: а) обязательные и б) необязательные.

Обязательные предметы суть: коммерческія вычисленія, счетовѣдѣніе, коммерческая корреспонденція русская, политическая экономія, коммерческая географія, очеркъ исторіи торговли, законовѣдѣніе и каллиграфія.

Необязательные предметы суть: 1) коммерческая корреспонденція на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 2) коммерческая корреспонденція на другихъ языкахъ, преподаваемая за особу плату, и 3) товаровѣдѣніе.

Сверхъ обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ на курсахъ, съ разрѣшенія министерства финансовъ, могутъ быть вводимы, по мѣрѣ надобности и по указанію опыта, дополнительные предметы, какъ-то: черченіе, стенографія, упражненіе на печатной и пишущей машинахъ и проч. Полный курсъ ученія продолжается два года.

Недурно поставлено дѣло на „счетоводныхъ курсахъ“ фирмы „Счетоводъ“ Езерскаго, радушно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. „Курсы“ эти ставятъ своею задачею быть практическою конторою, въ которой занимающіеся могутъ получать практическую подготовку по всѣмъ отраслямъ счетоводства, именно: торговаго, земскаго, сельско-хозяйственнаго, фабричнаго, заводскаго, банковаго, ремесленнаго, винной монополіи и т. д. По свидѣтельству „отчета“ курсовъ, „самыми внимательными и аккуратными въ посѣщеніи лекцій курсовъ были учителя и учительницы начальныхъ городскихъ и техническихъ училищъ“.

Къ сожалѣнію, ни изъ отчетовъ „Счетовода“, ни изъ личныхъ разспросовъ мнѣ не удалось почерпнуть указаній, поскольку „аккуратныя и внимательныя“ слушательницы курсовъ Езерскаго пашли приложеніе своимъ знаніямъ въ практикѣ жизни; но мнѣ важно въ данномъ случаѣ для моего бѣглаго очерка отмѣтить лишь, что женщина ищетъ уже коммерческаго образованія и не остановилась передъ затратой труда, чтобъ явиться на арену конкурентной борьбы съ мужчиной во всеоружіи необходимаго профессиональнаго знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ того какъ мужчины станутъ, уступая требованіямъ времени, усовершенствоваться въ области коммерческаго образованія, разовьется и женская инициатива въ той же области, разовьется и количество женскихъ коммерческихъ курсовъ. Такимъ образомъ, изъ самаго факта обнаруженія инициативы, изъ нѣсколькихъ примѣровъ, подтверждающихъ ея существованіе, мы несомнѣнно убѣждаемся, что развитіе „женскаго вопроса“ въ его реальной постановкѣ, въ его фактическихъ проявленіяхъ сдѣлало по сравненію съ элементарной программой Дауля значительные успѣхи, обнаружило серьезное прогрессивное развитіе.

Но вотъ вслѣдъ за стремленіемъ къ коммерческому образованію въ наши, сегодняшніе, дни проявилось и стремленіе женщинъ къ полученію серьезныхъ юридическихъ познаній, послышалось требованіе о предоста-

вленіи женщинамъ правъ ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. Да такъ оно и должно было случиться.

Я уже говорилъ о переполненіи разныхъ учрежденій капиталистическаго характера съ промышленными цѣлями интеллигентными труженицами. Все труднѣе и труднѣе становится тутъ найти себѣ мѣсто и заработокъ, все плотнѣе и плотнѣе затворяются здѣсь двери подъ напоромъ голодной толпы, состоящей одинаково и изъ мужчинъ и женщинъ, и все чаще красуются на этихъ дверяхъ многозначительныя надписи: „свободныхъ вакансій не имѣется“. И если мужчины, въ чьихъ распоряженіяхъ, подъ сильнымъ покровительствомъ общества и правительства, есть многообразные пути къ выходу изъ тяжелаго положенія, то куда же идти предоставленной собственному усмотрѣнію женщинъ? Старый строй жизни дореформенной патріархальной Россіи рухнулъ безвозвратно, а съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и вѣрный достатокъ привилегированныхъ классовъ. Теперь всей наличной семьѣ приходится изыскивать средства къ жизни для мало-мальски обеспеченнаго существованія; теперь о дѣвущкѣ перестаютъ, даже по простой невозможности, заботиться близкіе ей люди, и она силою обстоятельствъ вынуждена сама трудиться. Пусть мнѣ не указываютъ на тѣ случайные факты, когда дѣвущки ищутъ жалованья исключительно „на туалетъ“, „на лишнюю элегантную шляпку“ и „лишнюю пару перчатокъ“—такія несомнѣнно есть, какъ равно, если не больше, имѣются и мужчины, обладающіе приличными доходами съ имѣній и тѣмъ не менѣе жадно хватающіеся за казенные и иные оклады. Несправедливости жизни всегда и вездѣ были, есть и будутъ, но онѣ должны быть разсматриваемы, какъ исключенія. А если ужъ будутъ настаивать на парадоксѣ о „туалетахъ“ и „перчаткахъ“, то тутъ по всей справедливости можно будетъ отвѣтить такъ: въ томъ, что дѣвущка даже изъ обеспеченной семьи ищетъ себѣ трудной и честной работы и не желаетъ обременять своими капризами семью, дурного по существу ничего нѣтъ; но что мужчина, имѣющій и безъ того свободный достатокъ, цѣпляется за 20-е число—это дурно.

Итакъ, женская служба въ канцеляріяхъ разныхъ учрежденій не можетъ уже удовлетворить всѣхъ ее ищущихъ—спросъ разошелся съ предложеніемъ, а отсюда является логическимъ слѣдствіемъ исканіе новыхъ сферъ дѣятельности. Юридическая уже намѣтилась; намѣчается еще и иная, оригинальная, но вполнѣ законная и естественная, о которой сегодня и должна идти рѣчь. Я разумѣю сельско-хозяйственную.

III.

Вопросъ о рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи—большой вопросъ, имѣющій свою длинную исторію. Касаться его я не стану, какъ равно не буду пересчитывать всего нынѣ предпринимаемаго для уврачеванія болѣзни. Отмѣчу лишь, что однимъ изъ главныхъ средствъ къ

выходу изъ запутаннаго и тяжелаго положенія всеми единодушно признана необходимость правильной постановки дѣла сельско-хозяйственнаго образованія и значительнаго увеличенія учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ, вѣдающихъ означенную отрасль русской жизни. Естественно поэтому, что когда эта истина была признана и правительство приступило къ организациі сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, явился самъ собою вопросъ, уже давно искавшій своего рѣшенія въ практикѣ жизни, какъ же быть съ женщинами, которыя играютъ у насъ такую крупную роль въ качествѣ землевладѣлицъ среди привилегированныхъ сословій и въ качествѣ простыхъ рабочихъ въ крестьянской средѣ? Вопросъ потребовалъ отвѣта, а отвѣтъ сказалъ: надо наравнѣ съ мужчинами позаботиться и о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ и создать для нихъ въ тѣхъ видахъ потребныя сельско-хозяйственныя школы.

Отвѣтъ этотъ по существу такой естественный, простой и несложный, считается многими, какъ мнѣ не разъ самому приходилось слышать, смѣшнымъ, вздорнымъ, смахивающимъ на „глупую бабью затѣю“. И говорятъ въ такомъ духѣ люди интеллигентные, образованные, стоящіе близко къ руководству русскимъ просвѣщеніемъ. Происходитъ это, конечно, по недоразумѣнію, по нежеланію съ ихъ стороны вникнуть хорошенько въ дѣло и уяснить себѣ, въ чемъ суть. А суть эта очень несложная.

Профессоръ И. А. Стебуть посвятилъ настоящему вопросу чрезвычайно интересную статью въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“¹⁾ подъ заглавіемъ „Нуждается ли русская интеллигентная женщина въ специальномъ сельско-хозяйственномъ образованіи?“, гдѣ даетъ очень обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Выяснивъ сначала значеніе вообще сельско-хозяйственнаго образованія и ту крупную роль, которая ему суждена въ судьбахъ русской жизни, почтенный ученый переходитъ къ разсмотрѣнію положенія женщины въ крестьянской средѣ и говоритъ:

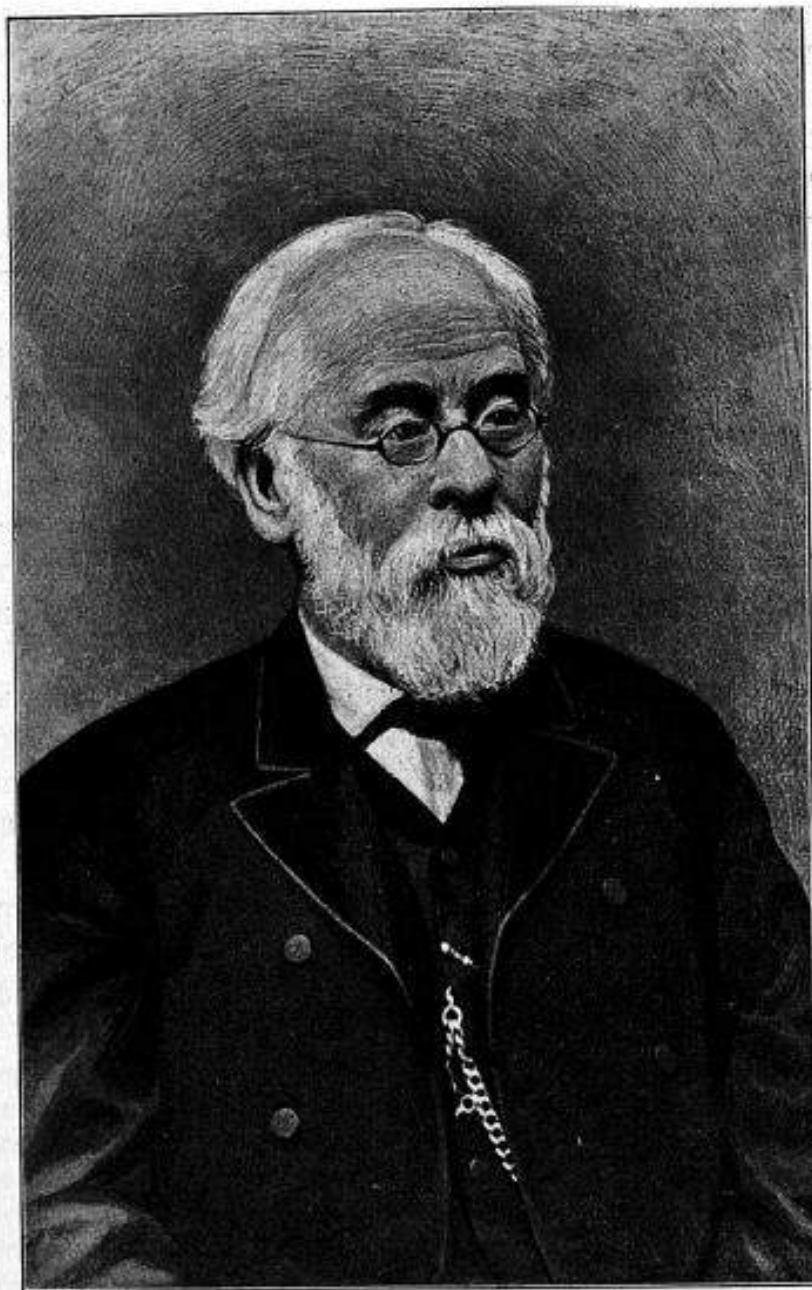
„Въ крестьянскомъ хозяйствѣ играетъ весьма важную роль женщина; положеніе крестьянки большею частію труднѣе положенія крестьянина: она обременена нерѣдко круглый годъ весьма тяжелой, иногда непосильной работой—говорить онъ. Она должна вскормить и вынянчить дѣтей, истопить печь, прибрать избу, испечь хлѣбы, сготовить себѣ пищу, обшить себя и дѣтей, сшить бѣлье мужу, изготовить нужный для семьи холстъ, спрядь шерсть, соткать сукно, постирать и починить бѣлье, накормить коровъ и овецъ, подоить первыхъ и постричь вторыхъ, выходить телятъ и ягнятъ, вести птицу, справить работы по огороду, жать и вязать хлѣбъ, молотить и раздѣлывать его, убирать сѣно, брать лёнъ, коноплю, полоть, убирать картофель, а иногда въ отсутствіи мужика пахать землю и косить хлѣбъ“.

Многія изъ этихъ занятій по условіямъ настоящаго времени требуютъ уже не только одного опыта, но и знанія, которое отсутствуетъ въ крестьянской средѣ и о пополненіи котораго въ наши дни хлопочетъ

¹⁾ 1891 г., №№ 4—5.

государство и общество; знаніе, приобрѣтенное школой, подниметь всю культуру среды и уничтожить, смягчить всѣ тѣ многочисленныя аномаліи, которыми страдаетъ деревня. Но крестьянство, — утверждаетъ профессоръ Стебуть:

„Для того, чтобы устроиться лучше, должно не только

И. А. Стебуть.

стать грамотнымъ, умственно развитымъ, но должно воспитаться въ другихъ понятіяхъ, потому что только соответствующее образованію воспитаніе можетъ улучшить дѣятельность человѣка. Въ воспитаніи же первенствующую роль, и по времени, и по силѣ, имѣетъ мать; а потому необходимо привлечь въ школу крестьянскую дѣвочку. Но матерью и школой съ школьнымъ учителемъ не исчерпывается для крестьянина воспитывающая его среда; ее составляютъ далѣе духовенство, судъ, администрація, полиція, сельскій хозяинъ, частный землевладелецъ, съ которыми крестьянство приходитъ постоянно въ соприкосновеніе. Для того же, чтобы эта среда могла содѣйствовать перевоспитанію крестьянина къ лучшему, необходимо, чтобы она была по возможности близко

знакома со всѣми сторонами крестьянской жизни и съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ главной промышленностью нашего крестьянства; чтобы ей при воспитаніи была внушена любовь къ сельской жизни и сельскому обывателю; чтобы она была умственно, а главное нравственно, на высотѣ своего призванія выполнить такую задачу; чтобы она сама стала лучше; чтобы она, какъ болѣе интеллигентная часть населенія, не только словомъ, но и дѣломъ, всей своей жизнью, могла вліять

хорошо на крестьянство, служить ему достойнымъ подражаніемъ примѣромъ, такъ чтобы крестьянство могло у нея перенять что-либо лучше теперешняго стремленія къ внѣшнему щегольству. Въ этомъ отношеніи особенно высоко призваніе сельскаго хозяина—частнаго владѣльца, стоящаго ближе всего къ крестьянству и имѣющаго самыя частыя сношенія съ нимъ“.

Но чтобы этотъ землевладѣлецъ могъ дѣйствительно воздѣйствовать на крестьянскую массу и личнымъ примѣромъ и примѣромъ своего образцоваго хозяйства, онъ долженъ быть самъ образованъ и надлежаще воспитанъ, долженъ вернуться въ деревню и снова прочно и крѣпко осѣсть на мѣстѣ.

Очертивъ въ яркихъ чертахъ бѣгство помѣстнаго дворянства, г. Стебуть замѣчаетъ, что:

„Въ этомъ бѣгствѣ изъ деревни несетъ большую отвѣтственность наша интеллигентная женщина, которая, въ силу полученнаго ею воспитанія, не могла мириться съ деревенской жизнью, съ сельскимъ хозяйствомъ, оставлявшими пустоту въ ея духовномъ мірѣ и неспособными удовлетворить привоспитаннаго ей тщеславія. Конечно, съ уменьшеніемъ мѣстнаго интеллигентнаго населенія уменьшился спросъ на извѣстныя удобства жизни: на школу, медицинскую помощь, пути сообщенія, почтовые учрежденія, а слѣдовательно замедлилось развитіе средствъ удовлетворенія спроса на такія удобства. Поэтому не помѣстное дворянство бѣжало изъ деревни, вслѣдствіе отсутствія въ деревнѣ удобствъ жизни, а наоборотъ — развитіе этихъ послѣднихъ замедлилось вслѣдствіе бѣгства изъ деревни перваго. Оставшіеся затѣмъ все еще въ имѣніяхъ частныя землевладѣльцы продолжали вести хозяйство съ тѣмъ запасомъ знаній, который имѣлся отъ времени крѣпостнаго права и обогащался изученіемъ вѣдомаго ими дѣла, и съ тѣми денежными средствами, которыя добывались банковыми ссудами подъ залогъ имѣній. Но наступившее пониженіе цѣвъ съ половины 80-хъ годовъ подвергло самому строгому испытанію знанія и силы этихъ хозяевъ, и часть этихъ послѣднихъ, не выдерживая испытанія, должна была также покинуть свои помѣстья“.

Такое положеніе дѣлъ почтенный г. Стебуть считаетъ неестественнымъ и вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ: земля, землевладѣлецъ не можетъ оставаться безъ образованной интеллигенціи; помѣстное дворянство должно снова вернуться назадъ, и починъ такому возвращенію должна положить женщина, которая этимъ самымъ отвѣтитъ великому спросу деревни на интеллигентныя силы“. Итакъ, спросъ на интеллигентныя силы съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, со стороны улучшенія положенія нашего сельскаго хозяйства, громаденъ!—воскликаетъ г. Стебуть.

„Неужели же, въ виду его, русская интеллигентная женщина, которая даже безъ сельскохозяйственнаго образованія, а съ однимъ лишь сельскохозяйственнымъ воспитаніемъ и кое-какою опытностью, вела во многихъ случаяхъ хозяйство и доказала самымъ блестящимъ образомъ свою способность къ научному образованію, не найдетъ болѣе обширнаго и плодотворнаго примѣненія своего труда въ сельскомъ хозяйствѣ, получивъ сельскохозяйственное образованіе? Множество частновладѣльческихъ хозяевъ, принадлежащихъ женщинамъ, или такихъ, которыя не могутъ вестись почему либо своими или наемными мужскими силами, найдутъ себѣ прекрасныхъ хозяевъ въ женщинахъ съ высшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ. Съ болѣе широкимъ развитіемъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія, женскому вѣдѣнію могутъ быть поручены, кромѣ поручаемыхъ ему теперь отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то: молочнаго хозяйства, маслодѣлія, сырова-

решиа, воспитаніе молодаго скота, птицеводства, огородничества, еще и садоводство и, что я желать бы особенно подчеркнуть въ этомъ мѣстѣ, счетоводство и конторская часть, не находящія себѣ въ настоящее время, особенно въ среднихъ хозяйствахъ, подходящихъ лицъ. Неужели нельзя будетъ считать въ высшей степени полезнымъ для общества, если съ развитіемъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія женщина, затрудняющаяся теперь въ пріисканіи себѣ куска хлѣба, найдетъ, себѣ хорошій заработокъ въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, не знающая теперь къ чему приложить руки, найдетъ для этихъ послѣднихъ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ; если женщина, сосредоточивающая теперь, свою благотворительную дѣятельность въ городахъ, перенесетъ эту дѣятельность въ нану обездоленную деревню; если она, наконецъ, внесетъ въ деревенскую жизнь нравственно-эстетическое чувство и согрѣетъ и ободритъ ее своею любовью“.

Развивая въ строгой логической послѣдовательности свою главную мысль о роли женщины въ судьбахъ сельскаго хозяйства и въ качествѣ собственницы - управительницы имѣніемъ и въ качествѣ друга - помощницы мужа, г. Стебуть въ конечномъ выводѣ приходитъ къ заключенію, что пора уже въ интересахъ, русскаго благосостоянія, приступить къ организаціи у насъ рациональнаго сельскохозяйственнаго образованія женщинъ. „Итакъ, — говоритъ онъ, — сельскохозяйственное образованіе женщины есть первая мѣра, по моему убѣжденію, къ тому, чтобы создать у насъ хорошаго хозяина и удержать его на мѣстѣ въ хозяйствѣ. Конечно, эта мѣра, отъ которой мы не можемъ ждать такихъ быстрыхъ плодовъ, но именно поэтому и необходимо спѣшить ся принятіемъ, чтобы тѣмъ раньше дождаться ея результатовъ. Не могу не замѣтить въ этомъ мѣстѣ, что и распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ нашемъ духовенствѣ слѣдовало бы начать не съ семинарій, а съ епархіальныхъ женскихъ училищъ“. Такимъ образомъ, профессоръ приходитъ къ неизбежному отвѣту, что сельскохозяйственное образованіе женщинъ должно быть не только ремесленнымъ, низшимъ, но и среднимъ, и въ особенноти научнымъ, высшимъ.

Бросивъ нѣсколько мыслей по вопросу объ организаціи низшаго, средняго и высшаго сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ, г. Стебуть внимательно останавливается на послѣдней категоріи и, переходя отъ общихъ соображеній къ указаніямъ практическаго свойства, — говоритъ:

„Научное сельско-хозяйственное образованіе труднѣе достижимо. Оно предполагаетъ изученіе научныхъ основъ сельскаго хозяйства, слѣдовательно, естественныхъ наукъ, политической экономіи и специальныхъ сельскохозяйственныхъ и вспомогательныхъ дисциплинъ. Имѣя въ виду, что изученіе первыхъ требуетъ извѣстныхъ специальныхъ учебныхъ пособій, которыхъ устройство въ деревнѣ стоило бы дорого; въ городѣ же можно воспользоваться готовыми, да и легче имѣть здѣсь преподавателей этихъ предметовъ, я предполагалъ бы, что естественно-научныя и политико-экономическія основы сельскаго хозяйства, въ видѣ введенія въ соотвѣствующія сельскохозяйственныя дисциплины, какъ-то: ботаника въ видѣ введенія въ земледѣліе общее и частное, зоологія, въ видѣ введенія въ общую и частную зоотехнику (скотоводство), минералогія съ геогнозіей и геологіей, въ видѣ введенія въ почвовѣдѣніе; политическая экономія, въ видѣ введенія въ сельско-хозяйственную экономію, могли бы быть изучаемы въ зимніе мѣсяцы въ городѣ — для начала въ

Москвѣ. Здѣсь въ то же время могли бы излагаться основы химіи и физики и нѣкоторыя сельско-хозяйственныя дисциплины, какъ-то: почвовѣдѣніе, ученіе объ удобреніи, общія зоотехнія и сельско-хозяйственныя дисциплины: ученіе объ обработкѣ почвы, уходъ за растеніями, полеводство, луговоеводство, садоводство и огородничество, лѣсоводство, частная зоотехнія, маслодѣліе, сыровареніе, домашнее хозяйство, землемѣріе—въ деревнѣ; какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, теоретическое преподаваніе должно сопровождаться соответствующими практическими занятіями. Курсъ долженъ продолжаться 2½ года: два зимнихъ семестра (1-й и 3-й) въ городѣ, два лѣтнихъ (2-й и 4-й) и одинъ зимній (5-й) въ деревнѣ. Лѣтній семестръ начинается примѣрно съ 1 апрѣля и продолжается до 10 октября; зимній же съ 1 октября до 1 апрѣля, съ соответствующими промежутками времени въ каждомъ изъ нихъ для каникулъ. Къ изученію сельско-хозяйства въ предполагаемемъ женскомъ учебномъ заведеніи, назовемъ его женскимъ сельско-хозяйственнымъ училищемъ, могутъ быть допускаемы всѣ желающія, которыхъ подготовка для прохожденія учебнаго курса училища будетъ найдена педагогическимъ совѣтомъ училища достаточной; въ случаѣ же тѣсноты преимущество должно быть отдано тѣмъ, которые, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, будутъ представлять больше ручательства въ успѣшномъ прохожденіи курса училища. Преподаваніе должно обезпечиваться достаточнымъ числомъ преподавателей, изъ которыхъ одни, преимущественно спеціалисты, должны посвятить свои силы по возможности исключительно этому училищу и вести какъ въ городѣ, въ зимніе семестры, такъ и въ деревнѣ, въ лѣтніе семестры, теоретическое преподаваніе и, кромѣ того, руководить соответствующими практическими занятіями. Учебной частью школы долженъ завѣдывать педагогическій совѣтъ подъ предѣдательствомъ одного изъ спеціалистовъ, наиболѣе посвятившихъ себя дѣлу школы; хозяйственною же частью школы можетъ завѣдывать особый комитетъ при участіи одного предѣдателя педагогическаго совѣта“.

Таковы главныя положенія обстоятельной и сильной статьи г. Стебута въ защиту женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, статьи, которая въ настоящіе дни обращаетъ на себя особенное вниманіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и которой, повидимому, принадлежитъ вліятельная роль въ рѣшеніи вопроса объ учрежденіи указанныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ.

IV.

Работа проф. А. И. Стебута, изслѣдовавшая всесторонне вопросъ и намѣтившая даже конспективный планъ къ его осуществленію, была напечатана въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1891 г., сброшюрована въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ и разслана авторомъ его ученикамъ-агрономамъ и дѣятелямъ русскаго сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, это былъ первый шагъ къ серьезной агитаціи по интересовавшему профессора вопросу, почему и означенной статьѣ въ лѣтописяхъ женскаго просвѣщенія должно быть отведено почетное и заслуженное мѣсто. Но еще раньше на 5 лѣтъ г. Стебута по тому же вопросу выступилъ въ „Областномъ отдѣлѣ“ того же „Сѣвернаго Вѣстника“ временъ г-жи Евреиновой нѣкто г. А. А., оказавшійся впоследствии г. Армфельдомъ, съ небольшою замѣткой подъ заглавіемъ „Замѣтка о жен-

скомъ сельско-хозяйственномъ образованіи“, гдѣ, предвосхищая общія соображенія, развитія вполнѣдствіи г. Стебутомъ относительно значенія въ жизни сельскаго хозяйства просвѣщенной дѣятельности интеллигентной женщины, онъ тогда же въ сжатыхъ положеніяхъ прямо подступилъ къ составленію самого проекта организаціи женскаго спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія. По мнѣнію автора „Замѣтки“:

„Школа должна быть соединена съ сельско-хозяйственной фермой, хозяйство которой должно быть достаточно разнообразно, обширно и типично для частновладѣльческихъ хозяйствъ нечерноземной полосы. Въ виду экономическихъ соображеній и гарантій большей сознательности выбора профессіи поступающими, желательно ограничиться преподаваніемъ однихъ лишь естественныхъ наукъ и спеціальныхъ предметовъ, не тратя времени и средствъ на общеобразовательные предметы. Потребность въ такой школѣ столь велика и ощутительна, что смѣло можно требовать отъ поступающихъ окончанія курса въ гимназіяхъ, институтахъ, лучшихъ епархіальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и подобныхъ имъ заведеніяхъ; такія могутъ быть принимаемы безъ экзамена, равныя же имъ по образованію, но получившія его дома, подвергаются пріемному экзамену. Самый родъ профессіи, требующей здороваго и сильнаго организма, обуславливаетъ возможность пріема лишь вполнѣ здоровыхъ и хорошо физически-развитыхъ дѣвушекъ. Возрастъ поступающихъ будетъ неминуемо соответствовать обычному для окончанія гимназическаго курса возрасту; желательно бы, хотя бы на первое время, не лишать возможности поступать въ заведеніе и старшихъ возрастомъ, хотя бы на правахъ вольнослушательницъ. Наиболѣе цѣлесообразная продолжительность курса три года. Не предрѣшая вопроса о разрядѣ такой школы, такъ какъ для женскаго учебнаго заведенія это не имѣетъ существеннаго значенія, все-таки желательно наиболѣе практическое направленіе преподаванія, желательно, чтобы ученицы всѣ доступныя ихъ силамъ работы продѣлали собственными руками, чтобы теоретическій курсъ продолжался лишь, пока не оживутъ поля, луга, сады и лѣса, а затѣмъ книги въ столъ и идти учиться на лоно природы. Такой образъ жизни, да и самый характеръ практическаго преподаванія спеціальныхъ предметовъ, отличны отъ общеобразовательной школы и преподаванія; поэтому, чтобы нѣсколько сдвинуться съ ними, желательно увеличить трехлѣтній курсъ еще на $\frac{1}{4}$ года (то-есть одно лѣто) подготовительнаго, переходнаго времени. Окончившія экзамены гимназистки, институтки и т. д. поступали бы въ школу весною, за лѣто въ деревнѣ поотдохнули бы, набрались силъ, пользуясь воздухомъ, кушаньемъ, отдыхомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понемногу втягивались бы и въ условія новой жизни, умѣренно работая въ саду, огородѣ, на учебномъ полѣ и т. д., въ присутствіи и по указаніямъ учителей, наставниковъ, мастеровъ, специалистовъ, которые давали бы нужныя объясненія и обучали техникѣ. Такимъ образомъ, осенью, въ классы ученицы вступили бы уже нѣсколько, въ желательномъ видѣ, измѣненными. Придавая большое воспитательное значеніе физическому труду и умѣнію и не упуская изъ виду будущее назначеніе ученицы, я считалъ бы необходимымъ требовать отъ каждой ученицы въ лѣтнее время по 6 часовъ физическаго труда въ день, въ двѣ смѣны, то-есть три часа до и три часа послѣ обѣда, такъ, чтобы двѣ спаренныя и взаимно черезъ каждые три часа смѣняющіяся ученицы составили полный 12-ти часовою рабочій день, въ зимнее же время три часа классныхъ занятій, три часа практическихъ и три часа работы. При достаточномъ числѣ ученицъ желательно обходиться въ фермерскомъ хозяйствѣ по возможности совсѣмъ безъ постороннихъ рабочихъ, принимая таковыхъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ и для непосильныхъ для ученицъ работъ и производя всѣ остальные работы ученицами. Степень развитія, уровень образованія, возрастъ и близость будущей самостоятельной дѣятельности ученицъ заставляютъ желать,

чтобы онѣ сами считали себя вполне взрослыми людьми, такъ ихъ и надо поставить. Отъ школы онѣ должны имѣть лишь помѣщеніе, необходимую мебель, отопленіе, освѣщеніе; столъ же, бѣлье и платье—свое. Для будущей небогатой деревенской хозяйки, поневолѣ остающейся въ деревнѣ часто совѣмъ безъ прислуги, весьма важно умѣнье, въ случаѣ нужды, и обойтись безъ таковой, и знаніе домашнего хозяйства вообще и кулинарнаго искусства въ особенности; считать бы поэтому необходимымъ держать при школѣ хорошую кухарку-наставницу подъ руководствомъ и по указаніямъ которой ученицы поочередно сами бы и стряпали себѣ кушанье; желательно также, чтобы ученицы шили и чинили себѣ платье и мыли бѣлье сами. Помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ ученицы пользуются въ школѣ бесплатно, за ученіе же взимается съ нихъ опредѣленная плата. Пробывшія въ школѣ не менѣе полугода и оказавшія значительные успѣхи недостаточныя ученицы могутъ быть освобождаемы отъ взноса платы за ученіе, а лучшія по успѣхамъ и наиболѣе бѣдныя могутъ, кромѣ того, пользоваться и стипендіей. За производимыя ими въ фермерскомъ хозяйствѣ работы ученицамъ выплачивается средняя мѣстная дневная плата по расчету отработанныхъ часовъ. Въ жизни каждой молодой дѣвушки, бываютъ минуты, когда ей дорогъ и близокъ совѣтъ хорошей, честной, любящей, пожившей уже на свѣтѣ женщины; поэтому желательно имѣть при школѣ четырехъ женщинъ, опытныхъ и любящихъ молодежь надзирательницъ, которыя бы помѣщались, столовались и проводили все время съ ученицами, относясь къ нимъ не какъ начальницы, а потоварищески, какъ старшія и болѣе опытныя подруги. Изъ мелкихъ женскихъ слабостей значительное неудобство, особенно при совмѣстной жизни, представляетъ страсть къ нарядамъ, по теперешней модѣ, часто слишкомъ уродливымъ, а нерѣдко и излишне откровеннымъ; далѣе, различіе наряда слишкомъ рѣзко выдѣляетъ болѣе и менѣе въ матеріальномъ отношеніи состоятельныхъ женщинъ. Для устраненія этихъ неудобствъ желательно, чтобы вносилъ ствѣніи все дѣло веденія такой школы и преподаваніе въ ней всецѣло перешло въ женскія руки. Подготовить преподавательницъ можно будетъ изъ тѣхъ же женщинъ-врачей, которыя прошли медицинскіе курсы изъ жажды знанія и не чувствуютъ призванія къ медицинской практикѣ. Какъ знающимъ уже основательно естественныя науки, имъ не трудно будетъ подготовиться по сельско-хозяйственнымъ специальностямъ. На первое же время, по необходимости, придется имѣть управляющаго школою и фермою, часть преподавателей и мастеровъ мужчинъ. Желательно преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: химіи и физики, геогнозін, ботаники, зоологін, анатомін, и физиологін животныхъ и растений, земледѣлія и растениеводства, скотоводства и молочнаго хозяйства, сельско-хозяйственной экономін и счетоводства“.

Таковъ любопытный проектъ г. Армфельда, имѣющій, какъ читатели легко могутъ убѣдиться сами, кое-что общее съ проектомъ профессора Стебута, но содержащій нѣчто и типическое, отличительное. Въ то время, какъ послѣдній строитъ свои *ria desideria*, исходя болѣе всего изъ соображеній экономическихъ, соціальныхъ, первый болѣе всего хлопочеть о самой женщинѣ, имѣя главнымъ образомъ въ виду цѣли практическія—ея здоровье, заработокъ и физическое довольство.

И историческое значеніе обоихъ проектовъ, поскольку они являются отраженіемъ литературныхъ теченій, разное: работа г. Стебута, отпечатанная оттисками, не поступавшими, однако, въ продажу, и разосланная въ громадпомъ числѣ „ученикамъ“ и свѣдующимъ лицамъ, должна быть отнесена къ разряду орудій могущественной общественной агитаціи; работѣ же г. Армфельда, напечатанной въ скромномъ отдѣлѣ „областныхъ“ корреспон-

денцій и свѣдѣній, прошедшей почти незамѣтно въ печати и забытой, въ наши дни суждено всплыть на поверхность жизни и явиться въ нѣдрахъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ фактическимъ рычагомъ, практически двинувшимъ вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ. Г. Армфельдъ представилъ нынѣ свой проектъ, какъ свидѣтельствуемъ само министерство, на его одобреніе, и типъ сельскохозяйственной школы съ намѣченной имъ выше программой подлежить, вѣроятно, скорому обсужденію.

Кромѣ г. Стебута и Армфельда обратилъ свое вниманіе на тотъ же вопросъ и г. Бирюковичъ, небезызвѣстный экономистъ, журналистъ, сотрудникъ многихъ спеціальныхъ и общихъ журналовъ. Имъ помѣщена по настоящему предмету въ „Русской Школѣ“¹⁾ г. Гуревича небольшая, но содержательная статья подъ заглавіемъ „Сельскохозяйственное образованіе для женщинъ“, основанная, съ одной стороны, на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ имъ отъ лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ немногихъ уже существующихъ нынѣ сельскохозяйственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, и на статьѣ проф. Стебута, съ другой.

Выступая въ печати горячимъ поборникомъ дѣла женскаго сельскохозяйственнаго образованія, г. Бирюковичъ въ самомъ началѣ такъ остроумно подходитъ къ дѣлу:

„У насъ до сихъ поръ ведутся довольно оживленные дебаты о такъ называемомъ „естественномъ“ назначеніи женщинъ. При этомъ одни доказываютъ, что женщина должна быть допущена къ участію въ трудѣ мужчинъ, другіе же отстаиваютъ принципъ, по которому естественное назначеніе ея быть женой и матерью, тогда какъ все бремя обезпеченія семьи средствами къ существованію слѣдуетъ оставить исключительно за мужчиной. Въ подобнаго рода пререканіяхъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что сторонники расширенія трудовыхъ правъ женщинъ признаются какими-то новаторами, такъ какъ ихъ противники стояли якобы на почвѣ „естественнаго“ порядка вещей, сложившагося вѣками. На самомъ же дѣлѣ, если мы обратимся къ одной изъ древнѣйшихъ профессій человѣка — земледѣлію, то увидимъ, что въ этой области роль женщинъ далеко не ограничивается веденіемъ домашняго хозяйства и воспитаніемъ дѣтей. Въ сельскохозяйственномъ быту едва ли не въ высшей формѣ осуществляется принципъ раздѣленія труда между мужчиной и женщиной. Здѣсь, по мѣткому выраженію Глѣба Успенскаго, мужъ и жена играютъ въ четыре руки одну и ту же пьесу. Дѣйствительно, не говоря уже о средѣ крестьянъ-землевладѣльцевъ, гдѣ женщина выполняетъ цѣлый рядъ вѣдомашнихъ работъ по хозяйству — жнетъ, убираетъ сѣно и т. д., даже въ кругу крупныхъ землевладѣльцевъ, не обрабатывающихъ своей земли личнымъ трудомъ, въ вѣдѣніи женщины находятся весьма обширныя отрасли хозяйства, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ сдѣлаться и источникомъ крупнаго дохода; сюда относятся скотный дворъ съ молочнымъ хозяйствомъ, птичникъ, огородъ. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, гдѣ огромная часть населенія занимается земледѣліемъ, менѣе является справедливою доктрина о „естественномъ“ назначеніи женщины, при которомъ трудъ ея не долженъ выходить изъ сферы заботъ о домашнемъ очагѣ, а продукты его одинаково не должны представлять собой какой нибудь рыночной цѣнности наравнѣ съ продуктами мужскаго труда. Не менѣе страннымъ нужно признать и то обстоятельство, что не подлежащій сом-

¹⁾ 1894 г., № 4.

нѣнію фактъ весьма широкаго участія женщинъ въ земледѣльческомъ трудѣ не выдвинулъ вопроса о необходимости сдѣлать для нихъ доступнымъ сельско-хозяйственное образованіе“.

Сдѣлавъ далѣе краткое резюме основныхъ положеній работы И. Стебута, г. Бирюковичъ подчеркиваетъ прекрасное состояніе сельскаго хозяйства въ Финляндіи, гдѣ по настоящему предмету имѣется уже достаточное количество профессионально-земледѣльческихъ школъ, гостепріимно открывающихъ свои двери, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Далѣе авторъ даетъ описаніе двухъ высшихъ земледѣльческихъ школъ— Мустіаласскаго и Кроноборгскаго земледѣльческихъ институтовъ, а также вкратцѣ очерчиваетъ программы низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ, изъ числа которыхъ особенно выдѣляются школы по молочному хозяйству. Въ дальнѣйшей своей работѣ онъ рисуетъ положеніе и учебный обиходъ въ нашей русской школѣ г-жи Гриневой, о коей рѣчь ниже, и заканчиваетъ статью указаніемъ на проектъ программы проф. Стебута, уже знакомый читателямъ.

IV.

Статьями гг. Армфельда, Стебута, Бирюковича исчерпывается все существенное и обстоятельно-разработанное, что было до послѣдняго времени написано по вопросу о рациональной организаціи у насъ женскаго сельскохозяйственнаго образованія. Все остальное, помѣщавшееся по данному вопросу даже въ специальныхъ журналахъ, какъ, на примѣръ въ „Хозяинъ“, „Земледѣліи“, „Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяина“ и др., является разработкою тѣхъ же мотивовъ и того же матеріала въ ихъ частностяхъ и деталяхъ, или въ ихъ варіаціяхъ.

Такъ „Вѣстникъ“ въ самое послѣднее время помѣстилъ небезынтересную замѣтку объ устройствѣ въ недалекомъ будущемъ княгиней Урусовой низшей женской школы садоводства, плодоводства и огородничества для крестьянокъ въ Новгородской губерніи, съ краткимъ описаніемъ программы обученія здѣсь. Въ томъ же „Вѣстникѣ“ въ № 38—39 имѣется любопытное воззваніе „Вниманію интеллигентныхъ женщинъ“ извѣстнаго дѣятеля по молочному хозяйству, Н. В. Верещагина, гдѣ почтенный и неутомимый поборникъ интеллигентнаго труда убѣждаетъ женщинъ, не дожидаясь открытія „специальныхъ женскихъ сельскохозяйственныхъ школъ... учиться сельскому хозяйству въ тѣхъ образцовыхъ хозяйствахъ, которыми завѣдуютъ женщины“. Тутъ же заодно и попутно г. Верещагинъ поднимаетъ и новый вопросъ, говоря:

„Если женщины добились совмѣстной работы съ мужчинами на медицинскомъ поприщѣ, то отчего бы имъ не попытаться работать на архитектурномъ поприщѣ? Въ Америкѣ уже много женщинъ архитекторовъ, и на Чикагской выставкѣ нѣкоторые отдѣлы были выстроены женщинами-архитекторами. Архитектура только несомнѣнно выиграетъ отъ приложенія женскаго ума и воображенія. Ужъ не говоримъ объ искусствѣ и наружномъ видѣ построекъ, самое расположеніе комнатъ въ смыслѣ большаго удобства для жизни, наконецъ подчиненіе построекъ гуманитар-

нымъ требованіямъ, лучшее помѣщеніе прислуги, дворниковъ, швейцаровъ, уничтоженіе вредныхъ подвальныхъ помѣщеній,—на все нужна смѣлая рука женщины, разъ это подсказывается справедливостью“.

Интересуясь такимъ образомъ развитіемъ женскаго профессиональнаго образованія на всевозможныхъ поприщахъ, и преимущественно земледѣльческомъ, спеціальныя журналы поэтому радостно привѣтствовали появленіе въ печати слуха о томъ, что министерство земледѣлія также съ своей стороны поставило на очередь своего вниманія этотъ вопросъ и выработало даже въ этой области кое-какія практическія положенія. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой сторонѣ дѣла, необходимо отмѣтить, чѣмъ же заявила себя въ наши дни въ томъ же направленіи практика жизни, что успѣла она создать, отвѣчая назрѣвшей потребности времени.

Намъ небезызвѣстно, что въ отношеніи низшихъ школъ для народа кое-что уже предпринимается для насажденія здѣсь элементарныхъ свѣдѣній по сельскохозяйственнымъ знаніямъ; этимъ интересуются иныя земства, вѣдомство духовное, народнаго просвѣщенія и т. д. Извѣстно также, что на нѣкоторыхъ курсахъ и въ образцовыхъ хозяйствахъ уже идетъ ревностное стремленіе приурочить сюда женскій трудъ, женское образованіе; но все это носить на себѣ случайный характеръ и не оформлено въ профессиональную задачу. На всемъ пространствѣ нашего громаднаго отечества можно указать только всего на три спеціально-женскихъ учебныхъ заведенія, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія, гдѣ дѣйствительно женское образованіе поставлено относительно недурно въ тѣхъ предѣлахъ, которые были доступны частной инициативѣ и частнымъ средствамъ. Вотъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ, которыя въ надеждѣ, что кто нибудь ими заинтересуется, и они имъ могутъ пригодиться въ качествѣ справочныхъ пособій, привожу въ томъ видѣ, какъ они изложены въ „Указателѣ“ министерства земледѣлія.

Зозулинская женская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 31-го марта 1888 года въ имѣніи вдовы генераль-майора Анны Ивановны Червонной. Цѣль школы—обученіе взрослыхъ дѣвушекъ домашнему хозяйству, а равно и тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, знаніе которыхъ необходимо для деревенской хозяйки, въ особенности птицеводству, свиноводству, огородничеству, молочному хозяйству и пчеловодству. Кромѣ того, школа имѣетъ цѣлью подготовить недостаточныхъ дѣвушекъ къ службѣ по сельскому и домашнему хозяйству; какъ въ частныхъ домахъ и усадьбахъ; такъ и въ пріютахъ, гдѣ онѣ могутъ обучать дѣтей различнымъ работамъ по сельскому и домашнему хозяйству.

Средства школы состоятъ изъ суммъ, доставляемыхъ учредительницей школы, владѣлицей имѣнія, изъ платы за обученіе частныхъ пансіонерокъ и изъ ежегоднаго пособія отъ департамента земледѣлія по 3.000 рублей.

Адресъ. Школа находится при селѣ Зозулицы-Червоныя, Кіевской губерніи, Бердичевского уѣзда. Адресъ для почтовой корреспонденціи: почтовое отдѣленіе—мѣстечко Самгородокъ (въ 6 верстахъ). Ближайшая станція Юго-Западной желѣзной дороги Казатинъ (17 верстъ).

Администрація. Попечительница школы—жена генераль-майора Марія Николаевна Маріуца-Гринева.

Учащіяся. Съ 1897 года предполагается имѣть 16 стипендіатовъ, при чемъ десять изъ нихъ, кромѣ обученія, помѣщенія и продовольствія, получаютъ еще и рабочую одежду и обувь, а шесть должны имѣть одежду свою. Съ того же года предполагается имѣть шесть пансіонерокъ, вносящихъ половинную плату. Затѣмъ школа можетъ принять платныхъ ученицъ: зимой 15—20, лѣтомъ 30 и болѣе ученицъ.

Учебный курсъ. Полный учебный курсъ въ школѣ продолжается 8 мѣсяцевъ, съ первыхъ чиселъ марта по 1-е ноября, но учредительницѣ предоставляется право, въ случаѣ надобности, оставлять нѣкоторыхъ ученицъ, по ихъ желанію, въ школѣ и на болѣе продолжительное время, съ цѣлью усовершенствованія въ той или другой изъ изучаемыхъ отраслей сельскаго хозяйства и домоводства. Сверхъ всего, для частныхъ пансіонерокъ и приходящихъ ученицъ могутъ быть устраиваемы и болѣе кратковременные курсы, въ видахъ пракческаго одного или нѣкоторыхъ предметовъ, коимъ обучаютъ въ школѣ. Установленіе приѣма таковыхъ ученицъ предоставляется усмотрѣнію учредительницы.

Въ полный курсъ обученія входятъ слѣдующіе предметы:

а) По сельскому хозяйству: 1) молочное хозяйство (доеніе коровъ, сепараторъ, ледяной отстой, масло и сыръ различныхъ сортовъ, творогъ и другіе продукты изъ молока); 2) краткій уходъ за домашнимъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ (коровы, овцы); 3) свиноводство (уходъ, откормъ), 4) птицеводство (уходъ за птицей различныхъ породъ, искусственный выводъ, откормъ); 5) пчеловодство (рамочные ульи); 6) прудовое рыбоводство; 7) важнѣйшія свѣдѣнія по огородничеству и уходъ за коноплей; 8) важнѣйшія свѣдѣнія по плодовому садоводству; 9) краткія свѣдѣнія по комнатному цвѣтоводству; 10) нѣкоторыя свѣдѣнія по сельско-хозяйственнымъ полевымъ работамъ (уборка сѣна, жатва, вязка сноповъ изъ-подъ машины, молотьба и очистка хлѣба на усовершенствованныхъ машинахъ, уходъ и выкопка сахарной свеклы, сохраненіе кормовой свеклы на зиму); 11) веденіе простыхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ и записей; 12) веденіе дневниковъ.

б) По домашнему хозяйству: 1) приготовленіе кушаній (простыхъ и болѣе изысканныхъ); 2) приготовленіе чернаго и бѣлаго тѣста (простаго, сдобнаго и сладкаго); 3) приготовленіе запасовъ различнаго рода

(вареніе, маринovanje, вяленіе, сушеніе, соленіе, копченіе, квашеніе); 4) приготовленіе ягодныхъ винъ и наливокъ; 5) сохраненіе припасовъ (мяса, овощей и тому подобное); 6) выдача припасовъ; 7) приготовленіе домашнимъ образомъ крахмала, свѣчей и другихъ предметовъ; 8) уходъ за помещеніемъ, мебелью, посудой, одеждой, обувью, бѣльемъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ и порядкѣ, уходъ за комнатными птицами, животными, комнатная служба; 9) сервировка стола и столовая служба; 10) рукодѣлья—пряжа вала и нитокъ для дратвы и переплета на кужелѣ и самопрялкѣ, починка платья, бѣлья, обуви, узорчатая штопка, французскія и нѣмецкія заплатки, шитье на ножной и ручной машинкѣ, простое вязанье крючковъ рукавиць, шапочекъ, надвязыванье на спицахъ чулковъ, кройка и шитье бѣлья, болѣе простыхъ платьевъ, шляпокъ, шапочекъ, изготовленіе матъ для парянковъ, соломенниковъ и корзиночекъ для сыровъ; 11) машинное и паровое мытье бѣлья, простое и глянцевое глаженье; 12) простой переплетъ книгъ и тетрадей; 13) изготовленіе матрацовъ и тюфяковъ; 14) веденіе болѣе необходимыхъ книгъ по домашнему хозяйству (приходъ, расходъ денегъ и припасовъ, инвентарь); 15) краткія необходимыя свѣдѣнія по уходу за больными и выздоравливающими людьми, домашними животными и птицами; кромѣ того, ученицы могутъ обучаться: 16) шитью обуви; 17) приготовленію корзинокъ изъ лозы, соломы и др.; 18) тканью персидскихъ ковровъ; 19) приготовленію изъ жести формъ для сыровъ, кормушекъ для пчелъ, птицъ и луженію мѣдной домашней посуды. Обученіе практическое. Сверхъ указаннаго, всѣ ученицы обучаются хорошему пѣнію. Въ отдѣльный курсъ входитъ обученіе: 1) одной какой либо отрасли сельскаго хозяйства; 2) домашнему хозяйству и 3) болѣе необходимому рукодѣлью. Можно обучаться лишь одному домашнему хозяйству и рукодѣлью.

Учебныя пособія. Школа неразрывно связана съ хозяйствомъ имѣнія, заключающаго около 1500 десятинъ земли. Есть молочная ферма съ 40 коровами, телятами, 50 овцами со свиньями, различными принадлежностями молочнаго хозяйства; есть птичная съ 600 птицами, инкубаторомъ и прочее; имѣется 50 десятинъ прудовъ и племенная сажалка; заведены огородъ (образцовый и простой полевой), питомникъ на $\frac{1}{2}$ десятинѣ и плодовые сады: 1) старый на 5 десятинахъ; 2) садъ на 2 десятинахъ (съ 1877 года); 3) садъ на 2 десятинахъ (съ 1887 года); 4) садъ на $2\frac{1}{2}$ десятинахъ (съ 1890 года); 5) садъ на 5 десятинахъ (съ 1896 года), всего 16 десятинъ. Кухня и прачешная снабжены принадлежностями, выписанными изъ-за границы, также есть принадлежности обученія рукодѣльямъ и различнымъ работамъ.

Условія приѣма учащихся. Приѣмъ учениць преимущественно весною. Возрастъ поступающихъ на общехозяйственное отдѣленіе или курсъ долженъ быть не менѣе 15 лѣтъ и въ исключительныхъ случаяхъ, при хорошемъ физическомъ развитіи, 13—14 лѣтъ; для от-

дѣльнаго курса отъ 19 до 25 лѣтъ (не моложе 17 лѣтъ); лишь на курсъ домашняго хозяйства и домашней службы могутъ поступить 15—16 лѣтъ.

При поступленіи представляются документы: метрическое свидѣтельство, видъ отъ полиціи, свидѣтельство о нравственности отъ духовника (приходскаго священника).

Ученицы обязаны исполнять всѣ порученныя имъ работы безъ отговорокъ. Поступающія на годъ платятъ за полгода впередъ, поступающія помѣсячно платятъ впередъ за одинъ или три мѣсяца. Временныя ученицы и посѣтительницы принимаются лишь въ лѣтнее время.

Понемуньская женская школа домоводства и сельскаго хозяйства.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1889 года въ имѣніи баронессы А. І. Будбергъ. Цѣль школы—сообщеніе молодымъ дѣвѣцамъ всѣхъ сословій, замужнимъ женщинамъ и вдовамъ практическихъ свѣдѣній по домоводству и нѣкоторымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, каковы: птицеводство, молочное хозяйство, огородничество и др. Средства школы состоятъ изъ правительственнаго пособія въ 2.000 рублей въ годъ, изъ суммъ, отпускаемыхъ учредительницей, и суммъ, получаемыхъ съ учащихся.

Адресъ. Поневѣжъ, имѣніе Мурованный-Понемунъ, Ковенской губ.

Администрація. Попечительница—А. І. Будбергъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 52, всѣ онѣ пансіонерки, причѣмъ на казенный счетъ содержатся 10 ученицъ.

Учебный курсъ. Курсъ обученія въ школѣ—2 года; для тѣхъ же, которыя желаютъ изучить какую либо спеціальную отрасль, какъ-то: кушарное искусство, молочное хозяйство и т. п.,—продолжительность курса можетъ быть сокращена до 6-ти мѣсяцевъ. Ученицы школы принимаютъ непосредственное участіе во всѣхъ работахъ по домоводству и по изучаемымъ въ школѣ отраслямъ хозяйства, каковы: уходъ за скотомъ, птицами и пчелами, приготовленіе масла и сыровъ, работы по кухнѣ, мытье бѣлья, глаженіе, тканіе и занятія въ огородѣ.

Учебныя пособія. Главнѣйшими пособіями для практическихъ занятій ученицъ служатъ всѣ хозяйственныя отрасли въ имѣніи Мурованный-Понемунъ; затѣмъ мастерскія, садъ и огородъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ окончившихъ курсъ ученицъ около 10-го мая и 10-го сентября. Окончившія полный курсъ получаютъ о томъ особыя свидѣтельства.

Условія приѣма учащихся. Приѣмъ ученицъ производится ежегодно 10-го мая и 10-го сентября; принимаются взрослые, всякаго возраста, окончившія по крайней мѣрѣ народное училище. Желаютія

поступить въ школу подають попечительницѣ прошеніе на простой бумагѣ, съ приложеніемъ: метрическаго свидѣтельства, письменной рекомендаціи извѣстныхъ попечительницѣ лицъ или свидѣтельства о хорошемъ поведеніи отъ лицъ и учреждений, имѣющихъ право таковыя выдавать. Плата за обученіе и содержаніе въ годъ отъ 150 до 200 рублей.

На казенныя стипендіи (числомъ 10) принимаются лучшія ученицы, по мѣрѣ освобожденія вакансій.

Преображенская женская сельско-хозяйственная школа.

Общія свѣдѣнія. Существуетъ съ 1891 года въ имѣніи Н. Н. Неплюева. Школа имѣетъ цѣлью воспитать молодыхъ дѣвушекъ въ сознательной вѣрѣ, приучить ихъ къ добрымъ христіанскимъ отношеніямъ другъ къ другу и сообщить имъ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, наиболѣе полезныя для жены и матери земледѣльца познанія по сельскому хозяйству вообще и, въ частности, по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству, по кройкѣ и шитью, а также по домохозяйству—приготовленію кушаній, солений, стиркѣ бѣлья и т. д.

Школа существуетъ на средства учредителей съ пособіемъ отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ размѣрѣ 2.000 рублей въ годъ. Ежегодный расходъ учредителей отъ 6 до 7 тысячъ рублей.

Адресъ. Школа находится въ хуторѣ Воздвиженскомъ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда; въ 7 верстахъ отъ ж. д. ст. „Горѣлье Хутора“, вѣтвь „Ворожба-Буда“ Кіево-Воронежской ж. д. Почтовый адресъ: М. Ямполь, Черниговской губерніи, Преображенская школа.

Администрація. Попечительница школы—вдова тайнаго совѣтника Александра Николаевна Неплюева. Управляющій школою—Иванъ Андреевичъ Цвѣлодубъ.

Учащіяся. Всѣхъ ученицъ въ школѣ 45, и всѣ онѣ пансіонерки учредителей школы.

Учебный курсъ. Курсъ ученія продолжается 4 года и раздѣляется на 4 класса, изъ коихъ три класса спеціальныхъ и одинъ пригготовительный. Предметы обученія: законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія и географія; ариѳметика, русскій языкъ и географія въ пригготовительномъ классѣ и физика; скотоводство, скотоврачеваніе и анатомія, сельское хозяйство, огородничество и птицеводство; химія, кройка и шитье; молочное хозяйство, садоводство, ботаника, энтомологія и пѣніе; гигиена. Практическія занятія состоятъ въ слѣдующемъ: ученицы самостоятельно обрабатываютъ огородъ въ 6 десят.; исполняютъ нѣкоторыя работы по полеводству; ими же исполняются—уходъ за птицей, доеніе коровъ, обработка молока; кромѣ того, онѣ занимаются кройкой, шитьемъ, вязаньемъ, стиркой бѣлья, пригготовленіемъ кушаній и т. д.

Учебныя пособія. Въ качествѣ учебныхъ пособій для практическихъ занятій при школѣ имѣются огородъ въ 6 десятинъ и птичня.

Для занятій по садоводству школа пользуется экономическимъ садомъ, а для занятій по молочному хозяйству — экономической же молочной фермой, гдѣ содержится 80 штукъ дойныхъ коровъ.

Выпускъ ученицъ. Выпускъ ученицъ производится 6 августа. Окончившія курсъ могутъ исполнять обязанности экономки въ небольшихъ хозяйствахъ, заниматься рукодѣліемъ, молочнымъ хозяйствомъ, птицеводствомъ и огородничествомъ.

Условія приѣма учащихся. Въ школу принимаются ученицы всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, по конкуренному испытанію, 31-го іюля. Отъ поступающихъ въ подготовительный классъ требуется знаніе общеобразовательныхъ предметовъ въ объемъ курса начальныхъ народныхъ училищъ. Дѣвочки должны быть совершенно здоровы, безъ физическихъ недостатковъ, могущихъ мѣшать практическимъ занятіямъ; должны имѣть не менѣе 12, лучше 13 лѣтъ, и не болѣе 17 лѣтъ отъ роду. При поступленіи должны быть представлены: метрическое свидѣтельство и, если есть, свидѣтельство объ окончаніи школы. Съ частныхъ пансіонерокъ взимается плата по 120 рублей въ годъ. Выдержавшія конкуренное испытаніе принимаются пансіонерками учредителей.

Ежегодно бываетъ отъ 15 до 20 вакансій.

Вотъ все то немногое, что пока выработала частная инициатива въ области женскаго сельско-хозяйственнаго образованія. Сознывая всю недостаточность и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи послѣдняго, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ выступило на страницахъ своихъ „Извѣстій“¹⁾ (№ 23) съ любопытнымъ проектомъ по настоящему предмету, гдѣ сжато излагаетъ свои *ria desideria* и намѣчаетъ мѣры къ осуществленію ихъ, которыя и излагаю ниже въ ихъ существенныхъ частяхъ.

V.

Министерство полагаетъ, что въ вопросѣ о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи необходимо установить, какъ исходную точку зрѣнія, тотъ общій принципъ, что въ дѣлѣ организациі этого образованія не можетъ быть существенныхъ различій противъ сельско-хозяйственнаго образованія для мужскаго пола и что возможныя и даже необходимыя различія въ томъ и другомъ случаяхъ должны обусловливаться, по преимуществу, только содержаніемъ преподаванія или обученія, то-есть преобладаніемъ въ ней той или другой отрасли сельско-хозяйственнаго знанія, примѣнительно къ способностямъ и роду дѣятельности учащихся того или другого пола. Главное затрудненіе при устройствѣ, на примѣръ, сельско-хозяйственныхъ курсовъ совмѣстно для учителей и учительницъ народныхъ школъ заключается, обыкновенно, въ большой трудности орга-

¹⁾ 1897 г.

низовать и нормировать для тѣхъ и другихъ практическія занятія, такъ какъ несомнѣнно, что рабочія способности женщинъ должны быть направлены нѣсколько иначе, нежели силы мужчинъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ учительницъ-куренокъ образуютъ особую группу, съ которою ведутъ практическія занятія отдѣльно отъ группы учителей; теоретическій же курсъ остается общимъ какъ для учителей, такъ и для учительницъ, потому что образовательная подготовка ихъ большею частію одинакова.

Сдѣланныя попытки устройства низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ для обоюго пола не привели къ ожидаемымъ результатамъ (напримѣръ, въ Уткинской школѣ). Поэтому наряду съ системою существующихъ мужскихъ учебныхъ заведеній могли бы имѣть мѣсто и соответственныя школы для женщинъ, но съ преобладаніемъ въ ихъ курсѣ чисто женскихъ отраслей труда. Вообще говоря, къ такимъ отраслямъ должны быть отнесены: усадьбное хозяйство — огородничество, садоводство, уходъ за скотомъ и молочное хозяйство, птицеводство, пчеловодство, и т. п., затѣмъ, домоводство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, куда могутъ входить содержаніе жилищъ, одежды и бѣлья, гигиена, уходъ за больными людьми, воспитаніе дѣтей, шитье и др.

Обращаясь ближе къ вопросу о типахъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній для женщинъ, министерство признаетъ, что заведенія эти могутъ быть не менѣе разнообразны по устройству, чѣмъ соответственныя мужскія школы, въ зависимости отъ разнообразія, какъ потребностей въ томъ или другомъ обученіи, такъ и условій преподаванія сельскаго хозяйства. Но такъ какъ и система мужскихъ школъ еще не выработана вполне, то было бы преждевременно устанавливать напередъ опредѣленныя нормы въ указанномъ отношеніи, и на первыхъ порахъ слѣдовало бы только обсудить степень примѣнимости существующихъ типовъ сельско-хозяйственныхъ школъ для женскаго сельско-хозяйственнаго образованія.

Едва ли можно сомнѣваться, — читаемъ мы въ „проектѣ“, — что наша сельская жизнь нуждается въ самомъ широкомъ распространеніи среди женщинъ познаній по домоводству, равно какъ и по сельскому хозяйству вообще. Знанія этого рода не менѣе необходимы, какъ для хозяйки простой крестьянской семьи, такъ и для женщинъ болѣе интеллигентныхъ слоевъ деревенскаго населенія, напримѣръ, для учительницъ, духовнаго и дворянскаго сословія. Болѣе крупное землевладѣніе, кромѣ того, предъявляетъ весьма значительный спросъ на профессиональныхъ труженицъ, какъ-то: на старшихъ прислугъ, экономокъ, ключницъ, скотницъ, птичницъ, мастерицъ молочнаго дѣла и т. п. Затѣмъ, въ жизни нерѣдки случаи, когда женщины становятся въ роль самостоятельныхъ хозяекъ и управительницъ небольшими имѣніями, напримѣръ, въ положеніи вдовъ, опекуншъ дѣтей и даже лицъ, служащихъ по найму въ должностяхъ управляющихъ.

Министерство предлагаетъ далѣе, что женщины управительницы, за недостаткомъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ мужчинъ - управляющихъ, во многихъ случаяхъ явились бы желательнымъ для деревни элементомъ, тѣмъ болѣе, что женщины привыкли на разныхъ отрасляхъ дѣятельности довольствоваться сравнительно малымъ вознагражденіемъ. Если же приять, при этомъ, во вниманіе, что для прирѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣвушекъ учреждаются повсемѣстно дорого стоящія благотворительныя учрежденія и что даже женщины изъ болѣе обезпеченныхъ классовъ населенія остаются нерѣдко безъ куска хлѣба и возможности приобрести его своимъ трудомъ, то едва ли можно сомнѣваться въ полезности учрежденія цѣлой сѣти профессиональныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ и курсовъ для женщинъ, поставленныхъ въ необходимость изучить ту или другую часть сельскаго хозяйства.

Въ этомъ отношеніи министерство ставитъ на первый планъ такія учебныя заведенія, которыя давали бы профессиональную подготовку дѣвицамъ, уже прошедшимъ курсъ среднихъ общеобразовательныхъ школъ: женскихъ институтовъ, гимназій и епархіальныхъ училищъ. Въ заведеніяхъ этого рода можно было бы ввести, при дополнительномъ курсѣ математики (изучаемой въ названныхъ среднихъ школахъ въ довольно ограниченномъ объемѣ), изученіе вспомогательныхъ естественныхъ наукъ и сельско-хозяйственныхъ ученій, при соответствующихъ цѣлямъ обученія практическихъ занятіяхъ. Конечно, такое заведеніе едва ли будетъ готовить тѣхъ научныхъ и практическихъ дѣятелей, которые выпускаются мужскими сельско-хозяйственными институтами высшаго разряда: напротивъ, по размѣрамъ предварительной общеобразовательной подготовки ученицъ и по характеру преподаванія, которое желательно сдѣлать возможно болѣе практическимъ, означенная школа будетъ вполнѣ подходить къ типу среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, отличаясь отъ нихъ менѣе продолжительнымъ курсомъ (отъ исключенія общеобразовательныхъ предметовъ). Но при этомъ такое заведеніе могло бы явиться рассадникомъ свѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и достаточно образованныхъ учительницъ для женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и курсовъ низшихъ типовъ, а также руководительницъ въ хозяйствѣ: въ качествѣ ли женъ землевладѣльцевъ и управляющихъ или наемныхъ завѣдывающихъ хозяйствами, конторщиковъ и т. п. служащихъ.

Низшія сельско-хозяйственныя училища или школы I и II разрядовъ служатъ большею частію для подготовки второстепенныхъ низшихъ агрономическихъ дѣятелей на частной службѣ — въ качествѣ старостъ, приказчиковъ и управляющихъ мелкими имѣніями — и являются въ этомъ отношеніи дополненіемъ къ среднимъ земледѣльческимъ училищамъ, приготовляющимъ болѣе научно-подготовленныхъ и дорогихъ дѣятелей. Если такого рода низшія учебныя заведенія оказываются полезными для мужчинъ, то не менѣе того, полагаетъ министерство земледѣлія, они желательны и съ точки зрѣнія женскаго образованія. Нужно принять во вни-

маніе, что образованіе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ получаетъ, сравнительно, весьма ограниченное число дѣвушекъ, большинство же не доходитъ вовсе до послѣднихъ классовъ по невозможности или нежеланію продолжать образованіе. Признаніе этого факта привело уже къ учрежденію низшихъ общеобразовательныхъ училищъ, съ болѣе простымъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, но законченнымъ курсомъ и, притомъ, съ профессиональнымъ характеромъ. Безъ сомнѣнія, устройство сельско-хозяйственныхъ училищъ такого же типа облегчитъ возможность для многихъ родителей средняго класса давать своимъ дочерямъ элементарное образованіе въ связи съ изученіемъ полезныхъ въ жизни сельско-хозяйственныхъ занятій.

Относительно училищъ этого типа слѣдуетъ вообще замѣтить, — сказано въ проектѣ, — что изученіе въ нихъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, преимущественно практическимъ путемъ, могло бы съ успѣхомъ сопровождаться довольно основательнымъ, хотя и элементарнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, на примѣръ, въ объемѣ хотя бы двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ такимъ же смѣшаннымъ характеромъ преподаванія могли бы быть созданы и училища нѣсколько высшаго типа, соответствующаго среднимъ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ нѣтъ или недостаточно этихъ послѣднихъ заведеній.

Къ слѣдующему разряду женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ составители проекта относятъ исключительно практическія учебныя заведенія, примѣромъ которыхъ могутъ служить существующія школы: Едимоновская, Зозулинская и Понемуньская. Въ такихъ практическихъ школахъ, имѣющихъ исключительно цѣлью подготовку мастерицъ молочнаго дѣла, или же дешевыхъ экономокъ и даже прислугъ, нѣтъ никакой необходимости ни въ общеобразовательномъ курсѣ, въ дополненіе къ той грамотности, которою ученицы уже обладаютъ при поступленіи въ школы, ни даже въ особомъ классномъ преподаваніи сельско-хозяйственныхъ предметовъ въ общепринятомъ школьномъ смыслѣ такого преподаванія, вслѣдствіе простоты задачъ самого обученія. Число такихъ школъ можетъ быть значительно увеличено, такъ какъ устройство и содержаніе ихъ не требуетъ большихъ средствъ и возможно вообще во всякомъ хорошо и соответственнo устроенномъ хозяйствѣ. При этомъ слѣдовало бы лишь стремиться къ тому, чтобы дѣло обученія не усложнялось чрезмѣрнымъ количествомъ изучаемыхъ отраслей, а направлялось бы, главнымъ образомъ, на обученіе отдѣльнымъ и, притомъ, немногимъ занятіямъ, но въ связи съ воспитаніемъ въ учащихся дѣвушкахъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ необходимое условіе для частной сельско-хозяйственной дѣятельности. При такомъ ограниченіи курса, самый срокъ пребыванія въ школахъ можетъ быть сокращенъ до двухъ лѣтъ и даже до одного года, въ зависимости отъ тѣхъ отраслей хозяйства, которыя будутъ поставлены въ программу той или другой школы.

Независимо отъ профессиональныхъ школъ, правительствомъ пред-

принимается рядъ мѣръ къ распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній среди той части сельскаго населенія, которая лишена возможности получать эти знанія въ спеціальныхъ школахъ, въ качествѣ постоянныхъ учениковъ. Съ этою цѣлю, между прочимъ, предполагено устраивать курсы и чтенія на подобіе курсовъ для народныхъ учителей и учительницъ, а также разрѣшенъ приѣмъ въ означенныя заведенія практикантовъ для практическаго изученія нѣкоторыхъ отраслей и приѣмовъ сельскаго хозяйства. Кромѣ того, уже два года устраиваются публичныя чтенія-бесѣды въ городахъ при помощи особо командируемыхъ спеціалистовъ.

Подобныя же мѣры могли быть предприняты современемъ и для женщинъ, нуждающихся въ соответственныхъ сельско-хозяйственныхъ познаніяхъ, особенно когда устроится больше женскихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. При этомъ главное отличіе курсовъ и чтеній для женщинъ состояло бы, какъ и въ профессиональныхъ женскихъ школахъ, преимущественно, въ содержаніи обученія примѣнительно къ отраслямъ женскаго труда.

Наконецъ, министерство ожидаетъ весьма существенной пользы отъ введенія практическихъ курсовъ домоводства вообще или отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ занятій въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ для воспитанія дѣвицъ, равно какъ и въ различныхъ приютахъ для бѣдныхъ дѣтей, въ тѣхъ случаяхъ, когда это представится возможнымъ по условіямъ того или другого заведенія.

Для постепеннаго выполненія высказанныхъ предположеній по части низшаго сельско-хозяйственнаго образованія для женщинъ необходимо было бы, прежде всего, независимо отъ учрежденія того или другого средняго сельско-хозяйственнаго училища или института, открыть одну или двѣ женскихъ сельско-хозяйственныхъ семинарій, на подобіе учительскихъ школъ, съ тою цѣлю, чтобы снабжать предполагаемыя низшія практическія школы и курсы подготовленными къ дѣлу руководительницами занятій, надзирательницами и т. п. Такая семинарія должна бы находиться въ сельской обстановкѣ, при соответственномъ устроенномъ казенномъ хозяйствѣ, и пользоваться достаточными средствами для надлежащей постановки учебнаго дѣла.

Учрежденіе женской сельско-хозяйственной семинаріи дало бы возможность приступить, съ большею увѣренностію въ успѣхѣ, къ открытію сѣти другихъ профессиональныхъ школъ и курсовъ для женщинъ по сельскому хозяйству и домоводству, а потому вопросъ о семинаріи нужно поставить на первую очередь.

„Такимъ образомъ,—читаемъ мы въ заключеніи проекта министерства земледѣлія,—можетъ быть намѣченъ цѣлый рядъ разсадниковъ полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній для женщинъ. Не слѣдуетъ забывать, что женщины составляютъ половину всего населенія, весьма вліятельную въ русской жизни, и что, по положенію своему, онѣ во мно-

гихъ случаяхъ болѣе мужчинъ бываютъ прикованы къ дому и къ хозяйству. Поэтому, распространеніе между ними удобными путями сельско-хозяйственныхъ знаній и соответственнаго воспитанія можетъ принести огромную пользу сельскому хозяйству“.

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ предположило разработать болѣе подробно вопросъ о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи, при участіи свѣдущихъ лицъ. Можно надѣяться, что сельско-хозяйственныя общества и земства, съ своей стороны, отнесутся къ вопросу съ должнымъ вниманіемъ и помогутъ хотя бы опредѣлить размѣры потребностей нашей жизни по части сельско-хозяйственнаго образованія и ассигнуютъ современемъ свои средства на это дѣло.

Послѣ приведеннаго проекта министерства земледѣлія по вопросу о сельско-хозяйственномъ образованіи женщинъ, гдѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились взгляды, мнѣнія и пожеланія въ этой области печати, въ лицѣ ея видныхъ, перечисленныхъ выше представителей, мнѣ не приходится болѣе распространяться въ защиту основныхъ положеній настоящей статьи. Само правительственное учрежденіе, руководимое такимъ просвѣщеннымъ дѣятелемъ, какъ дѣйствительный тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, беретъ женщинъ подъ свое покровительство и тѣмъ, понятно, кладетъ предѣлъ всякой пустой оппозиціи дѣлу женскаго просвѣщенія въ сельско-хозяйственной области. Господа поклонники стараго уклада жизни должны смолкнуть и примириться съ фактомъ, а женщинамъ, которымъ въ настоящее время все труднѣе приходится снискивать себѣ обезпеченный кусокъ хлѣба, какъ я это постарался выяснить въ началѣ очерка, остается только порадоваться, что въ душевной атмосферѣ ихъ существованія властная рука просвѣщеннаго сановника открываетъ широкую отдушину, черезъ которую улетятъ современемъ многія нынѣшнія горести и невзгоды.

Права и обязанности женщинъ.

...Женская эмансипація требуетъ, чтобы женщина, на которую возложили обязанности нашей эпохи, обладала также ея правами.

I. Кеттлеръ (предсѣдательница „Нѣмецкаго общества женской реформы“).

Придетъ время, когда женщина окончательно сотретъ съ себя слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться волюнѣ свободно, согласно съ особенностями своего типа, когда образованіе будетъ необходимымъ свойствомъ женщины, образованіе не въ видѣ конія, сколка съ мужского, но свое, оригинальное...

П. Каптеревъ.

I.

ИЗБРАВЪ такъ называемый „женскій вопросъ“ темой настоящаго очерка, я чувствую себя подавленнымъ обширностью вопроса и громадою накопившагося по этому предмету литературнаго матеріала. Даже Джонъ Стюартъ Милль въ брошюрѣ „О подчиненіи женщинъ“¹⁾ утверждаетъ, что „нелегка задача того, кто выступаетъ на борьбу съ мнѣніемъ почти универсальнымъ. Онъ можетъ считать себя счастливымъ, если ему удастся заставить себя выслушать“. Универсальнымъ мнѣніемъ знаменитый англійскій мыслитель называетъ властно держащееся до сихъ поръ предубѣжденіе противъ экономическаго и соціальнаго равенства половъ.

И я, не претендуя на „новое слово“ въ вопросѣ, надъ которымъ трудятся лучшіе умы современнаго человѣчества, буду волюнѣ удовлетворенъ, если мнѣ удастся представить здѣсь лишь главнѣйшіе выводы изъ богатой литературы „о женщинахъ“, и сумѣю въ общихъ и краткихъ чертахъ обрисовать современную его постановку, а также показать, что сдѣлано въ этой области, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ. Я намѣренно подчеркиваю слова „главнѣйшихъ“ и „общихъ“, дабы заранѣе отстранить отъ себя

¹⁾ Переводъ съ англійскаго М. Далиной. Спб. 1896.

обвиненіе въ неполнотѣ, въ отсутствіи подробностей; ищущихъ послѣднихъ отсылаю къ подлиннымъ сочиненіямъ, положеннымъ въ основаніе настоящей статьи, которыя и привожу въ примѣчаніяхъ и ссылкахъ. При этомъ считаю долгомъ оговориться.

Литература по женскому вопросу громадна, и объять ее всю въ небольшомъ очеркѣ рѣшительно не представляется возможнымъ. Я указываю лишь на главнѣйшія сочиненія, относящіяся къ послѣднему времени и притомъ преимущественно на русскомъ языкѣ. Поступаю такъ въ интересахъ самихъ женщинъ, которыя, полагаю, и явятся главнѣйшимъ контингентомъ моихъ читателей въ настоящемъ случаѣ. По сдѣланнымъ указаніямъ имъ будетъ легче пріобрѣсти ту или другую книгу, въ зависимости отъ ея спеціальнаго содержанія. Для меня послужитъ большою радостью, если мои указанія литературы предмета окажутся полезными. Я замѣтилъ, что даже тѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которыя хлопочутъ о расширеніи и признаніи правъ женщинъ, по какой-то непостижимой для меня причинѣ, очень слабо освѣдомлены о литературѣ предмета, который имъ такъ дорогъ и близокъ. Онѣ, что называется, берутъ больше вдохновеніемъ, собственнымъ умомъ, но не знаніемъ дѣла въ его исторической и научной постановкѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется слабый относительно спросъ на книжномъ рынкѣ сочиненій, посвященныхъ разработкѣ женскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, этотъ спросъ далеко не пропорціоналенъ современному эмансипаціонному движенію, что лишаетъ его въ значительной степени многихъ орудій борьбы, которыя были бы чрезвычайно полезны дѣлу эмансипаціи. Безъ точнаго знанія своей исторіи, своихъ правъ, женщинамъ только при очень счастливыхъ и особенныхъ обстоятельствахъ удастся добиться улучшенія въ ихъ положеніи, а рассчитывать на эти счастливыя обстоятельства—рискованно и легкомысленно.

Историческія судьбы женщинъ наиболее полно и обстоятельно изложены въ русской литературѣ извѣстнымъ публицистомъ шестидесятихъ годовъ, С. Шашковымъ, въ обширномъ трудѣ, подъ заглавіемъ „Историческія судьбы женщинъ, дѣтубійство и проституція“, представляющемъ собою прекрасный опытъ историческаго обзоренія борьбы женщинъ за свободу и свои права, начиная съ древнѣйшихъ временъ и у самыхъ первобытныхъ народовъ и вплоть до середины текущаго столѣтія у народовъ цивилизованныхъ. Обстоятельное, основанное на 110 источникахъ, сочиненіе позволяетъ автору сдѣлать слѣдующее заключеніе общаго характера:

„Эмансипація женщины будетъ успѣшна вполнѣ лишь тогда, когда она распространится на всѣхъ женщинъ. Но развѣ возможно эмансипировать невольницу отъ мужа, оставивъ ее въ рабствѣ у господина или кулака эксплуататора; развѣ возможно, освободивъ женщину отъ мужа, оставить послѣдняго въ нищенской пеллѣ или кабацкѣ!.. Да, женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣмъ социальнымъ прогрессомъ человѣчества. Это обстоятельство, увеличивая число враговъ женщины, въ то же время даетъ ей многихъ и сильныхъ союзниковъ, подъ общимъ напоромъ

которыхъ должны постепенно исчезать разные виды общественныхъ золъ и напастей. Много тормазовъ, препятствующихъ нашему развитію, много преградъ на пути къ нашему благоденствію; но эти тормазы сокрушимы, эти преграды уже ветхи. Передъ умомъ, просвѣщеннымъ наукою, передъ знаніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, онѣ должны пасть и надуть одна за другой, и ужь падаютъ!“...

Трудъ Шашкова доведенъ только до середины пятидесятихъ годовъ, т. е. до того времени, когда вопросъ объ эмансипаціи женщинъ переживалъ лишь платоническій расцвѣтъ и былъ еще очень далекъ до своего осуществленія въ конкретныхъ явленіяхъ практической жизни. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, и женщины успѣли одержать не мало побѣдъ, достигнуть значительныхъ улучшеній въ своемъ социальномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ „опыта историческаго изслѣдованія“, сочиненіе Шашкова имѣетъ большую цѣнность и по нынѣ, такъ что позднѣйшіе русскіе изслѣдователи „женской доли“ всегда пользуются этимъ сочиненіемъ для своихъ выводовъ и заключеній.

Что касается непосредственно Россіи и исторической судьбы женщинъ здѣсь, то и въ данномъ случаѣ приходится на первыхъ порахъ отмѣтить работу того же автора подъ заглавіемъ „Исторія русской женщины“¹⁾, которая въ значительной степени легла въ основаніе новѣйшаго труда по женскому вопросу г. К. В.: „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націй“, и именно въ той его части, которая посвящена нашему отечеству. Объемистое сочиненіе автора, скрывшаго свое имя подъ означенными литерами, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и смѣло можетъ быть рекомендовано, какъ послѣднее слово въ общей литературѣ Россіи по женскому вопросу. Однако эта рекомендація труда можетъ быть сдѣлана лишь съ существенной оговоркой. Въ работѣ г. К. В. очень хороша историческая часть, основанная на западно-европейскихъ трудахъ самаго послѣдняго времени; чрезвычайно полны здѣсь и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, а также сдѣлано прекрасное освѣщеніе фактовъ современной дѣйствительности; заслуживаетъ горячей симпатіи и точка отправленія его работы, обнаруживающая въ немъ человѣка гуманнаго, просвѣщеннаго, идущаго въ уровень съ вѣкомъ и отдающаго себѣ ясный отчетъ въ недугахъ и болѣзняхъ этого вѣка... Но за всеѣмъ тѣмъ, тотъ же авторъ, по адресу котораго приходится сказать столько хорошаго, чрезвычайно слабъ въ созидательной части своего труда, совершенно произвольно и бездоказательно полагая центръ тяжести средняго и высшаго общаго женскаго образованія въ отживающей свой вѣкъ классической системѣ. Для анализа внутренняго содержанія человѣческой мысли,—говоритъ онъ,—необходимо филологическое изощреніе ума, развивающее въ немъ пытлиую наблюдательность, обращенную къ облеченной въ слово мысли; этого можно достигъ изученіемъ именно древне-классическихъ языковъ, которые по своей полнотѣ, законченности, по способности выражать тончайшіе изгибы человѣческой мысли (греческій языкъ) являются по истинѣ перво-

¹⁾ Издавіе А. Суворина, второе исправленное и дополненное, 1879 года.

образомъ всѣхъ европейскихъ языковъ“. Не будемъ спорить съ авторомъ, желающимъ „изошрить“ мысль современной женщины прелестями греческой грамматики, — будемъ надѣяться, что ихъ минуетъ необходимость прокрустовой операціи мозга: эта операція слишкомъ дорого стоила „сильной половинѣ“ рода человѣческаго, и въ настоящее время уже дѣлается кое-что, чтобъ сгладить печальныя ея послѣдствія.

Оставляя споръ по этому предмету въ сторонѣ, считаю долгомъ отмѣтить общій взглядъ на женскій вопросъ почтеннаго изслѣдователя.

„Та нація, — говоритъ г. К. В., — которая своею производительною силою считаетъ только одного мужчину, а средствомъ увеличенія интеллектуальной производительности только одно мужское образованіе, съ достиженіемъ крайняго предѣла въ реальномъ развитіи мужчины, въ то же время дойдетъ и до крайняго предѣла своей платежной способности. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи удовлетворять дальнѣйшимъ расходамъ, нужнымъ для охраненія ея цѣлости, нація и въ міровой борьбѣ за существованіе окажется первой по своей несостоятельности и будетъ осуждена сперва на потерю своей политической самостоятельности, а потомъ и на вымирание, уступивъ свое мѣсто болѣе сильной соперницѣ. Наоборотъ, нація, сумѣвшая первая прочно поставить правильное и законченное образованіе женщины, крайнимъ предѣломъ реального образованія мужчины далеко еще не обусловитъ крайняго предѣла использования его интеллектуальныхъ производительныхъ силъ, такъ какъ вліяніе женщины на эти послѣднія будетъ не парализующее, какъ это въ сущности бываетъ при неправильной постановкѣ женскаго развитія, а, напротивъ, оживляющее. Женщина, получившая соответственное законченное образованіе, въ союзѣ со школьной подготовкой мужчины и жизненной его опытностью, сдѣлается сильнымъ импульсомъ наибольшаго использования производительныхъ силъ его, а слѣдовательно и всей націи, и отодвинетъ крайній предѣлъ платежной способности націи на тысячелѣтіе, обезпечивъ этимъ и прочное ея существованіе и первенство ея передъ другими, борющимися съ нею за существованіе“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и г. К. В., подобно Шашкову, полагаетъ успѣхъ женскаго вопроса въ умственномъ и нравственномъ развитіи женщины, въ подъемѣ ея культуры. Эта точка зрѣнія сближаетъ обоихъ русскихъ изслѣдователей и позволяетъ намъ одинаково охотно пользоваться ихъ работами для представленія картины борьбы женщины за свободу и побѣды, ею одержанныхъ въ теченіе этой борьбы.

Болѣе сжато представлены историческія судьбы женщинъ въ трудѣ г. Оровича: „Женщина въ правѣ“¹⁾, гдѣ авторъ, исходя въ своемъ воззрѣніи на женскій вопросъ изъ требованій современнаго прогресса, подобно Шашкову и г. К. В., полагаетъ всю силу вопроса въ просвѣщеніи женщинъ. „Центръ тяжести женскаго вопроса, — говоритъ онъ, — по нашему мнѣнію, лежитъ въ очень немногомъ, и прежде всего и главнѣе всего — въ правѣ женщинъ на образованіе. Невѣжество женское, можетъ быть, представляетъ еще худшее зло для общества, чѣмъ невѣжество мужское, потому что всѣ интимныя и наиболѣе важныя стороны нашей жизни находятся въ рукахъ женщинъ“.

Работа г. Оровича имѣетъ для русскихъ читательницъ особо важное значеніе: онъ суммировалъ особую литературу о женщинахъ, — а именно:

¹⁾ Юридическая Библиотека. Изданіе Я. Конторовича, № 4. Спб. 1895.

законодательныя положенія о нихъ. Важность этой литературы справедливо разъяснена имъ слѣдующими словами: „здѣсь и законодатели, подобно авторамъ афоризмовъ, кратко и опредѣленно высказываютъ свои мысли о женщинахъ... Только эти законодательные афоризмы мало читаются, и меньше всего тѣми, которыхъ они касаются—женщинами; многіе изъ этихъ афоризмовъ въ точности неизвѣстны даже большинству юристовъ, а публика имѣетъ о нихъ самыя смутныя представленія. Между тѣмъ по нимъ опредѣляется положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ, ими устанавливаются ея личныя и имущественныя права и обязанности, и сообразно съ ними складывается и протекаетъ ея существованіе въ различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ она выступаетъ въ жизни“.

Вотъ въ виду этого-то пробѣла знанія своихъ правъ русскими женщинами, изслѣдователь въ обширномъ приложеніи къ работѣ далъ сводъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола и разбросанныхъ въ нашемъ сводѣ законовъ по разнымъ его томамъ и отдѣламъ. Эта часть („приложеніе“) имѣетъ большое практическое значеніе, такъ что весьма желательно, чтобы наши дамы обстоятельно познакомились съ трудомъ г. Оровича, какъ съ полезнымъ пособіемъ и справочнымъ изданіемъ для многихъ случаевъ жизни.

Перечисленными тремя русскими авторами можно свободно ограничиться для изученія историческихъ судебъ женщинъ, и ихъ-то я и кладу въ дальнѣйшую историческую часть моей работы. Лица же, интересующіяся иностранными источниками и указаніями на детали, найдутъ въ примѣчаніяхъ къ работѣ г. К. В. богатѣйшій матеріалъ.

II.

Хотя изслѣдованію жизни первобытнаго человѣка посвящено не мало ученыхъ работъ, однако этотъ предметъ еще далеко не можетъ считаться вполне выясненнымъ и исчерпаннымъ. Нѣмецкій ученый Бахофенъ въ своей замѣчательной работѣ, посвященной „материнскому праву“¹⁾, устанавливаетъ слѣдующія четыре положенія: 1) въ первобытномъ состояніи люди жили, не имѣя понятія о бракѣ въ современномъ смыслѣ; половое общеніе между ними не было ничѣмъ ограничено (гетеризмъ); 2) такое отношеніе половъ устраняло всякую возможность опредѣлить, отъ какого именно отца происходили дѣти, появившіяся у матери. Поэтому родъ или принадлежность дѣтей могли считаться только отъ матери. По той же причинѣ на дѣтей и на всѣ отношенія къ нимъ у отцовъ не могло быть никакого права, а были только права матери; 3) въ первобытномъ состояніи женщины занимали высшее положеніе—

¹⁾ Г. Тардъ. Происхожденіе семьи и собственности. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ материалистовъ. Спб. 1896.

это былъ періодъ „царства женщинъ“, гдѣ матери оказывалось величайшее уваженіе; 4) когда это состояніе стало переходить въ единобрачіе, возникла побѣда отцовскаго права надъ материнствомъ.

Тардъ опровергаетъ Бахофена и дѣлаетъ слѣдующій выводъ относительно первобытной формы полового сожителства ¹⁾: „примитивныя брачныя отношенія были сами по себѣ очень различны: въ одномъ мѣстѣ было единобрачіе, въ другомъ многоженство, въ третьемъ, можетъ быть, полиандрія. Если выдвинулось и побѣдило единобрачіе, то никакъ не потому, что къ этому неизбѣжно ведетъ какая-то роковая неизбѣжная эволюція“. Дѣло объясняется, по Тарду, побѣдой надъ другими націями тѣхъ націй, которыя приняли эту высшую форму брака. Трудно сказать, восторжествовала ли бы моногамія, если бы завоеваніе полимагическихъ арабовъ охватило всю Европу.

Оставляя въ сторонѣ темный и запутанный вопросъ о первобытномъ состояніи семьи и о положеніи женщины въ доисторическую эпоху, посмотримъ, каковою мы застаемъ ее въ исторической періодъ жизни человѣчества, при чемъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что уже на зарѣ исторической жизни мужчина является представителемъ грубой физической силы, насилія и зла, женщина же—представительницей знанія, труда, этики въ семьѣ и націи, т. е. тѣхъ элементовъ нашего существованія, коими наше время дорожитъ въ особенности.

Греція въ лицѣ Спарты представляетъ первыя попытки точно опредѣлить положеніе женщины въ обществѣ и государствѣ. Въ женщинѣ признается здѣсь только значеніе производительницы рода человеческого съ отрицаніемъ ея духовной стороны. Все вниманіе законодателя было обращено на тренировку ея тѣла, которое должно плѣнять юношей и склонять ихъ къ скорѣйшему брачному сожителству. Дѣвушка принимала совместно съ молодыми людьми участіе въ гимнастикѣ, но какъ только она выходила замужъ, — всякій доступъ къ общественнымъ занятіямъ для нея прекращался, и ей предоставлялось исключительно посвящать себя домашнимъ работамъ и производить на свѣтъ здоровыхъ гражданъ. Ксенофонтъ говоритъ: „Ликургъ главнымъ образомъ старался закалить тѣло дѣвушки для того, чтобы плодъ, зараждающійся въ крѣпкомъ тѣлѣ, хорошо удался, и чтобы она сама приобрѣла силу для легкаго и безопаснаго перенесенія родовъ“. Строгія отношенія въ семьѣ, которыя поддерживались законодательствомъ, стали, однако, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ ослабѣвать и уступать мѣсто распущенности и паденію нравовъ. Персидскія войны имѣли своимъ непосредственнымъ результатомъ вырожденіе единобрачія въ полную общность женъ, что въ свою очередь повело къ полнѣйшему разложенію общества. Одно-

¹⁾ См. ст. Оболенскаго, стр. 33.

стороннее воспитаніе женщины съ ея выхолненнымъ тѣломъ послужило въ данномъ случаѣ удобной почвой для необузданнаго разврата Востока; семья исчезла, и Спарта вскорѣ сошла съ арены исторической жизни.

Иначе рисуется положеніе іонической женщины. Здѣсь уже въ глубокой древности мы наблюдаемъ совмѣстное развитіе мужчинъ и женщинъ, равновѣсіе самостоятельнаго развитія интеллектуальныхъ силъ, благодаря чему устанавливается порядокъ вещей, который позволяетъ Греціи выставить высокій образъ женщины—Саффо и нѣкоторыхъ другихъ. Солонъ, установивъ экономическое и социальное равенство мужчинъ и женщинъ, допустилъ однако въ своемъ мудромъ законодательствѣ въ отношеніи послѣднихъ одну несправедливость, имѣвшую для страны гибельныя послѣдствія: онъ лишилъ женщину образованія. Между мужемъ и женою современемъ, благодаря этому, образовалось духовное разъединеніе, пропасть, которая подъ вліяніемъ Востока (персидскихъ войнъ) и восполнилась гетеризмомъ. Формально-юридическій бракъ пересталъ удовлетворять мужчинъ, и они сѣвшили найти себѣ духовное удовлетвореніе на сторонѣ. Строгость брачныхъ отношеній прежняго времени, основанная на равновѣсіи интеллектуальныхъ силъ, уступила мѣсто легкомысленной измѣнѣ, невѣрности и страсти къ свободнымъ отношеніямъ. Женщины—жена и мать, были унижены въ тотъ періодъ даже законодательствомъ. Уже Демосеенъ открыто заявляетъ: „мы беремъ себѣ женъ, чтобы рождать хорошихъ дѣтей, наложницъ—чтобы за нами хорошо ухаживали, и гетеръ—чтобы наслаждаться любовью“. Гетеризмъ повелъ Грецію къ полному разложенію семьи, народа, націи: съ исчезновеніемъ матери-гражданки, исчезъ и творческій геній Эллады. Но, оставивъ исторіи печальный примѣръ паденія, та же Греція завѣщала грядущимъ временамъ высокій образецъ того, какъ слѣдуетъ понимать женскій вопросъ и какъ онъ долженъ быть разрѣшенъ по законамъ разума и справедливости.

Величайшій геній Эллады, Платонъ, въ своей „Политикѣ“ учитъ ¹⁾, что природа женщины и мужчины та же самая, кромѣ того только, что мужская сильнѣе, а женская слабѣе. Силы природы равно разлиты въ обоихъ живыхъ существахъ; по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; женщины могутъ быть врачами, музыкантами, любительницами мудрости, т.-е. философами; пусть онѣ принимаютъ участіе въ войнѣ и другихъ касающихся государства занятіяхъ. Только женщинамъ, по слабости ихъ пола, изъ всѣхъ этихъ дѣлъ нужно предоставлять болѣе легкія, чѣмъ мужчинамъ. Отводить женщинамъ какія либо особенныя занятія, чуждыя мужчинамъ, значитъ противорѣчить природѣ женщинъ. Въ сочиненіи „Пиръ“ греческій мудрецъ проводитъ ту же идею одинаковости мужской и женской природы: мужчина и женщина—двоица одного, почему каждый изъ нихъ всегда ищетъ другого.

¹⁾ „Душевные свойства женщинъ“. Публичныя лекціи П. О. Карышева. Сиб. 1896.

Идеи Платона послѣ долгаго забвенія, какъ читатель увидитъ дальше, нашли себѣ сильнаго апологета въ XVII ст., въ лицѣ Пулэна Барра, который и развилъ Платоновскіе тезисы въ сочиненіи „О равенствѣ двухъ половъ“.

Не меньше Греціи заслуживаетъ вниманія историческая судьба женщинъ Рима. Въ доисторическое время „вѣчнаго города“ мы встрѣчаемъ у патриціевъ строгую форму брака, гдѣ жена вполне ступенчается передъ мужемъ: она, подобно домашнему инвентарю, собственность главы семьи, который и воленъ надъ ея жизнью и смертию. Но уже при Ромулѣ семейное положеніе начинаетъ смягчаться, и съ этого времени появляется рядъ узаконеній, упорядочивающихъ супружескія отношенія. Что же касается плебеевъ, то здѣсь царилъ свободный бракъ, при которомъ существовала полная обособленность половъ и безсвязность отношеній. Борьба плебеевъ съ патриціями сконцентрировалась около брачнаго права, и въ концѣ концовъ первые одержали въ этой области полную побѣду. „У римлянъ съ древнѣйшихъ временъ, и во всѣ періоды ихъ исторіи господствуетъ въ бракѣ строго моногамическая форма, — говоритъ г. К. В. въ 3-й главѣ сочиненія „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“.

„Не смотря на сурово-деспотическій, повидимому, складъ семейной жизни, женщина въ древнемъ Римѣ вела въ дѣйствительности болѣе самостоятельную жизнь и занимала болѣе почетное положеніе, чѣмъ современная ей греческая женщина. На это отчасти указываетъ уже узаконеніе, освобождающее женщину отъ всякой работы на мужа, а также свободное посѣщеніе ею театровъ и прочихъ зрѣлищъ и народныхъ празднествъ. Нума учреждаетъ институтъ весталокъ, которыя, какъ представительницы чистоты и цѣломудрія, должны оберегать священный огонь. Для сохраненія женской чести запрещается привлекать женщину къ суду“.

Женщина въ римскомъ строѣ общества не была лишена и образованія: къ концу V столѣтія мы встрѣчаемъ школы, гдѣ дѣвочки обучаются одинаково съ мальчиками. Почетное положеніе, неприкосновенность женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбежность семьи сохранялись здѣсь до II столѣтія до Рождества Христова, послѣ каковаго времени наблюдается паденіе нравовъ и уваженія къ женщинѣ, что, въ концѣ концовъ, привело къ разложенію семьи и государства. Начало порчи нравовъ было внесено въ римское общество сближеніемъ съ греками: „повсемѣстно вмѣстѣ съ греческимъ образованіемъ, — говоритъ г. К. В., — проникалъ въ домъ и зародышъ разложенія патриархальныхъ семейныхъ основъ“.

„Строгія формы брака стали выводиться, — продолжаетъ далѣе тотъ же авторъ, — да и самый бракъ потерялъ прежнее религіозное и государственное значеніе, сдѣлавшись простой и часто пустой формальностью; появились неизвѣстные въ прежнія времена разводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство женщинъ пало еще ниже. Теперь она потеряла и свое прежнее государственное значеніе и, что особенно важно, — всякую нравственность и уваженіе въ себѣ... Достаточно было женщинѣ

самой нарушить строгость брачныхъ узъ и потерять уваженіе къ самой себѣ, чтобы попасть въ то унижительное положеніе, въ которомъ она очутилась во времена эмансипаціи плоти. Насколько часто женщины разводились и мѣняли мужей, настолько же легко и мужья дѣлали то же самое и не рѣдко при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ и безъ всякаго повода... Патрицій, утомленный побѣдами и обезпеченный отъ притязаній плебея, который, отказавшись отъ власти, просилъ только хлѣба и зрѣлищъ, искалъ удовольствія въ обществѣ греческихъ гетеръ; жена же его, матрона, соперничала съ гетерой, пользуясь всевозможными средствами и предметами роскоши, чтобы нравиться и обольщать мужчинъ; она сама сдѣлалась куртизанкой... Непроизводительно тратя время дома на наряды, матрона остальное время проводила въ такомъ же родѣ: она или въ банѣ—этомъ притонѣ тогдашняго великосвѣтскаго общества—сравниваетъ свое тѣло съ тѣломъ куртизанки; или въ театрѣ наслаждается созерцаніемъ безнравственныхъ греческихъ комедій; или въ циркѣ страстными глазами смотритъ на дикія, безчеловѣчныя битвы, рукоплещетъ при видѣ льющейся крови и послѣ ревниво ищетъ любви побѣдителя... Понятно, что при такомъ состояніи общества всякій сколько нибудь нравственный человѣкъ ужасался даже при одной мысли о вступленіи въ бракъ: безнравственные же люди считали бракъ лишней обузой, такъ какъ и помимо его легко можно было удовлетворить свои чувственные инстинкты, не налагая на себя дальнѣйшихъ обязательствъ. Все это болѣе и болѣе увеличивало безбрачіе. Къ этому присоединилось желаніе безнравственныхъ женщинъ избавиться отъ дѣтей, для чего принимались всевозможныя и самыя безчеловѣчныя мѣры... Полное распаденіе семьи и нравственныхъ основъ въ частной жизни въ корнѣ подорвало и государственный строй: всюду царилъ насилие, подкупъ и полная безнравственность...“

Юридическія права римской женщины обрисованы г. Оровичемъ ¹⁾ слѣдующимъ образомъ:

„Хотя суровыя постановленія древне-римскаго права постепенно смягчаются, но, въ общемъ, положеніе римской женщины остается зависимымъ и безправнымъ. Однако, при всей зависимости и безнравности римской женщины, римское право все-таки внесло огромный прогрессъ въ положеніе женщины. У римлянъ нѣтъ рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, но практичность, свойственная имъ, подсказывала имъ необходимость укрѣпить семью, сдѣлавъ, въ интересахъ общественныхъ, жену неразлучной съ мужемъ и прикрѣпивъ ее къ домашнему очагу. *Ubi tu Gaius, ego Gaia* — формулируетъ законъ супружескія отношенія, и въ этой формулѣ заключается для женщины значительная доля равноправія. Благодаря этому, безправность женщины не мѣшала матерямъ играть выдающуюся роль въ жизни семьи и своимъ вліяніемъ на дѣтей оказывать огромное вліяніе также на политическую жизнь. Известно, какое вліяніе имѣли матери многихъ политическихъ дѣятелей Рима (Корнелія—мать Гракховъ). Впослѣдствіи типъ римской матроны выродился въ тины Агриппинъ и Мессалинъ.“

Это вырожденіе типа женщины какъ въ исторіи Греціи, такъ и въ судьбахъ Рима аналогично съ аналогичными-же послѣдствіями—вырожденіемъ народностей.

Такимъ образомъ, въ тотъ историческій періодъ мужчина успѣваетъ создать домашній очагъ, упорядочить семейныя отношенія и дать возможность женщинѣ развить свои интеллектуальныя силы въ качествѣ матери и супруги. Пока мужчина блюдетъ свой домашній очагъ, строй общественный, хотя и носитъ на себѣ характеръ суровый, узко-консерва-

¹⁾ „Женщина въ правѣ,“ стр. 16—17.

тивный и эгоистическій, тѣмъ не менѣе крѣпокъ и жизнененъ. Но вотъ соприкосновеніе съ другими народностями расширяетъ умственный кругозоръ тогдашняго мужчины; онъ начинаетъ эмансипироваться отъ строгихъ путей прежней патріархальной жизни и на первыхъ же порахъ переноситъ на родную почву тѣ новыя начала, которыя болѣе всего отвѣчаютъ грубымъ похотямъ его животной природы. Женщина-мать перестаетъ его удовлетворять, духовная связь между нимъ и женой рушится, и на сцену во всей силѣ и показномъ блескѣ является гетеризмъ, гдѣ во всякомъ случаѣ женщина, главнымъ образомъ, оцѣнивается съ точки зрѣнія ея половой доступности. Провозглашается снова, какъ и нѣкогда въ Спартѣ, культъ тѣла, но уже не на потребность продолженія здороваго рода человѣческаго, а въ интересахъ похоти этого тѣла. Жена-мать оскорблена въ самыхъ ея святая святыхъ, брачное ея ложе осквернено; но, взаменъ утраченнаго счастья, ей не дается никакихъ политическихъ, никакихъ общественныхъ правъ.

Одинокая и обездоленная, съ дурными примѣрами на глазахъ, отдаленная отъ истиннаго просвѣщенія и участія въ общественныхъ радостяхъ, она находитъ въ своемъ горѣ единственное утѣшеніе—послѣдовать примѣру супруга, то-есть съ своей стороны оскорбить, по доброй уже волѣ и личной инициативѣ, брачное ложе, которое такъ долго считалось священнымъ и неприкосновеннымъ. Эмансипировавшись отъ семейныхъ обязанностей, мужъ и жена явились совершенно чуждыми другъ другу и начали уже тяготиться чувствомъ дѣтской привязанности: за разрушеніемъ спальни непосредственно послѣдовало и разрушеніе дѣтской. Женщина перестала съ гордостью показывать на уютно убранную комнату своихъ дѣтей, какъ на величайшее богатство и сокровищницу своей жизни. Она освободилась отъ обязанностей, но не приобрѣла рѣшительно никакихъ правъ, кромѣ... права разврата.

Изъ государственной и общественной жизни выпала, такимъ образомъ, самая основная клѣточка, безъ замѣны ея какою нибудь новою, органически сродною со всеѣмъ социальнымъ тѣломъ. За исчезновеніемъ семьи, быстро послѣдовало разрушеніе общества и государства, что и привело въ концѣ концовъ къ полному вырожденію націи. Во всемъ этомъ печальномъ историческомъ процессѣ заслуживаетъ, однако, вниманія то, что женщина начинаетъ сознавать свою силу, научается бороться за свои права.

Такъ, когда въ сенатѣ поднялась рѣчь объ отмѣнѣ закона Орпія ¹⁾, женщины въ день предполагавшагося обсужденія закона собрались на форумѣ въ громадномъ количествѣ и усиленно уговаривали сенаторовъ и консуловъ возстановить ихъ ограниченныя права. Ихъ настоянія увѣнчались успѣхомъ, и блестящая рѣчь суроваго трибуна Катона не произвела должнаго впечатлѣнія, хотя слова его и заключали въ себѣ

¹⁾ Lex Orpiana, по коему римлянка не имѣла права носить на себѣ болѣе поль-унціи золота, не имѣла права носить пестрыхъ нарядовъ и прочее въ томъ-же родѣ.

глубокій смыслъ и оправдались дальнѣйшимъ ходомъ вещей. „Если вы сдѣлаете это теперь (т. е. отмѣните законъ), говоритъ онъ, не исправивъ своей ошибки болѣе серьезнымъ образованіемъ женщинъ, то вы увидите, что онѣ, въ силу своего неразумѣнія, какъ звѣри, сорвавшіеся съ цѣпи, съ момента, когда вы сдѣлаете ихъ полновластными, превзойдутъ васъ разнузданностью, и Римъ окончательно потеряетъ гражданку и мать будущихъ гражданъ.“

Эти слова убѣждаютъ насъ, что уже во 2-мъ столѣтіи до Рождества Христова лучшіе представители общества были проникнуты сознаниемъ, что гражданство и материнство неразрывно связаны съ серьезнымъ образованіемъ женщины. Рядомъ съ этимъ весь эпизодъ съ „Lex Orria“ свидѣтельствуешь, что женщины убѣждаются уже въ необходимости защиты своихъ правъ собственными силами и начинаютъ сознавать естественную наличность своихъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, своего человѣческаго „я“, независимаго отъ мужчины.

III.

Историческія судьбы женщины въ періодъ до великой французской революціи чрезвычайно печальны, но заслуживаютъ также вниманія, какъ упорная борьба за свои права и за социальное равенство съ сильной половиной рода человѣческаго.

„Юридическое положеніе средневѣковыхъ женщинъ развивалось подъ вліяніемъ борьбы римско-германскаго и каноническаго права, говоритъ С. Шашковъ ¹⁾. Въ теченіе смутнаго времени, которыхъ начинается исторія новой Европы, женщины, по патріархальнымъ обычаямъ варваровъ, подлежали разнымъ формамъ половой опеки, право на которую женихъ покупалъ у отца невесты. Въ средневѣковыхъ кодексахъ положеніе женщины опредѣляется смѣсью принциповъ римскихъ и варварскихъ: незамужнія женщины, за извѣстными мѣстными исключеніями, пользовались, подъ вліяніемъ идей римской юриспруденціи, значительной свободой, а замужнія женщины, по обычаю варваровъ, состояли подъ властью мужа и были почти безправны. Каноническое законодательство увеличивало эту безправность и поддерживало ее до такой степени, что положеніе женщинъ было хуже всего въ тѣхъ европейскіхъ странахъ, въ которыхъ брачное законодательство наиболѣе развивалось подъ вліяніемъ каноническаго права, напримѣръ, въ Англіи. Каноническое законодательство всѣми силами помогало осуществленію тираническихъ притязаній феодальнаго мужа... приводило ихъ въ систему и обладало авторитетомъ священности. По воззрѣніямъ католицизма, жены должны не только подчиняться мужьямъ, но и быть ихъ служанками. „Католическая женщина,—говоритъ Лоранъ,—существо безличное и безправное. На ней тяготѣетъ проклятіе, вложенное на Еву. Подъ вліяніемъ этого вѣрованія христіанства, средніе вѣка и были менѣе благоприятны для женщины, чѣмъ законодательства варварской эпохи.“ По законамъ варваровъ, напримѣръ, вира за женщину была больше виры за мужчину, а по средневѣковому христіанскому праву женская вира равнялась только половинѣ мужской. Католицизмъ благоприятствовалъ только вдовамъ и сиротамъ, забота о которыхъ была первою обязанностью христіанской филантропіи въ тѣ смутныя времена. Цѣлыхъ три четверти

¹⁾ „Историческія судьбы женщины, дѣтубійство и проституція“, стр. 183.

столѣтія церковь заботилась объ участи женъ, переживавшихъ своихъ мужей, и наконецъ ей удалось водворить принципъ вдовой пенсіи въ обычномъ правѣ всей Западной Европы. Но заботы патеровъ о сиротахъ и вдовицахъ объясняются столько же требованіями евангельской филантропіи, сколько и тѣмъ рядомъ фактовъ, что имущества вдовицъ и сиротъ путемъ завѣщаній и пожертвованій несравненно чаще переходили въ руки духовенства, чѣмъ имущества семейныхъ женщинъ, связанныхъ интересами фамилій.“

Уже на основаніи приведенной выдержки изъ Шашкова мы видимъ, что взглядъ варваровъ-германцевъ на женщину былъ возвышеннѣе взгляда, установленнаго римской культурой, но эта возвышенность царила недолго, и уже въ VII вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ положеніе галло-римской женщины рисуется чрезвычайно мрачными красками — она цѣликомъ уходитъ въ развратъ. Христіанство прививалось къ обществу только своей внѣшней стороной: въ законодательство вносились только формы христіанства, а сущность оставалась варварская, испорченная вліяніемъ римской цивилизаціи. „Церковное освященіе брака вошло только въ силу въ концѣ среднихъ вѣковъ, — читаемъ мы въ книгѣ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“. До тѣхъ же поръ вѣнчаніе вовсе не считалось необходимою, хотя церковь еще со временъ Карла Великаго требовала, чтобы бракъ былъ непременно признанъ ею и не совершался безъ священническаго благословенія. Уже въ VIII столѣтіи наложничество процвѣтало при дворѣ франкскихъ королей и заправляло дѣлами. Церковныя постановленія не устранили и самихъ служителей церкви, которые наравнѣ съ другими предавались разврату.“

Феодальная жизнь и рыцарство внесли въ судьбу женщины значительную переменъ. Запнувъ женщину въ готическомъ замкѣ, феодализмъ уничтожилъ всякую индивидуальность женщины, но зато усилилъ значеніе брачнаго института. Любовь, необходимый элементъ семейнаго союза, отсутствовала здѣсь, и надъ головою женщины грозно повисло формальное право главы семьи, давшее ему, какъ и нѣкогда въ патриархальномъ строѣ доисторическаго римскаго общества, необузданный просторъ надъ жизнью жены. На этомъ-то мрачномъ фонѣ семейныхъ отношеній и возникло рыцарство, какъ защита и оплотъ женщины; но рыцарство возвело слабость женскаго пола чуть не въ уродство, пересолило, что называется, въ своемъ стараніи, унизило человѣческое достоинство, провозгласивъ женщину какимъ-то полочеловѣкомъ, человѣкомъ-ребенкомъ. „Неестественность отношеній къ женщинѣ видна особенно изъ того, что обожаніе женщины существовало наряду съ глубокимъ презрѣніемъ къ ней, какъ къ дочери, сестрѣ, женѣ и даже матери“, — справедливо утверждаетъ г. К. В. — Католичество, понявъ прекрасно все значеніе душевныхъ свойствъ женщинъ, сначала воспользовалось для укрѣпленія своего вліянія умственными ихъ способностями.

И вотъ мы наблюдаемъ оригинальное явленіе: въ то время какъ средневѣковое мужское населеніе высшихъ классовъ тонетъ во мракѣ невѣжества, женская половина рода человѣческаго дѣлаетъ быстрые успѣхи

въ своемъ развитіи и просвѣщеніи... „Уже въ VII и VIII вѣкахъ число женскихъ монастырей значительно превышаетъ число мужскихъ, при чемъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ монахини несравненно образованнѣе монаховъ,—говоритъ г. К. В. Монастыри того времени были первыми высшими школами, въ которыхъ монахини, кромѣ богословія, обучались астрономіи и врачеванію. При монастыряхъ учреждались элементарныя школы, гдѣ преподаваніе велось монахинями, и гдѣ получали образованіе дѣти не только дворянскаго, но и изъ низшаго сословія, такъ что нерѣдко на школьной скамьѣ рядомъ съ знатной аристократкой сидѣла мѣщанка.“ Это повело къ тому, что еще въ IX столѣтіи женщины, кромѣ грамотности, были знакомы съ астрономіей и медициной и считались хорошими шахматными игроками. Духовенство, замѣтивъ сильный умственный ростъ женщинъ, усмотрѣло въ нихъ опасныхъ конкурентовъ, могшихъ противопоставить свою духовную мощь его вліянію; тогда оно объявило женскому просвѣтительному движенію войну и въ концѣ концовъ провозгласило: „вслѣдствіе того, что женщина не создана по образу Божию, она не можетъ считаться человѣкомъ.“

Мнѣніе, что „женщина не человѣкъ“, получаетъ сильное распространеніе, и этой темѣ посвящаются даже цѣлыя изслѣдованія. Рядомъ съ такого рода политикою, имѣвшей цѣлью парализовать духовное развитіе женщинъ, патеры начинаютъ ихъ усиленно развращать и развивать въ нихъ животныя инстинкты; кромѣ того, духовенство обвиняетъ всякую свѣдущую въ медицинѣ женщину изъ низшихъ классовъ въ колдовствѣ и натравливаетъ противъ нея невѣжественную массу просто-народья. Не смотря, однако, на эти неблагопріятныя обстоятельства, женское образовательное движеніе, хотя и значительно слабѣетъ, но не глохнетъ окончательно, и еще во время крестовыхъ походовъ женщина по своему умственному развитію стоитъ выше мужчины. Крестовые походы повысили культуру послѣдняго, что имѣло слѣдствіемъ возстановленіе равновѣсія интеллектуальныхъ силъ обоихъ половъ. Въ это же время выступаютъ на защиту поправныхъ правъ женщинъ нѣкоторые мыслители, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Пулэнъ Барръ, который въ своей аргументаціи превосходитъ крайнихъ апостоловъ женской эмансипаціи даже XIX вѣка.

Въ своемъ сочиненіи „О равенствѣ двухъ половъ“ ¹⁾ онъ утверждаетъ, что міръ людской дѣлится на двѣ категоріи — получающихъ образованіе и не получающихъ. Женщины относятся къ послѣдней категоріи и такъ свыклись съ такимъ положеніемъ дѣла, что считаютъ его естественнымъ, отвѣчающимъ ихъ природѣ. Между тѣмъ это—глубокое заблужденіе: оба пола абсолютно равны. Слишкомъ уже преувеличиваютъ физическую слабость женщинъ и недостатки ихъ темперамента. Существенный органъ духовной дѣятельности—голова одинакова у мужчинъ

¹⁾ П. О. Каптеревъ „Психическія свойства женщинъ,“ стр. 19.

и у женщинъ. Самое точное анатомическое изслѣдованіе мозга не обнаруживаетъ никакого различія между мужскимъ и женскимъ мозгомъ; впечатлѣнія на органы внѣшнихъ чувствъ получаются, связываются и сохраняются въ памяти и воображеніи одинаковымъ процессомъ у мужчинъ и женщинъ. Барръ полагаетъ, что женщины должны имѣть доступъ къ занятіямъ метафизикой, медициной, физикой, механикой, юриспруденціей, политикой, литературой и прочими гуманитарными науками; онъ утверждаетъ, что скуднымъ женскимъ образованіемъ какъ будто нарочно хотять затемнить ихъ умъ и отдалить отъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ.

„Нашли бы смѣшнымъ,—говоритъ средневѣковый мыслитель,—если бы увидали женщину на кафедрѣ, поучающую краснорѣчію или медицинѣ, въ качествѣ профессора; идущую по улицамъ въ сопровожденіи комиссаровъ и сержантовъ для исполненія полицейскихъ дѣлъ; произносящую рѣчи передъ судьями въ качествѣ адвоката; заседающую въ судѣ для совершенія правосудія; командуемую арміей, дающую сраженіе; говорящую передъ властями республики или князьями въ качествѣ посланника. Я согласенъ, что все это было бы удивительно, но только вслѣдствіе своей новизны. Если бы государства, организуясь, учреждая различныя должности, входящія въ составъ ихъ, призвали на эти должности и женщинъ, то мы точно также привыкли бы видѣть на этихъ должностяхъ женщинъ, какъ женщины привыкли видѣть на нихъ мужчинъ.“

Проповѣдь писателя, конечно, не находила себѣ полного сочувствія въ современномъ обществѣ, но, тѣмъ не менѣе, женщина высшаго круга XVII столѣтія по своему умственному и нравственному воспитанію, приобрѣтенному по большей части домашнимъ способомъ, стоитъ высоко, и ея вліяніе на общественныя сферы простирается очень далеко; примѣромъ тому служить г-жа Ментенонъ и основанный ею „maison Saint Суг“. Довольно сноснымъ рисуется и положеніе дѣвушки въ буржуазныхъ семьяхъ—онѣ получаютъ здѣсь нѣкоторое образованіе и въ значительной степени чувствуютъ себя свободными, при выборѣ мужа. Реформація въ сильной степени содѣйствуетъ смягченію нравовъ и развиваетъ въ обществѣ серьезный и идеальный взглядъ на значеніе личности. Но это смягченіе нравовъ проникаетъ лишь въ высшіе и средніе слои общества; низшій классъ продолжаетъ косить въ невѣжествѣ и мракѣ. „Простолюдинка закрубилась въ суровой мужской работѣ, — говоритъ г. К. В.,—вѣчно на улицѣ, на вѣтру, сильная, мускулистая, она можетъ назваться женщиной только по своему полу. Въ нравственномъ отношеніи женщина низшаго класса, начиная съ рыночной торговли и кончая несчастнымъ существомъ, продающимъ дрова на Сенъ-Бернардской площади, также груба, неотесана, какъ и физически. Посреди высокой цивилизаціи эпохи, въ самомъ центрѣ просвѣщенія, она по культурному развитію стоитъ не многимъ выше дикарки...“

Время, предшествовавшее революціи, отмѣчено печатью значительнаго культурнаго регресса въ сферѣ духовнаго развитія женщинъ: возрождается, какъ и въ древности, культъ тѣла со всеми его грязными

послѣдствіями. Рядомъ съ этимъ не наблюдается никакого расширенія правъ женщины, и ея социальное положеніе продолжаетъ быть стѣсненнымъ тисками одряхлѣвшаго римскаго права и режимомъ феодальнаго строя.

Великая французская революція, провозгласившая права личности, оказала и эмансипаціонное вліяніе на положеніе женщины. „Было бы противно справедливости, правдѣ и равенству оставлять безъ вниманія права женщинъ“,—такъ говорилъ одинъ изъ ораторовъ въ учредительномъ собраніи. И дѣйствительно, къ этому времени относится рядъ декретовъ и законовъ, имѣвшихъ цѣлью поднять значеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, а также уравнивать ея права съ мужскими. Сюда относятся декреты—объ уничтоженіи права старшинства и мужскаго пола, объ уравниеніи правъ наслѣдованія, объ ограниченіи отцовской власти, объ исключеніи прилюбоудѣянія изъ числа уголовныхъ преступленій, объ установленіи института развода и нѣкоторые другіе. „Вліяніе идей революціи лучше всего выразилось въ проектѣ гражданскаго уложенія, представленнаго на обсужденіе конвента 9-го августа 1793 года, — говоритъ г. Оровичъ ¹⁾. Въ этомъ проектѣ семейный режимъ основанъ на принципахъ свободы и равенства. Мужъ и жена, отецъ и мать, совершенно равноправны въ отношеніи власти надъ дѣтьми и въ отношеніи общаго семейнаго имущества. Никакіе акты и юридическія сдѣлки, касающіяся имущества, не дѣйствительны, если нѣтъ въ нихъ согласія обоихъ супруговъ. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ сказывается принципъ, провозглашенный въ словахъ одного изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ женщинъ—Кондорсе, что изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ прогрессомъ, наиболѣе важное—уничтоженіе предразсудковъ, установившихъ неравенство между полами. Однако, проектъ этотъ, какъ многіе другіе проекты, вызванные революціонной эпохой, не получили осуществленія и въ дальнѣйшее законодательство не вошли совсѣмъ или съ большими ограниченіями. Но они послужили началомъ дальнѣйшей пропаганды правъ.“

Расцвѣтъ этой пропаганды замѣтенъ только во второй половинѣ текущаго столѣтія, но прежде чѣмъ о немъ говорить, необходимо выяснитъ, каково же было положеніе до XIX столѣтія женщины въ Россіи, играющей въ настоящее время выдающуюся роль въ эмансипаціонномъ женскомъ движеніи.

IV.

Положеніе русской женщины въ доисторическое время отечественной жизни было вполне вольное и независимое. Она пользовалась высокимъ почетомъ среди мужчинъ и въ ихъ глазахъ являлась олицетвореніемъ добра, трудолюбія, знанія и мудрости. Честь ея ревниво оберегалась, и всякая обида, ей причиненная, каралась высокой пеней, высшей, не-

¹⁾ „Женщина въ правѣ“, стр. 28.

жели таковая полагалась за оскорбленіе мужчины. „Въ древней Руси,—говоритъ г. Оровичъ¹⁾,—женщина считалась по закону лицомъ юридически вполне самостоятельнымъ: она имѣла право владѣть всякаго рода имуществомъ, располагать имъ по своей волѣ и даже выступать на судѣ лично или черезъ повѣреннаго. Въ случаѣ судебного поединка, она могла поставить на мѣсто себя наемника. Если же истецъ и отвѣтчикъ были оба женщины, онѣ не имѣли права выставить за себя наемника: „жонки съ жонкою присуждати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону“. Замужнія женщины пользовались значительною самостоятельностью. Онѣ могли имѣть независимо отъ мужа имущество, землю, села и свободно распоряжаться ими. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена считалась даже главою дома.“

Съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Византіи, свобода и равенство исчезаютъ, и на мѣсто ихъ вступаетъ въ права патріархальное начало, гдѣ личность домочадцевъ ступевывается передъ лицомъ домовладыки. Это ступевываніе въ отношеніи женщинъ принимаетъ характеръ настоящаго рабства.

„Безличное, рабское положеніе женщины въ древне-русской семьѣ,—свидѣтельствуе г. Оровичъ,—съ ея патріархальнымъ складомъ, основаннымъ на безграничной власти владыки семьи, и при грубости нравовъ, сдѣлалось еще болѣе униженнымъ по мѣрѣ усиленія вліянія византизма, сообщившаго жизни древней Руси характеръ аскетически-монастырскій и внесшаго воззрѣніе на женщину, какъ на существо нечистое, грѣховное. Восточно-византійскіе аскетическіе взгляды, явившіеся естественной реакціей противъ распущенности нравовъ, характеризующіе послѣднюю эпоху Византійской имперіи и ополчившіеся противъ всей растлѣнной византійской цивилизаціи съ ея непоумѣрной роскошью, порочными женщинами, зазорными, противными идеаламъ христіанства, свѣтскими удовольствіями,—перешли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и направили на нашу жизнь свои изобличенія съ тѣмъ же крайнимъ ожесточеніемъ, какое вызывалось византійской дѣйствительностью. Аскетизмъ предписывалъ молитвы, умерщвленіе плоти и изгонялъ изъ жизни все мірскія удовольствія, въ особенности игры, хоробы, пляски женскія. „Пляшущая жена—любодѣйница дьявола, супруга адова, невѣста сатанна.“ Въ особенности аскетическая мысль вооружалась противъ женщинъ и изгоняла изъ жизни все, что имѣло какое либо отношеніе къ общенію между полами и къ проявленію половой любви; даже брачное сожительство считалось грѣховнымъ и терпѣлось лишь, какъ слабость человѣческая.“

Этотъ презрительный взглядъ еще усилился подъ вліяніемъ татарщины, которая перенесла къ намъ тѣ же принципы теремщины, униженія женщины, сокращенія до minimum'a ея духовныхъ потребностей, возведя ее окончательно до степени животнаго, которое необходимо только кормить и кормить на убой для ожиренія тѣла, долженствующаго придать ей особенную красоту, понятную только людямъ, находящимся на самой низкой ступени развитія. И здѣсь мы видимъ такимъ образомъ, что строй жизни провозглашаетъ культъ тѣла, при чемъ одни бѣгутъ этого жирнаго заплываго тѣла, видя въ немъ источникъ всѣхъ бѣдъ

¹⁾ „Женщина въ правѣ,“ стр. 57.

и несчастій, а другіе, напротивъ, цѣликомъ уходятъ въ обожаніе и наслажденіе этимъ тѣломъ, какъ источникомъ самаго грубаго и развратнаго пользованія и наслажденія.

Рядомъ съ этимъ обычай и, пожалуй, историческая необходимость, выработали, потребность ранняго брака, такъ что дѣвочку уже выдавали (конечно, безъ всякаго спроса съ ея стороны) замужъ двѣнадцати и даже десяти лѣтъ отъ роду. Свадебная обрядность сопровождалась самыми позорными символами перехода ея изъ-подъ власти отца во власть мужа: отецъ бралъ плеть, ударялъ свою дочь, говоря: „ты знала прежде власть отца; нынѣ эта власть переходитъ къ мужу; вмѣсто меня за ослушаніе и непочтительность этою плетью тебя будетъ учить уже другой“. И этотъ другой, воспринявъ торжественно отъ отца позорное орудіе наказанья, вѣшала его надъ брачнымъ ложемъ, какъ почетную эмблему своей неограниченной супружеской власти.

Затворничество, рабство, собачья преданность, убили въ женщинѣ всякую индивидуальность, всякій интеллектъ: она вся ушла въ чадородіе, въ производительность самки, съ полнымъ отсутствіемъ духовнаго вліянія на дѣтей. Церковь не смѣшила поднять ея духовнаго уровня и только и дѣлала, что твердила ей о покорности и послушаніи. Все это, вмѣстѣ взятое, послужило къ тому, что въ дореформенной Россіи съ страшной силой развился развратъ, который и проникъ во все общество.

„Но развратъ не ограничивался тѣми женщинами, которыхъ можно было кунить или захватить силою: онъ проникалъ всюду и увлекалъ теремныхъ затворницъ высшаго класса, которыя уже не за деньги и не по принужденію, а ради удовольствія и добровольно старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами свободной любви съ мужчинами, приходившимися имъ по вкусу, — говорить г. К. В. ¹⁾). Несмотря на невозможность, повидимому, проникнуть за стѣны терема, примѣры измѣнъ такихъ женъ были нерѣдки. Проводя время со служанками и ведя съ ними отъ скуки „пустынные рѣчи, пересмѣшныя, соромныя и безлѣпныя“, женщина пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговцевъ, гадалыцъ и, въ томъ числѣ, „потворныхъ бабъ“, „что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ“. Последнія вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно вгѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно, даже набожными богомолками... Передъ реформою Петра нравы дворцоваго терема окончательно пали, и его обитательницы отличались крайней легкостью поведенія. По раскольничьимъ извѣстіямъ, „царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна сестра ея... и бояре ходили къ нимъ и ребятъ тѣ царевны носили и душили и иныхъ на дому кормили“. У царевны Марѣи нѣсколько лѣтъ былъ на содержаніи дяконъ Иванъ и т. д. Образецъ русской аристократической Мессалины — этой грязной, отвратительной, до болѣзненнаго неистовства страстной женщины, воспѣвается простонародьемъ до сихъ поръ во многихъ мелкихъ вариантахъ пѣсни „Барыня“.

Но единственную сторону жизни русской женщины исторія сумѣла выработать въ ея пользу, именно имущественную. Уже въ древнія вре-

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 228—229.

мена женщина запаслась тѣми экономическими правами, которыя въ настоящее время составляютъ ея великое преимущество передъ женскою долей на Западѣ, и въ которыхъ лежитъ залогъ ея будущей соціальной эмансипаціи.

Шашковъ ¹⁾ и г. К. В. сводятъ имущественныя права женщинъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ: дочь, при немѣнн братевъ, могла наследовать даже недвижимое имущество, а при братѣ ея наследственная доля замѣнялась приданымъ; она даже получала на прожитокъ изъ отцовскихъ помѣстій особая доля. Въ приданое ей давалось какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, а иногда даже и цѣлья вотчины съ крестьянами. Она владѣла своими вотчинами вполне самостоятельно, могла ихъ приобретать и отчуждать и вести свои дѣла, безъ согласія мужа; жена входила съ мужемъ въ разнообразныя договоры, сдѣлки мѣновыя, купли-продажи и т. д. По смерти мужа, жена сохраняла за собою свое имущество и приданое; кромѣ того, мужья часто назначали своимъ вдовамъ на прожитокъ извѣстную долю изъ своего имѣнія, иногда же вдова вмѣстѣ съ дѣтьми получала сполна все имущество покойнаго. Такимъ образомъ, дѣвушка съ прижиточнымъ семействомъ, вдова, даже замужняя женщина были въ своихъ имѣніяхъ независимыми господами и, наравнѣ съ помѣщиками-мужчинами, должны были нести за владѣніе помѣстьемъ обязательную государственную службу въ лицѣ своихъ дѣтей, родственниковъ или постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, если положеніе русской женщины въ сферѣ этическихъ вопросовъ, въ области соціальныхъ правъ, было очень незавидно, за то она по крайней мѣрѣ была обезпечена въ своихъ имущественныхъ правахъ.

Необходимость эмансипаціи терема сознавалась еще до Петра Великаго, но только послѣдній, ломая строй древне-русской жизни сверху до низу, нанесъ смертельный ударъ и этому византійско-татарскому учрежденію. Въ интересахъ семейнаго быта, въ цѣляхъ уничтоженія рабства женской индивидуальности, преобразователь внесъ въ законодательство много такихъ положеній, которыя въ значительной степени уравнивали соціальное положеніе обоихъ половъ (уничтоженіе рядной записи, право свободнаго брака по любви, а не по принужденію, супружество съ иностранцами, уничтоженіе пытки беременныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ, свобода продолженія брачнаго сожителства съ сосланными на каторгу и пр.). Но наиболѣе сильное вліяніе на разрушеніе прежней затворнической жизни женщинъ оказали извѣстныя „Петровскія ассамблеи“, гдѣ женщины первенствовали надъ мужчинами. Правда, на этихъ танцевальныхъ собраніяхъ въ значительной степени царилъ кабачный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, они хороши были уже тѣмъ, что позволили женщинамъ порвать окончательно связь съ темнымъ прошлымъ.

Въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Елизаветѣ Пе-

¹⁾ „Исторія русской женщины“, стр. 186.

тровиѣ и Екатеринѣ II, положеніе женщины, социальное и юридическое, еще болѣе улучшается, и въ ней даже просыпается сознаніе необходимости просвѣщенія. Но, замѣчаетъ относительно того времени г. Оровичъ ¹⁾, „идеи, внесенныя въ складъ общественныхъ понятій, внесли вмѣстѣ съ тѣмъ легкость нравовъ, и XVIII вѣкъ въ русскомъ обществѣ можетъ быть отмѣченъ, какъ вѣкъ крайней нравственной распущенности, непомерной роскоши и разврата, какимъ онъ былъ въ западно-европейскихъ обществахъ, съ той разницей, что тамъ распущенность облакалась въ утонченныя формы, а у насъ она прорывалась въ формахъ крайне грубыхъ и съ характеромъ необузданности“. Эта распущенность не можетъ, конечно, быть цѣликомъ отнесена къ плодамъ новаго времени; она существовала и прежде, но тогда она прикрывалась спудомъ терема, а теперь, извлеченная оттуда и подправленная свободными идеями XVIII вѣка, получила нѣкоторое право печальнаго гражданства. Г. Михневичъ въ своей прекрасной работѣ, посвященной русской женщинѣ XVIII столѣтія „Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды“ въ значительной степени соскабливаетъ пятна съ репутаціей женщинъ того времени и рисуетъ цѣлую портретную галерею возвышенныхъ образовъ. Но представленные имъ типы были единоличными свѣточами на темномъ нравственномъ фонѣ тогдашней дѣйствительности. Общій уровень былъ очень жалокъ какъ высшаго столичнаго женскаго общества, такъ и средняго, не говоря уже про низшій. Про послѣдній г. Михневичъ по всей справедливости говорить: „какъ нынѣ, такъ и тогда, поэтъ съ одинаковымъ основаніемъ могъ воскликнуть ей (т. е. женщинѣ) изъ глубины наболѣвшаго сердца:

Ты вся воплощенный испугъ!
Ты вся вѣковая истома!

„Въ этихъ двухъ выразительныхъ стихахъ вся, можно сказать,— и древняя, и новая, и средняя исторія русской сельской женщины, и намъ прибавить къ ней отъ себя нечего“.

Со временъ Петра и вплоть до Екатерины II мы не видимъ никакихъ заботъ о поднятіи женской интеллигенціи. Женщина получила вышнюю свободу, на этой свободѣ вкусила тлетворнаго вліянія тогдашней общей нравственной распущенности и была, кромѣ того, болѣе или менѣе хорошо гарантирована закономъ въ своихъ имущественныхъ правахъ. Дальше этого ни общество, ни законодательство о ней не заботились, да и она сама не проявляла стремленій къ болѣе широкому и свѣтлому пониманію своего человѣческаго достоинства. Эти заботы впервые выдвигаются въ царствованіе Екатерины II, которая и основываетъ первое женское учебное заведеніе: „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“, впоследствии переименованное въ „Смольный институтъ“,

¹⁾ „Женщина въ правѣ“, стр. 76.

съ строго замкнутыми началами интерната. Бецкій полагалъ необходимымъ удалить дѣтей изъ семьи, дабы парализовать ея вредное вліяніе. Въ институтѣ было два отдѣленія ¹⁾: одно для воспитанія барышень, а другое—мѣщанское, для воспитанія будущихъ служанокъ; послѣднихъ, въ интересахъ барынь, обучали и иностраннымъ языкамъ. „Объ умственномъ развитіи барышень почти вовсе не заботились,—говоритъ г. К. В.,— а старались развить только вкусъ, да „изящное сердце“, что видно уже изъ одной программы преподаванія: языки—русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, архитектура, геральдика, скульптура, рисованіе, танцы, музыка, токарное ремесло, рукодѣлье, знакомство съ хозяйствомъ, исторія, географія и ариметика.“

По примѣру Смольнаго института съ того времени начали появляться и другія подобныя учебныя заведенія. Возникаютъ также и частныя пансіоны, по духу и строю подобныя своему прототипу — Смольному институту. Въ институтахъ обучались только дочери привилегированныхъ лицъ, а въ пансіонахъ— тѣ же дворянки, не попавшія въ институтъ.

Екатерина II также первая вступила въ борьбу съ женскимъ духовнымъ рабствомъ при помощи острой сатиры, гдѣ осмѣивала враждебное отношеніе къ задачамъ женскаго просвѣщенія. „На что дѣвокъ учить грамотѣ—говоритъ Чудихина въ ея комедіи „О время!“—имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше и вретъ.“ Своимъ личнымъ примѣромъ Екатерина показала, что запретная дотолѣ для женщинъ область—литература и наука, имъ доступна одинаково съ мужчинами: она проводитъ свои идеи при помощи журнала, гдѣ является и ревностной сотрудницей его и руководительницей, а во главѣ перваго въ Россіи, и по времени и по назначенію, ученаго учрежденія ставитъ женщину-же своего друга, княгиню Дашкову, прозванную современниками „россійской Минервой.“

Одновременно съ Дашковой изъ среды женщинъ того времени выдѣляются: Турчанинова, Елагина, Княжнина, Вельяшева-Волинцева, кн. Урусова, Волкова, кн. Меньшикова, Сушкова, Ржевская и др., которыя и положили въ Россіи начало женской литературной дѣятельности, которая въ наши уже дни достигла широкаго распространенія.

Все сказанное о женщинахъ Западной Европы и Россіи показываетъ, что онѣ вступили въ XIX столѣтіе при болѣе и менѣе одинаковыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. На Западѣ образованныя женщины и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи стоятъ выше русскихъ, за то послѣднія превосходятъ своихъ европейскихъ сестеръ имущественными правами; но на западѣ, въ силу болѣе быстраго хода историческихъ событій, уже на рубежѣ XVIII и нынѣшняго столѣтій громко высказываются идеи о необходимости полнаго уравненія правъ обоихъ половъ, идеи, возвѣщенные нѣкогда въ Греціи Платономъ, раз-

¹⁾ К. В., „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи,“ стр. 244.

витыя въ XVII вѣкѣ Барромъ и окончательно формулированныя въ годину великой французской революціи, которая поэтому и можетъ считаться истинной эрой въ новой исторіи женскаго вопроса.

V.

Судьба женщинъ въ исторіи настоящаго столѣтія довольно рѣзко дѣлится на два періода: первый періодъ обнимаетъ собою время съ конца великой французской революціи по конецъ сороковыхъ годовъ, второй — слѣдующую половину нынѣшняго вѣка. *Déclaration des droits de la femme*, хотя и не имѣла на родинѣ какихъ-нибудь практическихъ слѣдствій, однако глубоко забросила въ сознаніе современныхъ народовъ идею социальнаго и юридическаго равенства обоехъ половъ, и первая половина XIX ст. отмѣчена попытками со стороны женщинъ добиться хоть нѣкоторой доли этихъ правъ. Наиболѣе энергично въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ женщины Англии, Швейцаріи, Скандинавіи, Россіи, но въ особенности американскія женщины, которыя и дѣлаютъ свою родину истиннымъ очагомъ женской эмансипаціи; наиболѣе пассивными въ этомъ отношеніи оказываются нѣмки, до послѣдняго времени особенно культивирующія въ неприкосновенности романтическое „*Das ewig Weibliche*“. Большой интенсивности повсемѣстно достигаетъ женскій вопросъ во второй половинѣ настоящаго столѣтія и изъ области разсужденій и платоническихъ пожеланій переходитъ уже въ самую жизнь въ качествѣ многочисленныхъ конкретныхъ явленій, причемъ вопросъ этотъ по всей справедливости тѣсно и неотъемлемо связывается съ требованіями просвѣщенія и накопленія научныхъ знаній.

Наполеонъ I значительно ограничилъ права женщинъ, и его взглядъ на женщину не отличался особенною возвышенностью и оригинальностью. По поводу воспитательной инструкціи для пансіона въ Экуэнѣ онъ писалъ великому канцлеру ¹⁾:

„Три четверти ихъ дня должны быть посвящены рукодѣліямъ: онѣ должны вязать чулки, мыть бѣлье и вышивать, однимъ словомъ, готовить всякія женскія работы. Быть можетъ, было бы удобно дать имъ нѣкоторыя понятія о медицинѣ и о приготовленіи лѣкарствъ, насколько эти познанія необходимы для сидѣлки... Я желалъ бы образовать изъ этихъ дѣвицъ полезныхъ женщинъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что вслѣдствіе этого онѣ сдѣлались бы и привлекательными. Только та женщина можетъ одѣться со вкусомъ, которая въ состояніи сама сдѣлать себѣ платье. Танцы необходимы для здоровья, но слѣдуетъ избѣгать характерныхъ танцевъ, умѣстныхъ только на сценѣ. По части музыки я согласенъ на одну музыку вокальную. Если послѣ всего этого мнѣ замѣтять, что заведеніе не пользуется общимъ расположеніемъ, то этимъ только исполнится мое желаніе; ибо, по моему мнѣнію, наилучшій способъ обученія возможенъ только при помощи матери“.

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи,“ стр. 94—95.

Назначеніе женщинъ, по мнѣнію Наполеона, рождать какъ можно больше здоровыхъ гражданъ и воспитывать своихъ дѣтей, не мудрствуя лукаво. Взгляды на женщину-человѣка, оказавшаго такое сильное вліяніе на умы современниковъ, отразились чрезвычайно губительно на дѣлѣ женской эмансипаціи и не только во Франціи, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Время священныхъ конгрессовъ съ ихъ реакціоннымъ характеромъ отодвинуло также на задній планъ вопросъ о правахъ женщинъ, каковой только во второй половинѣ текущаго столѣтія выдвигается на очередь.

Современное законодательство о женщинѣ на Западѣ представляетъ собою смѣшеніе началъ, заимствованныхъ въ разныхъ странахъ: изъ римскаго права, легшаго въ основу общаго тамъ порядка вещей, изъ каноническаго права, постановленій эпохи феодализма и принциповъ революціоннаго порядка. Г. Оровичъ обстоятельно обрисовываетъ положеніе женщины въ V гл. своего столь часто цитированнаго мною труда ¹⁾:

„Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ сохранились еще до настоящаго времени многія черты весьма существеннаго неравенства между полами,—говоритъ почтенный изслѣдователь. По шведскому гражданскому уложенію незамужняя женщина остается всю жизнь подъ опекой, какъ несовершеннолѣтняя. Въ Испаніи до изданія новаго гражданскаго уложенія 1889 г. женщина не имѣла права быть поручительницей и устранилась отъ опеки и свидѣтельства на судѣ. Въ Италіи только послѣ изданія гражданскаго уложенія 1869 г. правовое положеніе женщины ушло далѣе положенія ея въ средніе вѣка. Почти во всѣхъ законодательствахъ существуютъ для женщины ограниченія въ области частно-публичныхъ правъ. Такъ, женщина не можетъ быть свидѣтельницей по крѣпостнымъ актамъ, по актамъ о состояніяхъ и по завѣщаніямъ (Австрія) и, кромѣ того, даже при составленіи акта о бракѣ или рожденіи (Франція); она не можетъ быть экспертомъ, третейскимъ судьей, опекуницей или членомъ семейнаго совѣта, исключая случая, когда она мать или родственница по восходящей линіи. Родительская власть при жизни отца, по большинству законодательствъ, принадлежитъ всецѣло отцу, и даже по смерти отца не вездѣ мать пользуется всей полнотой родительской власти. Наиболѣе характерной чертой современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ является установленная почти вездѣ разница въ пользованіи гражданскими правами между незамужней женщиной или вдовой и замужней женщиной... Въ новѣйшихъ законодательствахъ проводится начало, что ограниченія въ правахъ не женщина, а жена, и что ограниченіе дѣе-и правоспособности приурочивается не къ полу, а къ браку, съ которымъ оно начинается и кончается. Жена не можетъ участвовать ни въ одной юридической сдѣлкѣ безъ полномочія мужа, все равно подъ какимъ бы режимомъ ни состоялъ бракъ—подъ режимомъ ли общности или раздѣльности имущества. Она не можетъ ни приобретать, ни отчуждать, ни закладывать, ни дарить, ни получать въ даръ, ни обязывать другихъ,—словомъ, съ вступленіемъ въ супружество, она вполне утрачиваетъ свою личность и лишается всякой дѣеспособности. Затѣмъ она не можетъ выступать въ судѣ ни въ качествѣ истицы, ни въ качествѣ отвѣтчицы безъ полномочія мужа.“

Въ послѣднее время, по свидѣтельству г. Оровича, гражданская зависимость жены отъ мужа вызываетъ сильныя протесты въ виду

¹⁾ „Женщина въ правѣ“, стр. 29.

часто встрѣчающихся злоупотребленій со стороны мужей своей властью и въ виду несчастій, слѣдующихъ за неудачными браками. Въ Англии по этому предмету къ 1882 г. произошла уже радикальная реформа. По новому закону, говоритъ г. Оровичъ:

„Жена сохраняетъ право собственности и право свободнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ, которымъ она владѣетъ въ моментъ брака и которое она приобретаетъ послѣ брака, путемъ наслѣдства или заработками своего ремесла или профессіи. Она свободна обязываться договорами, искать и отвѣчать на судѣ, имѣть независимо отъ мужа торговое дѣло. Новѣйшее законодательство Соединенныхъ Штатовъ (новый кодексъ Миссисипи 1890 г.) совершенно эмансипировало замужнихъ женщинъ въ имущественномъ отношеніи. Женщинѣ и послѣ брака, какъ и до брака, предоставлена полная независимость въ отношеніи имущественныхъ правъ: она имѣетъ полное распоряженіе своимъ имуществомъ, можетъ приобретать новое, вступать во всякія сдѣлки и договоры, не завися отъ мужа и не спрашивая его разрѣшенія. За исключеніемъ Англии и Соединенныхъ Штатовъ, во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ остается полная гражданская зависимость замужней женщины. Зато для незамужней женщины или вдовы открывается полное гражданское право и дѣеспособность: она можетъ заниматься торговлей, участвовать въ банковыхъ и всѣхъ другихъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, вступать во всякія обязательныя отношенія, выступать предъ судомъ въ качествѣ стороны и свидѣтельницы, можетъ даже представлять, какъ повѣренная, и т. д. Словомъ, современная женщина въ гражданскомъ отношеніи почти совершенно освобождена отъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, которыя ей навязало римское право, и отъ которыхъ, впрочемъ, еще до сихъ поръ остались слѣды въ законодательствахъ нѣкоторыхъ странъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщина даже имѣетъ привилегіи предъ мужчиной, напр., она освобождена отъ личнаго задержанія за долги.“

Что касается имущественныхъ отношеній между супругами, то таковыя иностраннымъ законодательствомъ опредѣляются по различнымъ системамъ, изъ которыхъ супругамъ представляется сдѣлать выборъ, при заключеніи брачнаго контракта. Системы эти слѣдующія: 1) общность имущества супруговъ, по которой имущество каждаго изъ супруговъ, принадлежавшее ему до брака, а равно и приобретаемое въ теченіе брака, становится общимъ нераздѣльнымъ имуществомъ; 2) разединеніе имущественныхъ правъ супруговъ, при которомъ бракъ не оказываетъ никакого вліянія на имущественныя отношенія супруговъ; 3) *régime total*—неприкосновенность приданого, которое, поступаая въ распоряженіе мужа, обезпечивается залогомъ на его имущество.

Въ настоящее время, говоритъ г. Оровичъ:

„Въ наслѣдственныхъ правахъ женщина уравнена почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ Англія (и Россія), гдѣ еще не достигнуто уравненіе правъ женщины въ области наслѣдованія. Въ Англіи сохранилось устраненіе дочерей отъ наслѣдованія въ недвижимыхъ имуществахъ, при наличности сыновей. При отсутствіи же сыновей, дочери вступаютъ въ права наслѣдованія, причемъ дѣлятъ имущество поровну между собою, а не по принципу старшинства, какъ это имѣетъ мѣсто при наслѣдованіи сыновьями, изъ которыхъ младшіе совсѣмъ не наслѣдуютъ. Въ движимыхъ имуществахъ женщины наслѣдуютъ наравнѣ съ мужчинами. Во всѣхъ другихъ государствахъ въ области наслѣдованія не существуетъ никакихъ ограниченій для

женщинъ, которыя наравнѣ съ мужчинами наследуютъ на одинаковыхъ основаніяхъ какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ.“

Любопытно также отмѣтить, каковы юридически-государственныя права женщинъ въ Японіи, этой молодой странѣ европейскаго прогресса, которая идетъ такими быстрыми шагами по пути экономическаго и соціальнаго улучшенія.

„Постановленія закона Уейяса хотя и стремятся нѣсколько оградить здѣсь право жены, но въ дѣйствительности они ихъ совсѣмъ не ограждаютъ,—говоритъ г. Пеликанъ въ своемъ изслѣдованіи о Японіи ¹⁾). При патриархальномъ строѣ японскаго гражданскаго быта глава семейства контролируетъ жизнь всѣхъ своихъ семейныхъ и устраиваетъ ее по своему усмотрѣнію. Дѣти находятся у него въ безусловномъ подчиненіи. Ни сынъ, ни дочь не могутъ безъ согласія отца располагать своимъ заработкомъ, заключать браки, даже перемѣнять жительство или профессію. Весьма почтенные отцы семейства продаютъ своихъ дочерей въ наложницы, въ гейши, закабаляютъ ихъ на срокъ въ разнаго рода работы, извлекаютъ себѣ выгоду изъ промысла ихъ развратомъ. Когда дѣвушка покидаетъ домъ отца и поступаетъ въ другую семью въ качествѣ жены, наложницы, служанки, или же попадаетъ въ домъ терпимости, то всѣ на нее права отца переходятъ къ мужу, хозяину или ихъ отцу. Жена во всякое время можетъ быть разведена по одностороннему желанію мужа и даже вопреки его желанію, по волѣ лишь его родственниковъ. Конкубинатъ не считается предосудительнымъ и нисколько не умаляетъ общественнаго уваженія къ сожительствующей парѣ или группѣ. Никто также не осуждаетъ продажи дочерей въ публичные дома, и самый фактъ пребыванія дѣвушки въ публичномъ домѣ не ложится на нее позоромъ. Весьма часто вопліѣ приличныя молодые люди женятся на публичныхъ женщинахъ, и это не мѣшаетъ такимъ женщинамъ быть вѣрными и любящими женами. Выхода замужъ, японка отказывается отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ своего вѣтреннаго по природѣ супруга...“

Кромѣ интересовъ непосредственно имущественныхъ, принципы великой французской революціи оказали значительное вліяніе на упорядоченіе брачныхъ отношеній между супругами установленіемъ института гражданскаго брака, какъ законнаго брака, „съ точки зрѣнія свѣтскаго закона, по словамъ проф. Н. С. Суворова ²⁾, регулируемаго свѣтскимъ законодательствомъ, а не церковнымъ, и по соображеніямъ государственнаго интереса и порядка, а не церковнаго.“

Идея гражданскаго брака, какъ гарантирующаго при содѣйствіи свѣтскаго закона главнымъ образомъ имущественные интересы брачующихся (прежде всего женщины), возникла съ незапамятныхъ временъ, прошла чрезъ все средневѣковое каноническое право и окончательно была сформулирована наполеоновскимъ гражданскимъ кодексомъ, какъ обязательное постановленіе при вступленіи въ супружество. Изъ Франціи идея гражданскаго брака обошла всю Европу и во всѣхъ государствахъ получила полное право гражданства и обязательности, не коснувшись только Россіи и государствъ Востока. Въ Россіи признается только для брачующихся обязательность церковнаго благословенія, безъ

¹⁾ А. Пеликанъ. Прогрессирующая Японія. Сиб. 1895 г.

²⁾ Юридическая бібліотека. № 11. „Гражданскій бракъ“, проф. Н. С. Суворова. Сиб. 1896.

всякаго вмѣшательства въ какія либо отношенія будущихъ супруговъ свѣтскаго закона. Однако, у раскольниковъ можно найти слѣды гражданскаго брака, общаго по идеѣ съ тѣмъ, что имѣеть мѣсто въ жизни западно-европейской. Интересующихся подробностями „гражданскаго брака“ отсылаю къ поучительному труду проф. Субботина.

Обращаясь къ нашему отечеству, мы видимъ, что положеніе женщины по русскому законодательству представляется во многихъ отношеніяхъ значительно выгоднѣе, чѣмъ положеніе женщины по иностраннымъ законодательствамъ.

„Нашему законодательству совершенно чуждо начало, которое строго проводится почти во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ—начало полной зависимости жены отъ мужа въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ—говоритъ г. Оровичъ¹⁾. Нашему законодательству извѣстны только два ограниченія дѣеспособности замужнихъ женщинъ: 1) жены безъ позволенія мужей не могутъ ваниматься въ услуженіе по договору личнаго найма, и 2) замужнія женщины не могутъ безъ позволенія мужей выдавать векселя, если онѣ не производятъ торговли отъ собственнаго имени...

Также наше законодательство не знаетъ никакихъ ограниченій для женщинъ въ области частно-публичныхъ правъ; женщина можетъ являться свидѣтельницей при совершеніи всякихъ актовъ, даже крѣпостныхъ. Только въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской женщины запрещено быть свидѣтельницей при завѣщаніи. Женщина можетъ быть опекуной и попечительницей не только надъ своими дѣтьми, но даже и надъ посторонними лицами, и наравнѣ съ мужчиной можетъ носить опекуное званіе; она пользуется, какъ мать, правами родительской власти, наравнѣ съ отцомъ, а по смерти отца вступаетъ во всю полноту правъ родительской власти; дагѣ, женщина допускается въ качествѣ эксперта, третейскаго судьи и для исполненія другихъ обязанностей съ частно-публичнымъ характеромъ.“

Преимущественное положеніе мужчинъ передъ женщинами установлено закономъ только въ вопросѣ о правѣ наслѣдованія. Здѣсь, при

А. П. Философова.

¹⁾ „Женщина въ правѣ“, стр. 87—88.

совмѣстномъ наслѣдованіи сына и дочери, ближайшее право наслѣдованія принадлежитъ сыновьямъ и ихъ потомству; дочерямъ же выдѣляется изъ наслѣдственнаго имущества лишь указанная часть — $\frac{1}{14}$ изъ недвижимаго имущества и $\frac{1}{8}$ изъ движимаго, но супруги наслѣдуютъ другъ другу на одинаковыхъ основаніяхъ: вдова и вдовецъ имѣютъ одинаковое право на полученіе указанной части изъ имущества умершаго супруга— $\frac{1}{8}$ часть изъ недвижимаго и $\frac{1}{4}$ изъ движимаго имущества. Права состоянія женщины, кромѣ общаго порядка пріобрѣтенія ихъ по рожденію, пріобрѣтаются также черезъ бракъ и опредѣляются по началу: жена слѣдуетъ состоянію мужа ¹⁾. Мужъ сообщаетъ женѣ своей, если она по роду принадлежитъ состоянію низшему, всѣ права и преимущества, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ. Эти права по состоянію сохраняются за нею даже тогда, когда мужъ за преступленіе будетъ лишенъ правъ своего состоянія. Что же касается до уголовного законодательства ²⁾, то здѣсь мужчины и женщины стоятъ въ одинаковомъ положеніи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда строгость карательнаго закона смягчается для женщины, въ виду ея исключительнаго положенія, вызываемаго ея слабостью. Такъ, женщины изъяты отъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній и пользуются особенною снисходительностью въ періодъ беременности.

Сказанное въ настоящей главѣ свидѣлствуетъ, что женщина въ нѣкоторыхъ областяхъ общественной и частной жизни достигла къ концу XIX столѣтія значительныхъ правъ и во многомъ сравнялась уже съ мужчиной. Къ предъявляемымъ ей обязанностямъ, какъ жены и матери, она успѣла уже присоединить и широкія имущественныя права. Но со второй половины текущаго столѣтія она стала предъявлять и права на участіе въ общественной и государственной жизни, при чемъ сосредоточила свою борьбу главнымъ образомъ на правѣ полученія одинаковаго съ мужчиной образованія и пользованія всѣми произтекающими изъ образовательнаго ценза послѣдствіями. Женщина второй половины XIX вѣка въ значительной степени успѣла уже сломить темный средневѣковой предразсудокъ, что „она не челоувѣкъ“, и рядомъ дѣяній на пользу челоувѣчества и всей цивилизаціи доказать, что она наравнѣ съ мужчинами можетъ быть причастна всѣхъ дѣлъ челоувѣческихъ.

VI.

Борьба женщинъ за образовательныя права чрезвычайно интересна, и по этому предмету выросла громадная литература „за“ и „противъ“ женщинъ. Можно смѣло утверждать, что почти ни одинъ писатель, касавшійся задачъ современной культуры, не игнорировалъ женскаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 104.

²⁾ Тамъ же, стр. 123.

вопроса и успѣлъ высказать по этому предмету свое откровенное мнѣніе. Подавляющее большинство литературныхъ голосовъ подано въ настоящее время за женщину и ея равноправность съ мужчиною въ пользованіи всеми благами просвѣщенія. Вопросъ этотъ обслѣдованъ чрезвычайно детально со всевозможныхъ точекъ зрѣнія—физиологической, психологической, исторической и такъ далѣе. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ то, что сказано по этому предмету съ точки зрѣнія физиологической и психологической.

Монтегацца въ своемъ популярномъ сочиненіи „Физиологія женщины“ утверждаетъ ¹⁾: „женщина стоитъ не выше мужчины и не ниже его, а рядомъ съ нимъ. Женщина и мужчина—это двѣ параллельныя линіи, идущія одна рядомъ съ другою и которыя никогда не сходятся. Каждому дано особое назначеніе, какъ при оплодотвореніи, такъ и въ человѣческомъ обществѣ: одинъ не можетъ стать на мѣстѣ другого, не произведя этимъ какой либо чудовищности“. Но эта разность, по мнѣнію ученаго, никоимъ образомъ не лишаетъ ее права на одинаковое образованіе съ мужчиною и не стираетъ ее съ арены общественной дѣятельности. Вотъ то будущее, которое пророчитъ ей Монтегацца въ обновленномъ строѣ общества:

„Женщина будетъ пользоваться полною свободою въ выборѣ мужа,—говоритъ онъ ²⁾: ея положеніе въ семьѣ будетъ возвышено возможностью развода. Она будетъ управлять своими собственными имѣніями безъ всякаго ограниченія и имѣть избирательное право въ дѣлахъ управленія... При управленіи семейными имѣніями, при выборѣ школъ для дѣтей, ея голосъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ и голосъ мужа. При разногласіи мнѣній въ семейномъ совѣтѣ, женщина всегда должна рѣшать вопросъ. Профессіональное воспитаніе должно ей дать вѣрные средства жить независимо; при увеличивающемся раздѣленіи социальнаго труда, женщина можетъ сдѣлаться писательницею, врачомъ, фармацевтомъ... Она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы свободно могла развивать всѣ свои способности и прибавить къ великому зданію человѣческаго счастья и человѣческаго величія свойственныя ей: тонкость, иѣжность и изящество.“

Въ своей краткой, но сильно написанной брошюрѣ „О подчиненіи женщинъ“ Джонъ Стюартъ Милль говоритъ ³⁾:

„Наше общество чрезвычайно охотно лелѣетъ понятіе о томъ, что всѣ высшія области мысли и дѣятельности, всѣ общественныя и частныя интересы доступны только мужчинамъ, а женщины должны быть навсегда отстранены отъ нихъ, довольствуясь только тѣмъ, что имъ снисходительно предоставитъ мужчина. Когда подобныя понятія отойдутъ въ область прошедшаго, а женщина сознаетъ, что она стала такимъ же полноправнымъ членомъ общества, какъ и всѣ остальные, что она вправѣ выбирать занятія по своему вкусу и при одинаковыхъ условіяхъ съ мужчиною, что она наравнѣ съ мужчиною можетъ принимать участіе въ умственномъ движеніи своей эпохи, что ей дозволено интересоваться предметами, къ которымъ не можетъ оставаться равнодушнымъ ни одно разумное существо, что она можетъ, путемъ совершенствованія своихъ умственныхъ способностей, достичь

¹⁾ П. Монтегацца. „Физиологія женщины“. Переводъ Н. Федоровой. Спб. 1894, стр. 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 391.

³⁾ Джонъ Стюартъ Милль. „О подчиненіи женщинъ“. Переводъ М. Лалиной, стр. 100—101. Спб. 1896 г.

вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, независимо отъ ея прямого участія въ нихъ, она воспріянетъ духомъ, и ея развитіе получитъ сильный толчекъ.“

Милль боится, что при современномъ положеніи вещей у женщинъ не хватитъ духа на протестъ противъ своего печальнаго положенія въ обществѣ и государствѣ, и полагаетъ, что въ этомъ ей должны прійти на помощь образованные мужчины.

И нашъ русскій ученый, П. О. Каптеревъ, въ своей обстоятельной и прекрасно аргументированной работѣ, вполне убѣдительно доказываетъ, что женщинамъ не можетъ быть чужда никакая сфера духовной дѣятельности, что ея психическія свойства никакимъ образомъ не препятствуютъ широкой общественной дѣятельности, которая, съ своей стороны, не препятствуетъ ей осуществлять свое высшее назначеніе — материнство. Свой трудъ почтенный изслѣдователь заключаетъ слѣдующими прекрасными словами ¹⁾:

„Но, конечно, придетъ время, когда женщина окончательно сотретъ съ себя слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться вполне свободно, согласно съ особенностями своего типа, когда образование будетъ необходимымъ свойствомъ женщины, образование не въ видѣ копій, сколка съ мужского, но свое оригинальное. Тогда женскій типъ развернется во всей своей красотѣ и самобытности, тогда узнаютъ женщину, какъ своеобразное существо не только въ физическомъ, но и въ умственномъ, и нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, тогда женщина будетъ женщиной вполне, безъ значительной примѣси мужскихъ элементовъ и свойствъ, какова она есть въ настоящее время. Многое тогда измѣнится во всемъ складѣ жизни: измѣнятся, сдѣлаются глубже, сердечнѣе семейныя отношенія, такъ какъ тогда будетъ возможна наиболѣе полная и прочная гармонія между мужчиной и женщиной; измѣнится характеръ просвѣщенія и образованія, сдѣлавшись болѣе свободнымъ, естественнымъ и потерявъ свой настоящій вынудительный, школьный характеръ; измѣнится, наконецъ, вся культура, сдѣлавшись шире, гуманнѣе, жизнерадостнѣе. А въ этомъ лежитъ залогъ будущаго для всего человѣчества.“

Голоса патентованныхъ мужей науки не оставались единичными голосами; имъ вторила, а сплошь и рядомъ даже ихъ заглушала и публицистическая литература, которая сдѣлала изъ вопроса о женскомъ просвѣщеніи лозунгъ гражданской свободы. Такимъ образомъ то, что въ началѣ текущаго столѣтія только мерещилось, какъ возможное, но отдаленное будущее, осуществилось въ послѣднія два десятилѣтія въ нѣкоторыхъ странахъ съ полнымъ успѣхомъ. Такъ, въ Новозеландіи, гдѣ женщины пользуются одинаковымъ съ мужчинами образованіемъ, онѣ успѣли уже добиться правъ не только на общинныхъ, но и на политическихъ выборахъ. Вотъ что сообщаетъ „Новое Время“ ²⁾ о первомъ дебютѣ женщинъ въ качествѣ избирательницъ:

„Женщинамъ же прежде всего обязаны либералы блестящею своею побѣдой, одержанной ими на послѣднихъ выборахъ. Опасеніе того, что женщины-избирательницы подчинятся руководительству духовенства, не оправдались. Напротивъ

¹⁾ „Душевные свойства женщинъ“, стр. 137.

²⁾ № 7367—294.

того, онѣ выступили съ полною энергіей за современную свободную, свѣтскую и обязательную школу. Вѣрно одно, что во многихъ случаяхъ женщины энергично стояли за дѣло трезвости, но за безусловное воспрещеніе спиртныхъ напитковъ было изъ нихъ лишь меньшинство. Въ общемъ, на первыхъ выборахъ, въ которыхъ онѣ принимали участіе, онѣ проявили скорѣе склонность къ согласію съ мужчинами-избирателями, чѣмъ къ оппозиціи противъ нихъ. Нѣкоторые политики приписали вліянію новозеландскихъ женщинъ допущеніе женщинъ инспекторами въ дома умалишенныхъ, во-вторыхъ, изданіе закона о попеченіи о грудныхъ младенцахъ, затѣмъ установленіе болѣе точныхъ правилъ для усыновленія на законномъ основаніи и строгое преслѣдованіе судомъ домовъ терпимости. Во всякомъ случаѣ, неоспоримо, что женскіе выборы въ Новозеландіи объявили истребительную войну пьянству и его ревнителямъ.“

Послѣ Новозеландіи по успѣхамъ эмансипаціи женщинъ должна быть поставлена Америка.

„Женщины не устраниются тамъ ни отъ какой отрасли образованія, для нихъ открыты все имѣющіяся школы, не исключая и высшихъ,—говоритъ г. К. В. ¹⁾.—Обучаясь иногда вмѣстѣ съ мальчиками, дѣвушки отнюдь не уступаютъ имъ въ прилежаніи и въ понятливости. Въ свою очередь и наставницы въ школахъ успѣшно соперничаютъ съ наставниками въ трудолюбіи, педагогическомъ тактѣ и т. п., а иногда обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи такія свойства и способности, какими не обладаютъ въ равной мѣрѣ мужчины... Америка такъ горячо взялась за организацію низшаго и высшаго женскаго образованія, что въ настоящее время почти все ступени общественной дѣятельности доступны женщинамъ на совершенно равныхъ съ мужчинами правахъ... Женщины, кромѣ медицины, главнымъ образомъ стремились пріобрѣсти вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, и теперь изъ четырехъ комиссаровъ, руководящихъ школьнымъ образованіемъ въ Нью-Йоркѣ, двое—женщины. То же мы видимъ въ Массачусетѣ. На педагогическомъ поприщѣ женщины дѣйствуютъ охотно, и, что важнѣе всего, дѣятельность ихъ даетъ болѣе благотворные результаты въ дѣлѣ первоначальнаго образованія въ народныхъ школахъ, чѣмъ мужская. Нѣкоторые штаты Америки неоднократно высказывались въ пользу допущенія женщинъ къ участію въ парламентскихъ выборахъ, но взгляды эти до сихъ поръ еще не раздѣляются большинствомъ партій. За исключеніемъ же законодательной дѣятельности, въ Америкѣ почти не осталось профессій, чуждой и недоступной женщинамъ.“

Такъ мы знаемъ, что двѣ женщины, по выдержаніи необходимаго экзамена въ морскомъ министерствѣ, были назначены капитанами кораблей. Лицъ, интересующихся подробными свѣдѣніями о женскомъ движеніи въ Америкѣ, отсылаю къ любопытному очерку г. Мижуева „Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки“ ²⁾, а также къ книгѣ Th. Bentzon'a „Les américaines chez elles“ ³⁾.

Въ Швейцаріи, Даніи, въ скандинавскихъ государствахъ, дѣло женскаго образованія поставлено недурно, и здѣсь мы встрѣчаемъ даже женщинъ на кафедрахъ съ правами мужчинъ-профессоровъ. Слабѣе поставленъ вопросъ женскаго просвѣщенія во Франціи, а еще того хуже въ Германіи.

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 280—281.

²⁾ Изданіе „Русской Школы“, Спб. 1893.

³⁾ Изданіе 1896.

Развитіе частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній во Франціи относится къ началу текущаго столѣтія. Законами 1836 и 1837 годовъ были признаны начальное и среднее женское образованіе; что же касается высшаго, университетскаго, то доступъ на медицинскій факультетъ Парижскаго университета былъ разрѣшенъ женщинамъ лишь въ 1868 г., а больничныя работы—въ 1885 г.

„Отсутствіе серьезнаго систематическаго подготовительнаго образованія женщинъ дѣлало путь къ высшему образованію для нихъ недоступнымъ, если не считать ничтожнаго процента дѣвушекъ, кончившихъ курсъ въ дорогихъ частныхъ пансіонахъ, — повѣствуетъ г. К. В. ¹⁾.—До появленія своего въ 1870 году въ университетскихъ аудиторіяхъ, женщины получали ученые степени въ „Collège de France“, гдѣ, по словамъ Поля Жанэ, за періодъ 1861—1882 г. были выданы слѣдующіе дипломы: 49 женщинамъ дипломы бакалавровъ словесности, 32—такіе же дипломы по естественнымъ наукамъ, 29 женщинъ получили право преподавать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, одна получила званіе „officier de santé“, одна—степень фармацевта, 21—дипломъ доктора медицины; всего выдано женщинамъ 138 дипломовъ.“

Современемъ, можно надѣяться, число женщинъ въ стѣнахъ и съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній увеличится, но пока таковое еще незначительно; зато Франція сдѣлала крупныя шаги по пути развитія профессиональнаго и коммерческаго образованія. Коммерческое училище въ Лионѣ, основанное въ 1857 г. г-жею Лукэнъ, обнимаетъ собою нинѣ трехгодичный курсъ по слѣдующимъ предметамъ: чистописаніе, французская грамматика, коммерческая корреспонденція, общая и коммерческая ариѳметика, счетоводство, коммерческое право, политическая экономія, иностранныя языки и почтово-телеграфное дѣло. Кромѣ отдѣленія почтово-телеграфнаго, существуетъ еще отдѣленіе для подготовки учительницъ коммерческихъ школъ. Здѣсь же готовятъ экономки для лицеевъ и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній. За все время существованія курсовъ вплоть до 1890 г. училищемъ выдано 700 дипломовъ. Дѣвцы, окончившія здѣсь курсъ, получили мѣста въ торговыхъ домахъ, банкирскихъ конторахъ, сберегательныхъ кассахъ, въ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ. Содержаніе женщинъ, получаемое на мѣстахъ по окончаніи учебнаго заведенія г-жи Лукэнъ, простирается отъ 1.500 до 3.000 франковъ въ торговыхъ предпріятіяхъ и отъ 5 до 8 тысячъ франковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Правительство, убѣдившись въ удивительной способности женщинъ къ практическому мышленію, къ реальному знанію, обратилось къ г-жѣ Лукэнъ съ просьбою заняться основаніемъ школъ, подобныхъ Лионской, во всей Франціи, что ею уже въ значительной степени выполнено. Въ 1879 г. „Crédit foncier“ первый принялъ на службу женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Его примѣру послѣдовали вскорѣ другія торговыя и коммерческія учрежденія, а также само министерство финансовъ. Такимъ образомъ женщины въ послѣднія 10—20 лѣтъ успѣли проникнуть въ многочисленныя учрежденія, гдѣ мнѣніе о результатѣ ихъ

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 101.

работы сложилось слѣдующее ¹⁾: „За нѣкоторыми исключеніями, женщины, состоящія на службѣ, не обладаютъ личной самостоятельностью и зрѣлостью сужденія, необходимыми для занятія многихъ должностей. Съ другой стороны, онѣ превосходятъ мужчину во всемъ, гдѣ суть дѣла сводятся къ быстротѣ воспріятій, ловкости, проворству и аккуратности“.

Въ Англіи движеніе въ пользу правъ женщины на образованіе явилось слѣдствіемъ вліянія идей великой французской революціи и первоначально встрѣтило на своемъ пути немало препятствій и недоброжелательства; но женщины, при содѣйствіи представителей науки и литературы изъ мужчинъ, достаточно удачно успѣли справиться съ этимъ недоброжелательствомъ. Ихъ допускаютъ теперь въ спеціальныя высшія учебныя заведенія, а университеты Victoria и Лондонскій принимаютъ ихъ на общихъ основаніяхъ съ мужчинами-студентами. Въ Шотландіи съ 1892 г. всѣмъ университетамъ предоставлено допускать женщинъ совмѣстно съ мужчинами къ слушанію лекцій и полученію ученыхъ степеней. Въ Японіи уже въ настоящее время тысячи женщинъ посѣщаютъ лекціи университета въ Токио. Одна только Германія упорствуетъ въ своемъ консерватизмѣ во взглядѣ на высшее женское образованіе, и женщина здѣсь рѣшительно устранена отъ дверей университетовъ. Въ Германіи поставлена недурно низшая и профессиональная школа. „За послѣднія 10—20 лѣтъ женское профессиональное образованіе сдѣлало въ Германіи громадныя успѣхи,—говоритъ г. К. В. ²⁾,— и въ этомъ отношеніи она выдвинулась на первый планъ. Однако, дѣло это здѣсь еще далеко не закончено, и занятымъ имъ обществамъ предстоитъ немало работы, чтобы довершить организацію профессиональнаго образованія женщинъ и поставить его на твердую почву. Въ Германіи еще и понынѣ существуетъ предубѣжденіе противъ этого рода образованія; на дѣвушку изъ средняго сословія, окончившую городскую или приходскую общеобразовательную школу, не говоря уже о выпущенной изъ „Höhere Töchter Schule“, и пожелавшую посѣщать какую либо профессиональную школу (за исключеніемъ рукодѣльной и музыкальной), смотрятъ неодобрительно.“

Дѣвушка, получившая солидное образованіе по коммерціи или другой профессіи, является вполне конкурентно-способной силой, благодаря чему нѣкоторыя производства удержали свое мѣсто и на международномъ рынкѣ. Крупные коммерсанты чрезвычайно дорожатъ женщинами-бухгалтерами, и часто даже цѣлыя отдѣлы поручаются исключительно женщинамъ, какъ напримѣръ, въ техническомъ бюро Uhland'a въ Лейпцигѣ. Особеннаго процвѣтанія достигли въ Германіи школы домоводства, и фребелевскіе курсы, чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія о которыхъ читатели найдутъ у г. К. В. и которыя пользуются особеннымъ

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 109.

²⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 167.

покровительствомъ правительства. Что же касается среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній (гимназій), то они много ниже мужскихъ по своимъ программамъ и воспитательнымъ задачамъ. Въ 1876 г. въ Берлинѣ открыты были акушерскіе курсы подъ покровительствомъ нынѣ вдовствующей королевы Викторіи—Victoriaschule, гдѣ преподаваніе нѣсколько подходитъ къ университетскому. Подобныя же школы основаны и въ другихъ городахъ частными лицами. Существуютъ еще здѣсь и учительскія семинаріи, выпускающія ежегодно немало женщинъ-педагоговъ.

Въ Австріи, согласно министерскому распоряженію 1878 г. женщины могутъ быть допускаемы въ университеты лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и съ особаго на то каждый разъ разрѣшенія, каковыя случаи разсматриваются, не какъ обычное явленіе, но какъ особая милость, какъ исключеніе. Такое искусственное устраненіе женщинъ отъ благъ просвѣщенія естественно ведетъ и къ устраненію женщинъ отъ государственной службы и отъ профессій публичнаго характера. Стѣсненная въ своихъ юридическихъ правахъ, германская женщина оказывается въ печальномъ положеніи и относительно высшихъ даровъ цивилизаціи. Такое положеніе дѣль вызываетъ горячіе протесты самихъ женщинъ, успѣвшихъ сомкнуться въ интересахъ этихъ протестовъ въ многочисленныя общества, которыя уже въ текущіе дни громко заявили о настоятельной необходимости расширенія образовательныхъ и юридическихъ правъ женщинъ.

VII.

Печальное положеніе нѣмецкихъ женщинъ побудило ихъ организовать многочисленныя союзы, главная цѣль которыхъ—бороться съ женскимъ безправіемъ, общественными недостатками, вызываемыми низкимъ уровнемъ культуры общества, до сихъ поръ не успѣваго еще стереть съ организма человѣческаго пятна позорныхъ болѣзней въ видѣ милитаризма, проституціи, алкоголизма. Женщина вступила въ борьбу съ этими дефектами и прорухами государственной и общественной жизни не на животъ, а на смерть, и мужественно заявила: такъ какъ эти болѣзни плохо и медленно излечиваются усиліями самихъ мужчинъ, которые, въ виду эгонистическихъ цѣлей, даже затягиваютъ свое леченіе, то отнынѣ она, по обязанностямъ матери, сестры, жены, беретъ въ свои руки общественную ассенизацію. Изъ всѣхъ этихъ союзовъ особенно выдѣлились по своимъ задачамъ и высокогуманнымъ цѣлямъ „Лига міра“ и „Нѣмецкое общество женской реформы“. Изъ нѣдръ этой лиги міра вышла надѣлавшая такъ много шуму книга Берты Сутнеръ „Долой оружіе!“, небезызвѣстная, надѣюсь, и русскимъ читателямъ. Эта же „Лига міра“ обратилась недавно съ слѣдующимъ пламеннымъ воззваніемъ ко всѣмъ интеллигентнымъ матерямъ свѣта ¹⁾:

¹⁾ La Revue des femmes russes. Томъ I. № 5—6. (30 juillet. 1896).

„Во имя человечества, уставшаго проливать безъ пользы свою кровь, покажемъ имъ истину, посредствомъ петиціи, которую мы составимъ въ нашихъ странахъ, для того, чтобы эта манифестація вышла величественной, и для того, чтобы у нихъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія о непреодолимомъ теченіи, которое заставляетъ все народы проклинать войну.“

„Встаньте, женщины всехъ классовъ, всехъ возрастовъ и всехъ націй! Помѣрьтесь непобѣдимой силой вашихъ материнскихъ правъ съ правомъ грубой силы. И когда это сравненіе будетъ сдѣлано, можно будетъ сказать, не погрѣшая излишнимъ оптимизмомъ, что война умретъ, потому что международная лига матерей похоронитъ ее навсегда въ божественномъ порывѣ любви къ своимъ сыновьямъ, подъ тяжестью оливковыхъ вѣтвей, которыя онѣ заставятъ зародиться и вырасти въ сердцахъ своихъ дѣтей.“

Что касается нѣмецкаго „общества женской реформы“, то цѣль общества—добиться равноправности женщинъ съ мужчинами во всехъ сферахъ общественной и духовной дѣятельности. Предѣлательница этого общества, I. Кеттлеръ, въ одной изъ своихъ остроумныхъ и блестящихъ рѣчей такъ формулируетъ задачи современной женской эмансипаціи ¹⁾:

„Женская эмансипація требуетъ, чтобы мужчина, который не исполняетъ болѣе обязанности защищать женщину, не имѣлъ болѣе и права опекать ее; чтобы изъ женщины, которой не дозволяютъ болѣе существованія несовершеннолѣтняго ребенка, и не воспитывали бы болѣе такого ребенка.“

„Однимъ словомъ, женская эмансипація требуетъ, чтобы женщина, на которую возложили обязанности нашей эпохи, обладала также ея правами. Слѣдовательно, женская эмансипація есть прежде всего стремленіе возстановить нарушенное по винѣ мужчины равновѣсіе между женщинами и условіями ихъ существованія. Если не можете снова привести міръ въ соотвѣтствіе съ низшимъ уровнемъ, на какомъ стоятъ женщины, то поднимите уровень женщины такъ высоко, чтобы онѣ могли прійти въ соотвѣтствіе съ современнымъ міромъ. Или одно, или другое. Толкать же весь міръ впередъ, а женщину одну удерживать на мѣстѣ, т. е. толкать ее назадъ—это бессмыслица.“

¹⁾ I. Кеттлеръ. „Что такое женская эмансипація?“ Международная Библиотека. Одесса 1895 г.

Н. В. Стасова.

Женскіе союзы во имя, главнымъ образомъ, правъ женщинъ на высшее образованіе получили широкое распространеніе въ Европѣ; даже нѣчто подобное подъ флагомъ только благотворительности имѣется и у насъ, какъ читатели это увидятъ далѣе. Помимо своихъ домашнихъ обычныхъ засѣданій, члены союзовъ стремятся поставить вопросъ о женщинахъ какъ можно громче, шире, при помощи конгрессовъ, апеллируя этимъ къ общественному мнѣнію всего образованнаго міра. Осенью 1896 г. имѣли мѣсто два такихъ конгресса: одинъ въ Женевѣ (Congrès des intérêts féminins), другой въ Берлинѣ „международный конгрессъ женскаго труда и женскихъ стремленій“. Оба эти конгресса чрезвычайно знаменательны и заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ образчики современной постановки задачъ женской эмансипаціи и какъ благодѣтельные вѣстники новыхъ вѣяній. Вотъ что сообщаетъ корреспондентъ „Новостей“ относительно женевского конгресса ¹⁾:

„Конгрессъ (Congrès des intérêts féminins) обсуждалъ вопросъ о правахъ женщинъ, главнымъ образомъ, съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) въ отношеніи положенія женщины въ семьѣ, 2) школѣ и 3) обществѣ. Прежде всего конгрессъ призналъ, что для достиженія цѣли необходимо измѣнить существующую систему воспитанія, объявивъ разъ навсегда войну традиціонному дѣленію школъ на мужскія и женскія; что, такимъ образомъ, не только сами женщины, но и мужчины будутъ современемъ вполне подготовлены къ реформѣ, которая, по всей вѣроятности, не заставитъ себя долго ждать. Всѣ ораторы, въ особенности извѣстный бернскій педагогъ G. Stucki, единодушно утверждали, что совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола не представляетъ рѣшительно никакой опасности, что, наоборотъ, отъ такой реформы можно ожидать только хорошихъ результатовъ, такъ какъ она приучитъ дѣтей уже съ юныхъ лѣтъ къ дружной, совмѣстной работѣ; тѣмъ болѣе, что въ первоначальной школѣ преподаются такіе предметы, безъ которыхъ немислимо дальнѣйшее образованіе, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Воплѣтъ раздѣляя этотъ взглядъ, конгрессъ призналъ весьма желательнымъ, чтобы до 12 лѣтъ дѣти обучались совмѣстно. Въ этомъ же смыслѣ рѣшенъ вопросъ для возраста, начиная съ 18 лѣтъ и старше; въ возрастѣ же отъ 12 до 18 лѣтъ признано необходимымъ воспитывать мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ швейцарскія дѣти должны готовиться къ самостоятельной жизни, изучить какое нибудь ремесло, если они не имѣютъ въ виду продолжать свое образованіе.“

Далѣе корреспондентъ говоритъ:

„Рѣдко приходится слышать такую горячую, убѣдительную рѣчь, какую произнесъ женевскій пасторъ Kœhlich (профессоръ университета) по вопросу объ обезпеченіи женщины, въ смыслѣ предоставленія ей возможности добывать средства къ существованію. Этотъ почтенный ораторъ, пользующійся большою популярностью во всей Швейцаріи, давно уже выступилъ противъ существующей системы благотворительности, пропагандируя идею направленія благотворительности почти исключительно на пріисканіе работы нуждающимся въ ней; онъ допускаетъ, однако, матеріальную помощь только для престарѣлыхъ и больныхъ. И въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи женщины пасторъ Kœhlich остался вѣренъ себѣ. Сущность высказанныхъ имъ воззрѣній сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: необходимо предоставить женщинѣ большую свободу; не лицо, а трудъ

¹⁾ „Новости“, 1896 г., № 251.

долженъ быть оплачиваемъ, безразлично, будетъ ли онъ исполненъ мужчиною, или женщиною (намекъ на то, что многіе работодатели имѣютъ обыкновеніе оплачивать женскій трудъ ниже мужского); надо стараться поднять нравственный уровень семьи и отдѣльныхъ индивидовъ, бороться противъ укоренившейся системы благотворительности, доказывая вредъ ея, и убѣждать женщину въ томъ, что всякое занятіе, дающее честный заработокъ, достойно ея; необходимо предоставить женщинамъ тѣ занятія, какія, такъ сказать, предназначены самой природой исключительно для нея, и дать ей возможность занять подобающее мѣсто въ обществѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ пасторъ Roehrigъ настойчиво рекомендовалъ устраивать на счетъ государства или общинъ убѣжища для женщинъ, неспособныхъ къ труду, или выплачивать имъ регулярныя пенсіи, вполнѣ обеспечивающія ихъ существованіе, и вмѣстѣ въ прямую обязанность обществу подавать руку помощи тѣмъ женщинамъ, которыя, по разнымъ несчастнымъ случайностямъ, поскользнулись на жизненномъ пути, приютить ихъ, обласкать и всѣми силами пріохотить къ труду. Конгрессъ, принявъ все эти предложенія, отнесся съ особенною сердечностью къ послѣднему предложенію, какъ и къ мысли объ учрежденіи международной коммисіи, которая на первыхъ порахъ будетъ изучать вопросъ о женскомъ трудѣ, а затѣмъ уже перейдетъ отъ теоріи къ практикѣ. По мнѣнію инициатора, такая коммисія или общество будетъ способствовать объединенію народностей, ослабивъ существующую между ними рознь: блестящимъ подтвержденіемъ можетъ служить Красный крестъ.

„Въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи женщины съѣздъ пошелъ еще дальше. Такъ, онъ призналъ желательнымъ, чтобы всевозможныя бюро по присканію занятій, нерѣдко эксплуатирующія ищущихъ труда, были подчинены правительственному контролю, и по возможности даже находились въ непосредственномъ вѣдѣніи федеральнаго республиканскаго кантональнаго правительства; далѣе, чтобы наряду съ фабричными инспекторами были учреждены должности фабричныхъ инспектрисъ, чтобы повсемѣстно были изданы законы въ защиту работницъ, какъ взрослыхъ, такъ и въ особенности несовершеннолѣтнихъ, на небольшихъ фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ; далѣе, чтобы были учреждены стипендіи для работницъ, посѣщающихъ профессиональныя школы и вечерніе курсы, чтобы были уничтожены существующія по отношенію къ женщинамъ ограниченія по торговому праву и т. п.

„Вопросъ о профессиональномъ образованіи женщинъ дебатировался на конгрессѣ очень обстоятельно. Между прочимъ, въ пользу его безусловно высказались женевскій профессоръ Goerg и базельскій профессоръ д-ръ Largiader. Въ профессиональномъ образованіи, вообще, и коммерческомъ, въ частности, конгрессъ усмотрѣлъ мощный рычагъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія семьи и культуры страны. Въ этомъ отношеніи конгрессъ требовалъ полного равноправія для женщинъ, которымъ долженъ быть открытъ свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ этого рода, по скольку онѣ соответствуютъ достоинству женщинъ и не оскорбляютъ ихъ цѣломудрія, опять-таки въ интересахъ семьи.

Огромное значеніе конгрессъ придавалъ домоводству, вообще, и кулинарному искусству (конечно, не въ смыслѣ петербургскихъ кулинарныхъ курсовъ), въ частности. Для достиженія этой цѣли конгрессъ намѣтилъ рядъ очень практическихъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ будетъ приступлено уже съ осени текущаго года. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ: учрежденіе возможно большаго числа школъ домоводства съ субсидіей отъ правительства, обязательное посѣщеніе этихъ школъ всѣми окончивающими начальную школу, усердная пропаганда противъ укоренившагося предубѣжденія, будто дѣвушки не должны заниматься хозяйствомъ; учрежденіе школъ спеціально для прислугъ съ субсидіей отъ общинъ, кантоновъ и федеральнаго правительства; учрежденіе вечернихъ курсовъ для фабрич-

ныхъ работницъ и т. п. Наконецъ, обращено особенное вниманіе на лучшую постановку вопроса о подготовкѣ сестеръ милосердія. И этотъ вопросъ будетъ вскорѣ практически рѣшенъ: цюрихское женское общество изъявило готовность учредить первую школу сестеръ милосердія. Комитетъ будетъ уже заботиться о прискачаніи имъ мѣстъ, на первое время — въ больницахъ. Предложеніе это было сдѣлано женщиною-врачемъ г-жею Неегъ изъ Цюриха.

„Что касается вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, то въ пользу его высказались такіе почтенные общественные дѣятели, какъ ректоръ цюрихскаго политехникума д-ръ Stadler и бывшій президентъ Швейцарской республики м-гъ Numa Droz. Послѣдній, въ присланномъ имъ докладѣ, категорически высказывается за то, чтобы женщины были открыты свободный доступъ во все высшія учебныя заведенія, чтобы она могла заниматься педагогическою, медицинскою, адвокатскою и т. п. практикою. Д-ръ Stadler прежде всего желаетъ видѣть женщину на педагогическомъ поприщѣ, затѣмъ онъ признаетъ за нею право быть врачомъ, дантистомъ, фармацевтомъ, химикомъ и т. п., наравнѣ съ мужчиною, съ единственною оговоркою, чтобы она предварительно изучила домоводство.

„Наибольшій обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о страхованіи женщинъ на время безработицы, болѣзни и отъ несчастныхъ случайностей. Одни доказывали, что лучшимъ страхованіемъ является замужество, другіе (а ихъ было большинство) отстаивали мнѣніе, что и въ этомъ вопросѣ надо предоставить женщинамъ полную самостоятельность. Сторонники первого мнѣнія предлагали, прежде всего, оказывать всевозможное содѣйствіе заключенію браковъ и доказывали необходимость учрежденія кассъ взаимопомощи для выдачи приданого; для тѣхъ же, которыя не выйдутъ замужъ или овдовѣютъ, они предлагали обязательное участіе женщинъ въ государственномъ страхованіи, а на случай безработицы—учрежденіе сберегательныхъ кассъ на взаимныхъ началахъ; причѣмъ въ тѣхъ и другихъ должны участвовать какъ богатые, такъ и бѣдные. Это предложеніе, во всемъ его объемѣ, не встрѣтило полного сочувствія. Правда, конгрессъ призналъ весьма желательнымъ страхованіе отъ безработицы какъ замужнихъ, такъ и не замужнихъ, но это страхованіе не должно быть обязательнымъ. Что же касается вопроса о страхованіи на случай болѣзни и др., то конгрессъ призналъ цѣлесообразнымъ, чтобы въ этомъ отношеніи женщины были вполнѣ приравнены къ мужчинамъ при разсмотрѣніи соответствующаго выработаннаго проекта (по всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени).

„Единогласно же члены конгресса присоединились къ пожеланію профессора Largiadèr'a, чтобы общество позаботилось объ улучшеніи положенія прислуги, и чтобы при постройкѣ домовъ и дѣленія ихъ на квартиры не забывали удѣлять мѣста для прислуги, которая, вѣдь, также нуждается въ воздухѣ, свѣтѣ и мѣстѣ для отдыха.“

Вслѣдъ за женевскимъ конгрессомъ въ залѣ берлинской городской ратуши открылся международный конгрессъ, въ коемъ дѣйствительно приняло участіе до 1.500 женщинъ разныхъ странъ и государствъ, собравшихся сюда повѣдать міру судьбы женской доли у себя на родинѣ и высказать по женскому вопросу свои *ria desideria*. Собраніе было открыто Линою Моргенштернъ, которая точно сформулировала цѣль конгресса: борьба за право женщинъ и разъясненіе ихъ обязанностей. Конгрессъ длился 7 дней и происходилъ по заранѣе опубликованной программѣ.

1-й день. Засѣданіе по поводу современнаго положенія женскаго вопроса въ главныхъ чертахъ. О физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей малолѣтняго

возраста. Доклады объ ясляхъ всѣхъ странъ, приютахъ, попечительствахъ и обществахъ покровительства дѣтства и юношества; женскій надзоръ за мѣстами, предназначенными для общественныхъ дѣтскихъ игръ. 2-й день. Засѣданіе по поводу первоначальныхъ школъ и женскихъ лицеевъ; среднее женское образованіе.—Роль женщинъ-профессоровъ въ этихъ учрежденіяхъ.—Профессіональныя школы.—Курсы для взрослыхъ.—Нормальныя школы для женскаго учащаго сословія.—Доклады изъ всѣхъ странъ. 3-й день. Засѣданіе по поводу высшаго женскаго образованія.—Вопросъ о женщинахъ-врачахъ, женщинахъ-дантистахъ, аптекаряхъ, сидѣлкахъ и акушеркахъ.—Общая таблица современнаго положенія вещей.—Статистика.—Сидѣлки въ колоніяхъ.—Доклады всѣхъ странъ. 4-й день. Засѣданіе по поводу домашней и общественной гигиены; общества трезвости; народное питаніе; народныя развлечения, школы садоводства и огородничества для женщинъ. Доклады о народныхъ столовыхъ.—Дома для выздоравливающихъ; приюты для роженицъ; вакаціонныя колоніи. 5-й день. Вопросъ о работницахъ и о заработкѣ женщинъ, работающихъ въ промышленныхъ, торговыхъ и разныхъ ремесленныхъ учрежденіяхъ.—Благотворительныя и попечительныя общества для служащихъ.—Учрежденіе профессиональныхъ синдикатовъ.—Вопросъ о слугахъ.—Нравственный вопросъ.—Доклады. 6-й день. Засѣданіе по поводу вопроса о женщинѣ и ея правахъ: гражданскомъ, общинномъ и торговомъ; свобода коалицій.—Доклады всѣхъ странъ о роли женщины въ различныхъ законодательствахъ, въ общественномъ призрѣніи, въ сиротскихъ домахъ, въ надзорѣ и инспекціи школъ и въ попечительствахъ. 7-й день. Засѣданіе по вопросу о роли женщины въ искусствѣ, наукѣ и литературѣ.—О роли женщины въ обществахъ для установленія вѣчнаго мира.—Доклады и пренія. Краткій обзоръ всѣхъ рѣшеній, вотированныхъ конгрессомъ.—Вечеромъ: закрытіе конгресса.

Русская періодическая печать отнеслась къ конгрессу недостаточно сочувственно, и вотъ что, на примѣръ, писалъ корреспондентъ „Новостей“¹⁾:

„Разослали на скорую руку приглашенія во всѣ государства всѣхъ пяти частей свѣта, и, дѣйствительно, на этотъ кличъ отозвались очень многіе. Даже француженки явились на конгрессъ. Я не говорю уже о русскихъ, поторопившихся пріѣхать сюда, въ надеждѣ принять дѣятельное участіе. Однако, оказалось, что конгрессъ названъ международнымъ только такъ, для вида—и многія разочаровались. Начать съ того, что господствующій языкъ на конгрессѣ, вопреки установившимся традиціямъ, нѣмецкій. Затѣмъ, члены конгресса, девять десятыхъ которыхъ составляютъ нѣмки, чуть ли не прямо враждебно относятся къ ораторамъ, говорящимъ о положеніи женщинъ въ другихъ странахъ. Прошли установленныя 10 минутъ, и шумными аплодисментами заставляютъ оратора или ораторшу покинуть кафедру, не давъ даже вдоволь поговорить.“

Не смѣю заподозрѣть достовѣрности извѣстій корреспондента, но лично, просмотрѣвъ внимательно отчеты о засѣданіяхъ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“²⁾, я составилъ себѣ достаточное представленіе о положеніи женскаго вопроса въ разныхъ странахъ Европы, Америки и даже Японіи, о желаніяхъ женщинъ относительно лучшихъ гражданскихъ правъ и соціальнаго положенія и о движеніи высшаго жен-

¹⁾ „Новости“, 1896 г. № 257.

²⁾ „Berliner Tageblatt“, №№ 479, 480 и т. д.

скаго образованія. Естественно, что главный интерес сосредоточивался на положеніи женщины въ Германіи: этотъ интересъ былъ заслуженный, въ виду печальнаго состоянія женскаго просвѣщенія на родинѣ Шиллера и Гёте.

Рефераты г-жъ Биберъ-Бемъ и Оттили Гофманъ были направлены противъ проституціи и алкоголизма, отъ которыхъ въ особенности страдаетъ благополучіе нѣмецкихъ семей. Г-жа Бемъ усиленно взывала къ нравственности и самостоятельности женщинъ. „Боритесь съ большею энергіей за свою самостоятельность,—говорила ораторша,—это—тѣ ноги, которыя приведутъ васъ въ страну свободы. Мои старческія глаза видятъ уже издали мерцающій берегъ этой страны.“ Г-жа Мелитцъ произнесла филиппику противъ милитаризма, говорила о женскомъ обществѣ для пропаганды мира и между прочимъ, въ интересахъ усиленія идей мира, рекомендовала матерямъ не дарить дѣтямъ сабель, ружей и другихъ воинскихъ доспѣховъ; г-жа Вистромъ привела любопытныя статистическія данныя, изъ коихъ мы узнаемъ, что въ Германіи 97³/₄‰ съ капитала на образованіе идутъ на воспитаніе мужчинъ и только 2¹/₄‰ на воспитаніе женщинъ. Она высказала негодованіе, что двери университетовъ закрыты для женщинъ, и онѣ вынуждены для приобрѣтенія знаній обращаться къ сосѣднимъ народамъ, главнѣйше—въ Швейцарію. На конгрессѣ выяснилось, что развитіе въ Германіи сословія женщинъ-врачей встрѣчаетъ неодолимые препятствія со стороны мужчинъ, которые чинятъ эти препятствія изъ боязни конкуренціи; въ одинаковомъ же положеніи оказались и женщины-врачи Англии. Исключеніе здѣсь дѣлается только для колоній, куда, очевидно, мужчины доктора ѣдутъ неохотно. Въ Бельгіи движеніе женщинъ въ защиту своихъ правъ и интересовъ оказалось очень сильнымъ. Здѣсь существуетъ (съ 1892 г.) даже специальный журналъ, издаваемый докторомъ правъ М-me Poplin, „La ligue belge“, посвященный исключительно пропагандѣ женскаго вопроса. Французскія женщины, явившіяся сюда въ значительномъ количествѣ и привлекшія за собою даже мужчинъ, заявили, что французская женщина не требуетъ себѣ новыхъ правъ, но проситъ лишь возвратить ей старыя, отнятыя Наполеономъ; что же касается делегатовъ Испаніи и Португаліи, то таковыя возвѣстили, что женщины ихъ странъ вполне довольны своимъ положеніемъ и ни о какомъ равноправствѣ не мечтаютъ. Заслуживаетъ вниманія и рѣзко обрисовавшееся на конгрессѣ социаль-демократическое движеніе среди женщинъ Германіи, Австріи и Италіи, которое принимаетъ, какъ оказалось, съ каждымъ годомъ все болѣе значительные размѣры. Социаль-демократки выступали на преніяхъ въ качествѣ оппозиціи конгрессу, осуждая предметы его занятій, интересы буржуазныхъ женщинъ, стремящихся къ полученію ученыхъ дипломовъ и избирательныхъ карточекъ. По мнѣнію представительницъ этой партіи, тенденціи конгресса не имѣютъ ничего общаго съ интересами социаль-демократическими, съ

насушными потребностями рабочего вопроса, который именно и долженъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ современныхъ общественныхъ движеній. Соціалъ-демократки отказались даже отъ участія въ петиціи, подаваемой конгрессистками въ Рейхстагъ и направленной въ цѣляхъ достиженія политическаго и гражданскаго расширенія правъ женщинъ въ Германіи. Но ихъ убѣжденія, сепаратизмъ и антогонизмъ между ними и представительницами средняго и высшаго сословія будетъ вѣченъ, пока не призоидеть полного соціального и экономическаго сліянія всѣхъ сословія и состояній. Изъ рефератовъ по вопросу о высшемъ образованіи выяснилось, что лучше всего оно поставлено въ Америкѣ, Швейцаріи и Россіи. Сообщенія нашихъ соотечественницъ ¹⁾ г-жи Шабановой и г-жи Шаафе объ успѣхахъ высшаго женскаго образованія въ Россіи, о роли русской женщины на общественной службѣ, вызвали всеобщее удивленіе и восторгъ.

Привожу здѣсь подлинно рѣчь г-жи Шабановой, сказанную на конгрессѣ по вопросу о положеніи женскаго вопроса въ Россіи:

Глубокоуважаемое собраніе!

„Весьма сожалѣю, что я не настолько владѣю нѣмецкимъ языкомъ, чтобы выразить тѣ чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ идея международнаго конгресса женщинъ, собравшая представительницъ женскаго движенія всѣхъ странъ для взаимнаго сближенія и общей пользы.

„На привѣтливый, любезный зовъ нѣмецкихъ женщинъ откликнулись женщины всѣхъ образованныхъ націй, которымъ дороги интересы женскаго вопроса, сдѣлавшаго въ послѣдніе годы такіе быстрые успѣхи въ своемъ развитіи, благодаря энергіи его просвѣщенныхъ руководительницъ. Примѣръ этихъ смѣлыхъ и неутомимыхъ поборницъ женскаго движенія служилъ и служить намъ путеводной звѣздой, освѣщающей трудный путь къ свободѣ и образованію женщинъ.

„Въ Россіи женское движеніе, возникшее нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, благодаря соціально-экономическому перевороту (1861 г.) продолжаетъ расти и развиваться, открывая женщинамъ новые горизонты для ея развитія и дѣятельности. Движеніе это выразилось главнѣйшимъ образомъ въ стремленіи женщинъ къ высшему образованію, расширенію правъ и приобрѣтенію самостоятельности. Результатами этого движенія было возникновеніе (въ 1872 г.) женскихъ медицинскихъ курсовъ, создавшихъ женщинъ-врачей, учрежденіе женскихъ университетскихъ и педагогическихъ курсовъ, развитіе профессиональнаго женскаго труда, допущеніе женщинъ къ занятію служебныхъ мѣстъ и, въ общемъ, возвышеніе женщины, какъ самостоятельной личности.

„По инициативѣ и при дѣятельномъ участіи женщинъ возникли въ Россіи и многія благотворительныя учрежденія, какъ напр., общество для бѣдныхъ женщинъ, дешевыхъ квартиръ, попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, о хронически-больныхъ дѣтяхъ, „Ясли“, общество распространенія практическихъ знаній, фребелевскіе курсы, общество вспомошествованія окончившимъ курсъ женскіе университетскіе курсы, для поддержки высшаго образованія и многія другія.

¹⁾ Изъ русскихъ женщинъ на конгрессѣ присутствовали: г-жа Нечаева, д-ръ Тарновская—члены комитета общества для доставленія средствъ высшимъ лицамъ, д-ръ Познанская—секретарь русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго о-ва, г-жи Ватсонъ, Чебышева-Дмитріева (писательница), д-ръ Лурье изъ Кіева, баронесса Корфъ—предсѣдательница о-ва дешевыхъ квартиръ, г-жа Шаафе, начальница пансіона, и д-ръ Шабанова, предсѣдательница женскаго благотворительнаго общества.

„Но женскія силы, работая на различныхъ поприщахъ для одной идеи, не были сплочены воедино, не представляли одной кооперативной силы. Необходимость соединить женскія силы, создать центръ для развитія солидарности и совмѣстной дѣятельности, *car l'union fait la force*, возбудило мысль объ организаціи женскаго общества въ Россіи. И вотъ годъ тому назадъ, путемъ усилій маленькаго кружка женщинъ, было разрѣшено первое русское женское взаимно-благотворительное общество въ Петербургѣ, въ основѣ котораго лежитъ идея умственнаго и нравственнаго совершенствованія женщинъ.

„Я не буду говорить о дѣятельности нашего общества, оно еще только начинаетъ свою жизнь, проявляя и оказаніемъ духовной и матеріальной поддержки другъ другу, которая выражается въ предоставленіи членамъ библиотеки,

А. Н. Шабанова.

въ собственномъ помѣщеніи, въ устройствѣ семейныхъ, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, въ докладѣ рефератовъ на различныя темы, въ чтеніи лекцій, въ преподаваніи иностранныхъ языковъ, бухгалтеріи и профессиональныхъ искусствъ и въ доставленіи мѣсть и занятій нуждающимся членамъ. Все это только благія начинанія, скромные шаги юнаго общества, подготовляющіе результаты для будущаго. Но для характеристики женскаго движенія въ Россіи я должна упомянуть, что открытое 40 учредительницами общество, къ концу 1-го года своего существованія, насчитываетъ уже около 1.000 членокъ—женщинъ разныхъ профессій и положеній, и что въ другихъ городахъ Россіи, по примѣру Петербурга, явились попытки организовать такіе же общества.

„Русскія женщины счастливы присоединиться къ общему движенію женщинъ, стремящихся къ высшимъ цѣлямъ и прогрессу, на пользу человѣчества и науки, какъ-бы ни были различны законы, нравы и обычаи государствъ, къ которымъ мы принадлежимъ, но идея у всѣхъ насъ одна, эта идея—единеніе женщинъ; она роднитъ и соединяетъ насъ въ одинъ союзъ, собираетъ въ одну большую семью, чему блистательнымъ примѣромъ можетъ служить настоящій конгрессъ.“

Кромѣ г-жи Шабановой, изъ русскихъ участницъ конгресса говорили г-жа Чебышева-Дмитріева о русскихъ первоначальныхъ школахъ, ихъ развитіи и руководствѣ учительницами, положеніе которыхъ, какъ выяснилось изъ доклада референтки, въ смыслѣ вознагражденія значительно выше учительницъ нѣмецкихъ школъ; г-жа Шаафе—о высшихъ женскихъ курсахъ, къ каковому докладу вступленіе было сдѣлано В. П.

Тарновскою. О существованіи въ Россіи женщинъ-врачей и ихъ дѣятельности здѣсь, какъ равно о дѣятельности женщинъ-врачей въ Америкѣ подробно говорила г-жа Рабиновичъ, д-ръ философіи изъ Филадельфіи.

Газета „Berliner Tageblatt“ посвятила въ дни конгресса цѣлый фельетонъ вопросу о „женскомъ трудѣ въ Россіи“, гдѣ авторъ съ особеннымъ почтеніемъ отнесся къ дѣятельности г-жи Куріаръ, нашей извѣстной художницы, и подчеркнул то обстоятельство, что г-жа Куріаръ была даже назначена комиссаромъ на нижегородскую выставку. Познакомимся и мы вкратцѣ съ ходомъ развитія у насъ женскаго средняго, профессиональнаго и высшаго образованія, а также съ постановкою у насъ женскаго вопроса вообще.

VIII.

Мы уже знаемъ, что дѣло женскаго образованія было впервые выдвинуто Екатериною II основаніемъ Смольнаго института; съ тѣхъ поръ и до пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія общество съ грѣхомъ пополамъ удовлетворялось этимъ учебнымъ заведеніемъ, откуда иногда дѣвицы выходили съ такого рода, напримѣръ, понятіями, будто соленые огурцы растутъ на деревьяхъ, и что главное назначеніе всякой дѣвушки быть невѣстой. Бѣлинскій, одинъ изъ первыхъ у насъ, началъ рѣзко высказываться противъ современнаго ему состоянія женскаго просвѣщенія. „Русская дѣвушка,—писалъ онъ,—не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ, она—не что другое, какъ невѣста. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ей людъ, что она невѣста, что у нея должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту?“

Литература сороковыхъ годовъ оказала значительное вліяніе на эмансипацію женщинъ, но, къ сожалѣнію, жоржъ-зандизмъ, проникшій въ общество, хотя и заставилъ нѣсколько шевелиться мысль, однако оказалъ достаточно пагубное вліяніе на нравственный уровень женскаго общества. Идея свободнаго чувства была понята слишкомъ узко и сдѣлалась ширмой, за которой прятались низменныя похоти животнаго организма. Это теченіе нашей жизни въ значительной степени объясняется наслѣдіемъ крѣпостной старины съ ея „ребяческимъ развратомъ“, по мѣткому выраженію поэта, и отсутствіемъ всякихъ духовныхъ и общественныхъ интересовъ въ обществѣ, подавленномъ казеннымъ режимомъ.

Но вотъ повѣяло на бѣдную русскую жизнь дыханіемъ воли; заговорила страстнымъ языкомъ печать, и общество встрепенулось.

¹⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 255.

Встрепенулась и русская женщина, которой передовые представители нашей журналистики, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловъ и другіе, стали ежедневно твердить о ея человѣческомъ достоинствѣ, о ея высшемъ назначеніи въ жизни, о ея обязанностяхъ и правахъ, какъ матери, жены, друга, гражданки. Послѣдовавшее вскорѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости принесло вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе русской женщины отъ духовнаго мрака и умственнаго гнета. Ея судьба въ этомъ отношеніи аналогична съ судьбой ея заатлантической сестры, эмансипація которой также совпала съ освобожденіемъ негровъ.

„Крестьянская реформа, сообщившая новое направленіе всей экономической жизни народа и поставившая общество въ новыя условія, содѣйствовала развитію эмансипаціонныхъ стремленій русской женщины,—говоритъ г. К. В. ¹⁾—Отмѣна крѣпостного права необходимо вводила въ жизнь сильный стимулъ прогрессивнаго движенія и извѣстную свободу умственнаго развитія, благодаря чему разрѣшеніе женскаго вопроса значительно двинулось, а женщина очнулась отъ своей вѣковой спячки и сознала позорность своего пассивнаго положенія. Далѣе, крестьянская реформа логически привела къ вопросу о женскомъ трудѣ, вопросу перво-степенной важности. Женщина сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ была чувственной барыней, которая беззаботно проживала чужія средства и развивала въ себѣ одну чувственную сторону своего существа. Теперь же она должна была подумать о самостоятельной жизни, объ обезпеченіи своего будущаго положенія трудами рукъ и головы своей. Она захотѣла не только любить свободно, но и быть равной мужчинѣ, быть независимой отъ него, а для этого ей необходимо было стать самостоятельной работницей, сравняться съ мужчиной по образованію.“

Удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ жизни, правительство открыло всесословныя и общедоступныя гимназіи. Въ 1860 г. всѣ женскія учебныя заведенія были раздѣлены на училища 1-го разряда съ гимназическимъ курсомъ и 2-го—съ курсомъ уѣздныхъ училищъ, переименованныя впослѣдствіи (1870 г.) въ прогимназіи. „По общему количеству учебныхъ часовъ наши гимназіи и нѣмецкія *Höhere Töchterschulen* стоятъ далеко выше французскихъ женскихъ лицеевъ или средне-учебныхъ заведеній,—говоритъ г. К. В. ¹⁾—Сравнивая же нашу женскую гимназію съ германской десятиклассной *Höhere Töchterschule*, мы найдемъ слѣдующую существенную разницу: германская *Höhere Töchterschule* беретъ за обученіе совершенно безграмотнаго ребенка и подготавливаетъ его въ теченіе трехъ лѣтъ къ VII классу, т.-е., до нашего школьнаго гимназическаго возраста... Наши же гимназіи, принимая прямо въ VII классъ, (тамъ, гдѣ нѣтъ приготовительнаго), предъявляя для вступленія тѣ же требованія, какъ и въ Германіи въ VII классъ, возлагаютъ подготовку или на другія, часто въ педагогическомъ отношеніи гораздо ниже своего назначенія стоящія, подготовительныя училища или на семью.“ Въ видѣ дополненія къ этимъ гимназіямъ основаны въ 1883 г. „женскіе педагогическіе курсы“, не дающіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 261.

высшаго образованія, а подготовляющіе лишь женщинъ къ педагогической дѣятельности. Существующія женскія гимназій въ настоящее время мало кого удовлетворяютъ, и лучшія наши педагогическія силы неоднократно указывали на необходимость ихъ реорганизаціи на болѣе серьезныхъ началахъ. Что касается образованія у насъ женской медицинской помощи, то исторія этой помощи изложена въ предшествовавшемъ очеркѣ: „Женщины-врачи“.

Женщины, какъ видѣли читатели, добились доступа къ обязанностямъ врачей, но, увы! не получили всѣхъ тѣхъ правъ государственной службы и практики, которыя присвоены врачебному сословію мужчинъ. Обязанности и права оказались въ настоящемъ случаѣ въ достаточной дисгармоніи.

Въ бытность мою лѣтомъ 1893 г. въ Черниговской губерніи я слышалъ о существованіи тамъ нѣсколько времени тому назадъ вольныхъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, въ судьбѣ которыхъ принимали участіе лучшіе элементы мѣстной интеллигенціи; но эти курсы просуществовали недолго.

Что касается стремленія русскихъ женщинъ къ университетскому образованію, то таковое ведетъ также свое начало съ освободительной эпохи, когда въ періодъ 1855—1860 г.г. двери С.-Петербургскаго университета были широко раскрыты передъ женщинами, и послѣднія сѣли въ сводчатая аудиторіи 12 коллегій. Дальнѣйшая судьба женскаго университетскаго образованія достаточно обстоятельно разсказана въ біографическомъ очеркѣ Н. В. Стасовой, составленномъ г-жею Бородаевскою-Ясевичъ и напечатанномъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1895 года, № 11.

Нынѣшніе высшіе женскіе курсы временно были закрыты, а вторичное ихъ рожденіе обставлено значительными затрудненіями, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ вступительный экзаменъ по древнимъ языкамъ. Курсы не даютъ никакихъ правъ окончившимъ ихъ, и дѣвушка, прошедшая гимназическій курсъ и высшіе курсы, по своимъ правамъ, поставлена въ одни условія со своей подругой, прошедшей всего лишь курсъ педагогическихъ курсовъ. Русское общество усиленно желаетъ видѣть въ настоящее время женщинъ съ университетскимъ образованіемъ, на нихъ охотнѣе всего возлагаетъ, какъ на болѣе развитыхъ, разныя общественныя обязанности, и женщина терпѣливо несетъ эти обязанности, готовится къ нимъ, но за все свое терпѣнье и страданіе не получаетъ никакихъ правъ, соединенныхъ съ высшимъ образованіемъ у мужчинъ. Обязанности и права снова и здѣсь страдаютъ въ своемъ равновѣсіи.

Въ послѣднее время, когда убѣдились, что женщина по свойству своего ума чрезвычайно склонна къ практической дѣятельности и къ изученію реальныхъ наукъ, у насъ понемногу начинаетъ прививаться профессиональное и техническое образованіе, но въ этой области сдѣлано пока такъ микроскопически мало, что много объ этомъ распространяться не приходится. Изъ типа школъ домоводства и сельскаго хозяйства мы

можемъ назвать всего три, существующія при нѣкоторой небольшой правительственной субсидіи: „Заулинскую женскую практическую школу сельскаго хозяйства и домоводства“ г-жи Гриневой въ Кіевской губерніи, „Преображенскую сельско-хозяйственную женскую школу 2-го разряда“ г-жи Неплюевой въ Черниговской губерніи и „Понемуньскую женскую практическую школу сельскаго хозяйства и домоводства“ баронессы Будбергъ въ Ковенской губерніи. Послѣдняя школа существуетъ уже шесть лѣтъ и наглядно доказала, что женщина вполне способна къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. „Мы можемъ гордиться очевидными и благопріятными результатами, въ особенности тѣмъ, что спросы изъ имперіи на бывшихъ ученицъ института, для ввѣренія имъ мѣстъ сельскихъ или молочныхъ хозяекъ, такъ многочисленны, что заведеніе едва въ состояніи удовлетворить меньшую часть требованій“, — сказано въ отчетѣ школы за 1894—1895 г.г.

О необходимости распространенія среди женщинъ высшаго сельско-хозяйственнаго знанія въ нашей литературѣ особенно настойчиво говорилъ А. И. Стебуть, который и помѣстилъ по этому вопросу обширную статью въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1891 годъ, № 4—5 ¹⁾, могущую быть рекомендованною, какъ рядъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу этой отрасли знанія для женщинъ. Появляются у насъ въ самое послѣднее время и нѣкоторыя другія женскія учебныя заведенія практическаго характера въ видѣ курсовъ счетоводства и бухгалтеріи, но всѣ эти заведенія носятъ случайный характеръ и цѣликомъ находятся въ частныхъ рукахъ.

Русскія женщины силою вещей, вѣтъ ходомъ современной жизни, повсемѣстно, и государствомъ и обществомъ, призываются къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и практическому труду, при чемъ вездѣ отъ этихъ призванныхъ требуется извѣстный образовательный цензъ; вмѣстѣ съ тѣмъ государство на полученіе женщинами этого ценза тратитъ весьма незначительный 0/о своего бюджета. Такъ, по вычисленію г. К. В. ²⁾, въ то время какъ на мужчинъ тратилось въ 1890 г. въ общей сложности по вѣтъ учрежденіямъ изъ 34.501,833 рублей образовательнаго капитала—98,06 0/о, на женщинъ всего лишь—1,94 0/о, т. е. даже менѣе, чѣмъ въ Германіи. Цифры говорятъ сами за себя, и не приходится особенно пространно разъяснять читателямъ, что, если оффиціальная Россія относится къ мужскому населенію съ чувствомъ любящей матери, то къ женскому она уже безъ всякой снисходительности обращается злою мачихою.

Нечего и говорить, конечно, что вопросъ о женской государственной пенсіи за личный трудъ пока еще обрѣтается въ зачаточномъ состояніи, и женщина—народная учительница, вынесшая на своихъ плечахъ почти все бремя русскаго невѣжества, обречена на старости лѣтъ буквально на

¹⁾ „Нуждается ли русская женщина въ спеціальному сельско-хозяйственному образованіи?“

²⁾ „Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи“, стр. 360.

голодную смерть, если только какіе нибудь частные добрые люди не придутъ къ ней на помощь и не успокоятъ ея старыхъ костей въ какой-нибудь богадѣльнѣ. О ветеранахъ войны, проливавшихъ кровь свою за отечество, правительство по всей справедливости считаетъ долгомъ заботиться; но слезы женскія, коими она увлажила свой жизненный путь, работая на пользу народа и спасая его человѣческое „я“, не засчитываются въ подвигъ и въ государственную службу. Ихъ оцѣнила пока только литература, занесла ихъ въ великую общественную службу, и о нихъ она при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаетъ обществу.

Сознавая свое обездоленное положеніе, русскія женщины, подобно своимъ западно-европейскимъ сестрамъ, стали организовываться въ союзы, изъ коихъ слѣдуетъ отмѣтить „Русское женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербурѣ“.

Краткая исторія этого „Общества“ слѣдующая. Мысль создать центръ для объединенія женскихъ силъ возникла среди Петербургскихъ интеллигентныхъ женщинъ уже давно, но разныя обстоятельства мѣшали осуществленію этого благого намѣренія. Первый кличъ въ печати по настоящему предмету былъ брошенъ А. Н. Чарноцкой, въ квартирѣ которой и происходили первыя подготовительныя собранія для обсужденія и выработки устава проектируемаго общества. Съ теченіемъ времени таковой уставъ „Русскаго женскаго общества“ дѣйствительно былъ выработанъ еще въ 1893 г. и въ томъ-же году представленъ въ надлежащія инстанціи на утвержденіе; но первоначальный проектъ, въ виду слишкомъ широкихъ задачъ намѣченныхъ уставомъ, не встрѣтилъ необходимаго сочувствія и былъ возвращенъ представившимъ его для измѣненій. Вторичный проектъ былъ, наконецъ, утвержденъ въ Маѣ 1895 г., благодаря усиленнымъ предстательствамъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, но при этомъ отъ учредительницъ новаго общества потребована значительная уступка, а. и. чтобы общество существовало непременно подъ флагомъ благотворительности, какъ уже упомянуто выше. Число первыхъ учредительницъ было 40, изъ коихъ главнѣйшими дѣятельницами были: Н. В. Стасова, А. Н. Шабанова, Е. П. Гарднеръ, И. Д. Познанская и нѣкоторыя другія. Общество стало быстро наполняться новыми членами, число каковыхъ къ концу перваго-же года достигло внушительной цифры—*тысячи* (1000). Первый совѣтъ молодого „Общества“ скомплектовался изъ слѣдующихъ лицъ: предѣдательницей была избрана Н. В. Стасова, 1-й вице-предѣдательницей—А. Н. Шабанова, 2-й—А. Н. Чарноцкая, секретарями И. Д. Познанская и А. К. Глаголева, казначеемъ М. А. Ольхина и членами—А. П. Философова¹⁾, Е. И. Гарднеръ, О. А. Андреева, П. Н. Тарновская, Н. И. Манасейна и Е. К. Мышлаевская. Вслѣдствіе неожиданной кончины Надежды Васильевны Стасовой на очередь былъ

¹⁾ А. П. Философова, портретъ которой помещенъ въ настоящемъ очеркѣ является видной представительницей женскаго эмансипаціоннаго движенія въ Россіи съ середины 60-хъ годовъ.

поставленъ вопросъ о выборѣ новой предсѣдательницы Общества, на каковую должность и избрана А. Н. Шабанова, занимающая это мѣсто и понынѣ. Почетнымъ членомъ была избрана фрейлина Ея Императорскаго Величества Е. С. Озерова, оказавшая дѣлу созданія Общества неоцѣненные услуги.

Первоначальная дѣятельность совѣта заключалась въ пріисканіи собственнаго помѣщенія, каковое послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, съ трудомъ было найдено. Поиски эти обнаружили удивительную косность нашихъ домовладѣльцевъ: ихъ просто пугала мысль отдать помѣщеніе подъ какой-то „дамскій клубъ“, почему они и отказывали на отрѣзъ въ заключеніи съ Обществомъ контрактовъ, предпочитая имѣть въ своихъ домахъ кабаки, трактиры, портерныя и инныя заведенія, о которыхъ не принято даже говорить въ порядочномъ обществѣ.....

Рядомъ съ поисками помѣщенія не мало трудовъ отъ совѣта требовала и организація веденія дѣлъ „Общества“, которая по новизнѣ и своеобразности идеи учрежденія возлагала на совѣтъ большую отвѣтственность и представляла не мало затрудненій.

Въ теченіе перваго года существованія „Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества“ организованы были: читальня въ помѣщеніи Общества; постоянная коммиссія съ цѣлью изысканія средствъ путемъ устройства концертовъ, литературныхъ вечеровъ; рефератный отдѣлъ, имѣющій цѣлью организацію литературно-научныхъ докладовъ, которые-бы читались въ помѣщеніи Общества еженедѣльно; кружки по самообразованію (по инициативѣ г-жи Шабановой) при посредствѣ лекцій и практическихъ занятій. Въ теченіе перваго-же года читались лекціи по подавію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ (г-жа Шабанова), по бухгалтеріи (г-жа Карышева), англійскаго языка (г-жа Гарсфельдъ), а также велось обученіе разнымъ профессиональнымъ искусствамъ и ремесламъ. Кромѣ этихъ учреждений, при Обществѣ учреждено также бюро для пріисканія мѣстъ и занятій, какъ членамъ Общества, такъ и вообще постороннимъ интеллигентнымъ женщинамъ. Во главѣ этого бюро стала Кн. Вяземская. Для возможно большаго обмѣна мыслей, по предложенію доктора философіи М. Безобразовой, организованъ также кружокъ домашнихъ чтеній, въ коемъ еженедѣльно дебатуются вопросы литературы, науки и по исторіи женскаго вопроса.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, главное стремленіе руководительницъ Общества было направлено на удовлетвореніе духовныхъ и нравственныхъ потребностей членовъ, но не забыта была вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальная сторона жизни. Съ этой цѣлью былъ выработанъ проектъ устава кассы взаимной помощи, намѣчены для осуществленія въ ближайшемъ будущемъ устройства общежитія, столовой и мастерской для шитья платья и бѣлья. Организація этихъ учреждений находится въ непосредственной зависимости отъ наличныхъ средствъ кассы, которая къ 1-му году существованія Общества достигла суммы десяти тысячъ (10.000) рублей.

Какъ это по большей части случается съ русскими общественными учрежденіями, такъ и дѣятельность „Русскаго женскаго благотворительнаго общества“ нельзя назвать во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительною. Новизна дѣла, трудность проведенія нѣкоторыхъ начинаній значительно тормозили инициативу совѣта и ставили послѣднему неоднократно разныя препятствія и преткновенія, боротья съ которыми бывало часто не подъ силу. Должно отъ всей души пожелать молодому Обществу избѣгнуть въ своей дѣятельности и жизни разныхъ филантропическихъ тяготѣній, формализма и мелочности, а главное ненужныхъ и вредныхъ распрей, которыя такъ часто у насъ въ Россіи подсѣкаютъ въ корнѣ самыя свѣжіе и лучшіе побѣги передовой мысли. Общество должно помнить, что сила не въ силѣ, а въ единеніи, и девизомъ его пусть будетъ мудрое изрѣченіе „concordia parvae res crescunt, discordia magnae dilabuntur“.

Вникая въ стремленія современныхъ интеллигентныхъ женщинъ, громко сказывающіяся въ нѣкоторыхъ литературныхъ ихъ произведеніяхъ, а также въ тенденціи ихъ практической дѣятельности, можно съ большей или меньшей вѣроятностью предсказать, что и молодое „Русское женское благотворительное общество“, при благопріятныхъ условіяхъ, конечно, расширитъ сферу своей дѣятельности и отъ филантропіи перейдетъ къ болѣе широкимъ практическимъ задачамъ въ духѣ требованій вѣка.

Эти требованія уже громко высказаны нѣкоторыми женщинами въ основанномъ ими въ Парижѣ журналѣ „La Revue des femmes russes“. Въ редакціонномъ profession de foi этого молодого журнала мы читаемъ:

„Чего мы хотимъ? Только права быть тѣмъ, что мы есть на самомъ дѣлѣ: существами, надѣленными столько же и разумомъ, какъ сердцемъ, существами, не подобными мужчиѣ, а равными ему, способными занимать не хуже, а иногда лучше его и во всякомъ случаѣ съ большей добросовѣтностью и сознаніемъ долга, не только низшія должности, которыми онъ пренебрегаетъ, но и большую часть тѣхъ, которыя составляли до сихъ поръ его монополію.

„Чего мы хотимъ? Права подготовляться ко всѣмъ карьерамъ, свойственнымъ нашимъ физическимъ и нравственнымъ способностямъ, посредствомъ участія въ широкой мѣрѣ въ образованіи, въ которомъ намъ до сихъ поръ отказывали.

„Чего мы хотимъ? Прежде всего признанія за нами нашихъ экономическихъ правъ: для трудящихся классовъ—права для женщины получать свой заработокъ и располагать имъ также, какъ располагаетъ мужчина; мы не боимся быть уличенными во лжи, говоря, что она найдетъ ему, вѣроятно, лучшее употребленіе; въ классахъ владѣющихъ—права для женщины сохранить при выходѣ въ замужество владѣніе и полную свободу распоряженія своей собственностью, съ обязательствомъ какъ той, такъ и другой стороны, покрывать домашнія издержки, соразмѣрно съ ихъ взаимными средствами. Мы хотимъ и требуемъ именемъ самой строгой справедливости, чтобы мужъ и жена были съ экономической точки зрѣнія сотоварищами, которые несли бы общіе расходы, но пользовались бы равными правами и имѣли одинаковыя обязанности. Въ то время, когда браки являются по большей части финансовыми сдѣлками, мы упорно требуемъ отмѣны той невыносимой несправедливости, въ силу которой мужчина, пользуясь предлогомъ, что онъ глава семьи, можетъ на другой же день свадьбы располагать безотчетно приданымъ жены и не только помѣщать его въ самыя рискованныя предпріятія, но даже уплачивать имъ

долги своей холостой жизни и продолжать, если ему вздумается, прежнія удовольствія и поддерживать прежнія связи.

„Поймите, милостивые государи, что мы не объявляемъ вамъ войну, а напротивъ, предлагаемъ вамъ мирный трактатъ, подъ сѣнью, или, лучше сказать, при свѣтѣ котораго, обѣ стороны, переставъ считать другъ друга непримиримыми противниками, находящимися постоянно на военномъ положеніи, произведутъ въ частной жизни разоруженіе, которое является, быть можетъ, въ національной жизни только великодушной мечтой, и будутъ продолжать по пути, освобожденному отъ бесполезныхъ и опасныхъ препятствій, социальную задачу, которая служитъ и основаніемъ и цѣлью ихъ союза на цѣлую жизнь.“

Эта программа русскихъ женщинъ, совпадающая по своимъ основнымъ мотивамъ съ тенденціями описанныхъ выше Женевскаго и Берлинскаго женскихъ конгрессовъ, несомнѣнно, сдѣлается современемъ руководящею программой всякой женщины и всякаго женскаго общества. Къ этому женщины пришли длиннымъ историческимъ путемъ, который мною обрисованъ въ настоящемъ очеркѣ, и врядъ ли онѣ согласятся поступить здѣсь хоть однимъ словомъ, хоть единою мыслью: здѣсь согласованы ихъ права и обязанности.

Молодежь и ея руководители.

I.

ЧТО МОЖЕТЪ БЫТЬ интереснѣе темы о молодежи? — спрашиваетъ фельетонистъ „Новаго Времени“ (г. Фингалъ въ № 7065) и тутъ же даетъ разъясненіе этому вопросу. „Молодежь — это ближайшее будущее человѣчества, — говоритъ онъ. — Дѣйствующее поколѣніе, какъ бы крѣпко ни держало оно въ рукахъ поводья, непремѣнно состарится, а старость, какъ бы она ни брюзжала, непремѣнно сойдетъ съ дороги и уступитъ мѣсто молодымъ. И они возьмутъ въ руки поводья и поведутъ жизнь впередъ по-своему. Вотъ почему всякій разъ, когда по тому или другому поводу возникаетъ вопросъ о молодежи, въ разсужденіяхъ и спорахъ является страстность. Нельзя спокойно и равнодушно говорить о томъ, кому принадлежитъ будущее.“

Поводомъ къ этимъ разсужденіямъ писателя послужили толки, которые были вызваны на страницахъ повседневной прессы поставленной въ театрѣ „Литературно-артистическаго кружка“ новой пьесой г. Потапенко „Чужіе“, гдѣ выведено два поколѣнія — „отцовъ и дѣтей“, рѣзко расходящихся между собою по вопросамъ этики жизни. Пьеса г. Потапенко въ настоящемъ очеркѣ меня не интересуется; мнѣ важно только, что гг. рецензенты отмѣтили ее и выдвинули старый, но вѣчно юный и жизненный вопросъ о молодежи.

Тема дѣйствительно любопытная и, что называется, по журнальному сезону. Гг. газетные фельетонисты ухватились за нее, благодаря пьесѣ г. Потапенко, но если бы имъ вздумалось ознакомиться не только съ театральными новинками, а съ тѣмъ матеріаломъ, который за послѣднее время накопился въ литературѣ, то они убѣдились бы, что вопросъ о молодежи одинъ изъ самыхъ шумныхъ вопросовъ нашихъ дней. И о ней и по поводу ея, а также ею самою pro domo suo написано немало журнальныхъ статей, замѣтокъ и даже книжекъ. Образовалась

обширная литература, которую можно озаглавить „Споръ двухъ поколѣній, 1860 и 1880 годовъ, о преимуществѣ идеаловъ этихъ поколѣній“.

Споръ начался еще при покойномъ. Н. В. Шелгуновъ въ 1890 г. и съ тѣхъ поръ не сходитъ со страницъ нашихъ журналовъ. Хронологію этого спора собственно можно было бы отнести ко временамъ очень стародавнимъ; можно бы вспомнить послѣдовательно Пушкина, Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, сконцентрировать его вокругъ Тургеневскаго романа „Отцы и дѣти“ и Гончаровскаго „Обрыва“, вспомнить произведенія Стебницкаго, Всеволода Крестовскаго, Достоевскаго и кое-что иное въ этомъ родѣ, но такая историческая экскурсія завела бы меня въ такую глушь и глубь, раскапывать которую я не имѣю рѣшительно возможности въ настоящее время. Отмѣчу только характерную особенность спора современнаго по сравненію его съ спорами былыми. Тогда „отцы“ отреклись отъ своихъ наслѣдниковъ, лишали ихъ отцовскаго благословенія и относились съ полнымъ неодобреніемъ къ ихъ вольному и строптивому поведенію; но это время прошло, и картина дѣйствія измѣнилась: „дѣти“ стали отрекаться отъ наслѣдія отцовскаго и протягивать руки черезъ головы родителей своимъ старшимъ родственникамъ и дѣдамъ, — „людямъ сороковыхъ годовъ“. О такомъ сродствѣ душъ и гармоніи умовъ, въ смыслѣ по крайней мѣрѣ желательнаго достиженія, свидѣтельствуютъ какъ дѣятели „шестидесятыхъ годовъ“, такъ и непослушныя ихъ дѣти—такъ называемые „восьмидесятники“¹⁾.

„Между сороковыми и шестидесятыми годами разница вообще существенная, — свидѣтельствуетъ одинъ изъ даровитыхъ представителей молодого поколѣнія, по своимъ симпатіямъ не принадлежащій, однако, къ числу совсѣмъ „отколовшихся“ отъ отцевъ, Евг. Соловьевъ, въ предисловіи къ біографіи Д. И. Писарева.—Въ настоящую минуту, на примѣръ, мы гораздо ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Шестидесятые годы мы не прочь даже развѣнчивать, и наши современные гимназисты ясно представляютъ себѣ „всѣ ихъ крайности“. О такомъ же сродствѣ этихъ двухъ поколѣній свидѣтельствуетъ П. Перцовъ, авторъ недавно вышедшихъ „Писемъ о поэзіи“. Этотъ послѣдній явно бунтуетъ противъ отцовъ, полемизируетъ съ Евг. Соловьевымъ, обвиняетъ его въ робости передъ „шестидесятниками“...

Наше время въ естественномъ и свободномъ развитіи своихъ идей явно склоняется болѣе къ эпохѣ 40-хъ годовъ, нежели къ эпохѣ 60-хъ годовъ,—утверждаетъ г. Перцовъ. Г. Соловьевъ находитъ нужнымъ скорбѣть по этому поводу. Это опять-таки понятно со стороны оробѣвшаго человѣка. Признать законность и цѣлесообразность той эволюціи, которая совершается за послѣднее время въ нашемъ общественномъ мышленіи, значило бы признать законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ теченій, значило бы даже, быть можетъ, заговорить о возможности и необходимости появленія новаго общественнаго на-

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ употреблены термины „шестидесятники“, „восьмидесятники“ и т. д., согласно установившейся въ повременной журналистикѣ терминологіи.

слоения—„девяностниковъ“... Но все это слишкомъ отважно, разумѣется, для молодого „семидесятника“... ¹⁾ 90-хъ годовъ. А между тѣмъ, наблюденія г. Соловьева не обманываютъ его. Въ нашемъ обществѣ, дѣйствительно, замѣтно нынѣ большее довѣріе къ идеалу людей 40-хъ годовъ, чѣмъ къ идеалу „шестидесятниковъ“. Съ моей точки зрѣнія—этому остается только радоваться: вѣдь первый заключаетъ въ себѣ и послѣдній“.

Эти слова требуютъ поясненія. Дѣло въ томъ, что г. Перцовъ, ловко пользуясь нѣсколько неудачно открытыми картами своего противника, принимаетъ сдѣланное послѣднимъ опредѣленіе эпохъ, уличаетъ его въ непослѣдовательности и дѣлаетъ свой, разный отъ г. Соловьева, логическій выводъ. Онъ говоритъ: однажды г. Соловьевъ утверждаетъ и утверждаетъ вполне резонно, что „сороковые годы выработали идеаль челоуѣка, научно и эстетически развитой культурной личности, стоящей на высшей ступени развитія“, то это значить, что „люди сороковыхъ годовъ умѣли схватить въ своемъ міросозерцаніи и практикѣ обѣ стороны умственной жизни челоуѣка—и эстетическую и гуманную. Ихъ идеаль „челоуѣкъ“ заключаетъ въ себѣ и художника и гражданина“. Такъ построенный силлогизмъ приводитъ его и къ такому умозаключенію... „Люди сороковыхъ годовъ въ своемъ идеалѣ и въ своихъ стремленіяхъ были шире шестидесятниковъ, и... въ нашу эпоху, когда временныя обстоятельства не уклоняютъ русской общественной мысли въ ту или иную односторонность, мы имѣемъ не только право, но даже обязанность вернуться къ широкому и полному идеалу людей 40-хъ годовъ и, не забывая „гражданина“, признать право жизни и за „художникомъ“.

Pia desideria г. Перцова сводятся къ слѣдующему:

„При этой эволюціи, очевидно, немалую роль должно играть возстановленіе эстетической стороны нашей умственной жизни, временно пришедшей въ забвеніе, дополненіе развитаго и укрѣпившагося за время 60-хъ и 70-хъ годовъ понятія „гражданинъ“, остановившагося на точкѣ замерзанія, понятіемъ „художникъ“, дабы вновь сдѣлался возможенъ ихъ синтезъ—была бы возстановлена и поставлена во главу угла идея „челоуѣка“. Право, это старое знамя не такъ уже плохо: подъ его сѣнью были одержаны величайшія побѣды нашей гражданственности—вызваны къ жизни великія реформы Александра II, и совершены самыя цѣнныя завоеванія нашей литературы,—создано все то, что поставило ее въ рядъ всемірныхъ литературъ.“

Такимъ образомъ, г. Перцовъ ищетъ для своей дѣятельности болѣе широкую дорогу и болѣе широкій идеаль, каковой онъ и усматриваетъ въ такъ называемой эпохѣ 1840-хъ годовъ. Вѣроятно, эту же широту разумѣлъ и тотъ развязный молодой челоуѣкъ, который бросилъ Шелгунову незадолго передъ его смертью наглый окрикъ: „шире дорогу! восьмидесятникъ идетъ!“.

Г. Перцовъ и Шелгуновскій „восьмидесятникъ“ — не единичные дѣятели нашей современной литературы. Свое несогласіе съ „отцами“

¹⁾ Тутъ очевидная ошибка со стороны г. Перцова. Г. Влг. Соловьевъ выступилъ на литературномъ поприщѣ только въ текущемъ десятилѣтіи или, въ крайнемъ случаѣ, въ концѣ прошлаго. Авторъ настоящей статьи помнитъ г. Соловьева еще студентомъ, и это было во второй половинѣ 1880 годовъ.

еще болѣе рѣзко формулировали г. Мережковскій въ книжкѣ: „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы“, нѣкоторые критики „Недѣли“ (г. Единица, г. Дистерло и др.), но сильнѣе всѣхъ г. Волинскій въ рядѣ статей, печатавшихся съ 1891 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

„Недѣля“ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильны... Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаниемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію“. Г. Волинскій почти одновременно (1891 г.) съ авторами изъ „Недѣли“ писалъ: „Времена мѣняются. Современная жизнь течетъ подъ инымъ освѣщеніемъ. „Догорѣли огни, облетѣли цвѣты“. Силой обстоятельствъ возникъ цѣлый рядъ вопросовъ и запросовъ, на которые нѣтъ отвѣта въ талантливейшихъ произведеніяхъ бывшихъ авторитетовъ. Время обнажило новый уголь души, открыло новую мозговую линію, которой нужны жизнь, свѣтъ, яркія впечатлѣнія, свѣжія краски“.... Г. Волинскій въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ настоящаго десятилѣтія при всякомъ случаѣ старается показать свое несогласіе съ людьми 60-хъ годовъ, отмѣтить, въ чемъ заключается, по его мнѣнію, дефектная сторона дѣятельности послѣднихъ, и нарисовать тотъ путь, по которому, освобожденное отъ ошибокъ отцовъ и вліянія ихъ ума, новое поколѣніе людей должно шествовать. Но въ настоящемъ первомъ очеркѣ, посвященномъ литературной молодежи я не имѣю въ виду говорить ни о г. Мережковскомъ, ни о критикахъ „Недѣли“, ни о г. Волинскомъ, то есть, о старѣйшихъ восьмидесятникахъ; это будетъ сдѣлано въ слѣдующемъ очеркѣ.

Приведенныя выписки изъ г. Соловьева, а тѣмъ болѣе изъ г. Перцова, младшаго восьмидесятника—да не примутъ мои сверстники-восьмидесятники дѣленія ихъ на „старшихъ“ и „младшихъ“ за иронию—будто я ихъ приравниваю къ богатырямъ русскаго эпоса, дѣлящимся, какъ извѣстно, на „старшихъ“ и „младшихъ“: съ богатырями я ихъ не думаю сравнивать ни въ шутку, ни въ серьезъ, но раздѣленіе и такая схема показались мнѣ наиболѣе удобными, ну, я и употребляю слово;—итакъ, сдѣланныя выписки непреложно констатируютъ фактъ борьбы „дѣтей“ съ „отцами“, при чемъ отчасти уже показано, къ кому тягѣютъ ихъ симпатіи и въ какомъ идеалѣ они тщятся найти успокоеніе своему мятежному чувству. Несогласіе это въ настоящее время не только не утихаетъ или приходитъ къ какому либо примиренію или перемирію, но даже возрастаетъ, выходитъ изъ сферы общихъ разсужденій, изъ паренія въ заоблачную высь и спускается на землю, проникая въ вопросы болѣе частныя, детальныя, при чемъ и здѣсь не теряетъ своего остраго характера.

Два труда, надѣлавшихъ въ послѣднее время немало шума, могутъ служить прекрасной иллюстраціей сказаннаго. Вниманіе общества, обра-

ценное къ этимъ трудамъ, возросло настолько сильно, что въ какіе-нибудь полгода объ книжки были раскуплены, что называется, нарасхватъ и сдѣлались въ настоящее время рѣдкостью. Одинъ оборотливый книгопродавецъ, какъ рассказываютъ, извлекъ даже изъ этого шума немалую для себя пользу, продавая книжки обоихъ авторовъ по тройной цѣнѣ. Книги эти—П. Струве „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, вып. 1-й, и Н. Бельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣву и Комп.“

Объ книги, написанныя по разнымъ поводамъ и съ неодинаковымъ талантомъ, сумѣли вызвать на свѣтъ Божій множество теоретическихъ вопросовъ, какъ научнаго, такъ и практическаго свойства, сумѣли заинтересовать широкую аудиторію читателей, а также кругъ писателей, такъ что каждая изъ нихъ въ отдѣльности образовала чуть ли ни цѣлую полемическую литературу. Ни г. Струве, ни г. Бельтовъ не замахнулись на поколѣніе 60-хъ годовъ, что называется „по всѣмъ по тремъ“, не предали анаемѣ всей ихъ дѣятельности, какъ общественныхъ руководителей, а лишь рѣзко и съ грубой развязностью, постарались сорвать ореолъ научности, компетентности и здравомыслія съ гг. Михайловскаго, Карѣва, В. В., Николая—она и нѣкоторыхъ другихъ, подвернувшихся подъ руку. Удалось ли имъ это сдѣлать, и какъ они постарались достигнуть желанной цѣли, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Не успѣлъ затихнуть шумъ брани, поднятый гг. Струве и Бельтовымъ, какъ на смѣну имъ явились „девяностники“, студенты двухъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Передъ нами двѣ брошюры—г. А. Трнка „Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на „Письма“ къ ней г. Карѣва о самообразованіи“ и г. С. „Обращеніе товарища къ студентамъ“, написанное по предмету тѣхъ же „Писемъ“ г. Карѣва. Обѣ брошюры, изданныя, кстати сказать, съ симпатичною цѣлью—въ пользу недостаточныхъ студентовъ Технологическаго и Горнаго институтовъ, обнаруживаютъ недовольство авторовъ обращеніемъ къ нимъ одного изъ „отцовъ“, принадлежащаго, подобно и г. Михайловскому, къ соціологической школѣ, — профессора Н. И. Карѣва, и имѣютъ цѣлью призывъ товарищей послѣдовать по иному пути духовнаго развитія, нежели имъ рекомендуетъ нашъ историкъ. И „обращеніе“ и „отвѣтъ“ чрезвычайно любопытны по своимъ выводамъ и до извѣстной степени характеризуютъ современное настроеніе молодежи,—настроеніе, рисуемое также г. Перцовымъ въ его „Письмахъ о поэзіи“. Такимъ образомъ дѣтскій крестовый походъ—*passez moi le mot*—виѣ всякаго сомнѣнія. Натискъ на символъ вѣры „шестидесятниковъ“ сдѣланъ по всѣмъ пунктамъ; все наслѣдство отцовъ подвергается осмѣянію и рѣзкой критической оцѣнкѣ. Посмотримъ же, во имя чего новые крестоносцы ополчились на своихъ отцовъ, и подъ какимъ знаменемъ шествуетъ ихъ шумная рать.

II.

Мы уже видѣли, что г. Перцовъ не довольствуется идеаломъ гражданина, поставленнымъ на вершины литературныхъ требованій былой эпохи—

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ —

и, раскланиваясь вѣжливо, но сухо, передъ образомъ „гражданина“, устремляетъ свой взоръ къ иному кумиру, который онъ усматриваетъ въ созданномъ 1840-ми годами идеалѣ „человѣка“.

Г. Перцовъ не даетъ подтвержденія своему априорному выводу, будто литература „отцовъ“ затмила идеалъ человѣка, не распространяется также на тему, почему гражданскіе мотивы русской критической и публицистической литературы доминировали надъ всякими иными. Полной картины этого литературно-общественнаго процесса въ своей брошюрѣ онъ не рисуетъ. Онъ съ непогрѣшимостью ставитъ свое утвержденіе о разницѣ между идеалами и, увѣривъ читателей, что „въ нашу эпоху временныя обстоятельства не уклоняютъ русской общественной мысли въ ту или иную односторонность“, переходитъ къ конструированію современнаго идеала.

Во всѣхъ положеніяхъ г. Перцова что ни слово, что ни мысль—то недоговорка, отсутствіе мотивировки, парадоксъ. Но я не имѣю въ виду вступать съ нимъ въ пререканія и разъяснять, дѣйствительно ли „временныя обстоятельства не уклоняютъ общественной мысли въ односторонность“, равно не входитъ въ мою задачу толкованіе, что такое эта „односторонность“, и какъ слѣдуетъ въ настоящемъ смыслѣ понимать это слово. Меня занимаетъ только самая наличность спора г. Перцова и присныхъ ему съ противниками изъ старшаго поколѣнія, а потому, принявъ на вѣру его положеніе, что все обстоитъ благополучно, согласившись съ его реабилитацией дѣйствительности, посмотримъ, въ какія отношенія онъ ставитъ себя и своихъ сверстниковъ къ этой дѣйствительности, что они въ ней дѣлаютъ и какъ понимаютъ это дѣло. Предварительно долженъ, однако, оговориться.

Г. Перцовъ, толкуя объ окружающей жизни и о задачахъ молодежи, хлопочетъ главнымъ образомъ изъ-за собственнаго благосостоянія, заключающагося, по словамъ поэта, „въ сладкихъ звукахъ и молитвахъ“. Онъ писатель и стихотворецъ, поэтому-то область поэзіи и обязанности въ отношеніи къ ней ея молодыхъ жрецовъ составляютъ главный предметъ его стараній. Онъ говоритъ:

„Но нынѣ времена Неждановыхъ ушли, и отношеніе современной молодежи къ искусству настолько рѣзко разнится отъ тогдашняго, что становится вполнѣ понятнымъ искреннее недоумѣніе людей старшаго поколѣнія, и особенно поколѣнія, выступившаго въ жизнь подъ знаменемъ „утилитаризма“, при видѣ всего этого огромнаго количества „поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ“ (последнее, впрочемъ, довольно рѣдко). Не замѣчая или не желая замѣчать, что это цовальное сти-

хрисаніе и непрерывная игра на віолончели есть лишь вполне естественный коррективъ къ ихъ собственному чужанію „безполезнаго“ искусства, они возмущаются и негодуютъ и готовы объяснить это „сворачиваніе“ молодежи и ея бездѣльничаніемъ и „неблагопріятными виѣшними обстоятельствами (нашимъ вѣчнымъ козломъ отпущенія) и пр. и пр.

Итакъ „независящихъ обстоятельствъ“ не существуетъ, Неждановы ушли (куда? не сказано), и современная молодежь поэтому повально пишетъ стихи и непрерывно играетъ на віолончеляхъ. Такой кондуитный списокъ, выданный съ снисходительнымъ одобреніемъ г. Перцовымъ своимъ сверстникамъ, конечно, не можетъ не вызвать веселой улыбки постороннихъ зрителей, но что дѣлать?—„по дѣламъ и мука вору“; мнѣ кажется, что г. Перцовъ упустилъ въ этомъ списокѣ одинъ изъ предметовъ, который бы долженъ былъ тоже вызвать его снисходительное одобреніе: онъ позабылъ рядомъ съ непрерывной игрой на віолончели поставить игру въ винтъ и ѣзду на велосипедѣ. По крайней мѣрѣ гг. беллетристы, отзывчивые на злобы дня и къ современнымъ мотивамъ жизни, какъ напримѣръ, г. Боборыкинъ, рисуя типы молодежи, не забываютъ въ качествѣ аксессуара портретовъ изобразить колоду картъ и велосипедъ...

Далѣе г. Перцовъ лѣтописуетъ, что „за послѣднее время мутная волна тенденціи начинается спадать — съ развитіемъ художественныхъ вкусовъ и художественнаго чутья, съ „воскресеніемъ художника“, начинается все болѣе и болѣе выясняться въ сознаніи общества роль поэзіи, какъ одного изъ изящныхъ искусствъ“. Отвергнувъ идеаль гражданина, провозгласивъ „воскресеніе художника“, г. Перцовъ обрушивается на точныя знанія и съ негодованіемъ спрашиваетъ:

„...Интересно бы знать, почему мы не требуемъ отъ музыканта, какъ такового, знакомства съ политической экономіей и отъ художника знанія шведской конституціи? Почему только поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно должны образовать изъ своего таланта пособіе къ разъясненію „общественныхъ вопросовъ“? Отсюда уже естественъ слѣдующій выводъ автора „Писемъ“: „Не „общественныя отношенія“, не социологію или политическую экономію нужно изучать поэту, какъ таковому, а прежде всего и больше всего родное искусство—творенія другихъ поэтовъ и, наконецъ, всѣ имѣющіяся на землѣ воплощенія красоты“.

Я могъ бы покончить съ г. Перцовымъ, если бы онъ еще разъ не напомнилъ о себѣ въ качествѣ одного изъ издателей „Молодой поэзіи“, сборника „избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ“. Мы ознакомились достаточно съ возрѣніями г. Перцова на современную дѣйствительность, видѣли его несочувствіе къ ученію „отцовъ“ и указали на предъявляемые имъ требованія къ литературѣ вообще и поэзіи въ частности. Провозгласивъ „законность и цѣлесообразность вновь нарождающихся умственныхъ теченій“ г. Перцовъ (совмѣстно съ В. Перцовымъ) постарался представить эти умственные теченія въ сборникѣ „Молодая поэзія“, гдѣ собранный матеріалъ долженъ помочь сужденію о „достоинствахъ и недостаткахъ нашей молодой поэзіи, столь мало популярной и въ сущности столь мало извѣстной“.

Сборникъ открывается поэтической „фантазіей“ талантливаго молодого поэта К. Бальмонта, гдѣ встрѣчаются слѣдующія красивыя и мрачныя строфы:

„...Слыша тихій стонъ мятели, шепчуть сосны, шепчуть ели,
 Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
 Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
 Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.
 Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
 И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда,
 Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то мнится,
 То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
 Это мчатся души ночи, это искрится ихъ очи,
 Въ часъ глубокой полуночи мчатся души черезъ лѣсъ.
 Что ихъ мучить, что тревожить? Что, какъ червь, ихъ тайно гложетъ,
 Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнь небесъ?
 Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
 Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
 Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Прослѣдимъ далѣе за мотивомъ пѣсенъ молодыхъ современныхъ поэтовъ. Въ стихотвореніи „Изъ осеннихъ набросковъ“ г. Коринскій описываетъ свое настроеніе души во время охотничьей прогулки и возвращеніе домой. Онъ говоритъ, что

„Куда ни кинетъ онъ пылливо грустный взглядъ —
 Мелькаютъ образы, плывутъ живыя тѣни;
 Повѣтъ вѣтеркомъ—неслышно налетятъ
 Всѣ спутники его минутныхъ вдохновеній:
 Тутъ риѣмы звонкія ласкаютъ чуткій слухъ,
 Здѣсь страсти мѣрныя слетаютъ рядъ созвучій,
 А тамъ—ростетъ мотивъ... И въ мигъ воспрянетъ духъ,
 И сердце застучитъ, и стихъ готовъ летучій.

.
 Лишь позднимъ вечеромъ вернулся я домой,
 Съ пустою сумкою—измученный, усталый...
 Казался городъ мнѣ огромною тюрьмой,
 И грудь была полна тоскою небывалой;
 Душа опять рвалась отъ каменныхъ громадъ
 На волю, на просторъ... А сердце въ пѣсню муки,
 Въ больную пѣсню любви, слагало наугадъ
 Природой сфрѣю подсказанные звуки...

Г. Мережковскій, этотъ типичный представитель мятежнаго современнаго духа, талантливый писатель, то пытающій свои силы въ критическихъ очеркахъ, гдѣ гордо бросаетъ перчатку поколѣнію „отцовъ“, то создающій любопытный историческій романъ „Отверженный“, то создающій рядъ стихотвореній въ духѣ символистовъ и декадентовъ, даетъ въ произведеніи „Передъ зарею“, слѣдующую характеристику своего поколѣнія:

Устремляя наши очи
 На блѣднѣющій Востокъ,
 Дѣти скорби, дѣти ночи,

Ждемъ, придетъ ли нашъ пророкъ.
 Мы невѣдомое чуемъ
 И съ надеждою въ сердцахъ,
 Умирая, мы тоскуемъ
 О несозданныхъ мірахъ.
 Дерзновенны наши рѣчи,
 Но на смерть осуждены
 Мы какъ ранніе предтечи
 Слишкомъ медленной весны.
 Погребенныхъ воскресенье
 И, среди глубокой тьмы,
 Пѣтуха ночное пѣнье,
 Холодъ утра—это мы,
 Наши гимны, наши стоны.
 Мы для новой красоты
 Нарушаемъ всѣ законы,
 Преступаемъ всѣ черты.
 Мы—соблазнъ неутоленныхъ
 Мы—посмѣшище людей,
 Искра въ цеплѣ оскорбленныхъ
 И потухшихъ алтарей.
 Мы—надъ бездною ступени,
 Дѣти мрака, солнца ждемъ,
 Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
 Мы въ лучахъ его умремъ!

Я пропускаю въ „Сборникъ“ и стихи, такъ сказать, безразличные и посвященные исключительно описанію природы, и торжественно-ликующіе и такіе игриво-безсодержательные, какъ получившіе широкую, но незавидную извѣстность, вирши г. Лялечкина.

Незабудки, васильки,
 Васильки и незабудки..
 Жду я въ полѣ, у рѣки..
 Нѣтъ и нѣтъ моей малютки!

Стихи послѣднихъ категорій въ настоящее время мнѣ ненужны; можетъ быть, ихъ игривый мотивъ и свидѣтельствуешь о „повальномъ стихописаніи, и „непрерывной игрѣ на віолончели“, можетъ быть, они свидѣлствуютъ и еще кое о чемъ, но не это настроеніе поэтовъ заслуживаетъ вниманія. Въ нихъ нѣтъ исповѣди молодого сердца, нѣтъ автобіографіи занимающаго меня поколѣнія. Я нарочно остановился только на трехъ произведеніяхъ молодыхъ поэтовъ нашихъ дней, успѣвшихъ завоевать себѣ болѣе или менѣе широкую извѣстность, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ данъ ключъ къ разрѣшенію поставленнаго г. Перцовымъ вопроса: почему молодые „поэты не смѣютъ предаваться прямо и безпрепятственно своему дѣлу и обязательно должны образовать изъ своего таланта пособіе къ разъясненію общественныхъ вопросовъ?“

Гг. Бальмонтъ, Коринескій и Мережковскій, какъ это видно изъ приведенныхъ выше цѣлыхъ стихотвореній или отрывковъ изъ нихъ, сви-

дѣлствуютъ, что дѣйствительно современному поколѣнію нѣтъ дѣла до „общественныхъ вопросовъ“, что задачи его иные, что ихъ самочувствіе покоится не на общественныхъ началахъ.

Г. Бальмонтъ даже среди мертвой природы улавливаетъ безпокойное метаніе безформенныхъ духовъ, которыхъ

... — томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Большая мысль, болѣзненно-настроенные нервы г. Бальмонта однородны съ тѣмъ, что мы видимъ и у г. Коринескаго, у котораго

... сердце въ пѣсню муки,
Въ большую пѣснь любви, слагало наугадъ
Природой сѣрою подсказанные звуки...

Здѣсь уже мы находимъ нѣкоторое объясненіе, откуда рождаются и „эта тревога“, и „эта жажда вѣры“, эта тоска, „пѣсня муки“, „больная мысль“. Они подсказаны, какъ свидѣтельствуется поэтъ, „природой сѣрою“, т. е. тою сѣрою окружающею дѣйствительностью, гдѣ нѣтъ „грядущихъ дней тревоги“, гдѣ плывутъ лишь „живыя тѣни“, гдѣ „мотивъ“ и содержаніе рождаются совершенно случайно.

Мы надъ бездною ступени,
Дѣти мрака, солнца ждемъ,
Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
Мы въ лучахъ его умремъ!

„Дѣти мрака“, „тѣни“, „ранніе предтечи слишкомъ медленной весны“, „осужденные на смерть“, „посмѣшнице людей“ — вотъ какъ опредѣляетъ свое поколѣніе г. Мережковскій и притомъ свидѣтельствуется, что это поколѣніе „тоскуетъ о несозданныхъ мірахъ“, ждетъ пришествія невѣдомаго пророка, появленія солнца. Здѣсь то же свидѣтельство, что и у г. Коринескаго о сѣрой природѣ, объ окружающемъ мракѣ и о болѣзненномъ настроеніи чувства и ума, тоскующихъ о „несозданныхъ мірахъ“.

Болѣзненно настроенные нервы и у г. Мережковскаго, и у г. Бальмонта, и у г. Коринескаго однородны — всѣхъ ихъ сжимаетъ въ окружающемъ мракѣ тоска, и они не умѣютъ найти выхода этой тоскѣ. Окружающій мракъ отшибъ у нихъ пониманіе, ослѣпилъ ихъ глаза, и они тщетно рвутся къ какимъ-то „несозданнымъ мірамъ“, чаютъ пришествія пророка и появленія солнца. Солнца они все-таки ожидаютъ, хотя не могутъ даже смутнымъ чувствомъ уловить, что за солнце должно засвѣтить надъ ихъ сѣрою жизнью, надъ бѣдными ихъ головами — ихъ, „дѣтей скорби, дѣтей ночи“.

Эти свидѣтельства трехъ поэтовъ для насъ чрезвычайно цѣнны — они показываютъ, что звуки „віолончели“ не такъ ужъ удовлетворяютъ современную молодежь, какъ утверждаетъ г. Перцовъ, что не все обстоитъ такъ благополучно, и что времена Неждановыхъ не такъ ужъ далеко отъ

насъ отошли. Конечно, среди современнаго поколѣнія существуютъ разные типы—встрѣчаются и успокоившіеся въ „пантеизмѣ“, въ примиреніи съ дѣйствительностью, встрѣчаются и подобно г. Мережковскому, ищущіе Бога, алчущіе солнца и не скрывающіе передъ нами этого своего исканія. Къ типу первыхъ принадлежитъ г. С., обратившійся къ товарищамъ студентамъ по поводу „Писемъ“ г. Карѣва „о самообразованіи“, къ типу вторыхъ—г. А. Трикъ, отвѣчавшій на тѣ же „Письма“. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ „Обращеніяхъ“ и „Отвѣтахъ“, необходимо ознакомить читателей съ самыми „Письмами“, г. Карѣва, вкратцѣ изложитъ ихъ содержаніе.

III.

Г. Карѣва не приходится рекомендовать публикѣ: о его научныхъ трудахъ не одинъ разъ были даваемы мною отзывы на страницахъ „Историческаго Вѣстника“, а въ свое время пишущему эти строки пришлось по адресу почтеннаго историка сдѣлать нѣсколько неприятныхъ замѣчаній. Замѣчанія эти не имѣли въ виду научныхъ безспорныхъ заслугъ профессора Петербургскаго университета, не касались его и какъ общественнаго дѣятеля въ полномъ объемѣ этого опредѣленія; назначеніе замѣчаній было отмѣтить лишь нѣсколько неловкое и неудобное отношеніе къ одному изъ общественныхъ вопросовъ, отношеніе, по моему мнѣнію, дискредитировавшее дѣло, само по себѣ чрезвычайно полезное и достойное уваженія ¹⁾).

Г. Карѣвъ въ нашей неподвижной русской жизни вообще и въ академической средѣ въ частности представляетъ собою явленіе достаточно отрадное. Онъ ученый, чрезвычайно отзывчивый къ тревожнымъ вопросамъ дня, любящій жизнь въ ея сутолокѣ и ея шумныхъ проявленіяхъ, почему часто и покидаетъ вершины академическаго Олимпа и охотно спускается на нашу грѣшную пыльную землю, чтобъ побывать въ нашей средѣ, потолковать съ нами, простыми смертными, о нашихъ злобахъ и нуждахъ. Это значительно отличаетъ его отъ нѣкоторыхъ другихъ его товарищей по профессіи, которые свои визиты на землю цѣнятъ настолько высоко и визитируютъ насъ съ такой величественной небрежностью, что лучше бы оставались дома и предоставляли насъ собственной участи. Въ противность этимъ господамъ, г. Карѣвъ является всегда желаннымъ гостемъ, правда, нѣсколько скучнымъ гостемъ, но нельзя же, вѣдь, отъ человѣка всего заразъ требовать—чтобы онъ былъ и пріятель, и уменъ, и забавень. Берите человѣка, каковъ онъ есть! Г. Карѣвъ дѣятель старательный, отзывчивый, желающій быть полезнымъ, но не его вина, если дѣло, за которое онъ берется, не всегда расцвѣтаетъ въ его рукахъ и подъ его попеченіемъ. Довольно и того, что онъ обратилъ вниманіе на

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о моихъ критическихъ замѣткахъ по поводу извѣстныхъ „Программъ по самообразованію“. Замѣчанія эти были напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1895 годъ.

дѣло, пустилъ его, такъ сказать, въ оборотъ. Вольно-жъ не пользоваться этимъ обстоятельствомъ и, поблагодаривъ отзывчиваго профессора за починъ, не прибрать дѣла къ рукамъ и не постараться придать ему нужное оживленіе и блескъ. *La critique est aisée—l'art est difficile*—вотъ почему и г. Карѣвъ, дѣлающій что можетъ по свойству своего ума, не долженъ быть строго судимъ за отсутствіе плодотворности во всѣхъ своихъ начинаніяхъ.

Поэтому я думаю, характеристика профессора, сдѣланная критикомъ „Сѣвернаго Вѣстника“ (1895 года, № 10), слишкомъ сурова и даже какъ будто несправедлива. „При тяжеломъ и тягучемъ слогѣ,—говоритъ г. Волинскій,—съ надоѣдливымъ перезвономъ арханческихъ мѣстоименій посреди новѣйшихъ научно-прогрессивныхъ терминовъ, при полномъ неумѣннн показывать свои мысли ясно, твердо, безъ помощи громоздкихъ или туманныхъ книжныхъ сопоставленій, при явномъ отсутствіи литературнаго темперамента и агитаціоннаго пыла, разсужденія г. Карѣва могутъ внести въ современное броженіе идей только расхолаживающую струю педантическаго резонерства“. Кое-что здѣсь, дѣйствительно, справедливо—особенно относительно „агитаціоннаго пыла“ и „расхолаживающей струи педантическаго резонерства“, но зачѣмъ почтенный критикъ пускается въ оцѣнку литературнаго изложенія трудовъ профессора? Вѣдь это, что называется, валить съ больной головы да на здоровую; или онъ забылъ не столь давній еще совѣтъ г. Суворина издательницѣ „Сѣвернаго Вѣстника“—непремѣнно отдавать статьи г. Волинскаго на литературную выправку кому нибудь изъ свѣдущихъ людей! Ну, да не въ этомъ дѣло; а вотъ что касается „резонерства“ и „агитаціоннаго пыла“, тутъ г. Волинскій совершенно правъ.

Отсутствіе этого пыла, необходимаго каждому писателю, если только онъ желаетъ успѣха и распространенія своимъ произведеніямъ среди широкаго круга читателей, въ значительной степени объясняется тою „многословною обстоятельностью, которая вообще свойственна этому писателю“, какъ это вполне справедливо отмѣтилъ г. Михайловскій („Русское Богатство“, 1895 г., № 9). Г. Михайловскій отмѣчаетъ это свойство писателя болѣе наглядно въ другомъ мѣстѣ той же своей статьи „Литература и жизнь“, гдѣ идетъ рѣчь о „Письмахъ“ и „Бесѣдѣ“ г. Карѣва.

„...Трата энергіи на отстаиваніе никѣмъ не оспариваемаго положенія,—говоритъ Н. К. Михайловскій,—сообщая изложенію нѣсколько водянистый характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у автора время и мѣсто, которыя съ большею пользою могли бы быть отданы выясненію болѣе важныхъ или сложныхъ вопросовъ. Г. Карѣвъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ расточителенъ, что только на 118 страницъ „Писемъ“ позволяетъ себѣ сказать: „Всякій кто внимательно дочиталъ эту книжку до настоящей страницы, долженъ хорошо понимать, что я порицаю эгоизмъ и социальный индифферентизмъ“. Я думаю, что читатель былъ бы въ большомъ выигрышѣ, если бы могъ догадаться объ этомъ задолго до „внимательнаго чтенія“ ста семнадцати страницъ, да читатель, конечно, давно и догадался, такъ что почтенный профессоръ напрасно тратитъ время и бумагу, которыя, повторяю, могли бы быть употреблены на выясненіе менѣе элементарныхъ вещей.“

Я нарочно такъ долго остановился на отмѣченныхъ двумя писателями, принадлежащими къ непріязненнымъ лагерямъ, общихъ литературныхъ свойствъ г. Карѣва, потому что въ этихъ свойствахъ въ значительной степени лежитъ объясненіе того холоднаго впечатлѣнія, которое произвели на молодежь брошюры профессора. Пусть авторъ „Писемъ“ не ссылается на поразительный успѣхъ его брошюры на книжномъ рынкѣ. Виѣшній показатель спроса на то или иное произведеніе литературы и науки не всегда служитъ обезпеченіемъ его дѣйствительнаго успѣха въ умахъ и сердцахъ читателей. Пусть не ссылается онъ также на обширную возникшую между нимъ и молодежью переписку по предмету писемъ. И тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто виѣшнимъ признакомъ. „Не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ“, говоритъ народная мудрость и, очевидно, г. Карѣвъ въ данномъ случаѣ родился подъ счастливою звѣздой.

Вопросъ о „самообразованіи“ уже не первый десятокъ лѣтъ волнуетъ русское общество и молодежь, но никому какъ-то въ голову не приходило обратиться по этому предмету съ бесѣдой къ молодежи. Г. Карѣву посчастливилось—онъ попалъ въ удачный моментъ, когда окружающая жизнь иѣма вопросамъ, выкинулъ красивый флагъ на которомъ обозначено увлекательное слово—„молодежь“; отсюда успѣхъ его „Писемъ“, популярность его имени. Г. Карѣву, какъ общественному дѣятелю, какъ члену ученой и педагогической корпораціи, имѣющей уже по самому своему положенію въ глазахъ молодежи вѣсъ, слѣдуетъ быть признательнымъ за то, что онъ удачно пустилъ въ обращеніе многія прекрасныя мысли о самообразованіи, но нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что это именно его рукъ дѣло, такъ какъ влѣдствіе этого оно врядъ ли можетъ имѣть дѣйствительный качественный успѣхъ... Слишкомъ ужъ резонерски, поучительски обратился г. Карѣвъ къ молодежи—холодомъ вѣетъ отъ его многословія, отъ его ученыхъ и туманныхъ выраженій! Попадись-ка эта тема и получи-ка возможность побесѣдовать съ молодежью какой нибудь дѣйствительно талантливый популяризаторъ, публицистъ, „умѣющій жечь сердца людей“, какъ, напримѣръ, покойный Н. Шелгуновъ, и я битесь объ закладъ готовъ, что результаты были бы болѣе осязательныя. Что бы сказалъ Шелгуновъ этой молодежи, не мнѣ подказывать г. Карѣву; полагаю, что и почтенный профессоръ и читатели поймутъ меня и такъ, а непонимающимъ рекомендую ознакомиться съ недавно вышедшимъ собраніемъ сочиненій покойнаго писателя. Я увѣренъ, что появившіяся въ свое время на страницахъ „Русскаго Слова“ его „Письма о воспитаніи“, вошедшія нынѣ въ собраніе его сочиненій, гораздо болѣе волновали аудиторію читателей, нежели современныя „Письма о самообразованіи“ г. Карѣва. Въ тѣхъ „письмахъ“ видна искра Божія, та властность писателя надъ читателями, которая заполняетъ ихъ души, заставляетъ дрожать всѣ фибры ума и сердца. Этой-то властности и нѣтъ у г. Карѣва, а отсюда не можетъ быть дѣйствительнаго успѣха

ни у „Писемъ“, ни у „Бесѣдъ“, ни у „Мыслей“¹⁾), не смотря на ихъ многочисленныя изданія. Содержаніе всѣхъ брошюръ г. Карѣева богатое, прекрасное, но скучное и отзывающееся нѣсколько „прописными истинами“ и ходячей моралью, набившей уже достаточно оскомину молодежи.

Выберу для ознакомленія своихъ читателей нѣсколько мыслей г. Карѣева изъ двухъ его брошюръ—„Писемъ къ учащейся молодежи“ и „Бѣсѣдъ о выработкѣ міросозерцанія“. Я могъ бы ихъ, конечно, комментировать подходящими пословицами, какъ, напримѣръ, „ученье свѣтъ, а не ученье тьма“, „вѣкъ живи—вѣкъ учись“, „корень ученья горекъ, а плоды его сладки“ и множествомъ другихъ подобныхъ, но въ настоящемъ случаѣ меня интересуеъ не философія и нравоученіе профессора, а иная часть дѣла, которая вызвала печатное несочувствіе къ нему молодежи.

„Сущность самообразованія не въ томъ состоитъ — говоритъ г. Карѣевъ,— чтобы овладѣть извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ, пребывая попрежнему на той ступени развитія, которая соотвѣтствуетъ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ мыслей. Самообразование не должно быть только самостоятельнымъ, безъ помощи учителя приобрѣтеніемъ извѣстнаго запаса знаній и идей путемъ одного чтенія подходящихъ книгъ, но и самовоспитаніемъ въ смыслѣ искорененія въ себѣ привычекъ, созданныхъ пассивнымъ и догматическимъ усвоеніемъ чужихъ идей, свойственнымъ раннимъ періодамъ въ жизни не только всего человѣчества, но и отдѣльнаго человѣка.“ Далѣе: „Да, говоря о томъ, что цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія, я особенно настаиваю на томъ, что это именно должна быть выработка, предполагающая и развитіе необходимаго въ такомъ дѣлѣ орудія—самой активной и критической мысли. Все, что мною сейчасъ было написано, въ данномъ случаѣ не есть простое теоретическое разсужденіе, но представляетъ изъ себя и практической совѣтъ, вызванный опять-таки не соображеніями отвлеченнаго свойства, а указаніями, полученными изъ многочисленныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Если въ основѣ стремленія къ самообразованію лежитъ желаніе узнать истину о природѣ, о человѣкѣ и объ обществѣ, порождающее выработку міросозерцанія, необходимо помнить, что каждое міросозерцаніе складывается не только изъ знанія но и изъ вѣры“.

И еще:

„Я не поклонникъ того индивидуализма,— замѣчу, что индивидуализмы бываютъ разные,—того, повторяю, индивидуализма который въ сущности есть не что иное, какъ социальный индифферентизмъ въ смыслѣ пословицы: моя хата съ краю, ничего не знаю. Это только другая форма эгоизма. Я понимаю, что лучшую основу стремленія къ социальнымъ знаніямъ общественной дѣятельности составляетъ безкорыстный интересъ къ судьбѣ людей и альтруистическій порывъ прійти къ нимъ на помощь,— понимаю и одобряю... Особенно понимаю я и то, что молодежь считаетъ себя призванною готовиться къ великому дѣлу служенія. Въ разныя времена юношескій идеализмъ принималъ различный характеръ, смотря по тому, какіе вопросы выдвигала на первый планъ въ ту или другую эпоху общественная жизнь. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ наше время, когда и правительство, и образованное общество, и литература, и народныя массы поглощены теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопросовъ общественнаго свойства, это отражается и на настроеніи молодежи, порождая даже разнаго рода увлеченія. Но вотъ въ чемъ дѣло. Общественная дѣятельность есть воздѣйствіе личности на социальную среду,

¹⁾ Три брошюры, изданныя для наставленія молодежи на путь истины.

а это требует, чтобы дѣятель, т. е. личность, удовлетворяла извѣстнымъ условіямъ, всѣ же эти условія сводятся къ тому, чтобы дѣятель прежде всего выработалъ въ самомъ себѣ развитую и приспособленную къ общественной дѣятельности личность.“

Каково должно быть міросозерцаніе этой „приспособленной къ общественной дѣятельности личности“, г. Карѣвъ раскрываетъ передъ читателями въ брошюрѣ „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“.

„...Принципъ признанія за личностью нѣкоторыхъ правъ, которыя должны быть осуществлены и ограждены, такимъ образомъ можетъ быть примѣненъ и къ культурной, и къ экономической, и къ юридической, и къ политической жизни народовъ. И общій соціологическій вопросъ о положеніи личности въ обществѣ долженъ рѣшаться съ той же точки зрѣнія. Мы, однако, не имѣли бы права заявлять такихъ требованій, какія возвышенныя въ моральномъ отношеніи основанія они бы ни имѣли, если бы для этического идеализма не было, въ свою очередь, реальныхъ основаній въ психической природѣ человѣка, какъ личности, и въ соціологической природѣ общества, какъ соединенія и продукта дѣятельности отдѣльныхъ личностей, ставящихъ извѣстныя цѣли какъ для соединенія своего, такъ и для своей дѣятельности. Ни матеріализмъ метафизическій, сводящій психологію къ простой физиологіи мозга и нервной системы, ни матеріализмъ экономической, сводящій всю соціологію къ теоріи народнаго хозяйства, не въ состояніи объяснить міръ человѣка—не потому, однако, чтобы правда была на сторонѣ метафизическаго спиритуализма съ его отраженіемъ въ идеалистической исторіологіи, а потому, что матеріалистическая психологія и соціологія, въ противорѣчіе съ принципомъ научнаго реализма, требующаго изученія явленій, какъ они даны въ опытѣ, основываютъ себя на результатахъ одного изученія природы и физической стороны человѣка, т. е. на натурализмѣ, когда слѣдуетъ класть въ основаніе духовной и общественной жизни человѣка (гуманитаризма). Что касается до спиритуалистической метафизики и исторіологіи, то съ ними въ настоящее время полемизировать болѣе не приходится, ибо ихъ время прошло, повидимому, безвозвратно.

„Этическое и соціологическое міросозерцаніе, вытекающее изъ изложенныхъ основаній, требуетъ отъ человѣка дѣятельнаго проявленія своей личности и объясняетъ, какую роль можетъ играть личное дѣйствіе въ историческомъ процессѣ развитія духовной культуры и соціальной организаціи. Но это уже такая тема, которой мы здѣсь не думали затрогивать.“

Я радъ этому „но“—ему собственно давно была пора появиться въ книжкѣ, отчего бы она послѣ значительнаго сокращенія мало проиграла. Такъ какъ г. Карѣвъ разрабатываетъ ту же тему и въ третьей своей брошюрѣ, то я имѣлъ мужество, именно мужество! ознакомиться и съ этимъ сочиненіемъ— „Мысли объ основѣ нравственности“, но оказалось, что она для интересующаго меня вопроса мало пригодна, почему и оставляю ее въ сторонѣ; къ тому же я боюсь утратить читателя, испуганнаго неудобно-пронесимыми цитатами, коихъ я и безъ того привелъ изъ сочиненій г. Карѣва достаточно. Какъ читатель изъ личнаго опыта могъ убѣдиться, врядъ ли такое изложеніе г. профессоромъ своихъ сужденій и о „самообразованіи“ и о „міросозерцаніи“ можетъ расположить ищущую живого слова молодежь къ поученіямъ ея наставника. Тутъ дѣйствительно вспомнишь о горечи плода ученья и, пожалуй, бросишь всякую мысль о достиженіи желаннаго самообразованія!

Вотъ это-то обстоятельство, какъ я уже сказалъ выше, и расколо- дило молодежь и вызвало ея протестъ противъ одного изъ „отцовъ“ той эпохи, которая и безъ того уже, какъ мы видѣли, встрѣчала неоднократно несочувствіе новаго поколѣнія. Наука въ лицѣ г. Карѣва, котораго хронологически нельзя собственно отнести непосредственно къ „шестидесятникамъ“, но который числится въ этой плеядѣ по образу мыслей и по сочувствію,—наука, говорю я, не помогла дѣлу примиренія „отцовъ“ и „дѣтей“ и, пожалуй, даже охладила послѣднихъ, если только у нихъ было желаніе идти на выучку къ старшимъ. Врядъ ли авторитету послѣднихъ можетъ содѣйствовать и то полунебрежное отношеніе молодежи со стороны представителя науки, то-есть того же профессора Карѣва, когда онъ, повидимому разсердившись на одного изъ отвѣчавшихъ ему, писалъ въ предисловіи къ „Мыслямъ объ основахъ нравственности“: „Въ одномъ изъ печатныхъ студенческихъ отвѣтовъ на мои „Письма“ сказано что-то въ родѣ того, что намъ де нужно не самообразование, а самосовершенствованіе. Боюсь быть неточнымъ, передавая эти слова... но смыслъ былъ именно таковъ. По молодости лѣтъ наивному автору нѣсколько задорнаго „отвѣта“ можно простить, что онъ вообразилъ возможность „самосовершенствованія безъ самообразованія...“ ит. д.

Эти слова: „что-то въ родѣ того“ и „намъ де“, „наивный авторъ задорнаго отвѣта“, очень характерны: въ „Письмахъ“ г. Карѣва всѣми силами старался заслужить одобреніе молодежи, а когда эта послѣдняя рѣшилась рѣзко выступить противъ своего наставника, послѣдній вознегодовалъ.

IV.

Обращеніе г. Карѣва къ молодежи имѣло ту безспорно хорошую сторону, что вызвало среди этой молодежи сильное броженіе, массу толковъ и пересудовъ; печать и рецензенты, замѣчу кстати, отнеслись, однако, къ автору брошюръ почтительно, но холодно. Выразителями этого броженія явились два студента и ихъ печатныя брошюры, обращенныя къ товарищамъ. Первый по времени былъ „Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на „Письма“ къ ней г. Карѣва „о самообразованіи“ г. А. Трика; второй—„Обращеніе товарища къ студентамъ“, г. С., оставшагося неудовлетвореннымъ отвѣтомъ г. Трика. Обѣ брошюры чрезвычайно характерны—не по силѣ своихъ доводовъ или по красотѣ изложенія, а потому, что онѣ, подобно г. Перцову въ его „Письмахъ о поэзіи“ и нѣкоторымъ авторамъ изъ сборника „Молодая поэзія“, ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ этой загадочной молодежью, изъ-за которой переломано столько перьевъ. Тутъ уже невозможно отреченіе или фальсификація термина „молодежь“—она сама объявила себя, руку приложила, а одинъ даже имя рекъ.

Въ обѣихъ брошюрахъ выражено категорически, что „Письма“ г. Карѣва не удовлетворили молодежь, что, по словамъ г. Трика, „работа

г. Карѣва была вполнѣ бесполезна. Авторъ не только не выполнилъ нашей просьбы, но также не выполнилъ и своего собственнаго желанія рѣшить и разъяснить волнующіе насъ вопросы“. Далѣе пылкій авторъ говоритъ: „Поэтому я въ правѣ повторить его же, т. е. г. Карѣва, слова: миѣ всегда бываетъ больно видѣть подобныя произведенія въ рукѣ юноши, миѣ жаль того времени, которое онъ тратитъ на чтеніе бесполезной книги, когда остаются непрочитанными еще столько хорошихъ книгъ“. Да, миѣ было дѣйствительно больно и обидно, что намъ съ такой наставнической самоувѣренностью предлагаютъ никуда негодную вещь!“

Сильно сказано, даже, пожалуй и „задорно“, но такъ или иначе эффектъ получился неожиданный: „никуда не годная вещь!“ Посмотримъ же, откуда пронстекаетъ такая строгая оцѣнка. „Авторъ на нѣсколькихъ страницахъ рѣшаетъ два весьма сложныхъ вопроса: о религіи и о нашемъ отношеніи къ государству, — читаемъ мы въ брошюрѣ г. Трика, — при чемъ принужденъ сослаться на біологію, метафизическую философію, критическую философію, психофизиологію, социальную этику и т. п. И кромѣ того, какъ градомъ, осыпаетъ насъ научными терминами. Но мы этихъ наукъ не знаемъ, а поэтому также не знаемъ, можно ли дѣлать изъ нихъ тѣ выводы, которые намъ даетъ г. Карѣвъ“. Слѣдуетъ примѣръ и затѣмъ: „Какъ хотите, но ссылки, подобныя только-что приведенной, ничего не объясняютъ. Но не можетъ быть, чтобы г. Карѣвъ хотѣлъ воспользоваться нашимъ незнаніемъ, огорошить насъ терминами и, такъ сказать, убѣдить силой. Вѣрнѣе всего будетъ то предположеніе, что авторъ, увлекшись философскою мыслью, позабылъ о насъ, а еще и то, что эти вопросы нельзя рѣшить и разъяснить на нѣсколькихъ страницахъ“.

Въ этихъ словахъ г. Трика останавливается на себѣ вниманіе та мысль, что г. Карѣвъ, увлекшись философскою гимнастикой, позабылъ о тѣхъ, по чьему адресу были посланы „письма“. Какъ хотите, а я нахожу, что эта мысль г. Трика имѣетъ основаніе, такъ какъ дѣйствительно риторичность, отвлеченность сужденій г. Карѣва бросается настолько въ глаза, что трудно рѣшить, что его собственно интересуетъ: процессъ ли собственнаго мышленія, или тѣ—стоящіе на землѣ, ради которыхъ онъ взобрался на вершины философіи. Несмотря на то, что въ „Письмахъ“ онъ неоднократно обращается къ молодежи, ободряетъ ее, уговариваетъ и оканчиваетъ даже свою брошюру пылкой, въ предѣлахъ его темперамента, конечно, тирадой, гдѣ звучатъ „гражданскія струны“, несмотря на все,—вы дѣйствительно не видите за тяжелыми, неуклюжими фразами профессора живыхъ людей, реальной молодежи.

Не взирая на все несочувствіе къ окончательнымъ выводамъ г. Трика, нельзя не согласиться съ его догадкою—о забвеніи профессоромъ живыхъ людей. Но послѣдуемъ далѣе за пылкимъ студентомъ. Чего же онъ желаетъ, чего ищетъ его взволнованное чувство, его взбунтовавшаяся мысль? Результаты оказываются неважными, и авторъ, недалеко уходитъ

отъ г. Перцова. „Наше общество стало гораздо развитѣе! — восклицаетъ онъ. — Объ этомъ мы можемъ судить хотя бы потому, что раньше оно увлекалось естественными науками, а теперь политической экономіей. Большая разница! жизнь, литература, наука дали намъ много новаго. Если переѣнилось общество, переѣнилась и научная молодежь“. А нѣсколько раньше: „Мы употребляемъ громадныя усилія, чтобы выработать себѣ новыя понятія, новые идеалы. Мы отвергли прежнее міровоззрѣніе именно потому, что у насъ пробудилась критическая мысль, самостоятельность мысли, и значить съ этихъ поръ мы не принимаемъ чужихъ заключеній, не провѣривъ ихъ логичности и вѣрнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности“. И вотъ, „отвергнувъ прежнее міровоззрѣніе“, не создавъ, однако, взамѣнъ никакого иного, чего же ищетъ молодежь? „Мы страстно жаждемъ дѣятельности!“ — объясняетъ авторъ... „Мы почерпаемъ, главнымъ образомъ, свои идеи, понятія, идеалы изъ жизни, представленіе о которой у насъ составляется не только по прочитаннымъ книгамъ, но и по личнымъ наблюденіямъ надъ уродливыми противорѣчіями между фактами дѣйствительности“. И еще: „Намъ не надо каталога, въ основаніе котораго легла бы одна философская система или идея, намъ наоборотъ, гораздо полезнѣе читать книги, въ которыхъ бы вопросы жизни и знанія разбирались съ разныхъ точекъ зрѣнія: больше работы нашей мысли, лучше поймемъ эти вопросы и, во всякомъ случаѣ, будемъ имѣть больше надежды попасть на вѣрный путь“.

Какъ видитъ читатель, въ этихъ горячихъ монологахъ г. Трика много сумбура, противорѣчій, чего-то недоговореннаго и даже комичнаго; но, воля ваша, его пылъ, его бунтъ противъ навязываемой ему единой „философской системы“ носить на себѣ что-то удивительно свѣжее, симпатичное. Такъ и пышетъ на васъ какой-то стихійной мощью отъ этого желанія собственными силами попасть на желанный путь, собственными силами горю пособить и насытить свою „жажду дѣятельности!“ Эта, по моему, симпатичность является именно какъ результатъ по сравненіи нылкаго, хотя бы и не вполне осмысленнаго, порыва молодежи съ олимпійски спокойнымъ созерцаніемъ г. Карѣва верхушекъ философіи и его риторической правоучительной проповѣдью, на манеръ заказной проповѣди нѣмецкаго пастора въ церкви при похоронахъ.

Сама по себѣ тирада г. Трика не выдерживаетъ критики, но въ сопоставленіи съ монотонною рѣчью наставника, его бунтъ противъ „философской системы“, бунтъ дерзкій и наивный, отчасти напомнила мнѣ бунтъ Ивана Карамазова противъ Бога.

„Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу! — гордо и запальчиво говоритъ тотъ Алешѣ. — Я хочу оставаться лучше со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный чело-

вѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно раньше. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю.“

Подобно герою Достоевскаго, и авторъ „Отвѣта“ отрицаетъ не самообразование, а только возвращаетъ своему наставнику мудрено написанный билетъ на входъ въ заоблачную высь философіи. Обратись г. Карѣвъ попросе, посердечнѣе къ молодежи, и не было бы и этого бунта и того страннаго рѣшенія г. Трика, къ которому онъ пришелъ, возвративъ билетъ г. Карѣву. Оставшись, благодаря своему наставнику въ потемкахъ, онъ заметался въ неизвѣстности, въ тревожномъ томленіи, „съ жаждой вѣры, съ жаждой Бога“, на подобіе г. Бальмонту и другимъ представителямъ „молодой поэзіи“. „Поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость и смѣло пойдемъ по пути, указанному намъ величайшимъ изъ людей—Христомъ“. Это прекрасное желаніе г. Трика, однако, не объяснено, въ какихъ же реальныхъ поступкахъ выразится осуществленіе его идеала „истины и справедливости“. Въ этомъ отношеніи его товарищъ по протесту г. С., хотя тоже не даетъ вполнѣ точнаго отвѣта, однако, все-таки какъ будто желаетъ чего-то болѣе осязательнаго—по крайней мѣрѣ касательно вопроса, по какому пути идти для достиженія евангельскаго идеала.

Г. С. не полемизируетъ съ профессоромъ Карѣвымъ, онъ даже какъ будто успокаиваетъ его въ его неудачахъ обращенія къ молодежи. „Если г. Карѣву не удалось объяснить всего,—говоритъ г. С.,—то это не значитъ, что онъ никогда этого не сдѣлаетъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, находится на пути исканія, что лучше самостоятельнаго покоя. Но г. Трикъ,—продолжаетъ авторъ обращенія,—дальше говоритъ, что не все въ понятны выводы и термины, которые употребляетъ г. Карѣвъ. Намъ, не специалистамъ философскихъ наукъ, нужны сжатые мысли, выраженные просто и ясно. А между тѣмъ г. Карѣвъ писалъ ко всей учащейся молодежи, а не исключительно студентамъ филологамъ и юристамъ“. Обращаясь къ товарищамъ, г. С. въ спокойномъ, нѣсколько проповѣдническомъ тонѣ поучаетъ ихъ: „Итакъ, вы видите, что не только въ жизни, но и у насъ студентовъ, истина, добро, справедливость сдѣлались понятіями условными. А между тѣмъ все намъ говоритъ, что эти понятія должны быть абсолютными, только слабость человѣческая сдѣлала ихъ условными. Есть! навѣрное есть, одна истина, одно добро, одна справедливость, только мы ихъ не видимъ“.

Коснувшись современной литературы, г. С. говоритъ: „Мы въ ней не находимъ для себя ни жизненныхъ правилъ, ни руководящихъ идеаловъ. Насъ, студентовъ, часто упрекаютъ, что мы поступаемъ во многихъ случаяхъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Это совершенно вѣрно. Но гдѣ тѣ правила, которыя бы диктовали намъ, какъ мы должны поступать, и съ которыми мы нравственно не расходились бы. Вѣдь поступать только по правилу, а не по убѣжденію, тоже не хорошо, скажемъ мы“. По его мнѣнію, главной цѣлью стремленій современной молодежи должно быть

не самообразование, а самоусовершенствование. „Къ этому я стремлюсь и въ этомъ я нашелъ жизнь и утѣшеніе“,—добавляетъ онъ. Какимъ же способомъ сподобился такого успокоенія души юноша, по собственному признанію, еще совсѣмъ молодой? Идеаль самоусовершенствованія онъ обрѣлъ въ величайшей книгѣ, какая только есть у людей—въ Евангеліи. „Евангеліе,—говоритъ онъ,—есть та книга, къ которой протягиваются руки на картинѣ Веддера; Христосъ—тѣ ворота въ произведеніи Годена, черезъ которыя всѣ желающіе должны пройти. Итакъ, кто хочетъ называться христіаниномъ, кто любитъ Христа, то долженъ любить Его слово. Поэтому читайте, узнавайте, тамъ и только тамъ вы найдете разгадку словамъ истина, добро, справедливость. Познать все это можно, только читая Евангеліе, т. е. познавая Христа“.

Когда я впервые прочелъ эти слова г. С., то на меня пахнуло чѣмъ-то давно знакомымъ, чему свидѣтелемъ въ жизни пришлось однажды быть, что я нѣкогда слышалъ и чему поклонялся. Я вспомнилъ одного товарища въ концѣ 70-хъ годовъ, который тоже, подобно С., твердилъ о томъ же „самоусовершенствованіи“, тоже утверждалъ, что въ ученіи Христа нашелъ своей душѣ „жизнь и утѣшеніе“. Свою долю онъ мнилъ обрѣсти въ отреченіи отъ міра, а товарищамъ указывалъ на Алешу Карамазова, какъ на типъ, который должна выработать въ реальной жизни современная ему молодежь. Его указаніямъ въ знакомой мнѣ, по крайней мѣрѣ, средѣ не дано было осуществиться — Алешей Карамазовымъ никто не сдѣлался. „Въ міръ иди и въ мірѣ будь, какъ инокъ“ — завѣщалъ своему любимцу старецъ Зосима, и со словъ этого старца, созданнаго фантазіей, а по другимъ показаніямъ списаннаго съ оригинала Достоевскимъ, вѣщаль своимъ товарищамъ и мой пріятель. Въ міръ-то дѣйствительно большинство пошло, но никто не соблюлъ здѣсь иноческаго обѣта, самъ же молодой энтузіастъ во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру какъ будто отдѣлился, но... обратился въ „воинствующаго черноризца“, пріобрѣвшаго себѣ широкую извѣстность въ мірѣ духовенства. Нашлись и такіе, которые послѣдовали его примѣру, но мнѣ рѣшительно невѣдомо, носятъ ли эти послѣдніе въ своей душѣ „утѣшеніе“ и являютъ ли въ жизни евангельскій образъ. Любопытное это было движеніе среди молодежи 1880-хъ годовъ, движеніе, въ значительной степени обязанное своимъ происхожденіемъ гениальному автору „Братьевъ Карамазовыхъ“, а также нѣкоторымъ мистическимъ влѣніямъ того времени, которымъ не мало поспособствовалъ г. Влад. Соловьевъ, — неизвѣстный теперь авторъ „Идеаловъ и идоловъ“, а авторъ тогдашнихъ „Религіозныхъ основъ жизни“ и „Трехъ рѣчей въ память Достоевскаго“!

Но теперь не объ этомъ рѣчь, вспомнилъ же я это стремленіе въ „ученное монашество“ по поводу наставленій г. С. своимъ товарищамъ, гдѣ также указанъ для подражанія образъ Христа и его святое ученіе. Что и говорить—великъ примѣръ, выставленный г. С.! но меня болѣе всего смущаетъ въ его словахъ утвержденіе, что онъ „нашелъ уже“

въ жизни „утѣшеніе“ и какъ будто осуществилъ недосягаемый идеалъ. Не звучитъ ли здѣсь то смиреніе, которое „паче всякой гордости“? А тотъ символическій путь, по которому ведетъ своихъ читателей г. С.— и книга Веддера и ворота Годена, мнѣ уже совсѣмъ подозрителенъ, вслѣдствіе чего я рѣшаюсь и все обрѣтеніе идеала и „утѣшеніе“ г. С. заподозрить въ сродствѣ съ проповѣдуемымъ г. Единицею изъ „Недѣли“ пантеизмомъ. Дѣятельная христіанская любовь врядъ ли будетъ спокойно созерцать мучительные поиски путей жизни со стороны ближнихъ; вѣдь даже Алеша Карамазовъ подъ жгучими вопросами брата прорвался и обнаружилъ свою „Карамазовщину“! А неужели авторъ „Обращенія къ студентамъ“ рѣшится установить съ послѣднимъ свое тождество? Для меня это было бы въ высшей степени интереснымъ явленіемъ—я убѣдился бы въ томъ, что тотъ типъ, который былъ указанъ нѣкоторыми моралистами „восьмидесятникамъ“, осуществился лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Но пока не убѣдился въ этомъ собственными глазами, беру грѣхъ на душу и рѣшаюсь отождествить ученіе о „самоусовершенствованіи“ безъ „самообразования“ съ знакомыми уже „пантеизмомъ“ „Недѣли“ и „реабилитацией дѣйствительности“ г. Перцова и г. Трика.

V.

Итакъ, мы видимъ, что молодежь девяностыхъ годовъ, подобно своимъ старшимъ братьямъ предшествовавшаго десятилѣтія, „отвергаетъ міровоззрѣніе“ отцовъ, объявляетъ, что въ современной литературѣ нѣтъ „ни жизненныхъ правилъ, ни руководящихъ идеаловъ“. Отвергнувъ чужое, молодежь эта не устанавливаетъ, однако, чего нибудь своего ясноопредѣленнаго и рѣзко-очерченнаго, а пробавляется либо общими мѣстами, либо рекомендуетъ успокоеніе въ самоуслаждающей любви или ожиданіи „несозданныхъ міровъ“. Эта категорія непокорныхъ „дѣтей“ посягаетъ лишь на качественность и цѣнность отцовскаго наслѣдія, не указывая въ точности, чѣмъ оно не хорошо, каковы его недостатки и погрѣшности. Но рядомъ съ этими въ послѣднее время выдвинулись и другіе, уже новые, которые въ полномъ вооруженіи послѣднимъ словомъ науки подвергаютъ критическому анализу это наслѣдство по его составнымъ частямъ и взамѣнъ его выставляютъ свое благопріобрѣтенное или взятое изчужа напрокатъ добро. Представителями этой категоріи являются г. П. Струве съ его трудомъ „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ и г. Н. Бельтовъ въ книжкѣ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ г.г. Михайловскому, Карѣеву и комп.“¹⁾

¹⁾ Можетъ быть г. Бельтовъ хронологически и не принадлежитъ къ молодому поколѣнію, но направленіе его литературной дѣятельности вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что говорятъ истинные „восьмидесятники“, почему я не выдѣляю его въ особую рубрику, а рассматриваю совместно съ прочими представителями бунтующей литературы.

Трудъ г. Струве явился самостоятельно, а книжка г. Бельтова связана съ полемикой, возгорѣвшейся между авторомъ „Критическихъ замѣтокъ“ и цѣлой группой литераторовъ, болѣе или менѣе единомыслящихъ по вопросамъ социальнымъ и экономическимъ, сотрудничающихъ преимущественно въ нынѣшнемъ „Русскомъ Богатствѣ“ съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ. Оба автора рѣзко полемизируютъ съ „шестидесятниками“, чье „стройное социологическое міровоззрѣніе традиционно господствуетъ въ нашей литературѣ“, и противопоставляютъ ему доктрину „экономическаго матеріализма“.

Г. Струве еще раньше выпуска въ свѣтъ своихъ „Критическихъ замѣтокъ“ помѣстилъ въ нѣмецкой газетѣ „Sozialpolitisches Centralblatt“ небольшую замѣтку, гдѣ подвергъ рѣзкой критикѣ извѣстное сочиненіе Николая—она „Очерки нашего пореформеннаго хозяйства“. Уже въ этой замѣткѣ онъ бросилъ перчатку школѣ нашихъ прогрессивныхъ экономистовъ, перчатку которую послѣдніе руками тогдашняго сотрудника „Русскаго Богатства“ С. Н. Кривенко подняли и дали съ своей стороны молодому писателю отпоръ.

Не прошло и года послѣ первой стычки, какъ г. Струве выступаетъ въ русской уже литературѣ открытымъ и яркимъ противникомъ „субъективистовъ“ и „прогрессивнаго міровоззрѣнія“ 60-хъ годовъ въ вопросахъ философскихъ, социальныхъ и экономическихъ. Главная сила тяжести научныхъ нападокъ автора „Очерковъ“ пала на г. Михайловскаго и его „формулу прогресса“, гдѣ, по мнѣнію г. Струве, „результаты анализа объективныхъ фактовъ, анализа, безспорно весьма остроумнаго, были предрѣшены субъективной точкой зрѣнія“.

Опуская частныя несогласія по вопросамъ философскимъ, отмѣтимъ, какъ г. Струве защищаетъ свое міровоззрѣніе и школу „экономическаго матеріализма“. „Классическій примѣръ объективности и историчности экономическаго матеріализма представляютъ разсужденія его основателей о рабствѣ и его значеніи въ социально-экономической эволюціи“. Значеніе это выражается въ томъ, что „рабство дало возможность провести въ крупномъ масштабѣ раздѣленіе труда между земледѣліемъ и промышленностью и такимъ образомъ создало цвѣтъ античнаго міра — греческую культуру. Безъ рабства не было бы греческаго государства, не было бы греческаго искусства и греческой науки. Безъ рабства не было бы римскаго государства, а безъ греческой культуры и римскаго государства не существовало бы современной Европы. Мы не должны никогда забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитіе предполагаетъ состояніе, въ которомъ рабство было необходимою и пользовалось всеобщимъ признаніемъ“. Подобно тому, какъ на основѣ рабства создавалась культура древняго міра, такъ точно на основѣ успѣшнаго уже въ Россіи обозначиться капитализма должно въ настоящее время обосноваться и благополучіе нашего некультурнаго отечества.

„Вся матеріальная и духовная культура тѣсно связана съ капитализмомъ: она выросла вмѣстѣ съ нимъ или на его почвѣ. Мы же, ослѣпленные какимъ-то непо-

мѣрнымъ національнымъ тщеславіемъ, мнѣмъ замѣнить трудную культурную работу цѣлыхъ поколѣній, суровую борьбу общественныхъ классовъ, экономическихъ силъ и интересовъ построениями нашей собственной „критической мысли“, которая открыла трогательное совпаденіе народно-бытовыхъ формъ со своими собственными идеалами. И добро бы та почва, на которой мы беремся соорудать, безъ содѣйствія историческихъ силъ, наше пышное зданіе, оправдывала такое тщеславіе? Между тѣмъ на этой почвѣ не простылъ слѣдъ крѣпостного права, которое, конечно, въ свое время было не только злой выдумкой... Нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму.“

Г. Струве, какъ я уже замѣтилъ, развивая свои мысли, старается по дорогѣ рѣзко опровергнуть установившіяся у насъ положенія экономической и соціологической науки, пытается улучшить нашихъ публицистовъ (гг. Михайловскаго, Николая—она, В. В. и др.) въ невѣжествѣ, неправильномъ пониманіи и толкованіи западно-европейскихъ философовъ, въ фальшивомъ и тенденціозномъ освѣщеніи русской дѣйствительности и неправильныхъ утопическихъ вождельніяхъ, предъявляемыхъ къ установившимся у насъ отношеніямъ между рабочимъ классомъ и работодателями.

Книжка г. Струве вызвала бурную оппозицію со стороны тѣхъ, на кого онъ въ своемъ юномъ азартѣ не по силамъ замахнулся критическимъ скальпелемъ. Отвѣчали ему и г. Николай—онъ, и С. Кривенко, но особенно досталось бѣдному автору отъ полемическихъ ударовъ Н. К. Михайловскаго. Извѣстный публицистъ потратилъ не мало времени на г. Струве, и послѣдній вышелъ изъ-подъ его полемическаго пера порядочно таки оцѣпаннѣвшимъ и искалѣченнымъ. Но не успѣлъ редакторъ „Русскаго Богатства“ справиться съ однимъ, какъ на защиту своего товарища выступилъ другой бойкій, остроумный писатель — Н. Бельтовъ. И этотъ, подобно г. Струве, рѣшительно не хочетъ признавать авторитета „шестидесятниковъ“, отказывается отъ „субъективныхъ идеаловъ“, отъ выработанной г. Михайловскимъ „формулы прогресса“, и, вооружившись сравнительно историческимъ методомъ, защищаетъ основы „экономическаго матеріализма“ на тѣхъ же метафизическихъ принципахъ, что и г. Струве. Выводы г. Бельтова слѣдующіе:

1) Убѣжденія Гейнцена и его единомышленниковъ относительно того, что Марксъ былъ осужденъ на бездѣйствіе въ Германіи своими собственными взглядами, оказались вздоромъ. Такимъ же вздоромъ окажется и убѣжденіе г. Михайловскаго относительно того, будто бы не могутъ принести пользы русскому народу, а напротивъ, должны вредить ему люди, держащіеся у насъ теперь взглядовъ Маркса. 2) Взгляды Вуллей и Фолльграфовъ на тогдашнее экономическое положеніе Германіи оказались узкими, односторонними и ошибочными въ силу своей отвлеченности. Можно опасаться, что дальнѣйшая экономическая исторія Россіи обнаружитъ подобныя же недостатки во взглядахъ Николая—она. 3) Люди, ставившіе въ Германіи сороковыхъ годовъ организацію производства своей ближайшей задачей, были утопистами. Такимъ же утопистами являются люди, толкующіе объ организаціи производства въ нынѣшней Россіи. 4) Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. Есть всѣ основанія думать, что подобная же участь постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ первыми; съ болью въ сердцѣ предвидимъ, что насмѣется онъ и надъ вторыми.

Г. Струве и г. Бельтовъ оказались не единственными послѣдователями у насъ экономическаго матеріализма и ученія Маркса. Не успѣлъ разгорѣться споръ „шестидесятниковъ“ противъ положеній, установленныхъ рѣзко и откровенно г. Струве, какъ г. Михайловскій, главный оппонентъ автору „Критическихъ замѣтокъ“, былъ заваленъ письмами отъ молодежи, гдѣ заявлялось полное сочувствіе философіи знаменитаго автора „Капитала“. Свѣдѣнія объ этихъ сочувствіяхъ можно найти въ публицистическихъ очеркахъ за 1894 годъ „Литература и жизнь“ г. Михайловскаго, печатаемыхъ ежемѣсячно въ „Русскомъ Богатствѣ“.

Въ своемъ спорѣ съ „утопистами“ и „субъективистами“ г. Бельтовъ выказалъ много остроумія, блеска, учености, а главное бойкости, граничащей подчасъ съ пошлой хлесткостью. Даже наиболѣе сердитый его противникъ призналъ за нимъ несомнѣнную „талантливость“. Его теорія о необходимости примиренія съ нарождающимся социальнымъ и экономическимъ зломъ имѣла успѣхъ, хотя можетъ быть, и чисто виѣшній. Книга разошлась съ поразительной быстротой. Существенный недостатокъ бойкаго публициста—неосторожность въ произвольныхъ ссылкахъ и навязываніе противникамъ того, чего не содержится въ ихъ сочиненіяхъ.

Главные удары г. Бельтова, какъ и г. Струве, были направлены противъ г. Михайловскаго; „Карѣвъ и Комп.“ упоминались только мимоходомъ, и на долю послѣднихъ выпало меньше вниманія. Г. Бельтовъ третируетъ „Карѣва и Комп.“ свысока, пробавляется дешевыми шутками на ихъ счетъ и рекомендуетъ старшимъ имѣть надзоръ за младшими, въ каковомъ возрастѣ и оказались многіе изъ „Компаніи“. Не смотря на то, что книга г. Бельтова вышла позже труда г. Струве, была написана по поводу спора г. Струве и „прогрессивной школы“, не смотря на то, что она отличается „талантливостью“ и остроуміемъ, наша публицистика отнеслась къ ней, однако, съ меньшимъ негодованіемъ, чѣмъ къ г. Струве, такъ что, полемизируя съ ея авторомъ, на первомъ планѣ имѣлся постоянно въ виду авторъ „Критическихъ замѣтокъ“.

Г. Бельтовъ чуть ли не на каждой страницѣ задѣваетъ шутками и остротами г. Михайловскаго. Послѣдній въ своихъ возраженіяхъ на книжку „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ не остается въ долгу у своего противника. Публицистъ-соціологъ, посѣдѣвшій втеченіе 35-ти-лѣтней своей литературной дѣятельности на полемическихъ турнирахъ, успѣваетъ съ полной удачей возвратить по адресу оброненный г. Бельтовымъ въ спорѣ „шутковской колпакъ“ и прочитать его хозяину не одну остроумную нотацию.

Главное возраженіе Н. Михайловскаго защитникамъ „экономическаго матеріализма“ заключается въ слѣдующихъ словахъ („Русское Богатство“ 1894 годъ, № 10).

„Экономическій матеріализмъ не есть всеобъемлющая философская система, а только обломокъ ея. Воззрѣній его на природу мы, собственно говоря, почти не знаемъ. Насколько можно судить по экскурсіямъ въ эту область въ книгѣ Энгельса

противъ Дюринга, онъ примыкаетъ къ естественно-историческому материализму, дабривая его гегельянскою формулою трехстепеннаго развитія: по этой формулѣ и трава растетъ, и геологическія явленія совершаются. Здѣсь вмѣсто духа или идеи наскоро подставляется матерія, на нее кладется гегельянскій штампель, и тѣмъ дѣло относительно природы кончается, а изслѣдованіе скачкомъ переносится въ область философіи человѣческаго общества. Напримѣръ, Дарвинову теорію Энгельсъ цѣнитъ, какъ противоположность ученію Линнея, какъ одно изъ выраженныхъ идеи развитія, измѣнчивости всего сущаго, но о той роли, которую теорія Дарвина можетъ и должна или не можетъ и не должна играть въ социологін, — мы не узнаемъ ничего. Въ экономическомъ материализмѣ нѣтъ философской связи между естествознаніемъ и общественннмъ, если не считать унаслѣдованнаго отъ Гегеля положенія, что и тамъ и тутъ все происходитъ въ извѣстномъ тройственномъ порядкѣ. Для послѣдовательнаго материалиста это немножко мало. (Прошу читателя замѣтить, что упрекъ этотъ я дѣлаю и дальнѣйшее говорю не въ качествѣ материалиста; г. Струве называетъ меня субъективнымъ идеалистомъ, а я за кличкой не гонюсь). Затѣмъ въ общественннмъ Энгельсъ торопится ступить въ слѣды Гегеля, но обернувъ ихъ задомъ напередъ: не идея, не философія, а нѣчто другое, матеріальное составляетъ сущность историческаго процесса и его объясненіе. Но что же именно? Казалось бы, самое матеріальное въ человѣческомъ обществѣ — это плоть и кровь составляющихъ его членовъ, людей индивидовъ, то есть элементъ біологической, а затѣмъ материалистъ могъ бы спуститься еще глубже, въ область, пожалуй, физики и механической теорін, куда и пробовалъ у насъ когда-то спуститься г. Жуковскій. Сообразно выбору той или другой изъ этихъ ступеней матерін, понятіе объ историческомъ процессѣ могло бы получить весьма разнообразный характеръ. Но экономическій материализмъ выбралъ нѣчто, стоящее внѣ этихъ ступеней, — не матерію, а переработку матерін человѣческими руками и ея передачу на извѣстныхъ условіяхъ изъ рукъ въ руки, — производство и обмѣнъ. Послѣдовательный материалистъ этимъ удовлетвориться не можетъ. И тѣ, кто думаетъ, что при помощи экономическаго материализма найдена самая сущность, самое дно вещей, которое прежде искали при помощи идеализма, жестоко ошибаются: и тогда была яма глубока, и теперь въ ней дна не видно. Мало того, старая философія, хоть бы то же гегельянство, не смотря на свою основную односторонность, пыталась обнять единымъ принципомъ все сущее, а теперь мы имѣемъ лишь осколокъ ея, сугубо односторонне сосредоточивающій наше вниманіе. Тѣмъ не менѣе гордые приемы старой метафизики воплію усвоены экономическимъ материализмомъ.“

Пolemика Н. К. Михайловскаго съ „марксистами“ вообще и гг. Струве и Бельтовымъ въ частности отняла много мѣста въ его статьяхъ „Литература и жизнь“ и чрезвычайно характерна, какъ горячая отвѣдь учителя-шестидесятника вышедшимъ изъ послушанія ученикамъ. Но въ статьяхъ публициста вопросы трактуются съ точки зрѣнія научно-общественной, принципиальной, и онъ не касается дѣла примѣнительно къ экономическаго жизни Россіи, ея народно-хозяйственному строю.

Здѣсь оппонентомъ молодежи, разумѣя преимущественно г. Струве, выступилъ г. Николай — онъ, авторъ крупной работы „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“, стяжавшей ему почетную извѣстность въ нашей экономической литературѣ. Н. — онъ отвѣчалъ своимъ противникамъ обстоятельною статью „Апология власти денегъ, какъ признакъ времени“ („Русское Богатство“, 1895 г., №№ 1—2), гдѣ говоритъ:

„Самая существенная ошибка г. П. фонъ-Струве, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что онъ судитъ о явленіяхъ нашей хозяйственной жизни не по

нимъ самимъ, а по готовому шаблону теорій, выработанныхъ западно-европейской наукой, совершенно не обращая вниманія на то, что данный фактъ проявляется при условіяхъ исторически совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ онъ развивался въ Западной Европѣ, въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ не только можетъ задерживаться развитіе данного факта, но что экономическій законъ, которому онъ подчинялся въ своемъ развитіи въ Западной Европѣ, можетъ совсѣмъ не проявляться въ тѣхъ историческихъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ въ настоящее время.“

Ученый экономистъ съ цифрами въ рукахъ, при помощи параллелей изъ жизни нашего народа и его хозяйственныхъ тяготѣній съ таковыми же явленіями западно-европейской и американской жизни производить существенныя брешы въ „доктринерскихъ взглядахъ“ г. Струве. Окончательное заключеніе г. Николая—она проливаетъ свѣтъ на требованія, которыя предъявляютъ представители „прогрессивной школы“ къ задачамъ по изученію русской дѣйствительности въ ея экономическихъ проявленіяхъ. „Вотъ почему совершенно правы тѣ, которые для нашего отечества ищутъ матеріальнаго основанія для созданія иного пути хозяйственнаго развитія, а не того, которымъ шла и идетъ Западная Европа“,—говоритъ авторъ „Апологии власти денегъ.“

„Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на это дѣло, для рѣшенія его есть только одинъ путь, указанный намъ естественными науками, идя по которому послѣднія все болѣе и болѣе даютъ возможность человѣку изъ раба природы въ значительной мѣрѣ стать ея властелиномъ; а достиженіе такого результата имѣетъ неизмѣримо большее значеніе въ области явленій общественныхъ. Но вступивъ на этотъ путь, надо разъ навсегда отказаться отъ доктринерскихъ толкованій и признать, что истину можно открыть, только изучая самыя явленія, сопоставляя ихъ, находя между ними связь, наблюдая вліяніе развитія каждаго изъ нихъ на остальные, а это можетъ дать между прочимъ статистика, которая, несмотря на свою юность, открываетъ экономической наукѣ такія широкія перспективы, которыя и не снились доктринерамъ, подобнымъ г. П. фонъ - Струве. Словомъ, къ общественнымъ наукамъ вполне приложимы слова Геккеля: „лабораторія, — говоритъ онъ, — а въ нашемъ случаѣ изученіе связи общественныхъ явленій, — лабораторія— это сѣни, ведущія въ храмъ философіи“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и Н. К. Михайловскій и Н.—онъ одинаково бросаютъ молодежи упрекъ за ея нежеланіе соприкасаться съ дѣйствительностью, нежеланіе познать ее, каковою она есть, и стремленіе опираться въ своихъ выводахъ и умозаключеніяхъ не на основахъ реального истиннаго знанія, а на устояхъ старой метафизики. Въ этихъ свойствахъ современнаго настроенія молодежи дѣйствительно есть нѣчто общее съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ исторіи развитія 1840-хъ годовъ, и недаромъ г. Перцовъ утверждаетъ, что „истинной цѣлью человѣчества является именно созданіе наибольшей суммы счастья на землѣ, и умѣй оно лучше видѣть и сознавать тѣ пути, которые вѣрнѣе всего ведутъ къ ней, оно больше цѣнило бы всѣ „изыщныя развлеченія“, и тогда мы лучше бы знали и понимали нашихъ поэтовъ“.

Изыщныя развлеченія, т.-е. „святое искусство“, или отвлеченное мышленіе вотъ путь достиженія „человѣческаго“ идеала въ проти-

вовѣсь одностороннему понятію о „гражданинѣ“. Г. Перцовъ не одинокъ въ своихъ воззрѣніяхъ на задачи современности—и г. Трикъ и г. С. тоже отвергаютъ путь серьезнаго „самообразования“ и проповѣдуютъ необходимость сосредоточиться на „самоусовершенствованіи“, отрицаются „прежняго міровоззрѣнія“ и „чужихъ заключеній“, въ основаніе которыхъ положена „одна философская система или идея“. Молодые критики „Недѣли“ проповѣдуютъ „пантеистическое міросозерцаніе“, признаютъ необходимость реабилитаціи дѣйствительности, критикъ „Сѣвернаго Вѣстника“ громитъ растрепанную гражданскую публицистику 60-хъ годовъ и приглашаетъ свое поколѣніе на вершины метафизическаго мышленія. Гг. Струве и Бельтовъ, экономисты новѣйшей формаціи 90-хъ годовъ, перескакиваютъ черезъ все выводы и факты, установленные этической и социологической школой, и протягиваютъ руку сочувствія метафизической системѣ Гегеля и экономическому матеріализму Маркса, изгоняя тѣмъ изъ нашей жизни социальныя перспективы, созданныя успліями цѣлаго поколѣнія шестидесятихъ годовъ. „Молодая поэзія“ не находитъ сюжетовъ въ окружающей жизни, ея наиболѣе талантливые представители не удостоиваютъ ея своимъ вниманіемъ:

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье,
 Неустаннаго стремленія неизмѣнная печаль,—
 Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.

Какіе-то романтическіе порывы охватили наше современное поколѣніе; попирая ногами почву опытнаго знанія, она въ гордомъ ослѣпленіи отталкиваетъ руку содѣйствія своихъ руководителей, которымъ еще не такъ давно поклонялась, и, будучи не въ состояніи сдержать порывовъ души, требующей дѣятельности и жизни, ищетъ себѣ забвенія въ созданіи таинственныхъ, невѣдомыхъ „міровъ“.

Мы—надъ бездною ступени,
 Дѣти мрака, солнца ждемъ,
 Свѣтъ увидимъ и, какъ тѣни,
 Мы въ лучахъ его умремъ.

Восклицаетъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ ея представителей и затѣмъ тревожно вопрошаетъ:

Что намъ дѣлать? гдѣ спаситель?
 Какъ защитника найти?

Дѣйствительно, безвыходно, тяжело положеніе молодежи, которое она творитъ себѣ, порывая съ ея недавнимъ прошлымъ и его традиціями! Взамѣнъ „разрушенныхъ храмовъ“ и „поверженныхъ кумировъ“ она собственными мистическими порывами ничего не въ состояніи создать свѣтлаго, радостнаго и плодотворнаго...

Болѣзнь или реклама?

Во Франціи люди не попались на удочку, а назвали символизмъ его настоящимъ именемъ, т. е. сумасшествіемъ или спекуляціей. Такой приговоръ произносятъ надъ нимъ лучшіе представители литературы любого направленія („Вырожденіе“ Макса Нордау).

I.

ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ТРУДѢ г. Мережковскаго „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы“ имѣются слѣдующія любопытныя строки: ...„Когда въ литературѣ начинаютъ появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, какъ г. Волинскій, когда отъ самыхъ юныхъ, только что начинающихъ, вѣетъ уже холодомъ могилы, страшнымъ запахомъ смерти и тлѣна, это—признакъ послѣднихъ дней цѣлаго поколѣнія: уже тутъ несомнѣнно быть худу! Въ самомъ дѣлѣ, не стоимъ ли мы передъ бездною. *Caveant consules!* Если современная литературная анархія будетъ прогрессировать по тому же пути, страшно подумать, до чего мы дойдемъ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ“.

Въ этихъ словахъ, заключается безпощадный приговоръ надъ цѣлымъ поколѣніемъ литературной молодежи восьмидесятыхъ годовъ, къ которому принадлежитъ и самъ г. Мережковскій, и г. Волинскій, надъ поколѣніемъ, о которомъ пойдетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ. Поводомъ къ такой бесѣдѣ накопилось достаточно: вышло въ свѣтъ нѣсколько литературныхъ произведеній, въ которыхъ рельефно выражается духовное настроеніе занимающаго меня поколѣнія, и которыя, несомнѣнно, по своему содержанію и направленію, такъ или иначе привлекутъ къ себѣ вниманіе читающей публики. Нѣкоторыя изъ нихъ уже вызвали оцѣнку присяжныхъ критиковъ, другія ждутъ еще своего суда, который, вѣроятно, не замедлитъ появиться. Труды эти слѣдующіе: „Отверженный“, романъ Д. С. Мережковскаго, „Русскіе критики“, литературныя очерки А. Л. Волинскаго, „Новые люди“, раз-

сказы З. И. Гиппиусъ (Мережковской); кромѣ того, въ № 1 „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1896 г. напечатанъ широкоѣщательный литературный манифестъ подъ заглавіемъ „Идеализмъ и буржуазность“, за подписью редактора-издательницы журнала, Л. Я. Гуревичъ и постоянного сотрудника ея, „сотоварища по литературѣ“, какъ онъ самъ себя именуеть, А. Волинскаго,—манифестъ, обнаруживающій курьезные вкусы и нравы редакціи журнала, руководимаго съ 1891 г. особенной, тѣсно сплоченной литературной группой именно такъ называемыхъ „восьмидесятниковъ“; наконецъ, въ декабрѣ 1895 г. въ „Новомъ времени“ напечатаны фельетоны г. Сигмы, писанные какъ бы въ возраженіе на мою статью о молодежи и трактующіе именно объ этой молодежи.

Вотъ всѣ эти указанная обстоятельства и позволяютъ мнѣ собрать довольно обширный матеріалъ для характеристики „новыхъ людей“ на основаніи ихъ собственныхъ сужденій и признаній. Но прежде, чѣмъ приступить къ этой характеристикѣ и изложенію символа вѣры занимающей меня молодежи, я считаю долгомъ въ краткихъ чертахъ выяснитъ тотъ общественный генезисъ восьмидесятника, который въ конечномъ своемъ результатѣ далъ типичныхъ его представителей, въ лицѣ супружеской четы гг. Мережковскихъ, г. Волинскаго, г-жи Гуревичъ и другихъ той же общественной формации. Дабы отстранить отъ себя всякій упрекъ въ пристрастіи, въ тенденціозности, я постараюсь, въ предѣлахъ возможности, выполнить свою задачу, такъ сказать, „чужими руками“, т. е. воспользуюсь тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который даетъ для своей автобіографіи самъ литературный восьмидесятникъ.

Матеріалъ этотъ почерпается изъ двухъ книжекъ—„Письма о современной молодежи и направленіяхъ общественной мысли“ N.N. (Москва, 1888) и „Безъ заглавія“ А. Кугеля (Спб., 1890 г.), сотрудника „Петербургской газеты“, пишущаго подъ псевдонимами „Дебютантъ“ и „Номо попус“. Оба молодые писателя обстоятельно рисуютъ намъ отличительныя свойства поколѣнія восьмидесятыхъ годовъ и выясняютъ, изъ какого источника главнымъ образомъ пронстекаютъ эти свойства. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что „Письма о современной молодежи“ и глава „о молодомъ поколѣніи“ въ книжкѣ „Безъ заглавія“ написаны далеко не съ одинаковымъ талантомъ и знаніемъ дѣла, а также—не съ одинаковыми цѣлями. Если первый трудъ имѣетъ какое нибудь значеніе, то только развѣ въ той части, гдѣ отмѣчены дефектныя стороны современнаго автору поколѣнія, такъ какъ въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ г. N.N. проявляетъ во всей силѣ тѣ недостатки и пороки, которые осуждаетъ въ первой части труда.

Анонимный авторъ—нео-славянофилъ и высказываетъ притязаніе обратить всѣхъ своихъ товарищей въ какую-то малопонятную группу „православныхъ народниковъ“. Очевидно, молодой человекъ находился, когда писалъ свою брошюру, подъ сильнымъ вліяніемъ проповѣди Достоевскаго и Ив. Аксакова, и выводы его не болѣе, какъ отголосокъ

и, замѣтимъ кстати, довольно блѣдный, этихъ столповъ славянофильства. Но оставимъ въ сторонѣ туманные порывы автора и обратимся къ повѣствовательной части его изложенія.

Наблюдая московское студенчество 1880-хъ годовъ, онъ отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія характерныя черты: отрицательныя — во-первыхъ, верхоглядство, во-вторыхъ, абстрактность мышленія, въ-третьихъ, халатность отношенія къ занятіямъ; положительныя — во-первыхъ, живая воспримчивость и отзывчивость на вопросы жизни, во-вторыхъ, гибкость, въ-третьихъ, искренность и прямодушіе, и въ-четвертыхъ, отвращеніе къ формализму. Въ этой сбивчивой классификаціи характерныхъ чертъ я считаю нужнымъ остановиться лишь на первой группѣ.

Результатомъ чего являются перечисленныя черты, и что проистекаетъ изъ нихъ? Всѣ умственные недостатки молодежи 1880-хъ годовъ, по толкованію автора, являются продуктомъ уродливаго воспитанія въ средней школѣ, въ гимназіяхъ и въ дальнѣйшемъ уже развиваются на почвѣ общественныхъ недуговъ, созданныхъ предшествовавшимъ поколѣніемъ „отцовъ“ въ шестидесятые годы. Классическая система, при отсутствіи реального знанія, отечествовѣдѣнія, ведетъ къ верхоглядству, абстрактности мышленія, а дѣйствующій университетскій уставъ не пріучаетъ студенчество къ серьезному труду. „... Оживленіе нашихъ классическихъ гимназій есть мѣра настоящая и существенная для искорененія многихъ важныхъ пороковъ нашей молодежи, — говоритъ онъ, — добавимъ сюда еще то положеніе, что только свободное развитіе науки въ университетѣ, а не формальныя мѣры, можетъ способствовать привлеченію студенчества въ аудиторіи и развитію любви ихъ къ занятіямъ наукою.“ Безъ этихъ существенныхъ реформъ современная молодежь будетъ повально представлять собою только „лишнихъ людей“ или „многочисленную группу интеллигентныхъ буржуа, выхолощенныхъ, выхолощенныхъ, элегантныхъ, льстивыхъ, съ холодной кровью и мертвой душой“. Только педагогическія реформы ищѣлятъ молодежь и позволятъ ей передѣлать современную окружающую дѣйствительность русской жизни, которая рисуется автору слѣдующей мрачной картиной: „Повальное хищеніе, пониженіе уровня нравственности, потеря вѣры въ Бога, въ семью, въ государство, даже въ самого себя. Общая протрація, безсиліе, ухарское отрицаніе, скука жизни, самоубійство и подлость, подлость безъ конца“... Дальнѣйшія разсужденія автора не представляютъ особеннаго интереса. Въ нихъ высказалось незнаніе русской исторической дѣйствительности, и сужденія г. N. N. носятъ на себѣ слѣдъ вліянія не то „Московскихъ Вѣдомостей“, не то „Гражданина“, а скорѣе всего — „Русскаго Дѣла“ С. Шарапова.

Посмотримъ же теперь, что толкуетъ по поводу тѣхъ же восьми-десятихъ годовъ другой современникъ-лѣтописецъ, фельетонистъ „Петербургской Газеты“, г. Кугель. Этотъ даровитый писатель, къ сожалѣнію,

размѣнивающей себя на дешевую монету въ мелкой прессѣ, часто печатаетъ замѣтки, которыя заслуживаютъ вниманія широкаго круга читателей. Къ таковымъ принадлежатъ напечатанные въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Авсеѣнки за 1888 г. очерки подъ заглавіемъ „Молодое поколѣніе“, вошедшіе впоследствии въ книжку „Безъ заглавія“. Очерки эти, повидимому, писаны подъ вліяніемъ цитированныхъ уже „Писемъ о современной молодежи“, но рѣзко рознятся отъ послѣднихъ своимъ серьезнымъ правдивымъ тономъ, здравымъ исканіемъ истины, отсутствіемъ мистики и тумана. Съ первыхъ же страницъ читатель чувствуетъ, что имѣетъ дѣло хотя, можетъ быть, и съ заблуждающимся, преувеличивающимъ по молодости лѣтъ, испуганнымъ, но во всякомъ случаѣ съ здоровымъ членомъ общества, свободнымъ отъ неврастенія и сохранившимъ ясный смыслъ жизни. Но тѣмъ-то и цѣнны мнѣ эти очерки г. Кугеля, что въ нихъ—тотъ же діагнозъ больной „молодой Россіи“, какъ и у г. Н. Н., указаніе на тотъ же перво-источникъ современныхъ недуговъ.

II.

„Кто же укралъ у насъ будущее?“ спрашиваетъ съ негодованіемъ молодой писатель, установивъ предварительно положеніе, что современный молодой университетскій интеллигентъ ни болѣе ни менѣ, какъ только беспочвенный и отъ всего оторванный „молодой человѣкъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ“. Украла это наше будущее—средняя школа, выпустившая насъ не подготовленными къ жизни изъ своихъ затхлыхъ классовъ въ шумныя университетскія аудиторіи,—отвѣчаетъ г. Кугель.

„Оторванность нынѣшняго молодого поколѣнія отъ предыдущихъ теченій русской мысли стоитъ, мнѣ кажется, внѣ всякаго спора,—утверждаетъ онъ. Что... дѣлала школа, на попеченіе которой мы были отданы? Въ лучшемъ случаѣ—она ничего не дѣлала, въ худшемъ—она дѣлала прямо обратное тому, что слѣдовало... Раздувая дѣтскія шалости и лепетъ младенческаго ума въ сознательный актъ протеста, школа только подливала масла въ огонь. Многое, о чемъ только смутно догадывались, выдвигалось репрессією начальства, въ видѣ ясно намѣченнаго и очерченнаго пункта. И мысль горѣла, кипѣла въ собственномъ соку, потому что эта гимназическая наука, рассчитанная на дѣтскую невинность и на дисциплинированіе незрѣлаго и наивнаго ума, не могла доставить никакого матеріала для горѣнія. Это было въ полномъ смыслѣ слова самосожженіе. Зародышъ беспочвенности, составляющей самый главный и крупный грѣхъ нынѣшняго поколѣнія, слѣдуетъ искать, такимъ образомъ, далеко позади, въ годы ранней юности. Еще тамъ обнаруживаются все признаки умственного и нравственнаго пустоцвѣта и отсутствія прочныхъ устоевъ. Между тѣмъ, для нормальнаго развитія требуется наличность какого нибудь дисциплинирующаго начала. Это можетъ быть либо опредѣленный идеалъ, подготовляющій настоящее для будущаго, либо какая-нибудь прочная традиція, регулирующая настоящее во имя прошлаго, либо, наконецъ, серьезный трудъ, который самъ по себѣ является и цѣлью, и преданіемъ, и средствомъ. Но во время нашей школьной юности не было ни того, ни другаго, ни третьяго.“

Что же дала высшая школа—университетъ?...

„Университетская наука сохраняла для насъ все черты гимназической,—говоритъ г. Кугель,—съ тою разницею, что „натура получала импульсъ не извиѣ,

а формально изнутри. Но натура все-таки преобладала и определяла все теченіе нашей университетской жизни. Лекціи исеовъ, игрековъ и зетовъ кое-какъ вызубривались къ экзаменамъ, во центръ нашей умственной работы лежалъ все-таки въ сторонѣ. Гдѣ именно онъ лежалъ—я этого въ точности сказать не могу. Мода на естественныя науки уже прошла и быльемъ поросла, политическая экономія и социологія также уже перевалила за свой кульминаціонный пунктъ, а мода на исканіе началъ безусловной правды и этической теоріи только начала нарождаться. Но это не важно. Важно, что эта была все та же бурлящая мысль, висѣвшая въ воздухѣ, дезорганизованная, оболстительно округлая съ виѣшней стороны и поразительно пустая внутри. И не было того дисциплинирующаго знамени, того научно-общественнаго стяга, который бы могъ сплотить вокругъ себя учащуюся молодежь и оформить порывы ея блуждающей мысли.“

Я долженъ распространиться съ г. Кугелемъ и отказаться отъ пользованія его дальнѣйшими разсужденіями, съ которыми, сказать къ слову я въ значительной мѣрѣ не согласенъ. Изъ всего высказаннаго авторомъ мы получаемъ тотъ же выводъ, что и у г. Н. Н. Оба писателя признаютъ молодежь восьмидесятихъ годовъ поколѣніемъ духовно-больнымъ, „лишнимъ“ на житейскомъ пути, безъ ясныхъ идеаловъ и убѣжденій и виновникомъ во всѣхъ этихъ недостаткахъ считают школу. Но, можетъ быть, и г. Кугель, и авторъ „Писемъ“ судятъ дѣло пристрастно? Посмотримъ же, что говорить (и говорить, скажемъ кстати, мѣстами достаточно путанно и неясно) другой представитель литературныхъ восьмидесятниковъ, взявшій подъ свою защиту молодежь противъ моихъ нападокъ на нее.

Въ своихъ фельетонахъ „Люди будущаго вѣка“ г. Сигма, возражая мнѣ, спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ:

„Какое же имѣемъ мы основаніе думать, что наша молодежь, пишущая стихи и играющая на виолончели, есть молодежь недоразвившаяся, пустоцвѣтная, пустое мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго развитія? Повторяю, я вижу десятки, можетъ быть, сотни этой молодежи, и ей не хватаетъ только одного физическаго здоровья. Но въ этомъ виновата дикая система ученія, виноваты родители, подчиняющіеся этой системѣ, а не они, молодые люди, съ ввалившеюся грудью, впалыми щеками, лимоннымъ цвѣтомъ лица и жиденькими волосиками. Они—жертвы мозгового культа, жертвы средневѣковой схоластики, больше ничего. Они—жертвы государственной нерасчетливости, ибо какъ иначе назвать ту систему, которая беретъ у юншества здоровье, пужное всю жизнь и во всѣхъ профессіяхъ, и даетъ взамѣнъ посредственное знаніе древнихъ языковъ, которое не нужно во всю жизнь и ни въ одной профессіи?“

Въ заключительной части фельетоновъ онъ уже прямо, нѣсколько противорѣча себѣ, говоритъ: „Система образованія, уже осужденная временемъ, сузила, высушила душу молодежи... Недостатокъ матеріальныхъ средствъ уменьшилъ относительное количество широко-образованныхъ людей“. Я не стану полемизировать съ моднымъ фельетонистомъ. Какъ читатели могутъ убѣдиться сами изъ приведенныхъ выписокъ, авторъ явно противорѣчитъ себѣ. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что все горе лишь въ недостаткѣ „физическаго здоровья,“ а съ другой—уже оказывается, что молодежь гуляетъ по бѣлу свѣту съ „высушенной, суженной душой“.

Не стану я ловить своего литературнаго собрата на другихъ многихъ логическихъ ошибкахъ, противорѣчіяхъ (напримѣръ, его сужденія о

1860-хъ гг. и ихъ разности отъ 1840-хъ г.); удовольствуюсь въ настоящемъ случаѣ только тѣмъ клиническимъ, такъ сказать, матеріаломъ, который онъ даетъ мнѣ для характеристики молодежи. Считаю нужнымъ отмѣтить, однако, еще одно его утвержденіе, а именно, что современная молодежь, къ которой и онъ самъ принадлежитъ, „идетъ къ невѣдомому богу,“ благодаря чему ея симпатіи „символизму“ законны, какъ необходимая реакція шестидесятымъ годамъ, реакція, вызывающая его, г. Сигмы, полнѣйшія сочувствіе и одобреніе.

III.

Итакъ изъ показаній современниковъ достаточно выясняется то общее положеніе, что поколѣніе 1880-хъ годовъ¹⁾—поколѣніе, въ большинствѣ случаевъ болѣзненно пораженное, причемъ симптомы болѣзни выражаются недостаткомъ знанія, верхоглядствомъ, мистицизмомъ („невѣдомый Богъ“ и „символизмъ“), эгоизмомъ (высушенная душа), отсутствіемъ твердыхъ убѣжденій и „оторванностью ея отъ предыдущихъ теченій русской жизни“. Констатируя эти болѣзненные симптомы, приходится невольно вспомнить Макса Нордау и его любопытную, хотя часто и парадоксальную, книгу „Выврожденіе,“ гдѣ имѣется блестящій анализъ психопатическихъ свойствъ нѣкоторой части западно-европейской интеллигенціи, въ лицѣ ея художниковъ, писателей и мыслителей. Въ сжатомъ резюме положенія автора сводятся редакторомъ русскаго перевода книги „Выврожденіе,“ г. Сементковскимъ, къ слѣдующимъ выводамъ (стр. XXIX):

„Жизнь современныхъ интеллигентныхъ людей дѣйствительно слагается такъ, что надо удивляться, какъ процентъ душевно-больныхъ, истеричныхъ, неврастениковъ, въ сущности еще такъ малъ,—говоритъ г. Сементковский со словъ Маркса Нордау. Въ перечисленіи условій, столь неблагоприятно отражающихся на умственномъ здоровьѣ интеллигенціи, встрѣчается у Нордау еще пробѣлъ: онъ не касается неблагоприятнаго вліянія, которое имѣютъ школа на нервную систему—вслѣдствіи чрезмѣрныхъ требованій, предъявляемыхъ учащимся, и вообще вся современная воспитательная система, гибельно отражающаяся на нервной жизни подростяющихъ поколѣній. Слѣдовательно, та мрачная картина, которую рисуетъ намъ Нордау, можетъ быть еще дополнена, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ ясное представленіе о всей совокупности условій, разрушительно вліяющихъ на нервную систему и искажающихъ умственную и нравственную жизнь современной интеллигенціи. Чрезмѣрная впечатлительность, субъективизмъ въ опредѣленіи значенія разныхъ жизненныхъ явленій, эгоизмъ, какъ послѣдствіе этого субъективизма, склонность къ предоставленію воли фантазіи, не стѣсняемой наблюденіемъ, опытомъ, вниманіемъ, мистицизмъ, какъ результатъ этой склонности, нерасположеніе относиться трезво къ дѣйствительности, неспособность къ выдержанному труду, нравственная извращенность, психопатизмъ во всѣхъ его видахъ, пессимизмъ, какъ послѣдствіе болѣзненнаго состоянія и неудовлетворенности, склонность къ самоубійству,—все это и составляетъ ту почву, на которой широко распространяются разные художественныя произве-

¹⁾ Считаю, однако, долгомъ оговориться во избѣжаніе могущахъ возникнуть нареканій. Признавая и съ своей стороны молодежь 1880-хъ годовъ поколѣніемъ болѣзненнымъ, я не распространяю этого опредѣленія на всѣхъ безъ исключенія. Такія исключенія есть и въ литературѣ, и въ наукѣ, и исключенія при томъ достаточно рельефныя.

денія и философскія ученія, не состоятельныя по существу, но прельщающія значительное число людей, находящихъ въ нихъ отраженіе своихъ собственныхъ болѣзненныхъ чувствъ или оправданіе своимъ извращеннымъ инстинктамъ, своимъ психопатическимъ стремленіямъ. Съ большою силою анализа Нордау выясняетъ намъ эту сторону вопроса. Кромѣ того, онъ указываетъ, какъ эти болѣзненные теченія общественной мысли умышленно поддерживаются и усиливаются разными лицами, вполне здоровыми въ умственномъ отношеніи, но заинтересованными въ ихъ распространеніи для корыстныхъ цѣлей, чтобы самимъ выдвинуться, обратить на себя вниманіе и доставить себѣ матеріальныя выгоды. Спекуляція на психопатическія теченія общественной мысли достигаетъ въ настоящее время очень широкихъ размѣровъ. Какъ всякая другая спекуляція, она, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но во всякомъ случаѣ сильно способствуетъ дальнѣйшему развитію этихъ теченій, тѣмъ болѣе, что и печать все болѣе забываетъ о своей роли руководительницы общества и превращается въ прислужницу его дурныхъ инстинктовъ.“

Прошу выкинуть хорошенько въ эти слова, излагающія воззрѣнія М. Нордау, и вспомнить то, что мною извлечено изъ показаній современниковъ о русскомъ поколѣніи молодежи восьмидесятыхъ годовъ. Не бросается ли сразу въ глаза, что тѣ болѣзненные симптомы духовнаго настроенія молодежи, о которыхъ свидѣлствуютъ гг. Кугель, Н. Н., Сигма, встрѣчаются en masse и въ числѣ симптомовъ, отмѣченныхъ М. Нордау, какъ признакъ „вырожденія?“ Безспорно, да и не даромъ же сами молодые писатели именуютъ себя „лишними людьми“, а покойный Н. Шелгуновъ окрестилъ это поколѣніе названіемъ „пожертвованное“. Разница только въ томъ, что нѣмецкій мыслитель, найдя удачное слово „вырожденіе“, игнорируетъ въ значительной степени факторы иного свойства, какъ, напримѣръ, соціальныя, экономическія, а отчасти и политическія. Г. Сементковскій сдѣлалъ одну изъ необходимыхъ поправокъ, могущихъ найти свое обоснованіе и въ свидѣтельствахъ „восьмидесятниковъ“, а именно онъ указалъ, что болѣзненность, аномальность душевнаго и умственнаго строя молодежи въ значительной степени объясняются воздѣйствіемъ нынѣшней воспитательной системы. Шелгуновъ же, пользуясь словомъ „пожертвованное“, подразумѣваетъ здѣсь слѣдствіе соціальныхъ и политическихъ причинъ. Вотъ почему я и полагаю, что діагнозъ болѣзни, установленный Нордау, примѣнимъ для того случая, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, если только мы будемъ имѣть въ виду все сказанное самими „восьмидесятниками“ объ источникѣ ихъ болѣзни и характерѣ той среды, въ которую они вступили со скамьи школы—средней и высшей.

Но не суть ли отмѣченные недостатки молодежи лишь случайное совпаденіе съ характерными особенностями „вырождающихся“ людей? Существуетъ ли дѣйствительная аналогія между тѣмъ, что наблюдаетъ авторъ „Вырожденія“, и нѣкоторыми конкретными явленіями русской дѣйствительности? Нѣтъ, случайности здѣсь не существуетъ, а аналогія несомнѣнна: стоитъ только отъ общихъ разсужденій „восьмидесятниковъ“ о своемъ поколѣніи перейти къ индивидуальнымъ чертамъ литературныхъ портретовъ, обрисовывающихся изъ ознакомленія съ литературой

последняго времени, о коей я имѣю въ виду говорить сегодня и принадлежащей именно молодежи восьмидесятыхъ годовъ.

Видное мѣсто среди клиническихъ субъектовъ, выставленныхъ Нордау, занимаютъ такъ называемые „символисты“. Вотъ каковыми представляетъ ихъ авторъ „Вырожденія“?....

„Символисты представляютъ собою замѣчательный примѣръ склонности психопатовъ составлять кучки,—говоритъ онъ. Въ то же время они обладаютъ всѣми другими свойствами, характеризующими выродившихся и слабоумныхъ субъектовъ: безграничнымъ тщеславіемъ и чрезмѣрно высокимъ мнѣніемъ о себѣ, сильною воспримчивостью, неясностью и безсвязностью мысли, болтливостью (въ психіатріи логорея), полною неспособностью къ серьезному усидчивому труду... Всѣ они... люди глубоко-невѣжественные, и такъ какъ по слабости характера и по недостатку вниманія не были способны къ систематическому труду, то въ силу извѣстнаго психопатического закона увѣрили самихъ себя, что презираютъ всякое положительное знаніе и считаютъ занятіемъ, достойнымъ человѣка, только мечтаніе и отгадываніе, т. е. „интуицію“. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, Мореасъ и Гюзта, ставшій впоследствии „магомъ“, читали все безъ разбора, что только имъ попадалось подъ руки у соудняго букиниста, и плодами такого чтенія они угощали своихъ товарищей въ напыщенныхъ и таинственныхъ рѣчахъ. Слушатели воображали, что они занимаются серьезнымъ дѣломъ, но въ сущности они пріобрѣтали только беспорядочныя, поверхностныя знанія, которыя потомъ выгружали въ статьяхъ и брошюрахъ, представляющихъ для нормальнаго читателя поистинѣ комическое столпотвореніе именъ Шопенгауэра, Дарвина, Тэна, Ренана, Шелли, Гёте, выхваченныхъ обрывковъ мыслей, непонятныхъ и дерзко-искаженныхъ положеній, словомъ, какихъ-то загадочныхъ отбросовъ, какой-то смѣси неперевареннаго чужого добра.“

Далѣе авторъ говоритъ:

„Они скрашиваютъ свою неспособность къ умственной дисциплинѣ и выдержанному труду разными громкими и ласкательными названіями. Они толкуютъ о „художественномъ темпераментѣ“, „свободной геніальности“, „борьбѣ съ мелкими будничными стремленіями“. Они издѣваются надъ тупоголовымъ буржуа, исполняющимъ, точно автоматъ, свою ежедневную работу, и презираютъ людей, требующихъ, чтобы всякій имѣлъ опредѣленное дѣло, и относящихся съ недоумѣніемъ къ „свободнымъ художествамъ“. Одинъ изъ представителей символизма жалуется: „Уличная суета, скрипъ колесъ правительственнаго механизма, газеты, выборы, перемѣны министерствъ, никогда не вызывали такого страшнаго шума, какъ теперь; крикливое всемогущество торговли подавили въ сознаніи народной массы стремленіе къ прекрасному, а промышленность отняла у нея досугъ, оставленный политикою“. Наука, по мнѣнію этого писателя, „вычеркнула“ слово: тайна. Тѣмъ же росчеркомъ пера она вычеркнула слова: человѣчность, радость, истина, красота“... Поэтому они утверждаютъ: „мы чувствуемъ себя окруженными неизвѣстнымъ и требуемъ, чтобы намъ, по крайней мѣрѣ, оставленъ былъ какой нибудь доступъ къ нему. Эволюціонная теорія и позитивизмъ преградили дорогу... Вотъ почему эволюціонная теорія хотя и породила великія мысли, но оказалась неспособною руководить умами.“

Мистика дорогѣ этимъ больнымъ людямъ, и они всѣми силами проповѣдуютъ смѣсь сверхчувственнаго и чувственнаго, религіозную и любовную мечтательность, при чемъ голова ихъ полна сладострастныхъ картинъ. Въ окружающихъ насъ явленіяхъ, пока еще недоступныхъ человѣческому уму, они видятъ знаменіе тайны, видятъ символы, посредствомъ которыхъ таинственная сила старается раскрыть или отмѣтить

многое чудесное. Но эти больные люди, мистики и символисты—вовсе не простые жертвы недуга, достойныя только состраданія. Изъ своей аномальности они сумѣли извлечь достаточную степень выгоды... „Для нихъ важно было, чтобъ о нихъ вообще заговорили,—утверждаетъ авторъ „Вырожденія“. Они осѣдлали своихъ коней и полагали, что они превосходные наѣзники. Не довольствуясь достигнутымъ успѣхомъ, они начали втираться въ редакціи большихъ газетъ, и когда имъ удавалось просунуть въ дверь только одинъ палецъ, они вмигъ оказывались въ редакціонной комнатѣ, занимали въ ней мѣсто и обращали членовъ редакціи въ свою вѣру;“ но во Франціи,—говоритъ Нордау,—люди не попались на удочку, а назвали символизмъ его настоящимъ именемъ, то-есть сумасшествіемъ или спекуляціей. Такой приговоръ произносятъ надъ нимъ лучшіе представители литературы любого направленія“.

IV.

Наблюдается что либо подобное въ нашей современной русской литературѣ, свѣжестью, красотой и реализмомъ которой мы до сихъ поръ такъ гордились? Увы, отрицательнаго отвѣта не приходится давать, и остается только констатировать, что въ настоящее время литература переступила уже порогъ клинической невѣрияемости. Больное поколѣніе 1880-хъ годовъ съ его мистическимъ исканіемъ „невѣдомаго бога“, съ его „верхоглядствомъ“, „высушенной душой“, „оторванное отъ предыдущихъ теченій русской жизни“, „пожертвованное“, необходимо должно было поставить отечественной литературѣ своихъ достойныхъ, типичныхъ представителей. И они не замедлили выступить шумно, радостно, дерзко... Они явились во всевозможныхъ обликахъ: поэтовъ, беллетристовъ, критиковъ, философовъ и, наконецъ, даже редакторовъ ежемѣсячныхъ журналовъ. На русскую литературу пахнуло, по образному выраженію г. Мережковского, „холодомъ могилы, страшнымъ запахомъ смерти и тлѣна“. Конечно, у нихъ были свои предтечи, которыхъ по невѣжеству, зависти и злобѣ они не желали признавать за своихъ, по которымъ на самомъ дѣлѣ были застрѣльщиками изъ того же лагеря.

Покойный В. Бибиковъ ¹⁾, этотъ типичный представитель русскаго декадентства, не былъ признанъ и оцѣненъ редакціей того журнала, которая въ наши дни такъ шумно распустила гнилое знамя символизма. Лучшее произведеніе этого писателя „Мученики“ („Сѣверный Вѣстникъ“, 1891 г., № 12) было напечатано подъ псевдонимомъ И. Викторова и можетъ быть разсматриваемо, какъ самый красивый „ядовитый цвѣтокъ, выросшій на сорной литературной нивѣ безвременья восьмидесятыхъ годовъ“. Тотъ же В. Бибиковъ, при содѣйствіи перемѣнившаго къ тому времени свое направленіе г. Ясинскаго, усиленно пропагандировалъ въ

¹⁾ О В. И. Бибиковѣ см. интересный очеркъ С. А. Венгерова въ 3 т. „Критико-біографическаго словаря“.

русскомъ обществѣ больного французскаго поэта Бодлера съ его мистицизмомъ, сладострастіемъ, ненавистью къ жизни и движенію.

Въ концѣ же 1880-хъ годовъ широко развернулъ свои недюжинныя силы К. Фофановъ, этотъ больной поэтъ „безнадежныхъ петербургскихъ тумановъ, изъ которыхъ вышли полубезумные и таинственные герои Достоевскаго“. Г. Мережковскій далъ слѣдующую прекрасную характеристику больного сотоварища по перу:

„За каждымъ его вдохновеніемъ вы чувствуете смутный гулъ никогда не засыпающей столицы, говорить онъ въ сочиненіи „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ въ современной русской литературѣ“, — похожій на бредъ въ сумракѣ бѣлыхъ ночей, одиночество бѣдныхъ меблированныхъ комнатъ, которое доводитъ всѣми покинутыхъ людей до отчаянія, до самоубійства, декорацію грязныхъ улицъ Петербурга, которая вдругъ, въ извѣстный часъ вечера, при извѣстномъ отблнкѣ туманной зари, смѣшанномъ съ голубоватымъ отблескомъ электричества, дѣлаются похожими на фантастическій и мрачный сонъ. Вы начинаете вѣрить, что это вовсе не шутка, когда поэтъ говоритъ вамъ о страхѣ безумія, о своей болѣзни, и нищетѣ, о гибели, что въ самомъ дѣлѣ въ рукѣ, писавшей подобныя строки, была лихорадочная дрожь, что поэтъ, говорящій о голодѣ, знаетъ по опыту, что такое голодъ. Между римами вамъ слышатся живые стоны живого человѣка. Вотъ что всего дороже въ поэзіи, вотъ за что можно все простить. За эти капли теплой человѣческой крови, прямо изъ сердца упавшія на страницы книги, можно простить и дикость образовъ, и неуклюжесть формы, и наивныя описанія тропической природы, составленныя по школьнымъ учебникамъ географіи.“

Но и К. Фофановъ, подобно В. Бибикову, не былъ признаваемъ въ началѣ своей болѣзненной поэтической дѣятельности „восьмидесятниками“ и вынужденъ былъ искать себѣ великодушнаго пристанища среди чуждыхъ ему людей стараго поколѣнія. И г. Мережковскій, и рецензенты „Сѣвернаго Вѣстника“, этого современнаго очага символизма, не хотѣли признавать за г. Фофановымъ значенія типичнаго представителя современной больной литературы, къ которой понемногу примыкали они сами. Очевидно, „восьмидесятники“ еще не собрались въ кучку, не столковались, шли въ разбродъ, не узнавая другъ друга въ наступившихъ потемкахъ русской дѣйствительности. Эпидемія еще не разыгралась, были только единичные случаи заболѣваній. Съ теченіемъ же времени болотные огоньки стали все чаще и чаще вспыхивать на современной литературной нивѣ... Прозорливый наблюдатель уже въ началѣ текущаго десятилѣтія имѣлъ право воскликнуть: быть худу! И это худое свершилось, свершилось поразительно быстро — на протяженіи какихъ нибудь четырехъ, пяти лѣтъ.

Въ одномъ изъ своихъ путешествій на Востокъ г. Потанинъ рассказываетъ любопытный случай, когда цѣлая мѣстность была поражена нервнымъ недугомъ, выразившимся въ повальной пляскѣ жителей. Во время случившагося землетрясенія, тангутами овладѣло безуміе — они стали дико плясать, прорицать, ясновидѣть. Увлеченіе пляскою передавалось съ быстротою молніи отъ человѣка къ человѣку, отъ одной деревни къ другой, и вскорѣ вся долина въ окрестностяхъ г. Си-гу была зара-

жена нервнымъ недугомъ. Но китайцы вскорѣ справились съ эпидеміей—они послали войско, перепороли плясуновъ, и болѣзнь какъ рукой сняло.

Нѣчто аналогичное наблюдаемъ мы и въ исторіи новѣйшей русской литературы. Острый недугъ неврастеніи поразилъ вначалѣ двухъ, трехъ уметвенно и духовно-анемичныхъ „восьмидесятниковъ“—они стали „выкликать“ о горизонтахъ „новой красоты“, о символахъ, о сладострастїи, о ненависти къ жизни съ ея будничными обязанностями, о презрѣніи къ представителямъ буржуазіи и позитивной науки, короче стали на первое время достаточно несогласно проповѣдовать все то, что мною изложено выше, когда шла рѣчь о французскихъ символистахъ.

Сумерки общественной жизни являлись благопрїятной обстановкой для нервнаго зараженія; больное и безъ того поколѣніе 1880 годовъ, по свойству своему чрезвычайно воспрїимчивое, не находило въ себѣ энергіи противоборствовать надвигавшемуся и расплзавшемуся въ даль и ширь недугу, и эпидемія съ каждымъ днемъ стала захватывать въ свою власть все большее и большее число лицъ: заболѣлъ г. Мережковский, его супруга г-жа Гиппіусъ, г. Волинскій, г-жа Гуревичъ, г-жа З. Венгерова, пострадалъ отъ эпидеміи даже г. Минскій, стали жертвами ея все тѣ, которые, по выраженію г. Перцова, „повально пишутъ стихи и играютъ на віолончели“ или, о которыхъ съ выраженіемъ симпатїи свидѣтельствуешь г. Сигма, что они „идутъ къ невѣдомому богу“. Больныхъ набралось такое количество, что для нихъ потребовалась даже своего рода „палата № 6“, которая и нашла себѣ помѣщеніе въ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“, замѣнившаго съ нынѣшняго года все свои прежнія выѣски единою, огромною, рѣзко бросающеюся въ глаза, на которой крикливыми буквами выведена надпись: „Возвышенный символическій смыслъ“. Такимъ образомъ для больныхъ нашлось помѣщеніе, палата вскорѣ обстроилась, условія приѣма объявлены, назначены и часы поступленія; кліенты размѣстились по койкамъ.

Знакомыя все лица! Тутъ „сорокалѣтній молодой поэтъ“ г. Минскій, рядомъ г-жа Зинаида Венгерова, здѣсь же безпокойно вертающійся на мѣстѣ г. Мережковский, бредящій то нѣмецкимъ философомъ Ницше, то декламирующій красивые, но безумные символическіе стихи, рядомъ съ нимъ и объявившая себя „новымъ человѣкомъ“ г-жа Гиппіусъ (Мережковская), безсвязно лепечущая по адресу г. Волинскаго: „И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣе встрѣтиться друзьямъ“; сюда по нѣкоторымъ днямъ заходятъ гг. Фофановъ, Бальмонтъ и другіе молодые символисты послушать изступленную рѣчь самаго почетнаго обитателя „палаты“—г. Волинскаго, автора литературныхъ очерковъ „Русскіе критики“, который, подобно Шарлю Морису во Франціи, является „теоретикомъ и философомъ символизма“. Тутъ же по обязанностямъ хозяйства присутствуетъ и начальница заведенія Л. Я. Гуревичъ, которая, разгуливая по палатѣ подъ руку съ литературнымъ „магомъ“ палаты, изслѣдующимъ „художественныя и поэтическія про-

изведенія изнутри“, сирѣчь съ г. Волинскимъ, громко выкрикиваетъ: довѣрчивые русскіе люди, поддержите мою торговлю клиническимъ товаромъ! Всѣ сосѣдніе торговцы плохи, въ ихъ лавкахъ буржуазныя произведенія. Одна я лишь съ своими любезными помощниками могу вамъ доставить художественное наслажденіе возвышеннаго символическаго смысла!...

Не знаю, поддержитъ ли довѣрчивая русская публика слезно зывающую къ ней г-жу Гуревичъ—это покажетъ время; я же съ своей стороны спѣшу оповѣстить собратьевъ по перу, именно изъ числа тѣхъ, что сбиваются все чаще и чаще и въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, и въ публицистическихъ работахъ на символизмъ, что въ учрежденіи г-жи Гуревичъ имѣются еще свободныя койки и, какъ слышно, за недорогую плату...

V.

Старѣйшій по возрасту въ палатѣ „Возвышенный символическій смыслъ“—Н. М. Минскій. Этотъ поэтъ, какъ недавно это засвидѣтельствовалъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ „Литература и жизнь“ Н. К. Михайловскій, уже достигъ 40-лѣтняго возраста, такъ что собственно ему не мѣсто среди молодежи восьмидесятихъ годовъ, но какъ смерть, такъ и болѣзнь все сравниваютъ и въ возрастѣ и положеніи—

И солнца ея сокрушатея,
И звѣзды ея потушатея,
И веѣмъ мірамъ она грозитъ,

а потому и заразившійся эпидеміей символизма авторъ „Бѣлыхъ ночей“ очутился бокъ-о-бокъ съ г. Мережковскимъ, Волинскимъ и другими. Кстати это и небезвыгодно; символисты, какъ я уже говорилъ выше, не брезгаютъ „спекуляціей“. Въ общей кучкѣ остальныхъ больныхъ довѣрчивая и добросердечная читающая публика можетъ охотнѣе обратить свой любопытствующій взоръ и на сорокалѣтняго „молодого“ поэта.

Въ былые годы, и даже еще весьма недавно, г. Минскій плѣнялъ сердца молодежи своими гражданскими мотивами и міровою скорбью; всякій передовой студентъ считалъ долгомъ имѣть въ своей библіотекѣ рукописный экземпляръ „Гефсиманскаго сада“; но нынѣ времена измѣнились—на гражданственность спросъ въ современномъ обществѣ упалъ, а борьба за нее и тяжела и не даетъ осязательнаго блага. И вотъ г. Минскій отвернулся отъ этой скучной буржуазійности, погрузился въ изученіе авторовъ „Вырожденія“, сталъ любовно и со вкусомъ комментировать туманныя и неудобопонятныя произведенія Метерлинка, сошелся съ гг. Мережковскимъ, Волинскимъ и прочими и... превращеніе въ символиста или заболѣваніе свершилось: авторъ „Бѣлыхъ ночей“ сталъ достояніемъ психіатрической литературы. Въ „посвященіи“, къ 3-му изданію своихъ „Стихотвореній“ (1896 г.) онъ пишетъ:

Я цѣни старыя свергаю,
Молитвы новыя пою.

Тебѣ, далекой, гимнъ слагаю,
Тебя, свободную, люблю.
.....
Но впавшей въ океанъ бездонный
Возврата нѣтъ волнѣ ручья.
Въ твоихъ цѣляхъ освобожденный,
Я—вѣчно твой, а ты—ничья.

Судя по нѣкоторымъ чертамъ, разбросаннымъ въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ поэта, сбившагося съ пути истины, онъ разумѣетъ здѣсь подъ словами „свободная“ и „далекая“ или какую-то символистку или даже, быть можетъ, самую символическую поэзію. Итакъ „въ цѣляхъ освобожденный“ (?) г. Минскій объявляетъ, что онъ начинаетъ пѣть новыя пѣсни. Замѣчу, кетати, что эти новыя пѣсни поются поэтомъ исключительно въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и въ послѣднемъ № этого журнала (1896 г.) онѣ названы „холодными словами“. Пусть читатель, однако, не думаетъ, что эти слова имѣютъ въ виду оттолкнуть, опечалить слушателя. Нѣтъ, въ этихъ словахъ заключается проповѣдь индифферентизма и эгоизма, то ученіе, которое указываетъ намъ: уснуть, остыть, забыть, простить. Въ такомъ только состояніи замерзанія или нравственной летаргіи человѣкъ можетъ постигнуть „невѣдомаго бога“ и „отразить душою прозрачный, синій лучъ...“ (!?!). Я думаю, что послѣ словъ — „освобожденія въ цѣляхъ“ и „отраженія душою синяго луча“ о г. Минскомъ не приходится долѣе распространяться, и тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ стихотвореній онъ даетъ слѣдующія любопытныя и поучительныя свѣдѣнія о своей личности. Онъ говоритъ:

Вся жизнь моя—великій смутный сонъ.
Нѣтъ для меня вещей и мѣстъ заветныхъ,
Не помню формъ, ни чиселъ, ни именъ,
И не считаю труповъ безответныхъ.
Подъ солнцемъ, гдѣ не связанъ я ни съ чѣмъ,
Не знаю ни отчизны, ни чужбины...
и т. д.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ безнадежно-больнымъ субъектомъ, причѣмъ приходится только констатировать, что его состояніе опасно, такъ какъ въ своемъ 3-мъ изданіи „Стихотвореній“ онъ объявляетъ о приготовленіи къ печати труда З. А. Венгеровой „Идеалистическое творчество прежде и теперь“, т. е. о собраніи тѣхъ статей, которыя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ имѣли своимъ назначеніемъ пропагандировать среди русской читающей публики иностранныхъ декадентовъ, символистовъ и англійскихъ прерафаелитовъ. Этимъ объявленіемъ г. Минскій содѣйствуетъ завѣдомо дурному дѣлу и вмѣсто того, чтобы убѣдить молодую писательницу заняться своимъ умственнымъ оздоровленіемъ, влечетъ ее за собою на путь болѣзненнаго символизма. На пятомъ десяткѣ годовъ жизни такое дѣяніе совратительства обнаруживаетъ только

закоренѣлость недуга писателя, который поэтому самому не вызываетъ къ себѣ даже чувства соболѣзнованія или снисхожденія.

Естественно, что послѣ сказаннаго выше необходимо остановиться на г-жѣ З. Венгеровой. Эта молодая дѣятельница журналистики, попавшая, смѣю думать, только временно въ психіатрическое заведеніе г-жи Гуревичъ (см. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1896 г., № 1), заслуживаетъ сожалѣнія. О г-жѣ Венгеровой свѣдѣній въ справочной литературѣ не имѣется („Критико-біографическій“ словарь ея брата до буквы В еще не достигъ!), но вѣдомо только, что она подвизается въ нашей журналистикѣ не очень давно и преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ, захлебываясь отъ восторга, описываетъ дѣянія и произведенія литературныхъ психопатовъ запада. Очерки ея написаны съ большимъ знаніемъ дѣла, вполне литературно и, къ величайшему удивленію, простымъ, яснымъ языкомъ, безъ всякихъ вывертовъ и крикливыхъ символизмовъ, что значительно отличаетъ ее отъ собратьевъ по палатѣ г-жи Гуревичъ. Можетъ быть, почтенная редакція, которая почему-то охотно печатаетъ эти статьи о литературной психопатіи, выправляетъ слогъ своей сотрудницы, но вѣроятноѣ всего предположить, что г-жа Венгерова обрѣтается еще только въ первичныхъ трансaxъ болѣзни. Ея наивная восторженность передъ разными Метерлинками, Морисами, Мередитами несомнѣнна—она торжественно-ликующе повѣтствуетъ ихъ жизнеописанія, представляетъ образцы ихъ творчества и по всей видимости безъ ума отъ всей декадентской поэзіи. Можетъ быть, г-жу Венгерову въ настоящемъ случаѣ смущаетъ то обстоятельство, что родина всей этой литературной психопатіи—Западная Европа, подражать которой многіе еще наши дѣятели печати считаютъ нужнымъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; можетъ быть, даже это европейское клише побуждаетъ и почтенную редакцію „Вѣстника Европы“ культивировать въ изобиліи эти „ядовитые цвѣтки литературы“, но, какъ бы то ни было, бѣдный русскій читатель отъ всей этой пропаганды больныхъ писателей ничего не выигрываетъ.

Г-жа Венгерова не безнадежно-больная, и недугъ ея не носитъ на себѣ хроническаго характера. Вылечить ее легко—стоитъ только „Вѣстнику Европы“ прекратить печатаніе ея статей о декадентствѣ, изолировать ее отъ гг. Минскихъ, Волинскихъ и прочихъ русскихъ символистовъ и отдать подъ надзоръ и напорукъ брата. С. Венгерова—трудолюбиваго и даровитаго русскаго критика и составителя извѣстнаго „Словаря“. Подъ его воздѣйствіемъ и въ его школѣ г-жа Венгерова навѣрное излечится отъ своего недуга—страсти къ литературнымъ психопатамъ и примѣнитъ свои недюжинныя силы къ изученію болѣе нормальныхъ теченій столь хорошо ей знакомой западно-европейской литературы, чѣмъ окажетъ цѣнную пользу русскому обществу.

Большій интересъ представляетъ собою для психіатрической литературы З. Н. Гишпюсъ, супруга поэта-символиста Д. Мережковскаго. Эта писательница страдаетъ явной неврастеніей на почвѣ анемичнаго литературнаго

творчества. Г-жа Гиппиусъ лѣтъ уже пять какъ появилась въ нашей журналистикѣ, и ея беллетристическія произведенія занимаютъ вполне определенное мѣсто въ новѣйшей русской литературѣ. Она не пишетъ большихъ повѣстей, романовъ, а пробавляется лишь мелкими рассказами, которые по своимъ сюжетамъ стоятъ на грани дѣтской литературы и литературы для взрослыхъ.

Герои г-жи Гиппиусъ не взрослые люди, надѣленные опытомъ жизни, страстями и убѣжденіями. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая галерея портретовъ юныхъ гимназистовъ, кадетовъ, студентовъ, юнкеровъ. Эта молодежь мужескаго пола ухаживаетъ за гимназистками, институтками или за дѣвками, получающими воспитаніе въ родительскомъ домѣ. Разговоры ихъ чисто-дѣтскіе, сужденія незрѣлыя, занятія днемъ, на людяхъ, не содержатъ въ себѣ ничего дѣльнаго, серьезнаго, достойнаго вниманія. Передъ читателями двигаются маленькія куколки, маріонетки, очень мило одѣтыя въ дешевыя дѣтскія платья или мундирчики; волоски ихъ гладко причесаны, или заплетены въ косички, при нихъ постоянно имѣются гувернантки, тетеньки, бонны. Этотъ дѣтскій міръ настолько заполоняетъ собою всѣ представленія г-жи Гиппиусъ, что въ рассказѣ „Простая жизнь“ у нея даже изображенная супружеская чета писателей — люди „веселые, бѣгають по комнатамъ, ловятъ другъ друга, смѣются — точно дѣти“. И манера писать у автора нѣсколько смахиваетъ на дѣтскія упражненія — фразы коротенькія, краски блѣдныя, краски дешевой акварели.

Я бы могъ рекомендовать рассказы г-жи Гиппиусъ, какъ недурной подарокъ подростающему поколѣнію на елку, если бы... если бы, при внимательномъ ознакомленіи съ плодами ея творчества, я не пришелъ къ категорическому заключенію, что авторъ — писательница больная, съ разстроенной нервной системой, не совсѣмъ чистымъ воображеніемъ и вреднымъ общественнымъ *profession de foi*. Ея молодежь неспособна къ здоровому проявленію любви, не чувствуетъ обычнаго гнѣва или горя. На всѣхъ описываемыхъ ощущеніяхъ лежитъ печать какой-то болѣзненности. Влюбленные молодые люди не просто цѣлуются, клянутся въ любви или даже нарушаютъ заповѣди воздержанія, — нѣтъ, они только изнываютъ въ томительныхъ любовныхъ положеніяхъ, только сладострастничаютъ, прижимаются другъ къ другу ближе и тѣснѣе, жаждутъ въ объявленіи ихъ блаженномъ состояніи обрѣсти „близость къ природѣ“.

Близость къ природѣ! — таковъ лозунгъ г-жи Гиппиусъ. Эта близость все должна простить и оправдать — и зло, и добро, такъ какъ все дозволено, все одинаково законно. Поцѣлуй героевъ не обычные поцѣлуи, описанные съ поконъ вѣка въ романахъ, а особые — сладострастные. Вотъ герой цѣлуетъ свою невѣсту и думаетъ — „какія у нея мягкія, пріятныя губы“, а нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ же, будучи уже женихомъ, обнималъ другую особу и надѣялся въ ея объятіяхъ найти себѣ счастье. И эта другая особа, миссъ Май, поучала его: „живи со мной, а доживай... съ кѣмъ хочешь... Я о свадьбахъ и знать не хочу. Любовь живая. Она

пришла и ушла. А свадьбы — какое мнѣ дѣло? Пусть тамъ кто хочетъ... Я на это не пойду“. Прошу замѣтить при этомъ, что эта эротическая психопатка не вызываетъ гнѣва г-жи Гипшусъ, напротивъ — она героиня разсказа, которую авторъ старательно и любовно обрисовываетъ передъ читателями. Въ другомъ разсказѣ — „Месть“, опять идетъ дѣло о поцѣлуяхъ, и писательница набрасываетъ слѣдующую любопытную сценку: „Мама обѣими руками держала голову Далай-Лобачевского и крѣпко и рѣдко цѣловала его, медленно отрывая губы и отстраняясь немного каждый разъ, точно желая взглянуть ему въ глаза“. Сынъ же этой милой „мамы“, восьмилѣтній мальчуганъ, наблюдаетъ эту сцену, запоминаетъ ее и разсуждаетъ потомъ въ постели: „мама цѣловала Далай-Лобачевского, а папа ей это запрещаетъ, потому что жена, которая цѣлуется не съ мужемъ, а съ другимъ, измѣняетъ мужу“.

Этотъ пассажъ съ поцѣлуями даетъ мальчику Костѣ право на месть матери, и эта месть, злое и скверное чувство ребенка, не вызываетъ осужденія г-жи Гипшусъ: онъ законный актъ, существующій въ природѣ! Можно бы еще указать на ниня болѣзненные черточки, кривыя линіи въ произведеніяхъ г-жи Гипшусъ-Мережковской, но я полагаю, что и приведеннаго достаточно для утвержденія, что разсказы „Новые люди“ не могутъ быть рекомендованы для юношескихъ библиотекъ. Меня смущаетъ только, почему молодая писательница считаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ „новыми людьми“, и почему она считаетъ нужнымъ подарить ихъ г. Волинскому?

Въ предисловіи къ сборнику разсказовъ „Новые люди“ мы читаемъ слѣдующее обращеніе къ г. Волинскому: „Разными путями можно идти къ одной цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе, которымъ вы боретесь, — иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отрадиѣе встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю вамъ эту книгу — первая ступени къ новой красотѣ, которая дорогà намъ обоимъ“.

Читали ли вы что нибудь потѣшнѣе этого предисловія? Первая ступени новой красоты! какъ онѣ вамъ нравятся? И какъ комична роль г. Волинскаго, пародирующаго передъ публикой въ амплуа повивальной бабки, принимающей отъ г-жи Гипшусъ новыхъ, т. е. новорожденныхъ людей! Злѣе каррикатуры трудно было нарисовать: г. Волинскій съ засученными рукавами, въ костюмѣ повитухи!... Сдѣлано это молодой писательницей по наивности, въ затемнѣнннхъ умственныхъ способностей, а, можетъ быть, и изъ добраго желанія улучшить пребываніе своего супруга, Д. С. Мережковскаго, въ психіатрическомъ заведеніи г-жи Гуревичъ, гдѣ г. Волинскій, этотъ „магъ“ палаты, могъ бы въ отместку за литературные очерки г. Мережковскаго, цитированные выше, какъ нибудь обидѣть своего критика. Мое сердце трогаетъ эта забота г-жи Гипшусъ о комфортѣ своего мужа, но дѣла это тѣмъ не менѣе не мѣняетъ: что смѣшно — смѣшно!

Помѣшательство автора „Новыхъ людей“ тихое и неопасное; она не выкрикиваетъ, страдаетъ маніей преслѣдованія и только чуть слышно бредитъ символическими стихами, одинъ изъ образчиковъ которыхъ и привожу здѣсь.

ЦВѢТЫ НОЧИ.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны теплыя, тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня,
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душень и смѣль—
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣль.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ—
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ.
Все таинственно, все невѣрно—
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышать,
Какъ враги, за мною слѣдятъ,
Все, что я думаю, знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ...
О, часу ночному не вѣрьте,
Берегитесь злой красоты!
Въ этотъ часъ всѣ мы близки къ смерти—
Только странно живы цвѣты.

Тишиш... не тревожьте сна больной г-жи Гиппиусъ, не прерывайте ея бреда: злые цвѣты хотятъ се отравить и слышать все, что она думаетъ... Бѣдная! на ея выздоровленіе мало надежды: она находится подъ постояннымъ вліяніемъ своего супруга, съ одной стороны, и философа символизма, г. Воынекаго, съ другой, которые оба и заражаютъ ее очевидно своимъ нервнымъ разстройствомъ.

VI.

Перейдемте къ другой койкѣ, гдѣ на больничной дощечкѣ значится: Д. С. Мережковскій — авторъ романа „Отверженный“, переводчикъ и комментаторъ романа Лонгуса „Дафнисъ и Хлоя“, постоянный сотрудникъ „Сѣвернаго Вѣстника.“ Слова — авторъ критическаго труда „О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской ли-

тературы“ по требованію г. Волинскаго зачеркнуты, какъ напоминающія ему, г. Волинскому, непріятныя страницы его журнальной дѣятельности.

Г. Мережковскій подвизается на литературномъ поприщѣ лѣтъ десять уже и успѣлъ создать себѣ репутацію несомнѣнно даровитаго писателя. Кандидатъ историко-филологическаго факультета здѣшняго университета, онъ часто поражаетъ своихъ читателей большимъ запасомъ знаній, особенно въ области античной и западно-европейской литературы. Поэтическія его произведенія отличаются красивымъ стилемъ, обработанностью, но страдаютъ отсутствіемъ искренности, простоты и сердечности. „Всеѣ эти его Аввакумы, Сильвію и т. п.,— говоритъ г. Скабичевскій въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“,— представляются вымученными исчадіями превыспренней, но холодной фантазіи, исполненными банальныхъ риторическихъ фразъ, повидимому очень красивыхъ, но такихъ же безжизненныхъ и мишурныхъ, какъ искусственные цвѣты съ проволочными стеблями, съ коленкоровыми листьями и батистовыми цвѣтами.“

Эта характеристика нѣсколько излишне строга, какъ равно жестоко утвержденіе и г. Буренина, отрицающаго въ г. Мережковскомъ всякіе признаки таланта и низводящаго его поэтическія произведенія къ школьнымъ упражненіямъ недоучившагося гимназиста. Вообще присяжная критика предъявила къ молодому писателю немовѣрно-высокія требованія, упустивъ изъ виду, что онъ типичный „герой безвременья“, чахлый цвѣтокъ на мусорной нивѣ современной поэзіи. Судите цвѣтокъ, но судите и свойства той почвы, которая произростила его. Правда, къ нападкамъ на него г. Мережковскій въ послѣднее время далъ самъ поводъ, выпустивъ въ продажу книжку, гдѣ съ видомъ непогрѣшимаго знатока вздумалъ судить развязно всю русскую литературу и ея современныхъ критиковъ, но этотъ пассажъ случился всего года три назадъ, а нападки на поэта раздались, когда еще онъ только въ образѣ простого „жреца Аполлона“ показывался публикѣ. Я склоненъ думать, что это обстоятельство имѣло роковое вліяніе на литературную судьбу г. Мережковскаго.

Вспомните свидѣтельства г. Кугеля и г. NN., сверстниковъ разбираемаго нами поэта, о своихъ товарищахъ студентахъ 1880-хъ годовъ, и вы поймете, съ какимъ багажемъ характерныхъ свойствъ выступилъ г. Мережковскій на литературное поприще. Свойства эти—верхоглядство, абстрактность мышленія, воспримчивость, оторванность отъ предыдущихъ теченій русской мысли, неспособность къ логическимъ построеніямъ, къ синтезу и недостатокъ усидчивости въ работѣ, плохое физическое здоровье,—каковыми печальными атрибутами наградила школа, средняя и высшая, своихъ бѣдныхъ питомцевъ. Г. Мережковскій, достойный ея представитель; онъ классикъ *pur-sang* (кандидатъ историко-филологическаго факультета) и, какъ таковой, вышелъ изъ лона своей *almae matris* субъектомъ больнымъ духовно и физически; но не смотря на таившіеся

въ немъ слѣды разрушенія, первые шаги его литературной дѣятельности не были рѣзко отмѣчены печатью безнадежности.

Въ стихотвореніи 1883 г. (см. сборникъ его „Стихотвореній“, изд. 1888 г.) „Поэту“ г. Мережковскій дѣлаетъ слѣдующее свое симпатичное литературное profession de foi.

Не презирай людей! безжалостной и гнѣвной
 Насмѣшкой не клейми ихъ горестей и нуждъ,
 Сознавъ могущество заботы повседневной,
 Ихъ страха и надеждъ не оставайся чуждъ.
 Какъ другъ, не какъ судья неумолимо-строгий,
 Войди въ толпу людей и оглянись вокругъ,
 Пойми ты говоръ ихъ и смутный гулъ тревоги,
 И стонъ подавленный невыразимыхъ мукъ.
 Сочувствуй горячо ихъ радостямъ и бѣдамъ,
 Узнай и полюби простой и темный людъ,
 Внимай безъ гордости ихъ будничнымъ бесѣдамъ
 И, какъ святыню, чтн ихъ незамѣтный трудъ.
 Сквозь мутную волну житейскаго потока
 Жемчужины на днѣ ты различишь тогда:
 Въ постыдной оргіи продажнаго порока—
 Слѣды раскаянья и жгучаго стыда,
 Улыбку матери надъ тихой колыбелью,
 Молитву грѣшника, и поцѣлуй любви,
 И вдохновеннаго возвышенною цѣлью,
 Борца за истину во мракѣ и крови.
 Поймешь ты красоту и смыслъ существованья
 Не въ упительной и радостной мечтѣ,
 Не въ блестящихъ и цвѣтахъ, но въ терніяхъ страданья,
 Въ работѣ, въ бѣдности, въ суровой простотѣ,
 И жаждущую грудь роскошно утоляя,
 Неисчерпаема, какъ нектаръ золотой,
 Твой подвигъ тягостный сторпцей награждая,
 Изъ жизни сумрачной поэзія святая
 Польется свѣтлою, могучею струей.

Если эти стихи не могутъ служить образцомъ истиннаго поэтическаго вдохновенія, то они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о добрыхъ порывахъ и намѣреніяхъ вступающаго на поприще общественной дѣятельности молодого человѣка. Но какую мачихою обратилась къ нему судьба, какая драма разыгралась въ его жизни!

Анемичный, слабаго здоровья, съ присущими всѣмъ восьмидесятикамъ недостатками, но вооруженный во всякомъ случаѣ добрыми намѣреніями, онъ былъ сурово встрѣченъ литературной старшей братіей. И рецензенты, и критики, стали что есть мочи бить по его бѣдной головѣ; одинъ толкалъ его на одну дорогу, другой отшвыривалъ въ противоположную сторону. Юноша не выдержалъ всѣхъ этихъ пинковъ и обидъ, голова его пошла кругомъ, мысли перепутались и... векорѣ онъ сталъ достояніемъ психіатрической литературы. Эпидемія мистицизма, симво-

лизма и декадентства въ то время (начало 1890-хъ годовъ) уже обнаружилась; болотные огоньки литературы вспыхивали то здѣсь, то тамъ. В. Бибииковъ уже выкрикивалъ стихи Бодлера, К. Фофановъ въ припадкѣ безумія воспѣвалъ „окровавленный кончикъ луны“, Минскій писалъ свою туманную книгу: „При свѣтѣ совѣсти“, полную глубокаго мистицизма, съ его неразрѣшимыми метафизическими вопросами о безконечномъ, о смерти, о „невѣдомомъ богѣ“, г. Волинскій уже провозгласилъ торжество „новой мозговой линіи“... Больныхъ уже было много и все такихъ, съ которыми судьба сводила г. Мережковского ежедневно, ежечасно. Въ общественной жизни царилъ глубокой сумракъ... Критическіе бичи свистали по спинѣ поэта... Паническій ужасъ объялъ молодого писателя, его воспримчивая, нервная натура не имѣла силы противодѣйствовать злу, бороться съ надвигавшимся недугомъ, и векорѣ онъ запѣлъ „новыя пѣсни“ символическаго содержанія, сталъ выкрикать непонятныя здоровымъ людямъ слова, вторя общему хору своихъ литературныхъ пріятелей. Клиника обогатилась новымъ экземпляромъ. Я не стану утомлять и разстраивать нервы читателей всѣмъ тѣмъ символическимъ бредомъ, которымъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ г. Мережковский наполнилъ страницы нашихъ журналовъ. Для образца приведу лишь одно изъ послѣднихъ, кстати, по выполненію очень красивыхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ „Литературныхъ приложеніяхъ“ къ журналу „Нива“ (1895 года, № 12).

„То, чѣмъ я былъ“...

Скажите мнѣ, за что люблю, о волны,
Вашъ сладостный и непонятный шумъ,
Когда всю ночь ему внимаю, полный
Таинственныхъ и несказанныхъ думъ...
Измѣнчивы, какъ я, и неизмѣнны,
Вы боретесь, и нѣтъ вамъ тишины,
И все-таки вы праздны и блаженны,
И олимпийской рѣзвостью полны.
Вы любите безумныя тревоги
И тихую, глубокую лазурь,
И каждый разъ еще яснѣй, какъ боги,
Съ улыбкою выходите изъ бурь.
И страстнаго вы учите безстрастью—
Не вѣрять злу людскому и добру,
Быть радостнымъ и не стремиться къ счастью
И жизнь любить, какъ вѣчную игру.
И мудрости вы учите свободной—
Все пѣніемъ и смѣхомъ побѣждать,
И въ красотѣ великой и холодной
Безцѣльно жить, безцѣльно умирать.
Вашъ вольный шумъ—для сердца укоризна.
Мой духъ влечетъ къ вамъ древняя любовь.
Не прахъ земли, а вы—моя отчизна,
Вы—то, чѣмъ былъ и чѣмъ я буду вновь!...

Какая разница въ настроеніяхъ поэта начала 80-хъ годовъ и половины 90-хъ годовъ, какой контрастъ жизненныхъ задачъ! Тамъ—любовь къ ближнему, жажда дѣла и труда, здѣсь—индифферентное настроеніе, эгоизмъ, исканіе лишь олимпійскаго веселья и удовольствій, при чемъ освѣщающій все идеаль:

Безцѣльно жить, безцѣльно умирать!

Рядомъ съ этой переменной настроеній нельзя не обратить вниманія, до какого совершенства достигла форма его стиха. Тамъ слогъ тяжелый, дубоватый, здѣсь—стиль легкій, звучный. Графоманія въ данномъ случаѣ оказала ему несомнѣнную и единственную услугу!

Но не въ стихотворной дѣятельности г. Мережковскаго слѣдуетъ искать діагноза болѣзни. Авторъ далъ намъ ные источники суда надъ своей литературной дѣятельностью—прозаическія произведенія—„Критическіе очерки“, романъ „Отверженный“ и переводъ романа Лонгуса „Дафнисъ и Хлоя“.

VII.

Поэтъ-неврастеникъ, обижаемый и вышучиваемый рецензентами и критиками, не могъ не затанць въ сердцѣ мести и гнѣва; подобно злому мальчику „Костѣ“ изъ разсказа г-жи Гиппіусъ, онъ рѣшилъ отмстить своей матери-литературѣ. Къ грѣхамъ ея не трудно было придраться, и вотъ онъ выступилъ съ книжкой „О причинѣ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы“, гдѣ далъ генеральное сраженіе всѣмъ своимъ противникамъ и хулителямъ. Образчикъ борьбы съ литераторами во имя мрака онъ почерпнулъ у своего собрата по ремеслу, у г. Волинскаго, который въ тѣ дни уже успѣлъ стяжать себѣ печальную славу претенціознаго и „смѣшного писателя“. Образецъ былъ избранъ г. Мережковскимъ удачно—и мнѣніе, что онъ „измѣнникъ нашей родной русской литературѣ“¹⁾, хоть нѣсколько приблизило его къ комической фигурѣ критика „Сѣвернаго Вѣстника“, породнило его съ редакціей этого журнала.

Умственный аппаратъ г. Мережковскаго, когда онъ писалъ свои очерки, былъ уже совсѣмъ разстроены, и мысли здѣсь, по мѣткому выраженію г. Михайловскаго, „прыгали, какъ блохи“. Въ этой критической работѣ г. Мережковскій подвергнулъ анаѣемѣ всѣхъ писателей, которые не признавали за нимъ репутаціи даровитаго поэта: досталось и г. Буренину, и г. Скабичевскому, и Протопопову, и г. Волинскому, послѣднему въ особенности. Пощаженнымъ остался лишь г. Михайловскій, да и то, я думаю, больше по традиціямъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ, Мережковскій, выступая на литературное поприще, клялся въ стихахъ быть честнымъ писателемъ и гражданиномъ и служить тому зна-

¹⁾ См. А. Скабичевскій, „Сочиненія“, стр. 838.

мени, которое держать въ своихъ рукахъ социологъ-публицистъ „Русскаго Богатства“. Видно, совѣсть еще говорила въ молодомъ критикѣ, къ тому же г. Михайловскій не давалъ ему нужнаго повода для мести.

Я не стану занимать читателей критическими разсужденіями г. Мережковского; въ свое время они нашли должную оцѣнку въ статьяхъ гг. Буренина, Скабичевского, Михайловскаго. Отмѣчу лишь одинъ моментъ, который любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ пынѣшніе кліенты психіатрическаго учрежденія г-жи Гуревичъ не сразу дружески сошлись въ одну кучку символистовъ, а первоначально, не узнаваемые другъ другомъ, шли въ разбродъ и даже въ умопомраченіи подымали руки на братьевъ своихъ. Я разумѣю отношенія г. Мережковского къ г. Волинскому.

Въ самомъ началѣ статьи отмѣчено, какъ судить авторъ книги „О причинахъ упадка“... критика „Сѣвернаго Вѣстника“, и какъ онъ по поводу его предрекаетъ русской литературѣ: быть худу! Вотъ какой литературный портретъ г. Волинскаго нарисованъ поэтомъ-символистомъ:

„Критикъ г. Волинскій презираетъ простой человѣческой языкъ философа г. Волинскаго. Онъ даже притворяется русскимъ патриотомъ, когда ужъ русскаго въ немъ нѣтъ ровно ничего. Онъ откапываетъ какіе-то неферитные допотопные цвѣты краснорѣчія, чудовищно-комическіе, отъ которыхъ становится не смѣшно, а жутко на сердцѣ читателей, какъ отъ тѣхъ предметовъ роскоши, нѣбогда всееленскихъ и плѣнительныхъ бездѣлушекъ, которыя черезъ тысячелѣтія находятъ среди мертвыхъ костей въ гробахъ. Богъ съ ней, съ легкой проніей, съ беззаботнымъ юморомъ г. Волинскаго! И эта злобѣщая карриатура на Спинозу своими мертвыми устами, своимъ деревянно-цвѣтистымъ языкомъ проповѣдуетъ деревянно-мертвого талмудическаго Бога. Въ сказочныхъ новеллахъ Эдгара Поэ являются мертвецы, ненадолго воскресшіе, одаренные искусственной жизнью. Они дѣйствуютъ, ходятъ, говорятъ, даже смѣются, совсѣмъ, какъ живые. Ничего добраго не предвѣщаютъ ихъ лица безъ кровинки, напряженный, лихорадочный блескъ въ глазахъ. И настоящіе живые люди съ недобримъ предчувствіемъ смотрятъ на нихъ и думаютъ: быть худу. Юный рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“ всегда казался такимъ мертвецомъ изъ разсказовъ Эдгара Поэ, одареннымъ какою-то противоположной жизнью. Пишетъ онъ статьи, проповѣдуетъ Бога, громитъ матеріализмъ, даже проявляетъ попытки юмора, совсѣмъ, какъ живой, и все-таки я ничему не довѣряю и думаю: быть худу.“

Только очень обозленный человѣкъ могъ нарисовать такую карриатуру на „Спинозу съ мертвыми устами“, написать такой портретъ, куда художникъ-поэтъ вложилъ самыя мрачныя краски своей палитры. Бѣдный г. Волинскій!—думалъ я, читая эту характеристику; но какъ же близорукъ г. Мережковский, когда онъ не узнаетъ въ этой карриатурѣ нѣкоторыхъ собственныхъ типическихъ чертъ! „Быть свалкѣ“,—говорилъ я себѣ, и мои слова оправдались впоследствии: г. Волинскій разразился длинной іереміадой противъ своего портретиста. Но что комичнѣе всего, такъ это то, что г. Мережковский въ своихъ разсужденіяхъ о повомъ Спинозѣ усиленно подчеркиваетъ его принадлежность къ еврейству. Дурного тутъ, пожалуй, нѣтъ ничего ни для г. Волинскаго, ни для г. Мережковского, но вотъ что оказалось: еврейство отреклось на страницахъ

„Восхода“, этой литературной колыбели г. Вольнского, отъ всякой солидарности съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ, выразило ему презрѣніе и извергло изъ пѣдръ передового еврейства. Лѣтопись человѣческая обогатилась новымъ событіемъ. Какъ въ музыкѣ имѣется Фаустъ настоящій и „Фаустъ панзнанку“, такъ и скрижали литературы богаты нынѣ двумя эпизодами: отлученіемъ настоящаго Спинозы грознымъ собраніемъ раввиновъ въ Амстердамъ и отлученіемъ каррикатуриаго „Спинозы съ мертвыми устами“ органомъ г. Ландау. Какая комическая аналогія событій въ жизни двухъ философовъ! И я убѣжденъ, что въ исторіи умственнаго и душевнаго затменія г. Вольнскаго г. Ландау сыгралъ немалую роль. Но вернемся къ г. Мережковскому.

Высѣиваемый, какъ поэтъ, осуждаемый, какъ критикъ, онъ рѣшилъ выступить передъ публикой въ новомъ обликѣ—романиста и переводчика. Въ какой области искать сюжетовъ своему будущему произведенію, въ какой органъ печати обратиться? Какъ бывший студентъ историко-филологическаго факультета, онъ остановилъ свое вниманіе на классическомъ мірѣ Эллады и Рима; какъ заправскій уже символистъ, явно оторвавшійся отъ былыхъ теченій русской мысли, онъ поборолъ свое самолюбіе и распростерся въ прахъ передъ г. Вольнскимъ: прости, не помни зла—мы теперь оба „прекрасны, какъ боги“, прими мое больное произведеніе и напечатай его въ руководимомъ тобою символическомъ журналѣ! Я думаю, что г. Вольнскій никогда въ жизни еще такъ не торжествовалъ, какъ въ ту минуту, когда г. Мережковскій ловилъ его руку для лобзанья. Бура восторга забушевала въ груди критика, и онъ снизошелъ: романъ „Отверженный“ былъ принятъ редакціей „Сѣвернаго Вѣстника“.

Конечно, г. Вольнскій не простилъ въ злобномъ сердцѣ своемъ автору фразы о мертвецѣ изъ Эдгара Поэ, и еще настанетъ день, когда онъ вспомнитъ г. Мережковскому его сатирическую выходку, но пока... пока можно *faire bonne mine au mauvais jeu* и тѣмъ болѣе, что испукальной жертвой тутъ явилась г-жа Гишпюсъ съ ея неосмысленнымъ лепетомъ о „первыхъ ступеняхъ къ новой красотѣ“. Да здравствуетъ самопожертвованіе во имя союза символистовъ! Но, бѣдная г-жа Гишпюсъ, какой цѣной достигла она этого союза; писательница лежитъ теперь больная въ палатѣ „Возвышенный смыслъ символизма“...

Когда г. Мережковскій задумалъ своего „Отверженнаго“, онъ былъ уже вполне сформировавшійся символистъ, съ идеаломъ „безъ цѣли жить, безъ цѣли умирать“. Умственные его способности уже потерпѣли катастрофу, а тутъ вдругъ ему встрѣтилось на пути ученіе безумнаго нѣмецкаго философа Ницше, въ которомъ, конечно, онъ уже разобрался рѣшительно не былъ въ состояніи. Мысли его уже не заскакали, „какъ блохи“, а расползлись во все стороны, какъ темные, обрубленные куски червяковъ. Наступилъ моментъ полнаго умственнаго маразма, но моментъ во всякомъ случаѣ выгодный, чтобъ заставить о себѣ говорить. Публика

русская была заинтересована учениемъ Ницше, и вотъ г. Мережковскій безсвязно собралъ обрывки университетскаго знанія греческихъ и римскихъ древностей, присосѣдиль сюда свое знакомство съ христіанскою философіей (вѣроятно, изъ лекцій покойнаго Владиславлева!), привычною рукой графомана наскоро связалъ все это въ одну кучу, напшиговалъ ее учениемъ Ницше, облилъ лучами поэзіи, и историческій романъ былъ готовъ. О, онъ достигъ успѣха—о немъ заговорили!

Теперь, лежа на койкѣ рядомъ съ г. Волинскимъ, онъ можетъ смѣло смотрѣть ему въ глаза: они сравнялись въ извѣстности. Направленіе обонхъ писателей мрачно, реакціонно, представители критики считаютъ ихъ обонхъ опасными для общества, произведенія ихъ печатаются въ одномъ и томъ же журналѣ. Чего же болѣе? Г. Мережковскій имѣетъ даже шансы преимущества—его романъ написанъ хорошимъ русскимъ языкомъ, чего не можетъ достигнуть, несмотря на всю свою графоманію, сосѣдь по койкѣ. Есть и еще одна существенная разница, отличающая обонхъ писателей: г. Мережковскій, несмотря на всѣ страшные выводы, вытекающіе изъ его романа, явилъ себя на этотъ разъ высокимъ художникомъ, на палитрѣ котораго оказались блестящія, яркія краски. Безумные крики, раздающіеся со страницъ „Отверженнаго“, дѣйствительно потрясаютъ, волнуютъ читателей, и въ этомъ-то вся опасность для общества такого произведенія, которое старательно преподносится ему въ двухъ видахъ—и на страницахъ ежемѣсячнаго журнала, и въ отдѣльномъ изданіи. Малосвѣдущую, легковѣрную и увлекающуюся толпу растлѣвающее ученіе автора о двухъ правдахъ въ мірѣ, стоящихъ внѣ добра и зла, о томъ, что царство Люцифера равно Богу, такое ученіе, говорю я, можетъ толпу развратить, сбить съ толка, вышибить изъ нея послѣдніе свѣтлые идеалы, которыми она и безъ того небогата. Романъ „Отверженный“—вещь талантливая, но безуміемъ своей морали опасная и ядовитая. Вліяніе этого литературнаго произведенія должно быть парализовано, и къ чести нашей критики всѣхъ оттѣнковъ должно замѣтить, что она отнеслась къ г. Мережковскому съ осужденіемъ и негодованіемъ. Безумецъ назвалъ своимъ именемъ. Такіе противоположные по своимъ направленіямъ органы печати, какъ „Русскій Вѣстникъ“ и „Русское Богатство“ или „Недѣля“, одинаково осудили автора романа „Отверженный“.

Содержаніе романа г. Мережковскаго—жизнь Юліана Отступника, съ его юныхъ дней и до послѣдняго вздоха, перемѣны въ его судьбѣ, любопытные эпизоды его бурнаго существованія. Эпоха выбрана авторомъ эффектная и онъ отнесся къ своей задачѣ съ любовью и стараніемъ. Обстановочная сторона дѣла нарисована имъ превосходно, вся, такъ называемая, *nature morte* просто приводитъ въ восторгъ: всѣ эти портики, храмы, статуи, дома, улицы, бани, рельефно выступаютъ на полотнѣ художника, и самъ знатокъ дѣла, г. Бакаловичъ, могъ бы позавидовать кисти молодого писателя. Очень хороши также уличныя сцены, напри-

мѣрь, въ кварталахъ Селевкии Сирійской (ч. I, гл. VI), отдѣльные эпизоды романа—вселенскіе соборы (гл. XV ч. I, или VI, ч. II), съ ихъ пестройнымъ движеніемъ толпы, съ колоритными группами христіанъ разныхъ толковъ; недурно сдѣлано также описаніе битвъ съ германцами, съ персами, изображеніе событій въ Парижѣ и множество другихъ взятыхъ порознь, отдѣльныхъ картинъ, отдѣльныхъ эпизодовъ. Но сила романа, по замыслу автора, не въ описательной части, не въ мелкихъ историческихъ эпизодахъ, а въ психологій главнаго дѣйствующаго лица, Юліана Отверженнаго, въ разговорѣ его съ приближенными, въ портретахъ этихъ приближенныхъ, въ субъективномъ анализѣ фактовъ и характеровъ, въ фальшивомъ освѣщеніи исторической дѣйствительности. Не стоитъ ловить автора на мелкихъ промахахъ—его знаніе древней исторіи не всегда его выручаетъ, и онъ ненамѣренно, а, можетъ быть, иногда тенденціозности ради не прочь отступить отъ истины. „Средній читатель не замѣтитъ этихъ промаховъ, а критики направятъ свое благосклонное вниманіе на иную сторону дѣла“,—такъ, вѣроятно, думалъ г. Мережковскій и не ошибся въ расчетѣ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1896 г., № 1) на историческія детальныя несообразности обращено достаточное вниманіе, почему интересующихся этимъ направляю по указанному адресу.

VII.

Главная историческая фальшь романа г. Мережковского заключается въ томъ, что авторъ увѣряетъ, будто языческій политеизмъ былъ побѣжденъ именно при Юліанѣ „Отверженномъ“, когда вмѣстѣ съ тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, язычество уже сошло со сцены, и отъ него лишь оставались мелкія, мертвыя части, которыя авторъ и пытается гальванизировать, какъ что-то цѣльное, одухотворенное, сильное и мощное. Такимъ образомъ, фонъ картины нарисованъ въ некаженномъ видѣ, случайными, неправильными мазками и сомнительными красками. Одинаково неправильно поставлена и освѣщена фигура героя—Юліана. Г. Мережковскій не называетъ его общепринятымъ въ исторіи именемъ „Отступника“, а придумываетъ ему эпитетъ „Отверженный“, и дѣлается это неспроста. Юліанъ не отступился, по мнѣнію автора, отъ господствовавшей религіи, а былъ лишь отвергнутъ не кѣмъ инымъ, какъ нелюбимыми имъ христіанами, этими людьми, „полными ужаса и смрада галилейскаго“.

Во имя своего дикаго ученія—культы античной бездушной красоты, авторъ не щадитъ красокъ, чтобъ представить галилеянъ въ мрачномъ, несимпатичномъ видѣ. Сцены, гдѣ дѣйствующими лицами являются эти представители альтруизма, написаны имъ удивительно реально, сильно, красиво, но врядъ ли исторически-правильно. Ему во что бы то ни стало надо ради своихъ тенденцій, почерпнутыхъ изъ ученій символистовъ, изъ ученія Ницше, выставить христіанъ смрадными, и онъ въ видѣ антитезы

эгоистической эллинской жизни, радостной красотѣ, обнажаетъ тѣло христіанское и покрываетъ его всяческими изъязвленіями. „Это была христіанка, старая дѣва, искавшая жениховъ. На головѣ ея возвышался парикъ въ видѣ шлема, „галеріонъ“, изъ знаменитыхъ въ то время германскихъ волосъ, пересыпанныхъ золотою пудрою,—описываетъ г. Мережковскій дѣйствующихъ лицъ устроенной Юліаномъ процессіи.—Вся, какъ восточный идолъ, увѣшанная драгоценными каменьями, натягивала она тигровую шкуру на свою изсохшую старушечью грудь, безстыдно набѣленную,—и улыбалась жеманно“. Таковъ внѣшній видъ христіанки, а вотъ вамъ язычница, жрица символизма, представительница культа чистой красоты. Передъ нами нарисована голая Ареноя; она мечетъ дискъ. „Она открыла лицо, закинувъ руки надъ головою. Волосы ея на концахъ были блѣдно-золотые, какъ желтый медъ на солнцѣ, съ болѣе темнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ у корней. Губы полуоткрылись съ улыбкой дѣтской радости. Солнце скользило по голому тѣлу ниже и ниже. Она стояла чистая, облеченная свѣтомъ и красотой, какъ самыми цѣломудренными изъ одеждъ“.

Въ своихъ комментаріяхъ къ роману Лонгуса „Дафиня и Хлоя“, о конхъ ниже, г. Мережковскій такъ рассуждаетъ (стр. 15): „что можетъ быть чище и дѣвственнѣе граціозныхъ пляшущихъ нимфъ, обвиняемыхъ воздушными туниками, или пастушковъ, не знающихъ даже имени любви? Но вы невольно чувствуете, что если герои еще и не знаютъ любви, то поэтъ уже слишкомъ хорошо, слишкомъ безнадежно позналъ, что такое любовь“.

Когда я читалъ описанія, сдѣланныя г. Мережковскимъ голыхъ тѣлъ языческихъ женщинъ и даже мраморныхъ статуй, я подумалъ: поэтъ позналъ, что такое любовь, но не здоровая любовь, а то сладострастіе, которое онъ съ такимъ восторгомъ воспѣваетъ! Будь живъ покойный Федоръ Павловичъ Карамазовъ, онъ потрепалъ бы г. Мережковского по плечу и сказалъ: „миленькій, у тебя губа не дура! но зачѣмъ ты маскируешь свои чувства холодными символами? ты, какъ и я, смакуешь клубничку“...

Нарисовавъ фальшиво фонъ своей исторической картины, тенденціозно представивъ въ отталкивающемъ видѣ христіанъ и воспѣвъ эллинское голое тѣло, авторъ выдвигаетъ на первый планъ фигуру Юліана и его учителя, хитраго іерофанта Максима Эфесскаго. Вотъ характерная бесѣда этихъ двухъ героевъ (стр. 54).

- Двѣ истины!..
- Двѣ. Все двойственно.
- Ты соблазняешь...
- Не я, но полная истина соблазнительна и необычайна. Если боишься—молчи.
- Я не боюсь. Говори все. Галилеяне правы?
- Да.
- Зачѣмъ же я отрекся?
- Есть еще другая правда.
- Высшая?
- Нѣтъ! Равная той, отъ которой ты отрекся.

- Но во что же вѣрить? Гдѣ Богъ, котораго я ищу?
- И тамъ, и здѣсь. Служи Ариману, служи Ормузду, какъ хочешь, но помни, что оба равны, царство Люцифера—равно царству Бога.
- Куда идти?
- Выбери одинъ изъ двухъ путей и не останавливайся.
- Какой?
- Если вѣришь въ Него, возьми крестъ, иди за нимъ, какъ Онъ велѣлъ. Будь смиреннымъ, будь дѣвственнымъ, будь агнцомъ безгласнымъ въ рукахъ палачей. Вѣги въ пустыню, отдай Ему плоть и духъ, и разумъ. Терпи. Вѣрь. Это одинъ изъ двухъ путей: великіе страстотерпцы галилеяне достигаютъ такой же свободы, какъ Прометей и Люциферъ.
- Я не хочу!
- Тогда избери другой путь: будь владыкой, будь подобнымъ древнимъ, суровымъ мужамъ. Будь сильнымъ, будь гордымъ, будь неумолимымъ и прекраснымъ. Не жалѣй, не люби, не прощай! Возстань и побѣди все! Да будетъ тѣло твоё, какъ тѣло мраморныхъ полубоговъ! Бери и не отдавай! Вкуси отъ запретнаго плода и не раскайся! Не вѣрь и познавай! И міръ будетъ твой, и ты будешь, какъ Титанъ и Ангелъ, возставшій на Бога!
- Но я не могу забыть, что въ словахъ галилеянина есть правда, я не могу вынести двухъ истинъ!
- Если не можешь, будешь, какъ все. Лучше погибнуть...

Приведу для характеристики литературной физиономіи г. Мережковского и его вкусовъ еще одну характерную сцену (стр. 237), когда Юліанъ во время своего похода противъ персовъ, отшвырнувъ ногою жертвенникъ, къ ужасу толпы, съ воздѣтыми къ небу руками и горящими глазами восклицаетъ:

— Клянусь вѣчною радостью, заключенною здѣсь, въ моемъ сердцѣ, отрекаюсь отъ васъ, какъ вы отъ меня отреклись, покидаю васъ, какъ вы меня покинули, блаженные и безсильные. И одинъ противъ васъ, олимпійскіе призраки! И подобенъ вамъ, но не равенъ, потому что я—человѣкъ, а вы только боги. Давно уже сердце мое жаждало послѣдняго освобожденія, и вотъ теперь я порываю нангъ договоръ. Я смѣюсь надъ моимъ суевѣрнымъ ужасомъ, надъ дѣтскимъ лепетомъ вашихъ пророчествъ. Я жилъ, какъ рабъ, и могъ бы умереть, какъ рабъ, но я проснулся, я понялъ, что я—сильнѣе боговъ, потому что, обреченный смерти, я побѣдилъ смерть. Не надо унынія, не надо страха, не надо жертвъ, не надо молитвъ. Кончено! Отнынѣ въ жизни моей не будетъ ни одной тѣни, ни одного трепета, ничего, кромѣ олимпійскаго вѣчнаго смѣха, который я похищаю у васъ, умершіе, ничего—кромѣ небснаго огня, который я похищаю у васъ, бессмертные! Жизнь моя будетъ, какъ неподвижная лазурь, въ которой вы нѣкогда жили, а теперь—умираете, чтобъ уступить мѣсто намъ, богоподобнымъ!.. Максимъ, Максимъ, ты правъ: духъ твой на мнѣ!

Правда Максима—это правда о двухъ истинахъ, проповѣдь жизни безъ страха, безъ жертвъ и молитвъ почерпнута г. Мережковскимъ цѣликомъ изъ сочиненія „Сумерки идоловъ“ Ницше. Двойственный, болѣзненный свѣтъ гнилой морали безумнаго нѣмецкаго философа пришелся по душѣ г. Мережковскому, и онъ обличилъ имъ своихъ излюбленныхъ героевъ романа—и Юліана, и Максима, и Арсиною. Въ романѣ „Отверженный“, авторъ является у насъ въ литературѣ первымъ провозвѣстникомъ торжества ученія „Сумерекъ идоловъ“ и тѣмъ даетъ осно-

ваніе причислить себя къ безнадежно больнымъ людямъ, которые, пользуясь своимъ природнымъ талантомъ, подобно болотному огоньку, только вводятъ читателей въ заблужденіе и затягиваютъ ихъ въ гнилое болото.

Эротоманія и болѣзненная чувственность захватываютъ въ настоящее время г. Мережковскаго все сильнѣе и сильнѣе и, что проглядывало въ романѣ „Отверженный“ только какъ начало болѣзни, въ комментаріяхъ къ роману Лонгуса „Дафнисъ и Хлоя“ обнаруживается во всей силѣ. Его увлеченіе двойной моралью Олимпа и Голгофы находитъ себѣ здѣсь подтвержденіе съ примѣсью при этомъ самыхъ извращенныхъ любовныхъ чувствъ. Г. Мережковскій говоритъ (стр. 10—11) въ предисловіи къ Лонгусу:

„Но для насъ, людей XIX вѣка, ожидающихъ въ таинственныхъ сумеркахъ новаго, еще невѣдомаго солнца, предчувствующихъ, что Великій Панъ, умершій пятнадцать вѣковъ тому назадъ, скоро долженъ воскреснуть, эта вѣщая, сладкая грусть дѣлаетъ поэму Лонгуса особенно близкой, понятной и плѣнительной. Они похожи на насъ, эти странные, одинокіе и утонченные эстетики, риторы, софисты, гностики IV вѣка. Они такъ же, какъ мы, люди глубоко-раздвоенные, люди прошлаго и будущаго, только не настоящаго, дерзновенные въ мысляхъ, робкіе въ дѣйствіяхъ, среди мрака и холода носящіе въ себѣ зародыши новой жизни, стоящіе на рубежѣ стараго и новаго, люди Уаадка и вмѣстѣ съ тѣмъ Возрожденія, или, говоря современнымъ, общепринятымъ и все-таки почти никому непонятнымъ языкомъ, это—въ одно и то же время декаденты, то-есть гибнущіе, доводящіе утонченность дряхлаго міра до болѣзни, до безумья, до безвкусья, и символлисты, то-есть возрождающіеся, предрекающіе знаменьями и образами то, что еще нельзя сказать словами, потому что оно еще не настало, а только вѣсть и чувствуется,—пршествіе Новаго Міра.“

Г. Мережковскій начерталъ здѣсь свой собственный портретъ, но забылъ присоединить сюда еще одну черточку—сладострастность. Истолковывая съ сочувствіемъ на всѣ лады невѣдомаго античнаго автора, онъ поучаетъ насъ, что (стр. 36): „христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ—сочетаніе мужского и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ гениемъ рода—сладострастіе“. И дальше: „Лонгусъ показалъ намъ любовь, какъ верховную силу природы, любовь—внѣ добра и зла, выше добра и зла, любовь, какъ высшую свободу и познаніе міра въ красотѣ“.

Русскій Ницше, сладострастный мистикъ, г. Мережковскій недовольтуется тѣмъ, что при содѣйствіи античныхъ образовъ насаждаетъ въ русской литературѣ, онъ простираетъ свои злые замыслы и дальше: въ предисловіи къ роману „Отверженный“ онъ обѣщаетъ свою теорію двухъ истинъ развить въ трилогіи. Первая книга уже отпечатана подъ фирмой „Отверженный“, вторая должна заимствовать свой сюжетъ изъ эпохи „Возрожденія“, гдѣ въ героѣ этой части—Леонардо да-Винчи, онъ покажетъ воскресшую борьбу Голгофы и Олимпа, и наконецъ, третья часть должна насъ перенести въ эпоху Петра Великаго, гдѣ въ лицахъ преобразователя Россіи и его сына Алексѣя снова во всей силѣ пробуждается антитеза язычества и христіанства, при чемъ Петръ Вели-

кій долженъ явиться передъ читателемъ въ блестящемъ нарядѣ язычника, а сыгъ его—въ смиренной хламидѣ христіанина! Каковъ замыселъ автора? Какова болѣзненность мысли и стремленіе подгонять подъ искусственныя формы выношенныя въ душѣ идеалы? Бѣдная русская исторія! развязный историческій романистъ!.. Г. Мережковскій просто спекулируетъ своимъ психическимъ расстройствомъ, потому что рѣшительно не хочется вѣрить, чтобъ университетская наука не научила его распознавать смысла эпохъ и событій, отошедшихъ отъ насъ не въ столь далекое прошлое.

Это — безнадежно и буйно больной. Оставимъ его корчиться на своей койкѣ и перейдемъ къ философу символизма, къ „Спинозѣ съ мертвыми устами“.

VIII.

Г. Волинскій не долженъ былъ бы быть разсматриваемъ, какъ опасный и серьезно-больной, подобно г. Мережковскому. Если съ послѣднимъ критики и рецензенты разговариваютъ серьезно, на него сердятся, негодуютъ, то дѣлается это потому, что онъ дѣйствительно даровитый писатель, могущій завлечь въ свои ядовитыя сѣти неопытныхъ и наивныхъ читателей, склонныхъ въ „болотныхъ огонькахъ“ видѣть истинный свѣтъ. Не то представляетъ изъ себя г. Волинскій. Это дѣятель журналистики старательный, усидчивый, кропотливый, но положительно мало даровитый и, какъ всякая посредственность, не могущій рассчитывать на широкой кругъ вліянія. Seriously имъ заниматься наша критика уже давно перестала—надъ нимъ только смѣются и... его не читаютъ. Г. Михайловскій, кажется, первый объявилъ его „смѣшнымъ писателемъ“, г. Буренинъ приравниваетъ его творенія къ разряду дѣтской лубочной литературы, порожденныя завистью къ взрослымъ, и тщеславіемъ. Г. Мережковскій... но я уже достаточно указывалъ, какъ думаетъ авторъ „Отверженнаго“ о своемъ сосѣдѣ по койкѣ, такъ что повторять не стоитъ; г. Скабичевскій пропускаетъ г. Волинскаго, не считая до сихъ поръ нужнымъ останавливаться на его журнальныхъ статьяхъ, какъ на предметъ очень ничтожномъ¹⁾; редакція „Вѣстника Европы“ и „Русскихъ Вѣдомостей“ усматриваютъ въ немъ явленіе реакціонное; редакція „Восхода“ его предала анаемѣ, и только иногда г. Левъ Тихоміровъ изъ „Русскаго Обозрѣнія“ одобрительно треплетъ его по плечу и цитируетъ его туманныя изреченія, въ чемъ нѣкоторые не безъ основанія видятъ подтвержденіе поговорки, что „рыбакъ рыбака видитъ издалека“.

Итакъ, въ общей сложности г. Волинскій, какъ литературный дѣятель, не Богъ вѣсть сколь опасный и о немъ не стоило бы долго распространяться, если бы сюда не замѣшалась одна совершенно особая

¹⁾ Со времени написанія настоящаго очерка, на страницахъ „Новаго слова“ (1896 г.) появилась статья г. Скабичевского, посвященная г. Волинскому, гдѣ ветеранъ русской критики отнесся къ своему младшему собрату не только отрицательно, но и съ полнымъ презрѣніемъ.

сторона дѣла, которая и побуждаетъ меня обратить на него особенно серьезное вниманіе. „Не довольствуясь достигнутымъ успѣхомъ, они, т. е. символисты, — говоритъ Нордау, — начали втираться въ редакціи большихъ газетъ и, когда имъ удавалось просунуть въ дверь только одинъ палецъ, они въ мигъ оказывались въ редакціонной комнатѣ, занимали въ ней мѣсто и обращали членовъ редакціи въ свою вѣру.“ Можно подумать, что Нордау, когда писалъ эти строки, имѣлъ именно въ виду нашего философа символизма, г. Волинскаго. Послужной списокъ послѣдняго точь въ точь составился по указанной программѣ. Сначала онъ что-то пописывалъ въ „Восходѣ“, потомъ получилъ работу въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, помѣстивъ здѣсь двѣ-три компилятивныя статейки по философін, — просунулъ палецъ въ дверь редакціи, и вскорѣ очутился вершителемъ судьбы журнала.

Онъ подписываетъ редакціонные манифесты; изъ-за него издательница журнала со всѣми ссорится, его же въ своихъ статьяхъ прославляетъ постоянный сотрудникъ, г. Л. Полонскій, для его же величанія приглашаютъ старенькаго и захудалаго литератора, В. Чуйко (вѣроятно, на такое комическое амплуа не нашли никого болѣе даровитаго!), объ его отъѣздахъ на дачу объявляется въ лѣтнихъ книжкахъ журнала. Короче, онъ занялъ въ редакціи столь видное положеніе, какого еще никто никогда въ нашей литературѣ не занималъ! Вѣдь какая же редакція будетъ постоянно анонсировать отъѣзды сотрудниковъ, или гдѣ принято, чтобы членъ редакціи заставлялъ своихъ собратьевъ величать себя на всѣ лады въ руководимомъ имъ же органѣ печати? Литературная братія только качала головами, наблюдая такое зрѣлище, пожимала плечами и говорила: безтактно! комично! Но такъ или иначе, а г. Волинскій оставался фактическимъ руководителемъ журнала, имѣлъ власть вершить дѣла редакціи и выступать отъ имени *всего* „Сѣвернаго Вѣстника“.

Чѣмъ же ознаменовалъ себя г. Волинскій, какъ управитель редакціонныхъ дѣлъ? Постепенно и понемногу онъ обратилъ „Сѣверный Вѣстникъ“ изъ журнала съ яркой прогрессивной окраской въ первый періодъ его существованія, изъ органа печати переходнаго времени, съ не совсѣмъ твердымъ направленіемъ, но тяготѣвшаго къ старымъ традиціямъ — во второй періодъ, онъ обратилъ его, говорю я, въ колыбель символизма, въ ту психіатрическую палату „Высшій символическій смыслъ“, гдѣ лежатъ на койкѣ безнадежно больные Г.г. Минскій, Мережковскій и другіе. Метаморфоза эта случилась не сразу, но полегоньку-помаленьку и безповоротно. Сразу вывѣску было опасно мѣнять, а потому, въ качествѣ подготовительнаго періода, на сцену былъ выдвинутъ добрѣйшій и великій писатель русской земли, графъ Л. Н. Толстой, вмѣстѣ съ домочадцами, которые позировали передъ публикой, то въ роли оригинальныхъ писателей, то въ роли переводчиковъ. Пока великій писатель привлекалъ къ себѣ вниманіе публики, за его выгодною и широкою спиною совершились нужныя г. Волинскому перемѣны — жур-

паль былъ окрашенъ въ символическій цвѣтъ, а онъ, г. Волинскій, обрядился въ тогу философа символизма. Дѣйствительно, на гр. Толстомъ журналу было опасно держаться—„Новое Время“ очень удачно и во время предупредило публику, что игра, такъ сказать, на Толстого вещь опасная, ибо по данному имъ праву русской печати любое изданіе можетъ бесплатно перепечатывать и издавать его произведенія.

И вотъ, когда гр. Толстой оказался плохой приманкой, г. Волинскій выдвинулъ на сцену символизмъ. Публика вѣдь падка на новинку! но, чтобъ ее еще болѣе расшевелить, командиръ журнала прибѣгъ къ совершенно непозволительному способу зазыванія подписчиковъ, способу еще доселѣ не практиковавшемуся нашей „большой прессой“ и бывшему достояніемъ только рыночныхъ листковъ самаго послѣдняго качества. Г. Волинскій, по малому знакомству съ порядочными нравами журналистики, куда его не пускаютъ, взялъ за образецъ рекламу „Нови,“ пущенную лѣтъ десять тому назадъ въ обращеніе, но и ту ухитрился отфѣнить, сообразно своимъ нехорошимъ замашкамъ, самымъ непригляднымъ образомъ.

Въ литературномъ манифестѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1896 годъ, № 1, подъ заглавіемъ „Идеализмъ и буржуазность“ изложена положительная программа журнала на новый годъ. Въ заключительныхъ словахъ мы читаемъ:

„Направленіе „Сѣвернаго Вѣстника“ должно быть названо идеалистическимъ, какъ въ научной, такъ и въ жизненной ¹⁾ области. Критическій идеализмъ, какъ мы уже сказали, занимаетъ все стороны человѣческой жизни. По самому духу своему, идеалистическая философія является источникомъ безоценочной критики въ двухъ направленіяхъ. Разбирая весь матеріалъ познавательнаго процесса, она безстрашно разрушаетъ всякія иллюзіи догматическаго мышленія. Въ области эстетики критическая философія первая обрисовала и оцѣнила значеніе художественныхъ наслажденій, придавъ красотѣ—въ произведеніяхъ искусства—возвышенный символическій смыслъ. Проникая въ глубину души, гдѣ скрыта воля—причина человѣческой дѣятельности, она открываетъ передъ мыслящимъ сознаниемъ самое широкое поприще для практической дѣятельности...“ и т. д.

Такая программа, написанная туманнымъ языкомъ, какъ читатели могутъ убѣдиться сами, ни болѣе, ни менѣе, какъ простое пустословіе, съ яркимъ цвѣткомъ „символическаго возвышеннаго смысла“ въ центрѣ. Что это за смыслъ, мы видѣли достаточно изъ произведеній выше разобранныхъ авторовъ. Вѣроятноже всего, редація имѣла главнымъ образомъ въ виду ту часть ученія Ницше и г. Мережковскаго, гдѣ сказано: „вкуси отъ запретнаго плода и не раскайся“. Думаю такъ потому, что въ своемъ литературномъ манифестѣ редація именно вкушаетъ запретнаго плода—пустословія и злословія, причемъ не выражаетъ никакого раскаянія. Съ пустословіемъ мы уже ознакомились; что же касается злословія, то оно выразилось тѣмъ, что, приглашая въ свою психіатрическую палату подписчиковъ, редація журнала весь центръ тяжести ма-

¹⁾ Практической?

нифеста полагаетъ въ опороченіи своихъ собратьевъ по профессіи. Всѣ главнѣйшіе органы нашей ежемѣсячной прессы политическаго характера осуждены издательницею и командиромъ „Сѣвернаго Вѣстника“ и, хотя они не названы *en toutes lettres*, но всякій легко пойметъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь. Въ этомъ осужденіи, не касаясь уже безтактности поступка, не хорошо главнымъ образомъ то, что тутъ сдѣланы сомнительные намеки на направленіе журналовъ въ духѣ, не пользующемся „по нынѣшнимъ временамъ“ благорасположеніемъ правящихъ сферъ, употребленъ слишкомъ хорошо извѣстный приемъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“, „Русскаго Обозрѣнія“.

Этотъ манифестъ—очень грустное явленіе нашей журнальной жизни, небывалое еще явленіе, которое врядъ ли можетъ вызвать сочувствіе порядочныхъ людей по адресу составлявшихъ его. Мнѣ жаль г-жу Гуревичъ, что она вступила на скользкій путь скверной рекламы и, если г. Волинскому больше уже нечего терять изъ своей литературной репутации, то вѣдь ея-то дѣятельность, какъ писательницы, вся еще впереди! Это слѣдовало сообразить, когда она подписывала манифестъ.

Итакъ, мы познакомились съ г. Волинскимъ, какъ руководителемъ журнала. Что же представляетъ онъ собою, какъ критикъ, какъ работникъ пера?

Въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ его статей подъ заглавіемъ: „Русскіе критики“, имѣется достаточный матеріалъ для отвѣта на поставленный вопросъ. Не смотря на все душевное отвращеніе къ автору, обнаруживающееся сразу послѣ первой же прочитанной страницы предисловія, я имѣлъ терпѣніе ознакомиться со всѣми 52 печатными листами книжки. Тема богатая, интересная—она волновала меня, охватывала, но, Боже мой! что сдѣлалъ съ нею этотъ жалкій писатель. Какъ, не смотря на два года упорной, непрерывной работы, отъ ничего не сумѣлъ представить живого, увлекательнаго! Напыщенный стиль съ перезвономъ крикливыхъ фразъ, какія-то особенныя вымученныя словечки, вѣчныя многоточія, восклицательные знаки, замѣняющіе истинное вдохновеніе, настоящій пафосъ. Ни одна мысль не высказана просто, ясно—вездѣ ужимки, кривлянье, потуги. Знаки препинанія, туманныя фразы о красотѣ, о художественномъ темпераментѣ, сомнительные намеки на неблагонадежность русскихъ передовыхъ бойцовъ литературы, безцѣльное, никуда ненужное выкрикиванье философскихъ терминовъ, прославленіе метафизики, брань—грубая, площадная по адресу представителей публицистики—таково виѣшнее впечатлѣніе отъ книги г. Волинскаго. Тлѣномъ, мертвечиной вѣетъ отъ каждой страницы, и вы съ тоскою и разстроеными нервами перевертываете страницу за страницей...

Но не даетъ ли она чего нибудь цѣннаго въ качествѣ фактическаго матеріала своимъ читателямъ? Увы, тоже нѣтъ. Ни одного новаго событія, ни одного неизвѣстнаго факта, ни одной положительной черточки, которая бы охарактеризовала съ невѣдомой еще стороны выведеннаго на сцену писателя. Біографическій его матеріалъ весьма скуденъ; возьмите

любой біографическій очеркъ изъ „Библіотеки“ Павленкова, и вы найдете тутъ гораздо больше, чѣмъ у г. Волинскаго, и притомъ сдѣланное, куда лучше, талантливѣе. Бѣлинскій, Писаревъ, Добролюбовъ, Страховъ, Юркевичъ, Катковъ, Чернышевскій, Антоновичъ—сколько можно было сказать интереснаго объ этихъ выдающихся дѣятеляхъ литературы, а если порыться хорошенько даже въ опубликованныхъ матеріалахъ, то и новаго! но въ „Русскихъ критикахъ“ вы не найдете ничего подобнаго. Все старое и притомъ старое, испорченное нехорошими руками автора!..

Какого же метода работы онъ держался? „Изучая дѣятельность русскихъ критиковъ, я держался, какъ это будетъ видно изъ самой книги, — говорить г. Волинскій, — того мнѣнія, что критика художественныхъ произведеній должна быть не публицистическою, а философскою, должна опираться на твердую систему философскихъ понятій извѣстнаго идеалистическаго типа“. Вотъ во имя этой-то философской критики что же дѣлаетъ этотъ ограниченный графоманъ? Онъ изолируетъ художественныя произведенія печати отъ общественной среды, ставитъ ихъ внѣ пространства и времени, отнимаетъ у критиковъ этихъ произведеній общественный *standpunkt* и, создавъ такимъ образомъ уродливое положеніе для тѣхъ и другихъ, начинаетъ выкрикивать туманныя фразы объ отсутствіи философскихъ знаній у Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и остальныхъ. Получается нелѣпая и комичная картина: всящіе гдѣ-то въ туманномъ пространствѣ русскіе публицисты и нагло насакакивающей на нихъ г. Волинскій съ совершенно неумѣстными вопросами: такую-то страницу Гегеля читалъ? Нѣтъ? Дуракъ! Главу такую-то Канта знаешь? Нѣтъ? Невѣжда, болванъ! И все въ такомъ родѣ на протяженіи 826 страницъ!

Что же получается отъ такого предестнаго метода? А вотъ что: всѣ русскіе передовые дѣятели печати лежатъ поверженные во прахъ, а надъ ихъ мертвыми тѣлами приплясываетъ г. Волинскій.

„Внимательное изслѣдованіе русской критики, — торжествующе выкрикиваетъ онъ высокимъ фальцетомъ;—можно сказать, съ первыхъ ея проблесковъ до ея современныхъ представителей, привело меня къ убѣжденію, что художественная русская литература до сихъ поръ не нашла себѣ истолкователей, которые стояли бы на высотѣ этой трудной и чрезвычайно важной задачи. Искусство шло въ Россіи своими самобытными путями, независимо, а часто и въ глубокомъ противорѣчіи съ поверхностными умственными теченіями буржуазной культуры. Русская критика, которая даже въ своихъ лучшихъ представителяхъ никогда не углублялась до истинно-философскихъ идей, волнующихъ всякаго крупнаго художника, не могла идти навстрѣчу настоящему искусству, сблизать его съ сознательною жизнью русскаго общества.“

И вотъ такой-то критикъ, углубившійся до истинно-философскихъ идей, теперь нашелся: это онъ—г. Волинскій! онъ самый, критическіе очерки котораго придутъ „на помощь лучшимъ инстинктамъ художественныхъ талантовъ въ борьбѣ съ ошибками ихъ собственнаго случайнаго опыта“; искусство, благодаря его работамъ, „окрѣпнетъ въ своихъ коренныхъ основахъ и, переживъ броженіе современной исторической эпохи, вступитъ въ новую стадію своего развитія, создастъ совершенные образцы

новой красоты, болѣе прозрачной, (?) гармонирующей съ идеальными требованіями просвѣтлѣнаго нравственнаго чувства и убѣжденія“. Вотъ ради этой-то широкой задачи, назрѣвшей для даннаго момента, г. Волинскій подробно разсмотрѣлъ и оцѣнилъ, по его мнѣнію, литературную дѣятельность наиболѣе авторитетныхъ и вліятельныхъ критиковъ или, по остроумному выраженію одного фельетониста, обдалъ ихъ брызгами липкой грязи.

Изъ сказаннаго мною читатель ясно можетъ убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, страдающимъ ярко выраженной маніей величія. Но г. Волинскій мало того, что маньякъ, онъ злой, завистливый, неблагодарный и трусливый журнальный дѣятель, въ чемъ весьма не трудно убѣдиться. Подобно Урію Гипу изъ романа Диккенса „Давидъ Копперфильдъ младшій“, онъ подходитъ къ каждому разбираемому писателю, извиваясь змѣей, съ кривляньемъ и ужимками; онъ начинаетъ свои рѣчи съ изъявленія любви, преданности и уваженія и, когда вы слышите уже первое слово, сказанное фальшивымъ ласковымъ голосомъ, вами овладѣваетъ нервное раздраженіе, и вы предчувствуете, что вотъ-вотъ свершится какая нибудь пакость. И предчувствіе васъ не обманываетъ. Наговоривъ комплиментовъ Бѣлинскому, онъ ловко ввертываетъ сейчасъ же всего одну лишь фразу, назначеніе которой развѣчать писателя: „въ немъ не было той уметвенной силы,—говоритъ г. Волинскій,—которая, исходя изъ стойкихъ идеаловъ и непоколебимыхъ теоретическихъ понятій, является культурнымъ рычагомъ, сообщающимъ опредѣленное направленіе историческому прогрессу“... Сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ Добролюбову, воздавъ должное его уму, логикѣ, онъ уже шипитъ—а статьи его „производятъ все-таки слабое, почти блѣдное впечатлѣніе“. Такихъ пассажей я могъ бы привести множество, но не дѣлаю этого, щадя брезгливость читателей.

Въ битвѣ съ русскими критиками онъ прибѣгаетъ къ неопозволительному средству. Выкапывая свои аргументы изъ статей „Москвитянина“, изъ лекцій Шевырева и прочихъ источниковъ того же рода, онъ не обнаруживаетъ, гдѣ заимствовалъ свой товаръ, а преступая законы признательности, спѣшитъ сказать какую нибудь непріятность по адресу обворованнаго, или же торопится, какъ ни въ чемъ не бывало, поглумиться надъ міросозерцаніемъ этого писателя. Поэтому малосвѣдующій читатель, не обладающій знаніемъ источниковъ, не всегда можетъ выяснитъ себѣ, что за критикъ такой г. Волинскій: либераль не либераль, да какъ будто и не консерваторъ, тѣмъ не менѣе „о честности высокой говоритъ“—извольте тутъ разобраться! Пусть не хлопочетъ читатель искать и общественныхъ убѣжденій у автора „Русскихъ критиковъ: у него ихъ нѣтъ, и быть не можетъ, такъ какъ онъ человѣкъ малообразованный, а если онъ что-то толкуетъ на эту тему, то это только маска, позволяющая ему выпускать №№ журнала, гдѣ имѣются рубрики общественныхъ вопросовъ, на кои существуетъ спросъ въ публикѣ.

Культу собственного величія онъ готовъ все принести въ жертву, рѣшительно все, а юродство символизмомъ служить ему, очевидно, хорошей статьей дохода въ учрежденіи г-жи Гуревичъ „Возвышенный символическій смыслъ“ и позволяетъ ему надѣяться, что наконецъ-то и на него обратитъ лестное вниманіе публики, подобно тому, какъ она это дѣлаетъ по отношенію г. Н. Михайловскаго и г. Влад. Соловьева. Извѣстность этихъ двухъ писателей не даетъ ему покоя. Если взять на себя неблагодарный трудъ прослѣдить всю дѣятельность за послѣднее время г. Волинскаго, то убѣдишься, что вся она вертится на оси зависти, гдѣ съ одной стороны положена ненависть къ г. Михайловскому, а съ другой—къ г. Соловьеву. Онъ внимательно слѣдитъ за писаніемъ cadaго изъ нихъ, ловитъ каждое ихъ слово, разыскиваетъ не только ихъ труды, напечатанные въ Россіи, но и за границей, что даетъ ему возможность предлагать авторамъ, какъ то часто дѣлаетъ и г. Левъ Тихоміровъ, такіе вопросы, на которые русскому писателю не всегда удобно отвѣчать.

Г. Волинскій несомнѣнно большой писатель, но въ своемъ несчастіи сумѣвшій почерпнуть благія радости жизни. Подальше отъ него! подальше и отъ всѣхъ остальныхъ обитателей описаннаго мною учрежденія, которое я такъ внимательно и долго осматривалъ по обязанностямъ публициста!

И я съ разстроенными нервами и болью въ сердцѣ шель отъ нихъ прочь по Троицкой улицѣ, направляясь къ своимъ здоровымъ товарищамъ „восьмидесятникамъ“, чтобъ отдохнуть душой и въ бесѣдѣ съ ними забыть г. Волинскаго и его товарищей, какъ вдругъ по дорогѣ меня остановилъ незнакомый мнѣ молодой человекъ: „Многоуважаемому Б. Б. Глинскому отъ К. Бальмонта“,—сказалъ онъ съ милой улыбкой и протянулъ мнѣ небольшую книжку. На оберткѣ въ углу скромно было обозначено „Бальмонтъ“, а на переднемъ фасадѣ изображены летящіе внизъ головою дикіе гуси съ неимоверно-длинными, уродливыми крыльями. Я развернулъ книжку и прочелъ послѣднюю страницу:

„За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности,

Въ ненасытной мятежности,
Въ жадѣ счастья цѣльнаго,

Мы воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обойдемъ.

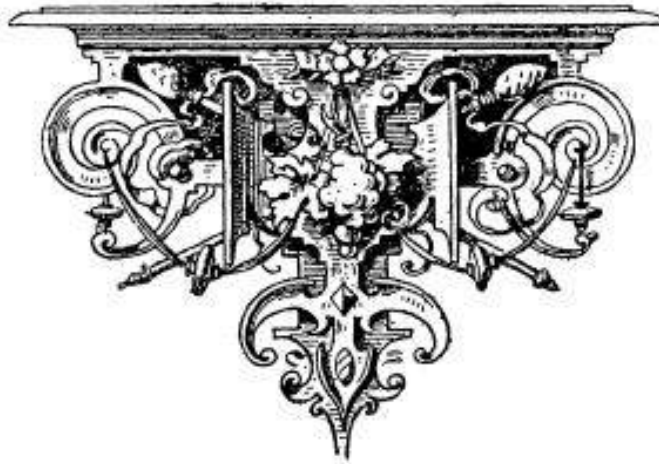
Дерзкими усиліями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,

Мы домчимся въ міръ чудесный,
Къ неизвѣстной

Красотѣ!“

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

— Какъ, еще произведеніе символизма! — воскликнулъ я, — еще новая гусиная пѣснь о неизвѣстной красотѣ? Нѣтъ, увольте. Обратитесь лучше въ учрежденіе „Возвышенный символическій смыслъ“, — тамъ между г. Минскимъ и г. Мережковскимъ еще имѣется свободная койка. Торопитесь занять. Ваши сосѣди съ удовольствіемъ прослушаютъ ваши гусиныя пѣсни, а миѣ некогда... я усталъ... прощайте!

Регрессивное теченіе въ русской жизни.

„А народъ опять скуемъ“!

(Изъ „Дневника писателя“ Ф. Достоевскаго).

ВЪ ПРЕДЫДУЩЕМЪ ОЧЕРКѢ „Молодежь и ея руководители“ я имѣлъ уже случай коснуться возникшаго у насъ за послѣднее время въ экономической литературѣ и публицистикѣ такъ называемаго марксистскаго движенія. Въ виду того, однако, что движеніе это и связанная съ нимъ полемика не только не утихаютъ или приводятъ къ какому либо примиренію наши враждующія „партіи“, но захватываютъ въ свой потокъ все большее и большее число лицъ, и преимущественно изъ учащей и учащейся молодежи, я считаю нужнымъ остановиться на этомъ любопытномъ и въ своемъ родѣ знаменательномъ „расколѣ въ нашей интеллигенціи“ еще разъ и при томъ болѣе подробно. Постараюсь подвести нѣкоторые итоги всему сказанному по предмету экономического матеріализма и обрисовать его общественное значеніе, причемъ заранѣе предупреждаю, что тема настоящей моей статьи уже предвосхищена профессоромъ С.-Петербургскаго университета, Н. И. Карѣвымъ, который въ интересной книжкѣ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (гл. XI—XV) въ значительной степени выполнилъ то, что мнѣ хотѣлось сдѣлать въ настоящемъ очеркѣ. Не смотря на такое случайное и, можетъ быть, прискорбное для меня обстоятельство, я не впадаю въ уныніе и думаю, что работа почтеннаго профессора оставляетъ въ вопросѣ мѣсто и настоящему моему очерку.

Дѣло все въ томъ, что въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ“ г. Карѣва вопросъ поставленъ и разработанъ чисто-академически: экономическій матеріализмъ и связанная съ нимъ полемика взяты, какъ исключительно философское движеніе современной русской мысли, причемъ практическое его значеніе и отношеніе къ нашей отечественной дѣйствительности не приняты въ расчетъ и, такъ сказать, отсѣчены отъ работы. „Въ качествѣ именно... историко-философской, абстрактной теоріи мы и рассматриваемъ экономическій матеріализмъ,—говоритъ профессоръ,—совершенно не ка-

саясь ни тѣхъ конкретныхъ явленій, ни тѣхъ практическихъ совѣтовъ, по поводу которыхъ въ нашей періодической печати главнымъ образомъ и происходила полемика.“ Такая постановка вопроса рѣшительно развязываетъ миѣ руки и позволяетъ именно выяснить то, что преднамѣренно опущено авторомъ „Этюдовъ“, т. е. рассмотреть значеніе экономическаго матеріализма примѣнительно къ русской жизни и отмѣтить, какъ отнеслись къ проповѣди нашихъ „марксистовъ“ лучшіе представители нашей прогрессивной печати. Я говорю исключительно о прогрессивной печати только потому, что такъ называемая „охранительная“ или консервативная печать (если не считать г. К. Головина) осталась пока въ сторонѣ отъ этого литературнаго движенія. Да ей, по правдѣ признаться, до поры до времени и не интересно вмѣшиваться въ этотъ расколъ среди прогрессистовъ — она скажетъ свое слово впоследствии и, какъ я это постараюсь показать дальше, вынетъ капитаны изъ печи уже готовыми. Но не будемъ забѣгать впередъ и постараемся выяснить себѣ, какъ и при какихъ условіяхъ возникъ на почвѣ русской жизни современный экономическій матеріализмъ.

I.

Доктрина экономическаго матеріализма была впервые выдвинута и формулирована лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и сущность ея, по словамъ г. Карѣва, сводится къ двумъ положеніямъ: „по первому, основа всей культурно-соціальной жизни есть не что иное, какъ экономическая структура общества, а по второму—весь историческій процессъ долженъ получить свое объясненіе изъ борьбы, происходящей между разными классами общества на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эти два положенія были впервые сформулированы Карломъ Марксомъ и приняты потомъ его послѣдователями“. Единомышленникъ и современникъ Маркса, разрабатывавшій объ руку съ нимъ доктрину экономическаго матеріализма, Энгельсъ, даетъ объясненіе генезису этого матеріализма. По его увѣренію ¹⁾, „экономическій матеріализмъ есть не что иное, какъ замѣна идеалистическаго содержанія историко-философской формулы Гегеля — содержаніемъ материалистическимъ, подобно тому, какъ и все ученіе Маркса представляется ему въ видѣ замѣны прежняго утопическаго социализма французовъ—социализмомъ научнымъ, основаннымъ на Гегелевой идеѣ развитія“. Въ первое время послѣ ея рѣшительной формулировки доктрина экономическаго матеріализма не пользовалась большой популярностью въ научной литературѣ Запада, и только впоследствии, въ наши дни, она нашла себѣ талантливыхъ и горячихъ борниковъ въ лицѣ Вейзенгруна, Лоріа и Лакомба, сдѣлавшихъ, однако же, значительныя измѣненія въ первоначальныхъ формулахъ доктрины²⁾. Оста-

¹⁾ „Старые и новые этюды“ Н. Карѣва, стр. 71.

²⁾ Ibid., стр. 119—162.

вляя въ сторонѣ названныхъ послѣдователей экономическаго матеріализма и обращаясь непосредственно къ основоположеніямъ творцовъ его—Марксу и Энгельсу, мы убѣждаемся, что, какъ свидѣтельствуется профессоръ Исаевъ¹⁾, „сущность этого ученія сводится къ тому, что экономическіе факты служатъ основаніемъ всѣхъ общественныхъ отношеній, что политическій строй даннаго общества, его гражданское и семейное право, его наука, искусство, религія, измѣняются подъ вліяніемъ перемѣнъ въ народномъ хозяйствѣ, а послѣднія являются результатами измѣненій въ пріемахъ производства. Эта связь до такой степени тѣсна, что знакомство съ хозяйственнымъ бытомъ народа позволяетъ безошибочно опредѣлить характеръ и другіе общественныхъ явленій у этого народа. Сюда присоединяется также утвержденіе, что всѣ народы проходятъ одни и тѣ же періоды экономическаго развитія, и что отсталое общество, изучая жизнь опередившихъ его странъ, можетъ видѣть въ ней, какъ въ зеркалѣ, свои грядущія судьбы“.

„Марксъ²⁾ и Энгельсъ, — говоритъ г. Исаевъ, — какъ строгіе мыслители, дѣлаютъ извѣстные ограниченія; и они ставятъ такіа ограниченія не потому, чтобы не могли или не хотѣли быть послѣдовательны, но потому, что ограниченія вызваны самимъ существомъ дѣла. Въ мелкой же литературѣ, которая приняла и разложила эти начала, мы встрѣчаемъ много заблужденій: предполагаютъ, что всѣ общественныя явленія могутъ быть объяснены фактами народнаго хозяйства, что экономическая жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, а потому и вся общественная жизнь складывается, развивается и видоизмѣняется подъ вліяніемъ себялюбія, что экономическіе факты развиваются механически, независимо отъ сознанія людей, что творчества не существуютъ, и что человѣкъ сдѣлаетъ всего лучше, если всецѣло подчинится этому процессу.“

Г. Михайловскій въ одномъ изъ своихъ очерковъ „Литература и жизнь“³⁾, съ котораго собственно и началась современная обостренная борьба нашей публицистики съ марксизмомъ, основываясь на сочиненіи Вильгельма Блоса „Исторія нѣмецкаго движенія 1848 и 1849 года“, излагаетъ крайности этой „мелкой“ литературы въ слѣдующихъ словахъ:

„Марксъ доказалъ, во-первыхъ, что ходъ исторіи ни отъ какихъ великихъ людей не зависитъ, а управляется собственными, имманентными законами, непреодолимыми какъ для малыхъ, такъ и для великихъ людей. Во-вторыхъ, что фундаментъ исторіи составляютъ формы производства матеріальныхъ цѣнностей и обмѣна ихъ; все остальное — религія, философія, наука, искусство, политическія, юридическія формы, нравы, обычаи—все это только постоянно измѣняющіеся результаты классовой борьбы и надстройка надъ экономическимъ фундаментомъ. Но,—продолжаетъ популярная марксистская литература,—Марксъ покончилъ не только со всѣми доселѣшними истолкователями прошедшаго, а и со всякими утопистами и идеалистами будущаго, мечтающими направить исторію по лично имъ нравящемуся пути. Законы исторіи, установленные теоріей экономическаго матеріализма, непреодолимые, неотвратимые, ясно указываютъ путь, по которому пойдетъ человѣчество, всецѣмъ независимо отъ того, нравится ли это кому нибудь или не нравится. Капиталисти-

¹⁾ „Настоящее и будущее русско-общественнаго хозяйства“, Сиб., 1896.

²⁾ Наиболее сжато и точно изложена теорія Маркса въ „Популярномъ очеркѣ г. Гросса“, Сиб., 1896 г., изд. Павленкова.

³⁾ „Русское Богатство“, 1894 г., № 1.

ческая форма производства разложила феодальный строй, но затѣмъ развиваетъ собственныя, заключающіяся въ ней противорѣчія и вызываетъ новую классовую борьбу. Капиталистическая форма производства нуждается въ арміи свободныхъ рабочихъ— свободныхъ и отъ феодальной зависимости, и отъ средствъ, и отъ орудій производства. Процессъ образованія этой арміи свободныхъ пролетаріевъ, выносящихъ на рынокъ свой трудъ, былъ страшно тяжелъ; чтобы такая масса рабочихъ могла вынести на рынокъ свой трудъ, она должна была быть предварительно такъ или иначе согнана съ земли и вообще экономически обобрана, что сопровождалось неисчислимыми бѣдствиями. Но теперь этотъ бѣдственный процессъ заканчивается въ Европѣ: армія пролетаріевъ готова, сплоченная, объединенная какъ готовностью къ классовой борьбѣ, такъ и самыми матеріальными условіями крупнаго производства. Производство это становится съ свою очередь все крупнѣе и крупнѣе, мелкіе капиталисты побиваются крупными, не выдерживая конкуренціи — и вотъ, въ концѣ концовъ, останутся лицомъ къ лицу немногіе капиталисты и рабочая масса, вслѣдъ затѣмъ уже прекратится всякая классовая борьба, и наступитъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.“

Понятно,—добавляетъ къ нарисованной картинѣ пропическое замѣчаніе г. Михайловскій:— „какой эффектъ можетъ произвести соблазнительная ясность, стройность, законченность этой философско-исторической теоріи, излагаемой вполне увѣреннымъ, не допускающимъ сомнѣній, тономъ въ головахъ нѣмецкихъ рабочихъ. А затѣмъ ростъ и политическая дисциплинированность социаль-демократической партіи въ Германіи придають въ свою очередь отраженный блескъ теоріи“.

Меня не интересуеетъ, насколько теорія экономического матеріализма оправдывается и примѣнима къ формамъ нѣмецкой и вообще западно-европейской жизни; обратимся къ тому, какъ эта доктрина отразилась на русской литературѣ и какихъ своихъ пионеровъ выставила она намъ въ разныя времена.

Во второмъ томѣ „Соціологическихъ этюдовъ“ (изд. 1896 г.), въ главѣ „Объ основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ“, г. Южаковъ даетъ слѣдующую любопытную историческую справку о нашихъ прогрессивныхъ теченіяхъ:

„Въ 1865 году появилась статья Щапова „Народная экономія и естествознаніе“,—говоритъ онъ.—Въ упомянутой статьѣ этотъ замѣчательный писатель высказывается о ступеняхъ, по которымъ шла публицистическая мысль того времени. По мнѣнію Щапова, эта мысль сначала сосредоточилась на земско-бытовыхъ, земско-политическихъ, историческихъ вопросахъ. Скоро, однако, она убѣдилась, что эти важные для народнаго счастья вопросы и суть вопросы и задачи производные. Основую ихъ служатъ экономическій бытъ, который диктуетъ состояніе политическое, религіозное, семейно-бытовое, нравственное. Экономическіе вопросы тогда заслонили собою всѣ остальные; политическая экономія стала оракуломъ общественнаго мнѣнія. Критическая мысль, однако, продолжала работать, различать идеи, анализировать факты. Она скоро пришла къ заключенію, что и экономическое развитіе, являясь причиною политическаго и нравственнаго прогресса, представляется, въ свою очередь, тоже производнымъ, покоясь въ послѣднемъ счетѣ на состояніи умовъ въ обществѣ, на количествѣ и качествѣ распространеннаго въ народѣ положительнаго знанія, т. е. естествознанія, которое одно достигло положительной стадіи, тогда какъ другія науки еще погружены въ метафизику... Какъ схема, долженствующая охватить все умственное движеніе того времени, она не можетъ быть принята, но она замѣчательно

вѣрно схватываетъ сущность того широкаго и бурнаго потока, котораго самымъ извѣстнымъ представителемъ былъ Д. И. Писаревъ, и къ которому принадлежали также Щаповъ и Шелгуновъ.“

Г. Михайловскій указываетъ также ¹⁾, въ какихъ сочиненіяхъ шестидесятихъ годовъ особенно ярко и настойчиво раздавалась проповѣдь экономического матеріализма; сочиненія эти „Политическая экономія для богатыхъ“ Благосвѣтлова („Русское Слово“, 1860 г.) и „Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ“ Ю. Жуковскаго („Современникъ“, 1864 г.). Къ этому же теченію отчасти примыкали и Чернышевскій, Добролюбовъ, М. Антоновичъ, Елисеевъ. И они,—говоритъ г. Южаковъ, въ своихъ „Этюдахъ“—„должны быть причислены къ этому теченію, не смотря на значительное разнообразіе ихъ идей и на многосторонность ихъ міровоззрѣнія, которое, исходя изъ доктрины преобладанія экономического элемента, тѣмъ не менѣе живо и горячо отзывалось и на всѣ остальные стороны общественной жизни. Слѣдуя современной терминологіи, ихъ можно было назвать экономическими матеріалистами, но, съ другой стороны, отъ нихъ могутъ вести свою генеалогію и „народники“. Очевидно, они если и были экономическіе матеріалисты, то не въ ходячемъ значеніи слова. Этотъ экономическій матеріализмъ преобладалъ въ литературѣ въ первую половину шестидесятихъ годовъ. Въ половинѣ десятилѣтія на него бурно ополчился „реализмъ“, корифеями котораго надо почитать Писарева, Щапова, Шелгунова, Зайцева, Благосвѣтлова.

„Рѣзкое философское противорѣчіе между двумя школами, одинаково характеристичными для шестидесятихъ годовъ, не мѣшало быть имъ солидарными,—утверждаетъ авторъ „Соціологическихъ этюдовъ“. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія были общи представителямъ обѣихъ доктринъ, которыя обѣ трудъ ставили обязанностью каждаго человѣка; справедливое вознагражденіе трудящагося и обезпеченіе его потребностей считали обязанностью общества; основою такого строя полагали соединеніе, а не разобщеніе труда и капитала (орудій производства), не отводя на долю однихъ только трудъ, другимъ предоставляя только капиталъ; а для осуществленія этихъ идеаловъ считали одинаково важнымъ перенесеніе прогрессивныхъ формъ, выработанныхъ Западною Европою, также, какъ сохраненіе и развитіе самобытныхъ учрежденій нашей народной жизни, неизвѣстныхъ современному Западу, полагая, что справедливость и добро надо брать всюду, гдѣ можно найти. Это общее міровоззрѣніе, одинаково свойственное экономической и реалистической школѣ, одинаково свойственно и школѣ соціологической, возникшей во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ. Это міровоззрѣніе и должно поэтому считать „идеями шестидесятихъ годовъ“.

Что же это за соціологическая школа, которая, по свидѣтельству г. Южакова, явилась на смѣну школѣ „матеріалистовъ“ и „реалистовъ“ и которая явилась конечнымъ и типичнымъ выразителемъ идей шестидесятихъ годовъ?

„У насъ есть и позитивисты, эволюціонисты, которые такъ себя и называютъ, и которыхъ поэтому никто не смѣшаетъ съ нашей „соціологической школою“ шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ,—дастъ отвѣтъ на поставленный вопросъ тотъ же

¹⁾ „Русское Богатство“, 1896 г., № 2.

авторъ „Соціологическихъ этюдовъ“.—Я предпочелъ бы ее называть школою „этико-соціологической“, такъ какъ ни позитивисты, ни эволюционисты, ни какіе иные соціологи не придаютъ такого значенія нравственному элементу въ общественномъ процессѣ, а нравственной доктринѣ—въ общественной наукѣ, какъ упомянутая соціологическая школа. Общественно-философское отличіе школы въ томъ, что она не признаетъ исключительнаго значенія въ общественной жизни ни за экономическимъ элементомъ, какъ экономическіе матеріалисты, ни за умственными, какъ „реалисты“ и позитивисты, ни за органическимъ, какъ эволюционисты и дарвинисты, ни за политическимъ, какъ Руссо и якобинцы, ни за нравственнымъ, какъ Левъ Толстой и моралисты всѣхъ временъ, ни за всѣми ими, даже вмѣстѣ взятыми, памятуя, что, кромѣ элементовъ (культурныхъ), общество комбинируется еще изъ единицъ человѣческихъ... Истина въ раскрытіи комбинаціи этихъ элементовъ и единицъ, въ открытіи законовъ, которые управляютъ этой комбинаціей, и того значенія, которое для этой комбинаціи имѣетъ дѣятельная воля, самочувствіе и самосознаніе комбинируемыхъ единицъ (индивидуальностей).“

Во главѣ этой „соціологической“, или „этико-соціологической школы“ (зовите, какъ угодно), стоятъ въ настоящее время гг. Михайловскій, Лесевичъ, Карѣевъ, Южаковъ, которые и сосредоточились главнымъ образомъ въ журналѣ „Русское Богатство“. Отъ этой группы отклонились или правильнѣе обособились въ послѣднее время чистые „народники“ съ В. Воронцовымъ (псевдонимъ—„В. В.“) и С. Кривенко во главѣ, соединившіеся въ тѣсно сплоченную группу редакціи „Новаго Слова“. Остановлюсь на опредѣленіи, что такое представляютъ изъ себя наши народники, и чѣмъ обосновывается ихъ ученіе.

II.

Въ сочиненіи „Наши направленія“ (Спб., 1893 г.) одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей народничества г. В. В. (В. П. Воронцовъ) даетъ слѣдующую характеристику своего направленія.

„Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества,—говоритъ онъ¹⁾; въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участію въ общественной жизни на ряду съ такъ называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, власть наша нужнымъ раздѣлитъ завѣдываніе извѣстною частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность большаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣнія на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Это произошло не случайно, а было естественнымъ результатомъ какъ требованій жизни, такъ и развивающагося въ обществѣ сознанія, что правильное теченіе общественной жизни требуетъ систематическаго участія въ ней не одного класса, а всѣхъ слоевъ населенія. Принимая это положеніе за основное, неизбѣжно прійти къ заключенію, что задачей текущаго момента должно быть доставленіе народу такого развитія, которое дѣлало бы его участіе въ общественной жизни болѣе широкимъ и плодотворнымъ. Итакъ, интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи,—таковы три положенія, характеризующія на-

¹⁾ Стр. 6—8.

родничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *ria desideria* требуетъ умственного подъема массы, который по этому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента. Изъ сказаннаго видно, что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является факторомъ общественной эволюціи и его интеллигенція — авангардомъ прогрессивнаго движенія, и потеряетъ свой *raison d'être* послѣ того, какъ культурныя классы раздѣлятъ свою миссію съ остальной частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которые будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участию въ прогрессивномъ развитіи страны. До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій.“

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ онъ еще яснѣе обнаруживаетъ практическія задачи народничества.

„Западническое направленіе (подъ этимъ словомъ авторъ разумѣетъ преимущественно направленіе государственныхъ преобразованій) беретъ въ Европѣ конкретныя общественныя формы, то-есть именно то, что всего болѣе носитъ мѣстный, національный характеръ, отражаетъ всѣ вліянія времени и потому всего менѣе пригоденъ для перенесенія съ одной почвы на другую. Что же касается основной идеи прогресса, заключающейся въ признаніи положенія, что правильное развитіе общества требуетъ, чтобы формы національнаго быта выработывались и осуществлялись самостоятельно и органически вслѣдъ за обществомъ, для достиженія каковой цѣли необходимо привлеченіе массы населенія къ пользованію просвѣтительными средствами страны,— эта идея, будучи признаваема принципиально, на практикѣ оставляется западниками (въ нашемъ смыслѣ слова) въ тѣни; ея осуществленіе въ размѣрѣ, требуемомъ принципомъ, откидывается на неопредѣленное будущее; въ настоящемъ же удерживается древне-русскій методъ достиженія желательныхъ результатовъ махинаціями, не выходящими за предѣлы культурнаго слоя. Гдѣ же послѣднее условіе нарушается — тамъ выдвигается программа, заимствованная съ Запада же, выработанная тѣмъ же буржуазнымъ строемъ и его теоретиками, и не переработанная въ интересахъ образовавшагося и организовавшагося фабричнаго пролетаріата. Другое направленіе нашей мысли, напротивъ того, оказывается настолько широкимъ, что не укладывается въ формы, выработанныя Западомъ для себя и лишь на ограниченный періодъ времени, послѣ котораго онѣ подлежатъ упраздненію, а считается необходимымъ образованіе самостоятельныхъ образцовъ, отвѣчающихъ условіямъ русской жизни и лучше удовлетворяющихъ требованіямъ идеи правды и справедливости, заявленнымъ западной же образованностью. Но если широта воззрѣній, выразившаяся въ этомъ требованіи, можетъ еще подлежать сомнѣнію, такъ какъ самыя формы, противопологаемыя Западомъ, еще не выработаны жизнью, и потому неизвѣстно, насколько онѣ удовлетворятъ гуманитарнымъ цѣлямъ, то нельзя сказать того же о другомъ положеніи разсматриваемаго направленія, заключающемся въ требованіи немедленнаго распространенія вліянія просвѣтительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы. Нельзя не признать, что этимъ явленіемъ оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ движенію, проявившемуся въ Европѣ въ послѣднія сто лѣтъ; что оно становится участникомъ въ теченіи, первымъ шагомъ освобожденія массы считающемся ея приобщеніе къ просвѣтительному вліянію знанія; что оно усвоило духъ

¹⁾ Стр. 108—110.

западной цивилизаціи, а не внѣшнія формы, а только въ этомъ духѣ и заключается несомнѣнно вѣчный и общечеловѣческой элементъ. Все остальное условно и скоропроходящее.“

Къ этой условности и скоропроходимости г. В. В.,—какъ это можетъ казаться изъ всего, что онъ говоритъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ той же книги „Наши направленія“, а также въ другихъ экономическихъ работахъ,—относится и политическія формулы жизни, откуда уже логически вытекаетъ то его положеніе, что Россіи ничто не мѣшаетъ легко осуществить въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи начала равенства и братства. Я нарочно употребляю здѣсь слова: „какъ это можетъ показаться“, такъ какъ утверждать, что онъ рѣшительно игнорируетъ политическія формулы нѣтъ достаточнаго резона, но во всякомъ случаѣ, онъ склоненъ къ значительнымъ уступкамъ современному государственному строю. Его единомышленникъ г. С. К. (С. Кривенко?) во внутреннемъ обзорѣи „Новаго Слова“¹⁾ менѣе уступчивъ и ясно говоритъ: „Вотъ статьи противъ народниковъ, напоминающія прежнія статьи западниковъ противъ славянофиловъ и не желающія знать, что народничеству не меньше ихъ авторовъ близки всѣ положительныя стороны и идеалы европейской жизни“.

Не смотря на дѣлаемые „народниками“ уступки въ сторону примиренія съ „этико-соціологами“, послѣдніе, однако, не считаютъ возможнымъ слитія обѣихъ фракцій въ одну группу и настаиваютъ на необходимости разъединенія. Вотъ что говоритъ по этому предмету г. Южаковъ²⁾.

„Современное народничество въ значительной степени соотвѣтственно современному экономическому матеріализму, хотя, повидимому, и состоитъ съ нимъ въ самомъ крайнемъ противорѣчій. Начать съ того, что и народники, и матеріалисты придаютъ исключительное значеніе экономикѣ національной жизни. Далѣе, и тѣ и другіе впадаютъ въ исключительность, одни рекомендуютъ исключительно самобытность, другіе заимствованіе. Для однихъ традиціонные устои такъ же палладіумъ, какъ для другихъ капитализмъ. Тѣ и другіе страдаютъ своего рода историческимъ дальтонизмомъ, не видя или не желая видѣть цѣлыхъ сторонъ исторической дѣйствительности. Одни, укрываясь за малыми дѣлами и маленькими вопросами отъ крупныхъ явленій и міровыхъ проблемъ, не допускаютъ возможности капиталистическаго процесса у насъ. Другіе, ослѣпленные яркимъ маревомъ западно-европейскаго быта, упорно закрываютъ глаза передъ невозможностью такого же процвѣтанія капитализма у насъ. Тѣ и другіе ищутъ выхода въ одностороннемъ исключительномъ рѣшеніи: погибай все, лишь бы спасти экономическіе устои самостоятельнаго народнаго хозяйства, восклицаютъ одни, не понимая, что со всѣмъ другимъ непремѣнно погибнуть и эти устои; пусть разоряется народъ, но да торжествуетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ высшая культура, возглашаютъ другіе, не понимая, что разорить народъ капитализмомъ возможно и у насъ, а насадить высшую культуру такую цѣною, пожалуй, и не удастся. Оба теченія, полагая, что провозглашаютъ новое слово, въ сущности возвращаются къ односторонней исключительности западниковъ и славянофиловъ въ ихъ крайнемъ выраженіи. Оба теченія являются рожденіемъ одного и того же факта, малодушнаго сомнѣнія и смущенія. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія и нравствен-

¹⁾ 1895 г., № 1 (октябрь).

²⁾ „Соціологическіе этюды“ стр. 36—37.

ныя обязанности личности передъ обществомъ и общества передъ личностью не должны отодвигаться на задній планъ ради тѣхъ или иныхъ экономическихъ задачъ; въ области же экономического соединенія, а не разобщенія факторовъ производства, и пользованіе для этой цѣли и богатымъ опытомъ Западной Европы, и готовыми условіями экономического быта, эта формула такъ не сложна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далека и отъ матеріалистовъ, и отъ народниковъ.“

Г. Михайловскій, подобно г. Южакову, тоже рѣзко подчеркиваетъ важное различіе этико-соціологической школы отъ народничества и считаетъ вполне естественнымъ и законнымъ совершившееся къ концу 1893 г. размежеваніе двухъ направленій.

Прежде чѣмъ перейти къ любопытному теченію марксизма—главной задачѣ настоящаго очерка, я не счелъ бы своей задачи исчерпаною, если бы хоть бѣгло не упомянулъ о наличности въ нашей литературѣ другихъ общественныхъ прогрессивныхъ группъ. На первомъ планѣ, конечно, должна быть поставлена здѣсь группа чистыхъ западниковъ съ „Вѣстникомъ Европы“ во главѣ. Главное и существенное этой группы, старшей по времени и наиболѣе гармоничной по стройности и разработанности ея міросозерцанія, покоится въ вопросахъ политическаго либерализма. Но я думаю, что программа этой группы достаточно знакома читающей публикѣ, т. ч. останавливаться на ней не стоить. Считаю необходимымъ при этомъ отмѣтить, что симпатіи нашихъ современныхъ западниковъ изъ этико-соціального лагеря въ вопросахъ политическаго либерализма сливаются отчасти съ задачами группы, представляемой „Вѣстникомъ Европы“.

Въ значительной степени къ этому же органу печати примыкаетъ по своимъ тенденціямъ другой московскій органъ, а именно „Русскія Вѣдомости“, полагающія наиболѣе существенный интересъ нашей современной дѣйствительности въ вопросахъ земскаго самоуправленія и развитіи областной жизни. Не будетъ большой натяжкой утвержденіе, что въ данномъ случаѣ почтенная московская газета получила преемственность разработываемыхъ ею повседневно вопросовъ отъ блаженной памяти „Земства“ редакціи В. Ю. Скалона.

Сюда же должно быть отнесено то движеніе среди молодежи С.-Петербургскаго университета второй половины восьмидесятыхъ годовъ, которая въ свое время наиболѣе интересовалась задачами мѣстнаго самоуправления, какъ формой администраціи, долженствующей „крѣпко завершить союзъ между государствомъ и обществомъ“. Движеніе это, въ которомъ и авторъ настоящаго очерка принималъ скромное и послынное участіе, не дало серьезныхъ результатовъ и не успѣло, насколько мнѣ это по крайней мѣрѣ извѣстно, выдвинуть какой нибудь многочисленной или крѣпко сплоченной группы. Тѣмъ не менѣе оно оставило по себѣ нѣкоторый слѣдъ въ литературѣ, который можно найти въ обширной, но не совсемъ удачной съ научной точки зрѣнія, работѣ молодого приватъ-доцента здѣшняго университета, М. И. Свѣшникова: „Основы и предѣлы самоуправления“ (Спб., 1892 г.), конечный выводъ которой заключается въ слѣдующихъ словахъ автора:

„... Основные начала мѣстнаго самоуправленія могутъ быть признаны такими къ которымъ неминуемо тяготѣютъ законодательства различныхъ государствъ Западной Европы, которыя стремятся водворить у себя дѣйствительное самоуправленіе. Мы можемъ его суммировать слѣдующимъ образомъ: 1) правильная постановка компетенціи самоуправленія предполагаетъ, что всѣ дѣла мѣстной администраціи, поддающіяся мѣстному ограниченію, должны составлять предметъ вѣдомства мѣстнаго самоуправленія на правахъ государственной власти (самостоятельность рѣшеній и исполнительная власть); 2) правильная организація самоуправленія предполагаетъ рядъ административныхъ союзовъ въ государствѣ, основанныхъ въ выборномъ началѣ при широкомъ допущеніи всѣхъ самостоятельныхъ элементовъ мѣстности къ участию въ мѣстномъ представительствѣ и въ свободной организаціи учреждений самоуправленія; 3) дѣйствительный контроль надъ самоуправленіемъ предполагаетъ необходимымъ признаніе контроля лишь надъ законностью, а не надъ цѣлесообразностью дѣйствій самоуправленія и въ организаціи цѣлой сѣти самостоятельныхъ учреждений, которыя должны разрѣшить вопросы о пререканіяхъ между самоуправленіемъ и лицами и учреждениями, за онымъ надзирающими.“

Такимъ образомъ, какъ читатели могутъ убѣдиться сами, задачи и выводы г. Свѣшниковъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ, добавлю отъ себя, и то движеніе среди молодежи второй половины прошлаго десятилѣтія, о которомъ я упомянулъ выше, и коего въ печати онъ является пока единственнымъ представителемъ) носятъ на себѣ несомнѣнно западнической характеръ и въ значительной степени примыкаютъ къ тому, что постоянно говорится во внутреннемъ отдѣлѣ „Вѣстника Европы“ и на страницахъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

Рядомъ съ этимъ умственнымъ теченіемъ нашей молодой интеллигенціи нельзя пропустить и народненія уже въ наши дни (около 1894 г.), такъ называемыхъ, „государственныхъ народниковъ“, которые отчасти примыкаютъ къ направленію г. Воронцова, а отчасти повторяютъ формулу неославянофиловъ, (главнымъ образомъ Ив. Аксакова) о необходимости союза правительственной власти съ народомъ. Нельзя сказать, чтобы доктрина „государственныхъ народниковъ“ была вполне ясна, и во всякомъ случаѣ она содержитъ въ себѣ не мало двусмысленностей. Опираясь на нее, трудно соблюсти равновѣсіе, и весьма легко по ея естественной покалостности дойти въ своихъ конечныхъ выводахъ до очень опредѣленной Катковской формулы государственной народности.

Г. Гофштетеръ, единственный знакомый мнѣ государственный народникъ, такъ резюмируетъ задачи этой новой группы въ брошюрѣ „Доктринеры капитализма“ (Спб., 1895 г.):

„Выясняющаяся съ каждымъ днемъ непримиримость внутреннихъ противорѣчій капиталистическаго строя, безвыходность положенія страны, выступающей въ процессъ капитализаціи въ тяжелую эпоху всеобщаго міроваго перепроизводства и заживо заражающейся этимъ трупнымъ ядомъ отживающаго свой вѣкъ, одряхлѣвшаго капитализма—все это силою роковой неизбежности приведетъ государство, которое хочетъ жить, къ защитѣ народныхъ формъ хозяйства и къ единственно возможной системѣ не стихійно-капиталистическаго, но гуманно-культурнаго обобществленія труда въ томъ направленіи, которое указано практическими попытками Штанге и новооскольскихъ земцевъ. По экономическимъ комбинаціямъ оно не можетъ быть инымъ, кромѣ народническаго. Въ такихъ великихъ актахъ, какъ освобожденіе кре-

стьянъ, надѣленіе ихъ землею и т. д., оно отчасти является народнымъ и даже народническимъ по духу, по историческимъ традиціямъ, по естественнымъ интересамъ власти, солидарнымъ съ интересами массы народной. Но для того, чтобы оно окончательно стало на эту дорогу и сдѣлалось народническимъ по принципу, нужно, чтобы и наше народничество поняло необходимость этого союза правительства въ его естественныхъ задачахъ народного благоустройства и благосостоянія и лучшихъ элементовъ народолюбивой интеллигенціи и сознательно и принципиально стало государственнымъ. Этотъ союзъ рѣшить всѣ тревожные вопросы будущаго.“

Изложенной формулой г. Гофштеттера я закончу обзоръ тѣхъ прогрессивныхъ элементовъ и литературныхъ группъ, которые вполне опредѣлились и сплотились въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія, и которымъ пришлось въ наши дни вступить въ борьбу не на животь, а на смерть съ свалившимся къ намъ неожиданно, точно съ неба, „экономическимъ матеріализмомъ“ или „марксизмомъ“. Я не считаю нужнымъ перечислять другія прогрессивныя, сомнительныя, всемѣщающія и, наконецъ, охранительныя общественныя группы, такъ какъ движеніе „марксизма“ или въ очень слабой степени ихъ задѣваетъ, или легко съ ними, послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ уступокъ, примиряется, или, наконецъ, рѣшительно имъ играетъ на руку и можетъ быть разсматриваемо, какъ вполне подходящее научное обоснованіе ихъ завѣтнымъ и конечнымъ вождѣніямъ. О послѣднемъ, впрочемъ, возможномъ и даже обязательномъ союзѣ я скажу въ концѣ, но пока мнѣ нечего останавливаться на анализѣ элементовъ той охранительной группы, которая въ конечномъ результатѣ приметъ въ свои радостныя объятія новоявленныхъ марксистовъ въ лицѣ гг. Струве, Бельтова, Туганъ-Барановскаго, Волгина, проф. Скворцова и присныхъ имъ.

III.

Читая все вышесказанное о группировкѣ литературно-общественныхъ партій или кружковъ, объ оживленіи вопросовъ социальныхъ и политико-экономическихъ, да не подумаетъ читатель, чтобы эта группировка и оживленіе происходили при какихъ нибудь особо-шумныхъ и громкихъ обстоятельствахъ. До 1891 года ничего такого не наблюдалось, и даже наоборотъ—предшествовавшее десятилѣтіе отличалось, въ смыслѣ разрѣшенія тѣхъ или иныхъ общественныхъ вопросовъ, удивительнымъ затишьемъ или даже мертвенностью. Въ силу чисто внутреннихъ обстоятельствъ жизни нашего отечества центръ вниманія сосредоточивался одно время на вопросахъ административныхъ и государственнаго управления вообще, а потомъ на вопросахъ этическихъ. Первое обстоятельство находилось въ непосредственной зависимости отъ бывшей тогда на очереди реформы мѣстнаго управления, а второе отъ—усиленно выдвинувшагося ученія графа Толстого съ его своеобразнымъ толкованіемъ евангельскихъ истинъ, съ ученіемъ о непротивленіи злу, о несовершенствѣ современнаго брачнаго союза. Обсужденіе вопросовъ государственнаго управления сосре-

доточилось главнымъ образомъ на страницахъ прессы западнической политической фракціи—„Вѣстника Европы“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а также усилившихся въ то десятилѣтіе органовъ консервативной партіи—„Московскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“ „Гражданина“ и „Русскаго Обозрѣнія“. Остальныя литературно-общественныя группы, за упраздненіемъ принадлежавшихъ имъ журналовъ („Отечественныя Записки“, „Дѣло“), принимали сравнительно малое участіе въ горячихъ дебатахъ и являлись случайными и далеко немногочисленными гостями въ тѣхъ немногихъ періодическихъ органахъ, которые гостепріимно открывали передъ ними свои двери, (преимущественно въ „Вѣстникъ Европы“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Сѣверномъ Вѣстникъ“, и „Русской Мысли“¹⁾). Послѣдовавшая за государственными вопросами разработка въ литературѣ этическихъ вопросовъ не мало содѣйствовала укрѣпленію консервативныхъ и религіозно-мистическихъ элементовъ, что въ конечномъ своемъ результатѣ и породило столь громко заявившія себя въ наши дни теченія метафизическія съ присущимъ имъ мистицизмомъ, символизмомъ, декадентствомъ, о чемъ я уже говорилъ въ предыдущей главѣ.

Такъ происходило дѣло до двухлѣтія 1891—1892 гг., когда по всей Россіи, вдоль и поперекъ, пронеслась грознымъ и опустошительнымъ вихремъ экономическая эпидемія голодовокъ. Это въ значительной степени стихійное бѣдствіе произвело ошеломляющее дѣйствіе на нашу интеллигенцію: оно захватило ее неподготовленную къ дружному отпору, опустившеюся и теоретически неосвѣдомленную, гдѣ кроется корень злыхъ отечественныхъ экономическихъ неурядицъ и какими радикальными (а не палліативными) мѣрами, въ интересахъ неповторенія бѣдствія съ его острыми послѣдствіями на будущее время слѣдуетъ обставить народное хозяйство. Въ борьбѣ съ надвинувшимся зломъ наша интеллигенція, правда, нашла въ себѣ достаточно альтруистическаго чувства: нѣкоторые ея представители, особенно изъ молодежи, явили примѣры высокаго духовнаго подъема и самопожертвованія, но все это были единичныя факты; общественная же дезорганизация обнаружила себя въ полной мѣрѣ и силѣ, умственный уровень интеллигенціи, необходимый, чтобъ точно уразумѣть совершающееся, оказывался слишкомъ недостаточнымъ. Вотъ въ эти-то дни общаго шатанія мысли, испуга и недоумѣнія и явилась впервые на выручку доктрина экономического матеріализма, какъ панацея противъ всѣхъ золъ и болѣзней.

„Ни для кого не тайна, и никто не оспариваетъ, что за послѣднее время уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился,—говорилъ г. Михайловскій въ своемъ текущемъ фельетонѣ „Русскаго Богатства“²⁾.—Понизился уровень

¹⁾ Последній журналъ не носилъ на себѣ характера строго-опредѣленнаго направленія, охотно давая у себя мѣсто прогрессистамъ разныхъ фракцій: и дарвинистамъ, и эволюционистамъ, и народникамъ, и социологамъ, и даже экономическимъ матеріалистамъ. За „Русской Мыслью“ передъ судомъ литературы остается та несомнѣнная заслуга, что въ тяжелое для печати десятилѣтіе она являлась главнѣйшимъ очагомъ для мнѣній различнаго свойства, но обязательно-прогрессивнаго направленія.

²⁾ „Русское Богатство“, 1894 г., № 1.

знаній, критической мысли, энергіи, воспримчивости, потускли идеалы, выступили разочарованія. Образовалась нѣкоторая пустота, въ которой иные превосходно устроились: кто, не мудрствуя лукаво, въ винтъ зашелъ, а кто метафизикой и мистицизмомъ занялся, кто чистымъ искусствомъ, кто чистой наукой, изыскивая для пикантной приправы что нибудь „новое“, но такъ какъ не всѣ и старое хорошо знали, а новое не всякому дано открыть, то и выходило разное несообразное; есть, однако, и такіе, которыхъ точить червь жизни, которые ищутъ дѣла, притомъ вполне достовѣрнаго, безошибочнаго. И вотъ, въ эту пустоту вторгается нѣмецкая марксистская литература: ясно, просто, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированою научностью. При томъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того ужъ все удумано, все разжевано и все въ ротъ положено, остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать, по какой бы ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ вполне безошибочнаго, не допускающаго разочарованій дѣла, того удостовѣряютъ, что теперь всякихъ утопіямъ уже навѣрное конецъ пришелъ; кого смущаютъ „бѣдность и несовершенство жизни“, тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самого, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непременно новое слово—вотъ оно, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сказано. Какъ ни соблазнительно все это, но въ иное время, при иныхъ условіяхъ, марксистская литература не производила бы у насъ такой смуты. Уже одно непосредственное чувство жалости къ гибнущимъ и страдающимъ, заглохши нынѣ въ нашей пустынѣ, сумѣло бы потребовать болѣе точнаго отчета отъ этой науки, угнѣщающей чуть не въ карманномъ словарѣ, никогда себя не повѣрившей и, однако, надменно распоряжающейся жизнью и смертью людей.“

Въ этой горячей тирадѣ почтеннаго соціолога-публициста, сказанной еще за полгода до появленія въ свѣтъ столь нашумѣвшей книги г. Струве „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ и за годъ до сочиненія Н. Бельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.“, прекрасно обрисованы внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ распутилась весна марксизма, а также отмѣчены тѣ несостоятельныя совершенства этого ученія, которое породило въ современной литературѣ столько путаницы и которое въ значительной мѣрѣ содѣйствовало дифференцированью нашихъ общественныхъ группъ по составнымъ элементамъ руководящихъ или философскихъ доктринъ.

Первымъ по времени застрѣльщикомъ изъ лагеря марксистовъ долженъ считаться профессоръ Скворцовъ, выпустившій въ 1893 году обширную работу „Экономическія причины голодовокъ въ Россіи“. Этотъ ученый первый въ текущіе дни, примѣнительно къ Россіи, сталъ въ восторженную позу передъ доктриною капитализма, какъ таковой, и высчиталъ даже, сколько народа должно быть обезземелено въ Россіи для собственнаго этого народа благополучія впоследствии. Выводы г. Скворцова встрѣтили сильный отпоръ со стороны г. В. В., который и посвятилъ разбору мнѣній и аргументовъ профессора немало мѣста въ „Теоретическихкихъ очеркахъ политической экономіи“. Слѣдующимъ марксистомъ выступилъ московскій профессоръ (нынѣ академикъ) И. И. Янжуль, который, вѣроятно, смутилъ своей книгой немало народа. Книга, о коей идетъ рѣчь: „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Шта-

тахъ Сѣверной Америки“, явилась результатомъ командировки нашего ученаго въ Америку, по случаю всемірной выставки въ Чикаго и хотя представляетъ собою отчетъ министерству объ изслѣдованныхъ имъ на мѣстѣ американскихъ синдикатахъ, но даетъ возможность судить о теоретическихъ выводахъ автора относительно промышленности вообще и задачъ русской промышленности въ частности. Главный выводъ г. Янжула тотъ (стр. 433), что:

„Дальнѣйшій ходъ сосредоточенія или монополизаціи промышленности не составляетъ акта человѣческаго произвола, а является лишь неизбежнымъ результатомъ всѣхъ условій современнаго экономическаго строя“, и въ заключительныхъ словахъ книги: „путемъ законодательныхъ мѣръ нѣсколько замедлить развитіе промышленныхъ синдикатовъ, конечно, возможно, но надѣяться этимъ способомъ остановить или уничтожить синдикаты совсѣмъ, то-есть всецѣло—въ такой же степени немислимо и даже наивно, какъ вѣрить, подобно средневѣковымъ алхимикамъ, въ возможность и дѣйствительность элексира юности, который де можетъ остановить на время и навсегда сохранить человѣку молодость!“

Этимъ словами почтенный академикъ предрекаетъ неминуемую гибель нашей мелкой кустарной промышленности и предсказываетъ цѣлой группѣ, и довольно многочисленной, кустарей самую печальную будущность обнищанія, а всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ въ настоящее время къ ихъ поддержанію, полное крушеніе. Но г. Янжулъ по задачамъ своей работы обратилъ вниманіе лишь на промышленный классъ, оставляя земледѣльцевъ въ сторонѣ. Имъ занялись уже спеціально гг. Струве, Бельтовъ и Волгинъ.

IV.

Не задолго до появленія труда г. Струве, г. Михайловскій получилъ анонимное письмо за подписью „марксисты“, гдѣ было сказано ¹⁾:

„Своей формулировкой вы вмѣстѣ съ г. В. В. приписываете намъ какую-то активную дѣятельность въ сторону разрушенія существующей экономической организаціи, между тѣмъ, какъ основной нашей точкой исхода, на которой мы строимъ свою практическую программу, является, напротивъ, убѣжденіе, что характеръ нашей экономической эволюціи, какъ до сихъ поръ не зависѣлъ, такъ не можетъ зависѣть и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ отъ той или другой дѣятельности интеллигенціи. Съ начала 70-хъ годовъ вы доказываете существованіе въ Россіи особыхъ условій, благодаря которымъ она можетъ миновать капиталистическую стадію развитія. Мы отрицаемъ наличность такихъ условій. Мы находимъ, что ходъ экономической эволюціи, какъ до сихъ поръ состоялъ въ разрушеніи экономической организаціи, унаслѣдованной отъ крѣпостного права, такъ и впредь будетъ отличаться такимъ же характеромъ. Этотъ взглядъ нашъ неразрывно связанъ съ убѣжденіемъ, что экономическая эволюція при настоящихъ условіяхъ можетъ совершиться только инстинктивнымъ путемъ, такъ, какъ она совершалась до сихъ поръ повсюду въ Западной Европѣ, и что сознательная дѣятельность интеллигенціи не можетъ измѣнить характеръ этой эволюціи.“

Вскорѣ послѣ обнародованія г. Михайловскимъ этого комментированнаго имъ письма вышла въ свѣтъ книга г. Струве „Критическіе

¹⁾ „Русское Богатство“ 1894 г., № 1.

очерки“, гдѣ безъ всякихъ недоговоровъ и сомнѣній изложена типичная программа марксизма, не оставляющая никакого сомнѣнія въ пониманіи истинныхъ вождельній экономистовъ новѣйшей формации и которая изложена имъ въ 19-ти положеніяхъ.

Положенія эти очень удачно сгруппированы г. Головинымъ ¹⁾ въ слѣдующемъ порядкѣ, позволяющемъ составить себѣ ясное понятіе о всей программѣ молодого марксиста: „Капитализмъ въ широкомъ смыслѣ — это переходъ отъ натурального хозяйства къ мѣновому, и появленіе его на свѣтъ неминуемо влечетъ за собою и капитализмъ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть крупное централизованное производство. Явленіе это, правда, совершается только въ обрабатывающей промышленности (тезисъ 5-й), но влияетъ оно и на земледѣліе, повышая его производительность (тезисъ 4-й), сокращая сельское населеніе, при соответственномъ ростѣ городского (тезисъ 6-й), и кореннымъ образомъ измѣняя экономическій и моральный обликъ земледѣльческаго производителя (тезисъ 7-й). Для Россіи въ этомъ процессѣ является первичнымъ факторомъ вовлеченіе ея сельскаго хозяйства въ сферу товарнаго обращенія (тезисъ 9-й). Кризисъ русскаго крестьянскаго хозяйства вызванъ прежде всего перенаселеніемъ (тезисъ 15-й). Бѣдность нашихъ крестьянъ не вызвана развитіемъ капитализма, а наоборотъ является наслѣдіемъ натурального хозяйства (тезисъ 16-й). И устранить эту бѣдность можно лишь созданіемъ внутренняго рынка, который будетъ опираться на прогрессирующее, земледѣльческое производство (тезисъ 17-й). Благодаря обширности Россіи, рынокъ этотъ можетъ неопредѣленно расти, что и создастъ у насъ особенно благопріятныя условія для развитія капитализма. Здравая экономическая политика должна заключаться въ содѣйствіи этому процессу (тезисъ 19-й). При томъ (тезисы 11-й и 12-й), благодаря разобщенію промышленнаго рабочаго населенія отъ земледѣльческаго и вызванному капитализмомъ массовому производству, создается благопріятная почва для будущей общественной организаціи труда“. Заключительный аккордъ работы г. Струве знакомъ уже: „Нѣтъ,—приглашаетъ онъ Россію,—признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“.

Черезъ какіе нибудь полгода послѣ выхода книги г. Струве явился новый трудъ того же направленія, принадлежащій Н. Бельтову и озаглавленный „Къ вопросу о развитіи монетическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и компаніи“. Положительная часть этой книги не внесла ничего новаго къ тому, что было уже сказано г. Струве. Г. Бельтовъ только болѣе рѣзко и, пожалуй, талантливѣе развиваетъ положеніе марксизма примѣнительно къ современному хозяйственному и социальному строю нашего отечества и провозглашаетъ, что царство капитализма, къ счастью, уже наступило. „Всякій процессъ,—говоритъ онъ,—безусловно обязателенъ тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Такъ,

¹⁾ „Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика“. Спб. 1896 года, стр. 84—86.

напримѣръ, горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка обязательно гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ капиталѣ (Маркса) рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, обязательнаго для тѣхъ странъ, гдѣ это развитіе имѣетъ мѣсто.“ А однажды, по мнѣнію автора, всѣ признаки капиталистическаго развитія въ Россіи на лицо, то она по непреложнымъ законамъ должна прійти къ обезземеленію крестьянства, къ созданію двухъ крупныхъ группъ капиталистовъ-предпринимателей и пролетаріевъ-рабочихъ. Изъ борьбы этихъ группъ создастся въ будущемъ необходимое примиреніе интересовъ, которое и приведетъ наше отечество къ желательному социальному переустройству.

Почти черезъ годъ послѣ появленія книги г. Бельтова, въ „Мірѣ Божьемъ“, ежемѣсячномъ „журналѣ для юношества и самообразования“ (1895 г., № 12), была напечатана статья молодого привать-доцента здѣшняго университета, М. Туганъ-Барановскаго, „Значеніе экономическаго фактора въ исторіи“¹⁾. Въ своей статьѣ г. Туганъ является слѣпымъ адептомъ экономическаго матеріализма и разбираетъ его, какъ стройную философскую доктрину, совершенно минуя тѣ практическіе результаты, которые должны изъ нея послѣдовать и для Западной Европы и для Россіи. Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ жрецомъ чистаго искусства, а потому насъ въ настоящей статьѣ авторъ можетъ интересовать лишь постольку, поскольку изъ его ученія можно вывести для русской жизни тотъ или иной результатъ.

Вотъ тѣ наиболѣе существенныя положенія, которыя я считаю нужнымъ извлечь изъ статьи г. Тугана. На стр. 113 онъ утверждаетъ: „соціальная среда опредѣляется, прежде всего, хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы — всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства“; на стр. 115: „Поддержаніе своего существованія во всѣ времена было главнымъ интересомъ человѣческой жизни. Въ этомъ заключалась основная задача всякаго политическаго и общественнаго союза. Нравы, обычаи, политическія учрежденія должны были приспособляться къ условіямъ хозяйства, такъ какъ если бы не соответствовали этимъ условіямъ, то хозяйство не могло бы идти, и человѣчество лишилось бы матеріальнаго базиса своего существованія“. Далѣе: „Большинство современныхъ обществъ распадается, по крайней мѣрѣ, на 5 классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ (рента), крупныхъ предпринимателей (прибыль), рабочихъ (заработная плата), ремесленниковъ, лавочниковъ, вообще мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ (смѣшанный доходъ, состоящій изъ прибыли и заработной платы) и крестьянъ (смѣшанный доходъ изъ ренты, прибыли и рабочей платы). Два послѣднихъ класса занимаютъ промежуточное положеніе между собственниками и рабочими. Экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обществен-

¹⁾ Статья эта есть вступительная лекція къ курсу, читаемому въ университетѣ молодымъ ученымъ.

ное, значеніе этихъ классовъ падаетъ по мѣрѣ развитія капитализма; среди нихъ происходитъ дифференціація—немногіе хозяева переходятъ въ классъ крупныхъ собственниковъ, а громадное большинство пополняетъ ряды пролетаріата, рабочихъ“. Заключительныя слова молодого ученаго слѣдующія: „До сихъ поръ попытки экономическаго объясненія исторіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣлались умѣло и съ нужнымъ знаніемъ историческихъ фактовъ, приводили къ блестящимъ результатамъ, открывали новыя и неожиданныя историческія перспективы, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, лучшее доказательство научной состоятельности разсматриваемой доктрины“.

Такимъ образомъ, если умѣлою рукою пополнить установленныя г. Туганомъ-Барановскимъ пустыя формулы содержаніемъ изъ русской исторической дѣйствительности, то мы неминуемо должны прійти къ тѣмъ же выводамъ относительно соціально-экономической будущности нашего отечества, къ каковымъ пришли уже, слѣдуя за гг. Скворцовымъ, Бельтовымъ, Струве.

Послѣдней, наконецъ, новинкой марксистской русской литературы является книга г. А. Волгина „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ“ съ эпиграфомъ: „suum cuique!“ . Положительнаго значенія въ смыслѣ болѣе обстоятельнаго обоснованія марксизма книга эта не имѣетъ, и ее слѣдуетъ отнести по сродству къ той части книги г. Бельтова, гдѣ имѣется въ наличности полемика съ гг. Михайловскимъ, Карѣвымъ и комп., то-есть она направлена къ тому, чтобы наговорить, какъ можно больше неприяностей г. Воронцову и при помощи ловкихъ передержекъ, удачныхъ логическихъ подножекъ и остроумныхъ парадоксовъ доказать, что г. Воронцовъ круглый невѣжда, и все труды его обрѣтаются въ „дѣтскомъ состояніи“. Характеризуя полемическіе приемы г. Бельтова, Н. Михайловскій справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что г. Бельтовъ „лжетъ, кувыркается, пляшетъ въ присядку, экскурсируетъ въ Гегелеву философію и всеми этими приемами—однимъ отводитъ глаза отъ существа дѣла, а другимъ внушаетъ недоумѣніе“. Замѣнивъ въ этой фразѣ слова „Гегелева философія“ словами „политическая экономія“ и „статистическіе сборники“, ее цѣлкомъ можно примѣнить и къ г. Волгину. Онъ пляшетъ подъ пару г. Бельтову, и подобное зрѣлищѣ производитъ воистину отвратительное впечатлѣніе.

Въ книгѣ г. Волгина не знаешь, чему удивляться—цѣли или средствамъ? Вѣдь каковы бы ни были недостатки во всей совокупности трудовъ г. Воронцова, нельзя же, однако, однимъ росчеркомъ пера упразднить все имъ накопленное научное богатство и свести всю его литературную дѣятельность къ нулю. Хотя что нибудь да должно же остаться! Но итъ, г. Волгинъ не признаетъ уступокъ и побѣдоносно восклицаетъ: „печальна та литературная эпоха, когда гг. Воронцовы считаются авторитетными изслѣдователями“.

Я представилъ въ возможной для краткаго очерка полнотѣ картину

¹⁾ „Русское Богатство“, 1896 г., № 2.

современнаго движенія нашей уже достаточно обширной марксистской литературы и указалъ на ея главныхъ представителей. Припоминая сказанное мною по этому же предмету въ очеркѣ „Молодежь и ея руководители“, мы ясно наблюдаемъ, что движеніе это направляется по тремъ путямъ. Первый имѣетъ своей конечной цѣлью дискредитировать въ глазахъ нашего общества оба прогрессивныхъ теченія современной научно-публицистической мысли—и „этико-соціологовъ“ и „народниковъ“, причемъ главнѣйшими орудіями борьбы съ вожаками этихъ группъ признается: подтасовка фактовъ, намѣренно неправильное освѣщеніе событій, насмѣшка и даже брань. По этому пути съ особеннымъ шумомъ шествуютъ гг. Бельтовъ, Струве и Волгинъ. Второй путь—чисто научнаго обоснованія ученія экономическаго матеріализма и марксизма, разсматриваемаго, такъ сказать, трансцендентно, внѣ пространства и времени. Здѣсь единственнымъ представителемъ является до сихъ поръ только г. Туганъ-Барановскій; и, наконецъ, третій, и наиболѣе содержательный, путь: пополненія принятыхъ на вѣру отъ западно-европейскихъ ученыхъ и публицистовъ формулъ экономическаго матеріализма русскою дѣйствительностью и утвержденія всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ пополненіемъ конечныхъ выводовъ. За исключеніемъ г. Тугана, по этому пути слѣдуютъ всѣ остальные перечисленные русскіе марксисты, при чемъ пальма первенства и руководства остается по общію выводовъ за г. Струве.

Дайте себѣ трудъ вспомнить о томъ, что говорили гг. Михайловскій и Южаковъ по поводу появленія на горизонтѣ русской жизни въ шестидесятыхъ годахъ экономическихъ матеріалистовъ, и вы несомнѣнно убѣдитесь, что современное движеніе марксизма есть повторительное движеніе того, что уже тридцать лѣтъ тому назадъ изжило свой вѣкъ, и при томъ движеніе *не съ прогрессивной* окраской, какъ это было прежде, но съ *ярко-регрессивной*. Идеалы справедливости, свободы и просвѣщенія были общи представителямъ и доктрины реалистической и матеріалистической, утверждаетъ съ фактами въ рукахъ г. Южаковъ. Наблюдаемъ ли мы наличность тѣхъ же идеаловъ у современныхъ марксистовъ? Увы, нѣтъ! Ученіе ихъ, заключая въ себѣ тѣ же логическія ошибки по существу, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ удивительнымъ эгоизмомъ, черствостью и даже злобою. Не имѣя подъ ногами твердаго научнаго базиса для излюбленной имъ доктрины матеріализма, они принимаютъ ее на вѣру, какъ идею, вышедшую уже готовою изъ головы западно-европейскихъ ученыхъ, и тщатся всѣми законными и незаконными средствами втиснуть въ нее бѣдную русскую жизнь, причемъ всякаго, мѣшающаго этой прокрустовой операціи, подвергаютъ брани и насмѣшкамъ ¹⁾.

¹⁾ Во публікаціи недоразумѣнія, долженъ оговориться. Относя современный русскій марксизмъ къ попятнымъ движеніямъ нашей жизни, я этимъ самымъ вовсе не желаю сказать, чтобы всѣ наши марксисты неизмѣнно имѣли въ виду регрессъ или реакцію. Нѣтъ, весьма вѣроятно, ими двигаютъ самыя лучшія цѣли просвѣтительнаго свойства. Но это-то и является своего рода трагическимъ въ ихъ дѣятельности, что начальная точка отправления или, правильное, начальное построеніе не совпадаетъ съ заключительной частью ученія. Результаты въ ихъ практическомъ примѣненіи къ жизни расходятся съ благими порывами.

Каковою же рисуется гг. Струве, Бельтову, Тугану будущность нашего отечества? Соціальная Россія должна въ будущемъ быть представлена всего лишь двумя классами — немногими крупными собственниками и громаднымъ пролетаріатомъ, образовавшимся изъ обезземеленнаго крестьянства, которые неминуемо вступятъ между собою въ борьбу, имѣющую въ свою очередь закончиться „обобществленіемъ“, то-есть слитіемъ интересовъ этихъ классовъ, послѣ чего уже наступитъ желанный соціальный „миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Но это „обобществленіе“ ни г. Струве, ни г. Бельтовымъ не рисуется пока, какъ нѣчто исторически-реальное, а скорѣе въ видѣ сказочнаго журавля въ небѣ, сокрытаго отъ нашихъ взоровъ плотною пеленою научнаго тумана. Въ утѣшеніе намъ до поимки этого волшебнаго журавля дается въ руки простая синичка, птичка-невеличка, въ видѣ класса крупныхъ собственниковъ и голоднаго пролетаріата, при чемъ о наличной громадной арміи войска и бюрократіи дипломатически умалчивается.

Куда дѣвать тѣхъ и другихъ? Очевидно, они будутъ всѣми силами бороться за существующій порядокъ вещей и естественно заключать самый тѣсный союзъ съ группой крупныхъ капиталистовъ и помощью штыковъ и канцелярскихъ перьевъ никогда не допустить наступленія эры „обобществленія“. Такимъ образомъ синичка гг. Бельтова и Струве вовсе ужь не такъ заманчива и скорѣе всего смахиваетъ на новое насажденіе у насъ крѣпостнаго права съ научно-философской только подкладкой. Господа крѣпостники, волею Божію еще не переведшіеся съ Русской земли, должны ликовать подвигамъ ученыхъ русскихъ марксистовъ и могутъ беззаботно напѣвать:

А народъ опять скуемъ!

Если бы князь Мещерскій или кто-нибудь изъ той же партіи, оплакивающей славное прошлое рабовладѣльчества, могъ явиться передъ товарищескимъ собраніемъ гг. Струве, Бельтова, Тугана-Барановскаго и Волгина, то онъ навѣрное обратился бы къ нимъ съ слѣдующими крылатыми словами:

— Друзья мои, привѣтствую васъ всѣмъ своимъ сердцемъ и душою! Вы являетесь на выручку мнѣ и моимъ единомышленникамъ въ такое трудное для насъ время, когда всѣ эти либералы, соціологи и народники вновь наполнили улицу своими неприличными криками о равенствѣ, братствѣ, свободѣ и прочей чепухѣ. Мы уже начали, было, терять всякую надежду, что наши аппетиты, продолжающіе расти въ даль и ширь, будутъ когда-нибудь удовлетворены. Мы долго прикрывались маскою преданности и благочестія и все твердили: „donnez nous encore quelque chose“; но маску съ насъ сорвали и намъ грубо заявили — „ненасытныя утробы, ступайте прочь!“ Теперь мы снова радуемся духомъ — вы даете нашимъ крѣпостнымъ вождѣмъ научное обоснованіе. Мы будемъ просить, дѣйствовать, сплочиваться во имя экономическаго матеріа-

лизма. Не все ли равно, какая дорога приведетъ къ Риму?—быль бы лишь желанный Римъ на лицо. Вы намъ его выстраиваете и даете малую синицу въ руки. Мерси.

— Но позвольте!—вѣроятно въ смущеніи забормочуть г.г. Струве, Туганъ и Бельтовъ.—У насъ есть про запасъ журавль въ небѣ, который долженъ скоро опуститься на землю.

— Хе-хе-хе... шутники!—заливаясь хохотомъ, скажетъ князь Мещерскій.—Да кто же подпуститъ близко мненческаго журавля. Мы его... того... ружейными выстрѣлами...

Что я не впадаю въ шаржъ, сопоставляя крѣпостничество съ синеицей экономическихъ матеріаллистовъ, лучше всего доказывается словами сенатора Н. П. Семенова, который, въ качествѣ члена бывшихъ редакціонныхъ комиссій, посидѣвши отозваться на нашу марксистскую литературу брошюрой „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“ (Спб., 1896 г.), гдѣ (стр. 17—18) съ негодованіемъ говоритъ:

„Гнетъ капитала не выносимъ для свободнаго духа человѣка. Въ сравненіи съ этимъ гнетомъ бывшая у насъ крѣпостная зависимость крестьянъ представляется легкой, и если правительство думало бы когда нибудь серьезно вести Россію по пути, въ концѣ котораго стоитъ обвиняніе народныхъ массъ, то стоило ли и поднимать столько хлопотъ для освобожденія крестьянъ, чтобы промѣнять путавшую ихъ веревку на желѣзныя цѣпи, надѣваемая на настоящія рабочія руки эгоизмомъ и бездушіемъ собирателей капитала? Для насъ долженъ быть поучителенъ опытъ развитія капитализма, со всѣми уже видимыми его послѣдствіями, въ государствахъ Западной Европы и за океаномъ. Онъ у всѣхъ передъ глазами. Во внѣшнихъ нашихъ сношеніяхъ съ чужими странами капитализмъ успѣлъ уже захватить въ свою паутину и наши государственныя финансовыя отправления, и если вообще желательно устранить господство капитализма надъ строемъ человѣческихъ обществъ, то мы едва ли нашли бы болѣе простой и естественный противовѣсъ ему, чѣмъ наше историческое общинное и неотчуждаемое крестьянское владѣніе или пользованіе государственными землями.“

Но не одинъ заслуженный дѣятель по освобожденію крестьянъ, Н. П. Семеновъ, сталъ на защиту обижаемаго марксистами русскаго народа. Во имя послѣдняго и его права на свободный хлѣбъ насущный, дарованный ему реформою 19 февраля, дружно двинулись противъ марксистовъ всѣ прогрессивные элементы нашего общества. Либералы чистой воды, государственные народники, просто народники, этико-соціологи, всѣ въ одинъ голосъ громко вопіють противъ эгоистическихъ и бездушныхъ рѣчей дряблыхъ чувствомъ и умомъ молодыхъ экономистовъ. Общій врагъ сплотилъ прогрессивные элементы русскаго общества и тѣ публичныя собранія, гдѣ передъ многочисленными аудиторіями гг. Яроцкій ¹⁾ и Оболенскій ²⁾ выступили въ личномъ собесѣдованіи съ марксистами, несомнѣнно, обнаружили несостоятельность ихъ догматовъ. Со стороны обоихъ названныхъ

¹⁾ См. его брошюру „Односторонняя теорія экономическаго развитія“, Спб., 1896 г.

²⁾ См. „Новое слово“, 1896 г., февраль: „Представляетъ ли англійскій капитализмъ нормальную стадію развитія“? Интересующихся взглядами на марксизмъ г. Оболенскаго отсылаемъ также къ прекрасной его статьѣ „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи“. „Русская Мысль“, 1895 г., № VIII—IX.

дѣателей печатнаго слова и науки открытій бой (въ „Историческомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ“ и „Вольно-экономическомъ Обществѣ“) съ представителями экономического матеріализма былъ дѣломъ не малой общественной заслуги, за который имъ слѣдуетъ принести горячую признательность. Здѣсь публичностью спора имъ былъ нанесенъ ударъ съ той стороны, которая дѣлаетъ ихъ дѣйствительно опасными, а именно они, что называется, съ ногами и руками, во весь ихъ ростъ, были показаны присутствовавшей публикѣ, что въ значительной степени лишило ихъ ученіе ореола таинственности, а отсюда и той заразительности, которой опасается г. Михайловскій.

Редакторъ „Русскаго Богатства“, какъ я уже имѣлъ случай говорить, потратилъ не мало силъ и времени на борьбу съ марксистами. Ему первому принадлежитъ честь открытаго и рѣшительнаго спора съ марксистами, и должно безпристрастно сознаться, что изъ-подъ его мѣткихъ полемическихъ ударовъ г.г. Струве, Бельтовъ, а въ особенности Туганъ-Барановскій вышли искалѣченными до неузнаваемости. Какъ извѣстно, марксисты особенно ополчаются именно на г. Михайловскаго и его социологическую школу, вслѣдствіе чего почтенному публицисту приходится даже ради собственнаго спасенія давать отпоръ пришлымъ врагамъ. Но, конечно, я далекъ отъ мысли утверждать, что г. Михайловскій во имя свое ратуетъ противъ марксистовъ, тысячу разъ нѣтъ! Онъ, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ прочихъ публицистовъ защищаетъ и интересы русскаго обездоленнаго народа и успѣхи культуры во имя любви, равенства и братства. Я уже достаточно пользовался статьями г. Михайловскаго, но, на прощаніи съ нимъ, не могу не привести еще одной выдержки изъ его блестящей полемической статьи, рѣшительно совлекшей въ преисподнюю молодого приватъ-доцента, г. Туганъ-Барановскаго. Вотъ эта полная иронія, негодованія и высокаго пафоса, тирада ¹⁾.

„И люди, дѣйствительно поработавшіе на поприщѣ мысли и внесшіе нѣчто новое въ ея сокровищницу... цѣнять не только это новое, но и тотъ страдный путь, которымъ преемственная человѣческая мысль доработалась до него. Другое дѣло господа, получившіе свою истину даромъ, на вѣру. Имъ, конечно, „открытіе новыхъ идей“ должно представляться легкимъ дѣломъ: они сами—живой примѣръ этой легкости, если не открытія, то усвоенія новыхъ идей. Представьте себѣ вѣками воздвигаемый храмъ человѣческой мысли и въ немъ гробницы почившихъ работниковъ храма. И вотъ эти господа,—

Для нихъ вѣдь камни эти вѣны!
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ...

„Какой ужъ тутъ стыдъ! По собственнымъ надобностямъ они рѣдко въ храмъ заглядываютъ, — зачѣмъ? они имѣютъ въ своемъ распоряженіи новое, окончательное; а тамъ, въ храмѣ, нѣтъ ничего, кромѣ памятниковъ заблужденія, въ которыхъ и разбираться не стоитъ: все заблужденія, и всѣ въ этомъ смыслѣ равны между

¹⁾ „Русское Богатство“, 1896 г., № 2.

собою. Но этого мало. Эти господа берутся быть нашими проводниками, путеводителями по храму: пойдете, дескать, мы вамъ покажемъ, что люди до насъ ввали; вотъ Милль, Контъ, Бокль,—мимо! не стойтъ! Вотъ Луи Бланъ,—этотъ вотъ что сболтнуть; вотъ цѣлый рядъ гробницъ въ даль уходить,—все одинъ чортъ, одного поля ягода; а теперь довольно: посмотрѣли и будетъ, теперь на насъ смотрите, какіе мы умные и новые, съ иглочки.“

Рука объ руку съ г. Михайловскимъ, въ томъ же „Русскомъ Богатствѣ“ и г. Южаковъ сдѣлалъ немало брешей въ доктринахъ г.г. Бельтова и Струве и очень рельефно изъ сопоставленія съ историческимъ прошлымъ шестидесятихъ годовъ подчеркнул всю регрессивность марксизма.

И народники въ лицѣ г.г. Кривенко и В. Воронцова, рѣзко ополчились противъ экономическаго матеріализма во имя исконныхъ формъ русскаго общежитія—общины и артели. Редакція журнала „Новаго Слова“ заявляетъ, что наши доморощенные экономисты новѣйшей формации напрасно защищаются теоріей Маркса, такъ какъ послѣдній своимъ учениемъ, въ его чистомъ, а не искаженномъ послѣдователями видѣ, рѣшительно не даетъ основанія къ тѣмъ выводамъ, которые совершенно произвольно дѣлаютъ изъ него его непрощенные русскіе ученики, почему „Новое Слово“ и спрашиваетъ:

„Можно ли считать марксистами, т. е. послѣдователями его ученія, лицъ, начинающихъ проповѣдь своего ученія въ Россіи съ нанесенія учителю „безчестія“ (подлинное выраженіе Маркса) обреченіемъ его очерка происхожденія капитализма въ Западной Европѣ „въ историко-философскую теорію общаго развитія“ (его же подлинныя слова) и нападеніемъ на тѣхъ русскихъ писателей, которые полагаютъ, что эта проповѣдь фактически должна выразаться изученіемъ экономической эволюціи Россіи? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, считать, что эти лица компрометируютъ философію Маркса, и не правильно ли будетъ поэтому угодить ихъ тѣмъ марксизмомъ (выраженіе Герцена), которые старались пріютиться подъ тѣнь имени Маркса при жизни послѣдняго и своимъ поведеніемъ немало его компрометировали?“

Подобно публицистамъ, и профессора здѣшняго университета въ лицѣ г.г. Исаева, Карѣева и Яроцкаго потратили не мало силъ, чтобы разобратъся во всей научной путаницѣ, созданной нашими марксистами. Г. Карѣевъ посвящаетъ имъ цѣлую книгу „Старые и новые этюды“, гдѣ подвергаетъ всестороннему анализу доктрину экономическаго матеріализма и вполнѣ основательно разъясняетъ, что доктрина эта еще никѣмъ и никогда не была научно обоснована. Профессоръ приходитъ къ тому выводу, что основная идея экономическаго матеріализма была высказана полвѣка тому назадъ совершенно догматически и, собственно говоря, остается до сихъ поръ совершенно необоснованною, такъ какъ вся новѣйшая литература экономическаго матеріализма представляетъ изъ себя лишь рядъ развитій и примѣненій основнаго принципа, который, однако, никогда не былъ предметомъ дѣйствительно научной аргументаціи. Далѣе г. Карѣевъ утверждаетъ, „что сторонники экономическаго матеріализма напрасно основываютъ свою оцѣнку современнаго положенія Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои практическіе совѣты—на доктринѣ экономическаго матеріализма, и... это не потому только, что послѣдняя не сама доказана, но и по-

тому, что будь она даже доказана, она по существу дѣла не могла бы служить основой для сужденія о такой сложной совокупности конкретных явленій, какую представляетъ окружающая насъ дѣйствительность“. Подобно прочимъ оппонентамъ марксизма, г. Михайловскому, Яроцкому, Н—ону, и Карѣевъ непреложно доказываетъ, что любимое указаніе и ссылка марксистовъ и вообще экономическихъ матеріалистовъ на непреложность всѣхъ всеобщихъ экономическихъ законовъ есть простая фикція, плодъ фантазіи, чѣмъ еще болѣе (говорю это отъ себя) усугубляется ихъ вина передъ Россіей, когда они съ завѣдомо дурною цѣлью влекутъ ее на гибельный путь обезземеленія и торжества капитализма. „Спеціально для теоріи историческаго процесса экономической матеріализмъ поставилъ вопросъ о значеніи экономическаго фактора въ соціальной эволюціи,—говоритъ г. Карѣевъ,—но, къ сожалѣнію, экономической матеріализмъ выступилъ на совершенно ложный путь въ рѣшеніи этого вопроса. Въ первомъ—его заслуга, въ послѣднемъ—самая слабая его сторона, ибо это—путь догматизма, а не путь критики.“

Другой профессоръ Петербургскаго университета, А. А. Исаевъ, въ книгѣ „Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства“, о коей было уже упомянуто въ началѣ статьи, тоже рѣзко высказывается противъ современныхъ марксистовъ и, въ противность имъ, горячо отстаиваетъ законъ творчества въ экономической жизни.

„Разъ мы признаемъ экономическое творчество, мы считаемъ возможнымъ его и въ Россіи,—утверждаетъ г. Исаевъ.—Но мы безоговорочно осуждаемъ всякія попытки отыскать въ жизни нашей родины устои, на которыхъ можетъ быть основано нѣчто не только болѣе совершенное, но и принципиально отличное отъ того, что даетъ Западная Европа¹⁾. И въ нашей странѣ высшее экономическое творчество можетъ сказаться въ двухъ формахъ: 1) въ формѣ сохраненія и улучшенія тѣхъ выгодныхъ для массы людей условій жизни, которыми располагаетъ Россія, и 2) въ формѣ перенесенія съ Запада организацій, которыя, различаясь изъ страны въ страну частностями, представляются однородными въ своихъ существенныхъ особенностяхъ, однородными потому, что отвѣчаютъ на потребности людей, обнаруживающіяся во всѣхъ странахъ, какъ бы не были несходны онѣ по условіямъ внѣшней природы и складу народнаго хозяйства. Русская жизнь знаетъ только одинъ крупный экономическій фактъ, отличающій ее отъ европейско-американскаго міра—общинное землевладѣніе. Этотъ фактъ можетъ быть отмѣченъ, какъ особенность русской жизни потому, что онъ уживается въ нашемъ отечествѣ съ болѣе развитою промышленностью и болѣею сложностью народнаго хозяйства, нежели на Западѣ, гдѣ община разложилась уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда экономическій бытъ былъ очень простъ, и денежное хозяйство еще не вытѣснило натурального. Ни въ нашихъ артеляхъ, ни въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ я не вижу ничего, что было-бы своеобразно и отличало бы нашъ бытъ отъ жизни Запада.“

Г. Исаевъ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, съ своей книгой является первымъ противникомъ современныхъ марксистовъ, который, строя свою доктрину благоденствія Россіи на принципахъ альтруизма, противопоставляетъ ихъ ученію—о необходимости слѣднаго подражанія

¹⁾ Г. Исаевъ противникъ нашего народничества въ томъ его видѣ, какимъ его обосновываетъ В. Воронцовъ.

Западу—свою широко-разработанную программу естественнаго экономического и политическаго роста русскаго народа.

„Дабы альтруистическое чувство могло направиться туда, гдѣ гнетъ особенно великъ, нужно, чтобы люди, способные къ самоотверженію, не были скованы по рукамъ и ногамъ, — говоритъ авторъ книги „Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства“¹⁾, — чтобы они могли свободно передвигаться по всей странѣ, свободно выбирать ту общественную группу, которой хотятъ посвятить свои знанія и подарить всю энергію труда, на которую они способны. Дабы ихъ усилія оставляли замѣтные слѣды и творили жизнь, они должны имѣть возможность свободно дѣйствовать, или по одиночкѣ, или большими группами, какъ того требуетъ время и мѣсто; они должны не говорить шепотомъ, а смѣло подавать свой голосъ въ увѣренности, что вмѣстѣ съ другими голосами онъ будетъ не только услышанъ, но и будетъ имѣть вліяніе на рѣшеніе каждаго вопроса внутренней политики. Ребяческая мечта—думать, что возможна истинная и плодотворная работа въ общественной жизни безъ широкой гражданской свободы. И безъ нея могутъ быть даны народной жизни многочисленныя мѣропріятія съ самыми заманчивыми названіями, но они будутъ только неудачной копіей со своихъ образцовъ. Вотъ почему странно слышать со стороны г. В. В. замѣчаніе, что если въ Россіи не суждено развиться свободѣ, то могутъ развиться равенство и братство! Я не вѣрю этому: гдѣ равно свободны всѣ, тамъ послѣдовательный ростъ культуры приводитъ къ господству равенства и братства; гдѣ свободы немногіе, а большинство не имѣетъ этого блага, тамъ равенство и братство всегда останутся пустыми звуками. Итакъ, наши заботы объ усовершенствованіи экономической жизни, о созданіи въ ней того, что не сразу, но несомнѣнно ведетъ къ болѣе высокому общественному строю, будутъ тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ болѣе будетъ развиваться въ нашемъ отечествѣ свобода, и чѣмъ болѣе будутъ расширяться политическія права населенія.“

Эта положительная программа почтеннаго профессора какъ нельзя лучше восполняетъ тотъ пробѣлъ, который ощущался въ нашей прогрессивной литературѣ, въ ея полемикѣ съ марксизмомъ и отдѣльныхъ группъ между собою. Г. Исаевъ, принадлежа всецѣло западнической фракціи, не замѣстуетъ готовыхъ европейскихъ подражательныхъ шаблоновъ политико-экономическому существованію своей родинѣ, но, черпая изъ всего наилучшее, стремится приспособить его къ кореннымъ устоямъ русской жизни, къ каковымъ онъ относитъ сохранившуюся у насъ отъ разрушенія сельскую общину. Такимъ образомъ его программа вноситъ нѣкоторое примиреніе въ разномыслящія наши прогрессивныя группы по вопросу о будущности, желательной для Россіи, давая сильное удовлетвореніе тенденціямъ каждой изъ этихъ группъ—и чистыхъ западниковъ либераловъ, и западниковъ этико-соціологовъ, и славянофильствующихъ народниковъ.

1896 г.

¹⁾ Стр. 189—190.

Литературная молодежь.

...Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ...

Н. Некрасовъ.

I.

ВЪ ОЧЕРКЪ „Молодежь и ея руководители“ я отмѣтилъ стремленіе современной молодежи порвать связь съ предшествовавшими теченіями русской жизни такъ называемаго „освободительнаго“ періода, начавшагося съ 50-хъ годовъ. „Какіе-то романтическіе порывы охватили наше современное молодое поколѣніе,—говорилъ я въ указанномъ очеркѣ;—попирая ногами почву опытнаго знанія, оно въ гордомъ ослѣпленіи отталкиваетъ руку содѣйствія своихъ руководителей, которымъ еще не такъ давно поклонялось, и, будучи не въ состояніи сдержать порывовъ души, требующей дѣятельности и жизни, ищетъ себѣ забвенія въ созданіи таинственныхъ, невѣдомыхъ міровъ.“

Въ статьѣ „Болѣзнь или реклама?“ мною было указано, какія уродливыя формы принимаетъ подчасъ литературная дѣятельность этой молодежи, когда она, не будучи въ силахъ создать что нибудь новое, идущее на благо человѣчеству, пытается замѣнить старые идеалы пустопорожними фразами о „новой красотѣ“, о „невѣдомомъ богѣ“, о „критической философій“, о „символизмѣ“ и т. п. Наконецъ, въ предыдущей главѣ „Регрессивныя теченія русской жизни“ я, на основаніи обширной современной литературы и полемики по поводу экономическаго матеріализма вообще и марксизма въ частности, обрисовалъ конечные выводы и результаты, къ которымъ пришли нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ (гг. Струве, Туганъ-Барановскій и др.) въ своихъ разсужденіяхъ относительно желательной будущности нашего отечества.

Вся совокупность того, что современная литературная молодежь, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, своихъ многочисленныхъ представителей, проповѣдуетъ и чему она симпатизируетъ, явно показываетъ, что она находится въ рѣзкой оппозиціи къ идеаламъ отцовъ, людей преимущественно

эпохи шестидесятых годовъ, и пытается черезъ голову послѣднихъ протянуть руку сочувствія людямъ сороковыхъ годовъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, какъ представителямъ эстетическихъ тенденцій въ литературѣ и метафизики въ философiи. Такой поворотъ въ настроенiи молодыхъ умовъ имѣеть свое основанiе или оправданiе, зовите какъ угодно, въ многочисленныхъ социальныхъ явленiяхъ русской жизни послѣднихъ 15-ти лѣтъ, но, главнымъ образомъ, въ томъ влiянiи, которое оказала на эту молодежь наша средняя школа.

Погрузивъ молодежь въ созерцанiе внѣшнихъ формъ античнаго мiра, наполнивъ ея учебное время схоластическими мертвыми упражненiями, эта школа рѣшительно оторвала учащееся поколѣнiе отъ живыхъ сторонъ и преданiй русской жизни, отъ знакомства съ новѣйшей исторiей вообще и отечественной въ частности, отъ пониманiя и знанiя русской литературы и ея главныхъ представителей новаго времени. Съ аттестатами зрѣлости въ карманѣ, молодежь эта, однако, переступала пороги университетовъ въ значительной степени умственно и духовно атрофированною. Здѣсь ее ожидала уже новая жизнь съ недосугомъ пополнять пробѣлы, оставленные въ наслѣдство средней школой, съ требованiемъ специализацiи и знакомствомъ съ послѣднимъ словомъ науки. Наслоенiя высшей школы, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, не могли пересоздать убогаго подпочвеннаго слоя и органически не претворялись молодежью. Отсюда—паденiе талантовъ среди современныхъ представителей ученаго знанiя, стремленiе ихъ возможно скорѣе уйти въ укромные уголки разныхъ узкихъ специальностей, отрѣшиться отъ широкихъ обобщенiй и выводовъ, требующихъ наличности творчества, опредѣленнаго мiросозерцанiя и жизненныхъ прогрессивныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, молодежь очень искусно и искусственно нивелировалась въ умственномъ отношенiи и, такъ сказать, приводилась къ одному знаменателю, согласно требованiямъ оффиціальнаго времени. Если же среди ея и попадались элементы, не поддающiеся этой нивелировкѣ, то они сглаживались уже инымъ путемъ, о чемъ здѣсь не мѣсто говорить. Дѣйствовавшая общепедагогическая система первой половины 80-хъ годовъ, въ связи съ тогдашней реформой университетскаго устава и общими сумерками русской жизни, стала къ концу десятилѣтiя давать осязательные результаты.

Молодежь, вступая въ жизнь, въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, и занявъ разные общественныя положенiя, повемногу начала заявлять о себѣ, о своихъ симпатiяхъ и своихъ идеалахъ. И вотъ тутъ-то обнаружилась огромная разверзтая пропасть между отцами и дѣтьми. Въ то время, какъ отцы, несмотря на множество неблагоприятныхъ обстоятельствъ общественнаго характера, несмотря на многочисленные уроны и потери, въ большинствѣ случаевъ устояли, однако, въ своихъ привязанностяхъ и на избранной ими дорогѣ, указанной совокупными усилiями лучшихъ представителей всей передовой литературы и науки XIX и конца XVIII вѣка, въ это же время дѣти, разлученные силою рока отъ отцовъ и

былых передовых течений русской жизни, потеряли всякую историческую преемственность и явились на жизненном пути воистину „новыми людьми“, съ „новыми словами“ и новымъ символомъ вѣры, почерпнутымъ, главнымъ образомъ, изъ ограниченнаго и односторонняго книжнаго чтенія.

Молодость нетерпѣлива, молодость задорна: получивъ такъ или иначе возможность заявить о себѣ въ печати, она поспѣшила на первыхъ же порахъ бросить перчатку своимъ отцамъ и объявить имъ жестокую войну. Все сгѣдо послѣднихъ было заподозрѣно, объявлено непригоднымъ, изжившимъ свой вѣкъ и требующимъ замѣны новыми идеалами. Какихъ нибудь серьезныхъ и глубоко продуманныхъ основанийъ для такого сердитаго суда и осужденія не было въ наличности; были лишь тѣ индивидуальныя особенности молодежи восьмидесятыхъ годовъ, о коихъ, со словъ современниковъ, я говорилъ въ главѣ „Болѣзнь или реклама?“, былъ лишь нѣкоторый испугъ передъ острыми событіями и потрясеніями, которыя совершенно произвольно приписывались преимущественно литературнымъ теченіямъ 60-хъ годовъ. Рѣзкости и крайности этихъ теченій, по недостаточному знакомству съ ними изъ первоисточниковъ, были обобщены, поставлены въ вершину угла и объявлены, какъ единственный и логическій выводъ изъ всей ихъ сущности. На свѣтъ Божій явились легенды о литературѣ того времени, въ родѣ, на примѣръ, легенды объ ея заключительномъ выводѣ, что „сапоги выше Шекспира“, явились сказочныя преданія и произвольное, ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто между литературой сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ лежитъ огромное различіе. Центръ тяжести послѣдней усматривали въ нѣкоторыхъ крайнихъ публицистическихъ работахъ Писарева, Благосвѣтлова, М. Антоновича, Зайцева, центръ первой—въ лучшихъ прогрессивныхъ произведеніяхъ Д. Григоровича, Тургенева и др. художниковъ слова. Образовалась удивительная путаница мнѣній и симпатій, которая въ концѣ-концовъ, въ 80-хъ годахъ, при наличности невѣжества и страха общественнаго свойства, повела къ тому, что молодежь стала сторониться литературы шестидесятыхъ годовъ и ея представителей и бессознательно склоняться на сторону болѣе знакомой ей и доступной литературы сороковыхъ годовъ. Въ первой слышали лишь шумъ улицы, бряцаніе оружія, во второй—просвѣщенное и красивое мечтаніе о братствѣ, любви и красотѣ. Повторяю, это рѣзкое различіе литературныхъ періодовъ не было ничѣмъ солиднымъ обосновано, ничѣмъ не подкрѣплено; а изъ этого-то произвольнаго различія и родился рядъ недоразумѣній, ошибокъ, съ которыми и приходится имѣть дѣло въ наши дни.

Покойный М. Е. Салтыковъ въ „Письмахъ къ тетенькѣ“, являясь лѣтописцемъ сказанныхъ двухъ литературныхъ эпохъ, проводитъ между ними слѣдующую любопытную параллель. Разсматривая литературу сороковыхъ годовъ, онъ говоритъ:

„Эта полная отчужденность литературы отъ насущныхъ злобъ сообщала ей трогательно-благородный характеръ. Какъ будто она, какъ сказочная царевна, была

заклучена въ неприступномъ чертогѣ и тамъ дремала, окутанная сновидѣніями. Но въ основѣ этихъ сновидѣній все-таки лежало „человѣчное“, такъ что ежели литература не принимала дѣйтельнаго участія въ негодованіяхъ и протестахъ жизни, то не участвовала и въ ея торжествахъ. Вотъ почему и „замаранность“ была въ то время явленіемъ исключительнымъ, ибо гдѣ же и какъ могла „замараться“ царица, дремлющая въ волшебныхъ чертогахъ?.. Но все-таки повторяю: иногда даже подъ флагомъ благородства чувствъ литература упорствовала проводить нѣчто своеобразное, и тогда происходили коллизіи, вслѣдствіе которыхъ водворялось молчаніе, и царица вновь предавалась исключительно-эстетическимъ сновидѣніямъ.“

Но вотъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ стѣны чертоговъ пали подъ напоромъ улицы, и литература очнулась отъ своего заколдованнаго сна. „Улица заявила о своемъ рожденіи на нашихъ глазахъ, — продолжаетъ авторъ „Писемъ“. — Она создалась сама собой, вдругъ, безъ всякаго участія со стороны литературы. Последняя, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, была до того истощена, измучена и отуманена, что при появленіи улицы даже не выказала особенной способности къ уясненію своихъ отношеній къ ней. Можно было подумать, что плѣнь, въ которомъ она такъ долго томилась сдѣлался ей милъ. Онъ напомнилъ ей о талантѣ, знаніи и высотѣ ума, словомъ сказать, обо всемъ, что было затѣшено, забито, но чего самая тьма не могла окончательно заглушить.“ Литература отъ близкаго соприкосновенія съ улицей „замаралась“ и оказалась въ положеніи той прекрасной особы, о которой поэтъ сказалъ:

Она небесъ не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла.

Вотъ эта-то „пыль земли“ въ видѣ крайностей публицистической литературы и была принята за рубежъ между двумя эпохами, почему нѣкоторые поспѣшные люди, относя чистоту и непорочность одѣяній къ преимуществамъ и отличительнымъ свойствамъ 40-хъ годовъ, на долю слѣдующихъ двухъ десятилѣтій оставили лишь исключительно „пыль земли“ или „замаранность“, по словамъ сатирика. Тождество наряда было забыто, и на первый планъ выдвинуты лишь виѣшніе, случайные признаки. Эти признаки и послужили матеріаломъ для легендъ и преданій, и они-то, никѣмъ не провѣряемые, по незнакомству съ историческими первоисточниками, и послужили основаніемъ для раздора двухъ литературныхъ поколѣній: отцовъ—шестидесятниковъ и дѣтей—восьмидесятниковъ и девяностниковъ, которое мы наблюдаемъ въ наши дни.

II.

Явилась ли дѣйствительная необходимость пересмотра и провѣрки идеаловъ отцовъ, вошли ли эти идеалы въ плоть и кровь русскаго общества и народа, получили ли они, намѣченные въ туманныхъ образахъ 40-ми годами и болѣе реально обоснованные слѣдующей литературной эпохой, желательное осуществленіе? Врядъ ли кто можетъ дать положительный от-

вѣтъ на поставленные вопросы. Иное дѣло, — правильно ли поставлены вопросы, то-есть требуется ли въ русской жизни осуществленіе этихъ идеаловъ?

Есть достаточно многочисленная группа обскурантовъ, которая отрицаетъ необходимость этихъ идеаловъ и полагаетъ благополучіе нашего отечества въ самобытной тѣмѣ и невѣжествѣ, но эти господа въ настоящую минуту меня чрезвычайно мало интересуютъ, и я далекъ отъ мысли, чтобъ протестующая молодежь, о коей я веду свои бесѣды, имѣла что нибудь сознательно съ ними общее. Я увѣренъ, и моя увѣренность можетъ быть фактически подтверждена, что весь вопросъ сводится не къ оспариванію самихъ идеаловъ, почерпнутыхъ эпохою 1860-хъ годовъ изъ лучшихъ сторонъ общечеловѣческой культуры, а къ тому лишь — насколько русская жизнь можетъ ихъ воплотить, и поскольку неотложна необходимость въ нихъ.

Былые дѣятели литературы, „отцы“, получивъ по наслѣдству волшебныя грезы эпохи сороковыхъ годовъ, начали ихъ воплощать въ конкретныя явленія родного обихода, но были силою обстоятельствъ задержаны въ своей прогрессивной работѣ; тѣмъ не менѣе они не считаютъ историческаго процесса завершеннымъ и полагаютъ, что все дружныя усилія науки, литературы и искусства должны быть направлены къ продолженію временно затормозившагося процесса. Возможно-совершенная отечественная культура, гдѣ бы вся страна пользовалась ея выгодами и прерогативами, — таково заключительное слово этого процесса; при этомъ, по мнѣнію „отцовъ“, необходимо сообразоваться съ историческимъ опытомъ старшихъ народностей и, стремясь къ конечной цѣли, имѣть постоянно въ виду, чтобъ самый процессъ очеловѣченія совершался по законамъ опытнаго реального знанія и безъ особыхъ жертвъ и потрясеній массы. Тяжелъ, труденъ этотъ путь. Много самопожертвованія, знанія, любви и вѣры требуетъ онъ отъ своихъ сторонниковъ, но за то какъ ясна конечная цѣль, сколько блага сулитъ онъ впереди!

Но вотъ на смѣну отцамъ является младшее поколѣніе при обстановкѣ, о которой выше я уже сказалъ достаточно. И что же мы видимъ? Закрывъ глаза передъ раскрывающимися горизонтами, передъ историческими перспективами, это поколѣніе начинаетъ упорно и озлобленно отрицать тотъ путь, который ей завѣщаютъ сходящіе со сцены передовые дѣятели былыхъ годовъ и, порывая съ ними историческую преемственность, оно пытается снова возсоздать тѣ заколдованныя чертоги, въ коихъ сладко грезила литература 40-хъ годовъ. Путь опыта труденъ, въ его колеяхъ много мусора и пыли, а тамъ, въ воздушныхъ чертогахъ, грезы такъ заманчивы, такъ сладки... Знанія народа, любви къ нему, къ его историческому прошлому нѣтъ — ихъ вытравила школа! — нѣтъ терпѣнія и любви къ тяжкому и спокойному труду, требующему подчиненія своего и сознательному общему благу; есть только привычка къ атмосферѣ классныхъ комнатъ, нѣсколько книжекъ про запасъ, достаточное количество страха передъ жертвами и потрясеніями, боязнь замараться въ

пыли, наличность самолюбия и дерзости, подогреваемая теми, кому это на руку. Вот те отрицательные и положительные черты, вот та психологическая атмосфера, которая и породила антагонизм между детьми и отцами, острую полемику наших дней.

На целом ряде литературных произведений, принадлежащих перьям оппозиционных детей, я указал, как развивается этот спор, какие оттенки он принимает, и насколько далека возможность примирения. Ответы профессору Карчеву г. Трка и г. Н., „Молодая поэзия“ г. Перцова и его „Письма о поэзии“, работы г.г. Струве и Тугань-Барановскаго, манифест „Свернаго Вѣстника“, марионетки г-жи Гиппиусъ, изступленные крики г. Мережковскаго въ униссонъ философу Ницше, quasi-философскія и злобныя упражненія „мага“ палаты „Возвышенный символическій смыслъ“, г. Волинскаго,—таковы главнѣйшіе памятники бунта восьмидесятниковъ и ихъ младшихъ братьевъ противъ шестидесятниковъ. Но это собраніе было бы неполно, если бы я не отмѣтилъ еще двухъ литературныхъ явленій, которыя по своимъ внутреннимъ достоинствамъ и внѣшней архитектурѣ должны занять почетное мѣсто въ тщательно собранной мною коллекціи памятниковъ. Я разумѣю книжку г. Перцова подъ наименованіемъ „Философскія теченія русской поэзіи“ и „Литературный сборникъ произведеній студентовъ императорскаго С.-Петербургскаго университета“ подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

Обѣ эти литературныя новинки появились почти одновременно и объединены нѣкоторымъ духовнымъ родствомъ; но въ виду того, что въ изданіи г. Перцова приняли участіе и руку приложили старшіе изъ литературной молодежи, то, по законамъ старшинства, я и предпочитаю начать обзорѣе именно съ этого памятника, затѣмъ перейду уже къ студенческо-мундирной литературѣ и въ заключеніе познакомлю читателей съ произведеніями гимназическаго пера. Пусть читатель не улыбается недовѣрчиво при словахъ гимназическій: въ моемъ распоряженіи имѣется чрезвычайно любопытный журналъ, печатаемый съ разрѣшенія начальства воспитанниками 5-й С.-Петербургской гимназіи и заслуживающей вниманія вовсе не меньше студенческаго литературнаго сборника. Я беру его, какъ матеріалъ настоящаго обзорѣя, тѣмъ охотнѣе, что онъ почти недоступенъ публикѣ; по крайней мѣрѣ, въ продажѣ его не имѣется. Кромѣ того, онъ позволяетъ мнѣ представить три генерации литературной молодежи по нисходящимъ ступенямъ лѣстницы и, наконецъ, онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ любопытный моментъ въ психологіи нашего общества.

III.

„Философскія теченія русской поэзіи“ — не правда ли какое красивое звучное заглавіе? Когда я увидалъ на прилавкѣ магазина свѣтло-зеленую обложку аккуратнаго изданія съ такого рода заглавіемъ, я не-

вольно подумалъ: „Ну, слава Богу! наконецъ-то мы дождались истолкованія нашей изящной литературы съ философской точки зрѣнія. Только что надняхъ г. Волинскій съ видомъ истиннаго знатока облилъ лучами философскаго знанія нашу русскую критику, чѣмъ заслужилъ себѣ горячую признательность современниковъ и безсмертіе въ исторіи, какъ вотъ нынѣ неменьшій знатокъ дѣла, г. Перцовъ, производитъ ту же операцію съ русской поэзіей“! Меня немного смущала мысль, хватитъ ли силъ у почтеннаго П. Перцова на такую широкую задачу, какъ тотчасъ же моему легкомысленному сомнѣнію былъ положенъ предѣлъ: въ серединѣ обложки, подъ перечисленіемъ именъ поэтовъ, входящихъ въ составъ книги, болѣе мелкимъ шрифтомъ я прочелъ: „Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева“. Да не подумаетъ читатель, что здѣсь идетъ рѣчь о стихотвореніяхъ названныхъ критиковъ — С. Андреевскаго, Д. Мережковскаго и комп.; нѣтъ: слова „избранныя стихотворенія“ относятся къ перечисленнымъ нѣсколько выше двѣнадцати поэтамъ (А. С. Пушкину, Е. А. Баратынскому и другимъ)¹⁾, а слова „критическія статьи“ именно къ реченнымъ современнымъ писателямъ. Издатель не вполне точно и ясно редактировалъ заглавіе своего почтеннаго труда, почему, при взглядѣ на книжку, и рождается на первыхъ же порахъ нѣкоторое недоразумѣніе; но это, конечно, мелочь, которую нельзя ставить въ серьезную вину г. Перцову. Иной вопросъ: соответствуютъ ли слова „философскія теченія“ дѣйствительному содержанию книги по существу?

До г. Перцова подобныя его изданію книги выходили въ свѣтъ подъ слѣдующими простыми и общедоступными заглавіями: „Собраніе критическихъ статей“, „Критическіе очерки“, „Литературныя замѣтки“, „Разборъ“ и т. п., при чемъ авторы этихъ книжекъ никогда не претендовали на спеціальныя тоги философовъ. Одни подходили къ разсматриваемымъ писателямъ съ исключительно-эстетической точки зрѣнія, другіе искали нравственно-педагогическихъ началъ въ ихъ творествѣ, третьи освѣщали разбираемыя произведенія требованіями житейской правды, но при этомъ никто и никогда не отсѣкалъ отъ своей работы элементовъ философской мудрости. Однимъ писателямъ, обладающимъ болѣе широкой эрудиціей и даровитостью, удавалось выполнить свою работу совершенно и полно, другимъ этого не удавалось; одни оставляли по себѣ солидный слѣдъ и добрую память, другіе сходили на нѣтъ и пользовались славою „мѣди звенящей и кимвала гремящаго“. Всякій, однако, дѣлалъ по мѣрѣ силъ и возможности свое дѣло, и чѣмъ онъ скромнѣе, упорнѣе совершалъ это дѣло, тѣмъ болшую цѣну и силу оно пріобрѣтало. Претенціозность шла всегда въ ущербъ ея обладателю, а кичливость, бахвальство и лягушечье раздуванье въ

¹⁾ А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—Н. П. Огаревъ.—Ф. И. Тютчевъ.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. Н. Апухтинъ.—Гр. А. А. Голенящевъ-Кутузовъ.

вола только губили писателя. Примѣръ г. Волинскаго еще свѣжъ въ памяти, но онъ, повидимому, не смутилъ г. Перцова, и молодой издатель, вмѣсто скромнаго отношенія къ положенной задачѣ, предпочелъ прибѣгнуть къ кричащему эффекту: философія, философскія теченія!

Въ русской жизни, при ея неправильныхъ скачкахъ по пути прогресса, наблюдается постоянное злоупотребленіе кличками и терминами; лѣтъ 20 тому назадъ злоупотребляли всевозможными измаи, нынѣ въ ходу на каждомъ шагу термины—философія, философскій. Напишетъ человѣкъ неудобопонимаемую поэмку и сейчасъ спѣшитъ приложить къ ней эпитетъ „философская“, напишетъ нѣсколько разсужденій о какомъ нибудь писателѣ и старательно докладываетъ публикѣ что его разсужденія не простыя, а высоко-философскія, завяжетъ полемику съ другимъ писателемъ и первымъ дѣломъ начинаетъ его уязвлять и упрекать въ маломъ знакомствѣ съ философіей. Подумаешь—какіе всѣ вдругъ стали умные, образованные, какой свѣтъ знанія осѣняетъ своими животворными лучами нашу бѣдную жизнь! Но, если взглядѣться попристальнѣе во весь производимый современными молодыми Спинозами и Кантами шумъ и гамъ, то вамъ невольно придутъ на умъ слова Репетилова:

Шумимъ, братецъ, шумимъ!

Если проштудировать хорошенько всѣ эти преподносимыя намъ подъ флагомъ философіи произведенія, то къ величайшему конфузу и огорченію начинаешь чувствовать себя въ положеніи человѣка, который сѣтовалъ, что

По Гороховой онъ шель,
Но гороха не нашель.

Читаешь, читаешь нынѣшнія философскія литературныя произведенія, и все спрашиваешь себя: ну, гдѣ же она, новая-то философія, гдѣ они высокопоучительные философскіе выводы? Но ихъ не находишь! Попадаются или повторенія того, что, за непригодностью, болѣе взрослые люди уже бросили твердить, или подражанія взятымъ изуча образцамъ, тоже на мѣстѣ своей родинѣ, изжившимъ уже свой вѣкъ, или, наконецъ, наталкиваешься на сумбуръ и путаницу, которую не совсѣмъ окрѣпшіе мозги не въ состояніи привести въ нужный порядокъ. Новаго чего нибудь въ этомъ обстоятельствѣ, конечно, ничего нѣтъ, если не считать погони за эффектомъ и самолюбія, граничащаго съ полнымъ одуреніемъ, т. е. такихъ особенныхъ специфическихъ свойствъ, отъ которыхъ до сихъ поръ была свободна наша въ общей сложности скромная и даже нѣсколько конфузливая литература. При этомъ постоянно наталкиваешься на роковую антитезу: съ одной стороны „мы“—просвѣщенные, Богомъ избранные для спасенія русскаго буржуазнаго общества мыслители, а съ другой они—растрепанные насадители этой буржуазіи, невѣжественные пророки утилитаризма. Колоссальное самолюбіе, во-первыхъ, и озлобленная полемика, во-вторыхъ, таковы обя-

зательныя свойства всего выступающаго нынѣ подъ флагомъ философіи, а въ серединѣ этихъ свойствъ—шумно перекатывающіяся волны пустословія, крикливыхъ фразъ, туманныхъ пророчествъ и безсильныхъ порывовъ. Правда, есть нѣкоторая начитанность, но начитанность эта носитъ односторонній характеръ и критически не провѣрена знаніемъ жизни въ ея историческомъ поступательномъ движеніи.

Въ иные моменты шумной эпохи 60-хъ годовъ было усиленное и шаржированное стремленіе разрушать и испровергать „авторитеты“; въ этомъ движеніи былъ извѣстный смыслъ, и оно принесло нѣкоторую пользу, такъ какъ въ значительной степени содѣйствовало развитію самодѣятельности, подавленной предшествовавшей эпохой съ ея регламентаціей и казенными авторитетами. Нынѣшнее „философское“ время отмѣчено противоположнымъ стремленіемъ—желаніемъ создавать авторитеты, потребностью *jugare in verba magistri*, какъ это именно и было отчасти въ задавленный періодъ 40-хъ годовъ. Марксъ сказалъ—слѣдовательно... Страховъ писалъ—значить... Ницше учить—а потому... Въ этомъ поклоненіи авторитету учителей и пророковъ заключается нѣчто, пожалуй, и трогательное, но, увы! оно придаетъ рѣчамъ молодыхъ популяризаторовъ и учениковъ характеръ ранняго старчества, сухости и безсилія личнаго творчества.

Чѣмъ, какъ не безсиліемъ творчества, какъ не преждевременной старостью вѣетъ на читателя со страницъ философскаго сборника почтеннаго П. Перцова и писаній его молодыхъ пріятелей? Вникните хорошенько въ сборникъ, и онъ невольно произведетъ на васъ впечатлѣніе душиной классной комнаты, недурно обставленной книжными полками, на коихъ въ красивыхъ переплетахъ, въ достаточномъ, однако, безпорядкѣ, размѣщены томики излюбленныхъ писателей. Продолжая далѣе аллегорическое изображеніе, мнѣ рисуется эта классная комната при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ ней сидятъ три очень молодыхъ человѣка, каждый на отдѣльной партѣ, и всѣ они пишутъ сочиненія на одну общую тему—„о необходимости возрожденія эстетическаго брацанія на лирахъ и о своевременности преданія анаѳемѣ всей реалистической литературы“, причемъ каждый изъ пишущихъ обязанъ исчерпать тему въ критическомъ разборѣ того или другаго русскаго поэта.

Г. Мережковскій взялъ на себя характеристики А. Пушкина, А. Майкова и отчасти А. Кольцова, г. Никольскій ограничился однимъ А. Фетомъ, г. Перцовъ, какъ хозяинъ класснаго помѣщенія, забралъ себѣ львиную долю—Н. Огарева, опять-таки А. Кольцова, графа А. Толстого, Я. Полонскаго, А. Апухтина и графа А. Голенищева-Кутузова.

Внѣшняя манера писанія у каждаго изъ названныхъ молодыхъ людей особенная: г. Мережковскій, по обыкновенію, безпокойно вертится на мѣстѣ, впадаетъ въ трансъ, выкрикиваетъ и гудитъ; г. Никольскій пишетъ сосредоточенно-спокойно, не увлекаясь темой и имѣя постоянно въ виду ту полку бібліотеки, гдѣ стоятъ сочиненія покойнаго Н. Стра-

хова; г. Перцовъ явно волнуется, часто прохаживается по комнатѣ, топаетъ ногами, машетъ руками, грозитъ пальцемъ по направленію портретовъ сошедшихъ уже съ жизненной сцены публицистовъ; иногда онъ останавливается передъ г. Мережковскимъ и дѣлаетъ поправки на поляхъ его литературныхъ работъ. Окна классной комнаты наглухо закрыты, дабы шумъ улицы не развлекалъ глубокомысленныхъ соображеній молодыхъ философовъ; воздухъ здѣсь спертый, тяжелый.

Литературное священнодѣйствіе гг. Мережковского, Никольскаго и Перцова на нѣсколько минутъ нарушается визитомъ двухъ посѣтителей—С. Андреевскаго и Вл. Соловьева. Не то, чтобъ эти почтенные дѣятели литературы помѣшали торжественному настроенію классной комнаты или внесли своимъ приходомъ противорѣчіе чувствамъ и ощущеніямъ ея обитателей—нѣтъ, но появленіе ихъ рѣшительно идетъ въ ущербъ архитектурному стилю класснаго помѣщенія и вводитъ читателей въ смущеніе: зачѣмъ понадобилось гг. Андреевскому и Соловьеву примазаться къ молодежи? руководило ли ими желаніе поощренія или стремленіе къ популярности? Такъ какъ ихъ визитъ былъ кратковременный и особаго слѣда на разработкѣ заданной школьной темы не оставилъ, то въ интересахъ цѣлостности своего очерка я не стану занимать вниманія читателей ни г. Андреевскимъ, ни г. Соловьевымъ ¹⁾, а обращаюсь исключительно къ гг. Мережковскому, Никольскому и Перцову.

IV.

Послѣдніе мои слова о г. Мережковскомъ въ очеркѣ „Болѣзнь или реклама“ были, что онъ „безнадежно и буйно больной“ въ палатѣ „Возвышенный символическій смыслъ“. Къ сожалѣнію, мнѣ не приходится въ настоящее время брать своихъ словъ назадъ, и остается только констатировать, что, очутившись въ гостяхъ у г. Перцова, онъ своимъ болѣзненнымъ состояніемъ вызываетъ въ зрителяхъ только чувство глубокой жалости и огорченія; надъ нимъ даже не приходится смѣяться. Посмотримъ, однако, что проповѣдуетъ этотъ несомнѣнно даровитый, но сбившійся съ пути истины молодой дѣятель литературы?

Всякое слово о Пушкинѣ дорого русскимъ людямъ, и это слово можетъ имѣть особенное значеніе въ настоящее время, когда вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ любопытныхъ „Записокъ А. О. Смирновой“, гдѣ удѣлено столько мѣста нашему гениальному поэту и гдѣ опубликовано относительно его личности и творчества такъ много новаго матеріала. Г. Мережковскій, какъ пациентъ палаты г-жи Гуревичъ, откуда и вышли эти „Записки“, конечно, ознакомился съ ними, и не провѣривши, по своему болѣзненному состоянію, фактической ихъ стороны, принялъ все здѣсь напечатанное на вѣру; къ фактамъ изъ „Запи-

¹⁾ Статьи, имъ принадлежащія: о Е. А. Баратынскомъ, М. Ю. Лермонтовѣ, Ф. И. Тютчевѣ.

сокъ“ онъ припуталъ сумасшедшіе выводы изъ философіи Ницше, ни къ селу ни къ городу приплелъ сюда разсужденія о культурѣ Италіи времени Возрожденія, облилъ свой литературный винигретъ полемиическимъ соусомъ—и вотъ философскій этюдъ о Пушкинѣ готовъ; русская литература обогатилась новымъ Пушкинымъ во вкусѣ Ницше и русскихъ символистовъ, Пушкинымъ, изуродованнымъ полоумнымъ бредомъ автора „Отверженнаго“ и комментатора романа „Дафинсъ и Хлоя“!

Ходъ мыслей г. Мережковскаго настолько оригиналенъ по своему безобразію, что я не могу удержаться, чтобъ не ознакомить съ этимъ ходомъ читателей подробно. И это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что статья г. Мережковскаго о Пушкинѣ—казовая статья въ сборникѣ г. Перцова и занимаетъ въ немъ пятую часть всего объема.

Изъ предыдущихъ прозаическихъ работъ нашего поэта мы уже достаточно знакомы съ его теперешнимъ настроеніемъ. Это какая-то безшабашная проповѣдь безразличія, стремленіе къ какому-то олимпийскому веселію и рѣзвости, желаніе „безцѣльно жить, безцѣльно умирать“. Что было отвратительно и смѣшно, какъ тенденція беллетристическаго свойства, становится уже совершенно дикимъ, какъ цѣлая философская система, съ каковою г. Мережковскій выступаетъ въ классной комнатѣ своего пріятели. Мудрость Пушкина,—поучаетъ онъ, — „это не аскетическое самоистязаніе, жажда мученичества, во что бы то ни стало, какъ у Достоевскаго; не покаянный плачь о грѣхахъ передъ вѣчностью, какъ у Льва Толстого; не художественный нигилизмъ и нирвана въ красотѣ, какъ у Тургенева: это-заздравная пѣсня Вакху во славу жизни, вѣчное веселіе и солнце міра, золотая мѣра вещей—красота“. Уподобивъ въ одномъ мѣстѣ ясность Пушкина эленизму, онъ черезъ нѣсколько страницъ облакаетъ уже нашего поэта въ галилейскую хламиду совѣмъ новаго фасона. „Пушкинъ,—риторически гудитъ критикъ,—какъ галилеянинъ, противопоставляетъ первобытнаго человѣка современной культурѣ. Той же современной культурѣ, основанной на власти черни, на демократическомъ понятіи равенства и большинство голосовъ, противопоставляетъ онъ, какъ язычникъ, самовластную волю единаго — творца или разрушителя, пророка или героя. Полубогъ и укрощенная имъ стихія—таковъ второй моментъ пушкинской поэзіи“. Пушкинъ — настоящий и единственный ученикъ Гете, временами даже возвышающійся надъ своимъ учителемъ, почему его и можно разсматривать, какъ „единственнаго изъ новыхъ міровыхъ поэтовъ“; поэзія Пушкина полна героическихъ элементовъ, въ ней все тихо, ясно и мудро: въ этихъ словахъ есть холодъ и твердость мрамора, изъ котораго изваяны лики древнихъ боговъ. „Можно сказать,—выкрикиваетъ г. Мережковскій, поводя по классной комнатѣ безумными глазами и принимая ее за психіатрическую палату г-жи Гуревичъ,—что въ лицѣ Пушкина духъ русскаго народа впервые поднялся на міровую высоту героической мудрости и оглянулъ тысячелѣтній путь человѣчества, отъ Магомета до Наполеона, отъ библейскихъ пророковъ до

Байрона, отъ Моисея, готоваго разбить свои скрижали, до современнаго поэта, среди торжества новой черни, пляшущей вокругъ золотого тельца.“

Вотъ каковъ авторъ Евгенія Онегина! но пусть читатели подождутъ: оказывается, что надъ героемъ-Пушкинымъ есть еще бѣльшій герой. Герой этотъ — Петръ Великій, котораго, какъ извѣстно, г. Мережковскій собирается описать въ превосходномъ будущемъ романѣ и заставить парадировать передъ публикой въ блестящемъ нарядѣ язычника.

„Надъ сонмомъ Пушкинскихъ героевъ,— провозглашаетъ молодой критикъ,— возвышается одинъ— тотъ, кто былъ первообразомъ самого поэта— герой русскаго подвига, также какъ Пушкинъ былъ героемъ русскаго созерцанія. Въ сущности, Пушкинъ есть донинѣ единственный отвѣтъ, достойный великаго вопроса объ участіи русскаго народа въ міровой культурѣ, который заданъ былъ Петромъ Великимъ. Пушкинъ отвѣчаетъ Петру, какъ слово отвѣчаетъ дѣйствию. Возвращаясь къ первобытной, христіанской и народной стихіи особенно въ своихъ крайнихъ и одностороннихъ проявленіяхъ— въ презрѣніи къ наукѣ у Льва Толстого, въ презрѣніи къ „гнилому Западу“ у Достоевскаго, вся послѣдующая русская литература есть какъ бы измѣна тому героическому началу міровой культуры, которое было завѣщено Россіи двумя одинокими и непонятыми русскими героями— Петромъ и Пушкинымъ.“

Здѣсь мы достигли до тѣхъ великихъ сокровищъ, которыми на протяженіи всей статьи г. Мережковскій неоднократно одаряетъ своихъ читателей. Сокровища эти— его разсужденія о русской литературѣ вообще. Видите ли—

„Русская литература, которая и въ дѣйствительности вытекаетъ изъ Пушкина и сознательно считаетъ его своимъ родоначальникомъ, измѣнила главному завѣту пушкинской мудрости: „да здравствуетъ солнце, да скроется мракъ“! Какъ это странно! Начатая свѣтлымъ олимпійцемъ, самымъ жизнерадостнымъ изъ новыхъ геніевъ, русская поэзія сдѣлалась поэзіей мрака, отчаянія, самоистязанія, болѣзни, жалости, страха смерти. Шестидесяти лѣтъ не прошло со дня кончины Пушкина— и что съ нами стало? Куда мы ушли? Безнадежный мистицизмъ Лермонтова и Гоголя; ужасающее самоуглубленіе Достоевскаго, похожее на бездонный, черный колодезь; бѣгство Тургенева отъ ужаса смерти въ красоту, бѣгство Льва Толстого отъ ужаса смерти въ жалость— только рядъ ступеней, по которымъ мы сходили все ниже и ниже, въ „страну тѣни смертной“. Въ настоящее время мы достигаемъ конца подземной лѣстницы, кажется, дальше идти некуда.“

Гоголь первый началъ портить русскую литературу, созданную Пушкинымъ; Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій продолжали преступную дѣятельность автора „Мертвыхъ душъ“ и, наконецъ, Левъ Толстой — этотъ, по словамъ г. Мережковскаго, ученикъ, сынъ Пушкина— съ одной стороны и его антиподъ— съ другой, наноситъ ей послѣдній, жесточайшій ударъ, отъ коего она должна погибнуть. „Развѣ вся дѣятельность Льва Толстого,— спрашиваетъ г. Мережковскій,— не та же демократія буржуазнаго вѣка, только одухотворенная евангельской поэзіей, украшенная этими модными крыльями Икара — восковыми и непрочными крыльями мистическаго анархизма? Левъ Толстой есть не что иное, какъ отвѣтъ русской демократіи на гордый вызовъ Пушкина.“

И Левъ Толстой и вся русская литература мало того, что вышли на бой съ Пушкинымъ, но что ужаснѣе всего— съ кѣмъ бы вы думали?... Съ Петромъ Великимъ! Шутка сказать— съ самимъ преобразователемъ Россіи!..

„Всѣ русскіе писатели, не только явные мистики,—катаясь въ конвульсіяхъ по полу классной комнаты г. Перцова, выкрикиваетъ Д. Мережковскій, — Гоголь, Достоевскій, Левъ Толстой, но даже Тургеневъ и Гончаровъ, по наружности западники, по существу такіе же мистики и враги культурнаго язычества,—будутъ звать Россію прочь отъ единственнаго, непонятаго русскаго героя, отъ забытаго и неразгаданнаго любимца Пушкина, вѣчно одинокаго исполина на обледѣлой глыбѣ финскаго гранита,—будутъ звать назадъ къ материнскому лону русской земли, согрѣтой русскимъ солнцемъ, къ смиренію въ Богѣ, къ простотѣ сердца великаго народа-пахаря, въ уютную горницу старосвѣтскихъ помѣщиковъ, къ дикому обрыву надъ родимой Волгой, къ затишью дворянскихъ гнѣздъ, къ серафической улыбкѣ идіота, къ блаженному „недѣланію“ Ясной Поляны; и всѣ они, всѣ до одинаго, быть можетъ, сами того не зная, подхватятъ этотъ вызовъ малыхъ великому, этотъ богохульный крикъ возмущившейся черни: „добро, стронтель чудотворный! Ужо тебя!“

Какъ вамъ нравится, читатели, классное упражненіе г. Мережковскаго; можно ли еще больше наговорить вздора и о Пушкинѣ, и о русской литературѣ, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ изъ участниковъ „философскихъ теченій“? Не правда ли, какъ глубока, ясна эта философія классной комнаты, преподносимая намъ серьезно г. Перцовымъ въ качествѣ высшей мудрости, до которой дошли собственнымъ умомъ молодые русскіе критики-философы? Въ одномъ они правы: дѣйствительно настоящая русская литература, завѣщанная грядущимъ поколѣніямъ художниковъ слова ея великими учителями, Пушкинымъ, Гоголемъ и др., всегда будетъ слѣдовать указаніямъ другаго поэта:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ,
Будь первымъ тамъ!

Всегда будетъ бороться противъ всякихъ каменныхъ глыбъ, попадающихся ей по дорогѣ и никогда не послѣдуетъ за г. Мережковскимъ ни въ психіатрическую палату „Возвышенный символическій смыслъ“, въ гости къ г. Волюнскому, ни въ классную комнату г. Перцова, на поклоненіе ея наиболѣе даровитому представителю. Если въ этой русской литературѣ и наблюдается въ настоящее время изступленный шабашъ, творимый нѣкоторыми ея молодыми представителями, то она смотритъ на это съ улыбкой:

Юное чадо прогресса,
Рвется, брыкается, бьетъ...

и вѣруетъ, что настанетъ часъ, когда имъ станетъ стыдно своихъ бѣснованій, и они, усталые и сконфуженные, вернутся „къ материнскому лону русской земли, согрѣтой русскимъ солнцемъ, къ простотѣ сердца великаго народа-пахаря, къ дикому обрыву надъ родимой Волгой“!

Накричавъ, наболтавъ всякой непригодной всячины въ статьѣ о Пушкинѣ, г. Мережковскій, какъ это всегда бываетъ послѣ остраго приступа болѣзненнаго пароксизма, упалъ силами, изнемогъ и въ этюдѣ о Майковѣ рядомъ съ пустяками высказалъ нѣсколько какъ будто и здравыхъ мыслей, кореннымъ образомъ противорѣчащихъ его предыдущимъ

рѣчамъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, явно полемизируя съ „парнасцами“, Фетомъ, Майковымъ и Полонскимъ, онъ вполне резонно рассуждаетъ:

„Что касается меня, я предпочелъ бы, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, влажныя, разорванныя волнами ризы Аріона самымъ торжественнымъ ризамъ жрецовъ чистаго искусства. Есть такая красота въ страданіи, въ грозѣ, даже въ гибели, которой не могутъ дать никакое счастье, никакое упоеніе олимпійскимъ созерцаніемъ. Да, наконецъ, и великіе люди древности, на которыхъ любятъ ссылаться наши парнасцы, развѣ были они чужды живой современности, народныхъ страданій и „злобы дня“, если только понимать ее болѣе широко? Я увѣренъ, что Эсхиль и Софокль, участники великой борьбы Европы съ Азіей, предпочли бы не только, какъ воины, но и какъ истинные поэты, мечъ, омоченный во вражеской крови, праздному мечу въ золотыхъ ножнахъ съ драгоценными камнями!..“

Статья о Майковѣ, благодаря тому, что она написана въ значительной степени, такъ сказать, „въ здоровомъ умѣ и твердой памяти“, болѣе удалась г. Мережковскому, чѣмъ его этюдъ о Пушкинѣ: въ ней попадаются даже мысли, нарушающія гармонию классной комнаты г. Перцова, что и вызываетъ, вполне естественно, неудовольствіе послѣдняго. Гость, что называется, не выдержалъ стила и конфузится хозяина, а посему г. Перцовъ хмуритъ брови, дѣлаетъ примѣчаніе къ работѣ г. Мережковского и даже упрекаетъ его въ „неосторожности утвержденія“.

Вообще г. Перцовъ мужчина сердитый, на что, по поводу его „Писемъ о поэзіи“ обратилъ уже вниманіе г. Михайловскій въ „Русскомъ Богатствѣ“. Я имѣлъ однажды честь представить читателямъ „Историческаго Вѣстника“ издателя „Молодой поэзіи“ и „Философскихъ теченій“; несмотря на это, я считаю необходимымъ сказать объ этомъ молодомъ дѣятелѣ литературы еще нѣсколько словъ.

П. Перцовъ—дѣтище провинціи, откуда онъ и перекочевалъ въ сѣверный суетный и буржуазный городъ „нашего ради спасенія“. Впервые столичные читатели познакомились съ нимъ, благодаря любезному содѣйствію того самого „Русскаго Богатства“, которое впоследствии такъ строго и немилостиво обошлось съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ. Въ № 1 этого почтеннаго журнала за 1893 годъ была напечатана статья г. Перцова „Изъяны творчества“ (повѣсти и рассказы А. Чехова), гдѣ молодой писатель, какъ бы вторя редакціоннымъ голосамъ, упрекалъ автора „Палаты № 6“ въ „случайности темъ, непродуманности содержанія, непониманіи общественной его стороны“.

Прошли два года. Что дѣлалъ за это время молодой писатель? не могу опредѣленно сказать—его имени въ печати я не встрѣчалъ; но вотъ весною 1895 г. онъ снова напомнилъ о себѣ изданіемъ сборника „Молодая поэзія“ и „Писемъ о поэзіи“, гдѣ не только объявилъ себя сторонникомъ бряцанья, но и отъявленнымъ врагомъ того направленія, подъ гостепріимнымъ кровомъ котораго онъ ознакомилъ съ своей интересной особой читателей ежемѣсячныхъ журналовъ. Ну, и досталось же ему отъ „Русскаго Богатства“ на орѣхи, какъ равно удостоили его своимъ лестнымъ вниманіемъ и другіе журналы.

Въ очеркѣ „Молодежь и ея руководители“ я отмѣтилъ любопытное настроеніе ума г. Перцова и его радостное классическое изреченіе, что нынѣшняя молодежь „повально пишетъ стихи и играетъ на виолончели“. Оказывается, однако, въ настоящее время, что она занята не только этимъ полезнымъ и отраднымъ времяпрепровожденіемъ, но и углубляется въ пучины философской мудрости, откуда и извлекаетъ такіе перлы, каковъ демонстрированный выше этюдъ г. Мережковского о Пушкинѣ; мало того, мы узнаемъ даже, что для такихъ углубленій въ философію нанимаются даже цѣлыя помѣщенія, въ видѣ классной комнаты г. Перцова, подъ заглавіемъ „Философскія теченія“.

Г. Волинскій легкомысленно полагалъ, что на всю Россію онъ единственный философъ, а вотъ теперь фактически выясняется, что почтенный „магъ палаты“ глубоко заблуждался, и его лавры серьезно и съ большимъ успѣхомъ оспариваются г. Перцовымъ и его друзьями. Миѣ воистину жаль г. Волинскаго: онъ былъ такъ хорошъ въ своемъ амплуа единственнаго на всю Россію комическаго философа, что появленіе на свѣтъ Божій опасныхъ конкурентовъ рѣшительно грозитъ затменію его широкой славы. Мы уже видѣли, съ какимъ успѣхомъ отвоевалъ у него г. Мережковскій (и это за великодушный-то пріемъ въ палату „Возвышенный символическій смыслъ“! о черная неблагодарность! о дружба!..) пальму первенства въ вопросѣ о философскомъ значеніи Пушкина. Посмотримъ теперь, какова грозящая ему опасность отъ посягательствъ на его амплуа со стороны остальныхъ двухъ конкурентовъ.

Г. Перцовъ, какъ я уже это отмѣтилъ выше, по праву хозяина помѣщенія, отобралъ на свою долю наибольшее количество темъ и написалъ нѣсколько краткихъ, но выразительныхъ сочиненій объ Огаревѣ, гр. А. Толстомъ, Я. Полонскомъ, гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ и Апухтинѣ. Внѣшняя его манера писать уже обрисована: онъ волнуется, ходитъ по комнатѣ, машетъ руками, топаетъ ногами и читаетъ нотации г. Мережковскому. Такихъ нотаций онъ прочелъ двѣ: одну за непочтительное отношеніе къ А. Н. Майкову, а другую за неполноту характеристики Кольцова. Къ числу странностей способовъ писанія г. Перцова должно отнести то, что онъ иногда, какъ, напримѣръ, въ очеркѣ объ Н. Огаревѣ, предпочитаетъ существенное говорить въ примѣчаніяхъ къ тексту своей статьи, а въ самой статьѣ ограничивается переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Правда, иногда въ литературѣ переводчики прибѣгаютъ по необходимости къ такого рода существеннымъ примѣчаніямъ, и Чернышевскій, поступившій такъ съ Миллемъ, сдѣлалъ доброе дѣло, но, вѣдь, то переводъ, а это своя собственная философія—къ чему ее было еще комментировать? Но, нѣтъ, г. Перцовъ иначе не можетъ: онъ полагаетъ, очевидно, что отъ этого его работа выйдетъ умнѣе, на подобіе настоящаго нѣмецкаго философскаго трактата съ обильными выносками и ссылками. Собственно въ статьѣ объ Огаревѣ мы чего нибудь новаго

о поэтѣ не узнаемъ, какъ равно не знакомимся съ его личностью въ полномъ объемѣ. Молодой критикъ не нашель на полкахъ своей библиотеки нужнаго историческаго матеріала (и прибавимъ—очень обширнаго!) для уясненія фізіономіи писателя и, обрывая свою характеристику, меланхолически замѣчаетъ: „Подробная оцѣнка роли поэта въ преданіяхъ (?) русскаго общества, въ исторіи нашей „борьбы съ западомъ“ выходитъ за предѣлы предлагаемаго сборника“. Г. Мережковскій считаль нужнымъ для характеристики Пушкина ввести въ свою работу фактическій матеріалъ и даже считался съ политическимъ значеніемъ поэта, но г. Перцовъ для Огарева полагаетъ это лишнимъ. Какъ будто стиль классныхъ сочиненій страдаетъ? Или, можетъ быть,—quod licet Iovi, non licet bovi? или, говоря порусски, что позволено г. Мережковскому, запрещается г. Перцову?..

Какъ бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ изъ характеристики Огарева мы узнаемъ, что г. Перцовъ недоволенъ Герценомъ: политическая фигура послѣдняго заслонила собою поэтическій образъ перваго и наложила на этотъ образъ „чуждые, несвойственныя ему черты“. Слѣдить за всѣми статейками издателя „Философскихъ теченій“ нѣсколько утомительно. Скажу для общей характеристики коротко: слабо, ниже посредственнаго! Остановлюсь лишь на его работѣ о Я. П. Полонскомъ—здѣсь гвоздь философіи г. Перцова и одинъ изъ драгоцѣнныхъ камней его сборника. Я обрадовался за почтеннаго Якова Петровича, такъ хорошо намъ знакомаго и изъ личныхъ его произведеній и изъ цѣлаго множества статей о немъ, что вотъ наконецъ-то нашелся критикъ, который освѣтитъ намъ его музу истиннымъ философскимъ свѣтомъ. Но каково же было мое удивленіе и благородное негодованіе, когда я узналъ изъ статьи г. Перцова, что, во-первыхъ, поэзія г. Полонскаго „отнюдь не освѣщена внутреннимъ огнемъ теоретической мысли“ и, во-вторыхъ, что „его творческія впечатлѣнія не даютъ ему никакого рѣшенія міровыхъ загадокъ, и что изъ всѣхъ его размышленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія“. Вотъ такъ конфузъ!—воскликнулъ я,—удружилъ критикъ маститому Якову Петровичу, нечего сказать!.. Мнѣ непонятно только, зачѣмъ при такой отрицательной философской наличности было помѣщать нашего поэта въ списокъ классныхъ сочиненій по философіи? Это ужъ непохвально со стороны г. Перцова, положительно не хорошо! Вся-то классная комната его была создана въ пикъ реалистической критикѣ, не признающей бряцанія на лирахъ, и именно въ видахъ прославленія философскаго значенія самаго этого бряцанія, и вдругъ видный служитель чистаго искусства, такъ сказать, „послѣдняя туча разсѣянной бури“, оказывается философомъ-поэтомъ безъ философіи, подобно сапожнику безъ сапогъ.

И зачѣмъ было огородъ городить? И зачѣмъ было капусту сажать?

Чудеса да и только!—разводилъ я руками. И мнѣ стало понятно что заглавіе сборника „Философскія теченія русской поэзіи“ выдуманно

лишь для приманки, что тутъ рѣчь идетъ не о философіи, а собраны здѣсь всего лишь 12 критическихъ статей, написанныхъ преимущественно тремя молодыми людьми въ духѣ эстетической критики 40-хъ годовъ. Если г. Мережковскій еще пытается что-то накричать непонятное, подъ видомъ философіи, о борьбѣ русской литературы съ завѣтами Петра I, то г. Перцовъ, въ предѣлахъ своихъ маленькихъ знаній, просто-на-просто пересказываетъ своими словами стихи поэтовъ, при чемъ иногда глубокомысленно изрекаетъ: „се левъ, а не собака“, а иногда восклицаетъ „вмѣстѣ съ Страховымъ“: „какая музыка, какая невыразимая прелесть!“ Г. Волинскій можетъ быть спокоенъ: г. Перцовъ ему неопасенъ—онъ еще не доросъ до „новой мозговой линіи“ и пока, думая, что подражаетъ старшимъ, ограничивается переложеніемъ на свои слова чужихъ мыслей и стиховъ.

V.

Вотъ г. Никольскій—этотъ будетъ посложнѣе и поинтереснѣе г. Перцова и, пожалуй, даже г. Мережковского, какъ мыслителя. Г. Перцовъ своей претензіей на званіе философа вызываетъ улыбку, за г. Мережковского становится досадно, что онъ такъ скверно и уродливо управляетъ своими природными дарованіями и своей образованностью, но г. Никольскій... этотъ заставляетъ меня серьезно задуматься, такъ какъ я склоненъ видѣть въ немъ нарождающуюся силу, съ которой въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ придется считаться во имя прогрессивныхъ задачъ русской жизни. Въ классной комнатѣ г. Перцова онъ ведетъ себя сдержанно, нѣсколько официально и, изготовля этюдъ о Фетѣ, непрестанно имѣетъ въ виду, какъ я уже выше сказала, ту полку бібліотеки, гдѣ стоятъ сочиненія покойнаго Н. Страхова. Какъ дѣятель литературы еще очень молодой, г. Никольскій находится цѣликомъ подъ обаяніемъ учительскихъ авторитетовъ: Н. Страховъ, Н. Данилевскій, А. Фетъ—вотъ тѣ три кита, на коихъ онъ созидаетъ будущее русской культуры. У молодого критика пристрастіе именно *jurare in verba magistri* и, не ощущая подъ ногами твердой почвы для своихъ отвлеченныхъ разсужденій, онъ проситъ читателей вѣрить авторитету излюбленныхъ учителей, вслѣдствіе чего всѣ его умозрѣнія и принимаютъ характеръ какихъ-то пророчествъ, туманныхъ предсказаній: у него все доброе, всѣ блага жизни въ будущемъ! Для большей убѣдительности г. Никольскій прибѣгаетъ къ устарѣлому приему; онъ вытягиваетъ авторитетъ своего учителя до невѣроятныхъ размѣровъ. Онъ огорошиваетъ читателя звонкими эпитетами: „знаменитый“, „совершеннѣйшій“, „изумительный“, единственный „во всемірной литературѣ“ и т. п., но при этомъ не выкрикиваетъ съ пафосомъ или воодушевленіемъ своихъ съ ногъ сшибательныхъ опредѣленій, а произноситъ ихъ холоднымъ тономъ ратора, преждевременно состарившагося на книгахъ мыслителя, глубоко презирающаго все, на чемъ лежитъ наслоеніе уличной пыли, слѣды живыхъ

рукъ человѣческихъ. У него въ сердцѣ нѣтъ теплыхъ словъ любви къ учителямъ; онъ спокойно кладетъ трупы дорогихъ ему покойниковъ на анатомическій столъ и, сосредоточенно ампутируя части мертвыхъ организмовъ, съ презрительной улыбкой непогрѣшимого учителя говоритъ аудиторіи: вы еще глупы и не можете понять всей красоты вотъ той или этой демонстрируемой передъ вами части организма; но придетъ время, въ моей школѣ вы поумнѣете и тогда научитесь цѣнить все совершенство этихъ частей! Мнѣ становится жутко, когда я читаю спокойныя и умныя статьи г. Никольскаго; холодомъ вѣетъ отъ нихъ на меня... Его трактаты, напримѣръ, о Страховѣ очень поучительны, обнаруживаютъ въ достаточномъ блескѣ природныя недюжинныя силы молодого писателя, но, увы! не производятъ необходимаго впечатлѣнія, благодаря риторичности, отвлеченности, сухости и книжности. Книги, повидимому, заѣли г. Никольскаго и, очутившись въ литературѣ прямо съ университетской скамьи, онъ пытается всю жизнь человѣческую оцѣнить съ точки зрѣнія пожелтѣвшихъ пыльныхъ страницъ нѣсколькихъ излюбленныхъ авторовъ: Н. Данилевскаго, Н. Страхова, А. Фета, такихъ же, какъ и онъ, представителей кабинетнаго мышленія и ненавистниковъ шумнаго круговорота уличной жизни, громкихъ криковъ демократической толпы.

Но одного лишь я боюсь немножко:
 Что если жизнь, какъ дерзкій ученикъ,
 Вдругъ стащитъ съ нихъ всевѣдѣнья парикъ
 И книжки ихъ все вышвырнетъ въ окошко?

воскликнулъ о подобнаго сорта дѣятеляхъ покойный А. Плещеевъ. Я тоже опасаясь, что подобнаго рода драма разыграется въ жизни г. Никольскаго, и все его умныя книжки полетятъ въ окно, когда онъ станетъ непосредственно, лицомъ къ лицу, съ живыми запросами жизни! Указанныя общія свойства литературныхъ работъ г. Никольскаго наглядно можно прослѣдить на его этюдѣ о Фетѣ: здѣсь тѣ же пророчества, то же вытягиванье авторитета учителя, то же пристрастіе къ запутаннымъ логическимъ построеніямъ, бесполезная игра въ философское биль-боке. Фетъ—„поэтъ будущаго“,—поучаетъ насъ г. Никольскій; произведенія его геніальны; „этотъ философъ-поэтъ до такой степени поэтъ философъ, что его произведенія неизбежно станутъ современемъ настольною книгою каждого мыслителя, каждого ученаго, наконецъ, каждого философски мыслящаго человѣка“... Далѣе: „изъ всехъ лирическихъ поэтовъ, доселѣ жившихъ (ого!), ни одинъ до такой степени не сумѣлъ себѣ усвоить чисто-философскій духъ и остался при томъ исключительно поэтомъ, какъ Фетъ“. Наконецъ, pour la bonne bouche, позволю себѣ привести слѣдующую тираду почтеннаго критика, дающую возможность составить ясное представленіе о его любви къ философскимъ отвлеченностямъ, тяготѣніе къ логической гимнастикѣ ради нея самой.

„Надо, впрочемъ, замѣтить,—говоритъ г. Никольскій,—что встрѣча съ Фетомъ на высотахъ прозрѣнія представляетъ особую прелесть и особую трудность. Труд-

ность заключается въ особенностяхъ художественной техники Фета. Великій лирикъ грѣшилъ всѣми слабостями своихъ достоинствъ. Порывистость его вдохновеній зачастую выражалась у него въ необычныхъ и темныхъ оборотахъ рѣчи, сжатость изложенія обусловливала нерѣдко чудовищные скачки, говорящіе намъ бѣглыми намеками, отрывочными восклицаніями, а не связной, хотя бы и поэтической, рѣчью, не солнечными лучами, а зарницами... Его стихотворенія требуютъ долгаго и вдумчиваго изученія. Его замыселъ нужно иногда высматривать, какъ папоротникъ въ Иванову ночь; правда, кто его подслѣдилъ и настигъ, тотъ открываетъ востину неисчерпаемый кладъ художественныхъ наслажденій; но то, что оправдываетъ иной разъ въ глазахъ читателя недостатки изложенія у философовъ, не можетъ служить извиненіемъ художнику слова. Между тѣмъ, музу Фета приходится почти угадывать по его произведеніямъ, какъ Золушку по башмачку: во-первыхъ, это также трудно, какъ въ сказкахъ, а во-вторыхъ, только для принца этотъ башмачекъ служить достаточной, надежной, а главное, понятной примѣтой, залогомъ высокаго художественнаго наслажденія: для прочихъ онъ лишь хорошенькая бездѣлушка.“

Подобно сказочному принцу, г. Никольскій нашелъ въ лицѣ Фета желанную сердцу Золушку, но онъ настолько ревнивъ, что не согласенъ показать ее во весь ростъ, съ ея плотью и кровью своимъ читателямъ, почему послѣдніе, по прочтеніи этюда г. Никольскаго, все-таки остаются въ невѣдѣніи относительно этой прекрасной и загадочной принцессы; за то имъ преподносится въ утѣшеніе пророчество: современемъ Феть будетъ нашей настольной книгой, откуда мы почерпнемъ все премудрости знанія! Будемъ терпѣливо ждать наступленія этого обѣтованнаго времени, но пока кто же разрѣшитъ намъ слѣдующія двѣ резолюціи, вынесенныя изъ классной комнаты г. Перцова: по первой значится—вся міровая мудрость, вся философія жизни покосится въ поэзіи Пушкина, этой „заздравной пѣсни Вакха“, по второй—въ поэзіи Фета, которую требуется, однако, разгадать, „какъ Золушку по башмачку“? Вотъ рѣшительно и не знаешь, съ чего начать? а тутъ еще въ довершеніе нашего бѣдственнаго положенія передъ глазами вертится г. Перцовъ съ указаніемъ на философское значеніе Я. Полонскаго, поэзія котораго вмѣстѣ съ тѣмъ „не освѣщена внутреннимъ огнемъ теоретической мысли“. Извольте-ка распутать всю путаницу, созданную въ классной комнатѣ г. Перцова тремя молодыми людьми, извольте понять и оцѣнить философское значеніе ихъ работъ! Очевидно, они не спѣлись, не столковались, не сличили выводовъ изъ своихъ классныхъ упражненій и, въ гордомъ ослѣпленіи своими личными качествами и знаніями, преподносятъ намъ эти работы въ видѣ безвкуснаго букета цвѣтовъ, сорванныхъ и расположенныхъ неопытною рукою, подъ заглавіемъ: „Философскія теченія русской поэзіи“. Философія, везомая гг. Мережковскимъ, Никольскимъ и Перцовымъ, мало подвигается съ мѣста, и мы являемся живыми свидѣтелями хорошенькой иллюстраціи къ извѣстной баснѣ Крылова:

Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
 Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
 Да лебедь рвется въ облака,
 Ракъ пятится назадъ, а жука тянетъ въ воду.

Нѣтъ, воля ваша, а опытъ классной комнаты г. Перцова мнѣ кажется неудачнымъ. Мы не выносимъ изъ нея живыхъ впечатлѣній, чего вѣбудь опредѣленнаго, ясно говорящаго нашему уму и чувству. Пылью библіотеки, запахомъ книжекъ насыщенъ ея воздухъ, и новому человѣку невольно хочется широко раскрыть замуравленные окна этой комнаты. Пусть лучи солнца весело ворвутся сюда широкимъ снопомъ, пусть струя свѣжаго воздуха разгонитъ учебный кошмаръ, въ который пока такъ безнадежно погружены наши молодые дѣятели литературы! Больше воздуха, больше свѣта!..

VI.

Я засидѣлся слишкомъ долго въ гостяхъ у г. Перцова и чуть не опоздалъ на великое торжество студентовъ С.-Петербургскаго университета, собравшихся достойнымъ образомъ ознаменовать свой годовой праздникъ. Здѣшняя alma-mater была въ нынѣшнемъ году свидѣтельницей не совсѣмъ обычнаго поведенія студентовъ: послѣдніе рѣшили отмѣтить день 8-го февраля изданіемъ „Литературнаго Сборника“ въ пользу своихъ многочисленныхъ нуждающихся товарищей, т. е. такимъ дѣяніемъ, которое заслуживаетъ молодежи самыхъ лестныхъ похвалъ. Отзывчивость на горе и бѣдность великая вещь и чѣмъ у кого въ груди этого священнаго огня больше, тѣмъ выше и плодотворнѣе можетъ быть его жизнь среди окружающей юдоли плача и скорби. Вотъ почему и студенческой „Литературный Сборникъ“, какъ актъ благотворительности, достоинъ самаго горячаго сочувствія, но... (безъ этого но въ жизни трудно обойтись!) благотворительность — одно, а литература — другое. Всякая медаль имѣетъ двѣ стороны и, приложившись въ настоящемъ случаѣ съ почтеніемъ къ одной, я невольно, по обязанностямъ своей литературной профессіи, вынужденъ сказать откровенное мнѣніе о другой сторонѣ. Если бы студенты пожертвовали въ пользу своихъ неимущихъ товарищей партію стараго платья, то, будь я призванъ сказать свое слово о доброкачественности жертвуемаго, я навѣрное съ точки зрѣнія магазина готоваго платья рѣшилъ бы, что такія-то, молъ, брюки годятся въ употребленіе, а такія-то жилетки—нѣтъ. Если бы студенты издали съ той же благотворительной цѣлью собраніе своихъ писемъ къ родителямъ, то я съ психологической точки зрѣнія семейнаго счастья и семейныхъ основъ повѣдалъ бы публикѣ объ одушевляющихъ нашу молодежь сыновнихъ чувствахъ. Однажды они выпускаютъ, при достаточно шумныхъ обстоятельствахъ, „Литературный Сборникъ“, дѣлаютъ его достояніемъ книжнаго рынка и снабжаютъ его такими претенціозными предисловіями, каковы предисловія гг. А. Майкова и Я. Полонскаго, то я не могу обойти этого литературнаго явленія молчаніемъ, и долженъ включить его въ программу своихъ критическихъ обзорнѣй, обязанъ сказать о немъ свое откровенное слово, хотя бы оно и пришлось

не по шерсткѣ моимъ младшимъ братьямъ здѣшной университетской семьи. Я полагаю, что студенты люди уже достаточно взрослые, чтобъ выслушать *sine ira* всякое критическое замѣчаніе.

Студенческіе „сборники“ Петербургскаго университета имѣютъ свою любопытную, почти полувѣковую, исторію и удивительно рельефно отражаютъ на себѣ настроеніе русскаго общества разныхъ періодовъ нашей исторической жизни. Мысль о студенческомъ „Сборникѣ“, въ видѣ повторяющагося періодическаго изданія, была впервые осуществлена въ здѣшнемъ университетѣ осенью 1857 г., когда и вышелъ I томъ этого „Сборника“. Въ предисловіи къ этому тому мы читаемъ: „Мысль соединиться въ одну дружную семью, работать совокупными силами, имѣя въ виду общій интересъ, глубоко заинтересовала насъ. Въ выполненіи ея мы видимъ залогъ того внутренняго единства, которое необходимо для достиженія благороднѣйшихъ цѣлей. Университетъ, по самому назначенію своему, приводитъ разнообразныя элементы къ единству. Это единство выражается въ томъ, что интересъ науки является главнѣйшимъ двигателемъ университетской жизни, сглаживая другіе интересы, которые могли бы повести не къ единству, а къ разладу“. Въ другомъ мѣстѣ предисловія сказано, что предпріятіе „Сборника“ возникло между студентами „вполнѣ самостоятельно, вслѣдствіе долгихъ соображеній и товарищескихъ бесѣдъ о томъ, какимъ образомъ время пребыванія въ университетѣ, лучшее время жизни нашей, употребить съ наибольшею пользою, сообразно съ достоинствомъ университета и съ нашею вѣрою въ его высокое значеніе“ и, наконецъ, обращаясь къ направленію „Сборника“, редакторы обѣщаютъ, что онъ будетъ сохранять „самое полное безпристрастіе. Не примыкая ни къ какой партіи, не подчиняясь безсознательно чужому вліянію, онъ не будетъ истинною жертвою произвольно составленной теоріи“. „Дѣятельность ученыхъ тѣмъ плодотворнѣе,—сказано далѣе,—чѣмъ сильнѣе возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ въ молодомъ поколѣніи, а это сочувствіе въ чемъ же иномъ можетъ выразиться полнѣе, какъ не въ слѣдованіи по пути, пролагаемому двигателями науки? Не смотря на очевидность этой истины, намъ случалось слышать объ опасеніи, чтобы студенты не увлеклись новою дѣятельностью и не уклонялись бы отъ своего прямого призванія, отъ серіозныхъ факультетскихъ занятій. Но направленіе „Сборника“ нашего совершенно такое же, какое развивается университетскими курсами, а отнюдь не фельетонное.“

Пожилые дѣятели литературы и науки, къ коимъ обратились студенты за содѣйствіемъ, отнеслись къ ихъ предпріятію вполнѣ сочувственно и серьезно.

„Если вы уже научились имѣть убѣжденія,—писалъ студентамъ Н. Пироговъ,—и если вы уже имѣете убѣжденія, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ. Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукою самопознанія,

все равно, что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но рости не будетъ. Итакъ, хотите непременно знать будущность вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повѣрѣе (что, конечно, не легко), есть ли въ васъ убѣжденіе, что ваши труды должны непременно достигнуть той цѣли, которую вы имъ предназначаете. Если да, — начинайте смѣло. Остальное придетъ само собою, рано или поздно.“

Редакторами „Сборника“ были избраны 12 студентовъ, по два отъ каждаго разряда тогдашнихъ факультетовъ, а общая редакція и руководство изданіемъ были поручены адъюнкту, нынѣ академику, М. И. Сухомлинову.

Въ отдѣлѣ „Сборника“ „Лѣтопись внутренней жизни Петербургскаго университета“ высказаны нѣкоторыя мысли, показывающія, что молодежь того времени зорко слѣдила за ходомъ развитія общественной жизни и разсматривала свою *alma mater*, какъ живую часть громаднаго организма, называемаго Россіей, и переживала съ послѣдней всѣ ея тревоженія, радости и горести. „Замѣчательную эпоху переживаетъ теперь Россія, — такъ начинается лѣтопись. — Это эпоха нравственнаго обновленія ея. Послѣ войны всѣ какъ бы очнулись отъ продолжительной дремоты и стали видѣть то, чего прежде не видѣли. Всмотрѣвшись въ окружающее, сбросили съ себя ненавистную маску гордой самоувѣренности и торжественно сознались въ томъ, что мы не далеко еще ушли въ дѣлѣ цивилизаціи. Это осужденіе самихъ себя было произнесено не по увлеченію, не безотчетно, а совершенно сознательно.“ Продолжая въ томъ же тонѣ, авторъ „Лѣтописи“ устанавливаетъ связь общества съ университетомъ. „Возрастъ общества высказывается въ духѣ его учрежденій. До сихъ поръ развитіе нашего общества вѣрѣе всего опредѣлялось на молодомъ поколѣніи. Условія нашего быта таковы, что по окончаніи образованія мы рѣдко принуждаемъ работать свой мозгъ... Въ настоящее же время мы поступимъ, какъ намъ кажется, совершенно справедливо, если примемъ за норму развитія русскаго общества степень развитія университетскаго юношества.“ Далѣе приведены статистическія свѣдѣнія за 22 года о количествѣ студентовъ въ университетѣ, извѣстія объ ученой жизни учрежденія и тѣхъ научныхъ стремленіяхъ, которыя проявляются среди молодежи.

Калейдоскопъ, раскрываемый „Лѣтописью“, чрезвычайно разнообразенъ и облитъ яркими лучами, освѣщающими обновленную жизнь университетской среды. Сколько крупныхъ именъ мелькаетъ тутъ: Менделѣевъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Срезневскій, Кавелинъ и другіе! Немало именъ и молодыхъ дѣятелей науки, тогда еще студентовъ, занявшихъ впоследствии на скрижаляхъ лѣтописи нашего просвѣщенія выдающееся мѣсто, встрѣчаемъ мы въ качествѣ вкладчиковъ двухъ вышедшихъ томовъ „Сборника“: Д. Писарева, Л. Майкова, А. Коркина, А. Фаминцына, В. Макушева, Ал. Пятковского и другихъ. Всѣ статьи, принадлежащія названнымъ лицамъ, отличаются строгой научностью, серьезностью, и обнаруживаютъ въ авторахъ дѣйствительное увлеченіе своей ближайшей ученой спеціальностью. Оба тома сборника, отмѣченные печатью научности, вмѣстѣ съ тѣмъ являются тѣсно связанными съ окружающей

общественной жизнью и служить дѣйствительнымъ мѣриломъ роста разбуженнаго отъ многолѣтней спячки и подавленности русскаго общества. Второй томъ вышелъ въ 1860 г., а третій былъ подготовленъ къ печати, почти что уже весь сверстанъ, но почему-то (кажется, за отъѣздомъ М. И. Сухомлинова за границу) не вышелъ въ свѣтъ ¹⁾.

Прошло послѣ того двадцать лѣтъ. Надъ русской жизнью вообще, надъ Петербургскимъ университетомъ въ частности проносились тихіе и бурные дни, отечественный прогрессъ шелъ неправильными скачками, то дѣлая быстрое движеніе впередъ, то тотчасъ же сокращаясь и обращаясь вспять. Конецъ 1870-хъ годовъ и начало 1880-хъ годовъ были чреваты острыми событіями въ жизни университетской молодежи, но общее ея массовое настроеніе хранило преданія и традиціи, завѣщанныя ей старшимъ поколѣніемъ 50-хъ годовъ. И вотъ, когда въ 1880—1881 учебныхъ годахъ снова возродилась мысль о „Сборникѣ“, который бы былъ изданъ въ пользу недостаточныхъ товарищей университета и „слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ“, характеръ этого „Сборника“, согласно плану его инициаторовъ, долженъ былъ быть родственнымъ первому по времени „Сборнику“ 1857 года. Но тотъ „Сборникъ“ не былъ исключительно связанъ благотворительной тенденціей, являлся дѣйствительнымъ выраженіемъ тогдашней университетской жизни, новый же—имѣлъ исключительно въ виду помощь товарищамъ.

Опасаясь, что одними личными, принадлежащими перьямъ молодежи произведеніями, не достигнешь желаннаго результата, его редакторы-инициаторы, П. Якубовичъ и В. Шаталовъ, обратились къ живымъ элементамъ современной русской жизни, воплощавшимъ тогда своими трудами теченія этой самой жизни. На призывъ молодежи о содѣйствіи откликнулись: А. Шеллеръ, Н. Минскій, Макс. Бѣлинскій, О. Мищенко, К. Баранцевичъ, Я. Полонскій, В. Чуйко, Н. Златовратскій, М. Антоновичъ, А. Плещеевъ, С. Венгеровъ. Изъ студентовъ здѣсь помѣстили свои пробы пера (по большей части подъ скромными инициалами или псевдонимами) всего лишь нѣсколько человекъ, изъ коихъ первое мѣсто принадлежитъ г. Якубовичу (инициалы—„П. Я.“). Въ стихотвореніи „Призывъ“ мы встрѣчаемъ слѣдующія строфы, рисующія намъ настроеніе молодого поэта и редактора „Сборника“.

Въ битвѣ съ жизнью—пошлой, дикою,
Утопающей въ крови,
Тяжело нести великое
Знамя братства и любви.

О, приди же—съ вѣрой пламенной
И огнемъ не дѣтскихъ сновъ!
Дай мнѣ мощь твердыни каменной,
Устрашающей враговъ!

¹⁾ Его можно, однако, найти въ Публичной библіотекѣ.

Рѣчью гордой и свободною
 Мое сердце вдохнови,
 Дай мнѣ силу благородную
 Для вражды и для любви!..

Я не стану останавливаться на остальныхъ произведеніяхъ вкладчиковъ „Сборника,“ замѣчу лишь, что весь „Сборникъ“ вполнѣ отвѣтилъ содержаніемъ своему заглавію — „Откликъ“: здѣсь старшее поколѣніе откликнулось на приглашеніе молодыхъ голосовъ и принесло сюда то, что имѣетъ непосредственную и тѣсную связь съ жизнью, — такъ сказать, откликъ жизни; сами молодые литераторствующіе студенты тоже проявили отзывчивость волновавшему настроенію общества. Таково аллегорическое оправданіе названія; да и въ тѣсномъ смыслѣ слова сборникъ являлся откликомъ на нужды и горе товарищей.

Въ 1881 году въ массовомъ настроеніи университетской молодежи произошелъ нѣкоторый поворотъ. Было сознано, какъ это имѣло мѣсто и въ литературѣ 60-хъ годовъ, что улица слишкомъ захлестнула своими волнами университетскія аудиторіи, что эти аудиторіи нѣсколько загрязнились по виѣшности, что пора пообчиститься и вернуться къ болѣе спокойному настроенію 50-хъ годовъ. Явилось стремленіе нѣсколько проанализировать свою наличность научнаго знанія и восполнить тѣ пробѣлы, которые создала средняя школа и которые пополнять вовсе не была призвана университетская наука; явилось сознаніе о необходимости выработки міросозерцанія и тѣхъ убѣжденій, о конхъ говорилъ нѣкогда Пироговъ. Въ этихъ-то видахъ и цѣляхъ и было основано „Студенческое научно-литературное общество“, о коемъ уже говорено въ очеркѣ „Семидесятилѣтіе Петербургскаго университета“.

„Общество“ это принесло громадную пользу молодежи первой половины прошлаго десятилѣтія, сгруппировало лучшіе элементы тогдашнихъ аудиторій и, не отвлекая своихъ членовъ отъ живыхъ сторонъ русскаго общественнаго организма, направило ихъ силы на разработку животрепещущихъ вопросовъ науки и литературы. О, какъ были оживлены многочисленныя собранія членовъ этого общества въ залѣ ботаническаго кабинета! сколько широкихъ замысловъ, сколько богатыхъ плановъ высказывалось на собраніяхъ, сколько горячихъ рѣчей раздавалось на засѣданіяхъ, бывавшихъ подъ предсѣдательствомъ Ор. Миллера, В. Семевского, Н. Карѣва и другихъ профессоровъ и иногда въ присутствіи тогдашнихъ ректоровъ А. Н. Бекетова, И. Е. Андреевскаго! Жизнь въ обществѣ была горячимъ ключемъ, и главная цѣль — объединеніе студенчества на почвѣ научныхъ и литературныхъ интересовъ, достигалась достаточно успѣшно. Среди нѣкоторыхъ членовъ молодого общества бродила мысль о созданіи своего печатнаго органа, объ изданіи какого нибудь сборника, но этой мысли не дано было осуществиться. На то было много причинъ, главнѣйшія изъ которыхъ, во-первыхъ, та, что самая задача объединенія послѣ бурныхъ событій

конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. была очень трудна, и процессъ этого объединенія требовалъ громадной затраты силъ: слишкомъ много приходилось выяснять, сглаживать и создавать, а, во-вторыхъ, изданіе сборника было въ тѣ годы, что называется, не по сезону — врядь ли его разрѣшили бы въ желательной для студентовъ формѣ; идти же на урѣзки и сокращеніе программы, вѣроятно, большинство членовъ не согласилось бы. Общество ограничилось лишь выпускомъ (кажется, въ первый же годъ своего существованія) двухъ брошюръ: „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“ С. Платонова и „Бозмундъ Тарентскій“ П. Безобразова. Брошюры эти никомъ образомъ не претендовали на какой нибудь показатель настроенія общества, хотя, съ другой стороны, онѣ несомнѣнно являлись слѣдомъ научныхъ занятій его членовъ.

Въ 1887 году студенческое научно-литературное общество было закрыто, и жизнь университетской молодежи пошла по совершенно иному пути, который и привелъ ее къ высшей степени необычайному результату—изданію „Литературнаго Сборника“ подъ редакціей Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

VII.

Что, какъ смутный сонъ, какъ видѣнье чистой красоты, обрисовывалось неопредѣленными чертами въ классной камнатѣ г. Перцова, то фактически осуществилось нынѣ въ помѣщеніи 12 коллегій на Васильевскомъ островѣ. Молодежь отряхнула съ себя пыль улицы, сбросила вліяніе реалистической литературы и черезъ голову отцовъ дѣйствительно протянула руку трогательнаго сочувствія дѣдамъ, представителямъ чистаго искусства, непорочной эстетики сороковыхъ годовъ. Совершилось пророчество почтеннаго автора „Писемъ о поэзіи“. Тамъ, гдѣ некогда шумно обещался составъ студенческаго „Сборника“ 1857 г., гдѣ пылко призывалъ на помощь „Отклику“ г. Якубовичъ современныхъ дѣятелей реалистической литературы, гдѣ студенчество 80-хъ годовъ энергично спланивалось во имя науки и серьезной литературы, тамъ нынѣ распускается ароматическая весна, зеленѣютъ молодые дубравы, подъ сѣнью которыхъ молодые студенты „непрерывно играютъ на виолончеляхъ“ и льютъ муро и вино на жертвенникъ Аполлона, то-есть опять таки „непрерывно“ пишутъ стихи. Я подавленъ поэтическимъ колоритомъ этой картины, я взволнованъ торжественностью зрѣлища! Но откуда сіе, откуда такая овидіевская метаморфоза въ стѣнахъ храма науки? О, она имѣетъ свою исторію и прелюбопытную.

На одномъ изъ ежегодныхъ обѣдовъ бывшихъ студентовъ здѣшняго университета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, остроумный и талантливый присяжный повѣренный, В. И. Жуковскій, говорилъ рѣчь. Онъ коснулся современныхъ отношеній молодежи къ представителямъ науки и изобразилъ эти отношенія слѣдующей аллегоріей: молодежь—это тотъ ласкающій взоръ цвѣтной воздушный шарикъ, который довѣрили

опытному лицу держать на веревочкѣ; но веревочка поистерлась, вѣтеръ ослабилъ ея витокъ, и она незамѣтно для держащаго стала понемногу развиваться, удлиняться въ своемъ протяженіи и, когда это опытное лицо спохватилось, что пора веревочку замѣнить новой, цвѣтной шарикъ весело и капризно балансировалъ уже по поднебесью. Аллегорія эта обозначала—ослабленіе связи между профессорскою кафедрой и студенческою скамьей. Присутствовавшіе на обѣдѣ жрецы науки возмутились: непригодно, дескать, объ насъ, жрецахъ науки, говорить въ такомъ веселомъ тонѣ и игривомъ духѣ! Особенно погорячился почтенный Н. И. Карѣевъ, по коему случаю и произнесъ тяжеловѣсную и, кажется, очень глубокомысленную нотацию легкомысленному адвокату. Обѣдъ омрачился инцидентомъ, но не въ этомъ дѣло. Когда я теперь отъ г. Перцова попалъ въ зеленѣющія дубравы студенческой жизни, гдѣ льются чарующіе звуки віолончели и журчатъ ручьи поэзіи, я невольно воскликнулъ: „сбывается! это еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсказалъ на обѣдѣ сатирикъ-адвокатъ. Въ роцѣ не видать профессорскихъ виць-мундировъ, кафедры за ненадобностью убраны: связь между студентомъ и представителемъ науки порвалась—веревочка развилась, и шарикъ кокетливо колышется въ небесной лазури“! Но неужели нѣтъ никого, кто бы смѣлымъ прыжкомъ и дерзновеннымъ взмахомъ руки рѣшился коснуться кончика болтающейся въ воздухѣ веревочки? Не изсякло еще дерзновеніе и творчество русской жизни, не оскудѣла еще русская земля: нашелся таки смѣльчакъ, который поспѣшно прошмыгнулъ подъ носомъ „опытныхъ людей“ съ обтренавшейся старой веревочкой въ рукахъ и смѣлымъ движеніемъ притянулъ къ себѣ болтавшійся наверху шарикъ. И кто бы вы думали оказался дерзновенный?.. Имъ оказался ни болѣе ни менѣе, какъ модный и бойкій фельетонистъ г. Сыромятниковъ-Сигма изъ „Новаго Времени“. Вы удивлены, изумленію вашему нѣтъ предѣловъ? Что дѣлать—но это такъ.

Г. Сигма-Сыромятниковъ (онъ же Сергѣй Норманскій) ¹⁾ уже давно мѣтилъ въ руководители молодежи, на амплу чародѣйнаго знатока ея капризныхъ настроеній: онъ писалъ о ней фельетоны, защищалъ отъ нападокъ, бралъ подъ покровительство и рассыпался передъ ней въ комплиментахъ. При этомъ онъ тоже уже давно заявилъ себя свѣдущимъ человѣкомъ по части моднаго нынѣ символизма и западно-европейскихъ литературныхъ теченій, которыя заднимъ числомъ, послѣ отставки на первоначальномъ мѣстѣ бытія, стали энергическимъ натискомъ лѣзть къ намъ въ двери. Все это вмѣстѣ взятое создало ему популярность среди молодежи, успѣвшей уже къ нашимъ днямъ облегчиться отъ докучной научной обузы и вліянія профессорскаго авторитета. Напрасно хлопоталъ профессоръ Н. И. Карѣевъ о „выработкѣ міросозерцанія“ молодежи, тщетно пускалъ онъ въ ходъ всю тяжелую

¹⁾ Псевдонимы г. Сыромятникова уже давно раскрыты въ „Новомъ Времени“ и имъ самимъ, почему, надѣюсь, я и не дѣлаю нескромности, называя писателя полнымъ именемъ.

артиллерию своихъ научныхъ аргументацій—молодежь эта въ видѣ скучной повинности несла неокладные расходы по приобрѣтенію изданій своего ученаго руководителя, но ихъ не читала, а если и принималась за чтеніе, то немедленно вступала въ пререканія съ профессоромъ и объявляла, что его „письма“ по ея адресу „никуда негодная вещь“. И вотъ, когда профессоръ Карѣевъ нѣсколько обремизился въ своихъ стараніяхъ, и веревочка съ цвѣтнымъ шарикомъ выскользнула изъ его рукъ, слѣдившій за всѣмъ происходящимъ изъ-за угла бойкій фельетонистъ и репортеръ овладѣлъ желанной веревочкой и распорядился шарикомъ по своему газетному усмотрѣнію. Г. Сыромятниковъ въ своихъ дѣйствіяхъ обнаружилъ не только поразительное остроуміе, но и высокое эстетическое вдохновеніе. Очувшившись въ роли руководителя молодежи, онъ сумѣлъ съ выгодой воспользоваться своимъ положеніемъ. Во-первыхъ, оно дало ему интересный матеріалъ для бойкихъ фельетоновъ, во-вторыхъ, оно позволило ему, основываясь на поэтическомечтательномъ настроеніи этой молодежи, завязать солидныя литературныя связи. Вести молодежь въ свою редакцію было неудобно: какъ еще эта редакція отнесется къ шумному появленію молодежи, и захочетъ ли она съ нею возжаться! вести ее на выучку къ той части литературы, которая нѣсколько сторонится его самого, г. Сыромятникова, было опасно: онъ лично могъ остаться, что называется, при печальномъ интересѣ. И вотъ тогда его осянула блестящая идея—устроить торжественную встрѣчу убѣленной серебристою сѣдиною старости съ окрыленной розовыми надеждами кипучей младостью. Онъ рѣшилъ отпраздновать въ стѣнахъ университета, среди зеленѣющихъ дубравъ молодой литературы, ширь поэтовъ, юбилейное торжество маститыхъ „парнасцевъ“ А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Но такъ какъ *tres faciunt collegium*, то по сему, въ подмогу маститымъ поэтамъ, былъ приглашенъ ихъ сверстникъ, почтенный Д. В. Григоровичъ, какъ представитель литературы сороковыхъ годовъ. Участіе Д. В. Григоровича, какъ читателя увидятъ далѣе, было даже необходимо.

И вотъ маститые старцы явились въ поэтическія рощи университета, возлегли на приготовленные для нихъ изъ душистыхъ травъ ложа, украсили свои сѣдыя кудри вѣнками изъ розъ и стали ожидать начала торжества, причемъ каждый изъ нихъ приготовилъ заранѣе для произнесенія подобающую случаю рѣчь. А тѣмъ временемъ г. Сыромятниковъ отобралъ изъ числа студентовъ четыре десятка лучшихъ юношей, сдѣлалъ обстоятельной смотръ дарамъ Аполлона, которые юноши эти должны были положить къ подножію ложи „парнасцевъ“¹⁾, и, когда все оказалось въ нужномъ порядкѣ, повелъ молодежь подъ своимъ покровительствомъ на юбилейное торжество. Ахъ, что за умильное зрѣлище представилось моимъ очамъ: старцы духомъ юные благословили преклонившуюся передъ ними рѣзвую младость!

¹⁾ Объ этомъ смотрѣ см. „Новое Время“, фельетонъ „Вешніе восты“, 23-го апрѣля, с. г.

Церемоніаль торжества, по заранѣ выработанной г. Сыромятниковымъ программѣ, былъ таковъ: сначала каждый молодой человѣкъ преподнесъ каждому старцу по подарку—кто стихотвореніе, кто цѣлую поэму, кто повѣсть, кто разсказъ, кто очеркъ, кто виньетку, кто рисунокъ. Когда подарки были сложены въ кучу, началось говореніе.

Первый, въ качествѣ почетнаго гостя, произнесъ свою рѣчь Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, на долю котораго, какъ начальника художественнаго музея въ Петербургѣ и свѣдущаго человѣка по части рисованія, выпало наибольшее количество подарковъ и при томъ, скажемъ по чистой совѣсти, наиболѣе цѣнныхъ: всѣ рисунки и виньетки оказались дѣйствительно весьма недурны. Рѣчь автора „Проселочныхъ дорогъ“ носила на себѣ характеръ ласковаго привѣта...

„Развѣ служеніе искусству не увлекательнѣе всѣхъ соблазновъ?—спрашивалъ онъ.—Даръ творчества выше всѣхъ существующихъ наградъ; онъ отъ Промысла и тотъ, кто принялъ его съ любовью, всѣмъ сердцемъ, кто воспиталъ въ себѣ и взлелѣялъ,—смѣло можетъ стать въ ряду лицъ, прибавляющихъ къ чести своего отечества! Какое общественное положеніе можетъ сравниться съ славой знаменитаго писателя? Сколько событій пронеслось послѣ кончины Пушкина и Гоголя! Были государственные перевороты, были кровавыя войны, возникали и умирали крупные общественные дѣятели,—и все это мало-по-малу улеглось одно за другимъ, изгладилось изъ памяти, затушеввалось временемъ, унеслось, какъ волны морскія, на время поднятыя временной бурей.“

И такъ историческія событія забыты, забыты дѣятели науки и руководители общества, но не забыты только геніальныя произведенія великихъ учителей Пушкина и Гоголя; а потому да здравствуютъ „литераторы сороковыхъ годовъ“, которые благоговѣли передъ великими учителями и „считали за счастье стать въ тѣнь литературнаго знамени, которое такъ высоко они держали“, при чемъ „по мѣрѣ силъ и способностей старались подражать примѣру великихъ учителей, вдохновлялись ихъ любовью къ искусству и уносили вѣру въ трудъ, выражавшій эту любовь“! Юноши отвѣтили на возгласъ маститаго оратора громкими криками: „Да здравствуетъ литераторъ сороковыхъ годовъ, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ“!

Когда бурные крики стихли, выступилъ впередъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Знаменитый „парнасецъ“ произнесъ блестящее слово о поэзіи вообще, расхвалилъ преподнесенные ему дары и язвительно упомянулъ о лжеученіяхъ.

„Одна уже мысль, что поэзія опять въ ходу у юношества,—сказалъ авторъ „Трехъ смертей“,—какъ это было въ далекіе годы моей молодости, моего студенчества,—меня и обрадовала и умилила. Вѣдь поэзія для юноши—это воспитаніе души, воспитаніе и облагороженіе чувства, подъемъ духа, просвѣтленіе передъ юнымъ умомъ идеаловъ красоты, добра и блага... Всю работу человѣческой мысли въ религіи, философіи, осмысленіе жизни народовъ и отдѣльныхъ лицъ, ее двигавшихъ и выражавшихъ, словомъ—весь результатъ всей исторіи человѣчества, а тѣмъ паче исторической жизни родной страны, долженъ воплотить въ себѣ поэтъ: какой широкій горизонтъ передъ нимъ открывается, на какую высокую онъ становится точку зрѣнія на всемірную и свою личную жизнь. Во всемъ этомъ хаосѣ онъ дол-

женъ угадать свѣтъ истины, который передъ нимъ, и устроить все въ этомъ хаосѣ. Вотъ что дастъ намъ любовь къ поэзіи,—и эти годы, проведенные ими подъ ея солнцемъ, всегда будутъ имъ казаться впоследствии какимъ-то когда-то прожитымъ ими золотымъ вѣкомъ, какимъ-то свѣтлымъ раемъ, гдѣ они жили въ созерцаніи Божества, въ непосредственномъ общеніи съ Нимъ... Хорошій признакъ, подумалъ я, этотъ поворотъ къ поэзіи въ юншествахъ,—и очень серьезный, ибо онъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ признаковъ общаго оздоровленія нашего образованнаго общества.“

Рѣчь свою старецъ-поэтъ закончилъ обращеніемъ къ молодежи, называвая аллегорически ея поэтическія подношенія словомъ „побѣги“. „Дай Богъ проявиться во всемъ ея могуществѣ этой жизненной творческой силѣ: да подымаются и растутъ прямо къ солнцу эти молодые побѣги, да не искривитъ однихъ и не убьетъ другихъ какой нибудь налетѣвшей, Богъ вѣсть откуда, внезапный ураганъ... А эти ураганы въ видѣ разныхъ доктринъ и лжеученій, увь! неизбежны и въ литературной жизни: счастливы тотъ, кому они послужатъ въ пользу, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть укажутъ вамъ ваши недостатки и остерегутъ отъ ошибокъ и ложнаго пути, по которому пошли другіе.“

И снова юноши-литераторы дружно прокричали: „Слава поэту Аполлону Николаевичу Майкову, охватившему „всю работу человѣческой мысли“! Ререант доктрины и лжеученія“! И тотчасъ же всѣ 40 молодыхъ студентовъ почувствовали себя существующими „въ золотомъ вѣкѣ, въ какомъ-то свѣтломъ раю, гдѣ они созерцаютъ Божество въ непосредственномъ общеніи съ Нимъ“.

Когда молодые люди достаточно насладились чудными ощущеніями, всталъ съ ложа Яковъ Петровичъ Полонскій. По правдѣ признаться, я замеръ въ тотъ мигъ отъ волненія; мнѣ стало страшно за нашего маститаго поэта. Я еще недавно, часа два тому назадъ, узналъ про г. Полонскаго въ классной комнатѣ г. Перцова, что „изъ всѣхъ его размышленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія“, и вдругъ онъ—въ роли глашатая истины молодежи! „Что-то будетъ“? шепталъ я, но стоило мнѣ только взглянуть на воодушевленное лицо оратора, на его гнѣвно сверкающіе глаза, какъ я сейчасъ же понялъ всю неосновательность моихъ опасеній. Яковъ Петровичъ выглядѣлъ настоящимъ громовержцемъ и вдохновеннымъ жрецомъ Аполлона. Рѣчь его была посвящена „злобѣ дня“.

„...Помню я одинъ знаменитый вечеръ въ залѣ, когда-то въ Петербургѣ всѣмъ извѣстнаго, художественнаго клуба. Было тѣсно и душно; публика захватила всѣ кресла и занимала всѣ проходы между рядами ихъ. И не мудрено: въ этотъ вечеръ на балюстрадѣ ожидалось появленіе одного изъ корифеевъ тогдашней журналистики. Неистовымъ громомъ рукоплесканій былъ встрѣченъ и провожаемъ этотъ любимецъ интеллигентной толпы, въ особенности молодежи. Когда онъ читалъ, каждое слово его казалось ей закономъ. И что же было темой его поученій?.. Этого нельзя забыть. Онъ проповѣдывалъ, что занятіе поэзіей—сущій вадоръ, пустяки, нѣчто простибельное однимъ только малоумнымъ и пошлымъ людямъ, что пробовать писать, стремиться къ такъ называемому творчеству или художеству—значитъ просто терять золотое время, что все молодое и честное должно отдаться только одному изученію природы, на все же, кромѣ естествознанія, физики, химіи и фи-

зіологін, не стоить обращать никакого вниманія, ибо все остальное—не что иное, какъ сумбуръ, метафизика, идеализмъ или никому ненужная эстетика... Я, разумеется, молчалъ. Могъ ли я, который въ тѣ знаменитые дни имѣлъ несчастье носить одну изъ самыхъ позорнѣйшихъ кличекъ, кличку поэта, могъ ли я высказать то, что приходило мнѣ въ голову? А мнѣ приходили въ голову стихи Некрасова:

Врѣтля-писатели! въ нашей судьбѣ
 Что-то лежитъ роковое:
 Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
 Выбрали дѣло другое—
 Не было-бъ точно, согласенъ и я,
 Жалкихъ писакъ и педагоговъ—
 Только бы не было также, друзья,
 Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
 Чтобъ одного возвеличить, борьба
 Тысячи слабыхъ уносить...

„Но и этихъ стиховъ вслухъ не могъ бы я произнести тогда изъ опасенія быть публично осмѣяннымъ. Некрасова терѣбли, какъ поэта тенденціознаго, но многіе отвергали даже и тенденціозную поэзію, даже „Марсельезу“ находили ненужной и лишней, что и было высказано въ одной изъ журнальныхъ статей того времени. Вотъ какова была модная злоба тѣхъ дней, и всѣ—за исключеніемъ безмолвствующаго меньшинства—поклонялись ей.“

Послѣ такого сердитаго приступа, гдѣ почтенный ораторъ создалъ силою своего поэтического дара эпизодъ о никогда не бывалой рѣчи указаннаго имъ содержанія, послѣдовалъ головокружительный каскадъ словъ: Пушкинъ, Страховъ, пожаръ Москвы 1812-го года, кулаки, дворянскія усадьбы, тѣнистые сады предковъ! Весь этотъ словесный ералашъ долженъ былъ служить къ установленію слѣдующаго факта, замѣченнаго въ общественной жизни маститымъ поэтомъ: „Я не помню времени, когда бы пишущихъ стихи было такое множество, когда бы сборники стихотвореній появлялись въ такомъ количествѣ. Точно на зло всѣмъ злобамъ нашихъ дней, наше русское общество выдѣляетъ изъ себя сотни, тысячи (!) молодыхъ людей, порывающихся въ область поэзіи“. Въ заключительной части своей рѣчи г. Полонскій обратилъ вниманіе молодежи на противоположныя другъ другу примѣненія, которыя можно извлечь изъ науки вообще, и заявилъ, что она должна быть подчинена законамъ нравственности, краеугольный камень которой слова Христа: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“.

Рѣчь Якова Петровича была нѣсколько длинна, несовѣмъ стройно обнимала собою множество предметовъ и вопросовъ, такъ что оставила въ слушателяхъ довольно смутное впечатлѣніе. Было ясно, что ораторъ стремится, во-первыхъ, опровергнуть мнѣніе о немъ, что „изъ его размышленій не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія“, и, во-вторыхъ, пользуется удобнымъ случаемъ, чтобъ наговорить не лестное по адресу того времени, когда за нимъ не признали званія руководителя общества. Для вящаго уязвленія того времени поэтъ прибѣгъ къ нѣсколько предосудительному способу: онъ въ пылу полемики создалъ легенду по поводу содержанія лекціи въ художественномъ клубѣ. Какъ доподлинно извѣстно, лекторъ, Н. Г. Чернышевскій, въ своей рѣчи, посвященной

памяти Добролюбова, и не думалъ называть истинной поэзіи сумбуромъ и ненужной эстетикой. Но какъ бы то ни было, Я. П. Полонскій пожалъ лавры: ему тоже прокричали хоромъ „славу“ и провозгласили регат критикѣ шестидесятыхъ годовъ.

Такимъ образомъ праздникъ „парнасцевъ“ вполнѣ удался. Поэты лауреаты получили возможность наговориться въ сласть, свести нужные счета и подкрѣпили утвержденіе г. Перцова, что нынѣ „молодежь повально пишетъ стихи“, при чемъ съ трогательной нѣжностью благословили это плодотворное занятіе: продолжайте, моля, намъ пріятно! Объ этомъ торжествѣ г. Сыромятниковъ повѣдалъ публикѣ въ одномъ изъ своихъ (см. выше) воскресныхъ фельетоновъ, гдѣ съ свойственной современнымъ молодымъ вообще людямъ скромностью отмѣтилъ свою выдающуюся въ торжествѣ роль, разсказалъ, какъ фабриковались подарки маститымъ поэтамъ, сколько хлопотъ выпало на его долю, и какъ онъ все отлично устроилъ къ удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. За всѣ хлопоты г. Сыромятникова молодые литераторы-студенты принесли ему признательность, причемъ похвалили его за ласковое отношеніе къ студентамъ вообще.

Послѣ сдѣланнаго мною описанія литературнаго празднества ознакомимся въ краткихъ чертахъ съ характеромъ тѣхъ подарковъ, которые были поднесены маститымъ поэтамъ, благо, эти самые подарки выставлены для безпрепятственнаго обозрѣнія публики подъ стеклянной витриной, именуемой „Литературный сборникъ произведеній студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета“.

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча...

Въ витринѣ гг. студентовъ тоже все есть, и ситець, и парча, и миткаль, и канаусъ, короче всѣ тѣ предметы употребленія, которые по дешевой цѣнѣ продаются въ каждой суровской лавочкѣ; товаръ этотъ недорогъ, но и не Богъ вѣсть какого качества. Мнѣ непонятно, почему старцы-поэты обрадовались такъ сильно этимъ дарамъ и почему они такъ расхвалили способы его производства. Скажи они просто: „намъ не дорогъ вашъ подарокъ, дорога ваша любовь“, и я не осмѣлился бы тутъ сказать слова, но, однажды товаръ расхваленъ, и молодежи усиленно рекомендовано дальнѣйшее его производство, я рѣшительно вынужденъ высказать свое несогласіе съ маститыми юбилярами. Мнѣ грустно, что молодежь такъ смѣло и такъ на весь честной народъ открыто выступила ради удовольствія нѣсколькихъ стариковъ-литераторовъ съ такимъ обиліемъ слабой поэзіи и слабой прозы. Кто не шалилъ въ молодыхъ годахъ перомъ? но эти шалости всегда бывали останавливаемы голосами взрослыхъ опытныхъ людей, твердившихъ: „Не торопитесь печататься! Укрѣпите сначала свои умственные силы, выработайте технику рѣчи, запаситесь стойкими убѣжденіями и тогда дерзайте!“ Въ такомъ духѣ, напримѣръ, говорилъ Пироговъ студентамъ 1857 года.

Но времена измѣнились: студенты показали гг. Майкову, Григоровичу и Полонскому санкціонированныя авторитетнымъ одобреніемъ г. Сигмы свои пробы юнаго пера, и почтенные старцы литературы заторопили молодежь вынести эти пробы на Божій свѣтъ.

Не то, чтобъ эти произведенія молодости были ужъ очень плохи (среди профессиональной литературы попадаются порою вещи и еще слабѣе, еще несовершенноѣ!), но тотъ антуражъ, та оправа, въ которую облекли появленіе на свѣтъ этихъ произведеній, никуда не годны, фальшивы до послѣдней степени и бросаютъ на нихъ невѣрный свѣтъ. Не слѣдовало торопить молодежь печататься, не слѣдовало кружить ей голову обѣщаніемъ успѣха и излишними похвалами, не слѣдовало производить шума по поводу ихъ литературнаго зуда. Слѣдовало же ей сказать то, что говорилъ Пироговъ 40 лѣтъ тому назадъ въ аналогичномъ случаѣ, но... тогда, весьма вѣроятно, симпозионъ „парнасцевъ“ не состоялся бы. Можетъ быть, тогда не была бы достигнута благотворительная сторона дѣла, но это другой вопросъ—я останавливаюсь лишь на литературно-общественномъ значеніи событія.

Дѣло молодежи, пока она въ университетѣ, учиться, вырабатывать свое міросозерцаніе, а не стремиться безъ достаточнаго права на то, минуя лекціи, въ какой-то свѣтлый рай, къ туманному и фантастическому созерцанію Божества. Свѣтлый рай—хорошая вещь, но его нужно заслужить и лучшее средство для того выработка убѣжденій научнымъ путемъ, о коей говорилъ Пироговъ, и которую клали въ основаніе своей университетской жизни студенты первой половины 80 годовъ. Есть у молодежи свободное время и хочется ей развлечься литературой, есть тяготѣніе къ писанію,—никто ее за то не осудитъ, но пусть это будетъ, до поры до времени, про себя, въ скромной обстановкѣ своихъ кабинетовъ или въ тѣсномъ кругу университетской семьи. Если же студенты хотятъ заявить о себѣ публикѣ, то пусть они и заявляютъ себя, какъ студенты, то-есть скромные служители науки и младшіе члены единой великой университетской семьи, какъ это и сдѣлали нѣкогда ихъ старшіе братья 50 годовъ. Пусть аудиторіи не будутъ обращены въ „молодые рожи, начинающія опухать первымъ распускающимся листомъ“, пусть кафедра не будетъ замѣнена жертвенникомъ Аполлона! Пусть молодежь запасается изъ университета тѣмъ, что онъ непосредственно даетъ—научнымъ знаніемъ, а не расплывчатыми смутными мечтаніями о сладости рая!.. Проку отъ такихъ беспочвенныхъ мечтаній никому не будетъ: ни самимъ студентамъ въ ихъ настоящей жизни, ни отечеству отъ нихъ въ будущемъ. Ихъ страсть къ стихотворству—явленіе вовсе не отрадное, и я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Буренина, заявившаго по поводу студенческаго „Сборника“ и рѣчей его редакторовъ, что

„...Замѣчаемое теперь усиленное стремленіе учащейся молодежи къ стихоплетству совсѣмъ не утѣшительно... стихоплетство совсѣмъ не поэзія, стихоплетство

вещь вообще жалкая и скучная, а въ неизмѣрномъ количествѣ прямо даже нетерпимая. Усиленное стремленіе молодежи къ стихоплетству и усиленный наплывъ въ литературу посредственныхъ стихоплетовъ свидѣтельствуеетъ совсѣмъ не о возрожденіи, а объ упадкѣ. Даже смѣшно слышать, какъ разные маститые жрецы Феба своими старческими улыбками привѣтствуютъ нынѣшнюю молодежь за стихоманію и своимъ старческимъ брюзжаніемъ попрекаютъ заднимъ числомъ молодое поколѣніе 60-хъ годовъ за то, что это поколѣніе въ свое время обнаруживало любовь къ естественнымъ и политическимъ наукамъ, и отнюдь не было заражено стихоманіей? Какое, подумаешь, дурное дѣло въ періодъ школьной жизни заниматься науками и какое превосходное дѣло, отвлекаясь отъ ученья, заниматься кропаньемъ стишковъ...“

Но довольно о значеніи праздника парнасцевъ, устроеннаго г. Сигмой. Я долженъ былъ бы сказать о тѣхъ произведеніяхъ баллетрическихъ и поэтическихъ, которыя исключительно вошли въ составъ „Сборника“, но мнѣ не хочется конфузить никого изъ молодежи въ частности, поименно, а такъ какъ въ моемъ распоряженіи слишкомъ мало данныхъ для похвалы, то я дипломатически и въ интересахъ благотворительной цѣли изданія поступлю такъ: я не буду разбирать напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ произведеній, а обращусь къ своимъ читателямъ съ просьбой купить этотъ „Сборникъ“, раскошелиться всего на три рубля. Этимъ самымъ они сдѣлаютъ доброе дѣло, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, съ полчинымъ въ рукахъ получатъ возможность провѣрить все то, что мною выше было сказано объ общественномъ значеніи „Сборника“ и поэтическомъ торжествѣ гг. Григоровича, Майкова и Полонскаго.

Въ заключеніе же настоящаго обзорѣнія теченій молодой литературной мысли я попрошу своихъ читателей послѣдовать за мною изъ аудиторій университета на одну изъ литературныхъ бесѣдъ въ залъ 5-ой С.-Петербургской гимназій, гдѣ мы отдохнемъ и отъ напыщенныхъ рѣчей маститыхъ юбиляровъ, и отъ лицезрѣнія сусальныхъ подарковъ, имъ преподнесенныхъ, и отъ юркихъ хлопотъ распорядителя юбилея, такъ ловко перехватившаго у гг. профессоровъ обтрепанную веревочку съ цвѣтнымъ шарикомъ.

IX.

Изъ нѣкоторыхъ записокъ современниковъ, напримѣръ, В. Стоюнина, мы знаемъ, какое выдающееся значеніе въ исторіи средней школы имѣли въ 40-хъ годахъ „литературныя бесѣды“, гдѣ лучшіе воспитанники старшихъ классовъ читали передъ собраніемъ товарищей и учителей сочиненія на заданную тему. Эти бесѣды служили очень хорошимъ коррективомъ къ плохой тогдашней педагогической системѣ, къ отсутствію порядочныхъ учителей и классныхъ руководствъ. Съ теченіемъ времени, однако, эти бесѣды почему-то были уничтожены, и въ семидесятыхъ годахъ ихъ мѣсто заняли схоластическія упражненія съ центромъ тяжести въ супинахъ, аористахъ и экстемпораліяхъ. При благосклонномъ участіи братушекъ-чеховъ русское юношество разучилось родному языку, русской исторіи, не воспринявъ, однако, въ должной степени духа античной куль-

туры и органически не проникшись красотами сушиновъ. Наступилъ періодъ безграмотности и умственной простраціи. „Хорошій признакъ этотъ поворотъ къ поэзіи въ юношестваѣ и очень серьезный, ибо онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—одинъ изъ признаковъ общаго оздоровленія нашего образованнаго общества!“—патетически восклицалъ, глядя на разложенные передъ нимъ студенческіе литературные дары Ап. Ник. Майковъ. Я никакъ не могу согласиться съ маститымъ ораторомъ и вижу вмѣстѣ съ другими критиками во всѣхъ этихъ стихахъ гг. студентовъ и молодыхъ поэтовъ, собранныхъ г. Перцовымъ въ сборникъ „Молодая поэзія“, не признакъ возрожденія и оздоровленія общества, а упадокъ, умственное расслабленіе и паденіе русской литературы. Вижу это и считаю причины этихъ печальныхъ явленій въ несомнѣнномъ пониженіи общественнаго уровня, гдѣ въ числѣ важнѣйшихъ фактовъ этого пониженія необходимо отмѣтить упадокъ средней школы. И однажды этотъ уровень нуждается въ поднятіи, однажды мы нуждаемся въ оздоровленіи общества, то необходимо начать съ оздоровленія корней, съ оздоровленія школы.

Боюсь быть пророкомъ, но мнѣ кажется, что симптомы этого оздоровленія на лицо: я усматриваю его въ числѣ прочихъ признаковъ въ томъ любознательномъ умственномъ движеніи, которое наблюдается въ настоящее время среди нашихъ гимназистовъ и которое не только не подвергается гоненію и преслѣдованіямъ гимназическаго начальства, но даже встрѣчаетъ его поддержку и покровительство. Литературныя бесѣды, организованныя теперь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ видахъ выработки просвѣщеннаго міросозерцанія юношества, могутъ имѣть самое благотворное и живительное на нихъ вліяніе; но это вліяніе будетъ, дѣйствительно живительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если юношеству будетъ предоставлено какъ можно большее поле самодѣятельности, и на его молодую душу не ляжетъ печать казенщины и сухого формализма. Пусть мозгъ работаетъ самостоятельно, пусть молодые люди собственными силами, въ живомъ общеніи мнѣній доходятъ до выводовъ и заключеній. Дѣло руководителей умно, любовно, съ тактомъ и исключительно въ интересахъ юношества и дѣла просвѣщенія, не примѣшивая сюда никоимъ образомъ своихъ служебныхъ интересовъ, направлять ихъ занятія, сглаживая встрѣчающіяся рѣзкости, предостерегая отъ односторонности и неумѣренныхъ увлеченій; при этомъ главнымъ образомъ на обязанности этихъ руководителей должно лежать внушеніе юношамъ любви къ научному знанію, но никакъ не поощреніе беспочвенныхъ и смѣшныхъ исканій „золотого вѣка“, „свѣтлаго рая“ и невѣдомаго божества. Юноши должны научиться правильно мыслить, дисциплинировать свой мозгъ, а не растлѣваться въ болѣзненныхъ порывахъ и мечтаніяхъ. Чувство красоты не должно быть имъ чуждо, но это чувство должно быть подчинено сознательности; форма не должна быть поставлена выше содержанія, почерпнутаго изъ явленій видимаго и разумно понимаемаго міра.

И вотъ то, что мнѣ удалось вынести изъ литературныхъ бесѣдъ

воспитанниковъ 5-й С.-Петербургской гимназіи, въ значительной степени удовлетворило моимъ ожиданіямъ. Я видѣлъ многочисленную группу гимназистовъ, собравшихся въ интересахъ научнаго и литературнаго знанія, сознающихъ свои слабыя еще силы, но желающихъ путемъ серьезнаго труда выработать въ себѣ тѣ убѣжденія, которыя такъ высоко ставилъ Пироговъ. Здѣсь не было погони за эффектомъ, за дешевой и звонкой фразой; я не замѣтилъ здѣсь желанія порисоваться знаніемъ послѣдняго слова западно-европейской психопатической литературы, не замѣтилъ стремленія оригинальничать и нагромождать свѣдѣнія изъ всѣхъ только что прочитанныхъ книжекъ. Все было просто, дѣльно, скромно и научно. Сначала хоръ воспитанниковъ исполнилъ музыкальный №, затѣмъ началось чтеніе рефератовъ. Темы для такихъ рефератовъ пріятно изумляютъ своимъ разнообразіемъ. Вотъ „чтеніе о Пиндарѣ и его одѣ“, о „воспитательномъ значеніи драмы А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“, о „стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева“, вотъ слово, посвященное „памяти Т. Н. Грановскаго“, вотъ полубеллетристическій отрывокъ, посвященный „воспоминаніямъ изъ поѣздки на Уралъ“; я съ удовольствіемъ прослушалъ интересный и обстоятельный рефератъ о С. М. Соловьевѣ, о „внутренней политикѣ Ивана Даниловича Калиты“, о причинѣ роста Московскаго государства при Калитѣ. Встрѣчались рефераты по естествознанію, нѣкогда столь преслѣдуемому въ стѣнахъ нашихъ гимназій, напримѣръ, объ „Отношеніи между окраской и окружающей средой у животныхъ“, и нѣсколько другихъ. Тѣ изъ молодыхъ гимназистовъ, которые чувствуютъ въ себѣ склонность къ поэтической дѣятельности, по просьбѣ товарищей, прочли нѣсколько очень милыхъ и содержательныхъ стихотвореній. Стихотвореніе, напримѣръ, ученика 7-го класса Б. Палецкаго лучше большинства стихотвореній изъ „Литературнаго Сборника“ студентовъ университета. Вотъ оно:

Товарищу-поэту.

О, прости, товарищъ, каюсь
 Не постичь мнѣ грезъ твоихъ,
 Я въ безбрежность не пускаюсь:
 У земли паритъ мой стихъ.
 Непонятны твои грезы,
 Безпричинная тоска...
 Посмотри, какія слезы
 Льются въ хатѣ бѣдняка,
 Сколько въ мірѣ есть несчатья,
 Сколько горя есть кругомъ;
 Появись среди ненастья
 Согрѣвающимъ лучемъ,
 Поддержи душою павшихъ,
 Къ цѣли ихъ направь святой,
 Ободри въ пути уставшихъ
 И о братской дружбѣ пой!

Что твоя тоска предъ горемъ
 Всей страдающей земли?
 Точно капля передъ моремъ,
 Иль былинка средъ степи.

Я не стану разбирать этого стихотворенія. Въ немъ, можетъ быть, найдутся недочеты, но оно несомнѣнно показываетъ, что въ сердцѣ автора звучать поэтическія струны и что ему присуща высокая отзывчивость на все окружающее. Я жалѣю, что лишенъ возможности, по недостатку мѣста, привести для образца гимназическаго творчества другія очень недурныя стихотворенія, на примѣръ, г. Туманиса, но, прошу читателей повѣрить мнѣ на слово, что эти стихотворенія много лучше такихъ студентческихъ произведеній, какъ:

Я иду къ невѣдомому Богу...
 Ночь вокругъ и небо въ облакахъ...
 И съ надеждой и съ отчаяньемъ въ глазахъ
 Я иду въ далекую дорогу —
 Я иду къ невѣдомому Богу...

Критическіе и историческіе рефераты учениковъ носили на себѣ несомнѣнно компилятивный характеръ, но это, конечно, не бѣда: стремленіе къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, знаніе источниковъ придетъ впоследствии, а пока хорошо и то, что они добросовѣстно знакомятся съ литературой разнообразныхъ предметовъ и не замыкаются въ какой нибудь тѣсный кругъ, откуда не видать ничего живого. Кромѣ научныхъ рефератовъ и стиховъ, нѣкоторые воспитанники очень мило прочитали отрывки изъ русскихъ классиковъ.

Каждый № программы бесѣды сопровождался преніями. Слушатели изъ гимназистовъ дѣлали свои откровенныя замѣчанія, наставники резюмировали сказанное обѣими сторонами, вставляли также свое мнѣніе, и вся бесѣда шла оживленно при напряженномъ вниманіи юной аудиторіи. По окончаніи преній, хоръ воспитанниковъ очень стройно пропѣлъ мелодичную „Утреннюю молитву“ Мендельсона, и всѣ, оживленные, съ блестящими глазами и раскраснѣвшимися щеками, разошлись по домамъ.

Присутствовавшее тутъ же на бесѣдѣ начальство сообщило мнѣ, что, по личному почину учениковъ и съ разрѣшенія начальства, воспитанники старшихъ классовъ издають журналъ „Разсвѣтъ“, редактируемый гимназистомъ же VIII-го класса, А. Николаевымъ. Мнѣ удалось видѣть этотъ очень мило отпечатанный въ типографіи „Общественная Польза“ журналъ. Это небольшое изданіе въ 8-ю долю листа и объемомъ въ два печатныхъ листа. Здѣсь печатаются читанные на „бесѣдѣ“ рефераты и стихи, подробная хроника „бесѣды“; имѣется также отдѣлъ „Замѣчательныхъ мыслей“ выдающихся дѣятелей науки и литературы, а также отдѣлы „шарады“ и „ариомографъ“, составленные учениками младшихъ классовъ. Меня не совсѣмъ удовлетворили лишь тѣ руководящія статьи, писанныя

юнымъ редакторомъ, гдѣ проглядываетъ претенціозность и желаніе политиканствовать. Это слабая сторона журнала и ее слѣдуетъ отсѣчь, такъ какъ въ ней гнѣздятся элементы, которые все предпріятіе гимназистовъ могутъ обратить въ орудіе, такъ сказать, „гипнотическихъ внушеній“. Журналъ издается въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не предназначенъ для распространенія въ публикѣ.

Встрѣча съ гимназистами-литераторами произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе, и я вынесъ изъ бесѣды съ ними гораздо больше удовольствія, нежели отъ пребыванія въ классной комнатѣ г. Перцова или отъ присутствія на торжествѣ студентовъ Петербургскаго университета.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ ¹⁾.

НОЯБРЯ 4-го 1888 года скончался, 62 лѣтъ отъ роду, извѣстный педагогъ и писатель, Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. Съ чувствомъ неподдѣльной скорби встрѣтило русское общество эту печальную вѣсть: съ арены общественной дѣятельности сошелъ въ могилу еще одинъ честный и убѣжденный человѣкъ, проработавшій неустанно на педагогическомъ и литературномъ поприщѣ въ теченіе сорока лѣтъ и успѣвшій снискать себѣ за это время общее уваженіе и любовь.

В. Я. Стоюнинъ, получивъ воспитаніе и образованіе въ эпоху 40-хъ годовъ, усвоилъ все лучшее и чистое, что выработала передовая русская мысль того времени. Суровая дѣйствительность, окружавшая его съ юныхъ лѣтъ, закалила его характеръ въ борьбѣ съ обстоятельствами, выработала въ немъ серьезный взглядъ на жизнь и приучила къ упорному труду и точному исполненію своихъ обязанностей. Уяснивъ себѣ недостатки нашей общественной жизни, особенно рельефно выразившіеся въ постановкѣ у насъ педагогическаго дѣла и семейнаго строя, въ низкомъ уровнѣ развитія общественной жизни въ связи съ общественными идеалами, Владиміръ Яковлевичъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ, научныхъ и педагогическихъ произведеній, указывалъ на эти пробѣлы нашей жизни, настойчиво проповѣдуя необходимость самоусовершенствованія и саморазвитія, согласно съ требованіями истинной нравственности и европейскаго просвѣщенія, безъ разрыва, однако, связи съ прошлымъ родного народа, его преданіями и идеалами.

Какъ практикъ-педагогъ, какъ общественный дѣятель, Стоюнинъ не входилъ никогда въ компромиссы съ совѣстью, не поступался своими убѣжденіями и громко подымалъ голосъ тамъ, гдѣ слышалъ ложь и узкое своекорыстіе. Эта цѣльность нравственнаго облика, стойкость убѣжденій и просвѣщенный взглядъ на жизнь и ея требованія, причиняли

¹⁾ Источниками для настоящаго очерка послужили всѣ печатные труды В. Стоюнина, а также неизданные его дневники и письма къ женѣ.

покойному не мало неприятностей съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, но за то снискали ему уваженіе всего русскаго образованнаго общества, столь ярко выразившееся на его похоронахъ и въ цѣломъ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ памяти Владиміра Яковлевича и оцѣнкѣ его дѣятельности.

I.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ происходилъ изъ обѣднѣвшей купеческой семьи. Предки и родители его вели нѣкогда обширную торговлю въ Костромѣ и считались людьми съ очень хорошимъ достаткомъ; но какія-то предпріятія разстроили дѣла отца Стоюнина, и онъ, потерявъ состояніе, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Не смотря на трудное матеріальное положеніе семьи, когда мальчикъ подросъ и настала пора учиться, онъ былъ помѣщенъ въ лучшее тогда частное нѣмецкое Анненское училище.

Но не свѣтлыя воспоминанія сохранилъ на всю свою жизнь юный ученикъ объ этомъ рассадникѣ нѣмецкой педагогики: обыкновенное сѣченіе и сѣченіе по ладонямъ или, какъ тогда называли, „по рукамъ“ считалось начальствомъ лучшимъ педагогическимъ приемомъ въ отношеніи провинившихся дѣтей.

„Рѣдкій день проходилъ,—говоритъ Стоюнинъ въ своей статьѣ „Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ“¹⁾,—чтобы изъ того или другого класса въ дверяхъ корридора не слышался голосъ кого-либо изъ педагоговъ: Schuldiner, Ruthen! Тотчасъ же въ классъ являлся шульдинеръ (сторожъ) съ двумя пучками розогъ подъ мышкою и здѣсь находилъ нѣсколько мальчиковъ, стоявшихъ передъ каедрою учителя, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло... Обыкновенно, послѣ шести-осьми ударовъ, ладони и пальцы наливались кровью, вспухали и послѣ долго горѣли и дрожали, когда приходилось писать. Впрочемъ, не всѣ изъ преподавателей любили пользоваться услугами шульдинеровъ; болѣе свирѣпые приносили съ собою пучокъ розогъ и расправлялись сами, не сходя даже съ высокой каедрой, а подзывая къ ней провинившагося.“

Можетъ быть, въ этихъ первыхъ дѣтскихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ лежитъ основаніе той горячей проповѣди Стоюнина во все время его педагогической дѣятельности противъ всякаго насилія, наказанія и угрозы въ дѣлѣ воспитанія.

Послѣ двухъ лѣтъ ученія въ Анненскомъ училищѣ, Стоюнинъ былъ переведенъ въ казенную 3-ю с.-петербургскую гимназію, тоже считавшеюся въ то время лучшею изъ остальныхъ гимназій. Но и русская гимназія въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній недалеко ушла отъ своего нѣмецкаго собрата; только здѣсь сѣченіе „по рукамъ“ считалось варварскимъ, а процвѣтала обыкновенная порка. И какъ разъ въ день перехода въ новое заведеніе, новичекъ-гимназистъ попалъ на знакомую по прежнему мѣсту сцену.

¹⁾ XXV лѣтъ. Сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

„Инспекторъ, охотникъ до расправы въ этомъ родѣ,—повѣствуетъ въ той же статьѣ Стоюнинъ,—воспользовался случаемъ, когда оказалось нужнымъ безотлагательно высѣчь одного провинившагося ученика, присоединивъ къ нему нѣсколько другихъ, которые были у него на примѣтѣ за прежнія вины, и устроилъ зрѣлище для того класса, въ который попалъ я. Намъ повели попарно въ специальную комнату, гдѣ было уже все приготовлено. Главный виновникъ неудовольствія начальства, оказался тщедушный, скромный мальчикъ, который при видѣ орудій казни рыдалъ, просилъ прощенья, но напрасно...“

„Эта сцена со всѣми подробностями глубоко врѣзалась въ моей памяти“,—замѣчаетъ авторъ статьи.

За то въ научномъ отношеніи 3-я гимназія въ то время стояла въ довольно благоприятныхъ условіяхъ. Такіе опытные педагоги какъ директоръ Буссе, преподаватель Свенске и нѣкоторые другіе, оказывали доброе вліяніе на умственное и нравственное развитіе учениковъ.

Въ молодомъ и даровитомъ гимназистѣ рано проснулася жажда познанія, любовь къ наукѣ, поэзій и искусству. Уже въ младшихъ классахъ принимается онъ за стихотворство и нѣкоторыя пробы пера доставляютъ ему среди товарищей славу поэта и писателя, какъ напр., его стихотвореніе „Колокольчикъ“¹⁾, пользовавшееся въ гимназій большою популярностью и кончавшееся словами:

„Какъ желалъ бы я на волѣ
Безъ звонка жить хоть годокъ,
Но, увы! Не только въ школѣ,
Въ жизни также есть звонокъ.
Наши нужды что такое,
Какъ не долгій звонъ къ трудамъ,
Отъ трудовъ же звонъ покоя,
То отшествіе къ отцамъ“.

Развиваясь въ этомъ направленіи, Стоюнинъ на 15-мъ году жизни почувствовалъ, что гимназическое преподаваніе не удовлетворяетъ его духовнымъ потребностямъ. Явилось желаніе объяснить себѣ такія стороны настоящей и прошлой исторической жизни своего государства, которыхъ не затрогивалъ преподаватель исторіи Турчаниновъ на классныхъ урокахъ. Гдѣ же искать объясненій, какъ пополнить сознанный пробѣлъ? Читеніемъ? но книгъ было трудно достать: для покупки не было денегъ, а гимназическія бібліотеки существовали не для учениковъ; и вотъ онъ узнаетъ о существованіи въ Петербургѣ Публичной Бібліотеки, широко отворяющей 3 раза въ недѣлю двери передъ всякимъ, являющимся туда съ жаждою знанія. Какъ же было соединить время классныхъ занятій съ посѣщеніемъ бібліотеки? Классы въ гимназій продолжались съ 8 час. утра до 12^{1/2} час. пополудни и потомъ послѣ 2-хъ часовъ промежутка, который назначался на обѣдъ и отдыхъ, до 4-хъ часовъ, а вечеръ служилъ для приготовленія уроковъ, въ кото-

¹⁾ „Сѣв. Вѣстн.“ 1887 г. XII.

рыхъ въ строго-классической гимназiи не было недостатка, такъ что приходилось жертвовать промежуточнымъ временемъ отъ 12^{1/2} до 2^{1/2} часовъ и объ обѣдѣ не думать. „И вотъ три раза въ недѣлю,—повѣствуетъ Владимiръ Яковлевичъ въ своей статьѣ „Безъ исторiи и преданiй“¹⁾),—два-три гимназиста съ голоднымъ желудкомъ направлялись съ своихъ школьныхъ скамеекъ въ библиотечку съ тѣмъ, чтобы черезъ два часа возвратиться на тѣ же скамейки. Чтобы подавить бурчанье желудка покупали у Гостиного двора трехкопеечную сайку, запрятывали ее въ карманъ форменнаго сюртука и потомъ уже съѣдали, сидя за книгою въ читальной залѣ библиотечки, по возможности скрытно отъ другихъ читателей.“ Но и эти минуты наслажденiя отравлялись суровымъ отношенiемъ библиотечкарей къ любознательнымъ гимназистамъ. Послѣднiе, не зная, конечно, какъ труденъ по условiямъ жизни доступъ въ читальню учащихся въ среднихъ казенныхъ школахъ, проявляли свое открытое неудовольствiе юнымъ читальщикамъ за то, что тѣ брали книги на столь короткое время. „Что, грѣться сюда пришли?“—встрѣчалъ иной желчный библиотечкарь гимназиста, отдающаго черезъ какой-нибудь часъ обратно книгу. Вспыхнетъ, сгоритъ отъ стыда бѣдный школьникъ подъ насмѣшливыми взглядами окружающей публики и дай Богъ скорѣе поги въ классъ, гдѣ тоже грозитъ за опозданiе непривѣтливая встрѣча съ начальствомъ.

Но смотря, однако, на эти мелкiя неприятели, Публичная Библиотека дала много духовной пищи Стоюнину. Здѣсь онъ съ жадностью прочиталъ нѣсколько исторiй о Петрѣ Великомъ, исторiю Малороссiи, описанiе Отечественной войны и войнъ послѣдующихъ годовъ съ французами Михайловскаго-Данилевскаго, перебралъ „Вивлюонку“ Новикова и проглотилъ массу переводныхъ книгъ и сочиненiй разныхъ русскихъ поэтовъ. Особенно сильное впечатлѣнiе произвело на Стоюнина чтенiе исторiи Отечественныхъ войнъ: здѣсь онъ почерпнулъ тотъ горячiй патриотизмъ, который впоследствии выставлялъ какъ могучую силу, способную направить общество и народъ ко всему лучшему.

Въ 1845 г., при вступленiи въ управленiе петербургскимъ учебнымъ округомъ М. Н. Мусина-Пушкина, вышло распоряженiе о введенiи въ гимназiяхъ литературныхъ бесѣдъ, имѣвшихъ цѣлью возбудить соревнованiе между воспитанниками гимназiй. Бесѣды эти устраивались по одному разу въ недѣлю въ свободное отъ занятiй время для воспитанниковъ VI и VII классовъ, въ присутствiи и при участiи начальства гимназiи, учителя русскаго языка и преподавателя того предмета, къ которому относилось представленное сочиненiе. Въ январѣ 1846 г. въ 3-й гимназiи происходила первая литературная бесѣда, на которую представили свои сочиненiя воспитанники VII класса: Стоюнинъ „Бѣглый взглядъ на исторiю образованiя“ и Мельниковъ „Изображенiе характера правленiя Иоанна III“. Сочиненiя эти признаны были вполне удовле-

¹⁾ „Древняя и Новая Россiя“, 1879 г., кн. 1.

творящими требованіямъ теоріи словесности и правиламъ языка, а о сочиненіи Стоюпина сказано: „во всемъ сочиненіи замѣтны нетвердость, неопытность автора; нигдѣ не видно, что собственно разумѣтъ онъ подъ образованіемъ. Есть, впрочемъ, замѣчанія основательныя. Выборъ темы, кажется, не по силамъ автора, но можетъ служить доказательствомъ его любознательности и наблюдательности“.

Весною того же года Стоюпинъ кончилъ курсъ гимназій, но только въ январѣ 1847 г., по исключеніи изъ подушнаго оклада¹⁾, былъ зачисленъ своекоштнымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета философскаго факультета, историко-филологическаго отдѣленія, разряда восточной словесности. Почему Стоюпинъ остановилъ свой выборъ на этомъ факультетѣ, сохранилось его собственное признаніе, записанное въ дневникѣ 1879 г.

„... Поступая на этотъ факультетъ, я мечталъ о службѣ въ Персіи или въ Турціи при нашемъ посольствѣ. Служба эта рисовалась мнѣ въ привлекательныхъ чертахъ. Востокъ манилъ меня къ себѣ. Въ ранней юности я любилъ жить воображеніемъ, отдаваться мечтательности. Литературный романтизмъ имѣлъ на меня вліяніе, сдѣлалъ меня чуть ли не поэтомъ, по крайней мѣрѣ стихотворцемъ, а сухая окружающая дѣйствительность наводила уныніе или раздраженіе. Обыкновенная дорога молодому человѣку, кончившему курсъ въ гимназій—идти въ университетъ, а изъ университета служить. Никому не приходило въ голову о возможности какъ-нибудь иначе распорядиться собою... Быть чиновникомъ мнѣ крайне не хотѣлось. Машинальная работа мелкаго чиновника казалась мнѣ противною и совершенно не согласовалась съ моимъ характеромъ и духомъ, наклоннымъ къ поэзіи. Быть учителемъ—я также не чувствовалъ расположенія. Тогда я не понималъ высокаго значенія этого призванія и о трудахъ учителя судилъ по впечатлѣніямъ отъ своихъ учителей, которые, командуя нами, трепетали передъ грознымъ попечителемъ, извѣстнымъ Мусинымъ-Пушкинымъ. У меня были свои идеальныя стремленія, влекшія меня къ какой-то широкой дѣятельности, и при томъ свободной, не гнетущей надъ духомъ, которая могла бы привести не къ чинамъ, даже не къ богатству, что ставили себѣ на видъ мои сверстники, а къ извѣстности, къ славѣ. Поирице писателя мнѣ нравилось въ особенности; съ самаго дѣтства я съ большою охотою упражнялъ себя въ стихахъ и въ прозѣ. Но какъ остаться безъ чина? Чинъ, говорили, необходимъ для каждаго, кто хочетъ обращаться въ образованномъ кругу. Безъ чина нѣтъ у насъ жизни, безъ чина ты неполноправный человѣкъ и рискуешь на всякія оскорбленія. Всякій писатель, поэтъ, ученый гдѣ-нибудь да служить. Чиновнику, который самъ себѣ долженъ былъ пробивать дорогу, отъ службы отвертываться не было никакой возможности. Впрочемъ, я не долго думалъ, какого рода службѣ посвятить себя. Я любилъ читать путешествія въ особенности на мусульманскій востокъ: природа, историческія воспоминанія, совсѣмъ особенныя нравы, красота женщинъ увлекали мое воображеніе. Кто-то мнѣ сказалъ, что кандидатъ по восточной словесности—можетъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ приготовительный пансіонъ и оттуда черезъ два года пошлютъ на службу при нашемъ посольствѣ въ Константинополь, или въ Тегеранъ, или въ Каиръ. Чего же было искать лучше этого? Ужъ если необходимо быть чиновникомъ, то лучше всего выбрать такую дорогу. Мнѣ представлялось столько поэзіи въ жизни востока, что я не прельщался болѣе ничѣмъ, и мой выборъ былъ сдѣланъ.“

Таково было душевное настроеніе молодого студента, переступающаго порогъ высшаго учебнаго заведенія. Но какова же была университетская

¹⁾ Послѣ потерпѣ состоянія, отецъ Стоюпина перечислился въ мѣщанское сословіе.

жизнь того времени, каковъ былъ наличный составъ профессоровъ? На эти вопросы отчасти отвѣчаютъ самъ Стоюнинъ въ только-что цитированномъ нами дневникѣ.

„Я на первый же годъ ревностно принялся за изученіе арабскаго языка, — говоритъ онъ.— Но, къ сожалѣнію, въ эти годы ученый составъ оказался крайне плачевенъ. Сеиковскій, свѣтило факультета, въ этотъ годъ оставляетъ университетъ. Его мѣсто занимаетъ молодой профессоръ, магистръ казанскаго университета, только-что возвратившійся съ востока, куда его посылали на казенный счетъ, Диттель. Онъ ревностно принялся, было, за дѣло и, можетъ быть, былъ бы намъ очень полезенъ, если бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не похитила его холера. Мы остались безъ профессора и съ плохой подготовкой въ арабскомъ языкѣ. Принялись за изученіе персидскаго языка у Мирзы Тобчибашева... Онъ умѣлъ говорить поперсидски, по-татарски, погрузински, но и только; учености у него никакой не было, а помогать начинающимъ студентамъ онъ былъ не въ силахъ. Его лекціи проходили за разсказами на ломанномъ русскомъ языкѣ разныхъ анекдотовъ. Пришлось самоучкой, при самыхъ скудныхъ учебныхъ пособіяхъ, знакомиться съ языкомъ и, конечно, сдѣлать немного. На третій годъ, когда слѣдовало перейти къ турецкому языку, мы его почти не начинали: профессоръ Мухлинскій, вновь вступившій на службу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсуствія, изрѣдка только посѣщала лекціи по болѣзни.“

На этомъ оканчиваются воспоминанія Стоюнина объ ученой корпораціи восточнаго факультета; но, если составъ специалистовъ-восточниковъ, по его признанію, былъ невысокаго качества, зато такіе профессора, какъ Устряловъ, Шлетневъ, Никитенко, Манцини, какъ это видно изъ „Исторической записки“, составленной къ 50-ти-лѣтнему юбилею Спб. университета профессоромъ Григорьевымъ, изъ воспоминаній современниковъ и, наконецъ, по ходу занятій и послѣдующей дѣятельности самого Стоюнина, стояли на высотѣ своего призванія и съ полнымъ успѣхомъ вели преподаваніе своихъ предметовъ.

Н. Г. Устряловъ, человекъ знающій, трудолюбивый, но далеко не даровитый, заботился преимущественно о фактической сторонѣ знаній своихъ слушателей и главнымъ образомъ по исторіи Петра Великаго. Лекторъ Манцини читалъ курсъ итальянскаго языка. Съ 1847 по 1848 г., для разъясненія тонкостей итальянскаго стilia съ упражненіемъ въ декламациі, студенты читали подъ его руководствомъ Данта и Тасса: живое преподаваніе Манцини привлекло къ себѣ вниманіе Стоюнина и онъ ревностно принялся за изученіе итальянскаго языка: въ числѣ его рукописей, сохранившихся отъ временъ университетской жизни, находится и переводъ „Божественной комедіи“. Но особенно полезны были для молодого студента, склоннаго къ изученію поэзіи и словесности, лекціи Шлетнева и Никитенки. Первый читалъ „исторію русской литературы отъ первыхъ памятниковъ отечественной словесности до нынѣшняго времени“, въ связи съ историко-критическимъ объясненіемъ произведеній отечественной литературы; въ этомъ объясненіи онъ соединялъ „взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикой самого искусства, въ перемѣнахъ котораго показывалъ развитіе духовной жизни націи“. Кромѣ того, онъ „умѣлъ возбудить въ

слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній“. Унаслѣдовавъ послѣ Пушкина „Современникъ“ и благоговѣя передъ памятью поэта, и кромѣ того, занятый приготовленіемъ къ печати труда „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“, Плетневъ предложилъ студентамъ темою для сочиненія на соисканіе награды въ 1847—48 академическомъ году: „разсмотрѣть сочиненія Крылова и Пушкина, при чемъ опредѣлить, какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ, въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого, способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще, какъ искусства, внесли ли новыя истины въ умственную жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка“.

Въ числѣ соискателей награды явился студентъ II-го курса Владиміръ Стоюнинъ, удостоившійся за свою работу полученія почетнаго отзыва. Такимъ образомъ значеніе поэзіи Пушкина, характеръ геніальнаго писателя, столь прекрасно разработанные въ 1870 г. Владиміромъ Яковлевичемъ въ его историческомъ трудѣ „Пушкинъ“, обратили на себя его вниманіе еще на университетской скамьѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Плетнева.

Большимъ вниманіемъ своихъ слушателей и уваженіемъ ихъ пользовался другой симпатичный профессоръ, А. В. Никитенко, читавшій „русскую словесность и исторію ея съ практическими упражненіями и филологическимъ и эстетическимъ анализомъ отечественныхъ писателей“. Вотъ отзывъ одного изъ его слушателей о характерѣ этихъ лекцій ¹⁾: „проводя въ чтеніяхъ своихъ путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотой, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія“.

Эта проповѣдь о значеніи эстетики въ жизни пала въ душѣ Стоюнина на благодатную почву. Вотъ почему Владиміръ Яковлевичъ до конца остался горячимъ поборникомъ значенія эстетическаго развитія въ жизни человѣческой, какъ фактора, направляющаго человѣка къ нравственнымъ цѣлямъ жизни.

Своими знаніями итальянской литературы, а также лекціями и статьями профессора Никитенки, Стоюнинъ воспользовался, чтобы самому попытать силы на самостоятельной статьѣ. Съ этою цѣлью онъ составилъ очеркъ подъ заглавіемъ: „О вліяніи христіанства и язы-

¹⁾ Изъ біографическаго очерка „Василій Ивановичъ Водовозовъ“ В. Семевского.

чества на искусство и литературу“. Редакція „Библиотеки для Чтенія“ приняла этотъ очеркъ и напечатала его въ 1848 г. подъ заглавіемъ „Искусство и литература въ древнемъ и новомъ мірѣ“.

Помимо курсовыхъ занятій и изученія лекцій профессоровъ, Стоюнинъ жадно читалъ все, выходившее въ то время по русской исторіи и словесности. Труды молодыхъ ученыхъ С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Буэлава, познакомили его съ историческими приѣмами научныхъ изслѣдованій жизни и научили лучше понимать цѣли и стремленія исторической науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ зародили скептическое отношеніе къ старымъ научнымъ методамъ и авторитетамъ и стремленіе понять окружающую соціальную дѣйствительность, въ связи съ историческимъ прошлымъ народа. Явился скептицизмъ и въ отношеніи этого прошлаго: такъ ли оно представлено въ патріотическихъ твореніяхъ писателей, старательно рекомендованныхъ въ средней школѣ и не опровергнутыхъ въ высшей?

Нужно замѣтить, что университетская жизнь 40-хъ годовъ велась кружками, въ которыхъ молодые люди, по свидѣтельству Владиміра Яковлевича въ ст. „Безъ исторіи и преданій“¹⁾, „много читали, имѣли своихъ любимцевъ писателей и ученыхъ, охотно и даже страстно спорили о разныхъ вопросахъ жизни, которые являлись изъ чтенія тогдашней политической экономіи или философскихъ и даже религіозныхъ статей, не говоря уже о русской беллетристикѣ, которая жадно читалась и обеуживалась“. Развитію кружковъ въ университетѣ, отличавшихся, впрочемъ, по свидѣтельству Стоюнина, разными наивными стремленіями и интересами, содѣйствовали значительно политическія обстоятельства того времени: „волненія въ западной Европѣ въ эпоху 1848—49 гг. отразились на нашихъ университетахъ“—говоритъ профессоръ Григорьевъ въ своей „Исторической запискѣ“.

И дѣйствительно, мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, противъ академической свободы: воспрещеніе отпусковъ и командировокъ за границу, ограниченіе числа своекоштныхъ студентовъ философскаго и юридическаго факультетовъ: запрещеніе профессорамъ „изъявлять на лекціяхъ „въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ“ или доказывать, что, перемѣна въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ была бы полезна для государства“²⁾. Цензурныя стѣсненія журналистики и печати породили цѣлый рядъ, такъ называемыхъ, запрещенныхъ сочиненій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ получали особенное распространеніе въ обществѣ, а отсюда въ кружкахъ молодежи. Пѣсни Беранже, сочиненія Мицкевича, „Histoire de dix ans“ Луи Блана, были тѣми книжками, изъ которыхъ молодежь черпала отрывочныя знанія, раздражавшія ихъ идеальныя стремленія противорѣчіемъ съ ними дѣйствительности. А вмѣстѣ съ тѣмъ обра-

¹⁾ „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., кн. 1.

²⁾ В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“.

тяться къ своимъ учителямъ за разъясненіемъ того, насколько свѣдѣнія, почерпнутыя изъ запрещеннаго источника, соотвѣтствуютъ прошлому родины и нуждамъ народа, было невозможно, такъ какъ учителя по своему положенію должны были или замалчивать или окрашивать въ другую краску многія явленія исторической жизни государства.

„Добрые наставники,—говоритъ Владиміръ Яковлевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени въ статьѣ „Безъ исторій и преданій“,—старались оберегать насъ отъ преждевременнаго скептицизма, но не знали, что тѣмъ болѣе лжи приходилось намъ слушать и читать... тѣмъ сильнѣе и скорѣе высказывалось противорѣчіе всего этого съ тѣми преданіями... (которые) слушались изъ устъ людей близкихъ, передавались часто шопотомъ, какъ тайна и тѣмъ болѣе находили вѣру въ нашихъ сердцахъ... И вотъ историческая тайна и правда сдѣлались для насъ какъ бы синонимами; естественно, что мы искали правды тамъ, гдѣ начинали рассказъ шопотомъ... всѣ наши историческія представленія, развившіяся изъ тайныхъ преданій, не отличались ясностью, хотя и проникались нашими симпатіями и антипатіями. Это не служило въ пользу нашихъ правильныхъ отношеній къ дѣйствительности и жизни.“

Такимъ образомъ, къ концу университетскаго курса мы видимъ въ душѣ Стоюнина разладъ, тоску, чувство неудовлетворенности и томленія; но суровая дѣйствительность, нужда, требовавшая постоянной активной дѣятельности, не позволили перейти этому чувству въ чувство озлобленія, отчаянія и отрицанія. Его спасла также прирожденная и получившая полное развитіе въ учебныхъ заведеніяхъ, подъ вліяніемъ наставниковъ, склонность къ поэзіи и эстетикѣ, любовь къ наукѣ, въ которыхъ онъ умѣлъ находить примиряющую силу, указаніе на то, что существуютъ высшія начала, стремясь къ которымъ человѣкъ можетъ все превзойти и явиться истиннымъ другомъ человѣчества при всякихъ условіяхъ, даже самыхъ неблагоприятныхъ; но тѣмъ не менѣе это чувство разлада не скоро улеглось въ душѣ Стоюнина и потребовалось почти пять лѣтъ жизни, чтобы окрѣпнуть въ идеалахъ, отрѣшиться отъ романтическихъ порывовъ молодости и проникнуться полнымъ сознаніемъ обязанностей передъ обществомъ и государствомъ.

Въ 1850 г. онъ успѣшно окончилъ курсъ университета и, по представленіи диссертациі на тему „Книга совѣтовъ Шейха-Феридъ-Эудинъ Аммара“, былъ утвержденъ въ званіи кандидата историко-филологическаго факультета, разряда восточной словесности.

II.

И вотъ двери учебнаго заведенія открыты, нужно выбрать себѣ опредѣленный жизненный путь. Но куда идти? Какъ примирить романтическіе порывы души съ окружающею дѣйствительностью? „Знаній, необходимыхъ уму для уясненія своей исторической жизни, не было,—говоритъ Стоюнинъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾... Почувствовалась... позади себя какая-то пустота въ то время, когда нужно было выби-

¹⁾ „Безъ исторій и преданій“.

рать опредѣленную дорогу для общественной жизни... Куда направить себя, какъ служить дѣлу съ пользою? Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы ничѣмъ не были подготовлены“...

Тѣсенный нуждою, Стоюнинъ продолжаетъ давать въ частныхъ домахъ уроки, которые составляли источникъ его жизни и въ теченіе учебныхъ годовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удѣляетъ все больше времени литературнымъ занятіямъ, печатая свои произведенія въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи“, „Библіотекѣ для Чтенія“, „Сынѣ Отечества“. Наибольше выдающеюся за это время статьею его должна считаться—„Яковъ Борисовичъ Княжнинъ“. Тутъ впервые начинающій писатель познакомился съ цензурными строгостями начала 50-хъ годовъ. Дополнительные свѣдѣнія о Княжнинѣ въ 12-й кн. „Сына Отечества“ подверглись значительнымъ урѣзкамъ со стороны цензора Елагина, такъ что только черезъ восемь лѣтъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Стоюнинъ получилъ возможность ознакомить читающихъ со всѣмъ безобиднымъ матеріаломъ для характеристики Княжнина.

Въ концѣ 1852 года жизнь улыбнулась Стоюнину: начальство 3-й с.-петербургской гимназій предложило ему занять въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго преподавателя русскаго языка и словесности. Нечего и говорить, съ какою радостью принялъ Стоюнинъ это мѣсто. Съ этимъ вмѣстѣ измѣнилось къ лучшему и его матеріальное положеніе. Роль преподавателя словесности, которую такъ горячо любилъ молодой педагогъ, пришла къ нему по сердцу. Въ этой области еще предстояло много самостоятельной работы и, хотя преподаваніе этого предмета подъ вліяніемъ попечителя М. Н. Мусина-Пушкина, придававшаго большое значеніе этому предмету, измѣнилось съ 1851 года къ лучшему, тѣмъ не менѣ старые схоластическіе приемы еще продолжали царить съ полною силою. Уже къ концу 1853 года Стоюнинъ въ донесеніи директору гимназій такъ характеризовалъ свое преподаваніе ¹⁾:

„Въ отношеніи къ языку мною обращалось главное вниманіе на то, чтобы воспитанникъ научался легко и правильно владѣть имъ, какъ изустно, такъ и письменно, чтобы онъ подъ конецъ могъ сознательно представить себѣ всю систему языка, понимать его богатства и видѣть его историческое развитіе. Въ отношеніи словесности употреблено было стараніе внушить воспитанникамъ главныя теоретическія правила, выведенныя изъ образцовыхъ произведеній писателей отечественныхъ и иностранныхъ, съ тѣмъ чтобы они могли вѣрно смотрѣть на литературныя произведенія и сами пользоваться тѣми же правилами; при этомъ весьма кратко излагался историческій ходъ литературъ иностранныхъ и гораздо въ большемъ объемѣ—литературы русской. Во всемъ этомъ главное вниманіе было устремлено на развитіе вкуса.“

Эти основы преподаванія значительно оживили интересъ въ ученикахъ къ изученію родного языка и словесности и привязали ихъ сердца къ молодому энергичному учителю русскаго языка. „Ученики г. Стоюнина,—говоритъ авторъ „Исторической записки“ о 3-й с.-петербургской

¹⁾ Историческая записка пятидесятилѣтія 3-й с.-петербургской гимназій, составленная Н. Анчиковымъ.

гимназій, — всегда знали, на сколько дѣятеленъ ихъ преподаватель, какъ учитель и какъ ученый, и потому, цѣня каждое его слово, старались, въ свою очередь, выказать собственную работу, чтобы не заслужить неудовольствія любимаго наставника.“

Признавая, что существовавшіе до него учебники, особенно по грамматикѣ, не даютъ ученикамъ достаточныхъ серьезныхъ знаній и пониманій богатства и состава отечественнаго языка, Стоюнинъ задумалъ составить собственный „Курсъ высшей грамматики“, каковой и вышелъ въ 1855 году. Появленіе этого труда было сочувственно встрѣчено попечителемъ М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, который въ циркулярѣ по округу о преподаваніи русской словесности, такъ характеризовалъ занятія и нововышедшій трудъ: „Излагая свои курсы сообразно съ правилами, учитель былъ, однако, самостоятеленъ въ изложеніи: онъ преподавалъ по своимъ особеннымъ запискамъ, преимущественно же въ старшемъ курсѣ русскую грамматику. Эти записки вышли теперь въ свѣтъ и свидѣлствуютъ объ умѣнн г. Стоюнина содинить краткость изложенія съ отчетливостью въ выборѣ и даже съ обиліемъ подробностей“.

Въ это же время Владиміръ Яковлевичъ задумалъ и свои остальные труды по словесности, о чемъ и составилъ по начальству подробную записку объ учебникахъ для словесности съ предложеніемъ собственной программы. Хотя грамматика Стоюнина и была одобрена попечителемъ, однако, въ обществѣ на первыхъ порахъ она не встрѣтила достаточнаго сочувствія и редакція „Современника“ въ своемъ отзывѣ объ ней назвала ее „безполезною“.

Въ неизданныхъ запискахъ Стоюнина сохранилось интересное описаніе посѣщенія имъ академика Востокова по поводу выхода въ свѣтъ „Курса высшей грамматики“.

„Сегодня ѣздилъ я къ Востокову съ своей грамматикою, — записалъ 24 апрѣля 1855 года въ своемъ дневникѣ Стоюнинъ. — Онъ живетъ на Васильевскомъ островѣ, въ 4-й линіи, въ домѣ Брониковскаго. Двери на парадной лѣстницѣ отперты настежь. Вхожу въ переднюю, крошечную и темную. Никого нѣтъ. Иду снова назадъ, звоню. — Выходитъ слуга. — Дома Александръ Христофоровичъ? — Дома! — Доложи Стоюнинъ! — Пожалуйста такъ. Это меня немножко удивило: я не думалъ, чтобы къ русскому знаменитому ученому былъ такой свободный доступъ. Вхожу въ гостиную, маленькую комнатку въ два окна и очень простенькую, безъ всякихъ претензій на украшеніе. Здѣсь мнѣ представились два женскія лица — пожилая дама и молодая дѣвушка, очень недурная. Раскланиваюсь и осматриваюсь — нѣтъ хозяина. Дѣвушка соскакиваетъ со стула и быстро подходитъ къ отворенной двери въ другую комнату: — Дяденька, васъ спрашиваютъ. За этимъ тотчасъ же появляется въ дверяхъ старичекъ средняго роста, сѣденькій, въ морщинахъ, въ застегнутомъ сюртукѣ. Вся его фигура, неволью внушающая уваженіе, обратилась ко мнѣ вопросительно. — Позвольте, Александръ Христофоровичъ, представить вамъ экземпляръ моей грамматики, которую вы уже просматривали и благодарить васъ за ваши замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ моей рукописи. Онъ взялъ книгу и, повидимому, смѣшался, сталъ вертѣть ее, осматривать со всѣхъ сторонъ и какъ-будто прискивалъ что сказать мнѣ. Мнѣ было не совсѣмъ ловко стоять передъ нимъ, потому что не слыша отъ него ни одного слова, я не находилъ, что еще сказать ему, женщины смотрѣли

на насъ во все глаза, и это еще больше затрудняло мое положеніе. Наконецъ, онъ раскрылъ книгу, посмотрѣлъ на заглавный листъ и спросилъ: вы Стоюнинъ?—Да, Стоюнинъ, отвѣчалъ я. И опять молчаніе.—Пожалуйте, сказалъ онъ, и мы сдѣлали нѣсколько шаговъ въ его кабинетъ, маленькую однооконную комнатку; у окошка стоялъ небольшой письменный столъ со многими бумагами; что еще было въ комнатѣ—я не замѣтилъ. Мы остановились, едва переступивъ порогъ и все-таки подъ внимательными взорами тѣхъ же женщинъ, потому что двери остались отперты. Я даже слышалъ, что молодая дѣвушка стала что-то шептать дамѣ и въ голосъ ея слышалась усмѣшка. А Востоковъ опять сталъ вертѣть книгу. Неприятное молчаніе. Чтобы прервать его, я снова заговорилъ.—Я воспользовался вашими замѣчаніями, которые нашелъ въ своей рукописи, и чувствительно благодарю васъ.—Да когда же я дѣлалъ замѣчанія?—наконецъ, спросилъ онъ, заикаясь; онъ заикается меньше, чѣмъ я думалъ по слухамъ.—Моя рукопись была послана въ Академію Наукъ отъ министра!—Не помню! въ раздумьи отвѣчалъ онъ.—Вотъ тебѣ на! подумалъ я, не совсѣмъ лестно, онъ даже не помнитъ, а я въ предисловіи благодарю его за ученые замѣчанія.—Хорошо, я просмотрю, прибавилъ онъ, и, смотря на меня, какъ-будто спрашивалъ: я все-таки не понимаю, чего ты отъ меня хочешь? Такъ какъ я ничего отъ него не хотѣлъ, то поклонился и хотѣлъ идти. Но онъ не отдавалъ поклона и, посмотрѣвъ еще секунду, спросилъ: вы гдѣ же теперь?—Я служу въ 3-й гимназій учителемъ словесности. Опять молчаніе, опять онъ переминается съ ноги на ногу и не знаетъ, что сказать. Тутъ я уже рѣшительно поклонился и, получивъ отъ него привѣтливый поклонъ, отправился черезъ гостиную къ передней, мимоходомъ поклонился дамамъ, отъ которыхъ встрѣтилъ тоже ласковый поклонъ. Востоковъ пошелъ вслѣдъ за мною до передней и, наконецъ, въ переднюю, гдѣ простоялъ все время, какъ радушный хозяинъ, пока человѣкъ подавалъ мнѣ пальто и я одѣвался. Я раскланялся окончательно, въ недоумѣніи, доволенъ ли недоволенъ онъ моимъ посѣщеніемъ и тѣмъ знакомъ уваженія, которые я хотѣлъ ему высказать. Странный человѣкъ! Застѣчивъ или нелюдимъ, или природный недостатокъ дара слова, что тутъ дѣйствуетъ при такомъ обращеніи.—Богъ его знаетъ. При всемъ томъ его наружность и вся окружающая его простота мнѣ очень понравились; видно, что онъ человѣкъ простой, добрый и не педантъ, хотя и оригиналь. Не все русскіе ученые могутъ похвалиться этимъ. Эта встрѣча была первая и, вѣроятно, послѣдняя съ Востоковымъ, извѣстнымъ всему славянскому міру.⁴

Такова была педагогическая и ученая дѣятельность Владиміра Яковлевича въ первые пять лѣтъ по окончаніи курса въ университетѣ. Но дѣятельность эта далеко не наполняла той душевной пустоты, которая почувствовалась имъ особенно сильно въ началѣ 50-хъ годовъ; мечтательность и отвлеченная тоска по человѣческому счастью продолжали томить его. Эти чувства, по сознанію самого Стоюнина ¹⁾ „искали себѣ выхода въ посѣщеніи историческихъ мѣстностей; думалось, что пустоту наполнять живыя впечатлѣнія отъ того, что осталось отъ старины“. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ путешествіе по Россіи: онъ посѣтилъ усадьбу Державина „Званку“, чтобы полюбоваться тѣми берегами Волхова, которые производили впечатлѣніе на поэта, посѣтилъ Новгородъ, думая найти слѣды Новгорода-Великаго, былъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, проѣхался по Волгѣ, Окѣ.

Во всѣхъ этихъ странствованіяхъ и исканіяхъ сказывался еще непростывшій романтизмъ и преизбытокъ силъ, не нашедшихъ себѣ при-

¹⁾ „Безъ исторіи и преданій“. „Древняя и Новая Россія“.

мѣненія. „Воспитанные отчасти на романтизмѣ,—говоритъ онъ по поводу своего путешествія,—въ юные годы мы всё были немножко романтиками. Это-то чувство направляло воображеніе возсоздать цѣлое по обломкамъ разрушеннаго, воспроизводить былую жизнь и переживать ее собственнымъ чувствомъ.“ Однако, эти „обломки разрушеннаго“ не вполне удовлетворили его и не дали возможности воспроизвести былой жизни, но за то это путешествіе принесло молодому мечтателю большую пользу, ознакомивъ его съ отечественною дѣйствительностью, сблизило лицомъ къ лицу съ народной жизнью, ея нуждами и реальнымъ, а не фантастическимъ содержаніемъ. Въ это же время слагаются вполне его гражданскіе и социальныя идеалы, которые остались непоколебимыми до конца жизни и легли въ основаніе многихъ его послѣдующихъ литературныхъ трудовъ и жизненныхъ дѣйствій.

Путешествіе его относилось къ 1855 году, когда вездѣ въ Россіи подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій замѣчался подъемъ патріотическаго чувства и рядомъ съ этимъ чувствовался близкій неминуемый конецъ старому порядку вещей.

„Боже мой, когда присмотришься и прислушаешься ко всему тому, что дѣлается въ городахъ, какъ тяжело дѣлается на душѣ, какъ мало утѣшительнаго, какъ страшно за Россію!“ — записалъ Стоюнинъ въ своемъ дневникѣ того времени. — „Гдѣ этотъ патріотизмъ, которымъ она хвалится, гдѣ эта преданность къ отчизнѣ. Разумный патріотизмъ выказалъ нѣсколько только одинъ Петербургъ; во всѣхъ прочихъ городахъ нѣтъ его рѣшительно. Въ подтвержденіе этого вижу и слышу факты одинъ за другимъ. Отечество не существуетъ здѣсь ни для дворянъ, ни для купцовъ; существуютъ только ихъ собственныя выгоды. Служащіе стремятся наживаться на счетъ казны и людей, съ которыми имѣютъ дѣло; помѣщики на счетъ крестьянъ, купцы и мѣщане на счетъ всѣхъ. Если бы могли знать, съ какимъ трудомъ выжимаютъ здѣсь всё пожертвованія, о которыхъ громко возвѣщаютъ въ газетахъ... во многихъ уѣздахъ съ трудомъ могли набрать офицеровъ для ополченія и то кое-какихъ бездомныхъ... Даже Москва, которая изстари такъ хвалится патріотизмомъ, и та въ настоящее время выказала жалкій, гнилой патріотизмъ. Она много кричала, но какъ дошло до дѣла, то нужно было всѣхъ принуждать почти силой, чтобы не осрамить первопрестольной... всё дѣйствуютъ только для себя, а любовь къ отечеству выражаютъ только однимъ хвастливымъ крикомъ, а не дѣломъ. Приглядѣвшись ко всему этому, благодарить Бога, что у насъ еще такъ сильно царское слово. Еслибы дѣло ополченія было дано на добровольное обсужденіе дворянства, то можно сказать утвердительно, что наше ополченіе было бы ничтожно. Но назначилъ царь, и каждый исполняетъ указъ страха ради, а вовсе не изъ любви къ царю и отчизнѣ, потому что любви въ дѣйствительности нѣтъ въ такихъ душахъ. Приглядѣвшись ко всему этому, видишь, что не царей своихъ мы должны винить въ неустройствахъ, а самихъ себя, въ насъ самихъ еще мало истиннаго образованія, что же можетъ сдѣлать одинъ царь со всеми своими благородными стремленіями, когда для исполненія ихъ не найдется и сотни безкорыстно преданныхъ отечеству... Люди продажныя, люди жалкіе, прикрытые разными благовидными масками... Крестьянинъ стоитъ выше ихъ всѣхъ; только одни крестьяне нынче выказали безкорыстную любовь къ родинѣ; только одни они и судятъ, что царю нужны люди и весело идутъ въ ратники, хотя, можетъ быть, терпятъ больше всѣхъ. И этотъ-то народъ во власти самыхъ испорченныхъ людей. Господи, Господи, до чего они доведутъ Россію, какого благосостоянія ждать ей! Да, мнѣ теперь понятно, какъ должно

болѣть сердце у тѣхъ благородныхъ русскихъ сыновъ, которые имѣли случай коротко познакомиться съ нашей казенной Русью; какъ они должны страдать при видѣ общаго зла, которое не искоренить никакая сила...“

Единственное и благопріятное впечатлѣніе вынесъ онъ изъ посѣщенія Троицко-Сергіевой Лавры.

„Здѣсь такъ хорошо,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—что не хочется выйти. На душу ниспадаетъ какое-то благоговѣніе. Здѣсь-то и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко. И святыня и старина, и историческія воспоминанія, все соединяется вмѣстѣ и наполняетъ душу высокимъ чувствомъ. Да, я вѣрю, что здѣсь страдающій дѣйствительно найдетъ утѣшеніе и облегченіе. Не помню и я, чтобы какое-нибудь мѣсто такъ сильно подѣйствовало на меня и такъ бы соединилось съ моею душою. Господи, какъ здѣсь хорошо человѣку, не потерявшему вѣры въ святое и любящему свое родное! Сколько вѣры въ помощь и благодать Божию, сколько любви къ человѣку, сколько надеждъ на лучшее будущее для русскаго народа, такъ много выстрадавшаго, раскрывается въ душѣ и живетъ ее. Хотѣлось видѣть Филарета, передъ которымъ я благоговѣю, но онъ въ эти дни не служилъ, не выходилъ и никого не принималъ...“

Набираясь такимъ образомъ во время своего путешествія живыхъ впечатлѣній отъ народной жизни и ея старины, размышляя надъ современнымъ положеніемъ Россіи, Стоюнинъ по немногу освобождался отъ томившихъ его въ предшествовавшіе годы тоски и безотчетныхъ мечтаній. Вмѣстѣ съ внутренней работой надъ собою, онъ не оставался чуждъ также вліянія лучшихъ представителей педагогической среды, которые сумѣли добрымъ словомъ ободренія, совѣтомъ и участіемъ помочь молодому мечтателю выйти на истинную дорогу, соотвѣтствовавшую его призваніямъ. Когда Владиміръ Яковлевичъ былъ еще въ 6-мъ классѣ 3-й гимназіи, туда поступилъ преподавателемъ русскаго языка Аникита Семеновичъ Власовъ, впослѣдствіи директоръ Вологодской и 2-й С.-Петербургской гимназіи; съ нимъ-то и сошелся впослѣдствіи Стоюнинъ, въ немъ-то и нашелъ онъ друга-наставника, который поддержалъ молодого человѣка въ трудные переходные годы его жизни.

Мечтая одно время посвятить себя исключительно литературной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывая на себѣ всю трудность и горечь положенія писателя 50-хъ годовъ, Стоюнинъ въ тяжелыя минуты душевнаго разлада, изливалъ свое душевное настроеніе въ стихахъ. Одно изъ такихъ стихотвореній, написанное въ 1854 году въ формѣ діалога, сохранившееся въ бумагахъ Владиміра Яковлевича, подъ заглавіемъ „Писатель и духъ“, какъ нельзя лучше рисуетъ, что переживалъ онъ въ тѣ дни ¹⁾:

Писатель.

„Нѣтъ, я тебя не вызывалъ,

 Хоть и не разъ скорбѣлъ мой геній
 Подъ гнетомъ думъ, ужасныхъ думъ

 Бывали дни, когда въ устахъ

¹⁾ Стихотвореніе приводится здѣсь въ извлеченіяхъ.

Слагалось злобное проклятье
 На все то жалкое исчадье,
 Которымъ истина за страхъ;
 Когда всѣ лучшія творенья,
 Гдѣ правду въ Богѣ ты искалъ,
 Гдѣ всѣ небесныя видѣнья
 Въ прекрасный образъ облакалъ,
 Гдѣ слово, каждый звукъ, все было
 Твоя душа, и плоть, и кровь —
 Все то безъ ужаса, безъ словъ,
 Рука невѣжды осквернила.
 Безумецъ принялъ за развратъ
 Слова благого просвѣщенья,
 Призналъ за тонкій, скрытый ядъ
 Пороковъ гордыхъ обличенье
 И къ небесамъ порывъ святой
 Нарекъ безбожнымъ вольнодумствомъ.
 Молитву сердца — думой злой,
 Примѣры доблести — безумствомъ.
 Провозгласилъ опаснымъ зломъ
 Людямъ скорбящимъ утѣшенье
 И возмутительнымъ листомъ
 Слова любви и примиренья...

Ты не слышалъ тогда стenanья
 Души измученной моей.

Теперь же поздно... я рѣшился
 Перо оставить навсегда;
 Себя отъ муки избавляю
 И ремесло предпочитаю
 Я для насущнаго труда

Духъ спрашиваетъ тогда, чего же онъ хочетъ отъ него? Писатель просить
 матеріальнаго блага, золота, которымъ будетъ „врачевать больную душу“:

И буду жить я на просторѣ
 Не для людей, а для себя...“

Духъ усовѣщаетъ его, говоря, что счастье людское не въ бо-
 гатствѣ и матеріальномъ достаткѣ, что ему, писателю, начавшему про-
 повѣдь любви, не слѣдуетъ сходить съ этой дороги ради счастья людей.

„...И если ты узналъ
 Въ своей душѣ любовь и силы
 И подвигъ тягостный избралъ,
 Такъ и иди съ нимъ до могилы.“

П и с а т е л ь.

„Да, если знать, что голосъ мой
 До нихъ дойдетъ и слово въ слово...
 Но ты, ты житель неземной
 Ты не поймешь всего земного.“

Д у х ъ.

„Я видѣлъ древле, какъ съ крестомъ
 За правду люди умирали,
 Ихъ мучили, ихъ истязали,
 Сжигали медленнымъ огнемъ.
 Я повялъ подвигъ ихъ священный,
 Когда они въ огнѣ, въ крови
 Гласили вслухъ объ откровеньи,
 Высокой правдѣ и любви.
 И гибли, гибли, люди тьмами,
 А голосъ истины звучалъ
 Въ крови, съ костровъ, и надъ мечами
 И на землѣ торжествовалъ.
 И ты боишься малодушный!
 Ужель тотъ голосъ гдѣ замретъ,
 Въ которомъ слабый и недужный
 Елей душѣ своей найдетъ?
 Нѣтъ, если самъ ты не калѣка,
 Не боленъ недугами вѣка,
 Не зараженъ гордыней злой,—
 И если смѣлый возгласъ твой
 Не возгласъ дерзкихъ возмущеній,
 Не лесть коварная людемъ,
 А полнъ цѣлебныхъ услажденій,—
 Благоухающій бальзамъ,—
 Онъ не замретъ, какъ гласъ въ пустынѣ,
 Его немногимъ передай.
 И сохранять его въ святинѣ,
 И разнесутъ на цѣлый край.
 И будетъ слава міровая
 Тебѣ звучать изъ рода въ родъ!..
 Избралъ немногихъ вѣдь и Тотъ,
 Кто вѣчной правдою пылая,
 Пошелъ на крестъ терпѣть, страдать,
 За правду въ мукахъ умирать.
 Онъ вамъ примѣръ въ вѣнцѣ терновомъ:
 Служилъ онъ міру тоже словомъ,
 Свой духъ въ то слово онъ вселилъ
 И звуки слова освятилъ...
 Вотъ, гдѣ найдешь ты утѣшенье!
 Борись, и мучься, и страдай,
 И просвѣщай, и утѣшай,
 И совершишь свое призванье.“

(Писатель глубоко задумывается; духъ исчезаетъ).

Это или подобное этому по содержанію стихотвореніе Стоюнинъ послалъ въ Вологду Власову, съ которымъ находился въ перепискѣ. Отвѣчая въ 1855 году своему молодому другу, Власовъ совѣтовалъ ему бросить литературныя занятія и не надѣяться на нихъ, какъ на средство къ жизни, а отдать себя всецѣло педагогической дѣятельности...

„Я спрашиваю васъ, гдѣ же литература кормила людей: всѣ дѣльные, замѣчательные писатели терпѣли нужду и были бѣдняками: а много ли добросовѣстности, живительныхъ для души строкъ у тѣхъ писателей, которые работали отъ литературы?.. Повѣрьте, что вы гораздо болѣе принесете пользы обществу, какъ даровитый наставникъ, нежели извѣстный писатель. Гораздо нужно болѣе и чувства, и стойкости воли, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ въ жизни, нежели сколько потребно всего этого для писателя. Служба съ невзгодами и красными днями сближаетъ каждаго изъ насъ съ отчизною и дѣлаетъ членомъ великой семьи... Вы слишкомъ нетерпѣливы и много умствуете, а должно всматриваться и наблюдать... Въ вашихъ стихахъ виденъ еще безотчетный юношескій пылъ молодости, а нѣтъ сознанія того занятія, которое выпало на вашу долю... Вы не понимаете жизни. Она вамъ кажется только тамъ, гдѣ умствованіе, анализъ: нѣтъ, тамъ-то человѣкъ и живетъ, и дѣйствуетъ, какъ живая личность, гдѣ не одинъ умъ, а всѣ силы въ игрѣ...“

Еще большее вліяніе на весь умственный и нравственный строй Стоюнина въ переходные годы его жизни оказала педагогическая проповѣдь Пирогова.

Извѣстныя статьи нашего знаменитаго педагога и хирурга „Вопросы жизни“, напечатанныя въ 1856 г. въ журналѣ „Морской Сборникъ“ явились для того времени настоящимъ событіемъ и произвели положительный переворотъ во взглядахъ на учебное дѣло въ Россіи ¹⁾. Въ смѣлой рѣчи высказалъ Пироговъ много горькихъ истинъ своимъ соотечественникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на средства къ спасенію отъ недуговъ. Главная мысль была та, что наше общество—но христіанское общество, а разрозненные толпы другъ другу враждебныя, и, „чтобы выйти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія,—говорить Стоюнинъ,—Пироговъ видитъ только одинъ дѣйствительный путь—воспитаніемъ... сдѣлать насъ людьми... Отсюда вытекаютъ двѣ задачи: дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые способны къ собственному перевоспитанію и понимаютъ цѣли истиннаго воспитанія“... „Это показалось,—свидѣтельствуешь Стоюнинъ,—такъ просто и убѣдительно, что никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ, и педагоги, и не педагоги, заговорили о воспитаніи человѣка, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указалъ Пироговъ: „придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя“. Только такимъ воспитателямъ и можно было пойти по новому пути въ воспитаніи.“

Пироговъ первый подалъ сигналъ къ реформамъ новаго царствованія по вѣдомству просвѣщенія: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ этомъ вѣдомствѣ готовится рядъ реформъ, выразившихся въ новыхъ уставахъ средней и высшей школы. Выполнителями этихъ реформъ и явились люди, послѣдовавшіе по пути, указанному Пироговымъ, и въ числѣ ихъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. Такимъ образомъ, духовная связь, преемственность идей Пирогова и Стоюнина не подлежитъ никакому сомнѣнію. Да и онъ самъ, вспоминая времена дореформенныя и

¹⁾ „Педагогическія задачи Пирогова“ статья В. Стоюнина, „Историческій Вѣстникъ“, 1885.

дѣятельность Пирогова въ періодъ реформъ, какъ одного изъ наиболѣе выдающихся сотрудниковъ новаго царствованія, говорить: „за поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ“. Эти люди „не мирились ни съ идеей рабства, ни произвола, ни невѣжества... Они выстрадали... идеалы и горячо относились къ нимъ съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора... Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе съ своимъ“.

III.

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, послѣ путешествія по Россіи, послѣ появленія статей Пирогова, Стоюнинъ является общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ оздоровленнымъ отъ болѣзненного романтизма и мечтательности. Онъ наглядно увидалъ дѣйствительныя нужды страны, пришелъ и собственнымъ опытомъ и подъ вліяніемъ представителей тогдашняго педагогическаго міра къ убѣжденію, что пора русскимъ интеллигентнымъ людямъ перестать тосковать и плакаться, а надо скорѣе и энергичнѣе приняться за живую работу, во имя пользы своего отечества. Главные общественные недостатки формулировались въ его впечатлѣніяхъ слѣдующимъ образомъ: въ привилегированномъ русскомъ сословіи, играющемъ такую важную роль въ государствѣ, еще очень низокъ образовательный уровень, вслѣдствіе чего страдаетъ общественная и семейная нравственность, отсутствуетъ истинная гражданственность и національное самосознаніе. Крестьянство стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше дворянства, но страдаетъ отъ невѣжества и крѣпостнаго права.

Разъ проникшись сознаніемъ всего этого, его честная, дѣятельная природа не могла остаться равнодушною къ этимъ общественнымъ язвамъ: борьбу съ ними онъ положилъ въ основаніе своей педагогической дѣятельности, желая, по крайней мѣрѣ, въ отмежеванной ему судьбою скромной области педагога быть полезнымъ своей родинѣ, подготавливая ей болѣе здоровыхъ дѣтей, нежели было предшествующее и современное ему поколѣніе. Помимо такой чисто практической дѣятельности, носящей по самому своему существу положительный характеръ, Стоюнинъ рѣшилъ воздѣйствовать на общество путемъ публицистики, литературы и науки и не столько изобличая и казня пороки, сколько проводя въ своихъ произведеніяхъ идеалы нравственности, указывая на путь самоусовершенствованія и саморазвитія, согласно съ требованіями истиннаго европейскаго просвѣщенія; въ немъ онъ признавалъ ту могучую силу, передъ которою уступаютъ всѣ пороки и недостатки.

Такимъ образомъ, къ этому періоду его жизненныя задачи вполнѣ опредѣляются, получаютъ вполнѣ сознательную и серьезную окраску и, какимъ онъ является въ качествѣ сотрудника „Театральнаго и музыкаль-

наго Вѣстника“ 1856—1858 гг., редактора „Русскаго Мира“ 1859 г. и преподавателя 3-й с.-петербургской гимназiи, такимъ же цѣльнымъ, послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ, встрѣчаемъ мы его на страницахъ „Древней и Новой Россiи“ семидесятыхъ, „Историческаго Вѣстника“ и „Вѣстника Европы“ восьмидесятыхъ годовъ и въ роли организатора и руководителя частной женской гимназiи, основанной его женою въ Петербургѣ въ 1881 г. Только, конечно, въ позднѣйшую пору своей дѣятельности, мысль его получаетъ большую гибкость, кругъ наблюденiй расширяется, запасъ знанiя и опыта увеличивается: видно, что человѣкъ, проповѣдая другимъ необходимость постоянной работы надъ собою, самъ шелъ тѣмъ же тяжелымъ путемъ, продолжая свое саморазвитiе и самосовершенствованiе. Колебанiй, компромиссовъ съ совѣстью онъ не допускалъ; удары судьбы сыпались на него, но онъ не терялъ энергiи, а продолжалъ горячую проповѣдь того, что признавалъ за истину.

„Какъ скоро истина доказана,—говорилъ онъ ¹⁾,—какъ скоро въ дѣло нужно ввести новое основанiе, отъ котораго ожидается благотворное слѣдствiе, никакiя уступки не должны имѣть мѣста. Старое все долой, если оно не годится; новое все на сцену, если оно признано хорошимъ. Что намъ за дѣло, если найдутся люди, которые не согласятся съ нами. Признавъ извѣстный принципъ, будемъ его доказывать, будемъ его отстаивать, будемъ опровергать противоположныя мнѣнiя, будемъ стараться ввести его всецѣло въ дѣйствительность и примиримся съ нею только тогда, когда онъ займетъ тамъ свое мѣсто...“

Извѣстность Стоюнина, какъ педагога-практика и теоретика стала съ конца 50-хъ годовъ расти въ Петербургѣ. Продолжая быть преподавателемъ въ 3-й с.-петербургской гимназiи вплоть до 1871 года, онъ въ этотъ перiодъ времени, кромѣ того, преподавалъ (1858—1861 гг.) въ Марiинскомъ женскомъ училищѣ (впослѣдствiи переименованномъ въ гимназiю), въ Марiинскомъ институтѣ (1861—1867 гг.), а въ 1862 г. управлялъ женскою Воскресною школою. Какова была его программа и методъ, было указано выше, когда шла рѣчь о его поступленiи учителемъ въ 3-ю гимназiю. Можно только сказать, что и въ новыхъ учебныхъ заведенiяхъ онъ не отступалъ отъ своей программы, внося въ свои уроки живыя начала, привлекая къ изученiю родной словесности и языка вниманiе и интересъ учащихся. Какъ цѣнило высшее начальство его труды, было указано въ отзывѣ попечителя Мусина-Пушкина; кромѣ того, онъ былъ рекомендованъ, какъ талантливый и добросовѣтный учитель въ преподаватели вел. кн. Владимiру Александровичу, къ дѣтямъ вел. кн. Марiи Николаевны: Сергѣю, Евгению, Юрiю, Максимилиановичамъ и Евгении Максимилиановнѣ Лейхтенбергскимъ, Николаю Николаевичу Младшему и Еленѣ Георгиевнѣ Мекленбургской, а также во многiе высокопоставленные дома.

Въ 1871 г. ему было предложено мѣсто инспектора московскаго Николаевскаго сиротскаго института, въ каковой должности онъ и пребывалъ до 1875 г., когда его идеальнымъ и чистымъ представленiямъ

¹⁾ „Русскiй мiръ“, 1859 г., „Вѣсти отовсюду“.

о нравственности и объ обязанностяхъ пришлось столкнуться съ дѣйствительностью съ представителями стараго порядка вещей и съ ихъ традиціями. Сила осталась на сторонѣ представителей этого стараго порядка, и Стоюнину пришлось проститься съ дорогимъ ему учебнымъ заведеніемъ, въ которое онъ вложилъ столько души и въ которомъ онъ успѣлъ сдѣлать уже такъ много, сплотивъ „вокругъ себя преподавателей въ одну дружно работавшую семью“. Московское общество съ глубокимъ сожа-

В. Я. Стоюнинъ.

лѣніемъ простилось съ Владиміромъ Яковлевичемъ, который сумѣлъ въ короткій срокъ пребыванія въ первопрестольной заявить себя энергичнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ, успѣвшимъ показать свою безкорыстную и безграничную любовь къ просвѣщенію и юношеству.

Уже изъ оффиціального отзыва составителя „Исторической записки“ о 3-й с.-петербургской гимназіи было видно, какъ относились воспитанники къ любимому преподавателю; та же любовь, уваженіе и вниманіе со стороны учащихся слѣдовали за нимъ и въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти чувства особенно рельефно выражались въ адресахъ, под-

носимыхъ ему при прощаніи, когда онъ покидалъ эти учебныя заведенія, въ многочисленныхъ письмахъ, постоянно получаемыхъ имъ отъ своихъ бывшихъ слушателей и особенно ярко выразились на актѣ и обѣдѣ бывшихъ воспитанниковъ, по поводу 50-ти-лѣтняго юбилея 3-й с.-петербургской гимназій, когда личность Стоюнина заслонила собою весь этотъ скучный классическій праздникъ. Вотъ, что говоритъ намъ хроникеръ того времени ¹⁾:

„Директоръ гимназій В. Х. Лемониусъ говорилъ о классицизмѣ, преподаватель латинскаго языка г. Аничковъ говорилъ о прошломъ гимназій; воспитанникъ Георгіевскій прочелъ длинную рѣчь полатыни; одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ посвятилъ дню юбилея пространное изслѣдованіе объ одномъ классическомъ словѣ. Бывшіе воспитанники почтили торжество по своему и съ особенною признательностью отнеслись къ памяти людей, которымъ они считаютъ себя обязанными тѣмъ хорошимъ, что они вынесли изъ гимназій. Настоящимъ героемъ дня былъ всѣми ими уважаемый и любимый В. Я. Стоюнинъ. Самые жаркіе аплодисменты прерывали тѣ мѣста отчета, гдѣ говорилось о г. Стоюнинѣ; самый тѣсный и многочисленный кружокъ постоянно указывалъ мѣсто, гдѣ находился г. Стоюнинъ; самые горячіе тосты и выраженіе признательности обращались къ нему же; желая ознаменовать добрымъ дѣломъ день, когда бывшіе воспитанники снова увидѣли въ своей средѣ своего любимаго преподавателя, они во время обѣда составили подписку на образованіе Стоюнинскаго капитала, чтобы выдавать изъ него ежегодно денежное пособіе одному изъ выходящихъ воспитанниковъ.“

Высокой задушевностью звучитъ письмо одного бывшаго слушателя Владиміра Яковлевича, преждевременно погибшаго молодого писателя П. Тица ²⁾ относящееся къ тому же времени:

„Вы, можетъ быть и не вспомните, что у васъ былъ когда-то въ 3-й гимназій ученикъ, называвшійся Тицомъ,—пишетъ онъ.—Самъ онъ, по крайней мѣрѣ не имѣетъ ни малѣйшей претензій разсчитывать на то, чтобы вы о немъ помнили. Но въ его умственномъ и душевномъ мірѣ вы оставили настолько глубокіе слѣды, что память о васъ онъ бережно сохраняетъ въ душѣ своей, какъ одно изъ драгоценнѣйшихъ достояній, оставшихся ему въ наслѣдство отъ его, вообще не особенно богатой свѣтлыми впечатлѣніями, юности. Не удивитесь поэтому, что онъ сѣбѣ спѣшитъ воспользоваться даже такимъ неважнымъ поводомъ, какъ выходъ въ свѣтъ его первой книжки, чтобы, пославъ ее вамъ, хоть этимъ выразить вамъ столь дорогія для него чувства; какъ бы ни была незначительна книжка сама по себѣ, но разъ она чисто и искренно вылилась изъ сердца своего автора, она непостыдно можетъ служить для него выраженіемъ самыхъ многозначительныхъ его симпатій... Между многими сѣменами, посѣянными вами въ душѣ моей, не послѣднее мѣсто занимало и неопределимое влеченіе къ умственному труду. Но обстоятельства слишкомъ долгое время складывались крайне неблагоприятно для его удовлетворенія. Слабое здоровье—съ одной стороны, и серьезныя семейныя затрудненія—съ другой, послѣдовательно заставляли меня отказаться отъ всѣхъ самыхъ скромныхъ притязаній моихъ въ этомъ направленіи. Первою измѣнила мечта о педагогической дѣятельности (я не могъ кончить курса въ университетѣ), а затѣмъ и объ ученой, и о литературной. Забота о насущномъ хлѣбѣ отнимаетъ цѣликомъ всѣ физическія и всѣ душевныя силы. Только первоначально зарождающему вамъ идеализму обязанъ я тѣмъ, что не заглохъ окончательно въ эту тяжелую пору. Много упущено такимъ образомъ времени, много утрачено жизненной гибкости и свѣжести, много затеряно способностей, но не пропала вѣра въ торжество правды и истины, но не пропало

¹⁾ Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, 28-го января 1873 г.

²⁾ Надававшего подъ псевдонимомъ „Незвановъ“ книжку „Дѣтскіе разказы“.

страстное желаніе, по мѣрѣ силъ, послужить этому торжеству... Прилагаемая книжка... импровизированная для своихъ собственныхъ дѣтей въ долгіе вечера тяжелой болѣзни, на нѣсколько лѣтъ приковавшей меня къ постели... не могла съ особенной силой не оживить во мнѣ благодарныя воспоминанія о васъ, моемъ первомъ и благороднѣйшемъ учителѣ и наставникѣ на томъ пути, на которомъ я дѣлалъ, наконецъ, первые шаги...“

Что же производило въ личности Владиміра Яковлевича столь сильное и глубокое впечатлѣніе на его слушателей? Помимо его научныхъ обширныхъ знаній, помимо интереснаго и живого преподаванія, ихъ плѣняла его глубокая вѣра въ правду и торжество ея, его гуманный взглядъ на жизнь и людей и честное отношеніе, какъ къ своимъ собственнымъ обязанностямъ, такъ и требованіе такового же отъ другихъ. Свои взгляды онъ проводилъ какъ на урокахъ въ классѣ, какъ въ частныхъ разговорахъ съ слушателями, такъ и въ рѣчахъ, обращенныхъ къ выпускнымъ ученикамъ и ученицамъ. Вотъ, напримѣръ, его рѣчь ¹⁾, обращенная къ выпускнымъ ученицамъ Николаевского Московскаго сиротскаго института 1874 г., въ которой Стоюнинъ рисуется какъ нельзя рельефнѣе:

„...Трудовъ, трудовъ! слышится неумолчный голосъ,—трудоу на пользу просвѣщенія и образованія, трудовъ честныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ общей пользы, трудовъ для всего народа! На такіе труды мы благословляемъ васъ—будетъ ли кто трудиться въ новой русской школѣ, будетъ ли кто приносить благо просвѣщенія семьѣ. Конечно, многимъ придется переживать и неудачи, выносить борьбу какъ съ самимъ собою, такъ и съ невѣжествомъ; но вы знаете,—въ борьбѣ крѣпнеть силы, приобрѣтается опытность: силенъ нравственно тотъ, кто не боится борьбы за честное и святое дѣло... Вы должны быть просвѣтительнымъ началомъ въ семьѣ и среди дѣтей, вы должны сумѣть и такъ стать, чтобы быть желаннымъ и неизмѣннымъ другомъ семьѣ... и тогда воспитательницѣ легко будетъ вносить и радость и свѣтъ: она пойметъ и полюбитъ свое прекрасное назначеніе.“

Какъ педагогъ-теоретикъ, съ цѣлью поднять у насъ преподаваніе русскаго языка и словесности, Стоюнинъ печатаетъ и издаетъ рядъ учебниковъ и руководствъ для учащихся и учащихъ. Эти его труды, наравнѣ съ трудами Василія Ивановича Водовозова, вытѣснили всѣ существовавшія дотолѣ учебники и руководства.

Одновременно съ этимъ, въ видахъ облегченія учащемуся юношеству ознакомленія съ русскими классиками, толковаго и яснаго пониманія ихъ, онъ предпринимаетъ дешевое изданіе произведеній отечественной словесности съ примѣчаніями и вопросами для учащихся. Такимъ образомъ, онъ можетъ считаться у насъ основателемъ классной и дешевой библіотекъ.

Отдавая всю душу педагогической дѣятельности, Стоюнинъ, однако, не запирается въ узкой спеціальности и не дѣлается кабинетнымъ челоувѣкомъ. Всякое явленіе общественной жизни, имѣющее цѣлью главнымъ образомъ поднятіе у насъ просвѣщенія и интереса въ публикѣ къ наукѣ и литературѣ, вызываетъ его горячее сочувствіе: онъ является однимъ изъ учредителей С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества, поступаетъ съ самаго основанія въ число членовъ Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, предсѣдательствуетъ въ ученомъ отдѣлѣ Об-

¹⁾ Статья Сизова. „Русскія Вѣдомости“, 1888 г., № 310.

щества распространения техническихъ знанийъ въ Москвѣ, читаетъ публичныя лекціи въ пользу Общества гувернантокъ, избирается почетнымъ членомъ Общества распространения ремесленного образованія и, членомъ Общества любителей словесности, принимаетъ участіе въ трудахъ комитета грамотности, работаетъ въ комиссіи по русскому и по иностраннымъ языкамъ въ Педагогическомъ музее Соляного городка.

Одновременно съ этимъ кипитъ и его литературная и публицистическая дѣятельность. Съ 1856 по 1858 годъ включительно онъ является дѣятельнымъ сотрудникомъ издававшегося М. Раппопортомъ „Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника“, въ которомъ отдѣлъ о музыкѣ велъ нашъ незабвенный композиторъ А. Сѣровъ, а отдѣлъ критики, отзывы о нововыходившихъ театральныхъ пьесахъ и о постановкѣ на сценѣ главнѣйшихъ изъ нихъ—Владиміръ Яковлевичъ. Съ 1859 года ему предложено было редакторство въ газетѣ „Русскій Міръ“, которымъ онъ и руководилъ до мая мѣсяца слѣдующаго года.

IV.

Изъ предыдущихъ главъ было видно, какое важное значеніе имѣла для Стоюнина вторая половина 50-хъ годовъ: въ этотъ періодъ сложились окончательно его социальныя, гражданскія и педагогическія взгляды подъ вліяніемъ школы, личнаго опыта и педагогической среды; начала, почерпнутыя изъ этихъ трехъ источниковъ, и послужили идейной стороной всѣхъ произведеній пера этого и слѣдующаго времени. Въ рядѣ статей онъ высказываетъ свои мысли о значеніи эстетики и національнаго самосознанія въ жизни человѣческой, проповѣдуетъ необходимость самовоспитанія, будитъ въ читающихъ любовь къ иноплеменнымъ сословіямъ, задѣвая тѣмъ крѣпостное право, выставляетъ эту любовь, какъ силу воспитательную, подаетъ руку тѣмъ писателямъ (Потѣхинъ, Островскій), которые брали для своихъ произведеній темы изъ народной жизни, указываетъ на губительность разрыва съ народной жизнью въ ея настоящемъ и прошедшемъ и, наконецъ, выставляетъ свои требованія въ отношеніи школы и семьи, въ исправленіи которыхъ видѣлъ единственный залогъ нашей государственной крѣпости и гражданской зрѣлости, при чемъ все вниманіе должно быть обращено, согласно его ученію, на развитіе и образованіе женщины...

„Въ массѣ русская женщина,—говоритъ онъ по поводу романа Гончарова „Обрывъ“¹⁾,—имѣетъ возможность развиться скорѣе, чѣмъ тѣ, которые хотятъ называть себя гражданами... у нея болѣе свободы, болѣе простора въ развитіи, и тѣмъ скорѣе новыя понятія освѣтятъ ея впечатлительную душу. Отъ нея пойдетъ свѣтъ и на новое поколѣніе. Идеалы меньшинства мало-по-малу перейдутъ и въ большинство“ и въ другомъ мѣстѣ... „женщина въ состояніи сдѣлать многое, что не всегда подъ силу и мужчинѣ, если она одушевлена любовью; во имя этой любви она въ состояніи привести въ исполненіе все, что... внушили ей, воспитывая ее для жизни“. Вопросъ же о женскомъ воспитаніи „неминуемо приводитъ къ другому вопросу —

¹⁾ „Русскій Міръ“ 1859 года.

нравственномъ развитіи мужичъ, объ его идеалахъ и стремленіяхъ. Пока онъ не измѣнится, трудно въ большинствѣ утвердиться разумному воспитанію женщины.“

Пропогандируя такъ идеи, осуществленіе которыхъ должно имѣть гражданское благополучіе его соотечественниковъ и въ такую пору, когда уже въ нашемъ обществѣ стали пробуждаться страсти, Стоюнинъ сумѣлъ сохранить спокойствіе въ обсужденіи явленій жизни, освѣщая всегда вопросы не съ точки зрѣнія ихъ временной формы и случайнаго проявленія, а съ точки зрѣнія вѣчной правды, истины и добра.

Давая отзывъ въ „Русскомъ Мирѣ“ о поэмѣ Никитина „Кулакъ“, онъ говоритъ:—„Пора намъ и въ дѣйствительной жизни перестать отварачиваться отъ людей, которые слишкомъ позачкались въ омутъ, куда были брошены отъ самого рожденія... да, пора... намъ... обращаться съ людьми почеловѣчески“... Всмотриваясь въ кулака,—говоритъ онъ далѣе: „вы... будете не презирать, а сожалѣть его, даже болѣе, будете страдать за него, вы почувствуете, что къ вамъ въ сердце невольно закралось какое-то теплое чувство, похожее на любовь къ человѣку, чувство, которое шепчетъ вамъ, что и въ немъ, въ этомъ падшемъ существѣ, есть образъ человѣческой“. Въ заключительныхъ словахъ по поводу произведенія Никитина онъ дѣлаетъ такой выводъ:

„Только одна любовь наша къ человѣку можетъ произвести спасительный переворотъ въ томъ кругу, который такъ позагрязнился отъ невѣжества и гнетущей нужды—ни строгость, ни преслѣдованія, ни наказанія, ничто не подѣйствуетъ... любви, побольше любви къ человѣку, а она уже сама скажетъ намъ, что нужно сдѣлать, чтобы спасти его отъ заразы, и сила ея такова, что придуманныя ею средства не останутся лишь одними словами, въ видѣ высказаннаго мнѣнія, но быстро перейдутъ въ дѣло, въ исполненіе, очистятъ зараженный воздухъ и произведутъ благотѣльную пережѣву...“

Помимо вышепоименованныхъ изданій, Стоюнинъ помѣщаетъ рядъ статей и въ другихъ органахъ печати, гдѣ задѣваетъ тѣ же излюбленныя темы. Такъ, мы встрѣчаемъ его въ качествѣ сотрудника „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Русскаго Педагогическаго Вѣстника“, „Сѣверной Пчелы“, „Разсвѣта“, журнала „Воспитаніе“, „Русскаго Вѣстника“, „Современника“, „Вѣстника Европы“, „Учебно-воспитательной бібліотеки“ и нѣкоторыхъ другихъ. Все главное, что сказано было имъ за этотъ періодъ, было имъ повторено съ особенною силою въ нѣкоторыхъ статьяхъ послѣдняго періода жизни въ „Древней и Новой Россіи“ 1879 года, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Наблюдатель“ восьмидесятихъ годовъ.

Одновременно съ этою публицистическою и научно-педагогическою дѣятельностью, Владиміръ Яковлевичъ не покидаетъ и своихъ историческихъ занятій, къ которымъ онъ приступилъ чуть ли не съ университетской скамьи. Послѣ своего изслѣдованія о „Яковѣ Борисовичѣ Княжнинѣ“, напечатаннаго въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1850 года, онъ помѣщаетъ большую монографію „Александръ Петровичъ Сумароковъ“ въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ“ 1856 года, а въ 1867 году

печатаеть въ „Вѣстникѣ Европы“ біографическія свѣдѣнія о Кантемірѣ подѣ заглавіемъ „Князь Антиохъ Кантеміръ въ Лондонѣ“, а также историческій очеркъ о нашемъ извѣстномъ сатирикѣ въ изданіи Глазунова „Русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій: Сочиненія князя А. Д. Кантеміра“. Въ „Вѣстникѣ же Европы“ 1877 года появляется его изслѣдованіе объ „Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ“, а въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года объ „Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“. Оба послѣднихъ его труда появляются и отдѣльными изданіями подѣ заглавіемъ „Историческія сочиненія В. Стоюнина“ части I и II. На этихъ нашихъ извѣстныхъ писателяхъ Владиміръ Яковлевичъ остановилъ свое главное вниманіе потому, что въ нихъ, по его словамъ „болѣе рѣзко отразилось время со стороны духовныхъ стремленій народа“, вотъ почему онъ и разсматриваетъ ихъ произведенія такъ, „чтобы лучше понимать смыслъ и цѣли литературныхъ произведеній извѣстной эпохи и видѣть ихъ историческое значеніе“. И нужно отдать полную честь и справедливость автору,—онъ выполнилъ свою задачу прекрасно. Сочиненіе Стоюнина „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ можетъ считаться въ нашей литературѣ до сихъ поръ единственнымъ полнымъ историко-біографическимъ очеркомъ о гениальномъ поэтѣ, а сочиненіе „Александръ Семеновичъ Шишковъ“ единственною безпристрастною оцѣнкою знаменитаго дѣятеля Александровской эпохи. Этотъ трудъ, кромѣ оцѣнки Шишкова, какъ писателя, ученаго, патріота и государственнаго дѣятеля, даетъ богатый матеріалъ и для характеристики общественныхъ движеній и направленій при Александрѣ I.

Такова была обширная и кипучая педагогическая, литературная и общественная дѣятельность Владиміра Яковлевича за разсмотрѣнный періодъ времени, когда онъ стоялъ непосредственно у педагогическаго дѣла, въ качествѣ преподавателя и инспектора указанныхъ выше учебныхъ заведеній.

Вынужденный силою обстоятельствъ въ 1871 году покинуть Николаевскій московскій сиротскій институтъ, онъ переѣзжаетъ съ семьей ¹⁾ на жительство сначала въ Петербургъ, а потомъ Царское Село, гдѣ исключительно сосредоточиваетъ свое вниманіе на научныхъ и литературныхъ занятіяхъ, а также на общественной дѣятельности. Покойная государыня Марія Александровна приняла въ то время сердечное участіе въ судьбѣ его и, хотя онъ не занялъ никакого мѣста въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, однако продолжалъ числиться служащимъ по вѣдомству императрицы Маріи съ сохраненіемъ содержанія. Одно время у Владиміра Яковлевича въ эти года жизни была мысль покинуть родину и переѣхать на жительство въ Парижъ, гдѣ онъ хотѣлъ основать учебное заведеніе для дѣтей русской колоніи, но эта мысль вскорѣ была оставлена, и онъ силою счастливыхъ обстоятельствъ былъ вызванъ на дѣло, въ которое вложилъ всѣ свои завѣтные педагогическіе и общественные идеалы

¹⁾ Онъ женился въ 1865 г. на своей бывшей ученицѣ, воспитанницѣ Маріинской гимназіи, Маріи Николаевнѣ Тихменевой.

и которому онъ горячо служилъ всёю сердцею и умомъ до послѣднихъ минутъ жизни: мы говоримъ о роли и дѣятельности его въ женской гимназiи, основанной его женою въ 1881 году. Въ это же время онъ высказалъ и въ печати, и въ письмахъ къ женѣ весь свой запасъ жизненныхъ убѣжденiй и вѣрованiй, которыя помогли ему, не смотря на всё жизненные потрясенiя остаться непоколебимымъ и честнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

„...Вчера, прочитавъ объявленiе о новомъ изданiи сочиненiй Байрона въ русскомъ переводѣ,—писалъ онъ въ 1874 году Марьѣ Николаевнѣ,—я задумался о томъ своемъ молодомъ времени, когда я упивался нѣкоторыми произведенiями его, въ особенности „Чайльдъ-Гарольдомъ“ и „Манфредомъ“ въ прозаическомъ французскомъ переводѣ. Я думалъ, что собственно могло прельщать меня въ этихъ гордыхъ и разочарованныхъ характерахъ, когда во мнѣ нѣтъ, кажется, ни одной черты съ ними родственной? я не презиралъ людей, всегда сознавалъ, что въ нихъ болѣе добра, чѣмъ зла, вѣрилъ, что первое сильнѣе второго, что это явленiе временное, а то вѣчно, словомъ, если я тогда не былъ вполне мирнымъ гражданиномъ, любилъ юношески погорячиться за всякую мерзость, которая мнѣ казалась общественнымъ зломъ, то не былъ и тѣмъ „Манфреда“ или „Гарольда“, а всегда увлекался надеждою, что можетъ наступить лучшее время, и оно было, и я его видѣлъ, а между тѣмъ, припоминая все того же „Манфреда“ и „Гарольда“, я опять увлекался ими какъ юноша. Мнѣ представлялась въ нихъ эта несокрушимая внутренняя сила, которая не боится борьбы съ жизнью, хотя бы эта жизнь представлялась ничтожною, ненавистною, хотя бы она не давала никакой надежды на лучшее. Эта сила дѣйствительно возвышаетъ человѣка, потому что дѣлаетъ его могучѣе всѣхъ на свѣтѣ (хотя Байрона и его героев и упрекали въ безнравственности). Великая душа сказывается въ отчаянiи: жизнь не идетъ какъ мнѣ хочется, какъ мнѣ нужно, какъ мнѣ прiятно,—такъ я не хочу жить; нѣтъ она будетъ только съ усилiемъ бороться, потому что ей нужно нравственное величiе, которое можетъ проявиться лишь въ борьбѣ—страданiе для нея раны, съ которыми каждый храбрый солдатъ продолжаетъ биться въ сраженiи; такiе храбрецы и одерживаютъ побѣды, вначалѣ кажущiяся сомнительными. Тутъ вопросъ не въ томъ, какая польза человѣку отъ этого величiя души, если ему все приходится страдать, а въ томъ, долженъ ли онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ стоять высоко-нравственнымъ.

„Мнѣ очень нравятся эти стихи Байрона:

„Меня враги пытались упрекнуть,
Что будто я съ религiей въ раздорѣ.
Но еслибъ могъ я вскрыть предъ вами грудь,
То вѣрно бъ вы рѣшили въ нашемъ спорѣ,
Кому изъ насъ доступнѣй въ небо путь?
Мнѣ—алтари вершины горъ и море,
Земля и авѣды, вся природа мать,
Готовая мой духъ къ себѣ принять.“

„Вотъ какъ услаждается религiозное чувство сильной души, не падающей въ страданiяхъ. Такая сила и составляетъ жизненную сторону поэзiи Байрона, она-то особенно и охватываетъ при чтенiи его произведенiй. Они укрѣпляютъ душу и какъ будто вооружаютъ ее на благородную борьбу. Думаю, что въ юности они помогли и мнѣ въ моемъ самовоспитанiи и, если я сдѣлался несовсѣмъ безхарактернымъ человѣкомъ, то благодаря раннему развитiю эстетическаго чувства, особенно любви къ поэзiи, безъ которыхъ я не подошелъ бы и къ Байрону, потому что не понялъ бы его и не нашелъ бы въ немъ интереса. О всемъ этомъ я заговорилъ потому, что въ послѣднее время много думалъ о томъ, какъ важно развивать эстетическое чувство и въ какiя границы должно поставить его, чтобы также не перейти въ крайность.“

„Третьяго дня я былъ на передвижной выставкѣ,—писалъ Стоюнинъ въ другомъ письмѣ къ женѣ: картинъ очень много, есть хорошія, но перлъ всего—картина, которая сразу охватываетъ душу и вѣрно никогда не забудется—это Христосъ въ пустынь—художника до сихъ поръ почти неизвѣстнаго, имя его въ настоящій моментъ я даже не припомню¹⁾. Представлена самая дикая бесплодная каменистая пустыня; на грудѣ камней сидитъ человекъ, нѣсколько нагнувшись, опустивъ исхудалыя, точно стариковскія, руки между колѣнъ. Вотъ и вся картина. Но отъ лица этого человека нельзя оторвать глазъ, а съ ними и думы. Онъ глядитъ спокойно, углубленный въ свою мысль, но по чертамъ его лица можно заключить что недаромъ досталась ему эта мысль; чтобы дойти до нея нужно было настрадаться сердцемъ, намучиться умомъ, при видѣ людскихъ бѣдствій и страданій. Его спокойствіе есть уже результатъ рѣшимости послужить человеку тѣмъ ученіемъ, въ основаніе котораго должна лечь мысль, данная сердцемъ: возлюби ближняго своего, какъ самого себя. Я не замѣтилъ сколько времени я простоялъ передъ этой картиной, но она вызвала во мнѣ столько мыслей, такъ кротко и успокоительно подѣйствовала на душу, такъ сблизила ее съ этимъ человекомъ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-нибудь божеское или, лучше сказать, въ которомъ бы подобіе Божіе выразилось во всей своей силѣ и ясности, выразилось не торжествомъ силы, а глубиною мысли, кротости и любви. На другія картины я смотрѣлъ уже разсѣянно, нѣсколько разъ возвращался къ этой картинѣ и унесъ въ своей душѣ живой образъ, который и теперь у меня передъ глазами. Не много картинъ производило на меня подобное впечатлѣніе...“

Въ этотъ же послѣдній періодъ жизни въ статьяхъ „Безъ исторіи и преданій“²⁾, „Консерваторы 40-хъ годовъ“³⁾, „Наша семья и ея историческія судьбы“⁴⁾, „Памяти князя Александра Илларионовича Васильчикова“⁵⁾ и „Педагогическія задачи Пирогова“⁶⁾, онъ окончательно и съ особенною силою слова и убѣжденія высказалъ свое *profession de foi* относительно общественныхъ недостатковъ и нуждъ нашего отечества, которые рисовались ему въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: современная общественная жизнь сложилась и идетъ неправильнымъ путемъ, потому что она не знаетъ ни исторіи, ни преданій своей родной земли, а потому эта связь необходимо должна быть восстановлена, чтобы не было колебаній, путаницы и промаховъ въ нашихъ дѣйствіяхъ; современная русская семья, въ силу своего неправильнаго развитія съ прошлаго столѣтія, явилась и является „прежде всего съ стремленіемъ къ свѣтскости, съ искаженнымъ понятіемъ объ образованіи и съ уступкою своихъ правъ надъ дѣтьми, по крайней мѣрѣ, надъ сыновьями государственной власти“, а потому тоже не нормальна и нуждается въ коренномъ исправленіи на началахъ общественной нравственности и истиннаго просвѣщенія; для этого необходимо обратить главное вниманіе на образованіе и воспитаніе женщины, какъ центральной силы семьи; современная школа должна быть органически связанною съ семьей, быть національною и давать воспитаніе общественное въ томъ смыслѣ, что изъ нея должны выходить мо-

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о знаменитой картинѣ нынѣ тоже покойнаго художника Крамского.

²⁾ „Древняя и Новая Россія“ 1879 годъ.

³⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1882 годъ.

⁴⁾ „Наблюдатель“ 1882 года.

⁵⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1884 годъ.

⁶⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1886 годъ.

люды люди, поставленные къ общественной дѣятельности съ правильнымъ понятіемъ объ общественной нравственности, безъ которыхъ никакое общество не можетъ быть крѣпко; перевоспитавъ семью и приучивъ ее къ труду, самостоятельному и серьезному, мы перевоспитаемъ тогда и царящія у насъ понятія о государственной службѣ, которая въ настоящее время мыслится обществомъ неправильно, какъ источникъ личныхъ выгодъ, приобретаемыхъ чинами; для урегулированія этихъ понятій необходимо уничтожить табель о рангахъ, какъ она нынѣ существуетъ при поддержкѣ высшаго сословія, видящаго въ сохраненіи ея единственный свой *raison d'être*, а потому сильно ее отетанвающаго. „Каждый просвѣщенный патріотъ,—говоритъ Стоюнинъ,—долженъ былъ бы желать, чтобы наконецъ, понимали службу въ настоящемъ смыслѣ, какъ честный трудъ, въ интересахъ государства, общества и народа.“ „Мысль о томъ, что опорой престола можетъ быть только одно сословіе, или одинъ классъ—дика и идетъ вопреки исторіи и въ обиду всему народу“, а потому „верховой власти много выгоды соединить свои интересы съ интересами всѣхъ сословій и изъ нихъ привлечь къ себѣ все честное, умное, образованное и способное къ труду¹⁾).

Мысль объ основаніи у насъ школы на новыхъ началахъ, занала въ душу Стоюнина еще въ 1862 г., почему онъ тогда же сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему завести въ Петербургѣ частную мужскую гимназію, каковое Высочайшее разрѣшеніе и послѣдовало въ томъ же году; но тогда этой мысли не суждено было осуществиться.

Во время жизни въ Царскомъ Селѣ, Марья Николаевна Стоюнина задумала для воспитанія своихъ дѣтей основать собственную гимназію, что и было приведено въ исполненіе въ 1881 году. Уже въ отчетѣ за 1882—83 учебный годъ выражено желаніе, чтобы программами гимназій были вызваны „всѣ данныя человѣку способности къ труду физическому и умственному и направлены, согласно съ нравственными цѣлями жизни, при чемъ и эстетическое чувство должно имѣть свою долю въ развитіи, какъ одинъ изъ задатковъ человѣческой жизни“, такъ какъ „современная школа должна готовить человѣка для самостоятельной жизни, которая прежде всего требуетъ отъ него здоровья, т. е. правильнаго развитія физическихъ силъ, при этомъ привычки сознательно относиться ко всему окружающему, умѣнья владѣть собою, разумнаго труда въ общей жизни, чувства нравственной связи съ общественной средой“. „Все это, сказанное въ томъ же отчетѣ, составляетъ почву для просвѣщеннаго человѣка, къ которому должна стремиться школа, какъ къ своей послѣдней цѣли.“ Владиміру Яковлевичу предоставлено было въ гимназій мѣсто инспектора и преподавателя русскаго языка и словесности; курсъ этихъ предметовъ онъ и началъ съ 1881 года для пригготовительнаго класса, ведя его постепенно изъ класса въ классъ до 1888 года, когда тяжелый физическій

¹⁾ „Консерваторы 40-хъ годовъ“, „Историческій Вѣстникъ“, 1882 года.

недугъ свелъ его въ могилу. Такимъ образомъ ему не удалось видѣть полного осуществленія начатаго совмѣстно съ женою дѣла, не пришлось присутствовать при томъ, когда ученицы, переступивъ порогъ заведенія, въ которомъ Владиміръ Яковлевичъ игралъ такую выдающуюся роль, скажутъ современникамъ, что дала имъ новая школа, какъ приучила глядѣть на жизнь и свои обязанности, какими матерями и воспитательницами завѣщала имъ быть въ семьѣ, въ обществѣ и въ той будущей русской школѣ, типомъ которой служить, какъ думалъ покойный, „женская гимназія Стоюнной“.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ ¹⁾.

I.

ОРЕСТЪ Ѳедоровичъ Миллеръ родился 4-го августа 1833 года, въ г. Гапсалѣ, и день его рожденія былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и днемъ смерти его матери. Черезъ два съ половиною года скончался и его отецъ, пріятель К. Ѳ. Рылѣва, оставшійся, впрочемъ, непосвященнымъ въ тайны декабристовъ, а потому и избѣгшій ихъ печальной участи. По смерти отца, сынъ, крещеный по лютеранскому обряду и наименованный Оскаромъ-Фридрихомъ, остался съ тремя сестрами на попеченіи матери; недостатокъ средствъ не позволилъ ей сохранить ихъ въ своемъ домѣ: пришлось обратиться къ помощи добрыхъ людей. Дѣвочки попали въ нѣмецкія семьи и остались въ Остзейскомъ краѣ, а маленькій Оскаръ-Фридрихъ былъ взятъ въ С.-Петербургъ роднымъ дядей, Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ, очень образованнымъ артиллерійскимъ офицеромъ и, хотя нѣмцемъ по происхожденію и лютераниномъ по религіи, но въ душѣ совершенно русскимъ. „За такого лютеранина я бы десятокъ православныхъ отдалъ“, говаривалъ про него, очень любившій его, нынѣшній митрополитъ кievскій, Платонъ.

Жена Ивана Петровича, Екатерина Николаевна, урожденная Чирикова, только-что схоронившая своего единственнаго восьмидневнаго ребенка, полюбила пріемыша-племянника, какъ родного сына и, въ полномъ смыслѣ слова, замѣнила ему настоящую мать. При недостаткѣ настоящаго образованія, Екатерина Николаевна отличалась, однако, не дюжиннымъ природнымъ умомъ и тонкимъ чутьемъ правды. Такимъ образомъ, маленький Миллеръ попалъ въ очень счастливую обстановку, которая наложила рѣзкія черты на всемъ складѣ его характера. Вскорѣ, по прибытіи въ Петербургъ, его названные родители должны были переѣхать въ городъ Осташковъ, а оттуда въ Валдай, куда Иванъ Петровичъ получалъ назначенія. Эта

¹⁾ Очеркъ составленъ на основаніи всѣхъ напечатанныхъ статей и трудовъ покойнаго профессора, а также неизданныхъ дневника и „воспоминаній“ его.

кочевая жизнь съ ея постоянно новыми впечатлѣніями давала большую нищу уму и воображенію ребенка, запечатлѣвъ въ его памяти многіе картины и образы:

„Помню,—говорить онъ въ своихъ не напечатанныхъ „Воспоминаніяхъ и признаніяхъ...“,—Иверскій монастырь, среди Валдайскаго озера, куда возили меня къ мощамъ Якова Боровицкаго, помню съ тѣхъ уже поръ плащаницу на страстной недѣлѣ и пасхальное розговѣнье съ христосованьемъ... помню и бѣдную старушку Вассу Савишну, которая любила мнѣ рассказывать про святыхъ. Ко мнѣ, съ другой стороны, благовольили офицеры. Ихъ разговоры причудливо переплетались въ моемъ воображеніи съ рассказами Вассы Савишны, и отсюда, должно быть, произошла та картина, которая мысленно носилась передъ моими глазами: это взятіе Царь-града ратію будущихъ русскихъ крестоносцевъ, во главѣ которыхъ находился ни кто другой, какъ я самъ—святой Оскаръ Великій, какъ величалъ я себя въ ребяческомъ полетѣ своего разыгравшагося воображенія.“

Когда мальчику минуло 8 лѣтъ, его дядя былъ назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи въ Вильну. Вильна произвела большое впечатлѣніе на маленькаго Миллера и опять-таки преимущественно съ религіозной точки зрѣнія: не виданныя имъ до тѣхъ поръ католическія процессіи, ворота съ чудотворнымъ образомъ Острабрамской Божіей матери, передъ которымъ лежали на улицѣ, растянувшись крестомъ, набожные католички и католики, православный соборъ и монастырь св. Духа—вотъ тѣ картины, которыя наиболѣе поразили его и безъ того не по годамъ и односторонне развивавшееся воображеніе. Екатерина Николаевна считала долгомъ не только не ослаблять впечатлѣній своего „сына“ отъ этихъ сторонъ Виленской жизни, но даже какъ бы поощряла охватывавшій его все болѣе религіозный энтузіазмъ. Съ этою цѣлью она начала знакомить его съ жизнеописаніями разныхъ святыхъ, изъ которыхъ житіе и страданіе мученика Евстафія особенно потрясло его нервную отъ природы натуру; нервы его также разстраивались отъ встрѣчъ съ разными бродившими въ большомъ числѣ по Вильнѣ нищими-уродами; это уродство, въ связи съ нищетою, ужасало его и возбуждало въ его головѣ совсѣмъ не дѣтскія мысли, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ проводилъ многіе бессонные часы.

„Христось, разсуждалъ я“,—вспоминаетъ онъ то свое настроеніе,—„пострадалъ, чтобы искупить человѣчскій родъ отъ внутреннихъ послѣдствій грѣхонаденія. Но виѣшнія послѣдствія его, болѣзни и бѣдствія, до сихъ поръ остаются не искупленными. Надо, представлялось мнѣ, чтобы опять кто-нибудь одинъ принялъ на себя добровольно всѣ болѣзни и всѣ бѣдствія человѣчества. И вотъ, мнѣ страстно захотѣлось быть этимъ однимъ. Я сталъ молиться о томъ, чтобы меня постигли всевозможные недуги, всевозможные виды уродства и искалѣченья, чтобы я былъ всѣми заброшенъ, вслѣдствіе моей ужасающей отвратительности, чтобы при этомъ я былъ также вполнѣ лишенъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и жилъ въ такомъ состояніи долго, долго—только цѣною моихъ неимовѣрныхъ страданій куплено было прекращеніе всякихъ болѣзней и бѣдствій на землѣ. Я не переставалъ молиться объ этомъ довольно долго и не повѣрялъ такого моего настроенія рѣшительно никому.“

Нынѣшній митрополитъ Платонъ, тогда еще архимандритъ, а потомъ викарій въ Вильнѣ, часто бывалъ въ домѣ Миллеровъ, равно какъ и другое духовное лицо—архіепископъ Литовскій Іосифъ, главный виновникъ

возсоединенія униатовъ съ православною церковью. Разказы и бесѣды этихъ дѣтелей православія въ Западномъ краѣ доставляли истинное удовольствіе мальчику. Особенно привязался онъ къ Платону и подъ обаяніемъ этой привязанности развивалось у него желаніе приобщиться той религіи, которую исповѣдовала обожаемая имъ „матушка“ и этотъ добрый и ласковый преосвященный; но переходъ въ православіе тогда не состоялся, такъ какъ его родственники желали, чтобы этотъ актъ совершился вполнѣ сознательно, когда ребенокъ вырастетъ и будетъ въ состояніи дать себѣ серьезный отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ и почему такъ дѣлаетъ.

Вся совокупность религіозныхъ впечатлѣній и образовъ этого ранняго періода, вся сумма накопившихся дѣтскихъ ощущеній изъ окружающей обстановки имѣли для всей жизни и дѣятельности Ореста Фодоровича великое значеніе; здѣсь онъ почерпнулъ ту воинствующую любовь и вѣру, готовность всегда принести себя въ жертву для другихъ во имя торжества правды и истины. Здѣсь, въ этой армейской, и простой солдатской средѣ запаса онъ тѣмъ добродушіемъ, умѣньемъ довольствоваться немногимъ, которыя не оставляли его до послѣднихъ дней жизни; здѣсь же научился онъ, наблюдая заботы о себѣ окружающихъ, и умѣнью всегда быть на стражѣ интересовъ другихъ и бороться съ вспыльчивостью своего права. Тогда же впервые шевельнулся въ его душѣ и поэтической инстинктъ, который такъ замѣтенъ на всей его общественной, литературной и научной дѣятельности, носящій на себѣ явный отпечатокъ не разлагающаго анализа, а обобщающаго синтеза.

Когда наступила пора подумать о серьезномъ ученіи, названные родители пригласили ему въ гувернеры одного изъ воспитанниковъ Виленской гимназіи, который первый и пробудилъ въ своемъ воспитанникѣ любовь къ писательству: онъ сталъ для развитія ученика издавать съ нимъ иллюстрированный рукописный журналъ, на который въ шутку подписались взрослые въ домѣ, а также преосвященный Платонъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ мальчикѣ развивалась и страсть къ чтенію, по преимуществу такому, въ которомъ заключался трагическій элементъ. Тогда же мальчика начали учить музыкѣ и рисованію. Но вскорѣ уроки музыки были прекращены, такъ какъ они вредно дѣйствовали на сердце. За то занятіе живописью подвигалось успѣшно и мальчикъ не дурно рисовалъ масляными красками.

Переѣхавъ въ Варшаву, Миллеры получили возможность пригласить племяннику для каждаго предмета отдѣльнаго преподавателя. Особенно ему нравились уроки учителя русскаго языка и словесности, Адама Григорьевича Плеве, родомъ жмудина, преподававшаго въ то же время жившему въ Варшавѣ нашему извѣстному слависту, А. О. Гильфердингу.

Плеве, не чуждый славянофильскаго оттѣнка въ убѣжденіяхъ, знакомилъ Миллера съ славянскимъ міромъ, съ лекціями Шевырева и приходилъ въ негодованіе отъ его тогдашнихъ поэтическихъ произведеній, имѣвшихъ содержаніемъ эпизоды изъ иностранной исторіи. Наиболѣе развивающее значеніе на умъ мальчика оказывалъ преподаватель нѣмецкаго

языка, пробуждавшій въ немъ философскую пылкость и поклоненіе передъ корифеями нѣмецкой литературы, Шиллеромъ въ особенности. Чтеніе „Разбойниковъ“ Шиллера, по сознанию Миллера, „произвело въ немъ цѣлѣный переворотъ“; подѣ влияніемъ Шиллеровской драмы вообще и сложился у него тогда планъ „Конрадина“, трагедіи впоследствии напечатанной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и одобрительно встрѣченной тогдашней критикой, въ лицѣ покойнаго В. Я. Стоюнина, на страницахъ „Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника“. Много пользы вынесъ онъ и изъ уроковъ учителя французской словесности. Преподаватель закона Божія готовилъ его къ переходу въ православіе, которое и совершилось черезъ муропомазаніе въ 1848 г., въ ризницѣ Варшавскаго православнаго собора, когда юношѣ минуло 15 лѣтъ.

Но вотъ грянула Венгерская война 1849 г., и Иванъ Петровичъ Миллеръ отправился въ походъ. Въ сраженіи подѣ Дебrecиномъ онъ получилъ сильную контузію съ переломомъ бедра. Для леченія его отъ послѣдствій контузіи семья вынуждена была ѣхать въ 1850 году за границу. По возвращеніи оттуда, Иванъ Петровичъ получилъ новое назначеніе въ Петербургъ, членомъ Совѣта Государственнаго Контроля. Это было очень кстати, такъ какъ племяннику давно была пора поступать въ высшее или какое-нибудь специальное заведеніе. Въ тѣ дни молодой Орестъ Ѳедоровичъ пылко мечталъ о военной службѣ: ¹⁾ большая часть друзей его дѣтства поступила, кто въ школу гвардейскихъ подпоручиковъ, кто въ Пажескій корпусъ. Послѣдовать примѣру товарищей во имя романтическихъ узъ дружбы считалъ онъ для себя священнымъ долгомъ; это стремленіе къ военной службѣ питалось еще тѣми мистическими порывами, о которыхъ было сказано выше. Но родственники высказались рѣшительно противъ этого, и, уступая ихъ желаніямъ, Орестъ Ѳедоровичъ рѣшился идти на пріемный экзаменъ въ университетъ. Въ августѣ 1851 г. онъ первымъ выдержалъ этотъ экзаменъ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. На первомъ курсѣ въ тотъ годъ, включая и Ореста Ѳедоровича, было всего шесть слушателей, въ томъ числѣ и тоже нынѣ покойный профессоръ В. В. Бауеръ.

Всѣ шесть товарищей однокурсниковъ жили очень дружно, часто сходились, читали вмѣстѣ русскихъ и иностранныхъ классиковъ, а также драматическія произведенія, съ раздѣленіемъ ролей между участвующими въ чтеніи. „Мы не знали ни кутежа, ни какихъ-либо романическихъ приключеній,—повѣствуетъ Орестъ Ѳедоровичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о томъ времени.—Насъ въ университетѣ занимала только наука, литература и искусство, понимаемая, пожалуй, слишкомъ отвлеченно, помимо непосредственной связи съ жизнью...“ Между факультетскими профессорами его особымъ вниманіемъ и симпатіями пользовались профессоръ все-

¹⁾ Онъ не страдалъ тогда сутулостью, которая обнаружилась у него послѣ несчастнаго паденія, вслѣдствіе котораго онъ повредилъ себѣ спинной хребетъ. Развившаяся близорукость тоже не мало содѣйствовала этой неправильности въ организмѣ.

общей исторіи М. С. Куторга и профессоръ русской словесности А. В. Никитенко. Послѣдній имѣлъ неотразимое вліяніе на своихъ слушателей: глубокой идеализмъ, которымъ была проникнута вся его общественная, научная и литературная дѣятельность, невольно переходилъ и къ его ученикамъ. Орестъ Ѳедоровичъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ Никитенки, найдя въ немъ человѣка по всему душевному и умственному складу себѣ очень родственнаго. Профессоръ платилъ ему также сердечнымъ расположеніемъ и поощрялъ литературныя наклонности и вкусы своего ученика, который любилъ еще съ юныхъ лѣтъ предаваться стихотворству. Такъ, въ 1852 году, въ № 120 „Сѣверной пчелы“ Миллеръ напечаталъ стихотвореніе „На смерть Жуковскаго“, въ которомъ можно уже усмотрѣть то направленіе, которое такъ рѣзко отбѣсило впоследствии всю его дѣятельность. Вотъ часть этого стихотворенія:

„И онъ угасъ, нашъ старецъ, духомъ юный,
 Нашъ лебедь сладостный, нашъ голубъ чистотой!
 Замолкли дѣвственные струны,
 И кто коснется ихъ невѣдомой рукой?
 Кому теперь святая пѣсногѣнья
 Съ душою чистою и пѣть, и допѣвать,
 Иль навсегда подъ холодомъ сомнѣнья
 Святой поэзіи пришлось увядать?
 Въ немъ теплился еще свѣтъ тихой предковъ вѣры,
 Жарь, гаснущій въ сердцахъ, онъ въ насъ еще питалъ,
 И людямъ—въ людяхъ выставялъ
 Высокихъ чувствъ забытые примѣры.
 Какъ дѣва чистая, поэзія его
 Средь вѣка буйнаго невинностью сіяла,
 И мысль безплотную въ видѣнья облакала
 Его небесное перо!
 Съ нимъ геній красоты, какъ другъ былъ неизмѣнный,
 Во всѣхъ его чертахъ глядѣлася душа,
 И взоръ его—былъ неба взоръ блаженный,
 Манящій въ лучшія края!..“

Стихотвореніе оканчивается мыслью, къ которой покойный профессоръ любилъ такъ часто обращаться впоследствии въ своихъ лекціяхъ и публичныхъ рѣчахъ—о вліяніи гуманной поэзіи и нравственнаго облика Жуковскаго на императора Александра II и его реформы:

„Святымъ довѣріемъ къ нему руководимый,
 Царь первенца ему съ надеждою вручилъ,
 И памятникъ себѣ, во вѣкъ несокрушимый,
 Въ душѣ Наслѣдника онъ самъ соорудилъ.“

„Памятникъ“ этотъ, толковалъ впоследствии Орестъ Ѳедоровичъ свою мысль,—это 19 февраля, актъ величайшей человѣческой гуманности и справедливости, которыя проникли въ сердце Наслѣдника подъ благотворнымъ вліяніемъ воспитателя— „старца духомъ юнаго“. Это 19 февраля и послужило тѣмъ звеномъ, которое въ его мысли соединило два образа,

сдѣлавшихся для него одинаково дорогими: образъ поэта-воспитателя и освободителя-воспитанника.

Въ томъ же 1852 году Миллеръ, наравнѣ съ своимъ товарищемъ по факультету, студентомъ 4 курса, Александромъ Пыпинымъ, удостоился полученія золотой медали за сочиненіе по русской литературѣ, а въ 1855 году онъ окончилъ курсъ и, по предложенію Никитенки, остался при университетѣ для приготовленія къ магистерскому званію. Ревностно готовясь къ предстоявшему экзамену и усиленно занятый писаніемъ диссертациі, онъ, однако, не покидалъ литературныхъ занятій. Такъ, имъ была написана патріотическая драма въ стихахъ „Подвигъ матери“, поставленная на сцену, но не имѣвшая особеннаго успѣха, и выше упомянутая трагедія „Конрадинъ“.

Никитенко, самъ представившій въ 1837 г. на полученіе степени доктора философіи сочиненіе, имѣвшее содержаніемъ „О творящей силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ гени“, любилъ, когда его ученики разрабатывали литературныя темы, носящія на себѣ философскій характеръ и неограниченныя особенно тѣсными рамками узкой спеціальности. Поэтому и тема для магистерской диссертациі Миллера „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“ была поставлена чрезчуръ широко и давала возможность критикѣ всегда найти слабыя стороны и поле для нападокъ. И дѣйствительно, книга Ореста Федоровича вышла, по его собственному признанію, „въ ученомъ смыслѣ слаба уже по самой обширности темы“ и носила на себѣ характеръ „отвлеченно-нравственнаго и художественнаго космополитизма“; онъ вложилъ въ нее всѣ свои завѣтные убѣжденія, вынесенныя изъ дѣтскихъ впечатлѣній, домашняго воспитанія и университетскаго образованія, убѣжденія, которымъ онъ остался вѣренъ до конца жизни и которыя, въ концѣ концовъ, высказанныя и понятыя правильно, заслужили ему доброе имя и широкую извѣстность. Сочиненіе „О нравственной стихіи въ поэзіи“ имѣло задачей напомнить читателямъ, что только черезъ изученіе идеальнаго міра поэзіи человѣкъ можетъ познать, какимъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; убѣдить, что нравственная стихія присуща поэзіи и петинному творчеству всѣхъ народовъ и вѣковъ и что нравственность есть тотъ масштабъ, которымъ измѣряется и оцѣнивается вся человѣческая дѣятельность. Но понятія о нравственности были высказаны не совсѣмъ точно и опредѣленно, были чрезчуръ односторонне приложены къ фактамъ и давали поводъ къ недоразумѣніямъ; литературный матеріалъ былъ собранъ недостаточно полно и, наконецъ, и что главное, авторъ придалъ своему труду полемическій характеръ съ современнымъ ему общественнымъ направленіемъ, избличая его въ излишнемъ увлеченіи „естественными и реальными науками, благодаря чему современный человѣкъ видитъ во всемъ лишь одну матерію и ею ограничиваетъ свое собственное существо“.

Хотя авторъ и былъ удостоенъ искомой научной степени магистра, однако вооружилъ противъ себя и своего направленія журналистику въ

лицъ Добролюбова и Котляревскаго. Добролюбовъ помѣстилъ въ „Современникъ“ рѣзкую статью противъ Миллера, написанную страстнымъ языкомъ и направленную по адресу молодого поколѣнія. Самъ глубокий идеалистъ, онъ принялъ идеализмъ Миллера, какъ проповѣдь „умѣренности и аккуратности“, назвалъ его понятія вредными и ложными, могущими довести человѣка „до преступнаго и унижительнаго положенія“. Юноша, по словамъ Добролюбова, проникшись ученіемъ Миллера, „становится врагомъ всякаго свободнаго порыва, всякаго самостоятельнаго развитія, становится гасильщикомъ свѣтлыхъ идей“.

Котляревскій въ 5 кн. „Атея“ высказался не менѣе рѣзко. Критикъ объявилъ, что книга Миллера представляетъ собой „геркулесовы столпы спекулятивной нравственности“, что „вся она въ совокупности ни что иное, какъ длинный обвинительный актъ, обстоятельная улика въ безнравственности всей исторіи литературы народовъ древняго и новаго міра“; нравственность, проповѣдуемая Миллеромъ, была отождествлена съ началомъ полицейскимъ, а самопожертвованіе, которое, по ученію Ореста Ѳедоровича, есть составной элементъ нравственнаго начала, было понято, какъ приниженіе личности. „Приниженіе личности,—какъ нравственная цѣль и назначеніе человѣка,—воскликнулъ критикъ,—какое жалкое требованіе, какая тупая, скажемъ болѣе, противонравственная мораль! Все основано на одной жертвѣ, на отреченіи отъ законныхъ человѣческихъ правъ въ пользу нравственной лжи, въ защиту квіэтизма, въ поощреніе рутинны и отжившаго обычая!“

Тогдашняя журналистика, только-что пережившая критическіе для себя годы первой половины пятидесятихъ годовъ и получившая хоть небольшое право свободнаго обсужденія общественныхъ явленій, спѣшила во имя самыхъ идеальныхъ побужденій расквитаться съ старымъ режимомъ и вызвать общество изъ апатіи и спячки къ новой жизни, къ новымъ цѣлямъ. Вотъ почему, въ силу недоразумѣнія, недоговоренности и ряда ошибокъ, въ книгѣ Миллера, авторъ ея былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ тѣмъ, которые стояли за тѣмъ рубежомъ, за которымъ новое поколѣніе людей никого и нечего не желало знать, гдѣ всѣ были враги, гдѣ все говорило о старомъ, съ которымъ такъ страстно хотѣлось поскорѣе распрощаться. Миллеръ понималъ это и никогда въ дальнѣйшей своей жизни не осудилъ никого изъ напавшихъ на него въ то время: съ Котляревскимъ у нихъ впоследствии установились самыя дружескія отношенія, а о Добролюбовѣ онъ отзывался въ своихъ лекціяхъ чрезвычайно тепло и доброжелательно.

Авторъ „Нравственной стихіи“ былъ ошеломленъ, подавленъ отношеніемъ къ его труду такихъ вліятельныхъ органовъ печати, какъ „Современникъ и „Атея“. Напрасно пытался онъ отвѣтить Котляревскому въ какомъ-нибудь журналѣ: двери редакцій остались передъ нимъ закрытыми и на него точно легла печать литературнаго отверженія. И не только отвѣтъ Котляревскому, но и никакая другая статья его въ те-

ченіе трехъ лѣтъ не принималась ни одною редакціею: таково было подавляющее дѣйствіе приговора Добролюбова и Котляревскаго надъ бѣднымъ ученымъ-поэтомъ.

И только Ю. О. Самаринъ въ „Сельскомъ благоустройствѣ“ косвенно заступился за Миллера, замѣтивъ въ примѣчаніи къ одной изъ статей о крестьянскомъ вопросѣ, что книга Миллера и нападки на нее суть любопытныя знаменія времени, что именно въ виду предстоящей крестьянской реформы и необходимо проявить то самопожертвованіе, которое проповѣдуетъ авторъ „Нравственной стихіи въ поэзи“.

Не легче было Миллеру и при встрѣчѣ съ представителями тогдашняго литературнаго міра: отъ него многіе просто отворачивались. Онъ до того поэтому сталъ бояться своего имени, что, когда, по поводу 100-лѣтняго юбилея Шиллера, ему пришлось прочитать пять публичныхъ лекцій въ залѣ 2-ой гимназіи, на входныхъ билетахъ было просто обозначено „лекціи о Шиллерѣ“, безъ обозначенія фамиліи лектора. Публика, однако, встрѣтила молодого оратора благосклонно и онъ имѣлъ успѣхъ.

Въ этихъ своихъ лекціяхъ, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1860 г., онъ остался вѣренъ избранному направленію; но это направленіе, чѣмъ оно болѣе отражалось на сужденіяхъ автора о фактахъ современныхъ или недалекаго прошлаго, уже переставало казаться столь ретрограднымъ, а даже начало рисоваться многимъ, какъ заключающее въ себѣ нѣчто опасное. На это обратилъ вниманіе первымъ цензоръ Касторскій, когда ему пришлось прочитать главу о былинахъ въ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности“.

Къ этому же времени относится и основаніе товарищемъ Ореста Оедоровича по университету, Н. Х. Весселемъ, вмѣстѣ съ Паульсономъ, педагогическаго журнала „Учитель“, на страницахъ котораго получила, наконецъ, литературный отверженецъ возможность печатать свои статьи. Въ редакціи же „Учителя“ познакомился онъ и съ „первымъ народнымъ педагогомъ“, К. Д. Ушинскимъ, который сумѣлъ распознать въ Миллерѣ не „гасильщика свѣтлыхъ идей“, а нѣчто обратное, соприкасаясь съ чѣмъ молодое поколѣніе можетъ лишь очищаться и набираться добра и любви.

По желанію Ушинскаго, назначеннаго инспекторомъ Смольнаго института, Миллеръ занялъ въ этомъ заведеніи мѣсто преподавателя русской словесности. Черезъ годъ его пригласили на такую же должность и въ Маріинскій институтъ. Слушательницы горячо полюбили своего молодого краснобѣчиваго учителя и сохранили о немъ добрыя воспоминанія на всю жизнь.

II.

Въ 1861 г. появились въ печати первыя части сборниковъ народной поэзи Кирѣевскаго и Рыбникова. Когда Орестъ Оедоровичъ съ ними познакомился, то ему, выросшему на чтеніи и изученіи французскихъ классиковъ, на Шиллерѣ и Гете, открылся совершенно новый міръ, въ

которомъ онъ усмотрѣлъ народную душу, основывающую свое бытіе на томъ „нравственномъ“ началѣ самопожертвованія, къ которому его манило еще съ дѣтства и которое онъ искалъ въ произведеніяхъ личнаго гения западныхъ народовъ. Съ этихъ поръ онъ обратилъ всю свою дѣятельность на изученіе нашей народной словесности. Но, занявшись русскимъ эпосомъ, пришлось обратить вниманіе и на то, что о немъ было писано. Тутъ онъ впервые ознакомился съ ученіемъ славянофиловъ (Хомякова, К. Аксакова) о народности и началѣ общинности. Въ ученіи представителей этого направленія, которое Орестъ Федоровичъ характеризовалъ, какъ „полетъ мысли къ небу“, онъ нашелъ много родственнаго своей поэтической душѣ и отдался ему со всѣмъ пыломъ и страстью восторженной, увлекающейся натуры; здѣсь онъ нашелъ и разрѣшеніе вопросамъ той особенной, имъ созданной, философіи, которую ему мечталось тогда обосновать не на личномъ, а на собирательномъ, на общенародномъ разумѣ, отражающемся такъ ярко, по его мнѣнію, въ народной поэзіи.

Въ 1862 году Миллеръ былъ командированъ за границу. Въ Берлинѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ филологомъ Яковомъ Гриммомъ, который съ восторгомъ отзывался молодому русскому магистру о принципахъ реформы 19-го февраля и подъ руководствомъ котораго Орестъ Федоровичъ занимался непродолжительное время.

Изъ Чешской Праги онъ послалъ два письма И. А. Аксакову. Въ этихъ письмахъ Орестъ Федоровичъ проводилъ ту мысль, которой остался вѣренъ и потомъ, а именно что Россія, для исполненія ея славянской миссіи, слѣдуетъ усвоить себѣ самую освободительную, народную политику.

Эти письма были напечатаны въ „Днѣ“, хотя и съ пропусками, влѣдствіе рѣзкости нѣкоторыхъ мѣстъ. „Вы себѣ пишете такъ свободно,— писалъ Аксаковъ по поводу присланныхъ статей Оресту Федоровичу,— точно будто бы въ Лондонѣ, перо такъ и гуляетъ, не зацѣпляясь ни за какую предосторожность.“

Пробывъ девять мѣсяцевъ въ командировкѣ и опасно заболѣвъ въ Гейдельбергѣ, Миллеръ долженъ былъ вернуться въ Россію; провожавшіе его друзья не думали, чтобы онъ былъ въ состояніи доѣхать живымъ до Петербурга,—такъ плохо было его здоровье. Однако, по прибытіи домой, подъ заботливымъ уходомъ тетушки, его здоровье быстро возстановилось, и онъ уже осенью подалъ прошеніе о допущеніи его къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента. Высшее начальство, скрѣпя сердце, утвердило эту приватъ-доцентуру: нѣкоторыхъ (напр. тогдашняго попечителя И. Д. Делянова) мучило сомнѣнье, какъ бы не повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи, пустивъ въ университетъ такого ретрограда и обскуранта!

Со страхомъ приступилъ Миллеръ, въ ноябрѣ 1863 г., къ чтенію курса „объ изученіи народной словесности, его историческомъ ходѣ и современныхъ его задачахъ“: онъ опасался враждебной демонстраціи со стороны университетской молодежи, могшей, какъ ему казалось, припом-

нить приговоръ надъ нимъ Добролюбова и Котляревскаго, приговоръ, о которомъ мелкая пресса давала по временамъ вспомнить публикѣ. Однако, все обошлось благополучно и между Орестомъ Федоровичемъ и студентами установились сразу тѣ добрыя отношенія, которыя, укрѣпляясь съ каждымъ годомъ, сдѣлали его любимцемъ молодежи и самымъ популярнымъ профессоромъ въ университетѣ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе знаменательно, что Миллеръ съ первой же лекціи началъ популяризировать то

О. Ө. Миллеръ.

наше литературное направленіе, которое, извѣстное подъ именемъ „славянофильскаго“, далеко не пользовалось тогда сочувствіемъ общества.

Всѣ 60-е годы, вплоть до защиты Миллеромъ докторской диссертациі въ 1870 г., включительно, были посвящены имъ изученію народной словесности и славянскаго вопроса. Еще въ 1862 году въ „Учитель“ онъ помѣстилъ рядъ статей по исторіи русской словесности, которыя, дополненныя и переработанныя, вышли отдѣльною книжкою въ 1865 году подъ заглавіемъ „Опытъ историческаго обзорѣнія русской словесности“. Къ

этому опыту была приложена соответствующая хрестоматія, доведенная до XV вѣка, имѣвшая особенно для того времени важное педагогическое значеніе. Съ выходомъ въ свѣтъ этого труда, наша литература въ первый разъ получила цѣльное сочиненіе съ одной послѣдовательно и ярко проведенной идеей, сочиненіе, которое въ возможной и разумной полнотѣ обняло собою весь матеріалъ древняго періода литературы, съ удѣленіемъ особенно виднаго мѣста богатырскому эпосу. Идейная задача „Опыта“ заключалась въ томъ, чтобы разграничить идеальныя стремленія русскаго народа отъ византійскихъ наслоеній и показать превосходство первыхъ, толкуя ихъ въ славянофильскомъ направленіи, отъ послѣднихъ, которыя, по его мнѣнію, только „притуляли здоровое нравственное чувство народа, ясно высказывающееся въ нашей народной поэзіи“.

Богатырскій эпосъ изложенъ въ хрестоматіи въ небывалой до тѣхъ поръ полнотѣ, при чемъ авторъ, соединивъ варианты и отрывки разныхъ былинъ, далъ возможность учащимся прослѣдить на этихъ вариантахъ всю жизнь и дѣятельность главныхъ нашихъ героевъ. Такой же полнотой отличается и изложеніе духовныхъ стиховъ, въ связи съ апокрифическими сказаніями, а также историческихъ пѣсень.

Хрестоматія и „Опытъ“, написанный съ большимъ литературнымъ талантомъ, доступные по своей цѣнѣ, сразу завоевали себѣ всеобщее вниманіе и вскорѣ потребовали 2-го изданія. Благодаря имъ, среди нашихъ педагоговъ въ значительной степени оживился интересъ къ изученію народной словесности и, начиная съ того времени, эта словесность преподается въ нашихъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, на основаніи изслѣдованій о ней Ореста Ѳедоровича.

Тѣсно связанною съ его спеціальностью была выбрана имъ и тема для докторской диссертациі: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и Богатырство Кіевское“, тема, надъ которою онъ началъ работать еще за границею, пользуясь сравнительнымъ методомъ и указаніями Якова Гримма.

Прежде чѣмъ докторская диссертациія Миллера была напечатана, въ публикѣ былъ возбужденъ интересъ къ его работамъ по русскому эпосу, съ одной стороны, благодаря нѣсколькимъ публичнымъ лекціямъ, прочтаннымъ имъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, и съ другой—благодаря полемикѣ съ В. В. Стасовымъ, въ то время тоже работавшимъ надъ эпосомъ, полемикѣ, надѣлавшей въ свое время довольно много шума.

Результатомъ изслѣдованій В. Стасова, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“ явилась теорія о происхожденіи нашихъ былинъ путемъ заимствованія изъ Азіи, при чемъ его характеристика нашихъ богатырей получалась далеко для нихъ неслестная: онъ лишалъ ихъ всякаго человѣческаго чувства и образа.

Орестъ Ѳедоровичъ, находившійся въ то время въ полномъ увлеченіи именно отъ тѣхъ высокихъ чертъ человѣчности, которыя онъ усматривалъ

въ нашемъ эпосѣ, въ лицѣ Ильи Муромца, страстно отозвался на выводъ В. В. Стасова, выступивъ сначала его оппонентомъ въ Отдѣленіи Этнографіи Географическаго Общества, а затѣмъ противникомъ на страницахъ „Голоса“ и „Зари“. В. Стасовъ отвѣчалъ ему въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Вѣстникѣ Европы“. Споръ велся съ необыкновенной горячностью, при чемъ противникъ Миллера попытался сдѣлать его вновь притчею во языцѣхъ, вспомнивъ его первый трудъ „о нравственной стихіи“.

Шумъ, поднятый въ журналистикѣ о пронехожденіи нашихъ былинъ, въ значительной степени оживилъ интересъ публики къ предстоявшему докторскому диспуту Миллера и привлекъ на этотъ диспутъ массу народа. Появленіе на кафедрѣ Ореста Ѳедоровича встрѣчено было такими аплодисментами, что, по признанію „Голоса“, это слѣдовало объяснить „знаменательнымъ сочувствіемъ петербургской публики къ направлению г. Миллера“, которое съ диспутомъ и съ сочиненіемъ его сдѣлало, по мнѣнію газеты, важный шагъ къ усиленію своего вліянія въ обществѣ.

Трудъ Миллера, удостоенный впоследствии Уваровской преміи, по признанію профессора Буслаева, „по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности оставилъ за собою далеко все то, что до тѣхъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу“: здѣсь разсмотрѣны критически всѣ извѣстныя редакціи и варианты, въ которыхъ является каждая былина, и приложенъ къ текстамъ методъ сравненія ихъ съ эпосами другихъ народовъ, не исключая отсюда и славянскаго міра.

Результатомъ явилось доказательство своеобразности и цѣльности нашего эпоса, развившагося, однако, на обще-человѣческомъ законѣ эпического творчества. Въ этой его своеобразности, по толкованію изслѣдователя, сказалась истинно-русская народная мысль и душа, опирающіяся на началахъ свободнаго самоотверженія и общинности, окрѣпшихъ подъ вліяніемъ христіанства.

Первенствующій идеалъ русскаго эпоса,—говоритъ Миллеръ въ своей вступительной рѣчи—Илья Муромецъ, такъ ярко отражающій въ себѣ эти начала, вышелъ изъ простонародья, а потому и весь нашъ богатырскій эпосъ—эпосъ простонародный, указывающій Россіи будущность въ духѣ земскаго, свободнаго, народнаго развитія, начало которому положено великимъ днемъ 19-го февраля 1861 года.

Вступительная рѣчь Ореста Ѳедоровича была принята молодежью восторженно, и присутствовавшій на диспутѣ И. С. Аксаковъ заявилъ, что онъ и въ Москвѣ, среди людей своего направленія, никогда не слышалъ съ университетской кафедры такой открытой проповѣди народности.

Такимъ образомъ, и въ своей докторской диссертаци, и въ своей вступительной къ ней рѣчи, Миллеръ явился своеобразно цѣльнымъ и послѣдовательнымъ: все говорило здѣсь о міросозерцаніи, опирающемся на нравственномъ началѣ, міросозерцаніи, гдѣ невозможно было отдѣлить ученаго отъ человѣка, поклонника извѣстнаго соціальнаго строя отъ проно-

вѣдника идеи самопожертвованія и любви къ ближнему, міросозерцаніи, съ которымъ каждое наше серьезное и честное литературно-общественное направленіе могло найти много точекъ соприкосновенія и, въ свою очередь, разлада. Наука гармонически переплеталась здѣсь съ поэзіей, религія съ философіей и социальными и гражданскими идеалами. Это въ свое время, при его жизни, часто смущало многихъ; по привычкѣ къ шаблону, часто не знали, куда отнести его убѣжденія: къ направленію ли, такъ называемому, охранительному или передовому, къ врагамъ свободы и просвѣщенія, или къ поборникамъ правды и истины. Отсюда частыя нападки на него разныхъ литературныхъ партій, узко предъявлявшихъ къ нему требованія рутинной доктрины, отсюда частыя обвиненія его, то въ отсталости, то въ крайностяхъ увлеченія, заподозриванія его, то въ погонѣ за модными теченіями, то въ стремленіи къ оригинальничанью.

Хотя, по защитѣ диссертации, Орестъ Ѳедоровичъ и продолжалъ читать въ университетѣ курсъ народной словесности, однако, съ каждымъ годомъ ему пришлось все болѣе отставать отъ излюбленной специальности и по этому предмету уже не встрѣчается болѣе никакихъ его трудовъ. Привыкшій къ широкой благотворительности съ дѣтскихъ лѣтъ, Миллеръ и въ университетѣ горячо откликается на матеріальныя нужды студентовъ; съ цѣлью помощи имъ, онъ предпринимаетъ рядъ публичныхъ лекцій по новой русской литературѣ, такъ какъ темы изъ этой области скорѣе привлекали публику и давали хорошій сборъ. Петербургское общество охотно шло послушать краснорѣчиваго профессора: въ его сообщеніяхъ было столько увлекательнаго, задѣвалось столько жизненныхъ вопросовъ, слышалось такъ громко присутствіе идеала и глубокой вѣры въ торжество добра. Наблюдая этотъ успѣхъ своихъ лекцій, помощью которыхъ можно было популяризировать въ обществѣ излюбленныя имъ теоріи, Орестъ Ѳедоровичъ обращается изъ кабинетнаго ученаго въ публициста и общественного оратора, берущаго содержаніемъ своихъ рѣчей темы изъ общественной жизни или изъ новѣйшей русской литературы. Первой серіей его публичныхъ лекцій въ этой области были „Общественные типы въ повѣстяхъ Тургенева“, курсъ русской литературы XIX столѣтія, о „Войнѣ и Мирѣ“ графа Л. Н. Толстого, о „Байронѣ и Байронизмѣ въ русской поэзіи“, и, наконецъ, десять лекцій въ клубѣ художниковъ о „Русской литературѣ послѣ Гоголя“, которыя впоследствии, переработанныя и дополненыя, вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ 3 томахъ, подъ названіемъ „Русскіе писатели послѣ Гоголя“.

Разсматривая каждый моментъ нашей исторической жизни, каждое явленіе нашей общественной среды не какъ фактъ случайный и изолированный, а какъ логическое слѣдствіе, вытекающее изъ цѣлага ряда историческихъ посылокъ, онъ и русскую литературу разсматривалъ съ точки зрѣнія ея органическаго развитія изъ всей совокупности исторической жизни нашего народа, розыскивая корни ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ въ разныхъ слояхъ и періодахъ отечественнаго социаль-

наго строя и мысли. Установивъ такимъ образомъ генезисъ разсматриваемаго литературнаго явленія, онъ начиналъ его судить тѣмъ судомъ, какимъ судилъ и источникъ этого явленія, т. е. изслѣдовалъ, каковы его составныя нравственныя начала, каково его нравственное основаніе, каковы его нравственныя послѣдствія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ставилъ и вопросъ о гармоніи этого явленія со всею совокупностью тѣхъ идеальныхъ началъ, которыя, по его искреннему убѣжденію, и составляли именно то, что называется „русскимъ народомъ“; полученный результатъ онъ, въ свою очередь, противопоставлялъ современной жизни, произносилъ ей судъ и осужденіе. Отсюда являлась критика, которая, не отрицая требованій эстетики, давала больше мѣста историческому приему изученія, при чемъ весь центръ тяжести переносила въ область общественной нравственности, опирающейся на христіанской любви къ ближнему и на самопожертвованіи.

Такъ широко поставленная задача не всегда бывала выполнима, вслѣдствіе чего изслѣдователь иногда не въ одинаковой полнотѣ развивалъ всѣ стороны своей критики: въ однихъ разборахъ преобладаютъ историческіе мотивы, въ другихъ выдвинуто его требованіе общественной нравственности; иногда онъ полагаетъ всю силу очерка въ идеалъ и его выдвигаетъ впередъ, въ другой разъ — въ полемикѣ и изобличеніи общественной неправды и тѣхъ явленій современной жизни, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ съ историческими основами нашей народности.

Излюбленными его писателями нашей новой литературы были Пушкинъ и Достоевскій. Въ поэзіи перваго изъ нихъ онъ видѣлъ именно ту силу человѣчности и народности, которая сдѣлала ему столь дорогимъ нашъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ во главѣ; въ психологическихъ твореніяхъ втораго онъ усматривалъ именно то религіозное творчество и проповѣдь самопожертвованія, которыя находили столько отзвуковъ въ его собственномъ любящемъ и поэтическомъ сердцѣ. Вся остальная русская литература, которую онъ очень высоко ставилъ за то, что въ ней „такъ просто, такъ задушевно звучитъ живая нота христіанскаго братства, міровой все-единящей любви“, закрывалась, однако, передъ его глазами этими, по его мнѣнію, гигантами русской мысли и чувства. Вотъ почему въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ онъ всегда возвращался къ этимъ писателямъ, подкрѣпляя цитатами изъ нихъ свои положенія, ища въ ихъ твореніяхъ указаній критики и пророчества.

Въ 1867 году въ Петербургѣ происходилъ первый славянскій съѣздъ: въ чествованіи славянскихъ гостей пришлось принять участіе и Оресту Федоровичу и съ того времени, въ особенности, въ его жизни открывается новая сторона — горячаго служенія славянскому вопросу. Миллеръ, по всему складу своей натуры, по всему ходу своихъ научныхъ занятій, не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого вопроса, который для него тѣсно связывался съ его религіозными вѣрованіями и социальными идеалами. Занявшись русскимъ эпосомъ, ему невольно пришлось обратить вниманіе и на славянство, которое онъ и включилъ въ кругъ своихъ научныхъ

изслѣдованій, а такъ какъ у него жизнь и наука шли всегда рука объ руку, то отсюда логическимъ слѣдствіемъ явилось отношеніе къ славянству не только съ точки зрѣнія археологической любознательности, но какъ къ народности, опирающейся въ своемъ историческомъ бытіи на столь дорогія ему начала, „общинности и равноправности“.

Уже въ 1862 году онъ посылаетъ Аксакову письма, въ которыхъ говорить о миссіи Россіи среди славянства. Въ 1865 г. онъ издаетъ по поводу труда Пыпина и Спасовича по исторіи славянскихъ литературъ брошюру: „Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни“, въ которой съ полной откровенностью исповѣдуетъ свои славянскія симпатіи и указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на недостатокъ въ отношеніи къ славянскому вопросу славянофиловъ. Недостатокъ этотъ, по мнѣнію Миллера, заключается въ стремленіи славянофиловъ навязать славянству „русскую гегемонію“ и „обязательность для нихъ усвоенія русскаго языка“, т. е. то, что идетъ въ разрѣзъ съ христіанскою проповѣдью свободы и равноправности. Къ этой мысли покойный профессоръ любилъ неоднократно обращаться, какъ въ своихъ рѣчахъ въ „Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ“, такъ и печатныхъ статьяхъ; въ этомъ положеніи онъ видѣлъ свое различіе отъ славянофиловъ. Впрочемъ, по славяновѣдѣнію онъ не далъ никакихъ особо выдающихся трудовъ и ограничилъ свою дѣятельность написаніемъ нѣсколькихъ критическихъ и публицистическихъ статей, которыя имѣли задачей распространеніе въ нашемъ обществѣ симпатій къ славянству; и должно замѣтить, что въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ не малая заслуга, особенно въ приснопамятные годы Герцеговинскаго возстанія, а также послѣдней русско-турецкой войны.

Начавшееся въ 1875 году движеніе среди славянъ Балканскаго полуострова, ужасы Боснійскаго и Герцеговинскаго возстаній вызвали Петербургское „Славянское благотворительное Общество“ къ широкой помощи потерпѣвшимъ отъ турецкаго звѣрства и насилія. Обществу было разрѣшено открыть по всей имперіи кружечный сборъ пожертвованій въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, и уже въ началѣ 1876 года Орестъ Федоровичъ избранъ былъ членомъ комиссіи для завѣдыванія и распоряженія этими пожертвованіями. Но еще передъ тѣмъ Общество удостоило его вниманіемъ, поручивъ ему отъ имени Общества привѣтствовать прибывшаго въ Петербургъ изъ Рагузы Веселитскаго - Боджидаровича¹⁾.

Одушевленной рѣчью, покрытой горячими рукоплесканіями присутствовавшихъ, обратился Миллеръ къ гостю, заключивъ свое привѣтствіе пожеланіемъ, чтобы поскорѣ наступила та пора, когда Россія будетъ имѣть возможность, спасая этимъ и самое достоинство образованнаго міра, добиться благосостоянія родственныхъ намъ народовъ. Мысль о необходимости скорѣйшаго заступничества Россіи стала любимой темою покойнаго, которую онъ горячо проповѣдывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ въ Славянскомъ Обществѣ, въ университетѣ и на столбцахъ газетъ.

¹⁾ Членъ Международнаго Комитета для помощи жертвамъ возстанія въ Герцеговинѣ.

Съ цѣлью пробудить въ молодежи симпатіи къ славянству онъ открылъ въ университетѣ курсъ народнаго сербскаго эпоса. Вступительная лекція къ этому курсу была имъ посвящена Восточному вопросу; по желанію массы студентовъ, не филологовъ, эта лекція была повторена уже не въ стѣнахъ тѣсной аудиторіи, а въ большомъ залѣ, при стеченіи почти всего учащагося университета. Не смотря на то, что симпатіи ко всему славянскому не пользовались особенною популярностью, рѣчь Ореста Ѳедоровича была встрѣчена молодежью восторженно и съ тѣхъ поръ тѣ его лекціи, которыя посвящались этому предмету, стали излюбленными.

Симпатіи студентовъ къ своему профессору росли съ каждымъ днемъ и особенно рельефно выразились во время его полемики по Восточному вопросу съ „Голосомъ“. Редакція этой газеты съ большимъ сочувствіемъ относилась къ славянскому вопросу до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ переживалъ мирную пору развитія и исчерпывался поддержаніемъ просвѣщенія среди славянъ. Но вотъ, славянскій вопросъ перешелъ въ слѣдующую фазу, и, по словамъ Ореста Ѳедоровича, „живая каѳедра славянской идеи открылась для насъ... въ горахъ Герцеговины; ея представители—были ея же герои; они воскресили передъ нами эпическія времена“. „Голосъ“, въ силу умѣреннаго либерализма, отнесся къ этому „эпосу“ скептически и сталъ дипломатически проповѣдывать незаконность сербскаго движенія, какъ посягательство на верховныя права сюзерена, султана Мурада V, посягательство, къ которому европейскіе кабинеты „обязаны будутъ отнестись съ точки зрѣнія несочувственной сербамъ и должны будутъ отказаться отъ заступничества за нихъ“...

Такая проповѣдь политической благонамѣренности была встрѣчена большою частью нашей печати съ негодованіемъ, и Миллеръ, усмотрѣвшій въ увлеченіи славянскимъ вопросомъ великій подъемъ народнаго самознанія, а въ движеніи поработенныхъ народностей Балканскаго полуострова—мученической подвигъ, отозвался на проповѣдь „Голоса“ нѣсколькими горячими статьями въ „Недѣль“ и „Новомъ Времени“. Онъ говорилъ, что если статья на точку зрѣнія „Голоса“, то придется обвинить въ своевластін и бунтарствѣ и Іоанна III, за то, что тотъ, будучи в а с с а л о м ѣ, пересталъ платить дань своему сюзерену Ахмату и растопталъ его басму. Статья „До чего договорился „Голосъ“¹⁾ оканчивалась предложеніемъ редактору этой газеты, выйти изъ состава коммисіи по сбору пожертвованій. „Голосъ“ не приминувъ отвѣтить своему оппоненту и объявилъ въ воскресныхъ фельетонахъ противъ него цѣлый походъ, повторяя старые приговоры надъ нимъ Добролюбова и Котляревскаго, глумясь въ самыхъ непристойныхъ выраженіяхъ надъ всею его литературною и общественною дѣятельностью и даже виѣшностью; одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ фельетоновъ оканчивался вопросомъ: „кто возьметъ его подъ свою защиту?“

Отвѣтомъ на всѣ выходки газеты и ея послѣдній вопросъ послужило

¹⁾ „Новое Время“, 1876 г. № 110.

напечатанное въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ письмо за подписью 320 студентовъ. „Мы увѣрены“, — писали студенты, — „что всякій русскій, сочувствующій дѣлу славянской свободы, горячо вступится за уважаемаго публициста и выдающагося общественнаго дѣятеля, какъ поборника дорогаго намъ дѣла. Было бы унинительно заниматься опроверженіемъ грязныхъ инсинуацій „Голоса“, но если для „Голоса“ еще недостаточно того взрыва общественнаго негодованія, которое вызвало его направленіе, то мы, студенты Петербургскаго университета, имѣющіе основаніе особенно уважать Ореста Ѳедоровича, считаемъ своею обязанностью напомнить „Голосу“, что оскорбленіе, нанесенное имъ человѣку, глубоко уважаемому нами, не можетъ пройти безслѣдно“. Письмо заканчивалось выраженіемъ презрѣнія „Голосу“ и надеждою, что близкіе студентамъ люди, т. е. профессора, прекратятъ въ немъ свое сотрудничество. Послѣ этого періода обливанія Ореста Ѳедоровича грязью со стороны нѣкоторой части прессы, его значеніе, какъ дѣятеля „Славянскаго благотворительнаго Общества“ не умалилось, а даже какъ бы обратило на себя еще большее вниманіе публики. Его перу принадлежатъ въ это время, не считая статей въ журналахъ и газетахъ, тѣ „воззванія“ къ русскому народу о болгарскихъ ужасахъ отъ имени „Славянскаго Общества“, читая которыя, нашъ простой народъ вполне проникся сочувствіемъ къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и несъ Обществу послѣдніе гроши и предложенія принести себя въ жертву за свободу христіанскаго населенія Балканскаго полуострова. Начало добровольческаго движенія тоже непосредственно связано съ именемъ Ореста Ѳедоровича. Въ самомъ началѣ Герцеговинскаго возстанія два офицера, Коноваловъ и Эбергартъ, обратились къ Миллеру съ просьбою предложить „Славянскому Обществу“ отправить ихъ въ Герцеговину, но профессоръ, не надѣясь встрѣтить сочувствія въ своихъ товарищахъ по Обществу, написалъ о нихъ въ Москву И. С. Аксакову, который и снарядилъ ихъ первыми добровольцами на Балканскій полуостровъ. Всѣ рѣчи и статьи Ореста Ѳедоровича по славянскому вопросу съ 1865 по 1877 годъ собраны имъ въ отдѣльную книжку и изданы подъ заглавіемъ: „Славянство и Европа“.

III.

Общественная дѣятельность профессора въ шестидесятые и семидесятые годы не исчерпывалась научными занятіями, чтеніемъ публичныхъ лекцій и служеніемъ славянскому дѣлу. Онъ чутко отзывался въ печати на всякое явленіе современной жизни, въ которомъ онъ или усматривалъ дряблость или паденіе духовныхъ интересовъ нашей интеллигенціи, или видѣлъ признаки, могущіе гибельно отозваться на духовномъ ростѣ общества, толкающіе его на путь рутинности и партійности; онъ усиленно пропагандировалъ тѣхъ нашихъ дѣятелей, которые, по его мнѣнію, вызываютъ

къ себѣ особое сочувствіе и достойны подражанія. Во всѣхъ статьяхъ на эти темы онъ оставался вѣренъ своему направленію, сказавшемуся и въ его научныхъ работахъ, и во взглядахъ на новую нашу литературу, и въ дѣятельности по славянскому вопросу. Никакія дипломатическія соображенія не позволяли ему молчать тамъ, гдѣ мысль подсказывала ему горячее слово, никакія обстоятельства не заставляли его становиться на почву компромисса между веленіемъ добраго чистаго сердца и холоднымъ требованіемъ разсудка. Ни на университетской кафедрѣ, ни въ публицистическихъ статьяхъ, онъ не сообразовался ни съ вѣяніями времени, ни съ боязнью потерять свою популярность или вызвать къ себя журнальную либо иную немилость.

Изъ публицистическихъ статей его за это время можно отмѣтить „Еще о злобѣ дня“, и о „Юрѣ Федоровичѣ Самаринѣ“. Въ первой изъ этихъ статей онъ высказался противъ вводимаго тогда въ нашихъ гимназіяхъ классицизма, сомнѣваясь, чтобы въ педагогическомъ отношеніи была полезна для дѣтей „пресловутая“ законченность „древняго мертваго міра“; во второй статьѣ, посвященной памяти тогда уже скончавшагося Самарина, Орестъ Федоровичъ указываетъ на него, „какъ на идеаль гражданина, у котораго высокому нравственному ученію... вполнѣ соответствовала... жизнь, протекавшая постоянно въ трудахъ“ для общаго блага и воодушевленная вѣрой въ идеаль и любовью къ родинѣ.

Съ основаніемъ въ Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ, Миллеръ получаетъ приглашеніе занять въ этомъ заведеніи кафедру русской словесности. Характеръ его преподаванія здѣсь остался тѣмъ же, что и въ университетѣ: та же проповѣдь дѣятельной любви къ человѣчеству, то же ученіе о нравственномъ самовоспитаніи и самопожертвованіи. Горячій защитникъ необходимости у насъ высшаго образованія для женщинъ, Миллеръ указывалъ постоянно своимъ слушательницамъ на высокое значеніе женщины для семьи и общества, останавливая ихъ вниманіе съ особенной любовью на „типахъ величавыхъ славянокъ“, въ лицѣ Пушкинской Татьяны и Тургеневской Лукерьи въ „Живыхъ мощахъ“, въ которой, по его словамъ, „запаса дѣятельной любви... такъ много, такъ неизмѣримо много“!

Постоянная проповѣдь „запаса дѣятельной любви“ была для его слушателей и слушательницъ не громкими словами и не недосыгаемымъ идеаломъ: самъ профессоръ содержалъ въ себѣ именно неизмѣримо много того, передъ чѣмъ поклонялся въ Тургеневскомъ произведеніи. Всякая нужда, горе и несчастіе находили себѣ въ немъ истиннаго друга и цѣлителя. Начавъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ читать публичныя лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ, онъ продолжалъ служить этому дѣлу матеріальной помощи молодежи до конца своей жизни. Въ этомъ служеніи заключались удивительно свѣтлыя страницы его дѣятельности!

Избранный съ 1874 года товарищемъ предѣдателя Общества вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго университета, онъ исполнял свои обязанности не казенно и сухо, а внесъ и въ Общество, и въ свои

отношения къ молодежи столько живого духа любви, столько теплоты и сердечности, что въ этомъ отношеніи оставилъ по себѣ въ университетѣ неизгладимую память. Но не только одна денежная помощь и научныя занятія связывали его со студентами: онъ являлся и ихъ заступникомъ предъ университетскимъ начальствомъ и ходатаемъ предъ профессорами и просителемъ за нихъ, когда они оканчивали курсъ, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и у сильныхъ міра сего. Его отношенія къ молодежи—это былъ длинный отеческій романъ, основанный на взаимномъ чувствѣ самой сердечной привязанности и глубокаго уваженія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ говорить этой молодежи правду въ глаза, никогда не потакать ея слабостямъ и смѣло указывать на ея промахи и увлеченія. „Только вы одни способны съ кафедры говорить своимъ слушателямъ такія горькія истины, не боясь быть осмистаннымъ или нарваться на непріятности,“—часто говаривали ему его сослуживцы. Но слушатели его знали, изъ какого источника идутъ эти „горькія истины,“ эта „суровая правда“ и никогда, за всю дѣятельность Миллера, не позволили себѣ въ отношеніи его и тѣни какого-либо неудовольствія или враждебнаго настроенія. Сотни бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета трудятся въ настоящее время на разныхъ поприщахъ нашего необъятнаго отечества и многіе, очень многіе изъ нихъ обязаны своимъ положеніемъ исключительно Оресту Федоровичу, одни за матеріальную, другіе за нравственную поддержку въ молодые годы университетской жизни.

Приблизительно въ то же время онъ былъ приглашенъ въ преподавателя словесности къ великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ.

Отдаваясь всецѣло широкой общественной дѣятельности, покойный профессоръ удѣлялъ мало мѣста личной жизни. Схоронивъ въ 1867 году своего пріемнаго отца, Орестъ Федоровичъ какъ бы удвоилъ свои заботы и любовь къ тетушкѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ: онъ для нея былъ и нѣжно любимымъ сыномъ-племянникомъ и заботливой нянькой и сидѣлкой во время ея болѣзней и старческой немощей.

Окончивъ лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ или засѣданія въ разныхъ обществахъ, онъ спѣшилъ скорѣе домой къ своей пріемной матери, зная, какъ дорого и необходимо ей его присутствіе. Онъ отказывалъ себѣ въ театрѣ, который горячо любилъ, въ путешествіяхъ и въ иныхъ развлеченіяхъ, связанныхъ съ удаленіемъ отъ дома, боясь, чтобы его продолжительное отсутствіе не причинило Екатеринѣ Николаевнѣ тоски или огорченія.

Эта привязанность, съ одной стороны, и научно-общественная дѣятельность въ пользу молодежи, съ другой, послужили препятствіемъ къ тому, чтобы онъ обзавелся собственной семьей, собственнымъ теплымъ гнѣздышкомъ. Онъ боялся, что его будущая жена не сдѣлается для его пріемной матери такою дочерью, какимъ онъ былъ сыномъ, опасался, чтобы новая семья не оторвала и не разлучила его съ той семьей, которая въ дорогомъ для него университетѣ постоянно требовала его заботъ и попеченій. А случаи къ вступленію въ бракъ, можетъ быть, и были въ

его жизни! Но давъ себѣ обѣтъ безбрачія, онъ, подобно К. Аксакову и Ю. Самарину, какъ бы послѣдовалъ завѣту старца Зосимы, данному Алешѣ Карамазову: „въ мірѣ будь, и въ мірѣ живи, какъ инокъ“, такъ какъ онъ остался на всю жизнь цѣломудреннымъ и свободнымъ отъ всякихъ чувственныхъ наслажденій, „чтобы, по его словамъ, тѣмъ вѣриѣ, т. е. неуклоннѣе и всецѣльнѣе, сослужить свою общественную службу“.

Наступившіе 80-е года могутъ считаться для русскаго общества годами тяжелыхъ невознаградимыхъ утратъ. Что ни годъ въ этомъ мрачномъ десятилѣтіи—то новая потеря! и въ какія только области нашей общественной жизни не проникла разрушительная сила смерти, гдѣ не произвела она опустошеній. Убывало цѣлое поколѣніе людей, вся дѣятельность которыхъ запечатлѣна горячимъ, безкорыстнымъ служеніемъ родинѣ, людей въ значительной степени содѣйствовавшихъ подъему нашихъ духовныхъ силъ, развитію нашей гражданской свободы и умственной зрѣлости. Озираясь кругомъ, то и дѣло видишь свѣжія могилы, на крестахъ которыхъ написаны дорогія для каждаго русскаго имени: Достоевскаго, Тургенева, Костомарова, Кавелина, Островскаго, Аксакова, Салтыкова и множество другихъ. Все это имена, которыя горячо говорятъ о той порѣ, когда, по словамъ Миллера, „повѣяло тепломъ и волей, когда совершилось освобожденіе крестьянъ, когда зачался гласный судъ, когда открыты были земскія учрежденія, когда снимались оковы съ печатнаго слова, когда перестали прогонять сквозь строй, когда защита отечества стала общей священной обязанностью“, о той порѣ, съ которой и для Ореста Федоровича связывались воспоминанія о лучшихъ дняхъ жизни, въ которой ему видѣлся новый восходъ солнца, благотворные лучи котораго должны были вызвать наше отечество къ новой жизни, полной любви, христіанской свободы, справедливаго соціального строя, ко всему тому, что онъ такъ горячо и неустанно проповѣдывалъ во всю свою научно-общественную дѣятельность. Поминанія этихъ нашихъ дѣятелей и той поры, защита ихъ, составили заключительныя страницы послѣдней главы его жизни.

Особенно сильное впечатлѣніе на Ореста Федоровича произвели кончина императора Александра II, смерть Достоевскаго и Аксакова. Этимъ моментамъ нашей государственной и общественной жизни посвятилъ онъ не мало рѣчей, лекцій и газетныхъ статей, въ которыя онъ вложилъ всю свою душу, высказалъ весь кодексъ своихъ гражданскихъ и жизненныхъ убѣжденій. Въ убіеніи Александра II онъ видѣлъ страшную историческую логику, довершеніе кроваваго террора, начавшагося на русской землѣ еще съ реформъ Петра Великаго, въ которыхъ впервые, по его мнѣнію, было къ намъ занесено начало узаконеннаго насилія; съ другой стороны, въ этомъ событіи онъ усматривалъ и содѣйствіе тѣхъ силъ, которыя подъ фирмою служенія родинѣ, постоянно оказывали сопротивление верховной власти, когда она становилась на почву народнаго довѣрія и земскаго развитія. Горячій поклонникъ Александра II, онъ былъ глубоко потрясенъ насиліемъ 1-го марта 1881 года, послѣдствія

котораго рисовались ему для нашей исторической и общественной жизни далеко не въ заманчивомъ свѣтѣ. Какъ и всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, онъ съ особенною силою сталъ горячо проповѣдывать противъ всякаго насилія, противъ всякаго террора въ государственной жизни, съ какой бы стороны онъ ни проявлялся.

Въ публицистическихъ произведеніяхъ, романахъ Достоевскаго, тогда уже скончавшагося, онъ находилъ массу матеріала, который подкрѣплялъ его воззрѣнія на этотъ предметъ, много пророчества тому, что совершилось впоследствии. Достоевскій, и прежде имъ горячо любимый, сталъ ему особенно дорогъ послѣ Пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ, послѣ того, какъ тотъ и въ своей извѣстной рѣчи, и въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ, такъ горячо исповѣдалъ свою вѣру въ народную душу, въ необходимость довѣрія къ народу, съ которымъ для Россіи связывалось ея свободное государственное развитіе на началахъ общинности, свободы и братства.

Но если оцѣнка дѣятельности Достоевскаго давала ему возможность высказываться болѣе или менѣе откровенно по разнымъ вопросамъ нашей жизни, то въ поминаніяхъ И. С. Аксакова онъ уже рѣшительно изложилъ все свое *profession de foi*. Самъ воспитанный на ученіяхъ славянофильской школы, онъ видѣлъ въ Аксаковѣ противовѣсъ и изобличеніе другого Московскаго направленія, которое не вѣрило ни въ духъ любви, ни въ силу общинности и земщины, считая все это поэзіей и бреднями и полагая все спасеніе нашего отечества въ одной лишь сильной бюрократической власти, въ упорядоченіи нашихъ общественныхъ элементовъ, въ видѣ обособленія сословностей и въ строгой регламентаціи реальныхъ интересовъ Россіи. Опасаясь, чтобы это стремленіе къ „реальнымъ интересамъ“ не позволило усмотрѣть и пустую поэзію въ освободительной предшествовавшей эпохѣ, Миллеръ все громче и раздражительнѣе подымалъ свой голосъ въ защиту памяти этой эпохи, въ изобличеніе тѣхъ, которые относились къ ней скептически и съ недолжнымъ благоговѣніемъ. И вотъ, какъ и въ началѣ его дѣятельности, на него снова напала слишкомъ извѣстная часть нашей печати, не стѣсняясь употреблять въ отношеніи его самыя непозволительныя выраженія и требуя удаленія его изъ университета; но эти факты слишкомъ свѣжи въ памяти современниковъ, чтобы о нихъ распространяться...

Осенью 1888 года Орестъ Федоровичъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ должности профессора русской словесности.

Но прежде чѣмъ распроститься съ дорогимъ для него университетомъ навсегда, онъ имѣлъ возможность наглядно убѣдиться, каково къ нему расположеніе его учениковъ и какова оцѣнка его 25-лѣтней научной и литературной дѣятельности въ мнѣніи нашего общества.

Это расположеніе проявилось и оцѣнка была сдѣлана 4 января 1886 г., когда въ его скромную квартиру собрались бывшіе и настоящіе его ученики и ученицы, товарищи по службѣ, представители науки, литературы

и общественной благотворительности, чтобы единогласно и задушевно приветствовать его четверти-вѣковую полезную и честную дѣятельность и искренно пожелать юбиляру еще долгаго служенія на пользу родины и молодежи. Въ этотъ истинно-счастливый для Ореста Федоровича день, когда, по словамъ одного изъ его товарищей, „государственная служба ему засчиталась въ общественную“, съ разныхъ сторонъ были сдѣланы прекрасныя характеристики его жизненнаго поприща. „Вы не измѣнили себѣ ни разу“,—писалъ ему И. С. Аксаковъ по поводу юбилея,—„въ теченіе 25 лѣтъ вашего служенія словомъ, отличавшагося всегда мужественною искренностію, какъ въ свидѣтельствѣ о правдѣ, такъ и въ изобличеніи неправды; вы никогда не сходили съ праведнаго пути, и неутомимо развивали въ вашихъ ученикахъ требованія правдивости, отождествляя ихъ съ русскими народными идеалами, съ любовью къ русской народности“... „Та стойкость въ убѣжденіяхъ“,—характеризовалъ его А. И. Незеленовъ,—„та горячность, съ какою вы всегда отстаиваете свои взгляды и въ научныхъ, и въ публицистическихъ трудахъ, горячность, неразрывно идущая рука объ руку съ правдивою чистотою побужденій, вызываетъ уваженіе къ вамъ даже и тѣхъ, кто не разделяетъ вашихъ взглядовъ. При томъ невольно вспоминается ваше всегдашнее сочувствіе и къ людямъ другихъ убѣжденій, если только въ ихъ дѣятельности, научной или общественной, вы слышите то же присутствіе жизни, присутствіе мысли и правдивыхъ началъ“.

Юбилейное торжество, а также тѣ годы, когда онъ предѣлательствовалъ въ „Студенческомъ научно-литературномъ обществѣ“, ¹⁾ при С.-Петербургскомъ университетѣ, составляли за весь періодъ 80-хъ годовъ единственныя свѣтлыя страницы его жизни; остальные были наполнены или тяжелыми утратами, или такими моментами нашей общественной жизни, когда наступившая эпоха „реальныхъ интересовъ“ отодвинула далеко назадъ все то идеальное, что онъ такъ любилъ и чему поклонялся.

Въ 1884 году скончалась Екатерина Николаевна, а черезъ четыре года онъ лишился и дорогой ему университетской семьи. Сѣро и грустно потекла жизнь одинокаго старика-холостяка; правда, поселившійся у него племянникъ нѣсколько согрѣвалъ эту жизнь, но чувство тоски по аудитории, гдѣ его такъ любовно и горячо принимала масса молодежи, все сильнѣе и больнѣе сжимала его сердце; да и окружающая общественная жизнь не несла ничего утѣшительнаго. Все рѣже приходилось выступать ораторомъ въ общественныхъ собраніяхъ, все чаще редакціи толстыхъ журналовъ закрывали передъ нимъ двери, или онъ самъ отворачивался отъ нихъ, а широкая благотворительность, жизнь съ ея будничными нуждами и заботами требовали расходовъ, на которые не хватало получаемой пенсіи. Пришлось поэтому обращаться къ газетному заработку и размѣниваться. Это обстоятельство угнетающе дѣйствовало

¹⁾ Нынѣ не существующемъ.

на него и переносило его мысль къ другимъ временамъ, когда онъ съ такими широкими надеждами вступалъ на научное поприще. „...Когда подумаешь, — писалъ Миллеръ въ своемъ дневникѣ, — о томъ, какъ я постоянно разбрасываюсь въ своихъ работахъ, то становится не по себѣ. Куда дѣвалось то время, когда я имѣлъ твердое намѣреніе заняться исключительно народной словесностью съ той широкой точки зрѣнія, которая соприкасается съ столькими живыми областями знанія!“ „А теперь?—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—я положительно обратился въ публициста, а профессора все болѣе и болѣе убываетъ“, но „литературный заработокъ мнѣ необходимъ... я прямо рассчитываю на него“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „перо мое лишило цѣны—даже въ буквальномъ смыслѣ. Глупое положеніе“. Желаніе снова обратиться къ серьезному научному труду, отъ котораго его постоянно отвлекали общественныя дѣла и необходимость газетнаго заработка, все сильнѣе и сильнѣе охватывало его. „Когда же, наконецъ, можно будетъ работать за поемъ, чтобы окрѣпнуть и возродиться черезъ это и сбросить съ себя всякую тину и гниль!“

Пессимистическое настроеніе, однако, крѣпко въ немъ, чувствовалась страшная усталость; приближеніе старости, боязнь быть сломленнымъ обстоятельствами жизни и заживо быть похороненнымъ. Свое настроеніе и волновавшія его чувства онъ излилъ въ стихахъ, къ которымъ на закатѣ дней онъ сталъ чаще и чаще обращаться въ минуты душевной тревоги. Вотъ эти стихи:

„Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума,
 Не дай и оскудѣть трудами,
 И не достанься мнѣ съ годами
 Ненужной старости тюрьма!
 За то, что юности кипучей
 Соблазновъ сладкихъ я не зналъ,
 Молю, чтобъ сердца пылъ могучій
 Во мнѣ по гробъ не остывалъ;
 Чтобъ какъ боецъ на полѣ брани
 Межъ тѣмъ какъ навраетъ врагъ,
 Изъ непоколебляющейся длани
 Не выпускаетъ бравный стягъ,
 Но подъ его завѣтнымъ кровомъ
 Слагаетъ голову свою,
 И я бы такъ, въ иномъ бою,
 Бою съ неправдою суровой
 Столпомъ стоялъ врагу на страхъ,
 Съ неодолимо-сильнымъ словомъ
 На несмолкающихъ устахъ,
 И смертью на людяхъ мгновенной
 Закончилъ путь свой дерзновенный...

 Лишь отъ тупого одрахлаенья
 Меня, Всевышній, упаси,
 Отъ силъ духовныхъ истощенья
 Отъ смерти заживо спаси!“

Охватившая его тоска, тоска по живой душѣ, которая, какъ ему казалось, все болѣе исчезаетъ изъ современной жизни, замѣчается и въ газетныхъ его статьяхъ, и въ послѣднемъ его литературномъ трудѣ о Г. И. Успенскомъ, а еще ярче въ его дневникахъ. Здѣсь уже слышатся такія ноты, которыя какъ будто говорятъ и о предчувствіи близкой смерти. „Но мнѣ грустно, а теперь такъ грустно,—писалъ онъ,—что не принимался бы и за занятія. Что это: нервы или болѣе того?“ И въ другомъ мѣстѣ: „А тоска меня опять одолѣла, и Богъ вѣсть отъ одной ли моей мнительности. „Не пора ли, наконецъ, разорваться моему больному сердцу“. Онъ точно указывалъ въ дневникѣ даже на желанный видъ смерти, говоря въ одномъ случаѣ: „...разрывъ сердца—нынѣшняя болѣзнь! Всѣ хорошіе люди скоро перемрутъ отъ разрыва сердца“! Послѣднія строки, писанныя имъ наканунѣ смерти, краснорѣчиво говорятъ о сердечной тревогѣ, которая на слѣдующій день нашла себѣ успокоеніе за тѣмъ предѣломъ, гдѣ, по словамъ молитвы, „нѣсть печали и болѣзни“. „Дочиталъ романъ m-me В.—записалъ онъ—кончающійся ужасно грустно. Грустное къ грустному!.. Одно только хорошее впечатлѣніе за эти дни: литературный фондъ, по моей просьбѣ, далъ пособіе дочери покойнаго N. N. Что-то скажетъ завтрашній день?...“

А этотъ „завтрашній“ день, 1-е іюня настоящаго года уже готовилъ ему роковой отвѣтъ, о которомъ онъ молилъ Бога въ своихъ стихахъ и на который пророчески указывалъ въ своемъ дневникѣ. Онъ послалъ ему „на людяхъ мгновенную смерть“, смерть отъ сердца, „нынѣшней болѣзни“, отъ которой по его словамъ, скоро перемрутъ всѣ наши хорошіе люди.

1889 г .

Александръ Дмитріевичъ Градовскій.

(Опытъ характеристики).

СОНЧАВШІЙСЯ 6-го ноября 1889 года профессоръ С.-Петербургскаго университета, Александръ Дмитріевичъ Градовскій, принадлежалъ всецѣло къ людямъ, которые могутъ считаться типичными представителями, убѣжденными послѣдователями и популяризаторами освобожденной и обновленной Россіи шестидесятыхъ годовъ. Для этихъ людей 19-го февраля 1861 года было началомъ новаго лѣтосчисленія русской исторіи, а слова Манифеста о „свободномъ трудѣ“, „домашнемъ благополучіи“ и „общественномъ благѣ“ народа—словами новаго завѣта, къ которому они приложили и приурочили всю свою научную, литературную и общественную дѣятельность.

Ю. О. Самаринъ, К. Д. Кавелинъ, А. Д. Градовскій,—все эти сошедшіе уже въ могилу типичные представители „зари просвѣщенной свободы“, могутъ быть, несмотря на нѣкоторое различіе въ убѣжденіяхъ, поставлены въ одну категорію, въ одну группу. Все ихъ тѣсно соединяло чувство глубокаго поклоненія реформамъ Александра II, общее служеніе до послѣдней минуты своей жизни началамъ, указаннымъ въ Манифестѣ 19-го февраля 1861 года. Вотъ почему славянофилъ Самаринъ рисовался человѣку либеральнаго направленія, покойному Александру Дмитріевичу, какъ „типъ русскаго гражданина“, какъ „типъ общественнаго дѣятеля съ убѣжденіями твердыми и неподкупными, съ стремленіями чистыми и безкорыстными“. Несмотря на значительное различіе въ годахъ, несмотря даже на различіе въ періодахъ дѣятельности, общественное значеніе Самарина, Кавелина, Градовскаго, органически связано съ реформеннымъ періодомъ шестидесятыхъ годовъ. Если первымъ двумъ выпало на долю принять непосредственное участіе въ разработкѣ и примѣненіи къ жизни освободительныхъ принциповъ, то послѣднему принадлежитъ неотъемлемая честь въ нашей литературѣ популяризаціи прави-

тельственныхъ идей того времени, формулировки началъ русскаго государственнаго права, возведенія ихъ въ стройное цѣлое, какими они явились послѣ освобожденія крестьянъ, и настойчивой проповѣди необходимости непрерывнаго прогресса въ этихъ реформахъ.

Градовскій родился въ Воронежской губерніи въ 1841 году. Его отецъ, извѣстный на югѣ селитроварь, далъ своему сыну прекрасное домашнее образованіе, а затѣмъ опредѣлилъ его во 2-ю Харьковскую гимназію. Въ 1858 году онъ поступилъ на юридическій факультетъ Харьковского университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1862 году со степенью кандидата правъ. Уже на университетской школьной скамьѣ молодого студента манило, подъ вліяніемъ даровитыхъ наставниковъ, профессоровъ Каченовскаго и Пахмана, отдать себя исключительно на служеніе наукъ; но его излюбленной мечтѣ не сразу пришлось увидѣть осуществленіе, и мы видимъ его въ теченіе трехъ лѣтъ, по окончаніи университетскаго курса, въ роли практическаго дѣятеля, провинціального чиновника. До осени 1865 года онъ управляетъ имѣніемъ отца въ Воронежской губерніи, редактируетъ въ Харьковѣ „Губернскія Вѣдомости“, служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронежскомъ губернаторѣ. Эта дѣятельность, давшая ему возможность изучить провинціальную Россію, какъ дореформенную, такъ и въ моментъ ея пробужденія къ новой жизни, убѣдила его окончательно, что не среди Коробочекъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Собакевичей и Ноздревыхъ мѣсто человѣку, мечтающему о наукѣ, о широкой общественной дѣятельности, понимающему въ чемъ зло отечества и каковы цѣли врачеванія...

И вотъ, уже въ октябрѣ 1865 года мы встрѣчаемъ его ревностно работающимъ въ Петербургской Императорской Публичной Библиотекѣ надъ обширною диссертациею „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генераль-прокуроры“. Это сочиненіе, потребовавшее отъ него лишь полгода труда, обратило на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и было гостеприимно встрѣчено Петербургскимъ университетомъ. Юридическій здѣшній факультетъ удостоилъ автора, представившаго свою работу на званіе магистра, искомой научной степени. Бойкій и острый умъ, громадная эрудиція, удивительная работоспособность въ молодомъ ученомъ говорили профессорской корпораціи, что она имѣетъ дѣло съ недюжинною личностью и что оставшаяся еще вакантною кафедра государственнаго права можетъ найти въ немъ достойнаго замѣтителя.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что университетскій Уставъ 1863 года, поставившій такъ высоко академическую науку, расширилъ значительно противъ прежняго и преподаваніе политическихъ наукъ. Съ послѣднихъ какъ бы снята была окраска чего-то страшнаго, враждебнаго, слово „политика“ перестало тревожить подозрительные умы и получило право гражданства среди другихъ терминовъ научнаго знанія. Государствовѣдѣнію былъ предоставленъ широкій просторъ, оно было поставлено во главѣ факультетскаго преподаванія; три каѣдры, соединенныя, впрочемъ,

въ одну общую—по теоріи государственнаго права, по русскому государственному праву и праву иностранныхъ государствъ—давали возможность учащимся почерпнуть изъ университетской аудиторіи широкія познанія о значеніи и развитіи государственнаго организма, какъ высшей формы человѣческаго общежитія.

Поэтому и къ профессору, замѣщающему эту катедру, при новой постановкѣ вопроса, предъявлялись серьезныя требованія, если только онъ хотѣлъ быть на высотѣ своего призванія. И дѣйствительно, Градовскій, по защитѣ имъ магистерской диссертациі въ 1866 году, приглашенный велѣдъ за сямъ на вакантную въ Петербургскомъ университетѣ катедру, съ честью оправдалъ возложенныя на него юридическимъ факультетомъ надежды, явившись создателемъ, творцомъ русскаго государственнаго права въ томъ смыслѣ, какъ эта отрасль знанія должна быть понимаема въ наукѣ. Двадцатипятилѣтній юноша, на отвѣтственной и одной изъ главнѣйшихъ кафедръ университета, толкующій студентамъ мало разработанный въ отечественной литературѣ предметъ—явленіе рѣдкое въ нашей русской жизни!

Положеніе Градовскаго было нелегкое и тѣмъ болѣе, что сама жизнь, государственная и общественная, еще отливалась въ опредѣленныя формы, еще только входила въ указанныя ей реформами шестидесятыхъ годовъ границы. Нужно было улавливать, быстро осмысливать совершавшіяся явленія, находить имъ теоретическое, научное обоснованіе, подвергать критической разработкѣ и вводить ихъ какъ матеріаль, какъ составные элементы, въ то, что подразумѣвается подъ наукою русскаго государственнаго права. Но молодой ученый справляется съ этою задачею и ставитъ въ Петербургскомъ университетѣ преподаваніе своего предмета на высоту, желанную уставомъ 1863 года и требованіями научной истины. Объ этомъ легко можно судить изъ появившагося въ печати его сочиненія: „Начала русскаго государственнаго права“, которое составляетъ предметъ его академическихъ курсовъ, читанныхъ каждому выпуску студентовъ-юристовъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Сочиненіе это выходило по частямъ: первый томъ—въ 1875, второй—въ 1876 и, наконецъ, первая часть третьяго тома—въ 1883 году; вторая часть этого тома, долженствовавшая обнять собою вопросъ о самоуправленіи—земскомъ, городскомъ и крестьянскомъ, не увидала свѣта, хотя и составляла въ ряду остальныхъ отдѣловъ русскаго государственнаго права постоянный предметъ чтеній студентамъ.

Конечно, этотъ полный курсъ профессора Градовскаго въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати, былъ предметомъ многолѣтняго упорнаго труда, цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ. Къ числу таковыхъ должна быть отнесена и его докторская диссертациа: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“, написанная въ 1868 году. Помимо этой книги, перу Александра Дмитриевича принадлежитъ еще цѣлый рядъ критическихъ очерковъ, хотя и не претендующихъ на самостоятельное значеніе, но

составляющихъ настоящей ученый вкладъ въ русскую юридическую науку. Сюда относятся напечатанныя сначала въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ въ теченіе шестидесятихъ годовъ, а потомъ вошедшія вмѣстѣ съ другими его работами въ одну книгу подъ названіемъ: „Политика, исторія и администрація“, статьи, „Теорія представительства“, „Государственный строй древней Россіи“, Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія“.

Выше уже было сказано, что Градовскій явился творцомъ науки русскаго государственнаго права. До него дѣлались попытки нѣкоторыми учеными представить по этому предмету свои курсы, но попытки эти далеко не удовлетворяли назрѣвшей потребности ¹⁾. Профессоръ Петербургскаго университета, И. Е. Андреевскій, отпечатавшій въ 1866 году свой курсъ „русскаго государственнаго права“, въ виду не совсѣмъ еще завершившихся въ то время судебныхъ реформъ, не могъ по самому существу дѣла вполне удачно справиться съ догматическимъ и теоретическимъ элементомъ предмета, почему и предоставилъ больше всего мѣста историческому ходу развитія организациі нашего административнаго механизма. Кіевскій профессоръ Романовичъ-Славатинскій, хотя и удѣлилъ догматическому элементу больше вниманія, но за то почти не коснулся теоретической стороны дѣла, не искусился въ научной критикѣ.

Иначе поставилъ вопросъ Градовскій. Взявъ за образецъ раздѣленіе предмета на отдѣлы и классификацію учреждений у нѣмецкихъ ученыхъ Рёне, Шульце, Гротефенда, онъ далъ въ своихъ „Началахъ“ одинаково полное примѣненіе всѣмъ методамъ изученія—сравнительному, критическому и историческому, поставилъ вопросъ о нашемъ государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи на почву строгихъ требованій европейской юридической науки. Въ его изложеніи каждый отдѣлъ явился чѣмъ-то цѣлымъ, съ своимъ самостоятельнымъ основаніемъ. Идея законности служитъ основаніемъ перваго тома о „государственномъ устройствѣ“, такъ какъ этой идеею опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства. Ученіе объ „органахъ управленія“ во второмъ томѣ основано на понятіи должности, „постояннаго управленія, предназначеннаго къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства“. Въ третьемъ томѣ изложено сначала общее ученіе о мѣстномъ управленіи—централизациі, децентрализациі и самоуправленіи, далѣе слѣдуетъ чрезвычайно полный и живо написанный очеркъ о мѣстномъ управленіи и, наконецъ, изложена организациія правительственныхъ и дворянскихъ мѣстныхъ учреждений.

Въ такой постановкѣ вопроса читалъ Градовскій нашимъ студентамъ-юристамъ свои обширные курсы русскаго государственнаго права. Изъ его аудиторіи выходили будущіе отечественные дѣятели съ основательнымъ знаніемъ строя своего отечества, съ пониманіемъ основъ, лежа-

¹⁾ См. объ этомъ въ „Сборникѣ Государственныхъ знаній“, т. III, ст. Н. Коркунова „Государственное право (теорія)“.

щихъ въ нашей административной организаціи, которая рисовалась имъ не какъ сѣщеніе случайныхъ историческихъ явленій, но какъ стройное органическое цѣлое въ юридическомъ освѣщеніи.

И преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ велось имъ въ столь же научномъ направленіи. Эта кафедра, нынѣ по новому уставу сведенная въ разрядъ предметовъ второстепенныхъ и необязательныхъ, была имъ поставлена образцово: студенты - слушатели выносили по этому предмету обширныя познанія съ широкими обобщеніями и теоретическимъ обоснованіемъ. О характерѣ его курсовъ можно судить отчасти по напечатанному имъ въ 1886 году сочиненію „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“. Покойный профессоръ не успѣлъ довести печатаніе этого капитальнаго труда до конца и выпустилъ только первый томъ, обнимающій собою историческую часть предмета. Названному сочиненію предшествовалъ рядъ подготовительныхъ статей и трудовъ, появившихся въ журналахъ и отдѣльными изданіями въ теченіе шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ. Главнѣйшими можно считать его историко-юридическіе этюды „Государство и прогрессъ“, „Парламентаризмъ во Франціи“, вошедшіе въ упомянутую книгу „Политика, исторія и администрація“, а также отдѣльное сочиненіе „Германская конституція“.

Первый томъ „Государственного права европейскихъ державъ“ заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы и имѣетъ цѣлью показать, какъ эти учрежденія явились результатомъ политической, національной, духовной и экономической жизни нашихъ сосѣдей. Историческому обзорѣю предпосланъ очеркъ развитія политическихъ идей, имѣвшихъ вліяніе на направленіе умовъ въ исходѣ XVIII вѣка. Можно смѣло сказать, что отечественная оригинальная литература, съ выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія Градовскаго, въ первый разъ получила цѣльный и обстоятельный трудъ, въ которомъ читатель можетъ найти политическую исторію новаго времени Европы и Америки. Мы наблюдаемъ здѣсь развитіе прогрессивныхъ и реакціонныхъ движеній европейской мысли, присутствуемъ при возрожденіи и вырожденіи народностей, на нашихъ глазахъ передовые бойцы и дѣятели воздвигаютъ конституціонныя зданія и рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ, какъ эти зданія уже начинаютъ колебаться подъ напоромъ новыхъ вѣяній мысли, свѣжихъ теченій жизни... Точно въ яркомъ калейдоскопѣ проходитъ передъ нами здѣсь борьба началъ монархическихъ, конституціонныхъ и социалистическихъ, точно въ блестящемъ освѣщеніи представляется нашимъ взорамъ панорама европейской политической жизни за столѣтіе ея существованія.

Обширная научная дѣятельность Александра Дмитріевича внушала къ нему глубокое уваженіе университетской молодежи, невольно приковывала ея вниманіе къ его профессорскому авторитету. Его популярность установилась съ первыхъ же лѣтъ вступленія въ академическую семью и достигла своего зенита въ половинѣ семидесятихъ годовъ. Не обладая

краснорѣчіемъ, Градовскій привлекалъ къ себѣ студентовъ главнымъ образомъ содержаніемъ своихъ лекцій, опредѣленностью научныхъ и жизненныхъ воззрѣній.

Онъ стремился видѣть въ своихъ слушателяхъ не отбывающихъ ради диплома университетскую повинность, но людей сошедшихся съ опредѣленною, сознательною цѣлью—вынести изъ профессорской аудиторіи какъ можно больше свѣдѣній и знаній. Безпощадно строгій въ исполненіи собственныхъ обязанностей, онъ не менѣе былъ требователенъ и къ своимъ ученикамъ. Если ему, въ силу академической свободы по уставу 1863 года, не удавалось заставить слушателей аккуратно посѣщать лекціи, за то онъ являлся на экзаменахъ настоящимъ судьей и цѣнителемъ знаній, приобретенныхъ аудиторіей. Экзамень у Градовскаго былъ не шуточнымъ дѣломъ и благополучно проходилъ лишь тотъ, кто дѣйствительно осмысленно зналъ и понималъ предметъ. Поблажекъ, снисхожденія тутъ не допускалось и чѣмъ слабѣе являлся комплектъ экзаменующихся, тѣмъ выше подымалъ онъ уровень требованій, тѣмъ раздражительнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе народа уходило отъ экзаменаціоннаго стола съ предложеніемъ продлить свое пребываніе въ университетѣ еще на годъ. Эта строгость была не дѣломъ каприза и болѣзненности, какъ полагали многіе, а происходила изъ иного источника: онъ стремился сдѣлать изъ своихъ слушателей честныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ для пополненія рядовъ русской интеллигенціи. Вотъ почему, предъявляя молодежи строгія научныя требованія, онъ неумолчно твердилъ ей: учись и учись, запасайся изъ университета прежде всего

А. Д. Градовскій.

тѣмъ раздражительнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе народа уходило отъ экзаменаціоннаго стола съ предложеніемъ продлить свое пребываніе въ университетѣ еще на годъ. Эта строгость была не дѣломъ каприза и болѣзненности, какъ полагали многіе, а происходила изъ иного источника: онъ стремился сдѣлать изъ своихъ слушателей честныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ для пополненія рядовъ русской интеллигенціи. Вотъ почему, предъявляя молодежи строгія научныя требованія, онъ неумолчно твердилъ ей: учись и учись, запасайся изъ университета прежде всего

какъ можно большими знаніями, чтобы явиться на жизненномъ поприщѣ человѣкомъ уметвенно развитымъ и просвѣщеннымъ! Рядомъ съ этою проповѣдью онъ предостерегалъ ее отъ увлеченій „политическими утопіями“, убѣждалъ ее сначала заpastись образованіемъ, а потомъ уже брать на себя роль общественныхъ и политическихъ дѣятелей. И чѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе проявлялись въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній разныя увлеченія, влекшія за собою въ большинствѣ случаевъ грустныя для учащихся послѣдствія, тѣмъ громче подымалъ онъ свой голосъ, тѣмъ страстнѣе и раздражительнонѣ говорилъ онъ противъ этихъ „увлеченій, агитацій и утопій“.

Въ одной изъ статей въ „Голосѣ“¹⁾ подъ заглавіемъ „Задача русской молодежи“ онъ даетъ намъ понятіе, какъ бесѣдовалъ онъ съ своей юной аудиторіей на подобныя темы и какія требованія предъявлялъ онъ къ ней.

„Задача учащейся молодежи состоитъ въ увеличеніи объема русской интеллигенціи, — пишетъ онъ. — Молодежь не должна бросаться въ „народный океанъ“, но должна увеличивать мыслящую, разумную и нравственную часть русскаго общества, потому что только здѣсь можетъ она принести пользу и народу... Неучащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни; не учась, оно губитъ себя, а губя себя, оно убавляетъ количество тѣхъ здоровыхъ, дѣятельныхъ силъ, на которыя каждое общество не только въ правѣ, но обязано рассчитывать для своего движенія впередъ. Какая реформа, какое новое учрежденіе, какое серьезное національное предпріятіе осуществимы, если народъ не будетъ имѣть возможности рассчитывать, что для этихъ предпріятій и учрежденій найдутся люди, способные вести и поддерживать ихъ не только въ данную минуту, но и впоследствии?“

Покойный профессоръ часто обращался къ темѣ о необходимости борьбы съ агитаціей, съ анархическими и социалистическими ученіями. Эту тему онъ развивалъ и на своихъ лекціяхъ студентамъ и въ газетныхъ фельетонахъ „Голоса“.

Газетная и журнальная работа была для Александра Дмитриевича такою же потребностью, какъ университетская кафедра. Ему недостаточно было одной тѣсной аудиторіи, гдѣ онъ былъ ограниченъ рамками специальности; онъ нуждался въ иной трибунѣ, съ которой можно было обращаться къ болѣе широкому кругу слушателей, говорить о болѣе живыхъ предметахъ съ точки зрѣнія современныхъ требованій государства и общества. Такою трибуною для него служила газетная и журнальная публицистика, въ которой онъ создалъ себѣ почетное мѣсто, выдающееся имя политическаго писателя.

Градовскій рано вступилъ на литературное поприще. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ становится редакторомъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, затѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ является сотрудникомъ въ журналахъ братьевъ Достоевскихъ „Время“ и „Эпоха“, подъ знаменемъ „почвенниковъ“, проповѣдывавшихъ необходимость нравственнаго единенія съ народомъ, отрицавшихъ либерализма и западничества. Въ 1867 году, онъ печатаетъ въ „Русскомъ

¹⁾ См. сборникъ „Трудные годы“ (1876—1880 гг.) А. Градовскаго.

Вѣстникъ“ Каткова обширную критическую статью на сочиненіе В. Чичерина „О народномъ представительствѣ“, а позже нѣсколько научныхъ работъ въ „Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.“, „Зарѣ“ и „Судебномъ Вѣстникѣ“.

Но этотъ періодъ дѣятельности Градовскаго не даетъ еще яснаго представленія о немъ, какъ о публицистѣ съ строго опредѣленнымъ складомъ убѣжденій. Онъ точно еще выработываетъ свои основныя воззрѣнія, свои руководящіе политическіе принципы, причемъ, во всякомъ случаѣ, подходитъ ближе къ московскимъ литературнымъ направленіямъ шестидесятыхъ годовъ, нежели къ петербургскимъ—съ „Отечественными Записками“, „Современникомъ“ и „Вѣстникомъ Европы“ во главѣ и въ роли руководителей общественнаго миѣнія. Съ самаго конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ онъ уже начинаетъ болѣе интересоваться „злобами“, „вопросами дня“ и посвящаетъ имъ въ „Голосѣ“, „Зарѣ“ и „Судебномъ Вѣстникѣ“ нѣсколько научно-публицистическихъ очерковъ, въ которыхъ ясиѣе опредѣляетъ свои общественныя и политическіе идеалы. Онъ является въ нихъ горячимъ поклонникомъ началъ Положенія 19 февраля, свободы печатнаго слова и развитія общественныхъ силъ отечества, высказывается противъ предварительной цензуры для журналовъ, противъ необходимости усиленія административной власти, въ ущербъ самоуправленію. Авторъ предостерегаетъ правительство, чтобъ оно не пугалось „уступокъ духу времени“, не парализовало начатыхъ реформъ, не сворачивало съ избраннаго пути. Руководящею мыслью всѣхъ этихъ статей, собранныхъ въ его книгѣ „Политика, исторія и администрація“, можно считать ту, „что наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно стать на почву истиннаго гражданскаго порядка, который немислимъ безъ разумной общественной свободы“.

Семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ могутъ считаться пышнымъ расцвѣтомъ его публицистическаго таланта и литературной дѣятельности. Два сборника, въ которыхъ соединены главнѣйшія его статьи того времени, оставилъ намъ въ наслѣдіе покойный профессоръ. Сборники эти: „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ“ и „Трудные годы“, обнимающіе собою его газетную и журнальную дѣятельность съ 1873 по 1880 годъ. Статьи въ первомъ сборникѣ, большая часть которыхъ была напечатана въ журналѣ „Бесѣда“, составляли предметъ его публичныхъ лекцій и имѣютъ своею задачею изслѣдовать значеніе національнаго вопроса для современной жизни, прослѣдить условія его возникновенія.

Авторъ является здѣсь сторонникомъ типа національно-прогрессивнаго государства, какъ его отчасти понимали германскій философъ Фихте старшій и наши первые славянофилы, почему онъ и высказываетъ свое открытое сочувствіе этимъ направленіямъ въ нѣмецкой и русской литературѣ. Въ этихъ статьяхъ онъ отрицаетъ единую „всепасающую цивилизацію“, „свокорыстный бездушный космополитизмъ“ и ставитъ единственными естественными основаніями и цѣлью жизни каждаго государства начало и р о д н о с т и. Теорія національно-прогрессивнаго государства приводитъ

его къ заключенію, что слова — „національность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода должны быть однозначущими“. Обращаясь къ своему отечеству, онъ говоритъ: „Мы твердо вѣримъ, что матеріальная и духовная самостоятельность Россіи имѣетъ общечеловѣческое значеніе. Пусть же она укрѣпляетъ въ себѣ эту самостоятельность неуклонною работою надъ собою, непрерывнымъ обновленіемъ своей внутренней жизни, народною школою, равноправностью, правдою въ податяхъ, въ судѣ и въ народномъ хозяйствѣ“.

И въ слѣдующемъ сборникѣ, въ „Трудныхъ годахъ“, мы встрѣчаемъ тѣ же мотивы о значеніи національнаго вопроса, но главный центръ авторской проповѣди заключается не въ этомъ, а въ уясненіи политическихъ и общественныхъ событій отечественнаго дня, въ указаніи на истинные желаемые пути историческаго развитія русскаго народа, въ опредѣленіи значенія общественнаго идеала, въ анализѣ нашихъ домашнихъ недуговъ и неустройствъ, которыми страдало отечество въ трудные семидесятые годы. Онъ подробно останавливается на значеніи интеллигенціи въ жизни страны и отводитъ ей главенствующее мѣсто, какъ выразительницѣ стремленій и желаній своего народа. „Русская земля, — говоритъ Градовскій, — жаждетъ, какъ хлѣба насущнаго, настоящихъ русскихъ людей, которые умѣли и хотѣли бы говорить и дѣйствовать за всю землю, въ которыхъ частные типы нашего общества... слились бы въ цѣльный, всеобъемлющій типъ мыслящаго, нравственнаго, трудолюбиваго и стойкаго русскаго человека.“ Этотъ русскій человекъ долженъ преслѣдовать, по его мнѣнію, не социалистическія утопіи, не увлекаться западничествомъ, какъ только подражательною способностью, но стремиться къ осуществленію идеаловъ земскаго развитія своей страны въ духѣ реформы 1861 года.

„Развитіе земскаго начала въ нашемъ управленіи, — писалъ онъ, — будетъ наилучшимъ средствомъ образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются всѣ попытки насильственныхъ передѣлокъ нашей родины, по какимъ бы то ни было „шаблонамъ,“ и особенно по шаблону социальной демократіи...“ Съ укрѣпленіемъ земскаго начала, согласно его ученію, разовьется и нашъ политическій и общественный строй, а съ нимъ вмѣстѣ культурное состояніе народа. Такимъ образомъ, отсюда вытекало общее ученіе о взаимодействіи между отдѣльными индивидуальностями и политическимъ, культурнымъ строемъ отечества; въ частности же, касательно Россіи, являлась настойчивая проповѣдь о необходимости дальнѣйшаго земскаго развитія, начало которому главнымъ образомъ положено 19 февраля. „Вотъ почему каждый, — утверждаетъ онъ, — кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать и укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменательныхъ актахъ нынѣшняго царствованія, впервые давшихъ извѣстное обезпеченіе человѣческой личности въ Россіи.“ Непрерывный прогрессъ національнаго земскаго развитія съ правомъ свободнаго его обсужденія и руководствомъ интеллигенціей, какъ представительницей стремленій и желаній страны — таковъ

его идеаль, горячо и настойчиво проповѣдуемый въ статьяхъ восьмидесятихъ годовъ. Изъ такой формулировки политическихъ стремленій вытекають его враждебныя отношенія и полемика съ московской журналистикой, въ лицѣ Каткова и Аксакова, а также съ Достоевскимъ,—авторомъ Пушкинской рѣчи на юбилейномъ торжествѣ въ Москвѣ 1880 г.

Какъ врагъ свободнаго земскаго развитія, какъ панегеристъ типа полицейско-бюрократическаго государства съ сильно развитой централизацией и административной опекой, Катковъ вель съ конца 70-хъ и во все теченіе 80-хъ годовъ упорную борьбу противъ либерализма, типичными представителями котораго онъ считалъ въ петербургскомъ обществѣ газету „Голосъ“ и ея главнаго сотрудника, Александра Дмитріевича Градовскаго.

Не менѣе рѣзко и страстно нападаетъ на послѣдняго и И. С. Аксаковъ, считавшій его, однако, до конца семидесятихъ годовъ челоувѣкомъ своего лагеря, своего направленія. Представитель славянофильской школы заподозриваетъ типъ національно-прогрессивнаго государства Градовскаго и полагаетъ, что въ этомъ типѣ слишкомъ много отводится мѣста „государственности“, виѣшней законности, въ ущербъ живому народному организму и его внутренней правдѣ. Аксаковъ боится, какъ бы съ усиленіемъ интеллигенціи, народу не навязаны были чуждыя его духу начала западной жизни, какъ бы государство не приобрѣло бюрократической окраски, какъ бы надъ народомъ не была установлена опека верхнихъ слоевъ, а самый народъ не былъ сведенъ къ роли пассивной и безличной массы.

Направляя свои громы и молніи противъ петербургской либеральной журналистики, интеллигенціи и свободныхъ вѣяній, московскіе публицисты особенно охотно и часто упоминають имя Александра Дмитріевича, какъ наиболѣе виднаго и талантливаго представителя противныхъ и враждебныхъ имъ вѣяній и кружковъ. Придавая такое значеніе петербургскому профессору и отводя ему такое видное мѣсто, они не погрѣшали противъ истины. Популярность и извѣстность Градовскаго росла съ каждымъ годомъ его дѣятельности, какъ профессора, ученаго и литератора. Его публичныя лекціи, которыхъ онъ не мало прочиталъ въ теченіе семидесятихъ годовъ и въ особенности во время славянскаго движенія, привлекали слушателей массами. Его фельетоны въ „Голосѣ“ и статьи въ „Русской Рѣчи“ вызывали всегда горячіе споры и толки, а его пріемные дни по воскресеньямъ собирали многочисленныхъ гостей изъ различныхъ лагерей и направленій.

„На этихъ вечерахъ,—вспоминаетъ въ „Новомъ Времени“ (№ 4922) одинъ изъ лично знавшихъ покойнаго профессора,—можно было встрѣтить Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова, Н. И. Семенова, и многихъ другихъ, вовсе не принадлежавшихъ къ тѣмъ литературнымъ органамъ, въ которыхъ писалъ Градовскій... оттого-то и были такъ живы и интересны его воскресные вечера на Васильевскомъ островѣ, гдѣ много и горячо спорили Н. Я. Данилевскій съ Кавелинымъ—оба близкіе друзья покойнаго Градовскаго, но всегда діаметрально расходившіеся въ своихъ взглядахъ. На этихъ вечерахъ бывали славянофилы и западники, консерваторы и либералы, профессора и журналисты, иногда показывались такіе люди, какъ М. Г. Черняевъ,

М. Д. Скобелевъ, и тугой на ухо А. И. Кошелевъ старательно прислушивался къ мыслямъ и сужденіямъ хозяина. Бывалъ у Градовскаго, прѣзжая въ Петербургъ, и М. Н. Катковъ, впрочемъ, лишь до возникшаго въ началѣ 70-хъ годовъ вопроса о пересмотрѣ университетскаго устава, порвавшаго прежнія отношенія между проф. Градовскимъ и знаменитымъ московскимъ публицистомъ.“

Разные наши общественные и литературные дѣятели шли въ гости къ Александру Дмитріевичу не только какъ къ остроумному и просвѣщенному собесѣднику, но многіе видѣли въ немъ человѣка, могущаго дать полезный совѣтъ и инициативу въ дѣлахъ болѣе сложныхъ и важныхъ. Такъ, когда въ 1880 г. въ направленіи нашей внутренней политики и въ настроеніи правительственныхъ сферъ произошелъ замѣтный поворотъ въ пользу общественнаго довѣрія и общественной самодѣятельности, нѣкоторые наши администраторы дорожили указаніями и мнѣніями покойнаго Градовскаго. Его близкія отношенія въ ту пору къ министерству внутреннихъ дѣлъ графа Лориса-Меликова не составляютъ въ настоящее время тайны, да и министерство народнаго просвѣщенія въ тѣ дни видѣло въ немъ не чужого человѣка.

Это общественное и литературное значеніе Градовскаго давало достаточное основаніе враждебной ему печати къ нападкамъ на него, какъ на одного изъ виднѣйшихъ представителей либеральнаго теченія русской мысли. Александръ Дмитріевичъ не оспаривалъ презрительно даваемой ему клички „либераль“ и выступалъ въ этихъ случаяхъ лишь на защиту общей программы партіи, къ которой его причисляли, утверждая: „либералы полагаютъ, что для дѣйствительнаго проявленія нашихъ силъ необходимы болѣе льготныя условія существованія, при которыхъ могло бы развернуться національное творчество“. Возвращаясь къ той же темѣ въ одномъ изъ фельетоновъ „Голоса“ (1880 г. № 236), онъ писалъ: „Дѣло идетъ о томъ, чтобы пробудить, наконецъ, народныя и общественныя силы отъ долгой спячки, чтобъ эти силы вышли и вычистили русскую землю отъ всего наноснаго и тлетворнаго, накопившагося въ нашей средѣ въ последнее время, и вывели наше отечество на ту дорогу, на которой подобаетъ идти сильной и великой державѣ. Не сидѣть же намъ, въ самомъ дѣлѣ, слушая социалистическія бредни, съ одной стороны, и мистическія завыванья, съ другой стороны. Покорно благодаримъ.“

Къ числу такихъ „мистическихъ завываній“ онъ относилъ и многія статьи въ „Руси“ Аксакова, и сочиненіе Н. Страхова „Борьба съ Западомъ“, и извѣстную рѣчь Достоевскаго въ Москвѣ, на Пушкинскихъ торжествахъ. Эта рѣчь, названная въ свое время „событіемъ“, дала поводъ покойному Федору Михайловичу развить свое жизненное, политическое и историческое profession de foi, въ которомъ многіе усмотрѣли примиреніе нашихъ литературныхъ и общественныхъ направленій, торжество славянофильства и покаяніе либерализма, поворотный пунктъ въ нашемъ общественномъ развитіи, послѣ котораго всѣ партіи безъ изыятія пойдутъ по пути, указанному авторомъ „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Но такое мнѣніе оказалось преждевременнымъ и пѣсколько поспѣшнымъ. Въ числѣ лицъ, отнесшихся скептически къ проповѣди оратора о значеніи личной нравственности и о правѣ русскаго народа на поклоненіе ему Запада, находился и Градовскій, усмотрѣвшій въ этихъ словахъ болѣзненное явленіе времени, направленіе, вредное для современниковъ. Въ статьѣ „Мечты и дѣйствительность“, („Голосъ“ 1880 г. № 174) онъ изложилъ, рядомъ съ доказательствами несостоятельности поэтической проповѣди Достоевскаго, и свой личный взглядъ на нашу дѣйствительность.

„Никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только черезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей его составляющихъ... Улучшеніе людей въ смыслѣ общественномъ не можетъ быть произведено только работою „надъ собою“ и „смирненіемъ себя...“ въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства общественныхъ учреждений, воспитывающихъ въ человѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія доблести.“

Отмѣтивъ, что „общественные идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ „образованія, развитія“, что „еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣкового рабства засѣло въ немъ, чтобъ онъ могъ требовать себѣ поклоненія“, онъ говоритъ:

„Правильнѣе было бы сказать и современнымъ „скитальцамъ“ и „народу“ одинаково: смирнитесь передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, приобщились, благодаря реформѣ Петра Великаго. Впитайте въ себя все, что произвели лучшаго народы-учители наши. Тогда, переработавъ въ себѣ всю эту умственную и нравственную пищу, вы сумѣете проявить и всю силу вашего національнаго гения, внести и свою долю въ сокровищницу всечеловѣческаго...“

Настоятельная потребность въ совершенствованіи общественныхъ учреждений, средства къ такому совершенствованію, борьба съ остатками вѣкового рабства, необходимость общечеловѣческой гражданственности—вотъ тѣ темы, на которыхъ онъ сосредоточиваетъ большинство своихъ дальнѣйшихъ фельетоновъ и передовыхъ статей по внутреннимъ вопросамъ въ „Голосѣ“, вплоть до выбытія этой газеты изъ нашего литературнаго строя.

Съ прекращеніемъ въ 1883 году газеты Краевскаго, замолкаетъ и публицистическая работа Градовскаго. Въ окружающей дѣйствительности появились инныя теченія, осуществились инныя проекты, сошли со сцены близкіе ему общественные и государственные люди, значительно измѣнилась вся физіономія отечественной дѣйствительности—и убѣжденной рѣчи публициста „Голоса“, человѣку реформъ шестидесятыхъ годовъ, не нашлось болѣе трибуны, съ которой бы онъ могъ ежедневно обращаться къ обширной аудиторіи русскихъ читателей... Градовскій, какъ газетный дѣятель, смолкъ и сосредоточилъ свои занятія на главной специальности—русскомъ и иностранномъ государственномъ правѣ, выпустивъ въ свѣтъ свои капитальные труды по этимъ предметамъ, упомянутые въ началѣ нашей статьи. Но, замкнувшись въ своемъ научномъ каби-

нетъ, онъ тѣмъ не менѣе внимательно прислушивался къ тому, что дѣлается и за стѣнами этого кабинета... Некрасовъ сказалъ въ одномъ стихотвореніи:

„Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей.“

Градовскій страстно любилъ Россію, а она приносила ему слишкомъ много „гнѣва“ и „печали“. Доходившее до него ужъ черезчуръ разнилось съ тѣмъ, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ съ Ю. О. Самаринымъ и К. Д. Кавелинымъ, въ излишкѣ вызывало чувства, указанные поэтомъ.

Они же были гибельны его сердцу, страдавшему порокомъ; но онъ не могъ заглушить этихъ чувствъ, а, въ связи съ этимъ, развивалась все сильнѣе и сильнѣе сердечная болѣзнь, которая и свела его, наконецъ, въ могилу...

Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(Некрологъ).

ОДИНЪ ЗА ДРУГИМЪ сходятъ въ могилу бывше дѣтели русской науки, съ именами которыхъ неразрывно связано понятіе о расцвѣтѣ въ нашемъ отечествѣ широкихъ и плодотворныхъ областей знанія. Въ числѣ надгробныхъ крестовъ, осѣнившихъ за послѣднее время столичныя кладбища, особенную признательность и умиленіе вызываетъ тотъ свѣжій крестъ на кладбищѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, на коемъ значится имя академика Федора Ивановича Буслаева, скончавшагося 31-го іюля 1897 года.

Врядъ ли найдется какой русскій образованный человѣкъ, для котораго это дорогое имя не служило бы напоминаніемъ тѣхъ дней, когда онъ впервые научился понимать и сознательно любить языкъ своего народа, творчество и исторію этого народа. „Имя г. Буслаева уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ, — писалъ въ своей „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпинъ. — Въ привѣтствіяхъ, какія были вручены и высказаны ему по поводу его юбилея (1888 г.) отъ ученыхъ учреждений, какъ Московскій и Петербургскій университеты и Академія Наукъ, отзывалось то представленіе о его ученыхъ заслугахъ, какое внушается обзоромъ его многочисленныхъ работъ по изученію русскаго языка, старой русской письменности, народной поэзіи и, наконецъ, стараго русскаго искусства. Рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени одушевлена возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки.“

Эта мѣткая оцѣнка, произнесенная еще при жизни Буслаева знатокомъ русской исторической науки, не страдаетъ никакими преувеличеніями, никакимъ риторическимъ пафосомъ. Воистину имя Буслаева уже давно стало историческимъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова, и вѣсть о его кончинѣ отзывалась щемящею болью въ сердцахъ русскихъ образованныхъ людей.

Обозрѣть въ краткомъ некрологѣ всю учено-литературную дѣятельность покойнаго, поставить его самого на надлежащее мѣсто въ ряду современныхъ ему дѣятелей и на фонѣ протекшей исторической жизни, не представляется возможнымъ. Достаточно, если здѣсь будутъ изображены главные факты его жизни, указаны его наиболѣе существенные труды въ ихъ хронологической послѣдовательности и отмѣчено, подѣ воздействиемъ какихъ фактовъ и въ какой средѣ сложился его возвышенный образъ. То личное, которое въ каждомъ некрологѣ, въ каждомъ біографическомъ очеркѣ, написанныхъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ грустной вѣсти объ уtratѣ дорогаго человѣка, является чрезвычайно важнымъ и цѣннымъ, читатели найдутъ въ напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ интересныхъ „Воспоминаніяхъ о Ө. И. Буслаевѣ“ г. Танкова ¹⁾, гдѣ покойный профессоръ Московскаго университета представленъ его бывшимъ слушателемъ въ образѣ живого человѣка, со всей его плотью и кровью.

Ө. И. Буслаевъ родился 13-го апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, Пензенской губерніи, гдѣ его отецъ занималъ небольшое мѣсто въ земскомъ судѣ. Потерявъ рано отца, онъ остался на рукахъ матери, которая переѣхала на постоянное жительство въ губернский городъ, гдѣ, пользуясь хорошимъ достаткомъ, оставшимся ей послѣ отца, зажила вдвоемъ съ сыномъ, не зная нужды и печали. Но этимъ спокойнымъ днямъ не суждено было долго длиться, и молодая вдова черезъ два года послѣ смерти перваго мужа вышла вторично замужъ. Отчимъ маленькаго Буслаева былъ человѣкъ неважной нравственности, кутила и мотъ, который успѣлъ въ короткое время совершенно разорить свою семью и внести сюда горе и матеріальное лишеніе. Холерный 1830 годъ положилъ конецъ безпутной жизни этого человѣка, который не остерегся заразы и скончался, оставивъ жену съ нѣсколькими уже малолѣтними дѣтьми на рукахъ и почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. „Ничто такъ не скрѣпляетъ дружбу, какъ страданіе вдвоемъ,—говоритъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1890—1892 гг.) ²⁾, — и въ это скорбное, безнадежное время я сталъ для матушки не только горячо любящимъ сыномъ, но и задушевнымъ искреннимъ другомъ, съ которымъ она вмѣстѣ страдала и проливала горькія слезы. Несчастіе сильно способствуетъ развитію дѣтей. Будучи только двѣнадцати лѣтъ, я уже чувствовалъ и поступалъ, какъ взрослый, когда дѣло касалось моей злополучной матери.“

Такимъ образомъ, изъ этихъ словъ мы наглядно убѣждаемся, что товарищеское сближеніе съ матерью на почвѣ домашняго горя служитъ для двѣнадцатилѣтняго Буслаева тою школою, гдѣ формировался его характеръ и складывался умъ. Близость къ любящей матери, ея вліяніе на

¹⁾ Послѣ „воспоминаній“ г. Танкова въ томъ-же журналѣ были напечатаны и въ высшей степени интересныя воспоминанія о покойномъ профессорѣ его бывшаго слушателя г. Кирпичникова.

²⁾ Нынѣ эти „Воспоминанія“ вышли отдѣльной книгой.

воспитаніе сына и его духовное развитіе сослужили Буслаеву добрую службу: онъ ей всецѣло обязанъ, какъ своимъ первоначальнымъ образованіемъ, такъ и выборомъ даже ученой карьеры словесника. Женщина простая, но твердаго характера, любящаго сердца и высокой нравственности, она своимъ яснымъ умомъ понимала все значеніе въ жизни людей вообще хорошаго образованія и потому не пожалѣла силъ и средствъ доставить въ провинціальной глуши сыну все нужное, чтобъ сдѣлаться просвѣщеннымъ человѣкомъ. Сначала она помѣщаетъ его въ мѣстную гимназію, гдѣ, по окончаніи всѣхъ четырехъ установленныхъ годичныхъ классовъ, онъ отдается ею въ домашнее обученіе одному изъ лучшихъ преподавателей пензенской духовной семинаріи для приготовленія къ университетскому экзамену. Рядомъ съ такимъ формальнымъ ходомъ воспитанія сына, она не оставляетъ своими попеченіями его духовнаго развитія и за стѣнами учебнаго заведенія.

Въ этихъ видахъ она совмѣстно съ нимъ внимательно знакомится съ имѣвшейся у нихъ въ домѣ библіотекѣ, проходитъ съ сыномъ исторію русской литературы на наличныхъ образцахъ словесности и приучаетъ его къ охотѣ чтенія, какъ серьезныхъ произведеній, такъ и легкихъ. Выборъ чтенія, судя по „Воспоминаніямъ“ Буслаева, былъ въ его распоряженіи очень большой; здѣсь, въ библіотекѣ, обрѣтались и разныя „Сонники“, „Брюсовъ календарь“, и „Уложеніе Алексѣя Михайловича“, и собраніе стихотвореній князя Долгорукова, Жуковскаго, и, наконецъ, „Полярная звѣзда“ Бестужева. Последнее изданіе было для молоденькаго гимназиста „безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ“ въ интересахъ его „нравственнаго совершенствованія“. При содѣйствіи матери же Буслаевъ еще на гимназической скамьѣ познакомился въ рукописи съ „Горе отъ ума“ Грибоедова, а также въ родительскомъ домѣ впервые пришелъ въ восторгъ отъ „Потеряннаго рая“ Мильтона, которымъ зачитывался и въ позднѣйшіе годы своей жизни.

Такое препровожденіе времени, въ сообществѣ умной матери, положило прочный фундаментъ въ образованіи Буслаева и развило въ немъ уже въ молодыхъ годахъ любовь къ отечественной словесности и родному языку. Но рядомъ съ родительскимъ домомъ благотворно повліяла на ходъ его умственнаго развитія и губернская гимназія, которую Буслаевъ и до старости всегда вспоминалъ съ чувствомъ любви и глубокой признательности.

Это дореформенное учебное заведеніе рисуется со словъ покойнаго академика привлекательными красками; отсюда онъ запасся и серьезными интересами, и основательными познаніями въ особенности по русской словесности и по нѣмецкому языку, и любовью къ писательству, которое было въ то время чрезвычайно распространено среди гимназистовъ, а что всего важнѣе—бодрымъ и здоровымъ взглядомъ на жизнь и на предстоящій трудовой путь.

„И какъ же мы любили свою милую гимназію!—воскликаетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.—Въ „неурочное“ время, т. е., когда не сидѣли мы смирно на скамьяхъ передъ учителемъ, считали мы ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому что тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти... Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя походы.“ Общеніе съ товарищами, взаимная самопомощь и постоянный серьезный обменъ мыслей оказали Буслаеву также не мало пользы. „Большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ,—говоритъ онъ,—по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или что нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія.“

По окончаніи гимназіи, Буслаевъ еще остался на годъ въ Пензѣ, причемъ мать пригласила въ домъ для приготовленія сына къ университетскому экзамену и для пополненія его образованія одного изъ лучшихъ семинарскихъ мѣстныхъ преподавателей, Львова, кандидата Московской духовной академіи, который и прошелъ съ своимъ ученикомъ курсы латинскаго и греческаго языковъ, а также ознакомилъ его съ первыми основаніями философіи. Въ этотъ періодъ времени Буслаевъ также сошелся съ жившими въ домѣ нѣсколькими семинаристами, которые въ значительной степени содѣйствовали расширенію круга его гимназическихъ познаній. Такимъ образомъ школьное обученіе покойнаго акедемика состояло изъ двухъ, приведенныхъ въ строгій порядокъ и организованныхъ бдительными попеченіями его матери, періодовъ—гимназическаго и семинарскаго, которые, въ связи съ домашнимъ воспитаніемъ, пробудили въ немъ любовь къ наукѣ, сдѣлавшейся для него уже въ раннемъ возрастѣ предметомъ и цѣлью жизни.

Молодой Буслаевъ, стремясь матеріально скрасить дни бѣдности горячо любимой матери, желалъ сдѣлаться медикомъ, усматривая въ медицинской профессіи болѣе обезпеченный и вѣрный для того времени кусокъ хлѣба, но сердце родительское въ данномъ случаѣ оказалось болѣе чутко, и мать Буслаева рѣшительно воспротивилась намѣреніямъ сына. Она понимала, что медицинскія науки и практическія обязанности доктора не найдутъ въ натурѣ сына и складѣ его ума плодотворной почвы для своего развитія, почему и настояла, чтобъ онъ готовился въ Московскій университетъ по словесному (нынѣ историко-филологическому) факультету. Насколько мать правильно понимала призваніе сына и зорко предвидѣла его будущій жизненный путь, видно изъ слѣдующаго ея письма къ московскимъ родственникамъ, въ бытность Буслаева въ университетѣ. „Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ,—писала она,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячить.“

Поступивъ въ 1834 г., по сдачѣ предварительнаго экзамена, на словесный факультетъ казеннокоштнымъ студентомъ, Буслаевъ поселился въ тогдашнемъ общежитіи при университетѣ и зажилъ тою содержательною и

полною научныхъ интересовъ студенческою жизнью тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтїа, которые уже столько разъ были описаны въ нашей литературѣ.

Блестящій составъ тогдашней университетской молодежи, въ который попалъ и съ которымъ соприкасался 16-ти-лѣтній студентъ Буслаевъ, можетъ быть лучше всего рекомендованъ перечисленіемъ именъ, составившихъ себѣ въ нашемъ отечествѣ репутацію выдающихся общественныхъ дѣятелей. Тутъ были—Ю. Ѳ. Самаринъ, А. Ѳ. Бычковъ, М. Н. Катковъ, П. Н. Кудрявцевъ, Эминъ, графъ И. Д. Деляновъ, А. Н. Поповъ, князь Черкасскій и многіе другіе.

Что касается преподавательскаго персонала, то таковой, за время студенчества Буслаева, раздѣлялся на три категорїи. Первая состояла изъ стариковъ, бывшихъ профессорами съ начала столѣтїа. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли студентовъ своею оригинальностью и причудами. На ихъ лекціяхъ, а въ особенности у Каченовскаго, молодежь, съ Ю. Самаринымъ во главѣ, Богъ знаетъ что творила и школьничала до упаду. Представителемъ второй категорїи былъ извѣстный профессоръ Н. Давыдовъ, читавшій теорїю словесности по руководству Блера, которое онъ стремился перестроить на новыхъ основанїяхъ Шеллинговой философіи. Давыдовъ, презиравшій старую до-Петровскую письменную словесность, а также народные элементы словесности, конечно, не могъ дать новаго направленїя умственнымъ интересамъ Буслаева, и являлся въ его глазахъ лишь комментаторомъ къ тому, что имъ было прїобрѣтено на урокахъ въ пензенской гимназїи. Однако, именно этому профессору онъ былъ обязанъ знакомствомъ съ изслѣдованіемъ Вильгельма Гумбольдта „О сродствѣ и различїи языковъ индогерманскихъ“, оказавшимъ впоследствии рѣшающее вліяніе на ходъ его ученыхъ розысканій. Къ третьей категорїи профессоровъ, которые уже всецѣло могутъ считаться непосредственными учителями и руководителями Буслаева, должно отнести—Надеждина, Погодина, Шевырева и Крюкова; по и изъ числа этихъ особенно приходится, по оказанному вліянію на направленїе научныхъ симпатїй молодого студента, отмѣтить Шевырева и Погодина.

Вспоминая впоследствии лекціи Шевырева въ первый же годъ студенчества, Буслаевъ такъ опредѣляетъ ихъ вліяніе на ходъ своихъ собственныхъ занятїй: „...Лекціи Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемая сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почувялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его. Чтобъ дать вамъ понятїе о силѣ животворнаго дѣйствїа, оказаннаго на меня Степаномъ Петровичемъ въ его филологическихъ наблюденїяхъ и анализахъ, достаточно будетъ сказать, что они воодушевляли меня и были положены въ основу моихъ грамматическихъ и стилистическихъ изслѣдованій, когда я работалъ надъ составленіемъ моего сочиненїа „О преподаванїи отечественнаго языка“.

Что касается Погодина, то вліяніе его на Буслаева было также очень велико и обрисовано послѣднимъ въ „Воспоминаніяхъ“ слѣдующимъ образомъ:

„На старшихъ курсахъ Погодинъ читалъ намъ настоящій свой предметъ—исторію Россіи. Въ этихъ лекціяхъ больше всего заинтересовалъ меня вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русовъ. Я обратился къ Михаилу Петровичу съ просьбой указать мнѣ какое нибудь руководство для изученія древнихъ нѣмецкихъ нарѣчій. Онъ назвалъ мнѣ грамматику Якова Гримма и велѣлъ обратиться за этимъ сочиненіемъ къ профессору Рѣдкину, читавшему тогда въ Московскомъ университетѣ

Ө. И. Буслаевъ.

энциклопедію и философію права. Такимъ образомъ изъ устъ Погодина въ первый разъ услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей. Погодину же я обязанъ великою благодарностію и за то, что онъ первый научилъ меня читать и разбирать наши старинныя рукописи, во множествѣ собранныя въ его такъ называемомъ древлехранилищѣ.“

Разсказавъ, какъ онъ работалъ подъ руководствомъ Погодина, Буслаевъ, отмѣчаетъ, что во время этихъ занятій онъ ознакомился на образ-

цахъ, по оригиналамъ, съ разными почерками стариннаго письма: съ уставнымъ, полууставнымъ и съ скорописью, мудрые завитки которой профессоръ училъ его разбирать по складамъ.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что Буслаевъ, будучи студентомъ, сильно интересовался раскрывавшимися передъ нимъ знаніями и всецѣло поглощенъ былъ своею научною подготовкой къ возможной будущей ученой карьерѣ. Такъ, когда однажды посѣтившая его въ Москвѣ мать застала сына за составленіемъ по черновому наброску лекцій Погодина и попросила ознакомить ее съ содержаніемъ прочитаннаго профессоромъ, Буслаевъ незамѣтно для себя воодушевился до такой степени, что перешелъ въ роль настоящаго лектора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. „Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любитъся—и, наконецъ, не вытерѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую кафедру“,—вспоминалъ впоследствии Буслаевъ свои студенческія занятія.

Избравъ себѣ отдѣленіе славянорусское, онъ, по желанію Давыдова, перевелъ „Общую грамматику“ Дю-Саси, въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, на русскій языкъ и добавилъ сюда русскія и церковно-славянскія грамматическія подробности. Этотъ трудъ былъ одобренъ факультетомъ и предназначенъ даже къ напечатанію; но это почему-то не состоялось, и въ настоящее время работа Буслаева хранится въ рукописномъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея. Точно также по желанію Шевырева имъ былъ составленъ и большой трудъ: „Систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ, или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянской Добровскаго“.

Съ такимъ наличнымъ запасомъ обширныхъ свѣдѣній по филологіи окончилъ въ 1838 году курсъ Буслаевъ, вполне подготовленный по складу своихъ дарованій и научнымъ симпатіямъ къ тому, чтобы рано или поздно вторично переступить порогъ Московскаго университета, но уже въ качествѣ претендента на кафедру и руководителя молодежи.

Сейчасъ же, по окончаніи курса, Федоръ Ивановичъ былъ рекомендованъ инспекторомъ студентовъ домашнимъ учителемъ къ московскому аристократу, барону Боде, готовить старшаго сына Боде въ паже-скій корпусъ и заниматься съ меньшими дѣтьми русскимъ языкомъ. Сохраняя мѣсто въ этомъ горячо любившемъ его аристократическомъ семействѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, осенью 1838 года, занялъ должность сверхштатнаго учителя въ младшихъ классахъ 2-й московской гимназій; но педагогика въ среднемъ учебномъ заведеніи не удовлетворяла его и была ему въ тягость. На счастье Буслаева, извѣстному вельможѣ Николаевскаго времени, попечителю Московскаго округа, графу Строганову, потребовался учитель для сопровожденія его дѣтей за границу и главнымъ образомъ въ Италію. Баронъ Боде, хорошо знакомый съ графомъ Строгановымъ, указалъ ему на Буслаева, какъ на молодого человѣка могущаго вполне удовлетворить его взыскательнымъ требованіямъ. Вслѣд-

ствіе этого онъ покидаетъ учительство въ гимназін и на два года, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и выгодныхъ условіяхъ, получаетъ своего рода ученую командировку за границу.

Графъ Строгановъ, сблизившись съ учителемъ дѣтей, успѣваетъ его полюбить, имъ заинтересовывается и, такимъ образомъ, является въ его жизни тѣмъ третьимъ элементомъ (первымъ должно считаться вліяніе матери, вторымъ—профессоровъ Погодина и Шевырева), который оказываетъ послѣднее и, пожалуй, наиболѣе сильное давленіе на развитіе въ немъ вкуса къ археологическимъ занятіямъ и любви къ древней письменности. Въ этомъ отношеніи пребываніе въ Италіи, этой странѣ классическихъ памятниковъ, было какъ нельзя болѣе полезно Буслаеву; онъ, съ книгами въ рукахъ, получаетъ здѣсь полную возможность, съ одной стороны, провѣрять накопленные знанія на многочисленныхъ археологическихъ остаткахъ, а съ другой—пользоваться въ своихъ научныхъ занятіяхъ указаніями высокообразованнаго графа Строганова, который значительно содѣйствуетъ расширенію умственныхъ горизонтовъ своего домашняго учителя и, такъ сказать, энциклопедичности его познаній. Графъ Строгановъ указывалъ ему на полезныя для него книги, знакомилъ его съ методами археологическихъ изслѣдованій, а равнымъ образомъ побуждалъ его хотя нѣсколько, но крайней мѣрѣ, по газетамъ, учиться понимать ходъ современныхъ политическихъ явленій Европы. Насколько послѣднее было необходимо молодому кандидату университета и насколько онъ вообще былъ далекъ отъ вопросовъ живой дѣйствительности, видно хотя бы изъ слѣдующей выдержки его заграничнаго дневника: „Я весь поглощенъ былъ монументальностью Италіи и постольку же мало обращалъ вниманіе на ея жителей, какъ и на разнообразныя красоты ея природы. Впрочемъ, и сами итальянцы имѣли для меня нѣкоторый интересъ, но только по отношенію къ изучаемымъ мною памятникамъ искусства и вообще старины. Миѣ казалось, что жители этой страны и существуютъ теперь для того только, чтобы охранять завѣтные сокровища великаго прошедшаго въ своихъ городахъ и услужливо показывать и пояснять ихъ иностранцамъ“.

Знакомство съ Дантомъ, Тассомъ, исторією Италіи Ботта, оказало самое благотворное вліяніе на развитіе въ немъ эстетическаго вкуса и еще болѣе побудило его полюбить литературныя и историческія памятники народовъ; встрѣча же въ Римѣ съ отечественнымъ скульпторомъ Пименовымъ, граверомъ Йорданомъ, посѣщеніе мастерскихъ Иванова и Бруни, окончательно предопредѣлили эстетичность его будущихъ занятій. Особенно важное значеніе имѣло для него знакомство съ Йорданомъ: онъ страстно полюбилъ гравюры, въ особенности старинныя, и на всю жизнь сдѣлался завзятымъ коллекціонеромъ.

Послѣ двухъ почти лѣтъ самой пріятной и полезной жизни въ Италіи, Буслаевъ съ грустью и тоскою покинулъ эту страну и возвратился въ Москву. По дорогѣ онъ старался въ наиболѣе крупныхъ центрахъ про-

свѣщенія заводить ученые знакомства, сближаться съ представителями гуманитарныхъ знаній, въ особенности съ филологами и словесниками. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе для его послѣдующихъ научныхъ занятій было знакомство въ Варшавѣ съ извѣстнымъ польскимъ ученымъ Линде, который работалъ въ то время надъ своимъ объемистымъ и столь извѣстнымъ словаремъ. Линде не попустился на указанія молодому русскому ученому методовъ и пріемовъ своихъ лингвистическихъ изысканій, и эти указанія въ пятидесятихъ годахъ особенно пригодились Буслаеву, какъ разнокалиберный матеріалъ для его большой грамматики.

По возвращеніи въ Москву, онъ былъ оставленъ графомъ Строгановымъ въ качествѣ личнаго секретаря и, кромѣ того, получилъ мѣсто учителя словесности и русскаго языка въ 3-й гимназій. Но педагогика въ тѣсномъ и практическомъ смыслѣ слова не была его призваніемъ, и онъ тяготился своимъ положеніемъ учителя гимназій. Это угнетенное состояніе духа, на которое, вдобавокъ, имѣли неблагоприятное вліяніе дурныя отношенія къ начальству гимназій, побудило его въ 1846 г. простииться съ преподавательскою дѣятельностью, какъ равно и съ секретарствомъ у Строганова.

Онъ женился на дѣвицѣ изъ дома Сиротинныхъ, обзавелся собственнымъ хозяйствомъ и къ концу того же 1846 г. былъ принятъ, несмотря на отсутствіе ученой степени, въ преподавательскій составъ университета, для замѣщенія оставшейся вакантной кафедры профессора Давыдова. Впоследствии Буслаевъ любилъ говорить, что онъ былъ первымъ въ Россіи приватъ-доцентомъ. Сближеніе, впрочемъ, съ университетомъ началось для Федора Ивановича еще раньше. Уже съ 1842 г. онъ былъ прикомандированъ къ кафедрѣ Шевырева и долженъ былъ прочитывать представляемыя послѣднему сочиненія студентовъ, оцѣнивать ихъ работы и сообщать имъ распоряженія Шевырева въ его отсутствіе. Но прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшей жизни Буслаева, нельзя не отмѣтить того важнаго значенія для его дѣятельности, какъ ученаго лингвиста и изслѣдователя русскои фонетики, которое имѣло его почти пятилѣтнее пребываніе у графа Строганова въ качествѣ секретаря.

Попечитель округа, замѣчая выдающіяся способности своего секретаря, пожелалъ въ интересахъ послѣдняго, чтобъ онъ ознакомился обстоятельнѣе съ педагогическою и дидактическою литературою, собранною въ большомъ количествѣ въ его библіотекѣ. Особенно онъ рекомендовалъ ему изученіе классическаго труда Дистервега, а также Матера. Когда Буслаевъ приобрѣлъ въ этихъ областяхъ достаточныя познанія, графъ Строгановъ сталъ давать ему разныя порученія, имѣвшія предметомъ распространеніе и водвореніе надлежащаго метода въ обученіи русскому языку и словесности въ училищахъ и гимназійхъ Московскаго округа. Въ этихъ цѣляхъ Буслаевъ составлялъ циркуляры, а иногда и цѣлыя брошюры, которыя въ напечатанномъ видѣ были рассылаемы по округу, напримѣръ, объ обученіи азбукѣ по звуковому методу, о преподаваніи элементарной грамматики и т. д. Работа въ такомъ направленіи дала

возможность Вуслаеву сдѣлаться знатокомъ русской и церковно-славянской этимологiи и синтаксиса, что, въ связи съ изученiемъ „Грамматики нѣмецкаго языка“ Якова Гримма, помогло ему въ 1845 г. выступить съ замѣчательнымъ трудомъ „О преподаванiи отечественнаго языка“, въ 2 томахъ, не потерявшимъ значенiя и для нашихъ дней.

Это изслѣдованiе дѣлится на двѣ части; первая посвящена дидактическимъ вопросамъ преподаванiя и имѣетъ цѣлью расширить гимназическiй курсъ русскаго языка указанiями филологической науки; вторая—наиболѣе важная—есть рядъ изслѣдованiй и замѣчанiй о свойствахъ, содержанiи и исторической судьбѣ русскаго языка. Здѣсь впервые примѣнены къ отечественному языку сравнительное языкознанiе и историческiй методъ, послѣ чего въ филологическихъ изысканiяхъ судьбъ русскаго языка наступила уже новая эра, начало которой было именно положено упомянутымъ трудомъ Вуслаева. Взявъ въ основанiе своей работы сравнительный и историческiй методъ Гримма, онъ примѣняетъ его къ толкованiю русскаго языка, его звуковъ и формъ, дѣлаетъ попытку создать исторiю народнаго языка и извлекаетъ отсюда матерiалы для военнаго, юридическаго, религiознаго и семейнаго быта русскаго народа и для опредѣленiя его языческаго и христiанскаго взгляда на природу.

Трудъ Вуслаева, явившiйся откровенiемъ для своего времени, былъ чрезвычайно сочувственно встрѣченъ всѣми, кому были дороги судьбы русскаго просвѣщенiя, и только знаменитый баронъ Брамбеусъ, при содѣйствiи вторящихъ голосовъ Греча и Булгарина, осыпалъ молодого ученаго насмѣшками, руганью и злословiемъ.

Въ это же время Вуслаевъ выступаетъ сотрудникомъ „Москвитянина“, помѣщая здѣсь отъ времени до времени рецензiи и мелкiя замѣтки.

Съ 1847 г. онъ открылъ свои лекцiи русскаго языка и словесности въ Московскомъ университетѣ, которымъ и была почти сплошь посвящена вся его дальнѣйшая научная дѣятельность до 1881 г., когда онъ не нашелъ возможнымъ продолжать лекторство въ стѣнахъ дорогаго ему учебнаго заведенiя и вышелъ въ отставку. Здѣсь не приходится распространяться, каково было значенiе Вуслаева для студентовъ, какъ профессора и наставника—объ этомъ говорится въ „Воспоминанiяхъ“ г. Танкова, Кирпичникова и др. Намъ остается только ознакомиться съ дальнѣйшими немногочисленными фактами его не сложной и удивительной по простотѣ жизни и отмѣтить дальнѣйшее развитiе его ученой дѣятельности.

Вся жизнь Вуслаева была исключительно наполнена трудами на пользу русской филологической науки и на пользу изученiя нашей старинной словесности, а также былевого эпоса. За этимъ мало что остается для упоминанiя съ фактической стороны въ некрологѣ.

Читая въ университетѣ лекцiи и погруженный въ кабинетныя занятiя, онъ не сторонился, однако, и литературныхъ кружковъ Москвы, гдѣ одинаково всѣми, и тогдашними западниками, и словесниками, привѣтство-

вался, какъ желанный и дорогой гость. Но, вращаясь въ литературной средѣ, онъ любилъ ея представителей, какъ частныхъ лицъ, какъ людей близкихъ родной ему отрасли знанія—словесности; политическія же ихъ убѣжденія, ихъ общественное profession de foi, его мало интересовали, и онъ не вникалъ въ эту сторону ихъ жизни. Такъ, состоя членомъ кружка Грановскаго, и, будучи близкимъ челоѡкомъ къ Кудрявцеву, Соловьеву, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружилъ и съ Аксаковымъ, Хомяковымъ и прочими славянофилами. Характеризуя себя въ своихъ „Воспоминанійхъ“, онъ говоритъ по вопросу о принадлежности къ той или другой политико-общественной группѣ слѣдующее: „Принадлежать къ какой либо партіи было противно моему нраву и обычаю... Я умѣлъ сохранить свою независимость въ борьбѣ западниковъ съ славянофильствомъ; точно также оставался потомъ въ нейтральномъ положеніи между консерваторами и либералами. Я думалъ, что если какой нибудь принципъ разлагается на двѣ противоположности, то каждый изъ нихъ легко можетъ дойти до безсмысленности и зловредныхъ крайностей. Поэтому я сочувствовалъ многому, что находилъ существеннымъ и цѣннымъ въ убѣжденіяхъ и взглядахъ обѣихъ враждующихъ партій, устраняя отъ себя безразсудныя и опрометчивыя увлеченія той и другой“.

Являясь въ нашей литературѣ представителемъ научно-эстетической критики, онъ, конечно, не всегда встрѣчалъ сочувствіе со стороны представителей русскаго реализма пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, которые подчасъ сурово и жестоко подходили къ нему съ мѣркою современности, забывая, что Буслаевъ не общественный дѣятель въ широкомъ смыслѣ слова, а только жрецъ науки, но науки не сухой и схоластической или готовой подлаживаться къ вліятельнымъ требованіямъ сильныхъ міра сего, а проникнутой горячею любовью къ родному народу, его историческимъ судьбамъ и памятникамъ.

Ровное и однообразное теченіе жизни Буслаева было нарушено предложеніемъ ему въ 1859 г. со стороны графа Строганова переѣхать на жительство въ Петербургъ для чтенія лекцій наслѣднику-цесаревичу, Николаю Александровичу. Охотно принявъ это лестное предложеніе, профессоръ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ успѣлъ привязать къ себѣ царственнаго ученика, развить въ немъ любовь къ родной словесности и историческимъ памятникамъ и сохранить отъ этого недолгаго времени самую лучшую воспоминанія на всю жизнь и сознаніе прекрасно выполненной задачи.

Важнымъ моментомъ въ жизни Буслаева было приглашеніе его (вмѣстѣ съ Галаховымъ) начальникомъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевымъ, принять участіе въ преобразованіи преподаванія русскаго языка и словесности въ этихъ заведеніяхъ. Слѣдствіемъ занятій по этому вопросу было составленіе имъ руководящихъ для военныхъ гимназій и училищъ книгъ—„Исторической грамматики русскаго языка“ и „Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языка“.

Въ теченіе своей профессуры Буслаевъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ учеными цѣлями за границу и всегда придавалъ, въ противность покойному Тихонравову, чрезвычайно важное значеніе въ жизни русскаго ученаго общенію съ представителями западно-европейской культуры. Состоя профессоромъ университета, онъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни и другихъ ученыхъ обществъ— „Общества любителей словесности“, „Древней письменности“, а также былъ избранъ членомъ академіи наукъ.

Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ профессоръ овдовѣлъ, а въ 1868 г. онъ вступилъ во вторичный бракъ. Таковы главнѣйшіе факты жизни этого замѣчательнаго ученаго. Какъ читатели легко могутъ убѣдиться сами, факты эти не многочисленны и не сложны, но не въ нихъ заключается интересъ его біографіи. Онъ покоится въ его ученыхъ трудахъ и въ томъ значеніи, которое послѣдніе имѣли для развитія русскаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

О его первомъ трудѣ уже сказано достаточно. Второю его капитальною работою была магистерская диссертация, представленная университету въ 1848 г., подъ заглавіемъ „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ и составившая настоящее событіе въ области русскаго историко-филологическаго науки. Характеризуя этотъ трудъ черезъ сорокъ лѣтъ, покойный Котляревскій утверждалъ, что въ цѣломъ изслѣдованіи г. Буслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „опытовъ исторіи языка,“ понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи. Прилагая и къ настоящей работѣ приемы критическаго изслѣдованія, выработанные нѣмецкою наукою, Буслаевъ приходитъ къ выводу, что славянскій языкъ еще задолго до Кирилла и Мефодія подвергся вліянію христіанскихъ идей; что въ то время, какъ готскій переводъ Ульфилы сохраняетъ языческія преданія для выраженія христіанскихъ идей, переводъ славянскій отличается бѣльшею чистотою этого выраженія, вслѣдствіе отстраненія намековъ на языческій, дохристіанскій бытъ, что, когда въ языкѣ готскаго перевода замѣчается бѣльшее развитіе государственныхъ понятій, переводъ славянскій относится къ той порѣ народной жизни, когда въ языкѣ господствовало еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ и проч.

„Диссертация Буслаева, — говоритъ г. Пыпинъ, — была въ нашей литературѣ совершенною новостью; это былъ первый опытъ примѣнить сравнительное и историческое языкознаніе къ древностямъ славянскаго языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на изслѣдованіе которой подобнымъ путемъ еще никогда не покушалась русская наука.“

Тотъ же сравнительно-критическій методъ былъ примѣненъ Буслаевымъ и къ послѣдующимъ его трудамъ въ области изслѣдованія народной словесности, быта и міеологіи. Къ числу такихъ трудовъ относятся „Дополненія и прибавленія“ къ „Сказаніямъ Сахарова“ съ объясненіями стараго языка и народно-міеологическихъ представленій, сочиненіе „Русскія пословицы и поговорки“, „Русская поэзія XVII вѣка“ и,

наконецъ, цѣлый рядъ изслѣдованій въ области русской старины, впоследствии собранныхъ въ известное изданіе „Историческіе очерки народной словесности и искусства“ (два большихъ тома). Въ первомъ томѣ этого собранія помѣщены изслѣдованія по народной поэзіи: сначала — главы, имѣющія предметомъ поэзію въ связи съ языкомъ и народнымъ бытомъ; потомъ — изученіе славянской поэзіи сравнительно съ поэзією другихъ народовъ (германскаго, скандинавскаго); далѣе — національная поэзія славянскихъ племенъ вообще и, наконецъ, — русская. Во второмъ томѣ разсматриваются народные элементы древне-русской литературы и искусства.

Принимая для своихъ ученыхъ работъ методъ Як. Гримма, Буслаевъ сближался съ нѣмецкимъ ученымъ и въ другомъ отношеніи: подобно ему, фантазіей, чутьемъ возстановлялъ онъ любимую старину, удачно находилъ въ научныхъ положеніяхъ подтвержденіе своей фантазіи и такимъ образомъ успѣвалъ извлекать изъ сухого и часто разрозненнаго матеріала живыя, яркія краски для широкихъ картинъ былого историческаго времени. Характеризуя заслугу для русской науки Буслаева, Пыпинъ такъ мѣтко опредѣляетъ ее:

„Въ сочиненіяхъ г. Буслаева сказались слѣдующія черты—обладаніе приемами нѣмецкой филологической науки, помогавшей дешифровать затемнившійся и забытый смыслъ народнаго преданія, и то совѣтъ новое у насъ отношеніе къ народности, гдѣ не только не допускалась мысль о „нисхожденіи“ къ грубости народныхъ понятій и поэзіи, но требовалось къ нимъ высокое уваженіе, гдѣ произведенія народной поэзіи излагались и комментировались съ такимъ же признаніемъ ихъ достоинства, какое привыкли отдавать лучшимъ произведеніямъ искусственной литературы, и съ меньшимъ, если еще не съ большимъ, сочувствіемъ указывались высокія нравственныя начала, лежація въ ихъ основѣ, и особенности ихъ поэтическаго стиля, съ живою образностью котораго искусственная поэзія не можетъ и равняться. Г. Буслаевъ умѣлъ дѣйствительно раскрывать привлекательныя стороны народно-поэтическихъ созданій, какъ до того времени не было еще дѣлано въ нашей литературѣ. Установленіе этого новаго отношенія къ народной старинѣ и поэзіи, кромѣ многихъ въ спеціально-научномъ отношеніи важныхъ изслѣдованій, составляетъ капитальную заслугу г. Буслаева, которая должна быть высоко оцѣнена въ исторіи изученій русской народности.“

Вслѣдъ за „Очерками“ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появился цѣлый рядъ статей Буслаева, имѣющихъ то или другое отношеніе къ народной словесности, древней письменности и археологіи, большинство которыхъ вошло въ составъ отдѣльнаго изданія „Народная поэзія“, являющагося какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ „Очерковъ“. Это послѣднее изданіе, появившееся въ 1887 г., по предложенію Академіи Наукъ, помимо своего научнаго значенія, важно для характеристики ученой добросовѣстности Буслаева въ томъ именно отношеніи, что здѣсь онъ не остановился передъ признаніемъ своихъ прежнихъ ошибокъ и увлеченій. „Изученіе народности, — говоритъ онъ въ предисловіи, — значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и соотвѣтственно съ новыми открытіями установились нныя точки зрѣнія,

которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ мѣологій, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наследственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ замѣшествованіемъ, взятымъ извнѣ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія.“

Сознавая такимъ образомъ несовершенство принятаго имъ для изслѣдованія русской жизни метода, Буслаевъ рѣшается окрестить свои работы и изслѣдованія скромнымъ именемъ „Матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности“. Оставляя въ настоящемъ случаѣ въ сторонѣ вопросъ о совершенствѣ или несовершенствѣ Гриммовскаго метода, принятаго въ основаніе работъ Буслаевымъ, отмѣтимъ только, что если даже согласиться съ ученымъ въ скромной номенклатурѣ его трудовъ „матеріалами“, то и въ такомъ случаѣ значеніе этихъ матеріаловъ настолько велико и имѣло такое вліяніе на ходъ дальнѣйшаго изученія нашей народной жизни и любовнаго ея освѣщенія, что заслуга Буслаева передъ родною землей по всей справедливости должна считаться громадною. Онъ навсегда записалъ свое имя золотыми буквами на скрижали исторіи нашего просвѣщенія и самосознанія, и память о немъ никогда не изгладится въ сердцахъ признательныхъ ему грядущихъ поколѣній.

Кромѣ „Народной поэзіи“, въ восьмидесятыхъ же годахъ Буслаевымъ было издано собраніе статей подъ заглавіемъ „Мои досуги“ изъ путешествій на западѣ и очерковъ по исторіи литературы и искусства, а еще ранѣе того имъ было отпечатано изданіе „Толковаго апокалипсиса“ по рукописямъ VI—XVII вѣка, съ атласомъ въ 400 рисунковъ, представляющее чрезвычайно важный вкладъ въ исторію русскихъ лицевыхъ изображеній.

Послѣдніе годы Буслаевъ провелъ въ тяжелыхъ физическихъ страданіяхъ и уже не былъ въ состояніи отдаваться научнымъ трудамъ. Первымъ ударомъ для него было лишеніе зрѣнія, а затѣмъ въ началѣ 1897 года у него открылась тяжелая внутренняя болѣзнь — ракъ, которая и привела его къ печальному концу, на дачѣ, въ селѣ Люблинѣ, 31 іюля, въ 11 часовъ вечера. Агонія длилась собственно въ теченіе многихъ дней, но послѣднія минуты умирающаго были тихи и покойны.

На общественной службѣ.

(50-ти-лѣтіе научно-литературной дѣятельности
М. М. Стасюлевича).

ПОЛВѢКА тому назадъ, 26 іюня 1847 г., совѣтъ Петербургскаго университета вручилъ своему бывшему питомцу, студенту Михаилу Стасюлевичу, дипломъ на званіе кандидата по первому отдѣленію философскаго факультета. Молодой кандидатъ уже на студенческой скамьѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими отличными способностями, знаніями и прилежаніемъ; въ академической семестръ 1846—1847 г. имъ была представлена обстоятельная конкурсная работа на латинскомъ языкѣ по греческой словесности, имѣвшая содержаніемъ критику текста *Иліады* и *Одиссеи*, за каковую работу онъ и былъ награжденъ серебряною медалью. По окончаніи курса наукъ, М. М. Стасюлевичъ былъ оставленъ при университетѣ для продолженія занятій и для приготовленія къ магистерскому экзамену. Съ этого-то момента и начинается исчисленіе научно-общественной дѣятельности почтеннаго юбиляра, не прекращающейся и понынѣ на пользу русскаго просвѣщенія и вызывающей всеобщую признательность и лестную оцѣнку.

Въ 1849 г. М. М. Стасюлевичъ представилъ факультету диссертацию по всеобщей исторіи: „Аѳинская игемонія“, по защитѣ каковой и удостоенъ былъ званія магистра всеобщей исторіи, а черезъ два года, 30 мая 1851 г., онъ получилъ слѣдующее ученое званіе, — доктора историческихъ наукъ за трудъ „*Ликургъ Аѳинскій*“. Обѣ эти работы хотя и открыли молодому ученому — ему только что минуло 25 лѣтъ отъ роду — путь къ университетской кафедрѣ, однако причинили и немало огорченій со стороны придирчивой критики. Объ этомъ литературномъ инцидентѣ даетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія г. Барсуковъ, въ одиннадцатой книгѣ своего „*Погодина*“, характеризующія какъ нельзя лучше публицистическую физиономію г. Стасюлевича, его открытый всегда способъ дѣйствій и корректность поведенія.

Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ 1849 г. состоялась въ Москвѣ защита докторской диссертациі Т. Н. Грановскаго „Аббатъ Сугерій“, вызвавшей къ себѣ вниманіе ученыхъ и литературныхъ кружковъ обѣихъ столицъ. М. Стасюлевичъ, вступившій уже въ то время на литературное поприще, послалъ въ „Москвитяинъ“ Погодина рецензію на работу московскаго ученаго, гдѣ высказался несочувственно по поводу разсужденія Грановскаго о задачахъ научнаго изслѣдованія. Авторъ „Аббата Сугерія“ предъявлялъ къ наукѣ требованія практической пользы, ея примѣнимости къ жизни и занимательности. Опровергая это мнѣніе, г. Стасюлевичъ говорилъ: „Мнѣ кажется, не наука должна спускаться съ своей высоты, чтобы доставить занимательность возможно большой массѣ общества, а скорѣе само общество должно стараться о своемъ возвышеніи, чтобы умѣть понимать занимательность науки. И, наконецъ, къ чему бы послужило такое униженіе науки для занимательности? Сдѣлавшись занимательною, она утратила бы свой характеръ, и, слѣдовательно, перестала бы быть наукой... мы смѣемъ утверждать, что если наука и должна быть занимательна, то только для немногихъ, какъ и всѣ другіе предметы имѣютъ каждый свою занимательность. Ученый, заботящійся о всеобщей занимательности своихъ ученыхъ трудовъ, подвергается опасности измѣнить наукѣ и впасть въ беллетристику. Еще менѣе должна, кажется, наука заботиться о пользѣ, или, какъ выразился точнѣе Грановскій, о приложимости своего знанія къ пользамъ общества... Кто изъ насъ, бывъ еще дитятею, при познаніи того или другаго предмета, имѣлъ въ виду пользу?.. Если же такъ безкорыстенъ источникъ познанія въ ребенкѣ, то неужели наука должна ему уступить въ своей безкорыстности?.. Къ наукѣ лучше всего можно примѣнить извѣстное выраженіе: *fiat justitia, pereat mundus*. При томъ мы совершенно не понимаемъ, откуда является упрекъ истинно научнымъ занятіямъ въ ихъ бесплодности и бесполезности. Все происходитъ отъ того односторонняго матеріальнаго понятія о пользѣ, которое можно назвать даже меркантилизмомъ... Въ прошедшемъ столѣтіи энциклопедисты поставили себѣ задачею сдѣлать науку примѣняемою къ практической жизни. Всякій знаетъ, къ чему это повело. О наукѣ справедливо можно сказать: имѣй въ виду въ наукѣ науку, а остальное приложится“.

Приведенныя слова рельефно рисуютъ намъ фізіономію молодого ученаго, увлеченнаго своимъ призваніемъ, стремящагося стать чистымъ жрецомъ науки и желающаго охранить отъ нея всякій осадокъ уличной пыли. Ради нея г. Стасюлевичъ рѣшается ополчиться даже противъ тогдашняго кумира молодежи—Т. Н. Грановскаго. Такого рода смѣлость, конечно, не могла пройти ему даромъ, и на защиту учителя выступилъ его поклонникъ, В. М. Леонтьевъ, который съ своей стороны помѣстилъ въ томъ же „Москвитяинѣ“ придирчивую и строгую рецензію на магистерскую диссертацию Стасюлевича, встрѣтившую добрый привѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на страницахъ вліятельнаго „Совре-

менника“. Рецензія Леонтьева была настолько пристрастна и такъ явно обнаруживала, откуда истекаетъ непріязненное чувство писавшаго ее, что Погодинъ, ради смягченія производимаго впечатлѣнія, счелъ нужнымъ прибавить къ ней отъ себя небольшое примѣчаніе: „Эта рецензія вызвана, кажется,—писалъ онъ,—рецензіей самого Стасюлевича, которую мы помѣстили въ послѣднемъ номерѣ... Гораздо лучше, еслибъ сія послѣдняя была опровергнута положительно“. Обиженный авторъ „Аѳинской игемоніи“ сохранилъ, однако, полное чувство собственного достоинства и отвѣчалъ своему критику спокойно и съ вѣрой въ правоту выставленныхъ положеній. „Мы въ своей рецензіи на сочиненіе Грановскаго думали исполнить только одну изъ самыхъ простыхъ обязанностей рецензента: внести ее въ протоколъ науки,—писалъ г. Стасюлевичъ въ „Москвитянинѣ“. На недостатки и промахи мы совсѣмъ почти не указывали и даже извиняли ихъ, какъ необходимое слѣдствіе положенія науки о средней исторіи. Леонтьевъ въ своемъ косвенномъ защищеніи Аббата Сугерія ничего не приводитъ въ опроверженіе высказанной нами главной мысли о сочиненіи Грановскаго, и какъ будто бы *tacite* соглашается съ нами, потому что сущность его защищенія состоитъ въ слѣдующемъ: если авторъ Аѳинской игемоніи—предмета древней исторіи, гдѣ всѣ источники хорошо обработаны и приготовлены,—былъ въ своей магистерской диссертациі такъ неоснователенъ и ошибоченъ, то тѣмъ болѣе все это извинительно автору докторской диссертациі, предметъ которой заимствованъ изъ средней исторіи, а потому не имѣетъ такихъ обширныхъ приготовленныхъ средствъ. Мы отказывались рѣшительно отъ чести выдавать себя за мѣрило достоинства чужихъ трудовъ: недостатки магистерской диссертациі не могутъ оправдывать недостатковъ диссертациі докторской. Но мы не будемъ болѣе говорить объ этой сторонѣ рецензіи Леонтьева, а потому оставимъ безъ вниманія и всѣ тѣ личности, на которыя авторъ былъ вызванъ неволью своей косвенной апологіей. Наша рецензія на Аббата Сугерія немного потеряетъ отъ того, что кто нибудь будетъ видѣть въ ней одну нашу склонность къ процессу писанія, по крайней мѣрѣ она потеряетъ столько, сколько можетъ выиграть отъ подобнаго голословнаго обвиненія самъ авторъ Сугерія. Мы писали не *ex officio* и обращались не къ мелочамъ, какъ то дѣлаютъ другіе рецензенты...“

Леонтьевъ снова сердито отвѣчалъ г. Стасюлевичу, и опять Погодинъ вынужденъ былъ взять подъ свою защиту петербургскаго рецензента „Москвитянина“. Кромѣ Леонтьева, на автора „Игемоніи“ напали и „Отечественныя Записки“, гдѣ ему особенно досталось отъ И. К. Бабста. Такимъ образомъ, начало литературной и ученой дѣятельности нынѣшняго редактора „Вѣстника Европы“ ознаменовалось усиленными полемиками, выходками противъ него, что имѣло нѣкоторыя неблагоприятныя для него послѣдствія и въ дальнѣйшемъ. Къ числу таковыхъ послѣдствій должно быть отнесено то, что, когда появилась его докторская

диссертация „Ликургъ Аѳинскій“, печать эту выдающуюся ученую работу намѣренно замалчивала. Этимъ ему нѣкоторымъ образомъ мстили за независимое отношеніе къ диссертации Грановскаго и за провозглашеніе обособленности науки отъ житейскихъ тревоженій. Было очевидно, что г. Стасюлевичъ желаетъ идти въ своихъ работахъ независимымъ путемъ, не приписываясь ни къ какимъ приходамъ и не сгибая головы передъ кумирами толпы. По этому предмету онъ даже однажды писалъ Погодину: „я намѣренъ оставаться вѣрнымъ принятому разъ правилу: говорить правду и не отвѣчать на выходки“.

Нельзя не отмѣтить здѣсь, что старикъ Погодинъ, который по всему складу общественныхъ симпатій никонимъ образомъ не подходилъ въ сущности подъ масть молодому петербургскому ученому, встрѣтилъ его первые научные успѣхи чрезвычайно тепло, поспѣшилъ завязать съ нимъ сношенія и привлечь его къ своему журналу. М. М. Стасюлевичъ очень цѣнилъ такое къ себѣ вниманіе и писалъ редактору „Москвитянина“: „Что касается до вашего приглашенія мнѣ участвовать въ составленіи рецензій на статьи и по всеобщей исторіи, то это трудъ для меня весьма легкій, я не пропущу случая воспользоваться вашимъ приглашеніемъ. Еще разъ благодарю васъ, Михаилъ Петровичъ, за ваше снисходительное ко мнѣ вниманіе и за вашъ обязательный подарокъ, который я надѣюсь получить вмѣстѣ съ обѣщанными вами отпечатками моей статьи“.

Подарокъ, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, была бесплатная высылка „Москвитянина“, которою счастливый издатель получилъ возможность разсчитаться съ своимъ сотрудникомъ, отказавшимся отъ денежнаго гонорара. Сотрудничество г. Стасюлевича въ узко-патріотическомъ и консервативномъ органѣ Погодина не было случайнымъ и мимолетнымъ. Кромѣ рецензій, онъ помѣстилъ здѣсь и свою большую статью: „Защита Кимонова мира“, которая имъ была представлена Петербургскому университету *pro venia legendi*.

По представленіи поименованныхъ трудовъ, М. М. Стасюлевичъ былъ избранъ въ 1852 г. въ доценты, а въ 1853 г. въ адъюнкты университета ¹⁾ и до 1856 г. читалъ исторію среднихъ вѣковъ отъ крестовыхъ походовъ до XVI столѣтія. Въ 1856 г. онъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Германіи и Франціи; въ теченіе двухлѣтней командировки онъ посѣтилъ Италію, Францію, Англію и Германію, осматривая музеи искусствъ и древностей и слушая лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Боннѣ и Берлинѣ. Избранный, по возвращеніи изъ-за границы, въ экстраординарные профессора, г. Стасюлевичъ преподавалъ съ 1858 г. до 1861 г. опять исторію среднихъ вѣковъ, излагая въ каждый учебный курсъ одинъ какой нибудь періодъ, причемъ, для ближайшаго ознакомленія слушателей

¹⁾ Съ 1849 г. онъ состоялъ старшимъ учителемъ исторіи въ Ларинской гимназій, гдѣ нѣкогда кончилъ курсъ и куда поступилъ ученикомъ изъ Лугскаго уѣзднаго училища; а съ 1852 г. по 1855 г. преподавалъ исторію въ Патріотическомъ институтѣ въ старшихъ классахъ.

съ жизнью и возрѣніями разсматриваемаго времени, читалъ отрывки изъ сочиненій писателей, служащихъ источниками; кромѣ того, онъ держалъ и курсы спеціальныя, посвящавшіеся разбору источниковъ; такъ, въ 1858—1859 гг. разбиралъ сочиненіе Луптиранда „De legatione Constantinopolitana“; въ 1859—1860 г.—„Ассизы Іерусалимскаго королевства“ и читалъ „Исторію происхожденія англійскаго парламента“. а въ 1860—1861 гг.—очеркъ философско-историческихъ системъ, подъ названіемъ „Исторіоматія въ ея связи съ общимъ развитіемъ цивилизаціи“.

За этотъ періодъ времени (до 1861 г.) имъ былъ напечатанъ рядъ книгъ и статей. изъ коихъ главнѣйшія—„Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ“. „Александръ Авонотихитъ и его время“, „Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Каролинговъ“, „Годичныя акты средневѣковыхъ университетовъ въ связи ихъ съ эпохою Возрожденія“, „О руководствахъ къ студенческой жизни въ средніе вѣка“, „О провинціальномъ бытѣ Франціи въ эпоху Людовика XIV“ и др.

Обширная научно-литературная дѣятельность г. Стасюлевича за десятилѣтіе 1851—1861 гг. создала ему среди товарищей профессоровъ и вообще въ ученомъ мірѣ репутацію солиднаго и трудолюбиваго историка, а лекторство въ аудиторіяхъ сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ и любимымъ среди молодежи. Самъ офиціальный историкъ С.-Петербургскаго университета, г. Григорьевъ, свидѣтельствуешь по настоящему предмету, что „такого знатока и краснорѣчиваго истолкователя среднихъ вѣковъ, какимъ былъ профессоръ Стасюлевичъ, университетъ не видалъ у себя ни прежде, ни послѣ него“. А вотъ въ какихъ воспоминаніяхъ вылился образъ профессора Стасюлевича у одного изъ его бывшихъ слушателей черезъ тридцать почти лѣтъ времени. „Однимъ изъ первыхъ, произведшихъ на меня наиболѣе сильное впечатлѣніе, былъ профессоръ всеобщей исторіи, нынѣ извѣстный дѣятель по народному образованію и редакторъ „Вѣстника Европы“, журнала хорошо извѣстнаго всему образованному обществу, М. М. Стасюлевичъ, читавшій общій курсъ исторіи европейской цивилизаціи и привлекавшій къ себѣ на лекціи особенно много студентовъ и публики“,—говорить г. В. Острогорскій въ книгѣ „Изъ исторіи моего учительства“. Не берусь судить о степени научной цѣнности этихъ лекцій, отдаленныхъ болѣе чѣмъ на тридцать лѣтъ отъ настоящаго времени, но скажу одно, что впечатлѣніе, ими производимое, было очень большое. Это былъ лекторъ-популяризаторъ блестящій, необыкновенно умѣвшій заинтересовать, увлечь, что называется, захватить всю аудиторію такъ, что напряженіе слушателей не ослабѣвало отъ начала лекціи до конца. Люди, слушавшіе лекціи въ Парижѣ, говорили, что манерой, дикціей, ясностью, плавностью и красотой рѣчи, умѣньемъ живо обрисовать эпоху, онъ напоминалъ лекторовъ французовъ. Такъ ли это, не знаю, но, ознакомившись съ Гизо, Тьерри, Мишле, Тэномъ, я нашелъ въ отношеніи формы, манеры между ними и нашимъ профессоромъ много общаго, и думаю, что именно такой лекторъ, какъ М. М. Стасюлевичъ,

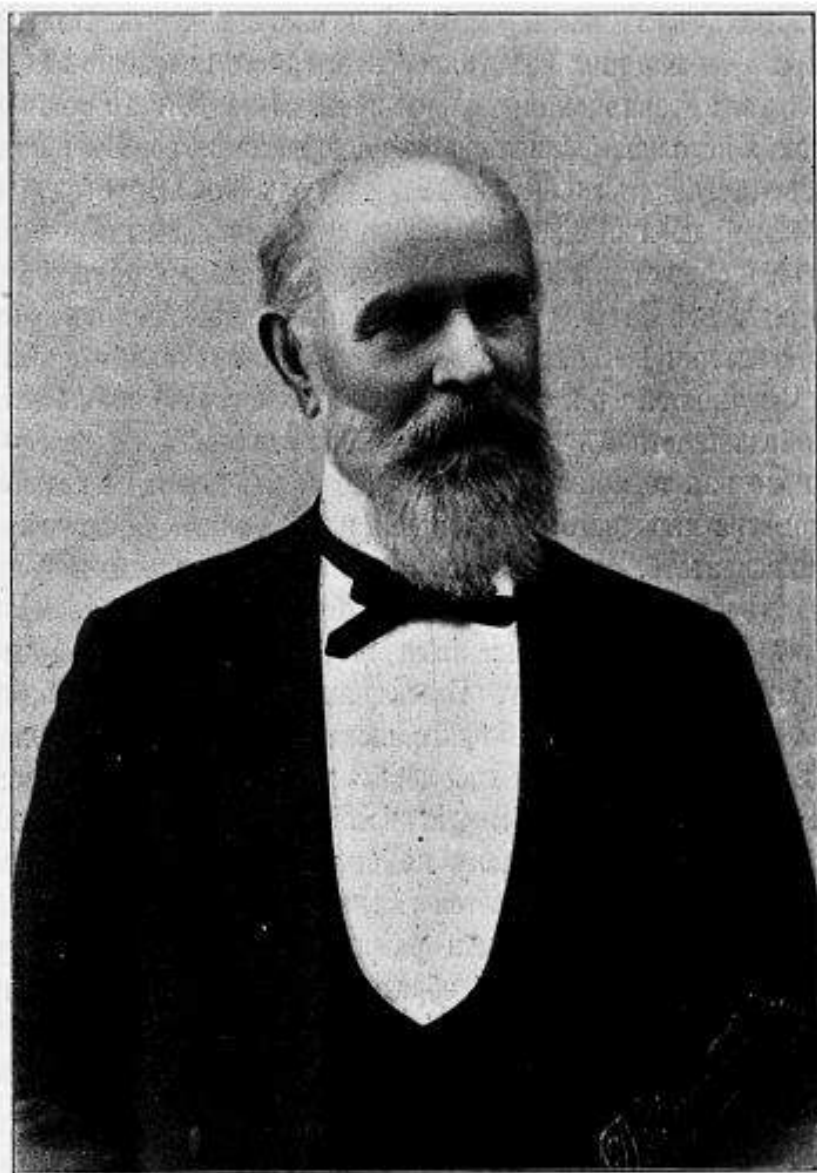
бившій не столько на факты, сколько на обобщенія, освѣщеніе событій, раскрытіе внутренней между ними связи и ихъ смысла, былъ особенно полезенъ для насъ, студентовъ... М. М. Стасюлевичъ впервые указалъ намъ на значеніе исторіи, объяснилъ великое значеніе цивилизаци, показалъ, изъ какихъ элементовъ она въ Европѣ слагалась, выдѣлилъ и поставилъ ярко передъ нами изъ событій важнѣйшія. Онъ первый указалъ на значеніе историческихъ источниковъ и исторической критики и сдѣлалъ ясною дотолѣ неподозрѣваемую нами связь между исторіями разныхъ національностей и всѣмъ человѣчествомъ, идею прогресса и регресса, существованіе и значеніе историческихъ законовъ. Этими своими лекціями онъ, такъ сказать, открылъ намъ историческую Европу, впервые показавъ, что такое настоящая исторія, и обратилъ къ чтенію историческихъ писателей иностранныхъ, какъ Гизо, Тьерри, Мишле, Маколей, Гиббонъ, Бокль, и русскихъ, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Ешевскій. Чтеніе этихъ писателей, по крайней мѣрѣ, у меня было вызвано именно этими лекціями М. М. Стасюлевича, сумѣвшаго соединить простоту и доступность изложенія съ идейнымъ содержаніемъ.“

Кромѣ чтенія обыкновенныхъ лекцій студентамъ, на профессора Стасюлевича было также возложено (1860 г.), совмѣстно съ нѣкоторыми другими товарищами, и руководство кандидатами на приготовленіе къ учительскому званію—12 человѣкъ для здѣшняго округа, 8—для Виленскаго, 5—для Кавказскаго и 5—для Варшавскаго. Точно также ревностное участіе принималъ профессоръ въ устройствѣ публичныхъ лекцій, предназначенныхъ къ пополненію студенческой кассы вспомошествованія; имъ были прочитаны на таковыхъ публичныхъ чтеніяхъ—„О провинціальномъ бытѣ Франціи въ концѣ XVII“ и о „Маркѣ Авреліи“.

Плодотворная научно-педагогическая и литературная дѣятельность г. Стасюлевича, разрастающаяся съ каждымъ годомъ все сильнѣе и пышнѣ, разбилась, однако, о печальную годину студенческихъ безпорядковъ 1861 года. Г. Стасюлевичъ вмѣстѣ съ четырьмя другими товарищами, стремившимися внести въ разыгравшіяся страсти чувство спокойствія, начала любовнаго соглашенія и взаимнаго довольства, не нашелъ для себя наканунѣ введенія новаго устава возможнымъ оставаться въ университетѣ и сохранить профессорское званіе; онъ подалъ, наравнѣ съ своими товарищами-единомышленниками, въ отставку и навсегда распростился съ тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ протекла его золотая молодость и которое такъ тепло привѣтствовало первые годы его общественной дѣятельности. Вспоминая черезъ десять лѣтъ этотъ вынужденный грустный моментъ подачи въ отставку, г. Спасовичъ такъ рисовываетъ его ¹⁾: „Нѣкоторые изъ насъ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее

¹⁾ „Сочиненія“, т. IV.

время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены совѣта сочли съ своей точки зрѣнія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои не менѣе важныя основанія и побужденія помимо... замѣчанія попечителя, напоминавшаго намъ, что слѣ-

М. М. Стасюлевичъ.

дуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыя были однако... отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно было думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: про-

шеніе объ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идей новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали 5 человекъ: К. Е. Кавелинъ, В. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ... Велѣдъ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ“.

Уходъ г. Стасюлевича изъ университета и его поведеніе во время передраги 1861 года ставились ему нашей печатью извѣстнаго пошиба въ тяжкое обвиненіе и истолковывались крайне недобросовѣстно. Въ такомъ именно направленіи особенно рѣзко высказались однажды (въ 1869 году) „Московскія Вѣдомости“, любившія вообще направлять свои громы и молніи противъ литературной и общественной дѣятельности бывшаго петербургскаго профессора. Отвѣчая газетѣ Каткова и разъясняя роль своего товарища во время университетской исторіи 1861 года, В. Д. Спасовичъ на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ писалъ ¹⁾: „Г. Стасюлевичъ во все время шель съ огромнымъ большинствомъ членовъ совѣта. Въ отставку подалъ онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей задолго еще до перемѣны въ главномъ управленіи вѣдомства народнаго просвѣщенія, и когда еще не предвидѣлось время открытія университета. Этотъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ профессоровъ былъ чисто дѣломъ ихъ личныхъ убѣжденій: доказательствомъ того, что онъ не былъ вынужденъ отношеніями къ ихъ начальству, можетъ служить то обстоятельство, что г. Стасюлевичъ и нѣкоторые другіе изъ недавнихъ въ отставку были приглашены новымъ министромъ народнаго просвѣщенія къ участию въ составленіи новаго университетскаго устава, въ который и вошли многія изъ любимыхъ ими идей. Что выходъ г. Стасюлевича въ отставку не былъ результатомъ дурныхъ отношеній къ молодежи, это доказывается тѣмъ, что когда въ началѣ 1862 года бывшей университетской молодежи разрѣшено было устроить публичныя лекціи въ городской думѣ, она обратилась къ г. Стасюлевичу, котораго лекціи были изъ числа всего болѣе посѣщаемыхъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что бывший профессоръ въ первое время ухода изъ университета не разрывалъ окончательно связи съ своей *alma mater* и съ учащеюся молодежью, къ которой онъ такъ гуманно и искренно относился въ тяжелую для него годину бурныхъ тревоженій и взрыва страстей. Продолжалъ онъ также неумоимо и свою научно-литературную дѣятельность, обогащая нашъ книжный рынокъ выпускомъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій. Выпустивъ подъ своей редакціей въ 1861 году переводъ перваго тома „Исторіи цивилизаціи“ Гизо, онъ, будучи уже въ отставкѣ, самъ лично перевелъ два тома „Исторіи Юлія Цезаря“ Наполеона; кромѣ того, напечаталъ три тома составленной

¹⁾ 1869 г., № 214.

имъ „Исторіи среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдователяхъ“ (Спб., 1863—1865), и „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“ (Спб., 1866 г.). Последніе оба труда, по свидѣтельству свѣдущихъ лицъ, были явленіемъ въ нашей литературѣ „совершенно новымъ, какъ по мысли, такъ и по содержанію“. Кромѣ такого рода дѣятельности, г. Стасюлевичъ не оставлялъ совершенно и педагогики: съ 1860 по 1862 г. онъ былъ приглашенъ къ чтенію лекцій покойному цесаревичу Николаю Александровичу; еще ранѣе того, въ 50-хъ годахъ онъ преподавалъ исторію покойному герцогу Лейхтенбергскому, Николаю Максимиліановичу и его старшей сестрѣ великой княжнѣ Маріи (нынѣ принцессѣ Баденской).

1866 годъ былъ годомъ знаменательнымъ въ жизни г. Стасюлевича: ему удалось сплотить своихъ бывшихъ товарищей, покинувшихъ съ нимъ вмѣстѣ университетъ, въ тѣсную литературную группу и основать „Вѣстникъ Европы“, журналъ исторіи, литературы и науки, замѣнившій профессорамъ покинутыя ими кафедры. Въ 1896 году, журналъ этотъ справилъ тридцатилѣтнюю годовщину своего существованія и, будучи однимъ изъ старѣйшихъ нашихъ органовъ ежемѣсячной прессы, исключительно обязанъ своему редактору-издателю тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ исторіи русской періодической печати. „Вѣстникъ Европы“ является журналомъ съ строго выработаннымъ и послѣдовательно проводимымъ направленіемъ, которое, внѣ всякой конкуренціи, ставитъ его во главѣ либеральной нашей печати западнической фракціи. Здѣсь не мѣсто входить въ обстоятельную оцѣнку значенія этого журнала для русской жизни; можно безошибочно сказать, что значеніе это было за послѣднія тридцать лѣтъ немалое, и будущему историку прогрессивныхъ русскихъ теченій второй половины текущаго столѣтія придется почерпнуть изъ внутреннихъ обозрѣній „Вѣстника Европы“ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для уразумѣнія многихъ событій отечественной дѣйствительности. Занимая боевое положеніе въ журналистикѣ, органъ г. Стасюлевича, наравнѣ съ пламенными поклонниками, имѣеть, конечно, немало и недруговъ, но и эти послѣдніе, горячо полемизируя иногда съ представителемъ нашей либеральной журналистики, всегда отдають ему должное за послѣдовательность проводимыхъ имъ въ общество принциповъ, за стойкость убѣжденій и серьезное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ жизни. Составленный за 25 лѣтъ „Указатель“ напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статей лучше всякихъ словъ покажетъ, какого рода цѣнный научно-литературный и публицистическій матеріалъ сосредоточенъ въ многочисленныхъ его томахъ. Одни имена Тургенева, Гончарова, Щедрина, Крестовскаго—псевдонимъ и другихъ—въ отдѣлѣ беллетристики и Костомарова, Пыпина, Спасовича, Веселовскихъ и другихъ—въ отдѣлѣ научномъ ясно обнаруживаютъ, съ кѣмъ велъ свое многолѣтнее знакомство журналъ г. Стасюлевича, и какъ велико его значеніе въ исторіи русской журналистики. Но особенное вниманіе, при обозрѣніи тридцатилѣтней

дѣятельности этого органа, надлежитъ обращать на его „внутреннее обозрѣніе“ и „общественную хроникѣ“, составляющія главную его притягательную общественную силу. Здѣсь, въ этихъ отдѣлахъ, заключается нервъ журнала, отсюда раздается его боевой кличъ и отсюда же направляются во вражескіе станы его полемики и удары. Наиболѣе слабымъ мѣстомъ „Вѣстника Европы“ является его литературная критика и сравнительно малое вниманіе, удѣляемое имъ вопросамъ опытнаго знанія.

Двадцать лѣтъ жизни (1861—1881 г.г.) бывшего профессора ушли почти исключительно на установленіе и упроченіе новаго его дѣтища—журнала, и за это время мы почти не встрѣчаемся съ г. Стасюлевичемъ ни на какой иной ступени общественной лѣстницы. Личная жизнь и характеристика почтеннаго юбиляра, конечно, не можетъ входить въ составъ настоящаго обозрѣнія, хотя, пользуясь имѣющимся въ печати матеріаломъ, нельзя не отмѣтить, что въ 1863 году наше общество чуть было не лишилось этого энергичнаго и просвѣщеннаго дѣятеля. Какъ сообщено было въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1869 г., № 185), г. Стасюлевичъ, въ бытность свою за границею, будучи на водахъ въ Киссингенѣ, услышалъ на берегу р. Сааль громкіе крики о спасеніи. Немедленно онъ взялъ въ сторону и, увидавъ погибающаго въ быстрыхъ водахъ рѣки взрослога парня, скинулъ съ себя верхнее платье и бросился спасать погибающаго. Это самоотверженное дѣйствіе чуть не стоило ему жизни, такъ какъ борьба за спасеніе невѣдомаго юноши произошла въ стремительномъ водоворотѣ, который легко могъ поглотить и спасаемаго и спасающаго.

Съ восьмидесятихъ годовъ мы встрѣчаемся съ г. Стасюлевичемъ въ новой уже роли на новой аренѣ общественной дѣятельности: въ 1881 г. онъ открылъ новую газету „Порядокъ“, которая просуществовала всего съ небольшимъ годъ, и въ томъ же 1881 году онъ становится гласнымъ с.-петербургской думы, непрерывно неся эту обязанность въ теченіе послѣдующихъ 16-ти лѣтъ, принимая на себя самыя разнообразныя должности и исполняя многочисленныя порученія нашего столичнаго самоуправленія. Въ докладѣ городской „коммисіи по народному образованію“ отъ 26-го апрѣля 1897 г., по чьей иниціативѣ и возбужденъ былъ вопросъ о чествованіи полувѣковой дѣятельности г. Стасюлевича, обязанности и порученія, имъ исполненныя, вложены въ слѣдующемъ порядкѣ: онъ былъ членомъ или предсѣдателемъ слѣдующихъ коммисій, въ которыхъ трудъ денежно не вознаграждался, а именно: въ 1882 г. предсѣдателемъ подготовительной коммисіи по составленію соображеній о предстоящемъ въ 1883 г. чествованіи 10-ти-лѣтія со времени введенія въ дѣйствіе городского положенія въ С.-Петербургѣ; въ 1883 г. былъ избранъ въ товарищи городского головы; съ 1883 г. по 1895 годъ состоялъ непрерывно гласнымъ отъ города въ губернскомъ земскомъ собраніи; съ 1883 по 1895 г. членомъ кандидатской коммисіи; въ 1883 г.—предсѣдателемъ коммисіи для соглашенія съ правленіемъ общества с.-петербургскихъ водопроводчиковъ въ 8-ми незарѣчныхъ частяхъ города относи-

тельно улучшенія водоснабженія; съ 21-го марта 1884 г.—непрерывно находился въ составѣ комиссiи по народному образованію; съ 1884 г. непрерывно до 1895 г. членомъ комиссiи по назначенію въ разныя учебныя заведенія городскихъ стипендіатовъ и по завѣдыванію призраемъ сиротъ; въ 1884 г. избранъ первымъ предсѣдателемъ вновь учрежденной финансовой комиссiи, въ которой затѣмъ, съ 1886 г. по 1894 г., принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ члена ея; въ 1886 г.—предсѣдателемъ комиссiи по надзору за водоснабженіемъ; въ 1884 г.—предсѣдателемъ комиссiи по организаци и реформѣ выборовъ въ гласныя городской думы; въ 1886 г.—представителемъ отъ города въ особое совѣщаніе при главномъ тюремномъ управленіи, для обсужденія вопроса о передачѣ призраемъ нищихъ въ городѣ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія; съ 1887 г.—непрерывно почетнымъ мировымъ судьей; въ 1887 г. избранъ представителемъ отъ города въ особое совѣщаніе при градоначальствѣ для разсмотрѣнія новаго устава общества водопроводовъ; въ 1888 г.—для составленія проекта правилъ о порядкѣ выборовъ въ гласныя; въ 1888 г.—предсѣдателемъ комиссiи по составленію проекта нормальныхъ штатовъ служащихъ въ городскомъ общественномъ управленіи по найму; съ 21-го февраля 1890 г.—непрерывно предсѣдателемъ комиссiи по народному образованію; съ того же времени—непрерывно членомъ городского училищнаго совѣта; въ 1891 г.—членомъ комиссiи по изслѣдованію дѣла о закупкѣ муки; съ 1892 г.—непрерывно почетнымъ смотрителемъ городского училища при учительскомъ институтѣ; въ 1892 г.—членомъ комиссiи по разсмотрѣнію вопроса о числѣ мировыхъ участковъ с.-петербургскаго столичнаго мирового округа; съ 1892 г.—представителемъ отъ городского общественнаго управленія въ Высочайше утвержденную комиссію для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о призраемъ бѣдныхъ и объ устройствѣ благотворительныхъ учреждений; въ 1894 г. избранъ въ особое присутствіе городской думы для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся постройки Троицкаго моста; въ 1895 г.—членомъ комиссiи по выясненію причинъ бывшихъ двукратно пріостановокъ водоснабженія города; съ 1895 г.—въ составѣ попечительства пріюта колоніи, въ память императора Александра III; въ 1895 г.—предсѣдателемъ комиссiи для разсмотрѣнія вопроса относительно того, подлежитъ ли, за передачею по Высочайшему повелѣнію изданія „Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства и Полиціи“ въ хозяйственное завѣдываніе с.-петербургскаго градоначальника, продолжать отпускъ изъ городскихъ средствъ 9.600 р. на содержаніе редакціи „Вѣдомостей“; съ 1893 г.—предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ городской думы при разрѣшеніи дѣлъ по 120 ст. городского положенія; въ 1896 г.—предсѣдателемъ комиссiи по вопросу объ увеличеніи первоначальнаго содержанія мировымъ судьямъ; въ 1896 г.—предсѣдателемъ комиссiи по составленію проекта отвѣта по дѣлу объ усиленіи состава и средствъ с.-петербургскаго градоначальства и полиціи.

Изъ приведенной справки видно, что г. Стасюлевичъ работаетъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и неутомимостью на пользу города, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ сколько нибудь выдающихся дѣлахъ городского общественаго управленія. Отношеніе его къ принятымъ на себя обязанностямъ ясно видно изъ его же словъ въ рѣчи, сказанной имъ въ засѣданіи городской думы 28-го октября 1883 г., по поводу его отказа баллотироваться вторично въ товарищи городского головы: „Никто изъ гласныхъ не можетъ и не долженъ уклоняться отъ суда своихъ товарищей если онъ принять ими къ отправленію городской и общественной должности, безъ указанія такихъ причинъ и мотивовъ, которые могли бы быть признаны вѣскими и вполне уважительными“. Въ заключеніе же своего мотивированнаго уважительными причинами отказа отъ принятія кандидатуры на должность товарища городского головы, г. Стасюлевичъ обратился къ думѣ съ словами: „Прошу принять увѣреніе въ томъ, что ничто не можетъ уменьшить моего усердія къ дѣлу городского общественаго управленія, не умалить преданности къ пользамъ города, какъ онѣ понимались думою. Я всегда буду сохранять готовность къ исполненію всякаго порученія, если бы думѣ угодно было меня почтить тѣмъ, и постараюсь, состоя на службѣ городу, исполнять и впредь всякое городское дѣло съ тщаніемъ, по мѣрѣ моего разумѣнія и силъ“. („Изв. Гор. Думы“ 1883 г., № 39, стр. 2757).

Но изъ всей разносторонней своей общественной дѣятельности г. Стасюлевичъ съ особенной любовью относится къ училищному дѣлу, которому послѣдніе четыре года почти исключительно отдавался, отказываясь отъ выбора во всѣ другія исполнительныя комиссіи и отчасти и въ подготовительныя. Состоя председателемъ комиссіи съ 21 февраля 1890 г., онъ съ неослабѣвающей энергіею ходатайствовалъ ежегодно у городской думы объ увеличеніи числа училищъ, дошедшихъ въ 1897 году до 376 классовъ (въ 1890 г.—262 уч.). По его инициативѣ, комиссія въ послѣдніе два года приступила къ организаціи новаго типа училищъ многоклассныхъ, представляющихъ весьма значительныя выгоды въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; по предложенію же Стасюлевича произведено въ порядкѣ завѣдыванія училищами распредѣленіе ихъ, по числу членовъ комиссіи, на ясно и точно очерченныя школьныя участки, съ образованіемъ участковаго хозяйственнаго управленія этими училищами. Г. Стасюлевичу весьма многимъ обязана богатая центральная бібліотека для учащихся при комиссіи, которою онъ завѣдывалъ и руководилъ съ 1885 г. по 1894 годъ, жертвуя ежегодно въ эту бібліотеку книгъ на сумму до 400 р. Число воскресныхъ школъ съ 1890 г. съ восьми возросло въ текущемъ году до 20-ти. Много труда положено также имъ и на созданіе средствъ къ предоставленію учащимся, окончивающимъ курсъ начальной школы, къ продолженію и довершенію этого курса: а) учрежденіемъ городскихъ стипендій въ 4-хъ классномъ, по положенію 1872 года, училищѣ при учительскомъ институтѣ, при которомъ Ми-

ханлъ Матвѣевичъ съ 1890 года и состоитъ непрерывно почетнымъ смотрителемъ; б) исходатайствованіемъ у городской думы субсидій частному 4-хъ-классному женскому училищу Е. П. Богдановой-Муравьевой; в) ассигнованіемъ кредита на содержаніе свято-троицкаго женскаго двухкласснаго приходскаго училища, и, наконецъ, М. М. Стасюлевичъ убѣдилъ городскую думу выразить единогласно полное сочувствіе къ учрежденію на городскія средства четырехкласснаго училища, по полож. 1872 г., имени императрицы Екатерины II.

Къ числу трудовъ комиссій, въ которыхъ личное участіе г. Стасюлевича наиболѣе проявилось, должно быть отнесено дѣло постройки городскихъ училищныхъ домовъ: вскорѣ по принятіи на себя обязанностей предсѣдателя комиссій по народному образованію, имъ былъ составленъ по сему дѣлу обширный докладъ, за разсмотрѣніе и принятіе котораго неотступно долго и упорно ратовалъ составитель, наконецъ достигшій того, что въ 1896 году былъ ассигнованъ кредитъ въ 150.000 р. на постройку на Васильевскомъ островѣ перваго городского дома для училища на 600 дѣтей обоюго пола, съ 12 классами ¹⁾. Онъ принималъ самое дѣятельное непосредственное участіе въ постройкѣ училищныхъ домовъ С. П. Воткина и М. Г. Петрова.

Приведенный послужной, такъ сказать, списокъ г. Стасюлевича ставитъ высоко дѣятельность бывшаго профессора на пользу развитія столичнаго городского самоуправленія вообще и дѣла народнаго просвѣщенія въ частности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что здѣшняя городская дума, не отличающаяся обиліемъ въ ней преданныхъ исключительно общественнымъ интересамъ лицъ, съ чрезвычайнымъ почтеніемъ относится къ г. Стасюлевичу, чьи мнѣнія и сужденія стоятъ всегда внѣ всякихъ мелкихъ партійныхъ дразгъ и интересовъ. Если вспомнить хорошенько все, происходившее въ стѣнахъ нашей думы за послѣднія 15 лѣтъ, всѣ тѣ скандалы и всю неурядицу, наложившія не малую тѣнь на имена многихъ „отцовъ города“, то становится яснымъ, почему вокругъ имени редактора „Вѣстника Европы“ различныя фракціи, партіи и направленія смыкаются въ общемъ согласіи, и передъ нимъ смолкаетъ слово зависти, сплетни и хулы. Онъ сохранилъ свое имя безупречно чистымъ, несмотря на то, что ему неоднократно по роду службы приходилось соприкасаться съ такими элементами, которые не могли похвалиться не только голубиною непорочною, но и какими либо общественными заслугами.

Высоко цѣня заслуги трудолюбиваго и полезнаго гласнаго и дѣятеля по народному просвѣщенію, городская управа согласилась со сдѣланнымъ ей „комиссіею по народному просвѣщенію“ докладомъ объ ознаменованіи 50-ти-лѣтняго его общественнаго служенія и постановила 1) разрѣшить съ августа мѣсяца 1897 года сверхсмѣтный кредитъ на открытіе трехъ новыхъ училищъ или классовъ, которые должны служить памятникомъ

¹⁾ Было открыто въ сентябрѣ 1897 г.

плодотворной дѣятельности М. М. Стасюлевича, съ посвященіемъ ихъ его имени, ассигновать на этотъ предметъ общей суммы на 1897 годъ до 6.500 р. (по разчету 3.000 р. на первоначальное обзаведеніе и около 3.500 р. на полугодовое содержаніе училищъ въ Адмиралтейской части города) и 2) учредить городскія стипендіи въ мѣстахъ, гдѣ М. М. Стасюлевичъ окончилъ курсъ ученія: въ Ларинской гимназій и въ университетѣ, а также и на высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ, въ которыхъ получаетъ образованіе главный контингентъ учащихся городскихъ начальныхъ училищъ, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 1.000 р., съ предоставленіемъ лично юбиляру права назначенія стипендіатовъ, а по выбытіи его изъ училищной комиссіи—сей послѣдней.

Такое постановленіе нашего городского самоуправления и инициатива въ этомъ дѣлѣ „комиссіи“ дѣлаютъ честь тому и другому общественнымъ учрежденіямъ. Основаніе учебныхъ заведеній и стипендій имени достойнаго юбиляра, положившаго въ теченіе полвѣка столько силъ на дѣло просвѣщенія родной земли, будетъ несомнѣнно лучшею наградою его трудамъ и начинаніямъ. Неумоимо работать въ опредѣленномъ направленіи и на избранномъ поприщѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ жизни, сохранить до глубокаго возраста святой пылъ души и ясность мысли, уберечь отъ пыли и тѣни свое чистое имя—удѣлъ, который достался немногимъ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ. Вотъ почему постановленіе петербургскаго городского управленія по адресу человѣка, состоящаго столько времени „на дѣйствительной службѣ“ родной землѣ, встрѣчено, безъ различія симпатій и направленій, всѣми, какъ дѣло имъ волинѣ заслуженное и достойно вѣнчающее его многолѣтніе труды.

Главнѣйшія замѣченныя опечатки.

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
17	16 снизу	манifestанціи	манifestаціи
33	4 "	matrmis	matris
40	11 "	докториной	доктрины
56	17 сверху	Фрицбурга	Фрибурга
78	16 снизу	знаній	званій
79	21 "	трердитъ	твердитъ
107	17 сверху	низмѣнное	неизмѣнное
117	20 "	докториной	доктриной
123	5 и 6 сверху	vorte (3 раза)	voire
"	7	garantie	garantit
128	1 снизу	избытѣ	избыткѣ
163	11 сверху	eggange	aggange
181	17 "	съ сердцѣ	въ сердцѣ
228	2 снизу	фонада	фонда
251	31 сверху	роженцамъ	роженницамъ
277	20 снизу	судбсидією	субсидією
291	10 сверху	особу	особую
304	12 "	крючковъ	крючкомъ
318	13 "	полимагическихъ	полигамическихъ
320	1 снизу	въ себѣ	къ себѣ
380	7 сверху	то	тотъ
386	14 снизу	образомъ	образомъ
393	18 "	Маркса	Макса
410	15 "	mauvais	mauvais
"	" "	jeux	jeu
441	8 "	прокрустовой	прокустовой
442	5 сверху	неменуемо	неминуемо
445	13 снизу	родинѣ	родины
457	12 сверху	комнѣтъ	комнатѣ
515	18 "	Острабрамской	Остробрамской
520	13 снизу	нечего	ничего

Того-же автора.

-
1. Орестъ Федоровичъ Миллеръ. Біографическій очеркъ — р. 75 к.
 2. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина — „ 50 „
 3. Русское судебное краснорѣчіе — „ 60 „
 4. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованіе его памяти. Съ пятью иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго журнала „Поѣздки въ Москву“ — „ 75
 5. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки съ тридцатью однимъ портретомъ и девятью иллюстраціями 1 „ 25 „

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
Товарищества Художественной Печати,
Казанская, № 24.**